АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М. В. ЛОМОНОСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1959 · ЛЕНИНГРАД

Библиотека "Руниверс"

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М. В. ЛОМОНОСОВ

ТОМ ВОСЬМОЙ

ПОЭЗИЯ
ОРАТОРСКАЯ ПРОЗА
НАДПИСИ

1732 — 1764 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1959 · ЛЕНИНГРАД

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПОЭЗИЯ
ОРАТОРСКАЯ ПРОЗА
НАДПИСИ

1732—1764 гг.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

1734

1

СТИХИ НА ТУЯСОК][a 1]

Услышали мухи
Медовыя духи,
Прилетевши, сели,
В радости запели.
Егда[6] стали ясти,
Попали в напасти,
Увязли бо ноги.
Ах! — плачут убоги, —
Меду полизали,
А сами пропали.

---

[a] *В публикации Озерецковского заглавие напечатано под стихами, а в публикации Смирнова оно отсутствует.*

[6] *В публикации Смирнова* Едва.

Библиотека "Руниверс"

1738

2

ОДА, КОТОРУЮ СОЧИНИЛ ГОСПОДИН ФРАНЦИСК ДЕ САЛИНЬЯК ДЕ ЛЯ МОТТА ФЕНЕЛОН, АРХИЕПИСКОП ДЮК КАМБРЕЙСКИЙ, СВЯЩЕННЫЯ РИМСКИЯ ИМПЕРИИ ПРИНЦ

1

Горы, толь что дерзновенно
Взносите верьхи к звездам,
Льдом покрыты беспременно,
Нерушим столп небесам,
Вашими под сединами
Рву цветы над облаками,
Чем пестрит вас взор весны.
Тучи, подо мной гремящы,
Слышу и дожди шумящы,
Как ручьев падучих тьмы.[1]

2

Вы горам Фракийским равны,
Клал одну что на другу
Исполин, отвагой славный,
Чтоб взотти небес к верьху.[2]
Зрю на вас, поля широки,

Библиотека "Руниверс"

Где с уступами высоки
Горы выше облаков
Гордыя главы вздымают,
Бурей ярость посрамляют
Всех бунтующих ветров.

3

Как на сих горах червленой
Начинает вид зари
Сыпать по траве зеленой
Злато, искры и огни,
Скачют на лугах ягнята,
То, где лыва[3] кустовата
По истокам вдоль ростёт,
Зе́фир древ верьхи качает,
С пастухами призывает
Спать стада при шуме вод.

4

Но с пригожством на угрюмой
Нет тово на сей земли,
Что б я зрил очми и думой
Бреги как моей реки,
Тихим током орошенны,
Где не смеют устремленны
Ветры волн когда взбудить,
Где всегда погода ясна,
С осенью весна прекрасна
Не пускают зиму жить.

5

Пу́стыня, где быстриною
Стрёж[4] моей реки шумит

Библиотека "Руниверс"

Чистой только лиш водою,
Спешно пенючись, бежит;
Где два острова прекрасны,
Как щастливы ветьвми рясны,
Зраку могут радость дать,
Серце каковой желает,
Лира что моя незнает
Песнь тебе Богов вспевать!

6

Ветр от Запада приятно
В наших веет тих лесах
И волнует многократно
Желты класы на полях,
Полнит чем Цереса[5] гумна.
Сила Бакхусова шумна
Обагряет виноград,
Со пригоров, что высоки,
Многи льёт вина потоки,
На поля те в низ бежат.

7

За полями, где уж спеет
Дар Цересы золотой,
Гор порядок[6] чють синеет,
Долы скрыты далиной;[7]
Дивны этих все фигуры —
Только лиш игра натуры.
При своих брегах канал
Так, как зерькало правдиво,
Горизонт являет живо
Чистой тот в себе кристал.

Библиотека "Руниверс"

8

Вдруг с осенними плодами
Сладок дух дает весна,
Тьмою виноград кистями
Красит, увенчав себя.
Тут луга, реке приятны,
В островах, цветами знатны,
Делают различны рвы;
Тихо идут те здесь спящы,
Скоро там текут шумящы,
Мочат злачныя ковры.

9

На Фиялках и Былинках
С пляской Пастухи поют
И играют на волынках,
Посвистом флейт воздух бьют;[8]
Ваш серца тон услаждает,
Птицы, скуку прогоняет,
Звонок в роще сей густой.
Горлицы со голубями,
Жалкими[9] вы голосами
Восхищаете дух мой.

10

Мяхкой вместо мне перины
Нежна, зелена трава;
Сладкой думой бес кручины
Веселится голова.
Сей забавой наслаждаюсь,
Нектарем сим упиваюсь,
Боги в том завидят мне;
Лжы, что при Дворах частыя,

Библиотека "Руниверс"

Вы, как сны мои, пустыя,
Вас приятне только те.

11

Грозных тучь неопасаюсь,
Гордость что владык разят,
Под листами покрываюсь —
Те всегда меня хранят.
Что бы жить мне здесь начати,
И бес книги почерьпати
Саму Истину могу.
А потом мне повесть знатна
Пишет, Басня и приятна
В память умну Старину.[10]

12

Был из Еллинов мудрейший
Лжывыя фортуны смех,
В портах разумом острейший,
В бурях непужливый всех,
Пылких вихрей победитель,
Отчизны своей любитель,
Роскошей чюжался сей.[11]
О мои коль могут кусты,
Хладны, тихи, дать, и густы,
Похоти предел моей.

13

Здесь, при Музах, во щастливой
Слатко тишине живу,
От войны всегда бурливой
Молча весел недрожу.

Библиотека "Руниверс"

Серце радостно при лире,
Нежелая чести в мире,
Щастье лиш свое поет.
Прочь, фортуна, прочь, спесива,
И твоя вся милость лжива,
Нивочто вменяю свет.

14

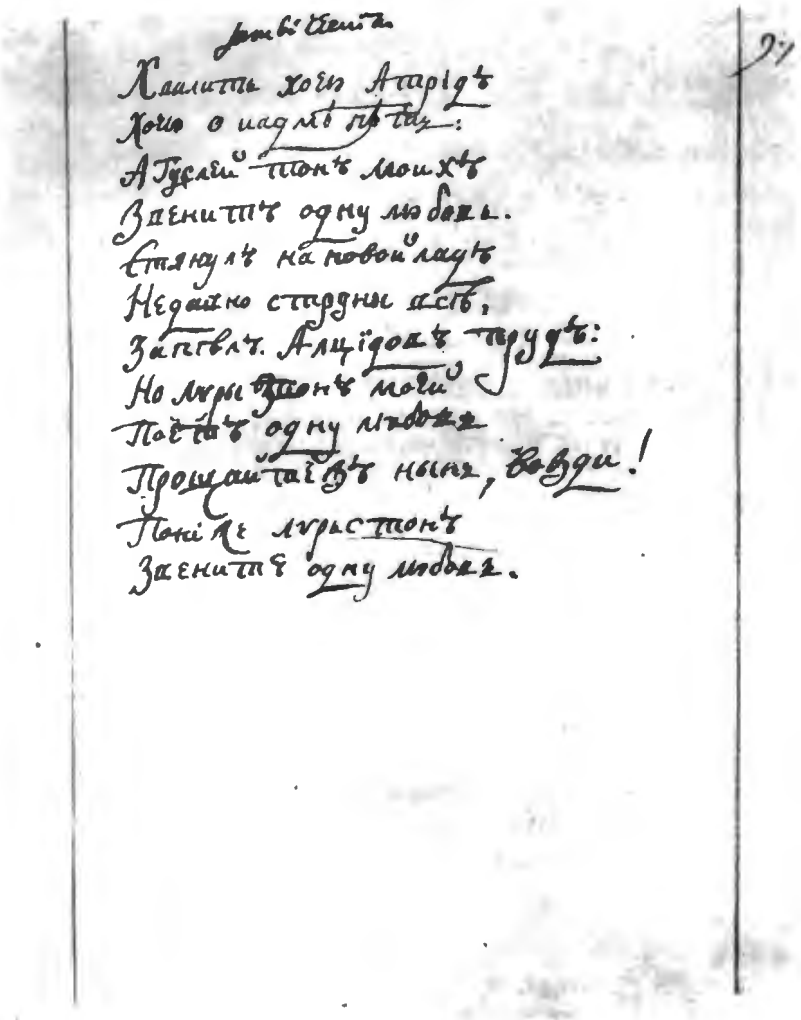
Гдеб мне толь забавно было,
Места я сыскать немог,
Мысль мою б так взвеселило,
Сей земли как уголок.
Парка жизнь мою скончает
Мирно здесь и увенчает.
День последней допрядёт;
Прах мой будет почивати.
Тирс,[12] любви чтоб долг воздати,
Надо мной слез ток прольёт.

Библиотека "Руниверс"

3

Хвалить хочю Атрид,
Хочю о кадме петь,
А Гуслей тон моих
Звенит одну любовь.
Стянул на новой лад
Недавно струны все,
Запел Алцидов труд,
Но лиры звон моей
Поет одну любовь.
Прощайтеж нынь, вожди,
Понеже лиры тон
Звенит одну любовь.

Библиотека "Руниверс"



Рукопись стихотворения «Хвалить хочю Атрид...» (1738)
Центральный государственный архив древних актов

Библиотека "Руниверс"

1739

4

ОДА БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ ИОАННОВНЕ НА ПОБЕДУ НАД ТУРКАМИ И ТАТАРАМИ И НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА 1739 ГОДА

1

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой,
Где ветр в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключь молчит,
Которой завсегда журчит [а]
И с шумом в низ с холмов стремится.[б]
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.[в, 1]

[а] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765*

Что меж травой в лугу журчит.

[б] *Рит рук 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рит. 1765*

И в низ с холмов шумя стремится.

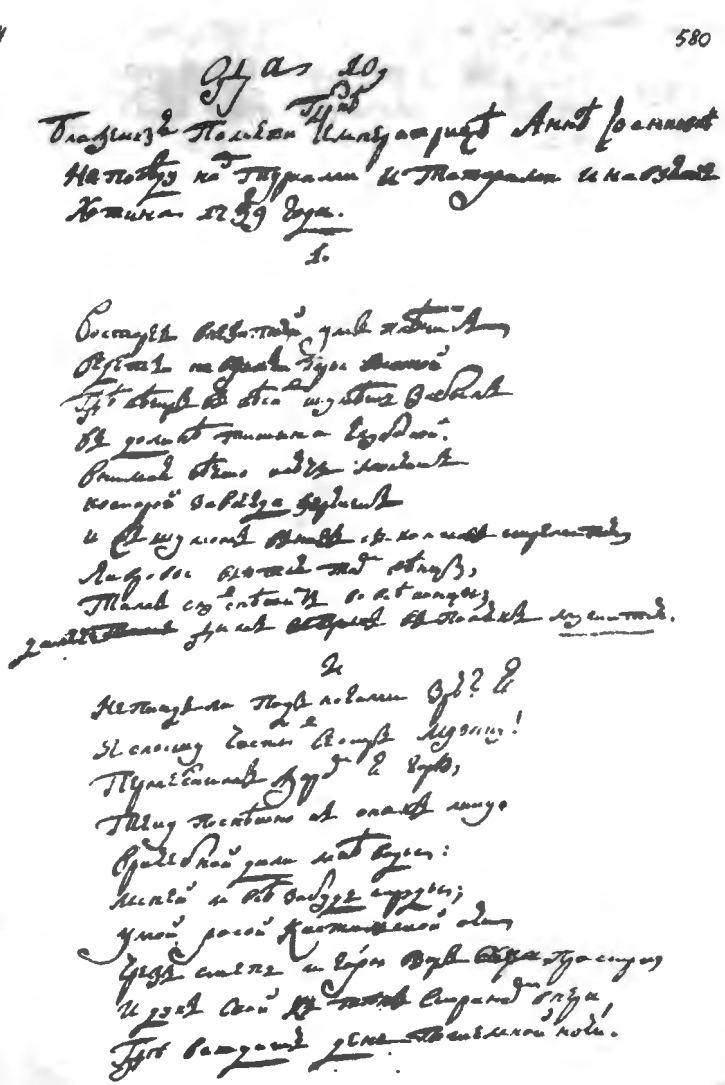
Соч. 1759

И с холмов в низ шумя стремится.

[в] *Рук. 1751*

Далече ‹там› дым ‹и прах› в полях мутится.

Библиотека "Руниверс"



Первая страница рукописи Оды на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года

Собственноручный подлинник (1751)
Архив Академии наук СССР

Библиотека "Руниверс"

2

Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр Музыку!
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастильской[г] очи.
Чрез степь и горы взор простри[д]
И дух свой к тем странам впери,
Где всходит день по темной ночи.

3

Корабль как ярых волн среди,
Которыя хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верьхи,
Претит с пути себя склонити,
Седая пена вкруг шумит,
В пучине след его горит, —
К Российской силе так стремятся,
Кругом объехав, тьмы Татар;[2]
Скрывает небо конской пар!
Чтож в том? Стремглав без душ валятся.

4

Крепит отечества любовь
Сынов Российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грознаго бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,

[г] *Так в Рук. 1751 и в обоих прижизненных изданиях.*
[д] *Рук. 1751*
Чрез степь и горы взор ‹впери› простри.

Библиотека "Руниверс"

Что кажут острых яд зубов,[е]
Очей горящих гонит страхом?
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит извившись сильным махом.

5

Не медь ли в чреве Этны ржет[ж]
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?
То род отверженной рабы,[3]
В горах огнем наполнив рвы,
Металл и пламень в дол бросает,
Где в труд избранный наш народ
Среди врагов, среди болот[з]
Чрез быстрой ток на огнь дерзает.[4]

6[и]

За холмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь,[5]

[е] *Рук 1751 вместо стихов 33—36*

В сердцах кипит волнуясь кровь;
Растет от грозна бодрость ‹слуху› звуку.
Не лев ли алчущих волков
Что кажут ‹с пеной› острых яд зубов

[ж] *Рук. 1751, Соч. 1751*

Не медь ли в чреве Етны ржет

[з] *Рук. 1751*

Среди врагов, среди ‹валов› болот.

[и] *Рук. 1751 строфы 6 и 7 переставлены.*

Библиотека "Руниверс"

Что камни с берегов здирает;
Но чтоб орлов здержать полет,
Таких препон на свете нет.[й]
Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухия степи — равен путь.
Где только ветры могут дуть,
Доступят там полки орлины.[к]

7

Пускай земля, как Понт, трясет,
Пускай везде громады стонут,[л]
Премрачный дым покроет свет,
В крови Молдавски горы тонут;[м]
Но вам не может то вредить,
О Россы, вас сам рок покрыть[н]
Желает для щастливой Анны.
Уже ваш к Ней усердный жар

[й] *Рит. 1744 вместо стихов 53—56*

За Тигр своих, Стамбул, заграбь.
Что камни со брегов смывает.
Претить немогут огнь, вода.
Орлица как парит туда.[6]

[к] *Рук. 1751, Соч. 1751*

Проступят там полки орлины

[л] *Рит. 1744*

Пускай бурливы вихри стонут.

[м] *Рук 1751 вместо стихов 62—64*

‹Пусть пламенны› Пускай везде громады стонут,
И мрачной дым покроет свет
В крови ‹гор[ы]› Молдавски горы тонут

[н] *Рит 1744*

Вас рок желает сам покрыть.[7]

Библиотека "Руниверс"

Быстро́ проходит сквозь Татар,
И путь отворен вам пространный.°

8

Скрывает лучь свой в волны день.
Оставив бой ночным пожарам;[8]
Мурза упал на долгу тень;
Взят купно свет и дух Татарам.
Из лыв[9] густых выходит волк[п]
На бледный труп в Турецкий полк[р]
Иной, в последни видя зо́рю:
«Закрой, — кричит, — багряной вид
И купно с ним Магметов стыд,[10]
Спустись поспешно с солнцем к морю».

9

Что так теснит боязнь мой дух?
Хладнеют жилы, сердце ноет!
Что бьет за странной шум в мой слух?
Пустыня, лес и воздух воет!
В пещеру скрыл свирепство зверь:
Небесная отверзлась дверь;
Над войском облак вдруг развился;

° *Рук 1751 вместо стихов 68—70*

Уже как рощу, в зной зажженну,
Терзает огнь турецкий стан.
Теперь, о гордый Бусорман,
Излей свой гнев, тревожь вселенну!

причем первоначальное Как рощу в знойной день зажженну *переправлено на* Уже как рощу, в зной зажженну.

п *Рук. 1751*

Из ‹лыв густ[ых]› ‹рощь› лыв густых выходит волк

р *Рук. 1751*

На бледный труп в Срацинский полк

Библиотека "Руниверс"

Блеснул горящим вдруг лицем,
Умытым кровию мечем
Гоня врагов, Герой открылся.[11]

10

Не сей ли при Донских струях
Рассыпал вредны Россам стены?[12]
И Персы в жаждущих степях
Не сим ли пали пораженны?[с, 13]
Он так к своим взирал врагам,
Как к Готским приплывал брегам,[т, 14]
Так сильну возносил десницу;[у]
Так быстрой конь Его скакал,
Когда Он те поля топтал,
Где зрим всходящу к нам денницу.[15]

11

Кругом Его из облаков
Гремящие перуны блещут,

[с] *Рук. 1751 вместо стихов 93—94*

‹В Иранских› жаждущих степях
‹Не сим ли персы› низложенны?

затем

‹Не сим ли› в жаждущих степях
‹Не сим ли персы› низложенны?

окончательно

И персы в жаждущих степях
Не сим ли пали низложенны?

[т] *Рук. 1751, Соч. 1751*

Как к Готфским приплывал брегам.

[у] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748 вместо стихов 95—97*

Он так взирал к врагам лицом,
Он так бросал за Бедт свой гром,
Он сильну так взносил десницу.[16]

Библиотека "Руниверс"

И, чувствуя приход Петров,
Дубравы и поля трепещут.
Кто с ним толь грозно зрит на юг,
Одеян страшным громом вкруг?
Никак Смиритель стран Казанских?
Каспийски воды, Сей при вас
Селима гордаго потряс,[17]
Наполнил степь голов поганских.

12

Герою молвил тут Герой:
«Нетщетно я с тобой трудился,
Нетщетен подвиг мой и твой,
Чтоб Россов целой свет страшился.
Чрез нас предел наш стал широк
На север, запад и восток.
На юге Анна торжествует,
Покрыв своих победой сей».[Ф]
Свилася мгла, Герои в ней;
Не зрит их око, слух нечует.

13

Крутит река Татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смея в бой пуститься вновь,[х]
Местами враг бежит пустыми,
Забыв и мечь,[18] и стан, и стыд,
И представляет страшный вид

[Ф] *Рук. 1751*
Покрыв его победой сей.

[х] *Рук. 1751*
Не смея в бой вступить уж вновь.

Библиотека "Руниверс"

В крови другов своих лежащих.
Уже, тряхнувшись, легкий лист
Страшит его, как ярый свист
Быстро сквозь воздух ядр летящих

14

Шумит с ручьями бор и дол:
«Победа, Росская победа!»
Но враг, что от меча ушол,
Боится собственнаго следа.[ц]
Тогда, увидев бег своих,
Луна[19] стыдилась сраму их
И в мрак лице зардевшись скрыла
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях трубой.
Коль Росская ужасна сила.

15

Вливаясь в Понт, Дунай ревет
И Россов плеску отвещает;
Ярясь волнами Турка льет,
Что стыд свой за него скрывает.
Он рыщет, как пронзенный зверь,
И чает, что уже теперь[ч]
В последней раз заносит ногу.
И что земля его носить

[ц] *Рук. 1751*

‹И своего› боится собственнаго следа

[ч] *Рук. 1751*

Он ‹скачет› рыщет как пронзенной зверь
И ‹мнит› чает, что ‹он› уже теперь.

Библиотека "Руниверс"

Не хочет, что не мог покрыть.
Смущает мрак и страх дорогу.[ш]

16

Где ныне похвальба твоя?
Где дерзость? Где в бою упорство?
Где злость на северны края?
Стамбул, где наших войск презорство? [21]
Ты лишь своим велел ступить,
Нас тот час чаял победить;
Яны́чар твой свирепо злился,
Как Тигр на Росский полк скакал
Но что? Внезапно мертв упал,[щ]
В крови своей пронзен залился.[22]

17

Целуйте ногу ту в слезах,
Что вас, Агаряне,[23] попрала,
Целуйте руку, что вам страх

[ш] *Рит. 1744 вместо стихов 142—150*

Отзывкой плеску шум прибавил.
Сердясь волнами Турка льет,
Что смелость, нрав, шатер оставил
Агарян ноги в выстрел всяк .
Дрожат, себе являя знак,
В последни что бежа ступают.
Земля нехочет их носить,
От нас незнали, что покрыть;
Верьхи свои древа качают.[20]

Рук 1751 вместо стихов 149—150

Не хочет, что не мог закрыть.
Скрывает мрак и страх дорогу.

[щ] *Рук 1751 вместо стихов 158—159*

Как Тигр на Росский полк ‹упал› скакал.
Но что? ‹Без пам[яти]› Внезапно мертв упал

Библиотека "Руниверс"

Мечем кровавым показала.
Великой Анны грозной взор
Отраду дать просящим скор;
По страшной туче воссияет,
К себе повинность вашу зря,
К своим любовию горя,
Вам казнь и милость обещает.

18

Златой уже десницы перст[ъ]
Завесу света вскрыл с звездами;
От востока скачет посту верст,[ы]
Пуская искры конь ноздрями.
Лицем сияет Феб на том.
Он пламенным потряс верхом,[ъ]
Преславно дело зря, дивится:[а]
«Я мало таковых видал
Побед, коль долго я блистал,
Коль долго круг веков катится».

19

Как в клуб змия себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,

[ъ] *Рит. 1744*
Уже златой денницы перст.

Соч. 1751
Златой уже денницы перст.

[ы] *Рит. 1744*
С востока скачет по сту верст.

[ъ] *Рук. 1751*
Он пламенным ‹тряхнув› потряс верхом

[а] *Рит. 1744 вместо стихов 176—177*
Он, пламенным встряхнув верьхом,
Преславну видя вещь, дивится.

Библиотека "Руниверс"

Орел когда шумя летит
И там парит, где ветр не воет;
Превыше молний, бурь, снегов
Зверей он видит, рыб, гадóв, —
Пред Росской так дрожит Орлицей,
Стесняет внутрь Хотин своих.[24]
Но что? В стенах ли может сих
Пред сильной устоять Царицей?

20

Кто скоро толь тебя, Калчак,[25]
Учит Российской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак[26]
И большей избежать напасти?
Правдивой Аннин гнев велит,
Что падших перед ней щадит.
Ея взошли и там оливы,
Где Вислы ток, где славный Рен,[27]
Мечем противник где смирен,
Извергли дух серца кичливы.

21

О как красуются места,
Что иго лютое зброси́ли
И что на Турках тягота,
Которую от них носили;
И варварския руки те,[ю]
Что их держали в тесноте,
В полон уже́ несут оковы;
Что ноги узами звучат,
Которы для отгнанья стад
Чужи поля топтать готовы.

[ю] *Рук. 1751*
И ‹что свирепы› варварския руки те.

Библиотека "Руниверс"

22

Не вся твоя тут, Порта, казнь,
Не так тебя смирять достойно,
Но большу нанести боязнь,
Что жить нам недала спокойно.
Еще высоких мыслей страсть
Претит тебе пред Анной пасть?
Где можешь ты от ней укрыться?
Дамаск, Каир, Алепп згорит,[а]
Обставят Росским флотом Крит;[29]
Евфрат в твоей крови смутится.

23

Чинит премену что во всем?
Что очи блеском проницает? [а]
Чистейшим с неба что лучем
И дневну ясность превышает?
Героев слышу весел клик!
Одеян в славу Аннин лик
Над звездны вечность взносит круги.
И правда, взяв перо злато,[б]
В нетленной книге пишет то,
Велики коль Ея заслуги.

[а] *Рит. 1744 вместо стихов 215—218*

Еще упрямства борет страсть?
Не хочешь ниц пред Анной пасть?
Не хочешь с нами в мир склониться?
Стамбул, Каир, Алеп згорит.[28]

В рукописи ошибочно Кипр *вместо* Каир *и* Ален *вместо* Алеп

[а] *Рук. 1751*

‹О чем несносно› ‹что›

[б] *Рук. 1751*

‹Перо златое правда взяв›.

Библиотека "Руниверс"

24

Витийство, Пиндар, уст твоих
Тяжчаеб Фивы обвинили,[30]
За тем что о победах сих
Ониб громчае возгласили,
Как прежде о красе Афин.
Россия, как прекрасный крин,[31]
Цветет под Анниной державой.
В Китайских чтут Ее стенах,[32]
И свет во всех своих концах
Исполнен храбрых Россов славой.

25

Россия, коль щастлива ты
Под сильным Анниным Покровом!
Какия видишь красоты
При сем торжествованьи новом!
Военных нестрашися бед:
Бежит оттуду бранный вред,
Народ где Анну прославляет.
Пусть злобна зависть яд свой льет,
Пусть свой язык ярясь грызет;
То наша радость презирает.

26

Козацких поль заднестрской тать,
Разбит, прогнан, как прах, развеян,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницой, где покой насеян.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Ни где незнал плывя препятства.
Красуется велик и мал;

Библиотека "Руниверс"

Жить хочет век, кто в гроб желал:
Влекут к тому торжеств изрядства.

27

Пастух стада гоняет в луг
И лесом без боязни ходит;
Пришед, овец пасет где друг,
С ним песню новую заводит,
Салдатску храбрость хвалит в ней,
И жизни часть блажит своей,
И вечно тишины желает
Местам, где толь спокойно спит,[в]
И Ту, что от врагов хранит,
Простым усердьем прославляет.

28

Любовь России, страх врагов,
Страны полночной Героиня,
Седми пространных морь брегов[33]
Надежда, радость и Богиня,
Велика Анна, Ты доброт[г]
Сияешь светом и щедрот:
Прости, что раб твой к громкой[д] славе,
Звучит что крепость сил[е] Твоих,
Придать дерзнул не красной стих
В подданства знак Твоей державе.

[в] *Рук. 1751*
Местам, где нынь спокойно спит.

[г] *Рук. 1751*
‹Велика Анна› Велика Анна, ‹что› Ты доброт.

[д] *Соч. 1751 опечатка* громной.

[е] *Соч. 1751 опечатка* сих.

Библиотека "Руниверс"

1740

5—20

[СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ «ПИСЬМА О ПРАВИЛАХ РОССИЙСКОГО СТИХОТВОРСТВА»]

5

Щастлива красна была весна, все лето приятно.
Только мутился песок, лишь белая пена кипела.[1]

6

Как обличаешь, смотри больше свои на делá.
Ходишь с кем всегда, бойся того подопнуть.[1]

7

Бѣлѣѣт, бýдтo снѣг лйцóм.[1]

8

Нáчѣртáн мнóгóкрáтнó в бѣгýщйх вóлнáх.[1]

9

Вó пйщý сéбé чѣрвэ́й хвáтáть.[1]

10

Свѣт мóй, знáю, чтó пылáѣт.[1]

Библиотека "Руниверс"

11

Мнѣ мо҃я нѣ слу҃жйт до҃ля.[1]

12

Вьѣтсѧ кру҃гамй змйя по҃ тра҃вѣ, о҃бно҃вйвшйсь
в ра҃зсѣлйнѣ.[1]

13

Ѣжѣль бо҃йтсѧ, кто҃ нѣ ста҃л бы сйлѣн бѣзмѣрно҃.[1]

14

Цвѣты, ру҃мя҃нѣц у҃мно҃жа҃йтѣ.[1]

15

Со҃лн[ц]ева҃ сѣстра҃ за҃бы҃ла҃.[1]

16

Бре́вна катайте на верьх, каменья и го́ры валите,
Лес бросайте, живучей выжав дух, задавите.[1]

17

На восходе солнце как зардится.
Вылетает вспыльчиво хищный всток
Глаза кровавы, сам вертится;
Удара не сносит Север в бок,
Господство дает своему победителю,
Пресильному вод морских возбудителю
Свои тот зыби на прежни возводит,
Являет полность силы своей,
Что южной страной владеет всей,
Индийски быстро острова проходит.[1]

Библиотека "Руниверс"

18

Одна с Нарциссом мне судьбина,
Однако[a] с ним любовь моя:
Хоть я не сам тоя причина,
Люблю Миртиллу, как себя.[1]

19

Нимфы окол нас кругами
Танцовали поючи,
Всплескиваючи руками,
Нашей искренной любви
Веселяся привечали
И цветами нас венчали.[1]

20

Весна тепло ведёт,
Приятной Запад веет,
Всю землю солнце греет,
В моем лишь сердце лёд,
Грусть прочь забавы бьёт.[1]

[a] *Так в первой публикации. Следует, может быть, читать* Однака.

Библиотека "Руниверс"

1741

21

ОДА, КОТОРУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК ВЫСОКАГО РОЖДЕНИЯ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШАГО ДЕРЖАВНЕЙШАГО ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ИОАННА ТРЕТИЯГО, ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, 1741 ГОДА АВГУ́СТА 12 ДНЯ ВЕСЕЛЯЩАЯСЯ РОССИЯ ПРОИЗНОСИТ

[1]

Нагреты нежным воды югом,
Струи полденных теплы рек,
Ликуйте светло друг пред другом:
Златой начался снова век.
Всегдашним льдом покрыты волны,
Скачите нынь, веселья полны,
В брегах чините весел шум.[a]
Повсюду вейте, ветры, радость,
В Неве пролейся, меда сладость:
Иоаннов нектар пьет мой ум.

[2]

Однако нет, мои пределы,[1]
Смущать не смейте младой Слух.

---

[a] *В подлиннике ошибочно*

В берегах чините весел шум.

Библиотека "Руниверс"

Холмов верхи полночных белы,
Откуду веет хладной дух,
В любви со страхом тихо тайте,
Покой Моей Надежде дайте.[2]
Вздержите быстрой реки ток,
Тихонько вниз теча, молчите,
Под мой лишь ниской стих журчите.
Умолкни, запад, север, всток.[3]

[3]

Породы Царской Ветвь прекрасна,
Моя Надежда, Радость, Свет,
Щастливых дней Аврора ясна,
Монарх-Младенец, райской Цвет,
Позволь Твоей рабе нижайшей
В Твой новой год петь стих тишайшей.
Чем больше я росой кроплюсь,
С Парнасских что верьхов стекает,
Жарчае тем любовь пылает,
К Тебе сильняе той палюсь.

[4]

Целую Вас, Вы, щедры Очи,
Небесной в коих блещет лучь.
Как дни, при Вас светлы мне ночи,
Чист воздух мне во время тучь.
Послушны Вам стихии сами.
Пресекся вихрей бег с громами,
(Коль щастлив сих восход Планет)!
От Вас мои нагреты груди
И Ваши все подданны люди,
Что просят Вам нещетных лет.

Библиотека "Руниверс"

[5]

Целую Ручки, что к державе
Природа мудра в свет дала,
Которы будут в громкой славе
Мечем страшить и гнать врага.
От теплых уж брегов Азийских
Вселенной часть до вод Балтийских
В объятьи Вашем вся лежит.[6]
Лишь только Перстик Ваш погнется,
Народ бесчислен вдруг зберется,
Готов итти, куда велит.

[6]

Вы, Ножки, что лобзать желают
Давно уста высоких лиц,
Подданства знаки Вам являют
Языки многи, павши ниц,
В Петров и Аннин след вступите,
Противных дерзость всех стопчите;
Прямой покажет правда путь;
Вас храбрость над луной поставит[4]
И в тех землях меня прославит,
О коих нынь нигде нечуть.

[7]

Земля, пусти таки цветочки,
Здивиться Флоре чтоб самой;
Жемчюгаб чище их листочки,
И златоб ниже тех ценой;
Приятной дух дай им Цейлонов.

[6] *В подлиннике ошибочно*

В объятии вашем вся лежит.

Библиотека "Руниверс"

Натура, выше встань законов,
Роди, что выше сил твоих.
С весельем, Нимфы, те щиплите
И с лавро́м их в венцы сплетите[5]
Во знак побед, утех драгих.

[8]

Господствуй, радость, ты едина
Над Властью толь широких стран.
Но, мышлю, придет лишь година,
Познаеш как, что враг попран
Твоих удачьми славных Дедов,
Что страшны те у всех соседов;
Заплачеш, как Филиппов сын;[6]
Ревнивы слезы будут литься.
Но Твой весельем плачь скончится,[в]
Монарх! То было лишь почин.

[9]

Что сердце так мое пронзает?
Недерск ли то Гигант шумит?
Не горыль с мест своих толкает?
Холмы сорвавши, в твердь разит?
Края небес уже трясутся,
Пути обычны звезд мятутся!
Никак ярится А́нтей злой!
Не Пинд ли он на Оссу ставит?[7]
А Этна верьх Кавкасской давит?
Не Солнце ль хочет снять рукой?[8]

[в] *В подлиннике ошибочно*

Но Твой веселием плачь скончится.

Библиотека "Руниверс"

[10]

Проклята гордость, злоба, дерзость
В чюдовище одно срослись;
Высоко имя скрыло мерзость,
Слепой талант пустил взнестись!
Велит себя в неволю славить,
Престол себе над звезды ставить,
Превысить хочет вышню Власть,
На мой живот уж зубы скалит;
Злодейства кто его не хвалит,
Погрязнет скоро в мрачну пасть.

[11]

Но зрю с весельем чудо славно,
Дивняе, неж Алцид чинил,
Как он лишь был рожден недавно,
Скрутив, змиям главы сломил.[9]
Мой Император гром примает,
На гордость Свой перун бросает;
Внезапно пала та стремглав,
С небес как древня в ад денница; [10]
За рай уж держит ту темница.
Ну, где же твой кичливой нрав? [11]

[12]

Исчезли все затеи лишны,
Ужасных нет во мне премен;
Везде веселы клики слышны:
«Монарх Наш — сильных двух колен».[12]
Одно мое, чем я толь славна;
Россиан храбрость где не явна?
Друго Германско, с коим Рим
Войну едва дерзал начати,

Библиотека "Руниверс"

Весь свет побив, не мог стояти
В бою, Тейтон, с полком твоим.[13]

[13]

Разумной Гостомысл при смерти
Крепил Князей советом збор:
«Противных чтоб вам силу стерти,
Живите в дружбе, бойтесь ссор.
К брегам Варяжских вод сходите,
Мужей премудрых там просите,
Моглиб которы править вас».
Послы мои туда сходили,
Откуда Рурик, Трувор были,
С Синавом три Князья у нас.[14]

[14]

Неславныль стали их потомки?
Велик был Игорь, хоть и млад;
Дела его при Понте звонки,
Дрожал пред ним и сам Царьград.[15]
Устроил внук меня красняе,
Открыл мне полдня свет ясняе,
Кумиров мерсских мрак прогнал.[16]
Ревнив Донской что Дмитрей деет?
Татарска кровь в Дону багреет,
Мамай, кудаб уйти, не знал.[17]

[15]

Молчу заслуги, что недавно
Чинила Царска мне любовь.[18]
Твое коль, Рурик, племя славно!
Коль мне твоя полезна кровь!
Оттудуж нынь взошло Светило,

Библиотека "Руниверс"

Откуду прежне щастье было.
Спешите скоро, те лета,
Когда увижу, что желаю.
О младом Свете больше чаю,
Неж[19] предков слава мне дала.

[16]

С желаньем радость чувства долит;[20]
Пронзает очи странен лучь!
Незнаем шум мой слух неволит;
Вручает вечность мне свой ключь.
Отмкнулась дверь, поля открылись,
Пределов нет, гдеб те кончились.
Полков лиш наших слышен плеск.
От устья быстрых струй Дунайских[21]
До самых уских мест Ахайских[22]
Меча Российска виден блеск.

[17]

Боязнь трясет Хинейски стены,[23]
Геон[24] и Тигр теряют путь,
Под горы льются, полны пены.
Всегдашней всток не смеет дуть.
Индийских трубят вод Тритоны
Пред тем, что им дает законы.
Он скиптр склонил среди валов,
Упал пред младым ниц Героем,
Что молвил, войск идя пред строем:
«Сколь много есть впреди светов?»[25]

[18]

Что я пою воински звуки,
Которы быть хотят потом?

Библиотека "Руниверс"

Пора воздеть на небо руки,
Просить о здравье то драгом,
Чего Иоанну я желаю.
Твои щедроты, Боже, знаю.
Что пролил ты во мне пред сим.
Твоей Главу покрой рукою,
Котору ты мне дал к покою,
К веселью людям всем твоим.

[19]

Надежда, Свет, Покров, Богиня
Над пятой частью всей земли,
Велика севера Княгиня,
Языков больше дватцати,
Премудрой правиш Что рукою,
Монарха тех-держиш другою,
Любовь моих, противных Страх,
Возри на то прещедрым оком,
В подданстве ревность что глубоком
Воспеть дерзнула в сих стопах.

[20]

Хотяб Гомер, стихом парящий,
Что древних Еллин мочь хвалил,
Ахилл в бою как огнь палящий
Искусством чьем описан был,
Моих увидел дней изрядство,
На Пинд взойтиб нашол препятство;
Бессловен был егоб язык
К хвале Твоих доброт прехвальных
И к славе, что в пределах дальных
Гремит, коль разум Твой велик.

Библиотека "Руниверс"

[21]

Торжествен шум мой глас скрывает,
Скончать некрасной стих пора.
Однако мысль Тебе желает
Нещетных благ от всех Твóрца
С Твоим Светлейшим в век Супругом,
Всего Которой света кругом
Достоин толь, как Ты, владеть.
Дай Бог, драго чтоб Ваше племя
Во мне простерлось в вечно время
И Вам Сыновних Внуков зреть.[26]

Библиотека "Руниверс"

22

ПЕРВЫЕ ТРОФЕИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИОАННА III, ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, ЧРЕЗ ПРЕСЛАВНУЮ НАД ШВЕДАМИ ПОБЕДУ АВГУСТА 23 ДНЯ 1741 ГОДА В ФИНЛАНДИИ ПОСТАВЛЕННЫЕ И В ВЫСОКИЙ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА АВГУСТА 29 ДНЯ 1741 ГОДА В ТОРЖЕСТВЕННОЙ ОДЕ ИЗОБРАЖЕННЫЕ ОТ ВСЕПОДДАННЕЙШАГО РАБА МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

ОДА[a]

[1]

Российских войск хвала растет,
Сердца продерски страх трясет,
Младой Орел уж льва терзает; [2]
Преж нежель ждали, слышим вдруг
Победы знак, палящий звук.
Россия вновь трофей вздымает
В другой [3] на Финских раз полях.
Свой яд премерску зависть травит,
В неволю тая храбрость славит,
В Российских зрила что полках.

---

[a] *Отд. изд. есть эпиграф*

. . . . . Vivite Fortes,
Fortiaque adversis exponite pectora rebus.
Horatius.[1]
[. . . Сохраним же всю бодрость!
Твердую душу поставим против ударов фортуны!
Гораций (*перев. Ф. А. Петровского*)].

Библиотека "Руниверс"

[2]

Оставив шум войны, Градив,*
Изранен весь, избит, чуть жив,
К полночным с южных стран склонился.[4]
Искал к покою гор, пещер,
У Финских спать залег озер,
Тростник подслав, травой покрылся.[5]
«Теперь уж, — молвил, — я вздохну:
Изойдут язвы толь глубоки.
Бежите, брани прочь жестоки,
Ищите вам мою** сестру!»

[3]

Кровавы очи лишь сомкнул,
Внезапно тих к себе почул
Приход Венеры и Дианы.[6]
Лилеи стали в раны класть,
Впустили в них врачебну масть,
Смешавши ту с водой Секваны:
«Ах, встань, прехраброй воин, встань
О старой нашей вспомни дружбе,
Вступи к твоей некосно службе,
Внеси в Россию тяшку брань!»[7]

[4]

Вскочил, как яр из ложа лев,
Колеблет стран пределы рев.
Не так, на верьх высокой Эты
Поднявшись, брат его*** шумел,

* Марс.
** Беллону.
*** Геркулес.

Библиотека "Руниверс"

Как яд внутри его кипел.[8]
Уж действа есть его приметы.
Мутятся смежны нам брега,
Стокгольм, подобным пьянством шумен,
Уязвлен злобой, стал безумен,[9]
Отмкнуть велит войны врата.[10]

[5]

Но что за ветр с вечерних стран
Пронырства вас закрыл в туман?
Не зрила чтоб того Россия,
Что ваших войск приход значи́т?
Зачем ваш збор у нас стоит? [11]
В закрытье видны мысли злыя,
В шерсти овечьей знатен волк.
Хоть Аннин зрак от нас высоко,[12]
Вторая есть,[13] Которой око
Зрит, твой к чему намерен полк.

[6]

К пределам нашим чтож пришли?
Надежда кажет что впреди?
Надежда ныне вам не лжива!
К себе вас та земля влечет,
В которой мед с млеком течет?
Нуж впредь; пройдите! Нет и дива!
Ведь вы почти уж так в Раю.
Коль блиско наша к вам столица! [14]
Но ближе тем парит Орлица,
Что правит Свой полет ко льву.

[7]

Не сам ли с вами есть Нимврод,
Собрался весь где ваш народ?

Библиотека "Руниверс"

Что землю он прилежно роет?
Воздвигнуть хочет столп и град? [15]
Рушить прямой натуры ряд?
Ужасну в свете вещь откроет!
Все ждут, чего не знают ждать.
Да чтож увидим мы за диво?
Колено хочет то кичливо
Другу Полтаву тут создать.[16]

[8]

Смотри, тяжка коль Шведов страсть,
Коль им страшна Российска власть.
Куда хотят, того не знают:
То тянут, то втыкают мечь,
То наш грозятся мир пресечь,
То оной в век хранить желают;
Чинят то умысл нам жесток,
Хотят нам желчи быть горчае,
То воску сердце их мяхчае;
Однако вас сыскал свой рок.[17]

[9]

Противу ветров сильных плыть,
Среди несносных бурь вступить
Отважны их сердца дерзнули.[18]
Колючей терн, сухой тростник,
Таился в коих зной велик,
Теперь уж явно всем вспыхнули.
Войну открыли Шведы нам:
Горят сердца их к бою жарко;
Гремит Стокгольм трубами ярко,[19]
Значит в свету́ свой блиский срам.

Библиотека "Руниверс"

[10]

Однако топчут, режут, рвут,
Губят, терзают, грабят, жгут,
Склоняют нас враги под ноги;
Российску силу взяли в плен,
Штурмуют блиско наших стен,
Щитают: вот добычи многи,
Да гдеж? — в спесивом их мозгу.
А в деле ужас потом мочит,
И явно в сердце дрожь пророчит,
Что будет им лежать в низу.

[11]

Подобно быстрой как сокол
С руки ловцовой в верьх и в дол
Бодро́ взирает скорым оком,
На всякой час взлететь готов,
Похитить, где увидит лов
В воздушном царстве свой широком, —
Врагов так смотрит наш солдат,
Врагов, что вечной мир попрали,[20]
Врагов, что наш покой смущали,
Врагов, что нас пожрать хотят.

[12]

Уже ступает в свой поход
К трудам избранной наш народ,[21]
Нагим мечем на запад блещет,
Которой скрасит Шведска кровь,
Что брань начать дерзнула вновь.
Противных ближней край трепещет.
На Финском небе чорной дым,
Российска ревность где кипела.

Библиотека "Руниверс"

Сквозь слезы видит житель села,
Зажгла что месть огнем своим.

[13]

Вспятить не может их гора,
Металл и пламень что с верьха
Жарчае Геклы к ним рыгает.
Хоть купно Вилманстранд на них
Ретиво толь со стен своих
Подобной блеск и гром пускает,[22]
Но искрам и огню претят
Полки, силнейши гор палящих
И ярко смертью им грозящих,
Стрелам подобно сквозь летят.

[14]

В морях как южных вечной всток
От гор Атлантских вал высок
Крутит к брегам четвертой части,
С кореньем вырвав, лес валит;
Пустыня, луг и брег дрожит,
Хотят подмыты горы пасти, —[23]
Российский воин так врагам
Спешит отмстить, свиреп грозою,
Збивает сильной их рукою,
Течет ручьями кровь к ногам.

[15]

Вдается в бег побитый Швед,
Бежит Российской конник в след
Чрез Шведских трупов кучи бледны
До самых Вилманстрандских рвов,
Без щету топчет тех голов,

Библиотека "Руниверс"

Что быть у нас желали вредны.[24]
Стигийских * вод шумят брега,
Гребут по ним побитых души,
Кричат тем, что стоят на суши,
Горька опять коль им беда.

[16]

За нами пушки, весь припас,
Прислал что сам Стокгольм про нас:[25]
Дает подарок нам в неволю.
При Вильманстранде слышен треск,
Мечей кровавых виден блеск.
Ты будеш скоро равен полю,
Дерзнеш в упрямстве ежель стать.
Подумать было кратко время;
В момент Славенско храбро племя
Успело твой отпор попрать.

[17]

Последней конник вспять бежит,
Оставшей труп и стыд смердит.
К себе скоряе в дом спешите,
Скажите там приятну весть,
Какую здесь достали честь,
Добычи часть друзьям дарите.
Не Карл ли[26] тут же с вами был?
В Москву опять желал пробиться?
Никак вам это в правду снится.
Скачите в след; он кажет тыл.

[18]

Не то ли ваш воинской цвет,
Всходил которой дватцать лет,

* Адских.

Библиотека "Руниверс"

Что долго в неге жил спокойной.
Вас тешил мир, нас Марс трудил;
Солдат ваш спал, наш в брани был,
Терпел Беллоны шум нестройной.
Забыли что вы так щитать,
Что десять Руских Швед прогонит?
Пред нами что колени клонит
Хваслив толь нашей славы тать?

[19]

На вот вам ваших бед почин:
Соседа в гнев ввели без вин,
Давайте в том другим примеры.
Избранной воин ваш попран.
Где ваш снаряд, запасы, стан?
Никак тому неймете веры.
Хотя и млад Монарх у нас,
Но славны Он чинит победы,
В Своих ступает Предков следы,
Недавно что карали вас.

[20]

Высокой крови Царской Дщерь,[27]
Сильнейшей Что рукою дверь,
Отверзла к славнейшим победам!
Тобою наш Российской свет
Во всех землях, как крин,[28] цветет,
Наводит больший страх соседам.
Твоя десница в первой год
Поля багрит чрез кровь противных,
Являет нам в признаках дивных,
Созреет коль преславен плод.

Библиотека "Руниверс"

[21]

Доброт чистейший лик вознес
Велику Анну[29] в дверь небес,
Откуда зрит в России ясно
Монарха в лавровых венцах
На матерних Твоих руках,
Низводит весел взор всечасно.
К Героям держит речь сию:
«Вот всех Моя громчайша слава!
Во днях младых сильна держава,[6]
Взмужав до звезд прославит ту».

[22]

Отца отечества Отец,
Вручил Кому небес Творец
Храбрейшу в свете силу править,[30]
Твоих премного сколь похвал,
Сам наш завистлив враг познал,
Не может сам Тебя не славить.
В бою Российской всяк солдат,
Лиш толькоб для Иоанна было,
Твоей для славы лиш бы слыло,
Желает смерть снести стократ.

[23]

Прекрепкий Боже, сильный Царь,
Что всю рукою держиш тварь,
Зриш, что враги встают напрасно,
Жезлом карай их мести сам,
Подай всегда победы нам,
Твое что имя славим гласно.

[6] *Отд. изд.*

Сильна во младых днях держава

Библиотека "Руниверс"

Не ищут естьли брань пресечь,[a]
Подай, чтоб также в них вонзился
И новой кровью их багрился
Нагретый в ней Иоаннов мечь.

[a] *Отд. изд.*
Не хочут естьли брань пресечь.

Библиотека "Руниверс"

23

ВСЕПОДДАННЕЙШЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ ДЛЯ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШИЯ ДЕРЖАВНЕЙШИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК И ВЫСОКИЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ДЕКАБРЯ 18, 1741. ВСЕПОДДАННЕЙШЕ ПРЕДСТАВЛЕНО ОТ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК [а]

[1]

Какой утехи общей лучь
В Российски светит к нам пределы,[б]
Которой свет прогнал тьму тучь? [в]
По страхе Музы толь веселы
Не знают, что за ясность зрят.
Чей толь приятной светит взгляд,
Парнасской верьх в восторг приводит?
Не Основатель ли того приходит? [г]

[а] *Рук. заглавие отсутствует.*

[б] *Рук.*

‹Снисшел› В Российски к нам пределы.

[в] *Рук.*

Которой свет прогнал тму тучь.

[г] *Так в подлиннике, в Рук. и Прим. к Вед.*

Библиотека "Руниверс"

[2]

Но к ним надежда так гласит:
«Недайте тем себя прельстити,[а]
Мой[е] вид такой зарей покрыт,
Чтоб вас с Россией взвеселити.
Здесь в ясном я стою свету
И вам тот светлой день кажу,
Опасность к щастью что сыскала,[ж]
Россияб в коем процветала».

[3]

Опасность может впредь прозрить
И тое все управить знает,[з]
В сей день старалась то чинить,
В чем щастья верх себя являет,
Готово что для Наших лет,
Чтоб нам уйти от дальних бед,
В одном лишь только том трудилась,
Чтобы Елисавет родилась.

[а] *Рук.*

Недайте тем себя прелстити.

[е] *Первоначальное* Моим *переправлено на* Мой

[ж] *Рук. вместо стихов 14—15*

И вам ‹и праздник сей› тот светлой день кажу
Опасность ‹преж сего› к щастью что сыскала

[з] *Рук. вместо стихов 17—18*

Опасность ‹ты ‹‹то›› что будет зрить› может
впредь прозрить
И ‹оно› тое все управить знает.

Библиотека "Руниверс"

[4]

Надежда, Свет России всей,[и]
В Тебе щедрота Божья зрится,[й]
Хоть внешней красоте Твоей
Довольно всяк, кто зрит, дивится.[к]
Душевных лик Твоих доброт
Краснее внешних всех красот,[л]
Где всяки совершенства явны,
Любезны всем, во всем преславны.

[5]

Величество являлось всем
В особе и во всяком деле,[м]
На полном благ лице Твоем
И велелепом купно теле.[н]
Желает кто Петра смотрить
Или Екатерину чтить

[и] *Рук.*

<Залог> Надежда, свет России <щастья> всей.

[й] *Отд. изд. ошибочно*

В тебе щедрота Божия зрится.

[к] *Рук. вместо стихов 25—28*

<Надежда крепка всей России,
Тебя украсил [*одно слово нрзб*] всесильный>.
Хоть внешней красоте твоей
<Кто видит, тот дивится>.
Довольно всяк, кто зрит, дивится.

[л] *Рук. вместо стихов 29—30*

<Добром богаты все твои
В твоей великой [*одно слово нрзб*] души>.

[м] *Рук.*

В <твоих делах> особе и во всяком деле.

[н] *Рук.*

И <сановитом> велелепом купно теле.

Библиотека "Руниверс"

И их доброт дивиться цвету,
Возрит пусь на Елисавету.

[6]

Изволь хоть где Себя прикрыть,
Приятство будет там с Тобою
И милость в след Тебя ходить.°
Откроют нам Тебя собою.
Тебя смотрить теснится всяк,
Ты всем твой щедро кажешь зрак;
Хоть имяб Ты Твое таила,
Но нашаб то любовь открыла.

[7]

Надежда долго в тишине[n]
С желаньем на Тебя взирала,
Любезное Твое лице,
Как ясно солнце, почитала,
Которо в грозных бед волнах
Несносной утоляло страх.
Хотело из погод ужасных
В местах поставить безопасных.[p]

[8]

Отеческой земли́ любовь
Коль долго по Тебе вздыхала:

° *Рук. вместо стихов 42—43*

Приятство ‹есть везде› будет там с Тобою
И милость вслед ‹везде с тобою› тебе ходить.

[n] *Рук.*

Надежда ‹наша› долго ‹коль Тебя› в тишине.

[p] *Рук.*

Поставить в портах безопасных.

Библиотека "Руниверс"

«Избавь, избавь Российску кровь
От злаго скорбных дней начала.
Достойна на престол вступи,
К присяге мы готовы вси.
Отдай красу Российску трону
По крови, правам и закону».

[9]

Геройска мысль в Тебе всегда
Чрез дивно дело всем открылась,[с]
В любовь Петрова кровь когда
К Твоим подданным воспалилась.
Преж всех пошла с крестом Своим,
Чинил что прежде Константин,[1]
Твоим всех духом ободрила,
Лишь чуть пришла, всех покорила.[т]

[10]

Никто таких не знает дел,
Твоих чтоб славой превсходили,[у]
Спасен чтоб был какой предел,
Гдеб крови струй мечи не лили.[ф]
Кто, равно как Елисавет,

[с] *Рук. вместо стихов 65—66*

‹Тот час› Геройска мысль в Тебе тогда
‹В› Чрез дивно дело всем открылась.

[т] *Рук.*

‹Как› Лишь чуть пришла, всех покорила.

[у] *Рук. вместо стихов 73—74*

Нихто таких незнает дел ‹таких›,
Твое чтоб славой превсходили.

[ф] *Рук.*

Гдеб крови струй мечи ‹что крови где› нелили.

Библиотека "Руниверс"

От бед избавил целой Свет?
В един час сильных победила,
К Себе взяла,[2] на Трон вступила.[x]

[11]

Которой так веселой час
Приятен людям быть казался,
Сердец Тебе как верных глас
И Виват[3] к верьху звезд промчался.
Твоих подданных милион
Имели вдруг согласной тон[и, 4]
Благодарить Твоим щедротам
И дивным всем Твоим добротам.

[12][ч]

Ликуй же светло, хор наук,
Открыл что Петр с Екатериной,
Чтоб слышен был веселой звук.
Сей день вам щастия причиной.
Великий Петр что зачал сам,
Елисавет восставит нам.[5]
Елисаветы долги лета
Прибавят Отчей славе света.

---

[x] *Рук.*

В полон взяла, на трон вступила.

[и] *Рук. вместо стихов 84—86*

‹До самых виват звезд› И виват к верху
звезд промчался.
‹Твоих подданных многи тмы›.
‹Как ревность подданных твоих›
Твоих подданных милион
Имели вдруг согласной звон.

[ч] *Рук. строфа 12 отсутствует.*

Библиотека "Руниверс"

1742

24

ОДА НА ПРИБЫТИЕ ИЗ ГОЛСТИНИИ И НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА 1742 ГОДА ФЕВРАЛЯ 10 ДНЯ[a]

1

Дивится ныне вся вселенна
Премудрым Вышняго судьбам,
Что от напастей злых спасенна
Россия зрит конец бедам[6]
И что уже Елисавета
Златыя в ону вводит лета,

---

[a] *Отд. изд. 1742* Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, Государыне Всемилостивейшей всеподданнейшее поздравление для благополучнаго и радостнаго прибытия в Санкт-петербург Его Королевскаго Высочества Государя Петра, владетельнаго герцога Шлезвиг-Голштинскаго, Внука Государя Императора Петра Великаго, в высокий день рождения Его Высочества Февраля 10 дня 1742 года, в торжественной Оде представленное от всеподданнейшаго раба Михайла Ломоносова, Императорской Академии Наук Адъюнкта; *Рук. 1751* Ода на прибытие Его Императорскаго Высочества Пресветлейшаго Государя Великаго Князя Петра Феодоровича в Санктпетербург из Голстинии.

[6] *Отд. изд. 1742, Рук. 1751 вместо стихов 3—4*

Россия, что от зла спасенна
И зрит конец своим бедам.

Библиотека "Руниверс"

Избавив от насильных рук.[в, 1]
Красуются Петровы стены,
Что к ним Его приходит внук,
Прекрасной Анной днесь рожденный.[г, 2]

2

В сие благоприятно время,
Когда всещедрый наш Творец[д]
Восставил нам Петрово племя
И нашей скорьби дал конец,
Уж с радостью любовь согласно
Везде ликуют безопасно.[е]
Всего народа весел шум,
Как глас вод многих, в верьх восходит,
И мой отрады полный ум,
Восхитив тем, в восторг приводит.

[в] *Рук. 1751*

Избавив ту от странных рук.

[г] *Отд. изд. 1742 вместо стихов 5—10*

Которы нутрь ея терзали
И всю в конец пожрать желали,
Что вместо терну зрит Едем
Тебя, подданных всех утеха,
И во младом Петре Твоем
Своей фортуны ждет успеха

Рук. 1751 вместо стихов 9—10

Что к ним Того приходит внук,
Прекрасной Анною рожденный.

[д] *Отд. изд. 1742*

В которо щедрый наш Творец.

[е] *Отд. изд. 1742 вместо стихов 15—16*

Не может искренняя ревность
Своей любви таити древность.

Библиотека "Руниверс"

3

Воинский звук оставь, Беллона,
И, Марс, вложи свой шумный мечь,[ж, з]
Чтоб стройность праздничнаго тона
И Муз поющих ныне речь
Едина громко разносилась
И нашей радости сравнилась; [э]
Чтоб воздух, море и земля
Елисавету возглашали
И, купно с Ней Петра хваля,
Моей бы лире подражали.

4

Богиня, коея державу
Обнять не могут седмь морей,[4]
И громкую повсюду славу
Едва вместить вселенной всей!
Твоя надежда совершилась,
И радость паки обновилась: [и]

[ж] *Рит. 1744 вместо стихов 21—22*

Воинской звук покинь, Беллона,
И жажду крови, Марс, оставь.

[э] *Отд. изд. 1742 вместо стихов 21—26*

Воинской звук покинь, Беллона,
И жажду крови, Марс, оставь,
Спокойно слушай Аполлона
И тем веселья нам прибавь,
Чтобы Елисаветы радость
Свою лила повсюду сладость.

[и] *Отд. изд. 1742 вместо стихов 28—36*

С Петром блажили Ту едину:
Подданна хочет мысль моя
Воспеть довольств драгих причину.

Библиотека "Руниверс"

Ты зришь Великаго Петра,
Как феникса, воскресша ныне;
Дражайшая Твоя Сестра
Жива в своем любезном сыне.

5

О коль велика добродетель
В Петровых нежных днях цветет!
Коль славен севера владетель
В тебе, Россия, возрастет!
Он ради твоего блаженства[й]
Даров достигнет совершенства,[к, 5]
И щастье бег остановит,
Любовью оных восхищенно,
Союз с тобою утвердит
И вечно будет непременно.

6

О плод от корене преславна,
Дражайшая Петрова кровь,

Богиня стран широких, сильных,
Державы Коей седмь морей,
Премного поль и рек обильных
Кругом обнять не могут всей,
Ты паки зриш любезну Анну,
В лице Петровом свыше данну.

[й] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рук. 1751, Соч. 1759, Рит. 1765*

Уже для твоего блаженства.

[к] *Рит. рук. 1747*

В Нем спеют всяки совершенства

Рук. 1751

В Нем зреют всяки совершенства.

Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765

Доброт в нем спеют совершенства

Библиотека "Руниверс"

К тебе горит уже издавна
Россиян искренния любовь!
Петрополь по Тебе терзался,
Когда с Тобою разлучался
Еще в зачатии Твоем.
Сердца жаленьем закипели,
Когда под дерзским кораблем
Балтийски волны побелели.[6]

7

Как мать стенаньем и слезами
Крушится о́ сыне своем,
Что он, противными ветрами
Отгнан, живет в краю чужем,
Она минуты все щитает,
На брег по всякой час взирает,
И просит щедры небеса, —
Россия так тебя желала
И чрез пучины и леса[л]
Усердны мысли простирала.[м]

[л] *Рук. 1751, Соч. 1751*

И чрез пучину и леса.

[м] *Отд. изд. 1742 вместо стихов 38—70*

Как феникса рожденна снова,
Россия долго что ждала,
Себе имеет для покрова.
Доброт Его дивимся лику,
Ему которой предстоит,
Любовь раждает в нас велику,
Что купно с ревностью горит;
Для общаго Твоих блаженства
Цветут в нем всяки совершенства.
Чрез те, как цепью, щастья круг
Привязан в век ко дням щастливым.

Библиотека "Руниверс"

8

Но ныне радость умножает
Желанный нами Твой приход;
И кротость неба обещает
Возвысить тем Российский род.
Стихии сами предъявляют,
Чего все Россы ожидают.[n]
Здесь теплый воздух повевал
С любовью нашею согласно,
Весну приятну предвещал,[o]
Как ждали мы Тебя всечасно.

И ради всех Твоих заслуг
Не может быти больше лживым.
Петровой крови плод прекрасной,
День твоего прихода к нам,
Без ветра и тумана, ясной,[7]
Представил знак талану сам.
Стихии сами то являют,
В тебе сердца что наши чают.
Со снегом таял купно лед
С любовью всех людей согласно;
Казал весны приятной след,
Как ждали мы тебя всечасно.
Санктпетербург с каким желаньем
Тебя, надежду, зрит свою,
Не может и пространным зданьем
Вместить в себе утеху всю,
Но мещет вверьх огни горящи
И в самых облаках светящи.
Ах, естьлиб жарка мысль к Тебе
Россиян всех могла открыться,
Тоб солнце и светила все
За светом тем не стали зриться.

[n] *Рук. 1751* Чего все верны ожидают.

[o] *Рук. 1751* Весну приятно обещал.

Библиотека "Руниверс"

9

Коликой славой днесь блистает
Сей град в прибытии Твоем!
Он всех веселий не вмещает[п]
В пространном здании своем,
Но воздух наполняет плеском
И нощи тьму отъемлет блеском.
Ах, естьлиб ныне Россов всех
К Тебе горяща мысль открылась,
Тоб мрачна ночь от сих утех
На вечной день переменилась.[р, 8]

10

Наместница всевышней власти,
Что родом, духом и лицем
Восходит выше смертных части[с]
Прехвальна, совершенна всем,
В которой всех даров изрядство,
С величеством цветет приятство!
Кому возможно описать[т]
Твои доброты все подробну?
Как разве только указать
В Петре природу в том подобну?[у, 9]

[п] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765*

Он всей отрады не вмещает.

Рук. 1751

Он всей забавы не вмещает.

[р] *Отд. изд. 1742 стихи 71—90 отсутствуют.*

[с] *Рук. 1751, Соч. 1751*

Восходишь выше смертных части.

[т] *Отд. изд. 1742*

Кто может точно описать.

[у] *Отд. изд. 1742*

Петра Особу в том подобну.

Библиотека "Руниверс"

11

Но спешно толь куда восходит
Внезапно мой плененный взор?
Видение мой дух возводит[Ф]
Превыше Тессалийских гор![ѧ]
Я Деву в солнце зрю стоящу,
Рукою Отрока держащу
И все страны полночны с ним.[10]
Украшенна кругом звездами,[ц]
Разит перуном вниз своим,
Гоня противности с бедами.[11]

12

И вечность предстоит пред Нею,
Разгнувши книгу всех веков,
Кленется небом и землею
О щастье будущих родов,
Что Россам будет непременно

Ф *Рит 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит 1765*

Видение мой ум возводит

ѧ *Отд изд 1742 вместо стихов 103—104*

Пророческ дух на мысль наводит
Парит Тессальских выше гор

ц *Отд изд. 1742 вместо стихов 107—108*

И купно всю Россию с Ним
Украшенна везде звездами

ч *Отд изд. 1742 вместо стихов 112—116*

И в книге кажет то своей,
Кленущись небом и землею,
Что после первых света дней
Такого щастья не бывало,
Что нам чрез Тую небо дало

Библиотека "Руниверс"

Петровой кровью утвержденно.[ч]
Отверзлась дверь, не виден край,
В пространстве заблуждает око;[ш]
Цветет в России красной рай,
Простерт во все страны широко.

13

Млеком и медом напоенны,
Тучнеют влажны берега,
И, ясным солнцем освещенны,
Смеются злачные луга.
С полудни веет дух смиренный
Чрез плод земли благословенный.[щ]
Утих свирепый вихрь в морях,
Владеет тишина полями,
Спокойство царствует в градах,
И мир простерся над водами.[ъ]

14

Увидев времена златыя
Среди градов своих и сел,

[ш] *Отд. изд. 1742*

Сыскать конца не может око

[щ] *Отд. изд. 1742 вместо стихов 121—126*

Текут млеком и медом реки,
Собой земля плоды растит,
Златы приспели снова веки,
Из облак манна к нам росит,
Лишь Зефир веет тепл, смиренный,
Чрез плод полей благословенный.

[ъ] *Отд изд. 1742 вместо стихов 128—130*

Владеет тишина водами,
Спокойство царствует в брегах,
Забавы все ликуют с нами.

Библиотека "Руниверс"

Гласит спасенная Россия
К защитнице своих предел:
«Тебе я подданных питаю
И храбру кровь их ободряю,
Чтоб тую за Тебя пролить.[a, 12]
Ах, чтобы к удивленью света
Изволил вышний утвердить
Престол Петров чрез вечны лета».[b]

---

[a] *Рит. 1744 вместо стихов 131—137*

Гласит, пред ней стоя, Россия,
Склонившись к ней верхом своим.
«Тебе я дам плоды земные
И купно подданным твоим,
Тебе я оных кровь питаю,
Горячесть в их сердцах влагаю,
Чтоб ону за тебя пролить».

[b] *Отд. изд. 1742 вместо стихов 131—140*

Гласит, стоя пред ней, Россия,
Склонившись к той верьхом своим:
«Тебе я дам плоды земныя
И купно людям всем Твоим;
Тебе подданных кровь питаю,
Горячесть в их сердца вливаю,
Чтоб ту за Вашу честь пролить,
И целаго к веселью света,
Желаю в радости прожить
Тебе с Петром чрез многи лета».

Библиотека "Руниверс"

25

ВЕНЧАННАЯ НАДЕЖДА РОССИЙСКИЯ ИМПЕРИИ В ВЫСОКИЙ ПРАЗДНИК КОРОНОВАНИЯ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШИЯ ДЕРЖАВНЕЙШИЯ ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ. ИМПЕРАТРИЦЫ И САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, ПРИ ПУБЛИЧНОМ СОБРАНИИ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ВСЕРАДОСТНО И ВСЕПОДДАНЕЙШЕ В САНКТПЕТЕРБУРГЕ АПРЕЛЯ 29 ДНЯ 1742 ГОДА СТИХАМИ ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ОТ ГОТЛОБА ФРИДРИХА ВИЛГЕЛЬМА ЮНКЕРА, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА НАДВОРНАГО КАММЕРНАГО СОВЕТНИКА, ИНТЕНДАНТА СОЛЯНЫХ ДЕЛ И ЧЛЕНА АКАДЕМИИ НАУК. С НЕМЕЦКИХ РОССИЙСКИМИ СТИХАМИ ПЕРЕВЕЛ МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ, АКАДЕМИИ НАУК АДЬЮНКТ

[1]

Россия, что тебя за весел дух живит?
Как можешь рада быть? Европа вся скорбит:
Тебе грозит раздор, лукавство сети ставит,
Продерсский полк землей и морем бег свой правит,
Что мыслью в твой предел уже давно вступил,
Пограбил все места, твое добро зглотил.
Орлы, как вы еще веселой глас послали?
Подкрались Тигры к вам, внезапно львы напали.[1]

[2]

Но радость истинна; уже признал весь свет,
Как Ты на трон Петров взошла, Елисавет,

Библиотека "Руниверс"

Чрез сильной дух Его в противных страх вложити;
Он будет свой трофей, Твой щит наследство крыти.[2]
Вступила вольной Ты в стезю Его ногой,
Где рок Его вспятил,[3] тут путь начался Твой.
Ты будешь так, как Он, любовь во всей вселенной,
Князей пример, покров земли, Тебе врученной.[4]

[3]

Велико дело в сем равно душе Твоей:
Как Он отец наш был, Ты Мать России всей.
Когда Олимп давал таких Монархов славных?
Весь свет, что чтит Его, Ему не узрит равных.[5]
Сквозь все препятства Он главу свою вознес,
Монарх здесь, там Отец, хвалой к верьху небес.
Пристойны скажет кто к правленью стран науки,
Где не был дух Его и храбры купно руки?[6]

[4]

Надежда стран Его венчанна днесь в Тебе,
Понеже[7] всякой чин пособы ждет себе.
Ты, Ты, Монархиня, на пользу все исправишь,
Неполной труд Его со всем скончишь, прославишь
Ты скиптр рукой берешь, коварно злость дрожит,
Хоть тяжко злато в нем, любовь Тебя крепит.
Щастлива будешь тем, земель Императрица,
Печаль прогонишь всю, сердец людских Царица.

[5]

Как ясной солнца лучь в немрачной утра час,
Так Твой приятной взор отрадой светит в нас.
В Тебе с величеством сияет к нам приятство,
С небес влиянной дар — доброт Твоих изрядство,
К почтенью нас ведет прекрасной зрак лица.

Библиотека "Руниверс"

В Тебе дивимся мы премудрости Творца,
В талантах что Твоих венца достойных зрится,
Чрез кои мы давно желали в век плениться.

[6]

Твоя высока мысль Цесарску кровь значит,
Что Ты Геройска Дщерь, Твой бодрой дух гласит,
И склонность — верности чинить всегда награду,
Невинных брать под кров и бедным дать отраду.
Коль сильных сих доброт в Тебе велика власть?
Хвалы достойна мысль, и славой полна страсть,
Живот души Твоей, что тщится толь ревниво
Прилично трону жить, являть породы диво

[7]

Тебя к сему избрать Творец изволил сам
И древо дней Твоих растить в цветах к плодам
Являешь склонность к нам, что прежде Ты таила,
Котору с бодростью стараньем ты открыла.
Твоя десница что на пользу нам чинит,
То правит зрел совет и добр успех скорит.
Пресильной разум Твой поспешно все пронзает,
Намеренье Твое с желаньем всех кончает.

[8]

Мы можем наш талан[8] уже вперед прозрить:
Духовной будет чин ученьем нас крепить
И чисту жизнь блюсти, с словами оных сходну,
С наукой кроткой нрав и с тем премудрость сродну,
И мирно в Бозе[9] жить и ревность в том казать,
Чтоб бедным помощь дать, страстей набег попрать.
Они покажут всем промеж собой согласно,
Что то сама любовь, что зрим во оных ясно.

Библиотека "Руниверс"

[9]

Тобою будет сей почтенье чин иметь,
Чего достоин он, всегда то будет зреть.
Чтобы простой народ пороков впредь чужался
И свято в мире жить по их словам старался.
Священство в ревности пред Божий станет трон,
Имея чисту мысль, хранив его закон,
И дух его готов небесну власть склонити,
Его чтоб сердце взять и мир благословити.[10]

[10]

Твой веры полной ум умножит щастье в нас,
Понеже правда, свет с Тобой на всякой час,
Что Ты чрез Твой совет в един союз приводишь
Чрез умно следство все препятства превосходишь.
Ты держишь зависть злу и ненависть в бродах[11]
И правду с разумом всегда в Твоих очах,
И верность истинну, и вольну мысль в совете,
Источник толь богат к делам преславным в свете!

[11]

Хотя велика толь Монаршска власть Твоя,
Но видим, правишь как самую Ты Себя.
Ты мысль Твою тогда на инной путь склоняешь,
Когда других совет правдиве быть познаешь.
Тебе сия хвала пребудет в век красой,
Возвысишь Твой народ на щастья верьх с собой.
Не зная, что Цари с Князями мимо ходят,
Когда те ложну власть, как сон, на мысль наводят.[12]

[12]

Тебе единой дан высокой верьх хвалы,
Твоими должно звать потом других труды:

Библиотека "Руниверс"

Что острой разум Твой в вещах отмену знает,
Известное чинит, не то, что только чает.
За ясной солнца свет луны не чтишь лучей;
Князей искусство все — совет, разбор вещей,
Различных склонностей в слугах и всей державе
Для щастья их земель и к большей трона славе.

[13]

Коль здраво мыслишь Ты, толь скоро все кончишь,
В чем здесь совет даешь, то делом там велишь
С пристойной бодростью, во всех делах свободно,
Что Царску кажет кровь, Монархам что природно
Ты зришь всегда умом, что долга мысль в делах
Даст часто хуждший плод, неж[13] жар в крытых сердцах,
И чрез един момент, излишно что пробавлен,
Разумной замысл прочь бывает так отставлен.[14]

[14]

Твоя страна и так большая света часть,
Разумна храбрость где над злобой держит власть
И звук ея хвалы, взбуждать что должен к чести,
Как терн в чужих ногах и ось[15] в очах у лести.
И зависть метит в нас, где не льзя силой взять,
Тут ложной дружбой ков желает нас прельщать.[16]
Державнейша! Твоих советов он не знает,
Коль скоро разум Твой такую сеть терзает.

[15]

Нынь зависть, как змия, ведет лукавой взгляд
И ядом полну мысль на ону ночь назад,
Когда Российский род под игом в тме держался
И злаго Батия кумиру ниц склонялся.[17]

Библиотека "Руниверс"

Та мыслит паки впредь томуже быть у нас,
Однако все сие лишь снится ей на час.
Не будет с нами так в бою опять глумиться,
Чтобы противу ста и тысяче склониться.

[16]

Нет, о Монархиня, в том разум Твой во всем.
Блещи Петровым вверьх чрез равну мочь мечем,
Что дерсска гордость вновь себя казнить взбудила,
Он вышел сам наруж, лишь та себя явила.
Постигни сих врагов, победу с ними всю,
Принуди к миру их чрез краткую войну,
Неблагодарность что воздвигнула с хулою
И мздой завистлив род, подкупленный чужою

[17]

Покрой Твой шлемом верьх, Минерва наших лет,
Воткни копье Твое: Твой полк готов идет,
Полтавских семя поль, к победам склонны дети,
Попранна что врага в ногах обыкли зрети,
От коих Мелибок[18] и Кавказ сам дрожал,
И с Вислой чорной понт,[19] как сильных бурь, бежал,
Побитых что врагов принудили к покою
И пальм снопы несли Геройскою рукою.

[18]

В хладу Балтийских вод их храброй дух горит,
С весельем как на борт, так в поле быть спешит.
В долинах и в горах и где свирепы волны
Поставят грудь свою, отважных мыслей полны
Морской народ спешит, возносит весел глас:
«Что долго ждали толь, уже проходит час.
Каморы полны все, палубы пушки кроют,
Готовы в путь совсем, вот в море вдруг пороют».

Библиотека "Руниверс"

[19]

Вели Твой флаг поднять, и вимпел в ветр пустить,
И страшной лес в волнах Российских машт открыть,
Пресильной вывесть флот из ледных устий в море
И мочь Твоих галер к пособе оных вскоре,
Вогнали что велик в морски заливы страх,
Мутила чем боязнь Евксинской понт в брегах.
Судам на брань бежать вели в ужасном виде:
Отец Твой был Нептун, Ты равна будь Фетиде.[20]

[20]

Дай им указ к тому: ружье[21] уже востро,
И верность силу даст в салдат Твоих плечо.
С весельем правьте путь в поля, полки орлины,
Где ваш насмешлив враг, пройдите все долины,
Разройте гнезда их: добыча хоть мала,
Однако будет в том велика вам хвала
И с ней довольство нам, чем вашу храбрость пети.
Не возмем хоть багатств, но будем мир имети.

[21]

Пущай, Державнейша, пущай туда пойдут,
Куда собой хотят, где пальмы их цветут.
Без страху мы живем, чем Бог врага смущает;
Он рок приметил свой, к нам ближе не дерзает.
Границы с крепостьми имеют тверд покров —
Твой храброй полк и с ним снаряд[22] по верьх валов,
На гору дерзость что, рыгая огнь жерлами,
Твой грозной мещет гром и смерть между врагами.

[22]

По праву должно так их силою смирять,
Что Бог изволил сам Тебе для нас послать,

Библиотека "Руниверс"

Твой бодрой дух спешит любви щедроту дати
И сильнейшим ружьем Тебе триумф сыскати.
Тебя прославит то, не помнишь что обид
И щедро презрила проступок гнусной вид;
Хотя приятна месть, но быть в Тебе не смеет:
Что Твой высокой дух собою сам владеет.

[23]

Я мышлю, что наш враг в Твоей доброте зрит,
Что склонна к милости, хотя полки крепит.
Он ставит войско в строй, притом и мертвых числит,
То перемирных дней, просить то миру мыслит.
Изволь, Державнейша! Явила Ты пред сим,
Что хочешь миловать, неж вредна быти им.[23]
Вся власть в Твоих руках, когда их прозьба нравна,
Твоя земля и так своим пространством славна.

[24]

Как Норду мир подашь, иметь все будет он;
Премудру кажешь мысль, на Твой восшедши трон
Подобна Ты во всем Британ Елисавете,[24]
Славне что разумом была, неж бранью в свете.
Ввела науки все, Британ хвалу взнесла,
Богатства и ума довольно им дала,
В воздержных торжествах казну и честь достала.
По-Царски век жила, в победах жизнь скончала.

[25]

Ты видишь, равно ей, к талану путь прямой,
Известны будут нам науки все Тобой.
Чрез оны человек приходит к совершенству,
К сему нас Бог избрал с натурою блаженству.
Те красят нашу плоть, острят и разум в нас:

Библиотека "Руниверс"

Без них мы мрачны, как нечищеной алмаз,
Что в диком камне скрыт, очей людских таится,
Где светлость и цена в всегдашной тме не зрится.

[26]

Кто им добро чинит, воздать те могут все,
И делом кажет нам их свет лице свое.
Художеств разных плод обильный в тьмах являют,
Чрез прибыль славную своих обогащают.
Тираннам мерсски те: они враги себе.
Монархи любят их подобные Тебе.
Когда спокойно их хранит кака держава,
Бывают щастье стран, корон краса и слава.

[27]

Империя Твоя — пространной дом для них.
Коль много скрытых есть богатств в горах Твоих! [25]
Что прошлой век не знал, натура что таила,
То все откроет нам Твоих стараний сила.
Ты помощь в том даешь, как сам Родитель Твой.
Что нам прилежность даст, то тратит врат собой
Последню мочь его голодна скудость склонит
И горду мысль его сильне огня прогонит.

[28]

Позволь купечеству торгом довольну быть
В излишестве Твоем и безопасно жить,
Позволь свободной путь, умножь суда, товары
Чрез кроткие Твои доброт душевных дары:
Страна, как человек, как сердце бьется в нем,
Содержит кровь всегда в прямом бегу своем;
То может каждой член напитан быть удобно:
Как тело дух живит, так земли торг подобно.

Библиотека "Руниверс"

[29]

В делах с речьми людей согласия прибавь,[26]
С надеждой верну мысль на равной вес поставь,
Чтобы в торгу своем никто не знал урону;
Гони от портов прочь обман, утрату, спону;[27]
Чрез вольность к нам введи талан земель чужих.
И для того что всяк прибытков ждет своих,
Дай большу вольность тем, что нам живут согласно
И наш товар берут, как мы от оных власно.[28]

[30]

В Твоей премудрости высокой дар сей скрыт.
Поставь правдивой суд, откуду ложь бежит,
Лукавство, ков и лесть низринь из мест судебных,
Вели на правду зрить, как Ты, в делах враждебных,
Без траты времени в обидах помощь дай,
Коварну зависть, злость по их делам карай,
Невинных току слез посли Твою утеху,
Избавь от хищных рук Твоих людей к успеху.

[31]

Благословен будь день, что избран был к тому,
Когда склонилась Ты к народу Твоему.
О коль предраг залог от сей высокой страсти!
И коль пресладок плод — любовь подданных к власти!
Колика радость нам Тебе врученным быть!
Велика сладость коль себя любиму зрить!
Геройска бьется грудь, смотря Твоих забаву,
А наша, чтоб Твою почтить доволѣно славу.

[32]

«Господствуй и имей над щастьем полну власть,
Всевышний даст Тебе в талане лучшу часть,

Библиотека "Руниверс"

Чтобы познать могли в грядущий век потомки,
Что ты всех жен краса, Твои дела коль громки», —
Желая то, гласят брега Балтийских вод,
До толь, где кажет свой Япончам солнце всход,
И от Каспийских волн до гор, где мраз насильный,
Где мал народ, больших зверей стада обильны.

[33]

Восток и запад весь, большая часть земли
На промысл смотрит Твой и чтит дела твои.
И силу войск Твоих, и честь от многих тронов,
И оных стран союз, и твердь Твоих законов.
Будь как начальной лучь в средине всех планет,
Что сам собой стоит и круг себя течет
И столько тяжких тел пространным вихрем водит,
Что каждое из них чрез вечный путь свой ходит.[29]

[34]

Тебя Творец для нас до времени скрывал,
Когда пременный рок бедами нас смущал.
В мятежны те часы и мудры все молчали;
Что рок отнять не мог, то злы насильно взяли,
Смутили все в одно; в союзе силы нет!
Политика зрит вдаль, но слаб ея совет.
Ужасна будет коль ея потом кончина?
Того нам не льзя знать, покажет впредь година

[35]

Довольно, небо, будь потоком слез людских;
Поставь уж с нами мир за кровь рабов твоих.
Низвергни мерсской ков, что вводит брань в народы,
Подай спокойной век, згони от нас погоды.[30]

Библиотека "Руниверс"

Вздыхает верность так, того Россия ждет.
Тебе Всесильнаго рука венец дает,
Где непорочной лавр, где чист жемчуг и ясный
Тебе, Монархиня, наш Ангел мира красный

26

Сей гроб скрывает отрока, 16 месяцев не сцела[а] пожившаго, которой[б] в лице представлял[в] образ отца, нежность матери, Антония Георгия Ливена, славою и древностию фамилии отеческой и матерней равно благороднаго и между предками Ливенских,[г] Скоропадских и Четвертинских князей имевшаго,[1] 1740[д] года декабря в 3 день рожденнаго и тогда уже матери, по рождении его умершей, осиротевшаго, 1742 году апреля в 25 день перед светом неумолимою смертию весьма рано отнятаго, для котораго горькую печаль едва терпящий и о надежде дому своего и отраде матерней смерти в сей же земли погребенных воздыхая, недавным вдовством уязвленный, ныне от удвоенной раны скорбит лишенный родитель Георгий Рейнголд Ливен, дворянин курляндской, Ея Императорскаго Величества[е] генерал-маиор и конной Гвардии подполковник и кавалер ордена святаго Александра.

[а] сцела *зачеркнуто и неизвестной рукой надписано* сполна.

[б] которой *зачеркнуто неизвестной рукой.*

[в] представлял *зачеркнуто и неизвестной рукой надписано* носившаго.

[г] Ливенских *неизвестной рукой переправлено на* Ливеновых

[д] *В подлиннике описка* 1742.

[е] *Зачеркнуто* всея России

Библиотека "Руниверс"

27

ОДА НА ПРИБЫТИЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ ИЗ МОСКВЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1742 ГОДА[а] ПО КОРОНАЦИИ

1

Какой приятной Зефир веет
И нову силу в чувства льет?
Какая красота яснеет?
Что всех умы к себе влечет?
Мы славу Дщери зрим Петровой,
Зарей торжеств светящу новой.
Чем ближе та сияет к нам,
Мрачнее ночь грозит врагам.[б]
Брега Невы руками плещут,
Брега Ботнийских вод трепещут.[в, I]

2

Взлети превыше молний, Муза,[г]
Как Пиндар, быстрый твой орел,[д]

[а] *Рук. 1751* 1742 года *отсутствует.*

[б] *Рук. 1751*

Мрачнейша ночь грозит врагам.

[в] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765*

Брега Балтийских вод трепещут.

[г] *Рук. 1751, Соч. 1751*

Взнесись превыше молний, Муза.

[д] *Рук. 1751*

Как быстрой с Пиндаром орел.

Соч. 1751

Как быстрый с Пиндаром орел.

Библиотека "Руниверс"

Гремящих Арф ищи союза
И в верьх пари скоряе стрел,[е]
Сладчайший Нектар лей с Назоном,
Превысь Парнасс высоким тоном,
С Гомером, как река, шуми
И, как Орфей, с собой веди
В торжествен лик древа, и воды,
И всех зверей пустынных роды;

3

Дерзай ступить на сильны плечи
Атлантских к небу смежных гор,
Внушай свои вселенной речи,
Блюдись спустить свой в долы взор,
Над тучи оным простирайся
И выше облак возвышайся,
Спеши звучащей славе в след.[2]
Но ею весь пространный свет
Наполненный, страшась, чудится:
Как в стих возможно ей вместиться? [ж]

4

Однако ты и тем щастлива,
Что тщишься имя воспевать [з]

[е] *Рук 1751*

И в верьх пари скорее стрел.

[ж] *Рук 1751 вместо стихов 27—30*

Внимая, где Елисавет;
Но весь едва обемлет свет
Ея повсюду громку славу:
Как в стих вместить Тоя державу?

[з] *Рук 1751, Соч. 1751*

Что тщишься похвалы вспевать.

Библиотека "Руниверс"

Всея земли красы и дива
И тем красу себе снискать.
Ты твердь оставь, о древня Лира,
Вознесенна басньми к верьху мира:
Моя число умножит звезд,
Возвысившись до горних мест
Парящей славой вознесенна
И новым блеском освещенна.[и]

5

Священный ужас мысль объемлет!
Отверз Олимп всесильный дверь.
Вся тварь со многим страхом внемлет,[3]
Великих зря Монархов Дщерь,
От верных всех сердец избранну,
Рукою Вышняго венчанну,
Стоящу пред Его лицем,
Котору в свете Он Своем
Прославив щедро к Ней взирает,
Завет крепит и утешает.

6

«Благословенна вечно буди, —
Вещает Ветхий деньми[4] к Ней, —
И все твои с тобою люди,
Что вверил власти Я Твоей.
Твои любезныя доброты
Влекут к себе Мои щедроты.
Я в гневе Россам был Творец,[5]

[и] *Рук. 1751, Соч. 1751 вместо стихов 39—40*

Парящей славою Орлицы,
Прияв от Росской свет Денницы.

Библиотека "Руниверс"

Но ныне паки им Отец:
Души Твоей кротчайшей сила
Мой гнев на кротость преложила

7

Утешил Я в печали Ноя,
Когда потопом мир казнил,
Дугу поставил в знак покоя,
И тою с ним завет чинил.[6]
Хотел Россию бед водою
И гневною казнить грозою,
Однако для заслуг Твоих
Пробавил милость в людях сих,
Тебя поставил в знак завета
Над знатнейшею частью света.

8

Мой образ чтят в Тебе народы
И от Меня влиянный[7] дух;
В бесчисленны промчется роды
Доброт Твоих неложный слух.
Тобой поставлю суд правдивый,[й]
Тобой сотру сердца́ кичливы,
Тобой Я буду злость казнить,
Тобой заслугам мзду дарить;[к, 8]
Господствуй, утвержденна Мною;
Я буду завсегда с Тобою».

[й] *Рук. 1751*
Тобой поставил суд правдивый.

[к] *Рит. 1744*
Тобой добротам мзду дарить.

Библиотека "Руниверс"

9

Но что страны вечерни тмятся
И дождь кровавых каплей льют?
Что Финских рек струи дымятся,
И долы с влагой пламень пьют?
Там, видя выше горизонта
Входяща Готфска[9] Фаетонта[л]
Против течения небес[10]
И вкруг себя горящий лес,
Тюмень[11] в брегах своих мутится
И воды скрыть под землю тщится.

10

Претящим оком Вседержитель
Воззрев на полк вечерний рек:
«О дерсский мира нарушитель,
Ты мечь против Меня извлек.
Я правлю солнце, землю, море,
Кто может стать со мною в споре?
Моя десница мещет гром,
Я в пропасть сверг за грех Содом,
Я небо мраком покрываю;
Я Сам Россию защищаю».

11

Но Вышний зрак свой отвращает
От Готфских ослепленных стран[м]
И тем продерзость их смущает,
Трясет полки их, флот и стан;

[л] *Рук. 1751*
Всходяща Готска Фаетонта.

[м] *Рук. 1751*
От Готских ослепленных стран.

Библиотека "Руниверс"

Как сильный вихрь, с полей прах гонит
И древ верьхи высоки клонит;
Богине Росской гром вручил,
Чем злость разить противных сил;
«Прими разженны к мести стрелы,
Разсыпь врагов своих пределы».

12

Стокголм, глубоким сном покрытый,
Проснись, познай Петрову кровь,
Не жди льстецов своих защиты,
Отринь коварну их любовь;
Ты всуе Солнце почитаешь[н]
И пред Луной себя склоняешь;[12]
Целуй Елисаветин мечь,
Что ты принудил сам извлечь:
Его мягчит одна покорность,
Острит кичливая упорность.

13

Примеры храбрости Российской
Представь теперь в уме своем;
Воззри на Дон и край Понтийской,
Смиренный мстительным огнем.[13]
Там степи, кровью напоенны,
Родили лавры нам зелены.[о]
Багрова там земля тряслась,
И к небу с дымом пыль вилась;

[н] *Рук. 1751*

Напрасно солнце почитаеш.

[о] *Рук. 1751, Соч. 1751*

Взрастили лавры нам зелены.

Библиотека "Руниверс"

Россиян твердо грудь стояла,
И слава их во мгле блистала.

14

Свою Полтавску вспомни рану,
Что знать еще в груди твоей,
И гордость при Днепре попранну,[14]
И многий плен твоих людей,
За Обския брега вселенный,
Хребтом Рифейским заключенный,[п, 15]
За коим сильна Росска власть
Велику держит встока часть,
Где орды ей збирают дани,
По ней всегда готовы к брани.[р]

15

Как нéльзя лить рекам к верьшине
Против крутизны вод своих
И силы взять огню в пучине,
Так к нам ввести людей твоих.
Орлы на тое не взирают,
Что львовы челюсти зияют.[16]
Вотще твой хитрый был совет:
Россию сам Господь блюдет;

[п] *Рук. 1751 вместо стихов 135—136*

Как были те за Обь вселенны,
Хребтом Рифейским заключенны.

Соч. 1751 вместо стихов 135—136

За Обския брега вселенны,
Хребтом Рифейским заключенны.

[р] *Рук. 1751*

И с Ней всегда готовы к брани.

Библиотека "Руниверс"

Рукою Он Елисаветы
Противных разрушит наветы.[c]

16

Уже и морем и землею
Российско воинство течет
И сильной крепостью своею[т]
За лес и реки Готов жмет.[у]
Огня ревущаго удары
И свист от ядр летящих ярый
Згущенный дымом воздух рвут
И тяжких тор сердца трясут;[17]
Уже мрачится свет полдневный,
Повсюду вид и слух плачевный.

17

Там кони бурными ногами
Взвивают к небу прах густой,
Там смерть меж Готфскими полками[ф]
Бежит ярясь из строя в строй,
И алчну челюсть отверзает,
И хладны руки простирает,
Их гордый исторгая дух;[х]
Там тысящи валятся вдруг.[18]

---

[c] *Рук. 1751*
Крушит врагов Ея наветы.

[т] *Рук. 1751*
И крепкой силою своею.

[у] *Соч. 1751*
За лес и реки Готфов жмет.

[ф] *Рук. 1751*
Там смерть межь Готскими полками.

[х] *Рук. 1751*
Кичливой их терзая дух.

Библиотека "Руниверс"

Но естьли хочешь видеть ясно,
Коль Росско воинство ужасно,

18

Взойди на брег крутой высоко,
Где кончится землею понт;
Простри свое чрез воды око,
Коль много обнял Горизонт;
Внимай, как Юг пучину давит,
С песком мутит, зыбь на зыбь ставит,
Касается морскому дну,
На сушу гонит глубину
И с морем дождь и град мешает:
Так Росс противных низлагает.

19

Как ежели на Римлян злился
Плутон, являя гнев и власть,[a]
И естьли Град тому чудился,
Что Курций, видя мрачну пасть,
Презрел и младость, и породу,
Погиб за Римскую свободу,
С разъезду в оную скочив, —
То ей! Квириты, Марк ваш жив
Во всяком Россе, что без страху
Чрез огнь и рвы течет с размаху.[b]

20

Всяк мнит, что равен он Алкиду
И что, Немейским львом покрыт

[a] Рук. 1751
Плутон, свою являя власть.

[b] Рук. 1751
На огнь и рвы течет с размаху.

Библиотека "Руниверс"

Или ужасную Егиду
Нося, врагов своих страшит:
Пронзает, рвет и разсекает,
Противных силу презирает.[ш]
Смесившись с прахом, кровь кипит;
Здесь шлем с главой, там труп лежит,
Там мечь, с рукой отбит, валится.
Коль злоба жестоко казнится![щ]

21

Народы, ныне научитесь,
Смотря на страшну гордых казнь,
Союзы разрушать блюдитесь,
Храните искренню приязнь;
На множество не уповайте
И тем небес не раздражайте:
Мечи, щиты и крепость стен —
Пред Божьим гневом гниль и тлен·
Пред ним и горы изчезают,
Пред ним пучины изсыхают.

22

Бежит в свой путь с весельем многим
По холмам грозный Исполин,
Ступает по вершинам строгим,
Презрев глубоко дно долин,
Вьет воздух вихрем за собою;
Под сильною его пятою
Кремнистые бугры трещат,
И следом дерева́ лежат,

[ш] *Рук. 1751 стих 196 пропущен*
[щ] *Рук. 1751*
Толь злоба жестоко казнится!

Библиотека "Руниверс"

Что множество веков стояли
И бурей ярость презирали.

23

Так флот Российский в понт дерзает,
Так роет он поверьх валов,
Надменна бездна уступает,
Стеня от тягости судов.
Во след за скорыми кормами
Спешит седая пена рвами.[ъ]
Весельный шум, гребущих крик
Наносят Готам страх велик;[ы, 19]
Уже надежду отвергают
И в мгле свой флот и стыд скрывают.[20]

24

Не Швед ли мнил, что он главою,
Как Атлас, держит целой свет
И море сильною рукою
И полной властью в узах жмет,
Что твердь с собой в союзе свяжет
И вспять итти Луне укажет?[ь, 21]
Однако род Российский знал
И мысленно тогда взирал,

[ъ] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759*

Бежит кипяща пена рвами

Рук 1751

Бежит седая пена рвами.

[ы] *Соч. 1751*

Наносят Готфам страх велик.

[ь] *Рит. 1744 вместо стихов 235—236*

Единой цепью звезды свяжет
И вспять итти Луне прикажет.

Библиотека "Руниверс"

Когда он стал на нас грозиться,
Как он бежит, как нас страшится![22]

25

На нивах жатву оставляет
От мести устрашенный Фин,
И с гор, оцепенев, взирает
На дым, всходящий из долин,
На мечь, на Готов обнаженный,[э]
На пламень, в селах воспаленный;
Там ночью от пожаров день,
Там днем в пыли ночная тень;
Багровый облак в небе рдеет,
Земля под ним в крови краснеет.

26

Но холмы и древа скачите,
Ликуйте, множества озер,
Руками, реки, восплещите,
Петрополь буди вам пример:
Елисавета к вам приходит,
Отраду с тишиной приводит;
Любя вселенныя покой,
Уже простертой вам рукой
Дарует мирные оливы,[ю]
Щадить велит луга и нивы.[23]

[э] *Соч. 1751*

На мечь, на Готфов обнаженный.

[ю] *Рук. 1751 вместо стихов 258—259*

Уже простертою рукой
Дает вам мирныя оливы.

Библиотека "Руниверс"

27

Хоть с вамиб, Готы, к нам достигли[a]
Поящи запад быстрины,
Хотя бы вы на нас воздвигли[a]
Союзны ваши все страны,
Но тщетны былиб все походы:
Незнаемые вам народы,
Что дале севера живут,
Того по вся минуты ждут,
Что им велит Елисавета,
Готовы стать противу света.

28

О слава жен во свете славных,
России радость, страх врагов,
Краса Владетельниц державных!
Всяк кровь свою пролить готов,
За многия твои доброты
И к подданным твоим щедроты.
Твой слух пленил и тех людей,
Что странствуют среди зверей,

---

[a] *Рит рук. 1747*
Хотяб вы, Готы, воз<будили>мутили.
Рит. корр., Рук. 1751
Хотяб вы Готы, возмутили.
Соч. 1751
Хоть с вамиб, Готфы, к нам достигли.
[a] *Рит рук. 1747*
Хотябы против нас взбудили.
Рит. корр
Хотяб на нас вы возбудили.
Рук 1751
Хотя бы вы на нас взбудили.

Библиотека "Руниверс"

Что с лютыми пасутся львами.
За честь Твою восстанут с нами.

29

Твое прехвально имя пишет
Неложна слава в вечном льде,
Всегда где хладный север дышет
И только верой тепл к Тебе;
И степи в зное отдаленны,
К Тебе любовию возженны,
Еще усерднее горят.
К Тебе от восточных стран спешат
Уже Американски волны
В Камчатской порт, веселья полны.[24]

30

В шумящих берегах Балтийских
Веселья больше, нежель вод,
Что видели судов Российских
Против врагов щастливый ход.
Коль радостен жених в убранстве,
Толь Финский понт в Твоем подданстве.[25]
В проливах, в устьях рек, в губах
Играя, Нимфы вьют в руках,
Монархиня, венцы лавровы
И воспевают песни новы.[6]

31

О чистый Невский ток и ясный,[в]
Щастливейший всех вод земных!

[6] *Рук. 1751, Соч. 1751*
Тебе вспевая песни новы.

[в] *Рит. 1744*
О чистой ток Невы разливной.

Библиотека "Руниверс"

Что сей Богини лик прекрасный
Кропишь теперь от струй своих,[г]
Стремись, шуми, теки обильно,
И быстриной твоей насильно[д]
Промчись до Шведских берегов
И больше устраши врагов,
Им громким шумом возвещая,[е]
Что здесь зимой весна златая.

32

Как лютый мраз она прогнавши[ж]
Замерзлым жизнь дает водам,
Туманы, бури, снег поправши,
Являет ясны дни странам,
Вселенну паки воскрешает,
Натуру нам возобновляет,
Поля цветами красит вновь:
Так ныне милость и любовь,
И светлый Дщери взор Петровой
Нас жизнью оживляет новой.[26]

[г] *Рит 1744 вместо стихов 303—304*

Российской что Богини дивной
Кропишь лице от струй твоих.

[д] *Рит 1744, Рук. 1751*

И быстриной твоею сильно.

[е] *Рит 1744 вместо стихов 307—309*

Промчись к вечерним вплоть брегам
И больший страх вложи врагам,
В серца и в слухи им внушая.

[ж] *Рит. рук. 1747*

Как лютый мраз ‹зима›, весна прогнавши.

Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765

Как лютый мраз весна прогнавши.

Библиотека "Руниверс"

33

Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сон? [з]
Еще горит во мне охота
Торжественный возвысить тон.
Мне вдруг ужасный гром блистает,
И купно ясный день сияет!
То сердце сильна власть страшит,
То кротость оное живит,[и]
То бодрость страх, то страх ту клонит:
Противна страсть противну гонит! [й]

34

На запад смотрит грозным оком
Сквозь дверь небесну Дух Петров,
Во гневе сильном и жестоком
Преступных он мятет врагов.
Богиня [27] кротко с ним взирает
На Невский брег и простирает
Свой перст на Дщерь свою с высот:
«Воззри на образ твой и плод,
Что все дела твои восставит
И в свете тем себя прославит».

35

«Исполнен я веселья ныне,
Что вновь дела мои растут, —

[з] *Рит. рук. 1747*
<Являет> Открыла мысли явный сон?

[и] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765*
То кротость разум мой живит!

[й] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765*
Противна мысль противну гонит.

Библиотека "Руниверс"

Вещает Петр к Екатерине, —
Твои советы все цветут.
Блаженны Дщерью мы своею;
Рука Господня буди с Нею;
Блажен тот год, тот день и час,
Когда Господь ущедрил нас,
Подав Ее нам на утеху [к]
И всех трудов моих к успеху».

36

Но речь их шумный вопль скрывает:
Война при Шведских берегах
С ужасным стоном возрыдает,
В угрюмых кроется лесах.[л]
Союз приходит вожделенный [м]
И глас возносит к ней смиренный: [н]

[к] *Рук. 1751*

Подав нам Ону на утеху.

[л] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765 вместо стихов 351—354*

Но речь их шумный глас скрывает:
Война при Готских берегах
С угрюмым стоном возрыдает
И в диких кроется горах.

[м] *Рит. рук. 1747*

Покой возлюбленный приходит
‹Желанный к оной мир приходит›.

[н] *Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765*

Союз возлюбленный приходит.

Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765

И с кротостью свой глас возводит.

Библиотека "Руниверс"

«Престань прекрасный век мрачить[o]
И Фински горы кровавить:
Се царствует Елисавета,
Да мир подаст пределам света.[28]

37

Хотя твои махины грозны,
Но сплавлю их в зваянный вид,[29]
Чтоб знали впредь потомки позны,
Что ныне свет в России зрит.
Я вящши учиню премены,
Когда градов пространны стены
Без пагубы людской сотру,
В огромные столпы сберу;
Превыше будут те Мемфийских
Монархов славою Российских.

38

Мечи твои и копья вредны
Я в плуги и в серьпы скую;
Пребудут все поля безбедны,
Отвергнув люту власть твою.[n]
На месте брани и раздора
Цветы свои рассыплет Флора.
Разить не будет серный прах
Сквозь воздух огнь и смерть в полках,[p]

---

[o] *Рит. рук. 1747*

Престань ‹спокойный свет› ‹наставший› прекрасный век мутить.

[n] *Рук. 1751*

Отвергши люту власть твою.

[p] *Рук. 1751*

Чрез воздух огнь и смерть в полках.

Библиотека "Руниверс"

Но, озарив веселы ночи,
Восхитит зрящих дух и очи».[30]

39

Еще плененна мысль мутится!
Я слышу стихотворцев шум,
Которых жар не погасится
И будет чтущих двигать ум.
Завистно на меня взирая
И с жалостию воздыхая,
Ко мне возносят скорбный глас:
«О коль ты щастливее нас!
Наш слог исполнен басней лживых.
Твой — сложен из похвал правдивых.

40

На чтобы вымышлять нам ложно
Без вещи имена одне,
Когдабы было нам возможно
Рожденным в Росской быть стране,
В сие благословенно время,[c]
В которое Петрово семя,
Всех жен хвала, Елисавет,
Сладчайший Музам век дает.
В ней зрятся истинны доброты,
Геройство, красота, щедроты».

---

[c] *Рук. 1751 вместо стихов 391—395*

На чтобы ложное Пандоры
Нам имя меж Богов вместить
И дать ей всех доброт соборы
И тем свои стихи пестрить:
Когдаб в сие мы были время.

Библиотека "Руниверс"

41

Что толь приятный сон смущает,
Восторг пресладкий гонит прочь,
И что спокойну брань скрывает
И отвращает ясну ночь?
Возносит вток и запад клики!
Согласно разные языки
Гласят к Монархине своей:
«Господь ущербом наших дней
Умножь Твои дражайши лета
К отраде и защите света!»

42

Когда бы древни веки знали
Твою щедроту с красотой,
Тогда бы жертвой почитали
Прекрасный в храме образ Твой.[т, 31]
Чтож будущие скажут роды?
Покрыты кораблями воды
И грады, где был прежде лес,
Возвысят глас свой до небес:
«Великий Петр нам дал блаженство,
Елисавета — совершенство».

43

Целуй, Петрополь, ту десницу,
Которой долго ты желал:
Ты паки зришь Императрицу,
Что в сердце завсегда держал.
Не так поля росы желают

т *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765 вместо стихов 411—414*

Когда бы древни лета знали
Толику бодрость с красотой,
Тоб храмы в честь твою создали
И жертвой чтилиб образ твой.

Библиотека "Руниверс"

И в зной цветы от жажды тают,
Не так способных ветров ждет[у]
Корабль, что в тихий порт плывет,
Как сердце наше к Ней пылало,
Чтоб к нам лице Ея сияло.[ф. 32]

44

Красуйся, дух мой восхищенный,
И не завидуй тем творцам,
Что носят лавр похвал зеленый;[х]
Доволен будь собою сам.
Твою усерднейшую ревность
Ни гнев стихий, ни мрачна древность
В забвении не могут скрыть,[ц]
Котору будут век хранить
Дела Петровой Дщери громки,[ч]
Что станут позны честь потомки.

[у] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765*

Не так пособных ветров ждет.

[ф] *Рит. 1744, вместо стихов 428—430*

Корабль, что в тихой порт плывет,
Как сердце в нас к Тебе пылало,
Чтоб к нам лице Твое сияло.

Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765 вместо стихов 429—430

Как сердце наше ожидало,
Чтоб к нам лице твое сияло.

[х] *Рук. 1751*

Похвал что лавром увязенны.

[ц] *Рук. 1751 вместо стихов 435—437*

Твою к Петровой Дщери ревность
Ни гнев стихий, ни едка древность
Не могут в мрак забвенья скрыть.

[ч] *Рук. 1751*

Ея дела во свете громки.

Библиотека "Руниверс"

1743

28

ОДА НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА 1743 ГОДА[а]

1

Уже врата отверзло лето,
Натура ставит общий пир,
Земля и сердце в нас нагрето,
Колеблет ветьви тих зефир,
Обьемлет мягкий луг крилами,[б]
Крутится чистый ток полями,
Брега питает тучный ил,
Древа и цвет покрылись медом,[в]
Ведет своим довольство следом
Поспешно ясный вождь светил.[г, 1]

[а] *Рук. 1751* 1743 года *отсутствует.*

[б] *Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765*
Объемлет мягкий луг крылами.

[в] *Рит. 1744*
Трава и цвет покрылись медом.
Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765
Листы и цвет покрылись медом.

[г] *Рит. 1744, Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765*
Поспешно красный вождь светил.

Библиотека "Руниверс"

2

Но, о небес пресветло око,[а]
Веселых дней прекрасный Царь![2]
Как наша радость, встань высоко,[е]
Пролей чистейший лучь на тварь,
В прекрасну облекись порфиру,
Явись великолепен миру
И в новом блеске вознесись,
В златую седши колесницу,[ж]
В зенит вступи, прешед границу,
И пожже в Океан спустись,[з]

3

И тем почти Петрова внука;
Сияй, как наш веселый дух
Горит от радостнаго звука,
Который в наш внушает слух
Младаго шум Орла паряща
И предкам в след взлететь спешаща,
На мир возреть, искать побед.
Он выше бурь и тучь промчится,
Против перунов ополчится,
Одним обозрит взглядом свет.

[а] *Рук. 1751*

Но, о небес яснейше око.

[е] *Рук. 1751*

Как наша радость, стань высоко.

[ж] *Рук. 1751 вместо стихов 17—18*

И в новом блеске сесть потщись
В горящу златом колесницу.

[з] *Рук. 1751, Соч. 1751*

Позднее в Океан спустись.

Библиотека "Руниверс"

4

Какой веселый лик приходит?
Се вечность от пространных недр
Великий ряд веков приводит:
В них будет жить Великий Петр,
Тобой, Великий Князь Российский.[3]
В тебе весь Норд и край Азийский
Воскресшу прежню чтит любовь.
Как в гроб лице Петрово скрылось,
В сей день веселья солнце тмилось,
Но днесь Тобою светит вновь.

5

Тебе Россия вся открыла,
Кленущись Вышняго рукой:
«Я в сердце много лет таила,
Что мне достоит жить Тобой.
Мне полдень с утром вдруг вступает,
Весна цветы и плод являет
В возлюбленной душе Твоей.[и]
Но грудь пронзит народов льстивных[5]
Ужасный лучь в полки противных,
Блистая из Твоих очей.[й]

[и] *Рит. 1744*

В дражайшей всех душе твоей.

Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765 вместо стихов 45—47

Нам полдень с утром в друг сияет,
Весна плоды и цвет являет
В дражайшей всех душе твоей.

[й] *Рук. 1751 вместо стихов 49—50*

Блеснувши гром в полки противных
Геройских из Твоих очей.

Библиотека "Руниверс"

6

Возвысится, как кедр высокий,[к]
Над сильных всех Твоя глава;
Ты, как змею, попрешь пороки,
Пятой наступиш Ты на Льва.[6]
Твоими сам Господь устами
Завет во век поставит с нами;
И крепче Мавританских гор[л]
Твои плещи, Петром скрепленны
И силой свыше облеченны,
Надежный будут нам подпор.

7

Простреш Свои державны длани
Ко Вышнему за нас в церквах,
Покажешь мечь и страх в день брани,
Подобно, как Твой Дед в полках.
Премудрость сядет в суд с Тобою,
Изгонит лесть и ков с хулою.
И мужество Твои чресла
Скрепит для общей нашей чести,
Защитит нас к противных мести,[м]
Дабы исторгнуть корень зла.[7]

8

Под инну Трою вновь приступит
Российский храбрый Ахиллес,

[к] *Рук. 1751*
Взнесется, яко кедр высокий.

[л] *Рук. 1751*
И вместо твердых Маврских гор.

[м] *Рук. 1751*
К защите нас, к противных мести.

Библиотека "Руниверс"

Продерский меч врагов притупит,[8]
Хвалой взойдет к верьху небес.
Отрада пойдет в след отраде
В Петровом, свету страшном граде,[9]
И плески плескам весть дадут:
Господь щедроты в нас пробавит
И больше нас Тобой прославит,
Как с трепетом враги падут.

9

Мой дух течет к пределам света,
Охотой храбрых дел пленен,[n]
В восторге зрит грядущи лета
И грозный древних вид времен:[o, 10]
Холмов Ливанских верьх дымится!
Там Наввин иль Сампсон стремится![n]
Текут струи Евфратски вспять!
Он Тигров челюсти терзает,
Волнам и вихрям запрещает,
Велит луне и солнцу стать.

10

Фиссон шумит, Багдад пылает,
Там вопль и звуки в воздух бьют,

---

[n] *Ρит. рук. 1747, Ρит. корр., Ρит. 1748, Соч. 1759, Ρит. 1765*

Любовью храбрых дел пленен.

[o] *Ρит. 1748, Ρит. 1765*

Древних и грозный вид времен!

Ρит. корр., Соч. 1759

И древних грозный вид времен!

[n] *Ρук. 1751*

Кто, Наввин иль Сампсон стремится?

Библиотека "Руниверс"

Ассирски стены огнь терзает,
И Тавр, и Ка́вказ в понт бегут.[11]
Един трясет свирепым югом[p]
И дальным восточных стран округом
Сильнейший гор, огня, ветров,
Отмститель храбр врагов сварливых,
Каратель стран, в союзе лживых,
Российский род и Плод Петров.

11

Однако естьли враг оставит
Коварну зависть сам собой,
То нас желанный мир прославит,[c]
И тем возвысит нас Герой.
Стихии, ярость укрочайте,
Туманы, в ясны дни растайте,
Являй веселый, небо, зрак,
Целуйтесь, громы, с тишиною,
Упейся, молния, росою,
Стань, ряд планет, в щастливый знак.

12

В брегах да льются тихо реки,
Не смея чрез предел ступить;
Да придут все страны далеки
С концев земных Тебе служить.
Возри на света шар пространный,
Возри на понт, Тебе подстланный,

---

[p] *Рук. 1751*
Один трясет свирепым югом.

[c] *Рук. 1751*
То нас желанный мир забавит.

Библиотека "Руниверс"

Возри в безмерный круг небес: [т]
Он зыблется и помавает
И славу зреть Твою желает
Светящих тьмами в нем очес.[12]

13

Возри на труд и громку славу,
Что свет в Петре неложно чтит: [у]
Нептун познал Его державу,
С Минервой сильный Марс гласит:
«Он Бог, он Бог твой был, Россия,
Он члены взял в тебе плотския,
Сошед к тебе от горьних мест; [13]
Он ныне в вечности сияет,
На Внука весело взирает
Среди Героев, выше звезд.» [ф]

14

Творец и Царь небес безмерных,
Источник лет, веков Отец,
Услыши глас Россиян верных
И чисту искренность сердец!

[т] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765 вместо стихов 115—117*

Возри на круг земной пространный.
Возри на понт, Тебе подстланый.
Возри в безмерный шар небес.

[у] *Рук. 1751*

Что свет в Петре поправу чтит.

[ф] *Рук. 1751 вместо стихов 127—130*

Ступив к тебе от горьних сел;
Он ныне выше звезд поставлен,
Но Петр тебе по Нем оставлен —
Наследник имени и дел.

Библиотека "Руниверс"

Как естьли сей предел положен,
Что выше степень не возможен,[x]
Куда делами Петр возшел,
Яви сию щедроту с нами,[ц]
Да превзойдет Его летами
Наследник имени и дел.

[x] *Рук. 1751*
Что вышший степень невозможен.

[ц] *Рук. 1751*
Яви сию хоть милость с нами.

Библиотека "Руниверс"

29

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 143[а]

1

Благословен Господь мой Бог,
Мою десницу укрепивый
И персты в брани научивый
Сотреть врагов взнесенный рог.[6, 1]

2

Заступник и спаситель мой,
Покров, и милость, и отрада,
Надежда в брани и ограда,
Под власть мне дал народ святой.

3

О Боже, что есть человек,
Что ты ему себя являешь,
И так его ты почитаешь,[в]
Котораго толь краток век.

[а] *Три оды* «Ода третия намбическая».

[б] *Рук. 1751*

Сотреть врагов вознесенный рог.

[в] *Три оды, Рук. 1751*

От твари больша быть вменяешь.

Библиотека "Руниверс"

4

Он утро, вечер, ночь и день[г]
Во тщетных помыслах проводит;
И так вся жизнь его проходит,
Подобно как пустая тень.[д]

5

Склони, Зиждитель, небеса,[е]
Коснись горам, и воздымятся,
Да паки на земли явятся[ж]
Твои ужасны чудеса.

6

И молнией твоей блесни,[з]
Рази от стран гремящих стрелы,[и]
Рассыпь врагов твоих пределы,
Как бурей, плевы разжени.[й]

[г] *Три оды*

Он утро, вечер, нощь и день.

[д] *Три оды вместо стихов 15—16*

И так вся жизнь его преходит,
Подобно как ночная тень.

[е] *Три оды*

Склони, Владыко, небеса.

[ж] *Три оды*

Пусть паки на земле явятся.

[з] *Три оды*

И молнию Твою блесни.

[и] *Три оды, Рук. 1751*

Бросай от стран гремящих стрелы.

[й] *Три оды*

Как плевы бурей разжени.

Рук. 1751

Как бурей оных разжени.

Библиотека "Руниверс"

ТРИ ОДЫ

ПАРАФРАСТІЧЕСКІЯ

ПСАЛМА 143

СОЧИНЕННЫЯ

ТРЕХЪ СТІХОТВОРЦОВЪ

КАЖДОЙ ОДНУ СЛОЖИЛЪ ОСОБЛИВО.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при ІМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ЃЋЂСС XLIV.

Титульный лист «Трех од парафрастических» (1744)

Библиотека "Руниверс"

7

Меня объял чужой народ,
В пучине я погряз глубокой;
Ты с тверди длань простри высокой,
Спаси меня от многих вод.[к]

8

Вещает лож язык врагов,
Десница их сильна враждою,
Уста обильны суетою,
Скрывают в сердце злобный ков.[л]

9

Но я, о Боже, возглашу
Тебе песнь нову повсечасно;
Я в десять струн тебе согласно
Псалмы и песни приношу,

10

Тебе, Спасителю Царей,
Что крепостью меня прославил,[м]

[к] *Три оды*

Избавь меня от многих вод.

[л] *Три оды вместо стихов 30—32*

Уста обильны суетою,
Десница их полна враждою,
Скрывают в сердце лесть и ков

Рук. 1751

Скрывают в сердце лесть и ков.

[м] *Три оды*

Давида в храбрости прославльшу.

Рук. 1751

Давида в крепости прославльшу.

Библиотека "Руниверс"

От лютаго меча избавил,[н]
Что враг вознес рукой своей.[о]

11

Избавь меня от хищных рук
И от чужих народов власти:
Их речь полна тщеты, напасти;
Рука их в нас наводит лук.

12

Подобно масличным древам
Сынов их лета процветают;
Одеждой дщери их блистают,
Как златом испещренный храм.

13

Пшеницы полны гумна их,
Несчетно овцы их плодятся,[п]
На тучных пажитях хранятся
Стада в траве волов толстых.

14

Цела обширность крепких стен,
Везде столпами укрепленных;[р]

[н] *Три оды, Рук. 1751*
От лютаго меча избавльшу.
[о] *Три оды*
Что враг взмахнул рукой своей.
[п] *Рук. 1751*
Не тщетно овцы их плодятся.
[р] *Три оды*
Везде столпами утвержденных.

Библиотека "Руниверс"

Там вопля в стогнах нет стесненных,
Не знают скорбных там времен.

15

Щастлива жизнь моих врагов!
Но те светлее веселятся,[c]
Ни бурь, ни громов не боятся,
Которым Вышний сам покров.

[c] *Три оды*
Но те светляе веселятся.

Библиотека "Руниверс"

30

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ[а] О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ

1

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли[б]
И Божия дела открыло.
Мой дух, с веселием внемли,
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков Зиждитель сам![в]

2

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло приближившись возреть,[г]

[а] *Рук. 1751 первоначальное* Об утреннем размышлении *исправлено рукой Ломоносова на* Утреннее размышление.

[б] *Рук. 1751*

Простерло лучь свой по земли.

[в] *Рук. 1751 вместо стихов 4—6*

Мой дух, чудяся им внемли,
Смотря на толь пресветлу тварь,
Представь, каков творец и царь.

[г] *Рук. 1751 вместо стихов 9—10*

Чтоб в солнце бренно наше око
Могло подробну все узреть.

Библиотека "Руниверс"

Тогдаб со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

3

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

4

Сия ужасная громада —
Как искра пред тобой одна.[д]
О коль пресветлая лампада
Тобою, Боже, возжжена[е]
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!

5

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполненны твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
«Велик Зиждитель наш, Господь!»[ж]

[д] *Рук. 1751*

Едина искра пред Тобой.

[е] *Рук. 1751*

Тобой воззженна, Боже мой.

[ж] *Рук. 1751 вместо стихов 29—30*

Там всякая являет плоть
Каков Зиждитель наш, Господь.

Библиотека "Руниверс"

6

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел,
Но взор твой в бездну проницает,
Не зная никаких предел.
От светлости твоих очей
Лиется радость твари всей.

7

Творец! Покрытому мне тмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда творити научи
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить тебя, безсмертный Царь.[3]

[3] *Рук. 1751*
Хвалит тебя, Творец и царь.

Библиотека "Руниверс"

31

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ[а] О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКАГО[б] СЕВЕРНАГО СИЯНИЯ

1

Лице свое скрывает день,
Поля покрыла мрачна ночь,[в]
Взошла на горы чорна тень,
Лучи от нас склонились прочь.[г]
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

2

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкой прах,
В свирепом как перо огне,

[а] *Рук. 1751 первоначальное* О вечернем размышлении *исправлено рукой Ломоносова на* Вечернее размышление.

[б] *Рук. 1751* великаго *вписано рукой Ломоносова.*

[в] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рит. 1765*

Поля покрыла влажна ночь.

[г] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рук. 1751, Рит. 1765*

Лучи от нас прогнала прочь.

Библиотека "Руниверс"

М. В. Ломоносов

Памятник работы И. П. Мартоса, открытый в Архангельске в 1839 г. Гравюра Н. И. Уткина (1836)

Библиотека "Руниверс"

Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслью утомлен![а]

3

Уста премудрых нам гласят:
«Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков;
Для общей славы божества
Там равна сила естества».[е, 1]

4

Но гдеж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнцель ставит там свой трон?
Не льдистыль мещут огнь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

5

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,

[а] *Ρит. рук. 1747, Ρит. корр., Ρит. 1748, Ρит. 1765 вместо стихов 11—12*

Как персть между высоких гор,
Так гибнет в ней мой ум и взор.

Ρук. 1751

Теряет так мой ум себя,
Смущен, пространство то смотря.

[е] *Ρит. рук. 1747*

Везде ‹теж свойства› таж сила естества.

Ρит. корр., Ρит. 1748, Ρук. 1751, Ρит. 1765

Там таже сила естества.

Библиотека "Руниверс"

Которым малый вещи знак
Являет естества устав,[ж]
Вам путь известен всех планет;[з]
Скажите, что нас так мятет?[и, 2]

6

Что зыблет ясный ночью лучь?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных тучь
Стремится от земли в зенит?[й]
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы раждал пожар?[к]

7

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят;

[ж] *Рит. рук. 1747*

Являет ‹оный весь› оныя устав.

[з] *Рит. рук. 1747*

‹Скажите нам, что север жжет› Скажите,
что наш ум мятет.

[и] *Рит. корр., Рит. 1748, Рук. 1751, Рит. 1765*

Скажите, что наш ум мятет.

[й] *Рит. рук. 1747*

Стремится от земли в Ценит.

[к] *Рит. рук. 1747 вместо стихов 35—36*

Как быть тому, чтоб мерзлой пар
Среди зимы раждал пожар?
‹Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест наших ме[ст].
Там спорит жирна мгла с водой
Иль солнца лучь в наш входит взор›.

Библиотека "Руниверс"

Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в ефир.[л, 3]

8

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажитеж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажитеж, коль велик Творец?[м]

[л] *Рит. рук. 1747 вместо стихов 41—42*

<Иль в море дуть престал Зефир>
Иль <дует> веет по морю Зефир
И движется от волн Ефир.

[м] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рук. 1751, Рит. 1765*

Ктож знает, коль велик Творец?

Библиотека "Руниверс"

32—41

[СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ «РИТОРИКИ» 1744 г.]

32

Кто хочет большим быть,
Тот должен всем служить.[1]

33

Высокий Кедров верьх внезапный юг нагнул,
Отторгнул лист с плодом, коренья с мест свихнул.
Склоняясь ниско, Кедр едва насильство сносит,
То верьх свой клонит вниз, то оной к верьху взбросит.
Однако ярой вихрь свою умножил власть,
Принудил древа верьх на землю с треском пасть.[1]

34

Сходящей с поль златых Авроры
Рука багряна сыплет к нам
Брильянтов, искр, цветов узоры,
Дает румянный вид полям,
Светящей ризой мрак скрывает
И к сладким песням птиц взбуждает.
Чистейший лучь доброт твоих
Украсил мой усердной стих,
От блеску Твоея порфиры
Яснеет тон нижайшей лиры.[1]

Библиотека "Руниверс"

35

Светящий солнцев конь
Уже не в дальной юг
Из рта пустил огонь,
Но в наш полночный круг.
Уже несносный хлад
С полей не гонит стад,
Но трав зеленый цвет
К себе пастись зовет.
По твердым вод хребтам
Не вьется вихрем снег,
Но тщится судна след
Успеть во след волнам.[1]

36

В златые дни со львом безсильной агнец спал,
И голубь с ястребом безбедно в лес летал.[1]

37

Чем ты дале прочь отходишь,
Грудь мою жжет большей зной,
Тем прохладу мне наводишь,
Естьли ближе пламень твой.[1]

38

Ты тверже, нежель тот металл,
Которой в стену ты заклал.[1]

39

Твой лавр достоин вечных хвал.[1]

Библиотека "Руниверс"

40

Смотрите, се Трофей стоит,
Плетутся се венцы лавровы.
Надежда ваша вас не льстит!
В пределах ваших нам готовы.[1]

41

Скажу без страху и без лести:
Твоей высокой славы, чести
Не может власть Твоя закрыть.[1]

Библиотека "Руниверс"

1745

42

ОДА НА ДЕНЬ БРАЧНАГО СОЧЕТАНИЯ ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЫСОЧЕСТВ ГОСУДАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА И ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКИЯ КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ 1745 ГОДА[а]

1

Не сад ли вижу я священный,
В Едеме Вышним насажденный,
Где первый узаконен брак? [1]
В чертог Богиня [2] в славе входит,
Любезнейших супругов вводит,[6]
Пленяющих сердца и зрак.
В одном Геройской дух и сила

[а] *Отд. изд.* Ода Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Елисавете Петровне, Императрице и Самодержице Всероссийской, и Их Императорским Высочествам Пресветлейшему Государю Великому Князю Петру Феодоровичу и Пресветлейшей Государыне Великой Княгине Екатерине Алексеевне на торжественный день брачнаго сочетания Их Высочеств приносится в знак искренняго усердия, благоговения и радости от всеподданнейшаго раба Михайла Ломоносова, Химии Профессора; *Рук. 1751* 1745 года *отсутствует.*

[6] *Отд. изд., Рук. 1751*

Прекраснейших Супругов вводит.

Библиотека "Руниверс"

Цветут во днях уже младых,[в]
В другой натура истощила
Богатство всех красот своих.

2

Исполнил Бог свои советы
С желанием Елисаветы:
Красуйся светло, Росский род.[г, 3]
Се паки Петр с Екатериной[4]
Веселья общаго причиной:
Ликуйте, сонмы многих вод.
Рифейских гор верьхи неплодны,
Одейтесь в нежный цвет лилей;
Пустыни и поля безводны,
Излейте чистый ток ключей.

3

На встоке, западе и юге,
Во всем пространном света круге
Ужасны Росские полки,
Мечи и шлемы отложите
И в храбры руки днесь возмите
Зелены ветьви и цветки.
Союзны царства, утверждайте
В пределах ваших тишину;
Вы, бурны вихри, не дерзайте
Подвигнуть ныне глубину.

[в] *Отд. изд., рук. 1751*

Цветут в летах уже младых.

[г] *рит. корр.*

Красуйся светло, Российский род.

Библиотека "Руниверс"

4

Девиц и юнош красных лики,
Взносите радостные клики
По мягким тихих рек брегам;
Пусть глас веселый раздается,
Пусть сей приятный глас промчется[д]
По холмам, рощам и лугам:
«К утехе Росскаго народа
Петра с Екатериной вновь
Счетает щастье и порода,
Пригожство, младость и любовь».

5

Как сладкий сон вливает в члены,
Чрез день трудами изнуренны,[е]
Отраду, легкость и покой,
Так мысль в веселье утопает.
О коль прекрасен свет блистает,
Являя вид страны иной!
Там мир в полях и над водами,
Там вихрей нет, ни шумных бурь,
Между млечными облаками[ж]
Сияет злато и лазурь.

[д] *Отд. изд., Рук. 1751*
Пусть сей веселый глас промчется.

[е] *Отд. изд., Рук. 1751, Соч. 1751*
Во дни, трудами изнуренны.

[ж] *Отд. изд., Рук. 1751, Соч. 1751*
Меж бисерными облаками.

Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765
Над бисерными облаками.

Библиотека "Руниверс"

6

Кристальны горы окружают,
Струи прохладны обтекают
Усыпанный цветами луг.
Плоды, румянцом испещренны,[з]
И ветьви, медом орошенны,
Весну являют с летом вдруг.
Восторг все чувства восхищает!
Какая сладость льется в кровь?
В приятном жаре сердце тает!
Не тут ли царствует любовь? [и]

7

И горлиц нежное вздыханье,
И чистых голубиц лобзанье
Любви являют тамо власть.
Древа листами помавают,
Друг друга ветьвми обнимают,
В бездушных зрю любовну страсть! [й]
Ручьи во след ручьям крутятся,
То гонят, то себя манят,
То прямо друг к другу стремятся
И, слившись меж собой, журчат.

[з] *Отд. изд., Рук. 1751*

Плоды, кармином испещренны.

[и] *Отд. изд., Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рук. 1751, Соч. 1751, Соч. 1759, Рит. 1765*

Не там ли царствует любовь.

[й] *Отд. изд., Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рук. 1751, Соч. 1751, Соч. 1759, Рит. 1765*

В бездушных там любовна страсть!

Библиотека "Руниверс"

8

Нарцисс над ясною водою,
Пленен своею красотою,
Стоит, любуясь сам собой.
Зефир, как ты по брегу дуешь,
Сто крат листки его целуешь
И сладкой те кропишь росой.[5]
Зефир, сих нежных мест хранитель,
Куда свой правишь с них полет?
Зефир, кустов и рощь любитель,
Что прочь от них тебя влечет?

9

Он легкими шумит крилами,
Взвивается под небесами
И льет на воздух аромат;
Царицу мест, любовь, сретает,
Порфиру и власы взвевает:
Она спешит в свой светлый град.
Индийских рек брега веселы,
Хоть вечна вас весна пестрит,
Не чудны ваши мне пределы,
Мой дух красу любови зрит.

10

Как утренния заря сияет,
Когда день ясный обещает,
Румянит синий горизонт,
Лице любови толь прекрасно.
В ночи горят коль звезды ясно
И проницают тихий Понт,
Подобно сей Царицы взгляды
Сквозь души и сердца идут,

Библиотека "Руниверс"

С надеждой смешенны отрады
В объяты страстью мысли льют.

11

Белейшей мрамора рукою
Любовь несет перед собою
Младых Супругов светлый лик;
Сама, смотря на них, дивится,
И полк всех нежностей теснится
И к оным тщательно приник.
Кругом ея умильны смехи[к]
Взирающих пленяют грудь,
Приятности и все утехи
Цветами устилают путь.

12

Усердна верность принимает
Носимый лик и поставляет
На крепких мраморных столпах,
Сребром чистейшим обведенных
И так от века утвержденных,
Как в тяжких Таврских нутр горах
Бурливых вихрей не боится[л]
И презирает молний блеск,
От мрачных тучь бежать не тщится,
В ничто вменяет громов треск.

[к] *Отд. изд., Рук. 1751 вместо стихов 104—107*

Натура оному дивится,
Воззреть земля и море тщится,
И звездный круг к тому приник.
Кругом его умильны смехи.

[л] *Отд. изд., Рук. 1751*

Перунов грозных не боится.

Библиотека "Руниверс"

13

Не сам ли в арфу ударяет[м]
Орфей, и камни оживляет,
И следом водит хор древес?
Любовь, и с нею восклицают
Леса и громко возвышают
Младых Супругов до небес.
В пригорках бьют ключи прозрачны,
Сверькая в солнечных лучах,
И сыплют чрез долины злачны
Чем блещет Орм[6] в своих краях.

14

Кастальски Нимфи ликовствуют,
С любовью купно торжествуют
И движут плесками Парнас;
Надежда оных ободряет,
Надежда тверда возбуждает
Возвысить громко брачный глас.
Надежда обещает явно;
Оне себе с весельем ждут
Иметь в России имя славно,
Щедротой ободренный труд.[н,7]

15

О ветвь от корене Петрова!
Для всех полночных стран покрова

[м] *Отд. изд., Рук. 1751*

Не сам ли в гарфу ударяет.

[н] *Отд. изд., Рук. 1751*

И мздою ободренный труд.

Библиотека "Руниверс"

Благополучно возрастай.[o]
О щедрая Екатерина,
Ты процветай краснее крина[п]
И сладки нам плоды подай.
От вас Россия ожидает
Щастливых и спокойных лет,[8]
На вас по всякой час взирает,
Как на всходящий дневный свет.[р]

16

Теперь во всех градах Российских,
По селам и в степях Азийских
Единогласно говорят:
«Как Бог продлит чрез вечно время
Дражайшее Петрово племя,
Щастлива жизнь и наших чад:
Не будет страшныя премены,[с, 9]
И от Российских храбрых рук
Рассыплются противных стены
И сильных изнеможет лук.

17

Петр силою своей десницы
Российски распростет границы

---

[o] *Отд. изд., Рук. 1751*

Благополучно израстай.

[п] *Отд. изд., Рук. 1751*

Ты процветай краснейши крина.

[р] *Отд. изд., Рук. 1751*

Как на прекрасный дневный свет.

[с] *Отд. изд., Рук. 1751, Соч. 1751*

Не будет страшной уж премены.

Библиотека "Руниверс"

И в них спокойство утвердит.
Дражайшия Его Супруги
Везде прославятся заслуги,
И свет щедрота удивит.
Он добродетель чрез награду
В народе будет умножать;
Она предстательством отраду
Потщится бедным подавать».

18

От Иберов[10] до вод Курильских,
От вечных льдов до токов Нильских
По всем народам и странам
Ваш слух приятный протекает,[т]
Языки многи услаждает,
Как благовонный фимиам.
Коль сладко путник почивает
В густой траве, где ключь течет,
Свое так сердце утешает,
Смотря на вас, Елисавет.

19

С горящей, солнце, колесницы,
Низвед пресветлыя зеницы,
Пространный видишь шар земной,
В Российской ты державе всходишь,
Над нею дневный путь преводишь
И в волны кроешь пламень свой;

[т] *Отд. изд.*
Имен слух Ваших протекает.

Рук. 1751 исправлено рукой Ломоносова Ваш слух приятный *вместо* Имен слух Ваших.

Библиотека "Руниверс"

Ты — нашей радости свидетель,
Ты зришь усердий наших знак,[11]
Что ныне нам послал содетель
Чрез сей благословенный брак.[у]

20

О Боже, крепкий Вседержитель!
Подай, чтоб Россов Обновитель[12]
В потомках вечно жил своих.[ф]
Воспомяни Его заслуги
И, преклонив небесны круги,
Благослови Супругов сих.
С высот твоих Елисавете
Посли святую благодать,
Сподоби Ту в грядущем лете
Петрова Первенца лобзать.[13]

[у] *Отд. изд., Рук. 1751*

Чрез сей благополучный брак.

[ф] *Отд. изд., Рук. 1751 вместо стихов 192—193*

Подаждь, да Россов Обновитель
В потомках будет жив Своих.

Библиотека "Руниверс"

1746

43

ОДА НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ[а] ПРЕСТОЛ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, 1746 ГОДА[б]

1

На верьх Парнасских гор прекрасный
Стремится мысленный мой взор,
Где воды протекают ясны
И прохлаждают Муз собор.
Меня не жажда струй прозрачных,
Но шум приятный в рощах злачных[в]
Поспешно радостна влечет.[1]
Там холмы и древа взывают

[а] *Рук. 1751* Всероссийский *отсутствует.*

[б] *Рук. 1751* 1746 года *отсутствует; Отд. изд.* Ода на пресветлый праздник восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Елисаветы Петровны, Императрицы и Самодержицы Всероссийския, которою Ея Величеству Всеусерднейшее поздравление приносит всеподданнейший раб Михайло Ломоносов. 1746 ноября 25 дня.

[в] *Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765 вместо стихов 5—6*

Меня надежда струй прозрачных
На шум приятный в рощах злачных.

Библиотека "Руниверс"

И громким гласом возвышают
До самых звезд Елисавет.

2

И се уже рукой багряной
Врата отверзла в мир заря,[2]
От ризы сыплет свет румяной
В поля, в леса, во град, в моря,[3]
Велит ночным лучам склониться
Пред светлым днем и в тверьди скрыться
И тем почтить его приход.
Он блеск и радость изливает
И в красны лики созывает
Спасенный днесь Российский род.

3

Взирая на дела Петровы,
На град, на флот и на полки
И купно на свои оковы,
На сильну власть чужой руки,
Россия ревностно вздыхала[4]
И сердцем всякой час взывала
К Тебе, Защитнице своей:
«Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни нам Петрово Племя,
Утешь, утешь Твоих людей,[г]

4

Покрой Отечески законы,
Полки противных отжени
И святости Твоей Короны

[г] *Отд. изд., Рук. 1751, Соч. 1751*
Утешь печаль Твоих людей.

Библиотека "Руниверс"

Чужим коснуться возбрани;
От церькви отврати налоги: [5]
Тебя Монарши ждут чертоги,
Порфира, Скипетр и Престол;
Всевышний по́йдет пред Тобою
И крепкою Тебя рукою
От страшных всех защи́тит зол».[A]

5

Какую чувствует премену
Желанием вперенный дух?
Се мысль, внезапно возхищенну,
Веселый ободряет слух!
Уже со многими народы
Гласит ефир, земля и воды,
И камни вопиют теперь:
«К нам щедро небо преклонилось,
И щастье наше обновилось:
На трон взошла Петрова Дщерь».

6

О утра час благословенный,
Дражайший нам златых веков!
О вестник щастья, вожделенный
Для нас и будущих родов!
Ты коль велику дал отраду,
Когда открыл Петрову граду
Избавльшия Богини зрак!

[A] *Отд. изд., Рук. 1751 вместо стихов 39—40*

И крепкою своей рукою
От всех Тебя защитит зол.

Библиотека "Руниверс"

Мы в скорбной темноте заснули,[e]
Но в радости от сна вспрянули,[6]
Как ты нощный рассыпал мрак.

7

Уже народ наш оскорбленный
В печальнейшей нощи сидел.[ж]
Но Бог, смотря в концы вселенны,
В полночный край свой взор возвел,
Взглянул в Россию кротким оком
И, видя в мраке ту глубоком,
Со властью рек: «Да будет свет».
И бысть![7] О твари Обладатель!
Ты паки света нам Создатель,
Что взвел на трон Елисавет.

8

О день блаженный, день, избранный
Для щастия полночных стран!
Тобой сугубо осиянный
Восток и льдистый Океан
Свои колена преклоняют[8]
И же́ртву ныне возжигают
Усердну в радостных сердцах
Пред Солнцем, на земли светящим,
Что нам, в печальной тьме седящим,
Проливши свет, отгнало страх.

9

Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей

---

[e] *Рук. 1751*
Мы в скорбной тме заснули.

[ж] *Отд. изд.*
В плачевнейшей нощи сидел.

Библиотека "Руниверс"

С пределами небес сражалось,
Земля стенала от зыбей,
Что вихри в вихри ударялись,
И тучи с тучами спирались,
И устремлялся гром на гром[9]
И что надуты вод громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты гор с влажным дном.

10

Я духом зрю минувше время:
Там грозный злится исполин[з]
Рассыпать земнородных племя
И разрушить натуры чин![и]
Он ревом бездну возмущает,
Лесисты с мест бугры хватает
И в твердь сквозь облака́ разит.
Как Этна в ярости дымится,[й, 10]
Так мгла из челюстей курится
И помрачает солнца вид.

11

Но, о прекрасная планета,
Любезное светило дней!
Ты ныне, чрез пределы света
Простерши блеск твоих лучей,

[з] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765*

Там грозный зрится исполин.

[и] *Рит. рук. 1747*

‹Племя› И разрушить натуры чин.

[й] *Отд. изд., Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рук. 1751, Соч. 1751, Соч. 1759, Рит. 1765*

Сиканской как Вулкан дымится.

Библиотека "Руниверс"

Спасенный север освещаешь [11]
И к нам веселый вид склоняешь,[12]
Взирая на Елисавет
И купно на Ея доброты:
От Ней текут на всех щедроты,
Как твой повсюду ясный свет.

12

О вы, недремлющие очи,
Стрегущие небесный град!
Вы, бодрствуя во время ночи,
Когда покоясь смертны спят,
Взираете сквозь тень густую
На целу широту земную.
Но чаю, что вы в оной час,
Впротив естественному чину,
Петрову зрели Дщерь едину,
Когда пошла избавить нас.[13]

13

Сладка плодам во время зною
Прохлада влажныя росы,
И сон под тенью древ густою
Приятен в жаркие часы;
Но вящшу радость ощущает [к]
Мой дух, когда воспоминает
Российския отрады день.[14]
Еще приходит плеск во уши!
Пленяюща сердца и души
Тогдашней нощи зрится тень!

[к] *Отд. изд., Рук. 1751*

Но вящшу радость восхищает.

Библиотека "Руниверс"

14

По стогнам шумный глас несется
Елисаветиных похвал,
В полках стократно раздается:
«Великий Петр из мертвых встал!
Мы прóйдем с Ним сквозь огнь и воды,
Предолим бури и погоды,
Поставим грады на реках,
Мы дерский взор врагов потупим,
На горды выи их наступим,
На грозных станем мы валах».[15]

15

Коль наша радость справедлива!
Нас красит сладостный покой;
О коль, Россия, ты щастлива
Елисаветиной рукой!
Противны сил Ея страшатся
И купно милости чудятся.
Таков Екатеринин лик
Был щедр, и кроток, и прекрасен;
Таков был Петр — врагам ужасен,
Своим Отец, везде велик.

16

Что вы, о позные потомки,
Помыслите о наших днях?
Дела Петровой Дщери громки
Представив в мысленных очах
И видя зрак изображенный,
Среди Героев вознесенный,
Что молвите между собой?
Не всяк ли скажет быть чудесно,

Библиотека "Руниверс"

Увидев мужество [л] совмесно
С толикой купно красотой? [16]

17

Велико дело есть и знатно
Сердца народов привлещи,
И странно всем и непонятно
Пол света взять в одной нощи!
Но кое сердце толь жестоко,
Которо б Сей Богини око
Не сильно было умягчить?
И кая может власть земная,
На Дщерь и дух Петров взирая,
Себя противу ополчить?

18

Пять крат под щастливой державой
Цветами красилась земля;
Стократной облеклися славой
Российски грады и поля.
Стоят трофеи вознесенны, [17]
Цветут оливы, насажденны [м]
Елисаветиной рукой, [18]
Что новых светов досягает, [н, 19]
От Той Европа ожидает,
Чтоб в ней возставлен был покой. [20]

[л] *Рук. 1751, Соч. 1751, Соч. 1757 ошибочно* множество

[м] *Отд. изд., Рук. 1751 вместо стихов 175—176*

Трофеи в оных вознесенны,
С оливой пальмы насажденны.

[н] *Отд. изд., Рук. 1751*

Америки Та досязает.

Библиотека "Руниверс"

19

Хотя от смертных сокровенно
Грядущих бытие вещей,
Однако сердце, просвещенно
Величеством Богини Сей,
На будущие дни взирает[21]
И больше щастье предвещает.
Конец увидим оных дел,
Что ради нашего блаженства
На верьх поставить совершенства
Всходящий в небо Петр велел.

20

Кто может все хвалы достойно
Сея Монархини сказать?
Чья Муза толь красно и стройно
Пред Нею может возъиграть?
Я Лиру ныне подверьгаю
Стопам Ея и возглашаю:
«Подай, о сильно Божество!°
Да узрят многих лет округи
Ея к отечеству заслуги
И светло днешне торжество.

21

Да возрастет Ея держава,
Богатство, щастье и полки
И купно дел Геройских слава,
Как ток великия реки

° *Отд. изд., Рук. 1751*
Подаждь, о сильно Божество!

Библиотека "Руниверс"

Чем дале бег свой простирает,
Тем больше вод в себя вмещает
И множество градов поит;
Разлившись, на поля восходит,
Обильный тук на них наводит
И жатвы щедро богатит».

Библиотека "Руниверс"

44

ОДА НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, 1746 ГОДА[а]

1

В сей день, блаженная Россия,
Любезна небесам страна,[1]
В сей день от высоты святыя
Елисавет тебе дана —
Воздвигнуть нам Петра по смерти,[б]
Гордыню сопостатов стерти
И в ужас оных привести,
От грозных бед тебя избавить,
Судьей над царствами поставить
И выше облак вознести.[2]

[а] *Отд. изд.* Ода Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Елисавете Петровне, Императрице и Самодержице Всероссийской, которою в торжественный праздник Ея Величества декабря 18 дня 1746 искренния и всеусерднейшия свои желания приносит Всеподданнейшая Академия Наук; *Рук. 1751* 1746 года *отсутствует.*

[б] *Отд. изд., Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рук. 1751, Соч. 1751, Соч. 1759, Рит. 1765*

Воздвигнути Петра по смерти.

Библиотека "Руниверс"

2

О Дщерь Гремящаго над нами,
О мати всех племен земных,[в] [3]
Натура, чудная делами,
Как естьли таин ты своих
Меня достойным быть судила,
И естьли слаба мыслей сила
Проникнуть[г] может в твой чертог,
Представь мне оную годину
И купно бег светил по чину,[4]
Как вышний дал нам сей залог.

3

Сквозь тучи бывшия печали,
Что лютый рок на нас навел,[5]
Как горы о Петре рыдали
И понт в брегах своих ревел,
Сквозь страшны Россам перемены,[6]
Сквозь прах, войнами возмущенный,
Я вижу тот пресветлый час.
Там круг[7] младой Елисаветы[д]
Сияют щастливы планеты,[8]
Я слышу там натуры глас.[е]

[в] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765*

И мати всех племен земных.

[г] *Соч. 1757 ошибочно* Приникнуть.

[д] *Отд. изд., Рук. 1751, Соч. 1751*

Там вкруг младой Елисаветы.

[е] *Отд. изд., Рук. 1751*

И озаряют Ту для нас.

Библиотека "Руниверс"

4 [ж]

Седя на блещущем престоле,
Составленном из твердых гор,
В пространном всех творений поле
Между стихий смиряет спор;
Сосцами реки проливает
И теми всяку тварь питает.[з]
Зелену ризу по лугам
И по долинам расширяя,
Из уст Зефирами дыхая,
С веселием вещает к нам:

5

«Я с вами ныне торжествую,
Мне сих часов краснее нет,
Что Героиню таковую
В сей день произвела я в свет.
В Ней хитрость[9] вся моя и сила
Возможность крайню положила;
Я избрала щастливой знак[и]
Надежду показать нелестну:
В пространну высоту небесну
Прилежно возведите зрак.

[ж] *Отд. изд., Рук. 1751 строфы 4 и 5 отсутствуют.*

[з] *Соч. 1751 вместо стихов 35—36*

Сосцами всяку плоть питает,
От чрева реки проливает.

[и] *Соч. 1751*

И счастливый избрала знак

Библиотека "Руниверс"

6

Се солнце бег свой пременяет
И к вам течет умножить день,[й]
На север взор свой обращает
И оным прогоняет тень,
Являя, что Елисавета
В России усугубит света
Державой и венцем своим.
Ермий,[к] наукам предводитель,
И Марс, на брани победитель,
Блистают совокупно с ним.

7

Там муж, звездами испещренный,
Свой светлый напрягает лук,
Диана[л] стрелы позлащенны
С ним мещет из прекрасных рук.
Се небо показует ясно,
Коль то с добротами согласно
Рожденныя в признаках сих:
От ней Геройство с красотою

[й] *Отд изд., Рук. 1751 вместо стихов 51—52*

Там солнце бег свой пременяет
И к нам течет умножить день.

[к] *Отд. изд., Рук. 1751 к слову* Ермий *Ломоносовым сделана сноска* Во время рождения Ея Императорскаго Величества планеты Меркурий и Марс стояли в одном знаке с солнцем.

[л] *Отд. изд., Рук. 1751 к слову* Диана *Ломоносовым сделана сноска* Луна тогда стояла в созвездии Стрельца.

Библиотека "Руниверс"

По всюду миром и войною
Лучи пускают дней златых».[м]

8

Сие предвестие природы
Хотя представило тогда,
Что ты возвеселишь народы,[н]
О глав венчанных красота!
Но вящша радость восхищала
Взирающих и оживляла,
Когда даров Твоих признак
Надежнее в лице открылся,[о]
Что точно в нем изобразился
Родителей великих зрак.[п]

9

В тебе прекрасный дом создали
Душе великой небеса,

[м] *Отд. изд., Рук. 1751 вместо стихов 67—70*

Рожденной днесь Богини сей:
Та духом мужеским пронзает
Врагов и купно уязвляет
Щедротой и красой Своей.

[н] *Отд. изд., Рук. 1751 вместо стихов 71—73*

Сии признаки вожделенны
Хотя представили тогда
Твои дары благословенны.

[о] *Отд. изд., Рук. 1751 вместо стихов 77—78*

Когда надежнейший признак
В младенческом лице открылся.

[п] *Отд. изд., Рук. 1751*

Родителей дражайших зрак

Библиотека "Руниверс"

Свое блистание влияли[р]
В твои пресветлы очеса;
Лице всходящия денницы
И бодрость быстрыя Орлицы
И в нежнейших являлись днях;
Уже младенческие взгляды[с]
Предвозвещали те отрады,
Что бедным нынь отъемлют страх.

10

Ты суд и милость сопрягаешь,
Повинных с кротостью казнишь.
Без гневу злобных исправляешь,[т]
Ты осужденных кровь щадишь.[10]
Так Нил смиренно протекает,
Брегов своих он не терзает,
Но пользой выше протчих рек:
Своею сладкою водою,
В лугах зеленых пролитою,[у]
Златой дает Египту век.[11]

11

Как ясно солнце возсияло
Свой блеск впервые на Тебя,

[р] *Отд. изд., Рук. 1751, Соч. 1751*

Свое блистанье излияли.

[с] *Отд. изд., Рук. 1751 вместо стихов 87—88*

В младенческих являлись днях,
Уже и нежнейшие взгляды.

[т] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765*

Без гнева злобных исправляешь.

[у] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765 вместо стихов 98—99*

Своею тихою водою,
В брегах зеленых пролитсю.

Библиотека "Руниверс"

Уж щастье руку простирало,
Твои приятности любя,
Венец держало над главою
И возвышало пред Тобою
Трофеи отческих побед,
Преславных чрез концы земныя.
Коль щастлива была Россия,
Когда воззрела Ты на свет! [12]

12

Тогда от радостной Полтавы
Победы Росской звук гремел.
Тогда не мог Петровой славы
Вместить вселенныя предел,
Тогда Вандалы [13] побежденны [ф]
Главы имели преклоненны
Еще при пеленах твоих;
Тогда предъявлено судьбою,
Что с трепетом перед Тобою
Падут полки потомков их.[14]

13

О сладкой нежности обитель!
О вы, блаженныя места,
Где храбрый Готов Победитель [х]
Лобзал и в очи, и в уста
Впервые плод свой вожделенный,
Свой плод, меж лаврами рожденный,[15]
Вас оных радостных времен

ф *Отд. изд., Рук. 1751*

Тогда Вандалы низложенны.

х *Соч. 1751*

Где храбрый Готфов Победитель.

Библиотека "Руниверс"

Любезна память услаждает,
И оный день вам пребывает
В бесчетны веки незабвен.[ц]

14

Но се различные языки
От рек великих и морей
Согласные возносят клики,
К тебе, Монархине своей,
Сердца и руки простирают
И многократно повторяют:
«Да здравствует Елисавет,
Для Росской славы днесь рожденна,
Да будет свыше укрепленна
Чрез множество щастливых лет».

15

Сие гласит Тебе Россия
И купно с ней наук собор.
Предведущая Урания[ч]
Возводит к верьху быстрый взор,[ш]
Небесны беги наблюдает
И с радостию составляет
Венец Тебе из новых звезд.
Тебе искусство землемерно
Пространство показать безмерно
Незнаемых желает мест.[16]

[ц] *Отд. изд., Рук. 1751, Соч. 1751*

В безсмертны веки незабвен.

[ч] *Отд. изд., Рук. 1751* к слову Урания *Ломоносовым сделана сноска* Астрономия.

[ш] *Рук. 1751*

Возводит к верьху острый взор.

Библиотека "Руниверс"

16

Парящей Поезии ревность [щ]
Дела твои превознесет,[ъ]
Ни гнев стихий, ни ветха древность
Похвал Твоих не пресечет;
Открыты естества уставы
Твоей умножат громкость славы,[ы]
Но все художество свое
Тебе Иппократ [ь] посвящает
И усугубить тем желает
И век, и здравие Твое.[э]

17

Да будет тое невредимо,
Как верьх высокия горы
Взирает не поколебимо
На мрак и вредные пары;
Не может вихрь его достигнуть,

[щ] *Рук. 1751*
Паряща Стихотворца ревность

[ъ] *Отд. изд. вместо стихов 151—152*

Паряща Стихотворства ревность
До звезд Тебя превознесет.

Рук. 1751

До звезд Тебя превознесет.

[ы] *Отд. изд., Рук. 1751 вместо стихов 155—156*

К тебе усердной музы пламень
Вечняе, нежель твердый камень.

[ь] *Отд. изд., Рук. 1751* к *слову* Иппократ *Ломоносовым сделана сноска* Изобретатель Медицины.

[э] *Отд. изд., Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рук. 1751, Соч. 1759, Рит. 1765*

Дражайше здравие Твое.

Библиотека "Руниверс"

Ни громы страшные подвигнуть; [10]
Взнесен к безоблачным странам,
Ногами тучи попирает,
Угрюмы бури презирает,
Смеется скачущим волнам.

[10] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рит. 1765*
Ни громы страшные достигнуть.

Библиотека "Руниверс"

1747

45—136

[СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ «РИТОРИКИ» 1748 г.]

45

Поставлен на столпах высоких солнцев дом,
Блистает златом вкруг и в яхонтах горит;
Слоновый чистый зуб верьхи его покрыл;[а]
У врат на вереях сияет серебро.
Но выше мастерство материи самой:
Там море изваял кругом земли Вулкан,[б]
И землю, и над ней пространны небеса.[1]

46

ПРЕЛОЖЕНИЕ[в] ПСАЛМА 14

1

Господи, кто обитает
В светлом доме выше звезд?

[а] *Рит. рук. 1747*

Слоновый ‹зуб как снег› чистый зуб верьхи его покрыл.

[б] *Рит. рук. 1747*

Там море изваял кругом земли ‹Нептун› Вулкан.

[в] *Рук. 1751 первоначальное* Парафразис *исправлено рукой Ломоносова на* Преложение.

Библиотека "Руниверс"

Кто с тобою населяет
Верьх священный горних мест?

2

Тот, кто ходит непорочно,
Правду завсегда хранит
И нелестным сердцем точно,
Как устами, говорит; [6]

3

Кто языком льстить не знает,[b]
Ближним не наносит бед,
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед;

4

Презирает всех лукавых,
Хвалит вышняго рабов
И пред ним душею правых,
Держится присяжных слов;

5

В лихву дать сребро стыдится,
Мзды с невинных не берет.
Кто так жить на свете тщится,
Тот во веки не падет.[1]

---

[6] *Рук. 1751, Соч. 1751*

Как языком говорит.

[b] *Рук. 1751, Соч. 1751*

Кто устами льстить не знает.

Библиотека "Руниверс"

47

О имя, купно с розами рожденно!
Тобой зовется лета часть прекрасна.[a]
Ты сладко, как цветы и мед Иблейский
И как блаженный Нектар на Олимпе.
Тобою бы желал назваться отрок,
Зевесов виночерпец.[1]

48

Старается во сне свой голод утолить,
Но движет лишь уста и зуб на зубе трет.[a]
Он думает, что ест, но токмо лстится тем
И вместо пищи ветр глотает лишь пустой.
Но как уже алчба отгнала сон его,
Почувствовал огонь на тощем животе
И тотчас просит все, что воздух и земля
И что родят моря, но голоден при всем.
Ужь полные столы неполны перед ним;
Чем град доволен весь, он тем один несыт.[1]

49

Ужь Илион лежит, Гречанкам ненавистный.
Едва того Приям и Троя стоит вся.
Други вожди пришли, дымятся олтари;
Ужь отческим богам Симойски жгут добычи;[a]
Жены приносят дар, что здравы их супруги [1]

---

[a] *(К 47). Рит. рук. 1747*

Тобой зовется ‹часть› лета часть прекрасна.

[a] *(К 48). Рит. рук. 1747*

‹Вотще отверз› Но движет лишь уста и зуб на зубе трет.

[a] *(К 49). Соч. 1759*

И отческим богам Симойски жгут добычи.

Библиотека "Руниверс"

50

Троянских стен верьхи уже во рвах лежат,
И где Приям судил, тут дики звери спят.[а]
Трава и лес растет, где домы были сперва;
Лишь пепел капищь зрит на месте жертв Минерва.[б]

51

Как ниву лютый огнь снедает в бурный вихрь
Или когда, с горы стремлясь, река течет,
Терзает жатвы с поль, весенный труд волов,
И лес стремглав валит, стоящий на бугре, —
Оцепенев пастух не знает, что шумит.[1]

52

За здравие твое. Мы как бы у Атрида;
Твоею, Ахиллес, здесь пищею довольны.
Ты нас столом своим довольно угостил.
Не ради пиршества к тебе мы нынь пришли:
Нас Греческих полков погибель устрашает,
И наши корабли едвали уцелеют.
Уже тебе пора во крепость облещись:
Трояна близ судов поставили свой стан,
И их союзники зажгли в полках огни,
Грозятся купно все, что с брегу не отступят,
Пока до кораблей Ахейских не достигнут,
И, грянув,[а] сам Зевес дает им добрый знак.[б]

[а] *(К 50). Рит. 1744*

И где Приам судил, тут дики звери спят.

[б] *Рит рук. 1747 третий стих был четвертым, а четвертый — третьим.*

[а] *(К 52). Рит. рук. 1747* грянув *вставлено над строкой над словом* Зевес.

[б] *Рит. рук. 1747*

И сам Зевес грянув ‹гремит› дает им добрый знак.

Библиотека "Руниверс"

Надеясь на него, Приямов храбрый сын
В ужасной ярости всех Греков презирает
И в бешенстве своем богов не почитает,[в]
Желает, чтоб заря скорее началась,
И хвастает отсечь[г] все носы у судов,[д]
И флот весь истребить, возжегши хищный пламень,
И Греков всех убить, смятенных в мрачном дыме.[е]
Сего весьма страшусь, и чтоб сему Зевес[ж]
Так быть не попустил, и не судил бы рок
Под Троей умереть далече от Еллады.
Как естьли хочешь, ты то стань за нас хоть позно[з]
И Греческих сынов избавь от сей беды.
Ты будешь сам тужить, как нам случится зло,
И рад бы пособить, да способов не будет.
Подумай, чтобы нынь избыть от злой годины.[и]
Приятель, вспомни, что родитель приказал,
В которой день тебя к Атриду посылал:
Дадут тебе, сказал, Юнона и Минерва
Победу на врагов, ты будь великодушен.

[в] *Соч. 1759*
И в бешенстве других богов не почитает.

[г] *Рит. рук. 1747* отсечь *вместо исправленного* рассечь.

[д] *Рит. рук. 1747*
И хвастает ‹рассечь на части› отсечь все носы у судов.

[е] *Рит. рук. 1747*
И греков всех убить ‹от дыму возмущ[енных]›,
смятенных в мрачном дыме.

[ж] *Рит. рук. 1747*
Сего весьма страшусь, и чтоб ‹тому› сему Зевес.

[з] *Рит. рук. 1747*
Как естьли хочешь ты, ‹хоть позно стань за нас›
то стань за нас хоть позно.

[и] *Соч. 1759*
Подумай, что бы нам избыть от злой годины.

Библиотека "Руниверс"

Всего похвальнее добросердечным быть.[й]
Блюдись всегда вражды и ссоры начинать,
То будут тебя чтить и стары и младые.
Он так тебя учил, а ты позабываешь.
Покинь свой лютый гнев и будь спокоен духом.
За то Агамемнон почтит тебя дарами.[к. 1]

53

Нестыдно ли уж вам сидеть в осаде снова
И смерти ждать в стенах? Вы двожды взяты в Трое
Улисса нет у нас, у нас Атридов нет.
Жестокий наш народ от роскоши бежит,[а]
Мы хладною водой младенцов укрепляем,
Подрослые в лесах всегда зверей гоняют.

* *
*

Но вас багряная одежда украшает;
Вы любите плясать и в роскошь отдаваться.

* *
*

Подите по горам Диндимским за свирельми:
Венера вас зовет тимпаном и трубами;
Оружие свое мущинам, нам, отдайте![б. 1]

[й] *Рит. рук. 1747*

Всего похвальнее добросердечным ‹слыть› быть.

[к] *Рит. рук. 1747*

‹Тебя› Зато Агамемнон почтит‹ь› тебя дарами ‹хочет›.

[а] *Соч. 1759*

Жестокой наш народ от роскошей бежит.

[б] *Рит. рук. 1747*

Оружие свое мущинам ‹вы›, нам, отдайте.

Библиотека "Руниверс"

54

Что? Разве ты понес, о Турн, труды вотще?
Уступишь ты свой скиптр Троянским беглецам?
Латин уж не тебе, но им отдать намерен
Лавинию свою, придано и наследство,
Что все ты заслужил сам кровию своей.[а, 1]

55

Насмешка остротой скорее проницает
И знатныя дела свободно пресекает.[а, 1]

56

Зевес, богов отец, егоже сильный гром[а]
Страшит восток, и юг, и дальный солнцев дом,[б, 1]
Я мир тебе принес, ты царствуй безопасно:
Что было на земли и в тартаре ужасно,
То все я сокрушил Геройской сей рукой[в]

[а] *(К 54). Рит. рук. 1747*

Что все ты заслужил ‹ужь› сам кровию своей.

[а] *(К 55). Соч. 1759*

И важныя дела свободно пресекает.

[а] *(К 56). Черновик*

Зевес, богов отец, его же ‹страшн[ый]› силный гром.

Соч. 1759

Зевес, богов отец, в твоей деснице гром.

[б] *Черновик*

Страшит восток, и юг, и позный солнцев дом.

[в] *Черновик*

То все я ‹разрушил› сокрушил Геройской сей рукой.

Библиотека "Руниверс"

И свету показал, что я рожден тобой.[г]
Уж некуда тебе бросать гремящи стрелы; [д]
Я спас от лютых бед вселенныя пределы.[е, 3]

57

Ах, жалко! Без тебя лилеи почернели,
И ясныя струи, и вина мне противны.
Но естьли придешь ты, лилеи побелеют,
И ясныя струи, и вина будут сладки.[1]

58

Он, гневом воспален, возвел свирепый взор
На Илионский брег, где Гречески суда,
И, руки протянув, вскричал: О сильный Боже!
Пред флотом я в суде, и мне Уликс соперник! [1]

59

Уже, всходя, заря на землю сыплет блеск,
Востав с багрянаго Тритонова одра;

[г] *Черновик*

И свету показал, что { ты родитель мой / я рожден тобой.

[д] *Рит. рук. 1747*

Ужь ‹не на что брос[ать]› некуда тебе бросать
гремящи стрелы.

Черновик

Уж некуда бросать твои разженны стрелы.

[е] *Черновик*

‹Избавлен от беды› Я спас от лютых бед вселенныя
пределы.

и было добавлено

Или самим богам ужасен Геркулес?
Или неможет с ним Атлант здержать небес? [2]

Библиотека "Руниверс"

Дидона на свету с высокаго чертога
Узрела, что ужь флот отходит парусами
И что на берегу матрозов больше нет;
Ударила рукой в свою прекрасну грудь
И, волосы свои терзая, говорит:
«О, Боже мой! Уйдет пришлец сей насмеявшись?
Или не хочет град за ним бежать в погоню?
И Карфагенской флот ограбить их судов?
Расправьте парусы, с огнем гребите в след.
Но что я говорю? Где я? И где мой разум?
Тебя нынь рок постиг, нещастлива Дидона! [а]
Тогдаб то говорить, когда давала скиптр.[б]
Таков мне верен тот, что отческих богов
И в старости отца из пламени исхитил.
Неможноль было мне терзать его на части,
Убить товарищей и сына умертвить,
И члены бы его отцу поставить в снедь? [в]
Но щастье на бою сомнительно. Да пусть бы.
Хотящей умереть, кого уже бояться?
Зажглаб все корабли, и с сыном бы отца
Истнила, и сама поверглась бы на них.[г]

[а] *Соч. 1759*

Тебя злой рок постиг, нещастлива Дидона!

[б] *Рит. рук. 1747 этот стих вместо зачеркнутого*

Тогдаб ‹себе› то говорить, как скиптр ты отдавала.

[в] *Рит. рук. 1747*

И части бы его отцу поставить в снедь?
‹Но ктобы победил ? ‹‹да›› Пусть, насбы победили›.

Соч. 1759

И члены бы его отцу во пищу дать?

[г] *Соч. 1759 вместо стихов 21—23*

Кто хочет умереть, кого ему бояться?
Сожечь было весь флот, и сына, и отца
Тем жаром истребить, и вдруг саму себя.

Библиотека "Руниверс"

О солнце, что на всю вселенную взираешь,
И знающая всю тоску мою, Юнона,
Прозерпина, и вы, о мстящия фурии,
И боги умереть желающей Дидоны!
Внемлите и мою услышьте днесь мольбу:[д]
Когда Зевес судил, чтоб лютый сей злодей
Достигнул до земли и до брегов Гесперских,
Что рок так положил и переменить неможно,
То пусть хотя его жестоко мучит брань;
Изгнан и отлучен от сына своего,
Пусть просит помощи, зря злую смерть другов;
И как ужь заключит поносный мир с врагами,
То пусть тогда, своим не насладився царством,
Не видев радости, безвремянно падет
И будет посреди песку непогребен.
Сего прошу и дух мой с кровью проливаю».[е, 1]

60

Умножь теперь свой гнев и будь бодра, как прежде,
И стары злы дела почти за добродетель.
Медея ныне я, и дерзость в зле растет,
Весьма полезно мне, что мной убит мой брат,[а]

[д] *Рит. рук. 1747*

‹Внушите› ‹Внемлите нынь сие во мне›.

Соч. 1759

Внемлите и мою услышите мольбу.

[е] *Рит. рук. 1747*

Сего прошу и дух свой с кровью проливаю.

[а] *Рит. рук. 1747*

Весьма полезно мне ‹теперь›, что мной убит мой брат.

Библиотека "Руниверс"

Что мной растерзан был и на пути разметан;
Полезно, что отец лишен руна златаго.[6]
Незнаю, что теперь злый дух мой умышляет
И сам себе едва представить ясно смеет.

* *
*

К неслыханному злу рука моя готова.
Примите, дети, казнь за отческу неверность.
Трепещет грудь моя, и члены цепенеют!
Отходит лютость прочь: я стала снова мать.
Ах! Как мне кровь пролить драгих своих детей?

* *
*

Однако не мои, пускай уже погибнут.
Ах, нет, они мои! и ничему невинны![в]
Но равно, как они, и брат невинен был.
Что зыблешься, мой дух? И слезы что текут?
Любовь влечет в страну, а гнев влечет в другую.

* *
*

Ко мне, дражайший плод, в объятия бегите:
Единых видит вас сей скорбный дом отраду.
Но ненависть кипит, болезнь воспламенилась,
И прежней гнев бодрит мои к убийству руки,
Я следую тебе, куда ни поведешь.[1]

---

[6] *Рит. рук. 1747*

‹И что лишила я отца› Полезно, что отец лишен руна златаго.

[в] *Соч. 1759*

Ах, нет, они мои! ни в чем они невинны!

Библиотека "Руниверс"

61

Фират всегда в лесах за дичью на охоте
И чуть успеет есть, и то в пыли и поте.[a]
Кто скажет, чтоб он был в сем деле неудал?
Он сам уж от того свирепым зверем стал.[1]

62

На белых волосах у Аппия зима,
И лето на глазах, горящих от вина;
Как пьет, то по носу фиялки расцветают[a]
И точно тем весны средину представляют;
Как в осень, щоки все брусники полны зрелой.
Не всяк ли видит: год изображен тут целой?[1]

63

Ты львиною покрыт был кожею в бою
И с вострым копием десницу заносил,[a]
Но лутче был ружья твой мужественный дух.[1]

64

Тебя мы любим все, и все тебя боимся,
Тебя наш любит страх, сама любовь страшится.[a, 1]

---

[a] *(К 61). Рит. рук. 1747, Рит. корр., Соч. 1759*

И чуть успеет есть, и то в пыли и в поте.

[a] *(К 62). Рит. рук. 1747*

‹Напившись [*одно слово нрзб*] по лицу› Как пьет,
то по носу фиялки расцве‹тет›тают.

[a] *(К 63). Рит. рук. 1747*

И с вострым копием десницу возносил.

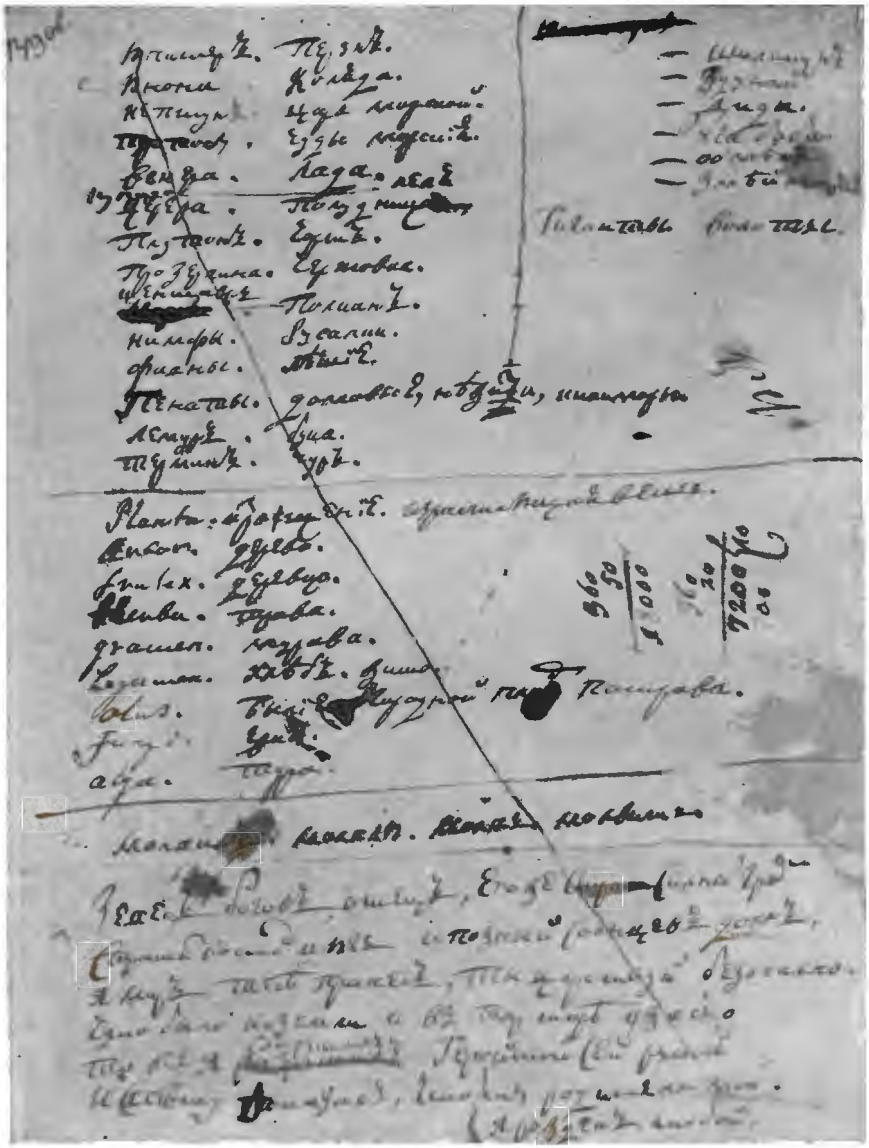
Соч. 1759

И с острым копием десницу заносил.

[a] *(К 64). Рит. рук. 1747*

Тебя ‹сам› наш любит страх, сама любовь страшится.

Библиотека "Руниверс"



Начало стихотворения «Зевес, богов отец...»
Собственноручный черновик (1744—1747)

Библиотека "Руниверс"

Продолжение стихотворения «Зевес, богов отец...»
Собственноручный черновик (1744—1747)

Библиотека "Руниверс"

65

Кичливый, посмотрись в прозрачной здесь воде[a]
И научись, узнав велики той премены.
Ты ныне, как пары, от солнца вознесенны,
Она была у звезд, но ныне в исподе.[1]

66

Кесарь, ты сечешь врагов удобно,[a]
Имя в том делам твоим подобно.[1]

67

По правде целой мир назваться может Рим:
Он весь мир покорил оружием своим.[1]

68

Иные петлею от петли убегают
И смертию себя от смерти избавляют.[1]

69

Чем ты дале прочь отходишь,
Грудь мою жжет больший зной.[a]
Тем прохладу мне наводишь,
Есть ли ближе пламень твой.[1]

---

[a] *(К 65). Рит. рук. 1747*

Кичливый, посмотрись в ‹незыблемой› прозрачной здесь воде.

[a] *(К 66). Рит. 1744:*

Цесарь, ты врагов сечешь удобно.

[a] *(К 69). Рит. рук. 1747*

Грудь мою жжет больший жар.

Библиотека "Руниверс"

70

Не может слез держать, что слез людских не видит.[1]

71

Беда мне, что трава любви не исцеляет,
И чем я всех лечу, то мне непомогает![a, 1]

72

Шумящие листы пугают робных зайцов,
Вещей пустая тень страшит людей пужливых.[1]

73

Где прежде он гонял, тут сам ужь убегает.[1]

74

Хоть ныне я в волнах плыву,
Но воды не гасят любви.[a, 1]

75

В той маленькой плоти великий дух имеют.[1]

76

Прогнанный у реки полк к брани ободрился,
И пламень от воды военный в нем родился.[a, 1]

---

[a] *(К 71). Рит. рук. 1747*

И чем я всех лечу, то мне ‹совсем непрочно› лишь бесполезно.

[a] *(К 74). Рит. 1744*

Но волны не гасят любови.

Рит. рук. 1747

Но воды негасят любови.

[a] *(К 76). Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759*

И пламень от воды военной в нем родился.

Библиотека "Руниверс"

77

Без всякой мы вины любовь зовем слепою:
Раждается в очах, прельщенных красотою.[1]

78

Из рук муских назад поверженные камни
Прияли мужеск вид, из женских рук — вид женский:
Оттуду род наш тверд и сносит труд великий,
И тем, откуду взят, довольно доказует.[1]

79

Не всяк ли говорит: я даром нетруждусь
И даром ничего не дам, и в том божусь.
То правда, и мое в том мнение согласно,
Но даром хоть никто, а многие напрасно.[a]

80

Дивишься, что не дам тебе стихов моих?[a]
Боюсь, чтобы ты мне не подарил своих.[1]

81

В тополовой тени гуляя, муравей
В прилипчивой смоле увяз ногой своей.
Хотя он у людей был в жизнь свою презренный,
По смерти в ентаре у них стал драгоценный.[a. 1]

---

[a] *(К 79). Рит. рук. 1747*

Но даром хоть никто, но многие напрасно.

[a] *(К 80). Рит. рук. 1747*

<Бою[сь]> Дивишься, что недам стихов тебе моих?

[a] *(К 81). Соч. 1759 вместо стихов 3—4*

Хотя он у людей был в жизнь свою презрен,
По смерти в ентаре у них же стал почтен.

Библиотека "Руниверс"

82

Он с жизнию скончал великую болезнь.[1]

83

Горит всех ревность вдруг с огнем.[1]

84

Засватает тебя, Беллона, о девица!
Приданым будет кровь Троянска и Рутульска [1]

85

Смотря на цепь свою, он сам оцепенел.
И жалким голосом металл об нем звенел.[1]

86

На что мы плачемся, когда терпим беды?
Пронзенная земля дает свои плоды.[a, 1]

87

Раздранный коньми Ипполит
Несходен сам с собой лежит.[1]

88

Тот беден в свете сем, кто беден не бывал.[1]

---

[a] *Рит. рук. 1747*

На что мы плачемся, когда [*одно зачеркнутое слово нрзб*] терпим беды?

Одна из[р]ытая земля дает плоды.

Библиотека "Руниверс"

89

То плачет человек, то в радости смеется,
То презирает все, то от всего мятется.
Не больше в воздухе бывает перемен.
О коль он легкостью своей отягощен.[a, 1]

90

Зачем я на жене богатой не женюсь?
Я вытти за жену богатую боюсь.
Всегда муж должен быть жене своей главою,
То будут за всегда равны между собою.[1]

91

Когда себя хранил от яду Митридат,[a]
По вся дни принимал в своей он пище яд;
Ты, Цинна, у себя всегда не доедаешь[6]
И тем предостеречь себя от гладу чаешь.[1]

92

Великий Александр тогда себя был боле,
Когда повелевал своей он сильной воле.[1]

93

Пустила по земли заря червленну ризу;
Тогда созвав Богов Зевес-громодержитель

---

[a] *(К 89). Рит. рук. 1747*

Коль много легкостью своей отягощен.

[a] *(К 91). Рит. рук. 1747* яду *вместо исправленного* гладу.
[6] *Рит. рук. 1747*

‹Подобно› Ты, Цинна, ‹так› у себя всегда недоедаешь.

Библиотека "Руниверс"

На высочайшей верьх холмистаго Олимпа[а]
Отверз уста свои; они прилежно внемлют:
Послушайте меня, вси Боги и Богини,
Когда вам объявлю, что в сердце я имею.
Ни мужеск пол Богов, ниже Богинь пол женский
Закон мой преступить отнюдь да не дерзает,[6]
Дабы скорее мне к концу привесть все дело.
Когда увижу я из вас кого снисшедша[в]
Во брани помощь дать Троянам либо Грекам,
Тот ранен на Олимп со срамом возвратится
Или, хватив его, повергну в мрачный Тартар,
Далече от небес в преглубочайшу пропасть,
Где медяный помост и где врата железны[г]
и прочая.[1]

94

Избавившись от бурь, пришли мы к островам.
Стоящим посреде Ионических вод,
Что Греческий народ Строфадами зовет.
Со злой Целеною в них Гарпии живут.

* *
*

Противнее нигде чудовищ оных нет,
Ни злейшей язвы ад на свет не испускал.

[а] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Соч. 1759*

На высочайший верьх холмистаго Олимпа.

[6] *Соч. 1759*

Закон мой преступить отнюд да не дерзает.

[в] *Соч. 1759*

Когда увижу я из вас, кто с неба сойдет.

[г] *Соч. 1759*

Где твердой медной пол и ворота железны.

Библиотека "Руниверс"

Имеют женский зрак ужасныя те птицы,[а]
И ногти острые, и смрадно гноем чрево,
От гладу завсегда бледнеет их лице.[1]

95

Уже юг влажными крылами вылетает,[а]
Вода с седых власов и дождь с брады стекает,
Туманы на лице, в росе перната грудь.[б]
Он облаки рукой едва успел давнуть,
Внезапно дождь густой повсюду зашумел.[1]

96

И как туда пришла военная Минерва
И стала у дверей, что в дом вступить не можно,[а]
Толкнула в них копьем, отверзся скоро вход,
Увидела внутри, как зависть ест змиев
И оных кровию злобу свою питает;[б]
Узрела и свой взор Богиня отвратила.
Она встает с земли, оставив пол змия,[в]

[а] *(К 94). Рит. рук. 1747*

Имеют женский ‹взор› зрак ужасныя те птицы.

[а] *(К 95). Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759*

Уже юг влажными крилами вылетает.

[б] *Рит. рук. 1747*

Туманы ‹круг чела› налице, в росе перната грудь.

[а] *(К 96). Рит. рук. 1747*

И стала у дверей, ‹затем› что в дом ‹невходно›
вступить неможно.

[б] *Соч. 1759 вместо стихов 4—5*

Увидела внутри, как зависть ест змию
И кровию ея свою питает злобу.

[в] *Соч. 1759*

Она встает с земли, оставив пол змеи.

Библиотека "Руниверс"

Ленивою ногой к Богине подошла,
И видя, что она красно вооруженна,
Вздохнула и, лице нахмурив, восстенала.
Всегда бледнеет зрак и кожа на костях,[г]
Глядит из-под бровей, и ржа всегда в зубах,[д]
Желта от желчи грудь, и яд течет с языка.[1]

97

Он чуть сказать успел, уже с верьху горы
Спускается к водам великая громада,[а]
Ужасный Полифем идет между овцами;
Лишенный зрения и скверный изувер
Несет рукою дуб и тем дороги ищет.

* *
*

Зубами заскрыпел и с стоном в море вшол.
Едва во глубине до бедр достали волны
и проч.[1]

98

Ужь слава по градам быстро течет Ливийским;[а]
Во всей подсолнечной сего зла злее нет.

[г] *Рит. рук. 1747*

Всегда бледнеет ‹взор› зрак и кожа накостях.

[д] *Соч. 1759*

Глядит из-под бровей, и ржавчина в зубах.

[а] *(К 97). Рит. рук. 1747*

‹Идет› Спускается к водам ‹ужасная› великая громада.

[а] *(К 98). Соч. 1759*

Уже слух по градам быстро течет Ливийским.

Библиотека "Руниверс"

Проворна и бодра, растет в пути своем,[б]
Хоть сперьва и мала и ходит боязливо,[в]
Но вскоре до небес главу свою возносит.

* *
*

Под каждым та пером имеет быстры очи,
И уши, и уста, гласящи беспрестанно.[1]

99

Едва она свою молитву окончала,
Корой покрылась грудь, оцепенели члены,
И руки отрасльми, и ветвями власы,[а]
Глава вершиною и ноги корень стали.
Однако Феб любя к стеблу рукой коснулся,
Почул, как бьется грудь под новою корою.[1]

100

Расторгни смертны узы, Гектор,
Раздвинь земное недро,
Карай Уликса,
Одна твоя к тому довольна тень.
Оружием гремит[а]
И на Ахейский флот бросает хищный пламень![1]

[б] *Рит. рук. 1747*

Проворна и бодра, ‹в течении› растет в пути своем

[в] *Соч. 1759*

Мала в рождении и ходит боязливо.

[а] *(К 99). Рит. рук. 1747*

И руки отрасльми ‹власы листами›, и ветвями власы

[а] *(К 100). Рит. рук. 1747*

‹Гремит ружьем› Оружием гремит

Библиотека "Руниверс"

101

Как десять жатв прошло, взята пространна Троя.[a, 1]

102

Скажи, в каких землях, то будешь ты мне Феб,
Не больше трех локтей открыты небеса.[a, 1]

103

Меня родила мать, котору я раждаю.[1]

104

Небесной красоте дивится чистый Дафнис
И видит облаки и звезды под ногами.[1]

105

Раздранный Гектор здесь страшил коней Ахейских.[1]

---

[a] *(К 101). Рит. 1744*

Как десять жатв прошло, згорела горда Троя.

Рит. рук. 1747

Как десять жатв прошло, ‹згорела славн[а]› взята
пространна Троя.

[a] *(К 102). Рит. рук. 1747 эти стихи были введены и в § 80 «Риторики» в несколько ином варианте:*

Скажи, в каких странах (то будешь ты мне Феб)
Три лагтя в широту открыты небеса?

и к ним были добавлены два последующих стиха из того же произведения Виргилия:

Скажи, в каких странах (И будь твоя Филлиса)
С названием царей раждаются цветочки?

Соч 1759 даны и эти последующие два стиха, но в другом варианте:

Где именем Царей украшены цветы?
Как скажешь, то владей Филлидою один.

Библиотека "Руниверс"

106

Волы несут домой повешенные плуги.[1]

107

Корой обводит сестр продерсска Фаетонта
И Ольхи на земли велики производит.[a, 1]

108

Зять входит, Марсу равный,
Мужей великих много больший.[1]

109

. . . . . .Коль святы те народы,
У коих полны все богами огороды![1]

110

Вот, Троянин, поля, что ты искал войною,[a]
И вот Гесперия. Измерь, лежа убитый.[1]

111

Меня, меня, я здесь, мечем своим пронзите.[1]

112

Гоняет волка лев, а волк гоняет козу,
Коза гоняется за мягкою травою.[1]

---

[a] *(К 107). Соч 1759*

Обводит дерскаго корой сестр Фаетонта
И Ольхи на земли высокия раждает.

[a] *(К 110) Рит. рук. 1747*

‹Трояна, вот› Вот, Троянин, поля, что ты искал войною

Библиотека "Руниверс"

113

Какое бешенство, Трояна, вас объемлет? [a]
Или вы верите, что Греки отдались?
И что без хитрости дают они подарки?
Иль так вы мало знать Уликса научились? [1]

114

Из коей вы земли и коего народа?
И с миром ли вы к нам или пришли с войною? [1]

115

Печальную любовь на лире услаждая,
Тебя, сладчайший муж, тебя, един на бреге,
Тебя в начале дня, тебя пел в позный вечер.[a, 1]

116

В одну погибнет ночь с любовницей любовник!
Достойна ты была прожить должайший век.
Но я повинен в том, я твой губитель стал,[a]
Что в полночь приказал притти в места опасны
И сам не упредил своим тебя приходом.
О вы, ужасны львы, збегайтесь из пещер

---

[a] *(К 113). Соч. 1759*

Какое бешенство, Трояне, вас объемлет?

[a] *(К 114). Рит. рук. 1747*

Тебя в начале дня, тебя и в позный вечер
Вопеснях поминал.

[a] *(К 115). Рит. рук. 1747*

Но я повинен в том, я погубил тебя.

Библиотека "Руниверс"

И рвите челюстьми мою повинну плоть.[6]
Но знак боязни есть желать лишь только смерти.[1]

117

Умрижь ты за вину и скорбь мечем скончай.[1]

118

Безумным притворял себя разумный Брут,
Чтоб лютых избежать коварств твоих, Суперб.[1]

119

Вы небо без меня и землю возмутили
И на море бугры поднять дерзнули, ветры;
То я вас! . . . только дай мне волны успокоить.[a, 1]

120

Что делать мне теперь, презренной от Троян?[a]
Или уж мне просить Нумидских женихов,[б]

---

[1] *Рит рук. 1747*

<И> И рвите челюстьми <теперь> мою <терьзайте>
повинну плоть.

[1] *(К 119). Рит. рук. 1747*

Вы <воздух и> <море без меня> воздух без меня.
и землю возмутили.
И волны наморе поднять дерзнули, ветры.
То я вас! Но пора <мне> валы мне успокоить.

[a] *(К 120). Рит. рук. 1747*

Что делать мне теперь? <Иль прежних женихов>
презренной от Троян?

Соч 1759

Что делать ныне мне, презренной от Троян?

[б] *Рит. рук. 1747*

<Нумидских мне искать, что [?] прежде презревала>.
Или <искать> уж мне <вновь> просить Нумидских женихов

Библиотека "Руниверс"

Которых столько крат супружество отвергла?
Или итти во след за флотом Илионским
И взять себе в закон изменников приказ,
Которой все мои услуги позабыл?
Но есть ли погонюсь за Дарданским пришельцем,
То кто на гордый флот меня Троянский примет?
Ещель не чувствуешь, коль лжив есть сей народ?
И что? Или одной итти за оным в след?
Или Пуническим мне войском ополчиться [в]
И паки изнурять в волнах народ Сидонский,[г]
Которой чрез моря недавно привела?
Не лутчель умереть и жизнь мечем пресечь? [д] [1]

121

Ах, когдаб погрязнул в море чужеложник,
Прежде нежель приплыл к Греческому брегу,
Тоб одна я в хладной не спала постели,
Дни бы не казались долги мне и скучны.[1]

122

Чрез пространно море руки простираю,
Кои о печальну грудь свою разбила,[а]

[в] *Соч. 1759*

Или с Пуническим мне войском устремиться

[г] *Рит. рук. 1747*

И паки изнурять в волнах ‹Сидонян стану› народ Сидонский.

[д] *Рит. рук. 1747*

‹Ах, лутче умереть и жизнь мечем пресечь›.

[а] *Рит. рук. 1747*

Кои о печальну грудь свою прибила.

Библиотека "Руниверс"

И кажу остатки я власов издранных.[б]
Ради слез помилуй, кои ты мне пролил,
И к сему пустому месту возвратися..
Есть ли мертву найдешь, то збери хоть кости.[в, 1]

123

Выходит Гектор сам, Богов на брань выводит
И, где стремится он, там сильные трепещут,
Не токмо ты, Уликс: толь страшен он в полках![1]

124

Ах, в коей я земли и в коем скроюсь море?[а]
Какое бедному прибежище осталось?[1]

125

Устами движет Бог; я с ним начну вещать.[а]
Я тайности свои и небеса отверзу,
Свидения ума священнаго открою.
Я дело стану петь, несведомое прежним!
Ходить превыше звезд влечет меня охота
И облаком[б] нестись, презрев земную низкость.[в, 1]

Соч. 1759
И кажу остатки волосов издранных.

[в] *Соч. 1759*
Естьли мертву найдешь, погреби хоть кости

[а] *(К 124). Рит. рук. 1747*
Кака меня земля, ах, кое примет море?

[а] *(К 125). Рит. рук. 1747*
Устами движет Бог ‹пойду ему вослед›; я с ним вещать начну.

[б] *Рит. рук. 1747* И облаком *вместо исправленного* На облаках.

[в] *Соч. 1759*
На облаках нестись, презрев земную нискость.

Библиотека "Руниверс"

126

О пища ты червей! О прах и пыль презренна!
О ночь! О суета! За чем ты так гордишься? [1]

127

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность
Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатной род препятством небыл.
Чтоб внесть в Италию стихи Еольски [a]
И первому звенеть Алцейской Лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу Дельфийским лавром. [1]

128

Хвалите Господа, всея земли языки,
Воспойте вышняго, вси малы и велики,
Что милость он свою вовек поставил в нас,
И истинна его пребудет всякой час. [1]

---

[a] *Рит. рук. 1747 вместо стихов 12—13*

Что мне незнатной род в страну Гесперску
Невоспятил ввести стихи Еольски.

Библиотека "Руниверс"

129

ПРЕЛОЖЕНИЕ[а] ПСАЛМА 145

[1]

Хвалу всевышнему владыке
Потщися, дух мой, возсылать;
Я буду петь в гремящем лике
О нем, пока могу дыхать.[б]

[2]

Никто не уповай вовеки
На тщетну власть Князей земных:
Их тежь родили человеки,
И нет спасения от них.

[3]

Когда с душею разлучатся
И тленна плоть их в прах падет,[в]

[а] *Рук. 1751 первоначальное* Парафразис *исправлено рукой Ломоносова на* Преложение.

[б] *Рит рук. 1747 вместо стихов 1—4 первоначально было*

‹Хвали, душа моя, всечасно
Творца, дающа благодать,
‹‹Ему я буду›› ‹‹должен›› ‹‹хочу я петь согласно››,
О нем я стану петь согласно,
Коль скоро буду я дыхать›

[в] *Рит. рук 1747*

И тленну плоть их гроб пожрет.

Рит корр

И тленну плоть их ‹гроб пожрет› в прах падет

Библиотека "Руниверс"

Высоки мысли разрушатся,
И гордость их и власть минет.[г]

[4]

Блажен тот, кто себя вручает
Всесильному во всех делах[д]
И токмо в помощь призывает
Живущаго на небесах,

[5]

Несчетно многими звездами[е]
Наполнившаго высоту
И непостижными делами
Земли и моря широту,

[6]

Творящаго на сильных нищу
По истинне в обидах суд,
Дающаго голодным пищу,[ж]
Когда к нему возопиют.

[7]

Господь оковы разрешает
И умудряет он слепцов,

[г] *Рит. рук. 1747*
И слава их и власть минет

[д] *Рит. рук. 1747*
<Всевышнему> Всесильному во всех делах.

[е] *Рит. рук. 1747*
Безсчетно многими звездами.

[ж] *Рук. 1751, Соч. 1751, Соч. 1757*
Дающаго голодным пищу.

Библиотека "Руниверс"

Господь упадших возвышает
И любит праведных рабов.

[8]

Господь пришельцов сохраняет [3]
И вдов приемлет и сирот.
Он грешных дерский путь скончает.
В Сионе будет в род и род.[1]

130

«Я мщением грозил и огорчил словами;
Отсюду вся беда: он стал искать мне смерти,[4]
Сомнительны слова в народе разглашал
И злиться не престал, пока ему Калхант.
Но что уж сказывать случай, вам неприятной,
Что медлить, если вам все Греки ненавистны.
Довольно слышали, пора меня казнить.[6]
Атриды и Уликс весьма того хотят».
Мы жадно спрашивать причин нещастья стали,
Не зная хитрости и Греческих обманов.
Он снова свой притвор с боязнью начал так:
«От Трои отступить хотели часто Греки
И, трудную войну неокончав оставить»,
и проч.[1]

---

[3] *Рит. рук. 1747*

Господь пришелцов охраняет

[4] *Рит. рук. 1747*

Отсюду вся ‹злоба› беда: он стал искать мне смерти.

[6] *Рит. рук. 1747*

Довольно слышали, ‹давно› пора меня казнить.

Библиотека "Руниверс"

131

Лиш только дневной шум замолк,[а]
Надел пастушье платье волк
И взял пастушей посох в лапу,
Привесил к поясу рожок,
На уши вздел широку шляпу
И крался тихо сквозь лесок
На ужин для добычи к стаду.[б]
Увидев там, что Жучко спит,[в]
Обняв пастушку, Фирс храпит,
И овцы все лежали сряду.[г]
Он мог из них любую взять,
Но, не довольствуясь убором,
Хотел прикрасить разговором
И именем овец назвать.
Однако чуть лишь пасть разинул,
Раздался в роще волчей вой.[д]
Пастух свой сладкой сон покинул,
И Жучко с ним бросился в бой;
Один дубиной гостя встретил,

[а] *Рит. рук. 1747*

‹Когда ужь в рощах› Лиш только дневной шум замолк

[б] *Рит. рук. 1747*

‹Искать себе на ужин› На ужин для добычи к стаду

[в] *Рит. рук. 1747*

Увидел ‹вдруг› там, что Жучко спит.

Рит рук 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759

Увидел там, что жучко спит

[г] *Рит. рук. 1747*

И овцы ‹повалились› все лежали сряду

[д] *Рит рук. 1747*

‹Наполнил› Раздался в роще волчей вой.

Библиотека "Руниверс"

Другой за горло ухватил;
Тут поздно бедной волк приметил,
Что через чур перемудрил,[e]
В полах и в рукавах связался
И волчьим голосом сказался.[ж]
Но Фирс недолго размышлял,
Убор с него и кожу снял.
Я притчу всю коротким толком
Могу вам, господа, сказать:
Кто в свете сем родился волком,
Тому лисицой не бывать.[1]

132

Жениться хорошо, да много и досады.
Я слова не скажу про женские наряды:
Кто мил, на том всегда приятен и убор;
Хоть правда, что при том и кошелек неспор
Всего несноснее противные советы,
Упрямыя слова и спорные ответы.
Пример нам показал недавно мужичок,
Котораго жену в воде постигнул рок.
Он, к берегу пришед, увидел там соседа:
Не усмотрел ли он, — спросил, — утопшей следа[а]
Сосед советовал в низ берегом итти:
Что быстрина туда должна ее снести.
Но он ответствовал: «Я, братец, признаваюсь,
Что век она жила со мною вопреки:

---

[e] *Рит. рук. 1747*

Что ‹сам себя он погубил› через чур перемудрил

[ж] *Рит. рук. 1747 стихи 23—24 отсутствуют.*

[а] *Рит. рук. 1747*

‹Не виде[л]› Неусмотрел ли он, — спросил, — утопшей следа.

Библиотека "Руниверс"

То истинно теперь о том не сумневаюсь,[6]
Что, потонув, она плыла против реки».[1]

133

Послушайте, прошу, что старому случилось,
Когда ему гулять заблаго рассудилось.
Он ехал на осле, а следом парень шол;
И только лишь с горы они спустились в дол,
Прохожей осудил тотчас его на встрече:
«Ах, как ты малому даешь бресть толь далече?»
Старик сошол с осла и сына посадил,
И только лишь за ним десяток раз ступил,
То люди начали указывать перстами:
«Такими, вот, весь свет наполнен дураками:
Не можноль на осле им ехать обоим?»
Старик к ребенку сел и едет вместе с ним.
Однако, чуть минул местечка половину,
Весь рынок закричал: «Что мучишь так скотину?»
Тогда старик осла домой поворотил
И, скуки не стерпя, себе проговорил:
«Как стану я смотреть на все людския речи,
То будет и осла взвалить к себе на плечи».[a, 1]

134

Ночною темнотою
Покрылись небеса,

---

[6] *Ρит. рук. 1747, Ρит. корр.*

То истинно теперь о том несомневаюсь.

[a] *Ρйт. рук. 1747*

‹Заставят и осла взвалить
‹‹К себе еще›› к себе на плечи›.
То ‹будет› придет и осла взвалить к себе на плечи.

Грамм.

То буду принужден осла взвалить на плечи.

Библиотека "Руниверс"

Все люди для покою
Сомкнули уж глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидон,
Приятной перервался[a]
В начале самом сон.
«Кто так стучится смело?» —
Со гневом я вскричал;
«Согрей обмерзло тело, —
Сквозь дверь он отвечал, —
Чего ты устрашился?
Я — мальчик, чуть дышу,[6]
Я ночью заблудился,
Обмок и весь дрожу».
Тогда мне жалко стало,
Я свечку засветил,
Немедливши ни мало,
К себе его пустил.
Увидел, что крилами
Он машет за спиной,
Колчан набит стрелами,
Лук стянут тетивой.
Жалея о нещастье,
Огонь я разложил
И при таком ненастье
К камину посадил.
Я теплыми руками
Холодны руки мял,
Я крылья и с кудрями
До суха выжимал.

---

[a] *Рит. рук. 1747*
‹Внезапно› Приятной перервался.

[6] *Рит. рук. 1747*
Я мальчик ‹в ночь бежу› ‹в› чуть дышу

Библиотека "Руниверс"

Он чуть лиш ободрился:
«Каков то, — молвил, — лук?
В дожже, чать, повредился».
И с словом стрелил вдруг.
Тут грудь мою пронзила
Преострая стрела
И сильно уязвила,
Как злобная пчела.
Он громко засмеялся[в]
И тот час заплясал:
«Чего ты испугался? —
С насмешкою сказал, —
Мой лук еще годится.
И цел, и с тетивой;
Ты будешь век крушиться
Отнынь, хозяин мой».[1]

135

Он злато силой взял, убивши Полидора.[а]
Проклято лакомство, к чему ты не приводишь?[1]

136

Иные на горы катают тяжки камни,
Иные к колесу привязаны висят.
Тезей сидит, к горе прикован раскаленной,
И будет век сидеть. Флегей в Геенском мраке
Ревет и жалостно других увещевает:
«Вы, сильны на земли, на казнь мою взирайте,
Судите праведно и Бога почитайте».[1]

[в] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759*
Он громко рассмеялся.

[а] *Рит. рук. 1747*
Он злато силой взял, казнивши Полидора.

Библиотека "Руниверс"

137—138

[СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ «МАТЕРИАЛОВ К „РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ“»]

137

Как быстрой вихрь летит, сорвав себя с оков.

138

Стигийских мутных вод, болот.[1]

Библиотека "Руниверс"

139

НАДПИСЬ НА ИЛЛУМИНАЦИЮ,[а] ПРЕДСТАВЛЕННУЮ ПЕРЕД[б] ЛЕТНИМ ДОМОМ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ[в] ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЯ, 1747 ГОДУ, ГДЕ ИЗОБРАЖЕНА БЫЛА МИНЕРВА В ХРАМЕ, ЗНАЧАЩАЯ ПРЕМУДРОСТЬ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, ПО СТОРОНАМ СИМЕОЛИЧЕСКИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ МИРА И ВОЙНЫ И ПРОТЧАЯ

Ты миром и войной в подсолнечной сияешь
И тем людей своих веселье умножаешь.
Тебе с усердием, Минерве мы своей,
Приносим радостных сияние огней.
Но естьлиб с нашею любовью то сравнилось,
Тоб солнце перед ним в полудни устыдилось

[а] *Рук. 1751* *зачеркнуто* которая бы
[б] *Рук. 1751* пред.
[в] *Рук. 1751* торжественный *отсутствует*

Библиотека "Руниверс"

140

НАДПИСЬ НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ[а] ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА 1747 г.,[б] ПЕРЕД ЗИМНИМ ДОМОМ, НА КОТОРОЙ ИЗОБРАЖЕНА БЫЛА КРИСТАЛЬНАЯ ГОРА, А НА НЕЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПРЕСТОЛ С ОКОЛО СТОЯЩИМИ ИМПЕРАТОРСКИМИ НА СТОЛПАХ ПРИЗНАКАМИ, А НАД ТРОНОМ ВЕНЗЛОВОЕ ИМЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

Как вечная гора стоит блаженство наше,
Крепчае мрамора, рубина много краше.[в]
И Твой, Монархиня, престол благословен,
На нашей верности недвижно утвержден.[г]
Пусть мнимая других свобода угнетает,
Нас рабство под Твоей державой возвышает.

[а] *Рук. 1751* торжественный *отсутствует*

[б] *Рук. 1751* 1741 г. *отсутствует.*

[в] *Рук. 1751*

Твердейше мрамора, рубина много краше.

[г] *Рук. 1751*

На нашей верности вовеки утвержден.

Библиотека "Руниверс"

141

ОДА НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1747 ГОДА[a]

1

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.[6]

2

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,

[a] *Отд. изд.* Радостныя и благодарственныя восклицания Муз Российских, прозорливостью Петра Великаго основанных, тщанием щедрыя Екатерины утвержденных и несказанным великодушием Ея Императорскаго Величества Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския, обогащенных, оживленных и восставленных, которыя на пресветлый и всерадостный праздник восшествия на Всероссийский престол Ея Величества ноября 25 дня 1747 года приносит всеподданнейшая Академия Наук; *Рук. 1751* Ода на день восшествия на престол Ея Императорскому Величеству Государыне Елисавете Петровне.

[6] *Отд. изд., Рук. 1751*

Твое богатство по земли.

Библиотека "Руниверс"

ОДА.

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Твое богатство по земли.

* * *

Великое свѣтило міру,
Блистая въ вѣчной высотѣ
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
ЕЛИСАВЕТЫ и тебя.
Ты кромѣ Той всего превыше;
Но духъ Ея Зефира тише,
И нравъ пріятнѣе Рая.

* * *

Когда на тронъ Она вступила,
Какъ Вышній подалъ Ей вѣнецъ,
Тебя въ Россію возвратила,
Войнъ поставила конецъ;
Тебя правъ облобызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ щастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не кичуюсь
На цѣлый западъ и востокъ.

* * *

Божественнымъ усталъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ.
О коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной преміны
Петровы возвышала сѣмы
До звѣздъ плескание и кликъ!
Когда Ты Крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ Собою
Доброты Твоихъ прекрасный ликъ!

Первая страница первого издания Оды 1747 г.

Библиотека "Руниверс"

На все земныя красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.[1]
Ты кроме Той всего превыше;
Душа Ея Зефира тише[в]
И зрак прекраснее Рая.[г]

3

Когда на трон Она вступила,
Как Вышний подал Ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец,[2]
Тебя прияв облобызала:
«Мне полно тех побед, — сказала, —
Для коих крови льется ток.
Я Россов щастьем услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый запад и восток».

4

Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас.
О коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик,

[в] *Отд. изд., Рук. 1751*

Но дух Ея Зефира тише

[г] *Отд. изд.*

И зрак приятнее Рая

Библиотека "Руниверс"

Когда Ты крест несла рукою[3]
И на престол взвела с собою
Доброт Твоих прекрасный лик!

5

Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения Твоих похвал.
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветр
Чрез яры волны порывает:
Он брег с весельем оставляет,
Летит корма меж водных недр.

6

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет:
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хощет Лира восхищенна
Гласить велики имена.

7

Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;

Библиотека "Руниверс"

Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятства Он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью попранну,[a]
С собой возвысил до небес.[4]

8

В полях кровавых Марс страшился,
Свой мечь в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чюдился,
Взирая на Российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна
Сомненная Нева рекла:
«Или я ныне позабылась
И с онаго пути склонилась,
Которым прежде я текла?»[5]

9

Тогда божественны науки
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки,
К сему Монарху говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в Российском роде новы
Чистейшаго ума плоды».
Монарх к Себе их призывает;
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды.[6]

---

[a] *Отд. изд., Рук. 1751, Соч. 1751*
Россию, варварством попранну.

Библиотека "Руниверс"

10

Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный Муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоком![7]
Внушив рыданий наших слух,
Верьхи Парнасски восстенали,
И Музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.

11

В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь,[e, 8]
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.[9]
Ах, естьлиб жизнь Ея продлилась,
Давноб Секвана постыдилась
С своим искусством пред Невой.[10]

12

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнасс?

---

[e] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит 1765 вместо стихов 101—102*

В толикой горестной печали
Сомненный их шатался путь

Отд изд., Рук. 1751 вместо стиха 102

Сомненный их шатался путь

Библиотека "Руниверс"

О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!
Все холмы покрывают лики,
В долинах раздаются клики:
«Великая Петрова Дщерь
Щедроты отчи превышает,
Довольство Муз усугубляет
И к щастью отверзает дверь».[11]

13

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,[12]
И шум в полка́х со всех сторон
Звучащу славу заглуша́ет,
И грому труб ея мешает
Плачевный побежденных стон.

14

Сия Тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная Твоя держава
О как Тебе благодарит!
Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля Свои широки,*
Где Волга, Днепр, где Обь течет:
Богатство, в оных потаенно,

* *Отд. изд., Рук. 1751*

Воззри в поля Твои широки

Библиотека "Руниверс"

Наукой будет откровенно,
Что щедростью Твоей цветет.

15

Толикое земель пространство
Когда Всевышний поручил
Тебе в щастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия[13]
Искусством утвержденных рук.
Сие злату́ очистит жилу,
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.

16

Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми борей крылами
Твои взвевает знамена;
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:[14]
Там Лена чистой быстриной,[a]
Как Нил, народы напаяет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.[b]

---

[a] *Отд. изд., Рук. 1751*

Там Лена чистою водой.

[b] *Отд. изд., Рук. 1751*

Сравнившись морю широтой.

Библиотека "Руниверс"

17

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокия леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;[й]
Охотник где не метил луком,
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал.[к]

18

Широкое открыто поле,
Где Музам путь свой простирать![л]
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар Твой до небес прославим
И знак щедрот Твоих поставим,
Где солнца всход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В Твою державу от Манжур.[15]

[й] *Отд. изд.*

Ловящих крик не устрашал.

[к] *Отд. изд.*

Поющих птиц не разгонял.

Рук. 1751 вместо строфы 17 Ломоносовым написано

Коль многи смертным неизвестны и проч.

[л] *Отд. изд., Рук. 1751*

Где Музам бег свой простирать.

Библиотека "Руниверс"

19

Се мрачной вечности запóну
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм!
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить: [м]
Колумб Российский [16] через воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить. [н]

20

Там, тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан; [о]
Небесной синевой одеян,
Павлина посрамляет вран. [17]
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежныя весны;
Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы. [18]

21

И се Минерва ударяет
В верьхи Рифейски копием,

[м] *Отд. изд., Рук. 1751 вместо стихов 186—187*

Там влажная стезя белеет
На всток пловущих кораблей

[н] *Отд. изд., Рук. 1751*

Сказать о щедрости Твоей.

[о] *Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Соч. 1759, Рит. 1765*

Реке подобен Океян.

Библиотека "Руниверс"

Сребро и злато истекает
Во всем наследии Твоем.
Плутон в расселинах мятется,
Что Россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневнаго светила
Он мрачный отвращает взор.[n, 19]

22

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля раждать.[20]

23

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В щастливой жизни украшают,
В нещастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде:
Среди народов и в пустыне

[n] *Отд. изд., Рук. 1751*

Свирепой отвращает взор.

Библиотека "Руниверс"

В градском шуму и на едине,
В покое сладки и в труде.[21]

24

Тебе, о милости Источник,
О Ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против Тебя восстать войною;
Тебя Зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь Твою благословенну
С числом щедрот Твоих сравнит

Библиотека "Руниверс"

1748

142

НАДПИСЬ НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ[а] КОРОНОВАНИЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА 1748 ГОДА, ПЕРЕД ЗИМНИМ ДОМОМ, ГДЕ ПРЕДСТАВЛЕН БЫЛ В ХРАМЕ ОЛТАРЬ, ИЗ СЕРДЕЦ СЛОЖЕННОЙ, НА ВЕРЬХУ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЕНЕЦ, ПО СТОРОНАМ ГАЛЛЕРЕИ К ВОСХОДЯЩЕМУ И ЗАХОДЯЩЕМУ СОЛНЦУ[б]

Во храме ревности, на олтаре сердец
К подавшему Тебе с высот своих венец[в]
От подданных Твоих чистейший огнь пылает,
Да щастием Твоим Россию увенчает,
Да солнце, восходя и заходя, дивится,
Что всюду красота Твоих триумфов зрится.

[а] *Рук. 1751* на ‹день› праздник *вместо* в торжественный день.

[б] *Рук. 1748 перед текстом надписи заглавие* Стихи, на Российском языке сочиненные.

[в] *Рук. 1751*

Подавшему Тебе с высот своих венец

Библиотека "Руниверс"

143

Твоей короны здание, Монархиня, пускай стоит
Тебе к веселию и нам к блаженству твердо,
Как наша верность ожидать от неба нам того велит
И ревность уповать всегда Тебе усердо.

Библиотека "Руниверс"

144

НАДПИСЬ НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ[а] ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА 1748 ГОДА, СЕНТЯБРЯ 5 ДНЯ, ПЕРЕД ЛЕТНИМ ДОМОМ, НА КОТОРОЙ ИЗОБРАЖЕН БЫЛ ФОНТАН, А ПО СТОРОНАМ ХРАМЫ МИРА И ВОЙНЫ

Богиня красотой, породой Ты богиня,
Повсюду громкими делами Героиня,
Ты Мать щедротами, Ты именем покой:
Смущенный бранью мир мирит Господь Тобой.[1]
Российска тишина пределы превосходит
И льет избыток свой в окрестныя страны:
Воюет воинство Твое против войны;
Оружие Твое Европе мир приводит.

[а] *Рук. 1751* на день *вместо* в торжественный день.

Библиотека "Руниверс"

145

Женился Стил, старик без мочи,[a]
На Стелле, что в пятнадцать лет,
И, не дождавшись первой ночи,[6]
Закашлявшись, оставил свет.
Тут Стелла бедная вздыхала,
Что на супружню смерть не тронута взирала.

[a] *Каз.* Женился Блез, старик без мочи.

[6] *Каз.* Не дождався первой ночи

Библиотека "Руниверс"

146

Явив щастливую премену,
Чего желал Российский свет,
Прешла препятствий многих стену,[1]
Восшед на трон, Елисавет.
На память дня того и оной ночи[2] в честь
Мы тщимся праздничны сии огни принесть.

Библиотека "Руниверс"

147

Так ныне новый год к нам щастие приводит.
С Твоею славою талан наш в верьх восходит.

Библиотека "Руниверс"

148

Взирает верность на Тебя
Во храме полнаго блаженства.
Пространная Твоя земля
Того ж достигнет совершенства.[a]

[a] *Стихи* Взирает... совершенства *написаны рукой Ломоносова вместо зачеркнутого* Как смотришь ты себя верность и потданство в храме благополучного времени, так большая часть земнаго Твоего благополучия должна быть в щастливейшем царстве.

Библиотека "Руниверс"

149

ОДА НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ ЕЯ[а] ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ[б] ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1748 ГОДА[в]

1

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою
Твоей державы новый год.
Благословенное начало
Тебе, Богиня, воссияло.
И наших искренность сердец
Пред троном Вышняго пылает,
Да щастием Твоим венчает
Его средину и конец.

2

Да движутся светила стройно
В предписанных себе кругах,

[а] *Рук. 1751* Ея Императорскаго.

[б] *Рук. 1751* Императрицы *отсутствует*.

[в] *Отд. изд.* Ода Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на пресветлый праздник восшествия на всероссийский престол Ея Величества приносится от всеподданнейшей Академии Наук ноября 25 дня 1748 года.

Библиотека "Руниверс"

И реки да текут спокойно
В Тебе послушных берегах;
Вражда и злость да истребится,
И огнь, и мечь да удалится
От стран Твоих, и всякий вред;
Весна да рассмеется нежно,
И земледелец безмятежно[г]
Сторичный плод да соберет.

3

С способными ветрами споря,
Терзать да не дерзнет борей
Покрытаго судами моря[д]
Пловущими к земли Твоей.
Да всех глубокий мир питает;
Железо браней да не знает,
Служа в труде безмолвных сел.
Да злобна зависть постыдится,
И славе свет да удивится
Твоих великодушных дел.

4

Священны да хранят уставы
И правду на суде судьи,
И время Твоея державы
Да ублажат раби Твои.
Соседы да блюдут союзы;
И вам, возлюбленныя Музы,

[г] *Отд. изд., Рук. 1751, Соч. 1751*

И ратай в нивах безмятежно.

[д] *Соч. 1757 опечатка*

Покрывшаго судами моря.

Библиотека "Руниверс"

За горьки слезы и за страх,
За грозно время и плачевно[1]
Да будет радость повседневно,
При Невских обновясь струях.

5

Годину ту воспоминая,
Среди утех мятется ум!
Еще крутится мгла густая,
Еще наносит страшный шум!
Там буря и́скры завивает,
И алчный пламень пожирает
Минервин с громким треском храм![2]
Как медь в горниле, небо рдится!
Богатство разума стремится
На низ. к трепещущим ногам![3]

6

Дражайши Музы, отложите
Взводить на мысль печали тень;
Веселым гласом возгремите
И пойте сей великий день,
Когда в Отеческой короне
Блеснула на Российском троне
Яснее дня Елисавет;
Как ночь на полдень пременилась,
Как осень нам с весной сравнилась,
И тьма произвела нам свет.[4]

7

В луга, усыпанны цветами,
Царица трудолюбных пчел,
Блестящими шумя крылами,

Библиотека "Руниверс"

Летит между прохладных сел;
Стекается, оставив розы
И сотом напоенны лозы,
Со тщанием отвсюду рой,
Свою Царицу окружает
И тесно в след ея летает
Усердием вперенный строй.

8

Подобным жаром воспаленный
Стекался здесь Российский род
И, радостию восхищенный,
Теснясь взирал на Твой приход.
Младенцы купно с сединою
Спешили следом за Тобою.
Тогда великий град Петров
В едину стогну уместился,
Тогда и ветр остановился,
Чтоб плеск всходил до облаков.[е]

9

Тогда во все пределы Света,
Как молния, достигнул слух,
Что царствует Елисавета,
Петров в себе имея дух.
Тогда нестройные соседы
Отчаялись своей победы
И в мысли отступали вспять.[ж, 5]

[е] *Отд. изд., Рук. 1751, Соч. 1751*

И плеск взносил до облаков.

[ж] *Отд. изд., Рук. 1751*

И в мысли отступили вспять.

Библиотека "Руниверс"

Монархиня, кто Россов знает
И ревность их к Тебе внимает,
Помыслит ли противу стать?

10

Что Марс кровавый не дерзает
Руки своей простерти к нам,
Твои он силы почитает
И власть, подобну небесам.
Лев ныне токмо зрит ограду,
Чем путь ему пресечен к стаду.[6]
Но море нашей тишины
Уже пределы превосходит,
Своим избытком мир наводит,
Разлившись в западны страны.

11

Европа, утомленна в брани,
Из пламени подняв главу,
К Тебе свои простерла длани
Сквозь дым, курение и мглу.
Твоя кротчайшая природа,
Чем для блаженства смертных рода
Всевышний наш украсил век,
Склонилась для ея защиты,
И мечь Твой, лаврами обвитый,
Не обнажен, войну пресек.[7]

12

Европа и весь мир свидетель,
Народов разных милион,
Колика ныне добродетель
Российский украшает трон.

Библиотека "Руниверс"

О как сие нас услаждает,
Что вся вселенна возвышает,
Монархиня, Твои дела́!
Народов Твоея державы
Различна речь, одежда, нравы,
Но всех согласна похвала.

13

Единым гласом все взываем,
Что Ты — Защитница и Мать,
Твои доброты исчисляем,
Но всех не можем описать.
Когда воспеть щедроты тщимся,[3]
Безгласны красоте чудимся.
Победыль славить мысль течет,
Как пали Готы пред Тобою?
Но больше мирною рукою
Ты целой удивила свет.[4]

14

Весьма не обычайно дело,
Чтоб всеми кто дарами цвел:
Тот крепкое имеет тело,
Но слаб в нем дух и ум не зрел.
В другом блистает ум небесный,
Но дом себе имеет тесный,

[3] *Отд. изд., Рук. 1751*

Когда щедроты петь стремимся.

[4] *Отд. изд., Рук. 1751 вместо стихов 128—130*

Как пали Готфы пред Тобою?
Но больше мирной Ты рукою
Пространный удивила свет.

Библиотека "Руниверс"

И духу сил не достает.
Иной прославился войною,
Но жизнью мир порочит злою
И сам с собой войну ведет.

15

Тебя, богиня, возвышают
Души и тела красоты,
Что в многих разделясь блистают;
Едина все имеешь Ты.
Мы видим, что в Тебе единой
Великий Петр с Екатериной
К блаженству нашему живет.
Похвал пучина отворилась!
Смущенна мысль остановилась,
Что слов к тому не достает.[й]

16

Однако дух еще стремится,
Еще кипит сердечный жар,
И ревность умолчать стыдится:
О Муза, усугубь твой дар,
Гласи со мной в концы земныя,
Коль ныне радостна Россия!
Она, коснувшись облаков,
Конца не зрит своей державы,
Гремящей насыщенна славы,
Покоится среди лугов.

[й] *Отд. изд., рук. 1751*

И слов к тому достатка нет.

Библиотека "Руниверс"

17

В полях, исполненных плодами,
Где Волга, Днепр, Нева и Дон,[к]
Своими чистыми струями
Шумя, стадам наводят сон,
Седит и ноги простирает
На степь, где Хину отделяет[л]
Пространная стена от нас;[8]
Веселый взор свой обращает
И вкруг довольства исчисляет,
Возлегши лактем на Кавкас.

18

«Се нашею, — рекла, — рукою
Лежит поверженный Азов;
Рушитель нашего покою
Огнем казнен среди валов.
Се знойные Каспийски бреги,[м]
Где, ва́рварски презрев набеги,
Сквозь степь и блата Петр прошел,
В средину Азии достигнул,
Свои́ знамена там воздвигнул,
Где день скрывали тучи стрел.[9]

[к] *Ρит. рук. 1747*, *Ρит. корр. вместо стихов 161—162*

В лугах, исполненных плодами,
Где Волга, Днепр, Двина и Дон.

[л] *Ρит. рук. 1747*

<Седит и ноги простирает
На степь, где Хинов отделяет,
Пространная стена от нас>.

Отд. изд., *Ρук. 1751*

На степь, где Хинов отделяет.

[м] *Отд. изд.*, *Ρук. 1751*

Се знойные Иркански бреги.

Библиотека "Руниверс"

19

В моей послушности крутятся
Там Лена, Обь и Енисей,
Где многие народы тщатся
Драгих мне в дар ловить зверей;
Едва покров себе имея,
Смеются лютости борея,
Чудовищам дерзают в след,
Где верьх до облак простирает,
Угрюмы тучи раздирает,
Поднявшись с дна морскаго, лед.

20

Здесь Днепр хранит мои границы,
Где Гот гордящийся упал [n]
С торжественныя колесницы,
При коей в узах он держал
Сарматов и Саксонов пленных,
Вселенну в мыслях вознесенных
Единой обращал рукой.[10]
Но пал, и звук его достигнул
Во все страны и страхом двигнул
С Дунайской Вислу быстриной.[o, 11]

---

[n] *Отд. изд., Рук. 1751*

Где Лев гордящийся упал.

Соч. 1751

Где Готф гордящийся упал.

[o] *Отд изд., Рук. 1751 вместо стихов 196—200*

И двигал в мыслях вознесенных
Одной вселенную рукой.
Но пал; и токмо звук достигнул
Фракийских гор и их подвигнул
Дунай, с твоею быстриной.

Библиотека "Руниверс"

21

В стенах Петровых протекает
Полна веселья там Нева,
Венцем, порфирою блистает,[п]
Покрыта лаврами глава.
Там равной ревностью пылают
Сердца, как стогны все сияют[р]
В исполненной утех ночи.
О сладкий век! О жизнь драгая!
Петрополь, небу подражая,
Подобны испустил лучи».[с, 12]

22

Сие Россия восхищенна
В веселии своем гласит;
Москва едина, на колена
Упав, перед Тобой стоит,
Власы седые простирает,
Тебя, Богиня, ожидает,
К Тебе единой вопия:
«Возри на храмы опаленны,
Возри на стены разрушенны;
Я жду щедроты Твоея».[13]

[п] *Отд. изд., Рук. 1751, Соч. 1751*

Златой порфирою блистает

[р] *Отд. изд., Рук. 1751 вместо стихов 205—206*

Там равным жаром воспаленны,
Сердца, как храмы освещенны

[с] *Отд. изд., Рук. 1751*

Подобны облистал лучи.

Библиотека "Руниверс"

23

Гряди, Краснейшая денницы,
Гряди и светлостью лица,
И блеском чистой багряницы
Утешь печальныя сердца
И время возврати златое.
Мы здесь в возлюбленном покое
К полезным припадем трудам.
Отсутствуя, Ты будеш с нами.
Покрытым орлими крилами,
Кто смеет прикоснуться нам?[1] т. 14

24

Но естьли гордость ослепленна
Дерзнет на нас воздвигнуть рог,
Тебе, в женах благословенна,
Против ея помощник Бог.
Он верьх небес к Тебе преклонит
И тучи страшныя нагонит
Во сретенье врагам Твоим.
Лиш только ополчишься к бою,
Предъидет ужас пред Тобою,
И следом воскурится дым.[15]

[1] *Отд. изд., рук. 1751*

Кто может прикоснуться нам!

Библиотека "Руниверс"

150

Ты войско, Ты совет
Даешь своим соседам,
Твоим дивится свет
Безпагубным победам.

Библиотека "Руниверс"

Фронтиспис Придворного календаря на 1749 г

Гравюра И. А. Соколова
Архив Академии наук СССР

Библиотека "Руниверс"

1749

151

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 103 «БЛАГОСЛОВИ, ДУШЕ МОЯ, ГОСПОДА ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ, ВОЗВЕЛИЧИЛСЯ ЕСИ ЗЕЛО» ЕТС.

[1]

Да хвалит Дух мой и язык
Всесильнаго Творца Державу,
Великолепие и славу.
О Боже мой, коль Ты велик!

[2]

Одеян чудной красотой,
Зарей божественнаго света,
Ты звезды распростер бессчета
Шатру подобно пред Тобой.

[3]

Покрыв водами высоты,
На легких облаках восходишь,
Крилами ветров шум наводишь,
Когда на них летаешь ты.

Библиотека "Руниверс"

[4]

И воли Твоея послы,
Как устремления воздушны,
Всесильным маниям послушны
Текут, горят, незная мглы.

[5]

Ты землю твердо основал
И для надежныя окрепы
Недвижны положил заклепы
И вечну непреклонность дал.

[6]

Ты бездною ея облек,
Ты повелел водам парами
Всходить, сгущаяся над нами,
Где дождь раждается и снег.[a]

[7]

Их воля — Твой единый взгляд,
От запрещения мутятся
И в тучи, устрашась, теснятся;
Лишь грянет гром Твой, вниз шумят.

[8]

Восходят горы в высоту;
Крутыя ставишь Ты стремнины
И стелешь злачныя долины,
Угрюмством множа красоту.

[a] Где дождь ‹згущается› раждается и снег.

Библиотека "Руниверс"

[9]

Предел верхам их положил,
Чтоб землю скрыть не обратились,
Ничем бы в низ не преклонились,
Кроме Твоих безмерных сил.

[10]

Из гор в долины льешь ключи
И прохлаждаешь тем от зноя:
Журчат для сладкаго покоя,
Между горами текучи.

[11]

И напаяют всех зверей,
Что окрест сел себя питают;
И ждут ослы, как в жажде тают,
Отрады от руки Твоей.[6]

[12]

Слетаясь тамо птицы в тень,
Возносят пение и свисты,
Живят вертепы каменисты
И тем проводят жаркой день.

[13]

Ты свыше влагу льешь горам,
Плодами землю насаждаешь

[6] Отрады ‹из твоих ключей› от руки Твоей.
На полях против строфы 11 написано

Огонь, дым, ‹свист› звук взревел
И брег тряхнул хребтом.

Библиотека "Руниверс"

И все народы насыщаешь,
Свидетелей Твоим делам.

[14]

Растишь в полях траву для стад,
Нам разны зелия в потребу
Обильно прилагаешь к хлебу,
Щедротою ко всем богат.

[15]

Хлеб силой нашу грудь крепит,
Нам масло члены умягчает,
Вино в печали утешает
И серце радостью[в] живит.

[16]

Древам даешь обильный тук,
Поля венчаешь ими, щедрый.
Насаждены в Ливане кедры
Могуществом всесильных рук.

[в] *В подлиннике многоточие.*

Библиотека "Руниверс"

152

Коль много за Тебя сердец пылает к Богу;
И радость чувствуют в сей светлый день толь многу.
Гласят, чтоб с тою он стократно возвратился,
Как красный Амаранф,[1] Твой век[2] бы процветал,
Морозы лютые и бури презирал,
Чтоб Росский род Твоим плодом возвеселился.[3]

Библиотека "Руниверс"

153

Коль счастлива земля, коль счастливы венцы,[a] [1]
Что под Твоим венцем прославлены в покое.
В сем щастии гласит усердие святое,
Да Росски в век Тобой утешит Бог концы.

[a] <Коль счастлива твоя держава и корона>.

Библиотека "Руниверс"

154

НАДПИСЬ НА СПУСК КОРАБЛЯ, ИМЯНУЕМАГО СВЯТАГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО, 1749 ГОДА

Гора, что Горизонт на суше закрывала,[а, 1]
Внезапно с берегу на́ быстрину[2] збежала:
Между палат стоит, где был недавно лес;
Мы веселимся здесь в средине тех чудес.
Но мы бы в лодочке на луже чуть сидели,[б, 6]
Когдаб великаго Петра мы не имели.

[а] *Рук. 1751*

Гора, что Горизонт на суше покрывала.

[б] *Рук. 1751 очевидная описка*

Но мы в лодочке на суше чуть сидели.

Библиотека "Руниверс"

155

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, ГОВОРЕННОЕ НОЯБРЯ 26 ДНЯ 1749 ГОДА [а]

Естьли бы в сей пресветлый праздник, Слушатели, в которой под благословенною державою всемилостивейшия Государыни нашея покоящиеся многочисленные народы торжествуют и веселятся о преславном Ея на Всероссийский престол

[а] *Рук.* Слово Похвальное Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на пресветлый и торжественный праздник Тезоименитства Ея Величества Сентября 6 дня 1749 года, при публичном собрании в Императорской Академии Наук говоренное Михайлом Ломоносовым; *Отд. изд. 1749* Слово Похвальное Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на пресветлый и торжественный праздник Тезоименитства Ея Величества, при публичном собрании в Императорской Академии Наук Сентября 6 дня 1749 года говоренное Михайлом Ломоносовым, Химии Профессором, Академии Наук и Историческаго собрания Членом; *Торж.* Слово похвальное Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на пресветлый и торжественный день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Ноября 25 дня, который празднован в Императорской Академии Наук публичным собранием Ноября 26 дня 1749 года, говоренное Михайлом Ломоносовым; *Соч. 1751, Отд. изд. 1755* Слово похвальное Великой Государыне Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на торжественный день восшествия Ея Величества на Всероссийский престол Ноября 25 дня, которой празднован в Императорской Академии Наук публичным собранием Ноября 26 дня 1749 года.

Библиотека "Руниверс"

восшествии,[6] возможно было нам, радостию восхищенным, вознестись до высоты толикой, с которой бы могли мы обозреть[в] обширность пространнаго Ея Владычества и слышать от восходящаго до заходящаго солнца беспрерывно простирающияся восклицания и воздух наполняющия именованием Елисаветы, коль красное, коль великолепное, коль радостное позорище нам бы открылось! Коль многоразличными празднующих видами дух бы наш возвеселился, когда бы мы себе чувствами представили, что во градех крепче миром, нежели стенами огражденных,[1] в селах, плодородием[г] благословенных, при морях, от военной бури и шума свободных, на реках, изобилием протекающих между веселящимися брегами, в полях, довольством и безопасностию украшенных, на горах, верьхи свои благополучием выше возносящих, и на холмах, радостию препоясанных, разные обитатели разными образы, разные чины разным великолепием, разныя племена разными языками едину превозносят, о единой веселятся, единою всемилостивейшею своею Самодержицею хвалятся. Там, со благоговением предстоя олтарю господню, чин священный с курением благоуханий возвышает молитвенные гласы и сердце свое к богу о покрывающей и украшающей церьковь его в тишине глубокой; инде при радостном звуке мирнаго оружия достигают до облаков[д] торжественные плески Российскаго воинства, показующаго свое усердие к благополучной и щедрой своей Государыне. Там, сошедшись на праздничное пиршество, градоначальники и граждане в любовной беседе воспоминают труды Петровы, совершаемые ныне бодростию августейшия его Дщери; инде, по прошествии плодоноснаго лета при полных житницах[е] ликуя, скачут земле-

---

[6] *Рук., Отд. изд. 1749* о сладчайшем Ея имени *вместо* о преславном. восшествии.

[в] *Рук.* обозрить.

[г] *Рук., Отд. изд. 1749* обильною жатвою *вместо* плодородием

[д] *Рук.* возбуждают сердце *вместо* достигают до облаков.

[е] *Рук., Отд. изд. 1749* инде по совершении жатвы при собранных безмятежно рукоятех *вместо* совершаемые... житницах.

Библиотека "Руниверс"

дельцы и простым, но усердным пением Покровительницу свою величают. Там плаватели, покоясь в безопасном пристанище,[ж] в радости волнение воспоминают и сугубым веселием день сей препровождают;[з] инде, по пространным полям Азийским разъежжая, степные обитатели хитрым искусством стрелы свои весело пускают и показуют, коль они готовы устремить их на врагов своея Повелительницы.[2] Но, хотя естественны пределы сил человеческих не дозволяют радостному взору нашему до толикаго возвышения достигнуть и толиким зрением насладиться, однако духом возносимся, ревностными крилами мыслей возлетаем и всеобщия увеселения повсюду видим умными очами, которыя наипаче к древнему царствующему граду, вожделенным присутствием Всепресветлейшия Государыни нашея осиянному,[3] простираются. Часто мысленный взор наш, обозрев разные торжеств образы, благословенное Ея владение в день сей украшающие, на пресветлое Ея лице обращается и рассеянныя повсюду увеселения на нем едином находит. На нем истинное благочестие, веселящее церьковь, на нем мужественную бодрость, укрепляющую воинство, на нем кроткое правосудие, пример судящим и отраду судимым дающее, на нем прозорливую премудрость, на отдаленныя места и на грядущия времена взирающую, ясно и в отсутствии видим и равно как в присутствии благоговейно почитаем. Но кто ревностным усердия зрением яснее оный видит, как сие, для распространения наук в России Петром Великим установленное общество, несказанным Ея великодушием обновленное?[4] Ни горы, ни лесы закрыть не могут божественнаго Ея зрака, начертаннаго в душах наших.[и] Обра-

---

[ж] *Рук., Отд. изд. 1749* достигая безопаснаго пристанища *вместо* покоясь в безопасном пристанище.

[з] *Рук., Отд. изд. 1749* презирают и пестрые знаки празднества над колеблющимися водами распростирают *вместо* воспоминают... препровождают.

[и] *Рук., Отд. изд. 1749* Начертаннаго в душах наших божественнаго Ея зрака ни горы, ни лесы закрыть не могут *вместо* Ни горы, ни лесы... наших.

Библиотека "Руниверс"

щаются пред нами живо Ея сладчайшия уста, повелевающия нас восставить, и очи, человеколюбно к нам сияющия, и щедрая рука, подписующая благополучие наше. Ободрить начинающияся науки, не щадя своих иждивений, [й, 5] утвердить их благостояние,[к] предписав полезные законы, оградить своею милостию, приняв в собственное свое покровительство, отворить им к себе свободной доступ, поручив их доброхотному Предстателю из своих ближайших,[6] — есть толь великое благодеяние, которое в мыслях и сердцах наших во веки незагладимо пребудет и за которое мы, по всей возможности и силе нашей стараясь о приращении наук и превознося великую благодетельницу похвалами, делом и словом благодарение приносить должны.

Но когда наипаче к изъявлению благодарности нашей должно быть нам возбужденным, как в сей торжественный день пресветлым Ея на Отеческий престол восшествием осиянный,[л, 7] в который с нашим особливым веселием общее празднество соединяется? Не может неописанная радость наша в тесных пределах сердца ныне удержаться, но на лице и на язык изливается. Напрягаются крайния силы разума и сло́ва изобразить Монаршеския Ея добродетели, увеселение подданных, удивление света, славу и украшение времен наших.

Велико дело и меру моего разума превосходящее предприемлю, когда при толь знатном собрании именем сего ученаго общества за несказанное благодеяние величайшей на свете Государыне благодарение и похвалу приносить начинаю. Но, рассудив прилежно, обретаю оное легко и способно, ибо где обильнейшую материю сыскать красноречие, где обширнее разпространиться разум, где быстрее устремиться искренняя ревность может, как в преславных добродетелях толь великия Монархини? Когда язык мой, щедротами Ея ободренный, удобнее обращаться, когда голос мой, великодушием Ея укреплен-

---

[й] *Рук., Отд. изд. 1749, Торж.* сокровищ.

[к] *Отд. изд. 1755* благосостояние.

[л] *Рук., Отд. изд. 1749* пресветлому Ея Тезоименитству посвященный *вместо* пресветлым... осиянный.

Библиотека "Руниверс"

ный, громчае возвыситься может, как проповедуя и превознося несравненныя Ея достоинства? Не снисканием многословнаго мыслей распространения увеличено, не витиеватым сложением замыслов[8] или пестрым преложением речений украшено, ниже риторским парением возвышено будет сие мое слово, но все свое пространство и величество от несравненных свойств Монархини нашея, всю свою красоту от прекрасных Ея добродетелей и все свое возвышение от устремления к Ней искренния ревности примет, ибо приносится благодарение Государыне благочестивейшей — свидетельствуют созидаемые и украшаемые храмы Господни, пощения, молебства и трудныя путешествия благоговения ради;[9] приносится благодарение Государыне мужественной — свидетельствуют над внутренними и внешними врагами Ея преславныя победы;[10] приносится благодарение Государыне великодушной — свидетельствуют прощенныя преступления внутренних и продерзости внешних неприятелей и кроткое наказание Ея злодеев;[11] приносится благодарение Государыне премудрой — свидетельствуют прозорливо предприемлемыя учреждения, внутреннее и внешнее спокойство утверждающия;[12] приносится благодарение Государыне человеколюбивой — свидетельствует матернее к подданным Ея снисходительство и возлюбленная к ним кротость; приносится благодарение Государыне премилосердой — свидетельствует безчисленное множество свобожденных от смерти и данный Ей от бога мечь на казнь повинных, кровию еще не обагренный;[13] приносится благодарение Государыне прещедрой — свидетельствует преизобильное снабдение верности, избыточествующее заслуг награждение, споможение добродетельной скудости и восстановление нещастием раззоренных. В приятном и великолепном раю разум мой ныне обращается и от одной цветущей добродетели отвлекается красотою другия! Все преславны, все прелюбезны. Изо всех явствует, коль благороден[м] есть корень, от котораго сей насажденный добродетельми виноград произрасши процветает.

[м] *Рук.* благодарен.

Изо всех достоинств Монархини нашея показуется, коль велики были Ея предки, которыми оживленная, восставленная, укрепленная, возвеличенная, просвещенная Россия ныне над всеми земными царствами главу свою возносит, которых славныя дела и заслуги к отечеству неменьше надлежат к похвале Ея Величества, нежели кровь оных к Ея рождению послужила. Для того описал бы я ныне вам младаго Михаила,[14] для стенания и слез прадедов наших приемлющаго с венцем Царским тяжкое бремя поверженныя России, обновляющаго рассыпанныя стены, сооружающаго раззоренные храмы, собирающаго расточенных граждан, наполняющаго расхищенныя государственныя сокровища, исторгающаго корень богоотступных хищников Российскаго престола и Москву от жестокаго поражения и глубоких ран исцеляющаго;[15] изобразил бы я ныне премудраго и мужественнаго Алексея,[16] бодрым своим духом ободряющаго Россию, начавшую паки двигать свои мышцы, утверждающаго благополучие подданных спасительными законами, полки военною наукою, церьковь истреблением ереси, простирающаго победоносный мечь свой на Сармацию[17] и России издревле принадлежащия великия княжества праведным оружием России возвращающаго; представил бы я Петра именем Великаго, делами большаго, влиянною себе от Бога премудростию просвещающаго Россию и мужеством вселенную устрашающаго, единою рукою мечь и Скипетр обращающаго, к художествам[a] простирающаго другую, правлением всех земных Монархов, трудами рабов своих превосходящаго, искореняющаго невежество и науки насаждающаго, наполняющаго новыми полками землю и море новым флотом покрывающаго, военные свои законы собственным примером утверждающаго и славу свою со славою отечества до небес возносящаго; начертал бы я в умах ваших Героиню, прекрасную Августейшую Екатерину,[18] среди варварских набегов, среди гремящаго оружия, среди шумящих ядр непоколебиму духом, премудрому Государю премудрые советы

[a] *Рук.* к трудам

Библиотека "Руниверс"

дающую, венчаему потом Его рукою и пресеченныя смертию предприятыя дела многотрудившагося[о] Российскаго Геркулеса на рамена свои[19] приемлющую;[п] но слово мое к собственным добродетелям и достоинствам Монархини нашея поспешает: на них единых истощит всю свою силу,[р] не исчисляя подробну, но токмо[с] знатнейшия представляя. Того ради не изображаю словом блистающия лепоты лица Ея, являющия прекрасную душу, ни сановитаго возраста, Монархине приличнаго, ни величественной главы, к ношению венца рожденной, ни уст, щедроту источающих, ни очей, возрением оживляющих, ибо ко всем человеколюбивая Государыня взор Свой обращает. Всяк видит, всяк в уме своем изображает, что так Великий Петр обращал свои очи, взирая на обновляющуюся Россию; так произносил свой голос, укрепляя воинство и ободряя к трудам подданных; так простирал Свою руку, учреждая художества и науки, повелевал устроить полки ко брани и выходить флоту в море; так возносил главу, въежжая в побежденные грады и попирая поверженное неприятельское оружие; толь бодро шествовал, осматривая свои начинающияся стены, строящиеся корабли, исправляющиеся суды и среди моря со дна востающия пристани и крепости; не представляю внешних Монархини нашея достоинств, но внутренния душевныя токмо изобразить потщусь Ея дарования,[20] которых лику предходит любезное Богу, любезное человеком благочестие, крепкое утверждение государств, красота венцев Царских, непостыдная надежда во брани, неразрывное соединение человеческаго общества. Коль великия нестроения, брани и человекоубийства[т] в народах единой крови и единаго языка от разделения веры происходят, толь, напротив того, крепко взаимным любви союзом сопрягает их единство веры, кото-

[о] *Рук., Отд. изд. 1749, Торж.* многотруднаго.

[п] *Рук.* на женских раменах носящую; *Отд. изд. 1749, Торж.* на женские рамена приемлющую.

[р] *Рук. добавлено* не украшая рачительно, но токмо верно описуя.

[с] *Рук.* токмо *отсутствует.*

[т] *Рук.* кровопролития.

Библиотека "Руниверс"

рая[у] хотя много учением, однако больше примерами укрепляется. Благополучна Россия, что единым язы́ком едину веру исповедует[21] и, единою благочестивейшею Самодержицею управляема, великий в Ней пример к утверждению в православии видит. Видит повсюду, как звезды небесныя, блистающия и Ею сияние свое умножающия церькви; с удивлением взирает, что толь многих государств Повелительница, которой земля, море и воздух к удовольствию служат, часто, твердостию веры укрепляема, строгим пощением и сухоядением тело свое изнуряет, которой не токмо великолепныя колесницы и избранные кони, но и руки и главы сынов Российских к ношению готовы, вперенна усердием купно с подданными далекий путь к местам священным пешествует.[ф] Коль горячим усердием воспаляются сердца наши к Вышнему и коль несомненно милосердия Его себе ожидаем, когда купно с нами предстоящую и молящуюся с крайним благоговением свою Самодержицу пред очами имеем! Коль мужественно дерзают против сопостатов Российские войны,[х] зная, что Бог, крепкий во брани, Бог, благочестивейшую их Государыню любящий, купно с ними на сражение выходит! Коль великою радостию восхищаются места священныя, посещаемыя часто Ея богоугодным присудствием! Украшенная святым Ея усердием, аки невеста, в день брачный торжествующая, Российская церьковь, блистая порфирою и златом и паче радостию сияя, возвышается, окруженна славою, к пресветлому жениха своего престолу и, показуя ему свое великолепие, вещает: «Так украшает меня на земли возлюбленная Твоя Елисавета — украси державу и венец Ея не увядающею добротою славы;[ц] возносит рог мой в поднебесной —

[у] *Рук.* которое.

[ф] *Рук., Отд. изд. 1755* путешествует.

[х] *Рук.* дерзает против сопостатов Российское воинство *вместо* дерзают... войны.

[ц] *Рук.* добротою неувядающия славы *вместо* неувядающею добротою славы.

Библиотека "Руниверс"

вознеси Ея[ч] над всеми обладательми земными; посещает меня посещением усердным — посети Ея[ш] благодатию твоею неотступно; утверждает столпы мои в России — утверди здравие Ея непоколебимо; споспешествует мне в побеждении неверия — споспешествуй Ей в побеждении гордых и завистливых сопостатов и благословением твоим и силою твоею свыше осени Ея воинство». Сему священному церькви святыя гласу согласуется всех подданных желание; по сему веруем, что непобедимый благочестивых поборник славы, Господь, во всех предприятиях и делах Августейшия Единодержицы нашея есть предводитель и защитник, и высокою десницею своею управляет Ея мужество, которому ни внутрь России вкоренившиеся, ни отвне наступающие неприятели не могли стать противу. Сии побеждены в едино лето,[22] а оные в едину ночь низвержены.[23] Окруженный крепкою стражею венец отеческий и Скипетр,[щ] сильною рукой держимый и великою властию объятую Россию взять в свое повелительство, есть дело и мужескому сердцу страшное, и великому Герою едва преодолимое. Но Богом предводимая Героиня наша с малым числом[ъ] верных сынов отечества презирает все препятства,[24] без пролития крови торжествует и к общей нашей радости приемлет свое наследство. Чудное и прекрасное видение в уме моем изображается, когда себе представляю, что предходит со крестом Девица, последуют вооруженные воины.[25] Она отеческим духом и верою к Богу воспаляется, они ревностию к Ней пылают; Она исполнить желание всех Россиян, они изволение[ы] Тоя совершить поспешают; Она, приближаясь к победе, кровопролитной победы не желает, они всему свету стать противу[ь] за Оную усердствуют. Но что сему последует? Омертвели стрегущие, видя пришествие Петровой Дщери, и бесчув-

[ч] *Так в подлиннике*

[ш] *Так в подлиннике*

[щ] *Рук.* Скиптр.

[ъ] *Рук., Отд. изд. 1749, Торж.* с малою рукою.

[ы] *Рук.* повеление.

[ь] *Рук.* со всем светом сразиться *вместо* всему свету стать противу

Библиотека "Руниверс"

ственное оружие пред законною своею Государынею, из трепещущих рук падши, преклонилось! Просветился Монаршеский дом Ея входом, воссиял престол вступлением, и веселящимся Россиянам казалось, что и стены Петровы двигались, радостию оживленны. Ужаснулись тогда вероломные Балтийские бреги, приступающие уже к пределам нашим кичливые сопостаты[26] оцепенели и, завистливый взор свой вспять обращая,[27] больше о бегстве, нежели о сражении помышляли. Изображался в устрашенных умах их Петр Великий, в мужественной Своей Дщери живущий, представлялись им отцы их в мысли, лежащие в крови своей на полях Полтавских, и многия тысячи их народа, ведомаго в плен на отделенныя половиною света степи; мечтались им горящие их грады и веси, приготовленныя Российския галеры ходить по су́ху,[э] как по морю, Российския галеры и выежжающие против них из волн морских всадники.[ю, 28] Правда, что побеждены уже были неприятели при стенах Вильманстрандских, однако сражение было жестоко; чувствовали храбрыя Российския руки сопротивление, и победа куплена немалым пролитием крови.[29] Но когда Отеческий скипетр[я] и мечь приняла мужественная Елисавета, тогда, как некоторым бурным дыханием возметаемы, неприятели с трепетом в бегство обратились и при защищениях своих, при крепких стенах, при непроходных[а] за́секах и при реках, быстрыми водами стремящихся, не токмо противиться не дерзнули, но и оглянуться на них едва смели, видя, что ни топкия болота, ни мшистыя озера, ни стремнины крутыя не могут препятствовать праведному Елисаветину гневу и ревности молниеносных Ея воинов. Наконец так утеснены отвсюду, так окружены были морем и землею от Российской силы, что естьли бы не толь

э *Рук., Отд. изд. 1749, Соч. 1751, Отд. изд. 1755, Торж.* ходящия по суши *вместо* приготовленные... посуху.

ю *Рук., Отд. изд. 1749, Торж.* конники.

я *Рук.* скиптр.

а *Рук., Отд. изд. 1749, Отд. изд. 1755, Торж.* непроходимых.

Библиотека "Руниверс"

великодушную Победительницу имели,[б] то никто бы из них спасен не был и о конечной[в] бы их погибели в отечестве их возвестить было некому, кроме звучныя славы Ея Величества.[30] Сия победа тем паче протчих была предивна, что казалось, якобы и Марс, подражая кроткому Государыни нашея нраву, ненавидел пролития человеческия крови, и вся Европа рассуждала, что Россия не войну с неприятельми[г] имела, но токмо продерских вероломцов за неистовство наказала. За сродное Государыни нашея свойство вселенная почитает поступать со врагами[д] великодушно. Сего не токмо при совершенном внешних неприятелей[е] посрамлении, но еще во время преславнаго Ея[ж] на Отеческий престол вступления великий пример над внутренними сопостатами[з] Ею показан. Прибегла к Ней смущенная Россия и гласом избранных сынов своих вещала: «Приими меня в материя Твои объятия, приими наследную Твою державу и врожденным Тебе бодрым Отеческим духом презирай все препятства. Надейся на Бога — он праведному Твоему предприятию предводитель будет.[и] Надейся на Себя — Ты едина истинная наследница, Ты Дщерь моего Просветителя.[й] Надейся на меня — я все свои силы подвигну к Твоему защищению и чрез главы и трупы Твоих неприятелей отворю путь к престолу». Но великодушная Государыня паче изволила наследной Своей короны до времени лишаться, нежели оной доступать пролитием крови, и, наконец, больше опасаясь бедствия Отечеству, нежели себе Величества желая, склонилась к правлению или вящше к сохранению государства. Восшед на

[б] *Рук.* имели Победительницу.

[в] *Рук., Отд. изд. 1749, Соч. 1751, Отд. изд. 1755* о конченой.

[г] *Рук.* с неприятелями.

[д] *Рук. добавлено* своими.

[е] *Рук.* врагов своих.

[ж] *Рук.* своего.

[з] *Рук.* неприятельми.

[и] *Отд. изд. 1755* будет *отсутствует*.

[й] *Отд. изд. 1755* Победителя.

Библиотека "Руниверс"

высоту толикия власти, отлучившим Ея[к] от законнаго наследства, согрубившим неистовою гордостию и бессовестным утеснением огорчившим[л] кое мщение наносит? По закону Божию, по государственным правам и по желанию Российскаго народа на лютую смерть и на растерзание осужденных токмо отдалением от пресветлаго лица Своего наказует, недостойных жизни токмо самовольныя жизни[м] лишает и великое восшествия Своего геройское дело украшает крайним Своим великодушием, которым так обильно одарена Монархиня наша, что оное в пространной России не вмещается, но истекает и ко внешним народам. Побеждена Швеция Ея оружием, но больше побеждена великодушием; страшится Ея непобедимыя силы,[н] но больше чудится великому и благородному духу, ибо, приобретши толь великия преимущества, непобедимая Государыня с побежденными в конец мир заключает, но, справедливее сказать, преступившим вину прощает. Кто всю врага своего силу в руках имеет и всю свою волю над ним исполнить может, однако отдает все обратно и уже поверженнаго и противиться не могущаго восставляет, — тот не больше ли прощает, нежели примиряется? Но далее простирается прехвальная сия Монархини нашея добродетель, бо́льший пример великодушия показует Российская Героиня, ибо, не токмо отпустив врагам своим предерзость, мир, и тишину, и земли покоренныя возвращает, но и оружие свое простирает к их защите; отвращает с другой страны грозящую им войну и наследство их престола купно с вольностию утверждает.[31] Сие рассуждая и взирая на цветущее состояние Российскаго государства, на изобилие пространнаго нашего Отечества и на умеренность, которою Государыня наша толикое множество поклоняющихся Ей народов управляет, возможно ли

[к] *Так в подлиннике.*

[л] *Рук.* огорчившим неистовою гордостию и согрубившим бессовестным утеснением *вместо* согрубившим... огорчившим.

[м] *Торж., Отд. изд. 1749* жизни *отсутствует.*

[н] *Отд. изд. 1755 слова* но больше... непобедимыя силы *отсутствуют.*

Библиотека "Руниверс"

помыслить вам, соседы наши,[o] чтобы Ея благородное сердце к присвоению чужих земель склонилось? Имеющая толикое пространство полей плодоносных болот ли непроходимых пожелает? Простирающая Скипетр[п] Свой на протекающия в Ея послушании изобильныя и великий Нил превосходящия реки на зыбучие ли мхи польстится? Господствующая в земли, мед и млеко точащей, на камни ли неплодные с желанием взирать будет? Что храброе Российское воинство ко брони устроено, что флот готов к покрытию вод Балтийских, что все военныя приуготовления успевают,[32] — сие все не войну, от России наносимую, предвозвещает, но показует премудрость прозорливыя нашея Героини. Искусный мореплаватель не токмо в страшное волнение и бурю, но и во время кротчайшия тишины бодрствует, укрепляет орудия, готовит парусы, наблюдает звезды, примечает перемены воздуха, смотрит на восстающия тучи,[33] исчисляет расстояние от берегов,[р] мерит глубину моря и от потаенных водою камней блюдется. Подобным образом премудрая Елисавета, хотя радуяся взирает на своих подданных, наслаждающихся дарованным от Ней возлюбленным покоем, однако и о будущей их безопасности печется: ограждает их[с] распростертым по земли и по морю оружием и тех, которые мечем не могут, мыслями воюющих проницательным оком назирает; открывает потаенныя тихими струями лести неприятельския коварства; рассуждает о прошедшем, рассматривает настоящее и будущее предвидит. Того ради, естьли кто из завистников благополучия нашего дерзнет неистовым или коварным озлоблением миролюбивое Монархини нашея сердце на гнев подвигнуть, то познает о всем премудрый Ея промысл и, хотя он пространными морями, великими реками или превысокими горами от нас покрыт и огражден будет, однако, почув-

---

[o] *Рук.* окрестные народы *вместо* соседы наши.

[п] *Рук.* Скиптр.

[р] *Рук., Торж., Отд. изд. 1749* брегов.

[с] *Рук.* оную.

Библиотека "Руниверс"

ствовав свое наказание, помыслит, что иссякло море, прекратили течение реки и горы, опустившись, в равныя поля претворились; помыслит, что не флот Российский, но целая Россия к брегам его пристала.[34] Покойся в радости, возлюбленное[т] отечество, и безмятежным веком под кровом премудрыя Твоея Повелительницы наслаждайся. Коль безопасно твое благополучие! Коль несравненно с протчими твое блаженство! Другие на дымящияся развалины раззоренных от неприятеля градов своих со слезами взирают, но ты на восходящия к облакам новыя великолепныя[у] здания радостный взор возводишь.[35] Другие, день и ночь страхом объяты, трепещут, видя с обнаженными мечами бегающих друг за другом граждан и единородную кровь по стогнам проливающих, но ты единодушных сынов единыя общия всех Матери[36] согласным подданством украшаешся. Иные от пресечения купечества, от разрушения художеств, от попрания земледельства наготу и алчбу претерпевают, но в тебе купечеству пути открыты, отворены пристани, наполнены богатством торжища, возрастают науки и художества, и житницы твои преизобилуют. Иные, хотя от военнаго шума и страха свободились, однако видят плачевные следы своих сопостатов, и суровый оных вид ясно[ф] еще изображается в их мыслях, но тебя, в бесперерывной тишине покоящуюся, нижé в сонных привидениях военные страхи возмущают. Сие твое дражайшее и святое спокойство от единаго премудраго попечения прозорливыя твоея Государыни происходит. Ея провидение и промысл довольствует тебя изобилием, увеселяет общим согласием, обогащает купечеством и безмятежным земледельством, украшает возлюбленным миром и громкою твоею славою вселенную наполняет. Сие совершенное наше удовольствие, общее увеселение, обильное обогащение, приятное украшение, сию всемирную нашу славу умножает несравненная Монархиня божественным Своим

т *Рук.* благословенное.

у *Рук.* великолепныя *вписано рукой Ломоносова.*

ф *Рук.* явно.

Библиотека "Руниверс"

человеколюбием, когда, возвышенная до толикой высоты власти и величества, которой уже человеческое могущество превзотти не может, крайним к подданным Своим снисходительством превыше смертных жребия восходит.[х] Что приятнее человеческому сердцу[37] и что чрезвычайнее на свете быть может, как Государыню, Повелительницу величайшей части света, от всех племен и владык земных почитаемую, ласковым взором, кроткою беседою и милосердым приятием рабов своих удостоевающую видеть? Но мы таковым приятным зрением[ц] услаждаемся по вся дни. Отличается человеколюбивая Государыня наша от великаго множества окружающих Ея подданных не кичливым возрением, не уничтожительным гласом, не страшным[ч] повелением, но прекрасным Величеством, тихою властию, благородным снисходительством и некоторою божественною силою, вливающею несказанную радость в сердца наши. Обращается при вратах пресветлаго Ея дому не ужас и трепет,[ш] но кроткое человеколюбие, привлекающая сердца всех милость и надежный страж Величества — верная любовь подданных. Входящие в него не озираются беспрестанно, стен самих ужасаясь, ниже́ трепещущия стопы́ сомнительно простирают,[38] но предваряющему их веселию едва в след успевая, в священныя Ея чертоги светлым лицем шествуют. Нет нужды испытать сокровенныя их мысли: является на каждаго очах красота общаго удовольствия и на распростертых челах радостных сердец знаки написаны. Коль приятным чувствием обливаются сердца взирающих на толь снисходительное Величество! И кое прохлаждение втекает в кровь[щ] оцепеневающих повинных, когда о милосердии своея Государыни помышляют, к котораго изображению человеческое слово едва довольно быть может! Ничто есть толь

[х] *Рук.* себя превыше смертных жребия, превыше самой себя поставляет *вместо* превыше смертных жребия восходит.

[ц] *Рук.* видением.

[ч] *Рук.* не грозным.

[ш] *Рук.* трепетание.

[щ] *Рук.* протекает на души *вместо* втекает в кровь.

Библиотека "Руниверс"

похвально, как кротость,[ъ] ни единой добродетели благоутробия нет любезнее, ничем естество человеческое к божественным свойствам не подходит ближе, как прощением повинных и свобождением от надлежащей казни. Но где велегласнее[ы] милость на суде хвалится, где крепче объемлется[ь] правосудие и милосердие, где обвинение и прощение теснее[э] сопрягаются, где осуждение и свобождение союзнее[ю] друг друга лобзают, как пред высочайшим Ея Величества престолом? Пускай другие, лишая жизни, обагряя мечь свой кровию, умаляя число подданных, повергая пред народом растерзанные человеческие члены, устрашить злых и пороки истребить тщатся, но премилосердая Монархиня наша больше благоутробием и щедротою успевает.[я] Пускай другие ужасными, но Мати Российская радостными примерами исправляет человеческие нравы. Иные строгою и нередко безчеловечною казнию хотят искоренить злобу,[39] но Она щедрым награждением вкореняет добродетель. Естьли кто, имея великий сад, только об одном истреблении терния печется, забыв плодоносныя древа и прекрасные цветы напаять потребною влагою, тот не в долгом времени увидит древа́ свои сухи и бесплодны и цветы, увянувшие от зноя. Напротив того, кто древа плодоносныя и процветающия травы в пристойное время орошает, презирая плевы и токмо прохождением попирая, тот насладится изобилием древ плодоносных и красотою цветов возвеселится, которые усилившись иссушат тучность и соки негодных и вредных прозябений, прекратится тех ращение и корень истлеет. Подобным образом, хотя и полезно есть строгое над повинными исполнение законов, но без награждения добродетели тщетно и больше приводит в уныние

[ъ] *Рук.* незлобие.
[ы] *Рук.* больше.
[ь] *Рук.* жаднее себя объемлют *вместо* крепче объемлется.
[э] *Рук.* союзнее.
[ю] *Рук.* усерднее.
[я] *Отд. изд. 1755* утешает.

Библиотека "Руниверс"

добрых, нежели злых исправляет;[а] напротив того, награждение добродетели и снабдение заслуг при кротком наказании пороков едино сильно, едино к исправлению нравов человеческих довольно, ибо, чувствуя себя презренных и попранных злые и видя возвышенную добродетель, наслаждающуюся праведною своею мздою, завистью угрызаемы истают или, обратившись ревностным подражанием того же, достойными себя учинить стараться будут. Таковым благоразумным милосердием щедрая Государыня в широко распростирающейся России расплодить добродетель и пороки искоренить тщится! Наказует[б] матерски, Монаршески снабдевает,[в] исправляет без строгости, с избытком награждает, воскрешает избавлением преступивших, заслуживших благодеянием ободряет.[г] Таковую Ея Величества особливую добродетель хотя всяк верный подданный, хотя все российское государство чувствует, хотя повсюду щедрая Ея рука обильные дары изливает, так что скорее голос мой ослабеет, язык притупится и слово оскудеет, нежели подробну Ея благодеяния исчислит,[40] однако, учрежденное от дражайших Ея Родителей сие собрание, великодушным щедролюбивыя Государыни призрением так удовольствовано и так снабдено, что, крайнейшею благодарностию усердствуя, ни вящшаго себе благополучия представить, ниже к засвидетельствованию своего удовольствия и рабской искренности удобных способов изобрести может.[д] Сие благодеяние тем больше, тем преславнее и Петровой Дщери достойнее, что не токмо до нас единых, не токмо до учащагося здесь юношества,[41] но до всякаго чина и звания, до всего Российскаго государства, до всего рода человеческаго касается, ибо не токмо мы, довольствуясь Ея Величества щедротами, иные в откровении естественных таин и в исследовании пречудных

[а] *Рук.* и устрашает.
[б] *Рук.* Наказует злых.
[в] *Рук. далее* добрых.
[г] *Рук.* ободряет благодеянием
[д] *Рук.* не может.

Библиотека "Руниверс"

дел премудраго Создателя в спокойстве услаждаемся, иные, преподая наставление учащимся, с радостию чувствуем являющиеся плоды трудов наших; не токмо учащиеся, питаемы обильною Ея рукою, без попечения о своих потребностях только о научении стараться могут, но общее благополучие предлагается. Нет ни единаго места в просвещенной Петром России, где бы плодов своих не могли принести науки; нет ни единаго человека, которой бы не мог себе ожидать от них пользы. Что святее и что спасительнее быть может, как, поучаясь в делах Господних, на высокий славы его престол взирать мысленно и проповедывать его величество, премудрость и силу? К сему[е] отворяет Астрономия пространное рук его здание: весь видимый мир сей и чудных дел его многообразную хитрость Физика показует, подая обильную и богатую материю к познанию и прославлению Творца от твари.[ж] Что полезнее есть человеческому роду к взаимному сообщению своих избытков, что безопаснее плавающим в море, что путешествующим по разным государствам нужнее, как знать положение мест, течение рек, расстояние градов, величину, изобилие и соседство разных земель, нравы, обыкновения и правительства разных народов? Сие ясно показует География, которая всея вселенныя обширность единому взгляду подвергает. Чем военныя сердца вящше к мужественному против врагов действию и к храброму защищению отечества побуждаются, как славными примерами великих Героев? Сии приводит на память История и Стихотворство, которое,[з] прошедшия деяния живо описуя, как настоящия представляет: обоими[и] прехвальныя дела великих Государей из мрачных челюстей едкия древности исторгаются.[й] Что превосходнее себе представить можно, как такое средство, которое

[е] *Рук.* Но к сему.

[ж] *Рук.* к познанию и прославлению Творца от твари обильную и богатую материю *вместо* обильную... от твари.

[з] *Рук.* которое *отсутствует.*

[и] *Рук.* обе.

[й] *Рук.* исторгают.

Библиотека "Руниверс"

управляет разум, показует непрелестный[42] путь произволению,[к] укрощает человеческия страсти и естественные и гражданские законы утверждает? Сие исполняет Философия. Что есть человеку жизни своей дороже и что любезнее здравия? Обои сии[л] Медициною сохраняются и продолжаются. Что в человеческом[м] обществе нужнее есть употребления разных махин и знания внутренняго вещей сложения? Сие открывает Химия, Механика оныя составляет.[н] Все сии точною и осторожною Математикою управляются.[о] Все к приращению блаженства человеческаго хотя разными образы, однако согласною пользою служат. Но все сии чрез особливое щедролюбивыя Государыни нашея благодеяние в России умножатся, процветут и принесут обильные плоды в свое время. Произрастет здесь насажденное Петром, огражденное милостию и напоенное щедротою достойныя толикаго Родителя Дщери прекрасное премудрости древо,[п, 43] возрастет и ветьви свои распростpет по всей вселенной. Отверста богатою Ея Величества рукою широкая дверь наукам в пространную[44] Россию, в которой оне, во всяком довольствии и в полной безопасности распростираясь, новое приращение,[р] новое украшение, новое просвещение[45] и новую славу приобрящут и в новом великолепии на нечаянной высоте, на самом верьху своего совершенства поставленных себя всему свету покажут и полным своим сиянием оставшуюся ночь[с] варварства из самых отдаленных и ныне еще едва известных мест рассыплют; ибо где удобнее совершиться может звездочетная и землемерная наука, как

[к] *Рук.* непрелестный путь произволению показует *вместо* показует. . произволению.

[л] *Рук.* Но оне *вместо* Обои сии.

[м] *Рук. слова* в человеческом *отсутствуют.*

[н] *Рук.* слагает.

[о] *Рук.* Всех сих управляет точная и осторожная Математика *вместо* Все сии. . . управляются.

[п] *Рук. слова* прекрасное премудрости древо *вписаны рукой Ломоносова.*

[р] *Отд. изд. 1755 слова* новое приращение *отсутствуют.*

[с] *Рук.* нощь.

Библиотека "Руниверс"

в обширной Ея Величества державе, над которою солнце целую половину своего течения совершает и в которой каждое светило, восходящее и заходящее, в едино мгновение видеть можно.[т] Многообразные виды естественных вещей и явлений где способнее исследовать, как в полях, великое свое пространство различным множеством цветов украшающих, на верьхах и в недрах гор, выше облаков восходящих и разными сокровищами насыпанных,[у] в реках, от знойныя Индии до вечных льдов протекающих, и на многих пространных морях, полных дивными Божиими чудесами, под Елисаветиною державою волны свои преклоняющих? Где безопаснейшее жилище Музы обрести могут, как в пространной и безмятежной России, прозоливостию Монархини нашея успокоенной и непобедимою Ея силою огражденной? [ф] О, коль великое благодеяние от сего Монархини нашея щедролюбия во весь свет распространится! О, коль вожделенно[х] благополучие ваше, Российские юноши, которые толикою милостию щедрыя Государыни питаемы, в радостных трудах упражняетесь! Представьте себе будущее ваше состояние, к которому вы избраны, со благоговением внимайте, что Августейшая Императрица, довольствуя вас своею казною, матерски повелевает: «Обучайтесь прилежно. Я видеть Российскую Академию, из сынов Российских состоящую, желаю;[46] поспешайте достигнуть совершенства в науках: сего польза и слава отечества, сего намерение Моих Родителей, сего Мое произволение требует. Не описаны еще дела Моих предков и не воспета по достоинству Петрова великая слава. Простирайтесь в обогащении разума и в украшении Российскаго слова. В пространной Моей державе неоцененныя сокровища, которыя натура обильно произносит,[ц] лежат потаенны и только искусных рук ожидают. Прилагайте крайнее старание к естественных

т *Рук.* видеть в едино мгновение *вместо* в едино мгновение видеть.

у *Рук.* наполненных.

ф *Рук. слова* Где безопаснейшее... огражденной *отсутствуют.*

х *Рук.* велико.

ц *Рук.* приносит.

Библиотека "Руниверс"

вещей познанию и ревностно старайтесь заслужить Мою милость». Сие щедрое Ея Величества повеление слыша, дерзайте, бодрствуйте,[ч] успевайте в течении вашем. И вы, которым вход к наукам свободно отворен, употребляйте сию щедроту в пользу сынов ваших и намерения Петрова, попечения[ш] Екатеринина и Елисаветина великодушия тщетно не оставляйте. Не всуе среди сего царствующаго града жилище наукам воздвигнуто, но чтобы управляющие гражданския дела из мест судебных, упражняющиеся в военном деле со стен Петровых, предстоящие Монаршескому лицу из пресветлаго Ея дому, строящие и управляющие[щ] флот Российский с верьхов корабельных[ъ] и обращающиеся в купечестве с судов и с пристанища на сие здание[47] взирали, среди своих упражнений о науках помышляли[ы] и к ним бы любовию склонялись.[48] Правда, что прекрасное сие муз жилище к несказанной нашей крайней горести, печали и сокрушению нечаянным[ь] злоключением от грознаго пожара приятный вид свой на плачевное позорище пременило, на которое мы едва без стенания и слез[э] взирать можем,[49] но в сей нашей скорби едино имеем утешение, на едино щедролюбие всемилостивейшия Государыни нашея уповаем, ведая, что нет такой напасти, нет такого нещастия, которое бы великодушием Ея превышено и щедрою рукою отвращено не было. Толь велико[50] есть щедролюбие несравненныя Монархини нашея.[ю] Толикою добродетелью украшен престол Всероссийский![я] Таковых Монархов посылает Бог на землю, когда он смертных

[ч] *Рук.* бодрствует.

[ш] *Рук.* рачения.

[щ] *Отд. изд. 1755* упражняющие.

[ъ] *Рук.* сверьху кораблей *вместо* с верьхов корабельных.

[ы] *Рук.* наук не забывали *вместо* о науках помышляли.

[ь] *Рук.* нещастливым.

[э] *Рук.* и слез *отсутствует.*

[ю] *Рук., Отд. изд. 1749* Российския Матери *вместо* несравненныя Монархини нашея.

[я] *Рук.* Российский *вместо* Всероссийский.

Библиотека "Руниверс"

милует; толь благочестивых, когда моления их слышать и приношения приимать соизволяет; толь мужественных и великодушных, когда врагов их повергнуть[а] и посрамить хочет; толь премудрых, когда блаженство их умножить предприемлет; толь человеколюбивых, толь милосердых и толь щедрых, когда их утешить, умножить и ущедрить преклоняется. Красуйся великими сими вышняго дарами, Всемилостивейшая Государыня, и божественными Твоими благодеяниями увеселяйся. Куда Твое пресветлое око ни обратится,[б] везде радостныя лица Твоих подданных, везде избавленных Твоим великодушием и только милосердием Твоим живущих, везде обильно Тобою награжденных и Тобою возвышенных, видит. Вся северная страна хотя во всякое время, однако особливо в сей пресветлый праздник, по прошествии плодоноснаго лета и при окончании благословенной осени,[в] от земли плодами, от моря богатством, отвсюду Твоим щастием изобилующая, многочисленными торжествующих гласы превозносит Твое преславное на отеческий престол восшествие, и оныя восклицания, которыя тогда от внезапной радости и от истинной любви происходили, ныне многократно повторяет. Наше неописанное удовольствие[г] и крайняя благодарность хотя никоим красноречием изображены быть не могут,[д] однако искреннюю ревность и рабскую верность нашу Величеству Твоему[е] сим засвидетельствовать тщимся по мере сил наших,[51] ведая, что Бог и Божию власть на земли имеющие не столько на хитросплетенныя риторския сложения, сколько на чистое усердие взирают.

[а] *Рук.* низвергнуть.

[б] *Рук.* ни обращается.

[в] *Рук., Отд. изд. 1749* при окончании благословеннаго лета *вместо* по прошествии... осени.

[г] *Рук., Отд. изд. 1749* сладчайшее имя, упокоение Божие поистинне знаменующее. Наша неописанная радость *вместо* преславное на отеческий... удовольствие.

[д] *Рук.* по достоинству изображена быть не может *вместо* изображены быть не могут. *Отд. изд. 1749* изображена быть не может.

[е] *Рук.* Вашему.

Библиотека "Руниверс"

PANEGYRICUS ELISABETAE AUGUSTAE RUSSIARUM IMPERATRICI PATRIO SERMONE DICTUS ORANTE MICHAELE LOMONOSOW. LATINE REDDITUS EODEM AUCTORE

Quodsi hoc illustri solemnique die, Auditores, quo sub faustissimis auspiciis clementissimae Principis nostrae innumerabiles populi, placidissima tranquillitate fruentes, triumphant gaudio, et gloriosissime suscepti haereditarii Imperii suavissima memoria oblectantur, fieri posset, ut nos laetitia elati, relicta terrarum sede, eo altitudinis pertingeremus, unde amplissimum Illius Imperium oculis subjicere, et hilarissimas gestientium voces ab oriente sole ad occidentem personantes, ac Elisabetam ad sidera efferentes, exaudire liceret; quam pulchrum, quam magnificum, quam jucundum nobis spectaculum praeberetur! Quam multiplici solemnium forma perfrueretur animus, si per urbes firmius pace quam muris munitas, perque rura plenis horreis beatissima, ad maria a bellorum procellis et metu libera, inter amnes, amoenissimas ripas ditissimis undis interfluentes, per campos ubertate et securitate pulcherrimos, per montes sublimius prosperitate surgentes, perque colles laetitia exsultantes, diversos incolas diverso ritu, diversos ordines diversa pompa, diversos populos diversis linguis, unam efferre laudibis, unam laetis acclamationibus extollere, per unam eandemque clementissimam suam Dominam se beatos praedicare, sensu perciperemus! Hinc religiosissimum sacerdotum ordinem cum surgentibis ad coelum thuris odoribus miscere supplices voces et vota pro incolumitate Autocratoris suae protegentis et ornantis alta in pace Ecclesiam Dei; inde insonare per aëra sociatos laetissimo pacificorum armorum fragori triumphales plausus Russiaci militis ardentissimum amorem erga felicissimam ac liberalissimam Dominam suam testantis; hic proceres atque cives festivum celebrare convivium, crebrisque usurpare sermonibus Petri Magni labores, quibus vigilantissima ejus Filia summam imponit manum; ibi post fertilissimae aestatis sudores, circum collectas sine strepitu fruges, choros agere ac tripudiare agricolas, et rustico quidem carmine, sincero tamen ex animo Propugnatricem suam decantare; tum nautam fidissima fretum statione superatos procellarum furores laeta memoria repetere, et geminato gaudio diem

Библиотека "Руниверс"

hunc celebrare; rursus per vastissimos Asiae tractus campestres incolas equitare alacres, missisque mira arte sagittis indicare, quam promti paratique sint eas super hostes Dominae suae fundere. Quamvis autem humanae conditionis ratio haud patitur, nos tam sublime evehi, tantique spectaculi varietate recreari, tamen mente exsurgimus, et publica gaudia usquequaque animi oculis contuemur. Qui praesertim ad antiquam Imperantium sedem, expectatissima praesentia Serenissimae Imperatricis illustratam respiciunt. Saepius animus noster, perlustrata solemnium varietate, qua felicissimum Russiae Imperium hodie exornatur, ad Augustam convertitur, et disseminata passim gaudia in serenissimo Illius ore sociata reperit. Ex hoc enim veram pietatem delicias Ecclesiae, ex hoc masculum vigorem militaris incitamentum virtutis, ex hoc clementem justitiam exemplum judicum, et miserorum solamen, ex hoc sapientiam futuri providam et consciam, remoti etiam e longinquo lucem suam nobis offundere sentimus; hoc absentes ut praesentes colimus. Sed quis attentiore mentis oculo sanctissimos Illius vultus contemplatur, quam haec, quae ad propagandas in Russia optimas artes atque scientias a Petro Magno fundata est, Academia, incredibili munificentissimae Ejus Filiae Liberalitate restaurata. Non sylvae, non montes interpositi abscondere valent Divinam Ejus Faciem, quae animis nostris infixa est. Obversatur nobis vividissima imago suavissimi oris, erectos nos esse imperantis, et oculorum mitissime nos inspectantium, et munificentissimae manus, prosperitati nostrae subscribentis. Exsuscitare nascentes Musas erogando largissimos sumptus, stabilire earum securitatem scriptis consentaneis legibus, munire singulari gratia in propriam receptas tutelam, patefacere illis ad se liberiorem aditum, demandata earum cura intimorum suorum procerum benevolentissimo, est amplissimum beneficium, cujus memoria nulla oblivione ex animis nostris delebitur; pro quo, adhibito summo ad propagandas optimas artes atque scientias studio, et ornando munificentissimam Dominam, laudibus re ipsa et animo gratissimos hos testari debemus. Quo autem magis tempore aequum est ad agendas optimae Principi gratias nos excitari, quam solemnissima hac die, Imperio Russiae mascula virtute Illius suscepto illustrissima, ubi singulari gaudio nostro publica celebratio conjungitur. Non se capit

Библиотека "Руниверс"

pectoris angustiis tantae laetitiae magnitudo, sed ex ore atque oculis multa et candida prorumpit. Intenduntur summae rationis et orationis vires ad exprimendas vere Regias Augustae virtutes, delicias subditorum, miraculum orbis, gloriam et ornamentum seculi nostri.

Rem arduam, quae modulum ingenii mei excedit, aggredior, cum in hoc nobilissimo atque celeberrimo audientium coetu, tot eruditissimorum virorum nomine, pro incredibili munificentia, maximae inter Dominos terrarum Principi agere gratias atque laudes impertire incipio. Sed quum diligentius expendo, eandem haud ita difficilem invenio. Quod enim dicendi genus uberius invenire eloquentia, qua in re latius diffundi ingenii vires, ubi denique flagrantius spirare devotissimi amoris ardor potest, quam in laudibus tantae Principis celebrandis? Et hanc meam linguam liberalitate Illius animatam quando flecti promtius, et istam meam vocem munificentia Ejusdem firmatam quando elevari altius par est, quam praedicando atque celebrando divinas Illius dotes? Non verbosa cogitationum exaggeratione amplificata, non exquisito verborum lenocinio comta, non artificioso Rhetorum incessu elevata erit haec oratio mea; sed quidquid fertilitatis, quidquid suavitatis, quidquid sublimitatis aut pompae habebit; id omne ingentibus Augustae factis, pulcherrimisque Ejus virtutibus atque devotissimo ferventissimoque amori nostro acceptum feret. Quandoquidem aguntur gratiae Dominae piissimae: testes sunt tot exornatae Divorum arae, exstructa templa, tamque crebra jejunia, supplicationes et peregrinationes ad vota persolvenda institutae; aguntur gratiae Dominae fortissimae: testes sunt tot clarissimae victoriae a domesticis et externis hostibus reportatae; aguntur gratiae Dominae magnanimae: testis concessa illis delictorum et audaciae impunitas; aguntur gratiae Dominae sapientissimae: testis est prudentissime instituta rerum ordinatio ad pacem domi et foris firmandam; aguntur gratiae Dominae mansuetissimae: testis est materna Illius erga subditos comitas et acceptissima lenitas; aguntur gratiae Dominae clementissimae: testis est innumerabilis multitudo liberatorum a mortis poena, et concessus Illi a Deo gladius ad punienda crimina nondum sanguine humano tinctus; aguntur gratiae Dominae liberalissimae: testes sunt amplissimis praemiis ornata fide-

Библиотека "Руниверс"

litas, honorata praeclaris muneribus merita, erecta opibus egens et fracta calamitate probitas. In amoenissimo florentissimoque campo animus expatiatur meus, et inter varios pulcherrimarum virtutum flores ambiguus versatur! Omnes sunt memorandae, amplectendae omnes; ex omnibus elucet quam nobili stirpe tanta laudum seges sit procreata. Ex omnibus atque singulis Augustae virtutibus patet Serenissimorum Illius magnitudo Majorum, quibus resuscitata, elevata, firmata, amplificata, illustrata Russia super omnes terrarum gentes caput suum effert, quorum splendida facinora, magnaque erga Patriam merita non minus ad laudes Principis nostrae pertinent, quam Ejus procreatio ab illorum sanguine derivatur. Idcirco adumbrarem hic vobis Michaelem, tenera in aetate, propter gemitum et lacrymas majorum nostrorum suscipientem cum Regio diademate grave onus prostratae Russiae, renovantem dirutas urbes, instaurantem eversas aras, congregantem fugatos et dispersos cives, resarcientem direptos Imperii thesauros, exterminantem nefarios Russiaci sceptri usurpatores, et Mosquam ab infestissima audacissimorum hominum peste liberantem, et a lugubri vastitate revocantem; proponerem vobis prudentissimum et fortissimum Alexium vigore animi exsuscitare Russiam, jam suos moventem lacertos, firmare fortunam subditorum salutaribus legibus, exercitum militari disciplina, Ecclesiam exstirpata haeresi, circumferre victricia arma sua per Sarmatiam, magnasque provincias, ad Russiam antiquitus pertinentes, justissimo bello recuperare; redigerem in memoriam vestram Petrum, nomine Magnum, rebus gestis maximum, ut divinae sapientiae lumine illustraret Russiam et fortitudine orbi terrorem injiceret, ut altera manu sceptrum teneret atque gladium, altera optimas amplecteretur artes, et regendi arte omnes terrarum principes, laborum patientia servos suos vinceret, ut exterminaret barbariem et introduceret scientias, ut impleret novo exercitu terras, novaque classe maria occuparet, ut bellicas artes suo stabiliret exemplo, et secum Patriam ad sidera extolleret; depingerem vobis Heroida pulcherrimam Catharinam Augustam, inter barbarorum incursus, inter fragorem armorum et globorum stridorem immotam animo, Sapientissimo Principi sapientissima consilia adferentem, coronatam denique Illius manu, et interruptos morte indefessi Rus-

Библиотека "Руниверс"

siaci Herculis labores foemineis, fortissimis tamen, humeris suscipientem; verum tamen ad proprias Autocratoris nostrae virtutes atque pulcherrimas animi dotes festinat oratio mea, in illis solum vires consumtura suas, non equidem singulis enumerandis, sed potioribus percensendis. Quapropter praetereo tacitus excellentem pulchritudinem formae Ejus, pulcherrimi indicem animi; non commemoro honorem capitis ad portandum diadema nati, non proceritatem, non firmitatem corporis principibus decoram, non sacratissimum os gratiarum sedem, non serenissimos oculos hilaritatis et solatii fontes, Nam omnibus spectandam se praebet clementissima Princeps. Spectant omnes et clarissime in animo repraesentant, sic Petrum Magnum circumtulisse oculos, cum renovari a se Russiam contemplaretur; sic elevasse vocem, cum ad proelia milites, ad laborem subditos exhortaretur, sic extendisse manum, cum instauraret artium scientiarumque officinas, cum instrui aciem, vel portu excedere classem imperaret; sic elevasse caput, cum ingrederetur captas urbes, et projecta hostium arma calcaret; sic erectum incessisse, cum surgere sua moenia, reformari judicia, aedificari naves, et mediis ex undis arces atque portus erigi cerneret. Non praedicandis Augustae speciei miraculis immorabor, verum omnem meam operam conferam ad excellentissimas animi dotes, pulcherrimasque Principis nostrae celebrandas virtutes, quarum ducit chorum suavissima Deo, suavissima mortalibus pietas, firmum praesidium regnorum, decus et ornamentum diadematum, certissima fiducia in praeliis, arctissimum vinculum societatis humanae. Quam perniciosae turbae, quam cruenta luctuosaque bella inter gentes, cognatione sanguinis et sermonis sociatas, religionis dissidio concitantur, tam stricto amoris nexu conjungit illas unitas fidei, quae multum quidem doctrina, plus tamen exemplis corroboratur. Felix est Russia, quae una lingua unam fidem profitetur, et unius piissimae Principis imperio administrata maximum documentum, et verae devotionis instar in Illa coram constitutum habet. Videt ut sidera coeli collucere ubique Divorum aras, sanctissimisque Ejus votis in dies magis magisque clarescere. Saepius miratur tot populorum Dominam, cui terra, maria et aër in suppeditando victu famulantur, fidei constantia roboratam, parcissimo cibo diuturna jejunia solari; eam denique,

Библиотека "Руниверс"

ad quam portandam non solum superbi currus et lectissimi equi, verum etiam humeri cervicesque nostrae sunt paratae, divino amore excitatam, inter suos subditos, ad celebrandas religiones, longa itinera pedibus emetiri. Quanto Dei amore inflammantur nostra pectora, quantaque fiducia gratiam illius nobis exspectamus, quando Principem nostram simul nobiscum adstare altaribus, et devotissimo animo ardentissimisque precibus sacra prosequi, ante oculos habemus! Quam animosos et alacres ad conserendas cum hostibus vires praebent se Russiaci milites, cum persuasum habeant, fortissimum in praeliis Deum, Deum piissimae suae Dominae propitium pro illis depugnaturum stare in acie! Quanto gaudio perfunduntur sanctissimae religiones acceptissimis Deo salutationibus Ejus celebratae! Ornata piissimis Illius votis, tanquam sponsa nuptialium celebritate sacrorum, triumphans Russiaca Ecclesia, purpura auroque fulgida, magis autem laetitiae et gloriae Majestate eminens, ascendit ad circumfusum divina luce sponsi sui solium, et splendidissimum cultum suum ostentans, sic, inquit, exornat me in terris suavissima tua Elisabeta; exorna sceptrum et diadema Ejus decore perennis gloriae: auget dignitatem meam in mundo; amplifica potentiam Ejus super omnes terrarum dominos: visitat me devotissima visitatione; visita Illam semper visitatione gratiae tuae: firmat columnas meas in Russia; firmam ac inconcussam valetudinem Ejus conserva: affert mihi opem et auxilium ad conterendam impietatem; affer opem et auxilium Illi ad conterendos superbos et invidos hostes, et Divino tuo numine ac virtute tua desuper tuere Illius militiam. His sacratissimis ecclesiae vocibus consentiunt omnium subditorum vota. Hinc credimus invictum illum piorum propugnatorem, gloriae Dominum, in omnibus Principis nostrae consiliis et conatibus ducem et auspicem esse, et altissima dextra sua dirigere Ejus fortitudinem, cui non illi, qui insederant atque inveterarant in visceribus Russiae, non qui fines illius oppugnaturi erant, hostes resistere valuerunt. Ad hos enim debellandos unius aestatis curriculum, ad illos vero opprimendos una nox suffecit. Obsessum firmis praesidiis Patrium diadema, fortique manu occupatum sceptrum recuperare, et magna vi praereptum Russiae Imperium redigere in ditionem, est facinus virili etiam animo formidabile, et

Библиотека "Руниверс"

a magno Heroe vix perpetrandum. At divino numine excitata Princeps nostra, parvo satellitio fidelium Patriae filiorum comitata, obstantia contemnit et vincit fata, triumphum sine sanguine agit, et publicum adfert gaudium, haereditatem consecuta. Pulcherrimum admirandumque spectaculum animo praebetur meo, cum mihi repraesento, praeire cum signo Crucis Virginem, armatos milites sequi; Illam Patria virtute et ardentissima erga Deum pietate, hos devotissimo erga Ipsam amore incendi; Illam ad explenda totius Russiae vota, hos ad exequendam Illius voluntatem festinare; Illam victoriae jam proximam cruentam victoriam abhorrere, hos orbis terrarum potentiam Illius causa oppugnare non dubitare! Quid vero tandem sequitur? Obstupuerunt praesidiorum catervae, cum Petri Filiam venire sentirent, et sensu carentia arma trepidantibus excussa manibus coram legitima Domina sua procubuerunt. Perfunditur lumine Regia, Illa intrante, collustratur thronus, ascendente, et exsultantibus Russiae civibus etiam moenia Petri se commosse sunt visa. Contremuerunt tum perfida Botnica littora, et ingruentes finibus nostris superbi hostes repentino terrore exanimati diffidere rebus suis coeperunt, et fugam potius maturare quam proelium committere cogitabant. Repraesentabant perterritae eorum mentes Petrum Magnum in fortissima illius Filia redivivum. Oberrabat illis tristissima et sanguinolenta imago patrum, per Poltavae campos fusorum. Concipiebant animis gentis suae myriades super divisos infinita vastitate interjacentis soli campos duci captivas, flammis corripi urbes et agros, trajici siccum pariter ac freta triremibus, erumpere ex mediis maris fluctibus equites. Equidem profligati erant proelio hostes ad Willmanstrandiae muros; ambiguo tamen diu certatum est Marte, senserunt strenuae Russiaci militis manus obstantem pertinaciam cruentamque palmam obtinuerunt. At quamprimum Patrium sceptrum et gladium suscepit Augustissima Virago, tum non secus ac rapacissimo quodam turbine concussi in fugam se conjecerunt, desertisque munitionibus, firmissimus moenibus, praecisis sylvis, et rapidissimis fluminibus, cogitarent ea defendere, sed ne respicere quidem sunt ausi, cum metu abjecti cogitarent, nec uliginosas paludes, nec torpentes lacus, nec alta praecipitia remorari posse justissimam Principis

Библиотека "Руниверс"

nostrae iram, et impetum fulminei Ejus militis. Denique eo angustiarum erant compulsi atque coacti, et victore exercitu ita claudebantur terra marique, ut, si non magnanimae Victricis lenitas illis saluti fuisset, tum nemo eorum mortem effugisset, nec nuncius quidem tantae cladis superfuisset, qui omnium interitum domi prius referret, quam celeberrima Principis nostrae fama id divulgaret. Haec victoria eo fuit maxime memorabilis, quod et Mars ipse mitissimum Principis nostrae ingenium imitari, et humano sanguini parcere videretur, et tota Europa judicaret Russiam non bello cum hostibus decertasse, sed solum temeritatem poena affecisse. Res sermonibus gentium est percelebrata, magnanimitatem propriam Principis nostrae esse virtutem, qua erga infensissimos etiam hostes suos utitur, cujusque ante devictos et confusos externos, etiam erga domesticos inimicos magnum exhibuit specimen. Confugit in sinum Illius conturbata Russia, et voce lectissimorum filiorum suorum sic fidem et amorem suum testata est: Recipe me maternos in amplexus Tuos; capesse haereditarium sceptrum Tuum, et Patria virtute animata omnibus obstaculis esto major. Pone fiduciam in Deo, qui justae Tuae causae et salutaribus coeptis aspirabit; pone fiduciam in Te ipsa, quae unica es legitima haeres, et Filia mei Sideris; pone fiduciam in me, quae, quidquid firmamenti ac virium habeo, saluti et gloriae Tuae propugnandae impendam, perque concisa hostium Tuorum corpora viam ad solium Tuum recludam. At magnanima Princeps maluit potius haereditate Sua ad tempus privari, quam illam adire profuso sanguine. Tandem vero periculo et nutatione Patriae coacta magis, quam Maiestatis desiderio mota, accedit ad gubernandum, seu verius ad conservandum Imperium. Constituta in summa rerum omnium potestate, in eos, qui Patria haereditate Ipsam excludere, qui nefaria insectatione affligere, et impudentissimo fastu contemnere non dubitarunt, quamnam vindictam exercet? divina lege atque humana, optatisque Russiae civium ad acerbissimos cruciatus, ad atrocissimam mortem condemnatos, tantum a serenissimo conspectu suo vult esse remotos, et qui vita indigni judicati sunt, licentiore solum vita privatos vivere jussisse contenta est, et hac moderatissimi animi gloria magnum suscepti Imperii atque heroicum facinus majus reddit atque illustrius. Haec autem

Библиотека "Руниверс"

Augustae magnanimitas tanta est, ut etiam ultra vastissimi Russiarum Imperii fines ad exteras gentes exundet. Victa est Suecia Illius armis, sed magis victa magnanimitate Ejusdem; stupet invictissimum Illius exercitum, sed magis suspicit generosam animi excelsitatem. Quandoquidem acceptis tot commodis totque praerogativis invictissima Princeps cum victis penitus pacem componit, vel, ut verius dicam, veniam temerariis tribuit. Qui omnem hostium exercitum victum comprehensumque, et ex arbitrio suo pendentem tenet, ac ipsum belli impetu perculsum atque prostratum, attollit, nonne is culpam potius remittere, quam pacem componere dicendus est? Sed longius progreditur praeclara haec Principis nostrae virtus, magis illustre exemplum magnanimitatis exhibet Russiaca Herois. Etenim non solum data hostibus impunitate, tranquillissimam pacem et subactas ante armis suis eorum terras illis restituit, verum etiam eadem arma ad ipsos propugnandos extendit; reprimit ingruens illis novum bellum, atque firmata regni haereditate, asserit eorum libertatem. His perpensis, consideratoque florentissimo statu Russiaci Imperii, et ubertate amplissimae Patriae nostrae, perspectaque lenitate, qua clementissima Princeps nostra tot adorantes Ipsam populos moderatur, num etiam existimatis, finitimae gentes, generosum Illius animum ad vindicandas sibi alienas terras esse pronum? Inviasne paludes concupiscet, quae tot longe lateque patentes fertilissimos campos possidet? torpentiumne stagnorum desiderio afficietur, quae super tot amnes, vastissimo Nilo ampliores, uberrimis undis in obedientia Illius profluentes, sceptrum suum extendit? et quae in terris lacte et melle affluentibus dominatur, rupesne et saxa sterilia requiret? Quamvis enim strenuissimum Russorum exercitum ad arma capienda procinctum, classemque ad frangendos Balticos fluctus instructam esse, omnem denique militiae apparatum adornari non ignoratis, eo tamen non bellum cuiquam comparari, sed securitati nostrae a sapientissima Elisabeta provideri intelligite Peritus nauta non furentibus solum fluctibus et procellis, verum etiam, cum mitissimum coelum sit, vigilat, firmat armamenta, vela expedit, observat sidera, coeli vicissitudines animadvertit, in distantiam littorum computatione inquirit, pertentat altum maris, et scopulorum fraudem evitare curat. Simili ratione sapientissima Elisabeta

Библиотека "Руниверс"

quamvis laetissimis oculis videt suos subditos carissima, quam illis attulit, pace frui; verum tamen etiam futurae eorum indolentiae prospicere non desistit; tuetur illos explicato terra marique exercitu, eosque, qui armati nobis sunt impares, animo bellum gerentes acutissima mente observat; scrutatur profundos cogitationum recessus, ubi placida quiete clandestinus dolus adumbratur; expendit praeterita, praesentia discernit ac praevidet futura. Itaque si quis prosperitati nostrae invidens eo insolentiae furorisque processerit, ut amantissimam pacis Principem nostram excitet ad iram; nae ille, sive interfuso mari, sive vastissimis amnibus, aut denique montium praecipitiis defenditur, vigilantissima Illius cura omnia persapienter provisa experietur, indignationemque Ejus sentiet ita, ut poena perculsus, interceptum esse mare, exaruisse amnes, et montes in apertas planities subsedisse, nec classem Russiacam, sed terras nostras sibi illatas arbitretur. Fruere suavissimo otio tuo, carissima Patria, et sub auspiciis sapientissimae Autocratoris Tuae tranquillissimi seculi utere deliciis. Quam secura est felicitas tua? Quanto multis aliis populis es beatior? Quidam enim luctu perditi fumantes urbium ruinas respiciunt; tu vero surgentia ad nubes magnifica tecta laetis metiris oculis. Alii concitatam civium multitudinem dies noctesque stricto ferro concursare, et germanum sanguinem per viarum compita profundere, trepidantes spectant; tibi vero unanimi obedientia conjunctissimi communis omnium Parentis et Dominae filii augent ornamenta. Plerique interrupta mercatura, disturbatis opificiis, desertaque agricultura, fame confecti algent; at tu apertam undique mercantibus viam, patentes portus, foraque ditissimis mercibus plena habes; tibi artes atque scientiae vernant, tibi horrea frugibus exuberant. Alii denique quamvis belli strepiti ac horrore jam liberati sint; luctuosa tamen vestigia hostis sui exhorrent, et ferocissimus illius adspectus adhuc illis ante oculos versatur: te autem in secundo vitae sine ulla offensione cursu nec per somnium oblati proeliorum terrores turbant. Haec carissima, sanctissimaque otia sapientissimae tuae Principis cura tibi fecit. Illius providentia atque consilium auget tuas opes, afficit te publicae concordiae voluptate, locupletat imperturbata agricolarum mercatorumque diligentia, exornat jucundissima pace, et

Библиотека "Руниверс"

inclyta nominis tui fama orbem terrarum replet. Hanc consummatissimam indolentiam nostram, atque communem voluptatem, haec amplissima opum incrementa, jucundissima ornamenta, hanc denique celeberrimam gloriam nostram auget atque cumulat incomparabilis Princeps nostra incredibili mansuetudine sua, cum in summo rerum humanarum fastigio constituta, inusitata erga subditos suos comitate supra mortalium sortem evecta videatur. Quid enim pulchrius, quidve jucundius visu, aut quid minus usitatum est, quam terrarum Dominam, ab omnibus gentibus Principibusque venerandam, blando adspectu, placido colloquio et clementissima conversatione servos suos dignari videre? at nos tanti spectaculi voluptate saepissime fruimur. Discernitur mansuetissima Princeps a frequentissima circumstantium subditorum multitudine non fastuoso obtutu, non indignabunda voce, non minaci imperio, sed acceptissimo Majestatis decore, mitissima auctoritate, generosa popularitate, et divino quodam numine, ineffabile gaudium pectoribus nostris inspirante. Versatur pro foribus sanctissimae Illius domus non terror trepidus, sed mitissima mansuetudo, devincens sibi omnes clementia, et fidissimus Majestatis custos amor populi. Hanc ingredientes non timidos oculos circumferunt continuo, parietum etiam conspectu perturbati, sed praecurrentem sibi laetitiam consectando sacratissima alacres subeunt limina. Nec operta mentium rimari necesse est; extat in vultu cujusque hilaritatis publicae decus, et in serenis frontibus animorum indicia praeleguntur. Quam jucundissimo sensu perfunduntur pectora eorum, qui tam comem Majestatem intuentur! Quanto solatio recreantur pavidi sontes, cum clementissimae Elisabetae misericordiam animo expendunt, quam nulla vis dicendi complecti potest! Nihil est tam laudabile, quam lenitas, nulla ex virtutibus misericordia est gratior, nulla re homines propius ad divinam naturam accedunt, quam salutem hominibus et sontibus impunitatem dando. At ubi clementia in judicio magis praedicatur, ubi justitia et misericordia strictius conjunguntur, ubi convictio atque venia arctius sese amplectuntur, ubi denique condemnatio et liberatio conjunctius sese exosculantur, quam coram celsissimo Augustae Elisabetae solio? Occidant alii, ut velint, cives suos, eosque ad pauciores redigant, tingant ferrum sanguine, et

Библиотека "Руниверс"

discerpta hominum membra populo spectanda objiciant, eoque terrere improbos et scelera exterminare contendant; clementissima tamen Princeps nostra misericordia et liberalitate plus proficit. Statuant alii terribilia ad perducendos homines ad frugem exempla; sed illa jucundissimis felicius idem exsequitur, cum virtutem beneficiis propagare studeat. Si quis horti cultor de frugiferis florentibusque plantis irrigandis minus sollicitus, sola zizania exscindere curat, is flore et fructu brevi se frustratum sentiet; contra qui fructiferas arbores et nascentes flores humore perspergere tempestive studet, despiciendo lolium, et transitu solum calcando, is ex floribus voluptatem, ex fructibus utilitatem capiet, cum fructuosae interim arbores auctis suis viribus succum et nutrimentum noxiis germinibus subducant, ariditate ac putredine ab stirpe interituris. Ita quoque licet utile sit legibus in scelera animadvertere, tamen, nisi etiam virtus justo ornetur praemio, vix alicujus fructus est: cum eo bonorum animi magis percellantur quam mali cogantur redire ad frugem. Contra, cum honoratur muneribus virtus, cum praemio afficiuntur merita, id solum, levior sit licet transgressorum punitio, sufficiet ad corrigendos hominum mores. Nam cum senserint se despectos et afflictos improbi, cumque cohonestatam virtutem justa sua mercede frui intellexerint, tum vel invidia confecti concident, vel converso animo a vitae pravitate, simili laudis honore dignos se praestare operam dabunt. Hujusmodi prudentissimo consilio utitur clementissima Elisabeta, quo in vastissimo Imperio suo virtutem propagare et scelera exstirpare atque exterminare curat; castigat ut Mater, ut Princeps afficit praemiis, emendat absque severitate, ex abundanti confert munera: resuscitat errore lapsos, salutem illis impertiendo, accendit muneribus bene meritam virtutem. Quamvis autem tantam Augustae liberalitatem quilibet fidelis subditus, omnisque Russia experiatur; quamvis munificentissima Illius manus passim largissima distribuat munera; tamen instaurata a carissimis Parentibus Ejus haec Academia, in tantum a magnanima Domina sua locupletata est, ut nec majorem felicitatem desiderare, nec ad testandum gratissimum devotissimumque animum apta satis verba reperiri posse arbitretur. Hoc autem beneficium eo est majus, eo splendidius et Filiae Petri convenientius, quod

Библиотека "Руниверс"

non solum ad hanc societatem, non tantum ad consecratam studiis hanc juventutem, sed ad cujusvis ordinis atque conditionis cives, totumque Russiarum Imperium, atque adeo ad universum genus humanum spectat. Quandoquidem non solum nos, sustentati Augustae liberalitate, quidam in perscrutandis naturae mysteriis, mirabilibusque operibus sapientissimi Creatoris contemplandis, operam nostram collocamus, alii instituendo studiosam juventutem, germinantem jam segetem, laboribus nostris responsuram, laeti sentimus; non solum discentes largitate Autocratoris nostrae nutriti, omnibusque necessitatibus provisi, unice litterarum studio invigilare possunt; verum publica felicitas proponitur. Non locus est ullus in Russia, a Petro illustrata, ubi non fructum ferre possint scientiae; non homo est unicus, qui non commoda sibi ab illis praestolari queat. Quid sanctius quidve magis salutare esse potest, quam perpendendo Dei opera, altissimam gloriae ejus sedem mentis oculis contueri, ac majestatem, sapientiam et potentiam ejusdem depraedicare? hunc autem in finem patefacit Astronomia vastissimum ejus opificium, mundum hunc adspectabilem, et stupendorum illius operum multiplex artificium ostendit Physica, atque uberrimam materiam offert ad cognoscendum et celebrandum Creatorem ex operibus ejus. Quid utilius humano generi est ad communicanda mutua commoda, quid navigantibus tutius, quid magis commodum peregrinantibus, quam novisse situm locorum, fluviorum cursum, distantias urbium, amplitudinem, ubertatem et confinia regionum, mores, consuetudines, regiminaque populorum? haec clarissime ostendit Geographia, quae universi terrarum orbis vastitatem uni conspectui subjicit. Quid ardentius militares animos ad splendida facinora et ad Patriam ab hostium impetu strenue propugnandam accendit, quam magnorum exempla Heroum? horum vero memoriam repetit Historia atque Poësis, quae vivis coloribus depicta praeterita, ut praesentia ante oculos sistit; utriusque beneficio celebranda magnorum Principum facta ex voracissimis invidiosae vetustatis faucibus eripiuntur. Quid excellentius mente concipi potest, quam id, quod dirigit rationem, rectam monstrat voluntati viam, compescit affectus, et naturae atque civitatis leges firmat? at id Philosophia praestat. Quid homini vita sua est carius,

Библиотека "Руниверс"

quid jucundius sanitate? utraque tamen prorogatur et conservatur opera ac praesidio Medicinae. Quid fructuosius in republica machinarum usu, et cognitione interioris corporum mixtionis? Hanc recludit Chymia, Mechanica illas componit. Omnes circumspecta atque considerata Mathesi diriguntur; singulae ad promovendam humani generis felicitatem diversis quamvis modis, communi tamen fructu atque emolumento inserviunt. Omnes autem inusitata munificentissimae Principis nostrae liberalitate propagatae florem fructumque ferent tempore suo. Adolebunt hic jacta a Petro, munita gratia et irrigata largitate dignae tanto Parente Filiae scientiarum semina in felicissimam segetem, cujus fertilitas per orbem terrarum exuberabit. Patefactus est largissima Augustae manu spatiosissimus in Russiam Musis introitus; ubi opibus potentes et securitate fretae, nova incrementa, novum decus, novamque sibi gloriam consequentur, novoque splendore nitentes, praeter opinionem, in summo perfectionis fastigio constitutae, orbi terrarum spectandas sese praebebunt, et pleno suo lumine reliquam barbariei noctem ex remotissimis et vix fama notis regionibus dissipabunt. Ubi enim expeditius absolvi potest siderum et terrarum orbis scientia, quam in amplissimo Elisabetae Imperio, in quo dimidium sol peragit cursum, et luminaria singula ortum atque occasum simul oculis usurpandum exhibent? Multifaria rerum et phoenomenorum facies ubi tanta varietate ac frequentia naturae scrutatoribus occurret, quam in Russiae campis, quorum spatiosissima planities, multiplici florum varietate superbit; aut in montibus ultra nubium tractum exporrectis, opibusque refertis; sive in amnibus, ab aestuosa India ad perpetuas nives aeternamque glaciem decurrentibus; denique in variis iisque vastissimis maribus, quae plenos mirabilium Dei operum fluctus sub Elisabetae sceptro devolvunt? Quod tandem hospitium securius reperire possunt Musae, quam longe lateque patens Russiae Imperium, providentia Augustae ab armorum strepitu remotum, et invictissimo exercitu Illius praemunitum? Quam amplum beneficium ab hac Augustae munificentia universus terrarum orbis accipiet! Quam exoptatissima prosperitas vestra, Russiaci juvenes, qui tanta liberalitate Illius sustentati jucundissimis studiis operam tribuitis! considerate futuram prosperitatem vestram; animos venerabundi ad id

Библиотека "Руниверс"

advertite, quod Augustissima Imperatrix, erogando in vos sumptus amplissimos, clementissime jubet: Incumbite in litterarum studia: videre enim Russiacam Academiam ex civibus Meis compositam cupio; festinate ad consummandum scientiarum cursum: id enim honor et emolumentum Patriae, id consilium Meorum Parentum, id voluntas Nostra requirit. Non proditae sunt litteris Majorum Meorum res gestae, nec Petri gloriosa facta pro dignitate sunt decantata: conferte omne studium ad conquirendas ingenii opes, et ad patrium sermonem excolendum; in vastissimo Imperio Nostro pretiosissimi thesauri, quos natura uberrime profert, in obscuro jacent, et peritioris manus scrutationem opperiuntur: impendite indefessum laborem ad cognoscenda rerum naturalium arcana, atque his studiis gratiam nostram mereri contendite. Hoc clementissimo Augustae mandato accepto, pergite alacres, properate stadium laboris vestri. Vos autem, quibus ad Musarum sacra patet aditus, utilitati liberorum vestrorum prospicite; et Petri consilium, Catharinae curam, atque liberalitatem Elisabetae infructuosam vobis esse nolite. Non enim sine industria et consilio in media civitate sua serenissimi Conditores Musarum sedem positam esse voluerunt; sed ut exercentes judicia de tribunalibus, sagati de summis Petri moenibus, purpurati ex Augustissima Regia, ii, qui classes instruunt, de navium tabulatis, mercantes e foro atque portu, scientiarum et artium officinam etiam inter exequenda negotia sua haberent ante oculos, amarent atque suspicerent. Equidem pulcherrimum hoc Musarum domicilium repentino fato, quod nobis fuit summae sollicitudini, et foedissima flamma in luctuosum horrendumque spectaculum commutatum, vix sine gemitu et lacrymis praeterire, aut contueri possumus; hunc tamen doloris atque aegritudinis sensum sola Principis nostrae clementia minuit, in sola liberalitate Illius omnem spem nostram ponimus, qui compertum habemus, nullam tam atrocem calamitatem, tamque adversam fortunam contingere nobis posse, quae non magnanimitate Ejus victa, et liberalissima manu propulsata esse queat. Tam inusitata est atque inaudita beneficentia Principis nostrae! Tanta virtute ornatur Russiacum solium. Istiusmodi Principes impertitur Deus terris, cum est mortalibus propitius; tam pios atque devotos, si precibus illorum

Библиотека "Руниверс"

annuere, nec dona vult aspernari; tam fortes, tamque magnanimos, si hostes illorum conterere atque confundere apud se statuit; tam sapientes, si prosperitatem eorum amplificare instituit; tam denique mansuetos, tam clementes, tamque liberales, si illos consolari, multiplicare atque opibus cumulare destinat. Fruere itaque tot divinis muneribus, clementissima Princeps, et beneficentissimo ingenio Tuo oblectare. Quocunque serenissimos Tuos oculos circumfers, ubique explicatas subditorum Tuorum frontes, ubique animi Tui generositate salutem consecutos, et per solam clementiam Tuam spiritum suum ducentes, ubique largissimis Tuis beneficiis ornatos atque elevatos conspicis. Tota septemtrionis regio, quamvis quolibet tempore, praesertim tamen celeberrimo isto die, post elapsam fertilissimam aestatem, decurrente beatissimo autumno, a terra ubertate, a mari divitiis, undique felicitate Tua affluens, concordissimis feriantium populorum vocibus gloriosissime susceptum Patrium Sceptrum Tibi gratulatur, atque illos plausus, quos tunc inopinatum gaudium et ardentissimus amor tulit, creberrime repetit. Devotissimus vero amor noster et gratissimus animus quamvis nulla dicendi vi nulloque eloquio exprimi possit; verum tamen, quantum in nobis situm est, id testari muneris nostri ducimus, praesertim cum persuasum habeamus, Deo atque iis, qui vim et numen illius in terris tenent, puram devotamque mentem magis acceptam esse quam meditatam orationem.

Библиотека "Руниверс"

156

Россия, посмотри на ту щастливу ночь,[1]
Что радость привела, печаль отгнала прочь.[а]
Когда по ревности и истинному праву
Изволила принять Петрова дщерь державу,
С Собою и тебя до облак вознесла,
Доброт[2] прекрасный Лик ко трону привела.[б]
Которыя его всечасно окружают[в]
И щастие твое вовеки сохраняют.

[а] *Рук.*
Что ‹щастье› радость привела, печаль отгнала прочь

[б] *Рук.*
‹Петрова Дщерь› Изволила принять Петрова дщерь
‹славу› державу
‹На Трон с Собой взвела доброт прекрасный Лик›
‹Доброт прекрасный Лик на трон с собой взвела›.

[в] *Рук.*
Которыя ‹всегда› Его всечасно окружают

Библиотека "Руниверс"

157

НАДПИСЬ НА ПРИБЫТИЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ ИЗ МОСКВЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1749 ГОДА[а]

Поднявшись солнце в верх, возводит взор по свету.
Спешащу зрит во град Петров Елисавету,
Дивится, что зима покорна Ей и снег[1]
И что по оному толь быстрой видит бег;[б]
На коней пламенных зардевшись негодует
И огненным бичем за леность наказует.[в, 2]
О солнце, не стыдись: краснейшая луны
Богиня к нам грядет Российския страны.
Мы блеску твоего не столько ожидаем,
Как видеть светлое лице Ея желаем.[г]

[а] *Рук. 1751*

1749 года, декабря дня.

[б] *Рук. 1751*

И что он по земли толь быстрой видит бег.

[в] *Рук. 1751*

И огненным бичем зардевшись наказует

[г] *Рук. 1751 вместо стихов 9—10*

Мы ‹свету› блеску твоего не столько ожидаем,
Как видеть Оную обратно здесь желаем.

Библиотека "Руниверс"

1750

158

Четыре род венца Елисавете дал
И пятым Тую свет лавровым увенчал,[1]
И щастье Имя тем преславно обвивает,
Кротчайший нрав Ея то пальмой украшает.
И в славе каждый год и в радости своей
Торжественны врата изображает Ей.

Библиотека "Руниверс"

159

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА МАЛОРОССИЙСКОМУ, ОБОИХ СТОРОН ДНЕПРА И ВОЙСК ЗАПОРОЖСКИХ ГЕТМАНУ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ КАММЕРГЕРУ, АКАДЕМИИ НАУК ПРЕЗИДЕНТУ, ЛЕЙБГВАРДИИ ИЗМАЙЛОВСКАГО ПОЛКУ ПОДПОЛКОВНИКУ И РАЗНЫХ ОРДЕНОВ КАВАЛЕРУ, СИЯТЕЛЬНЕЙШЕМУ ГРАФУ КИРИЛУ ГРИГОРЬЕВИЧУ РАЗУМОВСКОМУ ИДИЛЛИЯ, КОТОРОЮ УСЕРДНОЕ СВОЕ ПОЧТЕНИЕ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ АКАДЕМИИ НАУК ПРОФЕССОР
МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

ПОЛИДОР[1]

Идиллия, в которой разговаривают
Каллиопа, Муза.
Левкия, Днепрская Нимфа
Дафнис, Тамошней пастух

Каллиопа

Между прохладными Днепровыми струями,
Между зелеными и мягкими кустами
Тебя я посетить пришла с Кастальских гор,[2]
Чтоб радость мне свою соединить с твоею.
Едино щастие с тобою я имею:
Един у нас теперь предстатель Полидор.
Богиня,[3] что поля пространны управляет
И щедрою Парнасс рукою украшает,
Ему вручила жезл,[4] чтоб в сих лугах пасти.

Левкия

Доколе будет Днепр в брегах своих крутиться,
Дотоле олтари здесь будут Ей куриться

Библиотека "Руниверс"

И лавры завсегда торжественны цвести.
Здесь плески на лугах повсюду раздаются,
И с шумом радостным в порогах воды льются,
Избыточно цветы дают свой нежной дух,
И ветьвьми дерева́ красуяся качают,[5]
И горы, и леса Богиню возвышают,
Что к их желанию склонила щедрый слух.
Тебя здесь, Полидор, желали рощи злачны,
Долины тучныя, источники прозрачны,
Тебя желали здесь обильныя поля.

Каллиопа

Тебя мы, Полидор, имеем там ограду;
И чрез тебя Парнасс почувствовал отраду,
Как, влагу получив, иссохшая земля.

Левкия

Ты, Муза, прохладись под тению густою.

Каллиопа

Ты, Нимфа, уклонись со мной сюда от зною
Мы сядем при воде на мягкую траву.
Теперь пристоен час сплетать венки прекрасны
И Полидору петь здесь песни нам согласны.

Левкия

Я ветьвей и цветков, Каллиопа, нарву.
Смотри, как зеленью везде покрылись нивы,
И тихой Днепр в себе изображает ивы,
Что густо по крутым краям его растут.
Играют Зефиры кудрявых древ листами
И нежат теплыми душистой цвет крилами.
С котораго шумя свой пчелы мед несут

Библиотека "Руниверс"

Каллиопа

Приятной день теперь нам радость умножает,
Под ветьвьми соловей свой свист усугубляет,
Завидуя в лугах поющим пастухам.
И овцы уж траву с ручьями позабыли
И слух к веселой их игре поворотили,
И козы прыгают по звонким их странам.
Иной кладет пучки,[6] иной в свирелку свищет,
Иной любезныя меж деревами ищет,
Иной сам прячется от ней в зеленой куст.[7]

Левкия

Хотя довольно нас приятность услаждает,
Однако больше всех меня увеселяет
О Полидоре песнь из Дафнисовых уст.
Я вижу, он идет, украшен весь цветами,
Цветы на голове, цветы между перстами,
Цветами увит вкруг и посох, и свирель.
Не так любезно мне по камням вод журчанье,
Не столько голубиц мне мило воркотанье
И сладких соловьев не так приятна трель,
Как голос Дафнисов здесь рощи оживляет
И имя «Полидор» стократно повторяет.
Ах, Дафнис! Пением своим нас услади.

Каллиопа

Хотя Геройских Лир мне больше шум угоден,[8]
Однако Сельских струн мне сладок звон и сроден;
Ты, Дафнис, звонких птиц в лугах здесь постыди.

Дафнис

Ты, Муза, мне вдохни, что ныне петь пристойно,
Что слуху вашего и что сих дней достойно.
Ты, Нимфа, ласковым мне взглядом силу дай.

Библиотека "Руниверс"

Каллиопа

Зачни великия Богини добродетель,
Которой я сама и весь Парнасс свидетель;
Потом и сих долин довольства воспевай.

Левкия

Запой, что видел ты, как был в великом граде,[9]
И что при Нимфах пел в Палéмоновом стаде.
Мы станем пестрые веночки завивать
И в голос к твоему напеву приставать.

Дафнис

Молчите, шумные пороги,
И слушайте мой новой стих;
Усыпьте, Нимфы, здесь дороги
Лилеями из рук своих;
Везде венками украшайте
Пригорки, долы и ручьи.

Каллиопа

Верьхи Парнасски, рассцветайте.

Левкия

Красуйтесь, днепрския струи

Дафнис

Великой будет пусть Богине
Везде прилична красота.
О как я веселюся ныне,
Что видел очи и уста,
От коих радость почерьпают
Широки северны поля.

Библиотека "Руниверс"

Каллиопа

Верьхи Парнасски рассцветают

Левкия

Красуется сия земля.

Дафнис

При Ней я видел Полидора:
Он пред лицем Ея стоял
Среди Геройскаго собора
И ласково ко мне взирал.
О тихи ветры, развевайте
По всем лугам слова мои.

Каллиопа

Верьхи Парнасски, рассцветайте

Левкия

Красуйтесь, Днепрския струи

Дафнис

Вчерась меня кругом обстали
Пастушки с красных наших гор
И с жадностию понуждали:
«Каков, скажи нам, Полидор?»
Я дал ответ: «Он превышает
Собой всех здешних пастухов.[10]

Каллиопа

Верьхи Парнасски украшает.

Левкия

Он здешних будет честь лугов.

Библиотека "Руниверс"

Дафнис

Оне одна перед другою:
«Скажи, скажи о Нимфе нам,
Которой Полидор, красою
Пленившись, торжествует сам»[11]
Я им сказал: «Вы заплетите,
Нарвавши с розами лилей,

Каллиопа и Левкия

На них любуясь поглядите
И думайте притом об ней»

Дафнис

Лозе подобно плодовитой,
Она возлюбленным плодом
Благословением покрытой
Наполнит Полидоров дом.[12]
Пребудет радость в век отныне,
На каждой умножаясь час.

Каллиопа и Левкия

Хвала бессмертная Богине,
Украсившей его и нас.

Дафнис

Ему поспешно наливайтесь
Приятной сладостью, плоды,
Сторично, овцы, размножайтесь
И летние волов труды.
Вы сладку росу поспешайте
Збирать, прилежные рои.

Каллиопа

Верхи Парнасски, рассцветайте.

Левкия

Красуйтесь, Днепрския струи

Библиотека "Руниверс"

160

С младыми пальмами[1] спокойных наших дней
Возвышено Твое преславно имя в свете.
Россия и, прияв покой,[2] Европа с ней
Похвал венцы[3] за то плетут Елисавете.

Библиотека "Руниверс"

161

НАДПИСЬ, КОТОРАЯ ИЗОБРАЖЕНА НА ВЕЛИКОЛЕПНОЙ СЕРЕБРЯНОЙ РАКЕ СВЯТОМУ, БЛАГОВЕРНОМУ И[а] ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ НЕВСКОМУ, ПОСТРОЕННОЙ ВЫСОЧАЙШИМ ПОВЕЛЕНИЕМ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ В ТРОИЦКОМ АЛЕКСАНДРОНЕВСКОМ МОНАСТЫРЕ[б]

Святый и храбрый Князь здесь телом почивает,
Но духом от небес на град сей призирает
И на брега, где он противных побеждал [1]
И где невидимо Петру споспешствовал.
Являя Дщерь Его усердие святое
Сему Защитнику воздвигла ра́ку в честь
От перваго сребра, что недро Ей земное
Открыло, как на трон благоволила сесть.[в, 2]

[а] *Рук. 1751* и *отсутствует.*

[б] *Рук. ЦГАДА* Надпись на серебряную раку святаго и благовернаго князя Александра Невскаго.

[в] *В Рук. ЦГАДА другой, неизвестной рукой и на раке добавлено* Лета Господня 1750 года Государствования своего 9, августа 30 дня в Санктпетербурге.

Библиотека "Руниверс"

162

НАДПИСЬ 1 К СТАТУЕ[а] ПЕТРА ВЕЛИКАГО

Се образ изваян премудраго Героя,
Что, ради подданных лишив себя покоя,[б]
Последний принял чин и царствуя служил.
Свои законы сам примером утвердил,
Рожденны к Скипетру простер в работу руки,[в]
Монаршу власть скрывал, чтоб нам открыть науки[г]
Когда Он строил град, сносил труды в войнах,
В землях далеких был и странствовал в морях.[д]
Художников збирал и обучал солдатов,
Домашних побеждал и внешних сопостатов;
И, словом, се есть Петр, отечества Отец.

[а] *Рук. 1751* Статуи блаженныя памяти Государя Императора *Рук. ЦГАДА* к конной статуи.

[б] *Рук. 1751*

Которой ради нас лишил себя покоя

Рук ЦГАДА

Который, ради нас лишив себя покоя.

[в] *Рук. ЦГАДА*

Он, скипетр отложив, простер к работе руки

[г] *Рук. 1751*

И власть свою скрывал, чтоб нам открыть наук[и]

[д] *Рук. 1751*

‹Домашних побеждал›

Библиотека "Руниверс"

Земное божество Россия почитает,[е]
И столько олтарей пред зраком сим пылает,
Коль много есть Ему обязанных сердец.[ж]

НАДПИСЬ 2[з] К ТОЙЖЕ

Елисавета здесь воздвигла зрак Петров
К утехе Россов всех, но кто он был таков,[и]
Гласит сей град и флот, художества и войски,
Гражданские труды и подвиги Геройски.

НАДПИСЬ 3[й] К ТОЙЖЕ

Металл, что пламенем на брани устрашает,
В Петровом граде се Россиян утешает,[к]
Изобразив в себе лица Его черты;
Но естьлибы его душевны красоты
Изобразить могло притом раченье наше,
То был бы образ сей всего на свете краше.

НАДПИСЬ 4[л] К ТОЙЖЕ

Зваянным образам, что в древни времена
Героям ставили за славные походы,

[е] *Рук. 1751*
Домашне божество Россия почитает

[ж] *Рук. ЦГАДА*
Сколь много есть Ему обязанных сердец

[з] *Рук. ЦГАДА* 5.

[и] *Рук. 1751*
К утехе Россов всех. А кто Он был таков.
Рук. ЦГАДА
К веселью Россов всех. А кто он был таков

[й] *Рук. 1751* 5, *Рук. ЦГАДА* 4.

[к] *Рук. ЦГАДА*
В Петрове граде се Россиян утешает.

[л] *Рук. ЦГАДА* 3.

Библиотека "Руниверс"

Невежеством веков честь божеска дана,[м]
И чтили жертвой их последовавши роды,
Что вера правая творить всегда претит.
Но вам простительно, о поздые потомки,
Когда, услышав вы дела Петровы громки,
Поставите олтарь пред сей Геройский вид;[н]
Мы вас давно своим примером оправдали:
Чудясь делам Его, превышшим смертных сил,
Не верили, что Он един от смертных был,
Но в жизнь Его уже за Бога почитали.

НАДПИСЬ 5[о] К ТОЙЖЕ

Гремящия по всем концам земным победы
И Россов чрез весь свет торжествовавших следы,
Собрание наук, исправленны суды,
Пременное в реках течение воды,
Покрытый флотом понт, среди волн грады новы[п]
И протчия дела увидев смерть Петровы
Рекла: «Сей человек предел мой нарушил
И доле в мире сем Мафусаила жил».[р]
Так, лета по делам щитая, возгласила[с]
И в гроб великаго сего Героя скрыла.

[м] *Рук. ЦГАДА*

Была от Еллинов честь божеска дана.

[н] *Рук. 1751, Рук. ЦГАДА*

Поставите олтарь пред сей Зваянный вид

[о] *Рук. 1751* 4, *Рук. ЦГАДА* 2.

[п] *Рук. 1751 стих 5 отсутствует.*

[р] *Рук. 1751*

И доле в свете сем Мафусаила жил.

[с] *Рук. ЦГАДА*

Сие несытою гортанью возгласила

Библиотека "Руниверс"

Но образом Его красуется сей град.
Взирая на Него, Перс, Турок, Гот, Сармат[т. 1]
Величеству лица Геройскаго чудится
И мертваго в меди бесчувственной страшится.

[т] *Рук. 1751, Соч. 1751*

Взирая на Него, Перс, Турок, Готф, Сармат.

Библиотека "Руниверс"

163

НАДПИСЬ НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ОТ ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЫСОЧЕСТВ В ОРАНИЕНБАУМЕ 1750 ГОДА ИЮЛЯ 31[1] ДНЯ, ГДЕ ИЗОБРАЖЕНЫ БЫЛИ ДВА СОЕДИНЕННЫЯ СЕРДЦА, ПЫЛАЮЩИЕ НА ОЛТАРЕ К СИЯЮЩЕМУ НАД НИМИ СОЛНЦУ; ПО СТОРОНАМ МЛАДОЙ МЕСЯЦ И ВОСХОДЯЩАЯ ДЕННИЦА

Как Солнце с высоты, Богиня, к нам сияешь
И в наших жар сердцах усерднейший раждаешь
Мы оба,[2] чувствуя любовь Твою к себе,
Приносим ревности взаимно жар Тебе.
Монархиня, ты всем един источник света,
Российский Горизонт Тобою освещен,
Тобою наш восход на оном озарен.
Мы свет заимствуем, дает Елисавета

Библиотека "Руниверс"

Иллюминация 6 сентября 1750 г.

Гравюра И. А. Соколова

Архив Академии наук СССР

Библиотека "Руниверс"

164

ПИСЬМО К ЕГО ВЫСОКОРОДИЮ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ

Прекрасны летни дни, сияя на исходе,
Богатство с красотой обильно сыплют в мир;
Надежда радостью кончается в народе;
Натура смертным всем открыла общий пир;
Созрелые плоды древа отягощают
И кажут солнечным румянец свой лучам!
И руку жадную пригожством привлекают:
Что снят своей рукой, тот слаще плод устам.
Сие довольствие и красота всеместна
Не токмо жителям обильнейших полей
Полезной роскошью является прелестна —
Богинь влечет приятностью своей.
Чертоги светлые, блистание металлов
Оставив, на поля спешит Елисавет;
Ты следуешь за ней, любезный мой Шувалов,
Туда, где ей Цейлон и в севере цветет,[1]
Где хитрость мастерства, преодолев природу,
Осенним дням дает весны прекрасной вид
И принуждает в верьх скакать высоко воду,
Хотя ей тягость в низ и жидкость течь велит.[2]
Толь многи радости, толь разныя утехи
Не могут от тебя Парнасских гор закрыть.
Тебе приятны коль Российских муз успехи,
То можно из твоей любви к ним заключить.

Библиотека "Руниверс"

Ты, будучи в местах, где нежность обитает,
Как взглянешь на поля, как взглянешь на плоды,
Воспомяни, что мой покоя дух не знает,
Воспомяни мое раченье и труды.
Меж стен и при огне лишь только обращаюсь;[3]
Отрада вся, когда о лете я пишу;
О лете я пишу, а им не наслаждаюсь
И радости в одном мечтании ищу.
Однако лето мне с весною возвратится,
Я оных красотой и в зиму наслаждусь,
Когда мой дух твоим приятством ободрится,
Которое взнести я на Парнас потщусь.

Библиотека "Руниверс"

165

НАДПИСЬ НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, НОЯБРЯ 25 ДНЯ 1750 ГОДА, ПЕРЕД ЗИМНИМ ДОМОМ, ГДЕ ИЗОБРАЖЕН БЫЛ ВАВИЛОН, ОКРУЖЕННЫЙ[а] ЗЕЛЕНЕЮЩИМ САДОМ; ПО СТОРОНАМ ТОРЖЕСТВЕННЫЕ СТОЛПЫ

Во время Твоея, Монархиня, державы
Сугубой[1] щастливы мы лета красотой.
Одну дает нам Бог, округ веков создавый,
Другую дарствует приход, Богиня, Твой.
Из Вавилона[2] бед изведены Тобою,
Вошли спокойствия в прекрасные сады[б]
И, ставя ныне столпы с Твоею похвалою,
Вкушаем радости приятные плоды.[в]

[а] *Рук. 1751* ⟨приятн[ым]⟩ ⟨зеленым сад[ом]⟩.

[б] *Рук. 1750, СПб. Вед. вместо стихов 5—6*

Из Лабиринта бед изведены Тобою,
Вошли в прекрасные спокойствия сады.

[в] *Рук. 1750, СПб. Вед.*

Вкушаем радости сладчайшие плоды.

Рук. 1750 далее приписано Nostra domus [наш дом].[3]

Библиотека "Руниверс"

166

ТАМИРА И СЕЛИМ

Трагедия

Краткое изъяснение

В сей Трагедии изображается стихотворческим вымыслом позорная погибель гордаго Мамая, Царя Татарскаго, о котором из Российской истории известно, что он, будучи побежден храбростию Московскаго Государя, Великаго Князя Димитрия Иоанновича на Дону, убежал с четырьмя Князьми своими в Крым, в город Кафу, и там убит от своих.[1] В дополнение сего представляется здесь, что в нашествие Мамаево на Россию Мумет, Царь Крымский, обещав дочь свою Тамиру в супружество Мамаю, послал сына своего Нарсима с некоторым числом войска на вспоможение оному. В его отсутствие Селим, Царевичь Багдатский, по повелению отца своего перешед через Натолию,[2] посадил войско на суда, чтобы очистить Черное море от Крымских морских разбойников, грабивших Багдатское купечество. Сие учинив, приступил под Кафу, в которой Мумет, будучи осажен и неимея довольныя силы к сопротивлению, выпросил у Селима на некоторое время перемирия в том намерении, чтобы между тем дождаться обратно с войском сына своего Нарсима. После сего перемирия в первый день следующее происходит в Кафе, знатнейшем приморском городе Крымском, в Царском доме.

Действующия лица

Мумет, Царь Крымский.
Мамай, Царь Татарский.
Тамира, Царевна Крымская, дочь Муметова.
Селим, Царевичь Багдатский.
Нарсим, Царевичь Крымский, брат Тамирин.
Надир, брат Муметов.

Библиотека "Руниверс"

ТАМИРА И СЕЛИМЪ

ТРАГЕ́ДІЯ,

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1750 года.

Печатать дозволяется

Корректурный оттиск титульного листа трагедии «Тамира и Селим»
(1750)
Архив Академии наук СССР

Библиотека "Руниверс"

Заисан, Визир Муметов.
Клеона, мамка Тамирина.
Два вестника.
Воины.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление первое

Тамира и Клеона

Тамира

Настал ужасной день, и солнце на восходе,
Кровавы пропустив сквозь пар густой лучи,
Дает печальной знак к военной непогоде;
Любезна тишина минула в сей ночи.
Отец мой воинству готовиться к отпору
И на стенах стоять уже вчера велел.
Селим полки свои возвел на ближню гору,
Чтоб прямо устремить на город тучу стрел.
На гору, как орел всходя он возносился
Которой с высоты на агньца хочет пасть,
И быстрой конь под ним, как бурной вихрь, крутился,
Селимово казал проворство тем и власть.
Он ездил по полкам, пока тень мрачной ночи
Закрыла от меня поля, его и строй.
Потом, и томныя хотя сомкнулись очи,
Однако видела его перед собой;
Во снели было то, или то было в яве,
Смущался мысльми сон, смущались мысли сном;
Селим казался мне великолепен в славе,
Таков осанкою, Клеона, и лицом,
Как в перемирны дни скакал перед стенами,
Искусством всех других и взором превышал
И стрелы, пущенны уже под облаками,
Направленными в след стрелами рассекал.[3]

Библиотека "Руниверс"

Клеона

Багдатско воинство умножилось без счота!
При всходе светлыя я видела луны,
Что мо́сты, и пути, и городски ворота
Противных силою везде осажены.
Ночно молчание боязнь усугубляло,
И слезы по лицу бледнеющих лились.

Тамира

Теперь сражение, конечно, уж настало;
Клеона, посмотри и скоро возвратись.

Явление второе

Тамира

(одна)

О как смущен мой дух! Я знаю и заочно,
Селим противу стен стоит напереди.
Боюсь, чтоб кто его не ранил ненарочно
И не вонзил стрелы от нас в его груди!
Я, ей, не чаю быть такого кровопивца,
Ктоб с умыслу хотел направить лук в него!
О небо, отврати свирепаго убивца
И сокрушить недай тем сердца моего!
Ах, что я делаю? Что в мысли я имею?
Я тем родителя и Бога прогневлю,
Что общаго врага отечеству жалею!
Никак Селимом я пленилась и люблю?
Однак и без любви емуль желать мне року?
Тот злою львицею в пустых горах рожден,
Кто, видя с младостью природу в нем высоку,
К жалению по нем не будет побужден.
Что он противу нас вооружился в поле,

Библиотека "Руниверс"

Сыновняя любовь и должности велят.
И как родительской не согласиться воле?
Отец его, отец, не он нам сопостат.
Он щастлив, что ему есть в старости замена.
Благополучна мать, что в свет произвела!
И ежель есть сестра, то коль она блаженна,
Что с лет младенческих с ним купно возрасла!
Но коль родилась та на свет благополучно,
Которой щедрая устроила судьба,
Чтобы с Селимом жить до смерти неразлучно!
О как волнуюсь я! Какая внутрь борьба!
Теперь я признаю, что некотора сила [a]
Неосторожной дух уже взяла во власть
И сердце нежное к Селиму преклонила;
К нему я чувствую в себе любовну страсть!
Любовь меня влечет его смотреть на стены.
Куда? И как? Или на стрелы устремлюсь,
Что ныне против нас шумят, как град сгущенный?
Но я уязвлена и стрел уж не боюсь.
Ах, что терзаюсь я, безщастная, незная:
Селиму, может быть, в отечестве своем
Любима и любви залог взяла иная;
О чем крушуся я, нерассудя, о чем?
Суровая война, тобою учинилось,
Что тот противник наш, котораго люблю!
Однако, где бы мне видать его случилось?
Я время суетным мечтанием гублю.
Не лутчели просить от верныя совету
И способов скоряй к отраде мне искать?
Однако ждать могуль утешнаго ответу?
И как осмелюсь я Клеоне все сказать?

---

[a] *Корр.*

Тепере вижу я, что некотора сила.

Библиотека "Руниверс"

Явление третие

Тамира и Клеона

Клеона

Престань себя смущать, дражайшая Царевна.
Какия вижу я премены на лице!
Оставь боязнь: в сей час минет судьбина гневна;
Весь страх мне кажется при самом быть конце.

Тамира

Никак уж ворвались к нам в город сопостаты,
И превратился страх в отчаянну печаль?

Клеона

Теперь всходила я в высокия палаты
И на Багдатские полки смотрела в даль.

Тамира

Ты видела полки? Ты видела Селима?

Клеона

Я видела, что он отшол уже от стен
И, кажется, что прочь совсем идет от Крыма.
Неведомо какой причиной побужден;
Я чаю, утомясь, не хочет больше бою.

Тамира

Никак ему какой предатель изменил,
Или отец объят нечаянно войною
И требует себе его на помочь сил.
Я чаяла конца, и по паденьи мнимом,
Оплакав кровь граждан и стен оставший прах,

Библиотека "Руниверс"

Мне будет следовать во узах за Селимом
И при Евфратских жить невольницей брегах.

Клеона

Тот ужас миновал: военные снаряды
Противники, всходя на корабли, несут,
Кафа избавилась от грозныя осады.
Что слезы по лицу, дражайшая, текут?
Никак от радости? Однако воздыханья
И твой прискорбной взор иное кажут мне.
Или ужасныя и грозныя мечтанья
Обеспокоили младую мысль во сне?
Или враги в ночном призраке победили?
Никак представилось падение сих стен?
Что Крымски городы и села пусты были,
Что Царь и дом его был взят в поносной плен?

Тамира

Ах, естьлиб то был сон, тоб с мраком разрушился!
Однако бы и сон такой меня пленил!

Клеона

Или твой нежной дух любовью уязвился?
Но ктоже бы тебя в любовь нынь уловил?
Скажи, Царевна, мне, или тому быть можно,
Чтоб тайны мне твоей не должно было знать?

Тамира

Что хочешь слышать ты, то странно и безбожно,
Нигде не слыхано и у́жасно сказать!

Клеона

Для сих ослабших рук, которыми носила
Тебя в младенчестве, смущенье отложи

Библиотека "Руниверс"

И, вспомнив, как тебе я искренне служила,
Необинуясь, мне тоску свою скажи.
Чем долее она в закрытии таится,
Тем дух терзается сильнее от нея;
Но естьли объявишь, то может утолиться
Иль быть умеренна потом печаль твоя.

Тамира

Любезная моя и верная Клеона,
Коль тяжко мучусь я!

Клеона

О небо!

Тамира

Ах, Селим!
Противница отцу, преступница закона!
Врагом отечества и, может быть, своим...

Клеона

О Боже мой! Никак ты тайно согласилась
И хочеш для любви отечество предать!

Тамира

То небо отврати! Довольно, что прельстилась;
Преступно и любви противничей желать.
Я бодрость и лице, Клеона, представляя,
Горю, и пламень мой гашением растет.
Не знаю, что начать! Скажи мне, дорогая,
Что делать мне теперь, когда он прочь идет?
Уже все мысли с ним на берег обратились;
Я с ним, я с ним среди морских валов плыву,
И горы крымския от нас из виду скрылись.
Какой объемлет хлад и мрак мою главу!

Библиотека "Руниверс"

Уедет, о моей любови неизвестен,
И слез моих себе не будет представлять!
За тем ли ты, Селим, казался мне прелестен,
Чтоб вечно по тебе без пользы воздыхать?

Клеона

Царевна, ты тоску напрасно умножаешь.
Последуй моему совету и забудь
Пусты мечтания, чем мысль отягощаешь,
И кровь кипящую к спокойствию принудь.
Селим, я слышала, о нежности не знает,
Он в поле только жить и на стану привык,
За полное свое блаженство почитает,
Когда оружной треск и в войске слышит крик,
Как стены падают и городы дымятся,
Когда мечи блестят, течет по копьям кровь.
Ты сердцу дай покой и полно сокрушаться:
Не могут вместе быть свирепство и любовь.

Тамира

За ним бы следовать ни горы мне высоки,
Ни конским топотом смущенный в поле прах,
Ни копья, ни мечи, ниже́ кровавы токи,
Ниже́ какой иной не возбранил бы страх.
Любовию горят нередко и Герои,
От ней избавиться не можно никому.
Кому любезнее сражения и бои
И жить всегда в шатрах, как брату моему?
Однако ныне он, последуя Мамаю,[6]
Хотя в Российской край пошол вооружен,
Но мысли все свои, Клеона, верно знаю,

---

[6] *Корр.*
Однако он теперь, последуя Мамаю.

Библиотека "Руниверс"

Все мысли клонит к той, которой уязвлен.
Возлюбленный мой брат! Когдаб ты здесь был ныне.
То яб в отчаяньи толиком не была,
Ты зделал бы конец жестокой сей судьбине
Илиб не допустил сего в начале зла.
Ты дал бы способ мне увидеться с Селимом
Или бы к сим ево не допустил стенам,
И я бы не была в мученьи нестерпимом,
Не показав такой приятности очам.
Теперь послушен ты неистовому зверю,
В котором варварство и гордость мне гнусна;
Кичливому ни в чем Мамаю я не верю,
Ему вселенная к владению тесна.
Подумав о своем возлюбленном Нарсиме,
Боюсь, чтоб не постиг такой его конец,
Что плачь бы произвел и нестроенье в Крыме.

Клеона

Царевна, вот идет дражайший твой отец.

Явление четвертое

Мумет, Тамира и Клеона

Мумет

Прошла военная гроза и неустройство,
Желанной мир настал, возлюбленная дочь,
И утверждается надежное спокойство:
В союз со мной вступив, Селим отходит прочь.
Поставленный сей мир мне больше тем приятен,
Что выгоды он мне нечаянны принес.
Сначала случай сей едва мне был понятен,
Что радость нам пришла внезапно вместо слез.
Однако ныне я причину вижу ясно,
За чем спешит в союз со мной вступить Селим:

Библиотека "Руниверс"

Ему прибытие Нарсимово ужасно,
Что скоро с воинством назад придет моим.
К Селиму, как ко мне, конечно, уповаю,
Пришла мне радостна, ему печальна весть,
Что Росская страна подверглась вся Мамаю
И сын мой поспешит полки сюда привесть.
Сегодня, лишь зоря нам свет предвозвестила,
С поспешностью гонец прибег с Донских полей
И весть принес, что вся Ордынска к бою сила
Противу Россов шла и Россы против ней.
Но Ольг, Резанский Князь, и Князь Олгерд Литовский [4]
Свои к Мамаевым поставили полки,
И с малым воинством Димитрий, Князь Московский.
Противу стать дерзнул, оставшись близ реки.
Как буря шумная, поднявшись после зною,
С свирепой яростью в зажженный дует лес,
Дым, пепел, пламень, жар восхитив за собою
И в вихрь крутой завив, возносит до небес,
И нивы на полях окрестных поядает,
И села, и круг них растущие плоды;
Надежды селянин лишившись оставляет
Ревущему огню вселетные труды, —
Подобно так Мамай единым вдруг ударом
Против Димитрия Ордам лететь велел
И, в мужестве стремясь на полк противный яром.
Скакал с мечем своим чрез бледны кучи тел.
Российския в крови повержены знамена,
И Князь Московский был отвсюду окружен,
И сила войск его слабела утесненна:
Сомненья нет, что он Мамаем побежден.

Тамира

Мне равно, как тебе, родитель мой, приятно,
Что радостная весть пришла в спасенный град,

Библиотека "Руниверс"

Однако будет мне утешнее стократно,
Когда приедет здрав возлюбленный мой брат.
Ах, небо, помоги желаннаго достигнуть
И поспеши к концу намерений моих!

Мумет

Я к большей радости могу тебя подвигнуть,
Возлюбленная дочь: Мамай тебе жених.

Тамира

Мамай! О боже мой!

Мумет

Востока обладатель
И победитель всех полночных ныне стран,
Союзник искренней и верной мне приятель
Судьбой и мной тебе в супружество избран.
Имея многие под областью народы,
Тамира, будет он тобою жить пленен
И станет оной плен дороже чтить свободы.
Хотя ему восток и север покорен.
Возлюбленная дочь, что очи потупляеш?
Я стыд девической в тебе весьма хвалю,
И что вздыхаючи ты брата ожидаеш,
Природную к нему любовь твою люблю;
Однако ныне ты похвальную стыдливость
И мысли смутныя о брате отложи
И, на отеческу смотря нетерпеливость,
Согласна ли, ты мне немедленно скажи.

Тамира

Что я с младенчества родительскую волю
Привыкла исполнять, довольно знаеш сам;
Своею почитать не отрицаюсь долю,

Библиотека "Руниверс"

Которую мне дать угодно небесам.
Однако рассуди мои младыя лета
И в возраст мне притти в дому твоем позволь.
Я буду почитать, что я живу вне света,
Как естьли без тебя я буду жить средь поль!
И как подумать мне, что я мила Мамаю?
И как могу сказать, что бы он мне был мил,
Когда лица ево и нравов я не знаю?
И как ево мой взор заочно бы пленил?

Мумет

Оставь о сем ты мне, Тамира, попеченье
И верь, что будет толь меж вас крепка любовь,
Что лишь твое со мной минует разлученье,
То будет к одному кипеть Мамаю кровь.
Ты долженствуеш мой в востоке род восставить
И дружбу чрез родство с Мамаем утвердить,
Умножить нашу мочь и с ним себя прославить;
Мне польза, честь тебе велит ево любить.

Явление пятое

Тамира и Клеона

Тамира

Война и мир против моей любви воюет!
Противилась моим желаниям война,
Но нынь, Клеона, мир свирепее враждует:
Меня сильняе бурь колеблет тишина!
Сугубым бременем за что отягощаюсь?
В супружество дают тому, кто мне постыл!
Довольноль, что того, кого люблю, лишаюсь?
О небо, не нашли мне казни выше сил!
Когдаб еще война поныне продолжалась,
То мучил бы меня один лишь только страх.

Библиотека "Руниверс"

Мне лучше, естьлиб я Селиму в плен досталась,
Как славно царствовать в Мамаевых странах.
Ах, естьлиб было то, и я бы верно знала,
Что равным пламенем Селим ко мне горит,
То, слез поток пролив, отцу бы все сказала,
Что дух мой и язык с тобою говорит.
Он, видя искренность, на плачь бы преклонился
И нашу, может быть, любовь бы утвердил.
Илиб и мой живот с надеждой прекратился
В спокойстве, что уже Селим меня любил.
Но ныне ненависть в одну страну склоняет,
В другу отчаянье нещастную влечет.
Как на море корабль то буря похищает,
То вод стремление против нея несет,
Так я, противными страстями вдруг борима,
Нечая одолеть, должна против стоять.
Отчаявшись иметь в супружестве Селима,
Отчаявшись любить Мамая, что начать?

Клеона

Ах, лутче то избрать, что подлинно известно;
Как онаго желать, чему не можно быть.
Хотя Селимово лице тебе прелестно,
Но, праву следуя, старайся позабыть.

Тамира

Довольно бы того, что права и законы
Во обуздании любовну страсть крепят;
Довольно от стыда любовникам препоны,
Когда взаимной жар друг в друге знать хотят.
Но развращенной век насильства умножает;
Отеческа гроза, богатство, род и честь
Коль многих в вечное нещастье погружает
Любви желающих достатки предпочесть.

Библиотека "Руниверс"

Какая польза в том, что златом испещренный
И каменьем драгим в глазах блестит чертог,
Когда мой будет дух, от оных отвращенный,
К тому всегда вперен, чего иметь не мог.
Дабы на мало лет восстановить союзы,
Родители дают свою залогом кровь,
На детския сердца кладут несносны узы.[5]
В какой неволе ты, дражайшая любовь!
Я вам завидую, которы отдаленно
От гордых сих палат живете в тишине:
У вас веселие равно и непременно,
И прямо щастливы лишь только вы одне;
У вас, вольна от уз, живет любовь святая,
У вас не для отцов, но любят для себя,
Союзов никаких, ни выгод несчитая,
Но склонность лишь своих сердец употребя.
Коль щастлива былаб, коль щастлива Тамира,
Когдаб с ней был Селим в одном лугу пастух:
Не злато, не венцы, не Царская порфира,
Но вернаяб любовь соединила двух.

Клеона

Одно тебе еще прибежище осталось.
Ты дяде мысль сию, Царевна, объяви;
Спеши, пойдем, пока совсем не основалось
Супружество, твоей противное любви.

Конец перваго действия

Библиотека "Руниверс"

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление первое

Селим и Надир

Надир

Мне радостен сей мир, но, на тебя взирая,
Сугубо чувствую веселие в себе.
Таков его был взор и бодрость в нем такая,
И именем и всем подобен был тебе,
Селим, которого любовь и добродетель
К Нарсиму и ко мне коль искренна была,
Тому прекрасный брег Геонских вод свидетель.

Селим

Седины вижу те и те черты чела!
Теперь мне небеса надежду укрепляют!
Возлюбленный Надир, тебя здесь вижу я,
Котораго понынь места воспоминают,
Где праведна еще цветет хвала твоя,
Хотя и никому твой Царской род незнаем,
Которой и друзьям твоим был потаен.
Но где твой сын, мой друг?

Надир

На брань пошол с Мамаем.
Однако он Царем, не мной на свет рожден.
Родившись от одной с Муметом я утробы
Нарсима сыном звал, он звал меня отцом;
И, не хотя, как ты, открыть своей особы,
Высочество таил в названии простом.

Библиотека "Руниверс"

Селим

О щедрая судьба! Нарсим! Он брат Тамире!
Приятель искренней! Когда бы здесь он был,
То, может быть, при сем возобновленном мире
В желании моем мне промысл споспешил.

Надир

Его обратно Царь всечасно ожидает.

Селим

Однако и твоя поможет мне приязнь.
Позволь мне объявить, чего мой дух желает;
Узнаешь нынешних от прежних мыслей разнь.
Тебе все склонности и жизнь моя известна:
Как был я в Индии с Нарсимом и с тобой,
Бывалаль красота очам моим прелестна?
Бывал ли нарушен любовью мой покой?
Всегда исполнен тем, что мудрые * Брамины
С младенчества в моей оставили крови:
Напасти презирать, без страху ждать кончины,
Иметь недвижим дух и бегать от любви.
Я больше, как рабов, имел себя во власти,
Мой нрав был завсегда уму порабощен,
Преодоленны я имел под игом страсти
И мраку их не знал, наукой просвещен.
Других волнения смотрел всегда со брегу,[6]
Но нынь под общей я подвержен стал закон
И, мыслей быстраго здержать несилен бегу,
Я им последую и отдаюсь в полон.
Не ради слабых сил оставил я осаду —
Любовь исторгнула из рук военных мечь;
Тамира — не полки — была защита граду,
Она мне шлем с главы, броню сложила с плечь.

[4] Индейские философы.

Библиотека "Руниверс"

Фронтиспис первого издания трагедии «Тамира и Селим» (1750)
Архив Академии наук СССР

Библиотека "Руниверс"

Надир

Что слышу я? И как?

Селим

Сквозь самы тверды стены,
Меж копей, меж щитов любви свободен путь.
Я в перемирны дни на град сей утесненный,
Приближившись ко рву, едва успел взглянуть,
Прекрасны очи грудь пронзили из бойницы.
Смущен и изумлен спросил, как ехал прочь;
Мне пленник объявил, что смотрят тут девицы
И что Муметова в средине оных дочь.
С того часа война в крови моей восстала;
Я, вам спокойство дав, с собою брань имел:
Любовь — поставить мир, честь к бою побуждала.
Вчера любовну страсть мой разум одолел.
Я в руки принял мечь, но сердце вопияло:
«Селим, на толи ты дерзаешь устремлен,
Чтоб око нежное на кровь граждан взирало,
Которое меня в приятной взяло плен,
И чтоб в слезах лице Тамирино прекрасно
От падающих стен покрыл згущенный прах»?
Я сим движениям противился напрасно
И удержать не мог оружия в руках.
Дражайший мой Надир, познав причину мира
И дружбу вспомянув, потщись мне пособить.
Царю напомяни, что может лиш Тамира
Триумф мой и сих стен мне целость заплатить.

Надир

Твои заслуги мзды толикия достойны,
Достойны качества и славный Царский род;
Ты мысли между тем имей, Селим, спокойны,
Когда твой объявлю Царю сюда приход.

Библиотека "Руниверс"

Явление второе

Тамира, Селим и Клеона

Тамира

Отраду, может быть, в моей печали крайной
Второй мне даст отец... Кого я вижу здесь?
Клеона, ах! Куда?

Клеона

О случай невзначайной!

Селим

О радостной восторг! Я цепенею весь!
Драгая, не мятись сим взором необычным,
Но слуху своего глас слезный удостой
И красоте твоей воззрением приличным
Трепещущую кровь и сердце успокой.
Хотя учтивость мне и скромность возбраняет
Продерзостную мысль нечаянно открыть,
Но время краткое отнюд не позволяет,
И сердце не дает движения таить.

(Становится на колена.)

Ты видишь пред собой, прекрасная Царевна,
Тобой плененнаго презрителя любви;
Тобой мне будет жизнь блаженна иль плачевна.
Коль хочешь оживи, коль хочеш умертви.

Тамира

Каким смущаюсь я внезапно разговором!
Тебя, Селим, тебя могу я умертвить?
Коль странна речь!

(Поднимает его.)

Библиотека "Руниверс"

Селим

Твоим пронзенно сердце взором
Бунтующей душе велит твоею быть.
Вотще против тебя, против себя воюю:
У стен, в полках, в полях твою сретаю тень,
И в трубный шум твое я в мысли имя чую,
Тебя мне мрак ночной и ясность кажет в день.
Приятностей твоих везде мне блеск сияет;
Тобой исполнен я и в яве, и во сне.
Недвижимый мой дух и крепость оставляет,
Я больше уж себя не нахожу во мне.
На горькое смотря, дражайшая, мученье,
Поверь, что мой живот в любезной сей руке.

Тамира

Какое дать могу тебе я облегченье,
В лютейшей будучи погружена тоске?

Селим

Дражайшая, какой свирепости возможно
Тебе малейшую противность учинить?
Какое сердце есть на свете толь безбожно,
Которое тебя дерзает оскорбить?
Тебя, пред коею жар бранный погасает
И падают из рук и копья, и щиты,
Геройских мыслей бег насильный утихает,
Удержан силою толикой красоты!
Но естьли ты меня, драгая, удостоишь
Причину твоего смущения узнать,
То свой ты через то и мой дух успокоишь:
Во всем любовь моя возможет помощь дать.
На все любовь моя готова устремиться,
Готова все беды и смерть в ничто вменить,
Лишь толькобы твоей отрадой веселиться
И чтоб любовь твою взаимно заслужить.

Библиотека "Руниверс"

Тамира

Ах, тщетны все слова! Напрасны обещанья!
Гонимой от своих поможет ли чужой?
Одне остались мне со плачем воздыханья;
Не множь их и себя от глаз моих укрой.
Меня судьба зовет и должность понуждает
Оставить здешний град и в дальный край спешить;
Престань того желать, что небо запрещает;
Так промысл положил, и нельзя переменить.

Селим

Поспешно твоему отшествию иль косно,
Чрез море должно быть или пространством поль,
То, ежели тебе мое присудство сносно,
Дражайшая, себе последовать позволь.
И удостой меня взирать слезящим оком
На знаки нежные возлюбленных следов.
Но ежель недано тебе предела роком,
Где должно странствовать, оставя дом отцов,
Последуй мне в луга Багдатския прекрасны,
Где в сретенье тебе Евфрат прольет себя,
Где вешние всегда господствуют дни ясны,
Приятность воздуха достойная тебя.
Царицу восприять великую стекаясь,
Богинею почтит чудящийся народ,
И красоте твоей родитель удивляясь
Превыше всех торжеств поставит твой приход.

Тамира

Хотя таких, Селим, даров не презираю,
Но выше в них твоим достоинством цена.
Ах, что прельщаюсь тем, чья быть не уповаю?
Как сердце я отдам, в котором не вольна?
Велика держит внутрь мой робной голос сила,

Библиотека "Руниверс"

Но большая тоя от сердца гонит вон!
Когда против твоей я воли возлюбила,
О небо! то скончай ударом громным стон!
Уж долее таить мой дух не позволяет,
И толь великих бурь не может грудь вместить.
Селим, любовь моя равно к тебе пылает,
Которую судьба стремится погасить.
Отеческая власть, желаниям противна,
Иному отдает тобою полну грудь,
И с коим жизнь моя былабы неразрывна,
Едва я на того дерзаю и взглянуть.

Селим

О радостныя вдруг минуты и плачевны!
Я вознесен до звезд и в бездну погружен!
На что соединил сердца, о промысл гневный,
Когда союз их в век тобой не утвержден?
Но ныне о твоей любови я уверен; [в]
Дражайшая, против судьбы вооружусь.
Мой дух так напряжен, коль пламень мой безмерен;
Умру или с тобой в триумфе возвращусь.

Тамира

Я сердце уж тебе, любезный, поручаю
И верность данную пребуду век храня.
К неистовому я не преклонюсь Мамаю.
Пусть весь свет победит, не победит меня.

[в] *Рук.*
Но я твоею нынь любовию уверен.

Библиотека "Руниверс"

Явление третие

Селим

(один)

Мамай! Тиранн во плен толику добродетель,
Чудовище влечет толику красоту?
О солнце, ты сего возможешь быть свидетель
И света не лишишь такую срамоту!
Я коль великим то и славным почитаю,
Чтоб век Тамириной любовию гореть,
Толь, напротив того, позорно быть вменяю
Такого Варвара соперником иметь.

Явление четвертое

Мумет, Селим, Надир и Заисан

Селим

Спокойством пользуясь я ныне безопасным
Тебя пришол почтить и видеть, Государь,
И договором мир возобновить согласным,[г]
К чему мне дал всю власть меня родивший Царь.
По воле я его Таврийскую вершину
Прешел[а] и воинством наполнил корабли,
От страху свободил Евксинскую пучину,[7]
Что ваши подданны разбоем навели.
Отмстив купечества грабеж, я мир дал граду,
Имея гром в руке, ударить не хотел:

[г] *Рук.*

<И мир чем утвердить святым и безопасным>
И договором мир возобновить согласным.

[а] *Рук. первоначальное* Прешед *переправлено на* Пришел.

Библиотека "Руниверс"

За дом, за Крым, за жизнь желанну дай награду,
Которой я свою победу предпочел.[е]

Мумет

Причину твой отец имел вооружиться,
Какую завсегда к войне легко сыскать.[ж]
Котора может власть на свете похвалиться,
Чтоб так всех подданных могла она держать,
Как мирны требуют от оных договоры,
И многиб тысящи имели мысль одну?
И кто угодит тем, что, будтоб, рушить ссоры [з]
Наносят для хвалы неправедну войну?
Хоть наша жизнь кратка и оныя прибавить
Чрез храбрыя дела Героям долг велит,
Но меру праведну желаниям поставить,
В том больше похвала чрез целой свет гремит.

[е] *Рук. вместо стихов 529—532*

Отмстив своих купцов грабеж, я мир дал граду,
Имея гром в руках, ударить не хотел.
За дом, за Крым, за жизнь ‹достойну› желанну
дай награду,
Которой я { свою победу / свои трофеи } предпочел.

[ж] *Рук.*

Какую ‹завсегда› ‹сильному› завсегда к войне
легко сыскать.

[з] *Рук.*

‹Чтоб› И многиб тысящи имели мысль одну?
‹Нередко дух младой под видом рушить ссоры›
‹Я знаю иногда, Селим, ты знаешь что›
‹Наносят для хвалы неправедно войну›
Но кто угодит тем, что бутто рушит ссоры.

Библиотека "Руниверс"

Тебе довольно быть, Селим, я уповаю,
Когда повинным казнь достойну наложу.[и]

Селим

Спокойство утвердив, я больше не желаю,
Но токмо дружество взаимно предложу.
На светлое лице взирая, восхищаюсь,[й]
Что в оном начертан любезный мой Нарсим
И та, которою пылаю и терзаюсь,
Пленяет красота воззрением твоим.
Союза нашего залог, и совершенство,
И вечная печать быть может дочь твоя.[к]
Тамира даст одна и сохранит блаженство,
Котораго во век лишуся без нея.
Как естьли данный мир земли твоей полезен,[л]
За тое надлежит воздать моей любви.
И буде, Государь, твой сын тебе любезен,[м]
То друга ты его себе усынови.

Мумет

Что сын мой — друг тебе, то мне весьма приятно.
Он так же, как и я, за щастие почтет,

[и] *Рук. вместо стихов 544—546*

В том ‹вящей похвалой› больше похвала ‹что в вечности›
‹военныя› ‹в подсолнечной› чрез целой свет гремит
Тебе удовлетворить, Селим, я уповаю,
Когда за дерзость я повинных накажу.

[й] *Рук.*

На светлое лице ‹смотря я› взирая, восхищаюсь.

[к] *Рук.*

И вечная печать ‹нам будет› быть может дочь твоя.

[л] *Рук.*

‹Что обновленный› Как естьли данный мир земли
твоей полезен.

[м] *Рук.*

И ‹естьли› буде, Государь, твой сын тебе любезен.

Библиотека "Руниверс"

Что, в город сей пришед с победою обратно,
Тебя союзником, а не врагом найдет,
При нем нам небеса помогут все устроить,
Его к отраде я по вся минуты жду.[н]

Селим°

Надеясь чрез него я сердце успокоить,
На Понтски берега с веселием пойду
И прежде дружнего потщусь сюда приходу
Все воинство свое на корабли вместить.

Явление пятое

Мумет, Надир и Заисан

Мумет

Взирая на любовь, особу и породу,
Не в силе мыслей я своих соединить.[п]
Приметив ненависть Нарсимову к Мамаю,
Союз к супружеству с Тамирою таил.[р]

[н] *Рук. вместо стихов 565—566*

Но прежде не могу Нарсимова приходу
Толь важнаго с тобой союза утвердить

° *Заключительная реплика Селима (стихи 567—570) в Рук. отсутствуют.*

[п] *Рук*

Не в силе мыслей ‹не могу› я своих соединить.

[р] *Рук. вместо стихов 573—574*

‹‹Я знаю›› Приметив ненависть Нарсимову к Мамаю,
Союз к супружеству ‹‹ пред ним поныне›› с Тамирою
я скрыл.
Но ныне большия ‹‹ теперь›› препятствия сретаю·
Нарсим Селиму друг, Нарсим Селиму друг›
Приметив ненависть Нарсимову к Мамаю,
Союз к супружеству с Тамирою ‹я крыл› таил.

Библиотека "Руниверс"

Но ныне большия препятствия сретаю:
Нарсим Селиму друг, а ей Мамай постыл.
Не должно царское Царю быть слово ложно,
Но как я кровь свою тиранствовать могу?

Заисан

Того уж, Государь, переменить не можно:
Кто другом был, тому открыто все врагу.
Когда кто сильному что должен отрицает,[с]
Тот будет принужден что и не должен дать,
И долг к отечеству Царям повелевает
Блаженство онаго родству предпочитать.
Помысли, Государь, коль будет дерзновенно
Вооруженнаго Мамая раздражить [т]
И коль полезно вам, похвально, несравненно
Владение таким союзом укрепить.[у]

Надир[ф]

Что меру превзошло, стоит над стремниною,
Чтоб гордости пример паденьем звучным дать.
Безумна власть падет своею тяготою;
Что срамно приобресть, срамнее потерять.
Видал я быстрыя уже иссохши реки,
Засыпанны песком, что рвали с берегов.
Так царства, что цвели во славе многи веки,
Упали тягостью поверженных врагов.

[с] $\rho_{\text{ук.}}$
‹Кто хочет› Когда кто сильному, что должен, отрицает.

[т] $\rho_{\text{ук.}}$
Вооруженнаго Мамая прогневить.

[у] $\rho_{\text{ук.}}$
‹Толь сильны› ‹Отечество› Владение таким союзом укрепить

[ф] $\rho_{\text{ук.}}$ *на полях приписка* Заисан. Кого царь ненавидит — на войну посылает, чтоб буянством своим погиб.

Библиотека "Руниверс"

Нарочно Бог во тме грядущее скрывает,
Чтоб смертных гордые советы разорить.[8]
Мамай поля свои людьми опустошает,
Дабы их трупами Российский край покрыть.
Насильна власть стоять не может долговечно.[9]
Кто гонит одного, тот всякому грозит.
Россию[х] варварство его бесчеловечно
Из многих областей в одну совокупит.[ц, 10]
На плачь, на шум, на дым со всех сторон стекутся,
Рассыпанных враждой зберет последний страх.
Какою силою в единстве облекутся,
Владимир нам пример и храбрый Мономах.[ч]
Сей, вредные своей земли отмстив набеги.
Лавровым верьх венцем и Царским увенчал,
А оный, здешние покрыв полками бреги,
Супругу в сих стенах и веру восприял.[11]

Заисан

Мамаю следует везде с победой слава;
Он с нею к нам спешит, Россией овладев.
Великостию сил военны мерят права
Великие Цари и областию гнев.[ш]

Надир

Великодушный лев жар тотчас утоляет,[щ]
Коль скоро видит он, что враг его лежит,

[х] *Рук. первоначальное* Россиян *переправлено на* Россию.

[ц] *Рук.*
Из многих областей в одну соединит.

[ч] *Рук.*
Владимир нам пример и <правнук> храбрый Мономах.

[ш] *Рук.*
Ордынские цари и областию гнев.

[щ] *Рук.*
Великодушный лев <здесь жар> жар тотчас утоляет.

Библиотека "Руниверс"

Но хищной волк пота[12] противника терзает,[ъ]
Пока последняя в нем кровь еще кипит.

Явление шестое

Вестник и прежние

Вестник

С придонских, Государь, полей я от Нарсима
К тебе приятну несу поспешно весть,
Что к радости твоей и к утешенью Крыма
Велику заслужил он храбростию честь.
Побитых кровию Непрядвы[13] ток згустился,
И грабят росской стан Херсонские полки,[14]
И, ранами покрыт, от бою уклонился
Димитрий,[15] бегая Нарсимовой руки.
Одно нещастие Мамая сокрушает,
Что сильный Челубей пронзен в крови лежит,[16]
Лежит и поля часть велику покрывает!
Но, нам[ы] последуя, победа уж гремит.
Оставшим Россам путь пресечен к бегу Доном
Или в бою падут, или дадутся в плен.
Мамаю малым толь людей своих уроном
Пространный север весь под область покорен.

Мумет

Мамаю небеса Тамиру поручают,
И слово данное сама судьба крепит.
Хоть нравы разные с Нарсимом разделяют,
Но обще щастье их в любовь соединит.
Ты, верный Заисан, и ты, мой брат любезный,

[ъ] *Рук.*
Но <подлой> хищной волк пота противника терзает

[ы] *Рук. далее два зачеркнутых слова нрзб*

Библиотека "Руниверс"

Подумав меж собой, придите в мой чертог
Союзы утвердить и дать совет полезный,
Дабы доволен быть Селим отказом мог.[ь]

Конец второму действию

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТИЕ[э]

Явление первое

Мамай
(один)

Еще великий страх меня не оставляет!
Еще я слышу крик врагов, гонящих в след,[ю]
И бледных лиц меня мечтание смущает!
Здесь с паром кровь из мурз рассеченных течет.
Здесь тень Нарсимова, последуя за мною,
Уже в глазах моих отмщением грозит!
Крепись, мой дух, крепись, беду скрывай бедою[я]
И в горести кажи на мне Геройской вид.
От Россов побежден, хотя я ужасаюсь
В отечестве свой стыд и слабость показать,
Но, с войском погубив Нарсима, утешаюсь,
Что не остался, ктоб здесь мог о том сказать.
Мамай, ты будь себе и в пагубе подобен,
Мумета ложною победою уверь.
На деле испытай, коль к умыслам способен,
И ков составленной напастью ныне мерь.

[ь] *Рук. последнее четверостишие отсутствует.*

[э] *Рук. сбоку на полях приписано* Начат 20 сент[ября] после обеда

[ю] *Рук. на полях приписано и зачеркнуто*

И во орду притти мне нельзя,
И [?] здесь возвестить некому: все убиты.

[я] *Рук*

Крепись, мой дух, ‹крепись потщись беду покрыть
бедою› крепись, беду скрывай бедою.

Библиотека "Руниверс"

Тамиру дав в жену, мне даст Мумет и войско.[а]
Я орды, по степям рассыпанны, зберу;
Искусство покажу коварством сим Геройско,
Внезапно набежав, Москву в ногах попру.
На плачь там пременю я торжество спокойно
И покажу врагам, каков мой гнев и власть.
В конец отчаяться Мамая недостойно;
Безумно, всех путей неиспытав, пропасть

Явление второе

Мамай, Мумет, Надир и Заисан

Мумет

Какое щастие мне небо посылает,
Великий Государь, пришествием твоим!
Нечаянной твой взор тем больше восхищает,
Чем больше нужен он смятениям моим.
Я радуюсь твоей победе, в свете звучной,
И скорому дивлюсь приезду твоему.

Мамай

Не может торжества Мамай благополучной
Себе к веселию оставить одному,
Но хочет онаго иметь и ту причастну,
Которую к сему блаженству ты родил.
Имея всю страну Российскую подвластну,
Я радость сообщить из уст своих спешил.
Сугубым торжеством украсить ускоряю[б]
И славою мой въезд в великую орду.

[а] *Рук. вместо стихов 660—661*

И ков составленной ‹бедою ныне› напастью ныне мерь.
‹Скажи› Тамиру дав в жену, мне даст Мумет и войско.

[б] *Рук*

Сугубым торжеством украсить ‹поспешаю› ускоряю.

Библиотека "Руниверс"

Но славнее я быть Тамирою желаю,[в]
Как тем, что Дмитрия в оковах приведу.
Уже все воинство со плеском ожидает[г]
С прекрасною меня Царицею к себе.

Мумет

Победа мужество Геройское венчает,
Любовь и дружество Тамиру даст тебе.
Нарсим, помощник твой, в сем граде вожделенный.
Украсит брачный день, со славой возвратясь,[д]
И храбрым воинством Херсонским окруженный...

Мамай[е]

Он ныне, на полях Российских веселясь,
Сокровища себе с побитых собирает,
С которыми тогда обратно придет в дом,
Как данным от меня он краем завладает,
Лугами тучными меж Доном и Днепром.

Заисан

О щастливой успех! О коль места прекрасны!

(К Надиру)

Не мне ли в честь конец прияла наша пря?

[в] *Рук.*

Но ‹больше славен› ‹щастливее› я славнее быть
Тамирою желаю.

[г] *Рук*

Уже ‹полки мои› все воинство ‹в полях› со плеском
ожида‹ю›ет

[д] *Рук.*

Украсит брачный день, со ‹славою пришед› славой
возвратясь

[е] *Рук.*

‹Он, раной воспящен, мне точно идет вслед
Но рана легкая...
Любезный Мумет›

Библиотека "Руниверс"

Надир

Но сердца моего с сим чувства несогласны! [ж]

Мумет

Достоен дар таков великаго Царя!

Мамай

Любезный Государь! Нарсима оставляя,
Я слышал в радостных из уст его слезах,
Что в сердце ненависть искоренилась злая
И общим щастием вражды развеян прах.[з]
«Прости, — сказал он мне, — я ныне признаваюсь.
Что злобой я тебя не рассудя гневил.
Я храбрости твоей и духу удивляюсь,[и]
Чем ты Димитрия и гнев свой победил.
Геройства твоего я бывши сам свидетель.
Завистников твоих отвергнул клеветы».

[ж] *Рук вместо стихов 696—699*

‹Полями› Лугами тучными... меж Доном и Днепром.
‹Заисан
О щастливой успех! О коль места прекрасны!
О коль достоен дар великаго царя!
Мум‹‹ет››Надир
(на сторону)
Но се[р]дца моего движенья несогласны›.

[з] *Рук. вместо стихов 701—702*

Любезный Государь! ‹Прощаяся с Селимом› Селима
оставляя.
Я слышал в радостных ‹от› из уст его слезах,
‹Что в гневе он своем меня неутолимом
Считал в покое злым и робким на боях›.

[и] *Рук*

Я храбрости твоей и ‹смыслу› духу удивляюсь.

Библиотека "Руниверс"

Заисан

Превыше зависти восходит добродетель
И презирает ту спокойна с высоты!

Мамай

Услышав таково Нарсимово приятство,
Немедля брачной я союз ему открыл.
Он в радости сказал: «О коль любезно братство,
В котором промысл мне с Героем быть судил!
Благополучен Крым и щастлива Тамира,
Тобой возвышенны, прославленны тобой!
Но ты, подобяся дыханию зефира,
Поспешно в Крым пришед, Мумета успокой.
Скажи ему, коль мне с тобою быть полезно,
И будущей твоей Царице объяви,
Что мне толикое супружество любезно,
И о моей к тебе уверь ее любви.
Величество свое и неисчетны орды
Тамире покажи, со славой возвратясь,
И торжествуй, ступив врагам на выи горды,
Что будут ниц лежать, пред нею преклонясь».

Явление третие

Тамира, Клеона и прежние

Тамира

Ужель возлюбленный Нарсим к нам возвратился?
Дражайший мой отец!

Мумет

Ты видишь здесь его,
Пред коим север весь пространный преклонился:
Мамая почитай за сына моего.

Библиотека "Руниверс"

Тамира[й]

О строги небеса!

Мамай

Ты видишь братня друга,
Которой хочет век к тебе одной гореть.

Мумет

Имеешь жениха, а скоро и супруга[к]
В нем будешь отческим рачением иметь.
(К Мамаю)
Любовь и я даю тебе рожденну мною
С тобою царствовать и искренне любить.

Мамай

Вторым я нынь отцем рожден на свет тобою,
Когда ты предприял меня усыновить.

Мумет

(К Тамире)

Нарсима и меня люби ты в нем едином
И царствуй щастливо в обширной толь стране.[л]

[й] *Рук.*

Тамира (испугавшись Мамая)

О ‹гневны› строги небеса!

[к] *Рук*

‹Ты видишь› Имеешь жениха, а скоро и супруга.

[л] *Рук. вместо стихов 741—742*

Нарсима и меня ‹имей› люби ты в нем едином
И царствуй щастливо в ‹обширных толь странах›
обширной толь стране.

Библиотека "Руниверс"

Блистая на земли пресветлым Царским чином,
Ему послушна будь, как нынь послушна мне.[м]

Тамира

Ты волен, Государь! Законы и природа
Велят тебе иметь в Тамире полну власть.
Как спорить я могу, коль не дана свобода
По воле избирать пристойну в жизни часть?
Но естьли смею я...

Мумет

Младые не радеют
О том, чрез чтобы им ко щастию дотти:
За тем родители рожденными владеют.
Дабы поставить их на истинном пути.
Любовью будешь звать, что нынь зовешь грозою.
И станешь строгости моей благодарить.[н]
Ты следуй в мой чертог, любезный брат, за мною.
Дабы мне скорой брак с тобой расположить

Явление четвертое

Тамира, Мамай, Заисан и Клеона

Мамай

Несносной горестью смятенный, примечаю.
Что всуе таковым я пламенем горю!
Тамира, ненависть имеешь ты к Мамаю?
И смеешь согрубить великому Царю?

[м] *Рук.*

‹Ему послушна будь, как нынь послушна мне
Имей ‹‹от›› родительски предания в очах›
Ему послушна будь, как нынь послушна мне

[н] *Рук.*

И будешь строгости моей благодарить

Библиотека "Руниверс"

Однако принужду свои к спокойству мысли
И младости твою противность припишу.[o]
Царевна, истинным своим блаженством числи,
Что сердце я свое тебе в дар приношу.
Цари с концов земных сродства со мной желают,
И кажда красоту приносит мне страна.[п]
Коль многия по мне Царевны воздыхают!
Ты можешь получить желанья всех одна.
Ты можешь получить великаго Героя,
Которой мужеством вселенну удивил,
Превысил славою Чингиса и Хозроя[17]
И прадеда в себе, Батыя, воскресил.
Представь мой славной род и кто Мамаю деды,[р]
От коих он тебе к супружеству рожден.
Россия — не мои, но уж твои победы,
Когда я красотой твоей сам побежден.[с]
Толиким Государь народам покоренным,
Не обинуюсь быть просителем твоим.
Я щастие свое почел бы несравненным,
Когдабы оное считала ты своим.

---

[o] *ρук вместо стихов 761—762*

Однако принужду ‹взволнованные› свои к спокойству
мысли
И младости твое волненье припишу

[п] *ρук.*

Всяк ищет, чтоб была ево дочь мне жена

[р] *ρук. вместо стихов 771—773*

‹И славой превзошол Батыя› Превысил славою Чингиса
и Хозроя
И прадеда в себе ‹Чингиса› Батыя воскресил.
Представь мой ‹царской› славной род и кто Мамаю деды

[с] *ρук*

Когда я красот‹е›ой твоей сам побежден

Библиотека "Руниверс"

Тамира

Когда ты многие привел под власть народы.
То славы, Государь, толикой не теряй
И, слабый женский пол лишив драгой свободы.
Великих дел своих чрез то не помрачай.

Мамай[т]

Тебя свободы я могу лишить, Тамира,
Котору возвести с собой на трон спешу,
Поставить госпожой мне подданнаго мира
И, будучи Царем, быть пленником ищу?

Тамира

Среди довольствий всех, среди великой славы,
Сидя на Царскаго престола высоте,
Что пользы, естьли в нас различны будут нравы?
Я все равно почту последней нищете!
Какая польза в том, что, рок свой проклиная,[у]
Не браком буду брак, но пленом называть
И, на оковы толь несносные взирая,
Тебе последовать, а о ином вздыхать? [ф]

Явление пятое

Мамай, Клеона, Заисан

Мамай

(Клеоне) [х]

Что слышу я еще! Любовница иному
Тамира может быть и мне притом жена?

[т] *Рук. реплика Мамая (стихи 785—788) и реплика Тамиры (стихи 789—792) отсутствуют.*

[у] *Рук.*

Какая польза в том, что <брак свой> рок свой проклиная

[ф] *Рук.* <Мамай>.

[х] *Рук ремарка не в начале реплики Мамая, а в конце стиха 800.*

Библиотека "Руниверс"

И кто, Мамаева не устрашаясь грому,
Дерзнул взглянуть на ту, что мне обручена?
Тебе все склонности и нрав ея извѣстен,
Ты можешь ныне честь и милость заслужить.
Скажи, скажи, кто есть Тамире толь прелестен.
Кого бы мне она хотела предпочтить? [ц]
Когда открытием смущение прогонишь,
Дабы соперника узнать и отвратить,
Когда Тамирин дух ко мне в любовь преклонишь,
Какую мзду за то ты можешь получить!
Ты знаешь власть мою и отческую волю:
Старайся обязать великих двух Царей,
Я Царску честь тебе давать своим позволю
И матери равно тебя почту своей.

Клеона

Я знаю, Государь, коль власть твоя велика
И коль должна Царю послушна быть раба!
Но помощи подать не может мзда толика.
Когда имеет брань с любовию судьба.
Не может воинство с концев всея вселенны
Противу твоего стать гневнаго лица,
Но силой покорять пристойно крепки стены,
А нежны ласкою девически сердца.
Чем больше ты к любви Тамиру принуждаешь,
Тем больше будешь ей противен и постыл.

Заисан

Великому Царю толь дерсско отвечаешь?

[ц] *Рук. вместо стихов 803—804*

Скажи, скажи кто ‹толь› ‹был› есть Тамире ‹был› толь прелестен
Кого бы мне она хотела предпочесть?

Библиотека "Руниверс"

Мамай

О как напрасно я к ней щедр и ласков был!
Оковы, муки, глад и вечная темница
И смерть сама легка таку змею карать.

Клеона

Тамире былоб то уже живой гробница,
Селиму сердце дав, Мамаю присягать.

Явление шестое

Мамай и Заисан

Мамай

Селим! И кто?

Заисан

Селим! О щастлив недостойно!
О общая печаль! О страсти слепота!
Селим, что, не хотя в Багдате жить спокойно,[ч]
Разбоем утеснял пред градом сим места.
Но, страхом сил твоих смятен, склонился к миру
И, в город сей вошед, Мумету предлагал,[щ]
Дабы он дал ему в супружество Тамиру;
Однако Царь на то ответ несклонной дал.
К Селимовой любви Царевна согласиться. .

Мамай

И предпочесть меня разбойнику могла?
О горесть! О удар! О как мой дух стремится!

[ч] *Рук.*
‹Селим, что жить не мог в земли своей спокойн[о]›
Селим, что ‹жить не мог в земли своей›, не хотя
в Багдате жить спокойно.

[щ] *Рук.*
И, в город сей вошед, Мамаю предлагал

Библиотека "Руниверс"

Не может больше быть на свете мне хула,
Как чтоб соперник мне Царевичь был Багдатской![щ]
Хотя дерзнул сего он суетно искать,
Но может, возвратясь, сказать в стране Евфратской,
Что он того же мог, чего и я, желать.
Теряет цену всю, что ни было велико,
Как естли тое он надеется иметь;
Ему хвала, а мне презрение колико,[ъ]
Что тем же пламенем со мною мог гореть!
Но ах, что мышлю я и что я здесь коснею?
Уже похитил он, что должно быть мое!
Любезный Заисан, спеши отмстить злодею;
Пойдем...

Заисан

Смягчи теперь волнение свое.[ы]
Ты будешь, Государь, иметь свою невесту,
И примет за сие достойну казнь Селим,
Как воины твои к сему приспеют месту.
Он погубит себя желанием своим.
Муметова себе ответа ожидая,
Умедлит здесь, пока ты в силе будешь сам
Его пленить, от нас способства не желая,
Что ради мира нынь чинить не должно нам.[ь]

[щ] *Рук.*
Как чтоб ‹мне соперником› соперник ‹был› мне
Царевичь был Багдатской

[ъ] *Рук.*
Ему хвала, а мне презрение ‹велико› колико.

[ы] *Рук.*
‹Смири теперь волненье›
‹Коль праведно презренье›

[ь] *Рук.*
Что ‹дать› ради мира нынь чинить недолжно нам.

Библиотека "Руниверс"

Мамай

Поехавшие в след со мною разлучились [э]
И скорости моей сравниться не могли.
Надеюсь, в разныя дороги устремились
И ездят по степям, рассыпанны в дали.
И естьли ускорят, не могут утомленны,
Покоя не имев, Селиму отомстить.
Но я, продерзостью такою огорченный,
Могуль минуту дать Селиму живу быть?
Сия рука моя, умывшись кровью мерской,
Воздаст весь долг моей озлобленной любви.
Погибнет пусть злодей и сопостат продерской.
А ты любовь свою и ревность мне яви:
Скажи, где он?

Заисан

Храни особу ты высоку
И рук не простирай...

Мамай

Доколе мне страдать? [ю]
Спеши со мной отмстить обиду толь жестоку,
Чтоб мерску кровь его Тамире показать! [я]

[э] *Рук.*
Поехавшие в след ‹раби мои остались› со мною
разлучились

[ю] *Рук.*
Доколе мне терпеть?

[я] *Рук*
Чтоб мерску кровь его Тамире скоро зреть!

Библиотека "Руниверс"

Явление седьмое[а]

Тамира и Клеона

Клеона

Какою лютостью к Селиму он пылает!
Какой приходит к нам от слов тиранских слух!
Какой, драгая, жар в очах твоих блистает!
О, как колеблется озлобленный твой дух!
Мне сердце движется и говорит всечасно,
Что скоро лютая постигнет нас напасть!

Тамира

Теперь мне более ничто уж не ужасно:
Ни варварска гроза, ни отческая власть!

Клеона

Царевна, на кого ты можешь положиться?
Кто может свободить от сильных рук?

Тамира

Любовь!
Поди и посмотри, куда Мамай стремится?
(В след Клеоне)
На все напасти жизнь нещастную готовь.

Явление осьмое[б]

Тамира
(одна)

Беги отсель, беги, Тамира, и спасайся,
Пока тиранских ты не чувствуешь оков,

[а] *Рук. явление седьмое (стихи 877—888) отсутствует*
[б] *Рук явление седьмое.*

Библиотека "Руниверс"

Беги насильных рук, на град не озирайся:
Селим принять тебя на корабли готов.
Он с берегу очей минуты не спускает,
И плаватели все направилися в путь; [в]
И небо искренней любови поспешает:
Уже нам и борей способной начал дуть.
В одном Селиме я надежду всю имею,[г]
Когда слезами я отца не умягчу.
Но в страхе трепещу, смущаюсь, цепенею! [д]
Ах! что, продерская, ах, что начать хочу?
Уйду,[е] отечество, родителя оставив,
И брата, и сей дом, и стыд свой позабыв,
И царской род во всей вселенной обесславив.
И кровнаго родства [ж] законы преступив?
Но каждо место мне отечество с Селимом;
Селим мне будет брат, отец и все родство.
Оставить всех и быть в житьи неразделимом
С супругами велит закон и естество.
Супружеством назвать неистовство дерзаешь
И налагать страстям закона имена?
Нещастная, кому себя ты поручаешь? [з]
Или тебе в любви неверность нестрашна?
Представь себе, представь прельщенную Медею.

[в] *Рук.*

И плаватели все ‹готовы [*одно слово нрзб*] вдруг›
направились гренуть

[г] *Рук.*

В одном Селиме я ‹имею всю› надежду всю имею.

[д] *Рук*

‹От страху› Но в страхе трепещу, смущаюсь, цепенею
Мужайся [*конец стиха нрзб*].

[е] *Рук. первоначальное* Пойду *переправлено на* Уйду.

[ж] *Рук. первоначальное* сродство *переправлено на* родства

[з] *Рук*

‹Там› Несчастная, кому себя ты поручаешь?

Библиотека "Руниверс"

Оставльшую отца и честь на сем брегу![и]
Я место тож и страсть подобную имею:
Или я лутчия ждать верности могу?
Несноснее беды мне может быть защита,
Как естьли мне Селим другую предпочтит.
И на чужой стране кем буду я покрыта?
Отцу и брату гнев и дальность возбранит.
От року бегая, на явной рок дерзаю.
Мне пагубой земля, вода грозит бедой.
Непостоянное я море представляю,
И бури хищныя ревут передо мной.
Тамира, в бедствие сугубо не вдавайся,
Блюдись сугубой ты неверности, блюдись.
Однако укрепись, мой дух, и не смущайся,
На слово, данное Селимом, положись.
Не тот в нем блещет дух, не та его порода,
С любовию кипит Геройская в нем кровь.
И коя устрашит при нем меня погода?
Не движется в волнах нелестная любовь.
Спеши, спеши от мест, Мамаем зараженных,
Спеши за Понт, за Тигр, за Нил, за Океан.[й]
И как уж будеш ты в странах, толь удаленных,
И там покажется, что близко сей тиран!
О промысл! О судьба! Слезами умягчитесь!
О небо! О земля! О ветры! О моря!
На жалость, на тоску, на вопль мой преклонитесь
Покройте от руки свирепаго Царя.
А вы, места, где мы любовию пленились.

[и] *Рук.*
Оставившу отца и честь на сем брегу

[й] *Рук. вместо стихов 933—934*
Спеши, спеши от мест, Мамаем ‹осквернных›
зараженных,
‹Дерзай› Спеши за Понт, за Тигр, за Нил, за Океан

Библиотека "Руниверс"

Затмитесь, чтоб отцу на память привести,
Что строгостью его Тамиры вы лишились!
Прости, дражайшее отечество, прости! [к]

Конец третьему действию

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление первое

Надир и Заисан

Заисан

Какие, Государь, услышишь ныне вести!
О тяжкая беда! О вечна срамота!
Тамира, стыд забыв, своей не помня чести,
Бежать намерилась отсель в чужи места!
И, безрассудною любовию палима,
К Багдатским шла одна, закрыв себя, судам,
Надежду положив на льстиваго Селима,
Что был недавно враг отеческим стенам!

Надир

О жалость горестна! О лютое мученье!
О строгость отческа, к чему ты привела?

Заисан

По щастью я открыл такое дерзновенье:
Тамира во вратах уже градских была!
Я общей за стены пошол смотреть отрады.

[к] *Рук. вместо стихов 937—944*

А вы, нещастныя, покройтесь мраком стены,
Дабы родителю на память привести,
Что строгостью его Тамиры вы лишенны.
Прости, дражайшее отечество, прости!

Библиотека "Руниверс"

Ужель Селим полки поставил на суда;
И видя, что на них все войско и снаряды,
Я путь свой обратил с веселием сюда.
Увидел, что спешит там женский пол ко брегу,
Смотря во все страны сквозь тонкой свой покров.
Я, робкому дивясь и скорому толь бегу,
Навстречу прямо шол проведать, кто таков.
Как странник, на пути от зверя убегая,
Спешит чрез терние, чрез камни и бугры,
Но, вдруг увидев, что тут стремнина крутая
И должно в мрачну хлябь[18] стремглав упасть с горы,
Оцепенев стоит, противится размаху,
Трепещут члены все, мутится свет очей, —
Меня увидев вдруг, Тамира так от страху
Смутилась, обмерла в продерзости своей.
Укрыться от меня во все страны металась;
Везде был заперт путь боязнью и стыдом.
Когда толикими волнами колебалась,
Я изумленную в отеческой ввел дом.
Что ныне мне начать? Как я Царю открою?
Дай в помощь, Государь, премудрой твой совет.

Надир

Внезапно не сразу печалию такою,
Представь себе, как сим подвигнется Мумет!
Я лучше думаю сию скрыть вовсе тайну,
Дабы в спокойствии отцов оставить дух.

Заисан

Но я могу попасть в беду чрез тое крайну,
Когда, кроме меня, к Царю достигнет слух.
То видели раби и воины со мною
И могут все ему подробно донести.

Библиотека "Руниверс"

Надир

Хотя смягчи удар приятностью какою;
Между веселых слов печаль сию вмести.

Явление второе

Надир

(один)

Несытая алчба имения и власти,
К какой ты крайности род смертных привела?
Которой ты в сердцах не возбудила страсти?
И коего на нас не устремила зла?
С тобою возрасли и зависть, и коварство;
Твое исчадие — кровавая война!
Которое от ней не стонет государство?
Которая от ней не потряслась страна?
Где были созданы всходящи к небу храмы
И стены — труд веков и многих тысячь пот.
Там видны лишь одне развалины и ямы,
При коих тучную имеет пасству скот.
О коль мучительна родителям разлука,
Когда дают детей, чтобы пролить их кровь!
О коль разительна и нестерпима мука,
Когда военный шум смущает двух любовь!
Лишь только зазвучит ужасна брань трубою.
Мятутся городы и села, и леса,
Любовническаго исполненныя вою
И жалоб на удар жестокаго часа.
Что может быть сего несноснее во свете,
Когда двоих любовь и младость сопрягла,
Однако в самом дней младых прекрасном цвете
Густая жадности мрачит их пламень мгла;
Когда родители обманчивой корысти

Библиотека "Руниверс"

На жертву отдают и совесть, и детей.
О небо, преклонись, вселенную очисти
От пагубы такой, от скверной язвы сей!
Коль дало красоту и младость человеку
И нежны искры в нем любовныя зажгло,
Чтоб в радости прожить дражайшую часть веку.
То долголь на земли сие попустишь зло?
На толь Тамире ты приятность влило в очи,
На толи нежную в нее вложило страсть,
Чтобы, подверженна Тиранской сильно мочи.
Оплакивала жизнь и горестную часть.

Явление третие

Надир и Клеона

Клеона

Тамира! Ах, печаль! Тамира дорогая
Поиманна, в слезах, отчаявшись, сидит!
Селима в жизнь свою увидеть уж не чая,
Лишь мысльми на него в отсутствии глядит
И имя сладкое едва с плачевным стоном
Дерзает в горести последней помянуть.
Озлобленна судьбы жестоким толь законом,
Руками томными терзает нежну грудь.
Бледнеет цвет лица, и все трепещут члены.
Холодной страх, тоска, отчаянье и стыд
Являются в ея очах изображенны.

Надир

Что зделал бы Селим, таков представив вид!

Клеона

Что зделал бы, когда увидел, что руками
Кровавыми Мамай любезную влечет,

Библиотека "Руниверс"

Которая, стремясь на небеса очами,
Потоки слезные, рыдая горько, льет?
Ах, сжалься, Государь, не дай беде сей збыться,
Всю мысль свою к ея спасению впери.

Надир

Не можно от сего Царевне свободиться:
Воюют против ней великие Цари.

Клеона

Так пойдет агница за волком в след, Тамира,
На кровь, на смерть людей, на трупы их смотреть
И, радости лишась в супружестве и мира,
Мученье внутрь себя тяжчайшее иметь?

Надир

Не знаю, что мое внутрь сердце предвещает
И смутному уму всечасно говорит:
Мамай Царя и всех злой хитростью прельщает,
И около нас сеть коварств его стоит.
Зачем один прибег? Зачем спешит он браком,
И что за ним не шлет известия Нарсим?
Сии окрестности считаю я признаком
Для нас, и для него, и для Тамиры злым.

Клеона

Для толь поспешнаго Мамаева прихода
Слух в городе прошол, что он совсем побит!

Надир

Всегда есть Божий глас — глас целаго народа;
Устами онаго Всевышний говорит.
Но пусть Мамай над всей вселенной торжествует,
Однако щастлив быть не может брак такой,

Библиотека "Руниверс"

Когда сама любовь против него враждует.
Совместноль варварству с толь нежной красотой?
Возможноль в сей тоске Тамире укрепиться
И сердца своего движенья утолить?

Клеона

На страсть ея смотря, и небо возгорится
И не умедлит зла толикаго отмстить.

Надир

Горами потрясет и воспалит пожары,
Или опустошит поветрием луга,
Или, от глубины возвысив волны яры,
Потопом скверные очистит берега.

Клеона

Народную молву приумножают знаки;
Везде уж говорят, что близ дверей беда!
Мне кажутся во сне ужасные призраки,
И вранов, как на труп, слетаются стада.

Надир

Хоть радостен Мумет, но войска не имеет;
Что будет, как Селим к стенам приступит вновь?
Погибнем, ежели не рассудя посмеет
Озлобить мечь в руке держащую любовь.
Мамая гордый дух чем больше возвышает,
Тем может рок его скорее поразить.
На пыщны [19] гор верьхи гром чаще ударяет.
Беги высот, когда безбедно хочеш жить.
Цветут спокойныя, не зная бурь, долины,
Где редко молнии возможно досягать.
Никто на свете так не обязал судьбины,
Ктоб завтрашне себе мог щастье обещать.
На лживость онаго никто не полагайся:

Библиотека "Руниверс"

Что утром возрасло, то вечером падет.
Никто в нещастии спасенья не отчайся:
Что вечер низложил, то утро вознесет.
Неутолимый рок все колом обращает.
С Мамаем рушиться внезапно может Крым.
Когда кто с высоты великой упадает
И тех с собой влечет, что с низу шли за ним
Но сим смущаются лишь только подлы души.
Которы, на морской волнами шумный путь
Смотря, колеблются с недвижимыя суши
И чают на брегу высоком потонуть.
Едина видит то с презорством добродетель;
Среди громов и бурь недвижимо стоит, —
Сама себе хвала, сама себе свидетель;
Хоть мир обрушится, бесстрашну поразит

Явление четвертое

Селим и прежние

Селим

Любовникам долга единая минута!
Возможноль, Государь, Селиму ныне знать.
Ещель Тамира здесь?

Клеона

О скорбь!

Надир

О горесть люта!
Ах, что дерзнули вы, нещастные, начать!

Селим

Мужайся, скорбный дух, и стой против удара.
Который на меня свирепый рок занес.

Библиотека "Руниверс"

Надир

Ах, естьлиб гневнаго отцова силу жара
Тамира утолить могла потоком слез!
Поимана в пути, для бегства предприятом,
Терзается...

Селим

Какой вступает в жилы хлад!
Когда не помогло ты в деле, мне начатом,
О небо! не косни, живаго свергни в ад!
Мамай любовию моею поругаться
И пламень мой презреть намерился Мумет?
Тамира не моя? Мне с нею не видаться?
И больше никакой уже надежды нет?
Я вижу, что Мумет меня еще не знает,
Еще в осаде он моих не сведал сил.
Мамаю дочь отдав, меня отвергнуть чает?
Надежду на песке он зыбком положил!
Забыл он, что, моим люблением спасенный,
Стоит сей град? И в нем того лишит меня,
Чем я надеялся в сей жизни одаренный
С ним в дружестве прожить, свой род соединя?
Забыл любовь мою и дружество с Нарсимом?
Забыл, что жизнь его была в моих руках?
Я свижусь, покажу, каков союз с Селимом.
И что вражда его возможет в сих стенах!
Я снова на брегу противном мне поставлю
И обращу на град Евфратские полки,
От лютости такой любезную избавлю
И от Мамаевой мучительской руки.
Ударит женский стон здесь вместо песней брачных
И вместо праздничных огней пожар сих стен.
Мумет увидит смерть, бегущу в вихрях мрачных.
И кровию чертог Мамаев обагрен.

Библиотека "Руниверс"

Надир

Я сам бы, уклонясь отеческаго града,
В пустой степи и жизнь, и скорьбь свою закрыл,
Не видя срамоты и мерзостнаго взгляда,
Я щастлив бы весьма в нещастии том был.
Однакож, Государь, воспомянув Нарсима
И зная, что сие отечество его,
Меча не возноси к опроверженью Крыма
И даннаго держись ты слова своего.

Селим

Не я, но сам Мумет стен будет разоритель:
Презрением своим на то мне право дал.
Нарсима в оных нет, но лютый в них мучитель;
Он купно бы со мной против него восстал.
Сугуба страсть меня на то вооружает,
То жалость горестна, то искренния любовь;
Одна во мне стремит, другая дух терзает,
Одна снедает грудь, друга волнует кровь;
Одна велит от зла невинную избавить,
Другая в век себе любезну получить;
Одна всеобщий долг естественный исправить,
Другая данную присягу сохранить.
Или безчувствен я таков кажусь Мумету,
Чтобы недвижно мог стоять, когда Мамай,
Похитив силою, что мне дороже свету,
Ликуя поведет из глаз в далекий край?
Возможноли стерпеть его советы мерзски!
О сердце, не мягчись, но разруши в конец;
Мумета низложи. Куда, Селим продерзский?
Подумай, что Мумет любезныя отец!
И свято место мне, Тамира где родилась,
Пусть в целости стоит, и пусть погибнет тот,

Библиотека "Руниверс"

От коего моя надежда разрушилась.
Мамаю отниму Тамиру и живот.

Надир

Приятель, укроти в себе волненья гневны
И жизни не давай в опасность такову.

Клеона

В сугубой горести не погрузи Царевны,
От пагубы храни любезную главу.

Надир

Когда на сей ты град восстать не должен войском,
То должен ли один? Что хочешь?

Селим

Умереть!
Или торжествовать и в мужестве Геройском
Награду верности прекрасную иметь.
И правды, и любви непобедима сила
Против насилия со мной на брань пойдет.
Или моя рука, что Крымску кровь щадила,
Свою, но прежде той Мамаеву прольет.
И если мужество победой не прославит,
Любовь и честь велит: довольно, я умру!
Пускай хоть тем меня от муки рок избавит,
В любовном жизнь моя погибнет пусть жару.
Я лутче с похвалой оставить ту желаю,
Как тяжек быть себе, и небу, и земли,
И смерти ждать, в посмех отдав себя Мамаю,
До старости не знать отрады николи.
Владеет наших дней Всевышний сам пределом,
Но славу каждому в свою он отдал власть.
Коль близко ходит рок при робном и при смелом,

Библиотека "Руниверс"

То лутче мне избрать себе похвальну часть!
Какая польза тем, что в старости глубокой
И в тме бесславия кончают долгой век!
Добротами всходить на верьх хвалы высокой
И славно умереть родился человек.[20]
Превыше смертнаго я жребия поставлю
Участие свое и славой вознесусь,
Когда Тамиру я от лютости избавлю,
Вменяя ни во что, умру или спасусь!
Пускай отец ея свирепой постыдится,
Мою за дочь свою текущу видя кровь;
Узнает злость свою, но поздно научится,
Что может предприять озлобленна любовь!

Надир

Какую принесешь ты в старости утеху
Родителям своим, когда услышат вѣсть,
Что вместо в сей войне желаннаго успеху
Дерзнул, забыв о них, себя на рок привесть!
Они во сретенье давно к тебе взирают,
И простирают мысль чрез горы и валы,
И в нетерпении минуты все считают,
Твоей насытиться желая похвалы.
Возобнови свои премудрые уставы,
Которым прежь сего себя ты покорял,
И вспомни прежние свои на сей час нравы,
Которых мерностью ты старых удивлял.

Селим

Любви велика власть всю крепость низлагает
И мной господствует. Уж я не тот Селим.

Клеона

Какую небо казнь с Мамаем насылает!

Библиотека "Руниверс"

Явление пятое

Мамай, Заисан и прежние

Мамай

Совет имеете с соперником моим?

Селим

Или я с Крымом здесь подвластен стал Мамаю?
Или он мне иметь советы запретит?

Мамай

Теперь препятствия любви моей скончаю!

Селим

Теперь любовь моя насильствию отмстит!

Мамай

Весь север покорив, сего не одолею?
Забыв продерзостный противится Селим
Кто прадед мой и что я в области имею?

Селим

Кто родом хвалится, тот хвастает чужим.[21]
Но где твои полки? И где желаешь — в море
Иль в поле окончать толику боем прю?

Мамай

Увидишь, дерзостный беглец, увидишь вскоре,
Какому ты дерзнул противу стать Царю
Поди и возвести, где обитают мертвы
Прапрадеды мои, каков их в свете внук.

(Вынимает саблю)

Библиотека "Руниверс"

Селим

(вынимая саблю)

Любовь Тамирина такой достойна жертвы,
Которой от моих она желает рук.

(Сражаются)

Заисан

(разнимая)

Великий Государь!

Клеона

Ах!

Надир

(разнимая)

Ах, Селим любезный!
В какую пагубу несет злой рок тебя!

Заисан

(к Мамаю)

Смягчи свой Царской гнев!

Клеона

(к Селиму)

Склонись на токи слезны!
Помилуй, Государь, Тамиру и себя!

Конец четвертому действию

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление первое

Мумет, Надир, Тамира, Клеона, воины

Мумет

В какой я крайней стыд тобою погрузился!
До коего достиг при старости я зла!

Библиотека "Руниверс"

На толь тебя родил, на толи я крушился,
Тамира, чтобы ты преслушна мне была?
За пришлецем бежать из отческаго дому
И кровности его дерзнула предпочесть!
Какая казнь равна такому делу злому,
Какая быть сему довольна может месть?

Тамира

Когда родилась я в безщастную минуту,
Чтоб скорбь тебе принесть, то сжалься, Государь!
Скончай свой гнев, скончай мою судьбину люту.
Мечем своим в мою повинну грудь ударь!
Мне гроб приятнее Мамаева чертога;
Употреби свою родительскую власть!

Мумет

Не я тебе, не я, сама себе ты строга,
Сама дерзнула ты в такую мерзость впасть.
Ты в сердце лютую сама змею питаешь,
Котора в кровь твою пускает смертный яд!
Мамая дерзостью бесстыдно озлобляешь,
Котораго один тебя достоин взгляд,
Которой к высоте толикия державы
Тебя и весь мой дом склонился вознести,
И в общество принять своей гремящей славы,
И сердце в дар тебе Геройско принести.
К последнему склонись отеческому слову,
Старайся склонностью продерзость наградить.
Но естьли я тебя увижу не готову
С великим сим Царем в супружество вступить.
То зделаю пример и покажу вселенной,
Что я, хотя отец, однакоже и Царь.
Блюдись руки моей, упрямством раздраженной,
И будь готова стать с Мамаем пред олтарь.

Библиотека "Руниверс"

(К Надиру)

Любезный брат, потщись прельщенную наставить
На истинну стезю, пока все учрежду.

(К Клеоне)

Тебя, преступница, кто может нынь избавить
От казни, что тебе за злобу наведу?

(К воинам)

Возмите скверную и ввергните в темницу.

Клеона

Помилуй, Государь!

Тамира

Невинной не казни!

Надир

Ты щедру обрати, о небо, к нам зеницу!

Тамира

Отеческу любовь во гневе вспомяни.

Явление второе

Тамира и Надир

Надир

Дражайшая моя Тамира, будь спокойна
И строгой перестань противиться судьбе;
Забудь, что лутчего ты щастия достойна,
Будь тем довольна, что она дает тебе.
Когда родитель твой любовен и разсуден.
Тогда взаимно ты с почтением люби,
Когдаже он свиреп и к умягченью труден.
То, помня крови долг, сноси и не скорби!

Библиотека "Руниверс"

Поверь мне, что Мамай, хотя теперь возвышен
И гордости своей не знает где предел,
Но скоро упадет, и звук лишь будет слышен,
С какой он высоты повержен в низ летел.
Чудовищу сему хоть небо попускает
Еще до времени род смертных разорять,
Но ныне чрез твою невинность воспылает
И ускорит твою и всех беду скончать.

Явление третие

Тамира, Надир и вестник

Вестник

Печальны, Государь, в сей час услышишь вести!

Тамира

Не дай, о Боже, мне отчаяться в конец!

Надир

И не нашли на нас превыше силы мести,
Но будь оставленным и в ярости отец!

Вестник

Во гневе из палат Мамай неутолимом
Лишь только вышел вон и обращал свой зрак,
С озлобленным тотчас увиделся Селимом,
И тут к сражению друг другу дали знак.
Взлетели на коней и, оных поощряя,
Скакали на поля одне из наших стен.
Я ехал им во след, где роща есть густая,
Среди которой луг широкой заключен.
Тут пе́рвой их удар...

Библиотека "Руниверс"

Тамира

О как мой дух стеснился!

Вестник

Сверкнули острые и дали звук мечи;
Как туча мрачная, Мамай ярясь смутился,
От глаз был блеск, как вал морской горит в ночи.
Надежда на лице Селимовом блистала,
И в мужестве была приятна красота;
Везде рука его Мамая утесняла,
Мамай искал себе спасенья от щита.
Едва от скорых он ударов укрывался
И действовать мечем не успевал своим,
Уже и отступал, и к бегу порывался,
Но руку сильную занес в размах Селим,
Ударил по щиту, звук грянул меж горами,
Распался разом щит и конска голова.
Мамай повержен был внезапно под ногами,
И ближни потряслись падением древа.
Селим тут мог попрать копытами Мамая,
Однако, сшед с коня, к возставшему спешил.

Надир

Ах, дерзость!

Тамира

Ах, беда!

Вестник

На храбрость уповая,
К погибели своей великодушен был.
Как чаял, что врага имел уж он во власти,

Библиотека "Руниверс"

Набегли не в значай Мамаевы Мурзы.
Он им вскричал: «Теперь спасите от напасти!»
Ударилась к нему...

Тамира

О горькие часы!
О щедры небеса, и мой живот скончайте!

Вестник

Мне свет из глаз отняв, погнала прочь боязнь!
Я слышал только там: «Рубите и терзайте»!
Один из Мурз вскричал: «Прими достойну казнь»!

Надир

Любезный мой Селим, уж ты лежишь бездушен,
И храбрость множеством твоя побеждена!
На толь ты столько был родителю послушен,
Чтоб кости приняла твои чужа страна?

Тамира

В отчаяньи своем уже я леденею,
Терзаньем утомясь любовнаго огня!
Отмсти ты, Государь, отмсти сему злодею,
За друга своего отмсти и за меня.

Надир

Пойду, не пощажу своей я хладной крови.
Отмщу или умру! Довольно и того,
Что вашей принести сподоблюся любови
На жертву живота остатки моего.

Библиотека "Руниверс"

Явление четвертое

Тамира

(одна)

Какую может дать Надир уж мне отраду?
Селима больше нет! Мамай вкруг ополчен!
Иль сквернаго себе его ждать буду взгляду
И дам себя жива чудовищу во плен?
Одно спасенье мне — не ожидать спасенья.
В покров природа смерть нещастливым дала.
Имея вольный путь, не избегу мученья?
Еще хочу я жить и не страшуся зла?
Уж сердце за стеной Селимово терзают.
Ах, лютой мой отец! Убийцы по путям.
О как и руки им твои не помогают!
Поди и насладись невинной кровью сам.
Насыть слезами грудь дочерними, родитель,
И пагубой моей, и роком веселись!
Но знай, что будешь слыть на свете ты мучитель:
Единым именем с Мамаем возгордись!
А ты, мой брат, когда стал ныне друг Мамаю,
То в жизни на тебя гнушаюсь я взглянуть;
Когдаж ты от него погиб, как верно чаю,
То в тот же за тобой спешить мне должно путь.
Итак, нещастная Тамира, умирая,
Родительских уже не будешь видеть слез.
Одна сомкнет глаза, со света убегая,
Оставлена от всех, презренна от небес!
И огорченный дух сойдет в места подземны,
Себя от тяжких сих оковов разреша,
И устремится в след Селиму в хляби темны!
Повей ко мне, повей, любезная душа;
Соединись с моим последним здесь дыханьем
И будь, когда нам рок жить вкупе запретил,

Библиотека "Руниверс"

Хотя по смерти мне соединен бежаньем
Со света, что с тобой однем мне мог быть мил.
Раскаешься уже, родитель мой, но позно!
Ах, позно будешь ты над мертвою рыдать,
Что принуждение твое могло мне грозно
Надежду и живот во младости отнять!
А ты почувствуешь, Мамай бесчеловечный,
Который отнял нынь две жизни у меня,
Почувствуешь ты казнь и страхи бесконечны,
Как наша пред тебя приступит тень, стеня.
Селимов будет дух и мой тебе мечтаться
И лица бледныя, и кровь везде казать.
Из степи будешь в степь от страху укрываться,
Но места не найдешь, гдеб муки избежать,
Пока, не видя ты своим мученьям краю,
Погибнешь в горести, прокляв последний час.
Сего, о небеса, тиранну я желаю
И в жертву приношу последний с кровью глас!
Уже мне вечность вход к блаженству отверзает,
И смерть зовет меня к спокойству от трудов!
Героев светлый лик — Нарсима там встречает.
А ты, мой дух, к нему ещели не готов?
Ты к делу славному на что ослабеваешь?
Что должно потерять, то должно презирать.
Зачем, рука моя, конца не ускоряешь?
Мне легче смерть сама, как смерти ожидать.
Я смертью лишь могла, Селим, тебя лишиться,
Когдаб наш век продлить изволилось судьбе,
Но ныне не хочу и в смерти разлучиться:
Ты умер для меня — я следую тебе!

(Хочет заколоться.)

Библиотека "Руниверс"

Явление пятое

Селим, Нарсим и Тамира

Селим

(схватив за руку и вырвав кинжал)

Я жив, дражайшая, я жив и торжествую!

Нарсим

Любезная сестра, твой здравствует Нарсим!

Тамира

(ослабевая)

Уже меж мертвыми я вижу тень драгую!

Селим

В каком отчаяньи!

Тамира

И дух Нарсимов с ним!

Селим

(к ослабевающей Тамире)

Тебя, дражайшая, Селим твой поздравляет,
Что враг наш погублен, уж больше не страшись
Нас верность, и любовь, и щастье возвышает,
Великой радостью ты с нами ободрись.

Тамира

Возможноль быть тому? Селим! Нарсим! Я с вами!
Я с вами в жизнь еще увидеться могла?
Я вижу ясно, что рука твоя над нами,

Библиотека "Руниверс"

О Боже мой, в беде и в горести была!
Но мне Мамаева еще ужасна сила!

Нарсим

Умывшись в Варварской рука моя крови
Вселенныя концы от страху свободила,
Мне мщенье воздала и вашей долг любви.

Явление последнее

Мумет, Надир, Заисан, Селим, Нарсим и Тамира

Мумет

Нарсим, ты здесь! Тебя я вижу, сын любезный?
Колику радость ты нечаянно принес!
Один ты иссушишь мои потоки слезны,
Что пролил мне удар разгневанных небес!
Мамаю не хотя Тамира быть супругой
Всего лишает нас, что нам он обещал
И что ты приобрел своей к нему услугой.

Нарсим

Я всю уж, Государь, печаль твою скончал
И, побежден, к тебе с победой возвращаюсь:
Димитрий одолел, и враг наш поражен.

Мумет

Внимая странну весть, в сомненьи ужасаюсь!

Нарсим

Коль чудно я для вас от пагубы спасен!
Спасен, сей град, тебя, Тамиру и Селима
Избавить от беды, Мамая погубив.

Библиотека "Руниверс"

Повержен сопостат и разоритель Крыма,
Что полк мой низложил; чуть я остался жив.

Мумет

О небо!

Заисан

Ах, удар!

Тамира

О промысл милосердый!

Надир

(к Заисану)

Не мнели в честь конец имеет наша пря?

Селим

Сама судьба есть щит любови нашей твердый.

Мумет

О льстивыя слова коварнаго Царя!
Скажи, любезный сын, скажи мне все подробно
И зделай всем моим смущениям конец.

Нарсим

Не слыхано еще на свете зло подобно,
Какое предприял Мамай, тиран и льстец.
Уже чрез пять часов горела брань сурова,[22]
Сквозь пыль, сквозь пар едва давало солнце лучь.[23]
В густой крови кипя, тряслась земля багрова,
И стрелы падали дожжевых гуще тучь.[24]
Уж поле мертвыми наполнилось широко;
Непрядва, трупами спершись, едва текла.

Библиотека "Руниверс"

Различный вид смертей там представляло око,
Различным образом поверженны тела.
Иной с размаху мечь занес на сопостата,
Но, прежде прободен, удара не скончал;
Иной, забыв врага, прельщался блеском злата,
Но мертвый на корысть желанную упал.
Иной, от сильнаго удара убегая,
Стремглав на низ слетел и стонет под конем.
Иной пронзен угас, противника пронзая,
Иной врага поверг и умер сам на нем.
Российские полки, отвсюду утесненны,[25]
Казалося, что в плен дадутся иль падут.
Мамай, растерзанны противных видя члены,
Великой гордостью промолвил мне надут:
«Нарсим, Димитрия во узах предомною,
Когда он жив еще, немедленно поставь;
Но ежели он мертв, с противничей главою
Поспешно возвратясь, мне радости прибавь».
Я, будучи его тобою отдан воле,
Немедля поскакал к Российскому полку
Димитрия искать в его стану и в поле;
По трупам перешол кровавую реку.
Со всех сторон меня внезапно окружили
Избранны воины Мамаевых полков
И тех, что круг меня вооруженны были,
Дерзнули сечь. Я тут узнал проклятой ков.
Узнал, что не вотще его я опасался
И к защищению себя вооружил.
Один из них ко мне уж прямо устремлялся
И стрелу на меня в свирепости пустил.
Она, против мой щит, увязла по средине.

Мумет

К какой ужасной я послал тебя беде!

Библиотека "Руниверс"

Надир

Трепещет грудь моя!

Селим

Коль блиско был к кончине!

Нарсим

Внезапно шум восстал по воинству везде.
Как туча бурная, ударив от пучины,
Ужасной в воздухе раждает бегом свист,
Ревет и гонит мглу чрез горы и долины,
Возносит от земли до облак легкой лист, —
Так сила Росская, поднявшись из засады,
С внезапным мужеством пустилась против нас; [26]
Дождавшись таковой в беде своей отрады,
Оставше воинство возвысило свой глас.
Во сретенье своим Россияне вскричали,
Великой воспылал в сердцах унывших жар.
Мамаевы полки, увидев, встрепетали,
И ужас к бегствию принудил всех Татар.
Убивцы от меня для страху удалились.
Я к верьху смутные возвел свои глаза.
Тогда над Росскими полками отворились
И ясный свет на них спустили небеса.[27]
Ударил гром на нас, по оных поборая,
И подал знак, что Бог на помощь им идет!
Глазами я искал и не нашол Мамая,
С бегущими и сам побег ему во след.
Внимая страшный стон, с холма я оглянулся;
Какую пагубу увидел наших сил!
Увидел купно всех попранных, ужаснулся!
Мамаю отомстить за все я зло спешил.

Библиотека "Руниверс"

Мумет

О щастье льстивое, как души ослепляешь!
Тамира, я тебя напрасно озлоблял!

Тамира

Ты словом сим живот с надеждой возвращаешь!

Селим

Уже я вознесен, как мой соперник пал!
И очи, Государь, мои тем насладились,
Что отнял жизнь ему при мне любезный друг.
Когда мы на поле один с другим сразились,
Вооруженные наехали к нам в луг.
Я чаял, что Мамай с другими согласился,
Чтоб множеством меня коварно одолеть;
Однако я стоять против вооружился
И предприял, лишась любезной, умереть.
Тотчас тут усмотрел любезнаго Нарсима,
Которой, яростью к Мамаю устремлен,
Летел к отмщению колеблемаго Крыма.
Он тяжко возстенал, мечем сквозь грудь пронзен
Как тигр, уж на копье хотя ослабевает,
Однако, посмотрев на раненой хребет,
Глазами на ловца кровавыми сверькает
И ратовище,[28] злясь, в себе зубами рвет, —
Так мечь в груди своей схватил Мамай рукою,
Но пал и трясучись о землю тылом бил.
Из раны чорна кровь ударилась рекою,
Он очи злобныя на небо обратил.
Разинул челюсти, но, гласа не имея,
Со скрежетом зубным извергнул дух во ад.
Нарсимовы слуги бездушнаго злодея
Остались истребить огнем последний яд.

Библиотека "Руниверс"

Надир

Толь тяжко с высоты Бог гордых повергает!

Селим

Вторично, Государь, я ныне предложу
О том, к чему моя толь сильно грудь пылает
И жизни для чего своей я не щажу.

Мумет

Я с небом, и с судьбой, и с вами соглашаюсь,
Исполню, что велит любовь и красота.
Я щастием своим и вашим утешаюсь!
Живи в веселии, любезная чета.
Коль всем нам был сей день печален и ужасен,
Что мог нас в пагубе конечной утопить,
Толь будет завсегда он весел и прекрасен,
Что в оный промысл вас судил соединить.
Взаимная любовь меж вас не принужденна
Всегдашней верностью пусть даст иным пример.
Мамаева притом кичливость пораженна
Других пусть устрашит гордиться выше мер.
К готовому теперь вы олтарю за мною
Последуйте пред ним в супружество вступить;
Клеониною я хоть оскорблен виною,
Но радость нынешня велит ей все простить.

Конец пятому действию

Библиотека "Руниверс"

167

НАДПИСЬ НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ 1750 ГОДА, ПЕРЕД ЗИМНИМ ДОМОМ, ГДЕ ИЗОБРАЖЕНА БЫЛА СИЯЮЩАЯ ЗВЕЗДА НАД ОЛТАРЕМ,[а] НА КОТОРОМ ПЫЛАЕТ СЕРДЦЕ; ПО СТОРОНАМ ХРАМЫ

Щастливая звезда на Горизонт блистала,[6]
Когда Елисавет России воссияла.
Монархиня, Твой к нам сверькнул пресветлый лучь,[в]
Возжег и осветил всех сердце после тучь.
Единым сердцем все равно к Тебе пылаем
И тое на олтарь усердий возлагаем.
Из храмов ревности желания гласят,[г]
Да вышний даст сей день торжествовать сто крат.

[а] *Рук. 1751* на олтарь.

[6] *Рук. 1751*

Щастливая звезда на Горизонт сияла.

СПб. Вед.

Щастливая звезда на оризонт блистала.

[в] *Рук. 1751*

Монархиня, Твой к нам сверкнул пресветлый лучь.

Рук. 1750, СПб. Вед.

Монархиня, Твой к нам сверкнув пресветлый лучь.

[г] *Рук. 1750, СПб. Вед. вместо стихов 5—7*

Единым сердцем все к Тебе равно пылаем,
И тое на олтарь усердия взлагаем.
Из храмов ревности усердия гласят.

Библиотека "Руниверс"

168

НАДПИСЬ НА ИЛЛУМИНАЦИЮ В НОВЫЙ 1751 ГОД, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ ПЕРЕД ЗИМНИМ ДОМОМ, ГДЕ ИЗОБРАЖЕН БЫЛ ЗЕМНОЙ ГЛОБУС, НА КОТОРОМ СТОЯЛО ВЕНЗЛОВОЕ ИМЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА И ЧИСЛО НОВАГО ГОДА; ПО СТОРОНАМ ОТВЕРСТЫЕ ХРАМЫ И ОЛТАРИ С ВОЗЖЕННЫМ НА НИХ ПЛАМЕНЕМ

Отверсты храмы все, и Олтари дымятся,
Желанья всех к Тебе, Монархиня, стремятся.[a]
И ревность подданных со временем растет,
И оных щастие с числом восходит лет.
Полсвета, что Твоя десница управляет,
Согласный шум до звезд усердно возвышает.
Да Вышний новый год с Тобой благословит
И слух Твой и другу полсвета удивит.[6]

[a] *Рук. 1750, СПб. Вед.*

Желания к Тебе, Монархиня, стремятся.

[6] *Рук. 1750, СПб. Вед.*

И слух Твой и другу полсвета усладит.

Библиотека "Руниверс"

1751

169

НАДПИСЬ К ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ НА МАСКАРАДЫ 1751 ГОДА[а]

Природа как Тебя на свет производила,
На то истощена была ея вся сила,
Дабы ни одного таланта не отнять.[б]
Велик был Твой Отец, была прекрасна Мать;
Герой тебя родил, носила Героиня:
Какой быть должен плод? Не инной, как Богиня
Но сколько смертных Ты превыше почтена,
Ты столько сердцем к ним и щедра, и склонна.
И в те часы, когда лице свое скрываешь,
К народу своему щедротою сияешь.[в]

НАДПИСЬ НА ТЕЖЕ

Увидев множество одежд и лиц отменных,
Я в мыслях ныне зрю, восторгом восхищенных.

[а] *Рук. 1751* На Маскарады 1751 года *вместо* к Ея ... года

[б] *Рук. 1751*

Чтобы ни одного таланта не отнять.

[в] *Рук. 1751 вместо стихов 9—10*

И тем самим, когда лице свое скрываешь,
К народу своему веселием сияешь.

Библиотека "Руниверс"

Монархиня, концы державы Твоея
И в оных нахожу утехи вид сея.
От тихих восточных вод до берегов Балтийских,
От непроходных льдов до теплых стран Каспийских
В одеждах много коль и в лицах перемен![г]
Сугубым ныне я виденьем удивлен.
Я слышу там, как здесь, приятную музыку:
Там от усерднаго народов разных клику
Чрез горы, чрез поля согласный шум течет,[д]
Что Ты едина всем покров, ограда, свет.

[г] *Рук. 1751 вместо стихов 5—7*

От кротких восточных вод ‹стран› до шумных волн
Балтийских,
От самых вечных льдов до знойных стран Каспийских
Коль много в платье там и в лицах перемен!

[д] *Рук. 1751 вместо стихов 10—11*

Там от со·ласнаго народов клику
Чрез воды, чрез поля веселый глас течет.

Библиотека "Руниверс"

170

ПРЕЛОЖЕНИЕ[а] ПСАЛМА 1

1

Блажен, кто к злым в совет не ходит,
Не хочет грешным в след ступать
И с тем, кто в пагубу приводит,
В согласных мыслях заседать,[б]

2

Но волю токмо подвергает[в]
Закону Божию во всем
И сердцем оный наблюдает[г]
Во всем течении своем.

3

Как древо, он распространится,
Что близ текущих вод растет,

[а] *Рук. 1751 вместо зачеркнутого* Парафразис

[б] *Рук. 1751, Корр. 1751*

В суде едином заседать.

Соч. 1751

В едином месте заседать.

[в] *Рук. 1751, Корр. 1751, Соч. 1751*

Но мысль и волю подвергает.

[г] *Рук. 1751, Корр. 1751, Соч. 1751*

И точно оный наблюдает.

Библиотека "Руниверс"

Плодом своим обогатится,
И лист его не отпадет.

4

Он узрит следствия поспешны
В незлобивых своих делах;[a]
Но пагубой смятутся грешны,
Как вихрем восхищенный прах.[c]

5

И так злодеи не восстанут
Пред вышняго Творца на суд,
И праведны не воспомянут
В своем соборе их отнюд.

6

Господь на праведных взирает
И их в пути своем хранит;
От грешных взор свой отвращает
И злобный путь их погубит.

---

[a] *Рук. 1751, Корр. 1751*

В беззлобственных своих делах.

[c] *Рук. 1751, Корр. 1751*

Как вихрем возмущенный прах.

Библиотека "Руниверс"

171

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 26

1

Господь — Спаситель мне и свет:
Кого я убоюся? [a]
Господь сам жизнь мою блюдет:
Кого я устрашуся?

2

Во злобе плоть мою́ пожрать [6]
Противны устремились.
Но, злой совет хотя начать,[в]
Упадши сокрушились.

3

Хоть полк против меня восстань,
Но я не ужасаюсь.

---

[a] *Рук. 1751*
Кого я устрашуся?

[6] *Рук. 1751, Соч. 1751*
Чтоб в злобе плоть мою пожрать.

[в] *Соч. 1751*
Но злой навет хотя начать.

Библиотека "Руниверс"

Пускай враги воздвигнут брань,[г]
На Бога полагаюсь.

4

Я только от Творца прошу,
Чтоб в храм его вселиться,[д]
И больше в свете не ищу,
Как в оном веселиться.

5

В селении своем покрыл
Меня он в день печали -
И неподвижно укрепил,
Как злые окружали.

6

Возвысил он мою главу[е]
Над всех врагов ужасных.
Я, жертву принося, зову
Ему в псалмах согласных.[ж]

7

Услыши, Господи, мой глас,
Когда к тебе взываю,

[г] *Рук. 1751 вместо стихов 10—11*
Но я неустрашаюсь,
Хотя враги воздвигнут брань.

[д] *Рук. 1751*
Чтоб в храм его в его вселиться.

[е] *Рук. 1751*
‹И ныне он вознес›
И нынь вознес мою главу.

[ж] *Рук. 1751*
Ему в псалмах ‹ужасных› согласных.

Библиотека "Руниверс"

И сохрани на всякой час:
К тебе я прибегаю.[з]

8

Ко свету твоего лица[и]
Вперяю взор душевный
И от всещедраго Творца
Приемлю лучь всѐдневный.

9

От грешнаго меня раба,
Творец, не отвратися;[й]
Да взыдет пред тебя мольба,
И в гневе укротися.

10

Меня оставил мой отец
И мать еще в младенстве,
Но восприял меня Творец
И дал жить в благоденстве.

11

Настави, Господи, на путь
Святым твоим законом,
Чтоб враг не мог поколебнуть
Крепящагося в оном.

[з] *Рук. 1751*
Когда под кров твой прибегаю.

[и] *Рук. 1751, Соч. 1751*
Я к свету твоего лица.

[й] *Рук. 1751*
Творец не‹отвращайся› отвратися

Библиотека "Руниверс"

12

Меня в сей жизни не отдай
Душам людей безбожных,
Твоей десницей покрывай
От клеветаний ложных.

13*

Я чаю видеть на земли
Всевышняго щедроты
И не лишиться николи
Владычния доброты.

14

Ты, серце, духом укрепись,
О господе мужайся
И бедствием не колеблись;
На Бога полагайся.

* *Рук. 1751 строфы 13 и 14 переставлены.*

Библиотека "Руниверс"

172

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 34

1

Суди обидящих, Зиждитель,
И от борющихся со мной
Всегдашний буди Покровитель,[a]
Заступник и Спаситель мой.

2

На глас мой ныне преклонися,
Прими оружие и щит
И мне на помощь ополчися,
Когда противник мне грозит.

3

Здержи стремление гонящих,
Ударив пламенным мечем.
Уверь в напастях обстоящих,
Что я в покрытии твоем.

4

Гонители да постыдятся,
Что ищут зла души́ моей,
И с срамом вспять да возвратятся,
Смутившись в памяти своей.

[a] *Рук. 1751* Всегдашный буди Покровитель.

Библиотека "Руниверс"

5

Да сильный гнев твой злых восхитит,
Как бурным вихрем легкий прах.
И Ангел твой да не защитит
Бегущих, умножая страх.

6

Да помрачится путь их мглою,
Да будет ползок и разрыт,
И ангел мстящею рукою
Их, в след гоня, да устрашит.

7

Сие гонение ужасно
Да оскорбит за злобу их,
Что, зляся на меня напрасно,[б]
Скрывали мре́жу злоб своих.[в]

8

Глубокий, мрачный ров злодею
В пути да будет сокровен;
Да будет сетию своею,
Что мне поставил, уловлен.

9

Душа моя возвеселится
О покровителе своем

[б] *Рук. 1751, Соч. 1751*

Что, на меня ярясь напрасно.

[в] *Рук. 1751*

Скрывали ков сетей своих.

Библиотека "Руниверс"

И радостию ободрится
О заступлении твоем.

10

С тобою кто себя сравняет?
Все кости, Боже мой, гласят:
Твоя власть сильных сокрушает,
Что бедных растерзать хотят.

11

Уже свидетели восстали
Неправедные на меня
И, стыд оставив, вопрошали
О том, чего не знаю я.

12

Наносят мне вражду и злобу,
Чтоб тем мне за добро воздать,
И бедной дух мой и утробу
Досадой и тоской терзать.

13

Но как они ослабевали,
Тогда постом я и мольбой
Смирял себя, дабы восстали
Противники мои в покой.

14

Как брату своему, я тщился,
Как ближним, так им угождать
И, сетуя об них, крушился,
И слез своих не мог держать.

Библиотека "Руниверс"

15

Они, однако, веселятся,
Как видят близ мою напасть,
И на меня согласно злятся,
Готовя ров, где мне упасть.[г]

16

Смятенный дух во мне терзают,
Моим паденьем льстя себя;
Смеются, нагло укоряют,
Зубами на меня скрыпя.

17

Доколе, Господи, без гневу
На злость их будешь ты взирать?
Не дай, не дай ты львову чреву
Живот мой до конца пожрать!

18

Во храме возвещу великом
Преславную хвалу твою,
Веселым гласом и языком
При тьмах народа воспою.

19

Не дай врагам возвеселиться
Неправедной враждой своей,
Не дай презорством возгордиться
И помизанием[1] очей.

[г] *Рук. 1751*
Готовя ров, гдеб мне упасть.

Библиотека "Руниверс"

20

Хоть мирныя слова вещали
И ласков вид казали вне,
Но в сердце злобу умышляли
И сети соплетали мне.

21

Мне пагубы, конечно, чая,
Все купно стали восклицать,
Смеяться, челюсть расширяя:
«Нам радостно на то взирать!» [a]

22

Ты видел, Господи, их мерзость:
Отмсти и злобным не стерпи,
Отмсти бессовестную дерзость
И от меня не отступи.

23

Восстани, Господи Зиждитель,
Взойди на твой святый престол
И буди нашей при решитель,[c]
Спаси от нестерпимых зол.

24

Подвигнись правдою святою,
Суди нас, Господи, суди,
Не дай им поругаться мною,
Суди и мне не снисходи.

[a] *Рук. 1751*
Коль сладко нам на то взирать.

[c] *Рук. 1751*
И буди при моей решитель.

Библиотека "Руниверс"

25

Не дай им в злобе похвалиться
И мне в ругательство сказать:
«О как в нас сердце веселится,
Что мы могли его пожрать».

26

Посрамлены да возмятутся,
Что ради злым моим бедам;
И с верьх главы да облекутся
Мои противны в студ[2] и в срам.

27

Но тем дай вечную награду,
Что оправдать меня хотят,
Взирая на мою отраду,
«Велик Господь наш», — говорят.

28

Язык мой правде поучится
И истине святой твоей.
Тобой мой дух возвеселится
Чрез все число мне данных дней.

Библиотека "Руниверс"

173

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 70

1

В тебе надежду полагаю,
Всесильный Господи, всегда,
К тебе и ныне прибегаю,
Да в век спасуся от студа.

2

Святою правдою твоею
Избавь меня от злобных рук,
Склонись молитвою моею
И сокруши коварных лук.

3

Поборник мне и Бог мой буди*
Против стремящихся врагов
И бренной сей и тленной груди
Стена, защита и покров.

4

Спаси меня от грешных власти
И преступивших твой закон,

* *Рук. 1751*

<Защитник> Поборник мне и Бог мой буди.

Библиотека "Руниверс"

Не дай мне в челюсти их впасти,
Зияющи со всех сторон.

5

В терпении моем, Зиждитель,
Ты был от самых юных дней[6]
Помощник мой и Покровитель,
Пристанище души моей.

6

От чрева матерня тобою[в]
И от утробы укреплен,
Тебя превозношу хвалою,
Усердием к тебе возжен

7

Враги мои чудясь смеются,
Что я кругом объят бедой,
Однако мысли не мятутся,
Когда Господь — Заступник мой.[г]

8

Превозносить твою державу
И воспевать на всякой час
Великолепие и славу
От уст да устремится глас.

---

[6] *Рук. 1751*
Ты был от самых юных ‹лет› дней.

[в] *Рук. 1751*
От чрева матерня ‹с› тобою.

[г] *Рук. 1751*
Что ты, Господь, Заступник мой.

Библиотека "Руниверс"

9

Во время старости глубокой,
О боже мой, не отступи,
Но крепкой мышцей и высокой
Увядши члены укрепи.

10

Враги, которые всечасно
Погибели моей хотят,
Уже о мне единогласно
Между собою говорят:

11

«Погоним, Бог его оставил,
Кого он может преклонить?
От нас бы кто его избавил?
Теперь пора его губить».[а]

12

О боже мой, не удалися,
Покрой меня рукой своей
И помощь ниспослать потщися
Объятой злом душе моей.

13

Да в вечном сраме погрузятся
Которые мне ищут зла,
Да на главу их обратятся
Коварства, плевы и хула.

[а] *Рук. 1751*

Се ныне час его губить.

Библиотека "Руниверс"

14

Надежду крепку несомненно
В тебе едином положу
И, прославляя беспременно,
В псалмах и песнях возглашу.

15

От уст моих распространится
О истине твоей хвала,
Благодеяний слух промчится
Тобой мне бывших без числа.

16

Твою я крепость, Вседержитель,
Повсюду стану прославлять,
И, что ты мой был покровитель,
Во веки буду поминать.

17

Тобою, Боже, я наставлен
Хвалить тебя от юных лет,
И ныне буди препрославлен
Чрез весь тобой созданный свет.

18

Доколе дряхлость обращаться
Не возбранит моим устам,
Твоя в них крепость прославляться
Грядущим будет всем родам.

19

Твоя держава возвестится
И правда мною до небес.

Библиотека "Руниверс"

О боже, кто тебе сравнится
Великим множеством чудес?

20

Ты к пропасти меня поставил,
Чтоб я свою погибель зрел,
Но скоро, обратясь, избавил
И от глубоких бездн возвел.

21

Щедроту ты свою прославил,
Меня утешить восхотел,
И скоро, обратясь, избавил[e]
И от глубоких бездн возвел.

22

Среди народа велегласно
Поведаю хвалу твою
И на струнах моих всечасно
Твои щедроты воспою.

23

Уста мои возвеселятся,
Когда возвышу голос мой,
И купно чувства насладятся
Души, спасенныя тобой.

---

[e] *Рук. 1751 вместо стихов 82—83*

И утешить восхотел,
И [о]братясь меня избавил.

Библиотека "Руниверс"

24

Еще язык мой поучится
Твои хвалити правоты,
Коварных сила постыдится,
Которы ищут мне беды.*

* *Рук. 1751 вместо стихов 95—96*

Коварных постыдится,
Которой ищет мне беды.

Библиотека "Руниверс"

174

ОДА, ВЫБРАННАЯ[а] ИЗ ИОВА, ГЛАВА 38,[б] 39, 40 И 41

1

О ты, что в горести напрасно
На Бога ропщешь, человек,
Внимай, коль в ревности ужасно,[в]
Он к Иову из тучи рек!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь град блистая
И гласом громы прерывая,
Словами небо колебал
И так его на распрю звал:

2

«Збери свои все силы ныне,
Мужайся, стой и дай ответ.
Где был ты, как я в стройном чине
Прекрасный сей устроил свет,
Когда я твердь земли поставил
И сонм небесных сил прославил,[г]

[а] *Рук. 1751* избранная.

[б] *Рук. 1751* и прочая.

[в] *Рук. 1751 вместо стихов 2—3*

На Бога ропчешь, человек,
Внимай, коль ‹право, коль› в ревности ужасно

[г] *Рук. 1751*

И ‹чин› сонм небесных сил прославил.

Библиотека "Руниверс"

Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

3

Где был ты, как передо мною
Безчисленны тмы новых звезд,
Моей возжженных вдруг рукою,
В обширности безмерных мест
Мое Величество вещали,
Когда от солнца возсияли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна в ночи? [a]

4

Кто море удержал брегами
И бездне положил предел,
И ей свирепыми волнами
Стремиться дале не велел?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открыл и разогнал туман
И с суши здвигнул Океан?

5

Возмог ли ты хотя однажды
Велеть ранее утру быть
И нивы в день томящей жажды
Дождем прохладным напоить,[e]

[a] *Рук. 1751*
‹И как› Когда взошла луна в ночи?

[e] *Рук. 1751 вместо стихов 35—36*
‹И землю в знойный день от жажды›
И нивы в день томящей жажды
Дождем прохладным ‹свободить› напоить.

Библиотека "Руниверс"

Пловцу способный ветр направить,
Чтоб в пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,[ж]
Дабы безбожных с ней сопхнуть?

6

Стремнинами путей ты разных
Прошол ли моря глубину?
И счел ли чуд многообразных
Стада, ходящия по дну?[з]
Отверзлись ли перед тобою[и]
Всегдашнею покрыты мглою[й]
Со страхом смертныя врата?
Ты спер ли адовы уста?

7

Стесняя вихрем облак мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздух огустить прозрачный,
И молнию в дожде родить,
И вдруг быстротекущим блеском
И гор сердца трясущим треском
Концы вселенной колебать,[к]
И смертным гнев свой возвещать?

[ж] *Рук. 1751*
‹И землю можешь ли тряхнуть›
И основания земли тряхнуть.

[з] *Рук. 1751*
По мрачному ходящих дну?

[и] *Рук. 1751*
Отверзлись ‹ты› ли перед тобою.

[й] *Рук. 1751, Соч. 1751*
Всегдашнею покрыты тмою.

[к] *Рук. 1751*
Концы вселенной устрашать.

Библиотека "Руниверс"

8

Твоей ли хитростью взлетает
Орел, на высоту паря,
По ветру крила простирает[л]
И смотрит в реки и моря?
От облак видит он высоких
В водах и в пропастях глубоких
Что в пищу я ему послал.
Толь быстро око ты ли дал?[м]

9

Воззри в леса на Бегемота,[н]
Что мною сотворен с тобой;
Колючей терн его охота
Безвредно попирать ногой.[о]
Как верьви, сплетены в нем жилы.
Отведай ты своей с ним силы!
В нем ребра как литая медь;
Кто может рог его сотреть?

10

Ты можешь ли Левиафана
На уде вытянуть на брег?
В самой средине Океана
Он быстрой простирает бег;

[л] *Рук. 1751*

Крила по ветру простирает.

[м] *Рук. 1751, Соч. 1751 вместо стихов 63—64*

Что я ему на пищу дал.
Толь быстро око тыль создал?

[н] *Рук. 1751*

Возри в луга на Бегемота.

[о] *Рук. 1751*

Безвредной попирать ногой.

Библиотека "Руниверс"

Светящимися чешуями
Покрыт, как медными щитами,
Копье, и мечь, и молот твой
Щитает за тростник гнилой.

11

Как жернов, сердце он имеет
И зубы — страшный ряд серпов:
Кто руку в них вложить посмеет?
Всегда к сраженью он готов;
На острых камнях возлегает[п]
И твердость оных презирает:
Для крепости великих сил
Щитает их за мягкой ил.

12

Когда ко брани устремится,[р]
То море, как котел, кипит;
Как печь, гортань его дымится,
В пучине след его горит;
Сверкают очи раздраженны,
Как угль, в горниле раскаленный.
Всех сильных он страшит, гоня.
Кто может стать против меня?

13

Обширнаго громаду света
Когда устроить я хотел,

[п] *Рук. 1751 вместо стихов 84—85*

Всегда ‹ко брани› к сраженью он готов;
На острых камнях ‹почивает› возлегает.

[р] *Рук. 1751*

Когда ‹он к› ко брани устремится.

Библиотека "Руниверс"

Просил ли твоего совета
Для множества толиких дел?
Как персть я взял в начале века,
Дабы создати человека,
За чем тогда ты не сказал,
Чтоб вид иной тебе я дал?»

14

Сие, о смертный, рассуждая,
Представь Зиждителеву власть,
Святую волю почитая,
Имей свою в терпеньи часть.
Он все на пользу нашу строит,[c]
Казнит кого или покоит.
В надежде тяготу сноси
И без роптания проси.

[c] *Рук. 1751*

Он ‹знает, что с тобою› все на пользу нашу строит.

Библиотека "Руниверс"

175

НАДПИСЬ НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ КОРОНОВАНИЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА АПРЕЛЯ 25 ЧИСЛА 1751 ГОДА ПЕРЕД ЗИМНИМ ДОМОМ, ГДЕ ИЗОБРАЖЕНА В АМФИТЕАТРЕ ОКРУЖЕННАЯ СИЯНИЕМ ИМПЕРАТОРСКАЯ КОРОНА И СКИПЕТР НА УКРАШЕННОМ ПОСТАМЕНТЕ С ВЕНЗЛОВЫМ ИМЕНЕМ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, ПО ОБЕИМ СТОРОНАМ ДВА ПОРТАЛА ДАЛЕЧЕ ПРОСТИРАЮЩИХСЯ АЛАЕЙ, ПРИ КОТОРЫХ ПОСТАВЛЕНЫ ГРУДНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЧЕТЫРЕХ ЧАСТЕЙ СВЕТА

Лучи от Твоего, Монархиня, венца
В четыре разлились Вселенныя конца.
Европа, Африка, Америка, Азия[а]
Чудятся ясности, от коея Россия
Сияет, чрез концы земны просвещена.
О ты, блаженная в подсолнечной страна!
Взведи свой умный[1] взор к Божественному свету,[б]
Дабы венчанную в сей день Елисавету
На много лет своим блистаньем окружил
И с нами север весь спокойством озарил

[а] *СПб. Вед.*

Европа, Африка, Америка, Асия.

[б] *СПб. Вед.*

Взведи твой умный взор к Божественному свету.

Рук. 1751 ошибочно

Взведи свой умный свет к Божественному свету

Библиотека "Руниверс"

176

ОДА, В КОТОРОЙ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ БЛАГОДАРЕНИЕ ОТ СОЧИНИТЕЛЯ ПРИНОСИТСЯ ЗА ОКАЗАННУЮ ЕМУ ВЫСОЧАЙШУЮ МИЛОСТЬ В САРСКОМ СЕЛЕ[1] АВГУСТА 27 ДНЯ 1750 ГОДА.

1

Какую радость ощущаю?
Куда я ныне восхищен?
Небесну пищу я вкушаю,
На верьх Олимпа вознесен!
Божественно лице сияет
Ко мне и сердце озаряет
Блистающим лучем щедрот!
Коль нежно Флоры здесь богатство!
Коль сродно воздуха приятство
Богине красных сих высот!

2

Что ж се? Диане я прекрасной
Уже последую в лесах,
От коей хитростью напрасной
Укрыться хочет зверь в кустах!
Уже и купно со Денницей

[a] *Отд. изд* Ода Ея Императорскому Величеству Всепресветлеишей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, которою за высочайшую монаршескую милость, оказанную в Сарском селе, всеусерднейшее благодарение приносит всеподданнейший раб Михайло Ломоносов.

Библиотека "Руниверс"

Великолепной колесницей
В безоблачных странах несусь![2]
Блаженство мыслям непонятно!
Благополучен многократно,
Когда нетщетным сном я льщусь!

3

Престань сомненьем колебаться,
Смятенный дух мой, и поверь:
Неложны то мечтанья зрятся,
Но истинно Петрова Дщерь
К наукам матерски снисходит,[3]
Щедротою в восторг приводит.
Ты, Муза, лиру приими
И, чтоб услышала вселенна,
Коль жизнь наукам здесь блаженна,
Возникни, вознесись, греми.

4

Где, древним именем Славена
Гордяся, пролились струи,[4]
Там видя Нимфа изумленна
Украшенны луга свои
Златые кровы оком мерит
И в ужасе себе не верит,[5]
Но, кажду обозревши часть,
С веселием сие вещает:
«То само небо созидает
Или Петровой Дщери власть»?

5

Рекла и, влагу рассекая,
Пустилась тщательно к Неве;

Библиотека "Руниверс"

Волна, во бреги ударяя,
Клубится пеною в траве.
Во храм, сияющий металлом,
Пред трон, украшенный кристаллом,[6]
Поспешно простирает ход;
Венцем зеленым увязенной
И в висс[7] вещает облеченной
Владычице Российских вод:

6

«Река, которой проливают
Великия озера дань
И кою громко прославляют
Во всей вселенной мир и брань!
Ты щастлива трудом Петровым;
Тебя и ныне красит новым
Рачением Елисавет,
Но малые мои потоки
Прими в себя,[8] как Нил широкий,
Который из рая течет.[9]

7

Мои источники венчает
Едемской равна красота,
Где сад Богиня насаждает,
Прохладны возлюбив места,
Поля где небу подражают,
Себя цветами испещряют.
Не токмо нежная весна,
Но осень тамо — юность года;
Всегда роскошствует природа,
Искусством рук побуждена.

Библиотека "Руниверс"

8

Когда заря багряным оком
Румянец умножает роз,
Тогда на ветвии высоком
И посреде зеленых лоз
Со свистом птицы воспевают,
От сна к веселью возбуждают,
Что царствует в моих лугах.
И солнце восходя дивится,
Цветы, меж коих Инд крутится,
Увидев при моих ключах.[6, 10]

9

В средине жаждущаго лета,
Когда томит протяжный день,
От знойной теплоты и света
Прохладна покрывает тень,
Где ветьви преклонясь зелены,
В союз взаимной сопряженны,
Отводят жаркие лучи.
Но коль великая отрада
И томным чувствам тут прохлада
Как росу пьют цветы в ночи!

10

Елисаветиным добротам
Везде подобна красота;
Примера многим лиш щедротам
Не смеет скудна дать вода
И орошать скаканьем по́ля;
Однако, ежель Оной воля

[6] *Отд. изд. вместо стихов 79—80*

Увидев то, чем Инд пестрится
Обильно при моих ключах.

Библиотека "Руниверс"

Охоту ободрит мою,
Великой в похвалу Богине
Я воды обращу к вершине;
Речет — и к небу устремлю.[11]

11

Коль часто долы оживляет
Ловящих шум меж наших гор,
Когда Богиня понуждает
Зверей чрез трубный глас из нор!
Ей ветры в след не успевают,
Коню бежать не воспящают
Ни рвы, ни частых ветьвей связь:
Крутит главой, звучит броздами
И топчет бурными ногами,
Прекрасной Всадницей гордясь![12]

12

Как естьли зданием прекрасным
Умножить должно звезд число,
Созвездием являться ясным
Достойно Сарское село.
Чудовища, что легковерным
Раченьем древность и безмерным[в]
Подняв на твердь, вместила там,[13]
Укройтесь за пределы света:
Се зиждет здесь Елисавета
Красу, приличну небесам.

13

Великия Семирамиды
Рассыпанна окружность стен,

[в] *Отд. изд.*
Стремленьем древность и безмерным.

Библиотека "Руниверс"

И вы, о горды пирамиды,
Чем Нильский брег отягощен,
Хотя бы чувства вы имели
И чудный труд лет малых зрели,[14]
Вам не былобы тяжко то,
Что строены вы целы веки:
Вас созидали человеки, —
Здесь созидает божество.[г]

14

Великолепными верьхами
Восходят храмы к небесам;
Из них пресветлыми очами
Елисавет сияет к нам;
Из них во все страны взирает
И на едине представляет
Врученный свет под скипетр свой,
Подобно как орел парящий,
От самых облак зрит лежащи
Поля и грады под собой».[15]

15

О коль правдиво возвышает,
Монархиня, сей Нимфа глас!
Коль взор Твой далеко блистает,
То ныне чувствовал Парнасс,[д]
Как Ты от мест преиспещренных[е]

[г] *Отд. изд.*

Здесь зиждет само Божество.

[д] *Отд. изд.*

То чувствовал и нынь Парнасс.

[е] *Отд. изд., Соч. 1751*

Как Ты от мест преукрашенных

Библиотека "Руниверс"

И летней неге посвященных
Возрела матерски к нему,
Являя такову щедроту,
Колику к знаниям охоту
Даешь народу Твоему.

16

Что, дым и пепел отрыгая,
Мрачил вселенну, Енцелад
Ревет, под Етною рыдая,
И телом наполняет ад;
Зевесовым пронзен ударом,*
В отчаяньи трясется яром,
Не может тяготу поднять,[3]
Великою покрыт горою,
Без пользы движется под тою
И тщетно силится восстать, —

17

Так варварство Твоим Перуном
Уже повержено лежит,
Когда при шуме сладкострунном
Поющих Муз Твой слух звучит,
Восток и запад наполняет
Хвалой Твоей и возвышает
Твои щедроты выше звезд.
О вы, щастливыя науки!
Прилежны простирайте руки
И взор до самых дальних мест.

* *Отд. изд.*

Пронзен Зевесовым ударом.

[3] *Отд. изд., Соч. 1751*

Безсилен тяготу поднять.

Библиотека "Руниверс"

18

Пройдите землю, и пучину,
И степи, и глубокий лес,
И нутр Рифейский, и вершину,
И саму высоту небес.
Везде исследуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видел свет;
Трудами веки удивите
И сколько может покажите
Щедротою Елисавет.

19

Из гор иссеченны колоссы,
Механика, ты в честь возвысь
Монархам, от которых Россы
Под солнцем славой вознеслись; [16]
Наполни воды кораблями,
Моря соедини реками
И рвами блата иссуши,
Военны облегчи громады,[17]
Петром основанные грады
Под скиптром Дщери соверши.

20

В земное недро ты, Химия,
Проникни взора остротой
И, что содержит в нем Россия,
Драги сокровища открой.
Отечества умножить славу
И вящше укрепить державу
Спеши за хитрым естеством,
Подобным облекаясь цветом;

Библиотека "Руниверс"

И что прекрасно токмо летом,
Ты зделай вечно мастерством.[18]

21

В небесны, Урания, круги
Возвыси посреде лучей
Елисаветины заслуги,
Чтоб тамо в вечну славу Ей
Сияла новая планета.
Российскаго пространство света
Собрав на малы чертежи,
И грады, Оною спасенны,
И села, Ею же блаженны,
География, покажи.

22

Наука легких метеоров,[19]
Премены неба предвещай
И бурный шум воздушных споров
Чрез верны знаки предъявляй,
Чтоб земледелец выбрал время,"
Когда земли поверить семя
И дать когда покой браздам,
И чтобы, не боясь погоды,
С богатством дальны шли народы
К Елисаветиным брегам.

23

А ты, возлюбленная Лира,
Правдивым щастьем веселись,

" *Отд. изд., Соч. 1751*

Чтоб ратай мог избрати время.

Библиотека "Руниверс"

К блистающим пределам мира
Шумящим звоном вознесись
И возгласи, что нет на свете,
Ктоб равен был Елисавете
Таким блистанием хвалы.
Но что за громы ударяют?
Се глас мой звучно повторяют
Земля, и ветры, и валы!

Библиотека "Руниверс"

177

НА ИЛЛУМИНАЦИЮ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ В ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА СЕНТЯБРЯ 5 ДНЯ 1751 ГОДА

По всюду ныне мир возлюбленный цветет,
Лежит оружие и с кровью слез не льет;
И земледелец плуг выносит безопасно: [1]
Спокойство с именем Твоим везде согласно.
По правде Божий Мир, Монархиня, слывешь,[2]
Когда Ты тишину Европе всей даешь.
С почтением она главу свою склоняет
И славы храм Тебе безсмертный возвышает.[а]
Напрасно лютая война шуметь спешит,
Где имя кроткия Богини в свет гремит.

[а] *Рук.*
И храм Тебе хвалы бессмертной возвышает.

Библиотека "Руниверс"

178

НАДПИСЬ НА СПУСК КОРАБЛЯ, ИМЕНУЕМАГО ИОАННА ЗЛАТОУСТАГО ГОДА, ДНЯ

Сойди к нам, Златоуст, оставив небеса,
Достойна твоего здесь зрения краса:
Петрова Дщерь тебе корабль сей посвящает
И именем твоим все море наполняет.
Когда ты пойдешь в путь на нем между валов,[a]
Греми против Ея завистливых врагов.[1]
Златыми прежде ты гремел в церьквах устами,
Но пламенными впредь звучи в водах словами.[6]

---

[a] *Письмо Шувалову вместо стихов 4—5*

И именем твоим и море наполняет.
Как будешь ты ходить по нем промеж валов.

[6] *Письмо Шувалову*

Но пламенными нынь звучи в водах словами.

Библиотека "Руниверс"

179

[ЛОМОНОСОВ НА ШИШКИНА][а]

Смеется и поет, он о звездах толкует,[б]
То нюхает табак, то карт игру тасует,
То слушает у всех, со всеми говорит[в]
И делает стихи наш друг архипиит;
Увенчан лавром был Марон за стихотворство,[г]
Нам чем свово почтить за таково проворство?[д]
Уж плохи для него лавровые венки,[е]

[а] *Каз.* На Шишкина.
Бычк. заглавие отсутствует.

[б] Каз.
Смеется и поет, о звездах, о воздухах толкует.
Бычк.
Смеется и поет, о воздухе толкует.

[в] *Каз., Бычк. вместо стихов 2—3*
Нюхает табак, карт игру тасует,
Слушает у всех, со всеми говорит.

[г] *Каз.*
Лаврами был увенчан Марон за стихотворство.
Бычк.
Марон был увенчан лавром за стихотворство.

[д] *Каз., Бычк.*
Нам чем ево почтить за таково проворство?

[е] *Каз.*
Уж подлы для него лавровые венки.
Бычк.
Уж подлы для него лавровыя листки.

Библиотека "Руниверс"

Нельзя тем увенчать премудрые виски.[ж]
О чем я так тужу? Он будет увенчан:[з]
За грош один купить капусты лишь кочан.[и]

[ж] *Каз., Бычк.*

Так чем же увенчать толь мудрыя виски?

[з] *Бычк.*

О чем я тужу? Он будет увенчан.

[и] *В первой публикации* купить *пропущено и дано в сноске с оговоркой, что в списке Пек. оно отсутствует.*

Каз., Бычк.

За грош один купить капусты лишь кочан.

Библиотека "Руниверс"

180

Желая к храму нас Блаженства возвести,
Ты трудной путь сама должна была пройти,
Там горы, хляби там, бугры, стремнины, реки,[a]
Препятствия везде неслыханны во веки.[1]
Но что, Монархиня, могло Твой дух здержать?
Как Промысл сам Тебя воздвигнул нас спасать?
Внезапно возсиял Твой луч всех бедствий выше,
И трудной толь восход минул Зефира тише.
Надежда, Верность нам и Радость, и Любовь
Тот день приводят в ум и представляют вновь,
Коль щастлива Твоим возшествием Россия,[6]
Что с оным привела Ты дни в нее златыя.

---

[a] *Рук.*
Там горы <проп[асти]>, хляби там, стремнины, реки.

[6] *Рук. стих 11 вместо зачеркнутого*
Чрез [*одно слово нрзб*] тебя текут лучи <часы> златы[я].

Библиотека "Руниверс"

181

Среди прекрасного Россійскаго Раѧ,
Монархиня, цветет дражайша жизнь твоя,
Рукою вышняго нас ради насажденна
И силою его отвсюду покровенна.
Мы, се[р]дце возводя и очи к небесам,
Согласно просим все: «Подай, о боже, нам,[a]
Да солнце милости[1] сиять к ней непрестанет
И толь дражайший плод во веки неувянет.

[a] *Рук. далее зачеркнуто рукой Ломоносова*

‹И толь дражайший плод во веки неувянет›

Библиотека "Руниверс"

182

Веселием сердца́ год новый оживляет
И ново щастие в России утверждает.
Довольство, здравие[1] и щастие цветет,
Где светит именем своим Елисавет.
Росия веселясь блажит ея державу,
Что каждый год свою растущу видит славу.

Библиотека "Руниверс"

183

ДЕМОФОНТ

Трагедия

Краткое изъяснение

После раззорения Трои Демофонт, сын Тезея, Царя Афинскаго, возвращаясь от Трои[а] в отечество, противною бурею занесен был к берегам Фракийским и с разбитаго флота принят Царевною Филлидою, дочерью Ликурга-Царя, после котораго смерти воспитал ее Полимнестор, Князь и правитель Фракийский.[1] В то время был он на войне против Скифов, оставив под охранением Мемноновым с Филлидою невесту свою, Илиону, дочь Приама, Царя Троянскаго, приведенную прежде конечнаго разрушения Трои с братом ея, Царевичем Полидором, чтобы сохранить их от Греков с присланным великим богатством. В отсутствие его Филлида с Демофонтом, возъимев великую взаимную любовь, положили, чтобы, уговорясь с Мемноном, сочетаться между собою[б] браком и принять правление государства, а Полимнестора отрешить от онаго.[в] Между тем Демофонт, прежде жалостию, а после любовию к Илионе склонясь, сомненною страстию толь долго колебался, пока Полимнестор нечаянно в город пришел с победою;[г] и отселе начинается сия Трагедия.

Действующия лица

Демофонт, сын Тезея, Царя Афинскаго.
Полимнестор, Князь и наместник царский во Фракии.
Филлида, Царевна Фракийская, дочь умершаго Ликурга-Царя.
Илиона, Царевна Троянская, дочь Приамова, невеста Полимнесторова.

[а] *Рук.* от Трои *отсутствует*.
[б] *Рук.* между собою *отсутствуют*.
[в] *Рук.* от правления.
[г] *Рук.* с победою прибыл.

Библиотека "Руниверс"

Мемнон, Правитель[д] города Сеста.
Драмет, Полководец[е] Демофонтов.
Креуза, мамка Филлидина.
Вестник.

Действие происходит в Сесте, приморском городе Фракийском, в царских палатах.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРЬВОЕ

Явление перьвое

Филлида, Демофонт и Креуза

Филлида

Он в сих уже стенах! О лютая напасть!
Ты знаешь, Демофонт, его велику власть.
Желание мое как может совершиться,
Где Полимнестора мой слабой дух страшится?
На что ты отлагал, на что толь долго брак?

Демофонт

Мне строгая судьба повелевала так!
Но что великой страх?

Филлида

Еще ли вопрошаеш?
Давно, уже давно ты все подробно знаеш,
Что мне с тех пор страшна понынь его гроза,
Когда родителю сомкнула смерть глаза.
Он, жизни своея последний час кончая:
«Прости, — сказал в слезах, — Филлида дорогая,
Живи и возрастай щастливо под рукой,
Что в возрасте тебя на трон возвысит мой.

[д] *Рук.* губернатор.
[е] *Рук.* генерал.

Библиотека "Руниверс"

Ты Князю будь, как мне, до времени послушна;
Я ведаю, что мысль его великодушна».
Промолвил и с тем дух последний испустил,
И Полимнестор власть над царством получил.
Через двенатцать лет коль сильно укрепился,
То видел ты теперь, но как ты не смутился?
И неподвижно как возмог смотреть на страх,
Которой был на всех и на моих очах,
Смущенных от его внезапнаго приходу?

Демофонт

Сие ли устрашит Геройскую породу?
Или забыла ты, что я Тезеев сын?
Чего желаю я, то получу один.[ж]
И чаешь ты, чтоб тот сим видом взволновался,
Кто Гектора видал и в поле с ним сражался?[з]

Филлида

О мужестве твоем не сомневаюсь я;
Иной напасти ждет печальна грудь моя.
По всем признакам я, безсчастна, примечаю,
Что к пагубе своей любовию пылаю.
Ты знал, что Князя весь Монархом чтит народ
И что владеть ему остался целой год;
В отсутствие его, уговорясь с Мемноном,
Мы брачным укрепить любовь могли законом.
И подданные все, увидев наш союз,
Отсталиб от него, отвергнув тягость уз.
На храбрость бы твою надежду положили,

[ж] *Рук.*
Чего желает он, то получит один.

[з] *Рук.*
Кто Гектора видал и в поле с ним встречался?

Библиотека "Руниверс"

Против его свой дух и руки обратили.
Но ныне с воинством в сей город он вступил,
Победами свое правленье укрепил.
Он больше прежняго уж власть свою умножит,
По умыслам своим и брак мой расположит.[и]
Но ты спокойно мог сея напасти ждать!
Как можешь предо мной себя ты оправдать?

Демофонт

Смущения твои, драгая, все напрасны,
И тени кажутся одне тебе ужасны.
Хоть Полимнестор здесь, но он, как твой отец,
Твоим сомнениям желанный даст конец.
Когда в младенчестве он был твой покровитель,
То будет ли в твоем уж возрасте гонитель?
И медленность моя вредить не может нам;
Пока я долг отцу в отечестве отдам,
То княжеско к концу владение достигнет,
И твой народ тебя и он на трон воздвигнет.
В Афинах укрепя престол свой, возвращусь
И, будучи Царем, с Царицей сопрягусь.

Филлида

Так можешь целой год пробыть и без Филлиды!
Такие ли казал с начала ты мне виды?
Когда свирепый вихрь разбил твои суда,
Когда еще текла с одежд твоих вода,
Когда из челюстей несытыя пучины
На мой ты принят брег, спасен от злой кончины,
Ты так ли говорил? Ты так ли припадал?[й]

[и] *рук.*
По выгодам своим и брак мой расположит.

[й] *рук.*
Ты так ли говорил? И так ли припадал?

Библиотека "Руниверс"

И так ли взор взводил, и так ли воздыхал?
Слезами и бедой твоей я умилилась,
На твой плачевный вид, на жалку часть склонилась.
Почти без чувств тебя я в дом свой привела,[к]
Спокойство от трудов и жизнь тебе дала.
И для меня Мемнон явил тебе приятство,
Из недр морских извлек Троянское богатство,
Которое тогдаж тебе возвращено,
И с ним сокровище мое сообщено.
Как можешь, что достал убийством ты и кровью,
Сравнить с тем, что тебе моей дано любовью,[л]
Когда она двоих сердца уж сопрягла?
Я общим все добром имение звала.
С сугубой хочешь в дом корыстью возвратиться,
Троянским и моим богатством возгордиться?

Демофонт

О как мне речь сия в печальну грудь разит!
Подумай, что теперь отец мой говорит:
«Меня противник здесь от царства отлучает,
А сын, о мне забыв, любовью ныне тает
И в роскоши, презрев естественный закон,
В ничто вменяет скорбь отеческу и стон».
Представь, дражайшая, ты гордаго Мнестея,
Что хочет хищной снять рукой венец с Тезея,
И в старости ему он казнию грозит;
Представь себе, представь Тезеев скорбный вид
Возлюбленный отец, о как ты воздыхаешь!
Ты взоры слезные чрез воды простираешь,[м]

[к] *Рук.*
Без чувств тебя почти я в дом свой привела.
[л] *Рук.*
Сравнить с тем, что тебе дано моей любовью?
[м] *Рук.*
Ты очи слезныя чрез воды простираеш.

Библиотека "Руниверс"

И наблюдаешь всех судов бегущих путь,
И на берег едва дерзаешь ты взглянуть,
Где злой тиран тебя насильно утесняет,
Тогда как Грецию отрада оживляет.
С победою пришли обратно там Цари,
Восходит к небу плеск, дымятся олтари.
Троянским златом все блистают там чертоги,
Приемлют злато в дар отеческие боги.
Отцы и матери встречают там сынов,
И радость изъяснить не достает им слов.
Все слушают от них Приамову судьбину,
И Гекторову смерть, и славы их кончину.
А ты, родитель мой, утехи той лишен!

Филлида

Но мною ли он в сей печали погружен?

Демофонт

Такой мне от богов уже предел поставлен,
Что я хоть на сей брег от ярых волн избавлен,[н]
Однако чтоб на нем в смущеньи утопать!

Филлида

Но я ли строгостью могла тебя смущать?
И кто препятствовал намеренью скончаться
И прежде Князя нам на царство увенчаться?
И силу бы твою услышав там, Мнестей
Державы досягать дерзнул ли бы твоей?

[н] *Рук.*
‹Хоть я› Что я хоть на сей брег от ярых волн избавлен.

Библиотека "Руниверс"

Подумал ли бы он, что Фраческая сила
И с ней рука твоя ему бы не отмстила? °

Демофонт

Так хочеш, чтобы я не видел нынь Афин
И там не защитил отеческих седин? п

Филлида

Ты, ведая мою любовь, как можешь мыслить,
Чтоб стала я своим веселием то числить,
Когда бы ты отца и скиптр свой позабыл?
Мне толь же, как тебе, поверь, отец твой мил. р
Я, власть здесь укрепя, с тобой бы в Понт пустилась.
Ни острых камней яб, ни бурь не устрашилась;
Какуюб радость твой почувствовал отец,
Увидев на тебе и свой и мой венец!

Демофонт

Не знаеш зависти меж Греками, не знаеш!
И так ли два венца совокупить ты чаеш?
Лиш только дойдет весть к соседям через Понт,
Что принял от тебя власть царску Демофонт,
То, силою в боязнь приведены моею,
Все обще поспешат венец отдать Мнестею.

° *Рук. вместо стихов 114—116*
Державы дссягать дерзнули ли б твоей?
Не думал ли бы он, чтоб Фраческая сила
И с ней рука твоя ему за злость отмстила?

п *Рук. вместо стихов 117—118*
Так хочешь, что бы я не видел уж Афин
И в жизни не почтил отеческих седин?

р *Рук.*
Мне также, как тебе, поверь, отец твой мил.

Библиотека "Руниверс"

Мне прежде должно власть наследну укрепить
И после с оною твою совокупить.

Филлида

Не мысли, государь, чтобы младыя лета
И слепота любви меня лишили света,
Чтоб мыслей я твоих приметить не могла,
Которы страсть к себе другая отвлекла!
И речь твоя тебя, и взгляды обличают
И сердца твоего всю тайну открывают.
Я вижу из твоих потупленных очей,
Что больше нет уже ко мне любви твоей.[с]

Демофонт

Драгая, перестань терзать мой дух смущенный!

Филлида

Бежиш от глаз моих? Уж мысли развращенны[т]
Не могут утерпеть моих правдивых слов.
Уже ты к своему отшествию готов
И долее меня не хочеш удостоить.

Демофонт

Позволь, любезная, мне сердце успокоить!

Явление второе

Филлида и Креуза

Филлида

Не ясноль кажет мне его сомненна речь,
Что я слезам своим даю без пользы течь!

[с] *Рук.*
Что в мысли больше нет уже меня ‹в груди› твоей.

[т] *Рук.*
Бежиш от глаз моих и мысли развращенны.

Библиотека "Руниверс"

Ты видиш по всему, любезная Креуза,
Что он нарочно бег от брачнаго союза.

Креуза

Я сердцем трепещу, смущения боясь!
Что будет, как твою любовь узнает Князь?
О Демофонте что, Царевна, он помыслит,
Котораго врагом со Греками он числит?

Филлида

Могла ли я такой печали ожидать?
И что уже теперь, бесщастной, мне начать?
Ты рок готовиш мне, возлюбленный мой, в тайне?
Креуза, ах, поди, спеши, старайся крайне,
Вступи с ним обо мне в пространной разговор
И примечай слова, движения и взор.
Тебе покажут все вопросы и ответы:
Ты знаеш мыслей в нем наружныя приметы.

Креуза

Дай, небо, чтоб в твоих намерениях всех
Был равен моему старанию успех!

Явление третие

Филлида

(одна)

Чтоб он любил меня, еще могу я верить?
И страсти в нем другой я не могу измерить?
Не тщетноль жду того, что он мне обещал
И что мне клятвою стократно подтверждал?
Однако, так моей любовью одолженный,
Гнушаться мерсския не будет ли измены?
Горячая его к родителю любовь
Не возмутит ли в нем такой напастью кровь?

Библиотека "Руниверс"

Но я, ослеплена, причины вымышляю
И, видя явну лесть, его же извиняю!
Ах, как мне ныне быть? И Полимнестор сам
Является моим, ах, полным слез очам![у]

Явление четвертое

Филлида и Полимнестор

Полимнестор

Уже мне наконец приятною судьбою,
Царевна, суждено увидеться с тобою.
От взору твоего три лета отлучен,[ф]
Всегда против твоих врагов был ополчен.
Раздоры внутренни и внешни успокоил,
Противных победил и с ними мир устроил.
Не однократно я всю кровь хотел пролить,
Чтоб царство для тебя не движно утвердить,
Но щедры небеса судьбину отвратили
И жизнь мою с твоим наследством сохранили

Филлида

Что защищая ты во мне Ликургов род
На брани положить готов был свой живот,
За то благодарят тебя народы многи,
И чтят завистники,[х] и любят сами боги.

Полимнестор

Сим щастием хотя я много веселюсь,
Но больше радуюсь я ныне и дивлюсь,

[у] *Рук.*
Является моим заплаканным очам!

[ф] *Рук.*
От взора твоего три лета отлучен.

[х] *В подлиннике опечатка* завистнии.

Библиотека "Руниверс"

Увидев, что в мое отсутствие Филлида
И возрастом своим, и красотою вида
До тех достигла мер, когда уже любовь
Ликургову тобой восставить может кровь.
Едино совершить мне дело уж осталось.
Чтоб сердце чрез меня достойное сыскалось,
Достойное тебе быть в век поручено.

Филлида

Усердие твое известно мне давно:
Хотя рука твоя сим царством, Князь, владела,
Но я, лишась отца, в тебе его имела.[ц]

Полимнестор[ч]

Превыше ныне мер тобою я почтен,[ш]
Что именем я толь великим наречен.
Довольно, естьлиб я того был удостоен,
Чтобы через меня народ был успокоен,
Которой в радости уже всечасно ждет,
Кого твой нежной взор и сердце изберет,
Чтоб царствовать с тобой на отческом престоле;
О щастлив, щастлив тот и всех он смертных боле!

[ц] *Рук. далее зачеркнуто рукой Ломоносова*

‹И ныне, Государь, чем больше я расту.
Тем вящее тебя и слушаю и чту,
На отческу твою я полагаюсь волю
И чаю получить свою желанну долю›.

[ч] *Рук. вычеркнуто рукой Ломоносова*

‹Тогда я слыть отцем твоим не отрицал,
Как в детских днях твоих мне долг повелевал.
Пока еще в тебе ни возраст, ни приятства
Не представляли нам таких красот богатства›.

[ш] *Рук.*

Но ныне выше мер тобою я почтен.

Библиотека "Руниверс"

Филлида

Я верю, что народ Ликурга не забыл,
Которой нравам он похвальным научил,
Но сколько от твоей он ревности желает,
Моя нещастна грудь того иметь не чает.[ц]
Я щастлива былаб, когда твоя бы власть
Могла мне укрепить мою желанну часть.

Полимнестор

Хоть всею я еще Фракиею владею,
Но силы таковой и власти не имею,
Какая в нежности и младости твоей
Блистает из твоих пленяющих очей.
Своею больше ты успеешь красотою.

Филлида

Коль мало пользовать могу себя я тою!

Полимнестор

Ты можешь ею все...

Филлида

Узнаеш скоро сам.
Но время приносить тебе хвалу Богам.

Явление пятое

Полимнестор и Мемнон

Мемнон

Надеясь твоего в великий храм прихода,
Несчетно множество стекается народа.

[ц] *Рук.*
Моя нещастна ‹мысль› грудь того иметь не чает.

Библиотека "Руниверс"

Я войско по местам расставил, Государь,
И жертву приносить Богам готов олтарь.

Полимнестор

Какое принесу я им благодаренье,
Когда повержен я после трудов в мученье,
Когда меня любовь в спокойны дни крушит[ъ]
И в мирные часы в груди сей брань чинит?

Мемнон

В тебе ли можно быть каким мученьям месту?
В спокойном торжестве ты видиш здесь невесту;
Геройску видиш дочь, Геройскую сестру,
Пылающу к тебе в усерднейшем жару.
Всего лишась, она тобой была спокойна,
Супружества с тобой в нещастии достойна.
Желание свое ты можеш совершить
И с браком торжество сие соединить.
Она после тебя минуты все считала;
По Трое, по отце не столько воздыхала,
Как взору твоего крушилася лишась:[ы]
Коль часто слез река из глаз ея лилась!

Полимнестор

Что часть ея жалка, Мемнон, я признаваю,
С любовью купно скорбь для ней претерпеваю.
Сугубо чувствую я бремя на плечах!
И что, скажи, теперь я видел при брегах?

[ъ] *Рук.*
Когда меня судьба в спокойны дни крушит.

Слово судьба *вписано рукой Ломоносова.*

[ы] *Рук.*
Как взора твоего крушилася лишась.

Библиотека "Руниверс"

Чье флаги на водах Борей Фракийский веет?
И что в намереньи Филлида здесь имеет?
Скажи и не утай, что было без меня,
Что в доме делалось и в сердце у нея?

Мемнон

Возможноль от тебя мне, Государь, таиться?
И должность, и любовь велит тебе открыться.
За полгода[b] пред сим, когда здесь не был слух,
Где с воинством тебя водил Геройской дух,
И после, как пришла во град сей весть плачевна,
Что Трою рушила в конец судьбина гневна,
Внезапно солнца вид на всходе стал багров
И тусклые лучи казал из облаков.
От берегу в дали пучина почернела,
И буря к нам с дождем и с градом налетела.
Напала мгла, как ночь, ударил громный треск,
И мрачность пресекал лишь частых молний блеск.
Подняв седы верьхи, стремились волны яры,
И берег заревел, почувствовав удары.
Тогда сквозь мрак едва увидеть мы могли,
Что с моря бурный вихрь несет к нам корабли,
Которы лютость вод то в пропастях скрывает,
То, вздернув на бугры, порывисто бросает;
Раздранны парусы пловцы отдав ветрам
Уж руки подняли к закрытым небесам.
Мы чаяли тогда Енеева прихода
С остатками Троян, нещастнаго народа.
Объята жалостью, подвигнута бедой,
Царевна на берег без страху шла за мной.
Тут алчный Понт пожрал три корабля пред нами
И, в части раздробив, изверг на брег волнами.

[b] *Рук.* полгода *вписано рукой Ломоносова.*

Библиотека "Руниверс"

Увидев, что с водой там бьется человек,
С рабами я спешил и на песок извлек.
Он, очи смутныя со страхом обращая
И томныя уста чрез силу отверзая,
К Филлиде, облившись слезами, говорил:
«Когда небесный гнев меня так поразил,
То я уже взирать на небо не дерзаю;
К тебе, Богиня ты иль смертна, прибегаю,
Или, как чаю, сих владычица брегов,
Покрой нас и превысь щедротою Богов».
Царевна таковым подвиглась жалким слухом
И нежным, преклонясь, ответствовала духом:
«Спокоен будь теперь и отложи весь страх:
Не варварски сердца родятся в сих местах.
Хотя не знаем мы, какого ты народа,
Но бедным помогать велит сама природа!»

Полимнестор

Кто сей нещастный был?

Мемнон

Царя Тезея сын.
Он сердца нашея Царевны господин!
Народ его, что с ним от пагубы избавлен,
Спокойством ободрен, и флот его исправлен.[9]

Полимнестор

О вести странныя! О чудный суд Богов!
Но пойдем их спросить; я ко всему готов.[10]

Конец перьваго действия

---

[9] *Рук.*
Умножен из Афин, и флот его исправлен.

[10] *Рук.*
Но пойдем их спросить, а я к всему готов

Библиотека "Руниверс"

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление первое

Демофонт, Полимнестор и Мемнон

Демофонт

Ты склонность кажешь мне всея надежды боле!
И чем я заплачу твоей толь щедрой воле?
Я странствую, гоним от волн и от небес;
Ты в скорьби, Государь, отраду мне принес

Полимнестор

И я тем веселюсь, что дивная судьбина
Тезеева мне здесь дала увидеть сына,
Которой мужеством ему себя сравнил
И тем под Троею Героям общник был,
Которых на нее послали гневны боги.
Не вы, не вы, они Прияму были строги!

Демофонт

Умеренность твою чему могу сравнять?
Величеством души Прияма больше зять!

Полимнестор

То все еще теперь у промысла во власти,
Достигнет до своей и Илиона части!
От ярости Богов убегнет ли она,
Котору чувствует отца ея страна,
То день поставленный покажет нам, конечно!

Демофонт

Иль рвение Богов на Трою будет вечно?
Когда уже и в нас смягчилися сердца,

Библиотека "Руниверс"

То им ли злобиться на бедных без конца?
Когда представлю я в уме своем Приама,
Терзаюсь мыслями от жалости и срама,
Что Греческой рукой Царева седина,
О варварство! в его крови обагрена![2]

Полимнестор

Теряет славу всю свирепством победитель,
Но часто должен он невольно быть мучитель,"
Как надобно своих предохранить от зла.
Тебе всегда за то пребудет похвала,
Что о нещастии поверженных жалеешь,
То злобу тем своих врагов преодолеешь.
Когдаб жалели так отшед все Греки прочь,
Сиеб Приамову могло утешить дочь.

Демофонт

Мне знать других сердец движения неможно,
Но объявить сие могу тебе не ложно,
Что в жизни я себя великим бы почел,
Когдаб ей доказать сердечну жалость смел,
Которую об ней...

Полимнестор

Я в том не возбраняю,
Но силы ласковым словам твоим желаю,
Дабы чрез оныя уверилась она,
Что Троя от богов, не вами сожжена.
И, видя, что о том, кто воевал, крушится,
Могла бы от тоски хоть мало свободиться.

---

[2] *Рук.*
Но часто должен он не волей быть мучитель

Библиотека "Руниверс"

Демофонт

Все силы положу, чтоб Греков посрамить
И Илиону в той надежде утвердить,
Что теже, укротясь, восставят Боги Трою.
О естьлиб сею мог воздвигнуть я рукою!

Явление второе

Полимнестор и Мемнон

Мемнон

Я, объявив его к твоей невесте страсть,
Дивлюсь, что ты ему даешь ходить к ней власть! [а]

Полимнестор

Я не дал бы, но чтож? Другое ныне время! [б]
И Боги с моего снимают сердца бремя.
Покажут щедрой те на Илионе суд,
Устроят все об ней и щастье ей дадут.
Меня их власть к другой любови понуждает:
Мой дух противиться их воле не дерзает!

Мемнон

Что слышу, Государь?

Полимнестор

От Олтаря ответ!
Ты слышал в храме гром, Мемнон, и видел свет,
Когда я, приступив, пред Марсом преклонился,

[а] *Рук.*
Дивлюся, что даеш ему ходить к ней власть.

[б] *Рук.*
Я ‹был бы, но теперь уже› не дал бы, но что ж? другое ныне время

И как от жертвы дым пред оным воскурился;
Тогда военный Бог щитом своим потряс,
Блеснул очами вдруг и испустил сей глас:
«Для Трои на себя не привлекай ты гневу,
Врученную тебе люби век дочь Цареву».
Толь ясныя слова не смею толковать;
Я волю принужден безсмертных исполнять,
Чтоб быть Ликургова по власти оных трона...
Но ныне отступи: приходит Илиона.

Явление третие

Полимнестор и Илиона

Илиона

Увидев, Государь, на едине тебя,
Я смеюль речь зачать, твой дух не оскорбя?
Весь город, веселясь, в очах твоих сияет,
И, может быть, мой взор тебе лишь досаждает.
Боюсь, что я сему торжественному дню
И радости твоей препятство учиню!
Ты видишь пред собой не ту уж Илиону,
Что прежде, славою отеческаго трону
Украшенна, тебе была обручена,
Со свѣтлым празднеством в сей град приведена,[в]
Но с Троею всего величества лишенну
И только лиш к тебе надеждой укрепленну.
Как сердце бы твое мне не было дано,
Осталося бы мне отчаянье одно.
Я в Трое, в Гекторе, в Приаме умираю

[в] *Рук.*

Со светлым празднеством ‹в сей град приведена› во град сеи введена.

во град сей введена *вписано рукой Ломоносова.*

Библиотека "Руниверс"

И только лиш к тебе любовию дыхаю:
Возставь и укрепи!

Полимнестор

Я должен сам упасть!
О строгая судьба! О горестная часть!

Илиона

Я вижу, государь, что раззоренна Троя
Лишает и тебя веселья и покоя!
Но ежели тебе еще я так мила,
Как в те часы, когда из Трои я пришла,
То всю свою тоску в сей день преодолею,
И ты спокоен будь спокойностью моею.
И Гектор и Троил, Геккуба и Приам
В тебе одном моим являются очам.

Полимнестор

Когдаб я был тебе Парисом иль Приамом,
То был бы щастлив я уже в нещастье самом

Илиона

Ты можешь, Государь, теперь мне ими быть
И Трою на брегу Фракийском защитить,
Которую еще не укротимы Греки,
Наполнив кровию поля при ней и реки,
Коварно утеснять и здесь не престают
И места оныя остаткам не дают.
В отсутствие твое бурливая погода
Разбила корабли противнаго народа.
Тезеев сын, от волн спасен, остался жив,
Здесь странствуя живет. Он, время улучив,
(Того я знать не тщусь — за правду иль притвором)

Библиотека "Руниверс"

Мне часто о любви досадным разговором
Терзал мой скорбной дух, несносной сопостат,
Котораго один мне пуще смерти взгляд.
Забыв все нежности Филлидины, дерзает
Другой любви искать, чрез что он объявляет,
Что он на всякой час на злость свою готов.
На всех он, Государь, сплетает хитрый ков.
Отмсти ты за меня, отмсти ты за Филлиду,
За Трою, за весь род, за собственну обиду.

Полимнестор

Я сею б кровь его рукою пролил сам,
Когда бы было то угодно небесам!
Но воля их мою надежду пресекает,
И мечь мой на него поднять не позволяет.
(На сторону)
Хотя одной постыл, хотя другой он люб.
Везде соперник мне и сопостат сугуб.
Сугубаго в руках соперника имею,
Но мстить ему за то, о Боги, я не смею!
(Указывая на Илиону)
За тем я вам ее на волю отдаю,
Вы дайте помочь ей, скрепите грудь мою
Исполнить ваш ответ!

Явление четвертое

Илиона

(одна)

Где мне искать покрова?
Не слышала теперь ни одного я слова,
Которым бы признак он нежности мне дал!
Что смутны от меня он очи отвращал?
Ах, Троя, ты, упав, любовь в нем разрушила!

Библиотека "Руниверс"

Я вижу, что и здесь безсмертных гневна сила
Не престает Троян остатки утеснять.
И тот уже меня не хочет защищать,
К которому меня во брачные чертоги
Поставила любовь, Приам и сами Боги.
Что ныне предприять они велят ему?
Соперник Демофонт сугубо по чему?
Или к Филлиде он любовию пылает?
Но чтож сопернику отмстить он не дерзает? [г]
И что меня еще вручает он Богам,
Когда покрыть от бед скоряе может сам,
Когда они свой взор от Трои отвратили?
В какой вы пагубе нас, Боги, погрузили!
Мы равну с Греками имеем плоть и кровь,
И ваша быть должна ко всем равна любовь.
Но Грекам вы отцы, Троянам вы Тиранны:
Они вознесены, а мы лежим попранны!
Однако естьли так вас огорчил Приам,
Что кровию воздать не мог и Гектор вам,
Но в гневе вы своем хотели видеть Трою,
Зажженну в жертву вам противною рукою,
И войско, и народ, и стены истребить,
То что уж может вас на ярость побудить?
Представте прежнюю Приамову державу,
Героев и полки, величество и славу,
Где ныне пепел, дым, развалины, и прах,
И кости на пустых рассыпаны полях.
Младенец лиш один с бесчастною сестрою
Не может в бедности сыскать себе покою,
Почти уже пленен, живет в краю чужом!
Ещели можете бросать на нас свой гром?

[г] *Рук. вместо стихов 439—440*

Или Филлиду Князь любовницей имеет?
Но что пришельцу мстить продерсскому не смеет?

Библиотека "Руниверс"

Явление пятое

Илиона и Демофонт

Илиона

Ещели умножать идеш мои печали?

Демофонт

Еще судьбы меня, еще к тебе послали,
Которыя такой поставили предел,
Чтоб нежно сердце я всегда к тебе имел.
Коль часто, оскорблен, к тебе быть зарекаюсь,
Толь часто, преступив зарок свой, возвращаюсь.
Суровой твой ответ скрепил вчера мне грудь,[д]
Но ныне с жалостью любовь открыла путь,
Сильнее прежняго, вошед в меня, пылает,
Что жалость о тебе сугубу представляет.
Оставленна от всех, лишенная всего,
Ужель послушаеш совету моего?
Подвигнут ли тебя мои потоки слезны,
Когда стенания и вздохи безполезны,
Которы ныне ты пускала к небесам,
Являя жалкой вид бесчувственным очам?
Другой уже красой, поверь, оне пленились,
От нежностей твоих во веки затворились.

Илиона

Неверной!

Демофонт

И кому!

(Указывая на Илиону)[е]

[д] *Рук.*

Твой строгой толь ответ скрепил вчера мне грудь.

[е] *Рук. ремарка отсутствует.*

Библиотека "Руниверс"

Илиона

Подобен в том тебе.
Филлидаль от тебя сего ждала себе?

Демофонт

Он лакомству, а я любви поработился;[ж]
Он царством, я тобой, дражайшая, пленился.
Любви он и своей невесте изменя,
Тебя освободил и оправдал меня.[з]
Филлидин будет дух, поверь, о сем спокоен,
Что благодарность лиш, не жар мой к ней пристоен.
Сугубо я свой долг ей из Афин воздам.
Тебе, дражайшая, я отдаюся сам.

Илиона

Как можеш требовать, чтоб я тебя любила?
Судьба и страсть меня другому поручила.[и]

Демофонт

Преступнику!

Илиона

Пускай хотяб таков он был,
Или пускай бы нас Приам не обручил,
Но сносноли бы мне твое желанье было?
И мысль одна об вас — мне грозное страшило!

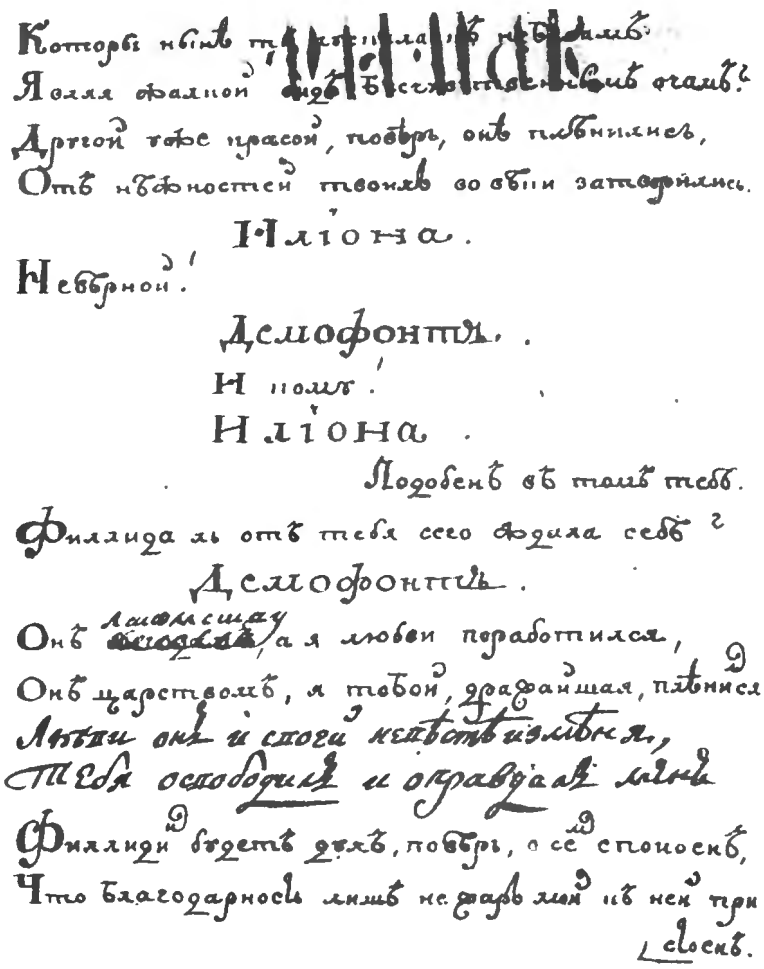
[ж] *Рук.*
Он ‹выгодам› лакомству, а я любви поработился.

лакомству *вписано рукой Ломоносова.*

[з] *Рук. стихи 485—486 вписаны рукой Ломоносова.*

[и] *Рук.*
Однажды я свое уж сердце поручила.

Библиотека "Руниверс"



Страница рукописи трагедии «Демофонт» с поправками Ломоносова (1751)
Архив Академии наук СССР

Библиотека "Руниверс"

Когда представится в моем мечтанье Грек,
Кровавы вижу я потоки наших рек:
Пылает дом отцев, сестру влекут из храма,
Рыдающу среди ругательства и срама.
Девиц Троянских в плен окованных ведут,
По детях матери, терзая грудь, ревут.
Раздранны вижу там я Гекторовы члены,
И страшно в слух мой бьют валящияся стены.
Под каменным бугром нещастна стонет мать!
Возможно ли тебе любви моей желать?

Демофонт

Я общник, правда, был премены оной слезной,
Я стены раззорял отца своей любезной!
Но может ли твой гнев, Царевна, и в сей час
Пылать против меня? Еще ли не погас?
Не мною Гектор пал, не мною Поликсена
В незлобивой крови угасла обагренна.[3]
Ах, естьлиб я тебя еще до брани знал,
Противу Греков я с мечем бы сим восстал.
Отец меня послал со воинством под Трою:
То много ли я тем виновен пред тобою?
Я дорого плачу потоки ваших слез
И больше зла терплю, как Трое я нанес!
Я в жертву дал себя грызущей нутрь печали
И больше сам горю, как Пергамы*,[й] пылали.
Ты мучиш, хоть тебя всему я предпочол![к]
Бывал ли я когда таков Троянам зол?
Но естьли не смягчит твой дух мои мученья,
Когда ты требуеш еще себе отмщенья,

* Старое имя города Трон.

[й] *Рук. примечание написано рукой Ломоносова.*

[к] *Рук.*
Ты мучиш, хоть во плен я волею пошол.

Библиотека "Руниверс"

Могуль хотя тогда тебе я угодить,
Как Грекам и себе за вас я буду мстить?
Мой дух к тому готов, и жизнь моя готова,
Я жду лиш от тебя, драгая, только слова.
Со мною станеш ты и с нами Полидор
С богатством на брегу в тени Троянских гор.
На слух со всех сторон Фригийцы соберутся,
И к облакам верьхи Троянские простругся.
Великость царств в одной не состоит стене,
Но в полной жительми, обильной всем стране.
Воздвигли Трою те, сотренну Геркулесом,[4]
И ныне обновят, попранну Ахиллесом.
Отец твой возвратил их силою весь вред,
Которой претерпел нещастливой твой дед.
По жребью получил я в Трое ту корону,
Чем твой отец венчан по древнему закону.
На Полидоров ту, на твой верьх возложу
И сетующему народу покажу,
Что паки жив Приам и обновляет Трою.
Но как возведена на трон свой будешь мною,
То можноль мне себя такой надеждой льстить,
Что бы мне у тебя и там врагом не слыть?
Я больше для тебя, драгая, предприемлю,^
Отеческу свою пренебрегая землю.
Там ждет меня своя порфира и венец,
Там ждет меня, крушась при старости, отец.

Илиона

Все вымыслы твои и речи бесполезны.
Оставь меня, не множь мои потоки слезны!
Кто может с нова нам те стены соградить,
Которых не возмог и Гектор защитить?

---

^ *Рук.*
Я больше для тебя, царевна, предприемлю.

Библиотека "Руниверс"

Ни царство уж меня, ни слава не прельщает,
Которыя в ничто судьбина превращает.
В любви моей не толь велика есть цена,
Чтоб честь твоя для ней была повреждена.

Демофонт

Слыть братом Гектору всей чести имя равно,
И в тотже впасть порок мне с Ахиллесом славно.
Оставил Греков он, сестру твою любя:
Я тоже зделаю и больше — для тебя.
Ты удостой меня хоть взглядом, дорогая,
И посмотри, лице и очи примечая,
Возможно ли в моей груди таиться льсти?
И можноль больше мне страдания снести?

Явление шестое

Демофонт, Илиона и Филлида

Илиона

(к Филлиде) [м]

Любезная моя Царевна, дай отраду.

Филлида

(отступая назад) [н]

Я вам лишь наношу препятствием досаду!

Илиона

(удерживая Филлиду) [о]

Оставленну от всех одна ты не оставь.

[м] *Рук. ремарка отсутствует.*

[н] *Рук. ремарка вписана рукой Ломоносова.*

[о] *Рук. ремарка отсутствует.*

Библиотека "Руниверс"

Демофонт

К чему злой рок привел...

Филлида

(к нему)[п]

Теперь себя оправь...
Однако поспешай и обновляй ты Трою;
Забудь, что вечной срам туда пойдет с тобою.
Мои заслуги ты забудь и два венца,
И верность, и любовь, и совесть, и отца.
Но мне что бы о сем и памяти лишиться,
Пойду, бесчастная... Но где мне будет скрыться?

Илиона

Я следую тебе — погибну иль спасусь.

Демофонт

Дражайшая, пожди, позволь...[р]

Явление седьмое[с]

Демофонт
(один)

Как я мятусь!
О коль свирепыя в моем бьют сердце волны!
Противными страстьми и грудь и мысли полны!
Я жалостью к одной и нежностью пленен,
Другой заслугами и должностью вручен.
Смотря на первую, пронзен, позабываюсь,

[п] *Рук.* к Демофонту *вписано рукой Ломоносова.*

[р] *Рук.*
Дражайшая, пожди.

[с] *Рук. явление седьмое и далее стихи 594—606 отсутствуют.*

Библиотека "Руниверс"

Но, на другу взглянув, я в совести терзаюсь.
Любовь, желанье, стыд, отчаянье, боязнь
Воюют внутрь меня: о коль велика казнь!
Где мужество мое? Где крепость неизменна?
Лежит от слабостей моих преодоленна!
О как ты развращен, бесчастной Демофонт!
Ах, лучше бы тебя покрыл волнами Понт!
Нещастье бы к одной тебя не обязало,
И сердце бы к другой без пользы не пылало.
Что делать уж теперь? И кто мне даст совет?

Явление восьмое

Демофонт и Драмет

Демофонт

Скрепи, скрепи мой дух, возлюбленный Драмет!

Драмет

Доколе, Государь, ты будешь колебаться?
Доколе будешь в плен страстям здесь отдаваться,
Тогда как Греция того всечасно ждет;
Ужель Приамова наследства больше нет?
И ветры щастию ея споспешствовали,
Когда к сим берегам твой флот они пригнали.
И случай повелел, и Полимнестор сам,
Что бы приамов сын был отдан в руки нам.
Хотя еще он мал, но Греков устрашает,
Что к нашей пагубе в нем Гектор возрастает.
Представь, когда на наш он устремлялся флот,
С мечем и с пламенем шумящим поверх вод.
Коль многие он слез и крови пролил токи
И раны наложил коль Греции глубоки!
Коль много славных он опустошил домов!

Библиотека "Руниверс"

Коль много там сирот, коль много плачет вдов!
Все Гречески Цари с отцем твоим согласно
Тобою отвратить желают зло ужасно,
Чтоб стен Приамов сын, как он, не обновил,
Их детям и тебе потом бы не отмстил.
Но страсть твоя гасить те искры возбраняет,
От коих с протчими и твой град воспылает.
Себе и обществу страсть вредну истребляй:
Коль долго случай есть, отечество спасай.

Демофонт

Оставило оно при старости Тезея
И защищать его не хочет от Мнестея,
То должно инде мне прибежища искать
И вместо помощи за то ему отмщать.

Драмет

Послушай, Государь, речей моих спокойно:
Природе ли твоей начать сие пристойно?
Как может от чужих того желать Тезей,
Чего напрасно ждет от крови он своей?
Тебе отца спасти всего достоит прежде
И многих с ним Царей не обмануть в надежде,
Которые тебя за верность наградят;
Когдаж преслушаеш, подумай, как отмстят!
Толь много царств покрыть все способы имееш.
Филлида в путь с тобой спешит, что ты коснееш?

Демофонт

Я выше бы всего Филлиду почитал,
Как Илионы б я на свете не видал!

Библиотека "Руниверс"

Драмет

Ты должен предпочесть благодеянье страсти,
Послушать Греции, отца покрыть в напасти,
И очи отвратить, и запереть свой слух
От всех мечтаний тех, что, твой смущая дух,
Препятствуют скончать страх общий с Полидором.
Дерзай и не мятись себе приятным взором.
И промысл для того тебе сей случай дал,
Чтоб сердце мужеско теперь ты показал.
Пред всеми Греками я буду в том свидетель,
Коль сильну страсть в тебе попрала добродетель.

Демофонт

Я знаю, что везде похвально то, Драмет,
Когда кто слабости уму под власть дает.
Мне совесть и отец, Филлида и все Греки
Велят, что бы забыл Троянку я во веки.
Но честь в одну страну, в другу любовь влечет!

Драмет

Там правда к торжеству, здесь прелесть в ров ведет.

Демофонт

Я вижу лутчее и видя похваляю,
Но хуждшему во след, о небо, поспешаю!
Возникни, слабой дух, во мне и ободрись,
Войди ты сам в себя, внимай и осмотрись,
Где дочь Приамова нещастну грудь пронзила...
О чудна слабостей над крепким сердцем сила![т]
Каким путем, Драмет, я в сеть сию вошел?

[т] *Рук.*
О чудна слабостей над крепким телом сила!

Библиотека "Руниверс"

Как Илиону я впервые усмотрел,
Представил во уме поверженную Трою
И, видя малые остатки пред собою,
Подумал, как ее внутрь люта скорбь грызет,
Что нет уже отца, ни храбрых братей нет!
Печальна красота нещастьем умножалась
И в жалком виде мне прекраснее казалась.[у]
Тут склонность жалости и склонности любовь
Последовала внутрь и вкралася мне в кровь;
Объемлет чувства все...[ф]

Драмет

Искореняй мысль злую
И перьвой тщись любви поработить другую.

Демофонт

Я благодарность там любовью называл,
Как здесь саму любовь за жалость почитал.
Со обоих сторон понятием неясным[х]
Покрыт, иду путем, со мною несогласным.
Я, чувствуя в себе их силу обоих,
Обеим следую и ни одной из них!

Драмет

Какой нибудь к тому ты приведен причиной,
Но сердце оставляй Филлиде уж единой
И слово данное и верность к ней держи.

[у] *Рук.*
И в жалости своей прекраснее казалась.

[ф] *Рук.*
Объемлет мысли все...

[х] *Рук.*
С обоих стран понятием не ясным.

Библиотека "Руниверс"

Демофонт

Но как я то начну, любезной друг, скажи?
Прогневанной уже пред очи как предстану,
Глубоку от другой имея в сердце рану?

Драмет

Лиш только ты теперь себя преодолей,
Любовь ея к тебе возобновится в ней,
Сильнее прежняго от слез твоих вспылает.

Демофонт

Надежда чрез тебя уж дух мой ободряет;
Я ныне овладел толь сильными страстьми.
Поверь мне и мое сомненье отними,
Крепи в намереньи, хвали мою победу,
Не дай с похвальнаго мне совратиться следу.
О верность искренния, ты, слабость истребя,
Дай силу мне склонить Филлиду и себя.

Конец второму действию

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТИЕ

Явление перьвое

Филлида и Полимнестор

Полимнестор

Царевна, совершив я должных жертв обряды
Искал после трудов желанныя отрады.
Сраженья частыя, далекие пути,
Труды, что для тебя одной я мог снести,

Библиотека "Руниверс"

Велят отдаться мне любезному покою.
Но, усмотрев тебя печальну пред собою,
К спокойствию себя принудить не возмог
И утешать тебя последовал в чертог.
Каки противности тебя поколебали?
Я смею ли подать совет тебе в печали?
Я смеюль угадать, кто мог твой дух смутить,
И, угадав, тебя от скорьби свободить?

Филлида

Не наводи, ах, князь, на мысль мне большей ночи!
И так уже стыдом мои покрылись очи;
Оставь наедине бесщастную вздыхать.[ц]

Полимнестор

Тебя ли я могу терзаниям отдать?[ч]
И долг меня к тому, и ревность понуждает,
И младость, и краса твоя повелевает,
Чтобы от тщетных мук теперь тебя спасти,
От страсти свободить и в чувство привести.
Ах, что прельщаешься чужею ты страною?
Или отечество уж гнусно пред тобою?
Или такого в нем уже Героя нет,
С кем в брак тебе вступить не предосудит свет,
Ктоб равен Греку был достоинств всех хвалою?

[ц] *Рук.*

Оставь наедине бесчастну воздыхать.

[ч] *Рук.*

Могу ли я тебя терзаниям отдать?

Библиотека "Руниверс"

Я сердце знаю здесь, лишенное покою,[ш]
В котором верная сугубо кровь кипит
И в очи, и в уста жар внутренний стремит;
Не зная, будет ли тобой оно щастливо,
Мучения в лице изображает живо.

Филлида

Не верь, ах, Князь, словам, и взглядам ты не верь,
По виду внешнему чувств внутренних не мерь.
Чужаго сердца знать движений не возможно!

Полимнестор

Оно в груди моей; я знаю, то не ложно!

Филлида

Что слышу я еще! Ты очи, Князь, открой
И посмотри, что здесь Филлида пред тобой.
Теперь ты вместо мне желанныя отрады
Не умножай еще несносныя досады.
Меня, как дочь, любить принадлежит тебе,
Иного пламени не воспаляй в себе.
Не чувствуеш в своем ты сердце Илионы?
Где права естества, где божески законы?

Полимнестор

Когда бессмертные повергли уж Троян,
Когда Приам, Парис и Гектор их попран,
И острый мечь пресек младый век Поликсены,

[ш] *Рук. вместо стихов 711—716*

Ах, что пленяешся чужею ты страною?
Я сердце знаю здесь, плененное тобою,

Библиотека "Руниверс"

В крови и в пепеле дымятся падши стены,
Когда они весь род искоренить хотят,
Боюсь, что и меня с ним купно поразят.
Безумно грудь свою поставить против грому
И на Богов восстать.

Филлида

О как ты делу злому
Дать хочешь вид добра и страсть свою закрыть!
Престань передо мной и мыслию грешить.

Полимнестор

Или уж грех любить лице мне толь прекрасно?
Или, дражайшая, трудился я напрасно,
Когда я собственны забавы презирал
И день и ночь о том лиш только помышлял,
Дабы распространить еще твою державу
И, царски воспитав, твою умножить славу? щ
Приятностьми, что, мной покрыты, расцвели,
Кроме меня, владеть кто должен на земли?
Я нежил их восход и зрелости ждал жадно;
То плод их потерять мученье безотрадно!
Кто лучше моего здесь знает силу прав,
Обычай подданных и твой, Царевна, нрав?
И кто, как я, в узде удержит их свободу
И склонностям твоим отдаст себя в угоду?
Ах, вспомни, что Ликург при смерти говорил! ъ

щ *Рук. вместо стихов 747—748*

Дабы распространить концы твоей державы
И, царски воспитав, тебе умножить славы?

ъ *Рук.*

Ах, вспомни, что отец при смерти говорил.

Библиотека "Руниверс"

Филлида

Хотя владение тебе он поручил,
Однако сердце он в моей оставил власти.
Не могут повелеть Цари любовной страсти.

Полимнестор

Так буду я, крушась, в чужих руках смотреть
На тую, что велят и Боги мне иметь?
Я щастлив был бы здесь, когда бы я волнами
Пред сими из моря повержен был ногами:
Я сердцем бы твоим, Царевна, уж владел.
И что притом? Другой любви искать бы смел!
Ах, сжалься, погляди на отческие бреги,
Исполнены везде приятности и неги!
Или они тебя не могут побудить,
Чтобы ты пришлеца старалась позабыть?
И реки, и поля, и горы воздыхают
И видом жалостным тебя увещавают:
«Филлида, не лиши твоей нас красоты?»
Тоголь не чувствуеш? Тоголь не слышиш ты?

Филлида

Престань такими, Князь, терзать меня словами
И дай мне умяхчить тоску свою слезами.

Полимнестор

Я, жалостью твоей смущаясь, отхожу,
Но ты сама себя суди одна, прошу.
Неверности отмстить ты полну власть имея
Как можешь предпочесть защитнику злодея,
Пришельца — своему и Демофонта — мне,
Кроваву Грецию — любезной той стране,
Где трон твой, где на свет вперьвые ты воззрела?

Библиотека "Руниверс"

Явление второе.

Филлида

(одна)

Нигде не слыхано толь злобственнаго дела!
Неверность круг меня, тая свой лютой яд,
Являет ласковой и полной желчи взгляд.
Присягу преступив, один подлог скрывает,
Другой не так меня, как скипетра желает.
Что ныне я начну, куда я обращусь?
Или от лстиваго к неверному склонюсь?
Филлида, укрепись и бурям стань противу,
Закрой от них глаза, оставь надежду лживу
Предписаннаго жди мучениям конца,
Неблагодарнаго забудь, забудь льстеца.
Но позабыть его чем больше я желаю,
Тем больше в мысль беру и тверже вкореняю!
Никак, любовь, тебе, никак не изменю.
Но что мне в том, когда его не преклоню?
Так стану преклонять преступника мольбою?
Так буду, Демофонт, я плакать пред тобою?
Как слезны станеш ты потоки презирать!
Но я, лишь обратись, готова все начать!

Явление третие

Филлида и Креуза

Креуза

Царевна, по твоей исполнила я воле.
Теперь уж ничего не остается боле,
Как только что бы твой последней был приказ.
По коему сгорит флот Греческой тот час.
Закрыты на судах лесистыми горами,
Стоят рабы твои с готовыми стрелами,

Библиотека "Руниверс"

Чтоб пламень оными на корабли пустить
И Демофонтов путь в Афины прекратить.

Филлида

Пускай и сам огнем скончается, неверной!

Креуза

Ты, злобой на него вооружась безмерной,
Царевна, мерности при мщении держись
И безотраднаго раскаянья блюдись!

Филлида

Ты, зная от него меня теперь презренну,
Что мстить препятствуеш за мерсскую измену?
Мой пленной дух и так склоняется к нему,
Противится себе, противится уму,
И злобу нежная любовь одолевает,
То что ей твой совет, Креуза, помогает? [ы]
Что гнев мой прекратить твой хочет разговор?
Незлобия во мне не кажет ли мой взор?

Креуза

Ах, вспомни, как моим советом ты гнушалась,
Но ныне я твоей печалью оправдалась;
Тогда было тебе не слушать льстивых слов.

Филлида

И здравой ум на все не может быть готов.
А поступать в любви, Креуза, осторожно
И мысль знать по речам, поверь, что невозможно.
Там кажется, ни в чем худых не будет следств,

[ы] *рук.*
Но что ей твой совет, Креуза, помогает?

Библиотека "Руниверс"

Ни в чем не видно там необходимых бедств;
Опасность кажется сама в ней безопасна,
И очевидная ужасность не ужасна.
За страстью я своей не видела умом,
Что Демофонтов дом на берегу чужом.
И сладость, что текла прелестными устами,
Не жаром рождена, но хладными волнами!
Я думалаль тогда, что мне он только льстит?

Креуза

Минута жар зажгла, минута погасит.
Любовь с надеждою живет и умирает;
Отъезд его любовь и скорбь твою скончает.

Филлида

Так отпущу его, Креуза, не отмстив?
Так, насмеявся, он отсель уедет жив?
Но мне ли требовать от Демофонта мести?
Пусть жизни я лишусь! Но жаль лишиться чести!
Казнить его спешу, но им еще полна;
Хотя отчаялась, еще ему верна!

Креуза

Исполненной тебе приятнаго толь яда
Противны способы, противна вся отрада.
Когда болящему сама болезнь люба,
То сила всех лекарств бездельна и слаба.

Филлида

Филлида, умирай, но возвративши славу,
Отмсти и презирай любовь, живот, державу.

Библиотека "Руниверс"

Явление четвертое

Демофонт, Филлида, Креуза и Драмет

Демофонт

Исполни праведно отмщение на мне,
Я оправдать себя не тщусь в своей вине.

Филлида

Креуза, что теперь? Куда себя укрою?
Продерзостной предстал еще передомною!

Демофонт

Вздыханиям моим, ах, небо, помоги!

Филлида

Преступник, удались, от глаз моих беги

Демофонт

Позволь, позволь сказать хотя едино слово
Я казни лиш прошу и ничего другово.

Филлида

Еще ли чаеш ты в коварности успеть?
Еще ли хочешь скрыть своих обманов сеть?
Довольно уж, что ты за все мои приязни,
Свидетелей, Богов, не убоявшись казни,
Шесть месяцов ко мне горячность притворял,
Которой в сердце ты отнюд не ощущал.
Ты клялся бурями, войною, глубиною,
Что можешь лишь воздать мне за приязнь собою
На толь старалась я о кораблях твоих,

Библиотека "Руниверс"

Что бы похитить честь и жизнь мою чрез них? [b]
Бог моря, Бог войны, Бог ветра, Бог любови,
Как станут мстить, на месть твоей не станет крови.

Демофонт

Когда уже в моих словах нет столько сил,
Дабы уверить в том, что я тебя любил,
Что я не вольно впал в такое преступленье,
Что лютое терплю раскаявшись мученье,
Что делом я своим гнушаюсь и собой,
То будет в том мне смерть свидетель пред тобой
Когда я не могу уверить в том слезами,
Уверься же теперь кровавыми струями.

(Хочет заколоться.)

Филлида

(хватая за руку, и с нею прочия держат)

Ах, дерзской!

Драмет

Для богов! [c]

Демофонт

(к Филлиде)

Ты хочешь, чтоб я жил,
Когда уж я тебе и сам себе постыл?

---

[b] *Рук.*
Чтобы похитить честь и жизнь мою на них?

[c] *Рук.*
Государь!

Библиотека "Руниверс"

Филлида

Ты хочеш смертию меня уверить злою,
Что пред тобой гнусна и жизнь твоя со мною? [ю]
Ты хочеш для того со света убежать,
Чтоб в жизнь несносныя Филлиды не видать? [я]

Демофонт

Чтоб жизни дать конец безславной толь и слезной,
Чтоб тягостну не быть и небу, и любезной.

Драмет
(вкладывает Демофонту шпагу)

Не будь, ах, Государь, себе и нам жесток,
Живи и верностью загладить тщись порок.

Креуза

Вы вспомните залог любовнаго союза!

Филлида

Ах, то ли, то ли в нем любовь ко мне, Креуза,
Чтобы в глазах моих другу к себе склонять?

Демофонт

Затем ли не даеш живот свой мне скончать,
Чтоб слышал я свой срам, которой горше смерти?
Дай мне безславие неверной кровью стерти!
(Опять хватается за шпагу, но они не допускают вынять)

[ю] *Рук.*
Что перед тобой гнусна и жизнь твоя со мною.

[я] *Рук.*
Чтоб в жизнь постылыя Филлиды не видать.

Библиотека "Руниверс"

Филлида

Свирепой, чаеш ты, я мало слез лила?
И мало для тебя я претерпела зла?

Демофонт

Причину зол твоих искоренить желаю;
Чтож воли от тебя на то не получаю?
Позволь мне умереть или прости вину,
С которой жизнь свою раскаявшись клену!
Когдаб я мог сказать, твой гнев не умножая,
Как в мрачной ров ввела меня судьбина злая,
Какая внутрь меня была тогда борьба,
Тоб ты уверилась, ах! коль ты мне люба!

Филлида

Ты любиш и бежать готов отсель всечасно!
Любить и прочь бежать, как может быть согласно?
Что толь несносное приметил ты во мне?
В какой я, покажи, обличена вине?
Я тем ли пред тобой, я тем ли погрешила,
Что, не крушив тебя, любовь свою открыла?

Демофонт

Чем ты безвиннее, драгая, предо мной,
Тем больше множится порок мой пред тобой,
Но ты мне отпусти толь тяжко погрешенье
И щедрой прослыви на свете чрез прощенье.

(На колени[a] становится)

Филлида

Ах, что желаеш ты еще меня крушить,
С надеждою во мне и муку обновить?

[a] *Рук.* на коленки.

Непостоянством как, о как твоим терзаюсь!
Прошедшим мучусь я и будущим смущаюсь!
Иль волею в другой обман себя отдам?

(Насторону)

Но смерть мне не простить, простить мне вечной срам

Демофонт

Прости!

Драмет

Дражайшия сердца, соединитесь
И нежныя любви законам покоритесь.

Креуза

(К Филлиде)

На жалость преклонись.

Филлида

О, как мой дух смущен!

Демофонт

Уверь, дражайшая, уверь, что я прощен

Филлида

На что меня твои вопросы принуждают?
Не ясноль слабости мои тебе являют,
Отчаянье, и скорбь, и слабая гроза,
Смущенныя слова, и полны слез глаза!

(Поднимает.)

Свирепой, торжествуй! Уже я признаваюсь,
Что тщетно в страсти я перед тобой скрываюсь

Библиотека "Руниверс"

Еще тебя люблю, хотя ты изменил.
Ах, чтоб я зделала, когдаб ты верен был!
Хоть верности твоей едва я ожидаю,
Но радость всю в тебе и щастье полагаю
В державе я своей приемлю твой закон,
Вручаю сердце, жизнь, отечество и трон!

Демофонт

Хотя о таковом прощенье сомневаюсь,
Что в несказанном я пороке признаваюсь,
Но страх отъемлет мне возлюбленный твой вид
Залога склонности твоей просить велит.
Позволь, дражайшая, принять свою мне руку
И во все истреби мою сердечну муку.

(Приняв руку, целует)

Коль долго я сея держуся на земли,[6]
Толь долго, небо, мне быть щастливу вели!
Я принял чрез нее спасенье от пучины,
Ее я лобызал, избавясь от кончины.
Я ею первой знак любови получил,
Кому, нещастной, ах! кому я изменил!
Ты, все противности мои позабывая,
Преступнику даешь прощение, драгая!
Бессмертные, когда оставлю я ее,[в]

---

[6] *Рук.*

Коль долго я тебя держуся на земли

[в] *Рук. вместо стихов 947—953*

Я принял чрез тебя спасенье от пучины,
Тебя я лобызал, избавясь от кончины,
Тобой я перьвой знак любови получил,
Тебе, нещастной, ах! тебе я изменил!
Но ты, противности мои позабывая,
Даеш еще себя лобзать мне, дорогая!
Безсмертные, когда забуду я ее.

Библиотека "Руниверс"

Мое исторгните от света бытие.
Пусть Понт пожрет меня свирепыми волнами,[г]
Когда желанный брег уж будет пред глазами.
Пусть буду на пустом песку, не погребен,[д]
От птиц и от зверей на части расхищен!

Драмет

Любови обновив союз неоцененный,
Уж время поспешать вам в путь определенный.

Филлида

От Полимнестора как можем утаить?

Демофонт

Любовь моя, любовь все может победить![е]

Конец третьему действию

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление перьвое

Полимнестор и Илиона

Илиона

Какое щастие тебя ко мне ведет,
От коего мой дух еще отрады ждет?

[г] *Рук.*
Пусть Понт пожрет меня свирепыми валами

[д] *Рук*
Пусть буду на чужом песку не погребен.

[е] *Рук.*
Пойдем! Любовь моя все может победить

Библиотека "Руниверс"

Полимнестор

Я здесь искал тебя.

Илиона

Ужель стенаний сила
Тебя к несчастливой на жалость преклонила? *

Полимнестор

Я, видя, что тебя сомнения мятут,
Что мысли разныя себе предела ждут,
Пресечь и рушить их, царевна, поспешаю!
Тебе то будет все приятно, уповаю.

Илиона

О небо, воссияй в мою затменну грудь
И сердцу томному дай ныне отдохнуть!

Полимнестор

Я не пришол к тебе, чтоб льстивые обманы
И сладкой яд влагать для большей скорби в раны
Но искренность моя не может утаить
Того, что Боги мне велели совершить.
Я верность обещал хранить тебе неложно
И сохранял всегда, коль долго было можно.
Когдабы я к тебе любови не имел,
Когдаб сердечной жар и ныне не кипел,
То мог бы я сказать, что клялся я заочно
И клятву преступить мне можно безпорочно;

---

* *Рук.*

О щедрая судьба!
Какая побудить могла тебя причина?

Библиотека "Руниверс"

Сказал бы, что не знав я твоего лица[з]
Не красоту твою, но представлял отца,
Богатство представлял и в славной силе Трою.
И все, что было в ней, я называл тобою.
Но я, довольствуясь достоинством твоим,
Гнушаюсь, помня честь, подлогом таковым
И жалость, и любовь к тебе меня терзает,
И гневной мне ответ от олтаря смущает![и]
Ах, естьлибы и то подобной был подлог,
Ах, естьлиб я и то почесть в неправду мог,
О, естьлиб преступить возмог я без боязни,
Ни мне, нижé тебе неожидая казни,[й]
Что дал от олтаря мне строгой Марс в ответ!

Илиона

К надежде ли меня иль к пагубе влечет?

Полимнестор

С одной страны тебе надежду обещает,
С другой страны мое желанье пресекает.
Чрез Греков небеса повергнули Троян,
Чрез Греков же хотят и исцелить от ран:
Их стены обновить Героя посылают,
И красоты твоей меня они лишают;
Велят, которую я воспитал, любить,
Тебя, дражайшая, их воле поручить,
Их воле и тому, кто, воспален тобою,
Лежащу обещал тебе восставить Трою.

[з] *Рук.*

Сказал бы, что не знал я твоего лица

[и] *Рук. стихи 989—990 отсутствуют.*

[й] *Рук. стихи 993—994 отсутствуют.*

Библиотека "Руниверс"

Илиона

Возможноль, чтобы теж нас Боги сочетать
Хотели и тот час невинно разлучать?
И можешь воле их немедля согласиться,[к]
Как ежели она против твоей стремится?
Не смееш против ней ты слова испустить?
Ах, тем ли хочеш ты неверность утаить?
Вотще ко храму лож прибежище имеет;
Сквозь святости покров коварства яд чернеет
Ты видом лиш одним последуеш Богам,
Но делом восстаеш противу оных сам.
Ты хочеш скиптр чужой отнять, не устрашаясь,
Но с троном упадеш, неправо возвышаясь.
Пускай что можеш ты в продерзости успеть
И младость нежную тиранством одолеть;
Какую чаеш в том себе иметь забаву?
Какую можеш тем снискать на свете славу?[л]
Ты, ненавистию отвсюду окружен
И лютыми смертьми по всяк час устрашен,
От той самой, страшась, душею возмутишся.[м]
Для коей преступить присягу не боишся.
Но правда чистая всегда пред тем скверна,
В ком злость проклятая живет вкоренена.
Когда бы ты еще имел любви хоть мало
И сердце бы ко мне хотя легко пылало,
То мог ли б ты снести, чтобы кровавой Грек

[к] *Рук. вместо стихов 1008—1009*

Старались и тот час не винно разлучать?
И можеш воле их ты тот час согласиться

[л] *Рук. вместо стихов 1021—1022*

Какую чаеш в том иметь себе забаву?
Какую можеш тем сыскать на свете славу?

[м] *Рук*

И от тоя самой душею возмутишься

Библиотека "Руниверс"

От взору твоего в полон меня повлек,
Дабы там в торжестве он мог меня представить
И, сопостат, себя в отечестве прославить,
Дабы с презрением народ увидел там,
Котору поручил тебе в чертог Приам."
Не лучшели сказать, что ныне Илиона
Не блещет славою отеческаго трона,
Что нынь не льстит венец и не смущает страх,°
Что в Греческих гремел от Гектора полках!
Ты чаешь, что он мертв? Он жив, уже встает
Земля пред ним врата тряхнувшись отверзает!
О Гектор, поспешай, и за сестру отмсти,[п]
И брата своего в младенстве защити!
Оружием звучит, огнем вооружен,
А ты, предатель мой, еще не устрашен?
Мечем уж над твоей он головой сверкает.
Коль темна ночь глаза и дух мой помрачает!

Полимнестор

Ах, истинен твой гнев! Я лютой твой тиран![р]
Но волей ли моей союз любви попран?
Столь много речь твоя меня не укоряет,
Как совесть внутрь грызет меня и обличает![с]

[в] *Рук. вместо стихов 1035—1036*

Дабы ругаючись народ промолвил там:
«И дочь Приамову ведут в оковах к нам».

° *Рук.*

<Что ныне не манит> Что нынь не льстит венец и не сму-
щает страх.

[п] *Рук.*

Спеши, любезный брат, и за сестру отмсти.

[р] *Рук.*

Ах, истинен твой гнев! Я, правда, твой тиранн!

[с] *Рук.*

Как совесть внутрь грызет меня и <укоряет> обличает

Библиотека "Руниверс"

Я строгой бы готов противиться судьбе
И в жертву принести себя одной тебе,
Но вижу, что тебя спасать лишь начинаю,
Я больше тем тебя бесщастну погубляю.[т]

Илиона

О, жалость зверская, жалеть и убивать!
Незлобие мое ты можешь презирать?
Я в самой час, когда ты лютыми устами
Священный рвешь союз, положенный меж нами,
На ненависть себя принудить не могу
И, нудясь, на свое тебе я сердце лгу.
Но больше не хочу стараться быть любезна.
Уже моя к тебе надежда безполезна!
Блистает с красотой Филлидиной венец,
Мне слезы лишь одне оставил мой отец!
Бесчеловечной, что ты очи отвращаешь?
Ты тщетными со мной минуты все считаешь
Уже ты не меня, но и себя забыл:
Твои все мысли с той, которой ты постыл.
С ней сердцем говоришь, ей следуешь глазами:
Я больше скучными не удержу словами.
Поди и ей кленись, как прежде клялся мне,
Свидетели всему на небесах одне.
Я знаю, что они того не позабыли,
Каков они союз меж нами утвердили.
Ты чистой жар ко мне безстудным погаси
И сердце пред олтарь преступно понеси.

Полимнестор

Я с оным приступить к Богам не обинуюсь,
Когда ответу их и воле повинуюсь.

[т] *Рук*
Я больше тем тебя нещастну погубляю

Библиотека "Руниверс"

Явление второе

Илиона

(одна)

Чего не может злость проклята предприять?
Велит, забыв вражду, за Грека посягать!
Велит мне позабыть отечества паденье
И братей и сестры несносное мученье,
Как Гектор был попран, лишен по смерти гроба,
Как матери моей растерзанна утроба,
Пронзенный как Приам пред олтарем лежал,
В сыновней и в своей крови живот скончал!
Как мне не представлять ту ночь бесчеловечну,
Что день Троянский в ночь переменила вечну,
И лютых хищников торжествовавших крик,
Которой мне и здесь наносит страх велик,
Как Греки, наших стен освещены пожаром,
На пагубу Троян спешили в буйстве яром;
Чрез сродников моих стремилися тела,
Из коих по земли густая кровь текла?
В такой ли отпустил чертог меня родитель!
Такой готовишь брак о лютый мне мучитель!
Однако тем своих очей не насладиш;
Ты в ров влечешь меня, но сам над ним стоиш
Пронжу мечем, когда любовь не уязвила!
Но мести слабыя мне недовольна сила: [v]
Он должен, пагубу увидев, возстенать,
Во тще раскаяться, без пользы дух отдать
И месть моя ничто, когда он не узнает,
Что муку от моей руки претерпевает.
Уж время, что стою? Но что хочу начать?
Я быть гнушаюсь здесь и прочь не тщусь бежать

[v] *Рук.*
Но мести скорыя мне недовольна сила.

Библиотека "Руниверс"

Еще смущенным я умом того не вижу,
Люблю ли я его или я ненавижу!
С каким презрением оставил он меня!
Пустил ли каплю слез, вздохнул ли отходя?
Но в слабом сердце сем еще он пребывает,
В отчаянье еще надежда мне сияет.
Но в чем надежду я еще иметь могу?
Он в сердце вкоренил во век уже другу! Ф
Одна надежда мне — надежды всей лишиться
И с братом в теж места нещастливым укрыться.
Укроюсь и своих не наслажду очей,
Как будет жизнию гнушаться он своей,
Когда безвиннаго он вместо Полидора
Сыновняго прельщен во век лишится взора,
Как в Греческих руках заплачет Деифил,
Котораго отец на муку им вручил? [5]

Явление третие

Илиона и Мемнон

Мемнон

Ты жалобы оставь, Царевна, бесполезны;
Помогут ли тебе теперь потоки слезны?
Троянские спасать остатки поспешай
И брата от руки противничей скрывай.

Илиона

Когда уже и здесь мы не нашли защиты,
То кем, нещастные, мы можем быть покрыты?

Ф *Рук.*

Он в сердце вкоренил совсем уже другу!

Библиотека "Руниверс"

Явление четвертое

Мемнон
(один)

Как в свете все дела преобращает рок!
Сегодня свержен вниз кто был вчера высок.
Сей час нам радостен, но следующей слезен;
Тот вечером постыл, кто утром был любезен.
Давно ли Трои верьх касался облаков,
Где ныне смрадными костьми наполнен ров?
Давноль со славой дочь Приамову встречали,
Что нынь отверженна терзается в печали?
О ты, величества и бедности пример,
Подобие небес, подобие пещер!
О Троя, ты сердца Геройския родила
И в пепеле своем, упадши, их покрыла!
На что оставлен здесь с сестрою Полидор?
На что не погребен среди Идейских гор?
Ах, лучшеб со стены низринуту разбиться
И ей в крови своей невинной обагриться,
Со братними костьми соединясь, лежать
И купно пепел свой с отеческим смешать,
Как ныне, приклонить куда главу не зная,[x]
Не видеть горести неслыханныя края!

Явление пятое

Демофонт и Мемнон

Демофонт

Что медлиш здесь один, любезный мой Мемнон?
И что из глубины ты испускаеш стон?

---

[x] *Рук*

Как ныне, приклонить куда главы не зная

Библиотека "Руниверс"

Никак препятствия в намереньи случились
И наши тайные советы уж открылись?

Мемнон

Опасности ни в чем невидно никакой,
И флот к отшествию со всем исправлен твой;
Филлида на него по всякой час взирает
И по стопам твоим во след итти желает.
Лиш только тьмой твои суда покроет ночь,
От наших берегов пустись щастливо прочь.
В отсутствие твое, в отсутствие Филлиды
Правление земли другие примет виды.
Дотоле Князю я от ревности служил,
Пока он правду сам и искренность хранил.
Но ныне он свои законы преступает
И тем от них меня и протчих свобождает.
Ты ревность искренню к Царевне сохрани[ц]
И, утвердив престол в Афинах, не косни,
Воспоминай всегда мое последне слово:
Здесь сердце подданных принять тебя готово.

Демофонт

Ты в пользу способы нам все употреби,
Прости и обоих в отсутствии люби.

Явление шестое

Демофонт и Филлида

Филлида

Ты видиш, что́ тебя я ради предприемлю?
Дерзаю чрез валы итти в чужую землю!

[ц] *рук.* Ты верность искренню к Царевне сохрани.

Библиотека "Руниверс"

Не Полимнестора я устрашась бегу,
Но взору твоего лишиться не могу.
Хотя пучины я бурливой устрашаюсь,
Но и в опасности с тобой не опасаюсь.
Когда ты мне не льстиш, когда ты верен мне,
То верен будет нам и путь во глубине.

Демофонт

Хоть тягостны труды, но наградит отрада,
Когда достигнем[ч] мы отеческаго града.
Коль радостно тебя увидит там Тезей!
Какое множество сберется там людей!
Признаки по путям побед моих поставят
И песни брачныя к торжественным прибавят
Прекрасно солнце, ты зайди за глубину,
На горизонт пусти скорее тьму ночну
И прежде не блистай пресветлыми лучами,
Пока сей брег от нас не скроется валами,
Сей брег, от коего мы ныне прочь бежим,
Но неотступно внутрь сердец его держим.[ш]
Межь тем с Мемноном скрыть я должен нам дорогу,
Чтоб, ежель Княжеск полк ударит вдруг тревогу,
Успели в городе нам верные полки
Спасти нас от его коварныя руки.
Пожди, дражайшая, пожди меня минуту.

[ч] *В первой публикации опечатка* постигнем.
[ш] $\rho_{yк}$.
Но неотступно внутрь сердец своих держим.

Библиотека "Руниверс"

Явление седьмое

Филлида и Креуза

Филлида

Оставшись, чувствую тоску на сердце люту.[щ]
Любезная, ко мне, Креуза, ах, поди
И в ожидании мне время проводи.
Что смутной в землю взор унывши потупляеш?
Ты стонеш! Ах, о чем ты слезы проливаеш?
Далекаго пути, драгая, не страшись,
Забудь все и моим примером укрепись.

Креуза

Не путь меня, не путь далекой устрашает,
Но блиская беда все чувства отягчает.
Коль много терпиш зла от нежной простоты![ъ]
О коль коварен он! О коль злощастна ты!
Нигде надежды нет, нигде нам нет успеху!
Нам отнял в скорби рок последнюю утеху!

Филлида

Престань смущать меня безвременно, таясь.
О как я извинюсь, когда уведал Князь?
Но Демофонт ко мне поспешно возвратится.

Креуза

Ты больше на него не можеш положиться!

[щ] *Рук. вместо стихов 1193—1198*

Меж тем, дражайшая, пожди меня минуту

Филлида

Оставшись, чувствую тоску на сердце люту.

Стихом 1198 заканчивается шестое явление.

[ъ] *Рук.*

Коль много терпиш зла от нежной красоты.

Библиотека "Руниверс"

Филлида

Ах, сердца не пронзай...

Креуза

Хоть поздо, будеш знать,
И время не велит нещастья умолчать.

Филлида

Коль долго, небеса, вы будете мне строги!

Креуза

Я, мимо проходя Троянские чертоги,
Увидела, спешит из них к судам Драмет:
Младенца на руках закрытаго несет[ы]
И озирается страшливыми глазами.
Я, видя тут рабу, обмытую слезами,[ь]
Спросила, для чего она стоит смутна?
Ответствовала мне: «Царевна предана!
И Князь, не убоясь ни Бога, ни закону,
В супружество дает другому Илиону,
И придет, говорят, поспешно Демофонт,
Бесщастну тайно взять и увести чрез Понт!»

Филлида

Ах, лютой мой злодей, как мог ты притвориться!
И как посмела я на лживом утвердиться?
Но помощи уж нет! Креуза, ах, спеши

[ы] *рук.* Младенца на руках покрытаго несет.

[ь] *рук.* Я, видя тут рабу, умытую слезами.

Библиотека "Руниверс"

И в злом отчаяньи нещастной послужи;
Вели пуститься в Понт стоящим под горами
И воздух огустить горящими стрелами,
Чтоб тучей огненной покрылись корабли.
Не медли.

Явление восьмое

Филлида
(одна)

Есть ли кто лукавей на земли!
Меня оставив здесь в приятной толь надежде
И больше нежности мне показав, как прежде,
В последни из моих пошол прельщейных глаз!
О, лютая судьба! О, коль свирепой час!
Я твоего стою прихода ожидая,
Когда в путь за тобой последует другая!
Но ты, продерской, сам почувствуеш тоску:
Огнем в средине вод я путь твой пресеку.
Когдаж не возмогу, то кровь моя струями
Тебя изобличит, кипя во след с волнами.

Конец четвертому действию

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление перьвое

Филлида, Мемнон и Креуза

Мемнон

Багряные лучи закрыла ужь заря,
Из глаз отъемлет ночь и землю, и моря.
Я с мраком вдруг имел и мысли помраченны
И представлял в уме полки вооруженны,

Библиотека "Руниверс"

Дабы тогда, как ты плывешь между валов,
Присудствовала мной у здешних берегов,
Чтобы Фракияне тебя здесь ощущали,
Хотя б отшествие твое отсюду знали.
Но ныне я тебя увидел здесь еще!

Филлида

Намеренья мои погибли все вотще.
Я верила словам, Мемнон, ах, полным яду!
Теперь мне кто подаст, отчаянной, отраду?

Мемнон

Какая ныне скорбь мрачит твой снова дух?

Филлида

Такою наглостью не оскорблен твой слух?

Мемнон

Какою?

Филлида

Демофонт с Троянкой прочь отходит
И в пагубу меня конечную приводит![a]

Мемнон

Не представляй себе нещастия сего...
Но к нам Драмет спешит; уверься от него

---

[a] *Рук.*

И в пагубу меня ‹несносную› конечную приводит!

Библиотека "Руниверс"

Явление второе

Филлида, Мемнон и Драмет

Драмет

Царевна, корабли стоят готовы к бегу
И только ждут они тебя одной со брегу
Способной Аквилон, покрытой горизонт
К отшествию с тобой имеет Демофонт.

Филлида

Троянке буду я последовать рабою?
Я волею пойду, как пленница, с ним в Трою?
Оставя свой престол, я буду там взирать,
Как будет он себя на царство с ней венчать?

Мемнон

Я вижу, мнение тебя терзает ложно.

Драмет

Приамова дочь здесь.

Филлида

Как быть тому возможно?
Когда ты брата взял уже на корабли,
Сестра ли от него осталась на земли?

Драмет

Уже теперь таить не дозволяет время.
Тебе известно, что Троянско Грекам племя
Противно на сердцах, ужасно на полях:
Остатки онаго еще наводят страх!
За тем я тщился здесь младаго Полидора

Библиотека "Руниверс"

От Илионина во век отторгнуть взора
И ныне я могу уж Грекам показать,
Что Троя больше их не может устрашать.
Троянския восстать не могут больше стены:
Не может впредь Парис похитить в них Елены.

Филлида

Ах, коль ужасна весть! Как бедство отвратить? [ю]

Мемнон

Ах, небо, как могло сие ты попустить?
Нещастная сестра какую скорбь терпела!

Драмет

И кровь во мне самом от жалости кипела,
Как в Илионин я посмел вступить чертог,[я]
Но воли преступить отечества не мог.
Она едва в слезах промолвила, рыдая:
«Когда нас истребить судьбина хочет злая,
Когда нас предает кто должен защищать,
Осталось от самих врагов отрады ждать.
От рук неправедных покройте бедных, Греки,
Хотя свирепы вы, однако человеки.
От вас я избежав, вселилась межь зверей,
Что носят на себе лиш вид один людей», —
Промолвила и мне сама вручила брата.

Мемнон

О скверная алчба могущества и злата!

[ю] *Рук.*
Ах, весьти странныя! Как бедство отвратить?

[я] *Рук.*
Как в Илионин я дерзнул вступить чертог.

Библиотека "Руниверс"

Филлида

Но где мой Демофонт?[a]

Драмет

Чтоб ты могла притти
Безбедно на суда, от брегу по пути
Он ставит стражей сам, за тем что ветр способной
Прибавил много сил в час, к плаванью удобной.

Филлида

Креуза, отвратить нещастье поспеши
И руки злобныя от гнева удержи!

Креуза

Раскаянье твое едваль уже не позно.
О небо, проводи без казни время грозно!

Явление третие

Филлида, Илиона, Мемнон и Драмет

Филлида

(увидев Илиону)

Коль нерассудно злюсь, любезной, на тебя!

Илиона

Царевна, от меня что хочешь скрыть себя?
Не скучным досаждать к тебе иду я спором
И независтливым о щастье разговором,
Но єлезы горькия перед тобой пролить
И бедным помощи в гонении просить.

[a] *Рук. стихи 1303—1306 отсутствуют.*

Библиотека "Руниверс"

Невинной Полидор на пагубу от муки
И из тиранских взят в противнически руки.
Один ваш будет путь, но разной там конец.
Его свирепа смерть, тебя там ждет венец!
Ты, ведая меня и мысльми в том невинну,
Чтоб я к смущениям твоим дала причину,
Драгая, не имей ко мне на сердце зла,
Но, помня, какова любовь меж нас была.
Ты будь поверженным защита и подпора,
Предстательством спаси от смерти Полидора.
Достигни щастливо тебе желанных стран,
Чтоб мучился, лишась надежды, наш тиран.

Филлида

Я чувствовать могу болезнь твою сердечну,
Коль тягостно нести злость толь бесчеловечну!
Но тот, кто должен сам спасения искать,
Как может оное другому обещать?

Мемнон

(оборотясь на сторону)

Что ночи темноту над морем прогоняет?

Филлида

Ах, люта злость мою надежду пресекает!

Драмет

Чем небо нам грозит!

Филлида

Где помощи искать?
Спеши со мной, Драмет, спасать и умирать.

Библиотека "Руниверс"

Явление четвертое

Илиона и Мемнон

Мемнон

Нещастье наше все советы разрушает
И предприятый путь Филлиде запирает.
Горит нещастнаго, ах, Демофонта флот
И помощи лишен среди глубоких вод!
О сжальтесь вы хотя морския сжальтесь волны,[б]
Восстаньте на пожар, восстаньте гнева полны.
Дождевны облаки, о небо, растворн
И вихри пламенны потопом усмири!
Но крик при берегах, и больший страх от треску,
И умножение сияния и блеску
Погибелию нам, отчаянным, грозят.

Илиона

Теперь противникам за Трою Боги мстят.
Когда они Троян державу разрушили,
Свирепством и Богов ко гневу побудили.
Они их, отпустив от наших берегов,
Хотят всех погубить среди крутых валов.
А ты об них, Мемнон, печалясь, воздыхаешь,
Ты Трою раззорять тираннам помогаешь.

Мемнон

Когда бы ведала намеренья мои,[в]
Оставила бы ты роптания свои.
Кто может ближе всех к Приамову быть трону,

[б] *Рук.*

Ах, сжальтесь вы хотя морския сжальтесь волны.

[в] *Рук*

Когда бы знала ты намеренья мои

Библиотека "Руниверс"

Как тот, кому он сам в чертог дал Илиону?[г]
И кто Ликургов здесь наследник должен быть,
Как тот, кого могла Филлида полюбить?
Я обое к концу привесть желал, Царевна,
Но вижу, рушит все в конец судьбина гневна,
В коварных умыслах успех имеет Князь!
Как может дать ответ Филлида, возвратясь?
Флот ныне Греческой ему уж не ужасен:
В желании своем он будет безопасен.
Неизбежимая тебе грозит беда.
И мне, бессмертные, достойна та ли мзда?
Кто ныне нас спасет?

Илиона

Тот бедство презирает,
Кто больше уж себе спасения не чает.[д]
Ни молния меня, ниже́ Зевесов гнев,
Не может устрашить: ударь, не укоснев!

Явление пятое

Илиона, Полимнестор и Мемнон

Полимнестор

Афинской флот горит!
(К Илионе)[е]
Ты здесь? И где Филлида?

[г] *Рук.*
Как тот, кому в чертог отец дал Илиону?

[д] *Рук.*
Кто больше своего спасения не чает.

[е] *Рук. ремарка отсутствует.*

Библиотека "Руниверс"

Илиона

Гнушаясь твоего несносного ей вида,
Ни пламени, ни вод бежит не устрашась.
Я здесь и, чтоб тебя тоской терзать, спаслась.

Полимнестор

Нечаянная мне и строга перемена,[ж]
Которою скорбит душа моя смущенна!

Мемнон

Теперь услышим мы, к чему нас рок влечет!

Явление шестое

Полимнестор, Илиона, Мемнон и вестник

Мемнон

Какой судьба конец смятениям дает?
Чем пламень нам грозит, свирепствуя над Понтом?

Вестник

Филлиды больше нет с любезным Демофонтом!
Лишилась жизни![з].

Мемнон

Ах![и]

[ж] *Рук.*

Нечаянная мне и строгая премена.

[з] *Рук. часть стиха 1383* Лишилась жизни *отсутствует.*

[и] *Рук.*

Ах, лютые часы!

Библиотека "Руниверс"

Полимнестор

Несносной мне удар![й]

Илиона

Ах! Как плачевныя погас любови жар?

Вестник

Толь много бедств сказать лишь только начинаю,
Откуду мне начать, я в ужасе не знаю!
Когда покрыла ночь со флотом глубину,
Мы ждали на него Филлиду лишь одну.
Поставив Демофонт суда ко брегу строем,
Чтобы любезную привесть на них с покоем,
На встречу к пристани лишь ехать поспешал,
Куда ее привесть Драмета он послал.[к]
Внезапно из-за гор там весла зашумели,
И стрелы огненны до облаков взлетели.
Упали с высоты на нас, как сильной град
Уже на кораблях снаряды все горят!
Пылают парусы, валятся райны[6] в море,
В дыму и шуме там лишь только слышно: «Горе!»

Илиона

О, коль великой страх!

[й] *Рук.*

Несносной, ах, удар!

[к] *Рук вместо стихов 1389—1392*

Безчастной Демофонт, терпенья неимея,
Жалел дыхания способнаго Борея,
Любезную свою всечасно называл,
Котору привести Драмета он послал

Библиотека "Руниверс"

Мемнон

О, лютая гроза!

Полимнестор

Объемлет сердце хлад и мрак мои глаза!

Вестник

Там вихри по воде свирепы закрутились,
Противны две на нас стихии согласились.
И каждой там удар огонь в валах раждал
И влажностию жар и пламень умножал.
Иных пожгла огня неукротима сила,
Иных несытая пучина поглотила.
И как я с корабля старался в бот сойти,
Я Демофонта вдруг увидел на пути.
Пронзен, окровавлен, едва уже дыхает,
Стрела еще в груди зажженная пылает.
Я, в страхе восстенав, других на помощь звал,
От двух смертей исторг и к брегу с ним пристал,
Но в сердце третия трепещущем осталась:
Любезная душа от тела разлучалась.
Еще он, ах! тогда из глубины вздохнул
И слабым голосом Филлиду помянул.
На берег, пламенем шумящим освещенный,
Филлида к ним спешит, Драмет с ней устрашенный.
Увидела его безгласна пред собой,
Старалась во слезах поднять его рукой ^
И речью возбудить хотела бесполезной:
«Промолви, Демофонт, промолви, мой любезной».
Он мрачные еще глаза свои открыл

^ *Рук.*
Старалась вся в слезах поднять его рукой.

Библиотека "Руниверс"

И, на нее взглянув, впоследни затворил.
Промолвить силился еще между стенаньем,
Но речь свою пресек последним воздыханьем!

Илиона

Нещастливой любви нещастливой конец!

Мемнон

Как будет возрыдать оставленной отец!

Вестник

Филлида с горестным стенаньем возгласила:
«На толь, чтобы убить, тебя я полюбила?
И так ли путь пресечь тебе хотела я?
Не ты неверен, я — изменница твоя.
Ах, пусть бы ты ушол, ты мог бы возвратиться,
И я ещеб могла хотя надеждой льститься.
Теперь тебя ко мне никто не возвратит,
И только смерть одна с тобой совокупит».
Промолвила и вдруг кинжал во грудь вонзила
И путь себе за ним со света отворила.
Креуза рвет власы; отчаянной Драмет
Вотще над хладными телами слезы льет.

Илиона

Мне поздо смерть ея надежду возвращает.

Мемнон

Ах, в ней теперь Ликург вторично умирает!

Полимнестор

Теперь мне отнята надежда до конца!
Презрела ты меня, послушала льстеца

Библиотека "Руниверс"

И с ним в отчаяньи, о дерска, умираеш!
Однако тем моих желаний не скончаеш.
Я столько на земли тебе противен был,
Что свет тебе со мной, Филлида, стал не мил.
И чтобы мною ты очей не раздражила,
Прекрасны очи ты во веки затворила.
Ты от меня бежиш за Демофонтом в след
И чаеш, что уж там меня твой взор минет?
Гнушаешься еще ты после смерти мною?
Или не смею стать я там перед тобою?
Я следовать тебе не устрашусь во ад
И стану там казать тебе противной взгляд.
Я буду там стенать, трястись в несносной казни
И к жалости тебя подвигну и к боязни.
Ты там, чтоб от меня могла себя укрыть,
Не можеш уж себя в другой раз умертвить.[м]
Что долго смерти ждать?

(Хочет заколоться)

Илиона

(схватив за руку)

Пожди еще минуту:
Не всю ты претерпел на свете муку люту.

(К вестнику)

Младенец, что Драмет похитил на суда,
Спасен ли?

Вестник

Погубил огонь или вода.

Полимнестор

Бесчастной Полидор!

[м] *Рук.*
Не можеш уж себя еще ты умертвить.

Библиотека "Руниверс"

Илиона

Деифил неповинной!
Ты лютости моей, тиранн, был сам причиной.
Рачением моим закрыт мой Полидор
От злобы твоея Фракийских дале гор.
За наглости твои, за зло непостоянство,
За гордой мне отказ, за мерское тиранство
Мне промысл пособил в сей час тебе отмстить
И сына твоего противникам вручить.
Но месть сия легка явилась пред Богами:
Деифила сожгли они между валами.
Мне должно бы его на части растерзать
И, растерзав, отцу на пищу сына дать,
Дабы к тому твоя несытая утроба
Рожденному тобой служила вместо гроба.

Полимнестор

Ах, что еще в мои глаза блистает свет?
Филлиды больше здесь и Деифила нет! [н]
Я ныне скипетр, власть и славу презираю
И только громнаго удара лиш желаю.
Еще я не могу богов к тому склонить,
Прошением на казнь и злобой побудить?
Но смерти, что ищу на казнь себе напрасно?
Я чувствую в себе мучение ужасно!
Филлида, Демофонт и ты, ах, Деифил!
В средине сердца мне геенну воспалил.
Какая круг меня бунтует непогода?
То мерзостью моей гнушается природа!
Светила идут все обратно на восток:
Законы естества преобращает рок.

[н] *Рук.*
Филлиды больше <здесь> нет, и Деифила нет.

Библиотека "Руниверс"

СОБРАНІЕ
РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ,

ВЪ СТИХАХЪ И ВЪ ПРОЗѢ

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Печатаны при Императорской Академіи наукъ
1751. года.

Печатать позволяется
Графъ К. Разумовскій

Корректурный оттиск титульного листа Собрания сочинений Ломоносова 1751 г.
Архив Академии наук СССР

Библиотека "Руниверс"

Все Боги на меня, что Трою защищали,
За дочь Приамову против меня восстали.
Нептун стремит на брег морскую глубину,
Пожрать меня бежат чудовища по дну;
И вечные Плутон заклепы отверзает,
Рыгает в воздух яд и звезды помрачает.
Зияет челюстьми несытой Флегетон:
Тираннов слышу там бесчеловечных стон.
Но что еще? Между ревущих ветров спором
Является Зевес пламенновидным взором.
Меж мрачных и грозой отягощенных тучь
Из рук его гремит быстротекущий лучь.
Суровая змия мне сердце, ах! снедает,
И внутрь и вне болезнь и страх меня терзает.
Разверстая земля, кровавы небеса,
Кипящия моря, горящие леса
На пагубу мою себя приготовляют.
Но в бездну долго что меня не погружают?
Когда меня терпеть не может естество,
Скончай меня, скончай, о сильно божество!

Конец трагедии °

° *Рук.* Конец.

Библиотека "Руниверс"

1752

184

ПРОЕКТ ИЛЛУМИНАЦИИ НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ КОРОНОВАНИЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА АПРЕЛЯ 25 ДНЯ 1752 ГОДУ

Представляется четвертая часть зодиака с вешними небесными знаками. По оному течет светлыя лучи повсюду разливающее солнце в знаке Тельца, венчанное вокруг радужною короною.

В низу, на возвышенном и мрамором разных цветов устланном месте, по сторонам стоят десять порфировых обелисков в перспективном расположении: посредине олтарь с вожженым пламенем.

Сего символическаго изображения знаменование содержится в следующих стихах: [a]

Монархиня, нося порфиру десять лет,
Гремящей славой ты наполнила весь свет.
Геройской был восход, и следствие — победы:
Тобой побеждены и спасены соседы,[1]
Тобою ускорен во всей Европе мир,[2]
Тобою дышет в ней спокойствия Зефир.

---

[a] *Соч. 1757 надпись напечатана под заглавием* На иллуминацию, представленную в день Коронования Ея Величества, Апреля 25 дня 1752 года, на которой изображен был зодияк с вешними зодиями и с текущим посреде его солнцем внизу меж обелиском и олтарь с пламенем.

Библиотека "Руниверс"

Во успокоенном ты свете нынь сияеш
И славу дел твоих числом лет умножаеш.
Державства твоего светящий зодиак[6]
Повсядни кажет нам благополучный знак,
И ныне, празднуя, как ты венчанна богом,
Венчанну зрим тебя спокойствия залогом.
Нам радуга — твое приятие венца —
Поставлена весной в созвездие тельца,[3]
Довольство, и покой, и радость изъявляет
И здравие тебе, и крепость обещает.
Ликуя, веселясь мы празднеством твоим,
Усердно все в тебе венчанно солнце чтим.[в]

№ 1) Ежели заблаго рассудится, на олтаре приписать лемму: *венчанному российскому солнцу*, — то могу я дать мнение, как бы литеры изобразить явственно.

2) Ежели недовольно широко быть покажется, то можно по сторонам, позади пирамид, поставить зеленыя шпалеры или ворота из зелени.

---

[6] *Соч. 1757 вместо стихов 7—9*

Во упокоенном Ты свете нынь сияешь
И славу дел своих с числом лет умножаешь
Державства твоего светящий зодияк.

[в] *Соч. 1757*

Усердно все в Тебе усердно сердце чтим.

Библиотека "Руниверс"

185

ПРОЕКТ ИЛЛУМИНАЦИИ НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СЕНТЯБРЯ 5-ГО ДНЯ 1752 ГОДА

Представить в перспективном виде пристань, двумя плотинами в море простирающимися укрепленную; на конце пристани, что к морю, изобразить великий Колосс, стоящий обеими ногами на обеих концах плотин, который правою рукою возвышает вензловое Имя Ея Императорскаго Величества, а левою — светлым пламенем горящий факел. Внутрь пристани поставить по правую сторону Храм Мира, по левую — Храм Изобилия с принадлежащими к тому признаками и украшениями.

Колосс может быть способнее изображен на полотне, а протчее все — фонарями.

Знаменование сего символическаго изображения в следующих стихах кратко содержится: [a]

Желая некогда преславный остров Род
Пловущих по волнам спасать от непогод,
Себе хвалу иметь, другим давать отраду
Воздвигнул на брегу пречудную громаду.[6]

---

[a] *Соч. 1757 надпись напечатана под заглавием* На иллуминацию, представленную в тезоименитство Ея Величества Сентября 5 дня 1752 года, где изображена была пристань с Колоссом на подобие Родскаго

[6] *Соч. 1757 вместо стихов 2—4*

Пловущих по морю спасать от не погод,
Себе хвалу снискать, другим давать отраду,
Поставил на брегу пречудную громаду.

Библиотека "Руниверс"

Великий исполин седмидесят лактей
Светильник чрез всю ночь держал поверьх зыбей,
Далече блеск пускал чрез море неустройно
И корабли вводил в пристанище спокойно.
Ты именем[1] и всем, Монархиня, покой;
Твой слух,[2] как исполин, касаясь звезд главой,
Лучем доброт Твоих вселенну освещает
И именем моря и земли наполняет:[в]
«Спасайтесь здесь от бурь; у нас Елисавет
Отраду в тишине с довольством подает».

[в] *Соч. 1757*
И именем восток и запад наполняет.

Библиотека "Руниверс"

186

Богу[а] Всемогущему и Его Угоднику, Благоверному и Великому князю Александру Невскому, Россов усердному защитнику,[б] презревшему прещение мучителя, тварь боготворить повелевавшаго,[в] укротившему варварство на Востоке,[г, 1] низложившему[д] зависть[е] на Западе,[ж, 2] по земном княжении в вечное царство[з] преселенному в лето 1263,[и] усердием[й] Петра

[а] *ЦГАДА рук. 2 тексту надписи предшествуют слова* Последняя надпись. На правой щит.

[б] *Вместо* Богу... усердному защитнику *в ЦГАДА рук. 1, ЦГАДА рук. 2, ААН рук. 1, ААН рук. 2* Александру, Россов храброму на земли защитнику, верных теплому на небесах предстателю.

[в] *ЦГАДА рук. 1, ЦГАДА рук. 2* презревшему... повелевавшаго *отсутствует; ААН рук. 1 первоначальное* повелевавшему *исправлено на* повелевавшаго; *ААН рук. 1, ААН рук. 2* презревшему... повелевавшаго *вписано другими чернилами.*

[г] *ААН рук. 2 зачеркнуто* взора великолеп; *ЦГАДА рук. 1, ЦГАДА рук. 2, ААН рук. 1, ААН рук. 2* свирепое варварство на Востоке величественным взором *вместо* укротившему... на Востоке.

[д] *ААН рук 2, ЦГАДА рук. 2* поразившему.

[е] *ЦГАДА рук. 1, ЦГАДА рук. 2, ААН рук. 1, ААН рук. 2* продерзостную зависть.

[ж] *ЦГАДА рук. 1, ЦГАДА рук. 2, ААН рук. 1, ААН рук. 2 далее следует* крепостию десницы, везде верою к Богу и любовию к Отечеству торжествовавшему.

[з] *Вместо* по земном... царство *в ЦГАДА рук. 1, ЦГАДА рук. 2, ААН рук. 1, ААН рук. 2* по временном княжении в вечное царство, по земном в небесное.

[и] *ЦГАДА рук. 1, ААН рук. 1* 1263 году; *ЦГАДА рук. 2, ААН рук. 2* в лето 1263 *отсутствует.*

[й] *Вместо* усердием *в ЦГАДА рук. 1, ЦГАДА рук. 2, ААН рук. 1,*

Библиотека "Руниверс"

Великаго[к] на место древних и новых побед пренесенному 17 [3] года,[л] Державнейшая[м] Елисавета, отеческаго ко святым почитания подражательница, к нему[н] благочестием усердствуя, сию мужества и святости Его делами украшенную раку из первообретеннаго при Ея благословенной державе сребра [4] сооружить благоволила в лето 1752.[о,5]

Alexandro Strenuo, cum viveret, Russorum Propugnatori, Sollicito, ut vivere desiit, Fidelium intercessari qui minas tyranni, divinum honorem, rebus creatis redere jubentis, neglexit,[a] qui in oriente efferam barbariem mitigavit oris majestate, qui in occidente audacem invidiam prostravit Bellica virtute[b] utrobique fide in Deum et amore in Patriam triumphavit;[c] et[d] postquam, temporarium principatum cum aeterno regno terrestrem[e] cum coelesti commutavit

---

ААН рук. 2 там пресветлым духом, здесь чудотворным телом сияющему благоговением.

[к] *ЦГАДА рук. 1* благоговением Петра Великаго; *ЦГАДА рук. 2, ААН рук. 2* Петра благоговением Великаго; *ЦГАДА рук. 3* Петра Великаго, императора, и Екатерины, императрицы. *На полях рукописи написано на* 2 щит перенесть.

[л] *ЦГАДА рук. 2, ААН рук. 2 в правом нижнем углу под текстом написано* правая; *ЦГАДА рук. 3, ЦГАДА рук. 4* плотию пренесенному 1724 года. *Нижеследующему тексту надписи предшествуют слова* последняя надпись. На левой щит; *на щите* 1724.

[м] *ЦГАДА рук. 2, ААН рук. 2* Августейшая.

[н] отеческаго... к нему *в ЦГАДА рук. 1, ААН рук. 1 отсутствует; ЦГАДА рук. 2, ААН рук. 2 было добавлено* которой всевышний от небес милость, Россия от сердец благодарения, от земли плодородие, от морей изобилие, от гор сокровища по мере Ея щедролюбия проливают.

[о] *Вместо* раку... в лето 1752 *в ЦГАДА рук. 1* серебренную раку сооружила 1751 года; *ААН рук.* 1 сребренную раку сооружила 1751 года; *ЦГАДА рук. 2, ААН рук. 2* 1751; *ААН рук. 2 в левом нижнем углу под текстом написано* левая; *на щите* 1750.

[a] *В подлиннике* qui minas... neglexit *вписано другими чернилами; в рук. ЦГАДА* qui minas... neglexit *отсутствует.*

[b] Bellica virtute *вместо зачеркнутого* robore virium.

[c] *Зачеркнуто* tandem.

[d] *Зачеркнуто* cum.

[e] *Рук. ЦГАДА* terrestre.

Библиотека "Руниверс"

A. C. 1263 ibi divino animae Splendore hic miraculorum[f] gloria inclaruit. Denique Petri Magni religione ad antiqua et nova tropaea[g] devotissime transportatus A. C. ..... + Augusta Elisabetha hoc fortitudinis et sanctimoniae illius operibus exornatum argenteum monumentum excitavit A. C. MDCCLI.

[f] *Рук. ЦГАДА ошибочно* miraculum.
[g] *Рук. ЦГАДА* trophaea.

Библиотека "Руниверс"

187

ПРОЕКТ НА ИЛЛУМИНАЦИЮ К ТОРЖЕСТВЕННОМУ ДНЮ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА НОЯБРЯ 25 ДНЯ 1752 ГОДА

Представить сад, партерами и фонтанами украшенной. На каждой стороне по пяти вазов (парадных сосудов) на пристойных скамьях, фестонами убранных; все в перспективном расположении. В сосудах изобразить приятно цветущия сенситивныя, то есть чувствительныя травы, которыя ночью сжимаются, а при восхождении солнца отворяются и так цветут во весь день. Позади онаго саду, в средине, представить восходяще[е] великое солнце с ясными и далече простирающимися лучами.

Знаменование сего символическаго изображения[а] содержится в следующих стихах:[б]

Когда ночная тьма скрывает Горизонт,
Скрываются поля, леса, брега и понт,
Чувствительны цветы во тме себя сжимают,
От хладу кроются и солнца ожидают.
Но только лишь оно в луга свой лучь прольет,
Открывшись в теплоте, сияет каждой цвет,
Богатства красоты пред оным отверзает

[а] изображения *вместо зачеркнутого* знаменования.

[б] *Соч. 1757 надпись (стихи 1—12) напечатана под заглавием* На иллуминацию, представленную на день восшествия Ея Величества на всероссийский престол, Ноября 25 дня 1752 года, где изображено было восходящее солнце и вазы с чувствительными травами.

Библиотека "Руниверс"

И свой приятной дух, как жертву, изливает.[в]
Подобен солнцу Твой, Монархиня, восход,
Который осветил во тме Российский род.
Усердны пред Тобой сердца мы отверзаем
И жертву верности нелестной [1] изливаем.[г]

[в] *Соч. 1757 вместо стихов 7—8*

Богатство красоты пред оным отверзает
И свой приятной дух, как жертву, проливает

[г] *Соч. 1757*

И жертву верности Тебе все изливаем.

СПб. Вед.

И жертву верности нелестно изливаем

Библиотека "Руниверс"

188

ПРОЕКТ НА ИЛЛУМИНАЦИЮ В НОВОЙ 1753 ГОД

Представить храм Янусов с затворенными воротами, обведенный круглою оградою, из зеленеющих оливных дерев состоящею. Наверьху онаго двуличной Янусов буст. На фронтисписе под вензловым именем Ея Императорскаго Величества между пальмовыми ветьвми и рогом изобилия число новаго 1753 года. На правой стороне поставить знатнейшую часть кремля, на левой — часть Санктпетербургской крепости (что должно быть так расположено, дабы левая сторона в большем отдалении казалась, нежели правая, непотеряв симметрии на плане). По средине, над Янусовым храмом, изобразить великаго двоеглавнаго Орла, ускоряющаго свой полет к правой стороне, а на левую сторону другую главу обратившаго.

Знаменование сего символическаго изображения содержится в следующих стихах.[a]

В любезной тишине наставший новый год
И Твой, Монархиня, всерадостный приход
Сугубым торжеством сей город[1] оживляет,[6]
Сугубо счастие России обещает.
Военной укротив во всей Европе шум,

[a] *Соч. 1757 надпись (стихи 1—10) напечатана под заглавием* На иллуминацию, представленную в Москве на новой 1753 год, где изображен был орел, прилетающий от Санктпетербурга к Москве и на восток и на запад взирающий.

[6] *Соч. 1757*

Сугубой радостью сей город оживляет.

Библиотека "Руниверс"

К однем вперяешь нам Божественный твой ум.
Подобием орла на высоту восходишь,
По всюду от среды свой быстрый взор возводишь
На север и на юг, на запад и восток,
Где Волга, Днепр, Двина, где чистый невский ток
Между Петровых стен[2] ликуя протекает,
В отсудствии Тебя, Богиня, ощущает.
Россия вся Твоей щедротой такова,
Как ныне, зря Тебя, красуется Москва,
Гласит: «О Боже, дай, чтобы Елисавета
С усердьем нашим к Ней свои сравнила лета»

Библиотека "Руниверс"

189

ОДА НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ НОЯБРЯ 25 ДНЯ 1752 ГОДА[a]

1

Российско Солнце на восходе
В сей обще вожделенный день
Прогнало в ревностном народе[6]
И ночи, и печали тень.
Воспомянув часы веселы,[1]
Красуйтесь, щастливы пределы,
В сердцах усугубляйте жар.
Поля и горы, восклицайте
И совокупно возвышайте
Усердием небесный Дар.

2

Что часто солнечным сравняем
Тебя, Монархиня, лучам,

[a] *Отд. изд.* Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на пресветлый и всерадостный праздник восшествия на Всероссийский престол Ея Величества, ноября 25 дня 1752 г., во изъявление истиннаго усердия и радости всеподданнейшее поздравление, лирическим стихом изображенное, всенижайше приносит всеподданнейший раб Михайло Ломоносов

[6] *Отд. изд.*
Прогнало в радостном народе.

Библиотека "Руниверс"

От нужды дел не прибегаем
К однем толь много крат речам
Когда ни начинаем слово.
Сияние в тебе зрим ново
И нову красоту доброт;
Лишь только ум к тебе возводим.
Мы ясность солнечну находим
И многих теплоту щедрот.

3

Когда премудростью своею
Всевышний солнце сотворил.
Пути различны над землею
В течении определил.
Согрев полночну часть Европы,
Сияет в южны Ефиопы[2]
И паки к нам приходит вспять.
Полсвета дневной теплотою,
Полсвета тучной в ночь росою
Пременно тщится оживлять

4

Так Ты, Монархиня, сияешь
В концы державы Твоея,
Когда по оным протекаешь.
Отраду, радость, жизнь дая.
От славных вод Балтийских края
К востоку путь Свой простирая,
Являешь полдень над Москвой.[3]
Ты многим, как заря, восходишь.
Иным прохладну тень наводишь
И обще всем даешь покой.

Библиотека "Руниверс"

5

В пути, которым пролетаешь,
Как быстрой в высоте орел,
Куда Свой зрак ни обращаешь
По множеству градов и сел,
От всех к Тебе простерты взоры,
Тобой всех полны разговоры,
К Тебе всех мысль, к Тебе всех труд
Дитя родивших вопрошает:
«Не Тая ли на нас взирает,
Что Материю все зовут?»

6

Иной, от Старости нагбенный,
Простерть старается хребет,
Главу и очи утомленны
Возводит, где Твой блещет свет.
Там видя возраст бессловесный,
Монархиня, Твой зрак небесный
Любезну оставляет грудь;
Чего язык не изъясняет,
Усмешкой то изображает,
Последуя очами в путь.

7

Среди наследныя державы,
На древней Предков высоте,[4]
Во громком звуке вечной славы,
В любезной мира красоте,
Надеясь Твоего прихода,
Колико множество народа
Тебе во сретенье[5] течет!
Встают верьхи Рифейски выше,

Библиотека "Руниверс"

Течет Двина, Днепр, Волга тише
Желая Твой увидеть свет.

8

Но вы о коль благополучны,
Москву поящия струи!
Вы, ударяючи во бреги тучны
И проходя поля свои,
Ликуйте светло, веселитесь:
Вы скоро, скоро насладитесь
Богини щедрыя очей.
Здесь Нимфы Невской Ипокрены.
Видения Ея лишенны,
Сердцами пойдут в след за Ней

9

Сердцами пойдут и устами
В восторге сладком возгласят.
Коль славными Она делами
Петров распространила град.[6]
И как, о светлом Оной взоре
Возвеселясь, подвиглось море
И к звуку приложило шум.
Каким необычайным треском.
Каким молниевидным блеском
Восхитился внезапно ум?

10

Кто в громе радостные клики
И огнь от многих вод дает?
И кто ведет в перунах лики?
Великая Елисавет
Дела Петровы совершает

Библиотека "Руниверс"

И глубине повелевает
В средину недр земных вступить!
От гласа Росския Паллады
Подвиглись сильныя громады
Врата пучине отворить!

11

О полны чудесами веки!
О новость непонятных дел!
Текут из моря в землю реки,
Натуры нарушив предел!
Уже в них корабли вступают,
От коих волны отбегают,
И стонет страшный Океан.
Помысли, земнородных племя,
Бывал ли где в минувше время
Пример сего чуднее дан? [7]

12

Помысли, зря дела толики
И труд, что можем понести,
Что может ныне Петр Великий
Чрез Дщерь Свою произвести!
Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа
С брегов вечерних на восток.
Я вижу умными очами: [8]
Колумб Российский между льдами
Спешит и презирает рок. [9]

13

Там щастие Елисаветы
Предходит кораблям в пути,

Библиотека "Руниверс"

Отводит всех стихий наветы[8]
И в след себе велит итти.
Ни бури, мразом изощренны,
Ни волны, льдом отягощенны,
Против его не могут стать!
Божественны Ея щедроты
К чему не могут нам охоты
И сил непобедимых дать?

14

О вы, Российски Героини,[10]
Что в вечности превыше звезд
Сияете, уже Богини,
Земных оставя нискость мест!
Вы, пола превышая свойство,
Явили мужеско геройство
Чрез славныя свои дела.
Воззрите с высоты святыя,
Коль светло в наши дни Россия
Петровой Дщерью процвела!

15

Супружню, Ольга, смерть отмщая,
Казнишь искусством Искорест
И, тьмы неверства избегая,
Спешишь до просвещенных мест.
Премудрость, храбрость и святыня
Тобой, блаженная Княгиня,
Из древности сияет к нам.[11]
Твои в делах святыя веры
Дает Петрова Дщерь примеры,[12]
Но мстит умеренно врагам.

[8] *Отд изд.*
Терзает всех стихий наветы.

Библиотека "Руниверс"

16

Елена,* грознаго Героя
Великая делами мать,
Среди врагов ты грады строя
Россию тщилась защищать.
Напрасно дерски сопостаты,
Свирепы орды и Сарматы,
Стремились на твое вдовство:
Сыновняя тобою младость
Была странам Российским радость.
Врагам — ужасно сиротство.

17

Ты, многой силой защищаясь,
Здержала злость врагов твоих;[13]
Елисавета, возвышаясь
На трон, низвергнула своих;
И ныне посреде покоя,
Прекрасны храмы, грады строя,[14]
Россию тщится украшать.
Одне Российских воинств следы
И чудныя Ея победы
Противных могут устрашать.

18

И ты, в женах благословенна.
Чрез кою храбрый Алексей
Нам дал Монарха несравненна.
Что свет открыл России всей.
Велика тем, что ты родила,

* Великая Княгиня Московская Елена Васильевна, супруга Великаго Князя Василия Иоанновича, рождением княжна Глинская, мать великаго Государя Царя Иоанна Васильевича, правила с ним в Его младенчество Российское государство по завещанию супруга своего четыре года с половиною.

Библиотека "Руниверс"

Но больше, что нам сохранила
Петра от внутренних врагов!
Мы ныне в страхе обмираем,
Когда злодеев представляем,
Рыкающих, как лютых львов! [15]

19

Возри на венценосну Внуку,
Что, злых советы раззоря,
Приемлет скиптр в Геройску руку,
Другую движет чрез моря,
Противных силы устрашает,
Петра в Россию возвращает,
Коварства их рассыпав мрак;
Путем приводит безопасным,
С плесканием, везде согласным,
Крепит наследие и брак.[16]

20

О ты, котораго Россия
Давно от чресл Петровых ждет,
Для коего мольбы святыя
Елисавета к Богу льет,
Гряди, гряди, гряди поспешно·
О сем едином безутешно
Вздыхают Россы всякой час!
О небо, предвари судьбину,
Снабди плодом Екатерину!
Внуши народов многих глас! [17]

21

Великих, славных, несравненных
Участница Петровых дел,
Екатерина, погруженных

Библиотека "Руниверс"

Нас в горести, как Он отшел,
Утешила Ты в слезно время,
Нося толь тягостное бремя,
Что сам Он на Тебя взложил [18]
Возвеселися ныне Тою,
Котору Он для нас тобою
Подобну Обоим родил.

22

Что должно Оной по наследству
Геройством возмогла дотти.
Какому Ты подверглась бедству,
Монархиня, чтоб нас спасти.[19]
Мы час тот ныне представляем;
Представив, вне себя бываем.
Надежда, радость, страх, любовь
Живит, крепит, печалит, клонит,
Противна страсть противну гонит.
Густеет и кипит в нас кровь!

23

Однако в силах Бог Великий
Тебе венец, нам радость дал,
В Тебе одной хвалы толики
Российских Героинь послал.
В Тебе одной всех почитаем
И к Вышнему всегда взываем:
«Подай Елисавете век
Обилен, радостен, спокоен;
Таков, коль долго жить достоен
Тебе подобный человек».

Библиотека "Руниверс"

190

НАДПИСЬ НА ОТЪЕЗД ИЗ САНКТПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА 1752 ГОДА ДЕКАБРЯ ДНЯ

Что воздух тих стоит по толь бурливых днях.
Простерся мягкий снег в спокойстве на полях?
Елисавета в путь прещедра поспешает.
Монархиня, Твой взор к Тебе все привлекает·
Не токмо на земли Твоя любезна власть,
Но небо шлет свою Тебе под ноги часть.

Библиотека "Руниверс"

191

ПИСЬМО О ПОЛЬЗЕ СТЕКЛА К ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОМУ ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛУ ПОРУТЧИКУ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КАММЕРГЕРУ, МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА КУРАТОРУ И ОРДЕНОВ БЕЛАГО ОРЛА, СВЯТАГО АЛЕКСАНДРА И СВЯТЫЯ АННЫ КАВАЛЕРУ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ ПИСАННОЕ 1752 ГОДУ[a]

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые Стекло чтут ни́же Минералов,
Приманчивым лучем блистающих в глаза:
Не меньше польза в нем, не меньше в нем краса
Не редко я для той с Парнасских гор спускаюсь,
И ныне от нея на верьх их возвращаюсь,
Пою перед Тобой в восторге похвалу
Не камням дорогим, ни злату, но Стеклу.
И как я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживаго я щастья представляю
Не должно тленности примером тое[1] быть,
Чего и сильный огнь не может разрушить,
Других вещей земных конечный разделитель:
Стекло им рождено; огонь его родитель.

---

[a] *Отд. изд.* Письмо о пользе стекла к действительному Ея Императорскаго Величества Каммергеру и орденов святаго Александра и святыя Анны Кавалеру, Его Превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову от коллежскаго советника и профессора Михайла Ломоносова.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО
О ПОЛЬЗѢ СТЕКЛА

къ дѣйствительному

ЕЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

КАММЕРГЕРУ

и орденовъ святаго Александра

и святыя Анны Кавалеру

его превосходительству

Ивану Ивановичу Шувалову

отъ

Коллежскаго Совѣтника и Профессора

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

Печатано въ Санктпетербургѣ при
Императорской Академіи Наукъ
1752 года.

Титульный лист первого издания «Письма о пользе стекла» (1752).

Библиотека "Руниверс"

С натурой некогда он произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя
Во мрачной глубине, под тягостью земною,
Где вечно он живет и борется с водою,
Все силы собрал вдруг и хляби затворил,
В которы Океан на брань к нему входил;
Напрягся мышцами, и рамена подвинул,
И тяготу земли превыше облак вскинул.
Внезапно черный дым навел густую тень,
И в ночь ужасную переменился день.
Не баснотворнаго здесь ради Геркулеса
Две ночи сложены в едину от Зевеса,[2]
Но Етна правде сей свидетель вечный нам.
Которая дала путь чудным сим родам:
Из ней разжженная река текла в пучину,
И свет отчаясь мнил, что зрит свою судьбину!
Но ужасу тому последовал конец:
Довольна чадом мать, доволен им отец.[3]
Прогнали долгу ночь и жар свой погасили
И солнцу ясному рождение открыли.
Но чтож, от недр земных родясь, произошло?
Любезное дитя, прекрасное Стекло.
Увидев смертные о как ему дивились!
Подобное тому сыскать искусством тщились.
И было в деле сем удачно мастерство:
Превысило своим раченьем естество.
Тем стало житие на свете нам щастливо:
Из чистаго Стекла мы пьем вино и пиво
И видим в нем пример бесхитростных сердец:
Кого льзя видеть сквозь, тот подлинно не льстец.
Стекло в напитках нам не может скрыть примесу.
И чиста совесть рвет притворств гнилу завесу.
Но столько ли уже, Стекло, твоих похвал,
Что нам в тебе вино и мед сам слаще стал?
Никак! Сие твоих достоинств лишь начало,

Библиотека "Руниверс"

Которы мастерство тебе с природой дало.

Исполнен слабостьми наш краткий в мире век
Нередко впадает в болезни человек!
Он ищет помощи, хотя спастись от муки
И жизнь свою продлить, врачам дается в руки.
Нередко нам они отраду могут дать,
Умев приличныя лекарства предписать,
Лекарства, что в Стекле хранят и составляют.
В Стекле одном оне безвредны пребывают.
Мы должны здравия и жизни часть Стеклу
Какую надлежит ему принесть хвалу!
Хоть вместо онаго замысловаты Хины [4]
Сосуды составлять нашли из чистой глины
Огромность тяжкую плода лишенных гор
Художеством своим преобратив в Фарфор.
Красой его к себе народы привлекают,
Что, плавая, морей свирепость презирают, —
Однако был бы он почти простой горшок,
Когда бы блеск Стекла дать помощи не мог [5]
Оно вход жидких тел от скважин отвращает,
Вещей прекрасных вид на нем изображает.
Имеет от Стекла часть крепости Фарфор;
Но тое, что на нем увеселяет взор,
Сады, гульбы, пиры и все, что есть прекрасно.
Стекло являет нам приятно, чисто, ясно.

Искусство, коим был прославлен Апеллес
И коим ныне Рим главу свою вознес,
Коль пользы от Стекла приобрело велики,
Доказывают то Финифти, Мозаики,
Которы в век хранят Геройских бодрость лиц,
Приятность нежную и красоту девиц,
Чрез множество веков себе подобны зрятся
И ветхой древности грызенья не боятся.

Библиотека "Руниверс"

Когда неистовой свирепствуя Борей
Стисняет мразом нас в упругости своей,
Великой не терпя и строгой перемены,
Скрывает человек себя в толсты́я стены.
Он был бы принужден без свету в них сидеть
Или с дрожанием несносной хлад терпеть,
Но солнечны лучи он сквозь Стекло впускает
И лютость холода чрез то же отвращает.
Отворенному вдруг и запертому быть —
Не то ли мы зовем, что чудеса творить?
Потом, как человек зимой стал безопасен
Еще притом желал, чтоб цвел всегда прекрасен
И в северных странах в снегу зеленой сад,
Цейлон бы посрамил, пренебрегая хлад.
И удовольствовал он мысли прихотливы:
Зимою за Стеклом цветы хранятся живы,[6]
Дают приятной дух, увеселяют взор
И вам, Красавицы, хранят себя в убор.
Позволь, Любитель Муз, я речь свою склоняю
И к нежным сим сердцам на время обращаю
И Музы с оными единаго сродства:
Подобна в них краса и нежныя слова.
Щастливой младостью Твои цветущи годы
И склонной похвала и ласковой природы
Мой стих от оных к сим пренесть не возбранят
Прекрасной пол, о коль любезен вам наряд!
Дабы прельстить лицом любовных суеверов,
Какое множество вы знаете манеров
И коль искусны вы убор переменять,
Чтоб в каждой день себе приятность нову дать
Но былоб ваше все старанье без успеху,
Наряды ваши бы достойны были смеху,
Когдаб вы в зеркале не видели себя:
Вы вдвое пригожи, Стекло употребя.
Когда блестят на вас горящие алмазы,

Библиотека "Руниверс"

Двойной кипит в нас жар сугубыя заразы!
Но больше красоты и больше в них цены,
Когда круг них Стеклом цветки наведены:
Вы кажетесь нам в них приятною весною,
В цветах наряженной, усыпанных росою.

Во светлых зданиях убранства таковы.
Но в чем красуетесь, о сельски Нимфы, вы?
Природа в вас любовь подобную вложила,
Желанья нежны в вас подобна движет сила:
Вы также украшать желаете себя.[7]
За тем, прохладные поля свои любя,
Вы рвете розы в них, вы рвете в них лилеи,
Кладете их на грудь и вяжете круг шеи.
Таков убор дает вам нежная весна!
Но чем вы краситесь в другия времена,
Когда, лишась цветов, поля у вас бледнеют
Или снегами вкруг глубокими белеют?
Без оных что бы вам в нарядах помогло,
Когда бы бисеру вам недало Стекло?
Любовников он к вам не меньше привлекает,
Как блещущий алмаз богатых уязвляет.
Или еще на вас в нем больше красота,
Когда любезная в вас светит простота!

Так в бисере Стекло, подобяся жемчугу,
Любимо по всему земному ходит кругу.
Им красится народ в полунощных степях,
Им красится Арап на южных берегах.
В Америке живут, мы чаем, простаки,
Что там драгой металл из сребреной реки
Дают Европскому купечеству охотно
И бисеру берут количество несчотно,
Но тем, я думаю, они разумне нас,
Что гонят от своих бедам причину глаз.

Библиотека "Руниверс"

Им оны времена не будут в век забвенны,
Как пали их отцы, для злата побиенны.
О коль ужасно зло! На то ли человек
В незнаемых морях имел опасный бег,
На то ли, разрушив естественны пределы,
На утлом дереве обшол кругом свет целый,
За тем ли он сошел на красны берега,
Чтоб там себя явить свирепаго врага?
По тягостном труде, снесенном на пучине,
Где предал он себя на произвол судьбине,
Едва на твердый путь от бурь избыть успел,
Военной бурей он внезапно зашумел.
Уже горят Царей там древния жилища,
Венцы врагам корысть и плоть их вранам пища!
И кости предков их из золотых гробов
Чрез стены падают к смердящим трупам в ров!
С перстнями руки прочь и головы с убранством
Секут несытые и златом, и тиранством.
Иных, свирепствуя, в средину гонят гор
Драгой металл изрыть из преглубоких нор.
Смятение и страх, оковы, глад и раны,
Что наложили им в работе их тиранны,
Препятствовали им подземну хлябь крепить,
Чтоб тягота над ней могла недвижна быть.
Обрушилась гора: лежат в ней погребенны
Бесчастные или по истинне блаженны,
Что вдруг избегли все бесчеловечных рук,
Работы тяжкия, ругательства и мук! [8]

Оставив Кастиллан невинность так попранну
С богатством в отчество спешит по Океану,
Надеясь оным всю Европу вдруг купить.
Но златом волн морских не можно утолить.
Подобный их сердцам Борей, подняв пучину,
Навел их животу и варварству кончину:

Библиотека "Руниверс"

Погрязли в глубине с сокровищем своим,
На пищу преданы чудовищам морским.
То бури, то враги толь часто их терзали,
Что редко до брегов желанных достигали.
О коль великой вред! От зла раждалось зло!
Виной толиких бед бывало ли Стекло?
Никак! Оно везде наш дух увеселяет:
Полезно молодым и старым помогает.

По долговременном теченьи наших дней
Тупеет зрение ослабленных очей.
Померкшее того не представляет чувство,
Что кажет в тонкостях натура и искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книг,
Скучнее вечной тьмы, тяжелее вериг!
Тогда противен день, веселие — досада!
Одно лишь нам Стекло в сей бедности отрада.
Оно способствием искусныя руки
Подать нам зрение умеет чрез очки!
Не дар ли мы в Стекле божественный имеем?
Что честь достойную воздать ему коснеем?

Взирая в древности народы изумленны,
Что греет, топит, льет и светит огнь возжженный,
Иные Божеску ему давали честь,
Иные, знать хотя, кто с неба мог принесть,
Представили в своем мечтанье Прометея,
Что, многи на земли художества умея,
Различныя казал искусством чудеса;
За то Минервою был взят на небеса,
Похитил с солнца огнь и смертным отдал в руки.
Зевес воздвиг свой гнев, воздвиг ужасны звуки,
Продерскаго к горе великой приковал
И сильному орлу на растерзанье дал:
Он сердце завсегда коварное терзает,

Библиотека "Руниверс"

На коем снова плоть на муку вырастает.
Там слышен страшный стон, там тяжка цепь звучит,
И кровь чрез камни в низ текущая шумит.
О коль несносна жизнь! Позорище ужасно!
Но в просвещенны дни сей вымысл видим ясно.
Пииты, украшать хотя свои стихи,
Описывали казнь за мнимые грехи.
Мы пламень солнечный Стеклом здесь получаем
И Прометея тем безбедно подражаем.[9]
Ругаясь подлости нескладных оных врак,
Небесным без греха огнем курим табак;
И только лишь о том мы думаем жалея,
Не сверглаль в пагубу наука Прометея?
Не злясь ли на него, невежд свирепых полк
На знатны вымыслы сложил неправой толк?
Не наблюдал ли звезд тогда сквозь Телескопы,
Что ныне воскресил труд щастливой Европы?
Не огнь ли он Стеклом умел сводить с небес
И пагубу себе от Варваров нанес,
Что предали на казнь, обнесши чародеем? [10]
Коль много таковых примеров мы имеем,
Что зависть, скрыв себя под святости покров,
И груба ревность с ней, на правду строя ков,
От самой древности воюют многократно,
Чем много знания погибло невозвратно!
Коль точно знали б мы небесныя страны,
Движение планет, течение луны,
Когда бы Аристарх завистливым Клеантом [11]
Не назван был в суде неистовым Гигантом,
Дерзнувшим землю всю от тверди потрясти,
Круг центра своего, круг солнца обнести,
Дерзнувшим научать, что все домашни Боги
Терпят великой труд всегдашния дороги:
Вертится в круг Нептун, Диана и Плутон
И страждут ту же казнь, как дерсской Иксион,

Библиотека "Руниверс"

И неподвижная земли Богиня Веста
К упокоению сыскать не может места!
Под видом ложным сих почтения Богов
Закрыт был звездный мир чрез множество веков.
Боясь падения неправой оной веры,
Вели всегдашню брань с наукой лицемеры,
Дабы она, открыв величество небес
И разность дивную неведомых чудес,
Не показала всем, что непостижна сила
Единаго Творца весь мир сей сотворила,
Что Марс, Нептун, Зевес, все сонмище Богов
Не стоят тучных жертв, ниже́ под жертву дров,
Что агньцов и волов жрецы едят напрасно:
Сие одно, сие казалось быть опасно!
Оттоле землю все считали посреде.
Астроном весь свой век в бесплодном был труде
Запутан циклами, пока восстал Коперник,
Презритель зависти и варварству соперник:
В средине всех Планет он солнце положил,
Сугубое земли движение открыл:
Однем круг центра путь вседневный совершает,
Другим круг солнца год теченьем составляет.
Он циклы истинной Системой разтерзал
И правду точностью явлений доказал.
Потом Гугении, Кеплеры и Невтоны,
Преломленных лучей в Стекле познав законы,
Разумной подлинно уверили весь свет,
Коперник что учил, сомнения в том нет.
Клеантов не боясь, мы пишем все согласно,
Что истинне они противятся напрасно;
В безмерном углубя пространстве разум свой,
Из мысли ходим в мысль, из света в свет иной;
Везде Божественну премудрость почитаем,
В благоговении весь дух свой погружаем,
Чудимся быстрине, чудимся тишине,

Библиотека "Руниверс"

Что Бог устроил нам в безмерной глубине.
В ужасной скорости и купно быть в покое —
Кто чудо сотворит, кроме Его, такое?
Нас больше таковы идеи веселят,
Как,[12] Божий некогда описывая град,
Вечерний Августин * душею веселился.
О коль великим он восторгом бы пленился,
Когдаб разумну тварь толь тесно не включал,
Под намиб жителей, как здесь, не отрицал,[13]
Без Математики вселенной бы не мерил!
Что есть Америка, напрасно он не верил:
Доказывает то подземной Католик,
Кадя златой его в костелах новых лик.[14]
Уже Колумбу в след, уже за Магелланом
Круг света ходим мы великим Океаном
И видим множество Божественных там дел,
Земель и островов, людей, градов и сел,
Незнаемых пред тем и странных нам животных,
Зверей и птиц, и рыб, плодов и трав несчотных.
Возмите сей пример, Клеанты, ясно вняв,
Коль много Августин в сем мнении неправ:
Он слово Божие употреблял ** напрасно.
В Системе света вы тож делаете власно.[15]
Во зрительных трубах Стекло являет нам,
Колико дал Творец пространство небесам.
Толь много солнцев в них пылающих сияет,
Недвижных сколько звезд нам ясна ночь являет.
Круг солнца нашего, среди других планет
Земля с ходящею круг ней луной течет,
Которую, хотя весьма пространну знаем,
Но, к свету применив, как точку представляем.
Коль созданных вещей пространно естество!
О коль велико их создавше Божество!

*О граде божии, кн. 16, гл. 9.
** Там же.

Библиотека "Руниверс"

О коль велика к нам щедрот его пучина,
Что на землю послал возлюбленнаго Сына!
Не погнушался Он на малой шар сотти,
Что бы погибшаго страданием спасти.
Чем меньше мы Его щедрот достойны зримся,
Тем больше благости и милости чудимся?
Стекло приводит нас чрез Оптику к сему,
Прогнав глубокую неведения тьму!
Преломленных лучей пределы в нем неложны
Поставлены Творцем: другие невозможны.
В благословенной наш и просвещенной век
Чего не мог дотти по оным человек?

Хоть острым взором нас природа одарила,
Но близок онаго конец имеет сила:
Кроме, что в далеке не кажет нам вещей
И собранных трубой он требует лучей,
Коль многих тварей он еще не досягает,
Которых малой рост пред нами сокрывает!
Но в нынешних веках нам Микроскоп открыл,
Что Бог в невидимых животных сотворил!
Коль тонки члены их, составы, сердце, жилы
И нервы, что хранят в себе животны силы!
Не меньше, нежели в пучине тяжкий Кит,
Нас малый червь частей сложением дивит.
Велик Создатель наш в огромности небесной!
Велик в строении червей, скудели тесной!
Стеклом познали мы толики чудеса,
Чем Он наполнил Понт,[16] и воздух, и леса.
Прибавив рост вещей, оно, коль нам потребно,
Являет трав разбор и знание врачебно.
Коль много Микроскоп нам тайностей открыл
Невидимых частиц и тонких в теле жил!

Но что еще? Уже в стекле нам Барометры
Хотят предвозвещать, коль скоро будут ветры,

Библиотека "Руниверс"

Коль скоро дождь густой на нивах зашумит,
Иль, облаки прогнав, их солнце осушит.
Надежда наша в том обманами не льстится:
Стекло поможет нам, и дело совершится.
Открылись точно им движения светил;
Чрез тож откроется в погодах разность сил.
Коль могут щастливы селяне быть оттоле,
Когда не будет зной, ни дождь опасен в поле!
Какой способности ждать должно кораблям,
Узнав, когда шуметь или молчать волнам
И плавать по морю безбедно и спокойно!
Велико дело в сем и гор златых достойно!

Далече до конца Стеклу достойных хвал,
На кои целой год едва бы мне достал.
За тем уже слова похвальны оставляю
И что об нем писал, то делом начинаю.
Однако при конце не можно преминуть,
Чтоб новых мне его чудес не помянуть.

Что может смертным быть ужаснее удара,
С которым молния из облак блещет яра?
Услышав в темноте внезапной треск и шум
И видя быстрый блеск, мятется слабый ум,
От гневнаго часа желает гдеб укрыться,
Причины онаго исследовать страшится,
Дабы истолковать что́ молния и гром,
Такия мысли все считает он грехом.
«На бичь, — он говорит, — я посмотреть не смею,
Когда грозит Отец нам яростью своею».
Но как Он нас казнит, подняв в пучине вал,
То грех ли то сказать, что ветром Он нагнал?
Когда в Египте хлеб довольный не родился,
То грех ли то сказать, что Нил там не розлился?
Подобно надлежит о громе разсуждать.
Но блеск и звук его, не дав главы поднять,

Библиотека "Руниверс"

Держал ученых смысл в смущении толиком,
Что в заблуждении теряли путь великом
И истинных причин достигнуть не могли,
Поколе действ в Стекле подобных не нашли.
Вертясь, Стекляный шар дает удары с блеском,
С громовым сходственны сверьканием и треском.[17]
Дивился сходству ум, но, видя малость сил,
До лета прошлаго сомнителен в том был;[18]
Довольствуя одне чрез любопытство очи,
Искал в том перемен приятных дни и ночи
И больше в том одном рачения имел,
Чтоб силою Стекла болезни одолел,
И видел часто в том успехи вожделенны.
О коль со древними дни наши несравненны!
Внезáпно чудный слух по всем странам течет,
Что от громовых стрел опасности уж нет!
Что та же сила тучь гремящих мрак наводит,
Котора от Стекла движением исходит,
Что, зная правила, изъисканны Стеклом,
Мы можем отвратить от храмин наших гром.[19]
Единство оных сил доказано стократно.
Мы лета ныне ждем приятнаго обратно:
Тогда о истинне Стекло уверит нас,
Ужасный будет ли безбеден грома глас?[20]
Европа ныне в то всю мысль свою вперила
И махины уже пристойны учредила.
Я, следуя за ней, с Парнасских гор схожу,
На время ко Стеклу весь труд свой приложу.

Ходя за тайнами в искусстве и природе,
Я слышу восхищен веселый глас в народе.
Елисаветина повсюду похвала
Гласит премудрости и щедрости дела.
Златыя времена! О кроткие законы!
Народу Своему прощает милионы[21]

Библиотека "Руниверс"

И, пользу общую отечества прозря,
Учению велит расшириться в моря,
Умножив бодрость в нем щедротою Своею![22]
А Ты, о Меценат,[23] предстательством пред Нею[б]
Какой наукам путь стараешся открыть,
Пред светом в том могу свидетель верной быть.
Тебе похвальны все, приятны и любезны,
Что тщатся постигать учения полезны.
Мои посильные и малые труды
Коль часто перед Ней воспоминаешь ты!
Услышанному быть Ея кротчайшим слухом
Есть новым в бытии животвориться духом![в]
Кто кажет старых смысл во днях еще младых,
Тот будет всем пример, дожив власов. седых.
Кто склонность в щастии и доброту являет,
Тот щастие себе недвижно утверждает.
Всяк чувствует в Тебе и хвалит обое,
И небо чаемых покажет збытие.

[б] *Отд. изд.*
А Ты, мой Меценат, присутствуя пред Нею.

[в] *Отд. изд.*
Есть новым бытия животвориться духом!

Библиотека "Руниверс"

1753

192

ПРОЭКТ НА ИЛЛЮМИНАЦИЮ К ТОРЖЕСТВЕННОМУ ДНЮ КОРОНОВАНИЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА 1753 ГОДА АПРЕЛЯ 25 ДНЯ

По средине возвышеннаго несколько места представить торжественныя врата, которых украшения по приличным местам состоят из сердец, связанных между собою лавровыми фестонами. Во вратах изобразить въежжающую торжественную колесницу по Римскому обыкновению, на которой стоит вензеловое имя Ея Величества под Императорскою короною; на фронтисписе врат Российский герб со скиптром и оливными ветьвми. По обеим сторонам врат поставить два столпа, украшенныя щитами, подобие сердец имеющими, висящими на фестонах, около столпов обвитых; на щитах изобразить гербы Российских знатнейших владений. На правом столпе на верху Императорскую корону, а на левом — державу представить. Столпы со вратами соединить между ими стоящими палмовыми деревами и дымящимися олтарями по переменам, в перспективном расположении.

Знаменование сего символическаго изображения содержится в следующих стихах: [a]

---

[a] Соч. *1757 надпись (стихи 1—22) напечатана под заглавием* На иллуминацию, представленную в Москве на день Коронования Ея Величества Апреля 25 дня 1753 года, где изображено было венчанное вензловое имя

Библиотека "Руниверс"

Победе следует пресветло торжество: [6]
Герой приемлет честь и жертву Божество.
Звучат в полках трубы, на пленниках оковы,
В противничей крови несут щиты Багровы.
Победа — твой восход, триумф Твой — праздник сей.
Монархиня, мы что явим к хвале Твоей?
Не город Ты один, ниже едино войско
В свою прияла власть чрез мужество Геройско,
Но царство многих царств, порфиру, и венец,
И многи тмы [в] к тебе пылающих сердец.
Не кровию земля кипящей обагрилась,
Но в радости струях Россия насладилась.
Не ярый нас страшил [г] пожар горящих стен,
Но ревностью пылал народ к Тебе вожжен.
Не тяжкия на нас в плену звучали узы,
Но с плеском ставили мы верности союзы.
Когда толь радостно Тобой пленённым быть,
Коль громка похвала победу получить!
Богиня, торжествуй тем долее над нами,
Чем выше смертных Ты безсмертными делами.
Торжественны врата, трофеи, колесница
В нас верныя сердца и радостныя лица.

Ея Величества, на торжественной колеснице в Триумфальныя ворота въежжающей.

[6] *Соч. 1757*

Победе следует весело торжество.

[в] *Соч. 1757* тьмы.

[г] *Первоначальное* страшит *переправлено рукой Ломоносова на* страшил.

Библиотека "Руниверс"

193

Августейшей Императрице Елисавете, щедрой Отеческаго Града Расширителнице, великодушной Наук и Художеств Покровительнице, любовь, верность, усердие и благодарность в честь и славу посвящает.

Библиотека "Руниверс"

194

НАДПИСЬ НА ОКАЗАНИЕ ВЫСОЧАЙШЕЙ МИЛОСТИ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА В МОСКВЕ 1753 ГОДА

Монархиня, Твоя прещедрая рука
Обилие нам льет и радость, как река,
Сильнее, нежели ключей Кастальских токи,
Стремление к стихам и дух дает высокий.
О радостной восторг! Куда я полечу?
Но большее язык богатство слов являет,
Когда умеренно веселие бывает;
Веселие мое безмерно — я молчу.

Библиотека "Руниверс"

195

ПРОЕКТ ФЕЙЕРВЕРКА И ИЛЛЮМИНАЦИИ К ТОРЖЕСТВЕННОМУ ДНЮ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СЕНТЯБРЯ К 5 ДНЮ 1753 ГОДА

Представить прекрасное селение Российского покоя, состоящее из великолепного строения и цветущих садов, следующим образом:

1. Напереди поставить перила на подобие ограды, украшенной вазами и статуями и другими приличными украшениями. Насредине — отворенные на обе стороны ворота из картин. На правой руке изобразить дерево со зрелыми плодами, стоящее при зрелой пшенице; притом четыре Гениуса: первой — жнет, другой — снопы носит, третей — на дереве рвет плоды, четвертой — принимает оныя в корзину; на верху надпись: «Тебе плодоносна». На левой половине ворот написать по тихому морю едущую Амфитриту, держащую флаг с начертанием первых писмен высочайшаго имени Ея Императорскаго Величества, которой кроткие Зефиры распростирают; наверху надпись: «Тобою спокойно». На фронтисписе ворот в приличных мирному времени украшениях — Российский Герб, у которого на груди вензловое имя Ея Императорскаго Величества.

2. За сими перилами — сад, украшенной перспективными партерами, фонтанами и проч.; посредине онаго саду, на одном большом плане фитилями изобразить великую, на подобие египетских, пирамиду, из крупных квадратных камней состоящую, венчанную Императорскою короною, под которою на фестонах и гирландах висит щит с вензловым же именем Ея

Библиотека "Руниверс"

Императорскаго Величества, окруженным сияющею радугою. Внизу, у фундамента пирамиды, сидит об нее опершаяся Россия в городской короне, взирающая с веселием на щит с именем Ея Императорскаго Величества, держащая рог изобилия; при ней лежат разных наук и художеств инструменты; на той части фундамента пирамиды, которая седящею Россиею не закрыта, подписать: «Твердость общаго покоя».

3. Позади плана, за всеми увеселительными огнями, на иллюминационном театре, по обеим сторонам представить далече простирающийся проспект так, чтобы с краев театра ближние концы проспекта с передними и боковыми перилами в соединении быть казались. Оной проспект состоять имеет из растущих по обеим сторонам высоких и на вершине широкими ветьвьми распростершихся илимовых дерев[1] в прямой линеи; около чистого стебла каждого дерева обвившияся виноградныя лозы с полными и зрелыми гроздами; посередине, в самом большем отдалении, видно великолепный храм мира на высокой горе. Присем прилично с обвившимся виноградом соответствовать будет, ежели будут[а] пускать из пристойных мест между сими деревами изобретенныя мною витыя ракеты.[2]

4. План зажечь треугольным сиянием, окружающим имя божие, зажегши оное прежде и опустив с верху на пирамиду.

Знаменование сего явствует из следующих стихов:[б]

Хотя счастливыя военныя дела —
Монархам громкая на свете похвала,
Но в ясной тишине возлюбленнаго мира
Прекраснее ко всем сияет их порфира.
Велико дело в том, чтоб часто побеждать,
Но более того всегдашней мир держать.
В победах надлежит полкам большая доля,

[а] ежели будут *вписано рукой Ломоносова.*

[б] *Соч. 1757 надпись (стихи 1—48) напечатана под заглавием* На день тезоименитства Ея Величества 1753 года, где Российской покой уподобляется прекрасному селению с великолепными зданиями.

Библиотека "Руниверс"

В победах счастию почти дана вся воля.
Спокойной мир хранит одна премудра власть,
Не может войску быть, ни щастию в том часть.
Производить плоды природно только лету,
И кроткий мир един дает богатство свету.
То правда надлежит и зиму тем хвалить,
Что может суровство поветрий отвратить
И вредны умертвить в лесах и нивах гады;
Подобныя дает счастлива брань отрады.
Но как между стихий с зимой минет война
И нам является прекрасная весна,
От ней неистовы Бореи убегают,
От ней приятные Зефиры вылетают,
Дыхая по земле, дыхая по водам,
Велят всходить цветам, велят упасть волнам,
Ведут суда в моря и земледельца в нивы,
Готовят сладкий плод и в пристань путь счастливый,
Льют радость в понт, в луга, и в воздух, и в ефир —
Толь щастливы места, где дом имеет мир.
Но где прекраснее селение покою,
Как то, Монархиня, что дал нам бог с тобою?
Поставлена чужим Тобою тишина,
То коль спокойна быть должна твоя страна!
Ты твердость общему покою положила;
Неможет онаго подвигнуть вредна сила:
Подобен крепости великих пирамид,
Среди счастливых мест недвижимо стоит.
Возлегши на него, блаженная Россия
Под скипетром Твоим считает дни златыя.
В довольстве спеет труд, довольствие в труде,[8]
Взаимно друг другу способствуя везде,
Как вьется виноград на илиме высоком,

[8] <Растет> В довольстве спеет труд, довольствие в труде.
Растет *вачеркнуто Ломоносовым*, спеет *вписано Ломоносовым*.

Библиотека "Руниверс"

Держась их и его питая сладким соком.
Толиким множеством божественных даров
Довольствуемся мы, имея всем покров
В Тебе, Монархине, от Бога просвещенной,
К нему и к отчеству[г] любовию вожженной.
В сей праздник, веселясь веселием Твоим,
С торжественным огнем мы к вышнему горим,
Да продолжит Тобой дни мирны и прекрасны,
Со кротостью Твоей и с именем согласны.

[г] *В подлиннике ошибочно* к отечеству.

Библиотека "Руниверс"

196

ПРОЭКТ ИЛЛЮМИНАЦИИ И ФЕЙЭРВЕРКА К ТОРЖЕСТВЕННОМУ ДНЮ ВОЗШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА НОЯБРЯ 25 ДНЯ 1753 ГОДА

Представить великолепный и пристойным архитектурным расположением украшенный амфитеатр мужества великодушныя Елисаветы следующим образом.

1

На обыкновенном иллюминационном плане фонарями изобразить половинное окружение великаго театра по Римскому обыкновению; на верхних украшениях поставить многие вазы с цветами или деревьями, выбранными изо всех четырех частей света, например, яблони, палмы, алои и ананасы, дабы изобразить, что сей амфитеатр значит весь свет, из четырех частей состоящий.

2

При концах полуокружнаго амфитеатра по обеим сторонам на картинах, за которыми плошки гореть будут, представить на разных онаго ярусах смотрителей из разных народов всего света, различая их лицами и платьем, показывающих свое удивление и радость плесканиями, восклицаниями и другими признаками удовольствия. Помянутыя две картины так поставить, чтобы они казались быть в соединении с концами полуокружнаго амфитеатра, нагнувшимися к главному пункту зрения.

Библиотека "Руниверс"

3

Посреде сего здания, на одном фитильном великом плане, изобразить на возвышенном троне стоящую, сиянием окруженную Минерву в порфире, Российскими гербами испещренной, лавровым венцем венчанную, правою рукою скипетр простирающую над стол, на котором Императорская корона и царские венцы с державою; в левой руке щит с первым писменем высочайшаго имени Ея Императорскаго Величества, изображенным на горящем сердце, и с Минервиным копием. Внизу бегущий от трона Дракон со Львиною, Тигровою, Крокодиловою, веприною, змеиною, волчьею и Лисьею головами, по которым исходящие от сияния тучи, с молниею смешанные, ударяют. На нижней степени подписать: «Природою и мужеством».

№. Дракона можно представить на особливом низком плане, которой оттянуть перед окончанием фитильнаго огня за шпалеры, а из промеж лучей пускать к Дракону швермеры.[1]

Изъяснение сего состоит в следующих стихах: [a]

О древность, славная пречудными делами,
Что Пиндар до небес трубящими устами
Чрез множество веков в концы земны гремит,
Геройских подвигов изображая вид.
И вы, великаго амфитеатры града,[2]
Народа по войнах Латинскаго отрада,
В сей день скончайте ваш доныне слышный плеск:
Яснее возсиял Елисаветин блеск.
Не зубы стер боец пред Римлянами львице,
Ниже́ кто облетел всех протчих в колеснице,
Но мужеством прешла[3] мужей Елисавет,
И подвига Ея смотритель целой свет!
Седмь глав зияли к ней на теле вдруг едином,

[a] *Соч. 1757 надпись (стихи 1—46) напечатана под заглавием* На день восшествия на престол Ея Величества 1753 года, где Ея Величество уподобляется Минерве, молниею поражающей дракона многоглавнаго.

Библиотека "Руниверс"

Где зависть, в жале яд носящая змеином,
И злобы мерсския свирепый Крокодил,
И вепрь неистовства неодолимых сил,
С языком лисиим пронырливое льщенье,
Зев волчия алчбы, Тигр ярый — похищенье
И львины челюсти рыкающей войны
В одном чудовище на дерзость рождены.
Взирая на сего Елисавет Дракона,[4]
Лежащаго кругом отеческаго Трона,
Рекла: «Что сей мне враг препятствует восход,
Котораго давно желает мой народ?
Не мой ли сей венец? Не я ли дщерь Петрова?
И Россы моего все требуют покрова.
Ни что не может мне путь к славе пересечь».
Сию Геройскую окончевая речь,
Сиянием в округ небесным просветилась
И выше смертныя величеством явилась.
Минервы чудный в ней изображался вид;
Петров дух был Ей шлем, любовь Россиан — щит.[6]
Без грому молния, из ясности блистая,
В Драконовы главы и в сердце ударяя,
Смутила горду кровь, пронзила грозный взор.
Сражен, прогнан, убег Рифейских дале гор.
Угасла молния, одни лучи сияли,
Вселенныя концы руками восплескали.
Тогда, красуясь, Росс главу свою вознес,
Петрополь мнил себя превыше быть небес.
Мы ныне, празднуя той час благословенный,
Огнями кажем огнь, во всех сердцах вожженный.
О естьлиб с внутренним огнь внешний равен был,
Он выше бы восшел в ночь блещущих светил.
Монархиня, Тобой любовь есть в нас рожденна:
Какаяж в свете вещь с ней может быть сравненна?

[6] *Соч. 1757*
Петров дух был Ей шлем, любовь Россиян щит.

Библиотека "Руниверс"

197

ПРОЭКТ ИЛЛУМИНАЦИИ И ФЕЙЭРВЕРКА НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК РОЖДЕНИЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ 1753 ГОДА

1

На одном фитильном плане, которой должен быть нарочито от земли отделен и возвышен, изобразить выехавшую в колеснице на белых огнедышущих конях Аврору с факелом в руке и с утреннею звездою на челе; в другой руке — распростертое зефирами знамя с первою буквою имени Ея Императорскаго Величества: «Е». На другом, которой на земли по одну сторону поставлен быть имеет, представить триумфальныя ворота, подобныя тем, в которыя 1709 года Декабря 19 числа Блаженныя памяти Государь Петр Великий от Полтавы с пленными шествовал.[1] На третьем щите по другую сторону представить въежжающаго в них Петра Великаго с торжеством.

2

Позади сего, на иллуминационном театре, представить лучи утренней зари, румяные, с белым смешенные, у горизонта — проспект города, знаменующаго Полтаву, и множество возвышенных трофеев.

3

Увеселительныя огни расположить по приличности материи.

4

Ежели фейэрве́рку быть соблаговолено не будет, то все, что фитилями изобразить надлежало, можно представить на картинах.

Библиотека "Руниверс"

Знаменование: [a]

О вы, которы все по рассужденью злому
Обыкли случаю приписывать слепому,
Уверьтесь нынешним превожделенным днем,
Что промысл Вышняго господствует во всем.
Когда готовил он блаженство наших лет,
От чресл Петровых нам послал Елисавет
И знаки предъявил, которы от Полтавы
Тогда наполнили весь свет Петровой славы.
С рождением Ея торжественной был въезд.
Тогда взнесла свой глас и дух Москва до звезд.
Младенца в пеленах трофеи окружали,
И воплю первому войск плески отвещали.[2]
Подвиглись радостью земля, моря, ефир.
Петр шествовал во град, Елисавета — в мир,
Низвергнув Петр врагов, Она — в Петровы следы
Ко одержанию подобныя победы.
Коль явственно тогда сам промысл предъявил,
Что после к радости всеобщей совершил!
Родясь, как ясная заря, нам возсияла
И царства своего день светлый предвещала.
Монархиня, мы тем освещены всегда,
Сокрытаго во тме избавились вреда [б]
И радостным в ночи огнем Тебе являем,
Что ночи мы в сердцах и темноты не знаем.

---

[a] *Соч. 1757 надпись (стихи 1—24) напечатана под заглавием* На день рождения Ея Величества, где оное восходящей заре уподобляется, во время торжественнаго въезду Петра Великаго от Полтавы

[б] *В подлиннике первоначально было*

Избавились во тме сокрытаго вреда,

после чего Ломоносов изменил порядок слов, обозначив последовательность их цифрами. Соч. 1757 сохранен первоначальный вариант подлинника.

Библиотека "Руниверс"

198

ОПИСАНИЕ ИЛЛУМИНАЦИИ И ФЕЙЕРВЕРКА ДЛЯ ИЗЪЯВЛЕНИЯ ОБЩЕЙ РАДОСТИ И УСЕРДИЯ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ. ПРЕДСТАВЛЕННЫХ НА НОВОЙ 1754 ГОД В МОСКВЕ ПРЕД ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА НОВОСОЗДАННЫМ ДОМОМ [1]

В пространном здании вечности, изображенном на иллуминационном театре с разными ея признаками и мирных и военных времен, представляется по средине отворенная галлерея 1754 года на фитильном щите, с четырьмя аркадами, в каждой стороне по два, для знаменования четырех частей года: в первом — надежды исполненное сеяние, во втором — богатая жатва, в третьем — изобилие винограда, в четвертом — радостное наполнение житниц. Над зодиями каждой части года и над карнизами роги изобилия сыплют над весною довольствие цветов, над летом — множество колосов и других плодов, над осенью — зрелые грозды, над зимою — монеты. Позади, выше цыфирнаго изображения 1754 года, в средине всего здания представляется торжественной столп под Императорскою короною, украшенный Российским гербом, у котораго на грудном щите начертание высочайшаго Имени Ея Императорскаго Величества, яко украшения и славы времен наших. Многочисленные увеселительные огни разнаго рода, сии символическия начертания различною отменою оживляя, купно и всех Россиян согласный единомысленным усердием дух к следующим радостным размышлениям и восклицаниям восхищают: [a]

[a] *Соч. 1757 надпись (стихи 1—30) напечатана под заглавием* На новой 1754 год, где время уподобляется великому зданию.

Библиотека "Руниверс"

Взирая вечности на здание обширно,
На множество веков, на житие всемирно,
Мы видим разность дел со разностию лет:
Там брань горит, там мир возлюбленный цветет,
Там веки, ясностью учений просвещенны,
То в мраке варварства глубоко погруженны;
Терзает смертных там гонение и глад,
Там все довольствия безчисленных отрад.
Сии неравности прилежно рассуждая,
Зрим ясно, от чего премена таковая.
Монархов милости, премудрость, бодрый дух
О счастьи многих стран простерли вечный слух.
Благополучны их державы были лета,
Но лучше ныне нам дает Елисавета.
Подобясь время Ей в божественных делах,
Являет образ нам во всех своих частях:
Весна, красясь всегда приятными цветами,
Равнится с льющими отраду всем устами;
И лето с осенью обильные плоды
Нам сыплет, как Она, с избытком за труды;
Зима в спокойствии довольством услаждает.
Как миром всем Она богатым украшает
И тщится ускорить щедротой всход наук
И хитрость разную художественных рук.
Россия, ликовствуй и числи лета новы,
Счастливы счастием Наследницы Петровы.
Проси, как просишь ты от Вышняго, проси
И громкий к небу глас и сердце вознеси:
Да здравием Ея всегда пребудем здравы
И громких дел Ея да насладимся славы.

Библиотека "Руниверс"

199—202

[СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ ПИСЬМА И. И. ШУВАЛОВУ ОТ 18 ОКТЯБРЯ 1753 г.]

199

Внезапно встал Нептун с высокия горы,
Пошол и тем потряс и лесы, и бугры.
Трикраты он ступил, четвертый шаг достигнул
До места, в кое гнев и дух его подвигнул.[1]

200

Едва он речь скончал, великая громада
С горы к водам идет среди овечья стада,
Ужасной Полифем, прескверной изувер,
Исполнен ярости и злобы выше мер.
Лишася зрения, он дуб несет рукою,
Как трость, и ищет тем дороги пред собою.
Зубами заскрипел и морем побежал;
Едва во глубине до бедр касался вал.[1]

201

Трикраты страшныя власы встряхнул Зевес,
Подвигнул горы тем, моря, поля и лес.[1]

202

Я таинства хочу неведомыя петь,
На облаке хочу я выше звезд взлететь,
Оставив низ, пойду небесною горою,
Атланту наступлю на плечи я ногою.[1]

Библиотека "Руниверс"

203

Отмщать завистнику меня вооружают,
Хотя мне от него вреда отнюдь нечают.
Когда зоилова хула мне невредит,
Могу ли на него за то я быть сердит?
Однакож осержусь! Я встал, ищу обуха;
Уж поднял, я махну! А кто сидит тут? Муха!
Коль жаль мне для нея напраснаго труда.
Бедняшка, ты летай, ты пой: мне нет вреда.[a]

[a] *Рук. вместо стихов 6—9*

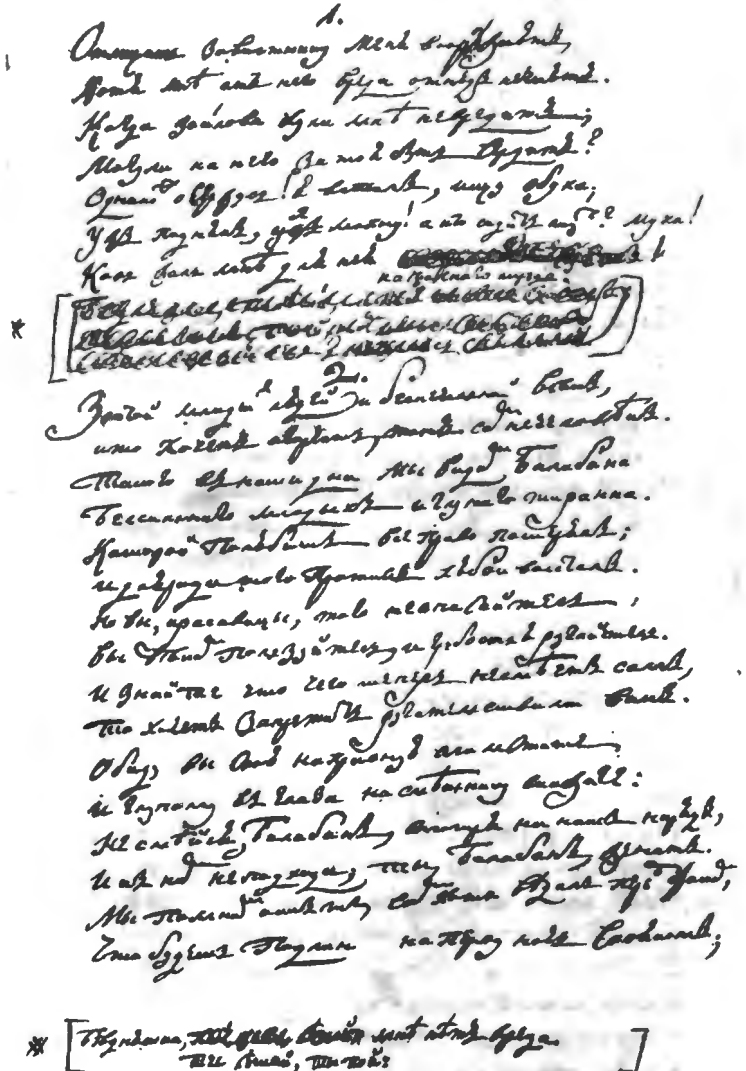
Уж поднял, ‹уж› я махну! А кто сидит тут? Муха!
Коль жаль мне для нея ‹напрасн[ой] суеты› напраснаго труда.
‹Бедняжка, полети и пой во весь заход:
Я, слыша голос твой, тошноту получаю:
Смеясь, трясуся весь, нежалясь выпускаю›.
Бедняшка, ‹пой, живи, летай› ты летай, ты пой: мне нет вреда

Библиотека "Руниверс"

204

Златой младых людей и беспечальной век
Кто хочет огорчить, тот сам нечеловек.
Такого в наши дни мы видим Балабана,[1]
Бессильнаго младых и глупаго тиранна,
Которой полюбить все право потерял
И для ради того против любви восстал.
Но вы, красавицы, того неопасайтесь:
Вы веком пользуйтесь и грубостью ругайтесь
И знайте, что чего теперь несмеет сам,
То хочет запретить ругательствами вам.
Обиду вы свою напрасную отмстите
И глупому в глаза насмешнику скажите:
«Не смейся, Балабан, смотря на наш наряд,
И к нам не подходи; ты, Балабан, женат.
Мы помним, как ты сам, хоть ведал перед браком,
Что будешь подлинно на перву ночь свояком,[2]
Что будешь вотчим слыть, на девушке женясь,
Или отец Княжне, сам будучи не Князь, —
Ты, все то ведая, старался дни и ночи
Наряды прибирать сверх бедности и мочи.[3]
Но естьлиб чистой был Дияне мил твой взгляд
И был бы, Балабан, ты сверх того женат,
То б ты на пудре спал и ел всегда помаду,
На беса б был похож и с переду и с заду.
Тогдаб перед тобой и самой вертопрах
Как важной был Катон у всякаго в глазах».
Вы все то, нестыдясь, скажите Балабану,
Чтоб вас язвить забыл, свою лечил бы рану.

Библиотека "Руниверс"



Стихотворения «Отмщать завистнику меня вооружают...» и «Златой младых людей и беспечальной век...»

Собственноручный подлинник (1753)
Архив Академии наук СССР

Библиотека "Руниверс"

205

Искусные певцы всегда в напевах тщатся,
Дабы на букве *А* всех доле остояться,
На *Е*, на *О* притом умеренность иметь,
Чрез *У* и через *И* с поспешностью лететь,
Чтоб оным нежному была приятность слуху,
А сими непринесть несносной скуки уху.
Великая Москва в языке толь нежна,
Что *А* произносить за *О* велит она.
В музыке что распев, то над словами сила; [1]
Природа нас блюсти закон сей научила.
Без силы *бе́реги*, но с силой *берега́*
И *сне́ги* без нея мы говорим *снега́*;
Довольно кажут нам толь ясныя доводы,
Что ищет наш язык везде от *И* свободы:
Или уж стало *иль*; *коли* уж стало *коль*;
Изволи ныне все везде твердят *изволь*;
За *спиши*, *спишь* и *спать* мы говорим за *спати*.
На чтоже, Трисотин,[2] к нам тянешь *И* не к стати?
Напрасно злобной сей ты предприял совет,
Чтоб, льстя тебе, когда Российской принял свет
Свиныи визги вси и дикии, и злыи,
И истинныи ти, и лживы, и кривыи.
Языка нашего небесна красота
Небудет никогда попранна от скота.
От яду твоего он сам себя избавит
И, вред сей выплюнув, поверь, тебя заставит
Скончать твой скверной визг стонанием совы,
Негодным в руской стих и пропастным *увы*!

Библиотека "Руниверс"

206

НА СОЧЕТАНИЕ СТИХОВ РОССИЙСКИХ[а]

Я мужа бодраго из давных лет имела,[б, 1]
Однако же вдовой без онаго сидела.
Штивелий[2] уверял, что муж мой худ и слаб,
Безсилен, подл и стар, и дряхлой был арап;[3]
Сказал, что у меня кривясь трясутся ноги
И нет мне никакой к супружеству дороги.
Я думала сама, что вправду такова —
Негодна никуда, увечная[в] вдова.
Однако ныне вся уверена Россия,
Что я красавица — Российска[г] поэзия,
Что мой законной муж — завистной молодец,[д]
Кто зделал моему нещастию конец.[4]

[а] *Каз.* На сочинение российских стихов.
Бычк. На соч. рос. стих.

[б] *Каз., Бычк.*

Я мужа добраго из давных лет имела.

[в] *Каз. ошибочно* увечна.

[г] *М. ошибочно* Российская.

[д] *Каз.*

Что мой законной муж — завидной молодец.

Библиотека "Руниверс"

207

К И[ВАНУ] И[ВАНОВИЧУ] Щ[УВАЛОВУ]

Спасибо за грибы, челом за ананас,
За вина сладкия; я рад, что не был квас.
Российско кушанье сразилось с Перуанским,[1]
А еслибы и квас влился в кишки с Шанпанским,
То сделался бы в них такой же разговор,
Какой меж стряпчими в суде бывает спор.
Я думал уж и так, что в брюхо ....[a, 2] забился,
И, выпустить хотя, я чуть не надсадился.

[a] *В подлиннике* **четыре точки.**

Библиотека "Руниверс"

208

Высокий славы твоея престол.

В проповеди De existentia Dei in exordio dicendum erit [«О существовании бога» во вступлении следует сказать]: Ужас объемлет и мысли ослабевают хотящаго говорить о толь высокой вещи. Однако[а] правда подает надежду и помощь того, cujus causa agitur [о ком идет речь].

Полк безбожников противу ополчается,[6] пример: червяк[в] и черьвь в лесу[г] и в презренном листу гнилой капусты. Сверьчок в деревни за печью кричит и думает про себя, чать, много. Ex Claudiano. Toll[untur] [из Клавдиана. Возносятся]. Возносятся на высоту беззакониями и неправдами, но к тяжчайшему падению.[1]

[а] *Зачеркнуто* надежда подкрепляет.

[б] *Зачеркнуто одно слово нрзб.*

[в] *Зачеркнуто* и царския палаты; монарх и червяк.

[г] *Зачеркнуто* и в гнилом яблоке или [?] других гадов.

Библиотека "Руниверс"

209

НА ИЗОБРЕТЕНИЕ РОГОВОЙ МУЗЫКИ

Ловцов и пастухов межь селами отрада:
Одне ловят зверей, другие смотрят стада.[а]
Охотник в рог ревет, пастух свистит в свирель.
Тревожит оной Нимф; приятна тиха трель.
Там шумной песей рев, а здесь, у тихой речки,[б]
Молоденьки блеют по матери овечки.
Здесь нежность и покой, здесь царствует любовь;
Охотнической шум, как Марсов, движет кровь.[в]
Но ныне к обоим вы, Нимфы, собирайтесь
И равно обоей музыкой услаждайтесь:
Что было грубости в охотничьих трубах,[1]
Нарышкин умягчил при наших берегах;
Чего и дикия животны убегали,
В том слухи нежные приятности сыскали.

[а] *Соч. 1784, Соч. 1840*

Одни ловят зверей, другие смотрят стада.

[б] *Соч. 1840*

Там шумный песий рев, а здесь у тихой речки.

[в] *Соч. 1840*

Охотнический шум, как Марсов, движет кровь.

Библиотека "Руниверс"

Роговой оркестр
Гравюра XVIII в.
Государственный Эрмитаж

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

1754

210

ПРОЕКТ ФЕЙЕРВЕРКА И ИЛЛУМИНАЦИИ НА ПРЕСВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК КОРОНОВАНИЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА АПРЕЛЯ 25 ДНЯ 1754 ГОДА

На иллуминационном театре[1]

По средине великолепнаго саду представить высокую гору, приятными пригорками к верьху возвышающуюся. Пригорки украсить Бродерейными,[2] Гротесковыми и Мозаичными партерами. По верьху каждаго пригорка зеленыя прорезныя шпалеры поставить с израстающими из них зелеными деревами. На самом верху горы поставить также зеленыя прорезныя шпалеры, над которыми возвышается павильон из зеленеющих дерев, вырезанной на подобие Императорской короны. Из шпалер и из самаго верху павильона произрастают оранжевые[3] дерева, плодами почти все свои листы покрывающие и сияние карбункулов[4] представляющие. По сторонам горы — террасы, вазами с цветами украшенныя и порталами, из трельяжев составленными, кончащиеся.

На фитильном щите[5]

Против средины вышепоказанной горы изобразить грот из разноцветных мраморов, мозаичным подобием украшенный. В средине грота, пред вензловым именем Ея Императорскаго Величества, лавровым венцем окруженным и на задней стене

Библиотека "Руниверс"

изображенным, представить великой фонтан, из котораго падающая вода, по каскаду разширяясь, сливается в великой бассень, о котором ниже сего. Фонтан изобразить действительными, огонь испускающими трубками, а не фитилем.[a] Во флигелях грота, по обеим сторонам, изобразить четыре статуи: 1) Верность в виде женском с ключем и печатью и с надписанием между карнизами: «Единой». 2) Любовь добродетели в образе крылатаго юноши, лавровыя венцы рукою возвышающаго, с надписанием: «Вечно». 3) Удовольствие в женском виде, в богатом убранстве, с зеркалом, надпись: «С избытком». 4) Надежда на подобие женщины, о крепкой столп опершейся, с якорем; надпись: «Неподвигнусь».

Низовые увеселительные огни[6]

Расположить следующим образом: перед каскадом, из грота текущим, изобразить великой бассень перилами, между которыми должно вертеться обыкновенным огненным колесам горизонтально, чтобы тем изображалась крутящаяся в бассени вода, которая из фонтана и каскадов спустится. Из сего большаго бассеня перилами на обе стороны представить каналы, в которые, наподобие каскаду, из бассеня пустить огонь из лежачих горизонтально обыкновенных фонтанов, а где их сила окончится, тут употребить горизонтальныя колеса, чтобы таким образом быстро текущая и вихрями крутящаяся вода представлялась. Каналы перилами разделить на обеих сторонах на регулярные островки с перилами и кончать мостами, из перил зделанными. Притом на перилах и по островам употребить пристойныя украшения, как статуи, вазы и протчая. Вне канала увеселительных огней мало или ничего не употреблять, чтобы виду текущей воды не зделать помешательства. В островах пускать светлыя обыкновенныя звездки.

---

[a] Фонтан... фитилем *приписано рукой Ломоносова.*

Библиотека "Руниверс"

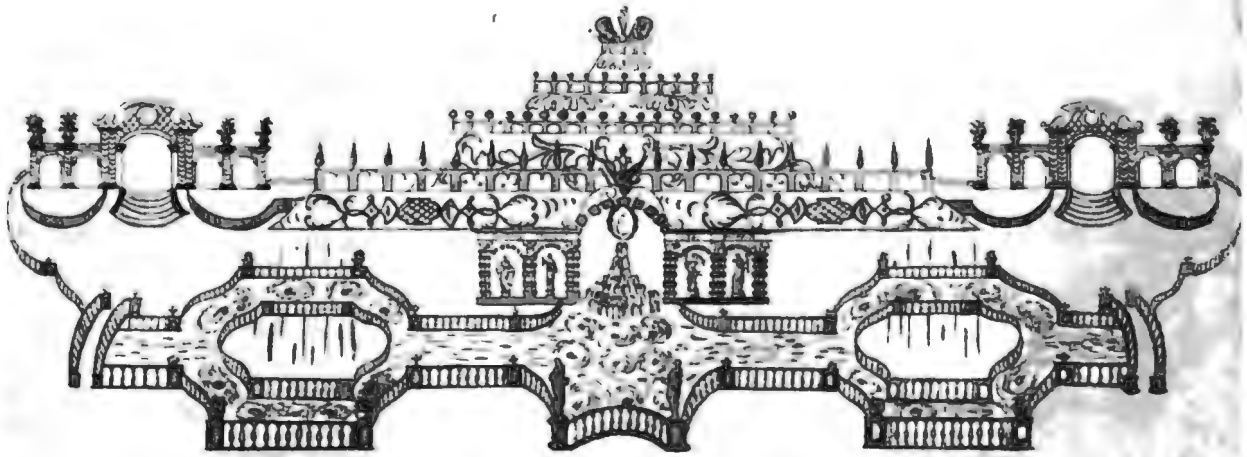


Рисунок для иллюминации и фейерверка на 25 апреля 1754 г. по проекту Ломоносова

Архив Академии наук СССР

Библиотека "Руниверс"

Верьховыя увеселительныя огни[7]

Расположить, как за благо рассудится, только весьмабы приумножилась их красота, когдабы мною изобретенныя и на пробе показанныя витыя ракеты[8] произвести в действие.

Риторическое сего всего сложение воспоследует, ежели всемилостивейше сие апробовано будет. Ныне присовокупляются следующие стихи:[6]

Кто знатныя дела в натуре рассуждает,
Петровой Дщери в них примеры обретает.
Посмотрим в понт, в поля, во весь посмотрим свет,
Что славно найдем в них, в чем к Ней примера нет?
Коль всех красот число в натуре есть пространно,
Толь множество доброт в Ней видим несказанно!
Нельзя представить всех пред мысленный наш взор;
И так, представим с Ней едину славу гор.
Оне за облака, оне к звездам восходят,
Оне нам щит, когда войну враги наводят,
Пловущим в глубине оне являют ход;
Из них шумят ключи и токи многих вод,
Поят лице земли, плодом обогащают,
Приятные сады и долы орошают.
Не в сих ли образ всех Елисаветы зрим?
Она взошла к звездам величеством своим,
Мы крепостью Ея от сопостат покрыты
И в бедствия волнах бежим к Ней для защиты;
От Ней на подданных течет щедрот поток
И разливается на запад и восток.
«Прекрасная гора, от Бога утвержденна,
Елисавет, венцем и славой увязенна,
Среди Российскаго рая недвижно стой!»
Сие гласит любовь, и верность пред Тобой,

[6] *Соч. 1757 надпись (стихи 1—30) напечатана под заглавием* На день коронования Ея Величества 1754 года, где добродетели Ея прекрасной и великой горе уподобляются.

Библиотека "Руниверс"

И удовольствие с надеждой несомненной
Под тению Твоей щедроты несравненной!
Покров Твой смежныя пребудут небеса;
К нам снидет от Тебя всегда отрад роса.
Коль чудныя дела Елисавет являет!
Чрез прохлаждение в нас пламень умножает.[в]

[в] *Соч. 1757*
Чрез прохлаждение в нас пламень возбуждает.

Библиотека "Руниверс"

211

ПРОЕКТ ИЛЬЛЮМИНАЦИИ К ТЕЗОИМЕНИТСТВУ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СЕНТЯБРЯ 5 ДНЯ 1754 ГОДУ

1. На ильлюминационном плане фонарями изобразить храм российскаго благополучия с великими флигелями, на обе стороны простирающимися. Главное среднее строение вдали, соединяющее оба флигели.

2. В середине, на свободной площади, перед от даленным средним строением, поставить великой обелиск на картине и осветить сзади наставленными фонарями, котораго шпиц из зеленаго аспида с красными жилами и крапинами; на самом верху первая литера высочайшего имени Ея Императорскаго Величества в сиянии;[а] на средине шпица связанныя в картуше роги изобилия с инструментами наук и художеств; на верхней части пиедестала — Герб Российской, на нижней части — надпись: Елисавете премудрой, мужественной, кроткой, щедрой Императрице.

Симболическаго изображения знаменование:[б]

Россия, вознося главу на высоту,
Взирает на своих пределов красоту,
Чудится в радости обильному покою,

[а] в сиянии *вписано Ломоносовым.*

[б] *Соч. 1757 надпись (стихи 1—20) напечатана под заглавием* На иллуминацию, представленную в день тезоименитства Ея Величества 1754 года, где изображен был храм Российскаго благополучия, перед которым на вратах обелиск с вензловым именем Ея Величества, при том седящая в радости Россия.

Библиотека "Руниверс"

Что в оной утвержден, Монархиня, тобою,
Считая многия довольства, говорит:
«Коль сладкое меня блаженство веселит!
Противники к моим пределам недерзают,
И алчны мытари внутрь торгу несмущают.[1]
Стал тесен к злобе путь коварникам в судах;[2]
Свобода с тишиной и в селах, и в градах;[3]
Пристанищ, крепостей и храмов всходят стены;[4]
И знания цветут, щедротою снабденны.
Что я Монархине своей могу воздать
И в славу имени Ея мне что создать?
Какия радости в сей день представлю виды?
Мне тесны храмы все и низки пирамиды.
Ах, есть либ ревности сравнилась крепость сил,
Тоб Кавказ на хребте Рифейском ныне был,
Поставилаб Ей в честь пречудны обелиски
Превыше облаков, к пределам звездным блиски».

Библиотека "Руниверс"

212

ПРОЕКТ ИЛЛУМИНАЦИИ К 5-МУ ЧИСЛУ СЕНТЯБРЯ НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Представить великолепное здание Российскаго удовольствия, в которое со всех сторон ворота отворены и украшены рогами изобилия. В средине обелиск, на котором поставлено высочайшее Имя Ея Императорскаго Величества, светлыми лучами окруженное.

Ежели краткость времени не допустит, подпись и другия мелкия украшения, прежде показанныя, можно оставить. Стихи сочинены прежде.

Библиотека "Руниверс"

213

ОДА НА РОЖДЕНИЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА СЕНТЯБРЯ 20 1754 ГОДА[а]

1

Надежда наша совершилась,
И слава в путь свой устремилась.
Спеши, спеши, о Муза, в след
И, Лиру согласив с трубою,
Греми, что Вышняго рукою
Обрадован Российский свет!
На глас себя он наш склоняет,
На жар, что в искренних сердцах:
Петрова Первенца лобзает
Елисавета на руках.

2

Се радость возвещают звуки!
Воздвиг Петрополь к небу ру́ки,

[а] *Отд. изд.* Ода Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, и наследнику Ея Величества, внуку Петра Великаго, Пресветлейшему Государю Великому Князю Петру Феодоровичу и супруге его, Пресветлейшей Государыне Великой Княгине Екатерине Алексеевне, на всевожделенное рождение Пресветлейшаго Государя Великаго Князя Павла Петровича сентября 20 дня 1754 года, с искренним усердием и ревностию принесенная от всеподданнейшаго раба Михайла Ломоносова.

Библиотека "Руниверс"

Веселыми устами рек:
«О Боже, буди препрославлен!
Сугубо ныне я восставлен,
Златой мне усугублен век!»
Безмерна радость прерывала
Его усерднейшую речь
И нежны слёзы испускала,
В восторге принуждая течь.

3

Когда на холме кто высоком
Седя, в округ объемлет о́ком
Поля в прекрасный летней день,
Сады, долины, рощи злачны,
Шумящих вод ключи прозрачны
И древ густых прохладну тень,
Стада, ходящи меж цветами,
Обильность сельскаго труда
И желты класы меж браздами, —
Что чувствует в себе тогда?

4

Так ныне град Петров священный,
Толиким счастьем восхищенный,
Возшед отрад на высоту,
Вокруг веселия считает
И края им не обретает;
Какую зрит он красоту!
Там многие народа лики
На стогнах ходят и брегах;
Шумят там праздничные клики
И раздаются в облаках.

5

Там слышны разны разговоры
Иной, взводя на небо взоры:

Библиотека "Руниверс"

«Велик Господь мой, — говорит, —
Мне видеть в старости судилось
И прежде смерти приключилось,
Что в радости Россия зрит!»
Иной: «Я стану жить дотоле
(Гласит, младой свой зная век),
Чтобы служить под ним мне в поле,
Огонь пройти и быстрость рек!»

6

Уже великими крилами
Парящая над облаками
В пределы слава стран звучит.
Труды народов оставляют
И гласу новому внимают,
Что промысл им чрез то велит?
Пучина преклонила волны,
И на брегах умолкнул шум;
Безмолвия все земли полны;
Внимает славе смертных ум.

7

Но грады Росские в надежде,
Котора их питала прежде,
Подвиглись слухом паче тех;
Верьхами к высоте несутся
И тщатся облакам коснуться.
Москва, стоя в средине всех,
Главу, великими стенами
Венчанну, взводит к высоте,
Как кедр меж нискими древами,
Пречудна в древней красоте.

Библиотека "Руниверс"

8

Едва желанную отраду
Великому внушил слух граду,
Отверстием священных уст,
Трясущи сединой, вещает:
«Теперь мне небо утверждает,
Что дом Петров не будет пуст!
Он в нем во веки водворится;
Премудрость, мужество, покой,
И суд, и правда воцарится;
Он рог до звезд возвысит мой».

9

Сие все грады велегласно,
Что время при Тебе прекрасно,
Монархиня, живут и чтят;
Сие все грады повторяют
И речи купно сообщают,
И с ними села все гласят,
Как гром от тучей удаленных,
В горах раздавшись, множит слух,
Как брег шумит от волн надменных
По буре, укротевшей вдруг.[1]

10

Ты, слава, дале простираясь,
На запад солнца устремляясь,
Где Висла, Рен, Секвана, Таг,[2]
Где славны войск Российских следы,
Где их еще гремят победы,
Где верный друг, где скрытый враг, —
Везде рассыплешь слухи громки,
Коль много нас ущедрил Бог!

Библиотека "Руниверс"

Петра Великаго потомки
Даются в милости залог.

11

Что Россов мужество крепится;
И ныне кто лишь возгордится,
Сугубу ревность ощутит!
Не будет никому измены;
Падут в дыму противных стены,
Погибнет в прахе древней вид.
Ты скажешь, слава справедлива,
Во весь сие вострубишь свет;
Меня любовь нетерпелива
Обратно в град Петров зовет.

12

Богиня власти несравненной,[3]
Хвала и Красота вселенной,
Отрада Россов и Любовь!
В восторге ныне мы безмерном,
Что в сердце ревностном и верном
И в жилах обновилась кровь.
Велика радость нам родилась!
Но больше с радостью Твоей
О как Ты сим возвеселилась!
Коль ясен был Твой свет очей!

13

Когда Ты на престол достигла,
Петра Великаго воздвигла
И жизнь дала Ему Собой.
Он паки ныне воскресает,
Что в Правнуке Своем дыхает

Библиотека "Руниверс"

И род в нем восставляет Свой.
Мы долго обоих желали!
Лишались долго обоих,
Но к общей радости прияли,
О небо, от щедрот Твоих!

14

А Вам, Дражайшие Супруги,[4]
Вам плещут ныне лес и луги,
Вам плещут реки и моря.
Представьте радость вне и в граде,
Взаимно на Себя в отраде
И на младаго Павла зря.
Зачни, Дитя, зачни любезно
Усмешкой Рождших познавать:[5]
Богов Породе безполезно
Не должно сроку ожидать.

15

Расти, расти, расти, крепися,
С Великим Прадедом сравнися,
С желаньем нашим восходи.
Велики суть дела Петровы,
Но многие еще готовы
Тебе остались напреди.
Когда взираем мы к востоку,
Когда посмотрим мы на юг,
О коль пространность зрим широку,
Где может загреметь Твой слух!

16

Там вкруг облег Дракон ужасный,
Места святы, места прекрасны

Библиотека "Руниверс"

И к облакам сто глав вознес!
Весь свет чудовища страшится,
Един лишь смело устремиться
Российский может Геркулес.
Един сто острых жал притупит
И множеством низвержет ран,
Един на сто голов наступит,
Восставит вольность многих стран.[6]

17

Пространными Китай стенами
Закрыт быть мнится перед нами.
И что пустой земли хребет
От стран Российских отделяет,
Он гордым оком к нам взирает,
Но в них ему надежды нет.
Внезапно ярость возгорится,
И огнь, и месть между стеной.
Сие все может совершиться
Петрова Племени рукой.[7]

18

В своих увидишь предках явны
Дела велики и преславны,
Что могут дух природе дать.
Уже младаго Михаила[8]
Была к тому довольна сила
Упадшую Москву поднять
И после страшной перемены
В пределах удержать врагов,
Собрать рассыпанные члены
Такого множества градов.[9]

Библиотека "Руниверс"

19

Сармат с свирепостью своею
Трофеи отдал Алексею.
Он суд и правду положил,
Он войско правильное вскоре,
Он новой флот готовил в море,[10]
Но все то Бог Петру судил.
Сего к Отечеству заслуги
У всей подсолнечной в устах,
Его и кроткия Супруги
Пример зрим в наших временах.

20

Пример в Его великой Дщери.
Широки Та отверзла двери
Наукам, счастью, тишине.
Склоняясь к общему покою,
Щедротой больше, как грозою,
В Российской царствует стране.
Но ты, о гордость вознесенна,
Блюдися с хитростью своей.
Она Героями рожденна,
Геройской дух известен в ней.

21

Но ныне мы, не зная брани,
Прострем сердца, и мысль, и длани
С усердным гласом к Небесам.
«О Боже, крепкий Вседержитель,
Пределов Росских расширитель,
Коль милостив бывал ты нам!
Чрез семь сот лет едино племя
Ты с Росским скиптром сохранил;[11]

Библиотека "Руниверс"

Продли сему [12] по мере время,
Как нынь Россию расширил.

22

Воззри к нам с высоты святыя,
Воззри, коль широка Россия,
Которой дал Ты власть и цвет.
От всех полей и рек широких,
От всех морей и гор высоких
К Тебе взывали девять лет.[13]
Ты подал отрасль нам едину;
Умножа благодать посли
И впредь с Петром Екатерину
Рождением возвесели.

23

Пред мужем, некогда избранным,
Ты светом клялся несозданным
Хранить во век престол и плод. [6] [14]
Исполни то над поздным светом
И таковым святым обетом
Благослови Российский род.
Для толь великих стран покою,
Для счастья множества веков,
Поставь, как солнце пред Тобою
И как луну, престол Петров,

---

[6] *Отд. изд.*

Хранить во век престол и род

Библиотека "Руниверс"

214

НАДПИСЬ НА РОЖДЕНИЕ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА

Мы радость от небес, щедроты, благодать
Приемлем чрез Тебя, Россиян верных мать.
В тринатцать лет Твоей Божественной державы
Мы наслаждались все щедрот, покоя, славы; [а]
Но ныне промысл нам сугубо доказал,
Что бодрствует для нас, как Павла нам послал,[б]
Что для Твоих доброт, Богиня, несравненных
Довольство удвоит во днях благословенных.[в]
О счастливой народ! Блаженная страна,
Которой такова Монархиня дана!

[а] *СПб. Вед.*
Мы наслаждались все довольств, покоя, славы

[б] *СПб. Вед.*
Что бодрствует об нас, как Павла нам послал

[в] *СПб. Вед*
Умножит радость нам во днях благословенных

Библиотека "Руниверс"

215

НАДПИСЬ НА МАСКАРАД 24 ЧИСЛА ОКТЯБРЯ 1754 ГОДА В ДОМЕ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА ДЕЙСТВИТЕЛЬНАГО КАММЕРГЕРА И КАВАЛЕРА ИВАНА ИВАНОВИЧА ШУВАЛОВА

Европа что родит, что протчи части света,
Что осень, что зима, весна и кротость лета,
Что воздух и земля, что море и леса, —
Все было у тебя, довольство и краса.[1]
Вчера я видел все и ныне вижу духом
Музыку, гром и треск[2] еще внимаю слухом.
Я вижу скачущи различны красоты,
Которых, Меценат, подвигл к веселью Ты.
Отраду общую своею умножаешь
И радость внутренню со всеми сообщаешь.
Красуемся среди обильных Райских рек.
Коль щастлив, коль красен Елисаветин век!

Библиотека "Руниверс"

216

ОПИСАНИЕ ИЛЛУМИНАЦИИ, КОТОРАЯ ПРИ ВСЕВЫСОЧАЙШЕМ И ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕМ ПРИСУТСТВИИ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА К ОКАЗАНИЮ ВСЕОБЩЕЙ РАДОСТИ О ВОЖДЕЛЕННЕЙШЕМ РОЖДЕНИИ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА БЫЛА ПРЕДСТАВЛЕНА ПРЕД ДОМОМ ЕГО СИЯТЕЛЬСТВА ГОСПОДИНА ГЕНЕРАЛА АНШЕФА СЕНАТОРА, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ДЕЙСТВИТЕЛЬНАГО КАММЕРГЕРА, ГЕНЕРАЛА АДЪЮТАНТА, ЛЕЙБКОМПАНИИ ПОДПОРУТЧИКА И РАЗНЫХ ОРДЕНОВ КАВАЛЕРА ГРАФА ПЕТРА ИВАНОВИЧА ШУВАЛОВА В САНКТПЕТЕРБУРГЕ ОКТЯБРЯ 26 ДНЯ 1754 ГОДА

Вдали на площади, которая окружена крепчайшими и великолепными колонадами, представляется на высокой и кругом уступами обведенной горе обновленный храм Российския империи. Онаго высокое и знатное украшение есть коронованное вензловое имя Ея Императорскаго Величества, над которым сияет Око Божия Провидения.

Пред входом сего от Ея Императорскаго Величества новоутвержденнаго и новым великолепием украшеннаго храма чести поставлен герб Российския империи, украшенный лаврами и пальмами как обыкновенными знаками приобретенной в войне и тишине величайшей чести, а по сторонам трубами как знаком распространившеюся во весь свет славою подкреплен. По обеим сторонам храма, на контрафорсах, изображаются вензловыя имена Их Императорских Высочеств, Государя Великаго Князя и Государыни Великой Княгини. В средине, в выдающейся на перед галлереи, вензловое имя Его Императорскаго Высочества

Библиотека "Руниверс"

новорожденнаго Государя Великаго Князя Павла Петровича Шесть статуй на главном тзымзе храма, по обеим сторонам Российскаго герба, представляют высокия достоинства и великия дела, которыми Ея Императорское Величество Храм Российския империи обновить, укрепить и великолепно украсить благоволила, то есть: Премудрость, Храбрость, Установление новых законов, славное и полезное Распространение наук и художеств и купечества, ужасное Приращение государственной силы.

Между арками вышепомянутых колонад стоят лавровыя деревья и грудныя статуи вечнодостопамятных Российских Монархов, которые своими заслугами к построению высокаго Храма Российския империи великую площадь изготовили, на высоту взошли, материалы к сему зданию собрали, заложили здания, производили и оныя довели на высокую степень: воперьвых, Петр Великий и щедрая Императрица Екатерина, потом Алексей Михайловичь и Михайло Феодоровичь, далее Иоанн Васильевичь и его дед Иоанн Васильевичь, далее Александр Невский, Димитрий Ивановичь, Владимир Мономах, Ярослав, Владимир первый, Святослав, Ольга, Рурик.

В протчем сад убран великолепно десятью тысячами ламп, на конце, в средине, между каскадами представлен обелиск с вензловым имянем Ея Императорскаго Величества под короною.[a]

Россия некогда чрез грозную судьбину
Поверженна свою близ видела кончину!
Что Рурик с скипетром Монаршеским приял,
Что Ольга, Святослав, Владимир Россам дал,
Что Ярославом Мы и храбрым Мономахом
Достигли, как враги взирали к нам со страхом,

[a] *Соч. 1757 надпись (стихи 1—30) напечатана под заглавием* На иллуминацию и маскарад Его Сиятельства Графа Петра Ивановича Шувалова Октября 26 дня 1754 года.

Библиотека "Руниверс"

Потом, что Александр от бед геройством спас,
Что от врагов покрыл Димитрий в страшный час
И чем нас вознесли два строги Иоанны, —
Все славны их труды оплакала попранны.
Едва главу свою из пепла подняла
И в Прадеде Твоем[1] Помощника нашла.
Монархиня, он стен развалины восставил,
Нестройства прекратил и от врагов избавил.
Твой Дед[2] на вышшую степень Россию взвел
И свету показал хвалу преславных дел.
Великий Твой Отец,[3] широкими стопами
Всходя, возвысил нас над прочими странами;
Но, не дошед верьха по общей всех судьбе,
Весь труд свой совершить препоручил Тебе.
И бодрости Твоей Всевышний споспешает,
На верхний нас степень Тобою поставляет,
Что вечно в нас Его пребудет благодать,
Младый в том Павел дан залог нам и печать.
О Предков красота, Петрова Дщерь и слава!
Прията мужеством Твоим Его держава,
Чрез снисхождение Твое к нам восстает,
И жертва искренних желаний вопиет:
Да милости свои Всевидящее Око
Поставит над Тобой, как верьх небес, высоко.

Библиотека "Руниверс"

217

ПРОЭКТ НА ИЛЛУМИНАЦИЮ К ТОРЖЕСТВЕННОМУ ПРАЗДНЕСТВУ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, В 25 ДЕНЬ НОЯБРЯ 1754 ГОДУ

Представить пространный и великолепный театр трудов Государя Императора Петра Великаго блаженныя памяти, блистающими добродетельми Августейшия Дщери его осиянный, следующим образом:

На ровной и пространной плоскости возвышеннаго несколькими ступеньми театра поставить по обеим сторонам пирамиды или столбы, украшенныя: 1) на подобие трофеев разным военным оружием; 2) морскими орудиями, якорями, веслами, рулями, морскими квадрантами; 3) знаками правосудия, то есть весами и мечем, оливными ветвьми обвитым; 4) математическими и физическими разными инструментами: циркулами, отвесами, зрительными трубами; на верху небесная сфера.

Число пирамид или столпов должно быть умножено до десяти или и больше для лутчаго проспекту. На четырех первых, что на обеих сторонах, поставить показанныя украшения, чтоб могли быть явственны, ибо протчия для малости не могут так ясно изобразится. Столпы или пирамиды соединить посторонам зелеными шпалерами или порталами по пристойности.

По средине театра, на высоком педестале, что с гербом Российским, представить великой светилник со многими возженными свещами. Глобус, от котораго простираются ручки с подсвещниками, покрыть Императорскою короною и на нем изобразить первую литеру Высочайшаго Имени Ея Императорскаго Величества.

Библиотека "Руниверс"

Над светилником от треугольного сияния божества простираются на оной лучи, в которых литеру Р или П зеленым цветом как знаком надежды представить.

Знаменование содержится в следующих стихах.[а]

Отца отечества, Великаго Петра
Положенны труды для общаго добра:
Ужасные врагам полки вооруженны
И флотами моря широки покровенны,[6]
Полезные везде обряды и суды,
Художеств и наук всходящие плоды,
Отъяты от ево наследства, колебались[в]
И темной зависти во мраке покрывались.
Но бог их осиял незреченным чудом,
Стоять светилнику непопустив под спудом,[г]
Елисаветины доброты, как свещи,
Открыл, и нам блеснул пресветлый день в нощи[д]
На трон возвышенна, монархиня, сияешь
И просвещение Петрово умножаешь.
Всевышний утвердил чрез Павла нам завет,[е]
Что племени подаст неугасимый свет.

[а] Знаменование... стихах *вписано рукой Ломоносова; Соч. 1757 надпись (стихи 1—16) напечатана под заглавием* На день восшествия на престол Ея Величества 1754 года, где оное уподобляется великому светильнику, возжженному огнем небесным и лучи свои простирающему на театр, наполненный изображениями дел Петра Великаго.

[6] *Соч. 1757*
И флотами моря велики покровенны.

[в] *Соч. 1757*
От семени его отъяты колебались.

[г] *Соч. 1757*
Не попустив стоять светильнику под спудом.

[д] *Соч 1757*
Открыл, и день блеснул пресветлый нам в нощи

[е] *Соч. 1757*
И вышний утвердил чрез Павла нам завет.

Библиотека "Руниверс"

218

НАДПИСЬ НА РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРЯ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

Под славным Скипетром Твоим, Елисавета,
К блаженству Росскаго недоставало света
В потомках одного наследия Петру.
Сего все подданны в усерднейшем жару,
Сего единаго чрез девять лет[1] желали
И гласы к вышнему и очи возвышали:
«Когда ты чрез Петра и чрез Петрову Дщерь
Благоволил отверсть к довольствам нашим дверь,
О Боже! призри к нам единаго лишенным
И успокой наш дух довольством совершенным.
Великие труды Петровы помяни,
Со славою его наследие сравни».
Сей глас, Монархиня, с Твоим соединенный,
Достигнул к небесам, и Бог, им преклоненный,
Возвеселил Петров благословенный дом
И с ним Россию всю желаемым плодом.
К его же щедрости с усердною мольбою
Зовем, да под Твоей щастливою рукою
Младаго Павла век до зрелости взрастит,
Тебя, родителей и нас возвеселит;
Да племенем его, как ныне мы, сердечно
Возрадуются все потомки безконечно.

Библиотека "Руниверс"

219

ПРОЭКТ ИЛЛУМИНАЦИИ И ФЕЙЭРВЕРКА НА НОВЫЙ 1755 ГОД

Представить прекрасный остров благополучнаго государствования Ея Императорскаго Величества с безопасною и великолепною пристанью следующим образом:

1. На иллуминационном театре изобразить по средине простирающуюся вдаль перспективную пристань, украшенную по обеим сторонам приятными всходами и строениями, состоящими внизу из галлерей, которых арки украшены фестонами из разных цветов, смешанных с инструментами, рогами изобилия и другими вещами, довольство и увеселение показующими. На верху оной же галлереи — перила с вазами. В дальном конце пристани поставить отверстое здание успокоения, внутрь котораго, между колоннадами, виден Герб Российский. На купеле и на фонаре выставить великой штандарт с изображенною на нем первою литерою высочайшаго имени Ея Императорскаго Величества. От флигелей пристани в обе стороны берег острова украсить зеленеющими прорезными шпалерами, где выше оных между арками равной верх украсить могут обрезанные на подобие пирамид таксисы. При концах театра можно для прибавления острова и для украшения поставить елник, на реку склоняя, чтобы, освещаясь от разных огней, мог быть виден. Из-за елника оказать выше шпалер, даже до средняго здания, с обеих сторон часть дальнаго горизонта тонкою и слабою зеленью, по приличности.

2. На реке, в пропорциональном разстоянии от пункта зрения и от пристани, представить на особливом к тому зделанном

Библиотека "Руниверс"

возвышении каменной островок, пристань с моря закрывающей, из трех бугров состоящий; на среднем бугре возвысить крепкую башню с бойницами и пушками. На верху горящая лампада для показания ходу в пристань. Бугры могут быть зделаны из досок, по подобию расписанных и несколько освещенных закрытыми от зрителей плошками. Башню представить из прозрачной и плошками освещенной картины.

3. На двух фитильных планах изобразить два корабля для знаменования прошедшаго и наступившаго года и ради того. у перваго на флаге поставить число 1754, у втораго — 1755. Каюты и другия пристойныя места украсить резбою и протчая. За кораблем, новой год представляющим, можно изобразить дующих в парусы зефиров на том же или особливом малом плане. Потом на низком небольшом продолговатом плане изобразить несколько трубящих тритонов. Все щиты укрепить на санях, чтобы с одного места на другое передвинуть можно было. Корабль с 1754 поставить за средним бугром, что с башнею, корабль новаго году поставить за нижним бугром, с зади перваго, так, чтоб их закрыть от пункта зрения.

4. Действию происходить должно следующим образом: 1) по совершенном иллуминовании пристани на театре и всего острова на льду зажечь, когда повелено будет, корабль 1754 и, как он ясно станет изображаться, вывесть из-за башни при пушечной пальбе и некоторых увеселительных огнях, и тянуть тихо, пока изтлевать зачнет, и тогда затянуть за бугор, перед ним стоящей; 2) зажечь за другим бугром малой план с трубящими тритонами и, как ясно окажутся, вытянуть на яво при игрании на трумпетах, а огненному звуку не быть, кроме тихих звездок и протчего; 3) при том зажечь корабль 1755 и по прочищении вывесть за тритонами при пушечной пальбе и при звучных огнях верхних и нижних. Притом смотреть, чтобы распадение планов не было видно, что после веселаго представления скучной вид обыкновенно кажет; 4) после сих трех явлений следует протчее действие фейэрверка.

Библиотека "Руниверс"

Описание пристойным штилем может во время приуготовления совершиться. При сем изъясняют все следующие стихи: [a]

По правде вечность есть пространный Океан,
Что вихрям завсегда на колебанье дан;
В ней лета — корабли, что скоро пробегают
И в дальности себя безвестной закрывают.
Кто рока злобнаго в пучине погружен
Или волнением боязней утомлен,
Тот через стремнины и жерла бед глубоки
Не может видеть их сквозь горких слез потоки.
Но, как пристанища чрез их в себя приход
Богатством веселят и зрением народ,
Подобно кроткая и нам Елисавета
В пристанище щедрот являет доли и лета.
Сии наполнены довольством корабли
Мы видим, веселясь, со счастливой земли.
По многим радостям мы долгость лет считаем
И милости Ея их мерой признаваем.
Пускай мимо других среди валов летят,
От нашей тишины отъездом не спешат.
В прекрасном острове державы вожделенной
Препровождаем век спокойной, несравненной,
Изшедшим насладясь обильным кораблем.
Что нас увеселил в пристанище Твоем.
И, новаго дождав, Монархиня, прихода,
Прими желания от вернаго народа,
Дабы среди Твоих спокойных царства вод
Велик был счастием корабль — сей новый год
Да многие потом довольств увидим полны,
Не ведая, что вихрь, не ведая, что волны.

---

[a] *Соч. 1757 надпись (стихи 1—28) напечатана под заглавием* На новой 1755 год, где владение Ея Величества уподобляется пристани с храмом упокоения и с ходящими и исходящими кораблями.

Библиотека "Руниверс"

220

ПРОЭКТ ИЛЛУМИНАЦИИ К ТОРЖЕСТВЕННОМУ ДНЮ РОЖДЕНИЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ 1754 ГОДА

На возвышенном театре и трофеями окруженном представить пирамиду, состоящую из разнаго военнаго оружия, как из мортир, пушек, фузей, аллебард и протч., и покрытую шлемом. На средине оной — щит со знаком высочайшаго имени Ея Императорскаго Величества. При флигелях онаго театра представить двои триумфальныя ворота, одне такого виду, каковы были при торжественном въезде в Москву блаженныя памяти Государя Императора Петра Великаго от Полтавы 1709 года, другия — каковы были при торжественном въезде в Санктпетербург Ея Императорскаго Величества из Москвы 1742 года, и ради того оных лет числа поставить на фронтисписах ворот. Над являющимся позади театра, между триумфальными воротами, горизонтом изобразить всходящую утреннюю ясную зарю, которыя в румяных лучах видна блистающая денница. Позади триумфальных ворот показываются знатнейшия части у первых Москвы, у других Санктпетербурга.

Знаменование:[a]

О вы, которы все по рассужденью злому
Обыкли случаю приписывать слепому,

[a] *Соч. 1757 надпись (стихи 1—24) напечатана под заглавием* На день рождения Ея Величества, где оное восходящей заре уподобляется во время торжественнаго въезду Петра Великаго от Полтавы.

Библиотека "Руниверс"

Уверьтесь нынешним превожделенным днем,
Что промысл вышняго господствует во всем.
Когда готовил он блаженство наших лет,
От чресл Петровых нам послал Елисавет
И знаки предъявил, которы от Полтавы
Тогда наполнили весь свет Петровой славы.
С рождением Ея торжественной был въезд,
Тогда взнесла свой глас и дух Москва до звезд.
Младенца в пеленах трофеи окружали,
И воплю первому войск плески отвещали.
Подвиглись радостью земля, моря, ефир.
Петр шествовал во град, Елисавета — в мир,
Низвергнул Петр врагов, Она — в Петровы следы
Ко одержанию подобныя победы.
Коль явственно тогда сам промысл предъявил,
Что после к радости всеобщей совершил!
Родясь, как ясная заря, нам возсияла
И царства своего день светлый предвещала.
Монархиня, мы тем освещены всегда,
Сокрытаго во тме избавились вреда[6]
И радостным в ночи огнем Тебе являем,
Что ночи мы в сердцах и темноты не знаем.

[6] *Соч. 1757*
Избавились во тьме сокрытаго вреда.

Библиотека "Руниверс"

221

ПРОЭКТ ИЛЛУМИНАЦИИ НА ТОРЖЕСТВО АКАДЕМИИ НАУК ДЛЯ ПРЕСВЕТЛАГО ПРАЗДНЕСТВА РОЖДЕНИЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, К 19 ДЕКАБРЯ 1754 ГОДА

Речь, которую говорить мне повелено, состоять будет в похвалах блаженныя и вечнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго, и ради того должно изобразить символическим образом труды сего Монарха. При том в помянутое число, то есть 19 декабря, был торжественный въезд в Москву с Триумфом 1709 году почти купно с рождением Ея Императорскаго Величества. Того ради за пристойное к сему случаю быть рассуждаю следующее:

Представить на картине, в великолепных рамах[а] распростертой, Геркулеса, одетаго львиною кожею, как победительным знаком над львом шведским; на плечах глобус, значащий возвышение Российскаго света силою Петра Великаго. С верху, от правой стороны, опускается сияющими лучами окруженная первая литера высочайшаго имени Ея Императорскаго Величества в знак дарованнаго от небес тогда Ея рождения; с левой руки простирается лемма:

Для замены

Сия иллуминация может быть нагрыдорована, чтоб приложить к началу панегирика. Стихи по аппробации удобно сочинены быть могут и под купферштиком нагрыдорованы.

[а] рамах *вписано рукой Ломоносова.*

Библиотека "Руниверс"

222

О СОМНИТЕЛЬНОМ[а] ПРОИЗНОШЕНИИ БУКВЫ Г В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Бугристы берега, благоприятны влаги,
О горы с гроздами, где греет юг ягнят,
О грады, где торги, где мозгокружны браги[б]
И денги, и гостей, и годы их губят.
Драгие ангелы, пригожия богини,
Бегущия всегда от гадкия гордыни,
Пугливы голуби из мягкаго гнезда,
Угодность с негою, огромные чертоги,[в]
Недуги наглые и гнусные остроги,
Богатство, нагота, слуги и господа,
Угрюмы взглядами, игрени,[1] пеги, смуглы,
Багровые глаза, продолговаты, круглы;[г]
И кто горазд гадать и лгать, да не мигать,[д]
Играть, гулять, рыгать и ногти огрызать,[е]
Нагаи, болгары, гуроны,[2] геты,[3] гунны,

[а] *Каз., Бычк. регистр* О сумнительном.

[б] *Каз.*
О грады, где торги, где много кружны браги.

[в] *Q, Бычк.*
Угодность с негою, огромныя чертоги.

[г] *Бычк.*
Багровыя глаза продолговаты, круглы.

[д] *Бычк.*
И кто горазд гадать и лгать, но не мигать.

[е] *Каз., Бычк.*
Играть, гулять, рыгать и ногти отгрызать

Библиотека "Руниверс"

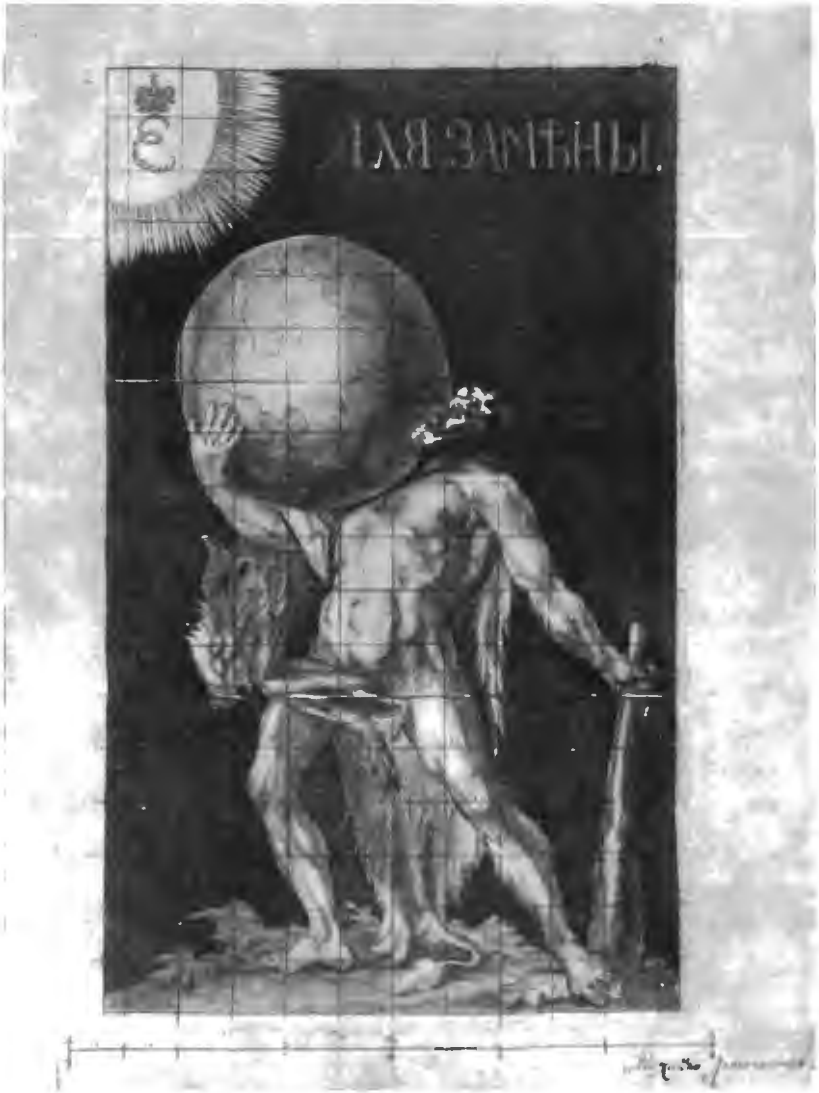


Рисунок для иллюминации 19 декабря 1754 г.,
исполненный И.-Э. Гриммелем по проекту Ломоносова
Архив Академии наук СССР

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Тугие головы, о иготи[4] чугунны,
Гневливые враги и гладкословной друг,[ж]
Толпыги,[5] щоголи, когда вам есть досуг,[з]
От вас совета жду, я вам даю на волю:
Скажите, где быть *га* и где стоять *глаголю*?[и, 6]

[ж] *Каз.*
Гадливые враги и гладкословной друг.
Бычк.
Гадливые враги и гадкословной друг.

[з] *Каз., Бычк.*
Толпеги, щоголи, когда вам есть досуг.

[и] *Q*
Скажите, где быть Н и где стоять глаголю.
Бычк.
Скажите, где был гиг и где стоять глаголю.

Библиотека "Руниверс"

1755

223

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ, ГОВОРЕННОЕ АПРЕЛЯ 26 ДНЯ 1755 ГОДА[а]

Священнейшее помазание и венчание на Всероссийское государство всемилостивейшия Самодержицы нашея празднуя,[1] Слушатели, подобное видим к Ней и к общему отечеству Божие снисхождение, каковому в Ея рождении и в получении отеческаго достояния чудимся. Дивно Ея рождение предзнаменованием царства; преславно на престол восшествие покровенным свыше мужеством; благоговейныя радости исполнено приятие отеческаго венца с чудными победами от руки Господни.[6] Хотя

[а] *Отд. изд. 1754* Слово Похвальное блаженныя и вечнодостойныя памяти Государю Императору Петру Великому в торжественное празднество Рождения Ея Императорскаго Величества Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския, в публичном собрании Императорской Академии наук говоренное коллежским советником и химии профессором Михайлом Ломоносовым в Санктпетербурге декабря 19 дня 1754 года; *Отд. изд. 1755* Слово Похвальное блаженныя и вечнодостойныя памяти Государю Императору Петру Великому в торжественное празднество Коронования Ея Императорскаго Величества Всепресветлейшия Самодержавнейшия Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския, в публичном собрании Санктпетербургской Императорской Академии Наук говоренное Михайлом Ломоносовым апреля 26 дня 1755 г.

[6] *Отд. изд. 1754* Российскому государству, достодолжной его славе, божественным делам и намерениям Петровым, нынешнему нашему благопо-

Библиотека "Руниверс"

PANÉGIRIQUE
DE
PIERRE LE GRAND

prononcé dans la Séance publique de l'Académie Impériale des Sciences, le 26. Avril 1755.

Par Mr. LOMONOSOW.

Conseiller et Professeur de cette Academie;

et traduit sur l'Original Russien

Mais la Traduit fort mal et contre les intentions de l'Auteur.
Par Mr. le Baron de TSCHOUDY.

Imprimé à St. PETERSBOURG.

Титульный лист французского перевода «Слова похвального» Петру I с пометой Ломоносова (1755)

Библиотека Академии наук СССР

Библиотека "Руниверс"

бы еще кому сомнительно было, от Бога ли на земли́ обладатели поставляются или по случаю державы достигают, однако[в] единым рождением Великия Государыни нашея[г] увериться о том должно, видя, что Она уже тогда избрана была владычествовать над нами. Не астрологическия сомнительныя гадания, от положения планет[д] произведенныя, ниже́ другия по течению натуры бывающия перемены и явления, но ясные признаки Божия Провидения послужат сему в доказательство. Преславная над неприятельми Петрова под Полтавою победа с рождением сея Великия Дщери Его в един[е] год приключилась и въежжающаго в Москву с торжеством Победителя приходящая в мир встретила Елисавета.[2] Не перстом ли здесь указующий является Промысл? Не слышим ли мысленным ухом вещающаго гласа? Видите, видите исполнение обетованнаго[ж] вам предзнаменованиями благоденства. Петр торжествовал, победив внешних неприятелей и своих искоренив изменников;[3] Елисавета для подобных родилась триумфов. Петр, возвратив законному Государю[4] корону, в отеческий град шествовал; Елисавета в общество человеческое вступила для возвращения Себе потом[з] Отеческой короны. Петр, сохранив Россию от расхищения, вместо мрачнаго страха принес безопасную и пресветлую радость; Елисавета увидела свет, дабы пролить на нас сияние отрады, избавив от мрака печалей. Петр вел за собою многочисленных пленников,[5] не меньше великодушием, нежели мужеством побежденных; Елисавета от утробы разрешилась, дабы после пленить

лучию и общему блаженству великой части света, неизреченным Божиим смотрением, спасение, воскрешение и возвышение, в несравненныя Монархини Нашея рождении обетованное паки празднуем, Слушатели *вместо* Священнейшее помазание... от руки Господни.

[в] *Отд. изд. 1754 было добавлено* кроме других чудных дел Божиих, на Великой Государыне нашей бывших.

[г] *Отд. изд. 1754* Ея *вместо* Великия Государыни нашея.

[д] *Отд. изд. 1754* звезд.

[е] *Отд. изд. 1754* во един.

[ж] *Отд. изд. 1754* обещаннаго.

[з] *Отд. изд. 1754 потом Себе.*

Библиотека "Руниверс"

сердца подданных человеколюбием, кротостию, щедротою. Коль чудныя Божия судьбы видим, Слушатели: с рождением победу, с облегчением Родительницы — избавление отечества, с обыкновенными при рождении обрядами — чрезвычайное торжественное вшествие, с пеленами — победительныя лавры и с первым младенческим гласом — всерадостные плески и восклицания! Не всеми ли сими рожденной тогда Елисавете предвозвещены отеческия добродетели, предвозвещено отеческое царство?[и]

В доступлении онаго сколь много Всемогущий Промысл споспешествовал Ея Геройству, о том радостныя воспоминания во веки не умолкнут, ибо, Его силою и духом подвигшесь, Героиня наша Всероссийскому государству, достодолжной Его славе, великим делам и намерениям Петровым, внутреннему сердец наших удовольствию и общему блаженству знатной части света принесла спасение и обновление. Велико дело есть избавление единаго человека, то коль несравненно больше спасение целаго народа! В тебе, дражайшее отечество, в тебе видим сего довольные примеры. Междоусобными предков наших враждами, неправдами, граблениями и братоубийствами раздраженный Бог поработил тебя некогда чужому язы́ку и на пораженное глубокими язвами твое тело наложил[й] тяжкия вериги![6] Пото́м, стенанием твоим и воплем преклоненный, послал тебе храбрых Государей, свободителей от порабощения и томления, которые, соединив твои раздробленные члены, возвратили тебе и умножили прежнюю силу, величество и славу. Не меньшаго падения избавила Российский народ предводимая Богом на отеческий престол Великая Елисавета, но большаго удивления достойным образом. Внутренния болезни бывают бедственнее наружных; так и в нед-

---

[и] *Отд. изд. 1754* предвозвещено Отеческое царство, предвозвещены Отеческия добродетели к совершению трудов Его довольныя; трудов, которых сладкое воспоминание никогда не умолкнет; трудов, которые не токмо мужеством Августейшия Дщери Его восставлены, но и премудрым Ея попечением далее простираются и к полному совершенству поспешают *вместо* предвозвещены отеческия... отеческое царство?

[й] *Отд. изд. 1755 ошибочно* наложит.

Библиотека "Руниверс"

рах государства воспитанная опасность вредительнее внешних нападений.[7] Удобнее наружныя язвы исцеляются, нежели внутренния повреждения. Но, сличив исцеление России от поражения, варварским оружием извне нанесеннаго, с удивительным крыющагося внутрь вреда врачеванием, Елисаветиною рукою произведенным, противное находим. Тогда для исцеления ран наружных обагрены были поля и реки не меньше Российскою, нежели Агарянскою кровию.[8] В благословенные дни наши великодушная Елисавета вкоренившийся вред внутрь России без всех наших томлений истребила в краткое время и болезнующее Отечество яко бы единым, божественною силою исполненным словом исцелила, сказав: «Восстани и ходи, восстани и ходи, Россия. Оттряси свои сомнения и страхи и, радости и надежды исполненна, красуйся, ликуй, возвышайся».

Таковыя изображения в мыслях представляет нам, Слушатели, воспоминание тогдашней радости! Но оныя усугубляются, когда помыслим, что мы не токмо от утеснения, но и от презрения тогда свободились. Что прежде избавления нашего народа о нас рассуждали? Не отзываются ли еще их речи в памяти нашей? Россияне, Россияне, Петра Великаго забыли! За Его труды и заслуги не воздают должнаго благодарения, не возводят Дщерь Его на престол Отеческий. Она оставлена — не помогают; Она отринута — не возвращают; Она пренебрегаема — не отмщают. О, коль велик стыд и посмеяние! Но несравненная Героиня восшествием Своим отняла поношение от сынов Российских и перед всем светом оправдала, что не нашего усердия не доставало, но сносило Ея великодушие; не наша ревность оскудевала, но Она не хотела пролития крови; не нашему малодушию оное приписывать должно, но Божескому промыслу, которой благоволил показать тем Свою власть, Ея мужество и нашу радость усугубить. Таковыя благодеяния устроил нам Вышний вступлением на Отеческий престол Великия Елисаветы! Чтож нынешний праздник? Верьх и венец преждереченных. Венчал Господь Ея чудное рождение, венчал преславное восшествие, венчал бесприкладныя добродетели, венчал благо-

Библиотека "Руниверс"

датию, ободрил благонадежною радостию и благословил громкими победами, победами восшествию Ея подобными, ибо, как внутренние враги побеждены без пролития крови, так и внешние с малым уроном преодолены были.[9]

Облачается Монархиня наша в порфиру, помазуется на Царство, венчается, приемлет Скипетр и Державу. Радуются Россияне и плесками и восклицаниями воздух наполняют; ужасаются сопостаты и бледнеют, уклоняются, дают хребет[10] Российскому войску, укрываются за реки, за горы, за болота, но везде утесняет их сильная рука венчанныя Елисаветы: от единаго Ея великодушия ослабу получают. Коль ясныя предзнаменования благословеннаго Ея владения во всем вышереченном видим и вожделенному збытию их с радостию чудимся! По примеру великаго Своего Родителя дает государям короны, успокоевает мирным оружием Европу,[11] утверждает Российское наследство;[12] истекает злато и сребро из недр земных к Ея и к общему удовольствию,[13] избавляются подданные от тягостей; земля не обагряется Российскою кровию ни внутрь, ни вне государства; умножается народ, и доходы прирастают; возвышаются великолепныя здания; исправляются суды; насаждаются науки среди государства — повсюду возлюбленная тишина[14] и Монархине нашей подобное время господствует.[к]

И так, когда несравненная Государыня наша предзнаменованное в рождении, полученное мужеством, утвержденное победоносным венчанием и украшенное преславными делами отеческое царство возвысила, то по справедливости всех дел и похвал Его истинная Наследница.[л] Следовательно, похваляя Петра, похвалим Елисавету.

[к] *Отд. изд. 1754 предшествующие три абзаца* В доступлении... господствует *отсутствуют*.

[л] *Отд. изд. 1754* себе в рождении и потом геройством приятное Отеческое наследство с Отеческими делами воскресила, то истинная их похвала и громкая слава не токмо по крови Ей приличествует, но и чрез восстановление присвояется *вместо* в рождении, полученное... истинная Наследница.

Библиотека "Руниверс"

Давно долженствовали науки представить славу Его ясными изображениями; давно желали в нарочном торжественном собрании превознести несравненныя дела своего Основателя.[15] Но ведая, коль великое искусство требуется к сложению слова, их достойнаго, поныне умолчали, ибо о сем Герое должно предлагать, чего о других еще не слыхано. Нет в делах ему равнаго, нет равных примеров в красноречии, которым бы мысль последуя могла безопасно пуститься в толикую глубину их множества и величества. Однако, наконец, рассудилось лучше в красноречии, нежели в благодарности, показать недостаток, лучше с произносимыми от усердной простоты разговорами соединить искренностию украшенное слово, нежели молчать между толикими празднественными[м] восклицаниями, наипаче,[н] когда Всевышний[о] Господь всех[п] торжеств наших красоту усугубил, послав во младом Государе Великом Князе Павле Петровиче[16] всевожделенный залог Своея к нам Божественныя милости, которую в продолжении Петрова племени почитаем. И так, оставив боязливое сомнение и уступив ревностной смелости место, сколько есть духа и голоса должно употребить или паче истощить на похвалу нашего Героя. Сие предпринимая, откуду начну мое слово? От телесных ли Его дарований? От крепости ли сил? Но оные явствуют в преодолении трудов тяжких, трудов неизсчетных и в разрушении ужасных препятствий. От Геройскаго ли виду и возраста, с величественною красотою соединеннаго? Но кроме многих, которые начертанное в памяти его изображение живо представляют, удостоверяют разныя государства и городы, которые, славою Его движимы, во сретение стекались и делам Его соответствующему и великим Монархам приличному взору чудились. От бодрости ли духа приму начало? Но доказывает его неусыпное бдение, без котораго не возможно было произвести дел толь многих и великих. Того ради не по-

[м] *Отд. изд. 1754* празднественными *отсутствует.*

[н] *Отд. изд. 1754* наипаче *отсутствует.*

[о] *Отд. изд. 1754* всевышший.

[п] *Отд. изд. 1754* всех *отсутствует.*

Библиотека "Руниверс"

средственно приступаю к их предложению, ведая, что удобнее принять[р] начало, нежели конца достигнуть, и что великий сей Муж ни от кого лучше похвален быть не может, кроме того, кто подробно и верно труды его исчислит, есть ли бы только исчислить возможно было.[17]

И так, сколько сила, сколько краткость определеннаго времени позволит, важнейшия токмо дела Его упомянем, потом преодоленныя в них сильныя препятствия, наконец, его добродетели, в таковых предприятиях споспешествовавшия.

К великим Своим намерениям премудрый Монарх предусмотрел за необходимо нужное дело, что бы всякаго рода знания распространить в отечестве и людей, искусных в высоких науках, также художников и ремесленников размножить, о чем Его отеческое попечение хотя прежде сего мною предложено, однако, ежели оное описать обстоятельно, то целое мое слово еще к тому не достанет, ибо, не однократно облетая на подобие Орла быстропарящаго Европейския государства, отчасти повелением, отчасти важным своим примером побудил великое множество своих подданных оставить на время отечество и искусством увериться, коль великая происходит польза человеку и целому государству от любопытнаго путешествия по чужим краям.[18] Тогда отворились широкия врата великия России, тогда через границы и пристани, на подобие прилива и отлива, в пространном Океане бывающаго, то выежжающие для приобретения знаний в разных науках и художествах сыны Российские, то приходящие с разными искусствами, с книгами, с инструментами иностранные безпрестанным текли движением. Тогда Математическому и Физическому учению, прежде в чародейство и волхвование вмененному, уже одеянному порфирою, увенчанному лаврами и на Монаршеском престоле посажденному, благоговейное почитание в освященной Петровой Особе приносилось. Таковым сиянием величества окруженныя науки и художества всякаго рода какую принесли нам пользу, доказывает избыточествующее

р *Отд. изд. 1754* сыскать.

Библиотека "Руниверс"

изобилие многоразличных наших удовольствий, которых прежде великаго России Просветителя предки наши не токмо лишались, но о многих и понятия не имели. Коль многия нужныя вещи, которыя прежде из дальных земель с трудом и за великую цену в Россию приходили, ныне внутрь государства производятся и не токмо нас довольствуют, но избытком своим и другия земли снабдевают. Похвалялись некогда окрестные соседи наши, что Россия, государство великое, государство сильное, ни военнаго дела, ни купечества без их спомоществования надлежащим образом производить не может, не имея в недрах своих не токмо драгих металлов для монетнаго тиснения, но и нужнейшаго железа к приуготовлению оружия, с чем бы стать против неприятеля. Изчезло сие нарекание от просвещения Петрова: отверсты внутренности гор сильною и трудолюбивою Его рукою.[19] Проливаются из них металлы и не токмо внутрь отечества обильно распростираются, но и обратным образом, яко бы заемные, внешним народом отдаются.[20] Обращает мужественное Российское воинство против неприятеля оружие, приуготованное из гор Российских Российскими руками.[21]

О сем для защищения отечества, для безопасности подданных и для безпрепятственнаго произведения внутрь государства важных предприятий, о сем нужном учреждении порядочнаго войска коль великое имел Великий Монарх попечение, коль стремительное рвение, коль рачительное всех способов, всех путей изыскание, тому всему когда надивиться довольно не можем, возможем ли изобразить оное словом? Родитель премудраго Нашего Героя, блаженныя памяти Великий Государь Царь Алексей Михайловичь между многими преславными делами положил начало регулярнаго войска, котораго спомоществованием сколько на войне имел успеху, свидетельствуют счастливые его походы в Польше и приобретенныя обратно к России провинции. Но все Его о военном деле попечение с жизнию пресеклось. Возвратились старинные безпорядки, и Российское воинство больше в многолюдстве, нежели в искусстве показать могло свою силу, которая сколько потом ослабела явствует из бывших

Библиотека "Руниверс"

тогда против Турок и Татар безполезных военных предприятий,[22] а более всего из необузданных и пагубных стрелецких возмущений, от неимения порядочной расправы и разположения произшедших. В таковых обстоятельствах кто мог помыслить, что бы двенатцати лет Отрок, отлученный от правления государства и только под премудрым покровительством чадолюбивыя Своея Родительницы от злобы защищаемый, между безпрестанными страхами, между копьями, между мечами, на Его родственников и[c] доброжелателей и на Него самого обнаженными, начал учреждать новое регулярное войско,[23] котораго могущество в скором после времени почувствовали неприятели, почувствовали и вострепетали, и которому ныне вся вселенная по справедливости удивляется. Кто мог помыслить, что бы от детской, как казалось, игры толь важное, толь великое могло возрасти дело? Иные, видя несколько молодых людей, со младым Государем обращающих разным образом легкое оружие, рассуждали, что сие одна Ему только была забава, и потому сии новонабранные люди Потешными назывались. Некоторые, имея бо́льшую прозорливость и приметив на юношеско́м лице цветущую геройскую бодрость, из очей сияющее остроумие и в движениях сановитую поворотливость, размышляли, коль храбраго Героя, коль великаго Монарха могла уже тогда ожидать Россия! Но набрать многие и великие полки, пехотные и ко́нные, удовольствовать всех одеждою, жалованьем, оружием и протчим военным снарядом, обучить новому артику́лу, завести по правилам артилерию, полевую и осадную, к чему немалое знание Геометрии, Механики и Химии требуется, и паче всего иметь во всем искусных начальников казалось, по справедливости, не возможное дело, ибо во всех сих потребностях знатной недостаток и лишение Государевой власти отняли последнюю к тому надежду и малейшую вероятность. Однако, что потом последовало? Паче общенароднаго чаяния, противу невероятия оставивших надежду и свыше препинательных происков и яви-

[c] *Отд. изд. 1754* родственников и *отсутствует.*

Библиотека "Руниверс"

тельнаго[т] роптания самой зависти загремели внезапно новые полки Петровы и в верных Россиянах радостную надежду, в противных страх, в обоих удивление возбудили. Не возможное учинилось возможно чрезвычайным рачением, а паче всего не слыханным примером. Взирая некогда Сенат Римский на Траяна Кесаря, стоящаго пред Консулом для принятия от него Консульскаго достоинства, возгласил: «Тем ты более, тем ты величественнее!»[24] Какия восклицания, какия плески Петру Великому быть долженствовали для Его бесприкладнаго снисхождения? Видели, видели отцы наши венчаннаго своего Государя не в числе кандидатов Римскаго консульства, но меж рядовыми солдатами, не власти над Римом требующаго, но подданных своих мановения наблюдающаго. О вы, места прекрасны, места благополучны, которыя толь чудным зрением насладились! О как вы удивлялись дружественному неприятельству полков единаго Государя, начальствующаго и подчиненнаго, повелевающаго и повинующагося. О как вы удивлялись осаде, защищению и взятию домашних новых крепостей не для настоящия корысти, но ради будущия славы, не для усмирения сопротивных, но ради ободрения единоплеменных учиненному.[25] Мы ныне, озираясь на оныя минувшия лета́, представляем, коль великою любовию, коль горячею ревностию к Государю воспалялось начинающееся войско, видя Его в своем сообществе, за однем столом, туюже приемлющаго пищу, видя лице Его, пылью и потом покрытое, видя, что от них ничем не разнится, кроме того, в обучении и в трудах всех прилежнее, всех превосходнее. Таковым чрезвычайным примером премудрый Государь, происходя по чинам с подданными, доказал, что Монархи ничем так величества, славы и высоты своего достоинства прирастить не могут, как подобным сему снисхождением. Таковым поощрением укрепилось Российское воинство и в двадцатилетную войну с короною Шведскою и потом в другие походы наполнило громом оружия и победоносными звуками

[т] *Отд. изд. 1754* язвительнаго.

Библиотека "Руниверс"

концы вселенныя. Правда, что первое под Нарвою сражение было не удачливо, но противных преимущество и Российскаго воинства уступление к их прославлению и к нашему уничижению больше от зависти и гордости увеличены, нежели каковы были самою вещию, ибо, хотя Российское войско было по большей части двулетное против стараго и к сражениям приобыкшаго,[26] хотя несогласие учинилось между нашими полководцами[27] и злохитрой переметчик открыл неприятелю все обстоятельства нашего стана[28] и хотя Карл вторыйнадесять скоропостижным нашествием не дал времени Россиянам построиться, однако они и по отступлении отняли у неприятеля смелость продолжать бой и докончать победу, так что оставшаяся в целости Российская Лейбгвардия и немало протчаго войска за тем только напасть на неприятеля не отважились, что не имели главных предводителей, которых Он, призвав для мирнаго договора, удержал как своих пленников.[29] Того ради гвардия и протчее войско с оружием, с военною казною, распустив знамена и ударив в барабаны, в Россию возвратились.[30] Что сия не удача больше для показанных нещастливых обстоятельств, нежели для неискусства войск Российских приключилась и что Петрово новое войско уже в младенчестве своем могло побеждать привыкшие[у] полки противных, доказали в следующее лето[31] и потом многия одержанныя над ними преславныя победы.

Я к вам обращаю мое слово, ныне мирные соседи,[32] когда вы сии похвалы военных дел нашего Героя, когда вы превозносимыя мною победы Российскаго воинства над вами услышите, не в поношение, но больше в честь вашу припишите, ибо стоять долгое время против сильнаго Российскаго народа, стоять против Петра Великаго, против Мужа, посланнаго от Бога на удивление вселенныя, и, наконец, быть от Него побежденным есть славнее, нежели победить слабые полки под худым предводительством. Почитайте по справедливости истинною своею славою храбрость Героя вашего Карла и по согласию всего света утвер-

[у] *Отд. изд. 1754* возмужавшие.

Библиотека "Руниверс"

ждайте, что едва бы кто возмог устоять пред лицем его гнева, когда бы чудною Божескою судьбою не был в Отечестве нашем против Его воздвигнут Петр Великий. Его храбрые и введенным регулярством устроенные полки воспоследовавшими в скором времени победами доказали, коль горяча их ревность, каково в военном деле искусство, приобретенное от премудраго наставления и примера. Оставляя многочисленныя победы, которыя Российское воинство сражениями числить приобыкло, не упоминая великаго множества взятых городов и твердых крепостей, имеем довольное свидетельство в двух главных победах, под Лесным и под Полтавою.[33] Где более удивил Господь свою на нас милость? Где явственнее открылось, коль сильные имело успехи в заведении новаго войска благословенное начинание и ревностное рачение Петрово? Что сего чуднее, что не вероятнее могло воспоследовать? Войско, к регулярству давно приобыкшее, из областей неприятельских дерзостию к бою славных приведенное, под предводительством начальников, в воинском упражнении все время положивших, войско, всякими снарядами преизобильно снабденное, уклоняется от сражения с новыми Российскими полками, числом много меньшими. Но оне, не дая сопротивным отдохновения, быстрым течением постигли, сразились, победили, и главной их предводитель[34] с малыми остатками едва пленения избыл, что бы принести своему Государю плачевныя вести, которыми хотя он сильно возмутился, однако мужественным и стремительным духом бодрствуя, еще поощрялся против России, еще не мог увериться, что бы малолетное войско Петрово могло устоять против его возмужавшей силы, наступающей под его самого предводительством и, надеясь на дерзостныя обнадеживания бессовестнаго России изменника,[35] не усомнелся вступить в украинские пределы нашего Отечества. Обращал высокомерными размышлениями Россию и весь Север чаял уже быть под ногою своею. Но Бог в награждение трудов неусыпных воздал Петру совершенною победою над сим презрителем его рачений, которой противу своего чаяния не токмо очевидным был свидетелем не вероятных Героя нашего в военном

Библиотека "Руниверс"

деле успехов, но и бегством своим не мог избегнуть мечтающейся в мыслях стройной храбрости Российской.

Толь знатными победами прославив с Собою Великий Монарх во всем свете свое воинство наконец доказал, что Он сие больше для нашей безопасности учредить старался. ибо не токмо узаконил, что бы оное никогда не распускать, ниже́ во время безмятежнаго мира, как то при бывших прежде Государях не редко к немалому у́падку могущества и славы Отечества происходило, но и содержать всегда в исправной готовности. О, истинное Отеческое[Ф] попечение! Многократно напоминал Он своим ближним верным подданным, иногда со слезами прося и целуя, что бы толь великим трудом и с толь чудным успехом предприятое обновление России, а паче военное искусство не было после Него[х] в нерадении оставлено. И в самое то всерадостное время, когда благословил Бог Россию славным и полезным миром со Шведскою короною, когда усердныя поздравления и должные ему титулы «Императора», «великаго», «отца отечества», приносились, не преминул[ц] подтвердить публично Правительствующему Сенату, что, надеясь на мир, не надобно ослабевать в военном деле.[36] Не сим ли назнаменовал ясно, что Ему сии высокие титулы не были приятны без наблюдения и содержания впредь завсегда регулярнаго войска?

Обозрев скорым оком на сухом пути силы Петровы, в младенчестве возмужавшия и обучение свое с победами соединившия, простре́м чрез воды взор наш, Слушатели, посмотрим там дела Господни и чудеса его в глубине, Петром показанныя и свет удивившия.

Пространная Российская держава на подобие целаго света едва не отовсюду великими морями окружается и оныя себе в пределы поставляет. На всех видим распущенные Российские флаги. Там великих рек устья и новыя пристани едва вмещают

Ф *Отд. изд. 1754 было добавлено* о подданных.

х *Отд. изд. 1754* после Него *отсутствуют.*

ц *Отд. изд. 1754 опечатка* не преминуть.

Библиотека "Руниверс"

судов множество, инде стонут волны под тягостью Российскаго флота, и в глубокой пучине огнедышущие звуки раздаются. Там позлащенные и на подобие весны процветающие корабли, в тихой поверьхности вод изображаясь, красоту свою усугубляют, инде, достигнув спокойнаго пристанища, плаватель удаленных стран избытки выгружает к удовольствию нашему. Там новые Колумбы[37] к неведомым берегам поспешают для приращения могущества и славы Российской, инде другой Тифис между сражающимися горами плыть дерзает, со снегом, со мразом, с вечными льдами борется и хочет соединить восток с западом. Откуду толикая слава и сила Российских флотов по толь многим морям в краткое время распространилась? Откуду материи? Откуду искусство? Откуду махины и орудия, нужныя в толь трудном и многообразном деле? Не древние ли исполины, вырывая из густых лесов и гор превысоких великие дубы, по брегам повергли к строению? Не Амфион ли сладким лирным игранием подвигнул разновидныя части к сложению чудных крепостей, летающих чрез волны? Таковым бы истинно вымыслам чудная поспешность Петрова в сооружении флота приписалась, есть ли бы такое не вероятное и выше сил человеческих быть являющееся дело в отдаленной древности приключилось и не былоб в твердой[ч] памяти у многих очевидных свидетелей и в писменных без всякаго изъятия достоверных известиях. В сих мы с удивлением читаем, от оных не без сердечнаго движения в дружелюбных разговорах слышим, что не льзя определить, сухопутное ли или морское войско учреждая больше труда положил Петр Великий. Однако о том нет сомнения, что в обоих был неутомим, в обоих превосходен, ибо, как для знания[ш] всего, что ни случается в сражениях на сухом пути, не токмо прошел все чины, но и все мастерства и работы испытал собственным искусством, дабы ни над кем не просмотреть упущения должности и ни от кого излишества свыше сил не потребовать. По-

[ч] *Отд. изд. 1754* свежей.

[ш] *В подлиннике опечатка* звания.

Библиотека "Руниверс"

добным образом и во флоте не учинив опыта ничего не оставил, в чем бы только его проницательныя мысли или трудолюбивыя руки могли упразднiться. С того самаго времени, когда онаго вещию малаго ботика,[38] но действием и славою великаго, изобретение побудило неусыпный[щ] дух Петров к полезному рачению основать флот и на морской глубине показать Российское могущество, устремил и распростер великаго разума Своего силы[ъ] во все важнаго сего предприятия части, которыя рассматривая уверился, что в толь трудном деле успехов иметь не возможно, ежели он сам довольнаго в нем знания не получит. Но где оное постигнуть? Что Великий Государь предприемлет? Чудилось прежде безчисленное народа множество, стекшееся видеть восхищающее позорище на полях Московских, когда наш Герой, едва выступив из лет младенческих, в присудствии всего Царскаго дома, при[ы] знатных чинах Российскаго государства и при знатном собрании дворянства,[ь] то радующихся, то[э] повреждения здравию Его боящихся, трудился, размеривая регулярную крепость,[ю, 39] как мастер, копая рвы и взвозя землю на раскаты, как рядовой салдат, всем повелевая, как Государь, всем дая пример, как премудрый Учитель и Просветитель. Но вящшее возбудил удивление, вящшее показал позорище пред очами всего света, когда с начала на малых водах Московских,[40] потом на большей ширине озер Ростовскаго и Кубинскаго,[41] наконец, в пространстве Белаго моря[42] уверясь о несказанной пользе мореплавания,[я] отлучился на время из своего государства и, сокрыв Величество Своея Особы, между простыми работни-

[щ] *Отд. изд. 1754* любопытный.

[ъ] *Отд. изд. 1754* силу.

[ы] *Отд. изд. 1754* Своего Государя Брата, пред очами своея Государыни Родительницы и владеющей тогда самовольно Сестры, при всех *вместо* всего Царскаго дома при.

[ь] *Отд. изд. 1754* и при знатном собрании дворянства *отсутствуют.*

[э] *Отд. изд. 1754* удивляющихся и купно *вместо* то радующихся, то.

[ю] *Отд. изд. 1754* регулярныя части крепости *вместо* регулярную крепость.

[я] *Отд. изд. 1754* флота.

Библиотека "Руниверс"

ками в чужой земли корабельному делу обучаться не погнушался.[а] Удивлялись сперва[б] чудному делу прилучившиеся с ним купно в обучении, как Россиянин толь скоро не токмо простой плотнической работе научился,[в] не токмо ни единой части к строению и сооружению кораблей нужной не оставил, которой бы Своими руками не умел зделать, но и в морской архитектуре[43] толикое приобрел искусство, что Голландия не могла уже удовольствовать Его глубокаго понятия. Потом коль великое удивление во всех возбудилось, когда уведали, что не простой то был Россиянин, но сам толь великаго государства Обладатель к тягостным трудам простер рожденныя и помазанныя для ношения скиптра и державы руки. Но только ли было что для одного любопытства или, по крайней мере, для указания и повелительства в Голландии и в Британии достиг совершенной теории и практики к сооружению флота и в мореплавательной науке? Везде великий Государь не токмо повелением и награждением,[г] но и собственным примером побуждал к трудам подданных! Я вами свидетельствуюсь, великия Российския реки, я к вам обращаюсь, щастливые береги, посвященные Петровыми стопами и потом Его орошенные. Коль часто раздавались на вас бодрые и ревностные клики, когда тяжкие, к составлению корабля приуготованные члены, не редко тихо от работающих движимые, наложением руки Его к скорому течению устремлялись, и оживленное примером[д] Его множество с не вероятною поспешностию совершали великия громады. Коль чудным и ревностному сердцу чувствительным зрением наслаждались стекшиеся народы, когда оныя великия здания к сошествию на воду приближались! Когда

[а] *Отд. изд. 1754* *опечатка* не погнушаться.

[б] *Отд. изд. 1754* сперва *отсутствует*.

[в] *Отд. изд. 1754* в обучении иностранцы, как Россиянин толь скоро приять не токмо он простой плотнической работы *вместо* купно... научился.

[г] *Отд. изд. 1754* обещанием награждения *вместо* награждением.

[д] *Отд. изд. 1754* вспоможением.

Библиотека "Руниверс"

неусыпный их Основатель и Строитель, многократно то на верьху оных, то под ними обращаясь, то кругом[е] обходя, примечал твердость каждой части, силу махин, всех предосторожностей точность и усмотренные недостатки исправлял повелением, ободрением, догадкою и неутомимых рук Своих поспешным искусством. Сим неусыпным рачением, сим непобедимым в труде постоянством баснословная древних поспешность не вымыслами, но правдою[ж] во дни Петровы показалась![з]

Коль радостны были великому Государю толикие в морском деле успехи, к несказанной пользе и славе государства рачением Его произведенные, легко[и] из того усмотреть можно, что не токмо воздаянием удовольствовал спотрудившихся[й] с Собою, но

[е] *Отд. изд. 1754* вкруг.

[ж] *Отд. изд. 1754* не в вымыслах, но в правде *вместо* не вымыслами, но правдою.

[з] *Отд. изд. 1754 было добавлено* Велико есть дело на земли устроенныя крепости пустить на море и скорым прохождением приближиться к местам, отделенным пучиною в тесное соседство! Но ходить по суше судами еще того более, еще чуднее! Возносят похвалами древние писатели Ганнибалово удивительное дело, что чрез высокия Алпийския горы не токмо провел свое воинство, но и слонов, вооруженных собою, но и наложенным бременем тяжких. Труд великой! Но земные животные по земли переходили. Петровых чудеса времен в большее приводит удивление! Не представляю здесь бегавших по снежной поверхности легких кораблей, для единаго веселия устроенных, хотя великое множество народа к смотрению страннаго дела стекалось. Едино полагаю пред тщеславною древностию хождение по сухому пути галер Петровых и показываю неодушевленных четвероногих по горам и долинам, но бездушныя суда вместо морских валов чрез каменистые холмы преходящия; не врожденною им и известною силою, но теми по суше движимых, которых сами по морской глубине носят.

Тому ли могли препятствовать валы морские, кто по суше ходил флотом? От того ли могли защититься противные береги, кто из пучины выводил на них сухопутное войско? кто четыре флота разных народов предводил пред очами неприятеля, едва к морю приближиться дерзающаго и отирающаго слезы, которыя от его заженных городов, замков, сел и заводов восходящим дымом к течению понуждались.

[и] *Отд. изд. 1754* лехко.

[й] *Отд. изд. 1754* трудившихся.

Библиотека "Руниверс"

и безчувственному дереву показал преславной знак благодарности. Покрываются Невския струи судами и флагами, не вмещают береги великаго множества стекшихся зрителей, колеблется воздух и стонет от народнаго восклицания, от шума весел, от трубных гласов, от звука огнедышущих махин. Какое щастие, какую радость нам небо посылает? Кому на сретение Монарх наш с таковым великолепием выходит? Ветхому ботику,[44] но в новом и сильном первенствующему Флоте. Представив сего величество, красоту, могущество и славныя действия и купно онаго малость и худость, видим, что сего никому в свете произвести не было возможно, кроме исполинской смелости в предприятии и неутомимой в совершении бодрости Петровой.

Превозходен на земли, несравнен на водах силою и славою военною был Великий наш Защитник!

От краткаго сего и часть некоторую трудов Его содержащаго исчисления уже чувствую утомление, Слушатели,[к] но великое и пространное похвал Его вижу поле пред собою! И так, дабы к совершению течения слова моего силы и определеннаго[л] времени достало, употреблю возможную поспешность.

К основанию и произведению в действо[м] толь великой морской и сухопутной силы, сверьх сего[н] к строению новых городов, крепостей, пристаней, к сообщению рек великими каналами, к укреплению пограничных линей валами, к долговременной войне, к толь частым и дальным походам, к строению публичных и приватных зданий новою архитектурою, к сысканию искусных людей и всех других способов для распространения наук и художеств, на содержание новых чинов придворных и штатских коль великая казна требовалась, всякому ясно представить можно и[о] рассудить, что к тому не могли достать доходы Петровых Предков. Того ради премудрый Государь крайнее приложил стара-

[к] *Отд. изд. 1754* Слушатели *отсутствует.*

[л] *Отд. изд. 1754* силы и определеннаго *отсутствуют.*

[м] *Отд. изд. 1754* совершению *вместо* произведению в действа

[н] *Отд. изд. 1754* сверьх сего *отсутствуют.*

[о] *Отд. изд. 1754 добавлено* притом.

Библиотека "Руниверс"

ние, как бы внутренние и внешние государственные зборы умножить без народнаго раззорения, и по врожденному Своему просвещению усмотрел, что не токмо казне великая прибыль воспоследует, но и общее подданных спокойство и безопасность единым учреждением утвердится, ибо, когда еще не было[п] число всего Российскаго народа и каждаго[р] человека жилище известно, своевольство не пресечено, каждому, куда хочет, преселиться и странствовать по своему произволению не запрещалось, наполнены были улицы безстыдною и шатающеюся нищетою, дороги и великия реки не редко запирались злодейством воров и целыми полками душегубных разбойников, от которых не токмо села, но и городы разорялись. Превратил премудрый Герой вред в пользу, леность в прилежание, раззорителей в защитников, когда исчислил подданных множество,[45] утвердил каждаго на своем жилище,[46] наложил легкую, но известную подать, чрез что умножилось и учинилось известное количество казенных внутренних доходов и число людей в наборах, умножилось прилежание и строгое военное учение.[47] Многих, которые бы в прежних обстоятельствах остались вредными грабителями, принудил готовыми быть к смерти за отечество.

Сколько другия к сему служащия премудрыя учреждения спомоществовали, о том умолчеваю; упомяну о приращении внешних доходов. Всевышняго промысл споспешествовал добрым намерениям и рачениям Петровым: отворил рукою Его новыя пристани на Варяжском море при городах, храбростию Его покоренных и собственным трудом воздвигнутых.[48] Совокуплены великия реки для удобнейшаго проходу Российскаго купечества,[49] сочинены пошлинные уставы,[50] утверждены купеческие договоры с разными народами.[51] И так, прирастая внутрь и вне, довольство сколько спомоществовало, явствует из самаго начала сих учреждений, ибо, продолжая дватцать лет трудную войну, Россия от долгов была свободна.

[п] *Отд. изд. 1754* не было *отсутствуют.*

[р] *На этом текст Отд. изд. 1754 обрывается.*

Библиотека "Руниверс"

Чтож, уже ли все великия дела Петровы изображены слабым моим начертанием? О коль много еще размышлению, голосу и языку моему труда остается! Я вам, слушатели, я вашему знанию препоручаю, коль много требовало неусыпности основание и установление правосудия, учреждение Правительствующаго Сената, Святейшаго Синода, государственных коллегий,[52] канцелярий и других мест присудственных с узаконениями, регламентами, уставами, расположение чинов,[53] заведение внешних признаков для оказания заслуг и милости,[54] наконец, политика, посольства и союзы с чужими державами. Вы все сие сами в просвещенных Петром умах ваших представьте. Мне только остается предложить едино краткое всего изображение. Когда бы прежде начала Петровых предприятий приключилось кому отлучиться из Российскаго отечества в отдаленныя земли, где бы Его имя не загремело, буде такая земля есть на свете, потом бы, возвратясь в Россию, увидел новыя в людях знания и искусства, новое платье и обходительства, новую архитектуру с домашними украшениями, новое строение крепостей, новой флот и войско; всех сих не токмо иной образ, но и течение рек и морских пределов усмотрел перемену, чтоб тогда помыслил? Не мог бы разсудить иначе, как что он был в странствовании многие веки, либо все то учинено в толь краткое время общими силами человеческаго рода, или творческою Всевышняго рукою, или, наконец, все мечтается ему в сонном привидении.

Из сего моего, почти тень едину Петровых славных дел показующаго слова видеть можно, коль они велики! Но что сказать о страшных и опасных препятствиях, бывших на пути исполинскаго Его течения? Больше похвалу Его возвысили! Подвержено таковым переменам состояние человеческое, что из благополучных противныя, из противных благополучныя следствия раждаются. Что приращению нашего благополучия могло быть сего противнее, когда Россию обновляющему Петру и купно отечеству извне нападения, извнутрь огорчения, отовсюду опасности грозили и пагубныя следства приуготовлялись? Война дела домашния, домашния дела войну отягощали, которая еще

Библиотека "Руниверс"

прежде нача́ла своего начала́ быть вредительна. Подвигнулся великий Государь из отечества с великим посольством видеть Европейския государства, познать их преимущества, дабы, возвратясь, употребить их в пользу своих подданных. Только лишь[c] прешел владения Своего пределы, везде ощутил великия и тайно поставленныя препоны.[55] Однако оных как по всему свету извещенных ныне не упоминаю.[56] Мне кажется, и бездушныя вещи чувствовали опасность, приближающуюся к Российской надежде, чувствовали струи Двинския и будущему своему Повелителю между густым льдом к спасению от устроенных коварств стезю открыли и преодоленныя им опасности Балтийским берегам, разливаясь, возвестили.[57] Избыв от опасности, поспешал в радостном пути Своем, довольствуя очи и сердце и обогащая разум. Но ах! Не волею пресекает свое преславное течение. Какую имел сам с Собою распрю! С одной стороны, влечет любопытство и знание, отечеству нужное, с другой стороны, само бедствующее отечество, которое к Нему, к единому своему упованию простерши руки, восклицало: «Возвратися, поспешно возвратися: меня терзают внутрь изменники! Ты странствуеш для моего блаженства — со благодарением признава́ю, но прежде укроти свирепых. Ты растался со Своим домом, со Своими кровными для приращения моей славы — с усердием почитаю, но успокой опасное нестроение; оставил данный Тебе от Бога венец и скипетр и простым видом скрываешь лучи своего Величества для моего просвещения — с радостною надеждою того желаю, но отврати мрачную грозу неспокойства с домашняго горизонта». Такими движениями сердца проницаясь, возвратился для утоления страшныя бури![58] Таковыя противности воспящали Герою нашему в славных подвигах! Коль многими отвсюду окружен был неприятелями! Извне воевала Швеция, Польша, Крым, Персия, многие восточные народы, Оттоманская Порта, извнутрь — стрельцы, раскольники, козаки, разбойники. В доме от самых ближних, от своей крови злодейства,

[c] *Отд. изд. 1755* Лишь только *вместо* Только лишь

Библиотека "Руниверс"

ненависть, предательства на дражайшую жизнь Его приуготовлялись.[59] Что все подробно описать трудно и слушать не безболезненно! К радости в радостное время обратимся. Помог Всевышний Петру преодолеть все тяжкия препятствия и Россию возвысить. Споспешествовал Его благочестию, премудрости, великодушию, мужеству, правде, снисходительству, трудолюбию. Усердие и вера к Богу во всех Его предприятиях известна: первое Его веселие был дом Господень; не слушатель токмо предстоял божественной службе, но сам чиноначальник. Умножал внимание и благоговение предстоящих Своим Монаршеским гласом и вне государскаго места с простыми певцами на ряду стоял перед Богом.[60] Много имеем примеров его благочестия, но один ныне довлеет. Выежжая в сретение телу святаго и храбраго Князя Александра, благоговения исполненным действием подвигнул весь град, подвигнул струи Невския. Чудное видение! Гребут Кавалеры, сам Монарх на корме управляет и к простых людей труду пред всем народом помазанныя руки простирает веры ради.[61] Ею укрепляясь, избыл многократнаго стремления кровожаждущих изменников. Осенил Господь над главою Его силою свыше в день Полтавския брани и не допустил к Ней прикоснуться смертоносному металлу! Рассыпал перед Ним, как некогда Ерихонскую, Нарвскую стену, не во время ударов из огнедышущих махин, но во время божественной службы.[62]

Освященнаго и огражденнаго благочестием одарил Бог несравненною премудростию. Какая важность в рассуждениях, безпритворная в словах краткость, в изображениях точность, в произношении сановитость, жадность к познанию, прилежное внимание благоразумных и полезных разговоров, в очах и на всем лице разума постоянство. Чрез сии Петровы дарования приняла новой вид Россия, основаны науки и художества, учреждены посольства и союзы, отвращены хитрые умыслы некоторых держав против нашего Отечества и Государям — иному сохранено королевство и самодержавство,[63] иному возвращена отнятая неприятельми корона.[64] Изовсего предреченнаго довольно явствующей, свыше влиянной Ему премудрости споспе-

Библиотека "Руниверс"

шествовало Его Геройское мужество: оною удивил вселенную. сим устрашил противных. В самом Своем нежном младенчестве показал при военных обучениях безстрашие. Когда все смотрители новаго дела — метания бомб на означенное место — весьма опасались повреждения, младый Государь в близости смотреть всеми силами порывался и слезами Своея Родительницы, прошением Братним и знатных персон молением едва был одержан.[65] Странствуя в чужих государствах для учения, коль многия презирал опасности для обновления России. Плавание по непостоянной морской пучине служило Ему вместо увеселения. Коль много крат морския волны, возвышая гордые верьхи свои, непреврат-ной смелости были свидетели, быстро текущим флотом рассекаемы, в корабли ударяли и с ярым пламенем и ревущим по воздуху металлом в едину опасность совокуплялись — Его не устрашили! Кто без ужаса представить может летящаго по полям Полтавским в устроенном к бою Своем войске Петра между градом пуль неприятельских, около главы Его шумящих, возвышающаго сквозь звуки глас Свой и полки к смелому сражению ободряющаго. И ты, знойная Персия, ни быстрыми реками, ни топучими болотами, ни стремнинами гор превысоких, ни ядовитыми источниками, ни раскаленными песками, ни внезапными набегами непостоянных народов не могла препятить нашествию нашего Героя, не могла удержать торжественнаго въезда в наполненные потаенным оружием и лукавством городы.[66]

Больше примеров о Геройском Его духе для краткости не предлагаю, Слушатели, не упоминаю многих сражений и побед, в Его присудствие и Его предводительством бывших, но представляю Его великодушие, великим Героям сродное, которое украшает победы и больше движет сердца человеческия, нежели храбрые поступки. В победах имеет участие храбрость воинов. споможение союзников, места и времени удобность и больше всего присвояет себе счастие, как бы некоторое собственное свое достояние. Великодушию победителеву все принадлежит единому. Славнейшую получает победу кто себя побеждает. Не имеют в ней ни воины, ни союзники, ни время, ни место, ни

Библиотека "Руниверс"

само господствующее делами человеческими счастие ни малейшаго жребия. Правда, победителям разум удивляется, но великодушных любит сердце наше. Таков был Великий наш защитник. Отлагал гнев Свой купно со оружием и не токмо из неприятелей никто живота лишен не был, как только против Его ополченный, но и безприкладная честь им показана. Скажите, Шведские военачальники, под Полтавою плененные, что вы тогда помышляли, когда, ожидая связания, препоясаны были поднятыми против нас мечами своими; ожидая посаждения в темницы, посаждены были за столом Победительским; ожидая посмеяния, поздравлены были нашими учителями? Коль великодушнаго Победителя вы имели! [67]

Великодушию сродно и часто сопряженно есть правосудие. Первое звание поставленных от Бога на земли обладателей есть управляти мир в преподобии и правде, награждать заслуги, наказывать преступления. Хотя военныя дела и великия другия упражнения, а особливо прекращение веку [68] много препятствовали Великому Государю установить во всем непременные и ясные законы, однако, сколько на то трудов Его положено, несомненно удостоверяют многие указы, уставы и регламенты, которых составление многочисленные для отдохновения, многочисленные ночи сна Его лишили. Докончать и принести к совершенству судил Бог подобной таковому Родителю Дщери в безмятежное и благословенное Ея владение.

Но хотя ясными и порядочными законами не утверждено было до совершенства, однако в сердце Его написано было правосудие. Хотя не все в книгах содержалось, но делом совершалось. При всем том милость на суде хвалилась в самых тех случаях, когда многим Его делам препятствующия злодеяния к строгости принуждали. Из многих примеров один докажет. Простив многих знатных особ за тяжкия преступления, объявил Свою сердечную радость приятием их столу Своему и пушечною пальбою.[69] Не отягощает Его казнь стрелецкая.[70] Представьте себе и помыслите, что ему ревность к правде, что сожаление о подданных, что своя опасность в сердце говорила: «Пролита

Библиотека "Руниверс"

Деталь конной статуи Петра I в Ленинграде
Работа К. Б. Растрелли.
Фот. А. А. Коренькова (1956)

Библиотека "Руниверс"

неповинная кровь по домам и по улицам Московским, плачут вдовы, рыдают сироты, воют насилованныя жены и девицы, сродники мои в доме моем пред очами моими живота лишились и острое оружие было к сердцу моему приставлено.[71] Я Богом сохранен, сносил, уклонялся, я вне града странствовал. Ныне полезное мое путешествие пресекли, вооружась явно против отечества. За все сие ежели не отмщу и конечной пагубы не пресеку казнию, уже вижу наперед площади, наполнены трупов, расхищаемые домы, разрушаемы храмы, Москву, со всех сторон объемлему пламенем, и любезное отечество повержено в дыму и в пепеле. Все сии пагубы, слезы, кровь на мне Бог взыщет». Такого конечнаго правосудия наблюдение принудило Его к строгости.

Ничем не могу я больше доказать Его милостиваго и кроткаго сердца, как безприкладным снисходительством к Его подданным. Превосходен дарованиями, возвышен величеством, возвеличен преславными делами, но все сие больше безприкладным снисхождением умножил, украсил. Часто межь подданными своими просто обращался, не имея великаго и монаршеское присудствие показующаго великолепия и раболепства. Часто пешему свободно было просто встретиться, следовать, итти вместе, зачать речь, кому потребуется. Многих прежде Государей раби на плечах, на головах своих носили. Его снисхождение превознесло выше самих Государей. Во время самаго веселия и отдохновения предлагались дела важныя: важность не умаляла веселия, и простота не унижала важности. Как ожидал, принимал и встречал своих верных! Какое увеселение за столом Его было! Спрашивает, слушает, отвечает, рассуждает как с друзьями; и сколько время стола малым числом пищей сокращалось, столько продолжалось снисходительными разговорами. Межь толь многими государственными попечениями жил, как с приятельми, в прохлаждении. В коль малыя хижины художников вмещал Свое Величество и самых низких, но искусных и верных рабов ободрял Своим посещением. Коль часто с ними упражнялся в художествах и в трудах разных, ибо Он привлекал к тому больше примером, нежели принуждал силою. И ежели

Библиотека "Руниверс"

что тогда казалось принуждением, ныне явилось благодеянием. За отдохновение почитал себе трудов Своих перемену. Не токмо день или утро, но и солнце на восходе освещало его на многих местах за разными трудами.[72] Государственныя, правительствующия и судебныя места, им учрежденныя, в его присудствии дела вершили. Различныя художества не токмо Его присмотром, но и рук Его вспоможением к приращению поспешали; публичныя строения, корабли, пристани, крепости всегда видели и имели Его в основании показателя, в труде ободрителя, в совершении наградителя. Чтож Его путешествия или, лутче, быстропарящия летания? Едва услышало глас повеления Его Белое, уже чувствует Балтийское море. Едва путь кораблей Его скрылся на водах Азовских, уже шумят уступающия ему Каспийския волны. И вы, великия реки, Южная Двина и Полночная, Днепр, Дон, Волга, Буг, Висла, Одра, Алба,[73] Дунай, Секвана, Тамиза,[74] Рен и протчия, скажите, сколь много крат вы удостоились изображать вид Великаго Петра в струях ваших? Скажите! Я не могу исчислить! Мы ныне только с радостным удивлением смотрим, по каким путям он шествовал, под которым древом имел отдохновение, из котораго источника утолял жажду, где с простыми людьми, как простой работник, трудился, где писал законы, где начертал корабли, пристани, крепости и где, между тем, как приятель, обращался с подданными своими. Как небесныя светила течением, как море приливом и отливом, так Он попечением и трудами для нас был в непрестанном движении.

Я в поле межь огнем, я в судных заседаниях межь трудными рассуждениями, я в разных художествах между многоразличными махинами, я при строении городов, пристанéй, каналов, между бесчисленным народа множеством, я межь стенанием валов Белаго, Чернаго, Балтийскаго, Каспийскаго моря и самаго Океана духом обращаюсь. Везде Петра Великаго вижу в поте, в пыли, в дыму, в пламени — и не могу сам себя уверить, что один везде Петр, но многие и некраткая жизнь, но лет тысяча. С кем сравню Великаго Государя? Я вижу в древности и в но-

Библиотека "Руниверс"

вых временах Обладателей, великими названных. И правда, пред другими велики. Однако пред Петром малы. Иной завоевал многия государства, но свое отечество без призрения оставил. Иной победил неприятеля, уже великим именованнаго, но с обеих сторон пролил кровь своих граждан ради одного своего честолюбия и вместо триумфа слышал плачь и рыдание своего отечества. Иной многими добродетельми украшен, но вместо чтоб воздвигнуть, не мог удержать тягости падающаго государства. Иной был на земли воин, однако боялся моря. Иной на море господствовал, но к земли пристать страшился. Иной любил науки, но боялся обнаженной шпаги. Иной ни железа, ни воды, ни огня не боялся, однако человеческаго достояния и наследства не имел разума. Других не употребляю примеров, кроме Рима. Но и тот недостаточен. Что в двести пятьдесят лет, от первой Пунической войны до Августа, Непоты, Сципионы, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели, то Петр зделал в краткое время своея жизни. Комуж я Героя нашего уподоблю? Часто размышлял я, каков Тот, который всесильным мановением управляет небо, землю и море: дхнет дух Его — и потекут воды, прикоснется горам — и воздымятся. Но мыслям человеческим предел предписан! Божества постигнуть не могут! Обыкновенно представляют его в человеческом виде. И так, ежели человека, Богу подобнаго, по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великаго не обретаю.[75]

За великия к отечеству заслуги назван Он Отцем Отечества. Однако мал ему титул. Скажите, как Его назовем за то, что Он родил Дщерь всемилостивейшую, Государыню нашу, Которая на Отеческой престол мужеством вступила, гордых врагов победила, Европу усмирила, благодеяниями Своих подданных снабдила?

Услыши нас, Боже, награди Господи! За великие труды Петровы, за попечение Екатеринино, за слезы, за воздыхание, которыя две Сестры, две Дщери Петровы, разлучаясь, проливали,[76] за несравненныя всех к России благодеяния, награди долгоденствием и Потомством!

Библиотека "Руниверс"

А ты, великая Душа, сияющая в вечности и Героев блистанием помрачающая, красуйся: Дщерь твоя царствует, Внук — наследник, Правнук по желанию нашему родился. Мы Тобою возвышены, укреплены, просвещены, украшены, Ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими в знак благодарности недостойное сие приношение. Твои заслуги больше, нежели все силы наши!

Библиотека "Руниверс"

224

Люблю[a] тебя недлятого, что ты силен,
Да длятого, что ты любления достоин

[a] *Надписано вместо зачеркнутого* Люблю ж [?].

Библиотека "Руниверс"

1756

225

НАДПИСЬ НА НОВОЕ СТРОЕНИЕ САРСКАГО СЕЛА

Хотя по царствам Рим поверженным ступал,
Однако семь веков и больше восставал; [1]
Скорее кроткой Ты, Монархиня, рукою
Россию без войны возводишь за Собою
И щедролюбием возносишь нас Своим;
Не разрушая царств, в России строишь Рим.
Пример в том — Сарской дом; кто видит, всяк чудится,
Сказав, что скоро Рим пред нами постыдится.
Ни время, ни труды, ни подданной весь свет
Там так не успевал, как здесь Елисавет.

Библиотека "Руниверс"

226

[НА ФРИДРИХА II,[а] КОРОЛЯ ПРУСКАГО. СОЧИНЕНИЕ ГОСПОДИНА ВОЛТЕРА, ПЕРЕВЕДЕННОЕ ГОСПОДИНОМ ЛОМ.][б]

Монарх и филозов, полночный Соломон,[в]
Весь свет твою имел премудрость пред очами;
Разумных множество теснясь под твой закон,
Познали Грецию над шпрейскими струями.[г, 1]
Вселенная чудясь молчала пред тобой;
Берлин на голос твой главу свою воздвигнул,
С Парижем в равенстве до звезд хвалой достигнул.[д]
И лавров Молвицких[2] в тени узрев покой,
К странам твоим пришли от берегов Секваны[е]
Возобновить поля
Вспахать твои поля } художества избранны:

[а] *В Каз. ошибочно* IV.

[б] *Бычк.* Короля пру[сскаго] Ф[ридриха] II. Соч[инение] г[осподина] Волтера. Перев[од] г[осподина] Ломонос[ова].

[в] *Бычк.*

Монарх и философ, полнощны[й] Соломон.

[г] *Бычк. вместо стихов 2—4*

Весь свет имел твою мудрость пред очами;
Разумных множество теснят под твой закон,
Познала Грецию над шпрейскими струями.

Каз. описка шпремскими.

[д] *Бычк.*

С Парижем в равенстве до звезд хваля достигнул.

[е] *Бычк.*

К странам твоим пришли от брегов Секвины.

Библиотека "Руниверс"

Пресаждены тобой ч[е]рез твои труды,[ж]
Парнаса и Афин произвели плоды,
Предзрением твоим возрасши восхищенным.[з]
Коварство от живых[3] правдивости святой
Стенало, под твоей низверженно[и] пятой,
Ненаводило слез невинно осужденным.
Десницей Марсову ты лютость укротил,[й]
Заперши дверь войны, предел распространил.
Число другов твоих умножил ты Бурбоном;
Но с Англией сдружась, изверившись ему,
Какова ждеш плода раченью своему?
Европа вся полна[к] твоих перунов стоном,
Раздор рукой своей уж пламень воспалил[л]
Ты Лейбцигски врата внезапно разрушил,[4]
Стопами роешь ты безчувственны могилы.
Трепещут все, смотря твои надменны[м] силы.
Ты двух соперников сильнейших[н] раздражил,
Уж мечь их изощрен и яры[й] огнь пылает,
И над главой твоей их молния сверкает,
Нещастливой монарх! Ты лишне в свете жил,
В минуту стал лишен премудрости[5] и славы.
Необузданнаго гиганта зрю в тебе,

[ж] *Бычк. вместо стихов 10—11*

Возобновил поля художество избранны:
Пресажденны пред тобой чрез твои труды.

[з] *Бычк.*

Призрением твоим возросши восхищенным.

[и] *Каз. описка* низверженой.

[й] *Бычк. вместо стихов 16—17*

Не наводило слез невинным осужденным.
Десницы Марсовой ты лютость укротил.

[к] *Каз. описка* полки.

[л] *Каз. ошибочно* возопил.

[м] *Каз. ошибочно* каменны.

[н] *Каз. описка* сильнейшим.

Библиотека "Руниверс"

Что хочет отворить путь пламенем себе,°
Что грабит городы и пустошит державы,
Священный топчет суд народов и царей,
Ничтожит силу прав, грубит натуре всей.ⁿ

° *Бычк. вместо стихов 32—33*

Я необузданнаго гиганта зрю в тебе,
Что хочеш отвратить путь пламенем себе.

ⁿ *Бычк. вместо стихов 35—36*

Священный топчеш путь, народов и царей,
На что жить в силу прав, грубить натуре всей

Библиотека "Руниверс"

1757

227

ГИМН БОРОДЕ

1

Не роскошной я Венере,
Не уродливой Химере
В имнах жертву воздаю: [а]
Я похвалну песнь пою
Волосам, от всех почтенным,
По груди разпространенным,[б]
Что под старость наших лет
Уважают наш совет.
Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.[в]

[а] *Q, O, Сел., Каз., Бычк., Барк., Ш, Ю, П, Кн.*

В гимнах жертву воздаю.

[б] *Сел.*

По грудям распространенным.

[в] *Бычк.*

Пред тобой предпочтена.

Библиотека "Руниверс"

СОБРАНІЕ
РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ
ВЪ СТИХАХЪ И ВЪ ПРОЗѢ
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

КНИГА ПЕРВАЯ.
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ СЪ ПРИБАВЛЕНІЯМИ.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ
Университетѣ 1757. года.

Титульный лист Собрания сочинений Ломоносова 1757 г.

Библиотека "Руниверс"

2

Попечителна природа
О блаженстве смертных рода
Несравненной красотой [г]
Окружает бородой
Путь, которым в мир приходим [д]
И наш первой взор возводим.[е]
Не явится борода,
Не открыты ворота.[ж]
Борода предорогая...[з]

3 [и]

Борода в казне доходы [й]
Умножает по вся годы.
Кержинцам [1] любезной брат
С радостью двойной оклад
В збор за оную приносит [2]

[г] *Сел.*

Несравненна красотой.

[д] *Бычк.*

Путь, которым в мир проходим.

Барк., Ш

Путь, которым в мир приходит.

Ю

Путь, которым мы приходим.

[е] *Барк., Ш*

И наш первой взор возводит.

[ж] *Сел.*

Не откроет ворота.

Кн.

Не отверсты ворота.

[з] *Во всех списках, за исключением Бычк., повторяется не весь припев*

[и] *О* — четвертая строфа; *Q, Сел., Каз., Бычк., Ш* — пятая строфа.

[й] *Q, О, Сел., Каз., Бычк., Ш*

Борода в казну доходы.

Библиотека "Руниверс"

И с поклоном ниским просит [к]
В вечной пропустить покой
Безголовым с бородой.[л, 3]

4 [м]

Не напрасно он дерзает,
Верно свой прибыток знает: [н]
Лиш разгладит он усы,
Смертной не боясь грозы,[о]
Скачут в пламень суеверы: [п, 4]
Сколко с Оби и Печеры
После них богатств домой [р]

[к] *Син., Q. O, Барк., Ш, П, Ю вместо стихов 21—22*

В збор за оную приносят
И с поклоном ниским просят.

[л] *Каз., Бычк., Ш, Ю*

Безголовых с бородой.

Барк.

Безбородых з бородой.

[м] *O* — пятая строфа; *Q, Сел., Каз., Бычк., Ш* — шестая строфа.

[н] *O, Ш*

Верной свой прибыток знает.

Каз.

Вечной свой прибыток знает.

[о] *Сел.*

Смертной небоится косы.

Барк.

Смертной не боясь косы.

Ю

Смертной не боясь красы.

[п] *Ю ошибочно*

Скачут в пламень там чеверы.

[р] *Каз. вместо стихов 30—31*

Сколько после из Печеры
После тех богатств домой.

Барк.

После их богатств домой.

Ю

После сих богатств домой.

Библиотека "Руниверс"

Достает он бородой.[5]
Борода предорогая...

5[с]

О коль в свете ты блаженна,
Борода, глазам замена!
Люди обще говорят
И по правде то твердят:
Дураки, врали, проказы[т]
Были бы без ней безглазы;[у]
Им в глаза плевал бы всяк;
Ею цел и здрав их зрак.[6]
Борода предорогая...

6[ф]

Естли правда, что планеты
Нашему подобны светы,[х]
Конче[7] в оных мудрецы[ц]
И всех пуще там жрецы[ч]

[с] *Q, O, Сел., Каз., Бычк., Ш* — третья строфа

[т] *Каз.*

Дураки зрели проказы.

[у] *Сел.*

Безнея б были безглазы.

Барк.

Былиб без нее безглазы.

П, Кн

Были б без нея безглазы.

[ф] *Q, Сел., Каз., Бычк., Ш* — четвертая строфа.

[х] *Бычк.*

Нашему подобны свету.

Барк. вместо стихов 41—42

Естьли правда, что планету
Нашему подобят свету.

[ц] *Каз.*

Конче всех их мудрецы.

[ч] *Ю*

И всем пуще тем жрецы.

Библиотека "Руниверс"

Уверяют бородою,[ш]
Что нас нет здесь головою.[8]
Скажет кто: мы вправды тут,[щ]
В струбе там того сожгут.[ъ, 9]
Борода предорогая...

7

Естли кто не взрачен телом
Или в разуме не зрелом,
Естли в скудости рожден,
Либо чином не почтен, — [ы]
Будет взрачен и разсуден,[ь]
Знатен чином и не скуден [э]
Для великой бороды:
Таковы ея плоды! [ю]
Борода предорогая...

[ш] *Ш стих 45 отсутствует.*

[щ] *О*

Скажет, что мы вправду тут.

Сел.

Ктоже скажет, что мы тут.

Каз., Бычк., Ш

Скажет кто: мы вправду тут.

Ю

Скажет правду, кто мы тут.

П вместо стихов 45—47

Уверяют сатаною,
Что нас нет здесь с бородою.
Если ж скажут, что есть тут.

[ъ] *Ю*

В струбах так того сожгут.

[ы] *В Син. описка*

Либо чином почтен.

[ь] *Бычк., Ю*

Будет взрачен и разумен.

[э] *Сел.*

Знаменит чином и найден.

[ю] *Сел.*

Таковы ея следы.

Библиотека "Руниверс"

8

О прикраса золотая,[а]
О прикраса даровая,[а]
Мать дородства и умов,
Мать достатков и чинов,[б]
Корень действий невозможных,[в]
О завеса мнений ложных![г, 10]
Чем могу тебя почтить,
Чем заслуги заплатить?[д]
Борода предорогая...

[а] *Сел.*

О прекраса золотая.

Кн.

О прекрасна, золотая.

[а] *Q, O, Каз., Бычк., Ю*

О прекраса дорогая.

Сел.

О хороша дорогая.

[б] *O, Ю*

Мать достоинств и чинов.

Q, Каз., Бычк., Ш

Мать достатка и чинов.

Кн.

Мать дородствам и умам.

[в] *Ш*

Корень действ всех невозможных.

[г] *Сел.*

И завеса мнений ложных.

[д] *Бычк.*

Чем заслугиб заплатить.

Библиотека "Руниверс"

9

Через многие расчосы
Заплету тебя я в косы [е]
И всю хитрость покажу,[ж]
По всем модам наряжу.
Черес разные затеи [з]
Завивать хочу тупеи:
Дайте ленты, кошелки [и, 11]
И крупичатой муки.
Борода предорогая...

10

Ах, куда с добром деватся?
Все уборы не вместятся: [й]
Для их многаго числа
Борода не доросла.
Я крестьянам подражаю

[е] *О*

Заплету я тебе в косы.

Ю вместо стихов 65—66

Через многие зачосы
Заплету тебя в косы.

[ж] *Q*

Я всю хитрость покажу.

[з] *Син., Каз., Бычк.*

Через разныя затеи.

Ш

Через многия затеи.

[и] *Q*

Дайте ленты да шелки.

Сел., Каз., Барк., Ш, Ю

Дайте ленты, кошельки.

[й] *Сел.*

Все уборы не годятца.

Библиотека "Руниверс"

И как пашню удобряю.[к]
Борода, теперь прости,
В жирной влажности расти! [12]
Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.

[к] *M очевидная описка*

И как пашну удобряю.

Q

Я как пашню удобряю.

Библиотека "Руниверс"

228 [а]

О страх! о ужас! гром! ты дернул[6] за штаны,
Которы подортом висят у сатаны.[в]
Ты видиш, он зато свирепствует [и] злится,[г]
Диравой красной нос, халдейска печь,[1] дымится,[д]

[а] *Ш заглавие* Возражение на передетую бороду. *Ю заглавие* Ответ на вышереченное.

[6] *О, Бычк., Ю ошибочно* дерзнул.

П

О страх! о ужас! гром! ты держишь за штаны.

Ш

О страх! о ужас! гром! чорт дернул за штаны

[в] *Ш*

Которыя висят подо ртом у сатаны

П

Которые висят под ртом у сатаны.

[г] *О*

Он за то свирепствует и злитца

М, Ю

Ты видишь, он свирепствует и злится

[д] *М*

Дыравой красной нос, халдейска пещь, дымится.

О

Дирявой красной нос — халдейская пещь дымяща.

Бычк. ошибочно

Дирявой красной нос, как халдейска пещь, дымится.

Каз.

Дырявой красной нос, халдейска пещь, дымится.

П

Дырявый красный нос, как пещь халдейска, дмится

Ш

Дорогой красной нос. халдейска пещь, дымится.

Библиотека "Руниверс"

Огнем и жупелом[2] исполнены усы,[е]
О как бы хорошо коптить вних колбасы![ж]
Козлята малыя родятся з бородами:[з]
Коль много почтены они перед попами!
О полза, я одной[и] из сих пустых бород[й]
Недавно удобрял безплодный огород.[к]
Уже и прочие то[го] ж себе желают[л]
И принести плоды обильны обещают.[м]
Чего неможно ждать от толь мохнатых лиц,[н]
Где в тучной бороде премножество площиц?[3]
Сидят и меж собо[й], как люди, разсуждают,

[е] *М, О, Каз., Бычк., П, Ю*

Огнем и жупелом наполнены усы.

[ж] *Каз.*

А как бы хорошо коптить в них колбасы.

Ш ошибочно

О как хорошо в них коптить колбасы.

[з] *П, Ш*

Козляты малыя родятся с бородами.

[и] *Син., М, О, Каз., Бычк., Ю ошибочно* одну.

[й] *М, О, Каз., Бычк., Ю*

О польза, я одну из всех пустых бород.

[к] *О*

Недавно удобрял как безплодный огород.

Бычк., Ш, П

Недавно удобрял безплодный и огород.

Ю ошибочно

Недавно ободрял безплодных и огород.

[л] *Ю*

Уже и лутчие себе того желают.

[м] *Ю*

И принять плоды обильны обещают.

[н] *О*

Сего неможно ждать от толь мохнатых лиц.

Ш

Чего не можно знать от тех мохнатых лиц.

Библиотека "Руниверс"

Других с площицами бород[4] непризнавают[о]
И проклинают всех, кто молвит про козлов:
Возможноль быть у них толь много волосов?[п]

[о] *О*

Других без площиц бород непризнавают.

Ю вместо стихов 15—16

Сидят и промеж собой, как люди, рассуждают,
Других с площицами бород не призывают.

[п] *О вместо стихов 17—18*

И проклинают тех, кто молвит про козлов:
«Возможноли быть толь много волосов!»

П вместо стихов 17—18

А признают лишь тех, кто молвит про козлов:
«Возможно ль быть у них столь много волосов».

Ш, Ю

«Возможно ль быть у них столь много волосов».

Библиотека "Руниверс"

229

ЗУБНИЦКОМУ [а]

Безбожник и ханжа,[1] подметных писем враль![2]
Твой мерзкой склад давно и смех нам и печаль:
Печаль, что ты язык российской развращаешь,[3]
А смех, что ты тем злом затмить достойных чаешь.
Наплюем мы на страм твоих поганых врак:[6]
Уже за 20 лет ты записной дурак;[в, 4]
Давно из гага[5] всем читать твои синички,
Дорогу некошну, вонючия лисички;
Никто непоминай[г] нам подлости ходуль
И к пьянству твоему потребных красоуль.[6]
Хоть ложной святостью ты бородой скрывался,[д, 7]
Пробин,[8] на злость твою взирая, улыбался:
Учения ево и чести и труда
Не можешь повредить ни ты, ни борода.

[а] *Каз.* Ломоносова Зубницкому; *Каз. Реестр* Ломон. Зубницкому; *Бычк.* С. Г. Зубницкому от г[осподина] Л[омоносова]; *Бычк. Регистр* Стихи г[осподина] Зубницкого.

[б] *M, Q*

Но плюем мы на страм твоих поганых врак.

[в] *M, Q, Бычк.*

Уже за тритцать лет ты записной дурак.

[г] *Бычк. ошибочно* не понимай.

[д] *Q ошибочно*

Хоть можно святостью ты бородой скрывался.

Бычк.

Хоть ложной святостью ты бороды скрывался.

Библиотека "Руниверс"

230—231

[СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ «СЛОВА О РОЖДЕНИИ МЕТАЛЛОВ»]

230

Свирепая, что ты, ах, взору представляешь,
Что ложными меня ты видами прельщаешь? [1]

231

Как хляби страшный зной из Етны отрыгают;
Уж пашни и леса с владельцами пылают.[1]

Библиотека "Руниверс"

232

ОДА ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, НА ПРЕСВЕТЛЫЙ И ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК РОЖДЕНИЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА И ДЛЯ ВСЕРАДОСТНАГО РОЖДЕНИЯ ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ АННЫ ПЕТРОВНЫ, ПОДНЕСЕННАЯ ОТ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ 1757 ГОДА

[1]

Красуйтесь, многие народы:
Господь умножил Дом Петров.
Поля, леса, брега и воды!
Он жив, надежда и покров,
Он жив, во все страны взирает,
Свою Россию обновляет,
Полки, законы, корабли
Сам строит, правит и предводит,
Натуру духом превосходит —
Герой в морях и на земли́.

[2]

О божеской залог! О племя!
Чем наша жизнь обновлена,
Возвращено Петрово время,
О вы, любезны имена!

Библиотека "Руниверс"

О твердь небеснаго завета,
Великая Елисавета,
Екатерина, Павел, Петр,
О новая нам радость — Анна,
России свыше дарованна,
Божественных порода недр!

[3]

Смотрите в солнцевы пределы
На ранней и вечерней дом;
Смотрите на сердца веселы.
Внемлите общих плесков гром.
Устами целая Россия
Гласит: «О времены златыя!
О мой всевожделенной век!
Прекрасна Анна возвратилась,[1]
Я, с нею разлучась, крушилась,
И слез моих источник тек!»

[4]

Здесь Нимфы с воплем провожали
Богиню родом, красотой,
Но ныне громко восплескали,
Младая Анна, пред тобой;
Тебе песнь звучну воспевают,
Героя в Мужа предвещают,
Геройских всех Потомков плод.
Произошлиб земны владыки,
Родились бы Петры велики,
Чтоб просветить весь смертных род.

[5]

Умолкни ныне, брань кровава;
Нам всех приятнее побед,

Библиотека "Руниверс"

Нам больше радость, больше слава,
Что Петр в наследии живет,
Что Дщерь на троне зрит Россия.
На что державы Ей чужия? [2]
Ей жалоб был наполнен слух.
Послушайте, концы вселенной,
Что ныне, в брани воспаленной,
Вещал Ея на небо дух:

[6]

«Великий Боже, вседержитель,
Святый Твой промысел и свет
Имея в сердце, Мой Родитель
Вознес под солнцем Росский свет.
Меня, оставлену судьбою,
Ты крепкою возвел рукою
И на престоле посадил.
Шестнатцать лет нося порфиру,
Европу Я склоняла к миру
Союзами и страхом сил.[3]

[7]

Как славны дал Ты нам победы,
Всего превыше было Мне,
Чтоб род Российской и соседы
В глубокой были тишине.
О безмятежной жизни света
Я все усердствовала лета,
Но ныне Я скорблю душей,
Зря бури, царствам толь опасны,
И вижу, что те несогласны
С святой правдивостью Твоей.

Библиотека "Руниверс"

[8]

Присяжны преступив союзы,[4]
Поправши нагло святость прав,
Царям навергнуть тщится узы
Желание чужих держав.
Творец, воззри в концы вселенны,
Воззри на земли утесненны,[5]
На помощь страждущим восстань,
Позволь для общаго покою
Под сильною Твоей рукою
Воздвигнуть против брани брань».[6]

[9]

Сие рекла Елисавета,
Геройской Свой являя вид;
Небеснаго очами света
На сродное им небо зрит.
Надежда к Богу в них сияет,
И гнев со кротостью блистает,
Как видится зарница нам.
Что громко в слух мой ударяет?
Земля и море отвещает
Елисаветиным словам!

[10]

Противныя страны трепещут,
Вопль, шум везде, и кровь, и звук.
Ужасные Перуны мещут
Розмахи сильных Росских рук.
О Ты, союзна Героиня[7]
И сродна с нашею Богиня!
По Вас поборник Вышний Бог.
Он правду Вашу защищает,

Библиотека "Руниверс"

Обиды наглыя отмщает,
Над злобою возвысил рог.[8]

[11]

Когда в Нем милость представляем,
Ему подобных видим Вас;
Как гнев Его изображаем,
Оружий Ваших слышим глас;
Когда неправды Он карает,
То силы Ваши ополчает;
Его — земля и небеса,
Закон и воля повсеместна,
Поколь нам будет неизвестна
Его щедрота и гроза.

[12]

Правители, судьи, внушите,
Услыши вся словесна плоть,
Народы с трепетом внемлите:
Сие глаголет вам Господь
Святым Своим в Пророках духом;
Впери всяк ум и вникни слухом:
Божественный певец Давид
Священными шумит струнами,
И Бога полными устами
Исайя восхищен гремит.

[13]

«Храните праведны заслуги
И милуйте сирот и вдов,
Сердцам нелживым будьте други
И бедным истинный покров,
Присягу сохраняйте верно,

Библиотека "Руниверс"

Приязнь к другам нелицемерно,
Отверзите просящим дверь,
Давайте страждущим отраду,
Трудам законную награду,[9]
Взирайте на Петрову Дщерь.

[14]

В сей день для общаго примера
Ее на землю Я послал.
В Ней бодрость, кротость, правда, вера;
Я сам в лице Ея предстал.
Соделал знамение ново,
Украсив торжество Петрово
Наследницей великих дел,
Мои к себе щедроты знайте,
Но твердо все то наблюдайте,
Что Петр, Она и Я велел.

[15]

В моря, в леса, в земное недро
Прострите ваш усердной труд,
Повсюду награжду вас щедро
Плодами, пасствой, блеском руд.[10]
Пути все отворю к блаженству,
К желаний наших совершенству.
Я кротким оком к вам воззрю;
Жених как идет из чертога,
Так взойдет с солнцем радость многа;
Врагов советы раззорю».

[16]

Ликуй, страна благословенна,
Всевышняго обетам верь;

Библиотека "Руниверс"

Пребудешь оным покровенна,
Его щедротой счастье мерь;
Взирай на нивы изобильны,
Взирай в полки велики, сильны
И на размноженной народ;
Подобно как в Ливане кедры,
К трудам их крепки мышцы, бедры
Среди жаров, морозов, вод.[11]

[17]

Свирепой Марс в минувши годы
В России по снегам ступал,
Мечем и пламенем народы
В средине самой устрашал,
Но ныне и во время зноя
Не может нарушить покоя;
Как сверженной Гигант, ревет,
Попран Российскою ногою,
Стиснен, как страшною горою,
Напрасно тяжки узы рвет.

[18]

Там мрак божественнаго гневу
Подвергнул грады и полки
На жертву алчной смерти зеву,
Терзанью хладныя руки;
Там слышен вой в оружном треске;
Из тучь при смертоносном блеске
Кровавы трупы множат страх.
А ты, Отечество драгое,
Ликуй при внутреннем покое
В Елисаветиных лучах.

Библиотека "Руниверс"

Концовка к первому изданию Оды 1757 г.

Библиотека "Руниверс"

233

НАДПИСЬ НА КОННОЕ, ЛИТОЕ ИЗ МЕДИ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ В АМАЗОНСКОМ УБОРЕ

Увидев Аполлон в меди изображенный
Богини Росския великолепный вид
И бодростью того металл одушевленный
Со тщанием спешил к нему с Парнасских гор.
Промолвил восхищен к строителю перунов:
«Стоял бы и по днесь мой город и Нептунов,[1]
Когда бы защищать Приямов скиптр и трон
Пришла подобна сей Царица Амазон.[2]
И тщетнаб вся была коварных Греков сила;
Елисаветаб их в один час низложила».

НАДПИСЬ НА ТОЖЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ

Великаго Отца и Матери прекрасной[3]
Обеим подобну Дщерь металл изобразив[a]
Геройской бодростью и кротким взором жив.
Вещает, кажется, от вещи к нам безгласной
Надежду, мужество, щедроты, милость, мир.
Приятна, как весна, летает, как зефир.
Светлее злата медь в сем образе сияет,[4]
Что толь великую Богиню представляет.

---

[a] *Так в подлиннике, куда, по-видимому, вкралась описка; следует читать,* ***вероятно,***

Обейм подобну Дщерь металл изобразив.

Библиотека "Руниверс"

234

Войну воспеть хочу в донских полях кроваву [а]
И князя, что воздвиг попранну нашу славу.[б]

[а] Войну ‹хочу› воспеть хочу в донских полях кроваву.

[б] *Этим стихам в черновике предшествует следующий предварительный вариант*

‹Донскую войну воспеть хочу›
‹Донскую брань пою и мужа›

Библиотека "Руниверс"

1758

235

ДЕНЬ ВО ВЕКИ ПРЕСЛАВНЫЙ КОРОНОВАНИЯ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШИЯ ДЕРЖАВНЕЙШИЯ ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, ИМЕНЕМ КЕНИГСБЕРГСКОЙ АКАДЕМИИ С ГЛУБОЧАЙШИМ БЛАГОГОВЕНИЕМ ТОРЖЕСТВЕННО ПОЧТЕННЫЙ ОТ ИОГАННА ГЕОРГА БОКА, ПРОФЕССОРА КЕНИГСБЕРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА И АКАДЕМИИ НАУК ЧЛЕНА. ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКАГО ЯЗЫКА

[1]

Натуры хитрыя возможных опыт сил,
К которому свой взор весь смертных род вперил.
России счастливой Богиня просвещенна,
Ты восхищаешь ум, как солнце вознесенна;
Корона, с Твоея главы лиюща свет,
Златых округ в Твоем наследстве значит лет.
И тем побуждены подсолнечной все части
Усердность жертвуют Твоей кротчайшей власти.

[2]

Кто стран Твоих предел и множество познал,
Твою великость тот по власти измерял;
Я меру праведну не в силах полагаю,

Библиотека "Руниверс"

Души величество за ону признаваю.
Ему принадлежат обширныя страны,
Что вышним промыслом Тебе подарены;
Открыть к щедротам путь Ты на престол вступила.
Высок он, но Твоих даров превыше сила.

[3]

С державою равно любленье щедрых дел,
И кротость из нея преходит за предел.
Ты больше тщишься быть прямым добром вселенной,
Как слыть Монархиней, над всеми вознесенной;
И злато над Тобой не знает власти взять:
Величеством Твоим что может обладать?
Твое богатство всем на счастье и отраду,
К почтению наук, художествам в награду.

[4]

Отеческий Твой град премудрости есть храм.
Сокровище Твоим нескрытое странам;
Там лира бодрая веселы водит лики,
И струны оныя суть радостей языки.
Парнасс в очах Твоих — не холм, лишен красы.
Что может расцвести без солнца и росы.
Как на главе Твоей Минервин шлем сияет,
Ея щитом рука Науки покрывает.

[5]

Хотя душе Твоей несносны злы дела,
Но казней строгая жестокость тяжела;
Прискорбным сердцем Ты повинных осуждаешь
И вместо крови их щедроты проливаешь.
Правдивой суд Тебе приятен в те часы,
Когда уставлены наградами весы;

Библиотека "Руниверс"

Драгими камнями иных венцы сияют, —
Тебя лучи доброт отвсюду окружают.

[6]

Монархи, что добро не редко признают,
Но медленно к тому употребляют труд.
Твой просвещенный ум соединен с раденьем,
Как скипетр сопряжен с Монаршеским владеньем.
Ты путь открыла тем к приятным должностям
Оружием Твоим подверженным рабам;
И власть, чем по венцу, по крови Ты сияешь,
Растет, что оную делами укрепляешь.

[7]

В владетельстве Твоем умеренность должит,
Что должность новую исполнить всяк спешит;
И сердце матерне себя тем утешает,
Довольствуясь, что долг всяк верно признавает.
Живем, не чувствуя, что к страху нудит дух,
Но именем Твоим свой услаждаем слух.
Младенцы слышат то и нежно повторяют
И детския уста с улыбкой обращают.

[8]

Пускай чрез хитрости представятся лучи
И радость общую изобразят в ночи,
Пусть мрачность пламенным размахом разделится, —
Усердие в сердцах ярчае воспалится.
Цветами разными возженныя свещи
Являют каждыя веселие души.
Когда блистания составы в верьх возводят,
То значат, что к звездам желания восходят.

Библиотека "Руниверс"

[9]

Богиня, Коей блеск вседневно восстает,
Достойный плод Петров венца от нежных лет.
От жизни Он отшел; геройских мыслей сила,
Пренесена в Тебе, Петра возстановила.
Всевышний дай Тебе святую благодать
Достоинствам Твоим век равный обладать;
Да в сей толькратно день на троне воссияешь,
Как веселишь народ, щедротой побеждаешь.

Библиотека "Руниверс"

236

Всемогущий и непостижимый бог чудными искони делами явил святую свою великолепную славу и во дни наши: в благословенное государствование благочестивейшия, самодержавнейшия, великия государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийския, новыми чудотворениями в России просиявшаго,[1] здесь почивающаго святаго мужа, преосвященнейшаго митрополита Димитрия ростовскаго и ярославскаго, отдавшаго божие богови верою, кротостию, воздержанием, учением,[2] трудолюбием,[3] цесарево цесареви ревностию и терпением, поборствуя Петру Великому против суемудреннаго раскола.[4]

В богоспасаемом граде Киеве родился сей житель небеснаго Иерусалима около 1650[а] года.[5] Ангелский образ принял 18-ти лет.[6] На святительский престол возведен генваря 4 дня 1702 года.[7] Пас церковь божию 7 лет 9 месяцев 26 дней. Жив 60[б] лет, в вечной покой преселился 1709 года октября 28 дня. Написав жития святых,[8] сам в лик оных вписан быть удостоился в лето 1757 апреля 9 дня.

О вы, что божество в пределах чтите тесных,[9]
Подобие его мня быть в частях телесных![10]
Вперите в мысль, чему святитель сей учил,
Что ныне вам гласит от лика горних сил:
«На милость вышняго, на истинну склонитесь
И к матери своей вы к церькви примиритесь».

[а] *ЦГАДА* 1671.
[б] *ЦГАДА* 38.

Библиотека "Руниверс"

1759

237

Взойди, веселый дух, на ону высоту,
Где видеть можно лет Петровых[1] красоту,
Парящия простри на нынешней день мысли,
Желания к нему и плески все исчисли.
Между болот, валов и страшных всем врагов
Торги, суды, полки, и флот, и град готов.
Как с солнцем восстают к брегам Индейским воды,[2]
Так в устья Невския лились к Петру народы.
Представь движение и ветьвей, и зыбей,
Представить можешь шум от множества людей.
Бегут во след его, друг друга утесняют,
На чудныя дела и на него взирают.
Несчетны тщатся тьмы вместиться в малый храм,[3]
Равняют веку час и тесность небесам.
У всех в устах сей день и подвиги Петровы,
Трудиться купно с ним и умереть готовы.
Всевышний благодать и ныне к нам простер:
Мы видим в наши дни сих радостей пример.
Елисавет в лице Петрове почитаем,
На Внука с Правнуком,[4] как на него, взираем.

Библиотека "Руниверс"

238

ОДА ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА СЕНТЯБРЯ 5 ДНЯ 1759 ГОДА И НА ПРЕСЛАВНЫЯ ЕЯ ПОБЕДЫ, ОДЕРЖАННЫЯ НАД КОРОЛЕМ ПРУССКИМ НЫНЕШНЯГО 1759 ГОДА, КОТОРОЮ ПРИНОСИТСЯ ВСЕНИЖАЙШЕЕ И ВСЕУСЕРДНЕЙШЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ ВСЕПОДДАННЕЙШАГО РАБА МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

[1]

Щедрот источник, Ангел мира,
Богиня радостных сердец,
На Коей, как заря, порфира,
Как солнце, тихих дней венец.
О мыслей наших Рай прекрасный,
Небес безмрачных образ ясный,
Где видим кроткую весну
В лице, в устах, в очах и нраве!
Возможноль при Твоей державе
В Европе страшну зреть войну?

[2]

Позволь, мне жар велит сердечный,
Монархиня, в сей светлый день,

Библиотека "Руниверс"

Как в имени Твоем[1] Предвечный
Поставил нам покоя сень,
Безмолвно предвещая царство,
Чтоб миром свергла Ты коварство,
Позволь мне духа взор простерть
На брань и сродство милосердо:
Где кротости жилище твердо,
Жалка и сопостатов смерть.

[3]

О коль мечтания противны
Объемлют совокупно ум!
Доброты вижу здесь предивны!
Там — пламень, звук, и вопль, и шум!
Здесь — полдень милости и лето,
Щедротой общество нагрето,
Там смертну хлябь разинул ад!
Но промысл мрак сей разгоняет
И волны в мыслях укрочает:
Отверзся в славе Божий град.

[4]

Ефир, земля и преисподня
Зиждителя со страхом ждут!
Я вижу отрока Господня,
Приемлюща небесный суд.[2]
Всесильный властию своею
Вещает свыше к Моисею:
«Я в ярости ожесточу
Египту сердце вознесенно,
Израиля неодоленно
Пресветлой силой ополчу».[3]

Библиотека "Руниверс"

[5]

Сиеж явил Бог в наши лета,
Неистову воздвигнув рать,
Дабы Тебе, Елисавета,
Венцы побед преславных дать.
Позволил вознестись гордыне,
Чтоб нашей кроткой Героине
Был жребий — вышша в славе часть;
Чтоб враг делам Российским верил
И опытом своим измерил,
Каков наш род, мочь, верность, власть.

[6]

Парящей слыша шум орлицы,
Где пыщный дух твой, Фридерик?
Прогнанный за свои границы,
Ещели мнишь, что ты велик? [4]
Ещель, смотря на рок Саксонов,[5]
Всеобщим дателем законов
Слывешь в желании своем?
Лишенный собственныя власти,
Ещель стремишься в буйной страсти
Вселенной наложить ярем?

[7]

Взирая на пожар Кистрина,
На протчи грады оглянись:
Что им не равная судбина,
Не храбростью своей гордись.
Что земли, где твоя корона,
Не слышат гибельнаго стона,
Не видят пламенной зари,
Дивятся и в войне покою,

Библиотека "Руниверс"

Победоносной над тобою
Монархине благодари.[6]

[8]

Велика божеством природным,
Восходит выше тишиной;
Чтоб жить союзникам свободным,
Жалея, двигнулась войной;
Узрев растерзанны союзы,[7]
Наверженныя скиптрам узы,
Рекла: «Как злых не укрочу,
Алчбе их света не достанет;
Пускай на гордых гнев мой грянет,
Соблещет молния мечу».

[9]

От стран, родящих град и снеги,
С Атлантской буря высоты
Стремится чрез бугристы бреги,
Являя страшные следы.
С дубами камни похищает
И горы, двигнув, раздирает.
Налегши на морской хребет,
Волнам встречается волнами,
Песок валит со дна с китами;
Там в пене стонет новой свет.

[10]

Так Россов мужество в походы
Течет противников терзать
И роет чрез поля и воды,
Услышав щедру в гневе Мать!
Где ныне Королевско слово,

Библиотека "Руниверс"

Что страшно воинство готово
На Запад путь наш прекратить?
Уже окровавленна Прегла,
Крутясь, в твоей земли пробегла
Российску силу возвестить.[8]

[11]

Там Мемель, в виде Фаетонта
Стремглав летя, Нимф прослезил,
В янтарнаго заливах понта
Мечтанье в правду претворил.[9]
За Вислой и за Вартой грады
Падения или отрады
От воли Росской власти ждут; [10]
И сердце гордаго Берлина,
Неистоваго исполина,
Перуны, близ гремя, трясут.[11]

[12]

Еще не допустя до року,
С отвагой сопрягшись, талан [12]
Гиганту приложили сроку,
Дабы ему умножить ран.
Цорндорфские пески глубоки,
Его и нашей крови токи,
Соединясь, кипели в вас!
Нам правда отдает победу,[13]
Но враг такого после вреду
Еще дерзает против нас.[a]

[a] *Первое отд. изд. вместо стихов 118—120*

Но счастье требует возврату,
Берет свою по воле плату,
Предписанной не пройдет час.

Библиотека "Руниверс"

[13]

Богини нашей важность слова
К бессмертной славе совершить
Стремится Сердце Салтыкова,[6]
Дабы коварну мочь сломить.[14]
Ни Польские леса глубоки,
Ни горы Шлонския[15] высоки
В защиту не стоят врагам;
Напрасно путь нам возбраняют:
Российски стопы досягают
Чрез трупы к Франкфуртским стенам.

[14]

С трофея на трофей ступая,
Геройство Росское спешит.
О Муза, к облакам взлетая,
Представь их раздраженный вид!
С железом сердце раскаленным,
С Перуном руки устремленным,
С Зарницей очи равны зрю!
Противник, следуя Борею,
Сказал: «Я буйностью своею
Удар ударом предварю».[16]

[15]

Подобно граду он густому
Летяще воинство стеснил,
Искал со стороны пролому
И рвался в сердце наших сил.
Но вихря крутость прежестока
В стремленьи вечнаго востока

[6] *Первое отд. изд.*
Влагает в Сердце Салтыкова.

Библиотека "Руниверс"

Коль долго простирает ход?
Обрушась тягостным уроном,
Внезапно с шумом, ревом, стоном
Преобратился в сонмы вод.

[16]

Бегущих горды Пруссов плечи
И обращенные хребты
Подвержены кровавой сечи.
Главы валятся, как листы.[17]
Теперь с готовыми трубами
Перед Берлинскими вратами
Победы нашей дайте звук,
Что ваш Король, полки, снаряды
Не могут вам подать отрады,
Рассыпаны от наших рук.

[17]

О честь Российскаго народа,
В дни наши воинов пример,
Что силой перваго похода
Двукратно сопостатов стер![18]
Тебе тот лавры уступает,
Кто протчим храбро исторгает,
Кто вне привыкнул побеждать,
При дверях дом свой защищая
И крайни силы напрягая,
Не мог против тебя стоять.

[18]

Такие у Тебя Герои,
Монархиня, в златой Твой век,
Такие Бог полков дал строи,

Библиотека "Руниверс"

Как царствовать Тебя нарек.
Во всем послал Тебе успехи,
И в мире и в войне утехи.
О коль блаженны мы Тобой!
Искусства, нивы, торг, науки,
Победоносны слыша звуки,
Блажат свой внутренный покой.

[19]

Какого светлость зрю собора?
Подвижники меж звезд стоят,
Петрова наслаждаясь взора,
«Красуйтесь, — к сродникам гласят:
Мы стерли мужеством гордыню,
Мы смерть приняли за Богиню,
Что мертвым отдает живот,
От казни винных свобождая,[19]
Щедротой бедных воскрешая
И дух вливая тем в народ.

[20]

Ревнуйте нашему примеру:
Поможет Бог, как нам помог;
Ее, Отечество и веру
Представив, презирайте рок.
Не ускорят вам дни спокойны;
Явитесь в брани нас достойны
И детям сей внушите глас.
Герои семени Петрова,
На зависть устремляясь снова,
В потомках наших спросят нас».

[21]

Воздвигнися в сей день, Россия,
И очи окрест возведи;

Библиотека "Руниверс"

К Тебе гласят концы земныя:
«Межь нами распри ты суди
Елисаветиной державой;
Ея великолепной славой
Вселенной преисполнен слух.
Мы равно ныне восклицаем,
Желаний жертву воссылаем,
Как верных Ей Россиян дух.

[22]

Ея неодолимо войско
По правде ходит поборать,
И сердце с кротостью геройско
С пощадой знает побеждать.
Коль тщетно пышное упорство,
Надеясь на свое проворство,
Збирает беглые полки; [20]
В пределы кроткаго зефира
Златаго не приемлет мира:
Еще кровавой ждет реки».

[23]

С верхов цветущаго Парнасса
Смотря на рвение сердец,
Мы ждем желаемого гласа:
«Еще победа — и конец,
Конец губительныя брани».
О Боже! Мира Бог, возстани,
Всеобщу к нам любовь пролей,
По имени Петровой Дщери
Военны запечатай двери, [21]
Питай нас тишиной Твоей.

Библиотека "Руниверс"

[24]

Иль мало смертны мы родились
И должны удвоять свой тлен?
Ещель мы мало утомились
Житейских тягостью бремен?
Воззри на плачь осиротевших,
Воззри на слезы престаревших,
Воззри на кровь рабов Твоих.[22]
К Тебе, любовь и радость света,
В сей день зовет Елисавета:
«Низвергни брань с концев земных».

Библиотека "Руниверс"

239

К ПАХОМИЮ[1]

Пахомей говорит, что для святаго слова
Риторика ничто, лишь совесть будь готова.
Ты будешь Казнодей,[2] лишь только стань попом
И стыд весь отложи. Однако врешь, Пахом.
На что риторику совсем пренебрегаешь?[3]
Ее лишь ты одну и то худенько знаешь.
Василий, Златоуст — церковные столпы —
Учились долее, как[4] нынешни попы:
Гомера, Пиндара, Демосфена читали
И проповедь свою их штилем предлагали;[5]
Натуру, общую всей протчей твари мать,
Небес, земли, морей, старались испытать,
Дабы Творца чрез то по мере сил постигнуть
И важностью вещей сердца людски подвигнуть;[6]
Не ставили за стыд из басен выбирать,
Чем к праведным делам возможно преклонять.[7]
Ты словом Божиим незнанье закрываешь
И больше тех мужей у нас быть уповаешь;
Ты думаешь, Пахом, что ты уж Златоуст!
Но мы уверены о том, что мозг твой пуст.
Нам слово Божие чувствительно, любезно
И лишь во рте твоем безсильно, безполезно.
Нравоучением преславной Телемак[8]
Стократ полезнее твоих нескладных врак.

Библиотека "Руниверс"

240

[ЗЛОБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ Г[ОСПОДИНА] СУМ[АРОКОВА] С Г[ОСПОДИНОМ] ТРЕД[ИАКОВСКИМ]][а]

С Сотином — что за вздор? — Аколаст[6] примирился!
Конечно, третей член к ним, лешей, прилепился,[1]
Дабы три фурии, втеснившись на Парнас,[в]
Закрыли криком[г] муз российских чистый глас.[д]
Коль много раз театр казал насмех Сотина,
И у Аколаста[е] он слыл всегда скотина.
Аколаст, злобствуя, всем уши раскричал,
Картавил, шепелял, качался и мигал,[ж, 2]
Сотиновых стихов[з] расказывая скверность,

[а] *M, Q* Злобное примирение; *Каз. Реестр* Лом[оносов]. Сочинение Лом[оносова]. Злобное примирение г[осподина] Сум[арокова] с г[осподином] Тред[иаковским]; *Бычк.* Стихи на мир Сум[арокова] с Тред[иаковским].

[6] *Бычк. ошибочно* Аколот.

[в] *Бычк.*

Чтоб три фурии, втеснившись на Парнас.

[г] *Бычк. ошибочно* крином.

[д] *Q*

Затмили криком муз российских чистый глас.

[е] *M ошибочно* Аколоста; *Бычк. ошибочно* Укаласта.

[ж] *M*

Картавил и сипел, качался и мигал.

Бычк.

Картавил и сопел, качался и мычал.

[з] *Бычк. ошибочно* Сотиновым стихам.

Библиотека "Руниверс"

А ныне обьявил любовь ему и верность,
Дабы Пробиновых хвалу унизить од,
Которы вознося российской чтит народ.[и, 3]
Чего неможеш ты начать, о зависть злая,
Но истинна стоит недвижима святая.
Коль зол, коль лжив, коль подл Аколаст и Сотин,
Того незнает лиш их гордой нрав один.[й]
Аколаст написал: «Сотин лиш врать способен»,[4]
А ныне доказал, что сам ему подобен.[к]
Кто быть желает нем и слушать наглых врак,[л]
Межь самохвалами с умом прослыть дурак,
Здружись с сей парочкой: кто хочет с ними знатся,[м]
Тот думай,[н] каково в крапиву[о] испражнятся.[5]

[и] *Каз.* которы *вместо зачеркнутого* который.

М

Который вознося Российской чтит народ.

Бычк.

Которы вознося российски чтит народ.

[й] *М, Q, Бычк. стихи 13—16 отсутствуют.*

[к] *М стих 18 отсутствует.*

[л] *М*

Кто быть желает нем и слышать наглых врак.

[м] *Бычк. вместо стихов 20—21*

Меж самохвалными с умом прослыть дурак,
Здружись с породой сей: кто хочет с ними знатся.

[н] *Бычк. ошибочно* Тут думая.

[о] *М ошибочно* кропиву.

Библиотека "Руниверс"

241

[ОДА ГОСПОДИНА РУСО FORTUNE, DE QUI LA MAIN COURONNE, ПЕРЕВЕДЕННАЯ Г. СУМАРОКОВЫМ И Г. ЛОМОНОСОВЫМ. ЛЮБИТЕЛИ И ЗНАЮЩИЕ СЛОВЕСНЫЯ НАУКИ МОГУТ САМИ, ПО РАЗНОМУ СИХ ОБЕИХ ПИИТОВ СВОЙСТВУ, КАЖДАГО ПЕРЕВОД УЗНАТЬ]

[1]

Доколе, щастье, ты венцами
Злодеев будеш украшать?
Доколе ложными лучами
Наш разум хочеш ослеплять?
Доколе, истукан прелестной,[1]
Мы станем жертвой, нам безчестной,
Твой тщетной почитать олтарь?
Доколе будем строить храмы,
Твои чтить замыслы упрямы,
Прельщенная словесна тварь?

[2]

Народ, порабощен обману,
Малейшия твои дела
За ум, за храбрость чтит избранну:
Ты власть, ты честь, ты сил хвала;
В угоду твоему[2] пороку
И добродетель превысоку
Лишает собственных красот.

Библиотека "Руниверс"

Его неправедны уставы
На верьх возводят пышной славы
Твоих любимцов злобной род.

[3]

Но пусть великостию сею
О титлах хвалятся своих,
Поставим разум в том судьею
И добрых дел поищем в них.
Я вижу лишь одну безмерность,
Надменность, слабость и неверность,
Свирепство, бешенство и лесть.
Доброта странная! Откуду
Из злости сложенному чуду
Дается оной должна честь?

[4]

Ты знай: герои совершенны
Премудростию в свет даны;
Она лишь видит, коль презренны,
Что чрез тебя возведены;
Она ту славу презирает,
Что рок неправедной раждает
В победах слепотой своей;
Пред строгими ея очами
Герой с суровыми делами
Ни что, как щастливой злодей.

[5]

Почтить ли токи те кровавы,
Что в Риме Сулла проливал?
Достойноль в Александре славы,
Что в Аттиле всяк злом признал?

Библиотека "Руниверс"

За добродетель и геройство
Хвалить ли зверско неспокойство
И власть окровавленных рук?
И принужденными устами
Могу ли возносить хвалами
Начальника толиких мук?

[6]

Издревле что об вас известно,
О хищники чюжих держав? [3]
Желанье в мире всем не вместно,
Попрание венчанных глав,
Огня и трупов полны стены,
И вы — в пару кровавой пены,
Народ, пожранный от меча,
И в шуме бледна мать великом
Свою дочь тщится с плачем, с криком
Отнять с насильнаго плеча.

[7]

Слепые мы судьи, слепые,
Чудимся таковым делам!
Одне ли приключенья злые
Дают достоинство Царям?
Их славе, бедствами обильной,
Без брани хищной и насильной
Не можно разве устоять?
Не можно божеству земному
Без ударяющаго грому
Своим величеством блистать?

[8]

Но быть должна во время бою
На первенстве прямая честь,

Библиотека "Руниверс"

И кто, поправ врага собою,
Победу мог себе причесть?
Издревле воины известны,
Похвальны, знатны, славны, честны
Оплошностью противных сил.
Худым Варроновым призором,[4]
Упрямым и неправым спором
Ганни́бал славу получил.

[9]

Кого же нам почтить Героем,
Великим собственной хвалой?
Царя, что правдой и покоем
Себя, народ содержит свой;
Последуя Веспазиану,[5]
Едину радость несказанну
Имеет в щастии людей,
Отец отечества без лести,
И ставит выше всякой чести
Числом своих щедроты дней.[6]

[10]

О вы, что в добродетель чтите
Един в войнах геройской шум,
Себе Сократа вобразите
За Клитова убивца[7] в ум;
Вам будет Царь в нем несравненный,
Правдивой, кротостью почтенный,
Достойный олтаря во век.
Тогда страшилище Эвфрата[8]
Против венчаннаго Сократа
Последней будет человек.

Библиотека "Руниверс"

[11]

Герои люты и кровавы!
Поставьте гордости конец,
Рожденной от воинской славы
Забудте лавровой венец.
Напрасно Рима повелитель,
Октавий,[9] света победитель,
Навел в его пределы страх;
Он Августом бы не нарекся,
Когда бы в кротость не облекся
И страха не скончал в сердцах.

[12]

О воины великосерды!
Явите ваших лучь доброт;
Посмотрим, коль тогда вы тверды,
Как щастье возмет поворот.
Когда то к вам великодушно,
Земля и море вам послушно,
И блеск ваш очи всех слепит,
Но только лишь оно отстанет,
Геройска похвала увянет,
И смертный будет всем открыт.[10]

[13]

Способность средственна довлеет
Завоевателями быть.[11]
Кто щастие преодолеет,
Один великим может слыть.
Хоть помощь от него теряет,
Но с постоянством пребывает,
Для коего от всех почтен;
Всегда не низок и не пышен,

Библиотека "Руниверс"

С Тиверием ли он возвышен
Или, как Варус, поражен.[12]

[14]

Излишню радость не внушает
В недвижности своей предел,
И осторожно умеряет
Неистовство успешных дел.[13]
Пусть щастие преобратится,
Недвижна добродетель тщится
Презренной разрушать упор.
Конец имеет благоденство,
Стоит в премудрости блаженство,
Не постоянен рока взор.

[15]

Вотще готовит гнев Юноны
Энею смерть среди валов.
Премудрость! Чрез твои законы
Он выше рока и богов;
Тобою Рим по злой напасти
В средине Карфагенской власти
Своих героев смерть отмстил;
Ходя в твои небесны следы,
Во время слезныя победы
В трофеи гробы превратил.

Библиотека "Руниверс"

242

Фортуну вижу я в тебе или Венеру
И древняго дивлюсь художества примеру.
Богиня по всему, котора ты ни будь.
Ты руку щедрую потщилась протянуть.
Когда Венера ты, то признаю готову
Любителю наук и знаний Воронцову
Златое яблоко отдать за доброту,
Что присудил тебе Парис за красоту.
Когдаж Фортуна ты, то верю несумненно,
Что счастие его пребудет непременно,
Что так недвижно ты установила круг,[1]
Коль истинен Патрон и коль он верен друг.

Библиотека "Руниверс"

243

Гекуба

Рыдайте жалостно, руками бейте в груди,[а]
Парисовым судом не счастливые люди.

Хор

Привыкли мы к слезам, мы плачем десять лет,
Когда Приямов сын, начало наших бед,
Из древ сея горы[1] суда себе построил
И Греков грабежем и нас обеспокоил.
Десятью[2] видели мы снег поверх бугров,
Что лесу лишены побитым для { гробов / костров.
Десятью в робости хлеб сеял сельский житель,
Повсядни им и нам был страшен победитель.
Теперь нам новой плачь, несчастным, настает.[б]
Рыдайте, идучи царице вашей в след.[в]

Гекуба

Сообщницы моей напасти и печали,
Что горесть мне нести в несчастье помогали,

а Рыдайте жалостно ‹серца›, руками бейте в груди.
‹В [*одно слово нрзб*]›.

б Теперь нам ‹нам› новый плачь несчастным настает.

в Рыдайте ‹и [?] в след›, идучи царице вашей в след.

Библиотека "Руниверс"

Насыпте, бедные, коль горестны часы![г]
Троянской с кровью прах в растрепанны власы.[д]
Спустивши платье с плечь, все руки обнажайте[е]
И до утробы плоть ударам подвергайте,
Какой остался нам, уже плененным, стыд:
Не к браку нам беречь покрытой тела вид.[ж]
Терзайте грудь, лице в отчаяньи терзайте.
Приятен мне сей вид; Царице подражайте.
Все плечи прежние старайтесь превышать;
Рыдайте, как есть долг о Гекторе рыдать.

Хор

Растрепаны власы, и узлы все разбиты.
Горячим пепелом главы у всех покрыты.[з]

Гекуба

Возмите в горсти прах. Вам только можно взять,
Что вам оставила десятилетня рать.[3]

г ‹Растрепанны власы› ‹Рассыпьте волосы, чтоб по груди лежали›.
‹Троянска с кровью пыль›
‹Растрепанны власы по плечам и грудям
Насыпьте в нелестные [?] отчаянны часы!› ‹Троянской с кровью прах›
‹Троянской с кровью прах в растрепанны власы›
Насыпьте, бедные, ‹в противничих руках› коль горестны часы!

д Троянской с кровью прах в растрепанны власы ‹Троянской с кровью прах›

е Спустивши платье с плечь ‹вы›, все руки обнажайте.

ж ‹Кому побережем› Не к браку нам беречь ‹прия› покрытой тела вид.

з *Вместо стихов 25—26*
‹Распущены› Растрепаны власы ‹мы›, и узлы ‹развязали› ‹распустили› все разбиты.
Горячим пепелом ‹вер› ‹главы свои› главы у всех ‹покрылись› покрыты.

Библиотека "Руниверс"

Ударьте ныне все в нагия сильно плечи.
Печаль, произнеси прегорестныя речи.
Ретейски берега, распространяйте вой.
Ты, exo скучное, в пещерах под горой
Не только повторяй слова речей последни,
Но целой бедных вопль стенания передни.
О море, небеса, вам должно здесь внимать! [и]
Мы ныне начали о Гекторе рыдать.[й]

Хор

Тебя, тебя в слезах, о Гектор, поминаем
И плечи, язвами покрытыя, терзаем.
Тебя родившая багровы груди рвет,
Из поврежденных вновь ран прежних кровь течет.[к]
О столп отечества, о рока воспятитель!
Плечами был ты нам своими Покровитель.[л]

[и] *Вместо стихов 34—35*

Но целой бедных вопль ‹произнеси сначала› стенания
передни. ‹Вонмите горестям моря и небеса›
О ‹небо› море, небеса, вам должно здесь внимать.

[й] ‹Мы ныне› Мы ныне начали о Гекторе рыдать.

[к] *Вместо стихов 37—39*

Тебя, тебя в слезах ‹мы›, о Гектор, ‹поминаем›
поминаем
И плечи, ‹кровию› ‹ранами покрытыя› язвами покрытыя,
‹кровавыя› терзаем.
Тебя родившая ‹дерет багрову› ‹дерет багрову грудь›
багровы груди рвет.
‹Из тех же ран› ‹Из прежних снова ран› ‹заживших
кровь течет› ‹Из прежних ран ее›.

[л] *Вместо стихов 41—42*

О столп отечества, о рока воспятитель ‹рока›
‹На раменах твоих› ‹Спокойно был› Плечами был ты
нам своими Покровитель.

Библиотека "Руниверс"

1760

244

НА ВСЕРАДОСТНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПРЕВОСХОДСТВЕ НОВОИЗОБРЕТЕННОЙ АРТИЛЛЕРИИ ПРЕД СТАРОЮ ГЕНЕРАЛОМ ФЕЛДЦЕЙГМЕЙСТЕРОМ И КАВАЛЕРОМ ГРАФОМ ПЕТРОМ ИВАНОВИЧЕМ ШУВАЛОВЫМ

Для пользы общества коль радостно трудиться,
От зависти притом коль скучно бороться,
Ты в исправлении Гранад, доходов, прав
Сам делом испытал, трудолюбивый Граф! [1]
Тож чувствуют в себе рачители и други,
Которы чтут в тебе к отечеству заслуги.
Стараться о добре, коль дозволяет мочь,
День в пользе провождать и без покоя ночь
И слышать о себе недоброхотны речи,
Не легче, как стоять против кровавой сечи.[2]
Кто оны победит, тот подлинно герой.
Всем должно поставлять в пример поступок твой.
Рачениям твоим споспешник сам содетель,
И правде в свете их Монархиня свидетель.
Нам слава, страх врагам в полках твои огни;
Как прежде, так и впредь, пали, рази, гони!
Велико дело есть повелевать полками,
Торжественно стоять противных над телами
И слышать радостный победоносцев клик,

Библиотека "Руниверс"

Презрев с ним смешанный и стон и плачь велик;
Стремиться к будущей и брани, и победе
И тем упорство все искоренить в соседе;
Покой отечеству со славой принести,
Дабы могло потом в безмолвии цвести.
Великой похвалы и тот в войне достоен,
Кто мыслью со врагом сражается спокоен;
Спокоен брань ведет искусством хитрых рук,
Готовя страх врагам и смертоносный звук.
Не может без того ни мужество геройско,
Ни твердостию сил безчисленное войско
Против упорнаго противника стоять.
Тут нужда требует гром громом отражать,
Чтоб прежде мы, не нас противны досягали
И мы бы их полки на части раздробляли,
И пламень бы врагов в скоропостижный час
От Росской армии неразродясь погас.
И так, что вымыслом один изобретает,
С разумной храбростью другой употребляет;
Похвальны обоих в сем подвиге труды
Нам мира принесут желанные плоды,[3]
Уже весну ведет к нам светлый предводитель,[4]
И ждет вселенная, кто будет победитель.[5]
Там Варта с Одрою струи свои крутит
И кажет влажности огней ужасный вид,
Что яростно при них из руских рук звучали
И так их кровию противников сгущали.[6]
Секвана и Дунай[7] подьемлют в верьх главы,
Чтоб слышать гром и стук изшедших от Невы.
Там Одра, Темза, Рен[8] кровавы движут волны,
Мутятся во брегах с надеждой, страха полны.
Все ждут, в который край надежда полетит.
Мне весь Парнасс сказал: «Туда полком стоит
С Елисаветой Бог и храбрость Генералов,
Российска грудь, твои орудия, Шувалов».

Библиотека "Руниверс"

245

Россию предприяв ущедрить, небеса
Являют Твоея породы чудеса.
Младый Великий Князь, Ты восходя сияешь
И веку Своего свет полный обещаешь.
Чудимся, радуясь природной остроте,
Пристойной Праотцев пресветлых высоте.
Предвидим, разсудив мы детски разговоры,
Отрадою ко всем сияющие взоры,
Что будешь подданных веселие, покров,
В правлении пример, во брани страх врагов.
Изобразив Твоих Российских Предков славных
Геройски подвиги и вкратце вид дел главных,
Я обращаю взор к вечерним сторонам,
В науках и в войнах Героев вижу там.
Для малости сих строк я их не исчисляю
И вместо всех Петра со Карлом [1] представляю.
Сей шел, как Александр, вселенной потрясти,
Но он победами пресек его пути.
Один нас просветить учениями тщился,
Другой в сражениях взять первенство стремился.
Хотя соперники, но Прадеды Твои [2]
Вели в сей жизни брань, но в вечности Свои.
В Тебе их обоих предвидим дух военный,
Как знаем, Твоему Родителю врожденный.
С восторгом радостным Нева внимает звук,
Что на противников Петров готовит Внук.[3]
Елисаветины победы представляет

Библиотека "Руниверс"

И сердцем, и умом врагов Ея терзает.
Раченье, ревность, жар являет внешней вид.
Коль тяжкая вам казнь, завистники, грозит!
Сии дары ему в добротну грудь даны.
Примеры, Государь, смотри с другой страны.
Екатеринины и щедрых Дщерей[4] свойства,
Источники ко всем отрады и спокойства,
Представь и вместо всех почти Елисавет,
Которую воздвиг Всевышняго совет,
Воздвиг и укрепил, возвысил и прославил
И с нею дом Петров залог нам вновь поставил.
Родившия Тебя,[5] о светлый лик доброт,
В младенчестве Твоем достойный видим плод.
Расти и восходи, крепись к трудам преславным,
Со Прадедовыми великостию равным.
Достигни поздных лет, как может человек,
Дополни Бог Тебе неполный предков век.[6]
Гряди по их стопам во след Елисавете:
Ты будешь, как они, велик, возлюблен в свете.
Доброты вкоренишь, исторгнув смертных зло.
Умножишь истинных Российских хвал число,
Достигнешь чрез моря богатаго Офира,
Откроешь Россам путь кругом земнаго мира,[7]
Поставишь всем странам недвижимый закон.
Науки лишь пройди и будь наш Соломон.

Библиотека "Руниверс"

246

В водах игранье чуд морских.

Библиотека "Руниверс"

247

Кто хочет походить по пням и по болоту
По кочкам, по грязи и збить к ходьбе охоту? [а]

Желаешь сбить свою к хождению охоту? [б]
Пройди песком, по пням, по камням, по болоту,[в]
Где терн, крапива, грязь, и ржавчина, и пыль.[г]
Спешишь отстать от книг? Читай ....ов [д] штиль.[е]

[а] ‹Кто по́ грязи, по пням, по кочкам, по болоту›.

[б] ‹Кто хочет› ‹Коль хочешь› Желаешь сбить свою к хождению охоту. Сбить *вместо исправленного* збить.

[в] ‹Тот походи по› Пройди песком ‹в› ‹пням› ‹песк[у]› ‹по камням›, по пням, по камням, по болоту.

[г] Где терн, крапива, грязь, ‹мокрота, смород› [1] и ржавчина, и пыль

[д] *Многоточие в подлиннике.*

[е] ‹Не хочешь впредь читать?› Спешишь отстать от книг? Читай ..ов штиль.

Библиотека "Руниверс"

248

СЛОВО БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, НА ТОРЖЕСТВЕННОЙ ИНАВГУРАЦИИ САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ГОВОРЕННОЕ 1760 ГОДА

Новым благодеянием ободряет науки Всемилостивейшая Самодержица наша, слушатели! Воздвигнутый многим своим иждивением Парнасс Санктпетербургский ограждает преимущественными узаконениями, утверждает свободный восход на степени ученых достоинств, снабдевает чрез науки неблагородных благородством,[1] увеличивает благородных и всех, посвятивших себя учению, удостоивает своего особливаго высокоматерняго покровительства. Радуйтесь с нами о благополучии нашем или, лучше сказать, о вашем собственном, или, еще всего истиннее, о всеобщем. Ваша радость, что вы детей своих, в тягости рожденных, в попечении воспитанных, увидите украшенных учением. Наше увеселение, что мы все долговременными трудами и неусыпным бдением приобретенное богатство знания детям вашим преподадим в наследство и, тем приняв их в усыновление, сравниться с родителями право иметь можем. Всеобщее удовольствие, что вас, достойные дети, нам подобные в науках последователи, повсюду просвещению человеческаго разума служители и споспешники произойдут. Коль великое, коль безопасное, коль постоянное добро от Монаршеской щедроты мы получили![а] Добро всем

[а] *На полях написано* №. Риторика для изображения радости.

Библиотека "Руниверс"

любезное, кроме упрямых невежд и злобных варваров, добро всем полезное, кроме злодеев общества, добро всем радостное, кроме завистников благополучия нашего, добро, по всей вселенной на подобие солнца сиять и все освещать достойное.[6] Всякое благодеяние тем больше, чем ширее в народах простирается, а особливо ежели учинено по справедливости и достойности, как ныне наукам от Великой Самодержицы нашей показанное,[в] ибо, что их благороднее, что полезнее, что увеселительнее и что безпорнее в делах человеческих найдено быть может? Правда, что общая мать нашего отечества всегда в чинимых от себя благодеяниях счастие свое считает и во множестве щедрот полагает меру своего удовольствия. Но сия щедрота все оное в себе заключает, за тем что сие благодеяние все прочия возвышает и украшает, как науки сами все дела человеческия приводят на верх совершенства.

Чем же окажем за сие толь великодушной Государыне благодарность, которая когда и зверям дана природою, в народах утверждена обычаем, то в ученых особливо должна быть наукою возвышена, и оныя[г] изъявление делом и словом показано. К делу требуется тщательное исполнение нашей должности, к слову — красноречие, толикаго благодеяния и толь Великия Монархини достойное.

Много видим витийства у великих древних ораторов, на похвалу добродетелей произнесеннаго, однако все уже часто повторенное у других находим. Но как ничто обыкновенное Монархини нашей не достойно, то что начнем в недостатке собственных сил наших? К ней самой обратимся, к ней простремвнимание и удивление наше: она свой собственной пример да будет; ея благодеяния с нынешним новым в сравнение представим и покажем великость его и пользу.

---

[6] *На полях написано* 34, 6, 13, 19, 29.[2]

[в] *На полях написано* сама с собою сравнится.

[г] *В первой публикации ошибочно* оное.

Библиотека "Руниверс"

Сравнение и великость

1. Возшествие, чуть не для сего ли? 2.[г]
2. Война с Шв[ецией] и мир.
3. Прощение повинных.[3]
4. Строить.[4] 63.
5. Свобода внутрь торгам.[5]
6. Благодеяние союзникам.[6]
7. Отпущение недоимок.[7]
8. Московской Университет.[8]

18 Морская Академия.[д, 9]

Польза[е]

1. Горныя дела.[10]
2. Ход Севером.[11]
3. Сохранение народа.[12] 52.*, [ж]
4. Фабрики.[13]
5. Правосудие.[14]
6. Исправление нравов.[15]
7. Истребление раскола.[16]
8. Сообщение с Ориентом; описание неимоверных богатств и сил.[17]

Сие божественное представление возвышается преславными победами, возшествию последовавшими, и всему великолепию верховное придает достоинство мир, наук питатель. Что он? не подобие ли ея кроткия души? не обилие ли, произращение разума, питаемаго летом ея кротости? Vide Rhet. [Смотри Риторику]; § 242[18] и протч. Возшествие — воинам бодрость, земледельцам прилежание, купцам рачение, наукам... Не для того ли? многократно я размышлял, не для того ли только? (Смо-

---

[д] *На полях написано* Нынешняя война 14, 28, 31, 43, 51.

[е] *На полях написано* 7, 8, 30, 31, 32.

[ж] *На полях повторено* 52*.

Библиотека "Руниверс"

три как зделать Licentiam Conditionale[m]) [условную вольность].[19]

Сказал бы я, что и возшествие ея для наук одних было, естьлиб собственныя ея дарования участия в том не имели.

№. В дефинициях сравнение наук с Государыней; науки то и то, она... науки она.

1. Генеральное определение об Университете.[20]

2. Речь.

3. Привиллегия с доношением в конференцию.[21]

4. Графу говорить, что по сему может и в Малороссии учредить Университет.[22]

Закладывает себе храм вечныя славы, жилище Музам, Университет Санктпетербургский, храм не в стенах, Семирамидиным подобных, ни в иконах, ни в верхах, Египетским пирамидам сравняемых, ни в украшениях из твердых и редких камней, но в сердцах, усердием до небес восходящих, в размышлениях, простирающихся за предел чувственнаго мира, в прекрасных и нетленных исторических и витийских преданиях, в вечное потомство оставленных, засвидетельствующих.

1. В котором толь многия благодеяния заключаются.

2. Хотя Бог и по нем на земли первые не по суду человеческому делают благодеяния.

3. Любовь знатных персон.

4. Что их благороднее etc. [и проч.], а особливо в нашем отечестве надобнее.

5. Что науки благодеяния достойны.

6. Удивляетесь созданным градам, создали науки... радуетесь, хвалитесь, что вы имели просветителя Петра Великаго: просветил нас и стал Велик чрез науки.

Всякое благодеяние тем больше, чем ширее в народах распростирается, а особливо ежели учинено по справедливости, как ныне от Всемилостивейшия Государыни показанное, ибо что их благороднее, что полезнее, что безпорочнее, что снабдения достойнее в делах человеческих быть может? Внемлите, завистию помраченные и сего не чувствующие, внемлите: что хотя Бог и

Библиотека "Руниверс"

по нем на земли первые не по суду человеческому благодетельствуют и не должны изъявлять причин, для коих большее имеют к тому, нежели к другому, благоволение, однако здесь с любителями наук признайтесь и почитайте правду Монаршескаго изволения.[3] Все обще, ни вас не выключая, удивляемся собранным в общежитии народам. Собрали науки. Чудимся построенным городам, пристаням, кораблям, плавающим через неведомыя моря; построили науки. Украшенных себя видим произведениями разных материй и очищением разума; украшают науки, и что паче до нас надлежит, с услаждением хвалимся, что мы имели просветителя Петра Великаго; но просветил нас и стал велик чрез науки.

1. По покрове и суд.
2. Жалованья.
3. Полиция.
4. Чины.
5. Поставление.
6. $\frac{\text{---}}{\text{Д}}$ без денег.
7. Вдовьи деньги.
8. Дворянам.
9. Разночинцам.
10. Ваканции.[23]

Апостроф к В[еликому] К[нязю][24] 67. 68. 69.

По сим 1. Приступ к конклюзии[25] вообще 2. 9. 15. 26 {№* 65. 65. 70.

Апостроф к учащимся 39. № 40. 41.

2. Оказание благодарности 3. 49. 48. 66. *№ 65

3. Желание 32. № 42. 43. 51.

... да возсияет мир, наук питатель.

№

4. Предсказание 17. 21. 32. 50. 36

---

[3] *На полях написано* Чегож еще чаять от них не можем, а особливо в нашем отечестве?

Библиотека "Руниверс"

Заключение (6)

1. Testibus regnis eorum prosoporaeia. [Олицетворение, осуществленное свидетелями их правления]. Сим зделано благодеяние велико.

2. И так, чего я желал и просил от всемогущаго Бога etc. Я благодарил не токмо за себя, не токмо за людей, не токмо за отечество, но и за весь свет.

3. Ежели что при записки молвит Г[раф?].[26]

4. Пространнейшаго слова требует несравненное твое благодеяние, но твоя умеренность сокращеннаго, и радость преодолевает размышления силу.

(3) к В[еликому] К[нязю] П[авлу] П[етровичу].

1. Учатся прославлять твои дела, во всем быть помощниками.

2. Военное дело без науки ничто. Химия, Математика на сухом пути и на море.

3. Похвалить его дарования.

(2) Апостроф к учащим и учащимся.

1. Для того ли великие Государи те и те казну свою употребляют, чтоб никто не учился, для того ли Петр, для того ли Е...

2. Ad docentes et discentes, descriptio Universitatum [К учащимся и учащим, описание университетов].

3. Между варварами учение.

4. Китайцы.

5. Отдайте детей своих под неволю, чтоб учинились вольными. Неволею приобрящут свободу, свободою впадут в рабство.

6. Quae celebritas Italiae [Столь великая известность Италии].

7. Придет время, что прилежные станут говорить: мы пользовались Государыниною милостию и счастием благословеннаго веку. А ленивой под старость в мыслях: я недостоин веку, что в нем родился. Представим зависть к успехам учоных.

8. Свобода в младости, порабощение в старости: кто в молодых летах делал, что хотел, на старость принужден будет делать, чего не хочет.

Библиотека "Руниверс"

(1) Оказание благодарности

1. Repromissio benevolentiae, studii amoris et observantiae [Обещание преданности, любви к науке и внимательности].

2. Чтоб Монархиня наша ни начинала, будут ей всеми силами спомоществовать благодарныя науки: enumeratio rerum faciendarum et applicatio scientiarum [перечисление того, что надлежит сделать, и применение наук].

3. Некоторые говорят: куда с учоными людями? [27]

1		2
4. Сибирь пространна.		Горныя дела.
3	4	5
Фабрики.	Ход Севером.	Сохранение народа.
6	7	8.
Архитектура	Правосудие.	Исправление нравов.
		10
9		Единство чистыя
Купечество и сообщение со Ориентом.		(дружба) веры.
11		12
Земледельство, предзнание погод.		Военное дело.

И так безразсудно и тщетно от некоторых речи произносились: куда с учоными людьми деваться?

* Посольство * Межеванье * Паства.[28]

5. 11. 8. 7. 9. 2. 3. 6. 10. 11. Военное дело в охранение сего, до сего всех сохранение.

(4) Желание

1. И Российское бы слово, от природы богатое, сильное, здравое, прекрасное, ныне еще во младенчестве своего возраста, добродетелей твоих изображением растущее и укрепляющееся, превзошло б достоинство всех других языков.

2. Желание, чтобы в России науки распространились, описание ея хорошее.

3. Желание, чтобы от блещущаго Е[я] В[еличества] оружия возсиял мир, наук питатель.

Библиотека "Руниверс"

(5) Предсказание

1. Подвигнется Европа; ученые, возвращаясь в отечество, станут сказывать: мы были во граде Петрове, гроб его видели, мы видели Елисаветы, мы видели чудныя дела Божия и Петровы, мы видели там Августово время, Меценатов. При дворе как любят учоных?

2. Ни бури, ни то, ни то не прекратят, и пока будет Россия, тобою спасенная, украшенная, пока наукам будет почтение и ежели где в уголку света варварство останется, имя твое в первом месте стоять будет. О прехождении наук.

3. Описать, как родители детей своих в училища отпускать и как принимать станут.

4. Будет время, когда Сибирь, наполненная разными народами, на разных языках будет приносить похвалы дому Петрову, и как из Греции, так из России...

Библиотека "Руниверс"

249

В ЕКЗОРДИЮ ПОСЛЕ ПЕРВАГО ПЕРИОДА

Приемлет в свое собственное всемилостивейшее покровительство, дабы[а] безопасен был от насильства и коварства. Повелевает беспрепятственно[б] производить[в] свое иждивение, дабы не претерпевал[г] никогда недостатку. Свобождает от тягостей общенародных, дабы тончайшия рассуждения[д] от оных грубости не прерывались.[е] Возвышает учащих степению чина[ж] и к выщим восход отворяет, ведая, что[з] умножением их чести умножается наук почтение.[и] Благоизволяет производить[й] в ученые достоинства, не требуя в казну свою ни с кого никакого збору.[к] Рассуждая, что преодоленный толь трудный путь учения и тягостное бремя многочисленных и многообразных понятий доволно заслуживают награждение произве[де]ния, облегчает бедность и сиротство тех, кои лишились учоных

[а] *Зачеркнуто* поразить.

[б] *Зачеркнуто* содержать.

[в] *Зачеркнуто* свое на содер[жание].

[г] *Зачеркнуто* недос[татку].

[д] *Зачеркнуто* грубостию оных ‹оных› не были.

[е] прерывались *вместо зачеркнутого* растерзались.

[ж] *Зачеркнуто* ведает.

[з] *Зачеркнуто* их че[сти].

[и] *Зачеркнуто* повелевает.

[й] *Зачеркнуто* на ступени.

[к] *Зачеркнуто* ‹рассуждая› ‹что [*одно слово нрзб*]› ‹что заслужившим своим прилежанием и остротою› ‹что преодолевшим› что окончившим толь трудный путь учения и носящим ‹тяжкое› великое бремя многочисленных и многообразных понятий ‹едва сносно будет› довольно сей тягости.

Библиотека "Руниверс"

супругов и родителей, матерски соболезнуя, что[л] от употребивщих все свое рачение на приобретение знаний едва когда им для пропитания что-нибудь в наследство остается.[1] Позволяет ежелетним[м] отдохновением опочинуть от напрежения разума,[н] укрепясь новою бодростию[о] для ободрения его к новым испытаний и наставлений подвигам.[п] Печется увеличить благородство в благородных, ибо что есть превосходнее, как преимущество, от дворянства возвышеное и крашенное основательным учением? Снабдить обещевает благородством неблагородных и тем отворить вход к благополучию дарованиям природным.

1. Оказание делом благодарности.

[л] *Зачеркнуто* что от после употребивших свое время на науки и не имевших. После.

[м] *Первоначально* ежегодным *переправлено на* ежелетним.

[н] *Зачеркнуто* дабы тем.

[о] *Зачеркнуто* преодолевать трудных испытаний вступить.

[п] *Зачеркнуто* ‹увел[ичивает]› ‹уважает› увеличивает.

Библиотека "Руниверс"

250

Из которых за[а] главное почитаем щедрое наук снабдение, не для того что[б] больше до нас касаются, но что обще принадлежит до всякаго чина и звания, распростирается по всей Российской державе и разливается по всей вселенной.

Следует сравнение.

1. Обороняют от неприятелей войны обе. Споможение.
2. Прощение повинных.
3. Строение. 31. 64. 65
4. Свобода торгам. } 27. 31. 34.
5. Отпущение недоимок.

Морской корпус, кадетский корпус. 32. №

Московский университет.[1]

Знатным и редко случающимся почитается происхождением спомогательным войском больше действовать, нежели непосредственно воюющим, и когда оное о защищении своих пределов сомнительные успехи в рассуждении неприятеля[в] показывает, достигнуть по дальных путешествиях в его[г] владение, отнять у него главную державу и после преславных сражений поставить перед последним его убежищем победоносные знаки,[2] каковыми всемилостивейшая Государыня наша привела всю Европу в восхищение, противников научила признать российской храбрости верховность и, союзникам уменьшив тягость, к вя-

---

[а] *Зачеркнуто* **перво[е].**

[б] *Зачеркнуто* собственно.

[в] *Зачеркнуто* имеем.

[г] *Зачеркнуто* пределов.

Библиотека "Руниверс"

щему ободрила мужеству. Но как мир войны[д] много любезнее, плодоноснее, вожделеннее, так и науки, мира питомицы, преимуществуют перед выгодами, от войны происходящими. Сие ведая, всемилостивейшая Государыня наша середи военнаго звука мирныя упражнения[е] приготовляет. Или для любящих военное дело скажу:[ж] повелевает нам[з] набирать, строить, вооружать полки[и] и воевать против невежества, которого[й] союзники леность, упрямство и варварство.[к]

О коль война радостная etc. [и т. д.], война без кровопролитная и кротости Монаршей соответствующая! Пойдем путем[л] прилежания,[м] расправим знамена Елисаветины щедроты,[н] возгласим трубами ея славы, загремим тимпанами нашея ревности, воспалим пламень усердия, пустим стрелы остроумия, направим все оружие знания. Уже в бегство обращенное предвижу невежество неприятственным союзом и на месте победы поставленные трофеи учения, засвидетельствующие о могуществе благодеяний Самодержицы нашея.

Много таковых признаков милости и щедроты Ея повсюду видим, но всех исчислить не можем, и для того некоторые только с сим Ея наук оживлением в сравнении представим. Оживляет Монархиня наша прощением[о] умерших преступлением;[3] науками раждает полных доброй надежды сынов отечеству, обогащает бедных щедротою, чрез[п] науки большим сокро-

---

[д] *Зачеркнуто* несравнен[но].

[е] упражнения *вместо зачеркнутого* дела.

[ж] *Зачеркнуто* военное, <но> однако некровопролитное. Повелевает нам.

[з] *Зачеркнуто* производить <сражения> войну бескровопролитную, по кроткой своей природе.

[и] *Зачеркнуто* и с теми.

[й] *Зачеркнуто* в союз себе приобщает.

[к] *Против этих слов на полях написано* фигуры, Парнасс, флаги, стрелы.

[л] путем *вместо зачеркнутого* на высокия.

[м] *Зачеркнуто* на высокия горы, где музы обитают, распустим

[н] *Зачеркнуто* вострубим.

[о] *Зачеркнуто* преступлением.

[п] *Зачеркнуто* учение дает.

Библиотека "Руниверс"

вищем[р] ум[с] обогащает,[т] ибо, коль[у] дух тела есть благороднее, толь выше есть благодеяние, показанное разуму,[ф] разрешает от общих долгов подданных[4] и дает свободу[х] внутрь обращаться Купечеству,[5] как в жилах крови здраваго тела, поощрением наук свобождает от тяжких уз невежества человеческия рассуждения, и дает им свободу летать[ц] по неизмеримому пространству всего мира.

Обычай был у древних вельмож Римских собственным иждивением сооружать публичныя[ч] огромныя здания для народнаго удовольствия, дабы приобрести общее от всех любление и тем достигнуть великих достоинств или и полной над республикою власти. Великая Ел[исавета], имея еще прежде своего на отеческий престол восшествия посвященныя себе усердною любовию сердца Россиян и ныне,[ш] самодержавствуя над ними матерски, хотя нетребует им показывать таковаго угождения, однако строением великолепных храмов,[щ] прекрасных палат, садов и увеселительных домов возвышает благолепие отеческаго града и его окрестностей,[6] как приличествует толь великой Монархине, и тем славу свою с общенародным удовольствием возвышает.[ъ] Но коль светлому, коль огромному и коль непоколебимому зданию ныне в оном основание полагает...[ы]

р *Зачеркнуто* богатство разуму.

с *Зачеркнуто* ‹ум› душ.

т *Зачеркнуто* разум ум душ.

у коль *вместо зачеркнутого* сколько.

ф *Зачеркнуто* дает.

х *Зачеркнуто* проходить.

ц летать *вместо зачеркнутого* проходить.

ч *Зачеркнуто* вели[колепные].

ш *Зачеркнуто* обладая и.

щ *Зачеркнуто* для благоговения.

ъ *Зачеркнуто* ‹Но коль пресветлое и превеликое здание созидает наукам› ‹в оном поставляет› в отечестве здание нестолько в стенах.

ы *Зачеркнуто* Зданию нестолько в стенах, как сердцах состоящему.

Библиотека "Руниверс"

251

ЭПИТАФИЯ

Под сею кочкою оплачь, прохожей, пчелку,[1]
Что не ленилася по мед [а] летать на стрелку.[2]
Из губ подьяческих[3] там сладости збирать:
Кутья[4] у них стоит, коль[б] хочешь поминать.

[а] *В Каз. явная описка* в подмет.
[б] *В Каз. явная описка* коли.

Библиотека "Руниверс"

1761

252

Богиня, Дщерь Божеств, науки основавших
И приращенье их Тебе в наследство давших,[a]
Ты шествуеш по их Божественным стопам,
Распростираючи щедроты светлость нам.
Мы, признаваясь, что едва того достойны,
Остались бы всегда в трудах своих спокойны;
Но только к славе сей того недостает,
Чтоб Милость к нам Твою увидел ясно свет.[1]
Дабы признали все народы и языки,
Коль мирныя Твои дела в войну велики,
Дабы украшенный Твоей рукой Парнас
Любителей наук призвать возвысил глас
И, славным именем гремя Елисаветы,
При лике их расторг завистников наветы.
Теперь Германия войной возмущена,
Рыдания, и слез, и ужаса полна;
За собственных сынов с парнасскими цветами
Питает сопостат с кровавыми мечами.[2]
Любитель тишины, собор драгих наук,
Защиты крепкия от бранных ищет рук.
О коль велики им отрады и утехи:

---

[a] *Соч. 1784*
И оныя растить Тебе в наследство давших.

Библиотека "Руниверс"

Возследуют и нам в учениях успехи
И славной слух, когда Твой университет
О имени Твоем под солнцем процветет,
Тобою данными красуясь вечно правы
Для истинной красы Российския державы.
И юношество к нам отвсюду притекут
К наукам прилагать в Петрове граде труд.
Петрова ревность к ним, любовь Екатерины,[3, 6]
И щедрости Твои воздвигнут здесь Афины.
Приемлемые в них учены пришлецы[в]
Расширят о Тебе в подсолнечной концы,
Коль милосерда Ты, коль счастлива Россия,
Что царствуют с тобой в ней времена златыя!
Рушитель знания, свирепой брани звук
Под скипетром Твоим защитник стал наук,
Что выше мнения сквозь дым, сквозь прах восходят
Их к удивлению, нас к радости приводят.[4]
Мы соружим похвал Тебе, Минерве, храм,[г]
В приличность по Твоим божественным делам;
В российски древности, в Натуры тайны вникнем,[д]
И тьмами уст Твои достоинства воскликнем.
Коль счастлив оной день, коль счастлив буду я,
Когда я, середи Российских муз стоя,
Благодеяние Твое представлю ново.
Великостью его о как возвышу слово![5]
Тогда мой средственной в российской речи дар

---

[6] *Соч. 1784*

Петрова ревность к нам, любовь Екатерины.

[в] *Соч. 1784 стихи 31—38 следуют за стихами 39—48.*

[г] *Соч. 1784*

Мы соружим похвал Тебе Минервы храм.

[д] *Соч. 1784*

В России древности, в натуры тайны вникнем.

Библиотека "Руниверс"

В благодарении сугубой примет жар.
Когда внимания сей глас мой удостоиш,
И искренних сердец желанья успокоиш,
Ты новы силы нам, Богиня, подариш,
Драгое отчество сугубо просветиш.[e]
Сие исполнится немногими чертами,
Когда Рука Твоя ущедрится над нами:
Для славы Твоея, для общаго плода,
Не могут Милости быть рано никогда.

[e] *Соч. 1784 стихи 49—52 отсутствуют.*

Библиотека "Руниверс"

253

[СТИХОТВОРЕНИЕ ИЗ «ПЕРВЫХ ОСНОВАНИЙ МЕТАЛЛУРГИИ ИЛИ РУДНЫХ ДЕЛ»]

Железо, злато, медь, свинцова крепка сила
И тягость серебра тогда себя открыла,
Как сильной огнь в горах сжигал великой лес,
Или на те места ударил гром с небес,
Или против врагов народ, готовясь к бою,
Чтоб их огнем прогнать, в лесах дал волю зною,
Или чтоб тучность дать чрез пепел древ полям[1]
И чистой луг открыть для пажити скотам;
Или причина в том[а] была еще иная:[2]
Владела лесом там пожара власть пылая;
С великим шумом огнь коренья древ палил;
Тогда в глубокой дол лились ручьи из жил,
Железо, и свинец, и серебро топилось,
И с медью золото в пристойны[3] рвы катилось.

[а] *В подлиннике ошибочно тот.*

Библиотека "Руниверс"

254—255

[СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ «ЯВЛЕНИЯ ВЕНЕРЫ НА СОЛНЦЕ»]

254

Случились вместе два Астронома в пиру
И спорили весьма между собой в жару.
Один твердил: «Земля, вертясь, круг Солнца ходит»;
Другой, что Солнце все с собой планеты водит.
Один Коперник был, другой слыл Птоломей.
Тут повар спор решил усмешкою своей.
Хозяин спрашивал: «Ты звезд теченье знаешь?
Скажи, как ты о сем сомненье разсуждаешь?»
Он дал такой ответ: «Что в том Коперник прав,
Я правду докажу, на Солнце не бывав.
Кто видел простака из поваров такова,
Который бы вертел очаг кругом жаркова?» [1]

255

Я долго размышлял и долго был в сомненье,
Что есть ли на землю от высоты смотренье;
Или по слепоте без ряду все течет,
И промыслу с небес во всей вселенной нет.
Однако, посмотрев светил небесных стройность,
Земли, морей и рек доброту и пристойность,
Премену дней, ночей, явления луны,[1]
Признал, что божеской мы силой созданы.[2]

Библиотека "Руниверс"

256

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЕМА

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ, МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ, ГЕНЕРАЛУ-ПОРУТЧИКУ, ГЕНЕРАЛУ-АДЪЮТАНТУ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ КАММЕРГЕРУ, МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА КУРАТОРУ И ОРДЕНОВ БЕЛАГО ОРЛА, СВЯТАГО АЛЕКСАНДРА, СВЯТЫЯ АННЫ КАВАЛЕРУ

Начало моего великаго труда
Прими, Предстатель Муз, как принимал всегда
Сложения мои, любя Российско слово,
И тем стремление к стихам давал мне ново.
Тобою поощрен, в сей путь пустился я:[1]
Ты будешь онаго споспешник и судья.
И многи и сия дана Тебе доброта,
К словесным знаниям прехвальная охота.
Природный видит Твой и просвещенный ум,
Где мысли важныя и где пустых слов шум.
Мне нужен твоего рассудок тонкой слуха,
Чтоб слабость своего возмог признать я духа.
Когда под бременем поникну утомлен,
Вниманием Твоим восстану ободрен.
Хотя во след иду Виргилию, Гомеру,
Не нахожу и в них довольнаго примеру.
Не вымышленных петь намерен я Богов,
Но истинны дела, великий труд Петров.

Библиотека "Руниверс"

Достойную хвалу воздать сему Герою
Труднее, нежели как в десять лет взять Трою.
О, естьлиб было то в возможности моей,
Беглец Виргилиев из отчества Еней
Едваб с Мазепою в стихах моих сравнился,
И басней бы своих Виргилий устыдился.[2]
Уликсовых Сирен и Ахиллесов гнев
Во век бы заглушил попранный ревом Лев.[3]
За кем же я пойду? В след подвигам Петровым
И возвышением стихов Геройских новым
Уверю целые вселенныя концы,
Что тем я заслужу Парнасские венцы,
Что первый пел дела такого Человека,
Каков во всех странах не слыхан был от века.[4]
Хотя за знание служил мне в том талан,
Однако скажут все: я был судьбой избран.
Желая в ум вперить дела Петровы громки,
Описаны в моих стихах прочтут потомки.
Обильные луга, прекрасны бреги рек
И только где живет Российской человек
И почитающи Россию все языки,
У коих по трудам прославлен Петр Великий,
Достойну для него дадут сим честь стихам
И станут их гласить по рощам и лесам.
О, как я возношусь своим успехом мнимым,
Трудом желаемым, но непреодолимым.
Однакож я отнюд надежды не лишен:
Начатой будет труд прилежно совершен.
Твоими, Меценат, бодрясь в труде словами,
Стремлюся на Парнас, как легкими крилами.
В разборе убежден о правоте Твоей,
Пренебрегаю злых роптание людей.
И естьли в поле сем, прекрасном и широком,
Преторжется мой век недоброхотным роком,
Цветущим младостью останется умам,

Библиотека "Руниверс"

Что мной проложенным последуют стопам.
Довольно таковых родит сынов Россия,
Лишь былиб завсегда защитники такия,
Каков Ты промыслом в сей день произведен,
Для счастия наук в отечестве рожден.
Благополучная сияла к ним планета,
Предвозвещая плод в Твои прекрасны лета.
В благодеяниях Твои проходят дни.
О, коль красно цветет Парнасс в Твоей тени!
Для Музы моея Твой век всего дороже;
Для многих счастия продли, продли, о Боже.

Ноября 1 дня 1760 года

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Сокращение

Петр Великий, уведав, что Шведские корабли идут к городу Архангельскому, дабы там учинить раззорение и отвратить Государев поход к Шлиссельбургу, отпустил войско приступать к оному. Сам с гвардиею предприемлет путь в Север и слухом своего приходу на Двинския устья обращает в бегство флот Шведской. Оттуда простирая поход к осаде помянутой крепости по Белому морю, претерпевает опасную бурю и от ней для отдохновения уклоняется в Унскую губу. Потом, пристав к Соловецкому острову для молитвы, при случае разговора о расколе сказывает Государь настоятелю тамошния обители о стрелецких бунтах, из которых второй был раскольничей.[5]

Пою премудраго Российскаго Героя,
Что, грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вел войну,
Сквозь страхи проходя, вознес свою страну,
Смирил злодеев внутрь и вне попрал противных,
Рукой и разумом сверг дерзостных и льстивных,
Среди военных бурь науки нам открыл
И мир делами весь и зависть удивил.[6]

К тебе я вопию, Премудрость бесконечна:[7]
Пролей свой лучь ко мне, где искренность сердечна

Библиотека "Руниверс"

И полон ревности спешит в восторге дух
Петра Великаго гласить вселенной в слух
И показать, как Он превыше человека
Понес труды для нас, неслыханны от века,[8]
С каким усердием, Отечество любя,
Ужасным подвергал опасностям себя,
Да на Его пример и на дела велики
Смотря весь смертных род, смотря земны Владыки
Познают, что Монарх и что отец прямой,
Строитель, плаватель, в полях, в морях Герой,
Дабы Российский род во веки помнил твердо,
Коль, небо, ты ему явилось милосердо.
Ты мысль мне просвети; делами Петр снабдит,
Велика Дщерь Его щедротой оживит.

Богиня,[9] коей власть владычеств всех превыше,
Державство кроткое весны прекрасной тише
И к подданным любовь всех вышший есть закон,
Ты внемлешь с кротостью мой слабой лирной звон.
Склони, склони свой слух, когда я пред Тобою
Дерзаю возгласить военною трубою
Тебя родившее велико божество!
О море! О земля! О тварей естество!
Монархини моей вы нраву подражайте
И гласу моему со кротостью внимайте.

Уже освобожден от варвар был Азов;
До Меотиских Дон свободно тек валов,
Нося ужасной флот в струях к пучине Черной,
Что создан в скорости Петром неимоверной.[10]
Уже Великая покоилась Москва,
Избыв от лютаго злодеев суровства,
Бунтующих стрельцов достойной после казни[11]
Простерла вне свой мечь без внутренней боязни.
От дерзской наглости разгневанным Петром
Воздвигся в западе войны ужасной гром.[12]

Библиотека "Руниверс"

От Нарвской обуяв сомнительной победы,
Шатались мыслями и войск походом Шведы.[13]
Монарх наш от Москвы простер свой быстрый ход
К любезным берегам полночных белых вод,[14]
Где прежде меж валов душа в нем веселилась
И больше к плаванью в нем жажда воспалилась.[15]
О коль ты счастлива, великая Двина,
Что славным шествием его освящена!
Ты тем всех выше рек, что, устьями своими
Сливаясь в сонм един со безднами морскими,
Открыла посреде играющих валов
Других всех прежде струй пучине зрак Петров.
О холмы красные и островы зелены,
Как радовались вы, сим счастьем восхищенны!
Что поздно я на вас, что поздно я рожден
И тем толикаго веселия лишен? [16]
Не зрех, как он сиял Величеством над вами
И шествовал по вам пред новыми полками,[17]
Как новы крепости и новы корабли,
Ужасные врагам в волнах и на земли,
Смотрел и утверждал [18] противу их набегу,
Грозящему бедой Архангельскому брегу,
Дабы Российскую тем силу разделить,
От Ингерских градов осады отвратить.[19]
Но, вдруг пришествия Петрова в север слухом
Смутясь, пустились вспять унылы, томны духом.[20]

Уже белея понт перед Петром кипит,
И влага уступить шумя ему спешит.
Там вместо чаянных бореи флагов Шведских
Российские в зыбях взвевали Соловецких.
Закрылись крайние пучиною леса;
Лишь с морем видны вкруг слиянны небеса.
Тут ветры сильные, имея флот во власти,
Со всех сторон сложась к погибельной напасти,

Библиотека "Руниверс"

На Запад и на Юг, на Север и Восток
Стремятся и вертят мглу, влагу и песок;
Перуны мрак густой сверкая разделяют,
И громы с шумом вод свой треск соединяют;
Меж морем рушился и воздухом предел;
Дождю на встречу дождь с кипящих волн летел;
В сердцах великой страх сугубят скрыпом снасти.
Герой наш посреде великия напасти
И взором и речьми смутившихся крепит,
Сквозь грозный стон стихий к бледнеющим гласит:
«Мужайтесь! Промысл нас небесный искушает,
К трудам и к крепости на предки ободряет.
Всяк делу своему со тщанием внимай:
Опасности сея Бог скоро пóшлет край».
От гласа в грудь пловцам кровь теплая влиялась,
И буря в ярости кротчае показалась.

Я мышлю, что тогда сокрыта в море мочь,
Желая отвратить набег противных прочь,
Толь страшну бурю им на пагубу воздвигла,
Что в плаваньи Петра нечаянно постигла.[21]

О вы, рачители и слушатели слов,
В которых подвиг вам приятен есть Петров,
Едина истинна возлюбленна и сродна,
От вымыслов краса Парнасских неугодна;
Позвольте между тем, чтоб слаба мысль моя
И голос опочил, труды Его поя.
В Кастальски рощи я не с тем себя склоняю,
Что оным там сыскать красу и силу чаю:
Ключи, источники, долины и цветы
Не могут дел Его умножить красоты;
Собой они красны, собой они велики.
Отважась в долгий путь, где трудности толики,
Ищу, чтоб иногда иметь себе покой.
В убежища сии склонитесь вы со мной,

Библиотека "Руниверс"

Дабы яснее зреть с высоких мест и красных
Петра в волнах, во льдах, в огне, в бедах ужасных
И славы истинной в блистающих лучах.
Какое зрение мечтается в очах?
Я на земли стою, но страхом колебаюсь
И чаю, что в водах свирепых погружаюсь!
Мне всякая волна быть кажется гора,
Что с ревом падает, обрушась на Петра.

Но промысл в глубину десницу простирает;
Оковы тяжкия вдруг буря ощущает.
Как в равных разбежась свирепый конь полях
Ржет, пышет, от копыт восходит вихрем прах,
Однако, доскакав до высоты крутыя,
Вздохнул, кончает бег, льет токи потовые, —
Так север, укротясь, впоследни восстенал.
По усталым валам понт пену расстилал;
Изчезли облака; сквозь воздух в юге чистый
Открылись два холма и береги лесисты.
Меж ними кораблям в залив отверзся вход,
Убежище пловцам от беспокойных вод,
Где, в мокрых берегах крутясь, печальна Уна
Медлительно течет в объятия Нептуна,
В числе Российских рек безвестна и мала,[22]
Но Предков роком злым Петровых прослыла:
Когда коварнаго свирепством Годунова
Кипела пролита невинных кровь багрова,
Как Праотцев Его он в север заточил,
Во влажном месте сем, о злоба! уморил.[23]
Сошел на берег Петр и ободрил стопами
Места, обмоченны Романовых слезами.
Подвиглись береги, зря в славе оных Род.
Меж тем способной ветр в свой путь взывает флот.
Он легким к западу дыханьем поспешает
И мелких волн вокруг себя не ощущает.

Библиотека "Руниверс"

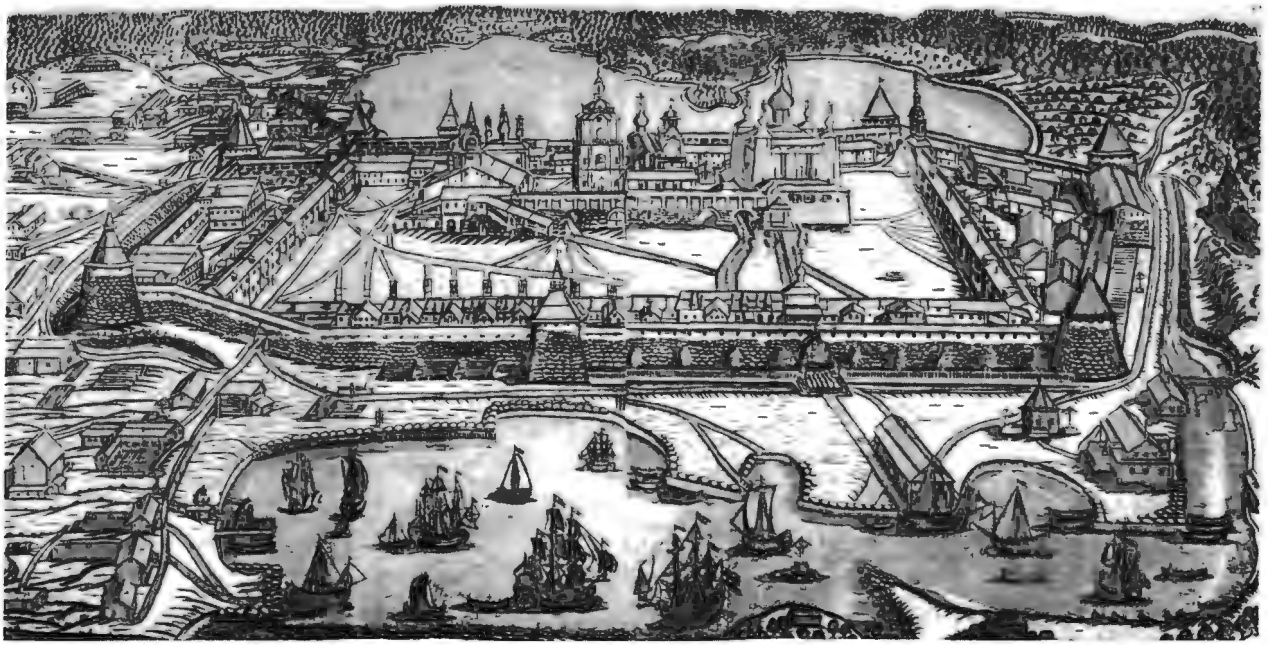
Тогда пловущим Петр на полночь указал,
В спокойном плаванье сии слова вещал:
«Какая похвала Российскому народу
Судьбой дана — протти покрыту льдами воду.
Хотя там кажется поставлен плыть предел,
Но бодрость подают примеры славных дел.
Полденный света край обшел отважный Гама
И солнцева достиг, что мнила древность, храма.
Герои на морях Колумб и Магеллан
Коль много обрели безвестных прежде стран,
Подвигнуты хвалой, исполненны надежды,
Которой лишены пугливые невежды,
Презрели робость их, роптанье и упор,
Что в них произвели болезни, голод, мор.
Иное небо там и новыя светила,
Там полдень в севере, ина в магните сила;
Бездонный Океан травой, как луг, покрыт;
Погибель в ночь и в день со всех сторон грозит.
Опасен вихрей бег, но тишина страшнее,
Что портит в жилах кровь свирепых ядов злее.
Лишает долгой зной здоровья и ума,
А стужа в севере ничтожит вред сама.
Сам лед, что кажется толь грозен и ужасен,
От оных лютых бед даст ход нам безопасен.
Колумбы Росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава.[24]
Но ныне настоит в войнах иная слава».
Надежды полный взгляд слова его скончал,
И бодрый дух к трудам на всем лице сиял.

Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящаго не скрыло;
Как пламенна гора казалось меж валов
И простирало блеск багровой из-за льдов.

Библиотека "Руниверс"

Среди пречудныя при ясном солнце ночи
Верьхи златых зыбей пловцам сверкают в очи.[25]
От севера стада морских приходят чуд
И воду вихрями крутят и к верьху бьют,
Предшествуя Царю пространныя пучины,
Что двинулся к Петру, ошибкою повинный,
Из глубины своей, где царствует на дне.
В недосягаемой от смертных стороне,
Между высокими камнистыми горами.
Что мы по зрению обыкли звать мелями,
Покрытый золотым песком простерся дол.
На том сего Царя палаты и престол.
Столпы округ его — огромные кристаллы,
По коим обвились прекрасные кораллы;
Главы их сложены из раковин витых,
Превосходящих цвет дуги межь тучь густых,
Что кажет укротясь нам громовая буря;
Помост из аспида и чистаго лазуря;
Палаты из одной иссечены горы;
Верьхи под чешуей — великих рыб бугры;
Уборы внутренни — покров черепокожных,[26]
Безчисленных зверей, во глубине возможных.
Там трон — жемчугами усыпанный янтарь;
На нем сидит волнам седым подобен Царь,
В заливы, в океан десницу простирает,
Сафирным скипетром водам повелевает.
Одежда Царская — Порфира и виссон,
Что сильныя моря несут ему пред трон.
Ни мразы, ни Борей туда не досягают,
Лишь солнечны лучи сквозь влагу проницают.
От хлябей сих и бездн владетель вод возник;
Воздвигли радостной морския птицы клик.
Он в след к пловущему Герою обратился
И новости судов Петровых удивился:
«Твои, — сказал, — моря; над ними Царствуй век,

Библиотека "Руниверс"



Вид Соловецкого монастыря

Гравюра А. Зубова (XVIII в.)

Библиотека "Руниверс"

Тебе течение пространных тесно рек:
Построй великой флот; поставь в пучине стены».
Скончали пением сей глас его сирены.
То было, либо так быть надобноб сему,
Что должен Океан Монарху своему.[27]

Уже на западе восточными лучами
Открылся освещен с высокими верьхами
Пречудных стен округ из диких камней град,[28]
Где вольны пленники спасаяся сидят,
От мира отделясь и морем, и святыней
(Пример отеческих от древних лет пустыней),
Лишь только лишены приятнейших плодов
От древ, что подают и пищу, и покров:
Не может произвесть короткое их лето,
Снегами в протчи дни лице земли одето.
Сквозь мрак и сквозь туман, сквозь буйных ветров шум
Восходит к небесам поющих глас и ум.
К сим строгим берегам великий Петр приходит,
Внимательный свой взор на здания возводит.
Из каменных бугров воздвигнута стена,
Водами ото всех сторон окружена,
Его и воинов с веселием приемлет;
Стрельбе и пению пустыня купно внемлет.[29]
На встречу с ликом Фирс[30] усердствуя спешит
И, Гостя осенив, в восторге говорит:
«Благословен Твой путь Всевышняго рукою:
Могущество Его предходит пред Тобою.
Он, к сей с высот своих обители смотря,
О имени своем возвеселит Царя.
Живущия Его в сем месте благодати
Причастны новыя Твои да будут рати».
Монарх, от Промысла избранный человек,
Вменил, что перед ним стоит Мельхиседек,
Победы прежния Его благословляет

Библиотека "Руниверс"

И к новым торжествам духовно ободряет.

Монарх, почтив труды и знаки чудных дел,
Строение вокруг и место осмотрел,[31]
Спросил Наставника: «Кто сими вас горами
Толь крепко оградил, поставя их руками?» —
«Великий Иоанн, Твой сродник и пример,
Что Россов превознес и злых Агарян стер.
Он, жертву принося за помощь в бранях Богу,
Меж протчими и здесь дал милостыню многу:
Пятьсот изменников, поиманных Татар,
Им в казнь, обители прислал до смерти в дар.
Работою их рук сии воздвиглись стены
И, Праотцев твоих усердием снабденны,
В холодной сей стране от бурь покров дают,
Безмолвно бдение и безнаветен труд».[32]
Сие в ответ дал Фирс и, указав на следы,
Где церьковь над врагом семь лет ждала победы,
Сказал: «Здесь каменны перед стеной валы
Насыпаны против раскола и хулы.
Желая ереси исторгнуть, Твой Родитель
Исправить церькви чин послал в сию обитель,
Но грубых тех невежд в надежных толь стенах
Не преклонил ни глад, ни должной казни страх.
Крепились, мнимыми прельщенны чудесами,
Не двигнулись своих кровавыми струями,
Пока упрямство их унизил Божий суд:
Уже в церьковной все послушности живут».[33]

Монарх воспомянул, коль много от раскола
Простерлось наглостей и к высоте престола;
Вздохнув, повествовал ужасную напасть
И властолюбную Софии хитрой страсть.[34]

Ах, Музы, как мне петь? Я тех лишу покою,
Которых сродники, развращены мечтою,

Библиотека "Руниверс"

Не тщились за Петром в благословенной путь,
Но тщетно мыслили против Его дерзнуть.
Представив злобу их, гнушаюсь и жалею,
Что род их огорчу невинностью своею!

Какой бодрит меня и лучь, и жар, и шум
И гонит в скорости смущенных тучу дум?
С прекрасной высоты, с великаго Парнасса
Наполнился мой слух пронзающаго гласа.
Минерва, Аполлон и девять сестр[35] зовут
И нудят совершить священный спешно труд:
«Ты хочешь в землю скрыть врученно смысла злато?
Мы петь тебе велим; и что велим, то свято».
Уже с горы глашу Богинь великих власть:
В спокойстве чтите вы предписанную часть.
Когда похвальных дел вы ходите по следу,
Не подражая в зле ни сроднику, ни деду,
Когда противна вам неправда, злоба, лесть
И в сердце царствует правдивость, совесть, честь;
Премена зла в добро явится дело чудно,
И за попрек хвалу вам заслужить не трудно.
А вы, что хвалитесь заслугами отцев,
Отнюдь отеческих достоинств не имев.
Не мните о себе, когда их похваляю:
Не вас, заслуги их по правде прославляю,
Ни злости не страшусь, ни требую добра;
Не ради вас пою: для правды, для Петра.[36]

«Пять крат[37] против меня, — Он сказывал, — восстала
И царствовать сестра чрез кровь мою искала.
Измена, с злобою на жизнь мою сложась,
В завесу святости притворной обвилась,
Противников добру крепила злы советы,
На сродников моих и на меня наветы.
Перед кончиною мой старший брат, признав,
Что средний в силах слаб и внутренне не здрав.

Библиотека "Руниверс"

Способность предпочел естественному праву
И мне препоручил Российскую державу.[38]
Сестра под образом, чтоб брат был защищен
И купно на престол со мною посажден,
В нем слабость, а во мне дни детски презирала
И руку хищную к державе простирала.
Но прежде, притворясь, составила совет,
К которому бояр и все чины зовет
И церькви твердаго столпа Иоакима;
Душа его была от ней непобедима.
Коварную начав с притворной скорбью речь,
Свои принудила и протчих слезы течь:
„Когда любезнаго Феодора лишились,
В какой печали мы, о небо, погрузились!
Но сверх той вопиет естественный закон,
Что меньший старшему отъемлет брату трон.
Стрельцы и весь народ себя вооружают
И общей пагубой России угрожают.
Все ропщут: для чего обойден Иоанн?
Возложат на него убийством Царской сан!“
Познав такую злость, ответствовал Святитель:
„От жизни отходя, и Брат твой и Родитель
Избрание Петра препоручили нам:
Мы следовали их Монаршеским словам».
Несклоннаго сего ответа ради гневна:
„С народом выбирать, — сказала им Царевна, —
С народом выбирать, не запершись в чертог,
Повелевает вам и общество и Бог“.
Толстой к Софиину и Милославской слову,
По особливому сошедшиеся зову,
Согласно, дерзостно поборствовали ей,
Что нет правдивее премудрых сих речей.
Иоаким со всем представил купно ликом:
„Мы избрали Петра и сердцем и языком.
Ему здесь вручена державы вышней часть:

Библиотека "Руниверс"

С престола низвести уже не наша власть".
София, видя их против себя упорство,
Склонила замыслов к иной стезе проворство;
В надежде досягнуть своих желаний злых,
Совет дала венчать на Царство обоих.
Однако Патриарх отнюд не колебался
И сими от того словами отказался:
„Опасно в обществе многоначальству быть,
И Бог мне не велел того благословить».
И так, восстав от Ней, с Святительми отходит.[39]
Софию страсть владеть в безчувственность приводит.
Делят на скопищах Москву бунтовщики,
Готовясь ток пролить кровавыя реки.
Предходит бешенство, и наглость, и буянство,
И едка ненависть, и вождь раздоров — пьянство;
Обсели улицы, торги и ворота́;
На расхищение расписаны места.
Без сна был злобный скоп, не затворяя ока:
Лишь спит незлобие, не зная близко рока.

Открылся тайный ков, когда исчезла тень.
Багровая заря кровавый вводит день.
Наруж выходит, что умыслила София
И что Советники ея велели злыя.
Уже изменники-стрельцы збежались в строй
И Милославскаго орудие — Толстой;
Толстой в бунтующих шеренгах разъежжает
И дерсских ложными словами поощряет:
Кричит, что Иоанн, младый Царь, удушен,
Нарышкиными, ах! толь горько умерщвлен.
Тогда свирепствуя жестокие тиранны
Ударили везде в набат и в барабаны.
Светило вешних дней, оставя высоту,
Девятаго часа скрывало красоту.[40]
Внезапно в ужасе Москва зрит изумленна
Оружие на Кремль спешаще и знамена.

Библиотека "Руниверс"

Колеса тяжкие под пушками скрыпят,
Глаза отчаянных кровавые горят.
Лишь дому Царскаго, что должны чтить, достигли,
Как звери дикие, рыкание воздвигли:
„На месть спешите нам Нарышкиных отдать.
Или мы станем всех бить, грабить и терзать".
Бояре старшие Матвеев, Долгорукой
Представ давали в том стрельцам себя порукой,
Что все волнуются, напрасно обуяв,
Что Иоанн с Петром без поврежденья здрав
И только лишь о сем смущении печален.
Сим словом дерсский бунт был несколько умален:
Все ждали, что бы им младых Царей узреть
И, в домы возвратясь, спокойствие иметь.
Увидев из своих чертогов то София,
Что пресекаются ея коварства злыя,
Подгнету[41] буйности велела дать — вина,
Чтоб, снова воспылав, горела внутрь война.
Тут вскоре, разъярясь, стрельцы, как звери дики,
Возобновили шум убийственной музыки.
Подобно как бы всю Москву съедал пожар.
Царица, Мать моя, прошением Бояр
Для утоления всеобщия напасти,
Презрев толь блиской рок, презрев горящи страсти,
Выводит нас с собой на красное крыльцо.
Опасность, слезы, гнев покрыл ея лицо;
И Брата, и Меня злодеям показала
И, чтоб спокоились, со властью увещала.
Толпами наглые на верьх взбегали к Нам
И, мыль то, кликали обейх по именам.
Обличены в конец и правдой и присутством,
Хотят оставить злость неправедну с безстудством,
И часть бунтующих в обратной бьют поход.[42]
Царевна, усмотрев, что тихнет злобный род,
Коварство новое в погибель составляет

Библиотека "Руниверс"

И искры яркия в сердца стрельцам всыпает,
Сказав им собственну опасность и боязнь,
Что завтра лютая самих постигнет казнь
И те им отомстят, что ныне в оных воле;
Пропущены часы не возвратятся боле.[43]
Как на полях пожар в начале утушен,
Но вдруг дыханием из пепла оживлен,
Сухой тростник траву в дни летни поядает,
И пламень слабыя препятства превышает, —
Подобно так стрельцы, страх с лютостью смешав
И поощрением злодейским воспылав,
В чертоги Царские насильно устремились,
Убийством, наглостью неистово вломились.
Царица, мать моя, среди такого зла,
Среди отчаянья едва спастись могла,
Где праотцев престол — в палату грановиту,
Ко святости его и к Вышнему в защиту.
В чертогах жалкой стон, терзанье и грабеж,
И раздается крик: „Коли, руби и режь!“
Одни Софиины покои лишь свободны,
И двери Варварам бунтующим невходны.
Для убиения ненужен был в них иск:
На сродников Моих направлен был их рыск.
Внезапно большей шум сердца в нас утесняет:
В злодейственных руках Нарышкин возрыдает.
Не мог ево закрыть и жертвенник святый:[44]
Летит на копия, повержен с высоты.
Текущу видя кровь, рыкают: „Любо, любо!“
Пронзеннаго подняв, сие гласят сугубо.
Сего невинный дух, предтеча к небесам,
Оставил тленну часть неистовым врагам.
Немедленно мечи сверкают обнаженны,
И раздробляются трепещущие члены!
Царицей посланных к стрельцам увещевать,
Чтоб, кровь сию пролив, престали бунтовать,

Библиотека "Руниверс"

Подобной лютостью злодеи похищают,
На копия, с крыльца низвергнув, прободают.
Старейших стольников и знатнейших бояр
Подобный умертвил судьбины злой удар.
Там Ромодановской, о горькая кончина!
В последней раз взглянул на страждущаго сына.[45]
Там Долгорукаго почтенный сан и вид
Меж членами других окровавлен лежит.
И красноречием несчастливой Матвеев,
Котораго речьми пронзалась грудь злодеев,
Убит, но в смерти жив: что бледная глава
Движеньем кажет уст не скончаны слова.
Коль много после них не винно пострадали;
С Царицыных очей злодеи дерсско брали,
На беззаконную влекли бесчестно казнь!
Скончался лютый день, осталася боязнь.

О скорбный лютый день и варварством ужасный.
День, Мне и сродникам для пагубы опасный!
Не помрачился он, как дерзостный Борис,
Сей смертоносной змей, Димитрия угрыз,
Когда убивец злой вертел в гортани жало,
И сердце матерне отчаясь обмирало.[46]
Мне чувства изострил мой собственной пример:
Лишь вспомню, вижу я, как злится изувер.
В младенческом уме взор лютый вкоренился,
И, ныне вспомянув, я духом возмутился;
Волнуется во Мне о том со гневом страх,
Как Рождьшая Меня, держа в своих руках,
Мой верьх[47] и грудь Свою слезами обмывала.
Последняго часа бледнея ожидала,
Когда бесчувственной в продерзости злодей,
Гортани копием касаяся Моей,
Ревел: „Скажи, где брат, или Тебя и Сына
Постигнет в миг один последняя година".

Библиотека "Руниверс"

О промысл! В оной час ты чудо сотворил,
Злодейску руку прочь злодейской отвратил:
Из жаждущих Моей погибели сыскался,
Ктоб о Моем тогдаж спасении старался.[48]

В то время с Федором и Мартемьяном Лев,
По селам странствуя, скрывались межь дерев,
Вообразив своих невинну страсть, рыдали
И собственную смерть всечасно представляли.[49]
Тогда почтенный муж, при старости Кирил,
Последни Дед Мой дни в затворах тесных крыл.
Других, не своего терзания боялся,
Чтоб крови ток сынов пред ним не проливался.[50]

В отчаяньи, в тоске, в стенании, без сна
Подобна смерти ночь тогда провождена.
Стрегущих зверской взор и осажденных бледность
Изображали вдруг насилие и бедность.
Злодейской вольностью плененная Москва
Казалась в пропасти погребена жива.
Как неусыпной червь, тоска всем грызла груди,
Но с светом больше скорбь почувствовали люди.
Везде тревогу бьют. Мятежнической крик,
Наполнив слезный град, до облаков достиг.
Рыканья зверския неистово возносят,
Нарышкина на смерть, ярясь, Ивана просят.
Грозят, что скоро всех постигнет строгой рок,
Прольется по Москве и слез и крови ток.
Но не дошла еще несчастнаго година,
Еще на день тоску оставила судьбина.
По граду из Кремля разсыпался мятеж:
В рядах, в домах, в церьквах насильство и грабеж
Там жадность с наглостью на зло соединилась
И к расхищению богатства устремилась.[51]
Презрение святынь, позор почтенных лиц,
Укоры знатных жен, ругательства девиц,

Библиотека "Руниверс"

Лишение всего богатства превышали.
В сердцах правдивых стыд превсходит все печали.

Коль вечера сего благословен был мрак,
Что буйство прекратил и скрыл злодеев зрак.
Уже, отяготясь весь день питьем излишним
И из несчастливых домов богатством хищным,
Шатаются, спешат своих достигнуть нор.
Градски врата блюдет их стража и запор.

Царевна, усмотрев, что время протекает,
А умысел ея конца не достигает,
Стрельцам назавтрее велела приступать
И, наглость с ковом злым начав соединять,
К Царице шлет больших Бояр для уговору,
Чтоб брата и отца стрельцам дала без спору:
„Уже чинят приступ ко красному крыльцу:
Без выдачи не быть смятения концу".
Для уважения в совете слов Боярских
Представила особ опасность Государских.
Нарочно яко бы для утоленья зла
Сама в Родившия Меня чертог[52] пришла.
„Для собственной Твоей и для Детей избавы
Свирепы укроти Стрельцов, — сказала, — нравы,
Спаси Себя и их, опасность отложи
И брата и отца для миру покажи.
Здесь дом Спасителев, защита есть велика,
Кто смеет их отнять от Божескаго лика?"[53]
Последуя судьбе и льстивым толь словам,
Из потаенных мест Нарышкин входит в храм,
В слезах святый олтарь целует и объемлет
И службе Божией усердным духом внемлет:
Готовится принять страдалческий конец.
„Невинность, — говорит, — рассудит сам Творец".
Тут руки Мать Моя Царевнины лобзая,
Для братней пагубы всечасно обмирая,

Библиотека "Руниверс"

Рыданием Свою перерывала речь;
Изсякнув не могли уж слезы больше течь:
„Для отческой к тебе, супружней Мне любови
Не проливай еще Моей невинной крови.
Представь, что сей по мне и Алексею брат,
И дядя, и отец его оставших чад".
София следовать велела за собою
Нарышкину к Стрельцам, подняв его рукою
С притворной жалостью. Царица от тоски
Держалася другой Ивановой руки.
Как волки хищные, на Агньца наскочили
Стрельцы, невиннаго внезапно ухватили,
Презрев Царицыных и власть и святость рук,
Бесчестно за власы влекут на горесть мук.
Меж тем сестра себя пред чернью извиняла,
Что братей[54] кровью сей от смерти избавляла.
Царица вне Себя, не зная, что отец
В отсутствие ея неволей стал чернец,
Полуумершим в след на брата смотрит взором
Терпящаго толь зло мучение с позором.
Несчастнаго на торг злодеи привлекли
И ложны клеветы, оставя стыд, взвели,
Что будто по своей он безрассудной страсти
Монаршеской искал продерзостию власти.
Без доказателей потом его, терзав,
На копья подняли и кинули стремглав;
Отсекли варварски и руки и главу.
По злости слышат все в народе уж молву.[55]
Там верные рабы преступникам грозили:
„Вы горьку казнь себе изменой заслужили.
Вас мстительный пожрет не укосненно мечь,
И крови, как воде, достойно вашей течь.
Начала только ждем: велика вся Россия
Исторгнет корень ваш за возмущенья злыя".
Стрельцы, хотя рабам сулили дать свободу

Библиотека "Руниверс"

И, крепости подрав, сказали то народу,
Однако никакой не следовал успех.[56]
Уже уразумев, что трудно встать на всех,
Свирепость праздником всеобщим окончали,
На царство брата вдруг со Мною увенчали.[57]
София воздала преступным мзду и честь,
И граматы Москвой на злых главах пронесть
Велела в торжестве, чтоб скрыть свои затеи:
Безвинные звались по смерти их злодеи.
Побитых имена читались на столпах
И верным Отчеству в сердца вливали страх.[58]

Едва сей бурный вихрь несчастьем укротился.
И Я в спокойствии к наукам обратился,
Искал, где знания сияет ясной лучь,
Другая мне гроза и мрак сгущенных тучь
От суеверия и грубости восходит
И видом святости сугубой страх наводит.
Ты ведаешь, раскол, что начал Аввакум
И пустосвят-злодей, его сообщник дум,
Невежество почет[59] за святость старой веры,
Пристали ко стрелцам ханжи и лицемеры:
Хованской с сыновми, и Мой и церькви враг,
Не устыдился быть в совете побродяг.
Здесь[60] камни сношены к стенам на Капитонов;[61]
Там[62] камни бросаны против святых законов.
О церковь! О святынь исполненный олтарь!
О как дерзнула к вам коснуться злобна тварь!
Не можно их почесть в сообществе словесных,
Что смысл, и совесть их, и честь в пределах тесных.

Приносит службы долг муж свят Иоаким;
Мятежники вошли в храм сонмищем своим
К лицу Святителя для вреднаго раздора,
Скрывая крамолу под именем собора.
Когда от дерзости их кротко отвращал

Библиотека "Руниверс"

И мирной разговор о вере обещал,
„Ты волк, ты хищник злой", — бесстыдно с шумом лают
И каменьем в него и в клир его бросают.
От наглых Патриарх тогда еретиков
К Монархам принужден склониться был в покров».[63]

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Сокращение

От Белаго моря путешествуя Петр Великий к Шлиссельбургу через Олонец осматривает горы и, приметив признаки руд и целительных вод, намеряется основать заводы, чтобы в близости производить металлы для новых войск и для флота. Нестройность Ладожскаго озера, пожирающаго волнами снаряды и припасы, нужные к предприемлемому строению новаго великаго города и корабельной пристани на Балтийском море, подает Ему мысль соединить Волхов с Невою впредь великим каналом. Между тем Шлиссельбургская крепость уже в осаде, окружена новыми Его войсками и огнестрельными орудиями приведена в крайнее утеснение. Женской пол присылают из города просить о выпуске, на что отказано: Российское-де войско не за тем город обступило, что бы жен разлучить с мужьями. Между тем по учиненному приготовлению дан знак к приступу. Мужественному и сильному нападению неприятель противится весьма упорно. Государь, увидев, что у приступающих к городу лествицы коротки, и Шведы, обороняясь храбро, причиняют немалой вред Россиянам, послал с указом отступить назад, чтобы после с новыми лествицами наступление учинить благополучнее Посланному главной предводитель на приступе Князь Голицын ответствовал, что уже большая трудность преодолена, а естьли снова приступ начинать, то больше людей потерять должно. После того вскоре, чиненым разорваным бревном сброшен с приступной лествицы, упал за мертво на землю. Между тем почти без предводительства Россияне на город стали всходить, и Шведы, спасения отчаясь, подают знак к здаче. По вступлении оных выпущены из города по договору тремя учиненными во время приступа проломами.

О войско славное, потомки тех Героев,
Что, следуя Петру по жатве многих боев,
Торжественные в век приобрели венцы,
Отечество в земны прославили концы,
Я вашим мужеством в труде сем ободряюсь
И сердцем и умом меж вами обращаюсь:
Воюйте счастливо, сравните честь свою
Со предков похвалой, которую пою.[64]

Библиотека "Руниверс"

Военны подвиги Петровы начинаю,
В отцах и в дедах вам примеры представляю.
Неустрашимость их изобразит мой глас,
Что чувствуете вы наследственную в вас.
Ступая мужески в похвальные их следы,
Монархине своей приносите победы,
Где ваш оружный звук восходит до небес
И по путям везде растет лавровой лес.
Там Немень с Преглою, там Висла, Одра, Шпрея,[65]
Живое ваших дел мечтание имея,
Текут с почтением, как при Петре текли,
Где с трепетом Его встречали Короли.
И реки и поля вам к вечной славе двери
Отверзли, чувствуя Его в Великой Дщери.
Противныя страны геройством и трудом
Вы в собственной себе преобратили дом,
И солнце, к нам спеша в обратной колеснице,
Готовит новой блеск Российской багрянице,
Чтоб нашей радостью украсить новый год,
Вторично угобзить успехами поход.
Дыханья нежныя, рожденныя весною,
Повеют, бодрому споспешествуя строю;
Прохладная роса от благовонных трав
К отраде вам прольет обилие забав.
Богатые плоды в дни летние пожните,
Монархине своей сторичный принесите.
Завистникам своим не оставляйте зерн;
Оставьте плевы[66] им, сухой тростник и терн,
Чтоб, чувствуя в груди язвление, их злоба
Несноснее почла затворов мрачных гроба;
Чтоб гордостью своей наказанный Берлин
Для беспокойства царств не умышлял причин
И помнил бы, что Петр ему был оборона:
Его десницею удержана Корона,
Чем ныне красится среди земных Владык.

Библиотека "Руниверс"

Великим он Петром на свете стал велик.[67]
Всех ныне дел Его имеет Дщерь наследство;
Пусть Карловых он дней себе представит бедство.
О коль бы в жизни я благополучен был,
Когда бы действие усердых ваших сил,
Изобразив в водах прохладной Ипокрены,
Воспел, с подвижники Петровыми сравненны,
Елисаветиных певцем бы стал побед;
Но ныне труд Петров к себе мой дух влечет.

Где Ладога в Неву вливает быстры воды,
Стеною огражден тут остров в древни годы.
Российска сей оплот поставила рука.[68]
С негодованием шумела вкруг река,
Что проливалася в чужую власть насильно:
Спасенна ныне к нам несет дары обильно,
Во влаге начертав Петрова града[69] вид,
Что красит Дщерь Его, покоит и живит.
Блаженныя струи брег туком напаяют,
Прохладной влагой всю окрестность ободряют,
Защитникам своим похвальной внемлют стих,
Всю тягость позабыв отверженных вериг.

В нещастье некогда Россия утомленна
Вечерних сих брегов крушилася лишенна,
Как Готские полки, для помощи пришед,
В противность нанесли странам Российским вред;[70]
Как тягость сил своих Москву повергла к низу,
Дряхлея, сетуя, оделась в мрачну ризу.
Лишенна красоты Монаршаго венца,
Злощастью своему не видела конца.
Измена, зависть, злость, раздор, братоубивство
Преобратили все в погибель, в кровопивство.
Изчезло истинных рачение похвал;
Везде свирепый рок отечество терзал,
Пока Пожарскаго и Трубецкаго ревность,

Библиотека "Руниверс"

Смотря на праотцев, на славну Россов древность,
Пресекла наконец победою напасть,
И обществом дана Петрову Деду власть.
Младый Монарх во град поверженный приходит
И на развалины плачевный взор возводит.[71]
Отрада Россов всех по скорби, Михаил,
О, как крушился Ты, рыдал и слезы лил!
Что мыслил Ты, ступив на высоту престола,
Стоящаго среди плачевнаго всем дола?
Там храмов Божиих старинный труд — верхи
По стогнам и по рвам повергнули враги.
Еще восходит дым от хищнаго пожара,
И воздух огустел от побиенных пара.
На торжищах пустых порос колючей терн,
Печальной Кремль стоит окровавлен и черн.
Чертоги Царские, церковныя святыни
Подобно сетуют, как скучныя пустыни.
О горесть! Но Твоя великая душа,
В геройской младости утешить нас спеша,
Присутством и трудом печальных ободряет,
Отечество из бездн глубоких воздвигает.
К приумножению благословенных дней
Наследовал Тебе подобный Алексей.
Он Россам возвратил старинное наследство,
Злодеев истребил и усмирил соседство.[72]
Обратно приобресть вечерния страны
Петру Великому судьбой поручены.

Уже Ореховец стесняется в осаде
И в каменной крепясь противится громаде;[73]
Российским воинством отвсюду окружен,
Но Готской гордостью в надежде вознесен,
На бреги, на валы, на множество взирает
И, видя новые полки, пренебрегает;
К пособству призывать старается с границ.

Библиотека "Руниверс"

Поставив знамена на высоте стрельниц.[74]
Тогда Кексгольмская уразумев Корела
К осадным на судах притти не укоснела.
Прибывшим воинством противник подкреплен
И пищей и ружьем избыточно снабден,
Все мысли устремил к жестокому отпору,
Надеясь получить от Карла помочь скору.[75]

Монарх наш, преходя Онежских крутость гор,
Свой проницательной кругом возводит взор
И, видя, что из них исшедшие потоки
Несут из крутизны метáллически соки,
Богатства, здравия являются ключи,
Блестят из мрачных мест сокровищей лучи,
Сказал: «Ты можешь мне произвести, Россия,
Целебны влажности и жилы золотыя,
Но ныне для твоей бессмертной похвалы
Спешу против врагов чрез горы и валы.
Железо мне пролей, ражженной токи меди;
Пусть мочь твою и жар почувствуют соседи
И вспомнят, сколько нам произвели обид».[76]
Надеждой, ревностью блистал Геройской вид.

Принесши плод, земля лишилась летней неги;
Разносят бледной лист бурливых ветров беги;
Летит с крутых верхов на Ладогу Борей,
Дожди, и снег, и град трясет с седых кудрей,
Наводит нá воду глубокия морщины.
Сквозь мглу ужасен вид нахмуренной пучины;
Смутившись тягостью его замерзлых крыл,
Крутится и кипит с водой на берег ил.
Волнами свержены, встречают гору волны
И скачут круг нея, печальных знаков полны;[77]
Между запасами[78] колеблется там дуб,
Между снарядами пловцев Российских труп;
Там кормы, дна судов рассыпаны, разбиты.

Библиотека "Руниверс"

Монарх, узрев в пути, коль злобен рок несытый,
Вздохнул из глубины и буре запрещал
И в сердце положил великий труд — Канал,
Дабы Российскою могущею рукою
Потоки Волхова соединить с Невою.

О реки блиския, но прежде разделенны,
Ликуйте, тщанием Петровым сопряженны;
Струями по томуж играючи песку,
Забудьте древнюю друг о́ друге тоску.
Вливайте вы себе взаимную отраду,
Благодаря, плоды к Его носите граду.

На свой ты, Волхов, рок негодовал в пути,
Что не в Неву тебе, но в Ладогу итти
Судьбой поставлено и бурями терзаться
И, силы потеряв, едва в нее вливаться.
Коль часто ты вздыхал, чтоб вкупе завивать
Струи и в море вдруг течение скончать.
Ты выше берегов, смущаясь, поднимался,
То под землей сыскать ход тайной покушался.
Везде против любви поставлен был оплот.
Не мог ты одолеть ни хлябей, ни высот,
Пока Великий Петр, презрев упругость рока,
Тебе дал путь и нам довольство от востока.[79]

Он, оком и умом в округ места обшед,
Избранные полки к Ореховцу ведет.
Животворящему Его прихода слуху
От Ладоги в Неву флот следует по суху.[80]
Могущих Росских рук не воспящает лес;
Пример изображен тут Ольговых чудес:
Пред Цареградскими высокими стенами
Он по полю в ладьях стремился парусами.[81]
Здесь вместо ветра был усердый наших дух
И вместо парусов спряженны силы вдруг.

Библиотека "Руниверс"

Уже суда, ходя по собственной Стихии,
На Шведской брег везут защитников России:
Там тысяща мужей, преправясь чрез Неву,
Надежду подают к победам, к торжеству.[82]
На ров, на вал бегут, врагами укрепленный,
Даются Шведы в бег, от Россов устрашенны.[83]
И Шереметев, став на оном берегу,
Отвсюду запер путь к спасению врагу.
Уже к начальнику под крепость посылает,
Свободной выход всем без бою обещает,
Что им против Петра не можно будет стать,
Напрасно кровь хотят отвсюду проливать
И здача города не будет им зазорна.[84]
Но Готы, помощи надеяся от Горна,
Сказали: от него приказу к здаче ждут.
На лживой их ответ громады вдруг ревут,[85]
Пылают всех сердца, присутствием разжженны.
От сил их потряслись упорства полны стены.
Обширность воздуха курению тесна,
И влажная огнем покрыта быстрина.
Гортани медныя рыгают жар свирепый;
Пылая, зелие железны рвет заклепы.
Представь себе в пример стихий ужасный спор,
Как внутренность кипит воспламененных гор,
Дым, пепел и смола полдневну ясность кроют,
И выше облаков ражженны холмы воют,
Трещат, расседавшись во облачной воде,
Сугубят гром и страх, сражаясь в высоте,
Грознее, как в земном ярились прежде чреве.
В таком трясении, во пламени и реве
Стоит, отчаявшись, противу Росса Швед,
В ничто вменяет кровь и презирает вред.[86]
Однако в пагубе, в смятении великом
Подвигнут женским был рыданием и криком:
Растрепанны власы и мертвость бледных лиц,

Библиотека "Руниверс"

И со младенцами повергшияся ниц
Мужей к смягчению Россиян преклоняют.
Уже из крепости с мольбою присылают:
«Избавьте от страстей, от бедства слабых жен,
И дух ваш на мужщин пусть будет изощрен.
Из нужной тесноты дозвольте им свободу;
Являйте мужество крепчайшему их роду».
От предводителя осады[87] дан ответ,
Что толь свирепаго у Россов нраву нет:
Между супругами неучинят разлуки;
Вы, вместе выступив из стен, избавьтесь муки.
С отказом зашумел из жарких тучей град,
Перуны Росские и блещут и разят.[88]
Напрасно из дали противны подъежжают
Осадных выручать: ни в чем не успевают.[89]
Готовится везде кровопролитной бой,
И остров близ врагов под нашей стал пятой.[90]
Приемлет лествицы охотная дружина;
Перед очами их победа и кончина.[91]
Иным летучей мост к течению готов,[92]
Иные знака ждут меж Ладожских валов.
Дивятся из дали в стенах градских пожару,
Призывнаго на брань неслышавши удару.

Как туча грозная, вися над головой,
Надута пламенем, сокрывшимся водой,
Напрягшуюся внутрь едва содержит силу,
Отъемлет, почернев, путь дневному светилу,
Внезапно разрадясь, стисняет громом слух,
И воздух, двигаясь, в груди стесняет дух,
Сугубят долы звук и пропасти глубоки,
И дождь и град шумит, и с гор ревут потоки —
Земля, вода, леса поколебались так,
Когда из многих вдруг жерл медных подан знак
И Ладога на дне во глубинах завыла.[93]

Библиотека "Руниверс"

Стоящая на ней самоизвольна сила,
Удара и часа урочнаго дождав,
Спешит на подвиг свой, на положенье глав;
Им к разным путь смертям, течение прекрасно.
Представь себе, мой дух, позорище ужасно!
От весел шум и скрып, свист ядр и мáхин рев
Гласят противникам Петров и Божий гнев.
Они, упрямством злым еще ожесточенны,
Покрыв смертельными орудиями стены,
Судьбину силятся на время отвратить
И смертью Росскою свою смерть облегчить.
Как вихри сильные, стесненные грозою,
Полки Российские сперлися пред стеною.[94]
К приступу Карпов, вождь Преображенских сил,
Всех прежде начал бой, всех прежде смерть вкусил,
Свинцом лежит пронзен сквозь чрево и сквозь руку,
Бьючись дал знать с душей и с храбростью разлуку.[95]

Сквозь дым, сквозь кровавых сверкание мечей
Вперяет бодрых Петр внимание очей
И лествиц краткость зрит, поставленных к восходу,
В приступе Своему губительну народу;
Не могут храбрые стен верьху досягнуть
И тщетно верную противным ставят грудь,
Стремяся отвратить ражение их встречно.
О коль велико в Нем движение сердечно!
Геройско рвение, досада, гнев, и жаль,
И для погибели удалых глав печаль!
Смотря на воинства упадок бесполезный,
К стоящим близ Себя возвел зеницы слезны:
«Что всуе добрых Мне, — сказал, — сынов губить?
Голицыну спеша велите отступить».
Примером показал Монарх наш, что Герои
Не радостию чтут кровопролитны бои;
И славных над врагом прибыточных побед
Покрытый трупами всегда прискорбен след.[96]

Библиотека "Руниверс"

Меж тем подвижники друг друга поощряют
И лествиц мужеством короткость дополняют.
Голицын, пламенем отвсюду окружен,
Сказал: «Мы скоро труд увидим совершен;
Чрез отступление от крепости обратно
В другой еще приступ погибнет войск двукратно.
И есть ли Государь желает город взять,
Позволил бы нам бой начатый окончать».[97]
С ответом на стену пред всеми поспешает,
Салдатам следовать себе повелевает:
«Бесчестен в свете вам и смертен здесь возврат;
Преславно торжество, конец ваш будет свят.
Дерзайте мужеством отечество прославить,
Монарха своего победою поздравить».
На копья, на мечи, на ярость сопостат,
На очевидну смерть Россияне летят.
Противники огнем разят и влажным варом,
Железом, камнями, всех тягостей ударом.
На предводителя поверженно бревно
Свирепым зелием упало разжжено.[98]
Он, сринут, побледнел меж трупами бездушных
И томным оком зрит оружников послушных;
Еще старается дать к твердости приказ,
Еще пресеченной болезнью нудит глас.
Ревнители его и слову и примеру,
Держа в уме Царя, отечество и веру,
Как волны на крутой теснятся дружно брег,
Вспященный крутизной возобновляют бег,
До прежней вышины от низу встав, ярятся,
И скачущих верьхи кудрявые крутятся,
Старинных корни древ и тяжки камни рвут.
С[а] обейх сторон стоял сомненный рока суд.

[а] *Отд. изд. 1761 ошибочно* Со.

Библиотека "Руниверс"

Меж тем ревнительны сердца к звездам восходят,
Святаго с горних мест Героя в мысль приводят.
Поборник Александр из древле сих брегов
Зрит, грозно ополчен над ними, на врагов.
Уже высокий всход с землей быть мнится равен,
И Ярославов сын, среди зарей преславен,
Являя сродный зрак Великаго Петра,
Оружием звучит чистейшим серебра,
Святою силою противных устрашает,
Россиян важностью десницы укрепляет.
Защиту древнюю от сильнаго плеча,
Броней, копья, щита, и шлема, и меча
Воспомянув, места веселый плеск воздвигли,
Что избавления желаннаго достигли;
Достигли наконец желанных тех времен,
Что паки Александр для них вооружен.

В священной дерзости то представляет воин,
По мыслям, по делам бессмертия достоин,
Высок усердием, надеждою легок,
Чрез мертвыя тела на свой ступает рок.
По крепких подвигах, к успеху не удобных,
И по волнениях противных и способных
Взливается на стен кровавых высоту,
Наводит на врагов боязнь и тесноту.
Наполнился весь град рыдания и плача.[99]

Уже не Нарвская, о Готы, вам удача,
Не местничество здесь и не оплошной Крой,
Не старой брани вид, не без порядка строй:
Великий правит Петр рожденное им войско,
И Шереметева рачение Геройско
Отмщеньем дышущих бодрит напор сердец.
Увидев крепости в сражении конец,
Вы неизбежну смерть покорством предварили
И белой к здаче знак по ветру распустили.[100]

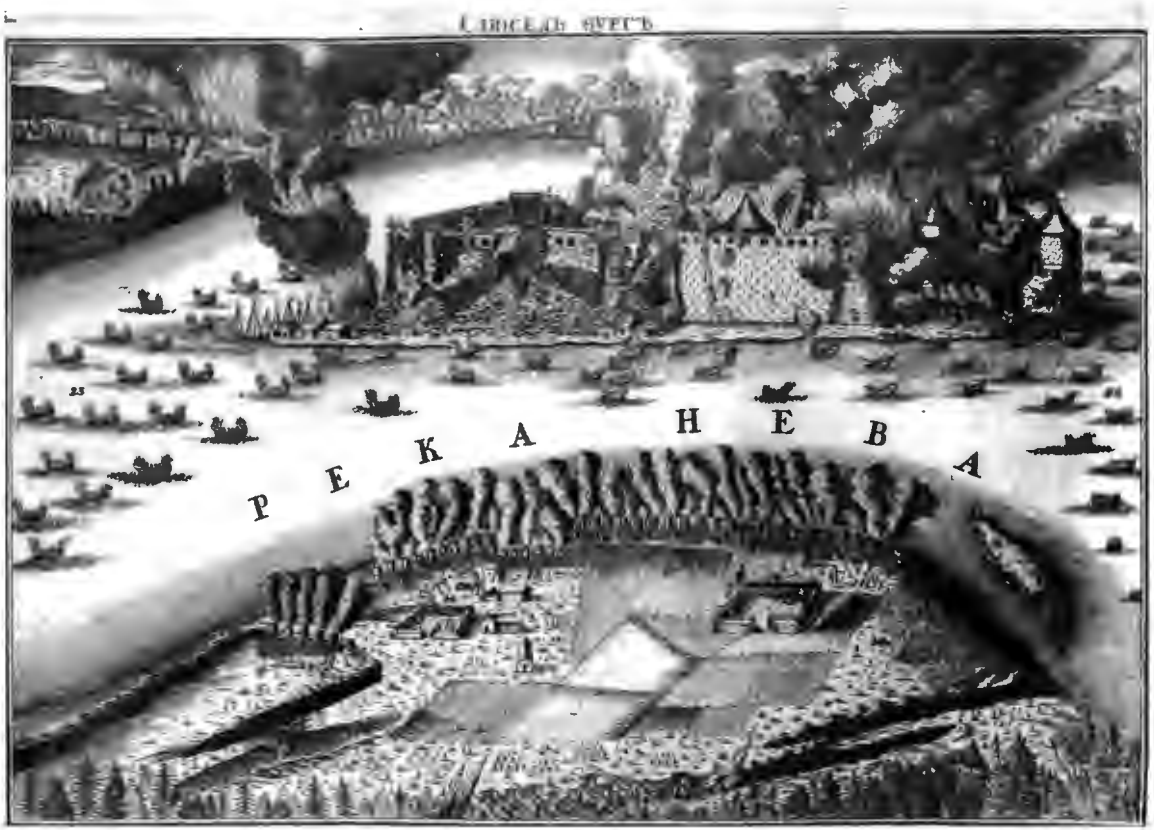
Библиотека "Руниверс"

Умолкнул грозный звук со обоих сторон,
Лишь слышен раненых плачевный вой и стон.
Вандалы выпуску с военной честью просят
И городских ворот ключи Петру приносят,
На Победителя в восторге взводят взор
И укрепляют свой о здаче договор.
Коль радостная там, коль красная премена!
Ужь веют на стенах Российския знамена,
Изображаются, Нева, в твоих струях.
Тимпанов мирный шум при радостных трубах
Забыть велит сердцам минувших тучей громы;
И Шведы тщатся в путь в свои достигнуть домы.

Обычай воины из древних лет хранят,
Чтоб храбрых почитать по здаче сопостат:
Призна́ки мужества в руках их оставляют
И славу тем своей победы уважают.
Победоносец наш жар сердца отложил
И первый кротостью успех свой посвятил:
Снабдил противников к отшествию судами.
Оставив стену, зрят прискорбными очами.
Распущенны на ветр знамена, трубный шум
Печальной радостью теснят их вольной ум.
На волю им пути прискорбны — стен проломы,
Что отворили им из рук Российских громы.
По грозным толь страстям и по таком труде
Начало чувствуют предбудущей беде.

В Отечестве сказать сей случай поспешайте,
И побежденны быть от Россов привыкайте;
Скажите ваш домой почтительный возврат,
Что выпущены вы пространством новых врат; [101]
И Карлу вашему победу возвестите,
Что Петр, Отечеству и к славе, и к защите
Над вами получив, наследство возвратил
И ближе к Швеции простер шум орлих крил.

Библиотека "Руниверс"



Осада русскими войсками Шлиссельбурга

Гравюра начала XVIII в.

Библиотека "Руниверс"

Пускай в Германии Герой ваш успевает,
Отверсты городы свободно протекает,
В рожденной счастием кичливости своей
Низводит с высоты и взводит Королей;
Пусть дерзостно спешит, как буйный ветр, к востоку
И приближается к предписанному року.[102]
Не найдет Дария, чтоб Александром стать;
Неспорит межь собой развратна прежде рать:
Петрову новому учению послушны,
Россияне стоят в полках единодушны.
Движением Своих величественных сил
Народу новый дух и мужество вложил.
Восток и Океан его послушен слову;
Карл пышностью своей возвысит честь Петрову.

Разливы Невские на устиях шумят
И течь Россиянам во сретенье хотят.
Там Нимфы по брегам в веселии ликуют,
И в осень Зефиры между древами дуют,
Вменяя, что лице земное разцвело.

Тогда возвел Монарх веселое чело
К начальникам своих победоносных ратных,
Что видит в целости другов своих обратных.
Отрада всех живит, стократно выше бедств;
Отвсюду слышен глас желаний и приветств:
«Уже нам, Государь, Твоими в запад персты
Врата для подвигов торжественных отверсты,
И промысл дал Тебе земли и моря ключь:
По их обширности распростирай Свой лучь.
Нам сносны все труды и не ужасны смерти,
Лишь только бы Твоих врагов гордыню стерти,
Отечеству подать довольство, честь, покой
И проєветить народ, как дух желает Твой».
Усердным толь речам Петр радостно внимает,
Но, к городским стенам приближась, воздыхает,

Библиотека "Руниверс"

Смотря на разныя повержения тел,
Кому как умереть предписан был предел;
Прощается у них печальными устами:
«О други верные, я вашими кровями
И общих и Своих преодолел врагов;
Небесных радуйтесь сподобившись венцов.
Примером с высоты другим по вас сияйте
И мужество в сердца полкам Моим вливайте».
Рыдание конец был жалкой речи сей,
И манием дал знак к сокрытию костей.

Чрез стены проходя, от древности наследны,
Что были долго нам от межусобства вредны,
Он оком облетел преодоленный град;
Рассмотривает Сам все множество громад:
Между различными едина изваянна
Великим именем являет Иоанна.[103]
Сей бодрый Государь в Россию первый ввел
На бранях новый страх земных громовых стрел.
Неслыханны пред тем и сильные удары
Почувствовав от нас против себя, Татары
Во век отчаялись над Россами побед:
Скончался с гордостью Ордынскою Ахмет.
Сие старинное орудие военно
В смущенны времена осталося плененно.[104]
На выгоды свои, на знаки наших бед
Смотря с веселием, тогда гордился Швед.
Теперь против него обратно пусть пылают
И вместо радости во брани устрашают.
Коль многи тягости оружий роковых,
Что в приступлении вредили нас и их,
Лежат по улицам и бомб и ядер кучи,
Наметанные там из грозной Россов тучи.
Меж целыми число расседшихся громад,
Что выше сил своих на нас пускали град.

Библиотека "Руниверс"

Там потрясенный дом на дом другой склонился,
Иной, на улицу повержен, разрушился.
По всходам, по стенам, по кровлям — угли, прах
Показывают вид, каков был самой страх,

О смертные, на что вы смертию спешите?
Что прежде времени вы друг друга губите?
Или ко гробу нет кроме войны путей?
Везде нас тянет рок насильством злых когтей!
Коль многи, вышедши из матерней темницы,
Отходят в тот же час в мрак черныя гробницы!
Иной усмешкою отца повеселил
И очи вдруг пред ним во веки затворил.
Готовому вступить во брачныя чертоги
Пронзает сердце смерть и подсекает ноги.
В средине лутчих лет иной, устроив дом,
Спокойным говорит, льстясь здрав пребыть, умом:
«Отныне поживу и наслаждусь трудами», —
Но час последней был, скончался со словами.
Коль многи обстоят болезни и беды,
Которым, человек, всегда подвержен ты!
Кроме что немощи, печали внутрь терзают,
Извне коль многия напасти окружают:
Потопы, бури, мор, отравы, вредный гад,
Трясение земли, свирепы звери, глад.
Падение домов и жрущие пожары,
И град, и молнии гремящие удары,
Болота, лед, пески, земля, вода и лес
Войну с тобой ведут и высота небес.
Еще ли ты войной, ещель не утомился
И сам против себя во век вооружился?
Но оправдал тебя военным делом Петр.
Усерд к наукам был, миролюбив и щедр,
Притом и мечь простер и на море, и в поле.
Сомнительно, чем Он, войной иль миром, боле.

Библиотека "Руниверс"

Другие в чести храм рвались чрез ту вступить,
Но ею он желал Россию просветить.
Когда без оныя не ввел к нам просвещений,
Не может свет стоять без сильных воружений.
На устиях Невы его военный звук
Сооружал сей град, воздвигнул Храм наук!
И зданий красота, что ныне возрастает,
В оружии свое начало признавает.

Посмотрим мысленно на прежни времена:
Народам первенство дает везде война,
Науки с вольностью от зверства защищает
И храбрых мышцею ростит и украшает.
Оружие дано природою зверям,
Готовить хитростью судьба велела нам.
Народы дикие, не знаючи науки,
Воюют пращами и напрягают луки.

Открой мне бывшия, о древность, времена!
Ты разности вещей и чудных дел полна.
Тебе их бытие известно все единой:
Что приращению оружия причиной?
С натурой сродна ты, а мне натура — мать:
В тебе я знания и в оной тщусь искать.

Уже далече зрю в курении и мраке
Нагово тела вид, не явственный в призраке.
Простерлась в облака великая глава,
И ударяют в слух прерывныя слова:
«Так должно древности простой быть и не ясной.
С народов наготой, с нетщанием согласной!»

Велит: «Ты зрение по свету обведи
По мест различности, и веки рассуди,
И мысльми обратись[6] на новые народы».

[6] *Отд. изд. 1761 ошибочно* обратить.

Библиотека "Руниверс"

Простерла руку в даль из облаков чрез воды:
«Там вместо знания военных всех наук
Довольна мнится быть едина твердость рук;
Там знают напрячись коленом и бедрою,
Нагая грудь и лоб, броня и шлем есть к бою;
Иные, камни взяв с земли, друг друга бьют,
Сломив уразину,[105] нагия члены рвут.
Дреколия концы огнем там прижигают
И, заостривши их, противников пронзают.
Там тучи страшныя на воздуха предел
Терновых, костяных, железных воют стрел.
При накрах[106] движут дух свирели, барабаны,
И новость стен трясут пороки и тараны.[107]
Но инде с ужасом трудолюбивой ум
Услышал для войны огня приличной шум.
Европа тем гремит, сама в себе пылая;
Коль часто фурия свирепствует в ней злая!
Кровавая война от века так течет,
Так хитрость бранная от первых дней растет.
Рок кровью присудил лице земли багровить;
Монархам надлежит оружие готовить.
Ваш Петр за широту пределов мечь простер,
Блаженству Росскому завиствующих стер.
И ныне Дщерь торжеств бессмертность утверждает,
Огней ражение искусством умножает.
Елисаветины военные дела,
Как мирные, во век венчает похвала».

Уже Россияне мест дряхлость очищают
И рухлость стен, стрелниц прилежно укрепляют,
Дабы лежащий град восстал и был готов
Оружие поднять и отвратить врагов.[108]
Преславный в путь вступил Вандалов[109] Победитель
Во град, где Праотцы и храбрый где Родитель
Оставили своих заслуг великих знак.[110]

Библиотека "Руниверс"

Коль радостен там был Москвы священный зрак!

Но, муза, помолчи, помедли до трофеев,
Что взяты от врагов и внутренних злодеев:
Безмерно больше труд на предки настоит,
Тогда представь сея Богини светлый вид.

Библиотека "Руниверс"

257

Оставь, смущенный дух, презрение сует
И представляй себе благополучным свет.
Смотри, коль ясной день среди его сияет
И очи, и сердца, и мысли восхищает.
Ты в близости его меж множеством отрад:
Там волны, там ключи, там древ листы шумят;
У храма, у цветов, у счастливаго леса,
Ты видишь щедру дщерь Российскаго Зевеса.
Минерва по всему: в ней всех доброт союз
Приветствует Парнасс и похваляет муз.
О вселюбезный глас, животворяще слово!
Я чувствую к стопам в себе стремленье ново.
Коль силно Ипокрен в России потечет,
Когда напишется над ним Елисавет!

Библиотека "Руниверс"

258

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЯ НА ДОРОГЕ В ПЕТЕРГОФ, КОГДА Я В 1761 ГОДУ ЕХАЛ ПРОСИТЬ О ПОДПИСАНИИ ПРИВИЛЛЕГИИ ДЛЯ АКАДЕМИИ, БЫВ МНОГО РАЗ ПРЕЖДЕ ЗА ТЕМ ЖЕ

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты щастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истинне ты перед нами царь:
Ты Ангел во плоти иль, лучше, ты безплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен;
Что видишь, все твое; везде в своем дому;
Не просишь ни о чем, не должен ни кому.

Библиотека "Руниверс"

259

[ВОЗРАЖЕНИЕ НА ПРИТЧУ «ОСЕЛ ВО ЛЬВИНОЙ КОЖЕ» ПРИТЧА «СВИНЬЯ В ЛИСЕЙ КОЖЕ»] [а]

Надела на себя
Свинья
Лисицы кожу,
Кривляя рожу,[б]
Моргала,[в]
Таскала длинной хвост и, как лиса, ступала.[г]
Итак, во всем она с лисицей сходна стала.[д]
Догадки лишь одной свинье недостает:

[а] *Кург.* Свинья в лисей коже; *Каз.* Притча Свинья в лисьей коже на Г[осподина] С[умарокова] сочинена Г. Мамоновым; *Каз. Реестр* Мамонова Свинья в лисьей коже на Г[осподина] С[умарокова] сочин. Мам.; *Бычк.* Баснь Свинья в лисей коже на С[умарокова] соч. Мамон.; *Бычк. Регистр* Свинья в лисей коже; *П* Притча Свинья в лисьей коже на Г[осподина] С[умарокова] сочинена Г. Ломоносовым.

[б] *Каз., П*

Кривляла рожу.

Бычк. стих 4 отсутствует.

[в] *Кург. вместо стихов 4—5*

Моргнула, кривляя рожу.

[г] *Каз., Бычк., П*

Тащила длинной хвост и, как лиса, ступала.

[д] *Кург., Каз.*

И так во всем с лисицей сходна стала.

Библиотека "Руниверс"

Натура смысла всем свиньям не подает.[е]
Но гдеж могла свинья лисицы кожу взять?[ж]
Нетрудно то сказать.
Лисица всем зверям подобно умирает,
Когда она себе найти, где есть, незнает.[з]
И люди с голоду на свете много мрут,[и]
А паче те, которы врут.[й]
Таким от рока суд бывает:
Он хлеб их отъимает[к]
И путь им ко вранью тем вечно пресекает.[1]
В наряде сем везде пошла свинья бродить[л]
И стала всех бранить.
Лисицам всем прямым, ругаясь, говорила:
«Натура-де меня одну лисой родила,[м]
А вы-де все ноги нестоите моей,

[е] *М описка*

Натура смысла всем свиньям недостает.

Каз., Бычк., П

Натура смысла всем свиньям не подает.

[ж] *Каз., Бычк., П*

Но где могла свинья лисицы кожу взять?

[з] *Каз., Бычк., П*

Когда она себе найтить, где есть, незнает.

[и] *Каз., Бычк., П*

От глада и людей на свете много мрут.

[й] *Каз., Бычк., П*

А паче те, кто врут.

[к] *Бычк.*

Он хлеб есть отнимает.

[л] *Кург. стихи 10—18 отсутствуют.*

П

В наряде сем пошла везде свинья бродить.

[м] *Кург.*

Натура де меня одной лисой родила.

Библиотека "Руниверс"

Затем что родились от подлых вы свиней.
Теперя в гости я сидеть ко льву збираюсь.
Лиш с ним я повидаюсь,
Ему я буду друг,
Неделая услуг.
Он будет сам стоять, а я у него лягу.
Неуж то он меня так примет, как бродягу?»[н]
Дорогою свинья вела с собою речь:
«Недумаю, чтоб лев позволил мне там лечь,[о]
Где все пред ним стоят знатнейши света звери;[п]
Однако в теже двери[р]
И я к нему войду.[с]
Я стану перед ним, как знатной зверь, в виду».[т]
Пришла пред льва свинья и милости просила,
Хоть подлая и тварь, но много говорила,[у]
Однако все врала,[2]
И с глупости она ослом льва назвала.
Невшел тем лев
Во гнев.[ф]
С презреньем на нее он глядя разсмеялся[х]

[н] *Бычк.*
Неушто он меня так примет, как простягу.

[о] *П*
Чтоб лев позволил мне там лечь.

[п] *Бычк.*
Где все пред ним стоят знатнейши звери.

[р] *П*
Однакож в те же двери.

[с] *Бычк.*
И я к нему пойду.

[т] *Кург. стихи 31—36 отсутствуют.*

[у] *Каз., Бычк., П*
Хоть тварь была подла, но много говорила

[ф] *Кург.*
В гнев.

[х] *Кург., Каз., Бычк.*
С презреньем на нее он разсмеялся.

Библиотека "Руниверс"

Итак ей говорил:
«Я малобы тужил,
Когдаб с тобой, свинья, вовеки невидался.[ц]
Тот час знал я,[ч]
Что ты — свинья,
Так тщетно тщилась ты лисою подбегать,
Чтоб врать.[ш]
Родился я во свет не для свиных поклонов,[щ]
Я нестрашуся громов,[ъ. 3]
Нет в свете сем того, чтоб мой смутило дух.
Былаб ты не свинья,
Так зналабы, кто я,
И зналаб, обо мне какой свет носит слух».[ы]
Итак наша свинья пред львом неполежала,[ь]
Пошла домой с стыдом, но идучи роптала,
Ворчала
Мычала,

[ц] *Кург., Каз., П*

Когдаб с тобой, свинья, вовек я невидался.

Бычк.

Когдаб, свинья, во век с тобою не видался.

[ч] *Кург., Каз., Бычк., П*

Тот час узнал то я.

[ш] *Бычк.*

Как тщетно тщилась ты лисой подбегать,
Что врать.

[щ] *Каз.*

Родился я на свете не для свиных поклонов.

Бычк., П

Родился в свете я не для свиных поклонов.

[ъ] *П*

Я не страшусь и громов.

[ы] *Кург. стихи 50—56 отсутствуют.*

[ь] *Бычк., П*

Свинье не удалось: предо львом не полежала.

Библиотека "Руниверс"

Кричала,
Визжала [э]
И в ярости себя стократно проклинала,
Потом сказала: [ю]
«Зачем меня несло со львами спознаваться,
Когда мне рок велел всегда в грязи валятся».[я]

[э] *Кург. стихи 59—62 отсутствуют.*

[ю] *Кург. вместо стихов 63—64*

И себя стократно проклинала и сказала.
Каз., Бычк., П
И сказала.

[я] *Каз., Бычк., П*

Когда мне рок велел в грязи всегда валяться.

Библиотека "Руниверс"

260

ОДА ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, НА ПРЕСВЕТЛЫЙ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ НОЯБРЯ 25 ДНЯ 1761 ГОДА, В ОКАЗАНИЕ ИСТИННОЙ РАДОСТИ И РЕВНОСТНАГО УСЕРДИЯ ВСЕНИЖАЙШЕ ПОДНЕСЕННАЯ ОТ ВСЕПОДДАННЕЙШАГО РАБА МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

[1]

Владеешь нами двадцать лет,
Ило лутче, льешь на нас щедроты.
Монархиня, коль благ совет
Для Россов вышния доброты!
О коль к нам склонны небеса!
О коль преславны чудеса!
Геройскаго восхода следы
Приосеняет благодать;
Война и мир дают победы.
О Боже, чем тебе воздать?

[2]

Еще, еще бодрись, воспой,
Златая Лира, Дщерь Петрову,
Гласи и брани, и покой
И, силу восприявши нову,

Библиотека "Руниверс"

В преклонной век мой возлетай,
Младыя лета превышай.
Она щедроты умножает, —
Ты возноситься не престань;
Ей свет довольства посвящает, —
И ты сугубь желаний дань.

[3]

Красуйся в сей блаженный час,
Как вдруг триумфы воссияли,
Тем вящше озарили нас,
Чем были мрачнее печали.
О радость, дай воспомянуть!
О радость, дай на них взглянуть!
Мы больше чувствуем отрады,
Как скорби видим за тобой:
Злочастья ненавистны взгляды
Любезный красят образ твой.[1]

[4]

Безгласна видя на одре
Защитника, Отца, Героя,
Рыдали Россы о Петре:
Везде наполнен воздух воя,
И сетовали все места;
Земля казалася пуста;
Взглянуть на небо — не сияет,
Взглянуть на реки — не текут,
И гор высокость оседает;
Натуры всей пресекся труд.

[5]

Екатерине скиптр вручен
Отечеством и домом править;

Библиотека "Руниверс"

Народ наш тщился ободрен
Трудов Петровых не оставить.
Но ах, свирепа наша часть!
Любезная нам Жизнь и Власть
И мужеск пол за Ней пресекся,[2]
И унывающий народ
В печали вретище облекся,
Что отлучен Петров был Плод.

[6]

Ужасны хляби, стремнины
Стоят против Петровой Дщери,
И твердость тяжкия стены,
И в век заклепанныя двери,
И непроходных страх морей
Лишают нас надежды всей —
Нет способа и нет совета![3]
Но Вышний наш услышал глас:
Великая Елисавета
Се царствует и щедрит нас.

[7]

Поставил Бог и Россов дух,
И не подвигнется во веки.
Какая речь пленяет слух?
Гласят моря, леса и реки,
Там Нимфы повторяют речь,
Как в стречу ей спешили течь:
«Кто Ты? Минерва иль Диана?
Кто Мать Тебе и кто Отец?
Богиней в свете быть избранна,
Достойная носить венец!

Библиотека "Руниверс"

[8]

Не Ты ли, коей долго ждем,
Желаем, льем потоки слезны?
Она и станом и лицем;
Екатеринин взор любезный,
Подобие и дух Петров,
Отрада наша и покров».
О Дщери Росския, играйте, —
Надежда ваша вас не льстит, —
И с удовольствием внимайте,
Что вам Богиня говорит:

[9]

«На Отческой престол всхожу
Спасти от злобы утесненных
И щедрой властью покажу
Свой Род, умножу просвещенных.[4]
Моей державы кротка мочь
Отвергнет смертной казни ночь; [5]
Владеть хочу зефира тише;
Мои все мысли, и залог,
И воля, данная Мне свыше,
В устах прощенье, в сердце Бог».

[10]

О делом совершенный глас!
Благодеяние — Твоя держава,
Щедрот исполнен всякой час!
Едина токмо брань кровава
Принудила правдивой меч
Противу гордости извлечь,
Как стену, Росску грудь поставить
В защиту дружеских держав

Библиотека "Руниверс"

И от насильных рук избавить,
В союзе верность показав.[6]

[11]

Как вожделенный Солнца лучь,
Хотя не престая сияет,
Скрывается от мрачных тучь
И не повсюду согревает, —
Подобно милосерда Власть,
Любя себе врученну часть,
Сияние дает всечасно,
Чтоб греть и освещать народ.
Но терпит действие прекрасно
Урон от бранных непогод.

[12]

Необходимая судьба
Во всех народах положила,
Дабы военная труба
Унылых к бодрости будила,
Чтоб в недрах мягкой тишины
Не зацвели, водам равны,
Что вкруг защищены горами,
Дубравой, неподвижны спят
И под ленивыми листами
Презренной производят гад.

[13]

Война плоды свои растит,
Героев в мир раждает славных,[7]
Обширных областей есть щит,
Могущество крепит Державных.
Воззрим на древни времена!

Библиотека "Руниверс"

Российска повесть тем полна.
Уже из тмы на свет выходит,
За ней великих полк Мужей,
Что на театр всесветный взводит
Одетых солнечной зарей.

[14]

Се бодрый воин Святослав,
Славян и Скифов с Печенеги
И Болгар с Турками собрав,
Дунайски наполняет брегн;[8]
И победитель всем гласит:
«Здесь сердце стран моих лежит:
Смарагды, шолк дают мне Греки,
Вино и злато — Угров труд;
Народ и хлеб — велики реки,
Что в Отчестве моем текут».[9]

[15]

Ему Геройством равный сын
Владимир, превосходный верой,
Войной и миром исполин,
Отмстив за брата равной мерой,[10]
С Дунайских и до Камских вод
Вливает свет Христов в народ;
Счетав с любовью постоянство,
Густую разбивает тень;
На Перуна и на поганство[11]
Ступив, восшедший кажет день.

[16]

Не то ли храбрый Мономах?
Он мечь вознес на Византию,[12]

Библиотека "Руниверс"

И Комнин, облеченный в страх,
Венец взлагает на Россию.[13]
Там плещут Невски берега,
Низвергнув дерскаго врага
Петрова Мужеством Предтечи:
От Запада защитник он.[14]
Се Дмитриевы сильны плечи
Густят Татарской кровью Дон.[15]

[17]

Тезоименны Дед и Внук *
Разбитыя бросают узы[16]
И кажут всей вселенной вкруг
Державу, права, меч, союзы;
Там равный сродник, Алексей,
О Висла, до твоих зыбей
Границы дел своих поставил;[17]
Прошел бы далей: мало жил!
Но плод Геройских дел оставил:
Какого Сына Он родил!

[18]

Бодрись, мой дух, смотри, внимай:
Сквозь дым небесный лучь блистает!
Сквозь волны, пламень вижу рай;
Там Бог десницу простирает
И крепость неизмерных сил
Петру на свете поручил:
«Низвергни храбростью коварство,
Войнами укроти войны,
Одень оружьем новым царство,
Полночны оживи страны».

* Государи: Великий Князь Иван Васильевичь и Царь Иван Васильевичь.

Библиотека "Руниверс"

[19]

Ведет Творец, Он идет в след.
Воздвиг нас. Россы, ускоряйте
На образ в знак Его побед,
Рифейски горы истощайте,
Дабы Его бессмертный лик,
Как Солнце светел и велик,
Сиял во все концы земныя,
От неизвестных зрим был мест,[18]
И небу равная Россия
Казала дел, коль много звезд.

[20]

Посмотрим в Западны страны:
От стрел Российския Дианы
Из превеликой вышины
Стремглавно[19] падают Титаны;
Ты, Мемель, Франкфурт и Кистрин,
Ты, Швейдниц, Кенигсберг, Берлин,[20]
Ты, звук летающаго строя,
Ты, Шпрея,[21] хитрая река, —
Спросите своего Героя,[22]
Что может Росская рука.

[21]

Великая Елисавет
И силу кажет и державу,
Но в сердце держит сей совет
Размножить миром нашу славу
И выше, как военной звук,
Поставить красоту Наук.[23]
По мне, хотяб руно златое
Я мог, как Язон, получить,

Библиотека "Руниверс"

Тоб Музам для житья в покое
Не усумнелся подарить.

[22]

В войну кипит с землею кровь,
И суша с морем негодует;
Владеет в мирны дни любовь,
И вся натура торжествует.
Там заглушают мысли шум;
Здесь красит все довольства ум.
Се милость истинну сретает, —
Воззрите, смертны, в высоту! —
И правда тишину лобзает.
Я вижу вечну красоту.

[23]

Среди разгнанных мрачных бурь
Всего пресветлее сияет
Вокруг и злато и лазурь.
Всесильный Мир себя являет:
Оливна ветвь, лавр, слава, мечь!
Внимай, подсолнечная, речь:
«Петрова Дщерь вам в век залогом.
Я жив, и обладает Петр.
Пребуду вечно вашим Богом
И, как Елисавета, щедр».

Библиотека "Руниверс"

261

ОДА ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕМУ ДЕРЖАВНЕЙШЕМУ ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ ФЕОДОРОВИЧУ, САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ, ПРЕСВЕТЛЕЙШЕМУ ВЛАДЕТЕЛЬНОМУ ГЕРЦОГУ ГОЛСТИНСКОМУ, ВЫСОКОМУ НАСЛЕДНИКУ НОРВЕЖСКОМУ И ПРОТЧАЯ, И ПРОТЧАЯ, И ПРОТЧАЯ, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕМУ ГОСУДАРЮ, КОТОРУЮ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ НА ВСЕРАДОСТНОЕ ВОСШЕСТВИЕ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ НАСЛЕДНЫЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ПРЕСТОЛ И КУПНО НА НОВЫЙ 1762 ГОД В ИЗЪЯВЛЕНИЕ ИСТИННЫЯ РАДОСТИ, УСЕРДИЯ И БЛАГОГОВЕНИЯ ВСЕНИЖАЙШЕ ПРИНОСИТ ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ РАБ МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

[1]

Сияй, о новый год, прекрасно
Сквозь густоту печальных тучь.
Прошло затмение ужасно;
Умножь, умножь отрады лучь.
Уже плачевная утрата,
Дражайшая сокровищ злата,
Сугубо нам возвращена.
Благополучны мы стократно:
Петра Великаго обратно
Встречает Росская страна.

[2]

Петра воздвиг с Екатериной
И с Павлом. О драгой залог!

Библиотека "Руниверс"

Послал нам радость за судбиной
В щедротах неизмерный Бог.
Орел великий обновился,
На высоте своей явился
И над Европою парит.
Россияне руками плещут,
Враги в унынии трепещут,
Познав, кто носит скиптр, мечь, щит.[1]

[3]

Премудрая Елисавета,
На Отческий Престол восшед,
Движеньем Вышняго совета
Блюла Отечество от бед.
Достигнув мужеским Геройством,
Отвсюду облекла спокойством
Свое наследство, утвердив,
Чтоб был для Россов счастья, славы
Без пресечения державы
Великий Петр во веки жив.

[4]

Ея советы совершились:
На Трон наследный Ты вступил,
Монарх; Мы в век Ея лишились,
Но Ты восходом оживил.
Приемлешь скиптр, Она вручает
И, в вечность отходя, вещает:
«Владей, храни, возвысь народ,
Моей опасностью спасенный,
Уверь всех, Мной благословенный,
Что Ты — Петров и Аннин плод.

Библиотека "Руниверс"

[5]

Когда Я с Нею разлучалась
И в ложеснах Ея с Тобой,[2]
Коль горестно тогда терзалась,
Отчаянна в судбине злой.
Но больше ощущала радость,
Твою возлюбленную младость
В объятия Свои приняв,
И ныне отхожу с покоем:
Отечество Тобой, Героем,
Превыше будет всех держав».

[6]

Уже ко предстоящим слезным
От облак обратила вид
И, умилением любезным
Озревшись, к высоте спешит.
Освободясь от части тленной,
Восходит к жизни непременной.
Молчите, горы и леса,
Моря и ветры безпокойны,
Внимайте мне и будьте стройны:
Мой ум вперился в небеса.

[7]

Отворенный Елисавете
Ея преславных предков храм
Сияет в бесконечном свете,
По звездным распростерт полям.
Среди Геройскаго собора
Лучем божественнаго взора
Яснейший протчих дух Петров
При входе светозарной двери,

Библиотека "Руниверс"

Десницу простирая Дщери,
К себе в небесный вводит кров.

[8]

«Гряди к блаженному покою,
Гряди к нам в вечно торжество,
Гряди и царствуй здесь со Мною, —
Так хочет вышне божество.
Ты жить с бессмертными достойна;
Россия по Тебе спокойна:
Ты возвратила в ней урон, —
Ты кровь Мою возобновила,
В наследстве Внука утвердила;
Тобою Он восшел на Трон.

[9]

Великодушия, щедроты
И мужества дала пример,
Чтоб руку Он к своим для льготы
И мечь против врагов простер.
Тобой цветет Мой град любезный,
Петрополь славный и полезный,
Но будет выше древних див.
Пределы Ты распространила, —
Его благословенна сила
Поставит, вечно утвердив.

[10]

За истинную добродетель
Земля Тебе давала плод;
Всегда преклонен был Содетель,
В довольстве множил Твой народ.
Наследник, тоюже стезею

Библиотека "Руниверс"

Ступая ревностью своею,
Преклонит вышнее Добро.
Была, как Ты, натура щедра,
Открыла гор с богатством недра;
Ему сторично даст сребро.

[11]

Ты награждала всем науки,
И Он щедротой оживит,
Искусством обученны руки
Снабдит, умножит, просветит.
Он постыдит, как Ты, злодеев.
Оставлен посреде трофе́ев,
До облак оны вознесет
И на пространной света части
Конец своей положит власти,
Где знак стоит Твоих побед.

[12]

Но больше чту сию заслугу,
Что ты, усердствуя к Нему,
Достойную дала Супругу,
Любезну Отчеству всему.
Уже из общей их любови
Цветет от Нашей Отрасль крови,
Дражайший Павел, Правнук Мой.
Продлит Господь Его Потомки,
Дела Их возвеличит громки,
Прославит брани и покой».

[13]

Богиня новыми лучами
Красуется окружена

Библиотека "Руниверс"

И звезды видит под ногами,
Светлее оных, как луна.
Уже торжественные лики,
И радостных Героев клики,
И бренным нестерпимый свет
Всю силу ока притупляют,
Вниманье слуха заглушают:
Виденья закрылся след.

[14]

Оставив высоту прекрасну,
Я небо вижу на земли:
Народов ревность всех согласну,
Как в веки все светила шли.
От Юга, Запада, Востока
Полями, славою широка,
Россия кажет верной дух.
И, как Елисавете твердо,
Петру вдает себя усердо,
Едва лишь где достигнул слух.

[15]

Хребты полей прекрасных, тучных,
Где Волга, Дон и Днепр текут,
Дел послухи Петровых звучных
С весельем поминая труд,
Тебе обильны движут воды,
Тебе, Монарх, плодят народы,
Несут довольство всех потреб,
Что воздух и вода раждает,
Что мягкая земля питает
И жизни главну крепость — хлеб.

Библиотека "Руниверс"

[16]

Там мерзлыми шумит крилами
Отец густых снегов — борей
И отворяет ход меж льдами
Дать воле путь в восток Твоей,
Чтоб Хины, Инды и Япноны
Подверглись под Твои законы.
Тебе от верной глубины
Руками плещут воды белы,
Ликуют Западны пределы,
Предвидя счастие войны.

[17]

Европа, ныне восхищенна,
Внимая смотрит на восток
И ожидает изумленна,
Какой определит ей рок:
То видит зрак Твой пред полками,
Подобный Марсу меж врагами,
То представляет общей пир,
Отрады ради утомленных,
Избавы ради раззоренных,
Тобою обновленный мир.

[18]

Когда по глубине неверной
К неведомым брегам пловец
Спешит по дальности безмерной,
И не является конец,
Прилежно смотрит птиц полеты,
В воде и в воздухе приметы, —
И как уж томную главу
На брег желанный полагает,

Библиотека "Руниверс"

В слезах от радости лобзает
Песок и мягкую траву.

[19]

Германия сему подобно
По собственной крови плывет,
Во время смутно, неспособно,
Конца своих не видит бед;
На Фарос сил Твоих взирает,
К Тебе дорогу направляет
Тебе себя в покров отдать;
В согласии желает стройном
В Твоем пристанище спокойном
Оливны ветьви целовать.

[20]

Тогда по славнейших победах,
Как общий ускоришь покой,
Пребудешь знатнейший в соседах,
Прехвален миром и войной.
Тогда в трудах, Тебе любезных,
Российским областям полезных,
Все время будешь провождать;
И каждой день златаго веку,
Коль долго можно человеку,
Благодеяньями венчать.

[21]

Когда пучину не смущает
Стремление насильных бурь,
В зерцале жидком представляет
Небесной ясности лазурь,
И солнце с высоты дивится,

Библиотека "Руниверс"

Что само толь глубоко зрится, —[3]
Так Ты, о наших дней Венец,
Во внутренних грудях сияеш
И светлый лик изображаеш
В спокойной радости сердец.

[22]

Великолепно облекися,
Российский радостный Сион,
Главой до облак вознесися:
Сампсон, Давид и Соломон
В Петре тобою обладают
И Голияфов презирают.
Сильнее тигров Он и львов,
Геройска бодрость в нем избранна:
Иссохнет на земли попранна
Свирепость змиевых голов.

[23]

Голстиния, возвеселися,
Что от Тебя цветет наш Крин.
Ты к морю в празднестве стремися,
Цветущий славою Цвейтин.[4]
Хотя не силен ты водою,
Но радостью сравнись с Невою,
До Зунда шум твой распростри.
Соединенныя Российским
Поставь по берегам Балтийским
Желаний верных Олтари.

[24]

Спеши, спеши, весна златая,
Умножь отраду теплотой

Библиотека "Руниверс"

И, новы веки начиная,
Стихии здравием напой;
Вели благоухать Зефиру;
С Петром поля одень в Порфиру
И всем приятностям твоим
Подобную Екатерину,
Надежды нашея причину,
Снабди, снабди Плодом драгим.

[25]

Небес и все веков Зиждитель,
Источник всякаго добра,
Царей и Царств земных Правитель,
Ты оправдал владеть Петра
Подсолнечной великой частью;
Утешь Его народы властью,
Преславный век Ему подай,
Супруге, Ветви вожделенной,
И больше, как во всей вселенной,
В Петрове доме обитай.

Библиотека "Руниверс"

262

РАЗГОВОР С АНАКРЕОНТОМ [a]

Анакреонт

Ода I [1]

Мне петь было о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со струнами
Вчера переменил
И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли по неволе
Любовь мне петь велят,
О Вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят.

Ломоносова ответ

Мне петь было о нежной,
Анакреонт, любви;
Я чувствовал жар прежней
В согревшейся крови.
Я бегать стал перстами
По тоненьким струнам

[a] *Российский Парнасс, Соч. 1778* Славного Российскаго стихотворца разговор с Анакреонтом.

Библиотека "Руниверс"

И сладкими словами
Последовать стопам.
Мне струны по неволе
Звучат геройский шум.
Не возмущайте боле,
Любовны мысли, ум.
Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен,
Героев славой вечной
Я больше восхищен.[2]

Анакреонт

Ода XXII[3]

Когда бы нам возможно
Жизнь было продолжить,
То стал бы я не ложно
Сокровища копить,
Чтоб смерть в мою годину,
Взяв деньги, отошла
И, за откуп кончину
Отсрочив, жить дала.
Когда же я то знаю,
Что жить положен срок,
На что крушусь, вздыхаю,
Что мзды скопить не мог!
Не лучшель без терзанья
С приятельми гулять
И нежны воздыханья
К любезной посылать?

Ломоносова ответ[6]

Анакреонт, ты верно
Великой Философ:

[6] *Российский Парнасс, Соч. 1778* Ломоносов. Ответ.

Библиотека "Руниверс"

Ты делом равномерно
Своих держался слов;
Ты жил по тем законам,
Которые писал,
Смеялся забабонам,[4]
Ты петь любил, плясал.
Хоть в вечность ты глубоку
Не чаял больше быть,
Но славой после року
Ты мог до нас дожить.
Возмите прочь Сенеку:
Он правила сложил
Не в силу человеку,
И кто по оным жил?[5]

Анакреонт

Ода XI[6]

Мне девушки сказали:
«Ты дожил старых лет»,
И зеркало мне дали:
«Смотри, ты лыс и сед».
Я не тужу нимало,
Ещель мой волос цел,
Иль темя гладко стало,
И весь я побелел.
Лишь в том могу божиться,
Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок.

Ломоносова ответ[в]

От зеркала сюда взгляни, Анакреон,
И слушай, что ворчит нахмурившись Катон:[7]

[в] *Российский Парнасс, Соч. 1778* Ломоносов. Ответ.

Библиотека "Руниверс"

«Какую вижу я седую обезьяну?
Не злость ли адская, такой оставя шум,
От ревности на смех склонить мой хочет ум?
Однако я за Рим, за вольность твердо стану,
Мечтаниями я такими не смущусь
И сим от Кесаря[8] кинжалом свобожусь».
Анакреонт, ты был роскошен, весел, сладок,
Катон старался ввесть в республику порядок;
Ты век в забавах жил и взял свое с собой,
Его угрюмством в Рим не возвращен покой;
Ты жизнь употреблял как временну утеху,
Он жизнь пренебрегал к республики успеху;
Зерном твой отнял дух приятной виноград,[9]
Ножем он сам себе был смертный супостат;
Беззлобна роскошь в том была тебе причина,
Упрямка славная[10] была ему судьбина.
Несходства чудны вдруг и сходства понял я.[11]
Умнее кто из вас, другой будь в том судья.[12]

Анакреонт

Ода XXVIII[13]

Мастер в живописстве первой,
Первой в Родской стороне,[14]
Мастер, научен Минервой,
Напиши любезну мне.
Напиши ей кудри чорны,
Без искусных рук уборны,
С благовонием духов,
Буде способ есть таков.

Дай из роз в лице ей крови
И, как снег, представь белу,
Проведи дугами брови
По высокому челу;

Библиотека "Руниверс"

Не сведи одну с другою,
Не разставь их меж собою,
Сделай хитростью своей,
Как у девушки моей.

Цвет в очах ея небесной,
Как Минервин, покажи
И Венерин взор прелестной
С тихим пламенем вложи;
Чтоб уста без слов вещали
И приятством привлекали,
И чтоб их безгласна речь
Показалась медом течь.

Всех приятностей затеи
В подбородок умести
И кругом прекрасной шеи
Дай лилеям разцвести,
В коих нежности дыхают,
В коих прелести играют
И по множеству отрад
Водят усумненной взгляд.

Надевай же платье ало
И нетщись всю грудь закрыть,
Чтоб, ея увидев мало,
И о прочем разсудить.
Коль изображенье мочно,
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет:
Молвиж, дорогой портрет.

Ломоносова ответ[г]

Ты счастлив сею красотою
И мастерством, Анакреон,

[г] *Российский Парнасс, Соч. 1778* Ломоносов. Ответ.

Библиотека "Руниверс"

Но счастливее ты собою
Через приятной лиры звон.[a]
Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю,
Дабы потщился написать
Мою возлюбленную мать.

О мастер в живописстве перьвой,
Ты перьвой в нашей стороне
Достоин быть рожден Минервой,[15]
Изобрази Россию мне.
Изобрази ей возраст зрелой
И вид в довольствии веселой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу.

Потщись представить члены здравы,
Как должны у Богини быть;
По плечам волосы кудрявы
Признаком бодрости завить;
Огонь вложи в небесны очи[e]
Горящих звезд в средине ночи
И брови выведи дугой,
Что кажет после тучь покой.[16]

Возвысь сосцы, млеком обильны,
И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости уста
В беседе важность обещали

---

[a] *Российский Парнасс, Соч. 1778 вместо стихов 135—136*

Но счастливей ты собою
Чрез приятной лиры звон.

[e] *Российский Парнасс*

Огнь вложи в небесны очи.

Библиотека "Руниверс"

И так бы слух наш ободряли,
Как чистой голос лебедей,
Коль можно хитростью твоей.

Одень, одень Ее в порфиру,
Дай скипетр, возложи венец,
Как должно ей законы миру
И распрям предписать конец.
О коль изображенье сходно,
Красно, любезно, благородно!
Великая промолви Мать
И повели войнам престать.

Библиотека "Руниверс"

1762

263

Се Елисавета, Петра Великаго Великая Дщерь, Благочестивая, Щедрая, Мужественная, Великодушная, Всемилостивейшая Самодержица, Моя Избавительница, Защитница, Просветительница, слава моя, вознесшая главу мою, во гроб низходит. Рыдайте, области, насладившияся кроткою Ея державою; в слезы обратитесь, великия мои моря и реки. Все верныя мои чада к Богу Возопийте. Упокой, Спасе, в вере к тебе преставльшуюся, царствия твоего сопричастницу сотвори, на тя бо упование возложи, человеколюбче.

Библиотека "Руниверс"

264

Мышь некогда, любя святыню,
Оставила прелестной мир,
Ушла в глубокую пустыню,
Засевшись вся в галланской сыр.[а]

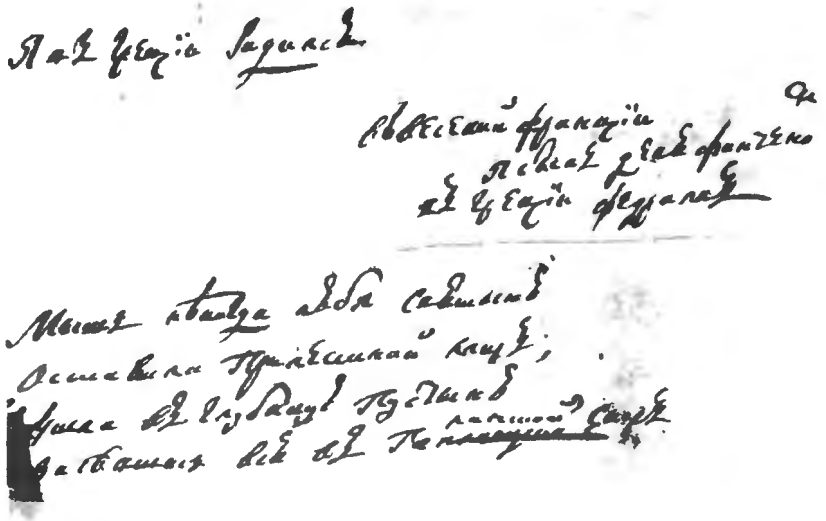
[а] Засевшись вся в гал<ландской> ланской сыр.

Библиотека "Руниверс"

265

Я в Греции родился.
В веселой Франции я был де ля Фонтеном.
В Греции Федром.

Библиотека "Руниверс"



Стихотворные наброски Ломоносова
Собственноручный черновик (1761—1762)
Архив Академии наук СССР

Библиотека "Руниверс"

266

ОДА ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, НА ПРЕСЛАВНОЕ ЕЯ ВОСШЕСТВИЕ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ПРЕСТОЛ ИЮНЯ 28 ДНЯ 1762 ГОДА. В ИЗЪЯВЛЕНИЕ ИСТИННОЙ РАДОСТИ И ВЕРНОПОДДАННАГО УСЕРДИЯ ИСКРЕННЯГО ПОЗДРАВЛЕНИЯ. ПРИНОСИТСЯ ОТ ВСЕПОДДАННЕЙШАГО РАБА МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

[1]

Внемлите, все пределы света,
И ведайте, что может Бог!
Воскресла нам Елисавета:
Ликует церковь и чертог.
Она или Екатерина!
Она из обоих едина!
Ея и бодрость, и восход
Златой наукам век восставит
И от презрения избавит
Возлюбленный Российский род.[1]

[2]

Российский род, коль ты ужасен
В полях против своих врагов,
Толь дом твой в недрах безопасен:
Ты вне гроза, ты внутрь покров.

Библиотека "Руниверс"

Полки сражая, вне воюешь,
Но внутрь без крови торжествуешь
Ты буря там, здесь — тишина.
Умеренность тебе в кровь бранну,
В главу, победами венчанну,
От трех в сей век Богинь дана.

[3]

Петра Великаго Супруга,
Взведенная самим на Трон,
Краса и честь земнаго круга
И слава скиптров и корон,
Прехраброму сему Герою
Среди пылающаго строю
Дает спасительный совет,
Военно сердце умягчает;
И, мир приняв, облобызает
Ражженный яростью Магмет.[2]

[4]

Елисавета царством мирным
Российския мягчит сердца
И, как дыханием зефирным,
Взираньем кроткаго лица
Вливает благосклонность в нравы,
В войнах не умаляя славы.
Возложенной себе венец
Победой, миром украшает,
Трофеями превозвышает
Державы своея конец.

[5]

В сии прискорбны дни природным
Российским истинным сынам

Библиотека "Руниверс"

Ослабу духом благородным
Дает Екатерина нам.
Мы, кротости Богинь навыкнув
И в счастье, ими данно, вникнув,
Судбину тщимся отвратить.
Уже для обществу покрова
Согласно всех душа готова
В Ней Дщерь Петрову возвратить.

[6]

Слыхал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных? —
О стыд, о странной оборот! —
Чтоб кровью купленны Трофеи
И победителей злодеи
Приобрели в напрасной дар
И данную залогом веру?
В тебе, Россия, нет примеру,
И ныне отвращен удар.

[7]

Любовь Твоя к Екатерине,
Екатеринина к Тебе
Победу даровала ныне;
И Небо верной сей Рабе
Без раздробляющаго звуку[3]
Крепит благословенну руку
На наших буйных сопостат.
О коль видение прекрасно!
О коль мечтание ужасно!
Что смотрит сей, что слышит град?

Библиотека "Руниверс"

[8]

Не мрак ли в облаках развился?
Или открылся гроб Петров?
Он, взором смутен, пробудился
И произносит глас таков:
«Я мертв терплю несносну рану!
На толи вселюбезну Анну[4]
В супружество Я поручил,
Дабы чрез то Моя Россия
Под игом области чужия
Лишилась власти, славы, сил?

[9]

На толь, чтоб все труды несчетны
И приобретенны плоды
Разрушились и были тщетны
И новы возрасли беды?
На толь воздвиг Я град священный,[5]
Дабы, врагами населенный,
Россиянам ужасен был
И вместо радостной столицы
Тревожил дальныя границы,
Которы Я распространил?»

[10]

О Тень великая, спокойся:
Мы помним тьмы Твоих заслуг;
Безмолвна в вечности устройся:
Твой труд меж нами жив вокруг.
Не предадим Твоей любови,
Не пощадим последней крови:
Спешим Отечество покрыть
Во след премудрой Героине,

Библиотека "Руниверс"

Любезной всем Екатерине,
Любезны Ей и верны быть.

[11]

Что чаяли вы, Невски Музы,
В великий оный громкий час?
«Согласны мыслей всех союзы
Веселый возвышали глас!»
Как звали ревностну присягу?
«Благословенную отвагу!»
Что зрели, как закрылся день?
«Нам здешние брега и волны
Величества, приятства полны
Сквозь тонкую казались тень!

[12]

Среди избраннейших Героев
Между блистающим ружьем,
Среди непобедимых строев
Сверкает Красота мечем
И нежность пола уважает
И тою храбрость украшает,
Обеими сердца влечет.
Всяк видя, следуя за Нею,
Гласит устами и душею:
Так шла на Трон Елисавет!»

[13]

Гряди, Российская отрада,
Гряди, желание сердец,
И буди от врагов ограда,
Поставь опасностям конец,
И оправдай Елисавету,

Библиотека "Руниверс"

Всему доказывая свету,
Что полная Триумфов брань
Постыждена подносным миром
И сопостат, почтен Кумиром,[6]
От нас приемлет в жертву дань.

[14]

Уже нам дневное светило
Свое пресветлое лице
Всерадостным очам явило
Лучей прекрасных во венце.
Туманы, мраки разгоняя
И радость нашу предваряя,
Поля, леса, брега живит;
В росе, в струях себя являет.
Ему подобный к нам сияет
Избавившей Богини вид.

[15]

В удвоенном Петрополь блеске
Торжественный подъемлет шум,
При громком восхищаясь плеске,
Отрадой возвышает ум;
Взирая на свою избаву,
На мысль приводит прежню славу
В церьквах, по стогнам, по домам
Несчетно множество народу
Гремящу представляет воду,
Что глас возносит к небесам.

[16]

Теперь злоумышленье в яме,
За гордость свержено, лежит:

Библиотека "Руниверс"

Екатерина в Божьем храме
С благоговением стоит,
Хвалу на Небо воссылает,
И купно сердце всех пылает
О целости Ея и нас;
Что Вышний крепкою десницей,
Богиню нам подав Царицей,
От гибели невинных спас.

[17]

Услышьте, Судии земные
И все державные главы:
Законы нарушать святые
От буйности блюдитесь вы
И подданных не презирайте,
Но их пороки исправляйте
Ученьем, милостью, трудом.
Вместите с правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу,
То Бог благословит ваш дом.

[18]

О коль велико, как прославят
Монарха верные раби!
О коль опасно, как оставят,
От тесноты своей, в скорби!
Внимайте нашему примеру,
Любите их, любите веру:
Она — свирепости узда,
Сердца народов сопрягает
И вам их верно покоряет,
Твердее всякаго щита

Библиотека "Руниверс"

[19]

А вы, которым здесь Россия
Дает уже от древних лет
Довольство вольности златыя,
Какой в других державах нет,
Храня к своим соседам дружбу,
Позволила по вере службу
Беспреткновенно приносить;
На толь склонились к вам Монархи
И согласились Иерархи,
Чтоб древний наш закон вредить,

[20]

И вместо, чтоб вам быть меж нами
В пределах должности своей,
Считать нас вашими рабами
В противность истины вещей?
Искусство нынешне доводом,
Что было над Российским родом
Умышлено от ваших глав
К попранью нашего закона,
Российскаго к паденью Трона,
К рушению народных прав.

[21]

Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги славных дел
И чувствам собственным поверьте:
Не вам подвергнуть наш предел.
Исчислите тьму сильных боев,
Исчислите у нас Героев
От земледельца до Царя,
В суде, в полках, в морях и в селах,

Библиотека "Руниверс"

В своих и на чужих пределах
И у святаго олтаря.

[22]

О коль Монарх благополучен,
Кто знает Россами владеть!
Он будет в свете славой звучен
И всех сердца в руке иметь.
Тебя толь счастливу считаем,
Богиня, в коей признаваем
В единой все доброты вдруг:
Щедроты, веру, справедливость,
И с постоянством прозорливость,
И истинной Геройской дух.

[23]

Осмнатцать лет Ты украшала
Благословенный дом Петров;
Елисавете подражала
В Монарших высоте даров,
Освобождая утесненных
И ободряя оскорбленных,
Склонила высоту небес
От злой судьбы Тебя избавить,
Над нами царствовать поставить
И отереть нам токи слез.

[24]

Науки, ныне торжествуйте:
Взошла Минерва на Престол.
Пермесски воды, ликовствуйте,
Шумя крутитесь в злачный дол.
Вы в реки и в моря спешите

Библиотека "Руниверс"

И нашу радость возвестите
Лугам, горам и островам;
Скажите, что для просвещенья
По всюду утвердит ученья,
Создав прекрасны храмы вам.[7]

[25]

А Ты, о Отрасль вожделенна,
Спасенная от сильных рук,
Будь жизнь Твоя благословенна,
Прекрасна посреде наук;
Дражайший Павел наш, мужайся,
В объятьях Рождьшей утешайся
И бывши скорби забывай.
Она все бури успокоит,
Щедротой, ревностью устроит
Тебе и нам прекрасный рай.[8]

[26]

Герои храбры и усерды,
Которым промысл положил
Приять намерения тверды
Противу беззаконных сил
В защиту нашей Героине,
Красуйтесь, веселитесь ныне:
На вас лавровые венцы
В несчетны веки не увянут,
Доколе Россы не престанут
Греметь в подсолнечной концы.[9]

Библиотека "Руниверс"

1763

267

ЭПИГРАММА [а]

Между Сенатских цуков — [б, 1]
Что вижу я? И Ж....[в]
Дивятся все, дивишься ты и сам: [г]
Как не греметь во гневе небесам! [д]

[а] *В «Маяке» заглавие отсутствует.*

[б] *«Маяк»*

Меж многих цуков.

[в] *«Маяк»*

В Сенат приехал цуком Жуков.

[1] *«Маяк»*

Дивятся все тому, дивится он и сам.

[д] *«Маяк»*

То как же не греметь во гневе небесам?

Библиотека "Руниверс"

268

О небо, не лишай меня очей и слуха,
Отдай мне их: я в путь спешу стремленьем духа.
Блажен, кто зрит чудясь монарши дива в вас,
Блажен, кто слышит ваш, Екатерина, глас.
Приятной / Любимой } быть, владеть судьба вас одарила,
Но перваго во мне чувствительнее сила.
В восторг ваш бодрой дух премудраго ведет;
Он быть бы тем престал, пред ваш поставлен свет.[a]

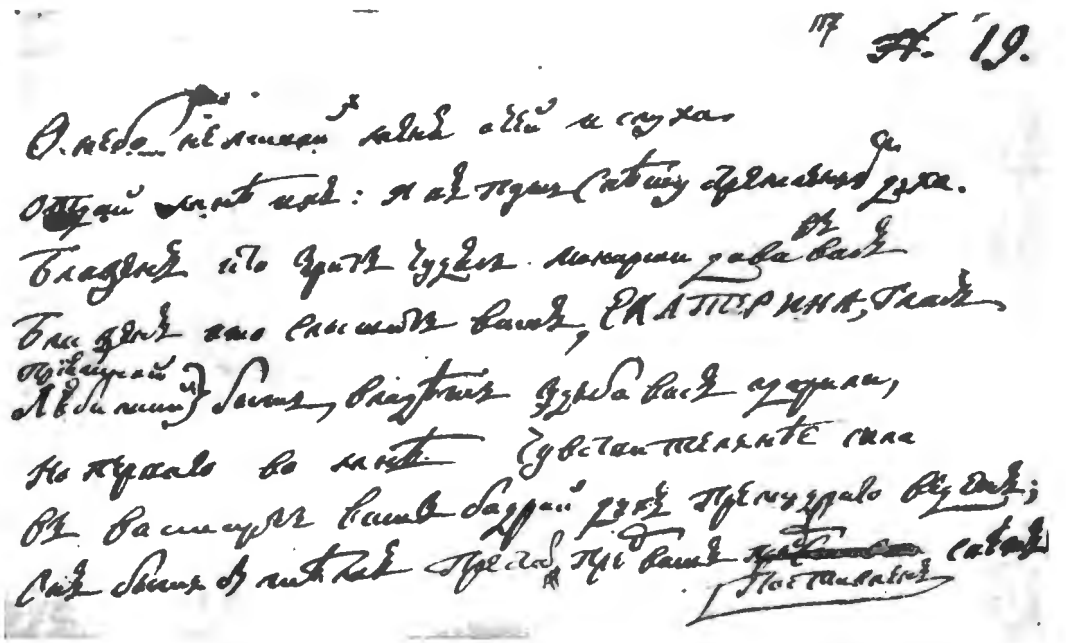
[a] Он быть бы тем престал пред ваш ‹представлен› поставлен свет

Библиотека "Руниверс"

269

Блаженство Общества всядневно возрастает,
Монархиня труды к трудам соединяет.
Стараясь о добре великих нам отрад,
О воспитании печется малых чад,
Дабы, что в отчестве оставлено презренно,
Приобрело ему сокровище безценно,
И чтоб из тяжкаго для Общества числа
Воздвигнуть с нравами похвальны ремесла.[1]
Рачители добра грядущему потомству!
Внемлите с радостью полезному питомству:
Похвально дело есть убогих призирать,
Сугуба похвала для пользы воспитать;
Натура то гласит, повелевает вера.
Внемлите важности Монаршаго примера:
Екатерина вас предводит к чести сей,
Спешите щедростью, как верностью, за Ней.[2]

Библиотека "Руниверс"



Стихотворение «О небо, не лишай меня очей и слуха...»
Собственноручный черновик (1762—1763)
Архив Академии наук СССР

Библиотека "Руниверс"

270

С достодолжным благодарением принимаю от Императорской Академии Художеств толь чувствительной знак ея ко мне благоволения, которое не по знанию моему в высоких искусствах оказать разсудила, но больше уважила мое к ним любление. Однако же сколько в силах состоит, не премину употреблять возможнаго рачения, чем бы показать себя достойным таковаго присвоения, особливо по наукам, которыя, с художествами тесным союзом сродства соединяясь, всегда требуют друг от друга взаимнаго вспомоществования.

Основанныя здесь почтенныя Художества благословенным предначинанием блаженныя памяти Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, которыя сладчайшее воспоминание в роды родов не умолкнет, ныне под высочайшим покровительством достойныя престола и щедрот Ея Преемницы, Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийския, еще прежде царствования царствовавшия в сердцах наших, отменным Ея Величества люблением и самоличным Всемилостивейшим посещением, как некоторым божественным вдохновением, оживляемыя, с ускорением восходят и отворяют цветы, настоящею приятностию предзнаменующия будущих плодов сладость.

Благополучны Художества, видевшия себе принятие в Россию таковым Монаршеским снисхождением и содержимыя толикою щедротою! Благополучны, что открыто им в сей обширной Империи пространное поле, по которому, тщательным течением простираясь, могут показать свое великолепие и достоинство великой части света!

Библиотека "Руниверс"

Благополучны Вы, Сыны Российские, исполненное надежды юношество, что во дни, избранные для нашего блаженства в благословенный век премудрыя Екатерины, можете предъуспевать в похвальном подвиге ревностнаго учения и представить пред очами просвещенныя Европы проницательное остроумие, твердое разсуждение и ко всем искусствам особливую способность нашего народа, паче же всего уверить, коль много может Вас побудить неусыпное око толь бодрыя Монархини, которая сочетает мужество с прозорливостию, правосудие с милосердием, благочестие с щедротою, премудрость с трудолюбием, Высочайшую Свою на земли власть чрез украшение от Наук и Художеств величественнее быть почитает и Отечество больше просвещением, нежели повелительством, возвысить и прославить тщится.

Благополучным признать и мне себя должно, что по благоизобретению высокопочтенных Особ, по знанию и заслугам избранных и предпоставленных сему достохвальному учреждению и по согласию достойных онаго Членов сим к нему присвоением подан мне благоприятной случай быть некоторым участником или лучше свидетелем и почитателем трудов и вожделенных успехов, простирающихся к пользе и украшению толь великаго Государства.

Библиотека "Руниверс"

271

ОДА ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ, САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, КОТОРОЮ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО В НОВЫЙ 1764 ГОД ВСЕНИЖАЙШЕ ПОЗДРАВЛЯЕТ ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ РАБ МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

[1]

Пою наставший год: он славен,
Он будет красота веков,
Твоим намерениям равен,
Богиня, радость и покров!
Необинуясь, предвещаю,
Что глас мой править поручаю
Послушнице Твоей — судьбе;
И можноль, что бы наши лета
Российскаго отраде света
Не уподобились Тебе?

[2]

Геройских подвигов хранитель
И проповедатель, Парнасс,
Времен и рока победитель,
Возвыси ныне светлый глас,
Приближи к небесам вершины
И для похвал Екатерины,
Как наша радость, расцветай,

Библиотека "Руниверс"

Шуми ручьями с гласом Лиры,
Бореи преврати в Зефиры,
Представь зимой в полнощи рай.

[3]

Среди торжественнаго звуку
О ревности моей уверь,
Что ныне, чтя Петрову Внуку,[1]
Пою, как пел Петрову Дщерь.
Ни моего преклонность века,
Что слабит дух у человека,
Ниже́ гонящий в гроб недуг,
Ниже́ завистьливы злодеи[2]
Чрез вредны воспятят затеи
Почтительный к Монархам дух.

[4]

Усыновленна[3] Добродетель
Российский украшает свет, —
Тому начало и свидетель
Избранием Елисавет.
Усердие всего народа
Крепит, как кровная природа.
О Скиптр, Венец, о Трон, Чертог,
Сужденны вновь Екатерине,
Красуйтесь о второй Богине!
Той Петр вручил, Сей вверил Бог![4]

[5]

Сам Бог ведет, и кто противу?
Кто ход его остановит?
Как Океанских вод разливу
На встречу кто поставит щит?

Библиотека "Руниверс"

Где звуки? Где огни и страхи?
Где, где всегдашний дым и прахи?
В них Вышний не благоволил!
В свою не принял благостыню,
Но, щедря кротку Героиню,
Покрыл, воздвиг, венцем почтил.

[6]

Превыше облак восходящий
Недвижно зрит от звезд Атлант
На вихрь, в подножиях шумящий;
Так блещущий Ея талант
Души и тела красотою,
Над мрачною налогов мглою [5]
В лучах небесных вознесен,
Туманы, бури презирает
И дни нестройны [6] пременяет
На ясность радостных времен.

[7]

О Ты, пресветлый предводитель
От вечности текущих лет,
Цветущих, дышущих живитель,
Ты око и душа планет,[7]
Позволь ко твоему мне дому,
Ко храму твоему златому,
Позволь, приближившись, возреть.
Уже из светлых врат Сафирных
Направил коней ты Ефирных:
Ржут, топчут твердь, спешат лететь.

[8]

Ты, с новым торжествуя годом,
Между блистающих колес

Библиотека "Руниверс"

Лазуревым пустился сводом,
Течеш на крутизну небес,
Стремясь к приятствам вешней неги,
Одолеваешь зиму, снеги.
Таков Екатеринин нрав:
Народну грубость умягчает
И всех к блаженству приближает
Теченьем обновленных прав.

[9]

Потом сильнейшими лучами
Сияя в большей высоте,
Прольеш источники полями
В цветущих злаков красоте,
Листами увенчаешь лесы,
В кустах кругом младой Цересы
Возбудиш сладкогласных птиц,
Туда растущим сел богатством,
Туда ты привлечеш приятством
Поющих юнош и девиц.

[10]

Екатеринины доброты
Сияли к нам из мрачных тучь,
Но больше тем Ея щедроты,
Чем выше и яснее лучь.
Державы своея весною
К довольству, славе и покою
Обильно сыплет семена,
Печется, ограждает, греет.
О коль богатый плод поспеет
В тебе, Российская страна!

Библиотека "Руниверс"

[11]

Когда с превыспренних несносной
Приближится на землю жар,
То дождь прольеш нам плодоносной,
Подняв, сгустив во облак пар.
Умеришь тем прекрасно лето,
Как сердце Росское нагрето
Екатерининым лучем.
Ты сладостной росой прохладу,
Она щедротою отраду
Подаст и удовольство всем.

[12]

Украсить тщась лице земное,
Ночную сокращаеш тень;
Она о подданных покое
Печется, ночь вменяя в день.
Россияне, народ послушной
Монархине великодушной,
Примером неусыпных пчел
В трудах Царице подражайте
И сладость счастья умножайте
Успехами полезных дел.

[13]

Уже по изобильном лете
Достигнет Солнце, где Весы
Равняют день и ночь на свете,[8]
И следом летния красы
Приспеет по трудах отрада,
Как сладостной из винограда
Потоками прольется сок.
Тогда дыхания способны

Библиотека "Руниверс"

С богатством в пристани удобны
Поставят корабли на срок.

[14]

Я слышу Нимф поющих гласы,
Носящих сладкия плоды,
Там в гумнах чистят тучны класы,
Шумят огромныя скирды.
Среди охотничей тревоги
Лесами раздаются роги,
В покое представляя брань.
Сию[а] Богине несравненной
В избыток принесут осенной
Земля, вода, лес, воздух дань.

[15]

В сии часы благословенны,
Когда Всевышний оградил
Помазаньем Твой верх священный[б, 9]
И славою венца покрыл,
Когда по ожиданьи многом
Снабдил дражайшим нас залогом,
Младаго Павла даровав,
Какого мы добра представить
Не можем и Творца прославить,
Толикия дары прияв.

[16]

На трон взошла Екатерина,
Не токмо чтоб Себя спасти
От бед, что ближила судьбина,

[а] Сию *исправлено Ломоносовым вместо ошибочно набранного* Сие.

[б] священный *исправлено Ломоносовым вместо ошибочно набранного* свящеиный.

Библиотека "Руниверс"

Но чтоб Россиян вознести.
Предвидя общия напасти,
Чем угрожали вредны страсти,
Готова с нами пострадать,
Чрез отменитое[10] Геройство
Себе и нам дала спокойство,
Как истинная чадам Мать.

[17]

Блаженны мы, что Ей послушны:
Покорность наша — к счастью путь!
О вы, страны единодушны,
Согласием едина грудь,
Обыкши жить в Монаршей воле,
Ликуйте: Правда на престоле,
И Ей премудрость приседит,
Небесными блеснув очами,
Богини Нашея устами
Законы вечные гласит:

[18]

«Цветут во славе мною Царства,[11]
И пишут правой суд Цари;
Гнушаясь мерзостью коварства,
Решу нелицемерно при.[12]
Могу дела исчислить задни
И что раждается повсядни;
О будущем предвозвещу;
Мои полезны всем советы;
От чтителей моих наветы,
Предупреждая, отвращу.

[19]

Господь творения начало
Премудростию положил;

Библиотека "Руниверс"

При мне впервые воссияло
На тверди множество светил;
И в недрах неизмерной бездны
Назначил словом беги звездны.
Со мною солнце он возжег,
В стихиях прекратил раздоры,
Унизил дол, возвысил горы
И предписал пучине брег».

[20]

Премудрый глас сей Соломонов,
Монархиня, сей глас есть Твой;
Пребудет твердь Твоих законов
Ограда истины святой.
Он предварил Тебя веками,
Превзойдеш Ты его делами,
В чем власть господствует ума;
По ясных знания восходах
В поверенных Тебе народах
Невежества исчезнет тьма.

[21]

Твой труд — для нас обогащенье,
Мы чтим стеною подвиг Твой;
Твой разум — наше просвещенье
И неусыпность — наш покой.
О Пиндар! Естьлиб в оны веки
Под сею властью жили Греки,
Тоб пел ты о своих Богах,
Что могут завсегда в забаве,
Не мысля о земной управе,
Свой Нектар пить на Небесах.

Библиотека "Руниверс"

[22]

Какие представляет виды
Отрадой восхищенный ум?
Не вы, угрюмые Друиды,
Не мрачной лес, не грозной шум,
Не из дымящейся пещеры
Звереобразны изуверы
Дают глухим вытьем ответ;
Ко мне пророчицы согласны,
Кастальския сестры прекрасны,
С Парнасса льют и глас и свет: [13]

[23]

«Смотри, смотри, внимай, — вещают, —
В обширны Росские края,
Где сильны реки протекают,
Народы многие поя;
Из них чрез гор хребты высоки
Прольются новые потоки
Екатерининой рукой,
Дабы чрез сочетанны воды,
Друг другом пользуясь, народы
Размножили избыток свой.

[24]

Дабы сердец, как струй, союзы
Удобный нам отверзли ход,
Дабы усердныя мы, Музы,
Повсюду приносили плод.[14]
И се Богиня несравненна,
Возлюбленна и просвещенна,
Сияет радостным лицем,
Обитель нашу посвящает

Библиотека "Руниверс"

И дверь ученьям отверзает
Во всем владычестве Своем».

[25]

На полночь кажет Урания:
«Се здесь, сквозь холмы льдов, сквозь[в] град
Руно златое взять Россия
Денницы достигает врат;
Язоны, Тифисы,[г] Алкиды,
В Российской волю Амфитриды
Отдавшись, как в способной ветр,
Препятства, страхи презирают
И счастьем Павловым кончают,
Чево желал великий Петр.[15]

[26]

Озрися на страну десную,
Где напыщенный исполин
Седит и чает, что земную
Рукою держит власть един;
Толстыми окружен стенами
И отдаленными морями,
В ничто вменяет протчей свет,
Не зная, что обширны силы
Без храбраго искусства гнилы,
Каким Европы край цветет.

[27]

Китай, предупреждая бедство,
Не тратя времени, блюдись
Гордыней раздражить соседство

[в] сквозь *исправлено Ломоносовым вместо ошибочно набранного* сказозь.
[г] Тифисы *исправлено Ломоносовым вместо ошибочно набранного* Тифсы.

Библиотека "Руниверс"

И гневу Росскаго страшись.
Бесплодны степи и пустыя
И тучи стрел твоих густыя
Послужат в неизбежной стыд.
И сей послушный наш любитель,
Каков твой бег и победитель,
С Парнасса свету возвестит».[16]

[28]

Сии желания сердечны
Героев дух и суд небес
Исполнит и поставит вечны.
В надежде таковых чудес
Россия оком умиленным
И сердцем, в счастье услажденным,
Какой в восторге кажет вид!
Взирая, как на нежны Крины,
В объятиях Екатерины
Младому Павлу говорит:

[29]

«О ты, цветущая отрада,
О верность чаяний моих!
Тебя родила мне Паллада
Для продолженья дней златых;
О плод Божественныя крови!
Расти, крепись в Ея любови,
Во след трудов Ея взирай;
Как с радостью носить державу,
Хранить свою с моею славу,
Ея примерам подражай.

Библиотека "Руниверс"

[30]

О чада ревностны, усерды,
Славенов в свете славный род,
О корень, верностию твердый,
Владетель многих Царств и вод,
Покрытый орлими крылами,
Украшенный Ея делами,
Чем долг Богине возвратить?
В трудах полезных обращайся,
В сей год и завсегда старайся
Достоинства Ея почтить»

[31]

Талан — высокое рожденье,
Дала натура красоту,
Елисавета — присвоенье,
Как небо — духа высоту,
Планета — быть любезной миру,
Судьба — Корону и Порфиру; [17]
Чтож, Россы, посвятим Ей в дар?
За наш покров, за царство стройно
Что можем принести достойно?
Усердия бессмертный жар!

[32]

Катитесь, счастливы светила,
Во весь Екатеринин век;
Живительная ваша сила
С приятностью Едемских рек,
Вливайся в сердце Ей, и в члены,
И в очи, духом ободренны,
И на прекрасное чело,
Чтоб здравие Ея бесценно
Для нашей пользы беспременно,
Как вечная весна, цвело!

Библиотека "Руниверс"

1764

272

Геройство с кротостью, с премудростью щедроты,
Соединенныя Монаршески доброты
В благоговении, в восторге зрит сей дом,
Рожденным от наук усердствуя плодом.
Блаженства новаго и дней златых причина,
Великому Петру во след Екатерина
Величеством Своим снисходит до Наук
И славы праведной усугубляет звук.
Коль счастлив, что могу быть в вечности свидетель,
Богиня, коль Твоя велика добродетель!

Библиотека "Руниверс"

273

ЕГО СИЯТЕЛЬСТВУ ГРАФУ[a] ГРИГОРЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ ОРЛОВУ, ОТ АРМИИ ГЕНЕРАЛУ ПОРУТЧИКУ, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГЕНЕРАЛУ АДЪЮТАНТУ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ КАММЕРГЕРУ, ЛЕЙБГВАРДИИ КОННАГО ПОЛКУ ПОДПОЛКОВНИКУ, КАВАЛЕРГАРДСКАГО КОРПУСА ПОРУТЧИКУ, КАНЦЕЛЯРИИ ОПЕКУНСТВА ИНОСТРАННЫХ ПРЕЗИДЕНТУ, ОРДЕНОВ СВЯТАГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ, СВЯТАГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО И СВЯТЫЯ АННЫ КАВАЛЕРУ, НА БЛАГОПОЛУЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ИЗ ЛИФЛЯНДИИ ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ОТ СТАТСКАГО СОВЕТНИКА И ПРОФЕССОРА МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА. С РУДИЦКИХ ЗАВОДОВ ИЮЛЯ 19 ДНЯ 1764 ГОДА

Любитель чистых Муз, Защитник их трудов,
О взором, бодростью и мужеством Орлов,
Позволь простерть им глас из мест уединенных[1]
Навстречу, где от стран Богиня оживленных,
Всех щедря и любя, спешит к Невы струям
Отрады обновить, покой умножить нам,
Где Ты усердие и верность к Ней являешь
И, сродно с именем, раченьем возлетаешь,
Предвидиш издали благоугодность Ей,
Минерве, тысящи достойной олтарей.

Куда ни поспешат стопы Ея достигнуть,
Там должно храмы в честь для вечности воздвигнуть.

---

[a] *Отд. изд.* Милостивому Государю Графу *вместо* Графу.

Библиотека "Руниверс"

Лишь только начнется пребыстрых мыслей бег,
Предводит польза их, и следует успех.
Стократно счастливы Ея под кровом нивы;
Где лавры собрал Петр, Она садит оливы.[2]
Возносят грады там в веселии главы;
О как красуетесь, Балтиски бреги, вы,
Тритоны с Нимфами там громко восклицают
И Амфитриты путь Российской прославляют.
Кронштатских вобразив за лето[3] шум валов,
Как радовались те схождению Богов,
Екатерйнину приходу в длани плещут;
Торжественны огни среди недр влажных блещут.
Сугубым ревом там и пеною порог
Стремится к низу, чтя Монарших святость ног.[4]
Противны некогда, но ныне Россам святы,
Ликуют в торжестве Ливонские раскаты.[5]
Крутится веселясь в струях своих Двина,
Отрадой более, как влагою, полна.
Не страшны там отвне[6] грозящи исполины:[7]
Крепит премудрыя рука Екатерины.
Для безопасности обильных Росских недр
Хранит Преемница, что там устроил Петр.

Крепит на западе, в восток распространяет,
Судьба широ́ки где врата Ей отверзает,
Народы многие сыскав, от зла покрыть
И знанием добра и пользы просветить.[8]
Здесь тверды крепости, здесь пристани и флоты,
Прибежище своим и от врагов оплоты.
Снаряды значат все противным страх, не вред,
И в безопасности чтоб мирной был сосед.
В покое богатить Монархиня нас мыслит,
Что общее добро своим довольством числит,
Во всем Отечестве поставить правый суд[9]
И щедро награждать усердных верный труд,

Библиотека "Руниверс"

Любитель чистыхъ Музъ, Защитникъ ихъ трудовъ,
О взоромъ, бодростью и мужествомъ Орловъ,
Позволь простерть имъ гласъ изъ мѣстъ уединенныхъ
На встрѣчу, гдѣ отъ странъ БОГИНЯ оживленныхъ
Всѣхъ щедря и любя, спѣшитъ къ Невы струямъ,
Отрады обновить, покой умножить намъ,
Гдѣ Ты усердіе и вѣрность къ Ней являешъ,
И сродно съ именемъ, раченьемъ возлѣтаешъ,
Предвидишъ издали благоугодность Ей,
Минервѣ, тысящи достойной олтарей.

Куда ни поспѣшатъ стопы Ея достигнуть,
Тамъ должно храмы въ честь для вѣчности воздвигнуть.
Лишь только начнется пребыстрыхъ мыслей бѣгъ,
Предводитъ польза ихъ и слѣдуетъ успѣхъ.
Стократно счастливы Ея подъ кровомъ нивы,
Гдѣ лавры собралъ ПЕТРЪ, ОНА садитъ оливы.

Первая страница отдельного издания Послания Г. Г. Орлову (1764)
Архив Академии наук СССР

Библиотека "Руниверс"

Блаженство подданных возвысить чрез науки,
Наградой ободрять художественны руки,
Спасать несчастливых, счастливых умножать
И быть рабов своих возлюбленная Мать.[10]

Подобно как весны благоприятно время
Живит по всей земли и в море всяко племя,
Владычица красот, натуры щедра дщерь,
Когда богатств своих отверзет только дверь,
Зефиры нежные на воздух вылетают,
Утеху, здравие повсюду разливают,
И пчелы пестрыя сосут в лугах цветы,
Збирая сладостны себе и нам соты́;
Поля, стада, леса дают везде надежду,
Готовя нам покров, и пищу, и одежду;
И все, что видимо в богатом естестве,
Живет и движется в труде и в торжестве.
Неиначе народ в блаженстве успевает,
Что просвещенная Богиня покрывает,
В числе Монаршеских считает вящих дел
Внутрь области снабдить и укрепить предел.

Се слава по путям Ливонским разглашает:
«Монархиня лицем к Петрополю сияет».[11]
В восторге он приняв желаемый сей слух
От чистых Невских струй возводит взор и дух
И Солнца своего приветствует восходу,
Откуду блещет свет Российскому народу.
Желания во всех, как тихих волн игра,
Приемлющих лучи, чистейшия сребра,
Повсюду блещущих от одного светила:
Так действует в сердцах доброт Монарших сила!

Я зрю здесь в радости довольствий общих вид,
Где Рудица, вьючись сквозь каменья, журчит,
Где действует вода, где действует и пламень,[12]

Библиотека "Руниверс"

Чтобы составить мне или превысить камень
Для сохранения Геройских славных дел,
Что долг к Отечеству изобразить велел,[13]
Где Дщерь Петрова мне щедротною рукою
Награду воздала между трудов к покою,[14]
Трудов, что ободрил Екатеринин глас,
И взор жизнь нову влил и воскресил Парнасс! [15]

Он будет сих даров бессмертный проповедник.
А Ты, о храбрых дел отеческих Наследник,
Что знаеш с мужеством приятность сопрягать,
Блюсти Величество и подданных спасать,[16]
Великия дела соединять к отраде,
И Марсу следовать,[17] и угождать Палладе,[18]
Блажен родитель * Твой, таких нам дав Сынов,
Не именем однем, но свойствами Орлов.
Он храбростью Петру усердствовал на брани;
Ты, верны Отчеству распростирая длани,
Екатеринин рок и общей отвратил,[20]
Покой и век златой наукам обновил.[21]
Ликуют Северны страны в премудрой воле,
Что правда с кротостью сияет на Престоле.
О коль прекрасны дни! О коль любезна Власть!
Герой, мы должны в том Тебе велику часть!

* Григорей Иванович Орлов служил Генералом Маиором и потом Новогородским Губернатором с общею от всех похвалою. В бывшую при Государе, блаженныя памяти Императоре Петре Великом, Шведскую и Турецкую войну находился на всех баталиях и за отличную его храбрость и претерпенныя раны почтен был от Государя золотою цепью и портретом Его Величества. Род Орловых происходит от древних дворян Германских из Польской Пруссии.[19]

Библиотека "Руниверс"

274

НА САРСКОЕ СЕЛО

АВГУСТА 24 ДНЯ 1764 ГОДА

Луга, кустарники, приятны высоты,
Пример и образец Едемской красоты,
Достойно похвалить я ныне вас желаю,
Но выше почему почтить, еще не знаю.
Не тем ли, что везде приятности в садах
И нежны Зефиры роскошствуют в цветах?
Или что ради вас художеств славных сила
Возможность всю свою и хитрость истощила?
Или что мещет с вас златая блеск гора,
Откуда видим град Великаго Петра?
Гора, или то дом, Богам земным пристойной,[1]
К отдохновению Величества спокойной?
Всех больше красит сей Екатерина край:
При Ней здесь век златой и расцветает рай.
Она все красоты присудством оживляет,
Как свет добротами и славой восхищает.

Библиотека "Руниверс"

275

СЛОВО БЛАГОДАРСТВЕННОЕ Е[Я] И[МПЕРАТОРСКОМУ] В[ЕЛИЧЕСТВУ] НА ОСВЯЩЕНИЕ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ,[а] ИМЕНЕМ ЕЯ ГОВОРЕННОЕ

Радеть о благоденствии общества, защищать оное прозорливым мужеством, управлять милосердым правосудием, обогащать домостройством и купечеством, просвещать науками, украшать художествами есть великих монархов[б] упражнение, каковаго довольные радостные примеры в двулетное[1] еще только время благословеннаго царствования вашего императорскаго величества оказанныя, ободряют благополучную Россию.

Нынешний день умножает ясныя доказательства неусыпнаго попечения вашего о приращении общих удовольствий торжественным освящением сего важнаго учреждения, простирающагося к украшению Отечества, к увеселению народа, ко введению в России дивных дел, почитаемых издревле от всего света, к похвальному употреблению домашних избытков, к поселению в России[в] трудолюбия и ко всеконечному истреблению невежества.

Коль великаго уважения достойно таковое благодеяние, за которое тем большее должно воздавать благодарение, чем обширнее распространяется пользою! Хотя оную и не всяк[г]

[а] *Зачеркнуто* и основание церкв[и].

[б] *Зачеркнуто* дело.

[в] *Зачеркнуто* к побуждению, к.

[г] *Зачеркнуто* видит.

Библиотека "Руниверс"

ныне[д] объемлет и мыслям представляет,[е] чего со временем ожидать должно, однако просвещенное сие собрание любителей, почитающих искусства, а паче сама сия расцветающая под всемилостивейшим покровом вашего императорскаго величества Художеств Академия изображает ясно и благодарности своея чувствия по достоинству изъявить усердствует, что не токмо слабым моим словом, но ниже самым полным красноречием начертано быть может.

Ибо когда помыслим о само́м великом сем даре, врученном от премудрыя и щедрыя благодетельницы, находим в нем усугубление внутренняго богатства, доброхотным промыслом даннаго в участие возлюбленному нашему Отечеству.

Лишь только посмотрим в пространные пределы обширнаго вашего владычества, везде богатыя[ж] видим материи, которыя из неупотребления в пользу, из грубости в приятность, из простоты в великолепие, из презрения в славу превратить может трудолюбие художеств, вашею монаршескою щедротою питаемых, вашею властию покрываемых и оживляемых люблением вашим.

Архитектурное искусство, напрягая сильныя плечи и обращая великия дерева и тяжкие камни, воз[д]вигнет здания, к обитанию удобныя, для зрения прекрасныя, для долговременности твердыя.

Скульптурнаго художества удобообращательныя мышцы, оживляя металл и камень, представят виды Героев и Героинь Российских в благодарность заслуг их к Отечеству, в пример и в поощрение потомкам к мужес[т]венной добродетели.

Живописныя хитрости зиждительные персты, отменою цве́тов, света и тени возвышая равную плоскость похвальным обольщением[з] зрения, пренесут в настоящее время минувшия

[д] *Зачеркнуто* обнять.

[е] представляет *вместо исправленного* представить. *Зачеркнуто* может

[ж] богатыя *вместо зачеркнутого* обильныя.

[з] *Зачеркнуто* чувства.

Библиотека "Руниверс"

российския деяния показать древнюю славу праотцев наших, счастливыя и противныя обращения и случаи и тем подать наставление в делах, простирающихся к общей пользе.

О коль великое удивление и удовольствие произвести может Россия помощию художеств в любопытном свете, которой едва уже не до отвращения духа чрез многие веки повторяет древния Греческия и Римския, по большой части баснотворныя деяния. Украсятся домы вашего величества и другия здания не чужих, но домашних дел изображениями, не наемными, но собственными рабов ваших руками.[2] Коль сладко вкушение плодов собственнаго насаждения! Коль приятно удовольствие, устроенное своими трудами!

И сие о великости благодеяния вкратце, посмотрим же, кому оное оказано? Российскому народу, народу остротою понятия, поворотливостию членов, телесною крепостию, склонностию к любопытству, а паче удобностию к послушанию перед протчими превосходному. Никто в сем не усумнится, кто[и] оглянется на минувшее время нынешняго столетия от начавшагося просвещения Петрова и рассудит,[й] чему Россияне перед прежним научились. Подробно все исчислить краткость сего слова не позволяет. Посмотрите, посмотрите на все многоразличныя ремесленныя искусства и фабрики, коих требуют тмочисленныя[к,3] новоучрежденныя Российския войски, на разных морях флоты и пристани, отменныя гражданския учреждения и строения; посмотрите на сию новую Российскую столицу. Не ясно ли воображаете способность нашего народа, толь много предуспевшаго во[л] время, едва большее половины человеческаго веку?

Но все его учение в художествах происходило токмо по требованию нужных дел, как оныя случались, не по расположенному порядку надлежащаго правильнаго учения, не по наставлениям нарочных и самых искусных учителей, без предводи-

[и] *Зачеркнуто* обозрит.

[й] рассудит *вместо зачеркнутого* посмотрит.

[к] *Зачеркнуто* войски.

[л] *Зачеркнуто* но все его учение.

Библиотека "Руниверс"

тельства славных примеров, без[м] строгаго надзирания в исправности и прилежании, без надежнаго ободрения награждениями и без отменнаго покровительства высочайшия монаршеския десницы. Не изображаю здесь препятствий, происходивших от зависти учащих и от опасения, чтобы искусство их в России неразмножилось, неунизилась бы плата и приобретение бы их неумалилось.[4] Чтож мы и какого плода чаять можем, когда матерним попечением вашего Императорскаго величества соединится острое понятие с независтным наставлением,[н] с довольством славных образцов рачительное внимание, с прилежностию надзирание, с охотою награждение, с надеждою покровительство? Что таковому учреждению следовать долженствует? Не иное что, как божиим благословением поспешествованные вожделенные успехи, возвышающие народ Российский на высочайшую степень благополучия и славы, на которой поставлен быть достоин.

Уже важность толь полезнаго дара увеличенную видим достоинством принимающаго, но коль несравненно больше украшается оный и возвышается величеством подающия, коея благонамеренныя предначинания вливает любовь к подданным, предводит премудрость, управляет прозорливость, укрепляет непоколебимость сердца, споспешествует благодать свыше.

Красуйся, новонасажденный в России сад художественных произращений, о своей августейшей покровительнице в безопасности, в довольствии, в радости. Небойся никакова поколебания: утверждает твои основания содержащая великую часть света. Неопасайся хитростных нападений от зависти: отвращает их щитом своим премудрая Российская Минерва. Непекись о довольстве: снабдевает тебя богиня, которой великия и обильныя земли и моря посвящают свои достатки в приношение. Ликуй и веселись о настоящем благоденствии и в[о] незыблемом

[м] *Зачеркнуто* прилежнаго.

[н] *Зачеркнуто* рачительное внимание.

[о] *Зачеркнуто* тверд[ом].

Библиотека "Руниверс"

уповании будущаго блаженства: умеет наградить достойные труды правосудная и щедрая Государыня, ведая, что все то дарует отечеству, что воздает трудящимся для пользы и славы отечества.

Всякаго дара, всякаго благодеяния цена и достоинство уважается еще и временем.[п]

Народ Российский, приемлющий сей великий дар от щедрот вашего величества, никогда не мог приличнее быть обогащен оным, как в течение вашего[р] века, когда Россия, распространяясь широко по вселенной, прославясь победами, доказавшими преимущество в храбрости и самым высокомысленным сопостатам, поставив свои пределы в безопасности и привлекши к себе прилежное внимание окрестных народов, яко важнейший член во всей европейской системе, требует величеству и могуществу своему пристойнаго и равномернаго великолепия, каковаго ниоткуда приобрести невозможно, как от почтенных художеств, вашим монаршеским благоволением к распространению утверждаемых и снабдеваемых.

Наконец, рассуждая место сего учреждения, возможноли представить другое[с] пристойнее и удобнее сего великаго и прекраснаго города во всем Российском государстве. Вопервых, примечая состояние сего места, находим, что пользуемся великим доброхотством натуры, которая на востоке распространяет[т] великия через целое отечество реки для сообщения с дальными асийскими пределами,[5] кое природное дарование усугубить тщится ваше величество разными соединениями[у] водянаго пути к несказанной пользе сея преславныя столицы и пристани.[6] На

[п] *Зачеркнуто* ‹в рассуждении подающаго и обстоятельствам приемлющаго› ‹когда таковое благодеяние› рассуждая по надобности или по приличности.

[р] вашего *вместо зачеркнутого* нынешняго.

[с] *Зачеркнуто* в России.

[т] распространяет *вместо зачеркнутого* ‹проливает› источает.

[у] соединениями *вместо зачеркнутого* сообщениями.

Библиотека "Руниверс"

западе разливается море, отверзая ход[ф] во все страны вечерния. Обое служит к соединению внутренних и внешних избытков.

Главную потребность[х] содержания человеческой жизни, воду, источает природа чистую и здоровую невскими струями, собрав прежде оную в ладожския недра, от стекающихся быстрых рек внесенную мутность[ц] на дно ниспуская[ч] и отливая предосторожно, якобы через край несколько принаклоненнаго сосуда, отделяет[ш] для нашего употребления прозрачнейшую часть благорастворительныя стихии. Воздух движется ветрами по большой части с прилежащаго от Запада моря, якобы с намерением — для умягчения зимних морозов и для прохлаждения летняго зноя, и обще стремлениями своими рассыпает пары, из сырых мест восстающия, и приносит сверх всего корабли в Отечество наше с довольствами. Ровную и нискую земли плоскость подостлала натура, как бы нарочно, для помещения гор, рукотворенных для доказания исполинскаго могущества России, ибо хотя нет здесь натуральных возвышений, но здания огромныя вместо их восходят. Взирая на великолепныя Монаршеския домы и при них знаменитых богатых особ, подумать можно, что здесь обитают многих держав владетели. Распростертыя рядом по главным берегам невским и меньших протоков[щ] государственныя[ъ] и обывательския[ы] палаты каким великолепием восхищают зрения, усугубляя красоту в струях спокойных изображением, пресекающимся[ь] то от волнения, то от плавающих многочисленных судов разнаго рода, отнимающих любезное[э]

ф ход *вместо зачеркнутого* путь.

х потребность *вместо зачеркнутого* часть

ц *Зачеркнуто* устоялись.

ч ниспуская *вместо зачеркнутого* отделяя. *Зачеркнуто* прозрачную [*одно слово нерзб*] часть и отливая.

ш *Зачеркнуто* уступает прозрачную стихию.

щ протоков *вместо исправленного* проливов.

ъ государственныя *вместо зачеркнутого* <публичныя> казенныя.

ы *Зачеркнуто* каменныя.

ь *Зачеркнуто* иногда.

э любезное *вместо зачеркнутого* приятное.

Библиотека "Руниверс"

мечтание на время, якобы для увеличения приятности и смотрящих жадности. Взойдет кто на высокое здание, увидит, кругом осматривая, якобы плавающия[ю] на водах домы[я] и токмо разделенныя прямыми линеями,[а] как бы полки, поставленныя урядными[7] строями. При сем каналы, сады, фонтаны, перспективы в самом городе и в увеселительных домах, окрест его лежащих.[6] Церквей благоговейное множество, хотя числом старинной столице уступает Петрополь, но красотою превосходит. Она древностию благороднее, сей новостию счастливее, чуднее скорым возращением, основателем преславнее.[8] Оживление сего прекраснаго места от множества разных обывателей и гостей, невидав, по слуху всяк уже изобразить может, когда представит разные чины, разныя мастерства и торги[в] и стечение разноплеменных народов и языков, чего толь великий город, чего купечество, пристань, училища, сухопутное войско, флот, судебныя места, посольства, само и царство требует. Соответствуют сему многоразличныя народныя увеселения и удовольствия своими переменами по местам[г] и по временам года. По вступлении весны выезды в увеселительные домы,[д] приход кораблей с довольствиями, летание по открытым водам судами, где зимою по твердым хребтам их стремились быстрым конским течением. Препятственны сообщению, но не без приятности суть два обыкновенныя в году позорища: скрытие и отверстие рек,[е] обтекающих и напаяющих град сей, многих зрителей на береги привлекают. Чтож в сердцах производят звучныя обучения полков[ж] и торжественных дней изъявление пальбою? Что огненныя по оным

[ю] плавающия *вместо зачеркнутого* островы.

[я] *Зачеркнуто* и из кораблей иных корабли водой ‹и движу[тся?]› разделяются.

[а] *Зачеркнуто* на квадратныя ча[сти] и как в строй поставленныя

[б] *Зачеркнуто* Петергоф украшение Сарское Село.

[в] торги *вместо зачеркнутого* промыслы.

[г] по местам *вместо зачеркнутого* по случаям.

[д] *Зачеркнуто* первой.

[е] рек *вместо зачеркнутого* вод.

[ж] *Зачеркнуто* молодово дворянства.

Библиотека "Руниверс"

ночам представления и блистания? Что в монаршеских чертогах увеселения? Все сие разве тех неповосхищает, кои пользоваться неумеют своими чувствами![9]

Сие благословенное обитание Российскаго величества, Петром избранное, основанное, укрепленное и потомками, паче же дщерию его распространенное и украшенное, коль великою[з] радостию объемлется, взирая на торжественное начало, к совершенному своему украшению полагаемое, и представляя, коль пресветлыми монументами своего Основателя, Его Дщери[и] и наконец изображениями Геройских дел вашего величества возвеличен и превознесен будет перед протчими городами в поднебесной.

Счастлив, кто благодетельствовать может, счастливее, кто благодеяния оказывать умеет, пресчастлив, кто благодетельствует сердцем благодарным. Божественный промысл,[й] поручив вашему величеству многочисленные народы,[к] сотворил пространное поле милосердием удобрить оное, насеять щедротами, согревать призрением, орошать благотворениями и возрастить общее удовольствие. И ваша человеколюбивая природа[л] преклоняется всегда ко благодетельству, радение о пользе превлекает, и благорассудная прозорливость открывает и указывает, где и каковым благодеянием помогать подданным. Благодарность их несумнительна и тем вяще возрастет, чем чувствительнее окажется возрастающая польза, каковую обещает сие прехвальное учреждение.

Приносят, во первых, вашему величеству усерднейшую жертву всеподданническаго благодарения трудившиеся и ныне трудящияся в начинании и в приращении сего здания, радуясь о бес-

---

[з] *Зачеркнуто* благодарение приносить должно вашему высокоматернему ‹попечению› попечению за толь великое новое свое украшение.

[и] *Зачеркнуто* и вашего величества.

[й] Божественный промысл *вместо зачеркнутого* Божие благосмотрение.

[к] *Зачеркнуто* в ваше послушание и под[д]ан[ство].

[л] *Зачеркнуто* и ‹неусыпное› сердечное радение, и неусыпное попечение, и благорассудная прозорливость.

Библиотека "Руниверс"

прикладных монаршеских щедротах, что усердное их рачение и патриотическое усердие укрепляется и возрастает оказанием толь великаго вашего благоволения и снисхождения. Сообщает и все Академии собрание своего крайняго удовольствия чувства за толикия данныя им преимущества и[м] в трудах покой и безмятежие. Приносит благодарение и сия великая столица, царствующий град ваш, за новое свое украшение[н] торжественными изъявлениями своея радости, коим соответствует целое Отечество, преславное владычество ваше. Принесут неумолчное благодарение и будущие роды, вкушая сладкия плоды вашего насаждения. Принесут благодарение и призренные ныне вашим милосердием[о] младенцы во свое время, ибо смотря на свое благополучное состояние и[п] представляя рождения своего неблагополучие,[10] скажут: «По недоброхотной судьбине родились мы в бедности и воспитание наше подлежало по порядку нашей доли[р] нужному происхождению, но мы тщивостию Всемилостивейшия нашея Питательницы нечувство[ва]ли, что есть нужда, невидели скудости, воздыхания и слез маломочных родителей наших. И когда протчие наши сверстники наготу, голод и холод претерпевали и, лишаясь всякого наставления и добрых примеров, возрасли бы в подлости почти безполезными обществу, на против того, без попечения о наших потребах воспитаны мы в благородных поведениях, в полезных отечеству наставлениях и ныне уже обращаемся в сообществе людей честных и знаменитых, как нужные члены государства». За все сие должны по бозе признавать[с] и приписывать высокоматернему Екатерининy попечению и щедроте. Велико есть увеселение[т] в жизни обращать умное зрение на действия своих добродеяния, видеть от них

[м] *Зачеркнуто* неуспокоение в.

[н] *На полях написано* Мы препроводили младенчество без печали.

[о] *Зачеркнуто* бедные.

[п] *Зачеркнуто* зная свою бывшую сиротства беду.

[р] *Зачеркнуто* бедному.

[с] *Зачеркнуто* свое благополучие.

[т] *Зачеркнуто* слышать истинную благодарность.

Библиотека "Руниверс"

общую пользу и удовольствие, видеть счастие состоящих под своею рукою и видеть радостныя их лица, и слышать благодарственныя гласы, каковыя от истинной ревности сия Академия Художеств вашему И[мператорскому] в[еличеству] особливож на пресветлое сие Государственное торжество вашего на всероссийский престол венчания, сиречь на священнейшую главу вашу снисхождения божественныя благодати, которая, ограждая от всех налогов необоримою силою,[у] да сохранит и продолжит нам в дражайшей особе вашей[ф] удовольствие сердец наших, венчанную добродетель,[х] соединение правосудия с милосердием,[ц] процветание наук и художеств, украшение Российскаго престола, удивление вселенныя, целость и тишину всего отечества.

[у] *Зачеркнуто* пребудет вам стена к.

[ф] *Зачеркнуто* удовольствие сердец наших, венчанную добродетель, украшение Российскаго престола, покров наук и художеств, удивление вселенныя, целость и тишину всего отечества.

[х] венчанную добродетель *вместо зачеркнутого* защитницу правосудия.

[ц] *Зачеркнуто* паки возращения.

Библиотека "Руниверс"

276

Divino Favente Numine, Auspicante, praesente Augusta Catharina II Locata sunt fundamenta Academiae Artium Liberalium Petropolitanae nec non fani d. Ioh. Damasceno dicati A. C. MDCCLXIV.

Божиим благословением, споспешествованием[а] высочайшаго повеления[б] и присудствия[в] Всепресветлейшия, Державнейшия, Великия Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны Второя, Самодержицы Всероссийския, положены основания Санктпетербургской Императорской Академии Почтенных Художеств и купно церкви Преподобнаго Отца нашего Иоанна Дамаскина.

Лета Господня 1764,
месяца день[г]

[а] *Первоначальное* споспешествующим *переправлено рукой Ломоносова на* споспешествованием.

[б] *Первоначальное* высочайшим повелением *переправлено рукой Ломоносова на* высочайшаго повеления.

[в] *Первоначальное* присудствием *персправлено рукой Ломоносова на* присудствия.

[г] месяца день *приписано рукой Ломоносова.*

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СТИХОТВОРЕНИЯ ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ЛОМОНОСОВУ

1742 — 1761 гг

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

1742

277

Творец всех, неба и земли,
Услыши верной глас Науки!
Нестройный Марсов мечь растли,
Подай Сам Жезл покоя в руки,
Да правит тем Августа всех,[а]
Да зрит на весь восток в успѣх.
Пусть спеют жатвы в день надежный,
И в море нам покой живет,
Когда по нем карабль плывет.[б]
При том дай Музам плод полезный.

[а] *Рук. вместо стихов 3—5·*

Грозящий Марсов мечь возми,
А Скипетр дай Августе в руки.
Да правит тем покойно всех.

[б] *Рук. вместо стихов 8—9*

А смел купец товар везет,
Как ветр по морю к нам несет.

Библиотека "Руниверс"

1747

278

Молчите, струйки чисты,
И дайте мне вещать.[а]
Вы, птички голосисты,
Престаньте воспевать![б]
Пусть в рощах раздаются
Плачевные слова!
Ручьями слезы льются,
И стонут дерева.[в]

Ты здесь, моя отрада,[г]
Любезной пастушок,

[а] *Сел., БЛ*

И дайте мне вздыхать.

ИМ

И дайте воздыхать.

ГПБ ошибочно

И дайте мне воздыхать.

[б] *БЛ, ИМ, ГПБ*

Покиньте воспевать.

[в] *Сел.*

И стонут древеса.

ИМ

И тонут древеса.

[г] *Сел., БЛ, ИМ, ГПБ*

Здесь ты, моя отрада.

Библиотека "Руниверс"

Со мной ходил от стада[д]
На крутой бережок.[е]
Я здесь с тобой свыкалась
От самых лет младых
И часто наслаждалась
Любовных слов твоих.[ж]

Уж солнышко спустилось
И село за горой,
И поле окропилось
Вечернею росой.
Я в горькой скуке трачу
Прохладные часы
И на едине плачу,
Лишась твоей красы.

Целую те пруточки,
С которых ты срывал
Прекрасные цветочки
И мне пучки вязал.
Слезами обливаю[з]
Зеленые листы,
В печали презираю
Приятные плоды.[и]

[д] *БЛ*

Со мной ходил до стада.

[е] *Сел.*

На дальной бережок.

БЛ, ИМ, ГПБ

На желтой бережок.

[ж] *ИМ, ГПБ*

Любезных слов твоих.

[з] *Сел., ИМ*

Слезами обмываю.

[и] *ГПБ*

Приятныя кусты.

Библиотека "Руниверс"

Я часто вижу власно
Тебя во древесах,[й]
Бегу туда напрасно,
Хочу обнять в слезах.[к]
Но только тень пустая[л]
Меня нещастну льстит.[м]
Смущаюся, теряя
Приятной мне твой вид.

Лишь только ветр листами
Тихонько потрясет,
Я тотчас меж кустами
Тебя ищу, мой свет.[н]
От всякой перемены
Всечастно я крушусь
И, муча слабы члены,
На каждой слух стремлюсь.[о]

[й] *БЛ, ГПБ*
Тебя при деревах.
ИМ
Тебя при деревьях.

[к] *БЛ, ГПБ*
Облившись вся в слезах.

[л] *ИМ*
Но токмо темь пустая.

[м] *Сел. ошибочно*
Меня часто лстит.
БЛ, ГПБ
Меня бещастну лстит.

[н] *ИМ*
Тебя, мой свет, ищу.

[о] *ИМ*
На каждой луг стремлюсь.

БЛ, ГПБ стихи 41—48 отсутствуют.

Библиотека "Руниверс"

1755

279

ПРАВДА НЕНАВИСТЬ РАЖДАЕТ

Какая красота теперь себя являет?
Какою святостью мой разум восхищает?
Коль светел и коль чист от ней блистает лучь,
Дерзает против бурь, дерзает против тучь?
Богиня по всему и тишину приводит,
Во чреве носит плод и с оным к нам приходит
И час уж наступил, и время ей родить,
Прекрасное дитя нам, смертным, подарить.
Но коль ужасное чудовище родилось!
Зубами заскрипев, на матерь устремилось.
Не так свирепствует презлобной крокодил,
Котораго питал в себе великий Нил.
Не так несытой волк на пасству нападает,
Как правду ненависть рожденная терзает.
О Правда, ты наш свет, ты солнечной восход.
Возможноль, чтоб тобой рожден был сей урод?
Ты дщерь Всевышняго, ты добрых дел Царица.
Но полон скверны плод! Бесчастна роженица!

Библиотека "Руниверс"

280

САТИРА Г[ОСПОДИНА] ЛОМ[ОНОСОВА] НА ТРЕД[ИАКОВСКОГО][а]

Что за дым
По глухим
Деревням курится?
Там раскол —
Дно крамол —
В грубости крутится.[б]
Середи тово гнезда
Поднятая борода:
Глупых капитанов[1] флаг
Дал к соборищам их знак.[в]

Все спешат,
Все кричат:
«Борода святая!
Мы с тобой,
С дорогой,
В рай идем, пылая.
Ты нам мера и закон,[г]
Ты обедня и трезвон.

[а] *Каз. Реестр* Лом[оносов] Сатира на Тред[иаковского]; *Бычк.* Ода Тресотину.

[б] *Бычк.*
В грубости крепится.

[в] *Бычк.*
Дал и соборищам их знак.

[г] *Бычк.*
Ты нам вера и закон.

Библиотека "Руниверс"

О апостольская сеть![2]
Ради мы с тобой сгореть».

Кто зажог?
Лжепророк.
Из какого лесу?
Он один,
Тресотин,[5]
Сердцем сроден бесу.
Он — безбожной лицемер,
Побродяга, суевер,[д]
Он предерзостью своей
Ободрил бородачей.

Оным в лесть,
Добрым в честь[е]
Понося, терзает
И святош
Глупу ложь
Правдой объявляет.
Толькож, угождая им,
Мерзок бредом стал своим;
И, хотя чтить праотцов,
Он почтил отца бесов.

Огленись,
Веселись,
Адская утроба!
Твой комплот,[4]
Скверной род,[ж]
Возстает из гроба.

[д] *Бычк.*
Побродяга, изувер.

[е] *Бычк.*
Добрых в честь.

[ж] *Бычк. вместо стихов 44—45*
Твой камлот.

Библиотека "Руниверс"

Образ твой — Геростpад [з]
Храм зажечь парнаски[й] рад;
Ад готов тебе помочь
День затмить так, как ночь.[и, 5]

Братец твой
Керженской
Адским углем пышет,[й]
Как пес, зол,
За раскол
На святыню дышет,
На российскаго Христа
Отпер срамныя уста;
К защищению бород
Злой к тебе валится зброд.

Ах, как рад
Пустосвят [6]
Для того разпопа,[7]
Что в тебе,
Как в себе,
Видит злу холопа.[к]
И Аввакум протопоп
Поднял лысину и лоб,
Улыбаясь, на тебя
Смотрит, злость твою любя.

Что за гам?
Волаам,

[з] *Бычк*
Образец твой Геростpад.

[и] *Бычк.*
День наук затмить, как ночь

[й] *Бычк. вместо стихов 52—53*
Таллецкой
Адским углем пишет.

[к] *Бычк.*
Видит злость холопа.

Библиотека "Руниверс"

Июда, Каияфа,
Чю! кричат:
«Эй! наш брат,
Ты небойся штрафа».
И от тартарскаго дна
Сам поднялся сатана;
Он поджог тебя назло.
За свое мстит помело.

Нуж, хватай
Поскоряй!
Нетеряй минуты!
Тешся так,
Как и сам,[л]
В пляску, в валку, в жгуты!
Как Петрил тебя катал
И Балакирев гонял.
Все ревут тебе: «Кураж,
Тресотин, угодник наш!»

Лжесвятой
Керженской!
Как тебя прославить?[м]
Как почтить?
Чем кадить?
Что тебе поставить?
Вместо ладану и свечь,
К бородам тебя сожечь;[н]
Чтобы их поганой смрад
Был горчае, как сам ад.

[л] *Бычк.* Как Исаак.

[м] *Бычк.* Как прославить.

[н] *Бычк* В бородах тебя сожечь.

Библиотека "Руниверс"

1757

281

ГИМН БОРОДЕ ЗА СУД[а]

1

Не Парисов суд з богами,
Не гигантов брань пою,
Бороде над бородами[6]
Честь за суд я воздаю,
Бороде, что тех судила,[в]
Коих ненависть вредила
Посмеянием своим
И ругаясь явно им.[г]
О брада, что для покою
Там сидишь, где все стоят,[1]

[а] *Каз.* Сочинение Сумарокова; *Бычк.* Суд бородам; *Барк.* Гимн второй бороде; *Ш* Гимн 2.

[6] *Пек.*
Бороду над бородами.

[в] *Барк.*
Бороду, что тех судила.

[г] *Барк., П*
И ругались явно им.

Библиотека "Руниверс"

Чешишся чужой рукою,[2]
Вокруг тебя всегда кадят! [д]

2

Бороде все покланялись,[е]
Бороду за старость чли;
Тут перед нею показались
Разных тмы бород вдали.[ж]
Первая к ней приступила [з]
И, разширясь, говорила:
«О защита бородам!
Припадаю я к стопам».[и]
О брада, что для покою...

3

Так брада возопияла,
Растрепавшись, пред судьей:
«Ненависть на нас возстала
Дерзской наглостью своей;
Брадоборец неотложно
Говорит, что есть безбожно
Почитать наши чины

[д] *Ш*

Вокруг тебя везде кадят.

Припев повторяется после каждого четверостишия.

[е] *Ш*

Бороду все почитали.

[ж] *Ш*

Разных тма бород в дали.

[з] *Ш, П*

Первая к ней подступила.

[и] *Каз., Бычк., Ш*

Дай совет и суд ты нам.

Дай совет и суд ты сам.

Библиотека "Руниверс"

Тем, что мы некрещены».[й]
О брада, что для покою...

4

Толко речи окончала[к]
Борода пред бородой,
Издалека подступала
К ним другая чередой,[л]
С сердца вся почти дрожжала,[м]
Издалека заворчала[н]
Сквозь широкия усы,
Что ей придало красы.
О брада, что для покою...

5

«Я похвастатца дерзаю,
О судья наш, пред тобой:
Тритцать лет уж покрываю[о]

[й] *Барк. вся строфа отсутствует.*

[к] *Барк., П*
Только речь ту окончала.

[л] *Ш вместо стихов 27—28*
Там другая подступала
Борода к ней чередой.
Каз.
Тут другая чередой.
Бычк., П
К ней другая чередой.

[м] *Q, Сел. ошибочно*
От сердца вся почти дрожжала.

[н] *Ш*
Издалеча заворчала.

[о] *Барк., П*
Тритцать лет уж накрываю.

Библиотека "Руниверс"

Брюхо толстое собой.
Много я слыхала злова,
Но ругательства такова [п]
Неслыхала я нигде,
Что нет нужды в бороде!»
О брада, что для покою...

6

После той кричит сквозь слезы [р]
Борода вся в сединах,
Что насилу ис трапезы
Поднялась на костылях:
«Сколко лет меня все чтили,[с]
Все меня всегда хвалили;
А теперь живу в стыде.[т]
Сносноль старой бороде?» [у]
О брада, что для покою...

7

Множество бород ходили
Друг за другом пред судью
Все отмщения просили
За обиду им свою:
Та служила многи годы,

[п] *П*

Наругательства такого.

[р] *Ш*

После ей кричит сквозь слезы.

[с] *Ш*

Все меня за старость чтили.

[т] *Ш*

Я теперь живу в стыде.

[у] *Ш в строфах 5—6 другая последовательность стихов, а именно: стихи 41—44, 33—36, 45—48, 37—40.*

Библиотека "Руниверс"

Та запомнит все походы,
Та умеет всех учить.
Как за них неотомстить! ф
О брада, что для покою...

8

Наконец тут слышны речи х
Бороды еще одной,
Что, судье взвалясь на плечи, ц
Шепчет в ухо з бородой.
Что две бороды шептали?
Говорят, что отгадали. ч
О жестокой суевер!
Что поставил им в пример. ш 3
О брада, что для покою...

9

Тут уже нестало мочи
Бороде хулу сносить; щ

ф *Ш стихи 49—56 отсутствуют.*

х *Каз., П*
Наконец чуть слышны речи.

Ш
После этой слышны речи.

ц *Бычк.*
Что к судье, взвалясь на плечи.

Ш
Что взвалясь судье на плечи.

ч *Ш*
То отмщения искали.

ш *Бычк.*
Что поставил нам в пример.

П
Что поставил им пример.

щ *П, Ш*
Бороде хулы внимать.

Библиотека "Руниверс"

Возводя на небо очи,[ъ]
Стала во слезах просить,[ы]
Чтоб ей помощи послало
Притупить клеврет всех жало.
Но какую казнь сыскать,
Брадоборца наказать?
О брада, что для покою...

10

Борода над бородами,
С плачем к стаду обратясь,
Осеняла всех крестами
И кричала разсердясь: [ь]
«Становитесь все рядами,
Вейтесь, бороды, кнутами,
Бейте ими сатану;
Сам ево я прокляну!»
О брада, что для покою...

11

О, какой же крик раздался [э]
От бород сердитых тут;
Ус с усом там в плеть свивался,
Борода з брадою в кнут; [ю]

[ъ] *П*

Возводя на него очи.

[ы] *Ш*

Начала всех осенять.

[ь] *Ш стихи 69—76 отсутствуют.*

[э] *Барк., П*

Ах, какой же крик раздался.

[ю] *Q, Каз., Бычк., П ошибочно*

Борода з бородою в кнут.

Сел. ошибочно

Борода с бородой в кнут.

Библиотека "Руниверс"

Тамо сеть из них готовят,
Брадоборца чем уловят;
Злобно потащат на суд
И усами засекут! [a]
О брада, что для покою...

[a] *Ш стихи 81—88 отсутствуют.*

Библиотека "Руниверс"

1759

282

Пчела, трудяся в том, чтоб ей составить мед,
С приятных и худых цветов в состав берет.
Желая, чтоб в трудах пчелам мы подражали,
Чужия зришь труды не в радости, в печали.
С печали сам начав твой ныне новый труд
И по забыл, что ты забавной в свете шут.

Библиотека "Руниверс"

1761

283

НЫНЕ[а] УПОТРЕБЛЯЕМОЕ САКСОНСКИХ КРЕСТЬЯН «ОТЧЕ НАШ»[б]

Солдат, как скоро в дом вступает,
Хозяина тут призывает:[в] . . . . Отче
Имение и весь твой дом
Теперь стал не твой уж он.[г] . . . наш,
Молчит крестьянин, размышляет
И внутренно ево ругает . . . . . иже еси
Счас[т]ливой век наш перервался,
Помощник нам один остался . . . на небеси,
У нас злодеев есть безмерно,[д]
И нет достойнаго в них верно[е] . . да святится
Что все народы почитают,

[а] *Q, Бычк. отсутствует.*

[б] *Бычк. Регистр* Отче наш саксонских крестьян.

[в] *O*

Хозяина он призывает.

[г] *Бычк.*

Теперь стал не свой уже он.

[д] *O, Бычк., Q*

Число злодеев есть безмерно.

[е] *Q*

Иметь достойнаго в них верно.

Библиотека "Руниверс"

Они, о Боже, раздражают . . . . имя твое,
Лишенным щастия, покою
Спасение твоей рукою[ж] . . . . . да приидет
Когда тобой не защитится,
Разграбится и раззорится . . . . царствие твое,
Когда злодеев смерть постигнет,
Избавленной народ воскликнет: . . да будет воля твоя,
Напастей, бед совсем лишася,
Все будем жить мы веселяся . . . яко на небеси
Отколь животныя взялися?
Не с неба ль сшедши, развелися . и на земли,
Своим все наше почитают,
И с жадностью из рук хватают[з] . хлеб наш насущный
Крестьянин,— всяк из них кричит,—[и]
Чтоб было нам что есть, что пить! . даждь нам днесь,
Коль подати тебе, царю нещастной,[й]
Не заплатим в сей год ужасной . . остави нам
Теперь нам всем не до тебя:[к]
Платить нет сил и за себя . . . долги наша,

ж *О*

Спасения твоею рукою.

Бычк.

Спаси нас твоею рукою.

з *О*

И з жадности из рук хватают.

и *О*

Крестьянин, — всяк от них кричит.

Q ошибочно

Крестьянам всякой из их кричит.

й *Q ошибочно*

Коль подать тебе, царь несчасной.

Бычк.

Коль подать тебе, принц, несчастной.

к *Бычк. вместо стихов 28—29*

Не заплатим мы в сей год ужасной.
Теперь нам не до тебя.

Библиотека "Руниверс"

Противники владеют нами
И с нашими живут женами . . . яко же и мы
Хоть в сердце злобу к ним имеем,
Но в том запретить им не смеем . оставляем
Гостей несносных мы имеем,
Пусть чорт их в ад сведет к злодеям[л] должником нашим,
Пусть будет скот наш в их угодность;
Самих, о Боже, в ту же должность[м] не введи нас
Жен наших и дочерей отняли,
Чрез них они введенны стали . . во искушение,
Всесильный, не оставь нас, бедных,
Между людей жестоко вредных,[н] . но избави нас
Спаси нас, часть нашу исправи,[о]
Помилуй, свободи и избави[п] . . . от лукаваго.
Чтоб все солдаты провалились
Или на Турков устремились[р] . . Аминь.

[л] *O, Q*

Пусть чорт всех их сведет к злодеям.

Бычк.

Пусть чорт во ад их введет к злодеям.

[м] *O, Q*

Самим к ним, боже, в ту же должность.

Бычк.

Определи их, боже, самих к нам в ту должность.

[н] *Q*

Между людей жестоких, вредных.

[о] *Бычк.*

Спаси нас и часть нашу исправи.

[п] *O*

Помилуй, свободи, избави.

[р] *Бычк.*

Иль к варварам устремились.

Библиотека "Руниверс"

ПРИЛОЖЕНИЯ

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ОТ РЕДАКЦИИ

Восьмой том «Полного собрания сочинений» М. В. Ломоносова содержит его поэтические произведения, оригинальные и переводные, ораторскую прозу, за исключением вошедших в предыдущие томы научных речей, а также все те стихотворные и прозаические сочинения, которые он объединял общим названием «надписи», т. е. стихи для иллюминационных транспарантов и составляющие с ними неразрывное целое прозаические проекты иллюминаций, стихи для придворных маскарадов, надписи к памятникам и статуям, надписи для мемориальных досок и эпитафии.

Поэзия Ломоносова, как только она стала известна в России, была встречена восторженно и очень скоро создала ему громкую славу, которая как при жизни его, так и на протяжении многих десятилетий после его смерти превосходила его ученую славу. Однако с первых же своих шагов Ломоносов-поэт натолкнулся и на хулителей. Их было несравненно меньше, чем поклонников его творчества, но среди них были такие авторитетные знатоки стихотворного дела, как Тредиаковский и Сумароков, и поднятые ими споры, не утихнув после их смерти, а только изменив с годами свое содержание, оказались не менее живучи, чем поэтическая слава Ломоносова. В самом деле, ничьи, пожалуй, стихи не вызывали у нас таких разноречивых оценок, как ломоносовские. Отзвуки более чем двухвековых разногласий бывают слышны временами и в наши дни.

Библиотека "Руниверс"

Едва ли не наиболее спорным оставался долгое время вопрос о том, чем была для самого Ломоносова его поэзия и какое место занимает она объективно в ряду других плодов его разнообразнейшего творчества. В первые десятилетия после смерти Ломоносова преобладало мнение, что не наука, а поэзия была его главным призванием, и встречалось много «воздыхающих о том, что сей великий разум был ко всему удобен и разделял время свое между всеми отраслями наук, к ущербу письмен», т. е. стихотворства.[1] Только единичные, по-видимому, ценители Ломоносова судили в то время иначе и считали, что «к прелести знания» он был более «чувствителен», чем к «пленяющему согласию стихов».[2] Но к концу первой четверти XIX в. положение изменилось, и мнение, господствовавшее в предыдущем столетии, стало достоянием одних лишь «архаистов». Когда их представитель, В. М. Перевощиков, выступил в печати с заявлением, что Ломоносов только «по должности и, как сам он говорил, для успокоения от трудов занимался химиею, физикою, металлургиею, мозаикою, даже заведением бисерной фабрики, но главные его упражнения были феория словесности, поэзия, красноречие, язык и история российская»,[3] то Пушкин дал Перевощикову внушительную отповедь: «Науки точные были всегда главным и любимым его [Ломоносова] занятием; стихотворство же иногда забавою, но чаще должностным упражнением».[4] Впоследствии, в жару полемики с эпигонами ломоносовского стиля, Пушкину случалось высказываться на этот счет еще резче и утверждать, что «Ломоносов сам не дорожил своею поэзиею»,[5] однако же в последний год жизни, когда, по словам Пушкина, уже «вошло в обыкновение хвалить в нем [в Ломоносове] мужа ученого, унижая стихотворца», Пушкин счел необходимым вступиться за

[1] «Академические известия», 1779, ч. I, стр. 43.

[2] М. Н. Муравьев, Сочинения, т. II, СПб., 1847, стр. 300.

[3] «Вестник Европы», 1822, № 17, стр. 11—12.

[4] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, Изд. АН СССР, [Л.], 1949, стр. 32—33.

[5] Там же, стр. 249.

Библиотека "Руниверс"

своего великого предшественника и сказать, что «титло поэта» оспаривается у Ломоносова «весьма неосновательно».[1] С тех пор прошло более ста лет, но еще недавно приходилось слышать, что поэзия была для Ломоносова только побочным занятием,[2] что при всей серьезности отношения к своей поэтической деятельности «все же большого влечения к сочинению „торжественных" од у Ломоносова, по-видимому, не было» и что он писал их «тогда, когда их от него ждали или когда ему поручала составление их Академия наук».[3]

Вопрос о «должностном» характере ломоносовской поэзии требует пересмотра. Документальные архивные данные, которые приведены в примечаниях к публикуемым в восьмом томе стихам, вносят в этот вопрос некоторую ясность. Нам хорошо известно теперь, что по заказу были сочинены Ломоносовым все надписи. По заказу же он переводил оды немецких стихотворцев. Но с его собственными одами дело обстояло иначе. Академией наук были заказаны Ломоносову разве только две-три самые ранние его оды (1741—1742 гг.), да и в этом нет твердой уверенности. Все же остальные «торжественные» оды были сочинены Ломоносовым по собственному почину. Это подтверждается разными данными, в частности же тем, что в ряде случаев Академия отказывалась печатать оды Ломоносова на свой счет и он сам оплачивал типографские расходы.

В отчетах о своей деятельности Ломоносов ставит поэтические труды в один ряд с научными, а в собраниях своих сочинений отводит им даже и первое место.

---

[1] Там же, т. XII, стр. 72. Анализ высказываний Пушкина о поэтическом творчестве Ломоносова см. в новейших работах М. П. Алексеева «Пушкин и наука его времени» и Б. В. Томашевского «Вопросы языка в творчестве Пушкина» (Пушкин. Исследования и материалы, т. I. М.—Л., 1956, стр. 34—35 и 129—133).

[2] Тредиаковский. Стихотворения. Вводная статья. «Библиотека поэта», изд. «Советский писатель», 1935, стр. 20—21.

[3] История русской литературы, т. III. М.—Л., 1941, стр. 317 и 320.

Библиотека "Руниверс"

Правы те новейшие исследователи, которые отказываются от вошедших в традицию, но заведомо бесплодных попыток отделять Ломоносова-поэта от Ломоносова-ученого и класть на чашки каких-то весов творения того и другого. «Великий русский энциклопедист был в действительности очень целой и монолитной натурой», — пишет по этому поводу академик С. И. Вавилов. Справедливо отмечая, что вся поэзия Ломоносова пронизана научными мотивами, а его научная проза богата образцами высокого словесного искусства, граничащего с поэзией, С. И. Вавилов говорит о «глубоком слиянии в одной личности художественно-исторических и научных интересов и задатков».[1]

Поэт никогда не переставал быть ученым. Ученый всегда оставался поэтом. В сознании Ломоносова эти две его взаимодействующие функции были нераздельны и равноправны. Об этом особенно убедительно свидетельствуют те его произведения, где воодушевление естествоиспытателя-космолога, мыслителя и страстного борца за проникновение науки в жизнь приобретает все признаки того, что мы называем вдохновением, и находит себе естественный исход в словах поэзии. Таковы, например, ода о северном сиянии и «Письмо о пользе стекла», о которых так верно сказал Гоголь, что подобных стихов «никому не написать, кроме Ломоносова».[2]

Идеологическое содержание поэзии Ломоносова теперь уже не вызывает споров. Советскими исследователями оно подвергнуто тщательному анализу, который выяснил и сильные, и слабые его стороны. Об основном идеологическом пороке ломоносовских од говорил еще Радищев: «Не завидую тебе, — писал он в «Слове о Ломоносове», — что, следуя общему обычаю ласкати царям, нередко недостойным нетокмо похвалы, стройным гласом

---

[1] «Ломоносов», I, стр. 3.

[2] Н. В. Гоголь, Собрание сочинений в шести томах, т. VI, М., 1953, стр. 143.

Библиотека "Руниверс"

воспетой, но ниже гудочнаго бряцания, ты льстил похвалою в стихах Елисавете».[1]

Этот суровый упрек от начала и до конца справедлив. Можно было возражать только против его суровости, что и сделал Пушкин. «Ломоносов, — пишет он, — наполнил торжественные свои оды высокопарною хвалою», и к сказанному Радищевым добавляет, что с такой же высокопарностью Ломоносов воспевал не одних царей, а и своих вельможных покровителей. «Но зато умел он за себя постоять, — продолжает Пушкин, — и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей».[2]

Современный взгляд на идеологические недостатки и достоинства ломоносовских од сводится, в сущности, к дальнейшему развитию мыслей, высказанных Радищевым и Пушкиным.

Ломоносов и Радищев были представителями разных поколений, по времени хоть и смежных, но разобщенных такими историческими событиями, как крестьянская война под предводительством Пугачева и Французская буржуазная революция. Преждевременная смерть не дала Ломоносову пройти сквозь огонь этих событий и обрести в нем то новое политическое сознание, каким обладал родившийся почти на сорок лет позже его Радищев. Взгляды Ломоносова сложились в такую историческую пору, когда направленная против феодальной реакции доктрина «просвещенного абсолютизма» была передовой политической доктриной. Она и определила характер поэтической деятельности Ломоносова. Он не пытался преодолеть всеевропейский и до него перенесенный в Россию обычай осыпать незаслуженными литературными похвалами царей, которые в теории противопоставлялись реакционным феодалам и которым в соответствии с этим приписывалась — опять-таки теоретически — роль проводников прогресса.

[1] А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I, М.—Л., 1938, стр. 388.

[2] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 254.

Библиотека "Руниверс"

Другой, не менее существенный идеологический порок ломоносовских од заключался в том, что, ратуя в своих одах за просвещение, Ломоносов не говорил в них о том, что одним просвещением нельзя обеспечить благосостояние русского народа. Ломоносов ни в одном из своих поэтических произведений не коснулся основной социальной язвы его времени — крепостничества. «Дух личной независимости, — говорит Г. В. Плеханов, — очень хорошо уживался у Ломоносова с почти полным — чтобы не сказать просто полным — равнодушием к основным вопросам общественного устройства».[1] Исходной точкой всех публицистических выступлений Ломоносова, прозаических и поэтических, был государственный интерес, а «собственный интерес жителей уходит, — по справедливому замечанию того же Г. В. Плеханова, — из поля зрения Ломоносова. Да и забота о государственном интересе подсказывает ему только такие меры, которые решительно ни в чем не изменили бы установившихся на Руси общественных отношений».[2]

Этим определяются отрицательные особенности поэзии Ломоносова, забывать о которых не следует.

Осуждая Ломоносова за то, что он не преодолел обычая льстить царям, Радищев кончает такими словами: «И если бы можно было без уязвления истинны и потомства, простил бы я то тебе».[3] Потомство же — в лице советских исследователей поэзии Ломоносова — положило в основу суждений о ней не те, возникшие уже после Ломоносова требования к поэзии, которых он не выполнил, а то, что Ломоносов-поэт дал нового по сравнению со своими предшественниками. И этого нового оказалось столько, что в наши дни уже никто не станет отрицать огромное положительное влияние поэзии Ломоносова на общее развитие русской национальной культуры.

---

[1] Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. II. М.—Л., 1925, стр. 110. То же, примерно, отмечал в свое время и Н. А. Добролюбов (Полное собрание сочинений, т. I, 1934, стр. 229—230).

[2] Там же, стр. 206.

[3] А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 388.

Библиотека "Руниверс"

В «Разговоре с Анакреонтом» Ломоносов с не допускающей разных толкований отчетливостью определяет свою поэтическую позицию: он заявляет себя убежденным сторонником героической, т. е., по сути дела, гражданской тематики. Поэзия была в глазах Ломоносова такой боевой силой, которую в современных ему условиях нельзя было растрачивать на «сладкие слова» о «нежности сердечной», а надо было подчинять насущным нуждам русской культуры и государственности. Самой важной из этих нужд Ломоносов признавал просвещение, и притом просвещение не для немногих, а всенародное. Но такой демократизации просвещения не только не сочувствовали, а прямо противились феодальные круги и их приспешники. Понимание Ломоносовым своей поэтической задачи имело, таким образом, непосредственную связь с социальной борьбой его времени: боролась едва нарождавшаяся демократическая культура с входившей в силу, но уже обреченной культурой феодального дворянства.

Истинной и главной героиней своих стихов Ломоносов прямо называет свою «возлюбленную мать» — Россию. Родина и ее величие в историческом прошлом, в настоящем и более всего в будущем — таков организующий центр его поэзии. Из этого центра исходит все то, что Пушкин называет «любимыми идеями» Ломоносова.

Со времен создания «Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве» вплоть до середины XVIII в. никто из наших писателей не потратил столько поэтических усилий на борьбу за подъем русского национального самосознания, сколько потратил Ломоносов. Никто не находил таких «гремящих» слов и таких исполинских, поистине потрясающих образов, какие вырастали из-под пера Ломоносова, когда он заговаривал в стихах о великих просторах своего отечества и об изобилии разнообразнейших возможностей, которые таятся в недрах родной земли и в населяющем ее народе. Никто из поэтов не призывал с такой настойчивостью к преодолению роковой отсталости тогдашней России, отсталости культурной, технической и эко-

Библиотека "Руниверс"

номической. Помор, не носивший, по выражению Плеханова, «крепостного ошейника», но видавший своими еще отроческими, зоркими и памятливыми глазами, до какого разорения доводят главную кормилицу страны — русскую деревню даже самые победоносные войны, слагает гимны миру, объявляет «войну войне», «противу брани брань» и громит сокрушительными ямбами «хищников чужих держав». Крестьянский сын, знавший по личному опыту, как труден доступ таким, как он, в тесные «врата учености», требует с неиссякаемым упорством просвещения во всех его видах и не страшится и в публикуемых им стихах, и в ходящих по рукам сатирах клеймить церковных владык за их попытки положить предел свободному развитию естествознания. По всем основным поэтическим произведениям Ломоносова красной нитью проходит прославление великих открытий науки, утверждающих материалистическое миропонимание, и прославление прикладной науки, преобразующей природу и улучшающей условия человеческой жизни: этими двумя, особенно дорогими Ломоносову темами порождены его лучшие стихи.

Ломоносов недаром называл поэзию своей «утехой»: здесь он давал полную волю своему неугасимому оптимизму. С неизменной при любых условиях, богатырской, заражающей бодростью, с подлинно «благородной упрямкой» он всегда верил в побеждающую силу того, за что боролась его воинствующая муза. Таковы составные части того мощного идейного заряда, какой заложен в ломоносовской поэзии.

Куда же посылался этот заряд? Заключенный большей частью в оболочку торжественной «похвальной» оды, он шел прежде всего по своему официальному назначению: оды были прямым обращением к царям и царицам. Мастерство, которым Ломоносов овладевал с каждым годом все лучше и которое довел очень скоро до совершенства, заключалось в том, чтобы облекать в форму придворной «похвалы» то деловую просьбу, то политический совет, то политическое же предостережение; и нет сомнения, что тогдашние правящие круги видели в одах Ломо-

Библиотека "Руниверс"

носова далеко не бездейственное оружие. Возраставшие с годами тиражи од Ломоносова (1746 г. — 200 экз., 1752 г. — 600 экз., 1759 г. — 1170 экз., вторая ода 1761 г. — 2112 экз.) показывают, что эти поэтические произведения выходили за пределы узкой придворной и академической среды, захватывали довольно обширный круг образованного дворянства и проникали, можно думать, и в недворянское, разночинное грамотное общество. В это общество просачивались — это мы твердо знаем — даже и такие стихи Ломоносова, которые при жизни его не печатались. На поэтические воззвания Ломоносова читатели откликались живо и подходили к ним разборчиво: одни оды (ода 1762 г.) продавались медленно, другие (вторая ода 1761 г.) покупались нарасхват. Так, через головы царей и вельмож устанавливалось литературное соприкосновение Ломоносова с теми читающими русскими людьми, из чьих голосов слагалось тогдашнее общественное мнение. Влияя на него своими стихами, Ломоносов приобретал в его лице идейного союзника, способного в свою очередь тоже оказывать влияние. В этом заключалась суть поэтической стратегии Ломоносова, который, борясь в своих стихах за «торжество любимых идей», обращался не только к царям и их ближайшему окружению, а и ко всему народу.[1] И если формой такого обращения оказывалась чаще всего придворная «похвальная» ода, то это объяснялось, помимо обычая, тем, что при тогдашних условиях это была наиболее доступная и наиболее удобная форма печатного общения с публикой по вопросам идейного характера: о чем можно было сравнительно легко сказать в оде, о том было гораздо труднее заговорить в журнальной статье; да и журналов-то до 1755 г. не было.

Велико есть и знатно дело
Сердца народа привлещи.
(Ода 1746 г.).

[1] Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в. Изд. 2-е, М., 1951, стр. 187—212.

Библиотека "Руниверс"

С этим великим и знатным делом Ломоносов справился успешно: идейный заряд его поэзии был выпущен недаром; «сердца народа» оказались несомненно «привлечены» его стихами; народ еще при жизни Ломоносова наградил его всероссийской славой.

«Ломоносов пел то, что было ближе к делу, что заключалось в самой действительности», — заметил еще Белинский.[1] Новейшие исследователи подтверждают правильность этого наблюдения: «В одах и других произведениях Ломоносова, несмотря на их условный и далекий от реальности тон и характер, звучит постоянно голос тогдашней современности», — пишет С. М. Бонди и справедливо называет их «произведениями публицистическими».[2] Нет ни одной оды Ломоносова, где не было бы так или иначе затронуто какое-нибудь текущее или недавнее событие. Полный список злободневных тем, которых коснулся в своих одах и других стихах Ломоносов, занял бы не одну страницу. Позволительно думать, что тесная связь его поэзии с этими злобами дня была одной из далеко не маловажных причин ее огромного успеха.

Говоря о современности, Ломоносов никогда не ограничивался бесстрастной регистрацией фактов, а давал их всегда в своем, ярко субъективном освещении. Благодаря этому его поэзия при внимательном ее изучении может стать чрезвычайно полезным, а в некоторых случаях и единственным источником для анализа отношения Ломоносова к русской действительности его времени и для истории развития его политических и экономических воззрений.

Достоин особого внимания художественный способ, каким Ломоносов изображает в стихах современные ему события. Он никогда не дает развернутого, связного, последовательного их описания, а ограничивается только передачей некоторых, наиболее важных моментов, причем с годами, по мере накопления

[1] В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VI, М., 1955, стр. 601.

[2] Тредиаковский. Стихотворения, стр. 32.

Библиотека "Руниверс"

поэтического опыта, отбирает эти моменты все скупее и характеризует их все лаконичнее. Так, взятие Хотина (1739 г.) дано в восьми эпизодах, бой под Вильманстрандом (1741 г.) — в четырех, Куннерсдорфское сражение (1759 г.) — только в одном. В той же оде, где идет речь об этом последнем сражении, упоминается и другое; ему посвящено всего три стиха:

Цорндорфские пески глубоки,
Его и нашей крови токи,
Соединясь, кипели в вас.
(Ода 1759 г.).

Если мы учтем, что «пески глубоки» действительно повлияли на исход Цорндорфского боя, что этот бой был действительно очень кровопролитен и что большие потери понесены действительно обеими сторонами,[1] то мы поймем, в чем заключалось то мастерство исторической детали, которое развивал в себе Ломоносов: эта деталь была всегда конкретна, исторически точна и всегда ухватывала основную, наиболее характерную особенность данного события.

Говоря в своих одах о текущих явлениях тогдашней действительности, Ломоносов любил выражаться иносказательно. Среди рассеянных в его стихах аллегорий и намеков наберется немало таких, реального смысла которых мы спустя двести лет доискаться уже не в силах. Есть, вероятно, и такие намеки, самого наличия которых мы не ощущаем. Но при жизни Ломоносова дело обстояло не так: возраставший из года в год спрос на его оды говорит о том, что были в его время потребители стихов, которых не смущали содержавшиеся в них загадки, которые умели и любили их разгадывать.

Историко-литературное значение поэзии Ломоносова огромно.

Первую и основную историко-литературную заслугу Ломоносова-поэта короче и картиннее других определил Радищев в следующих словах: «Ломоносов, уразумев смешное в Польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полу-

[1] См. примечание 13 к стихотворению 238.

Библиотека "Руниверс"

кафтанье. Подав хорошие примеры новых стихов, надел на последователей своих узду великого примера, и никто доселе отшатнуться от него недерзнул».[1] В «Письме о правилах российского стихотворства» Ломоносов еще за границей в 1739 г. разработал новую систему русского силлабо-тонического стихосложения, дал первые полноценные образцы применения этой системы[2] и всей своей последующей поэтической практикой установил твердую стихотворческую традицию, которой подчинились все современные ему поэты и на основе которой последующие поколения создали «исключительную по богатству, гибкости и музыкальности»[3] систему форм русского стиха. Стихи Ломоносова были для его современников откровением в полном смысле этого слова. По его стихам русские люди впервые узнали, как разнообразно выразителен, как звучен и певуч может быть их язык: «сие толь долго пренебреженное счастие»[4] открыл и подарил народу Ломоносов.

Работа Ломоносова над стихами была одновременно и работой над формированием и совершенствованием русского литературного языка. Именно здесь, за поэтическим верстаком, Ломоносов чаще всего и усерднее всего очищал и обогащал этот язык, ковал и закалял его, испытывал его гибкость, чеканил, обтачивал и шлифовал. А так как в XVIII—XIX вв. поэзия Ломоносова была несравнимо более известна, чем его проза, то она оказала и неизмеримо большее влияние на развитие русского литературного языка. Стихи Ломоносова и его «Российская грамматика» были теми двумя рычагами, которыми он, по выражению А. А. Бестужева-Марлинского, «целым веком двинул вперед словесность нашу».[5] Одним иностранным иссле-

---

[1] А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 352.

[2] Т. VII наст. изд., стр. 7—18, 781—789.

[3] Ср.: Тредиаковский. Стихотворения, Вводная статья, стр. 105—106.

[4] Т. VII наст. изд., стр. 13.

[5] А. Марлинский, Полное собрание сочинений, ч. XI, СПб., 1840, стр. 195.

Библиотека "Руниверс"

дователем совершенно верно сказано, что весь современный русский литературный язык покоится на основе, заложенной Ломоносовым.[1] Эту основу заложила ломоносовская поэзия. Такова вторая историко-литературная заслуга Ломоносова-поэта, не менее важная, чем первая.

Есть у него и еще одна заслуга. Белинский говорит, что знавал многих людей, которые по стихам Ломоносова «научились любить поэзию и литературу».[2] Что происходило еще во времена Белинского, т. е. уже в конце первой половины XIX в., то совершалось в гораздо более значительных размерах и в XVIII в. Ломоносов не только привлекал сердца читателей: он и при жизни и долго еще потом вовлекал в круг читателей новых людей, не интересовавшихся до тех пор литературой. Он внедрял литературу в быт и все шире раздвигал пределы ее действия. Проповедуя в своей поэзии всенародное просвещение, Ломоносов своей поэзией просвещал народ и на деле. Эту третью заслугу Ломоносова-поэта Чернышевский считал главной.[3]

До нас дошло далеко не все, что написано Ломоносовым в стихах.

Из произведений, относящихся к первым девяти-десяти годам его поэтической деятельности (до возвращения в 1741 г. из-за границы), нам известно полностью только четыре стихотворения да еще несколько небольших стихотворных фрагментов, введенных в «Письмо о правилах российского стихотворства». Можно полагать, что это лишь ничтожно малая доля ранней поэтической продукции Ломоносова.

Полнее других представлен следующий, центральный, восемнадцатилетний период его творчества (1741—1758 гг.). Из произведений этих лет составились два собрания сочинений, вы-

[1] Antoine Martel. Michel Lomonosov et la langue littéraire russe. Paris, 1933, стр. 88.

[2] В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. IX, М., 1955, стр. 433.

[3] Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. III, М., 1947, стр. 314.

Библиотека "Руниверс"

пущенные Ломоносовым первое в июле 1751 г., а второе в сентябре 1758 г. Но в эти собрания он включил отнюдь не все написанные за этот период стихотворения. О том, как строг был в этом случае авторский отбор, можно судить хотя бы по тому, что ни в то, ни в другое собрание не вошли даже кое-какие из тех крупных произведений, которые до того выпускались в виде отдельных изданий, например две оды 1741 г. и идиллия «Полидор». Не попала туда и надпись «На изобретение роговой музыки», сочиненная бесспорно именно в данный промежуток времени. Не попали и сатирические стихи Ломоносова, которые при жизни его вообще не печатались и становились известны современным ему и последующим поколениям читателей либо по рукописным копиям, большей частью весьма неисправным, либо по очень немногочисленным и тоже не всегда надежным посмертным публикациям.

Что касается стихотворений, написанных Ломоносовым в течение последних семи лет жизни (1759—1765 гг.), то он успел опубликовать лишь очень небольшое их количество, а из числа не напечатанных им произведений этой поздней поры отысканы далеко не все. Мы видим, например, что в отчете о своей деятельности за 1759 г. Ломоносов назвал восемь сочиненных им в этом году стихотворений,[1] и имеем основание думать, что этот перечень, в силу своей официальности, был едва ли исчерпывающе полон. Но даже из восьми названных в отчете произведений половина до сих пор не найдена.[2] Не отысканы и надписи «к обелискам», о которых Ломоносов упоминает в сводной «Росписи» 1764 г.;[3] и о каких обелисках идет речь, мы не знаем.

Из числа стихотворений Ломоносова, при жизни его не печатавшихся, в основной текст восьмого тома включены только такие, принадлежность которых Ломоносову бесспорна. Таковы,

[1] Т. X наст. изд., документ 517.

[2] «На ландкарту его высочества государя великого князя Павла Петровича», «На ораниенбаумские экзерциции», «На победу у Пальцига» и какой-то стихотворный перевод «с немецкого».

[3] Т. X наст. изд., документ 518.

Библиотека "Руниверс"

например: юношеские стихи «На туясок», переводы оды Фенелона и анакреонтического стихотворения «К лире», стихи «На изобретение роговой музыки», «На Фридриха II, короля прусского», «Гимн бороде». «О страх! о ужас! гром!», «Зубницкому», «На всерадостное объявление о превосходстве новоизобретенной артиллерии перед старою» и др.

В числе стихотворений, которые в разное время приписывались Ломоносову, есть такие, относительно которых можно еще сомневаться, действительно ли он является их автором. Эти стихотворения не вошли в основной текст восьмого тома: из них образован особый раздел, озаглавленный «Стихотворения, приписываемые Ломоносову». В примечаниях к ним изложены доводы как тех, кто склонен считать автором этих стихотворений Ломоносова, так и тех, кто сомневается в его авторстве.

В составе произведений, вошедших в восьмой том, три публикуются здесь впервые: эпитафия А.-Г. Ливена (надпись 26) и два стихотворных фрагмента, оба очень короткие, найденные среди подготовительных материалов к «Российской грамматике» (стихотворения 137 и 138).

В тексты произведений, печатавшихся ранее, и в варианты к этим текстам внесен ряд поправок и дополнений, в некоторых случаях довольно существенных. При этом использованы были материалы, не учтенные академиком М. И. Сухомлиновым и другими издателями ломоносовских поэтических и ораторских текстов, такие, например, как собственноручный черновик русского перевода немецкой оды Я. Я. Штелина (стихотворение 23), второе, выпущенное по заказу И. И. Шувалова отдельное издание оды 1759 г. (стихотворение 238), первая печатная неполная редакция «Похвального слова Петру Великому», сохранившаяся всего в одном экземпляре в личном архивном фонде Г.-Ф. Миллера (речь 223), гравированные на серебре надписи к ракам Александра Невского и Дмитрия Ростовского, находящиеся в Государственном Эрмитаже в Ленинграде и в Ростовском краеведческом музее в г. Ростове Ярославской

Библиотека "Руниверс"

области (надписи 160 и 236), и рукописные сборники П. П. Шибанова, Г. В. Юдина (в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина) и И. О. Селифонтова (в Институте русской литературы Академии наук СССР). Специально для работы над восьмым томом была изготовлена полная фотокопия известного Казанского рукописного сборника, который после М. И. Сухомлинова никем из издателей Ломоносова не изучался, по-видимому, в подлиннике.

Чтобы дать читателям полное представление обо всем дошедшем до нас поэтическом наследии Ломоносова, в восьмой том, по примеру предшествующего академического издания (т. I, 1891 г. и т. II, 1893 г., под редакцией М. И. Сухомлинова), включены и те стихотворения, которые были введены Ломоносовым в текст некоторых научных его трудов и в составе последних напечатаны в предшествующих томах настоящего издания.

Редакция восьмого тома — тоже по примеру М. И. Сухомлинова — отказалась от разбивки публикуемых произведений на какие-либо жанровые группы и — в отличие от М. И. Сухомлинова — не отделяет поэтических произведений от прозаических. В глазах Ломоносова ораторская проза и поэзия были разновидностями одного и того же «красноречия».[1] Та и другая, отличаясь друг от друга только «сложением», т. е. художественной формой, были в одинаковой мере связаны с событиями государственной и общественной жизни того времени и с событиями личной жизни Ломоносова. Отделять его художественные произведения, написанные в прозе, от произведений стихотворных значило бы нарушать цельность представления о ходе развития литературного творчества Ломоносова.

Все вошедшие в восьмой том произведения Ломоносова печатаются поэтому в хронологической последовательности, т. е. в порядке дат окончания авторской работы над каждым произведением. Установить эту хронологическую последовательность было не так просто, потому что хронологией стихотвор-

[1] Т. VII наст. изд., стр. 97, § 9.

Библиотека "Руниверс"

ных сочинений Ломоносова никто еще до сих пор не занимался систематически: хронологические изыскания носили случайный характер и касались только отдельных и притом очень немногих стихотворений. В примечаниях к публикуемым в восьмом томе ломоносовским текстам предпринята попытка датировать хотя бы приблизительно все эти тексты. Датировки, предложенные в восьмом томе, являются лишь первым шагом в еще очень мало изученной области; вполне возможно поэтому, что некоторые из них не совсем точны. Дело будущих исследователей внести соответствующие поправки.

При разбивке публикуемых произведений на хронологические группы в основание такой разбивки полагались годы окончания авторской работы над каждым данным произведением; этими годами и помечались хронологические группы.

При установлении основного текста публикуемых произведений Редакция руководствовалась следующими правилами:

1) при печатании произведений, публиковавшихся при жизни Ломоносова, и таких, которые дошли до нас в собственноручной, или правленной Ломоносовым, или хотя бы только подписанной им рукописи, основным признавался тот печатный или рукописный текст, который отражает последнюю работу Ломоносова над данным текстом;

2) при печатании произведений, известных лишь по рукописным сборникам и отдельным копиям, учитывались только сборники и копии XVIII в., потому что в сборниках и копиях XIX в., как показало их изучение, эти произведения Ломоносова даются в значительно менее исправных и надежных списках; при наличии нескольких сборников или копий XVIII в. выбирались те, где текст данного произведения передан наиболее исправно, т. е. где встречается меньше явных описок, орфографических ошибок, несогласованных рифм и нарушений стихотворного размера. В соответствии с принятыми в настоящее время установками[1] Редакция нигде не допускала смешения

[1] Правила издания исторических документов. Изд. 2-е, 1956, стр. 15, § 31.

Библиотека "Руниверс"

разных текстов и составления на их основе сводного текста данного произведения;

3) если при печатании произведений, известных лишь по посмертным публикациям, оказывалось, что таких публикаций было более одной и что в их основу были положены несходные между собой рукописные тексты, то основным признается текст более исправной (в указанном выше смысле) публикации, а варианты по другой, менее исправной публикации приводятся в сносках.

Приводя в сносках варианты стихотворных текстов, Редакция дает во всех случаях не одну только варьируемую часть стиха, а весь стих, причем те его части, которые были зачеркнуты Ломоносовым, заключает в угловые скобки ‹›. Если внутри зачеркнутой части стиха встречаются ранее зачеркнутые слова, они заключаются в двойные угловые скобки ‹‹ ››. В прозаических текстах угловые скобки применяются в тех же случаях, как и в других томах настоящего издания (см. т. I, стр. 604).

Авторский текст набран в сносках прямым шрифтом, а редакторский курсивом. Редакторские конъектуры как в основном тексте, так и в сносках заключены в квадратные скобки [ ]. В такие же скобки заключены заглавия стихотворений, публикуемых по рукописным сборникам или копиям XVIII в., а также и заглавия групп стихотворений, извлеченных из научных произведений Ломоносова.

Когда в примечаниях даются ссылки на публикуемые в восьмом томе произведения, эти последние обозначаются их порядковыми номерами, которым — в зависимости от литературного жанра данного произведения — предшествует одно из следующих трех условных обозначений: либо «стихотворение», либо «надпись», либо «слово».

Правилами, утвержденными в 1949 г. главным редактором настоящего издания, покойным академиком С. И. Вавиловым, было предусмотрено, что в томе, посвященном литературным произведениям Ломоносова, орфографическая передача текстов

Библиотека "Руниверс"

должна быть иная, чем в других томах этого издания, где печатаются тексты научные и деловые. Одна из особенностей поэтических текстов Ломоносова заключается в том, что, придавая исключительно важное значение их фонетической стороне, он отступал порою от обычных для него норм правописания. Делалось это, по-видимому, для того, чтобы в одних случаях усилить тот или иной звук (например: «гремящы», «шумящы», «лжы», «дерсский» вместо «гремящи», «шумящи», «лжи», «дерзкий»), а в других случаях придать тому или иному слову звучание, несколько отличное от того, которое Ломоносов считал нормальным, или, говоря его языком, от «чистого выговора» данного слова (например: «брозды», «скачют», «чють» вместо «бразды», «скачут», «чуть»). Особенно интересен и показателен в этом отношении один пример: в стихотворении, написанном бесспорно после выхода в свет «Российской грамматики», т. е. в такой период, когда орфографическая практика Ломоносова стала уже почти вполне устойчива, он переправляет первоначальное «галландской» на «галланской» (стихотворение 264). Все это являлось отступлением не только от установленных самим же Ломоносовым теоретических норм,[1] но и от обычной его практики, представленной как в беловых рукописях, так и в наскоро набросанных черновиках.[2] Отмеченные выше и подобные им отступления от орфографических норм должны рассматриваться, таким образом, не как безразличные нам погреш-

---

[1] Ср., например: §§ 122, 342, 389, 440 и примеры в §§ 208 и 335 «Российской грамматики» — т. VII наст. изд., стр. 433—434, 465—466, 494, 496, 516, 546—547.

[2] Ср., например: там же, стр. 610, 612, 616, 619, 621, 622, 627, 630 635, 640, 642, 657—658, 675, 676, 685, 688, 692, 698, 703, 737, 755 и др.; в черновиках лишь в двух случаях встретились нам отступления, сходные с «поэтическими»: «лужы» и «брыжы» — там же, стр. 674 и 679; в тех же черновых записях находим на стр. 640 «Голландия-ец», а в беловой рукописи, хранящейся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина под шифром Q.IV. № 415, видим в §§ 23—26 несколько раз повторенное «голландцы».

Библиотека "Руниверс"

ности или «вольности» правописания, а как фонетические указания Ломоносова. Ввиду этого Главная редакция настоящего издания решила сохранить во всех текстах восьмого тома орфографию Ломоносова, передавая ее средствами современной нам графики, т. е. буквами действующего в настоящее время русского алфавита. Чтобы точнее воспроизвести при этом принятую автором систему внешней орнаментации его поэтических и риторических текстов, сохранены, по решению Главной редакции, и прописные буквы во всех тех словах, которые писал с прописной буквы Ломоносов.

Что касается пунктуации, то, как и в других томах настоящего издания, знаки препинания расставлены по существующим в настоящее время правилам, за исключением только тех случаев, когда строй ломоносовского предложения не соответствует нормам теперешнего русского синтаксиса.

Восьмой том Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова подготовлен к печати Г. П. Блоком в сотрудничестве с В. Н. Макеевой, которой подготовлены все тексты.

Примечания составили: Г. П. Блок к стихотворениям 1, 3—4, 137, 144, 145, 154, 161, 162, 169, 177, 179, 186, 190, 193, 194, 203—205, 208, 209, 215, 224, 227—229, 234, 236, 237, 239, 240, 245—250, 254, 257—259, 264, 265, 267, 268, 277—283, причем примечания к стихотворению 227 составлены совместно с Д. Д. Шамраем, а в подборе материалов для примечаний к стихотворениям 3—4, 145, 154, 161, 178, 179, 190, 194, 209, 240 и 277 принимала участие И. В. Валкина; Я. М. Боровский к стихотворениям 127, 134, 150, 243, 253 и 255; Е. С. Кулябко к надписи 26 и стихотворениям 225, 252 и 263; В. Н. Макеева к стихотворениям 5—20, 29, 32—41, 45—55, 57—126, 128—133, 135, 136, 155, 170—174, 206 и 222; Г. Е. Павлова к надписям и стихотворениям 139—140, 142, 143, 146—148, 152, 153, 156, 158, 160, 163, 165, 167, 168, 175, 177, 180—182, 184, 185, 187, 188, 192, 195—198, 207, 210—212, 216—221, 233, 244 и 269; Н. В. Соколова к речам 270 и 275 и надписи 276; В. Л. Ченакал к стихотворениям 30, 31 и 191. Примечания ко всем остальным

Библиотека "Руниверс"

стихотворениям, речам и надписям составлены Т. А. Красоткиной совместно с Г. П. Блоком.

Указатель личных имен составлен Л. В. Жигаловой. Указатель мифологических имен и географических названий составлен Т. А. Красоткиной.

Ценную библиографическую помощь оказали М. М. Гуревич, О. Н. Дмитриева, А. И. Доватур, Т. С. Иванова, Э. П. Файдель и Д. Д. Шамрай, а также научный сотрудник Германской Академии наук Э. Бибов.

В решении отдельных вопросов при подготовке восьмого тома к печати принимали участие С. А. Акулянц, Е. В. Боброва, Г. И. Бомштейн, В. Н. Васильев, В. М. Глинка, В. В. Замкова, Е. В. Козлова, Г. Е. Кочин, В. К. Макаров, А. П. Мандрыка, Б. А. Орлов, Т. В. Станюкович, К. Б. Старкова и О. А. Яковлева.

Библиотека "Руниверс"

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОЭЗИЯ, ОРАТОРСКАЯ ПРОЗА, НАДПИСИ (1732—1764)

1734

1

Печатается по первой посмертной публикации академика Н. Я. Озерецковского (Путешествия академика Ивана Лепехина, ч. IV. В 1772 году. СПб., 1805, стр. 303) с указанием в сносках вариантов по второй публикации в книге С. К. Смирнова «История Московской славяно-греко-латинской академии» (М., 1855, стр. 250—251).

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — Путешествия академика Ивана Лепехина, ч. IV. В 1772 году. СПб., 1805, стр. 303.

Датируется предположительно 1732—1734 гг. Публикуемые стихи, написанные Ломоносовым в период пребывания в Московской славяно-греко-латинской академии, были сочинены, вероятнее всего, в те годы, когда он, находясь в средних классах, проходил «пиитику» и упражнялся в русском и латинском стихотворстве. По словам историка, глубоко изучившего ученический быт того времени, «ученик с этих классов имел возможность заявлять свою ученость даже вне школы своими виршами и орациями» (М. Линчевский. Педагогия древних братских школ и преимущественно древней Киевской академии. «Труды Киевской духовной академии», 1870, август, стр. 463). В средние классы Ломоносов, по сведениям одного из первых его биографов, М. И. Веревкина, изучавшего «архив Заиконоспасского монастыря», перешел в 1732 г., а в высшие классы был переведен в 1734 г. (Соч. 1784, ч. I, стр. VI; ср. «Ломоносов», II, стр. 21). Правильность предлагаемой датировки подтверждается тем, что в 1732 г. учителем русского и латинского стихосложения в классе пиитики был назначен Ф. Кветницкий (С. Смирнов, ук. соч., стр. 218), давший оценку публикуемым стихам Ломоносова (см. ниже).

Библиотека "Руниверс"

Первым публикатором этих стихов был академик Н. Я. Озерецковский, получивший их на родине Ломоносова 31 июля 1788 г. от местного жителя Степана Кочнева (Путешествия академика Ивана Лепехина, ч. IV, стр. 303). Вторично и, судя по разночтениям, с другого, может быть, оригинала напечатал их в 1855 г., как указано выше, историк и ректор Московской духовной академии С. К. Смирнов, располагавший материалами ее архива. Чьей рукой написаны были оригиналы, которыми пользовались эти два публикатора, мы не знаем.

Публикуемые стихи являются первым известным нам поэтическим опытом Ломоносова. В публикации Н. Я. Озерецковского им предшествует следующее маловразумительное пояснение: «Сочинение г. Ломоносова в Московской академии за учиненный им школьный проступок. Calculus dictus». Можно сказать с уверенностью, что автором этих туманных строк был не Озерецковский, превосходно владевший русским литературным языком и выражавшийся точно и ясно. Формула «Сочинение... за... проступок» по меньшей мере неясна. Значит ли это, что Ломоносову в наказание за проступок было предписано сочинить русские стихи или же что в стихах аллегорически описан этот проступок, решить трудно. Что же касается латинских слов «Calculus dictus» («calculus» — в прямом значении «камешек», а в переносном — «счет», «расчет»; «dictus» — «сказанный»), то на этот счет имеется такое сообщение: «Калькулюс — выдумка иезуитской педагогии, заимствованная нашей [Киевской] Академией, имел назначение заставить учеников волею или неволею изучить в совершенстве латинский язык, для чего положено было школьным уставом каждому ученику говорить по-латыни как в классе, так и вне класса. Ученику, начиная с класса Грамматики, говорившему не по-латыни или сказавшему какую-нибудь фразу хотя и по-латыни, но против грамматики, или же произнесшему наконец какое-либо неприличное слово, такому ученику вешали на шею калькулюс. Провинившийся, заметив ту же или другую неисправность в своем товарище, имел право передавать калькулюс сему последнему. У какого ученика переночевал калькулюс, того наказывали» (М. Линчевский, ук. соч., стр. 462). Калькулюсом назывался «узенький, столпцеватый бумажный сверток, вложенный в небольшой футляр» (В. Аскоченский. Киев с древнейшим его училищем, Академиею, ч. I. Киев, 1856, стр. 144). По совершенно справедливому предположению Г. А. Воскресенского, калькулюс был, по-видимому, в ходу и в Московской академии, где почти весь педагогический персонал состоял из бывших воспитанников Киевской академии (Годичный акт в Московской духовной академии 1 октября 1890 г. М., 1890, стр. 19). Таким образом, смысл слов «Calculus dictus» понятен: публикуемые стихи имели бесспорно связь с каким-то ученическим проступком Ломоносова, но какова была эта связь и в чем именно заключался проступок, остается все-таки неясным.

Библиотека "Руниверс"

Публикуемые стихи носят шуточный, несомненно аллегорический характер и приводят на память весьма известное признание Ломоносова, которое находим в одном из писем, написанных им уже в зрелом возрасте: «Обучаясь в Спасских школах [т. е. в Московской славяно-греко-латинской академии], имел я со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели» (1753 г.; т. X наст. изд., письмо 28).

В этих ученических стихах, еще чисто силлабических и засоренных не соответствующими их жанру славянизмами («егда», «ясти», «бо»), еще нельзя распознать будущего автора торжественных и глубокомысленных од, основоположника тонического стихосложения и блюстителя «чистоты штиля», но в смысле простоты и легкости эти стихи выгодно отличаются от современных им, сходных по форме стихов Тредиаковского. Это оценил, видимо, и учитель Ломоносова Ф. Кветницкий: на листке с его стихами Кветницкий написал: «Pulchre» («Прекрасно»).

Существуют сведения, что Ломоносов, учась в Московской академии, писал «небольшие стихи» и на латинском языке и что, перебравшись в 1735 г. из Москвы в Петербург, продолжал перед отъездом за границу упражняться «в стихотворении» (Соч. 1784, ч. I, стр. VI—VII). Однако никаких других, относящихся к этому времени поэтических произведений Ломоносова, кроме публикуемого, пока не отыскано.

[1] Туясок — цилиндрический сосуд из бересты с деревянными дном и крышкой; сельские жители наших северных областей пользуются и по настоящее время туясками для переноски жидкостей — молока, кваса, браги и т. п., иногда и меда. Заглавие «Стихи на туясок» довольно загадочно. Не назван ли в данном случае туяском тот самый «небольшой футляр» для калькулюса, о котором говорит В. Аскоченский?

1738

2

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 37, лл. 1—2 об.).

Впервые напечатано (в одном экземпляре), без указания места и года издания, в декабре 1854 г. отдельным изданием, которое было поднесено Академией наук Московскому университету в день столетнего его юбилея, 12 января 1855 г.

Датируется предположительно 1738 г., не позднее октября 15, по помеченному этим числом репорту Ломоносова, при котором представлен был в Академию наук публикуемый перевод (т. X наст. изд., документ 502).

Библиотека "Руниверс"

Ломоносову при отправке его за границу было вменено в обязанность обучаться там не только «наукам», но и «языкам» и присылать в Академию отчеты о своих занятиях, а «также и нечто из своих трудов в свидетельство прилежания» (ААН, ф. 20, оп. 3, № 57, л. 2). Одним из таких «свидетельств прилежания» явился публикуемый перевод, посланный Ломоносовым в Академию на исходе второго года пребывания за границей. Чтобы показать свои успехи и в «науках» и в «языках», Ломоносов, не знавший до отъезда из Петербурга новых языков, написал свой очередной отчет о занятиях по-немецки, приложив к нему «физический специмен», написанный по-латыни (т. I наст. изд., стр. 5—21, 539—542), и перевод оды Фенелона, который должен был свидетельствовать о том, что Ломоносов овладел и французским языком и что он совершенствует вместе с тем и свою русскую литературную речь.

Ода написана Ломоносовым каллиграфически на двойном писчем листе, все четыре страницы которого разделены пополам проведенной по линейке продольной чертой: на левой стороне французский оригинал, на правой en regard — русский перевод.

Переведенная Ломоносовым ода написана Ф. Фенелоном в 1681 г., а впервые опубликована уже после его смерти, в 1717 г. Ломоносов, как это весьма убедительно доказано М. И. Сухомлиновым, пользовался одним из последующих ее изданий, выпущенным в Роттердаме в 1725 г. и купленным Ломоносовым в Германии, по-видимому, в 1738 г. (Акад. изд., т. I, стр. 5—8 втор. паг.; ср. также т. X наст. изд., документ 502 и примечания к нему).

Выбор для перевода именно данной оды был подсказан, вероятно, тем, что она была в те годы весьма популярна не только во Франции, но и за ее пределами и считалась одним из образцовых произведений французской поэзии. Так аттестовали, должно быть, эту оду и те немецкие преподаватели, под руководством которых Ломоносов изучал французский язык. Нельзя не учесть, впрочем, и того обстоятельства, что, судя по некоторым стихотворным фрагментам, введенным Ломоносовым в «Письмо о правилах российского стихотворства» (1739 г.; см. ниже, стихотворения 5—20; ср. т. VII наст. изд., стр. 11, 14 и 17), его поэтическое внимание привлекала в те годы пейзажная лирика вообще и, в частности, та восходящая к античности идиллическая тема о безмятежной жизни в тесном общении с природой, разработке которой посвящена ода Фенелона. Стоит отметить, что Фенелон писал ее в том самом почти возрасте, какого достиг и Ломоносов к тому времени, когда занялся ее переводом.

В этом первом, насколько мы знаем, ответственном опыте поэтического перевода Ломоносов, несмотря на всю свою тогдашнюю неискушенность в этом деле, сумел проявить уже до некоторой степени те качества, которые стали впоследствии столь характерны для него как для переводчика: его

Библиотека "Руниверс"

перевод замечательно точен, причем эта точность заключается не в раболепной передаче внешней словесной ткани иноязычного подлинника, а в том, что сохранены по возможности все образы подлинника во всей их внутренней взаимосвязи и с безупречной верностью воспроизведен весь строй мыслей и чувств переводимого автора. Некоторые стихи поражают своей исключительной для начинающего переводчика близостью к оригиналу. Например:

...Et que les Zephirs agitent,	Зе́фир древ верьхи качает,
Bergers et troupeaux invitent	С пастухами призывает
A dormir au bruit des eaux.	Спать стада при шуме вод.

Или:

Semblables aux monts de Thrace	Вы горам Фракийским равны,
Qu'un Géant audacieux	Клал одну что на другу
Sur les autres monts entasse	Исполин, отвагой славный,
Pour escalader les Cieux, . .	Чтоб взотти небес к верьху.

Или:

Là pour couronner ma vie	Парка жизнь мою скончает
La main d'une Parque amie	Мирно здесь и увенчает,
Filera mon dernier jour.	День последней допрядёт.

Приступив к изучению французского языка сравнительно недавно (с мая 1737 г.; см. т. X наст. изд., документ 500) и не слыша вокруг себя живой французской речи, Ломоносов тем не менее вполне правильно и очень глубоко понял французский текст: смысловых ошибок в его переводе нет или почти нет. Еще удивительнее та необыкновенная находчивость и разборчивость, какую он проявил при подыскании русских эквивалентов французским словам, что при тогдашнем уровне развития русского литературного языка и при крайнем убожестве словарных пособий было задачей неимоверно трудной. Когда Ломоносов переводил:

vos têtes chenues	вашими сединами
lointains azurés	чуть синеет
vient empourprer	обагряет
vents conjurés	бунтующих ветров
je cueille les fleurs	рву цветы
puiser	почерпати
fleuves de vin	вина потоки и т. п.,

это были не мелкие удачи, а большие победы, обогащавшие наш поэтический язык словами и выражениями, широко и прочно вошедшими затем в литературное употребление. В блеске этих крупных достижений, о которых и мечтать не мог даже такой образованный современник Ломоносова, как В. К. Тредиаковский, меркнут единичные словесные промахи; все они отмечены ниже, в примечаниях к отдельным стихам.

Библиотека "Руниверс"

Что касается русского текста оды, то, как давно уже указывалось исследователями («Ученые записки имп. Академии наук по I и III Отделениям», СПб., 1855, т. III, вып. 2, стр. 263; Акад. изд., т. I, стр. 11—13 втор. паг.), он носит очень заметные следы того влияния, какое оказали на Ломоносова купленный им еще в Петербурге и весьма тщательно изученный трактат Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (т. VII наст. изд., стр. 782; Берков, стр. 54—63) и приложенные к этому трактату стихи Тредиаковского. Это влияние сказалось не только в хореическом размере стиха, не только в перекрестных рифмах и не только в таких «пиитических вольностях», как «начати» вместо «начать», «вспевать» вместо «воспевать» и «серце» вместо «сердце». Влияние Тредиаковского наблюдается и в расстановке слов внутри предложения, местами намеренно как будто неправильной, не отвечающей ни синтаксическим нормам, ни требованиям логики (ср. С. М. Бонди. Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков. В кн.: Тредиаковский. Стихотворения. «Библиотека поэта», изд. «Советский писатель», 1935, стр. 29—30). Таковы, например, начало 4 и 8, кочец 11 и начало 14 строф. Но гораздо более заметны в ломоносовской оде вполне откровенные и, можно даже сказать, вызывающие отступления от заветов Тредиаковского. Ломоносов отказался от предложенного последним «героического» тринадцати- или одиннадцатисложного стиха с цезурой после седьмого или шестого слога (так перевел Тредиаковский оду Фенелона «Человеческая мудрость») и написал оду четырехстопным хореем, причем стихи с женской рифмой заключали четное число слогов и были, таким образом, с точки зрения Тредиаковского, «неправильны» («Новый и краткий способ», стр. 70—81). Тредиаковский допускал возможность стиха, содержащего менее одиннадцати слогов, называл такой стих «простым российским» (там же, стр. 62), но заявлял весьма решительно, что таким стихам «не надлежит падать стопами, но только слогами» (там же, стр. 68), т. е., иначе говоря, утверждал, что в подобных случаях применение тонического принципа неуместно. Таким «простым», девятисложным, не тоническим стихом переложил Тредиаковский оду Буало на взятие Намюра и перевел оду Фенелона «В славу правды». Ломоносов не посчитался ни с теоретическими высказываниями Тредиаковского, ни с этими примерами и смело применил тонический принцип. Особенно же вопиющим нарушением теории Тредиаковского было «мерзкое и гнусное», по его мнению, чередование женских рифм с мужскими (там же, стр. 23).

Ломоносовский перевод оды Фенелона заключал в себе, таким образом, совершенно очевидные признаки того мятежа против поэтики Тредиаковского и против оберегаемых им основ силлабического стихосложения, который год спустя получил окончательное выражение в знаменитом «Письме о правилах российского стихотворства» (т. VII наст. изд., стр. 7—18) и в «Оде на взятие Хотина» (стихотворение 4). Если бы пере-

Библиотека "Руниверс"

вод Ломоносова попал в руки Тредиаковского, последний несомненно подверг бы его жесточайшей критике, а если бы познакомились с этим переводом тогдашние русские читатели, они столь же несомненно восхитились бы неслыханной и невиданной еще в то время звучностью и гладкостью русского стиха. Но академическое начальство не показало, по-видимому, никому присланного Ломоносовым поэтического опыта и бесстрастно сдало его в архив, где он был обнаружен только 116 лет спустя (ср. Куник, I, стр. XXIV).

[1] Фенелон описывает французскую провинцию Овернь, где он в то время жил и где высокие горные кряжи чередуются с плодородными долинами.

[2] Намек на античный миф о борьбе гигантов с богами.

[3] Лыва — густой болотистый лес. Этим областным архангельским словом, которое встречается и в оде на взятие Хотина (строфа 8), Ломоносов передает французское «sombres bocages» (тенистые рощи).

[4] Стрёж — тоже архангельский диалектизм, равнозначащий слову «стрежень», т. е. наиболее глубокая, судоходная часть речного русла. Во французском оригинале просто «la rivière» (река).

[5] Цереса — Церера (по-французски Cérès).

[6] Порядок — ряд, строй.

[7] Далина — дальнее расстояние.

[8] Во французском оригинале, кроме волынок и флейт, фигурируют еще гобои.

[9] Жалкие — жалобные.

[10] Ломоносов либо недопонял, либо неудачно передал заключительные три стиха этой строфы, которые в оригинале читаются так:

Puis la fable avec l'histoire
Viennent peindre à ma mémoire
L'ingénue Antiquité,

т. е. в буквальном переводе: «Потом басня сообща с историей принимаются живописать в моей памяти простодушную Древность».

[11] Имеется в виду Одиссей.

[12] Первые французские издатели оды Фенелона пояснили, что под Тирсом, или точнее Тирсисом (Tyrsis), автор разумел своего друга аббата де Ланжерона.

3

Печатается по собственноручному подлиннику (ЦГАДА, ф. Госархив, р. XVII, № 6, ч. IV, л. 607 об.).

Впервые напечатано — «Литературная газета», 1936, № 65 (628), 20 ноября.

Библиотека "Руниверс"

Датируется предположительно второй половиной 1738 г. Публикуемый перевод относится совершенно бесспорно (см. ниже) к моменту чтения и изучения Ломоносовым статьи И. Готшеда «Versuch einer Uebersetzung Anacreons in reimlose Verse» («Опыт перевода Анакреона белыми стихами»), а изучением работ Готшеда Ломоносов занимался особенно усердно, по-видимому, в 1738 г.: об этом свидетельствует список приобретенных им в этом году книг (т. X наст. изд., документ 500), где есть немало таких, на которые ссылается Готшед. Перевод оды Фенелона (стихотворение 2), датируемый 1738 г., говорит о том, что в этом году Ломоносов уделял внимание не только теоретическому изучению западноевропейской поэтики, но и практической работе над стихотворными переводами. Совершенно несомненно, наконец (см. ниже), что, изучая вышеупомянутую статью Готшеда, Ломоносов в то же или почти в то же время конспектировал «Трактат о возвышенном» Лонгина во французском переводе Буало, а приняться за это он мог только после того, как основательно усвоил французский язык; уроки же французского языка он брал с мая 1737 г. (т. X наст. изд., документ 500) по конец 1738 г. (Куник, I, стр. 133). К концу этого последнего периода, т. е. ко второй половине 1738 г., и относится, по всем вероятиям, как конспект перевода Буало, так и публикуемый перевод анакреонтической оды. Более подробные и притом весьма ценные соображения относительно датировки этого последнего перевода содержатся в статье Е. Я. Данько «Из неизданных материалов о Ломоносове» («XVIII век», сборник 2, М.—Л., 1940, стр. 249—261). Автор этой статьи не решается судить, был ли написан этот перевод до или после перевода оды Фенелона, но совершенно справедливо отмечает, что сопутствующие переводу анакреонтической оды записи Ломоносова на французском языке орфографически более исправны, чем переписанный Ломоносовым французский текст оды Фенелона (там же, стр. 259). То же можно сказать и о качестве русского стиха в том и другом произведении: перевод анакреонтической оды написан более уверенной рукой, чем перевод французской.

Публикуемый перевод Ломоносова оставался неизвестен без малого двести лет — до 1936 г. Честь его открытия принадлежит Е. Я. Данько, которая обнаружила его среди бумаг «отца русского фарфора» и спутника Ломоносова по заграничной командировке, Д. И. Виноградова. В несшитой тетради, куда Виноградов вписывал свой перевод немецкой книги «Пробирерная наука», несколько листков заполнено рукой Ломоносова. Его записи начинаются с заглавия издававшегося Готшедом с 1732 г. журнала «Beiträge zur Critischen Historie der Deutschen Sprache, Poesie und Beredsamkeit» («Вклад в критическую историю немецкого языка, поэзии и красноречия»). Далее следуют конспективные выписки из напечатанных в этом журнале работ Готшеда по лингвистике и поэтике и, в частности, из вышеупомянутой его статьи о переводах Анакреона. Из этой статьи Ломоносов выписал гре-

Библиотека "Руниверс"

ческий текст анакреонтической оды «К лире», немецкий ее перевод, выполненный Готшедом, и выполненные другими авторами переводы той же оды на латинский, французский, итальянский и английский языки (некоторые в двух вариантах). К этим переводам Ломоносов присоединил и свой, русский перевод этой же самой оды.

Е. Я. Данько доказала весьма убедительно (ук. соч., стр. 259—260), что частью той же тетради являются и обнаруженные в другой пачке бумаг Виноградова (ЦГАДА, ф. Госархив, р. XVII, № 9, лл. 2—7) листки, содержащие составленный Ломоносовым конспект трактата Лонгина во французском переводе Буало.

Переведенная Ломоносовым ода приписывалась в его время Анакреону, а на самом деле принадлежит кому-то из позднейших его подражателей, появившихся в эпоху эллинизма.

Ломоносов сохранил моностихическую структуру греческого подлинника, но четырехстопный усеченный ямб заменил трехстопным ямбом, чем нарушил требования Готшеда, который считал необходимым строго соблюдать размер оригинала. Содержание же оды передано Ломоносовым не с меньшей, а, пожалуй, даже с большей точностью, чем это удалось сделать самому Готшеду и одному из латинских переводчиков оды, Э. Лубину. Другие напечатанные Готшедом переводы не выдерживают сравнения с ломоносовским. Большинство стихов переведено Ломоносовым дословно. Тем удивительнее, что он сумел при этом мастерски передать поэтический тон подлинника.

Некоторой данью литературной неопытности явились только слишком русские «гусли» и приказное «понеже».

«Я не могу довольно о том нарадоваться, — писал год спустя Ломоносов, — что российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную версификацию иметь может» (т. VII наст. изд., стр. 13). Е. Я. Данько права, когда полагает, что на эту мысль могло навести Ломоносова сопоставление своего перевода анакреонтической оды с переводами ее на другие языки (Е. Я. Данько, ук. соч., стр. 263).

Следует, однако, отметить, что когда примерно через двадцать лет его внимание оказалось опять привлечено к этой оде, он перевел ее заново (см. стихотворение 262).

1739

4

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 142—153) с указанием в сносках вариантов по Рит. 1744, Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рук. 1751, Соч. 1751, Соч. 1759, Рит. 1765.

Библиотека "Руниверс"

Впервые опубликована полностью — Соч. 1751, стр. 157—171.

Датируется предположительно промежутком времени с первых чисел сентября 1739 г. по первую половину декабря того же года. Что касается заглавия оды, то оно относится бесспорно к более позднему времени. Судя по словам «блаженныя памяти», оно было сочинено во всяком случае после смерти императрицы Анны Ивановны, т. е. не ранее 17 октября 1740 г.

Турецкая крепость Хотин была взята русскими войсками 19 августа 1739 г. Реляция об этом была получена в Петербурге 3 сентября (Куник, I, стр. XXVIII) и напечатана в виде особого приложения к «Санктпетербургским ведомостям» 7 сентября. В Саксонии, где жил в то время Ломоносов, известие о взятии Хотина было получено раньше, чем в Петербурге: в Дрездене узнали об этом 2 сентября 1739 г. («Auserlesener historischer Kern Dressdanischer Merkwürdigkeiten vom Jahre 1739», № 18, September [«Отборное историческое зерно дрезденских достопримечательностей 1739 года», № 18, сентябрь], стр. 69). Из Дрездена это известие могло очень скоро быть передано во Фрейберг и дойти до Ломоносова. Таким образом, вполне вероятно, что он приступил к сочинению оды еще в начале сентября. Текст оды свидетельствует, однако, что Ломоносов, как показано ниже, был хорошо знаком с реляцией и «журналом» военных действий, который в Петербурге был опубликован одновременно с реляцией, т. е. 7 сентября, а в саксонских газетах был перепечатан почти дословно на немецком языке только 29 сентября (10 октября нового стиля: «Hallische wœchentliche Relation der merkwuerdigsten Sachen» [«Галльское еженедельное сообщение о наиболее достопримечательных вещах»], 1739, № XLI от 10 октября, стр. 162—164; фотокопии соответствующих страниц этого еженедельника любезно доставил научный сотрудник Института истории Германской Академии наук в Берлине Э. Бибов).

Следовательно, если работа Ломоносова над одой началась в первых числах сентября, то он продолжал эту работу еще и в конце этого месяца. Из текста оды явствует, что она была послана в Петербург до того, как стало известно о заключении мира с Турцией: обращаясь к Турции, Ломоносов пишет:

Еще высоких мыслей страсть
Претит тебе пред Анной пасть?
Не хочешь с нами в мир склониться?
(Рит. 1744).

Мир был заключен фактически 7 сентября 1739 г., но ратификация его последовала только 17 декабря 1739 г., и в России не появлялось о нем никаких официальных известий до опубликования 29 февраля 1740 г. описания церемонии ратификации («Примечания к Ведомостям», 1740, ч. 18—22, стр. 73—87). Однако в зарубежной и, в частности, в саксонской печати сообщения о мире стали появляться значительно ранее. Так, в № L

Библиотека "Руниверс"

того выходившего в Галле еженедельника, о котором говорено выше, было напечатано 1 декабря (12 декабря нового стиля) 1739 г. известие, что в заключении мира с Портой «сомневаться уж больше не приходится, хотя в Петербурге об этом ничего еще и не публиковано» (стр. 204), а в следующем номере того же еженедельника, вышедшем в свет 8 декабря (19 декабря нового стиля, № LI), сообщались во всех подробностях и условия мира (стр. 207—208). После появления в печати таких сообщений Ломоносов не стал бы укорять Турцию в том, что она не хочет «с нами в мир склониться». Итак, можно считать установленным, что к сочинению оды Ломоносов приступил не ранее первых чисел сентября 1739 г., что работал над ней и в конце этого месяца и что завершил эту работу не позднее первой половины декабря того же года.

Русская победа под Ставучанами и последовавшая через день сдача Хотина произвели потрясающее впечатление на Западную Европу, где до того усердно распространялась молва, будто со смертью Петра I военное могущество России стало клониться к упадку. Ломоносов, живя уже четвертый год вдали от родины, внимательно читал иностранные газеты (Куник, I, стр. 175). Слова «восторг внезапный», с которых начинается его ода, как нельзя более точно характеризовали, очевидно, чувство, охватившее двадцативосьмилетнего студента, когда он прочитал известие о падении Хотина. Посылая оду в Петербург, Ломоносов писал, что она «не что иное есть, как только превеликия оныя радости плод, которую... преславная над неприятелем победа в верном и ревностном моем сердце возбудила» (т. VII наст. изд., стр. 9).

Ода была прислана в Академию наук вместе с адресованным Российскому собранию «Письмом о правилах российского стихотворства» (там же, стр. 9—18) как образец практического применения новой, созданной Ломоносовым силлабо-тонической системы стихосложения.

Ни «Письмо», ни ода не были в то время напечатаны и потому стали известны на первых порах только немногим. В. Е. Адодуров и Я. Я. Штелин «были очень удивлены таким, еще небывалым в русском языке размером стихов» («Москвитянин», 1850, ч. I, отд. III, стр. 4); В. К. Тредиаковский сочинил от имени Российского собрания ответное письмо Ломоносову с возражениями против его системы; А. П. Сумароков написал какую-то «ругательную эпиграмму», а И.-Д. Шумахер и И. И. Тауберт ограничились тем, что «для пресечения бесполезных и напрасных споров» решили не тратить денег на отправку Ломоносову ответного письма (т. VII наст. изд., стр. 783—784).

Ломоносов, дорожа своей одой, стремился познакомить с ней более широкие круги читателей. Он ввел ряд ее отрывков и в первый, рукописный (1744 г.), и во второй, печатный (1747 г.) вариант своей «Риторики», а в 1751 г. напечатал ее наконец и всю целиком в первом собрании своих сочинений. Перед этим текст оды был коренным образом переработан. Так

Библиотека "Руниверс"

как рукопись, присланная в 1739 г. из Фрейберга, не отыскана, то начальный вариант оды известен лишь по тем, сравнительно немногим фрагментам, какие вошли в «Риторику» 1744 г.

Несмотря на то, что ода появилась в печати только через двенадцать лет после того, как была написана, читатели сумели правильно оценить ее выдающееся историко-литературное значение. Оды Ломоносова успели уже приобрести к этому времени громкую известность, но ода на взятие Хотина привлекла все же особенное внимание как начальный «опыт сочинения новообразными стихами», как «первородное чадо стремящегося воображения по непроложенному пути». Так называл ее Радищев, свидетельствуя, что «необыкновенность слога, сила выражения, изображения, едва не дышащие, изумили читающих сие новое произведение» (А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I, М.—Л., 1938, стр. 385). Сумароков, далеко не склонный, как известно, к переоценке поэтических произведений Ломоносова, относил бóльшую часть строф этой оды к числу «весьма хороших», «прекрасных» и «прекраснейших» (Полное собрание всех сочинений А. П. Сумарокова, ч. X, 1787, стр. 91—92). Г. Р. Державин многократно цитировал ее в своем «Рассуждении о лирической поэзии» как образцовую (Сочинения Державина, т. VII, СПб., 1872, стр. 539—540).

Белинский совершенно прав, считая, что это произведение Ломоносова положило начало новой русской литературе (В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VIII, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 377). Таких стихов, отвечавших «природному нашего языка свойству», дававших почувствовать его «благогласие» и способность ложиться в размеренно звучные строфы, еще не бывало: Ломоносов был первым, кто навел русскую поэзию на это «толь долго пренебреженное счастие» (т. VII наст. изд., стр. 13). С новой формой, которая стала с тех пор у нас классической, Ломоносов сумел сочетать — это было особенно важно — и богатство идейного содержания, вскрывавшего широкий исторический кругозор, зрелость политической мысли и патриотическое воодушевление молодого автора. «В труд избранный наш народ» — таков истинный герой оды; победа только тогда достойна этого имени, когда обеспечивает народу «покой», — такова основная идея оды. Первый шаг Ломоносова на поприще самостоятельного художественного творчества сразу же определил, таким образом, не только его поэтическую, но и его идеологическую позицию.

[1] В этой строфе, которую Державин считал превосходным образцом «беспорядка лирического», Ломоносов, как и в ряде последующих строф, искусно вплетает в ткань обязательной в его время мифологической символики чисто реалистические детали, почерпнутые из реляции о Ставучанском сражении и из «журнала кампании 1739 году», которые были напечатаны в виде отдельного приложения к «Санктпетербургским ведомостям» (при

Библиотека "Руниверс"

дальнейших ссылках на это издание, сохранившееся в Библиотеке Академии наук СССР в одном экземпляре под шифром $\frac{Ак}{161а}$, оно обозначается сокращенно «Реляция»). Упоминания о «горе высокой», о «долине» и о «ключе» могут быть поняты как намеки на гору Парнас и на долину у ее подножия, где был Кастальский ключ, но они характеризуют вместе с тем и реальные условия боя: турецкий укрепленный лагерь при деревне Ставучаны «стоял на такой вышине, что мы оного никакою пушкою, ниже из мортиры бомбою достать не могли», русская же армия находилась в долине и была отделена от неприятеля «маленькой речкой» (Реляция, стр. 2).

[2] «На тыле мы от всех татарских орд окружены были» (Реляция, стр. 12).

[3] Отверженная раба — Агарь (см. указатель мифологических имен).

[4] Рвы — турецкие ретраншементы. Штурм неприятельской позиции происходил под артиллерийским обстрелом расположенной «на высоком месте» турецкой батареи. «Неприятель отвсюды нас окружал». «Мы имели разные долины, болота и дефилеи, через которые мосты строить принуждены были». «Мы, дабы неприятельское левое крыло атаковать могли, принуждены были через реку Сулинцы перейти» (Реляция, стр. 84, 88).

[5] Заграбь — загреби, убери, уведи. Река Тигр известна быстротой течения.

[6] Т. VII наст. изд., стр. 41.

[7] Т. VII наст. изд., стр. 60.

[8] Русские войска заняли неприятельскую позицию в седьмом часу вечера. Перед отступлением турки сожгли свой лагерь (Реляция, стр. 14).

[9] Лыва — заболоченный лес.

[10] Неприятель «с великою торопностию отступил и свой вельми сильно шанцами укрепленный лагерь со стыдом и срамотою оставить принужден» (Реляция, стр. 15).

[11] Герой — Петр I.

[12] Имеется в виду Азовский поход 1696 г.

[13] Имеется в виду Персидский поход 1722 г.

[14] Готские брега — Швеция.

[15] Т. VII наст. изд., стр. 150.

[16] Т. VII наст. изд., стр. 258.

[17] Смиритель стран Казанских — Иван IV, покоривший Казанское и Астраханское царства. Под Селимом Ломоносов разумеет, вероятно, царствовавшего в то время в Турции султана Сулеймана II.

[18] Турки, отступая, оставили 4 мортиры, 19 пушек и «неисчисленное множество бомб, картеч и ядер» (Реляция, стр. 15).

[19] Под луной Ломоносов разумеет Турцию, в гербе которой основным элементом был полумесяц.

Библиотека "Руниверс"

[20] Т. VII наст. изд., стр. 41.

[21] Наших войск презорство — презрение к нашим войскам.

[22] «В пятом часу пополудни атаковали янычары с саблями в руках,... но из янычаров, от двух до трех тысяч к атакованию пришедших, передовые на месте побиты и по сказке пленных более тысячи раненю, и тако с следующими им янычарами в бегство обратиться принуждены были» (Реляция, стр. 14).

[23] Агаряне — турки.

[24] После поражения под Ставучанами хотинский комендант укрылся в крепости Хотин «лишь с нескольким малым числом янычаров». Остальная часть крепостного гарнизона присоединилась к главным силам разбитой турецкой армии, отступившим в Бендеры (Реляция, стр. 17).

[25] Калчак-паша — комендант крепости Хотин.

[26] «Около 4 часов ключи крепости через янычарского агу, коменданта и муфтию командующему генералу-фельдмаршалу поднесены, ворота е. и. в. гвардиею заняты, а вскоре потом Калчак-паша сам с великою знатною свитою пришел, командующему генералу-фельдмаршалу покорился, оному свою саблю отдал» (Реляция, стр. 17).

[27] На Висле русскими войсками был взят в 1734 г. Данциг. Поход русских войск к Рейну в 1734 г. способствовал ускорению мирных переговоров между Францией и союзницей России Австрией.

[28] Т. VII наст. изд., стр. 58.

[29] Города Дамаск, Каир и Алеппо и остров Крит принадлежали в то время Турции.

[30] Пиндар вызвал недовольство своих сограждан-фиванцев тем, что восхвалял военные заслуги враждовавших с Фивами Афин.

[31] Крин — лилия.

[32] Поводом для такого утверждения могло явиться прибытие в Москву китайского посольства, принятого императрицей Анной 28 апреля 1732 г. Послы уверяли «в содержании постоянного согласия и нерушимой с Россией дружбы» (Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882, стр. 200—201). Интересно, что в данном случае Ломоносов упоминает из всех иностранных держав один только Китай. Весьма вероятно, что, живя в 1732 г. в Москве, Ломоносов видел там участников китайского посольства. Внимание к Китаю и русско-китайским отношениям могло быть пробуждено в Ломоносове также и статьями по этому предмету, печатавшимися в «Исторических, генеалогических и географических примечаниях» (1730, ч. 49, стр. 195—196 и 1731, ч. 13—18, стр. 49—72).

[33] Под семью морями Ломоносов разумел, вероятно, Северный Ледовитый океан, моря Белое, Охотское (называвшееся тогда Камчатским), Каспийское, Азовское, Черное и Балтийское.

Библиотека "Руниверс"

1740

5—20

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые опубликовано в посмертном собрании сочинений Ломоносова, выпущенном в Москве (Соч. 1778, кн. II, стр. 7, 10, 11, 12, 15).

Датируется предположительно 30-ми годами XVIII в. «Письмо о правилах российского стихотворства», куда вошли публикуемые стихи, было послано Ломоносовым в Академию наук не позднее января 1740 г. (т. VII наст. изд., стр. 783), а следовательно, никак не позднее самого начала 1740 г. были написаны и эти стихи. Если они сочинялись специально для данного случая, т. е. для включения в упомянутое «Письмо», то они были написаны не ранее сентября 1739 г. (т. VII наст. изд., стр. 782). Если же они представляют собой фрагменты более ранних, не дошедших до нас стихотворений Ломоносова (что признается более вероятным), то для более точной их датировки у нас нет пока твердых данных: они могли быть написаны в таком случае и во Фрейберге, и в Петербурге, а частично, может быть, даже еще и в Москве. Мы едва ли ошибемся, однако, если предположим, что публикуемыми фрагментами представлено в основном поэтическое творчество Ломоносова, относящееся к первым трем годам его пребывания в Германии, или, точнее говоря, к периоду с ноября 1736 г. по декабрь 1739 г. Известно, что именно в эту пору Ломоносов занимался изучением немецких теоретических работ по поэтике и знакомился с новой немецкой поэзией. То и другое сказалось известным образом и на форме, и на тематике некоторых фрагментов, вошедших в «Письмо» (ср. Берков, стр. 63—64).

В «Письмо» эти фрагменты введены Ломоносовым как примеры, которыми он иллюстрировал рекомендуемые им схемы силлабо-тонического стиха. В этом основное историческое значение публикуемых стихов. Они чрезвычайно интересны, кроме того, как почти единственные образцы ранней стихотворческой деятельности Ломоносова.

5

[1] Т. VII наст. изд., стр. 11. Этим двустишием, как и следующим, Ломоносов иллюстрирует основной свой тезис, формулированный так: «В российском языке те только слоги долги, над которыми стоит сила [т. е. ударение], а прочие все коротки» (т. VII наст. изд., стр. 10). Это первые на русском языке гекзаметры античного типа, написанные силлабо-тоническим размером.

Библиотека "Руниверс"

6

[1] Т. VII наст. изд., стр. 11. См. выше примечание к стихотворению 5. Это первые на русском языке пентаметры античного типа, написанные силлабо-тоническим размером.

7

[1] Т. VII наст. изд., стр. 13. Приведено как пример правильного ямбического стиха, «который из одних только ямбов состоит».

8

[1] Т. VII наст. изд., стр. 14. Приведено как пример анапестического стиха, «в котором только одни анапесты находятся».

9

[1] Т. VII наст. изд., стр. 14. Приведено как пример стиха, «из ямбов и анапестов смешанного».

10—11

[1] Т. VII наст. изд., стр. 14. Приведено как пример хореических стихов, «что одни хореи составляют».

12

[1] Т. VII наст. изд., стр. 14. Приведено как пример дактилического стиха, «который из единых только дактилей состоит».

13

[1] Т. VII наст. изд., стр. 14. Приведено как пример стиха, «из хореев и дактилей смешанного».

14

[1] Т. VII наст. изд., стр. 14. Приведено как пример «неправильного» стиха, в котором «вместо ямба пиррихий положен».

15

[1] Т. VII наст. изд., стр. 14. Приведено как пример «неправильного» стиха, куда пиррихий введен «вместо хорея».

Библиотека "Руниверс"

16

[1] Т. VII наст. изд., стр. 15. Приведено как пример «падающих или из хореев и дактилей составленных стихов», удобных для изображения «скорого и ярого действия».

17

[1] Т. VII наст. изд., стр. 17. Приведено как пример «тетраметров, из анапестов и ямбов сложенных».

18

[1] Т. VII наст. изд., стр. 17. Приведено как пример «вольных вставающих тетраметров».

19

[1] Т. VII наст. изд., стр. 17. Приведено как пример «вольных падающих тетраметров».

20

[1] Т. VII наст. изд., стр. 17. Приведено как пример «ямбических триметров».

21

Печатается по первому прижизненному изданию.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — «Примечания к Ведомостям», 1741, 18 августа, чч. 66—68, стр. 267—272.

Датируется предположительно промежутком времени с 8 июня (день возвращения Ломоносова в Петербург из-за границы) по 12 августа 1741 г. (день рождения императора Ивана Антоновича).

В «Примечаниях к Ведомостям» ода подписана не полной фамилией Ломоносова, а одной буквой Л. и при жизни Ломоносова больше не печаталась. Однако же авторство Ломоносова не подлежит сомнению: оно доказывается как формальным сходством с предыдущей и следующей его одами (см. стихотворения 5 и 22), так и тем, что одна из строф публикуемой оды стала впоследствии предметом пародии, метившей бесспорно в Ломоносова (см. ниже, примечание 8).

Ода напечатана в русском выпуске «Примечаний к Ведомостям» вслед за описанием фейерверка и иллюминации, которыми был отмечен день

Библиотека "Руниверс"

рождения малолетнего императора; в этот день Ивану Антоновичу исполнился один год. В немецком выпуске «Примечаний» то же описание сопровождалось немецкой одой профессора Я. Я. Штелина.

Служебное положение Ломоносова в Академии наук к тому времени еще не определилось (см. т. X наст. изд., документ 476). Он еще числился студентом и состоял при академике И. Аммане, обучаясь у него «натуральной истории, а наипаче минералам или что до оной науки касается» (Материалы, т. IV, стр. 694—695), составлял каталог хранившихся в Кунсткамере минералов и окаменелостей (т. V наст. изд., стр. 654) и переводил кое-что для «Примечаний к Ведомостям». Не исключена возможность, что публикуемая ода была заказана Шумахером, который знал о поэтической деятельности Ломоносова по оде на взятие Хотина.

[1] Вся ода написана в первом лице — от имени «веселящейся России» (см. заглавие оды).

[2] Первые шесть стихов этой строфы заключают в себе намек на происходившую в то время войну с Швецией. Театром военных действий была Финляндия («холмов верхи полночных белы»). В шестом стихе тот же, что и в оде на взятие Хотина, призыв к «покою», т. е. к миру.

[3] Всток — восток. Здесь сказалось, может быть, влияние В. К. Тредиаковского, который, говоря «о вольности, в сложении стиха употребляемой», считал возможным «выкидывать писмя о» из приставок (Тредиаковский. Стихотворения. «Библиотека поэта», изд. «Советский писатель», 1935, стр. 347, п. VII). Вопросом о «поэтических вольностях» занимался впоследствии и Ломоносов. В своих черновых записях он упоминает в числе «фигур стихотворческих» и syncope, т. е. исчезновение звука в середине слова (т. VII наст. изд., стр. 657).

[4] Намек на Турцию, в гербе которой основным элементом был полумесяц.

[5] Одним из элементов или, как тогда говорили, «девизов» иллюминации 12 августа 1741 г. было «молодое лавровое дерево, которое объемлет стоящая на коленях Россия», с надписью: «Почитает и ожидает» («Примечания к Ведомостям», 1741, 18 августа, чч. 66—68, стр. 265).

[6] По преданию, при всякой вести о новой победе Филиппа Македонского сын его Александр принимался плакать, горюя, что отец не оставит на его долю ни одного случая прославиться.

[7] Осса — цепь гор в Греции, часто упоминаемая в мифах о борьбе гигантов с богами.

[8] В сатирическую афишу, которую, полемизируя с Ломоносовым, сочинил его литературный противник И. П. Елагин, была введена следующая пародия на эту строфу, изобилующую характерными для Ломоносова гиперболическими образами:

Библиотека "Руниверс"

«1. Трясение краев и смятение дорог небесных;

2. На сторонах театра Осса и на ней Пинд.

Кавказ и на нем Этна, которая давит только один верх его.

В средине, под трясением дорог небесных Гигант, который хочет солнце снять ногою, будет танцовать соло» (Акад. изд., т. I, стр. 435 втор. паг.; ср. также в настоящем томе примечания к трагедии «Тамира и Селим»).

Если принять во внимание, что это насмешливое напоминание об оде, посвященной Ивану Антоновичу, было написано, по-видимому, в 1753 г. (т. X наст. изд., письмо 35 и примечания к нему), т. е. уже в царствование Елизаветы Петровны, когда малейший знак приверженности к свергнутому ею с престола ребенку-императору рассматривался как тягчайшее политическое преступление, то нельзя не признать, что пародия И. П. Елагина носила злостный характер.

[9] Алцид (Алкид) — Геракл, который, по античному преданию, еще грудным младенцем удавил двух огромных змей, посланных богиней Герой к его колыбели, чтобы умертвить его.

[10] Денница — диавол; по библейскому сказанию, мятежный ангел, низринутый с неба в ад.

[11] Строфы 10 и 11 направлены против бывшего регента Бирона, который 9 ноября 1740 г. был арестован, обвинен в намерении захватить верховную власть и 8 апреля 1741 г. приговорен к пожизненному заключению.

[12] Под «двумя коленами» Ломоносов разумеет две императорских династии: русскую и австрийскую. С первой Иван Антонович был в родстве по материнской линии, со второй — по отцовской.

[13] Намек на падение Западной Римской империи под натиском германских (тевтонских) племен.

[14] Ср. т. VI наст. изд., стр. 215.

[15] Ср. т. VI наст. изд., стр. 226—227.

[16] Намек на крещение Руси при внуке Игоря, Владимире.

[17] Намек на Куликовскую битву.

[18] Упоминаемые здесь «заслуги» нового правительства были настолько скромны, что Ломоносов не счел возможным останавливаться на них подробно. К таким «заслугам» могли быть отнесены разве только изданные после ареста Бирона указы о борьбе с «нескорым решением дел» в государственных учреждениях, о «неношении богатых платьев с золотом и серебром», да о смягчении наказаний некоторым, весьма, впрочем, немногим категориям заключенных (ПСЗ, 8289, 8292—8294, 8298, 8301, 8349). Более характерны для тогдашних властей и более ощутимы народом были указы другого рода, такие, например, как о новом рекрутском наборе, об увеличении церковных и монастырских доходов, о льготах военнослужащим дворянам, о подтверждении привилегий лифляндского рыцарства и т. п. (там же, 8287, 8320, 8331, 8334, 8336 и др.).

Библиотека "Руниверс"

[19] Неж — нежели. Ср. Тредиаковский. Стихотворения. «Библиотека поэта», изд. «Советский писатель», 1935, стр. 346, п. III.

[20] Долит — одолевает.

[21] В 1739 г., после взятия Хотина, казачьи части доходили до берегов Дуная.

[22] Трудно определить, что разумел Ломоносов под именем «самых усских мест Ахайских». Ахайей именовалась в древней Греции северная часть Пелопоннеса. Ахайцами же назывались в древности обитатели черноморского побережья Кавказа. Ни с той, ни с другой местностью не связано никаких военных событий русской истории, относящихся к первой половине XVIII в.

[23] Хинейски стены — стена, ограждавшая северо-восточную границу Китая, так называемая Великая каменная стена.

[24] Геон — так именовались в древности и Нил, и Аракс.

[25] Строфа 17 содержит весьма сложное политическое иносказание, трудно поддающееся расшифровке. Геон и Тигр символизируют, по-видимому, Турцию. Восток — в данном случае восточный ветер. Под «всегдашним востоком» следует понимать, вероятно, постоянное стремление тогдашней Турции к наступлению на Европу, и в особенности на Россию. В 30-х и в начале 40-х годов XVIII в. это стремление было несколько парализовано тревогой Турции за безопасность своего азиатского тыла, где появился в то время опасный завоеватель, Надир-шах, который действительно угрожал и Геону-Араксу, и Тигру. Академик А. А. Куник прав, считая, что стихи 165—166 имеют в виду опустошительный поход Надир-шаха в Индию 1738—1739 гг. («Ученые записки имп. Академии наук по I и III отделениям», СПб., 1855, т. III, стр. 276). Петербургское правительство старалось поддерживать дружественные отношения с Надир-шахом. Наименее понятны заключительные четыре стиха, где под «младым героем» следует разуметь, вероятно, другого завоевателя Индии, Александра Македонского (ср. Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого, царя Македонского. СПб., 1724, кн. IX, стр. 438).

[26] Строфы 19—21 обращены к «правительнице» Анне Леопольдовне.

22

Печатается по тексту, опубликованному в «Примечаниях к Ведомостям» (1741, 11 сентября, чч. 73—74, стр. 288—296) с указанием в сносках вариантов по отдельному изданию 1741 г. Так как документы о печатании оды не отысканы, то не представляется возможным установить, какое из двух изданий оды было более поздним.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Библиотека "Руниверс"

Датируется предположительно промежутком времени с 23 августа (день победы русских войск под Вильманстрандом) по 29 августа (день именин императора Ивана Антоновича) 1741 г.

Публикуемая ода является первым выступлением Ломоносова в печати под полным своим именем и вместе с тем первой одой Ломоносова, которую Академия наук не только напечатала в «Примечаниях к Ведомостям», но выпустила, кроме того, и отдельным изданием. Это последнее обстоятельство может рассматриваться как косвенное доказательство успеха предшествующей оды (стихотворение 21). Весьма вероятно, что вторая ода, как и первая, была написана Ломоносовым не по собственному почину, а по поручению Шумахера, который, как известно, искал случаев выслужиться перед новым правительством (Пекарский, I, стр. 30).

Два первые издания публикуемой оды являются библиографической редкостью, так как после восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны все книги и документы, где упоминались имена Ивана Антоновича и его родителей, старательно уничтожались или прятались. Журнальной резолюцией Академической канцелярии от 8 марта 1744 г. было предписано «запечатать и отослать для сохранения к унтер-библиотекарю Тауберту» экземпляр публикуемой оды, присланный в Академию из Сената (ААН, ф. 3, оп. 1, № 85, л. 16). В августе 1745 г. Канцелярия отправила в Сенат для сожжения целую «кипу» материалов, в том числе и 12 экземпляров «од или похвальных речей, изданных адъюнктом Ломоносовым», т. е. именно данной оды (Материалы, т. VII, стр. 532).

В XIX в. не раз высказывалось мнение, что ода «Первые трофеи» «гораздо ниже» или «значительно ниже» оды на взятие Хотина, и даже просто «плоха» («Сын отечества и Северный архив», 1838, т. II; «Русская словесность», стр. 86; «Ученые записки имп. Академии наук по I и III отделениям», СПб., 1855, т. III, стр. 277). Этот приговор требует пересмотра. Молодой поэт, не имея предшественников и не страшась неудач, искал со всей присущей ему страстностью новых стилистических форм «высокого рода», наиболее отвечавших тому гражданскому пафосу, которым определилось с первых же шагов все направление его поэзии: отсюда сознательная усложненность синтаксиса, сознательное же нарушение обычной последовательности в расстановке слов, гиперболичность образов, нагромождение риторических вопросов, повторений и т. п. В публикуемой оде явственнее, чем в двух предыдущих, наблюдаются эти порывистые стилистические искания, далеко не везде безуспешные: местами (например, в заключительных четверостишиях 11 и 17 строф, в 4—5 стихах 18 строфы и др.) уже ощущается в полной мере та подлинно лирическая сила, какой отмечены лучшие произведения Ломоносова более поздней поры. Совершенно естественно, разумеется, что такие поэтические удачи выпадали на долю Ломоносова только в тех случаях, когда политическая обстановка позволяла ему

Библиотека "Руниверс"

выразить свои истинные мысли и чувства, а не те, которые он принужден был выражать по заказу.

Вильманстрандская победа решила участь кампании, сорвав попытку западноевропейских держав оттеснить Россию от Балтийского моря. На это событие Ломоносов не мог не отозваться искренне радостным волнением.

[1] Эпиграф к оде взят из сатиры Горация (Hor., Satyrarum, lib. II, sat. II, v. 135—136).

[2] Орел — герб императорской России, лев — герб Швеции.

[3] Т. е. в другой раз, вторично. Это означало, что воспеваемая Ломоносовым Вильманстрандская победа была уже второй на протяжении XVIII в. победой русских войск на финской территории: первой победой было взятие Петром I Выборга в 1710 г.

[4] Под именем Градива-Марса Ломоносов разумеет, по-видимому, Карла XII, укрывшегося после поражения под Полтавой в Турции и только в 1715 г. вернувшегося в Швецию. (S. de Puffendorff. Histoire de Suède. Amsterdam, t. III [С. де Пуффендорф. История Швеции, т. III], 1743, стр. 89 и сл.).

[5] Намек на бедственное состояние шведской государственной казны, которая в то время была совершенно истощена войнами Карла XII (K. Lundblad. Geschichte Karl des Zwölften, Koenigs von Schweden. Hamburg, Stück II [К. Лундблад. История Карла XII, короля Швеции. Гамбург, ч. II], 1840, стр. 437).

[6] Про преемника Карла XII на шведском престоле, Фридриха, почти не занимавшегося государственными делами, русский посланник в Стокгольме писал: «От шведского короля ни доброго, ни худого ожидать не следует; как бы дела ни пошли, та или другая партия одолеет, — ему все равно, лишь бы его величество с известною дамой в покое время свое проводить мог» (Соловьев, кн. V, стлб. 70). Другим предметом увлечения Фридриха была охота. Намеком на эти две его страсти является упоминание о Венере, богине любви, и Диане, богине охоты.

[7] Лилеи — лилии, герб королевской Франции. Секвана — латинское название реки Сены. Намек на происки французской дипломатии, которая, субсидируя шведское правительство, склонила его к объявлению войны России.

[8] По античному сказанию, жена Геракла Деянира, желая сохранить любовь мужа, послала ему одежду, пропитанную колдовским снадобьем; снадобье это оказалось ядом, и Геракл умер мучительною смертью на горе Эте. В 1744—1747 гг. Ломоносов переводил трагедию Сенеки, написанную на эту тему (см. стихотворение 56).

[9] Намек на то, что Франция, подобно Деянире, под видом изъявления любви к Швеции обрекла на гибель военное могущество последней.

[10] В древнем Риме существовал обычай при объявлении войны открывать ворота храма Януса.

Библиотека "Руниверс"

[11] В 1739—1741 гг. на территории Финляндии шла деятельная подготовка шведов к войне с Россией: стягивались войска, возводились укрепления. (S. de Puffendorff. Histoire de Suède. Amsterdam, t. III [С. де Пуффендорф. История Швеции. Амстердам, т. III], 1743, стр. 310). «Мы ежедневно должны ожидать неприятельского нападения со стороны Швеции, которая. кроме флота и галер, уже придвинула к нашим границам 30 000 войска», — писало русское правительство одному из своих дипломатических агентов весной 1741 г. (Соловьев, кн. V, стлб. 61).

[12] Относится к умершей императрице Анне.

[13] Имеется в виду «правительница» Анна Леопольдовна, мать Ивана Антоновича.

[14] Шведские войска в момент объявления войны находились на расстоянии одного перехода от Выборга.

[15] Пограничный город Вильманстранд был обращен шведами в крепость, которая, по выражению шведского мемуариста того времени, «доставляла удобство не только прикрывать этот край собственной земли, но и вторгаться в русскую Карелию и беспокоить врага во всякое время». См. Historia om Finska Kriget åren 1741 och 1742. Stockholm [История Финляндской войны в 1741 и 1742 гг. Стокгольм], 1817, стр. 13.

[16] Ломоносов вспоминает здесь о шведских фортификационных работах под Полтавой, предшествовавших Полтавскому сражению (K. Lundblad. Geschichte Karl des Zwölften, Koenigs von Schweden. Hamburg, St. II [К. Лундблад. История Карла XII, короля Швеции. Гамбург, ч. II], 1840, стр. 106—109).

[17] В 1721—1740 гг. политика Швеции в отношении России отличалась двойственностью: Швеция то возобновляла союз с Россией, заключенный в 1724 г., то начинала, под влиянием французской дипломатии, деятельно готовиться к войне (Н. Шпилевская. Описание войны между Россиею и Швециею в Финляндии в 1741, 1742 и 1743 годах. СПб., 1859, стр. 1—20).

[18] Сразу же после объявления войны Швеция двинула против России свой флот (СПб. Вед., №№ 67 и 71, от 27 августа и 4 сентября 1741 г.).

[19] Манифест об объявлении войны России был оглашен в Стокгольме 28 июня 1741 г. под звуки труб и литавр.

[20] Ништадский мир, заключенный Петром I в 1721 г. с шведами, был в свое время торжественно провозглашен «вечным, истинным и неразрывным» (Соловьев, кн. IV, стлб. 613).

[21] Ср. в оде на взятие Хотина стих 48: «в труд избранный наш народ» (стихотворение 4).

[22] В русской реляции о Вильманстрандском сражении сказано, что неприятель «не токмо свою артиллерию на имеющейся к правой стороне города высокой горе, которое все то положение места прикрывала, надлежаще поставил, но и все при том находящиеся вершины занял» («Ученые записки

Библиотека "Руниверс"

имп. Академии наук по I и III отделениям», СПб., 1854, т. II, стр. 151).

[23] Вечной восток — т. е. ветер, вечно дующий с востока. Четвертая часть — Америка, которая считалась в то время четвертой частью света (Географиа или краткое земного круга описание. М., 1710, стр. 93). Ломоносов имел, вероятно, в виду так называемые вест-индские ураганы в тропическом поясе Атлантического океана; их направление — от берегов Африки к Центральной Америке.

[24] В критический момент сражения исход последнего был решен атакой нашей конницы. Бегущие шведы были «от наших войск жестоко преследованы» («Ученые записки имп. Академии наук по I и III отделениям», СПб., 1854, т. II, стр. 152).

[25] Наши войска захватили в Вильманстранде 4 штандарта, 12 знамен. 12 пушек, 1 мортиру, большое количество легкого оружия, весь крепостной запас продовольствия и денежную казну («Ученые записки имп. Академии наук по I и III отделениям», СПб., 1854, т. II, стр. 154).

[26] Карл XII.

[27] Обращение к «правительнице» Анне Леопольдовне.

[28] Крин — лилия.

[29] Императрица Анна Ивановна.

[30] Обращение к отцу Ивана Антоновича принцу Антону-Ульриху, который присвоил себе звание генералиссимуса русских войск.

23

Печатается по последнему прижизненному изданию (отдельное издание 1741 г.) с указанием в сносках вариантов по первому изданию в «Примечаниях к Ведомостям» за 1741 г. и по собственноручному черновику, обозначаемому Рук. (ААН, ф. 20, оп. 1, № 6, лл. 1—2).

Впервые напечатано (без имен автора и переводчика) — «Примечания к Ведомостям», 1741, 8 декабря, чч. 98—102, стр. 403—408. Варианты по черновику публикуются впервые.

Датируется предположительно промежутком времени с 25 ноября 1741 г. (день вступления императрицы Елизаветы Петровны на престол) по 7 декабря того же года (8 декабря 1741 г. немецкий текст оды и русский ее перевод были уже напечатаны).

Публикуемый текст является переводом немецкой оды, написанной Я. Я. Штелином. В течение декабря 1741 г. и немецкий и русский тексты оды были напечатаны дважды: после публикации в «Примечаниях к Ведомостям» появилось еще отдельное издание оды, тоже анонимное.

«В восшествии на престол Елизаветы, — говорит С. М. Соловьев, — выразилось противодействие порядку вещей, господствовавшему в два предшествовавшие царствования, когда на главных местах, с главным влиянием

Библиотека "Руниверс"

на дела военные и гражданские явились иностранцы». Понятно поэтому, что в первые дни после дворцового переворота, произведенного в ночь на 25 ноября 1741 г., все эти влиятельные иностранцы «жили постоянно, — по выражению того же историка, — между страхом и надеждою» (Соловьев, кн. V, стлб. 135 и 146). В таком именно состоянии находились в эти дни, конечно, и И.-Д. Шумахер, фактический руководитель Академии наук, и Я. Я. Штелин, успевший уже к тому времени получить должность профессора элоквенции и поэзии. Оба, опасаясь за свое благополучие, спешили громогласно выразить преданность новой императрице. Этим объясняется та торопливость, с какой издана была публикуемая ода: она была задумана, сочинена по-немецки, переведена на русский язык, одобрена, набрана и отпечатана на протяжении всего тринадцати дней.

Некоторую тревогу должен был испытывать в эти дни и Ломоносов, который всего три месяца назад — по собственному ли почину или по требованию Шумахера — выпустил в свет оду, прославлявшую «первые трофеи» свергнутого теперь младенца-императора (стихотворение 22); экземпляры этой оды были вскоре изъяты новым правительством из обращения.

Все эти обстоятельства сказались очень заметно на качестве оды. Немецкий ее текст представляет собой довольно бессвязный набор высокопарно-льстивых слов, лишенный какой бы то ни было идеи, каких бы то ни было поэтических образов и — само собою разумеется — какой бы то ни было искренности. Профессор элоквенции и поэзии, желая, должно быть, щегольнуть тонким пониманием особенностей русского языка и русской жизни, называет императрицу Елизавету Петровну в своих немецких стихах просто «Петровной». Такой оригинал, да еще при описанных выше обстоятельствах, не мог вдохновить Ломоносова. Русский перевод штелинской оды является, пожалуй, самым неудачным из всех его стихотворных произведений. Ни в одном из них не встречается такого количества плохих рифм (светý — кажý, тишине — лице, вступи — вси, своим — Константин; что же касается женских рифм, то они в большинстве случаев глагольные). Нигде Ломоносов не прибегает так часто к «пиитическим вольностям» в духе Тредиаковского (прельстити, взвеселити, возрит, пусь, превсходили). Только здесь, наконец, сталкиваемся мы с грубыми нарушениями стихотворного ритма («Не основатель ли того приходит», «В тебе щедрота божия зрится»). Последнее обстоятельство позволяет предположить, что Шумахер и Штелин выхватили, так сказать, из рук Ломоносова недоработанный перевод, не дав времени заняться его отделкой.

[1] Императрица Елизавета Петровна, которая, приступая к совершению дворцового переворота, вышла к преображенским гренадерам с крестом в руках, сравнивается с императором Константином Великим, на чьем боевом знамени был, по преданию, изображен крест.

Библиотека "Руниверс"

[2] Весьма вероятно, что первоначальное «в полон взяла» было заменено словами «к себе взяла» по требованию Штелина. В ночь переворота Елизавета Петровна отвезла свергнутого ею императора Ивана Антоновича и его мать к себе во дворец и на первых порах думала, оставив их на свободе, выслать за границу (Соловьев, кн. V, стлб. 125 и 130).

[3] В эпоху бироновщины русское «ура» было заменено латинским «виват».

[4] «Звон» изменено на «тон», вероятно тоже по требованию Штелина: в немецком подлиннике «Ton».

[5] Шумахер и Штелин не приметили, по-видимому, что Ломоносов отошел в этом случае от немецкого подлинника; там было:

... was Peter ausgericht,
Verlässt Petrownens Grossmuht nicht,

т. е. в буквальном переводе: «... что Петр соорудил, того не покинет великодушие Петровны». Ломоносов заменил слова «не покинет» словом «восставит», т. е. восстановит, что придавало стиху совсем иной смысл, едва ли угодный Шумахеру.

1742

24

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 121—127) с указанием в сносках вариантов по Отд. изд. 1742, Рит. 1744, Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рук. 1751, Соч. 1751, Соч. 1759, Рит. 1765.

Местонахождение рукописи 1742 г. неизвестно.

Впервые напечатано — отдельным изданием в 1742 г.

Датируется предположительно промежутком времени с 28 ноября 1741 г. (день издания императрицей Елизаветой манифеста о престолонаследии) по 5 февраля 1742 г. (день приезда вел. князя Петра Федоровича в Петербург). Тотчас по подписании упомянутого манифеста Елизавета Петровна послала майора Н.-Ф. Корфа в Голштинию за своим племянником (Соловьев, кн. V, стлб. 130—131), о чем в Академии наук стало, вероятно, известно сразу же через Шумахера, чрезвычайно внимательно следившего за всем, что происходило при дворе, и превосходно осведомленного о всех дипломатических новостях: его подручный и будущий зять Тауберт занимался в то время по поручению Коллегии иностранных дел перлюстрацией секретных донесений иностранных послов (там же, стлб. 249).

Таким образом, публикуемая ода писалась Ломоносовым в то самое время, когда он был поглощен заботами о получении должности адъюнкта

Библиотека "Руниверс"

(т. X наст. изд., документ 476). Назначение его адъюнктом, зависевшее от Шумахера, состоялось 8 января 1742 г., но было официально объявлено (как теперь выяснилось) только несколько месяцев спустя (там же, примечания к документу 476), так что служебное положение Ломоносова и в январе, и в феврале продолжало все еще оставаться неопределенным. Можно полагать, что ода была написана по предложению Шумахера, который имел в это время достаточно оснований тревожиться за свою судьбу.

Все эти обстоятельства не могли не сказаться на качестве оды: она несравненно беднее и содержанием, и образами, чем другие произведения Ломоносова подобного же рода. Да и мог ли вдохновить его в эту пору подъема национальных чувств приезд в Россию тринадцатилетнего, не говорившего по-русски голштинского принца Карла-Петра-Ульриха, которого прочили в русские императоры?

Ломоносов был, видимо, и сам не удовлетворен своей одой: в процессе подготовки второго варианта «Риторики» (1744—1747 гг.) он коренным образом переработал весь текст оды от начала до конца.

[1] Имеется в виду бироновщина и события 1741 г.

[2] Речь идет о дочери Петра I Анне, умершей в 1728 г. От брака ее с герцогом голштейн-готторпским родился будущий Петр III.

[3] См. т. VII наст. изд., стр. 59. — Военные действия против шведов были приостановлены; предпринимались попытки начать мирные переговоры (Соловьев, кн. V, стлб. 171—176).

[4] См. примечание 33 к стихотворению 4.

[5] См. т. VII наст. изд., стр. 267—268.

[6] См. т. VII наст. изд., стр. 253. — Мать вел. князя Петра Федоровича уехала из Петербурга в Голштинию морским путем за $6\frac{1}{2}$ месяцев до рождения сына.

[7] День приезда великого князя в Петербург был действительно до полудня «без ветра и тумана, ясный» (Commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae [Комментарии Петербургской Академии наук], т. XIV, стр. 240—246).

[8] См. т. VII наст. изд., стр. 255. — Первые шесть стихов этой строфы введены Екатериной II в текст ее «исторического представления» под заглавием «Начальное управление Олега», разыгранного в октябре 1790 г. на придворной сцене. Стихи Ломоносова были положены на музыку, и их пел хор в сцене приема Олега византийским императором (Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1901, стр. 294 и 308).

[9] Имеется в виду иллюминация и фейерверк 10 февраля 1742 г.

[10] См. т. VII наст. изд., стр. 231.

[11] См. т. VII наст. изд., стр. 63.

[12] См. т. VII наст. изд., стр. 62.

Библиотека "Руниверс"

25

Печатается по тексту первого издания.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — отдельным изданием в апреле 1742 г.

Датируется предположительно мартом—апрелем 1742 г., не позднее апреля 29. Весь тон переведенной Ломоносовым оды Юнкера говорит о том, что она писалась в период, когда шли военные действия против Швеции, а они возобновились в начале марта 1742 г.; к 29 апреля того же года и ода, и русский ее перевод были уже несомненно написаны (см. ниже).

К публичному собранию Академии наук, которое должно было состояться в конце апреля 1742 г. по случаю происходившей в Москве коронации императрицы Елизаветы Петровны, были подготовлены ученая речь на латинском языке и хвалебная ода на немецком языке. Оду написал почетный член Академии, бывший профессор поэзии Г.-Ф.-В. Юнкер, а перевел ее на русский язык Ломоносов, назначенный в январе 1742 г. адъюнктом Академии, но еще не допущенный к участию в заседаниях Академического собрания (см. т. X наст. изд., примечания к документу 476). Публичное собрание происходило 29 апреля 1742 г. Юнкер продекламировал немецкий текст своей оды, русский же ее перевод не был оглашен. Ограничились тем, что напечатали его вместе с немецким оригиналом отдельным изданием (Пекарский, I, стр. 488—489).

Юнкер, любимец Миниха, Бирона и И.-Д. Шумахера, весьма точно и выразительно охарактеризован историографом Г.-Ф. Миллером, который говорит про него, что он «брался за все, что ему ни поручали: когда ему какой-нибудь предмет не был известен, то умел он ознакомливаться с ним при помощи неутомимого прилежания» и что стихи он писал, «не приготовляясь, на всякий представлявшийся ему случай» (Материалы, т. VI, стр. 214—215). Таких случаев было много, и Юнкер с неизменным успехом приветствовал в своих стихах и принца Антона-Ульриха Брауншвейгского, и его жену, кратковременную «правительницу» Анну Леопольдовну, и столь же кратковременного президента Академии наук барона Г.-К. Кейзерлинга, и даже свояченицу Бирона. Миллер прав и в том случае, когда утверждает, что Юнкер «был более чем счастливый стихотворец» («Sammlung Russischer Geschichte», т. IX, СПб., 1764, стр. 3).

Коронационная ода Юнкера выгодно отличалась от поздравительной оды Я. Я. Штелина, поднесенной новой императрице четыре месяца назад, ко дню ее рождения (стихотворение 23 и примечания к нему). Ода Юнкера, как и ода Штелина, не имела, разумеется, ничего общего с подлинной поэзией, была многословна, но написана была гладко, связно и заключала в себе не одну только пустую лесть, но и кое-какое реальное содержание: в ней осторожно, но умно затрагивались важнейшие вопросы тогдашней

Библиотека "Руниверс"

политической жизни. Как отнеслись к этому риторическому произведению русские слушатели и читатели, мы не знаем, что же касается соотечественников Юнкера, то они оценивали его оду очень высоко (Материалы, т. VI, стр. 550).

Пришлась она, видимо, по душе и Ломоносову: он перевел ее, во всяком случае, с несравненно большим старанием и одушевлением, чем убогие штелинские вирши. Не исключена возможность, что тут сыграло некоторую роль и сравнительно давнее уже в то время и довольно близкое личное знакомство с Юнкером, деловая связь с которым завязалась у Ломоносова еще за границей (т. X наст. изд., документ 520 и примечания к нему). Ломоносовский перевод воспроизводит с почти безупречной точностью и форму, и содержание, и общий тон немецкого подлинника.

[1] Государственным гербом императорской России был двуглавый орел, а государственным гербом Швеции лев. Отсюда «орлы» — русские, «львы» — шведы. Речь идет о возобновившейся в начале марта 1742 г. войне с шведами.

[2] «Трофеем» и «наследством» Петра I именуются его завоевания в Прибалтике. В начале 1742 г. шведский главнокомандующий заявил, что не заключит мира, пока Россия не согласится вернуть эти земли (Соловьев, кн. V, стлб. 171).

[3] Т. е. воспятил, заставил попятиться.

[4] Вместо «покров земли, тебе врученной», у Юнкера «der Trost der Deinen» («утешение твоих подданных»).

[5] Культ Петра I заставил Ломоносова отойти в этом случае от немецкого подлинника: Юнкер говорит о прошлом — «Dergleichen Kaiser hat der Himmel nie gegeben» («Подобного ему императора небо никогда еще не давало»); Ломоносов, поступаясь придворной вежливостью, говорит о будущем —

Весь свет, что чтит его, ему не узрит равных.

[6] Заключительные два стиха 3-й строфы переведены Ломоносовым неудачно: в немецком подлиннике —

Welch Stück der Herrschungs-Kunst kan kluger Witz erlesen,
Das er nicht selbst bewirkt, wo nicht sein Geist gewesen,

т. е. в буквальном переводе: «Какую область правительского искусства изыщет мудрый ум, в которой он (Петр I) не действовал бы, где не побывал бы мысленно?»

[7] Ср. примечания к стихотворению 1. А. П. Сумароков называл «понеже» одним из «любимых» слов подьячих (Сумароков, VI, стр. 334), а младший современник Ломоносова Н. Г. Курганов напечатал целое стихотворение, где высмеивается это слово (Н. Курганов. Российская универ-

Библиотека "Руниверс"

сальная грамматика, или всеобщее письмословие. СПб., 1769, стр. 261). В более поздних произведениях Ломоносова оно не встречается.

[8] Талан — счастье, удача.

[9] В Бозе — в боге.

[10] Строфы 8 и 9 содержат осторожную отповедь православному духовенству, которое в первые месяцы после воцарения весьма набожной Елизаветы Петровны подняло голову и повело решительную кампанию против занимавших высокие посты иностранцев (Соловьев, кн. V, стлб. 148—151); эта кампания не могла не волновать обласканного прежними правительствами Юнкера.

[11] Бразды — удила.

[12] Последние два стиха строфы 11 переведены Ломоносовым не совсем удачно. в немецком подлиннике —

> . . . Das Fürsten offt verschmähn, und Könige versäumen,
> Wenn, aus Verhängniss, sie von falscher Grösse träumen,

т. е. в буквальном переводе: «. . . Чем князья часто пренебрегают и что короли упускают, когда волею судеб грезят о ложном величии».

[13] Неж — усеченное (в порядке «пиитической вольности») церковнославянское «неже», т. е. «нежели».

[14] Представителей боровшихся между собой придворных партий раздражала медлительность, которую проявляла новая императрица при решении волновавших их вопросов (ср. Соловьев, кн. V, стлб. 169).

[15] Ось — ость, колючий усик на оболочке зерна.

[16] И воевавшее с Россией шведское правительство, и вдохновлявший его враждебные действия французский двор заявляли новой русской императрице, что питают к ней дружеские чувства (Соловьев, кн. V, стлб. 172 и 174).

[17] Речь идет о татаро-монгольском иге и о Батые.

[18] Мелибок — древнее название горы Броккен, вершины горного массива Гарц в Германии.

[19] В немецком подлиннике, кроме Черного понта, т. е. Черного моря, упоминается еще Faul-Meer, т. е. Гнилое море, Сиваш, где Юнкер побывал в 1736 г. во время крымского похода Миниха («Beiträge zur Geschichte des Russischen Reiches». Leipzig [«Добавления к истории Русского государства». Лейпциг], 1843, стр. 178 и 184).

[20] Русскому военному флоту, и в частности галерному флоту, предстояло сыграть важную роль в конце русско-шведской войны 1741—1742 гг. (ср. примечание 20 к стихотворению 27).

[21] Ружье — оружие.

[22] Снаряд — запас вооружения.

Библиотека "Руниверс"

[23] Императрица Елизавета пыталась через посредство французского посла побудить шведское правительство к заключению мира (Соловьев, кн. V, стлб. 171).

[24] Т. е. английской королеве Елизавете.

[25] Юнкер занимался изучением соляных ресурсов России и утверждал, что умелая их эксплуатация может обогатить русскую казну (см. т. V наст. изд., стр. 243—247; ср. т. X наст. изд., документ 520 и примечания к нему).

[26] В немецком подлиннике речь идет не о «согласии» «дел с речьми», т. е. не о том, чтобы слово не расходилось с делом, а о том, чтобы слово и письмо имели равную цену («das Wort und Schrift in gleichem Werthe stehn»), т. е. чтобы устное обязательство соблюдалось так же строго, как письменное.

[27] Спона — препона, препятствие, помеха.

[28] Власно — точно так же, точь-в-точь.

[29] Последние четыре стиха строфы 33 передают с образцовой точностью содержание соответствующих стихов Юнкера, но в русском переводе поэта-естествоиспытателя звучат гораздо сильнее, чем в немецком подлиннике:

Sei wie das Mittel-Licht im weiten Bau der Welt,
Das rüstig sich bewegt, aus eigner Krafft sich hält,
Und so viel Cörper noch um sich mit Ordnung treibet,
Das jeder in dem Creyß der ewgen Vorschrifft bleibet.

[30] Т. е. непогоды, ненастья.

26

Печатается по собственноручному подлиннику, правленному неизвестной рукой (ААН, ф. 20, оп. 3, № 99).

Публикуется впервые.

Датируется предположительно промежутком времени с 25 апреля 1742 г. (день смерти А.-Г. Ливена) по 15 июня того же года (когда И.-Д. Шумахером написано Г.-Р. Ливену письмо, из которого видно, что публикуемая надгробная надпись была к этому времени уже сочинена).

25 апреля 1741 г., когда Ломоносов был еще за границей, а Россией правил в звании регента Бирон, некий генерал-майор русской службы барон Георг-Рейнгольд Ливен обратился к своему «другу и покровителю» И.-Д. Шумахеру с просьбой «поручить какому-либо искусному в таких печальных вещах человеку» составление эпитафии на русском и латинском языках для надгробного памятника на могиле жены Ливена, умершей 18 декабря 1740 г. (ААН, ф. 1, оп. 3, № 31, л. 128—128 об.). Шумахер исполнил эту просьбу, и серебряная доска с сочиненной под его присмотром эпитафией еще красовалась в начале нынешнего столетия в «придворной»

Библиотека "Руниверс"

церкви Скоропадских в селе Дунайце, Глуховского уезда, Черниговской губернии («Русский архив», 1901, кн. III, стр. 127): жена Ливена была дочерью «первейшего» бунчукового товарища М. В. Скоропадского (В. Л. Модзалевский. Малороссийский родословник, т. IV. Киев, 1914, стр. 663—666), и ее муж чрезвычайно гордился ее знатным происхождением. Когда 25 апреля 1742 г. умер сын Ливена, он снова обратился к Шумахеру с просьбой о составлении надгробной надписи, сочинение которой было поручено на этот раз Ломоносову, незадолго перед тем назначенному адъюнктом Академии наук (т. X наст. изд., документ 476). «Если проект эпитафии имел честь вам понравиться, — писал Шумахер Ливену 18 июня 1742 г., — то прошу вашего указания, делать ли ее в том же размере, как и предыдущую?» (ААН. ф. 1, оп. 3, № 16, л. 381). Понравился ли Ливену проект и был ли он осуществлен, мы не знаем.

Не мешает упомянуть, что в это время шла еще война с Швецией, что Ливен, курляндский немец, родившийся в шведском подданстве и весьма непопулярный в русской офицерской и солдатской среде, командуя Конногвардейским полком, находился в действующей армии в Финляндии и что в те самые дни, когда сочинялась публикуемая эпитафия (6 июня 1742 г.), гвардейские солдаты, заподозрив Ливена в тайных сношениях с неприятелем, подняли открытый мятеж (Соловьев, кн. V, стлб. 181; ср. также стлб. 507 и 992; К. Штакельберг. Полтора века Конной гвардии. СПб., 1881. стр. 158). Подобные же подозрения навлек на себя Ливен и во время Семилетней войны (Болотов, т. I, стлб. 568).

Публикуемая надпись интересна не столько в литературном, сколько в биографическом отношении: она наглядно показывает, на что расходовал Шумахер время и творческую энергию молодого русского адъюнкта, успевшего уже к тому времени зарекомендовать себя и в качестве естествоиспытателя и в качестве поэта.

[1] Мать жены Ливена У. Ю. Скоропадская была из рода князей Четвертинских (В. Л. Модзалевский. Малороссийский родословник, т. IV. Киев. 1914, стр. 663). В письме к Шумахеру Ливен просил непременно упомянуть в эпитафии его жены об ее родстве со Скоропадскими и Четвертинскими.

27

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757. стр. 39—56) с указанием в сносках разночтений по Рит. 1744, Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рук. 1751, Соч. 1751, Соч. 1759, Рит. 1765

Местонахождение рукописи 1742 г. неизвестно.

Впервые напечатано — Соч. 1751.

Библиотека "Руниверс"

Датируется предположительно промежутком времени с 26 сентября по 20 декабря 1742 г. Указ Сената от 22 сентября 1742 г. о том, что императрица собирается выехать из Москвы «по первому зимнему пути», был получен в Академии наук 26 сентября (ААН, ф. 3, оп. 1, № 945, л. 151), причем Академия была тотчас же привлечена к участию в устройстве торжественной встречи (там же, л. 153); возвратилась же Елизавета Петровна в Петербург 20 декабря того же года (Акад. изд., т. I, стр. 190 втор. паг.).

Публикуемая ода занимает и в поэтическом творчестве Ломоносова, и в его биографии особое место. Для правильной оценки этого произведения необходимо учесть те исключительные обстоятельства, при которых оно писалось.

Разбирая оду, критик начала прошлого столетия, А. Ф. Мерзляков, говорил не без основания, что «песнопевец приметно увлекался порывами пламенного своего гения» и писал оду «в разное время и не в одинаковом расположении духа» («Труды Общества любителей российской словесности», 1817, ч. VII, стр. 45).

Воспетый Ломоносовым въезд императрицы в Петербург был обставлен необыкновенно пышно. Отзвуки громогласного празднества слышны в оде. 1742 год был годом резкого подъема национального самосознания. Русские люди простодушно надеялись, что с падением Бирона, Миниха и Остермана и с изгнанием Брауншвейгской династии деспотическому господству иностранцев пришел конец; многим чудилось, будто дочь Петра I в самом деле, как пели семинаристы, «свободила народ бедный». Такие настроения не могли быть чужды и Ломоносову. Их питала обстановка, сложившаяся к тому времени в Академии наук: 7 октября 1742 г. Шумахер по жалобам близких Ломоносову академических служащих был, как известно, арестован и заменен А. К. Нартовым, питомцем Петра I, благоволившим к Ломоносову. Однако же «расположение духа» у Ломоносова — это тоже твердо известно — было в эту пору хоть и неизменно боевое, но, по верной догадке Мерзлякова, не всегда «одинаковое»: именно к этим последним месяцам 1742 г. относятся резкие стычки Ломоносова с представителями реакционных академических кругов. Радужные надежды сменялись далеко не беспочвенными опасениями: становилось ясно, что и в Академии, и в правящих верхах Шумахер нашел себе надежных заступников; 28 декабря 1742 г. он был освобожден из-под стражи, а еще через две недели были арестованы его обвинители.

Подъему патриотических чувств способствовала, кроме того, и международная обстановка. Приведение к почетному окончанию беспричинно начатой шведами войны, происходившей в непосредственной близости от Петербурга, было центральным вопросом политического дня. Ломоносов, при его ярко выраженном отвращении к завоевательным войнам, не мог отно-

Библиотека "Руниверс"

ситься к этому вопросу равнодушно. Ему было, конечно, известно, что Швеция, несмотря на понесенное ею поражение, требует возвращения завоеванных Петром Выборга и Кексгольма и что французская дипломатия, стремясь ослабить Россию и оттеснить ее на восток, добивается удовлетворения этих требований. Прав поэтому Державин, когда приводит некоторые строфы публикуемой оды как пример «гневного вдохновения» (Сочинения Державина, [СПб.], 1872, т. VII, стр. 524): нигде, пожалуй, публицистическая лирика Ломоносова не звучит так искренно, как в этих строфах. Поэт, дав волю избытку чувств, пренебрег им же установленной мерой объема: количество строф в оде превысило обычную для Ломоносова норму ровно вдвое.

Ода была напечатана только через девять лет после того, как была написана. Опубликовать ее ко дню торжества помешала, очевидно, напряженная академическая обстановка. Выпущенная в 1748 г. «Риторика» Ломоносова познакомила читателей лишь с отдельными фрагментами оды, правда, многочисленными (см. т. VII наст. изд., стр. 123—124, 153, 210, 224, 238, 240, 258, 271, 283 и 285, 286). Обилие ссылок на нее в «Риторике» говорит о том, что Ломоносов относил данную оду к числу наиболее сильных своих произведений.

[1] См. т. VII наст. изд., стр. 210 и 258. — Брегами Ботнийских вод Ломоносов называет берега Ботнического залива, которые в то время еще все целиком принадлежали Швеции.

[2] 11—27 стихи являются как бы программными: Ломоносов определяет в них стиль своей «парящей» лирики, ее «высокий тон», не допускающий «спустить свой в долы взор», ее стремление подражать звуку «гремящих арф» и ее преемственную связь с античной поэзией (ср. т. X наст. изд., письмо 35 с теми же, как здесь, ссылками на Гомера и Овидия).

[3] См. т. VII наст. изд., стр. 285.

[4] Ветхий деньми — библейская парафраза; так в некоторых ветхозаветных книгах именовался бог. Ветхозаветным образам и интонациям отведено в этой оде значительное место.

[5] Ломоносов говорит в данном случае о современном ему новом поколении русских людей, которое сложилось в тяжелые времена бироновщины.

[6] Имеется в виду библейское сказание о всемирном потопе, по окончании которого на тучах появилась радуга в знак того, что второго потопа не будет.

[7] Влиянный — влитый.

[8] См. т. VII наст. изд., стр. 238, 240.

[9] Готфска — шведского.

[10] Намек на то, что шведы наступали с запада, т. е. в направлении, обратном движению Солнца.

Библиотека "Руниверс"

[11] Очевидно, Кюмень, или, точнее, Кюммене, одна из наиболее значительных рек южной Финляндии. По ней пролегла новая русско-шведская граница после заключенного в 1743 г. мира.

[12] Под солнцем следует разуметь Францию (вероятно, по прозвищу Людовика IV — «король-солнце»), под луной — Турцию. Намек на тогдашние дипломатические интриги Франции, которая пыталась склонить Турцию к военному союзу с Швецией.

[13] Край Понтийский — Черноморское побережье, находившееся тогда под властью Турции и Крымского ханства. Намек на Азовский поход Петра I и на завершившуюся в 1739 г. русско-турецкую войну.

[14] Напоминание о Полтавской битве.

[15] Хребет Рифейский — Уральские горы, восточная граница Сибири. Шведы, взятые в плен в период Великой Северной войны, были сосланы в Сибирь.

[16] Орел — герб императорской России; лев — герб Швеции.

[17] В 155—158 стихах характерная для Ломоносова звукопись.

[18] См. т. VII наст. изд., стр. 247.

[19] См. т. VII наст. изд., стр. 283.

[20] В военных действиях против Швеции большое участие принимал русский галерный, т. е. гребной флот. 29 июля 1742 г. он обратил в бегство шведскую эскадру, в составе которой, кроме галер, были и крупные военные суда («Примечания к Ведомостям», 1742, чч. 70—77, стр. 278, 280, 288, 290, 297, 312 и др.).

[21] Намек на честолюбивые замыслы Карла XII, а может быть, и Густава-Адольфа.

[22] В русских военных реляциях, которыми наполнены были номера «Примечаний к Ведомостям» в сентябре 1742 г., не раз говорилось о «робостной ретираде» противника, который «с такою конфузиею бежал, будто его скрозь спицрутен гнали» (стр. 310, 313 и др.).

[23] Чтобы принудить шведское правительство к большей сговорчивости, русское командование 28 февраля 1742 г. объявило о прекращении перемирия, причем главнокомандующий П. П. Ласси не нашел ничего лучшего, как дать распоряжение о поджоге финских деревень, что и выполнялось (Прим. к Вед., 1742, стр. 117—128). Затем прибегли, однако, к другим мерам. Зная, как тяготит Финляндию война, «без резону начатая шведами», петербургское правительство издало манифест, предлагавший финнам не принимать участия в военных действиях и обещавший содействовать провозглашению Финляндии независимым государством (Соловьев, кн. V, стлб. 177; ср. ААН, ф. 3, оп. 1, № 945, л. 125). Это и были те «мирные оливы» (оливковая ветвь — символ мира), о которых говорит Ломоносов. Русским воинским частям было строжайше запрещено опустошать финские поселения. Эти меры возымели действие. После состоявшейся 24 августа

Библиотека "Руниверс"

1742 г. капитуляции шведской армии финские полки отказались возвращаться в Швецию и были распущены по домам. В оккупированных русскими войсками районах население, особенно крестьянское, охотно переходило в русское подданство («Примечания к Ведомостям», 1742, стр. 261, 293, 295 и др.).

[24] Имеется в виду только что полученное тогда в Петербурге известие о том, что русская морская экспедиция В. Беринга и А. И. Чирикова достигла берегов Северной Америки. Первое официальное сообщение об этом событии было получено в Петербурге 29 октября 1742 г., когда в Адмиралтейств-коллегию поступил репорт Чирикова от 7 декабря 1741 г. 1 ноября 1742 г. президент Адмиралтейств-коллегии донес императрице, что Чириков «американские берега высочайшим вашего императорского величества счастием обыскал» (А. Покровский. Экспедиция Беринга. М., 1941, стр. 273—285, 399—400). Таким образом, строфа 29 публикуемой оды была написана Ломоносовым во всяком случае не ранее 1 ноября 1742 г.

[25] См. выше, примечание 20.

[26] См. т. VII наст. изд., стр. 123—124.

[27] Екатерина I, мать императрицы Елизаветы.

[28] См. т. VII наст. изд., стр. 271.

[29] Т. е. переплавлю твои артиллерийские орудия в изваяния, в статуи.

[30] Т. е. порох будет тратиться только на фейерверки. — В строфах 37 и 38 обычный для Ломоносова гимн мирной жизни и мирному труду.

[31] См. т. VII наст. изд., стр. 224.

[32] См. т. VII наст. изд., стр. 153.

1743

28

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 127—133) с указанием в сносках вариантов по Рит. 1744, Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рук. 1751, Соч. 1751, Соч. 1759, Рит. 1765.

Местонахождение рукописи 1743 г. неизвестно.

Впервые напечатано — Соч. 1751, стр. 138—145.

Датируется предположительно первой половиной лета 1743 г. 29 июня — день именин великого князя Петра Федоровича; к этому дню и сочинялась ода.

Столкновения Ломоносова с профессорами-иностранцами, начавшиеся в конце 1742 г. (см. примечания к стихотворению 27), продолжались и в первые месяцы следующего года и повели к тому, что профессорами была подана жалоба на Ломоносова в Следственную комиссию, занимавшуюся

Библиотека "Руниверс"

делом Шумахера. Рассмотрев эту жалобу, Следственная комиссия 28 мая 1743 г. арестовала Ломоносова. 23 июня того же года Ломоносовым было подано в Академию наук доношение, где он просил об освобождении из-под стражи (т. X наст. изд., документ 479). Весьма вероятно, что в подкрепление этой просьбы он представил и публикуемую оду, написанную, надо полагать, во время нахождения под арестом.

Семимесячное пребывание под стражей было для Ломоносова временем большого творческого подъема как в области научной, так и в области поэтической. Именно в этот период им был написан, по-видимому, первый вариант «Риторики» (т. VII наст. изд., стр. 790); тогда же, как думают, были набросаны многочисленные заметки по физике и корпускулярной философии (т. I наст. изд., стр. 550, 555, 557—559, 561, 562) и рассуждение «О вольном движении воздуха, в рудниках примеченном» (там же, стр. 565); в эту же пору были созданы, наконец, по всем вероятиям, такие выдающиеся произведения, как «Утреннее размышление», «Вечернее размышление» и «Переложение псалма 143» (стихотворения 30—31 и 29), упрочившие поэтическую славу Ломоносова. Уверенной рукой уже вполне определившегося мастера написана и публикуемая ода.

Поэтическую задачу Ломоносов облегчил себе в данном случае тем, что через голову официального адресата оды обратил свои похвальные стихи к его деду, Петру I.

Чтобы оценить политическое звучание оды, следует иметь в виду, что она писалась в то время, когда в весьма сложной дипломатической обстановке подходили к концу мирные переговоры со шведами. 17 июня 1743 г. уполномоченными обеих сторон был подписан в Або «уверительный акт», т. е. прелиминарный договор, а 23 июня, в тот самый день, когда Ломоносов подал ходатайство об освобождении из-под ареста, в Стокгольме было объявлено о заключении мира. Ни о том, ни о другом событии Ломоносов не мог еще знать, так как русская императрица подписала мирный договор только 19 августа 1743 г. (Соловьев, кн. V, стлб. 225).

[1] См. т. VII наст. изд., стр. 40 и 125.

[2] Обращение к солнцу.

[3] 7 ноября 1742 г. племянник императрицы Елизаветы Петр Федорович был объявлен наследником русского престола, и было приказано именовать его уже не герцогом голштинским, как прежде, а великим князем (ПСЗ, 8658).

[4] См. т. VII наст. изд., стр. 212.

[5] Т. е. шведов.

[6] Т. е. на Швецию.

[7] Упоминание о суде, откуда следует изгнать «лесть и ков», т. е. ложь и коварство, и призыв к защите «общей нашей», т. е. русской национальной,

Библиотека "Руниверс"

чести от мстительных противников многознаменательны в устах Ломоносова, который, став жертвой мести своих противников, находился в то время под следствием и ждал сурового суда.

[8] Швеция, ведя мирные переговоры, была занята одновременно и военными приготовлениями. Вопрос о возобновлении военных действий обсуждался и в русских правительственных сферах (Соловьев, кн. V, стлб. 221—222).

[9] Т. е. в Петербурге, которому угрожали шведы.

[10] См. т. VII наст. изд., стр. 286.

[11] В последних шести стихах 9-й строфы и в первых четырех стихах строфы 10 содержится намек на начинавшуюся турецко-персидскую войну, ареной которой должна была стать Месопотамия. В петербургских дипломатических кругах чрезвычайно внимательно следили за деятельностью персидского завоевателя Надир-шаха и знали, очевидно, что в декабре 1742 г. он подтвердил обещание напасть на Турцию. В мае 1743 г. он направил свои передовые отряды к берегам Тигра, входившим тогда в Багдадскую область Турецкой империи, а 5 июня двинулись туда же и главные силы Надир-шаха (Mirsa Mohammed Mahadi, Chan Masanderani. Geschichte des Nadir Schack, Kaisers von Persien. Aus dem Persischen ins Französische übersetzt von W. Jones. Nach der französischen Ausgabe ins Deutsche übersetzt. Greifswald [Мирза Могаммед Магади, хан мазандеранский. История Надир-шаха, императора Персии. С персидского на французский язык переведено В. Джонсом. С французского издания переведено на немецкий язык. Грейфсвальд], 1773, стр. 360, 362—363). Намек Ломоносова означал, что Россия может не тревожиться в данное время за безопасность своих южных границ, а Швеции не приходится рассчитывать на помощь своей союзницы, Турции, и что вся военная мощь России может быть, следовательно, в случае надобности пущена в ход для усмирения «врагов сварливых», т. е. Швеции.

[12] См. т. VII наст. изд., стр. 270.

[13] Стихи 3—6 строфы 13, где Ломоносов с обычной для его од гиперболичностью воспевает Петра I как создателя новой России, получили своеобразное истолкование в раскольнической литературе XIX в., где видели в этих стихах доказательство того, что Петр был антихристом («Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1863, кн. I, отд. «Смесь», стр. 60—61).

29

Печатается по тексту последнего прижизненного издания (Соч. 1757, стр. 22—25) с указанием в сносках вариантов:

1) по первому изданию 1744 г., обозначаемому сокращенно Три оды; 2) по Рук. 1751, лл. 8—9.

Библиотека "Руниверс"

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано в книге — Три оды парафрастическия псалма 143, сочиненныя чрез трех стихотворцев, из которых каждой одну сложил особливо. СПб., 1744.

Датируется предположительно 1743 г., не позднее декабря 24, когда последовало предложение опубликовать данную оду (см. ниже).

К моменту опубликования данной «парафрастической (т. е. пересказанной, переложенной) оды» поэтическая практика Ломоносова успела уже обеспечить полную и бесповоротную победу тем «правилам российского стихотворства», которые он провозгласил около четырех лет назад в своем знаменитом «Письме» из-за границы и которые встретили тогда решительный отпор со стороны ученейшего теоретика В. К. Тредиаковского и вызвали «ругательную эпиграмму» начинавшего свою поэтическую карьеру А. П. Сумарокова (см. т. VII наст. изд., стр. 782—784). Сумароков из хулителя превратился теперь в убежденного и на первых порах безоговорочного, насколько мы знаем, последователя ломоносовской системы. Сдал свои силлабические позиции и Тредиаковский. Спорным оставался только один, по-видимому, вопрос, затронутый в «Письме» Ломоносова лишь мимоходом: Ломоносов, как видно из сообщений Тредиаковского, продолжал думать, что каждый из предложенных им стихотворных размеров обладает своими, только ему присущими выразительными качествами и что поэтому применение того или иного размера должно зависеть от «состояния и важности материи», т. е. от жанра и темы поэтического произведения (там же, стр. 15 и 785; ср. Г. А. Гуковский. К вопросу о русском классицизме. Состязания и переводы. «Поэтика», сборник статей, IV, Л., 1928, стр. 128). Того же мнения был и Сумароков. Тредиаковский же считал, что «ни которая из сих стоп (т. е. размеров) сама собою не имеет как благородства, так и нежности, но что все сие зависит токмо от изображений, которые стихотворец употребляет в свое сочинение»; он отрицал, иначе говоря, зависимость размера от темы и жанра и утверждал, что в любом жанре и при любой теме допустим любой размер. По этому предмету в 1743 г. у названных трех поэтов, которых еще не разобщала тогда личная вражда, шли горячие споры. Так как вопрос, как замечает Тредиаковский, не мог быть разрешен по большинству голосов, то Сумароков предложил разрешить его путем открытого состязания и выбрать для этого какой-нибудь псалом, который переложить разными размерами. С точки зрения Ломоносова и Сумарокова, такая «высокая материя», как псалом, требовала ямба, Тредиаковский же полагал, что пригоден в этом случае и хорей, который при «нежности» имеет, как он говорил, и «высокость». Условились, что Ломоносов и Сумароков переложат псалом ямбами, а Тредиаковский — хореями и что все три опыта будут представлены затем на суд читателей. Публике предстояло, таким образом, решить — Тредиаковский это подчеркивает — не личный вопрос о том, кто из трех

Библиотека "Руниверс"

поэтов искуснее, а чисто теоретический вопрос о том, обязательно ли в данном случае применение ямба.

Кому-то из трех авторов, вероятнее всего, Сумарокову, занимавшему в то время хоть и невысокую, но довольно видную должность, дававшую доступ в придворные сферы, удалось заинтересовать этим теоретическим вопросом такую особу, как генерал-прокурор кн. Н. Ю. Трубецкой, который 24 декабря 1743 г. предложил Академии наук напечатать все три конкурирующие оды отдельным изданием (ААН, ф. 3, оп. 1, № 512, л. 404). Тредиаковский предпослал им обширное предисловие, где подробно изложил суть спора и все обстоятельства, предшествовавшие состязанию. Далее был напечатан церковно-славянский текст псалма 143, а вслед за ним три стихотворных его переложения. Тредиаковский назвал в предисловии имена всех трех авторов, но умолчал о том, «который из них которую оду сочинил. Знающие их свойства и дух, — добавлял Тредиаковский, — тотчас узнают сами, которая ода через которого сложена».

Он указывал также, что «выбрали себе на сие псалом 143» Ломоносов и Сумароков. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что данный псалом был выбран, вероятно, не Сумароковым, а Ломоносовым. 1743 год был, как известно, годом острого конфликта Ломоносова с профессорами-иностранцами. 28 мая он, по их жалобе (см. примечания к стихотворению 28), был арестован и до начала следующего года оставался под стражей. При этих условиях тема псалма 143, где идет речь об избавлении «из руки сынов чуждих», была, разумеется, весьма созвучна тогдашнему настроению Ломоносова и открывала ему возможность излить свои собственные чувства.

На титульном листе «Трех од парафрастических» значится 1744 год, но, судя по репорту фактора Типографии А. С. Барсова, печатание книги было завершено в последних числах декабря 1743 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 80, л. 388).

Для того чтобы судить о том, как справились три поэта со стоявшей перед ними задачей, ниже приводятся тексты Сумарокова и Тредиаковского.

Текст Сумарокова

ОДА ПЕРВАЯ ИАМБИЧЕСКАЯ

1

Благословен творец вселенны,
Которым днесь я ополчен!
Се руки ныне вознесенны,
И дух к победе устремлен:
Вся мысль к Тебе надежду правит;
Твоя рука меня прославит.

Библиотека "Руниверс"

2

Защитник слабыя сей груди,
Невидимой своей рукой!
Тобой почтут мои мя люди
Подверженны под скипетр мой.
Правитель бесконечна века!
Кого Ты помнишь! человека.

3

Его весь век, как тень, преходит:
Все дни его есть суета.
Как ветер пыль в ничто преводит,
Так гибнет наша красота.
Кого Ты, Творче, вспоминаешь!
Какой Ты прах днесь прославляешь!

4

О Боже! рцы местам небесным,
Г'де Твой божественный престол,
Превыше звезд верьхам безвесным,
Да приклонятся в ниский дол:
Спустись, да долы освятятся;
Коснись горам, и воздымятся.

5

Да сверкнут молни, гром Твой грянет,
И взыдет вихрь из земных недр;
Рази врага, и не востанет;
Пронзи огнем ревущий ветр;
Смяти его пустивши стрелы;
И дай покой в мои пределы.

6

Простри с небес Свою зеницу,
Избавь мя от врагов моих;
Подай мне крепкую десницу,
Изми мя от сынов чужих:
Разрушь бунтующи народы,
И станут брань творящи воды.

7

Не приклони к их ухо слову:
Дела их гнусны пред Тобой.
Я воспою Тебе песнь нову,
Взнесу до облак голос мой
И восхвалю Тя песнью шумной
В моей Псалтире многострунной.

Библиотека "Руниверс"

8

Дающу области, державу
И царский на главу венец,
Царем спасение и славу.
Премудрый всех судеб Творец!
Ты грозного меча спасаешь,
Даешь победы, низлагаешь.

9

Как гроздь росою напоенный,
Сыны их в юности своей;
И дщери их преукрашенны,
Подобьем красоты церквей:
Богаты, славны, благородны;
Стада овец их многоплодны.

10

Волы в лугах благоуханных,
Во множестве слатчайших трав,
Спокоясь от трудов им данных,
И весь их скот пасомый здрав:
Нет вопля, слез, и нет печали,
Которыб их не миновали.

11

О! вы щастливые народы,
Имущи таковую часть!
Послушны вам земля и воды,
Над всем, что зрите, ваша власть:
Живущнеж по Творчей воле,
Еще сто крат щастливы боле.

Текст Тредиаковского

ОДА ВТОРАЯ ХОРЕИЧЕСКАЯ

1

Крепкий, чудный, бесконечный,
Полн хвалы, преславный весь,
Боже! Ты един превечный,
Сый Господь вчера и днесь:
Непостижный, неизменный,
Совершенств пресовершенный,
Неприступна окружен
Сам величества лучами
И огньпальных слуг зарями,
О! будь ввек Благославен.

Библиотека "Руниверс"

2

Кто бы толь предивно руки
Без Тебя мне ополчил?
Кто бы пращу, а не луки,
В брань направить научил?
Ей бы меч извлек я тщетво,
Ни копьем сразил бы метно,
Будеб Ты мне не помог,
Перстов трепет ободряя,
Слабость мышцы укрепляя,
Сил Господь и правды Бог.

3

Ныне круг земный да знает
Милость всю ко мне Его;
Дух мой твердо уповает
На Заступника Сего:
Он Защитник, Покровитель,
Он Прибежище, Хранитель,
Повинуя род людей,
Дал Он крайно мне владети
Дал правительство имети,
Чтоб народ прославить сей.

4

Но смотря мою на подлость
И на то, что беден и мал,
Прочих видя верьх и годность
Чтож их жребий не избрал,
Вышняго судьбе дивлюся,
Так глася, в себе стыжуся:
Боже! кто я ницца тварь?
От когож и порожденный?
Пастухом определенный!
Как? О! как могу быть Царь?

5

Толь ничтожну, а познался!
Червя точно, а возвел!
Благ и щедр мне показался!
И по сердцу изобрел!
Лучшель добрых и великих?
Лучшель я мужей толиких?
Ах! и весь род смертных нас
Гниль и прах есть пред Тобою;
Жизнь его тень с суетою,
Дни и ста лет, токмо час.

Библиотека "Руниверс"

6

Ей! злых всяко истребляешь:
Преклони же звездный свод,
И коль яро гром катаешь
Осмотри, снисшед, злой род;
Лиш коснись горам, вздымятся;
Лиш пролей гнев, убоятся;
Грозну молнию блесни,
Тотчас сонм их разженеши,
Тучей бурных стрел смятеши:
Возъярись, не укосни.

7

На защиту мне смиренну
Руку Сам простри с высот,
От врагов же толь презренну
По великости щедрот,
Даруй способ, и избавлюсь;
Вознеси рог, и прославлюсь:
Род чужих, как буйн вод шум.
Быстро с воплем набегает,
Немощь он мою ругает
И приемлет в баснь и глум.

8

Так языком и устами
Сей злословит в суете;
Злый скрежещет и зубами,
Слепо зрясь на высоте;
Смело множеством гордится;
Храбро воружен красится:
А десница хищных сих
Есть десница неправдива;
Душ их скверность нечестива:
Тем спаси мя от таких.

9

Боже! воспою песнь нову,
Ввек Тебе благодаря,
Арфу се держу готову,
Звон внуши и глас Царя:
Десять струн на ней звенящих,
Стройно и красно гласящих
Славу Спаса всех Царей;
Спаса и рабу Давиду,
Смертну страждущу обиду
Лютых от меча людей.

Библиотека "Руниверс"

10

Преклонись еще мольбою,
Ту к Тебе теперь дию,
Сокрушен пад ниц главою,
Перси, зри, мои бию:
О! чужих мя от полчища
Сам избави скоро нища.
Резв язык их суета,
В праву руку к ним вселилась
И лукавно расширилась
Хищна вся неправота.

11

Сии славу полагают
Токмо в множестве богатств,
Дух свой гордо напыщают
Велелепных от изрядств:
Все красуются сынами,
Больше как весна цветами;
Дщерей всех прекрасных зрят,
В злате, нежно намащенных,
Толь нет храмов испещренных:
Тем о Вышнем не радят.

12

Их сокровище обильно,
Недостатка нет при нем,
Льет довольство всюду сильно,
А избыток есть во всем:
Овцы в поле многоплодны,
И волов стада породны;
Их оградам не льзя пасть;
Татю вкрасться в те не можно;
Все там тихо, осторожно;
Не страшит путей напасть.

13

Вас толь щастием цветущих
Всяк излишно здесь блажит;
Мал чтит и велик идущих,
Уступаяж путь, дрожжит.
О! не вы, не вы блаженны,
Вы коль ни обогащенны:
Токмо тот народ блажен
Бог с которым пребывает
И которой Вечна знает —
Сей есть всем преукрашен.

Библиотека "Руниверс"

Ломоносовское переложение псалма 143 было ближе к библейскому подлиннику, чем переложения Сумарокова и Тредиаковского; нет сомнения, что он превзошел их и в смысле «жара и изображений» (термины Тредиаковского), т. е. в смысле эмоциональности и образности.

Нам неизвестно, как высказались читатели по волновавшему поэтов теоретическому вопросу. Известно лишь, что он долго еще потом признавался спорным, о чем свидетельствует новое поэтическое состязание Ломоносова и Сумарокова, состоявшееся в 1759—1760 гг. (стихотворение 241 и примечания к нему). Что касается самого Ломоносова, то он довольно скоро отошел от того взгляда, который отстаивал в 1743 г.: в «Риторику», выпущенную в свет в 1748 г., он включил переложение псалма 14, написанное хореями.

Данная «парафрастическая ода» была, насколько известно, первым опытом Ломоносова в этой области, положившим начало целой серии переложений библейских текстов (см. стихотворения 128, 129, 151, 170—174), которая составила один из самых ценных вкладов Ломоносова в сокровищницу русской лирической поэзии.

[1] Здесь, как и в других поэтических произведениях Ломоносова (стихотворения 149, 174, 213, 232), слово «рог» употреблено в том переносном, символическом значении, какое придала ему Библия. Это значение восходит к древнейшим мифологическим представлениям евреев, относящимся к той, еще добиблейской эпохе, когда олицетворением верховного божества был у них бык. С той поры на долгие времена вплоть до первых веков христианства рог как атрибут божества стал обычным литературным символом царственного величия и грозной силы. Для поэтической стилистики Ломоносова характерно, что, пользуясь в известных случаях библейской лексикой, он сохраняет и соответствующую фразеологию; так, слово «рог» встречается у него, как и в Библии, всегда в устойчивом сочетании с глаголами двух вполне определенных семантических рядов: либо вознести, воздвигнуть, возвысить, поднять, возрастить, либо сотреть, т. е. стереть, сокрушить, сломать, уничтожить.

30

Печатается по тексту последнего прижизненного издания (Соч. 1757, стр. 32—33) с указанием в сносках вариантов по Рук. 1751.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — Соч. 1751, стр. 41—43.

Датируется предположительно 1743 г. по тесной связи с «Вечерним размышлением о божием величестве» (стихотворение 31), которое, по свидетельству самого Ломоносова, написано в 1743 г. (т. III наст. изд., стр. 123;

Библиотека "Руниверс"

ср. Будилович, II, стр. 10; Акад. изд., т. I, стр. 246 втор. паг.). Так как с мая и до конца 1743 г. Ломоносов находился под стражей, то весьма вероятно, что оба «Размышления» написаны им в период заключения.

Публикуемое стихотворение принадлежит к числу тех поэтических произведений Ломоносова (стихотворения 31, 151, 174, 191 и 254), где он выступает не только как художник слова, но и как естествоиспытатель и мыслитель, утверждающий материальность происходящих в природе явлений и независимость их от человеческого сознания. Еще Гоголем было отмечено, что в описаниях, которые встречаются в таких произведениях Ломоносова, «слышен взгляд скорее ученого натуралиста, нежели поэта, но чистосердечная сила восторга превратила натуралиста в поэта» (Н. В. Гоголь, Собрание сочинений в шести томах, т. VI, М., 1953, стр. 144). Ту же мысль развивает и Г. В. Плеханов: «Поэтом несомненным, глубоко чувствующим поэтом, — говорит он о Ломоносове, — он становится тогда, когда смотрит на вселенную не с точки зрения того или другого мифа, а с точки зрения современного ему естествознания, так хорошо ему знакомого». И, как бы поясняя слова Гоголя о «чистосердечной силе восторга», Плеханов добавляет: «Научное представление о космосе располагало душу Ломоносова к живейшему принятию впечатлений, получавшихся им от картин природы» (Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. II. М., 1915, стр. 208 и 209).

Свою оду «Вечернее размышление о божием величестве» Ломоносов в других своих сочинениях называет «одой о северном сиянии» (т. III наст изд., стр. 123). В соответствии с этим и «Утреннее размышление» должно было бы называться одой о солнце. Нет сомнения, что слова «о божием величестве» введены Ломоносовым в официальные заглавия обеих од главным образом по соображениям цензурным: положенные в основу этих од материалистические представления о вселенной, и в частности о небесных телах, вызывали деятельный отпор со стороны церковных властей. Не приходится отрицать, что в мировоззрении Ломоносова, как и в мировоззрении многих других передовых мыслителей его времени, были черты, близкие к деизму (ср. Берков, стр. 198—202), и что часто повторяемое в обеих одах слово «бог» являлось в устах Ломоносова синонимом слов «природа», «натура», «естество». Образованные читатели той поры отдавали себе в этом отчет и видели в этих одах не «духовные оды», не религиозную лирику, а «аллегории», истинной темой которых были вопросы космологического и астрофизического характера. Именно так толковал, например, эти оды неизвестный нам младший, хорошо начитанный современник Ломоносова, который в дошедшей до нас, но не опубликованной рукописи излагает суть и историю гелиоцентрического учения, касается особенно пугавшего духовную цензуру вопроса о множественности обитаемых миров («о обитаемых небесных корпусах») и пересыпает свой текст обширными выписками из «Вечер-

Библиотека "Руниверс"

него размышления», «Письма о пользе стекла» и «Явления Венеры на Солнце» (ААН, ф. 20, оп. 6, № 35).

В публикуемой оде о солнце Ломоносов выдвигает революционную для его эпохи идею о наличии на солнечной поверхности постоянно происходящих процессов изменения состояния вещества. Применяемые в наши дни новые методы исследования небесных тел полностью подтвердили эту догадку: с точки зрения современной науки, природа фотосферы Солнца представляется именно такой, какой описывает ее в своих стихах Ломоносов.

«Утреннее размышление» быстро приобрело широчайшую известность не только в кругу тогдашнего образованного общества, но и за его пределами: достаточно сказать, что оно, как и «Вечернее размышление», как и ломоносовские переложения псалмов, заняло большое и прочное место в рукописных песенниках, которыми был так богат XVIII век. Это свидетельствует о том, что данные произведения Ломоносова «много, часто, в широкой городской и не только городской среде распевались любителями, твердились ими наизусть, повторялись с голоса, в новых и новых вариантах» (Т. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом, т. I. М., 1952, стр. 59, 481—482).

В год смерти Ломоносова «Утреннее размышление» было напечатано в Париже во французском переводе, а в 1802 г. в Ревеле вышел в свет и немецкий его перевод. Судьба французского перевода замечательна. В 1765 г. ревностный поклонник Ломоносова А. П. Шувалов выпустил в Париже свой прозаический французский перевод «Размышления» в виде приложения к своей, французской же, оде на смерть Ломоносова (Ode sur la mort de Monsieur Lomonosof de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg. [Paris], 1765, стр. 11—13). В следующем, 1766 г. в парижском журнале «Almanach des Muses» («Альманах муз», 1766, стр. 1—3) появился и стихотворный французский перевод под заглавием «Le lever du Soleil» («Восход солнца»), выполненный французским поэтом А.-М. Лемьером, который не указал, однако, имени Ломоносова, ввиду чего стихотворение было принято французскими читателями за оригинальное французское. Двенадцать лет спустя, в 1778 г., было опубликовано в Париже письмо известного французского поэта и критика Ж.-Ф. Лагарпа к Ж. Лакомбу, где было разъяснено, что стихотворение, напечатанное в 1766 г. под именем Лемьера, «является подражанием и что подлинный его автор — покойный г. Ломоносов, о котором здесь не сказано ни слова» (De la Harpe, Œuvres, t. VI, Paris [Де Лагарп, Труды, т. VI, Париж], 1778, стр. 116). В 1782 г. Лемьер переиздал свой перевод, на сей раз с подзаголовком «Вольное подражание русскому поэту», но имени Ломоносова опять не назвал (M. Le Mierre. Pièces fugitives. Париж, 1782, стр. 41—42). Стихотворение было замечено и оценено тогдашними французскими читателями, которые признали его «редким по своему великолепию образцом поэтического творчества» («Литературное наследство»,

Библиотека "Руниверс"

№ 29—30, М., 1937, стр. 210), но так как разъяснение Лагарпа иными, очевидно, было не замечено, а другими забыто, то о Ломоносове не вспомнили и на этот раз.

Немецкий перевод принадлежит И. Г. Беллингсгаузену («Journal der älteren und neueren Russischen Literatur» [«Журнал старейшей и новейшей русской литературы»], 1802, I, стр. 29—31).

31

Печатается по тексту Соч. 1757 (стр. 34—36) с указанием в сносках вариантов по Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рук. 1751 и Рит. 1765.

Местонахождение начальной рукописи 1743 г. неизвестно.

Впервые напечатано — Рит. 1748, стр. 252—254.

Датируется 1743 г. по свидетельству самого Ломоносова, который писал в 1753 г., что его «ода о северном сиянии» «сочинена 1743 года» (т. III наст. изд., стр. 123).

Вопрос о природе северных сияний привлекал внимание Ломоносова в течение всей его жизни — с отроческих лет до самой смерти. «Родившись и жив до возраста в таких местах, где северные сияния часто случаются», он еще мальчиком наблюдал их и у себя на родине, и во время дальних морских и океанских плаваний с отцом на огромном пространстве с 64 до 70° северной широты. После возвращения из-за границы в Петербург, рассказывает Ломоносов, «особливо ж когда громовая электрическая сила открылась, несравненно большее внимание и особливое старание употреблено мною к наблюдениям сих явлений. С 1743 года редко пропущено мною северное сияние, мною виденное, без записки при прочих воздушных переменах» (там же, стр. 485—486 и 123). Таким образом, появление публикуемой оды совпало с самым началом регулярных научных наблюдений Ломоносова в данной области, когда своей точки зрения на природу северных сияний у него еще не сложилось и когда он, по его выражению, терялся, «мысльми утомлен», а в чужих гипотезах не находил удовлетворительных ответов на занимавшие его вопросы («сомнений полон ваш ответ»). Все это с замечательной, можно сказать, протокольной отчетливостью отражено в оде.

Написанная, вероятно, под арестом, ода оставалась ненапечатанной более четырех лет, до конца 1747 г., когда Ломоносов опубликовал ее в составе своей «Риторики». С этого года наблюдения над северными сияниями, не прекращавшиеся после сочинения оды (там же, стр. 123, XVIII), стали производиться Ломоносовым, как он сообщает, более обстоятельно, причем с этого же времени он начал «оные срисовывать» (там же, стр. 486). Из разбросанных в разных местах сообщений Ломоносова нам известно, что он наблюдал северные сияния и в 1745, и в 1748, и в 1750, и в 1753, и в 1762—1763 гг. (там же, стр. 87, 123, 125, 477—479; т. VI наст. изд.,

Библиотека "Руниверс"

стр. 460—462). В 1753 г. им была высказана и обнародована своя собственная, подробно мотивированная гипотеза об электрической природе северных сияний (т. III наст. изд., стр. 81—91, 121—123, 147—149), предвосхитившая результаты экспериментальных исследований, произведенных в нашем столетии (там же, стр. 519). И, наконец, уже в последние годы жизни (1763—1764 гг.) Ломоносов приступил к писанию большого, трехтомного труда под заглавием «Испытание причины северного сияния и подобных явлений», который он намеревался проиллюстрировать коллекцией своих зарисовок. Смерть не дала Ломоносову довести это предприятие до конца (там же, стр. 481—486, 583—587).

Не удивительно, что при таком стойком внимании к вопросу о северных сияниях Ломоносов особенно дорожил своей посвященной им одой. Она была в его глазах не только поэтическим произведением, но и своего рода научной заявкой, на которую десять лет спустя после сочинения оды Ломоносов ссылался, отстаивая свой приоритет: «Ода моя о северном сиянии, — писал он в 1753 г., — которая сочинена 1743 года, а в 1747-м году в Риторике напечатана, содержит мое давнейшее мнение, что северное сияние движением эфира произведено быть может» (там же, стр. 123). Это заявление было сделано в связи с тем, что сходная с ломоносовской гипотеза Франклина была опубликована в 1751 г. (там же, стр. 524, прим. 1).

Ломоносов напечатал «Вечернее размышление» не только в «Риторике», но и в обоих собраниях своих сочинений (июль 1751 г. и сентябрь 1758 г.), причем не переставал отделывать его текст. Эта отделка (см. текстологические сноски) имела задачей воспроизвести ход научной мысли с предельной ясностью, простотой и точностью. Цель была достигнута: лапидарные четырехстопные ямбы с одними мужскими рифмами как нельзя лучше передают пафос поэта и естествоиспытателя.

Современники Ломоносова ставили «Вечернее размышление» выше «Утреннего» (Ode sur la mort de Monsieur Lomonosof de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg. Paris [Ода на смерть господина Ломоносова, члена С.-Петербургской Академии наук. Париж], 1765, стр. 13). В более поздние времена оно было справедливо признано «самым блестящим его стихотворением» (Пекарский, стр. 346).

Полезно сравнить его с прекрасным по-своему прозаическим описанием северного сияния, которое Ломоносов ввел в одну из своих научных работ (т. III наст. изд., стр. 87—89, со слов «Над мрачной хлябию белая дуга сияла...»).

[1] В этой строфе Ломоносов полемизирует с представителями церкви, которые считали в его время, что гелиоцентрическое учение и связанное с ним представление о множественности обитаемых миров умаляют «славу божества».

Библиотека "Руниверс"

[2] Обращение к ученым.

[3] Эту строфу и имел в виду Ломоносов, когда говорил в 1753 г. о своем приоритете (см. выше).

32—41

Печатается по рукописи (ААН, ф. 20, оп. 3, № 47), писанной рукой А. П. Протасова с собственноручными поправками Ломоносова.

Впервые напечатано — Акад. изд., т. III, 1895, стр. 31, 34, 36—37, 37—38, 41, 45, 49, 55—56, 58.

Датируется предположительно. Первый вариант «Риторики» был написан Ломоносовым, по-видимому, в 1743 г. и во всяком случае не позднее конца этого года (т. VII наст. изд., стр. 790—791), а следовательно, не позднее 1743 г. написаны и публикуемые стихотворные отрывки, содержащиеся в этом варианте «Риторики».

Здесь публикуются все стихотворные тексты, введенные Ломоносовым в первый вариант «Риторики», за исключением только 1) тех, которые взяты им из его поэтических произведений, вошедших в настоящий том, и 2) тех, которые вошли во второй вариант «Риторики» в несколько измененном виде; эти последние печатаются в группе стихотворных текстов, содержащихся в «Риторике» 1748 г. (стихотворения 49, 65, 69, 101). Исключение допущено только для стихотворения «Чем ты дале прочь отходишь»: хотя в обоих вариантах «Риторики» окончательный его текст совершенно тождествен, однако в рукописном экземпляре «Риторики» 1747 г. один стих читается иначе (см. стихотворения 37 и 69).

Некоторые из публикуемых стихов (см. тексты из §§ 55, 88, 101, 107 «Риторики»), судя по размеру, рифмовке и стилю, восходят, по-видимому, к одам, однако ни об одном из них нельзя сказать, является ли он отрывком из какой-нибудь не дошедшей до нас, может быть, неоконченной оды, или же представляет собой только неиспользованную заготовку для будущих од (а такого рода заготовки бывали иной раз у Ломоносова в запасе: ср. примечание 2 к стихотворению 43 и примечание 8 к стихотворению 149), или, наконец, написан специально для данного случая.

Подобные же сомнения возникают и в отношении большинства тех стихов, которые лишены признаков одического жанра (тексты из §§ 50, 57, 72, 76, 81), с той только разницей, что едва ли можно видеть в этих стихах заготовки для будущих стихотворений и что с гораздо большей, чем в первом случае, долей вероятия можно считать их законченными поэтическими произведениями, сочиненными ad hoc для иллюстрации того или иного содержащегося в «Риторике» правила.

Библиотека "Руниверс"

32

[1] Т. VII наст. изд., § 41, стр. 37. Текст из § 41 является вольным стихотворным переложением евангельского текста: «Болий в вас да будет, яко мний, и старей, яко служай» (от Луки, гл. 22, ст. 26) или, по предположению Г. И. Бомштейна, другого текста, тоже евангельского: «Иже аще хощет в вас вящший быти, да будет вам слуга» (от Матфея, гл. 20, ст. 26).

33

[1] Т. VII наст. изд., § 50, стр. 39.

34

[1] Т. VII наст. изд., § 55, стр. 41—42

35

[1] Т. VII наст. изд., § 57, стр. 42; вошло без изменений и в Рит. 1748, § 66, стр. 148.

36

[1] Т. VII наст. изд., § 72, стр. 46; двустишие на весьма распространенную в античной поэзии тему о «золотом веке» вошло без изменений и в Рит. 1748, § 132, стр. 206.

37

[1] Т. VII наст. изд., § 76, стр. 47; вошло без изменений и в Рит. 1748, § 136, стр. 210.

38

[1] Т. VII наст. изд., § 81, стр. 49; вошло без изменений и в Рит. 1748, § 145, стр. 218.

39

[1] Т. VII наст. изд., § 88, стр. 53.

40

[1] Т. VII наст. изд., § 101, стр. 59

41

[1] Т. VII наст. изд., § 107, стр. 61.

Библиотека "Руниверс"

1745

42

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 133—141) с указанием в сносках вариантов по Отд. изд. 1745 г., Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рук. 1751, Соч. 1751, Соч. 1759, Рит. 1765.

Местонахождение рукописи 1745 г. неизвестно.

Впервые напечатано отдельным изданием в 1745 г.

Датируется предположительно летом 1745 г.: приготовления к свадьбе великого князя Петра Федоровича с принцессой Ангальт-Цербстской, будущей Екатериной II, начались в феврале 1745 г., состоялась же эта свадьба 21 августа того же года (Соловьев, кн. V, стлб. 339). Ода была написана во всяком случае не позднее 25 августа 1745 г.: 26 августа была вынесена журнальная резолюция об ее напечатании (см. ниже).

В Академии наук вторая половина 1745 г. ознаменовалась обострением отношений Шумахера с профессорами. Они подали ряд коллективных жалоб на него в Сенат. В числе жалобщиков был и Ломоносов, который 25 июля 1745 г. получил звание профессора и стал, таким образом, полноправным членом Академического собрания (т. X наст. изд., документ 484). 26 августа 1745 г. была подписана журнальная резолюция Академической канцелярии о выпуске оды отдельным изданием, но не на средства Академии, а на счет самого Ломоносова (ААН, ф. 3, оп. 1, № 514, л. 414). В соответствии с этим и на титульном листе было помечено, что подносит оду не Академия, а Ломоносов. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что решение об опубликовании оды состоялось уже после свадебного торжества. Мы не знаем, чем было вызвано это странное опоздание. Весьма вероятно, что ода была написана Ломоносовым до 21 августа и что Шумахер сознательно задержал выход ее в свет. К 31 августа ода была напечатана, а 10 сентября 1745 г. Ломоносов уплатил за типографские расходы и бумагу 12 руб. 90 коп. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 653, лл. 25 и 94; № 1070, л. 162), что составляло около 25% его месячного жалования.

Ода была звучна, гладка и пышна, но бедна публицистическим содержанием. Это может быть объяснено целым рядом причин. Будущему русскому императору подобрали такую невесту, которая, по циничному признанию Фридриха II, более всего соответствовала интересам прусского двора (Соловьев, кн. V, стлб. 268). Ломоносова это, конечно, не радовало. В Академии через воспитателя великого князя, Я. Я. Штелина, было, без сомнения, хорошо известно, что жених и невеста не питают друг к другу ни малейшей склонности. Изображение подлинной любви приходилось заменять — как проговорился сам Ломоносов — «описанием вымышленного царства любви»

Библиотека "Руниверс"

(т. VII наст. изд., стр. 353). Нельзя, наконец, забывать и того, что в период приготовлений к свадьбе международная обстановка усложнилась до крайности: прусский король Фридрих II объявил войну саксонскому курфюрсту; оба были связаны союзными договорами с Россией, которой предстояло, таким образом, вмешаться в их конфликт. К моменту свадьбы русское правительство не успело еще принять никакого решения (Соловьев, кн. V, стлб. 357). Затрагивать в оде вопросы внешней политики было при этих условиях невозможно.

[1] Имеется в виду библейский миф о браке Адама и Евы.

[2] Богиней именуется императрица Елизавета.

[3] См. т. VII наст. изд., стр. 268.

[4] Намек на совпадение имен жениха и невесты с именами Петра I и его второй жены.

[5] См. т. VII наст. изд., стр. 353—354 и 369—370.

[6] Орм — остров в проливе, соединяющем Персидский залив с Индийским океаном; славился ловлей жемчуга.

[7] В строфе 14 впервые появляется мотив, который в последующих одах Ломоносова становится обычным и первенствующим: поэт обращается к верховной власти с призывом «ободрять» научный и литературный труд.

[8] Под «спокойством» (ср. строфу 17) Ломоносов здесь, как и в других случаях, разумеет мир.

[9] Намек на дворцовые перевороты, оттеснявшие потомство Петра I от императорского престола.

[10] Иберы — народ, населявший в древности Испанию.

[11] См. т. VII наст. изд., стр. 268.

[12] Петр I.

[13] Пожелание, чтобы в будущем году у новобрачных родился сын.

1746

43

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 57—65) с указанием в сносках вариантов по Отд. изд. 1746, Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рук. 1751, Соч. 1751, Соч. 1759, Рит. 1765.

Местонахождение рукописи 1746 г. неизвестно.

Впервые напечатано отдельным изданием в 1746 г.

Датируется предположительно ноябрем 1746 г., не позднее 25 числа (годовщина вступления на престол императрицы Елизаветы).

О печатании отдельного издания оды не отыскано никаких документальных материалов, кроме следующей записи в журнале Академической

Библиотека "Руниверс"

канцелярии от 15 декабря 1746 г.: «...да по репорту из Типографии корректора Барсова за напечатанные профессору Ломоносову на день высочайшего ея императорского величества на всероссийский престол восшествия 11 рублев от него, Ломоносова, принять в Книжную лавку бухгалтеру Прейсеру и записать в приход» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 515, л. 423 об.).

21 мая 1746 г. должность президента Академии наук, уже пять лет вакантная, была, наконец, замещена (Материалы, VIII, стр. 114). Новому президенту К. Г. Разумовскому было всего восемнадцать лет, но его русское имя и его исключительное положение при дворе не могли не внушить Ломоносову некоторой надежды на то, что обстановка в Академии изменится к лучшему. Эта надежда подкреплялась тем, что Сенат совсем еще недавно предписал Шумахеру не вмешиваться в научные дела (Материалы, т. VIII, стр. 49). Но обстоятельства сложились иначе. Шумахер сразу же нашел способ снискать доверие юного президента, заключив тесный деловой союз с влиятельнейшим наставником Разумовского Г. Н. Тепловым. Профессоры, и в частности Ломоносов, не замедлили почувствовать, что обстановка действительно изменилась, однако далеко не к лучшему (т. X наст. изд., примечания к документу 414). Следует помнить, что вопрос шел не о каких-нибудь мелочных внутриведомственных трениях, а о всем направлении деятельности государственного учреждения, которое обязано было нести заботу о подъеме национальной культуры и которому Шумахер и стоявшие за ним реакционные силы мешали выполнять эту обязанность.

Вот почему в публикуемой оде Ломоносов так настойчиво напоминает о той «печальнейшей нощи», какой была для России эпоха бироновщины, называет русский народ «оскорбленным» и говорит об его «оковах», о «власти чужой руки», о «дерзком взоре» и «гордых выях врагов». Он находит блестящую по лаконизму формулу, чтобы показать в назидание «Петровой дщери» идеализированный им образ ее отца:

Таков был Петр — врагам ужасен,
Своим Отец, везде велик.

[1] См. т. VII наст. изд., стр. 286.

[2] Первые два стиха строфы 2 введены Ломоносовым в качестве примера в § 101 первого варианта его «Риторики» (см. т. VII наст. изд., стр. 59), беловой экземпляр которого датирован январем 1744 г. (там же, стр. 790). Так как публикуемая ода в том ее виде, в каком она нам известна, написана бесспорно в конце 1746 г. (см. начальные стихи строфы 18), то приходится думать, что данные два стиха заимствованы Ломоносовым из какой-то другой, более ранней его оды, им не опубликованной и до нас не дошедшей.

[3] См. т. VII наст. изд., стр. 227 и 269.

[4] См. т. VII наст. изд., стр. 374.

Библиотека "Руниверс"

[5] Налоги — не от слова «налог», а от вышедшего теперь из употребления слова «налога», равнозначного слову «притеснение». Русское духовенство жаловалось, что стоявшие у власти иностранцы «на благочестие и веру нашу православную наступили» (Соловьев, кн. V, стлб. 149).

[6] Дворцовый переворот 25 ноября 1741 г., в результате которого Елизавета стала императрицей, произошел ночью.

[7] Этот дворцовый переворот сопоставляется с библейским сказанием о «сотворении мира».

[8] См. т. VII наст. изд., стр. 248.

[9] См. т. VII наст. изд., стр. 233—234. Лермонтов внес стихи 81—87 почти без всяких изменений в свою отроческую поэму «Корсар» (М. Ю. Лермонтов. Сочинения в 6 томах, т. III. М.—Л., 1955, стр. 48 и 315).

[10] См. т. VII наст. изд., стр. 229. Деятельность предшествовавших Елизавете Петровне правителей сравнивается с разрушительной борьбой изображаемых в античных легендах гигантов против богов. Упоминание об Этне не случайно: мифы о гигантах зарождались в вулканических местностях. «Натуры чин» — естественный порядок вещей, законы природы.

[11] Имеется в виду северо-западный край тогдашней России, избавленный от опасности победой над шведами.

[12] См. т. VII наст. изд., стр. 235.

[13] См. т. VII наст. изд., стр. 234.

[14] См. т. VII наст. изд., стр. 153.

[15] См. т. VII наст. изд., стр. 270—271.

[16] См. т. VII наст. изд., стр. 265.

[17] Трофеи последней войны со шведами.

[18] Имеется в виду мир с Швецией, заключенный в 1743 г.

[19] Намек на экспедицию русских мореплавателей к берегам Северной Америки.

[20] В Западной Европе шли уже несколько лет захватнические войны, в которые не раз пытались вовлечь и Россию. Ломоносов высказывает пожелание, чтобы вмешательство России в западноевропейские дела выразилось не в военных действиях, а в восстановлении «покоя», т. е. в мирном посредничестве.

[21] См. т. VII наст. изд., стр. 375.

44

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 66—72) с указанием в сносках вариантов по Отд. изд. 1746, Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рук. 1751, Соч. 1751, Соч. 1759, Рит. 1765.

Местонахождение рукописи 1746 г. неизвестно.

Впервые напечатано отдельным изданием в декабре 1746 г.

Библиотека "Руниверс"

Датируется предположительно промежутком времени с 25 ноября 1746 г. (пятилетняя годовщина царствования императрицы Елизаветы, чему посвящена предыдущая ода Ломоносова) до 18 декабря того же года (день рождения императрицы, чему посвящена публикуемая ода).

За этот короткий, трехнедельный приблизительно срок в жизни Ломоносова произошли какие-то, видимо, довольно существенные события. Прямых документальных следов они не оставили и нам поэтому не известны, но о наличии их можно все же догадываться по некоторым косвенным данным.

16 января 1747 г. корректор А. С. Барсов репортовал Академической канцелярии, что публикуемая ода напечатана в количестве 200 экз., из которых 150 по распоряжению Канцелярии отданы Ломоносову «для раздачи при дворе», а остальные — в книжную лавку. Только «на напечатание оной оды, — добавил Барсов, — указу не имею» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 106, л. 193). В тот же день Шумахер вынес по этому вопросу такую журнальную резолюцию: истраченные на напечатание оды 6 рублей на Ломоносова «не ставить, ибо та сочиненная им ода поднесена от Академии» (там же, № 516, лл. 65 об.—66). Это отразилось, как видим, и на титульном листе отдельного издания оды, где подносительницей ее обозначена Академия, тогда как предыдущие две оды подносились от имени Ломоносова, который на свой счет их и отпечатал (см. примечания к стихотворениям 42 и 43).

Таким образом, обстановка в Академии наук успела за эти три недели несколько измениться и притом в пользу Ломоносова. Можно не сомневаться, что если он позаботился о «раздаче при дворе» публикуемой оды, то так же он поступил, конечно, и с двумя предшествовавшими ей одами. Для того, собственно, они и печатались. В кругу высокопоставленных читателей они имели, вероятно, успех, чем и объяснялась готовность Шумахера напечатать новую оду на счет Академии и от ее имени. Успеху оды содействовал, должно быть, крупный вельможа и родственник императрицы, вице-канцлер М. И. Воронцов. Он еще в 1745 г. оказывал Ломоносову покровительство (т. I наст. изд., стр. 579; ср. также т. X, письмо 7). В августе 1746 г. Воронцов вернулся из продолжительного заграничного путешествия и, ища возможности восстановить свое несколько пошатнувшееся за это время положение (Соловьев, кн. V, стлб. 411), рад был случаю поднести императрице новую оду уже известного в то время стихотворца.

Ода написана в тот самый год, когда вышла в свет переведенная Ломоносовым «Волфианская экспериментальная физика», когда он приступил к чтению публичных лекций по физике и когда последовал, наконец, давно желанный указ о постройке Химической лаборатории. В публикуемой оде явственно слышен голос увлеченного творческими мыслями естествоиспытателя, стремящегося открыть «естества уставы». В «Программе», опубликованной Ломоносовым в том же 1746 г., мы читаем: «Блаженства человече-

Библиотека "Руниверс"

ские увеличены и в высшее достоинство приведены быть могут яснейшим и подробнейшим познанием натуры, которого источник есть натуральная философия, обще называемая физика» (т. I наст. изд., стр. 535). Эти слова перекликаются с публикуемой одой.

[1] См. т. VII наст. изд., стр. 131 и 248.

[2] См. т. VII наст. изд., стр. 280.

[3] См. т. VII наст. изд., стр. 131.

[4] В первой половине XVIII в. профессорам Академии наук поручалось иногда составлять для знатных особ гороскопы, т. е. «предсказания» их будущего, основанные будто бы на положении и движении звезд. Ломоносов пользуется в данном случае чуждой ему астрологической символикой лишь как поэтическим средством.

[5] Речь идет о смерти Петра I.

[6] Имеются в виду дворцовые перевороты, не раз происходившие после смерти Петра.

[7] Круг — вокруг.

[8] См. т. VII наст. изд., стр. 231—232.

[9] Под хитростью Ломоносов разумеет в данном случае искусство, мастерство, художество (ср. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. [Б. м.], 1948, стр. 486).

[10] Намек на указ от 7 мая 1744 г., которым было приостановлено приведение в исполнение смертных приговоров (ПСЗ, 8944). Это не мешало правительству Елизаветы широко применять пытки и такие меры наказания, как вырывание ноздрей и языка, не говоря уж о розгах, кнуте и батогах.

[11] См. т. VII наст. изд., стр. 150—151.

[12] Елизавета родилась в 1709 г. — в год Полтавской победы.

[13] Под вандалами Ломоносов разумеет шведов.

[14] Имеется в виду победоносное окончание русско-шведской войны 1741—1743 гг., завершившейся капитуляцией всей неприятельской армии.

[15] «Сладкой нежности обителью» и «блаженными местами» Ломоносов называет Москву, где 18 декабря 1709 г. родилась императрица Елизавета. Из-за ее рождения намеченный на этот день торжественный въезд Петра I в Москву был отложен и состоялся только 21 декабря, после чего в течение двух недель продолжались в Москве торжества, посвященные Полтавской победе (Письма и бумаги императора Петра Великого, т. IX, вып. II, М., 1952, стр. 1380; Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711). М., 1900, стр. 122). Оттого Ломоносов и называет Елизавету «плодом, меж лаврами рожденным».

[16] При составлении академического атласа 1745 г. были использованы результаты съемок, произведенных русскими геодезистами, участниками

Библиотека "Руниверс"

Второй Камчатской экспедиции, в связи с чем в атлас вошли карты таких полярных и дальневосточных окраин России, которые считались, по выражению Ломоносова, «незнаемыми» (Гнучева, стр. 241—242). Однако профессоры справедливо находили, что «в помянутый атлас скоропостижным сочинением введено множество погрешностей» (там же, стр. 54). Вынужден был признать это и президент Академии К. Г. Разумовский, который, испросив в сентябре 1746 г. разрешение императрицы пустить атлас в продажу, представил ей одновременно особую, к сожалению, еще не отысканную записку, где изложил в двадцати пунктах, «что надлежит еще иметь к большему совершению сего атласа» (там же, стр. 153—154). Предстояло, таким образом, продолжение работы над картами «незнаемых мест». Об этом, вероятно, и говорит Ломоносов в последних трех стихах строфы 15.

1747

45—136

Печатается по тексту последнего прижизненного издания «Риторики» (1765 г.) с указанием в сносках разночтений:

1) по первому рукописному варианту «Риторики» — Рит. 1744 (ААН, ф. 20, оп. 3, № 47);

2) по рукописи второго варианта «Риторики» — Рит. рук. 1747 (ААН, ф. 20, оп. 3, № 49);

3) по собственноручно правленным Ломоносовым корректурным листам первого издания «Риторики» — Рит. корр. (ААН, ф. 20, оп. 3, № 50);

4) по первому изданию «Риторики» — Рит. 1748;

5) по собранию сочинений 1751 г. — Соч. 1751;

6) по черновику стихотворения «Зевес, богов отец...» — Черновик (ААН, ф. 20, оп. 1, № 5, лл. 149 об. и 104);

7) по последнему прижизненному изданию «Российской грамматики» — Грамм.;

8) по изданию «Риторики», выпущенному Московским университетом, — Соч. 1759.

Впервые напечатано — Отд. изд. СПб., 1748.

Датируется предположительно промежутком времени между мартом 1744 г. (дата решения Академического собрания о переработке Ломоносовым первого варианта «Риторики» — Протоколы Конференции, т. II, стр. 13) и 19 января 1747 г. (дата определения Академической канцелярии о напечатании «Риторики» — ААН, ф. 3, оп. 1, № 516, л. 69).

Зачеркнутые в Рит. рук. 1747 стихотворения, не вошедшие ни в одно прижизненное издание «Риторики» (т. VII наст. изд., стр. 164, § 89, сноска «б», стр. 284, § 238, сноска «б»), не воспроизводятся.

Библиотека "Руниверс"

Здесь печатаются все стихотворные тексты, внесенные Ломоносовым во второй, печатный, вариант его «Риторики», за исключением только 1) тех, которые взяты из произведений, вошедших в настоящий том, 2) стихотворения 31, относительно которого известно, что оно написано в 1743 г., и которое поэтому печатается отдельно, и 3) отрывков, заимствованных Ломоносовым без изменения из первого, рукописного, варианта его «Риторики» (стихотворения 35—38).

О вошедших в «Риторику» отрывках из таких произведений Ломоносова, которые в полном их виде нам не известны, см. стр. 914 настоящего тома.

При печатании «Риторики» в составе VII тома настоящего издания А. И. Доватуром были раскрыты по возможности все источники введенных в нее Ломоносовым переводных текстов. Указания на источники стихотворных переводов здесь повторены, причем все они заново проверены, исправлены и дополнены А. И. Доватуром при участии Т. А. Красоткиной, которая, кроме того, произвела полную сверку текста всех переводов с текстом иностранных подлинников. Так называемые «вольные» переводы и стихи на тему, разработанную тем или иным иностранным поэтом, составляют в «Риторике» лишь очень редкое исключение. Ниже, в примечаниях к отдельным текстам, все эти исключения оговорены.

45

[1] Т. VII наст. изд., стр. 134, § 57. Овидий. Превращения II, 1—7.

46

[1] Т. VII наст. изд., стр. 137—138, § 59. Весьма вероятно, что псалом 14 привлек Ломоносова не только как пример «увеличительного распространения слова». Период работы Ломоносова над «Риторикой» совпал с такими событиями академической жизни, как назначение президентом Академии наук К. Г. Разумовского и утверждение академического регламента, результатом чего явилось возвышение Г. Н. Теплова и укрепление позиций И.-Д. Шумахера. Оба эти деятеля, пользуясь своей новой властью, проявляли качества, прямо противоположные восхваляемым в псалме гражданским добродетелям. Не исключена поэтому возможность, что, вводя русское переложение данного псалма в «Риторику», Ломоносов преследовал в какой-то мере и обличительные цели.

47

[1] Т. VII наст. изд., стр. 139—140, § 60. Марциал. Эпиграммы, IX, II, 1—3 и 5—7.

Библиотека "Руниверс"

48

[1] Т. VII наст. изд., стр. 142, § 61. Овидий. Превращения, VIII, 824—833.

49

[1] Т. VII наст. изд., стр. 143, § 62; в Рит. 1744 входило в § 90. Овидий. Героиды, I, 3—4 и 25—27.

50

[1] Т. VII наст. изд., стр. 148, § 66. Отрывок из не дошедшего до нас стихотворения Ломоносова, написанного на мотив из «Героид» Овидия, I, 53—56.

51

[1] Т. VII наст. изд., стр. 151, § 69. Виргилий. Энеида, II, 304—308.

52

[1] Т. VII наст. изд., стр. 186—188, § 114. Гомер. Илиада, IX, 225—261.

53

[1] Т. VII наст. изд., стр. 190—191, § 116. Виргилий. Энеида, IX, 598—599, 602, 603—605, 614—615, 617—620.

54

[1] Т. VII наст. изд., стр. 191, § 117. Виргилий. Энеида, VII, 421—425.

55

[1] Т. VII наст. изд., стр. 196, § 120. Гораций. Сатиры, I, 10, 14—15.

56

[1] «Дальний солнцев дом» — запад.

[2] Черновик перевода находится среди грамматических записей Ломоносова, написанных на листах писчего формата, сложенных вдвое и вложенных один в другой наподобие тетради. Половинка сложенного листа (л. 149 об.), где написано начало перевода (стихи 1—6), оторвалась от второй половички того же листа (л. 104), где написано окончание перевода (стихи 7—10), и по недосмотру переплетчика была вклеена не рядом со второй половинкой, а в другое место (см. факсимиле между стр. 168 и 169 настоящего тома).

Библиотека "Руниверс"

Заключительные два стиха

Или самим богам ужасен Геркулес?
Или неможет с ним Атлант здержать небес?

отброшенные Ломоносовым при опубликовании данного отрывка в составе § 125 «Риторики», были впервые опубликованы А. С. Будиловичем (Будилович, II, стр. 297). Однако ни им, ни М. И. Сухомлиновым (Акад. изд., т. I, стр. 174 перв. паг., 341 втор. паг.), ни Л. Б. Модзалевским (Модзалевский, стр. 57, № 115), ни при составлении VII т. наст. изд. (стр. 200 и 823, прим. 169) не было замечено, что эти два стиха являются прямым продолжением напечатанного в «Риторике» отрывка. Это последнее обстоятельство впервые установила по ряду палеографических признаков (качество бумаги, цвет чернил, последовательность строк, расположение их на листах, отпечатки чернильных пятен и др.) Т. А. Красоткина при составлении настоящего тома.

[3] Т. VII наст. изд., стр. 199—200, § 125.

57

[1] Т. VII наст. изд., стр. 200, § 125. Кальпурний. Буколики, III, 51—54.

58

[1] Т. VII наст. изд., стр. 200, § 126. Овидий. Превращения, XIII, 3, 6.

59

[1] Т. VII наст. изд., стр. 201—202, § 127. Виргилий. Энеида, IV, 584—621.

60

[1] Т. VII наст. изд., стр. 203—204, § 127. Сенека. Медея, 910—913, 919—921, 925—927, 931—938, 943—947, 953—954, 959—961.

61

[1] Т. VII наст. изд., стр. 207, § 132. Эта эпиграмма, по-видимому, принадлежит самому Ломоносову. Фират — от греческого θηρευτής — охотник.

62

[1] Т. VII наст. изд., стр. 207—208, § 133. Эпиграмма, принадлежащая, по-видимому, самому Ломоносову.

63

[1] Т. VII наст. изд., стр. 208, § 134. Овидий. Превращения, III, 52—54.

Библиотека "Руниверс"

64

[1] Т. VII наст. изд., стр. 209, § 134.

65

[1] Т. VII наст. изд., стр. 209, § 134; в Рит. 1744 входило в § 75.

66

[1] Т. VII наст. изд., стр. 209, § 135.

67

[1] Т. VII наст. изд., стр. 209, § 135.

68

[1] Т. VII наст. изд., стр. 209, § 135.

69

[1] Т. VII наст. изд., стр. 210, § 136; в Рит. 1744 входило в § 76.

70

[1] Т. VII наст. изд., стр. 210, § 136.

71

[1] Т. VII наст. изд., стр. 211, § 136. Овидий. Превращения, I, 523—524.

72

[1] Т. VII наст. изд., стр. 211, § 136.

73

[1] Т. VII наст. изд., стр. 213, § 138. Овидий. Превращения, III, 228.

74

[1] Т. VII наст. изд., стр. 213, § 138.

75

[1] Т. VII наст. изд., стр. 213, § 138. Виргилий. Георгики, IV, 83.

Библиотека "Руниверс"

76

[1] Т. VII наст. изд., стр. 214, § 139.

77

[1] Т. VII наст. изд., стр. 214, § 139.

78

[1] Т. VII наст. изд., стр. 214, § 139. Овидий. Превращения, I. 411—415.

79

[1] Т. VII наст. изд., стр. 214, § 140.

80

[1] Т. VII наст. изд., стр. 215, § 140. Марциал. Эпиграммы, V, 73.

81

[1] Т. VII наст. изд., стр. 215, § 141. Марциал. Эпиграммы, VI, 15.

82

[1] Т. VII наст. изд., стр. 216, § 142.

83

[1] Т. VII наст. изд., стр. 216, § 142.

84

[1] Т. VII наст. изд., стр. 216, § 142. Виргилий. Энеида, VII, 318—319.

85

[1] Т. VII наст. изд., стр. 216, § 142.

86

[1] Т. VII наст. изд., стр. 216, § 143, п. 1.

87

[1] Т. VII наст. изд., стр. 217, § 143, п. 3. Овидий. Превращения, XV, 524—529.

Библиотека "Руниверс"

88

[1] Т. VII наст. изд., стр. 217, § 144, п. 1.

89

[1] Т. VII наст. изд., стр. 217, § 144, п. 1.

90

[1] Т. VII наст. изд., стр. 217, § 144, п. 2. Марциал. Эпиграммы, VIII, 12.

91

[1] Т. VII наст. изд., стр. 218, § 145, п. 1. Марциал. Эпиграммы, V, 76.

92

[1] Т. VII наст. изд., стр. 218, § 145, п. 2.

93

[1] Т. VII наст. изд., стр. 223—224, § 152. Гомер. Илиада, VIII, 1—15.

94

[1] Т. VII наст. изд., стр. 225—226, § 155. Виргилий. Энеида, III, 209—212, 214—218.

95

[1] Т. VII наст. изд., стр. 226, § 156. Овидий. Превращения, I, 264, 266—269.

96

[1] Т. VII наст. изд., стр. 226—227, § 156. Овидий. Превращения, II. 765—777.

97

[1] Т. VII наст. изд., стр. 228, § 158. Виргилий. Энеида, III, 655—659, 664—665. Другой вариант перевода того же отрывка см. стихотворение 200.

98

[1] Т. VII наст. изд., стр. 230, § 159. Виргилий. Энеида, IV, 173—177, 181—183.

Библиотека "Руниверс"

99

[1] Т. VII наст. изд., стр. 230—231, § 160.

100

[1] Т. VII наст. изд., стр. 231, § 161. Сенека. Троянки, 690—693.

101

[1] Т. VII наст. изд., стр. 249, § 188; в Рит. 1744 входило в § 88. Отрывок из не дошедшего до нас стихотворения Ломоносова на мотив из «Троянок» Сенеки, 556—559.

102

[1] Т. VII наст. изд., стр. 251, § 192, стр. 158, сноска а. Виргилий. Эклоги, III, 104—105.

103

[1] Т. VII наст. изд., стр. 251, § 192.

104

[1] Т. VII наст. изд., стр. 253, § 195, п. 2. Виргилий. Эклоги, V, 56—57.

105

[1] Т. VII наст. изд., стр. 253, § 195, п. 2. Сенека. Троянки, 423—424.

106

[1] Т. VII наст. изд., стр. 254, § 195, п. 4. Виргилий. Эклоги, II, 66.

107

[1] Т. VII наст. изд., стр. 254, § 195, п. 5. Виргилий. Эклоги, VI, 62—63.

108

[1] Т. VII наст. изд., стр. 256, § 198, п. 2. Димитрий. Περὶ ἑρμηνείας [Об ораторском стиле], 148. В новейшем издании греческих лириков: E. Diehl. Anthologia lyrica graeca [Диль. Греческая лирическая антология], Сафо, № 123.

109

[1] Т. VII наст. изд., стр. 256, § 199. Ювенал. Сатиры, XV, 10—11.

Библиотека "Руниверс"

110

[1] Т. VII наст. изд., стр. 257, § 201. Виргилий. Энеида, XII, 359—360.

111

[1] Т. VII наст. изд., стр. 259, § 204. Виргилий. Энеида, IX, 427.

112

[1] Т. VII наст. изд., стр. 260, § 206. Виргилий. Эклоги, II, 63—64.

113

[1] Т. VII наст. изд., стр. 264, § 213. Виргилий. Энеида, II, 42—44.

114

[1] Т. VII наст. изд., стр. 264, § 214. Виргилий. Энеида, I, 369. В тексте «Риторики» Ломоносовым ошибочно указано, что Дидона обращается с этим вопросом к троянским пришельцам; в «Энеиде» этот вопрос задает Энею его мать Венера, явившаяся ему в образе тирской охотницы.

115

[1] Т. VII наст. изд., стр. 267, § 216. Виргилий. Георгики, IV, 464—466.

116

[1] Т. VII наст. изд., стр. 268—269, § 217. Овидий. Превращения, IV, 108—115.

117

[1] Т. VII наст. изд., стр 269, § 217. Виргилий. Энеида, IV, 547.

118

[1] Т. VII наст. изд., стр. 269, § 217. Овидий. Фасты, 717—718.

119

[1] Т. VII наст. изд., стр. 277, § 229. Виргилий. Энеида, I, 133—135.

120

[1] Т. VII наст. изд., стр. 278, § 230. Виргилий. Энеида, IV, 534—547.

Библиотека "Руниверс"

121

[1] Т. VII наст. изд., стр. 281, § 234. Овидий. Героиды, I, 5—8.

122

[1] Т. VII наст. изд., стр. 282, § 235. Овидий. Героиды, X, 145—150.

123

[1] Т. VII наст. изд., стр. 283, § 237. Овидий. Превращения, XIII, 82—84

124

[1] Т. VII наст. изд., стр. 284, § 238. Виргилий. Энеида, II, 69—70.

125

[1] Т. VII наст. изд., стр. 285, § 239. Овидий. Превращения, XV, 143—149. Другой вариант перевода этого отрывка см. стихотворение 202.

126

[1] Т. VII наст. изд., стр. 292, § 247.

127

[1] Т. VII наст. изд., стр. 314—315, § 268. Гораций. Оды, III, 30. Умышленное отступление допущено в стихе 8, где устранен малопонятный без комментария образ жреца, восходящего на Капитолий в сопровождении молчаливой девы. Слова qua violens и т. д. (стихи 10—12) ошибочно отнесены к dicar (правильное отнесение их к deduxisse указано уже древними комментаторами Горация). В отнесении слов ex humili к самому Горацию, а не к Давну Ломоносов следует наиболее распространенной интерпретации.

128

[1] Т. VII наст. изд., стр. 315, § 269.

129

[1] Т. VII наст. изд., стр. 328—330, § 273. — «Первая посылка разделительного силлогизма, — говорит Ломоносов в § 273 «Риторики», — может быть отставлена, и вместо оной положен быть краткий приступ, как то видно в псалме 145-м, который основан на следующем разделительном силлогизме: *Или уповать на бога или на князей, сынов человеческих; но уповать на них ненадежно; следовательно, лучше уповать на бога*». Текст,

Библиотека "Руниверс"

выделенный курсивом, обрабатывался Ломоносовым, как видно из рукописи, особенно тщательно (т. VII наст. изд., стр. 327). Не удовольствовавшись, однако, одним этим текстом, Ломоносов приложил к § 273 «для яснейшего понятия» еще и полное стихотворное переложение всего псалма.

Нет сомнения, что тезис, составивший содержание § 273, мог быть с успехом проиллюстрирован и каким-нибудь другим литературным произведением и что Ломоносов не случайно остановил свой выбор именно на данном псалме, который привлек его, очевидно, не столько своей структурой, сколько своим содержанием. Напрашивается мысль, что оно дало Ломоносову возможность излить — как обычно он это делал — свои собственные чувства: поводом для этого послужило, вероятно, производившееся в первой половине 40-х годов следствие по делу Шумахера, кончившееся полной его реабилитацией и осуждением его обвинителей. Поведение вельмож, производивших следствие, давало Ломоносову полное основание воскликнуть с негодованием:

Никто не уповай вовеки
На тщетну власть Князей земных.

Псалом 145 в переложении Ломоносова приобрел широкую известность. Еще в первой половине XIX в. его распевали бродячие слепцы, а за ними и крестьяне, как об этом рассказывает в своих воспоминаниях академик А. В. Никитенко («Русская старина», 1888, ноябрь, стр. 283; 1891, июнь, стр. 624—625).

130

[1] Т. VII наст. изд., стр. 362—363, § 304. Виргилий. Энеида, II, 96—109.

131

[1] Т. VII наст. изд., стр. 363—364, § 306. Лафонтен. Басни, кн. III, № 3.

132

[1] Т. VII наст. изд., стр. 364—365, § 307. Вольный перевод басни Лафонтена «Утонувшая жена», кн. III, № 16.

133

[1] Т. VII наст. изд., стр. 365—366, § 308. Вольный перевод отрывка из басни Лафонтена «Мельник, его сын и осел», кн. III, № 1.

134

[1] Т. VII наст. изд., стр. 366—368, § 309. Анакреонтические стихотворения, 33 (31). Ломоносов чрезвычайно искусно воспроизвел напевный

Библиотека "Руниверс"

характер оригинала, создаваемый совпадением четкого ритмического членения с синтаксическим членением текста. Перевод в общем точен; в начальных строках устранено описательное обозначение поздней ночной поры («когда Медведица поворачивается к руке Боота»), которое в переводе выпадало бы из простого и непринужденного стиля стихотворения. Н. Г. Курганов перепечатал этот перевод Ломоносова в своем «Письмовнике» (Кург., стр. 320).

135

[1] Т. VII наст. изд., стр. 369, § 311. Виргилий. Энеида, III, 55—57.

136

[1] Т. VII наст. изд., стр. 369, § 311. Виргилий. Энеида, VI, 616—620.

137—138

Печатаются по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 15 об.).

Публикуются впервые.

Датируются предположительно промежутком времени с марта 1744 г. по январь 1747 г., так как являются, по-видимому, отрывками переводов каких-то античных поэтических произведений, которые Ломоносов намеревался ввести во второй, печатный вариант своей «Риторики» (т. VII наст. изд., стр. 805).

138

[1] Возможно, что данный фрагмент является вольным и неполным переводом следующего стиха из «Энеиды»:

Cocyti stagna alta vides, Stygiamque paludem
[Увидишь глубокие воды Коцита, Стигийское болото].

Не исключено, впрочем, и другое предположение: перед нами, может быть, вариант следующего стиха из второй оды 1741 г. (стихотворение 22, стих 147):

Стигийских вод шумят брега.

139

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 162) с указанием в сносках вариантов по Рук. 1751.

Библиотека "Руниверс"

Впервые напечатано — Соч. 1751, стр. 184.

Датируется предположительно промежутком времени с 26 июня 1747 г. (когда Академическая канцелярия поручила Я. Я. Штелину составить проект иллюминации) по 8 июля того же года (когда проект был отправлен в Канцелярию главной артиллерии и фортификации).

В XVIII в. русское правительство придавало иллюминациям и фейерверкам большое политическое значение. Они устраивались в Петербурге, а когда двор переезжал в Москву, то и там в дни придворных праздников и под новый год. Пышная игра огней увеселяла не только императрицу и ее приближенных: она привлекала сотни и тысячи любопытных, в чем правящие круги видели одно из средств внушать народу «верноподданнические» чувства. При свете разноцветных фитилей и несметного количества плошек возникали из мрака огромные и замысловатые архитектурные сооружения, иногда и произведения живописи, те и другие аллегорического содержания, а смысл этих аллегорий, поясняемых огненными надписями на транспарантах, сводился к восхвалению на все лады добродетелей, заслуг и могущества императрицы. Понятны при этих условиях те большие требования, которые предъявлялись как к тем, кто сочинял проекты иллюминаций и пояснительные к ним надписи, так и к тем, кто эти проекты осуществлял. Зрителей иллюминаций было в то время несравненно больше, чем читателей, а потому и цензура иллюминаций была в то время несравненно строже, чем цензура книжная.

Устройством иллюминаций занималась Канцелярия главной артиллерии и фортификации, которая содержала для этого особый штат фейерверкеров и мастеровых. О размахе придворных пиротехнических работ можно судить по тому, что, например, над одной из иллюминаций 1754 г. трудилось в течение целой недели круглосуточно около тысячи человек (Записки артиллерии майора М. В. Данилова, написанные им в 1771 году. М., 1842, стр. 79). В иллюминационных плошках сгорали сотни пудов говяжьего топленого сала (СПб. Вед., 1750, № 1, стр. 6).

Примерно за два месяца до соответствующего праздника Канцелярия главной артиллерии и фортификации посылала в Академию наук промемории, требуя составить проект иллюминации и сочинить к нему надпись. То и другое поручалось одному из академических профессоров, который подавал затем свой проект в Канцелярию; та переправляла его в Артиллерийское ведомство, а оттуда проект шел на утверждение к самой императрице. В качестве сочинителя проектов выступал иногда в 40-х годах XVIII в. профессор по разряду «древностей и истории литеральной» Х. Крузиус, чаще же Я. Я. Штелин, для которого это было в течение ряда лет основным служебным занятием. С 1747 г. стали привлекать сперва только к переводу, а потом и к самостоятельному сочинению проектов и надписей также и Ломоносова.

Библиотека "Руниверс"

Не приходится говорить о том, насколько Ломоносов превзошел Штелина и в смысле пиротехнической и художественной изобретательности и, тем более, в области стихотворства. Ломоносов, отдавая обязательную дань требованиям двора и цензуры, сумел все же значительно расширить тематику иллюминаций. Он ввел в нее исторические мотивы, затенил в некоторой степени образ императрицы величавым образом родины и заставил иллюминационное искусство служить в известной мере и его излюбленным патриотическим идеям — идеям мира и просвещения.

Составление проектов иллюминаций и надписей отнимало у Ломоносова много времени, отрывая от научной работы. Выполнение их Ломоносовым усложняло его отношения с Штелином, который ревниво оберегал свою монополию, чем искусно пользовался тот же Шумахер, сея между профессорами рознь. Все это вместе взятое заставило Ломоносова решительно отказаться в 1755 г. от участия в иллюминационных делах. Сам Ломоносов сообщает, однако, что ему приходилось заниматься составлением проектов фейерверков и сочинением стихов для них еще и в конце 1756 г. (т. X наст. изд., документ 516).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации ко дню именин императрицы Елизаветы 5 сентября 1747 г. поступила в Академическую канцелярию 20 июня того же года и была рассмотрена последней 22 июня, причем составление проекта было поручено Штелину, которого известили об этом 26 июня (ААН, ф. 3, оп. 1, № 108, лл. 258—260). Проект Штелина, представленный им при репорте от 6 июля 1747 г. и препровожденный в Канцелярию главной артиллерии и фортификации 8 того же июля (там же, лл. 261—264), был написан по-немецки и содержал, кроме трех прозаических надписей, одной латинской и двух немецких, также и следующую стихотворную немецкую надпись, которая являлась, в сущности, распространенным переводом вышеупомянутой латинской надписи «Pace belloque clara» [«Миром и войной славна»]:

Im Krieg und Frieden weltberühmt,
Mit Frucht erfüllt, mit Pracht beblühmt.

[В войне и в мире всесветно знаменита,
Полна плодов, роскошно убрана цветами].

(Там же, лл. 265—268).

Академический переводчик В. И. Лебедев, переводивший проект Штелина на русский язык, оставил эти два стиха непереведенными.

Публикуемая русская надпись Ломоносова является вольным стихотворным переложением как этих двух стихов, так и вышеупомянутых двух немецких прозаических надписей, которые в переводе Лебедева звучали так: «Ей в честь, а нам в увеселение» и «Усердные желания».

Библиотека "Руниверс"

140

Печатается по тексту последней прижизненной публикации (Соч. 1757, стр. 162) с указанием в сносках вариантов по Рук. 1751 (ААН, ф. 20, оп. 3, № 45, л. 71).

Впервые напечатано — Соч. 1751, стр. 185.

Датируется предположительно промежутком времени с 28 сентября 1747 г. (когда Академическая канцелярия поручила профессору Х. Крузиусу составить проект иллюминации) по 5 октября того же года (день отправки проекта в Канцелярию главной артиллерии и фортификации).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации к годовщине восшествия на престол императрицы Елизаветы 25 ноября 1747 г. поступила в Академическую канцелярию 25 сентября того же года и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено Крузиусу, которого известили об этом 28 того же сентября (ААН, ф. 3, оп. 1, № 110, лл. 296—297; № 593, л. 98 об., исх. № 907). Проект Крузиуса, представленный им 5 октября 1747 г. при репорте, датированном 3 октября, и препровожденный в Канцелярию главной артиллерии и фортификации того же 5 октября, был написан по-немецки и не содержал стихотворной надписи. Немецкий подлинник не отыскан: обнаружен только русский его перевод, исполненный академическим переводчиком В. И. Лебедевым (там же, № 110, лл. 298—299).

Публикуемые стихи Ломоносова развивают тему краткой латинской надписи, которая, по проекту Крузиуса, должна была находиться в центре иллюминации, под хрустальной горой, увенчанной императорским престолом. Латинский текст «Solo munitus amore» («Утвержденный одной любовью») был переведен Лебедевым не совсем точно: «Утверждается на любви и верности подданных», что и дало Ломоносову повод умолчать о любви, заменив ее верностью.

141

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 73—82) с указанием в сносках вариантов по Отд. изд. 1747, Рит. рук. 1747, Рит. корр., Рит. 1748, Рук. 1751, Соч. 1751, Соч. 1759, Рит. 1765.

Местонахождение рукописи 1747 г. неизвестно.

Впервые напечатано отдельным изданием в 1747 г.

Датируется предположительно промежутком времени с 13 августа 1747 г., когда в Академическом собрании был оглашен утвержденный императрицей 24 июля регламент Академии наук (Протоколы Конференции, т. II, стр. 176—177), по 23 ноября того же года, когда Академи-

Библиотека "Руниверс"

ческая канцелярия определила напечатать оду (ААН, ф. 3, оп. 1, № 516, лл. 415 об.—416).

Как видно из заглавия отдельного издания, ода Ломоносова подносилась Академией наук не только как поздравительное приветствие к шестой годовщине вступления Елизаветы Петровны на престол, но и в качестве «благодарственных восклицаний» по случаю утверждения ею академического регламента. Этот регламент, сочиненный Г. Н. Тепловым при участии И.-Д. Шумахера, далеко не удовлетворял Ломоносова: узурпированная Академической канцелярией власть оказывалась теперь узаконенной. Но в регламент были включены и такие положения, которые отвечали желаниям Ломоносова: там говорилось, например, что «учреждение академическое», т. е. Академическое собрание, «впредь должно состоять из природных российских» (§ 36 регламента), что адъюнктами следует назначать по возможности русских же людей (§ 13), что, как предлагал и Ломоносов (т. IX наст. изд., документ 283), состав академических студентов нужно пополнить лучшими учениками семинарий (§ 37) и т. п. Кроме всего прочего, академический бюджет увеличивался весьма значительно. Таким образом, «благодарственные восклицания» Ломоносова, отмечавшие именно эти, положительные стороны нового регламента, никак нельзя заподозрить в неискренности. Они вылились в целое славословие науке, причем последовательно проводилась излюбленная мысль Ломоносова о непременной связи науки с жизнью. В этом он видел залог промышленного и культурного расцвета нашей страны.

Другой темой, тесно переплетавшейся с темой науки, была тема мира, для Ломоносова обычная, но разработанная на этот раз с особенной горячностью и остротой. Ломоносов начинает оду не с поздравлений и не со слов благодарности, а с хвалы «возлюбленной тишине», которая «всего превыше», т. е. миру. Это не случайно. В течение всего 1747 года русское правительство вело сложные дипломатические переговоры с Австрией, Англией и Голландией, которые, воюя с Францией и Пруссией, настаивали на посылке русских войск к берегам Рейна. Ломоносову, когда он писал оду, было, вероятно, известно, что императрица Елизавета, по совету канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, дала еще в сентябре 1747 г. согласие на рейнскую военную экспедицию. Со дня на день ожидался указ о выступлении войск в поход (Соловьев, кн. V, стлб. 465—469). Ломоносов, считавший справедливыми только оборонительные войны и относившийся поэтому отрицательно к намеченному правительством опасному военному предприятию, не пожалел поэтических сил, чтобы придать своей оде характер пламенного политического предостережения.

Ода 1747 г., чрезвычайно придирчиво раскритикованная в свое время А. П. Сумароковым (Сумароков, ч. X, стр. 77—91), получила широкое

Библиотека "Руниверс"

признание как одно из лучших поэтических произведений Ломоносова. Она вошла во все хрестоматии, и русские школьники из поколения в поколение заучивали ее наизусть. Многие стихи вошли в быт, а иные — и в пословицу.

Строфа первая вся целиком введена Екатериной II в текст ее «исторического представления» под заглавием «Начальное управление Олега», разыгранного в октябре 1790 г. на придворной сцене (Сочинения императрицы Екатерины II, т. II, СПб., 1901, стр. 295). См. примечание 8 к стихотворению 24.

[1] Некоторые комментаторы усматривали здесь скрытую игру слов, считая, что имя Елисавета «на еврейском языке означает мир, тишину» (Ломоносов. Стихотворения. «Библиотека поэта», изд. «Советский писатель», 1935, стр. 335). Это недоразумение: древнееврейское имя אלישבע ('Eliševa'), упомянутое в дохристианской части Библии только один раз (Исход, VI, 23), означает буквально «бог клятвы», «бог клянется» (ср.: В. Тредиаковский, М. Ломоносов, А. Сумароков. Стихотворения. «Библиотека поэта», малая серия [б. м.], 1935, стр. 256). Неверное истолкование значения этого имени объясняется тем, что авторы толкования исходили из позднейшей, принятой в Септуагинте греческой формы Ἐλισάβετ, Ἐλισαβέτ, Ἐλισαβεθ (от Луки, I, 7), которая созвучна еврейскому словосочетанию 'ēlī šābēt (šābat), означающему «бог покоящегося», «бог покоится». Ср. примечание 1 к стихотворению 238.

[2] Имеется в виду конец русско-шведской войны 1741—1743 гг.

[3] Дворцовый переворот 25 ноября 1741 г. начался с того, что Елизавета Петровна вышла к преображенским гренадерам с крестом в руке и привела их к присяге (Соловьев, кн. V, стлб. 123).

[4] Обычное для Ломоносова идеализированное изображение Петра I.

[5] Имеется в виду основание Петербурга.

[6] Ломоносов вспоминает, как Петр I, замыслив учредить Академию наук, заботился о привлечении в Россию крупных иностранных ученых.

[7] Имеется в виду смерть Петра.

[8] Намек на колебания приглашенных в Академию иностранцев, которые опасались, что после смерти Петра I его просветительные замыслы не получат осуществления (см. т. VII наст. изд., стр. 375).

[9] Фактическое открытие Академии наук произошло 27 декабря 1725 г., в царствование вдовы и преемницы Петра, Екатерины I.

[10] Под Секваной (Сеной) Ломоносов разумеет Парижскую Академию наук.

[11] Речь идет об утверждении нового регламента Академии наук и об увеличении ее бюджета.

[12] См. т. VII наст. изд., стр. 376.

Библиотека "Руниверс"

[13] А. П. Сумароков и его литературный соратник И. П. Елагин высмеивали рифму «Инди́я — Россия» (см. т. X наст. изд., письмо 35 и примечания к нему).

[14] Ломоносов горячо и последовательно боролся с существовавшим в его время ошибочным убеждением, будто «в теплых краях действием солнца больше дорогих металлов, нежели в холодных, родится» (т. II наст. изд., стр. 361 и т. V, стр. 620—621, 719).

[15] В строфах 16—18 Ломоносов призывает к внимательному изучению и промышлённому освоению природных богатств Дальнего Востока, причем подчеркивает значение реки Амур и как выхода в Тихий океан, и как важной торговой артерии. Бассейн Амура, где с середины XVII в. были русские поселения, отошел от России по Нерчинскому трактату 1689 г. Весьма вероятно, что комментируемые строфы написаны Ломоносовым под впечатлением недавних бесед с участниками так называемого «пятого каравана», вернувшимися из Китая в Петербург в конце марта 1747 г. (Бантыш-Каменский, стр. 62, 63, 253). К этим же вопросам Ломоносов возвращается семь лет спустя, в Оде 1754 г. (стихотворение 213 и примечание 8 к нему). Примечательно, что Ломоносов говорит в данном случае не о Китае, а о «манжурах»: истинными захватчиками Амура были поработившие Китай маньчжурские феодалы.

[16] Напоминание о Второй Камчатской экспедиции, участники которой достигли западных берегов Северной Америки. Под «Колумбом российским» Ломоносов разумеет в данном случае А. И. Чирикова, которого считал в этой экспедиции «главным» (т. VI наст. изд., стр. 363, 594).

[17] Ср. т. VII наст. изд., стр. 369.

[18] «Тьма островов» — это, очевидно, Курильские острова, которыми в то время чрезвычайно интересовались и о которых много писали тогдашние русские путешественники. Изображению этого района и посвящена вся строфа 20. Говоря о том, что океан там «реке подобен», Ломоносов имеет в виду Курильское течение, которое проходит с севера на юг вдоль восточных берегов Камчатки, Курильских островов и северной Японии. «Тучи разных птиц» поражали неизменно всех, кто посещал тогда эти острова: путешественники рассказывали, что птиц плодится там «премножество» и что местами они «целые каменные острова занимают все сплошь» (см., например, «Описание Курильских островов» секунд-майора Михайлы Татаринова. ААН, ф. 21, оп. 5, № 60, л. 91; ср. также С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, т. I, 2-е изд., СПб., 1786, стр. 334). Ломоносов прав, отмечая, что обитатели островов «не знают строгия зимы»: средняя температура самого холодного месяца там 6—7° ниже нуля. Менее верны географически стихи о во́роне, который, будучи «небесной синевой одеян», превосходит красотой («посрамляет») павлина. Таких птиц, по утверждению орнитологов, на Курильских островах не

Библиотека "Руниверс"

водится. Оперение залетающих туда голубых сорок и широкоротов, хотя и имеет синеватый оттенок, однако далеко от «небесной синевы» (ср. К. А. Воробьев. Птицы Уссурийского края. М., 1954, стр. 157—158, 171—172), и Ломоносов, всегда точный в своих натуралистических показаниях, так бы их не охарактеризовал. Вернее всего, что он имел в виду того «азиатского ворона разноцветного», который содержался при дворе императрицы Анны Иоанновны, а в конце 1731 г., уже мертвый, был сдан гоф-интендантом в Академию наук «к будущему куриозите для сделания из него чучелы и имения в Кунсткамере» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 2330, л. 172; № 420, л. 175). Надо полагать, что это была сизоворонка (Coracias garulla), которая, как известно, действительно «небесной синевой одеяна», но на Дальнем Востоке не встречается: тогдашние естествоиспытатели могли не знать, что восточнее Алтая сизоворонки не залетают.

[19] С половины 40-х годов XVIII в. на Урале («верхи Рифейски») стала бурно развиваться горная промышленность. Инициатива принадлежала «партикулярным заводчикам», а правительство их поощряло («Исторические записки», 1954, № 47, стр. 309). В 1745 г. было открыто первое на Урале коренное месторождение золота. Это было начало развития золотодобывающей промышленности в России как самостоятельной отрасли производства. Успехи в добыче золота и серебра были достигнуты вскоре также на Алтае и в Забайкалье (ср. «Ломоносов», III, стр. 213, 215).

[20] Обращение к настоящим и будущим студентам Академического университета (ср. т. X наст. изд., документ 410, § 13).

[21] Ср. Цицерон. Речь за поэта Архия, 7.

1748

142

Печатается по тексту последней прижизненной публикации (Соч. 1757, стр. 163) с указанием в сносках вариантов по собственноручному подлиннику, обозначаемому Рук. 1748 (ААН, ф. 3, оп. 1, № 115, л. 14), и по Рук. 1751 (л. 71 об.)

Впервые напечатано — Соч. 1751, стр. 186.

Датируется предположительно 22—23 апреля 1748 г., по содержанию письма Ломоносова к Г. Н. Теплову от 22 апреля 1748 г. и ответного письма Теплова от того же числа.

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации ко дню коронации императрицы Елизаветы, 25 апреля 1748 г., поступила в Академическую канцелярию 1 марта того же года и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено Я. Я. Штелину, которого известили об этом

Библиотека "Руниверс"

3 того же марта (ААН, ф. 3, оп. 1, № 594, л. 28). Проект Штелина, препровожденный в Канцелярию главной артиллерии и фортификации 18 марта того же года, был написан по-немецки и содержал следующее двустишие:

Dein Kronbau stehe lang und fest
Wie Treu und Wunsch uns hoffen läst

[Здание твоей короны да стоит долго и твердо,
Как позволяют на то надеяться наша верность и
наше желание].
(ААН, ф. 3, оп. 1, № 115, лл. 5—6).

Академический переводчик В. И. Лебедев, стараясь вложить в эти «вирши» хотя некоторый смысл, передал их по-русски так: «Усердно желаем, чтоб корона твоя долго твердо стояла» (там же, л. 7).

Только месяц спустя, 20 апреля того же года, т. е. за пять дней до предстоявшей иллюминации, Ломоносову был послан ордер с тем, чтобы он перевел немецкие стихи Штелина на русский язык и представил их не позже 23 апреля в Академическую канцелярию. Ломоносов отказался переводить стихи Штелина, потому что, — как писал он 22 апреля Г. Н. Теплову, — «в немецких виршах нет ни складу, ни ладу; и так таким переводом мне себя пристыдить весьма не хочется и весьма досадно, чтобы такую глупость перевесть на российский язык и к такому празднеству». В этом же письме Ломоносов счел нужным отметить, что «очень чудно», т. е. очень странно, «когда один составляет изображения для иллуминаций, а другой — надписи» (т. X наст. изд., письмо 10).

В тот же день, 22 апреля, Тепловым было отправлено Ломоносову изъяснение иллюминации, составленное Штелином, с просьбой «сочинить также стихи, какие вам пристойны покажутся на российском языке; а чтоб г. советника Штелина не обидеть, то прошу и его стихи перевести стихами же» (т. X наст. изд., примечание к письму 10).

На следующий, по-видимому, день, т. е. 23 апреля 1748 г., Ломоносов представил две стихотворные надписи — своего сочинения (надпись 142) и переводную (надпись 143).

143

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 115, л. 14).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 103.

Датируется предположительно 22—23 апреля 1748 г. по тем же соображениям, как и надпись 142.

См. примечания к надписи 142.

Библиотека "Руниверс"

Публикуемые стихи являются переводом сочиненной Я. Я Штелином стихотворной надписи к иллюминации, состоявшейся 25 апреля 1748 г. Они остались неиспользованными, так как предпочтение было отдано надписи Ломоносова.

144

Печатается по тексту последней прижизненной публикации (Соч. 1757, стр 163).

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — Соч. 1751, стр. 187.

Датируется предположительно промежутком времени с 9 июля 1748 г. (когда Академическая канцелярия поручила Я. Я. Штелину составить проект иллюминации) по 5 сентября того же года (день иллюминации).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации ко дню именин императрицы Елизаветы, 5 сентября 1748 г., поступила в Академическую канцелярию 7 июля того же года (ААН, ф. 3, оп. 1, № 517, л. 381 об.), причем составление проекта было поручено Штелину, которого известили об этом 9 июля того же года (там же, № 119, л. 134). Проект иллюминации, составленный Штелином (там же, лл. 136—138), был отослан в русском переводе в Канцелярию главной артиллерии и фортификации 5 августа 1748 г. (там же, л. 139). Немецкий подлинник не отыскан.

В проекте Штелина нет стихов. Нет их и в газетном отчете об иллюминации (СПб. Вед., 1748, № 72, стр. 574—576), а в сохранившихся документах Академической канцелярии не обнаружено упоминаний о том, что составление (или перевод) стихов было поручено Ломоносову. При этих условиях нет возможности установить ни точной даты их представления (Ломоносов мог написать их и после отсылки проекта в артиллерийское ведомство), ни дальнейшей их судьбы: были они использованы при иллюминации или нет, мы не знаем.

[1] Когда писались эти стихи, Ахенский мир еще не был заключен (он был подписан в октябре 1748 г.), но было уже известно, что мирные переговоры близки к благополучному концу и что решающее влияние на их ход оказал бескровный поход русских войск к берегам Рейна.

145

Печатается по первой посмертной публикации с указанием вариантов по Каз. (№ 73, стр. 100), где текст эпиграммы явно искажен.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — [А. С. Шишков]. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803, стр. 149.

Библиотека "Руниверс"

Датируется предположительно октябрем 1748 г., не ранее октября 8, когда Ломоносову была дана на отзыв трагедия А. П. Сумарокова «Гамлет», давшая повод к сочинению публикуемой эпиграммы (т. IX наст. изд., стр. 937).

В названной трагедии, которую, по поручению Академической канцелярии, рецензировали одновременно Ломоносов и В. К. Тредиаковский, в уста королевы Гертруды были вложены первоначально следующие слова:

Вы все, свидетели моих безбожных дел,
Того противна дня, как ты на трон восшел,
Тех пагубных минут, как честь я потеряла
И на супружню смерть безжалостно взирала, . . .

Еще до посылки рукописи в Академию наук Сумароков тщательно зачеркнул слово «безжалостно» и заменил его словами «не тронута» (ААН, разр. II, оп. 1, № 62, л. 16). Эта поправка обошлась ему дорого. Один из академических рецензентов, Тредиаковский, читая рукопись, подчеркнул карандашом эти два слова, отметив тем самым, что относит их к числу тех «негладких и темных» выражений, которых он нашел немало в сумароковской трагедии (ААН, ф. 3, оп. 1, № 122, л. 68). А когда два года спустя, в 1750 г., Тредиаковскому пришлось, по поручению Г. Н Теплова, заняться подробным критическим разбором сочинений Сумарокова, он написал по поводу подчеркнутых им слов «не тронута» следующее: «Тронуть вместо привесть в жалость, за французское toucher, толь странно и смешно, что невозможно словом изобразить». И далее пояснил: «Кто из наших не примет сего стиха в следующем разуме, именно ж, что у Гертруды супруг скончался, не познав ее никогда в рассуждении брачного права и супруговы должности?» (Куник, II, стр. 476—477).

Другой академический рецензент, Ломоносов, поступил иначе: разделяя мнение Тредиаковского, он пародировал осужденный последним стих Сумарокова в публикуемой эпиграмме. При тех приятельских отношениях, какие существовали еще в то время у Ломоносова с Сумароковым, безобидная дружеская эпиграмма стала, вероятно, известна автору трагедии, но он не счел нужным исправить свой стих, который пятьдесят лет спустя стал опять предметом обсуждения и осуждения. На этот раз судьей оказался известный адмирал А. С. Шишков, который привел этот стих в доказательство того, что Сумароков «познанием языка своего» не «обогатил себя столько же, как и Ломоносов» (Рассуждение о старом и новом слоге. СПб., 1803, стр. 149). П. Н. Берков полагает, что «пародия Ломоносова была вызвана, как и приведенные выше замечания Тредиаковского, стремлением оградить русский литературный язык от нововведений, как им казалось, чуждых его духу» (П. Н. Берков. Из истории русской пародии XVIII—XX веков. Вопросы советской литературы, т. V, М.—Л., 1957, стр. 235)

Библиотека "Руниверс"

146

Печатается по тексту первой публикации, сверенному с собственноручным подлинником (ААН, ф. 3, оп. 1, № 121, л. 294).

Впервые напечатано — СПб. Вед., 1748, № 96, стр. 768.

Датируется предположительно промежутком времени с 21 сентября 1748 г. (когда Академическая канцелярия поручила Я. Я. Штелину составить проект иллюминации) по 20 октября того же года (день отправки проекта в Канцелярию главной артиллерии и фортификации).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации к годовщине восшествия на престол императрицы Елизаветы, 25 ноября 1748 г., поступила в Академическую канцелярию 13 сентября того же года и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено Штелину, которого известили об этом 21 сентября того же года (ААН, ф. 3, оп. 1, № 121, лл. 288—290). Проект Штелина, препровожденный в Канцелярию главной артиллерии и фортификации 20 октября 1748 г., был написан по-немецки и переведен на русский язык В. И. Лебедевым. Публикуемые стихи Ломоносова являются довольно близким переводом немецких стихов Штелина.

Как видно из газетного отчета, публикуемая надпись Ломоносова была использована при иллюминации (СПб. Вед., 1748, № 96, стр. 769).

[1] В проекте иллюминации Россия была изображена под видом «укрепленныя двойным валом и рвом крепости» (СПб. Вед., 1748, № 96, стр. 768—769).

[2] Дворцовый переворот 25 ноября 1741 г. был произведен ночью.

147

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 122, л. 550).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 395.

Датируется предположительно промежутком времени с 31 октября 1748 г. (когда Академическая канцелярия поручила Я. Я. Штелину составить проект иллюминации и фейерверка) по 19 ноября того же года (день отправки проекта в Канцелярию главной артиллерии и фортификации).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации на новый 1749 г. поступила в Академическую канцелярию 31 октября 1748 г. и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено Штелину, которого известили об этом 4 ноября того же года (ААН, ф. 3, оп. 1, № 122, лл. 539—541). Иллюминация на новый 1749 г. устраивалась в Москве, где находилась в то время императрица (там же, л. 539). Проект Ште-

Библиотека "Руниверс"

лина, представленный им 18 ноября 1748 г. при репорте и препровожденный в Канцелярию главной артиллерии и фортификации того же 19 ноября, был написан по-немецки и содержал две стихотворные надписи, переведенные В. И. Лебедевым. Ломоносов исправил стилистически русский перевод проекта иллюминации, сделанный Лебедевым, и заменил прозаические переводы стихов Штелина своими, стихотворными.

Судя по вышедшему в свет описанию иллюминации и фейерверка, состоявшихся в Москве на новый 1749 г., публикуемый проект был осуществлен, однако текст этого описания несколько расходится с тем, который был отредактирован Ломоносовым (Д. А. Ровинский. Обозрение иконописания в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций. [СПб.], 1903, стр. 241—242).

148

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 122, л. 550 об.).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 395.

Датируется предположительно промежутком времени с 31 октября по 19 ноября 1748 г. по тем же основаниям, что и стихотворение 147.

Публикуемое стихотворение, как и предыдущее, является переводом немецкой стихотворной надписи Я. Я. Штелина, введенной в составленный последним проект иллюминации на новый 1749 г. См. примечания к стихотворению 147.

149

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 83—92) с указанием в сносках вариантов по Отд. изд. 1748, Рит. рук., Рит. корр., Рит. 1748, Рук. 1751, Соч. 1751, Соч. 1759.

Местонахождение рукописи 1748 г. неизвестно.

Впервые напечатано в 1748 г. отдельным изданием.

Датируется предположительно промежутком времени с 28 октября 1748 г. (день опубликования в СПб. Вед., 1748 г., № 87, стр. 694 известия о заключении Ахенского мира) по 22 ноября того же года, когда Академическая канцелярия определила напечатать оду (ААН, ф. 3, оп. 1, № 517, л. 610 об.).

На протяжении 1748 г. в творческой жизни Ломоносова и в жизни Академии наук произошел ряд важных событий. Только что полученный хвалебный отзыв Л. Эйлера о трудах Ломоносова ободрил их автора, поднял и утвердил его научный авторитет и дал Ломоносову повод вступить в ученую переписку с первой знаменитостью его времени. В этом же году вышла в свет «Риторика» Ломоносова, и начала действовать построен-

Библиотека "Руниверс"

ная им Химическая лаборатория. Появились реальные надежды на оживление деятельности Академического университета: из семинарий набрали, как предлагал Ломоносов, новых студентов, и при его участии обсуждался проект университетского регламента. Относительное благополучие водворилось на время и в окружавшем Ломоносова литературном мирке: отношения с В. К. Тредиаковским, обострившиеся было два года назад (т. VII наст. изд., стр. 81—87, 801—805), стали ровнее, а с А. П. Сумароковым завязалась на некоторый срок даже и дружба: вышедшая в свет почти одновременно с публикуемой одой «эпистола» Сумарокова величала Ломоносова Пиндаром и Малербом (т. IX наст. изд., примечания к документу 372).

Значительные события произошли и за стенами Академии: заграничный поход русских войск, внушавший Ломоносову такие серьезные опасения (см. примечания к стихотворению 141), обошелся без кровопролития: одно их движение к берегам Рейна заставило воюющих поторопиться с заключением мира и положило конец династической войне, уже пять лет терзавшей Западную Европу (Соловьев, кн. V, стлб. 520):

И мечь Твой, лаврами обвитый,
Не обнажен, войну пресек.

Эта по-ломоносовски лаконичная формула была по-ломоносовски же точна.

Перечисленные события сказались на всем тоне публикуемой оды: он спокоен, бодр и оптимистичен. Но в оде нашли отзвук и тогдашние дипломатические осложнения, и тревога за Академию, где враги русского просвещения хоть временно и притихли, но не собирались сдавать свои позиции. Соответствующие намеки, мелькающие кое-где в тексте оды, не помешали ее официальному успеху. Он был исключителен: в «Санктпетербургских ведомостях», в отчете о состоявшихся 25 ноября 1748 г. придворных торжествах было напечатано, что императрица, когда К. Г. Разумовский поднес ей оду Ломоносова, распорядилась дать ее автору «две тысячи рублев в награждение» (СПб. Вед., 1748, № 96, стр. 768—769). Такой суммой Ломоносов никогда еще не располагал: она почти в два с половиной раза превышала его тогдашний годовой оклад и вывела его из тех финансовых затруднений, из которых он не выходил с момента возвращения из-за границы (см. т. X. наст. изд., примечания к документу 490). Есть основание думать, что такое щедрое «награждение» было исходатайствовано М. И. Воронцовым: новой одой Ломоносова он был весьма удовлетворен. Об этом можно судить по тому, что тотчас же по выходе оды в свет он отправил ее экземпляр в Стокгольм русскому посланнику в Швеции Н. И. Панину, который, получив оду, отозвался с далеко не свойственной ему торопливостью. «Ваше сиятельство, — писал он 19 декабря 1748 г. Воронцову, — сообще-

Библиотека "Руниверс"

нием оды сочинения г. Ломоносова меня чувствительно одолжить изволили. Есть чем, милостивый государь, в нынешнее время наше отечество поздравить; знатный того опыт оная ода в себе содержит. По моему слабому мнению, сочинителевы мысли с стихотворением равными ступенями в ней идут, и едва ли одно перед другим предпочесть возможно» (Архив кн. Воронцова, кн. VII, М., 1885, стр. 460—461). Из этого отзыва, по-видимому вполне искреннего, можно заключить, что содержавшиеся в оде политические высказывания Ломоносова, в особенности же те, которые касались весьма напряженных в то время русско-шведских отношений, пришлись по душе обоим дипломатам — и вице-канцлеру, и посланнику в Стокгольме, которых никак нельзя было назвать единомышленниками. Их переписка о публикуемой оде свидетельствует о том, какое серьезное политическое значение придавалось уже в то время поэтическим произведениям Ломоносова (см. ниже, примечания 5, 6, 14 и 15 к публикуемой оде).

[1] Под музами Ломоносов здесь, как и в других случаях, разумеет науку (ср. т. X наст. изд., документ 408) и напоминает о периоде единовластия Шумахера.

[2] Напоминание о пожаре, который в ночь на 5 декабря 1747 г. произошел в здании Библиотеки и Кунсткамеры и истребил множество научных сокровищ. Ломоносов намекал впоследствии, что ходили слухи о преднамеренном поджоге: «говорено и о Герострате» (т. X наст. изд., документ 470, § 23).

[3] Характерная для Ломоносова реалистическая деталь: во время пожара 5 декабря 1747 г. отпечатанные, но еще не сброшюрованные академические издания, сложенные «в верхнем академическом магазейне, у башни», были скинуты на землю из окошек и с кровли, причем «многие листы разлетелись, иные замараны, затоптаны и подраны». Такая участь постигла и «Риторику» Ломоносова (Материалы, т. VIII, стр. 626).

[4] Дворцовый переворот, в результате которого Елизавета Петровна вступила на престол, произошел глубокой осенью и ночью.

[5] Напоминание о последней русско-шведской войне. Говоря о «нестройных соседях», Ломоносов намекает на партийные разногласия в тогдашних правящих кругах Швеции. Подобные же разногласия наблюдались в шведских военных кругах и во время войны.

[6] Намек на мирный договор 1743 г., который отодвинул русско-шведскую границу далеко на запад.

[7] См. вводную часть примечаний к публикуемой оде.

[8] См. т. VII наст. изд., стр. 374—375. Если первые семь стихов строфы 17 вошли в «Риторику», которая начала печататься, по-видимому, еще в июне 1747 г. (ААН, ф. 3, оп. 2, № 183, л. 68), а к первым числам декабря 1747 г. была уже целиком отпечатана (т. VII наст. изд., стр. 806),

Библиотека "Руниверс"

то это означает, что эти стихи были написаны не одновременно с остальным текстом публикуемой оды, а по крайней мере целым годом ранее, не позднее ноября 1747 г. (ср. примечание 2 к стихотворению 43 и вводную часть примечаний к стихотворениям 32—41). Хина — Китай.

[9] Строфа 18 содержит очень тонкий и едкий политический намек: Азовская крепость, взятая Петром I в 1696 г., возвращенная Турции по Прутскому миру 1711 г. и вторично взятая русскими войсками в 1736 г., была срыта по требованию Турции в 1741 г., когда руководителем внешней политики России был Остерман. Таким образом, слова Ломоносова «нашею... рукою... поверженный Азов» могут быть истолкованы двояко: и как похвала тем, кто его брал, и как горький упрек тем, кто его своими же руками разрушил. Так же двусмысленны и слова о «Каспийских брегах»: прославляя Персидский поход Петра I (1722 г.), Ломоносов с такой же горечью, как и об Азове, напоминает о том, что все завоеванное русскими войсками западное побережье Каспийского моря, которым Петр I чрезвычайно дорожил, было без всяких к тому оснований отдано Персии в годы бироновщины.

[10] Имеется в виду Полтавское поражение Карла XII, вынужденными союзниками которого были тогда Польша («сарматы») и Саксония.

[11] Т. е. течение Вислы стало таким же быстрым, как течение Дуная: намек на устрашающее впечатление, произведенное Полтавской битвой на Турцию и Польшу.

[12] Имеется в виду иллюминация в Петербурге по случаю седьмой годовщины вступления Елизаветы Петровны на престол.

[13] В мае 1748 г. в Москве произошло шесть пожаров, опустошивших несколько районов и сопровождавшихся человеческими жертвами. Сгорело по одним данным 1227, по другим 1883 жилых дома (История Москвы, т. II, М., 1953, стр. 457; ср. также Архив кн. Воронцова, кн. 4, М., 1872, стр. 9—10).

[14] Строфа 22 и первые пять стихов строфы 23, убеждающие императрицу отправиться в Москву, были введены Ломоносовым, очевидно, в угоду желаниям покровительствовавшего ему вице-канцлера М. И. Воронцова, а может быть, и по прямому предложению последнего (ср. Соловьев, кн. V, стлб. 558). Елизавете Петровне хотелось поехать в Москву, но так как, по существовавшему тогда обычаю, с ней должны были двинуться туда и весь двор, и все высшие государственные учреждения, то вокруг этой поездки разгорелась в правящих сферах ожесточенная борьба. Канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, ссылаясь на сложность дипломатической обстановки (см. ниже, примечание 15), отговаривал Елизавету Петровну от поездки в Москву, враждебная же Бестужеву партия, возглавляемая Воронцовым, убеждала императрицу не поддаваться уговорам канцлера (Соловьев, кн. V, стлб. 521—522).

Библиотека "Руниверс"

[15] Швеция, подстрекаемая Францией и Пруссией, заняла в это время настолько враждебную позицию, что русское правительство сочло нужным приступить к военным приготовлениям в Финляндии, о чем проскальзывали кое-какие косвенные известия даже в официальные «Санктпетербургские ведомости» (см., например, СПб. Вед., 1748, № 103, стр. 825); отношения же с Францией обострились настолько, что 9 декабря 1748 г. был отозван из Парижа русский резидент (Соловьев, кн. V, стлб. 516—520; П. В. Безобразов. О сношениях России с Францией. М., 1892, стр. 190—203). В печатном сообщении об отбытии императрицы в Москву говорилось, что перед отъездом она распорядилась мобилизовать «из находящихся около Новгорода и других окольничьих мест войск» тридцатитысячный корпус, который держать «во всякой к походу готовности», чтобы он мог «по первому указу в назначенное место маршировать» (СПб. Вед., 1748, № 101, стр. 808—809). Эта дипломатическая демонстрация перекликалась с заключительной строфой публикуемой оды.

150

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 123, л. 125).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 753.

Датируется предположительно декабрем 1748 г., не позднее 23-го, по донесению Академической канцелярии от 23 декабря 1748 г. на имя президента Академии наук, где приведено публикуемое четверостишие (ААН, ф. 3, оп. 1, № 124, л. 536).

Выпуская «Придворный календарь» на 1749 г., Академическая канцелярия решила украсить его титульный лист по обычаю гравированной на меди символической виньеткой, а под виньеткой дать стихотворную подпись. И виньетка, и подпись должны были содержать намеки на крупнейшее политическое событие того времени — Ахенский мир, заключение которого было ускорено бескровным походом русского экспедиционного корпуса на Рейн.

Материалом для подписи явились следующие стихи Горация (IV, 14, стихи 32—34):

. . . sine clade victor
te copias et consilium et tuos
praebente divos
[Победитель без потерь,
Которому ты предоставил и войско, и совет,
И покровительство твоих богов].

В этих стихах речь идет о д в у х лицах: стихи обращены к римскому императору Августу, который «предоставил и войско, и совет», «победите-

Библиотека "Руниверс"

лем» же именуется пасынок императора Тиберий, одержавший победу над альпийским племенем ретов. Составители «Придворного календаря» переиначили стихи Горация и дали их в таком виде:

. . . sine clade victrix
Te copias, Te consilium et Tuos
Praebente. . .,

т. е. путем насилия над латинской грамматикой отнесли и одержание победы, и предоставление средств для нее к одному и тому же субъекту, имея в виду прославить императрицу Елизавету. В соответствии с этим слово victor (победитель) было заменено словом victrix (победительница), а слово divos (богов), признанное, очевидно, неуместным с конфессиональной точки зрения, было опущено, вследствие чего слова et tuos (и твоих) повисли в воздухе и оказались лишенными всякого смысла.

Ломоносов в своем вольном переводе искусно устранил нелепости обезображенного латинского оригинала. Однако Академическая канцелярия в лице Шумахера отвергла его перевод и напечатала одну латинскую подпись, мотивируя это следующим образом: «По совету всех знатоков, подпись латынская постановлена, и то для того учинено, понеже от переводу на российский язык вся б пропала куриозность и явственная сила» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 124, л. 536; ср. также № 517, л. 662 об.).

Иллюстрация на стр. 227 воспроизводит проект фронтисписа «Придворного календаря» на 1749 год, хранящийся в ААН (ф. 3, оп. 1, № 123, л. 123). По этому проекту и был напечатан фронтиспис календаря. Экземпляр «Придворного календаря» хранится в БАН (шифр $\frac{1749}{9}$).

1749

151

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 5, лл. 112—113 об.).

Впервые напечатано (с серьезными отступлениями от подлинника) — Соч. 1784, ч. I, стр. 43—46.

Датируется предположительно 1748—1749 гг., не позднее 27 января 1749 г., по письму Ломоносова В. Н. Татищеву от 27 января 1749 г., где содержится упоминание о публикуемом переложении 103-го псалма. Так как переложение этого «прекрасного», по мнению Ломоносова (см. ниже), псалма, не использовано в «Риторике», вышедшей в свет в 1748 г., то есть основание думать, что оно написано не ранее этого года.

Письмо В. Н. Татищева, вызвавшее ответ Ломоносова, до нас не дошло О содержании его можно судить по ответному письму Ломоносова (т. X наст. изд., письмо 14). В. Н. Татищев, ценитель и знаток русского языка,

Библиотека "Руниверс"

знакомый с предшествующими ломоносовскими переложениями псалмов, советовал Ломоносову продолжать эту поэтическую работу. Ломоносов отвечал, что ему «весьма приятен» такой совет и что сам он «давно к тому охоту» имеет, но выражал опасение, что ему не удастся точно передать содержание псалмов из-за неисправности славянского их перевода. Этим он объясняет, почему не полностью переложил псалом 103: «Принявшись перелагать на стихи прекрасный псалом 103, для того покинул, что многие нашел в переводе погрешности: „змий сей, его же создал еси ругатися ему" вместо „се кит, его же создал еси презирати оное (то есть море, его пространство)"». Последние 19 стихов псалма остались не обработанными Ломоносовым.

Достойно внимания, что и в «Рифмотворной псалтыри» Симеона Полоцкого переложение псалма 103 обрывается на том же месте.

«Я не смею дать в преложении другого разума, — писал Ломоносов Татищеву, — нежели какой псаломские стихи в переводе имеют». Публикуемое переложение и в самом деле весьма точно передает «разум» библейского подлинника. Местами это почти дословный перевод, например:

Текст псалма	Текст Ломоносова
Покрываяй водами превыспренняя своя, полагаяй облаки на восхождение свое, ходяй на крилу ветреню.	Покрыв водами высоты, На легких облаках восходишь, Крилами ветров шум наводишь, Когда на них летаешь ты.

Местами же, где библейский текст не в меру лаконичен и оттого неясен, Ломоносов смело и проникновенно дает в поэтической форме научное его истолкование, например:

Текст псалма	Текст Ломоносова
Бездна, яко риза, одеяние ее; на горах станут воды.	Ты бездною ея облек, Ты повелел водам парами Всходить, сгущаяся над нами, Где дождь раждается и снег.

В великолепной интерпретации русского поэта-естествоиспытателя это древнее произведение искусства вполне оправдывает ту оценку, какую дал ему сто лет спустя другой великий естествоиспытатель Александр Гумбольдт: «Удивляешься, когда в лирическом произведении столь малого объема видишь вселенную, небо и землю, изображенную немногими крупными чертами» (A Humboldt. Kosmos, t. II [А. Гумбольдт. Космос, т. II]. 1847, стр. 47).

152

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 125, л. 584).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 418.

Библиотека "Руниверс"

Датируется предположительно промежутком времени с 27 февраля 1749 г. (когда Академическая канцелярия направила Ломоносову ордер о переводе немецкого текста иллюминации) по 2 марта того же года (день отправки проекта иллюминации в Канцелярию главной артиллерии и фортификации).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации ко дню рождения великой княгини Екатерины Алексеевны, 21 апреля 1749 г., поступила в Академическую канцелярию 24 января 1749 г. и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено Штелину, которого известили об этом 25 того же января (ААН, ф. 3, оп. 1, № 125, лл. 572—574). 27 февраля того же года Ломоносову был направлен ордер, согласно которому он должен был перевести немецкие стихи Штелина (там же, л. 580). Дата представления Ломоносовым перевода не установлена. 2 марта 1749 г. проект был препровожден в Канцелярию главной артиллерии и фортификации (там же, л. 579).

Публикуемые стихи Ломоносова являются довольно близким к подлиннику переводом немецких стихов Штелина.

[1] Амаранф — амарант (что в переводе с греческого означает «неувядаемый»), растение с красными, долго не увядающими цветами.

[2] Академический переписчик допустил описку: в четвертом стихе вместо «век» написал «день». В таком неисправном виде надпись, вероятно, и была воспроизведена при иллюминации.

[3] См. примечание 17 к стихотворению 189.

153

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 125, л. 591 об.).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 419.

Датируется предположительно промежутком времени с 25 января 1749 г. (когда Академическая канцелярия поручила Я. Я. Штелину сочинить проект иллюминации) по 9 марта того же года (день отправки проекта в Канцелярию главной артиллерии и фортификации).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации ко дню коронации императрицы Елизаветы, 25 апреля 1749 г., поступила в Академическую канцелярию 24 января 1749 г. и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено Штелину, которого известили об этом 25 того же января (ААН, ф. 3, оп. 1. № 125, лл. 572—574). Проект Штелина был представлен 9 марта 1749 г. и в тот же день отправлен в Москву

Библиотека "Руниверс"

(где должна была состояться иллюминация) президенту Академии наук (там же, л. 589).

Публикуемые стихи Ломоносова являются переводом немецкой стихотворной надписи Штелина.

[1] Под венцами разумеются царства, вошедшие в состав Русского государства.

154

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 160) с указанием в сносках вариантов по Рук. 1751.

Впервые напечатано — Соч. 1751, стр. 181.

Датируется предположительно 18 мая 1749 г., когда в Петербурге, в Адмиралтейской крепости, был торжественно спущен на воду 66-пушечный корабль «Александр Невский» (СПб. Вед., 1749, № 40, стр. 218).

Сложившаяся к началу 1749 г. напряженная политическая обстановка, угрожавшая войной с Швецией (см. примечание 15 к стихотворению 149), заставила правительство позаботиться о приведении в состояние боевой готовности корабельного флота, который, по свидетельству современников, находился в далеко не исправном состоянии. Строительство новых судов и ремонт старых шли медленно, а между тем в мае 1749 г. предполагалось отправить часть корабельного флота в море (Соловьев, кн. V, стлб. 208, 453 и 592—594). При этих условиях спуск на воду нового боевого корабля второго ранга (а таких кораблей должно было быть во всем русском флоте пятнадцать) был событием большого политического значения.

Представляется странным, почему Ломоносов говорит о спуске только одного корабля, когда в тот же день, в той же Адмиралтейской крепости был спущен на воду и второй корабль такого же типа (СПб. Вед., 1749, № 40, стр. 218).

[1] Адмиралтейская крепость была расположена на левом берегу Невы, на месте нынешнего Адмиралтейства, против окон стоявшего на другом берегу здания Академии наук. Таким образом, Ломоносову, когда он глядел на верфь из этих окон, громада стоявшего на стапеле корабля действительно «Горизонт на суше закрывала».

[2] Т. е. на Неву.

155

Печатается: русский текст — по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 187—208) с указанием в сносках вариантов по рукописи, написанной рукой А. П. Протасова, с поправками Ломоносова (ААН, ф. 3,

Библиотека "Руниверс"

оп. 1, № 838, лл. 119—132, обозначаемой Рук. 1749), по отдельному изданию 1749 г. (обозначаемому Отд. изд. 1749), по тексту, напечатанному в книге «Торжество Академии Наук... празднованное публичным собранием... Ноября 26 дня 1749 года» (обозначаемому Торж.), по тексту, напечатанному в Соч. 1751, и по изданию 1755 г. (обозначаемому Отд. изд. 1755); латинский перевод — по единственному прижизненному изданию.

Местонахождение рукописи латинского текста неизвестно.

Впервые напечатано: русский текст — отдельным изданием в 1749 г. в книге «Diem Imperii faustissimum atque laetissimum Serenissimae et Potentissimae Principis ac Dominae Elisabetae Petri Magni Filiae, Imperatricis et Autocratoris omnium Russiarum, Academia Scientiarum solemni conventu celebrat postridie illius diei Novembris XXVI anno MDCCXLIX. Petropoli Typis Academiae Scientiarum» («Всерадостнейший и вожделеннейший день восшествия на престол всепресветлейшей державнейшей государыни императрицы Елизаветы, дочери Петра Великого, самодержицы всероссийской, Академия Наук празднует публичным собранием на следующий день, 26 ноября 1749 г. Петербург. Типография Академии Наук»).

Датируется предположительно: русский текст — промежутком времени с 7 апреля 1749 г. (день получения Ломоносовым ордера Академической канцелярии о сочинении похвальной речи для публичной ассамблеи — ААН, ф. 3, оп. 1, № 838, л. 119) по 3 августа того же года (день подачи Ломоносовым репорта об окончании работы над речью — там же, л. 69); латинский текст — промежутком времени с 17 августа 1749 г. (день получения Ломоносовым ордера о представлении латинского перевода похвальной речи — там же, № 595, л. 135) по 2 ноября того же года (день получения Типографией бумаги для печатания этого перевода — там же, оп. 2, № 186, лл. 34 и 66).

Академический регламент 1747 г. обязывал «всякий год иметь три ассамблеи публичных». Однако только через полтора года после утверждения этого регламента, 23 января 1749 г., состоялось распоряжение президента Академии об устройстве первой такой ассамблеи (ААН, ф. 3, оп. 1, № 596, лл. 17—18). В соответствии с регламентом она приурочивалась ко дню именин императрицы и была назначена на 6 сентября 1749 г. Г.-Ф. Миллеру поручалось прочитать на ассамблее «сочинение об ученой материи», а Ломоносову — «похвальную речь ея имп. величеству на русском языке» (там же, № 838, л. 2). Непосредственный устроитель торжества, Шумахер был в затруднительном положении. Он понимал, с одной стороны, что с такой ответственной по тогдашним условиям задачей, как произнесение русского панегирика императрице в присутствии всей столичной знати, никто лучше Ломоносова не справится, и потому сам же и выдвинул его кандидатуру (там же, № 817, л. 187). Но, с другой стороны, он предвидел, что предстоящее публичное выступление упрочит еще более и без того уже

Библиотека "Руниверс"

громкую славу автора недавно вышедшей «Риторики» и только что премированной императрицей оды, а это было Шумахеру отнюдь не на руку. Двор и в составе его К. Г. Разумовский со своим влиятельнейшим советчиком Г. Н. Тепловым находился тогда в Москве, и Шумахер слал Теплову письмо за письмом, где откровенно признавался, что рад был бы доверить похвальную речь другому оратору, и не жалел язвительных слов, чтобы хоть как-нибудь очернить и принизить Ломоносова (там же, ф. 1, оп. 3, № 36, лл. 36 об., 49, 91).

Канцелярский ордер, которым Ломоносову предписывалось «сделать» похвальную речь, был датирован 7 апреля 1749 г. (там же, ф. 3, оп. 1, № 838, лл. 6 об.—7). 3 августа того же года текст этой речи, каллиграфически переписанный А. П. Протасовым, был представлен Ломоносовым в Академическую канцелярию (там же, л. 69), которая в тот же день направила рукопись в Москву (там же, № 817, л. 204). На заглавном ее листе Разумовский написал: «Печатать по сему», и 10 августа Теплов отослал ее назад в Петербург, сообщив Шумахеру, что президент ее «апробовать изволил» (там же, № 838, л. 75). Только после этого Шумахер ордером от 17 августа предложил Ломоносову «взнести» свою речь в Канцелярию не только на русском, но и на латинском языке, что было приказано президентом еще в апреле (там же, лл. 3 об. и 72, где дата ордера обозначена неверно; № 518, л. 363 об.; № 595, л. 135, исх. № 1454). Ломоносов обещал, если верить Шумахеру, представить латинский перевод 31 августа (там же, ф. 1, оп. 3, № 36, л. 91), но успел перевести к этому сроку только половину своей речи (т. X наст. изд., документ 506). Когда именно был окончен перевод второй части, мы не знаем. Известно лишь, что 28 сентября он не был еще готов (ААН, ф. 3, оп. 1, № 459, л. 149 об.), что 2 ноября была выдана бумага для печатания всего латинского текста речи (там же, оп. 2, № 186, лл. 34 и 66) и что к 23 ноября 1749 г. этот текст был уже отпечатан (там же, оп. 1, № 838, л. 289 об.).

Что касается русского текста, то 18 августа Шумахер приказал: «оставя все имеющиеся при Типографии дела», печатать этот текст «с крайним поспешением как днем, так и по ночам» (там же, л. 83). Типография напечатала ломоносовскую речь вовремя, и приглашения на ассамблею были уже разосланы, когда за два дня до торжества, 3 сентября 1749 г., поздно вечером, в Академию прискакал из Москвы курьер с известием, что ассамблея переносится на конец ноября (там же, л. 151). «Весь город в волнении от внезапной перемены относительно публичной ассамблеи, — писал Шумахер Теплову, — и каждый занят отысканием причин этого» (там же, ф. 1, оп. 3, № 36, л. 94). Причиной, не известной в то время и Шумахеру, было недовольство той ученой диссертацией, какую намеревался прочитать на ассамблее Г.-Ф. Миллер (подробнее см. т. VI наст. изд., стр. 17—80, 546—559). Относительно же речи Ломоносова Шумахером были получены 27 сентября

Библиотека "Руниверс"

из Москвы следующие указания: «Похвальное слово г. профессора Ломоносова, к славе Академии и к его собственной чести, оставить так, как оно и прежде было уже от г. президента апробовано, а перепечатать только те приличности, которые сам г. Ломоносов отменить [т. е. изменить] захочет при переносе слова своего от 6 сентября к 25 ноября [т. е. к годовщине восшествия императрицы на престол], и не ожидая на ту отмену никакой конфирмации от президента, в том уповании, что то неважные переносы будут, которые автору отменить должно» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 838, л. 218). Изменения, которые Ломоносову пришлось ввиду этого внести в свою речь, были в самом деле незначительны, и через день, 29 сентября, он сдал в Канцелярию переправленный им текст (там же, л. 232), который 5 октября был послан в Типографию (там же, л. 243), а 6 ноября отправлен уже в печатном виде в Москву (там же, ф. 1, оп. 3, № 36, л. 110 об.).

26 ноября 1749 г., в день ассамблеи, несмотря на ненастную погоду, гостей съехалось много: академическая аудитория была полна. Ломоносов и заменившие Миллера профессоры Г.-В. Рихман и Х.-Г. Кратценштейн, по свидетельству Шумахера, «превосходно справились со своей задачей» (там же, л. 115 об.). 4 декабря Теплов сообщил Шумахеру, что Разумовский поднес печатный экземпляр академических речей императрице и что панегирик Ломоносова «снискал рукоплескания Двора» (там же, л. 116 об.). Шумахер не воздержался и тут от свойственного ему злословия: в ответном письме Теплову он дал понять, что всякая похвальная речь независимо от ее качества всегда встретит одобрение со стороны тех, кого хвалят, а попутно Шумахер осторожно намекнул и на то, что в ломоносовском «Слове» встречаются выражения, которые могут показаться обидными как прусскому, так и шведскому правительству (там же, л. 116 об.). Однако при всем старании Шумахера ослабить впечатление, произведенное похвальной речью, это ему не удалось. Успех ее был огромен: она выдержала при жизни Ломоносова четыре издания — в 1749, 1751, 1755 и 1758 гг. (Соч. 1757).

«Сравните, что писано до Ломоносова, и то, что писано после его: действие его прозы будет всем внятно», — говорил Радищев (А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I, М.—Л., 1938, стр. 389). Более поздний исследователь, Евгений Болховитинов, развивая ту же мысль, отмечал, что ломоносовское похвальное слово Елизавете Петровне «было таким примером панегирического красноречия, с которым тогда нечего было россиянам сравнять или, по крайней мере, нечего было предпочесть ему» (Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. II. М., 1845, стр. 20). Первое ораторское произведение Ломоносова было для своего времени действительно новым словом. Сочиненное в строгом соответствии с теми основанными на античной традиции правилами «расположения» панегирика, которые Ломоносов формулировал еще в начальном варианте «Риторики» (т. VII наст. изд., стр. 70—72), оно пле-

Библиотека "Руниверс"

няло слушателей и читателей не только тем, что его «высокий», «украшенный» слог был «важен и великолепен», но и тем, что оно было первым в нашей прозаической литературе образцом того «довольства пристойных и избранных речений» и той «чистоты штиля», о которых Ломоносов так много и так горячо писал в своих филологических работах. Оно доказывало на практике, что русский литературный язык имеет в самом деле, как утверждал Ломоносов, «природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает» (там же, стр. 92). В утомительном на наш теперешний взгляд «искусственном распространении слова» современники Ломоносова и их ближайшие потомки умели находить «цветы восхищающего красноречия» («Труды Общества любителей российской словесности», 1812, т. III, стр. 88) и сквозь гром гиперболических похвал «добротам» императрицы различали уже привычные им по ломоносовским одам публицистические отклики на живую действительность (см. ниже, примечания 2, 4—6, 9—13, 22, 23, 26, 28, 29, 31, 34, 46 и 49).

Благодаря латинскому переводу Ломоносова, мастерски передававшему пышный ораторский стиль подлинника, «Слово похвальное» приобрело известность и за границей. Леонард Эйлер называл его образцовым в своем роде произведением («un chef d'oeuvre dans son genre» — ААН, ф. 1, оп. 3, № 39, л. 148).

[1] Обычный для художественных произведений Ломоносова мотив мира.

[2] Имелась в виду, очевидно, успешная деятельность нового командира Оренбургской экспедиции И. И. Неплюева, сумевшего наладить мирные взаимоотношения с некоторыми среднеазиатскими народами (Соловьев, кн. V, стлб. 628—629).

[3] Императрица с декабря 1749 г. находилась в Москве (Камер-фурьерские журналы за 1748 г., стр. 75).

[4] «Обществом» Ломоносов именует Академию наук, а называя ее «обновленной», имеет в виду новый регламент Академии, утвержденный в 1747 г. (ср. примечания к стихотворению 141).

[5] Намек на то, что бюджетные ассигнования на Академию наук, установленные новым штатом 1747 г., были вдвое больше тех, какие назначил в свое время Петр I.

[6] Речь идет о назначении президентом Академии К. Г. Разумовского. Как брат фаворита императрицы, женатый к тому же на ее родственнице, он был действительно одним из «ближайших».

[7] Вместо «день, пресветлым Ея на Отеческий престол восшествием осиянный», в латинском переводе: «день, знаменитейший тем, что силою мужественной своей доблести приняла на себя власть над Россией».

[8] «Не витиеватым сложением замыслов» при переводе на латинский язык опущено.

Библиотека "Руниверс"

[9] Императрица Елизавета Петровна отличалась исключительной набожностью и строго соблюдала все церковные обряды и посты. В июне 1749 г. она отправилась из Москвы в Троице-Сергиеву лавру на богомолье, причем часть пути шла пешком (Камер-фурьерские журналы за 1749 г., стр. 20). Из этого следует, что данный отрывок «Слова» был написан Ломоносовым, вероятно, не ранее июня 1749 г.

[10] Т. е. победа над шведами в 1742 г. и рейнский поход 1748 г. (см. примечания к стихотворению 149).

[11] Под «внутренними» неприятелями разумеются А. И. Остерман, Б.-Х. Миних и другие видные государственные деятели времен бироновщины. Указом от 22 января 1742 г. смертная казнь, к которой они были приговорены, была заменена ссылкой (ПСЗ, 8506). Под «внешними» неприятелями разумеются шведы. В августе 1742 г. после капитуляции шведской армии, окруженной русскими войсками в Гельсингфорсе, ей было разрешено возвратиться на родину, а мобилизованному шведами финскому войску было позволено разойтись по домам (Соловьев, кн. V, стлб. 183). «И кроткое наказание Ея злодеев» при переводе на латинский язык опущено.

[12] Т. е. восстановление Сената в прежнем его значении, возобновление деятельности Берг-коллегии, Мануфактур-коллегии как самостоятельных учреждений и Главного магистрата, а также работы по укреплению Кронштадтского военно-морского порта (Соловьев, кн. V, стлб. 143, 204—206).

[13] Императрица Елизавета воздерживалась от подписания смертных приговоров, но не отменила таких наказаний, как вырезывание языка, вырывание ноздрей, и не отказалась от применения пыток.

[14] Т. е. царя Михаила Федоровича.

[15] Вместо «и Москву от жестокаго поражения и глубоких ран исцеляющаго» в латинском переводе: «и освобождающего Москву от зловреднейшей чумы дерзостнейших людей».

[16] Т. е. царя Алексея Михайловича.

[17] Т. е. на Польшу.

[18] Т. е. Екатерину I.

[19] Вместо «на рамена свои» в латинском переводе: «на женские, но крепчайшие плечи».

[20] В латинском переводе добавлено: «и прекраснейшие, достойные прославления добродетели нашей государыни».

[21] Ср. т. VII наст. изд., стр. 588 и 590.

[22] Имеются в виду военные действия против шведов в 1742 г.

[23] Имеется в виду дворцовый переворот 25 ноября 1741 г.

[24] В латинском переводе добавлено: «и побеждает судьбу».

[25] См. примечание 3 к стихотворению 141.

[26] Т. е. шведы.

Библиотека "Руниверс"

[27] Вместо «завистливый взор свой вспять обращая» в латинском переводе: «и стали сомневаться в своем успехе».

[28] Имеются в виду десантные операции Петра I в 1719—1720 гг. на восточном побережье Швеции, а также следующая запись в «Журнале» Петра I, датированная 29—30 сентября 1702 г.: «Того же числа с пятьдесят судов с Ладожского озера с полмили сухим путем чрез лес волочены в Неву-реку» (Журнал, или поденная записка, императора Петра Великого, 1770, ч. I, стр. 56). Ср. поэму «Петр Великий» (стихотворение 256) и примечание 80 к ней.

[29] Ср. примечания к стихотворению 22. По сообщению русского командования, в сражении под Вильманстрандом 23 августа 1741 г. шведы потеряли убитыми около 4000 человек, а наши войска — около 550 человек («Ученые записки имп. Академии Наук по I и III Отделениям», СПб., 1854, т. II, стр. 153—155).

[30] См. выше, примечание 11.

[31] Швеции после заключения ею в 1743 г. мира с Россией стала угрожать войной Дания. В связи с этим, по просьбе шведского правительства, русский флот был двинут к берегам Швеции для их охраны, и в Стокгольм были переброшены два русских полка. Одновременно наследником шведского престола был признан выдвинутый русским двором кандидат, голштинский принц Адольф-Фридрих (Соловьев, кн. V, стлб. 230 и 368).

[32] Ср. примечание 15 к стихотворению 149.

[33] Вместо «примечает перемены воздуха, смотрит на восстающия тучи» в латинском переводе: «примечает перемены неба».

[34] Ломоносов не поясняет, против кого из «завистников благополучия нашего» направлена эта фраза, но люди осведомленные понимали, что она заключает в себе предостережение прусскому королю Фридриху II, который в начале 1749 г. был занят усиленными военными приготовлениями, тревожившими петербургский двор. Дипломатические сношения с Пруссией, становившиеся все более напряженными, были прерваны в октябре 1750 г. (Соловьев, кн. V, стлб. 635—638).

[35] См. примечание 6 к стихотворению 189.

[36] В латинском переводе добавлено: «и владычицы».

[37] Вместо «что приятнее человеческому сердцу» в латинском переводе: «что прекраснее или приятнее на вид».

[38] «Ниже трепещущия стопы сомнительно простирают» при переводе на латинский язык опущено.

[39] «Иные строгою и нередко безчеловечною казнию хотят искоренить злобу» при переводе на латинский язык опущено.

[40] «Так что скорее голос мой ослабеет, язык притупится и слово оскудеет, нежели подробну Ея благодеяния исчислит» при переводе на латинский язык опущено.

Библиотека "Руниверс"

[41] Вместо «до учащагося здесь юношества» в латинском переводе: «до этого юношества». Ломоносов, готовя речь, предполагал, по-видимому, что в числе слушателей будут и учащиеся.

[42] Вместо «непрелестный» в латинском переводе: «прямой».

[43] Вместо «произрастет здесь насажденное Петром, огражденное милостию и напоенное щедротою достойныя толикаго Родителя Дщери прекрасное премудрости древо» в латинском переводе: «из кинутых Петром семян наук, огражденных милостью и напоенных щедростью, достойной столь великого родителя дочери, произрастет богатейшая низа, плоды которой в изобилии распространятся по всей земле».

[44] «Пространную» при переводе на латинский язык опущено.

[45] «Новое просвещение» при переводе на латинский язык опущено.

[46] В § 36 Академического регламента 1747 г. говорилось, что Академическое собрание «впредь должно состоять из природных российских».

[47] Вместо «на сие здание» в латинском переводе: «на мастерскую наук и художеств».

[48] Вместо «о науках помышляли и к ним бы любовию склонялись» в латинском переводе: «любили бы ее [т. е. мастерскую наук и художеств] и смотрели бы на нее с уважением».

[49] После происшедшего 5 декабря 1747 г. пожара пострадавшее от огня здание Библиотеки и Кунсткамеры долгие годы оставалось невосстановленным (см. т. X наст. изд., документ 438 и примечания к нему).

[50] Вместо «толь велико» в латинском переводе: «столь необычайно и неслыханно».

[51] Вместо «искреннюю ревность и рабскую верность нашу Величеству Твоему сим засвидетельствовать тщимся по мере сил наших» в латинском переводе: «считаем своим долгом засвидетельствовать это в меру сил наших».

156

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 129, л. 295).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 423.

Датируется предположительно промежутком времени с 28 августа 1749 г. (когда Академическая канцелярия поручила Я. Я. Штелину составить проект иллюминации) по 25 сентября того же года (день отправки проекта в Москву).

Согласно указу Главной канцелярии Академии наук в Петербургскую канцелярию, полученному последней 28 августа 1749 г., следовало составить проект иллюминации к годовщине восшествия на престол императрицы Елизаветы, 25 ноября 1749 г. При этом было предложено использовать сочиненный ранее проект иллюминации на 5 сентября того же года, в этот день

Библиотека "Руниверс"

не состоявшейся. Петербургская Академическая канцелярия определила, что проект иллюминации надлежит сочинить Я. Я. Штелину, которого известили об этом 31 августа того же года (ААН, ф. 3, оп. 1, № 129, лл. 289—292 об.). Проект Штелина, написанный по-немецки и переведенный на русский язык В. И. Лебедевым, содержал стихотворную надпись, которую Ломоносов передал стихами. 25 сентября 1749 г. проект был отправлен в Москву, где должна была состояться иллюминация (там же, л. 294 об.).

Ни в одно из прижизненных собраний сочинений Ломоносова эти стихи не вошли.

[1] См. примечания к надписи 146.

[2] Доброты — добродетели.

157

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 160) с указанием в сносках вариантов по Рук. 1751.

Впервые напечатано — Соч. 1751, стр. 180.

Датируется предположительно 20 декабря 1749 г., т. е. днем прибытия императрицы Елизаветы в Петербург. В стихах идет речь о бывшей в этот день погоде, что исключает возможность считать их подготовленными заранее.

[1] Судя по метеорологическим записям профессора И.-А. Брауна, погода 20 декабря 1749 г. действительно благоприятствовала путешествию: был умеренный мороз (—8.7° С) при почти нормальном атмосферном давлении (около 729 мм) и слабом ветре, сперва восточном, сменившемся затем на южный («Novi Commentarii Academiae Scientiarum imperialis Petropolitanae», t. V, Petropoli [«Новые Комментарии имп. Санктпетербургской Академии наук», т. V, Санктпетербург], 1760, стр. 375). А из стихов Ломоносова видно, что день был солнечный и что установился хороший санный путь.

[2] Императрица выехала из Москвы 15 декабря 1749 г. (Камер-фурьерский церемониальный, банкетный и походный журнал 1749 г., стр. 61) и приехала в Петербург 20 декабря, в третьем часу дня (СПб. Вед., 1749, № 102, стр. 814), пробыв, таким образом, в пути около пяти суток.

1750

158

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 139, л. 30).

Впервые напечатано — Акад. изд., т. I, стр. 292.

Библиотека "Руниверс"

Датируется предположительно промежутком времени с 7 марта 1750 г. (когда Академическая канцелярия поручила Я. Я. Штелину составить проект иллюминации) по 20 марта того же года (день отправки проекта в Канцелярию главной артиллерии и фортификации).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации к годовщине коронации императрицы Елизаветы, 25 апреля 1750 г., поступила в Академическую канцелярию 6 марта того же года и была на следующий день, т. е. 7 марта, рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено Штелину, которого известили об этом 8 марта того же года (ААН, ф. 3, оп. 1, № 139, лл. 27—29). Проект Штелина, препровожденный в Канцелярию главной артиллерии и фортификации 21 марта 1750 г., был написан по-немецки и содержал стихотворную надпись, вольным переводом которой являются публикуемые стихи Ломоносова. Как видно из газетного отчета об иллюминации (СПб. Вед., 1750, № 34 от 27 апреля), они были отвергнуты и заменены следующими стихами В. И. Лебедева:

Когда, четыреми украшенна венцами,
Сияет царствуя, как день, Елисавет,
По правде пятым ту венчал лавровым свет,
И имя славное пальмовыми листами
Победа, счастие и Росская страна
Усердствует обвить, что ею спасена.
И каждый год свое довольство объявляет,
Что ей торжественны врата изображает.

[1] Т. е. четыре царских венца или короны (русская, казанская, астраханская и сибирская) достались Елизавете по наследству, а пятым, лавровым венцом, наградил ее свет.

159

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — Отд. изд. 1750.

Датируется предположительно 1750 г., не ранее июня 15 (день получения в Академии наук сенатского указа об утверждении К. Г. Разумовского в звании гетмана Малой России — ААН, ф. 3, оп. 1, № 955, л. 48).

Публикуемая идиллия написана по случаю состоявшегося 5 июня 1750 г. утверждения К. Г. Разумовского гетманом Украины. Так как Разумовский состоял с 1746 г. президентом Академии наук, последняя считала себя обязанной отозваться на новое, весьма почетное его назначение. Вполне естественно, что непосредственное выполнение этой обязанности легло на Ломоносова.

Библиотека "Руниверс"

Для обязательного при таких обстоятельствах восхваления нового гетмана Ломоносов, по примеру Виргилия, избрал буколический жанр. Сохранив некоторые характерные для античной буколики особенности стиля фольклорных пастушеских песен (параллелизм, антитетичность, повторения, антифонизм, рефрен, устойчивые эпитеты), Ломоносов во многом и отступил от римской традиции. Так, разговор происходит у него не между пастухами, а между пастухом, музой и нимфой, введена чуждая античной поэзии рифма и несвойственное буколической метрике чередование размеров (шестистопный ямб сменяется четырехстопным).

Никаких документальных материалов, относящихся к печатанию публикуемой идиллии, не отыскано. Ломоносов не ввел ее ни в первое, ни во второе собрание своих сочинений.

[1] Полидор — этим аллегорическим именем (в буквальном переводе с греческого — многоодаренный), взятым из греческого эпоса, Ломоносов обозначает К. Г. Разумовского.

[2] Здесь, как и в античных идиллиях, реальная действительность вступает в причудливые сочетания с нереальным буколическим миром: Кастальские горы (Парнасский хребет в Греции) оказываются по соседству с Днепром, совершенно так же, как в 7 эклоге Виргилия аркадские пастухи появляются на берегу итальянской реки Минция.

[3] Под именем «богини» выступает императрица Елизавета Петровна.

[4] Под «жезлом» Ломоносов разумеет, очевидно, и традиционный пастушеский посох, и булаву — знак гетманской власти. Об этой булаве и других знаках гетманского достоинства 24 июля 1750 г. императрицей был издан особый указ, где говорилось: «Клейноды для него [Разумовского] сделать новые, с украшением из каменьев» (Васильчиков, I, стр. 132).

[5] В трактовке идиллического пейзажа Ломоносов следует Феокриту: это яркий солнечный пейзаж с непременным источником, с деревьями и цветами на берегах.

[6] Т. е. букеты цветов.

[7] Напрасные поиски и зов возлюбленного — мотив, общий для сказаний о Дафнисе и других буколических персонажах.

[8] То же признание, но произнесенное Ломоносовым уже от своего имени, находим в «Разговоре с Анакреонтом»:

Мне струны по неволе
Звучат геройский шум

(см. стихотворение 262 и примечания к нему).

[9] Т. е. в Петербурге.

[10] По поводу этих двух стихов биограф К. Г. Разумовского А. А. Васильчиков замечает: «Пастораль эта как-то сквозит иронией, которая, впрочем, может быть не приходила на мысль Ломоносову. Полидор, „превышаю-

Библиотека "Руниверс"

щий собой всех здешних пастухов", слишком явно напоминал бывшего пастуха лемёшевского стада» (Васильчиков, I, стр. 142): Разумовский в детстве был у себя на родине пастухом.

[11] В этом и следующих стихах говорится о жене К. Г. Разумовского Екатерине Ивановне, урожденной Нарышкиной, родственнице императрицы Елизаветы. Разумовский женился на ней в 1746 году.

[12] У К. Г. и Е. И. Разумовских было много детей; старшие дочь и сын родились до назначения его гетманом.

160

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 142, л. 184 об.).

Впервые напечатано — Акад. изд., т. I, стр. 211.

Датируется предположительно 30 июня 1750 г., когда Академическая канцелярия определила передать русский перевод проекта иллюминации для проверки Ломоносову и когда проверенный им проект был отослан в Канцелярию главной артиллерии и фортификации.

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации ко дню именин императрицы Елизаветы, 5 сентября 1750 г., поступила в Академическую канцелярию 8 июня того же года и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено Я. Я. Штелину, которого известили об этом тогда же (ААН, ф. 3, оп. 1, № 142, лл. 179—181). Проект Штелина, согласно определению Академической канцелярии от 30 того же июня, был в тот же день переведен на русский язык В. И. Лебедевым и передан для проверки Ломоносову, который немедленно его выправил. В этот же день, очевидно, были написаны Ломоносовым и публикуемые стихи, которые того же 30 июня были отправлены вместе с проектом в Канцелярию главной артиллерии и фортификации (там же, л. 188). Они являются переводом немецких стихов Штелина, отчего, вероятно, Ломоносов и не поместил их ни в Соч. 1751 г., ни в Соч. 1757 г.

[1] Основным элементом иллюминационного «строения» были на этот раз «молодые пальмовые деревья как знаки возобновленных мирных времен».

[2] Имеется в виду мир, водворившийся в Европе после Ахенского трактата 1748 г., заключение которого было ускорено военным вмешательством России.

[3] Проект иллюминации предусматривал аллегорическое изображение Европы, которая украшает «цветами и венцами» имя императрицы Елизаветы.

Библиотека "Руниверс"

161

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 159), сверенному с надписью, вырезанной на раке Александра Невского (Государственный Эрмитаж), с указанием в сносках вариантов по собственноручному подлиннику (ЦГАДА, ф. Госархив, р. XVIII, № 135, л. 177) и по Рук. 1751.

Впервые напечатано — Соч. 1751, стр. 179.

Датируется предположительно промежутком времени с 9 по 16 июля 1750 г.

Сооружение серебряной раки, т. е. гробницы Александра Невского, находившейся в одном из храмов Александро-Невской лавры в Петербурге, а ныне хранящейся в Государственном Эрмитаже, продолжалось много лет — с 1746 по 1752 г. Императорский кабинет предложил 28 февраля 1750 г. Синоду озаботиться составлением проектов надписи на раке (ЦГАДА, ф. 18, № 135, л. 169). Через два месяца, 1 мая, московский архиепископ Платон Малиновский подал в Кабинет три проекта надписи, сочиненных в прозе неизвестными авторами (там же, лл. 170—174). Из дела не видно, представлялись ли эти проекты на утверждение императрице Елизавете Петровне. Известно лишь, что 12 июня того же года Кабинет предложил Синоду представить копии четырех надписей, которые были на прежней раке Александра Невского (там же, л. 207), что Синод и исполнил 9 июля 1750 г. (там же, лл. 232—234 об.). Но ни эти старые надписи, ни новые московские проекты не получили одобрения, после чего, по-видимому, Кабинет и обратился к Ломоносову. Документальных следов этого обращения не отыскано. Возможно, что предложение сочинить надпись к раке было передано Ломоносову на словах знавшим его лично кабинет-секретарем И. А. Черкасовым. На подлиннике публикуемой надписи, поданном непосредственно в Кабинет, рукой Черкасова написано: «От ея императорского величества апробована и послана советнику Шлаттеру июля в 16 день 1750 года» (там же, л. 177). И.-В. Шлаттер был советником Монетной канцелярии; под его наблюдением сооружалась рака.

В тот же день, 16 июля, Кабинет поручил Академии наук направить мастера к Шлаттеру для нанесения надписи Ломоносова на раку (там же, л. 212; ААН, ф. 3, оп. 1, № 963, л. 40). 18 июля Академическая канцелярия определила послать для этого в Монетную канцелярию художника-гравера М. И. Махаева (ААН, ф. 3, оп. 1, № 519, л. 276—276 об.; № 143, л. 162). На раке к стихам Ломоносова оказались добавлены следующие слова, принадлежащие, вероятно, не ему: «Лета господня 1750, государствования своего 9, августа 30 дня в Санктпетербурге». Таким образом, к 30 августа 1750 г. надпись Ломоносова была уже вырезана Махаевым.

Библиотека "Руниверс"

[1] Имеется в виду победа Александра Невского над шведами у берегов Невы 15 июля 1240 г. (откуда и прозвание «Невский»).

[2] На раку было израсходовано то серебро, которое было доставлено в Петербург с Колывано-Воскресенских заводов А. Н. Демидова, где серебро было открыто впервые в 1742 г., т. е. в первый год царствования императрицы Елизаветы (Г. Спасский. Жизнеописание А. Н. Демидова. СПб., 1877, стр. 32—34, 60; Пекарский, II, стр. 461).

162

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 157—159) с указанием в сносках вариантов по двум собственноручным подлинникам — рукописи ЦГАДА, ф. Госархив, р. XVIII, № 135, лл. 175—176) и Рук. 1751, а также по Соч. 1751.

Впервые напечатано — Соч. 1751, стр. 175—178.

Датируется предположительно промежутком времени с 9 по 16 июля 1750 г. В архивном деле, где находится вышеупомянутая рукопись ЦГАДА, она непосредственно предшествует собственноручному подлиннику стихотворной надписи Ломоносова к раке Александра Невского (стихотворение 160 и примечания к нему) и написана на такой же, как тот, бумаге, теми же чернилами и подобным же каллиграфическим почерком, что и позволяет предполагать, что оба эти произведения Ломоносова — надпись к статуе Петра Великого и надпись к раке Александра Невского — написаны почти одновременно (ср. Акад. изд., т. I, стр. 402 втор. паг.).

Неизвестно, по какому поводу и к какой именно статуе Петра Великого сочинены Ломоносовым публикуемые надписи. Неизвестно также, рассматривал ли он их как пять вариантов, предложенных им на выбор, или как пять самостоятельных надписей, из которых одну он думал поместить непосредственно под статуей, а четыре остальных на четырех сторонах пьедестала. Вероятнее всего, что надписи предназначались для конной статуи Петра, стоящей теперь в Ленинграде перед Инженерным замком. Ее автор К.-Б. Растрелли начал работу над ней еще при жизни Петра, затем надолго прервал ее и закончил модель в натуральную величину только за год до своей смерти — в 1743 г. Статуя была отлита из меди уже после кончины Растрелли, в 1745—1746 гг., скульптором А. Мартинелли, после чего долго оставалась в сарае и лишь при Павле I, в 1800 г., установлена на теперешнем ее месте (Ленинград. Монументальная и декоративная скульптура XVIII—XIX веков. М.—Л., 1951, стр. 324; В. Курбатов. Петербург. СПб., 1913, стр. 37 и 447).

Мысль об установке этой самой, видимо, статуи возникала в 1763 г., причем шла речь и о надписях на пьедестале, относительно которых Ломоносов высказался тогда так: «Надписи, хотя мною давно сделаны, однако,

Библиотека "Руниверс"

за много лет уже напечатанные, кажется, не годятся. Можно сделать новые. Материя к тому так богата, как необъятны дела сего героя» (т. IX наст. изд., документ 100 и примечания к нему).

Обычная для Ломоносова идеализация Петра Великого выступает в публикуемых надписях едва ли не ярче, чем во всех других произведениях поэта, посвященных тому же герою. Подчеркивая демократические наклонности Петра и его трудолюбие (надпись 1-я), Ломоносов, как и в других случаях, стремится обожествить его образ (надпись 4-я).

Публикуемые надписи находили, видимо, ценителей и в современных Ломоносову читательских кругах, и в несколько более позднее время: их перепечатали в своих сборниках и Н. Г. Курганов (Кург., стр. 247), и М. Комаров (М. Комаров. Разные письменные материи, собранные для удовольствия любопытных читателей. Изд. первое, М., 1791, стр. 2).

[1] Перечисляя побежденные Петром страны — Персию, Турцию, Швецию («Гот»), Ломоносов относит к их числу и вынужденную союзницу Швеции — Польшу («Сармат»).

163

Печатается по тексту последней прижизненной публикации (Соч. 1757, стр. 164).

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — Соч. 1751, стр. 188.

Датируется предположительно летом 1750 г., не позднее 25 июля (день иллюминации).

25 июля 1750 г. в Ораниенбауме в честь посещения императрицей Елизаветой великого князя Петра Федоровича и его жены Екатерины Алексеевны последними была устроена иллюминация.

В делах Академической канцелярии не обнаружено о ней никаких документов, а в газетном отчете об иллюминации (СПб. Вед., 1750, № 62, стр. 493—495; № 63, стр. 501—502) стихотворная надпись Ломоносова не приводится и не упоминается. Остается, таким образом, неизвестным, была ли эта надпись использована, является ли она переводным или оригинальным сочинением Ломоносова и кто был составителем проекта иллюминации.

[1] Дата иллюминации указана Ломоносовым неверно (см. выше).

[2] Т. е. великокняжеская чета.

164

Печатается по тексту первого посмертного издания (Соч. 1784).

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — Соч. 1784, ч. I, стр. 311—312.

Библиотека "Руниверс"

Датируется 18 августа 1750 г. на основании следующего подстрочного примечания редакторов Соч. 1784 к заголовку публикуемых стихов: «Сие письмо написано августа 18 дня 1750 года. Тогда его высокопревосходительство, нынешний обер-камергер Иван Иванович Шувалов был камер-юнкером».

Рукопись публикуемых стихов была получена редакторами Соч. 1784, очевидно, от самого И. И. Шувалова, который сообщил им, должно быть, и упомянутую выше дату. А. С. Будилович подверг ее сомнению и, высказав предположение, что стихи написаны не ранее 1752 г., привел в пользу своей догадки такие два довода: «В 1750 году отношения Ломоносова к Шувалову еще не были так близки. Потом здесь сказано: хитрость (искусство) в Царском Селе принуждает вверх скакать высоко воду, а в оде 27 августа 1750 года сказано: однако ежель оной воля, я воды обращу к вершине: речет и в небо устремлю, т. е. фонтан в 1750 году есть или его нет?»

Датировка, предложенная Будиловичем, безусловно ошибочна: говорить о том, что стихи написаны не ранее 1752 г., нельзя, так как если бы это было так, то Ломоносов адресовал бы их не «его высокородию» (см. заглавие стихов), а «его превосходительству», как стал он, согласно существовавшим тогда правилам, титуловать И. И. Шувалова с 12 сентября 1751 г. (день получения в Академии наук указа о производстве Шувалова в действительные камергеры — ААН, ф. 3, оп. 1, № 956, л. 88). Что же касается упомянутых двух доводов Будиловича, то о неубедительности второго довода (царскосельские фонтаны) см. ниже, примечание 2, а неосновательность первого (недостаточная близость с Шуваловым) доказывается следующими соображениями.

Дата, указанная редакторами Соч. 1784, 18 августа 1750 г., совпадает с датой выезда императрицы Елизаветы из Петербурга в Царское Село (Камер-фурьерский церемониальный и походный журнал 1750 г., стр. 90), о чем прямо говорит в своих стихах и Ломоносов:

Чертоги светлые, блистание металлов
Оставив, на поля спешит Елисавет;
Ты следуешь за ней, любезный мой Шувалов.

Во вступительной части стихотворения Ломоносов описывает «прекрасны летни дни», сияющие «на исходе», т. е. именно такое время года, которое как нельзя более соответствует редакторской дате — 18 августа. А в заключительной части того же стихотворения Ломоносов намекает довольно прозрачно, что нуждается в отдыхе («Воспомяни, что мой покоя дух не знает»), что хотел бы и сам насладиться теми летними радостями, которые ожидают в Царском Селе Шувалова («О лете я пишу, а им не наслаждаюсь»), и что ждет от Шувалова какого-то ободрения («Когда мой дух твоим приятством ободрится»). Из сопоставления публикуемого стихотворения с очень близким

Библиотека "Руниверс"

ему по содержанию текстом оды 1750 г. (стихотворение 176) явствует, что Шувалов отлично понял все три намека и сразу же на них отозвался; это и был тот самый случай, о котором Шувалов много лет спустя рассказывал в таких выражениях: «Чтобы ободрить его [Ломоносова], взял его с собою в Царское Село» («Русский архив», 1874, кн. I, тетр. 6, стлб. 1454). Неизвестно, когда именно Ломоносов выехал с Шуваловым в Царское Село (слова «ты следуешь за ней» могут быть истолкованы различно), но из оды 1750 г. твердо известно, что 27 августа 1750 г. Ломоносов был в Царском Селе и что ему была оказана там какая-то «милость». Таким образом, в интересующее нас время степень близости Ломоносова с Шуваловым была такова, что вполне допускала, вопреки утверждению Будиловича, обращение Ломоносова к Шувалову с публикуемым стихотворным посланием. А связь этого послания с одой 1750 г. свидетельствует о том, что именно 18 августа 1750 г. оно и было вручено адресату. По форме оно было, как видим, напутствием, а по существу просьбой о той «милости», которая была оказана Ломоносову девять дней спустя.

[1] Намек на обилие экзотических растений, украшавших царскосельский дворец (ср. примечание 10 к стихотворению 176).

[2] Императрица Елизавета настойчиво требовала, чтобы в Царском Селе были устроены фонтаны, чему препятствовал высокий уровень дворцовой территории. После трехлетних изысканий (1743—1745) решено было воспользоваться для этой цели ключами при деревне Виттелево, расположенной в шести верстах от Царского Села. 15 ноября 1749 г. виттелевская вода была «пущена» в верхний большой царскосельский пруд «открытым каналом и закрытым под дорогою», причем водохранилище было каким-то образом «возвышено» (И. Яковкин. История села Царского, т. II. СПб., стр. 11—12, 17, 28; А. Н. Бенуа. Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1910, стр. 223—226). Сведений о том, когда начали бить царскосельские фонтаны, не отыскано. Указанное Будиловичем мнимое противоречие оды 1750 г. публикуемому посланию будет устранено, если примем во внимание, что последнее написано Ломоносовым до поездки в Царское Село, когда о тамошних гидротехнических сооружениях он знал только понаслышке. Если ему сказали, что виттелевская вода проведена в пруд, то это давало ему основание предполагать, что она уже «принуждает в верьх скакать высоко воду», т. е. что фонтаны уже бьют и притом исправно. Проехав же на место и увидав все собственными глазами, он убедился, что эта вода, как сказано в оде (строфа 10), еще «скудна» и «не смеет... орошать скаканьем по́ля». Вполне естественно поэтому, что, проверив результаты гидротехнических работ и признав их неудовлетворительными, Ломоносов предложил свои услуги и пообещал воды обратить «к вершине», т. е. изобрести какое-то новое водоподъемное сооружение (над

Библиотека "Руниверс"

чем он, как известно, действительно работал), а если потребуют, то устремить воды и «к небу», т. е. усовершенствовать и фонтаны.

[3] Ломоносов имеет в виду в данном случае свои работы в Химической лаборатории, где он трудился в это время над изготовлением красящих веществ, фарфора и цветного стекла (см. т. IX наст. изд., документы 23—25 и 44; ср. т. X наст. изд., письмо 24).

165

Печатается по тексту последней прижизненной публикации (Соч. 1757, стр. 164) с указанием в сносках вариантов по копии, писанной рукой В. И. Лебедева, обозначаемой Рук. 1750 (ААН, ф. 3, оп. 1, № 145, л. 208), по Рук. 1751 (л. 73) и СПб. Вед., 1750, № 96, стр. 765.

Впервые напечатано — СПб. Вед., 1750, № 96, стр. 765.

Датируется предположительно промежутком времени с 10 октября 1750 г. (когда Академическая канцелярия определила послать Ломоносову перевод проекта иллюминации для проверки и «для сочинения виршей») по 12 октября того же года (день отправки проекта иллюминации в Канцелярию главной артиллерии и фортификации).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации к годовщине восшествия на престол императрицы Елизаветы, 25 ноября 1750 г., поступила в Академическую канцелярию 15 сентября того же года и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено Я. Я. Штелину, которого известили об этом 19 того же сентября (ААН, ф. 3, оп. 1, № 145, лл. 197—199). 10 октября того же года Академическая канцелярия определила представленный Штелином проект перевести на русский язык В. И. Лебедеву, а затем передать перевод Ломоносову для проверки и «для сочинения виршей» (там же, л. 202). 12 октября того же года проект вместе с публикуемыми стихами был препровожден в Канцелярию главной артиллерии и фортификации.

Русский перевод проекта иллюминации не содержит поправок Ломоносова и потому не печатается. Публикуемые же стихи являются вольным переводом немецких стихов Штелина.

[1] Т. е. двойной.

[2] Одним из основных элементов иллюминации был лабиринт, т. е. не вышедшее из употребления и поныне садово-парковое сооружение, состоящее из множества запутанных аллей. Оно символизировало, по мысли Штелина, то запутанное политическое положение, из которого, — как пояснял он в стихотворной надписи, — вывела страну императрица Елизавета своим вступлением на престол. Слово «Labyrinth» В. И. Лебедев передал перво-

Библиотека "Руниверс"

начально не совсем точно русским словом «вавилон» (правильнее было бы сказать «вавилоны»), которое заменил затем словом «лабиринт». Тот же «лабиринт» видим и у Ломоносова в первой редакции его стихов. В таком виде читались они при иллюминации и были напечатаны затем в газетном отчете о ней. Но, принявшись вскоре вслед за тем за подготовку собрания своих сочинений (т. IX наст. изд., документ 257), Ломоносов заменил штелинский «лабиринт» лебедевским «Вавилоном», написав его, в отличие от Лебедева, с прописной буквы. Этот «Вавилон», введенный Ломоносовым в заглавие стихов и сохраненный им в московском собрании его сочинений 1757 г., подменял античный символ Штелина другим, библейским, гораздо более определенным и острым: Вавилон с прописной буквы символизировал у Ломоносова бироновщину, равняя положение русского народа в годы бироновщины с вавилонским пленом древних иудеев.

[3] Назначение латинских слов Nostra domus, каллиграфически написанных Ломоносовым под стихами, там, где он выставлял обыкновенно свою подпись, непонятно. Чтение этих слов, предложенное П. П. Пекарским (Nostradamus: Пекарский, II, стр. 459), ошибочно.

166

Печатается по тексту первой публикации с указанием в сносках разночтений по собственноручному черновику, сохранившемуся лишь частично (ААН, ф. 20, оп. 3, № 46, лл. 1—14; в дальнейшем обозначается сокращенно Рук.) и по корректурному оттиску 1-го листа первого прижизненного издания, собственноручно правленному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 145, лл. 480—487 об.; в дальнейшем обозначается сокращенно Корр.).

Впервые напечатано — отдельным изданием под заглавием: «Тамира и Селим». СПб., 1750.

Датируется предположительно маем—ноябрем 1750 г. В отчете за майскую треть 1750 г. Ломоносов указал, что «начал сочинять трагедию, которую именным ея императорскаго величества указом сочинять повелено» (т. X наст. изд., документ 509). В течение этой трети, т. е. мая—августа, были написаны, по-видимому, все первое действие и начало второго; об этом свидетельствует помета Ломоносова «начат 29 сентября после обеда» (ААН, ф. 20, оп. 3, № 46, л. 1 об.) на листе черновика, содержащем конец II действия. В отчете за сентябрьскую треть того же 1750 г. Ломоносов сообщил, что «продолжал сочинение трагедии „Тамира и Селим" и окончил в ноябре месяце» (т. X наст. изд., документ 510).

Распоряжение императрицы о сочинении трагедии, на которое ссылается Ломоносов, было сообщено ему до того, как извещена была об этом Академическая канцелярия. Под 29 сентября 1750 г. в журнале ее записано: «Сего числа Академии Наук г. президент объявил именной ея император-

Библиотека "Руниверс"

ского величества изустный указ, коим ему, г. президенту, повелено: профессорам Тредиаковскому и Ломоносову сочинить по трагедии и о том им объявить в Канцелярии, и какие к тому потребны им будут книги, из Библиотеки оные выдать с распискою и по окончании того возвратить в Библиотеку по-прежнему» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 519, лл. 366 об. — 367).

29 октября Канцелярия приказала «к трагедии профессора Ломоносова виньет вырезать» (там же, л. 400), а 1 ноября распорядилась «оной трагедии напечатать 600 экземпляров на заморской комментарной бумаге, да 25 на заморской же александрийской средней руки бумаге» (там же, л. 460). На титульном листе корректурного оттиска президент Академии наложил резолюцию: «Печатать» (там же, № 145, л. 480), и 23 ноября 1750 г. отпечатанные экземпляры трагедии поступили в Книжную лавку (там же, № 1087, л. 190 и об.).

Первое издание трагедии разошлось быстро: 17 января 1751 г. «обретающийся при Книжной лавке» комиссар С. В. Зборомирский репортовал, что «трагедии господина профессора Ломоносова за продажею поныне в наличности ничего не остается» (там же, № 149, л. 229). Канцелярия определила «трагедии напечатать на такой же бумаге, на какой прежде печаталось, 600 экземпляров» (там же, № 520, лл. 89 об. — 90), а Ломоносова 28 января 1751 г. запросили, «нет ли чего в ней убавить или что прибавить или переменить». «Ежели по-прежнему оставлена будет, — писал Шумахер Ломоносову, — то так и печатана быть имеет, а буде что перемените, то в таком случае включено будет в заглавном листе, что оная печатана вторым изданием» (там же, № 149, л. 231 об.). Ответ Ломоносова не отыскан, как не отыскано и печатных экземпляров трагедии, где на титульном листе было бы обозначено, что «оная печатана вторым изданием» и где встретились бы хоть какие-нибудь вообще расхождения с первым изданием. Второе издание явилось, видимо, точной перепечаткой первого. Разошлось оно так же быстро, как и первое: к январю 1753 г. в Книжной лавке оставалось только два его экземпляра (там же, оп. 4, № 5, л. 7).

Трагедия была поставлена при дворе дважды: 1 декабря 1750 г. и 9 января 1751 г. Разыгрывали ее кадеты Сухопутного шляхетного корпуса (Камер-фурьерский церемониальный и походный журнал за 1750 г., стр. 145, за 1751 г., стр. 13, см. т. X наст. изд., письмо 18).

Отзывы зрителей до нас не дошли. Известно лишь, что в 1753 г., когда у Ломоносова завязалась горячая литературная полемика с поэтами дворянского лагеря, А. П. Сумароковым и И. П. Елагиным, по рукам ходила написанная последним не совсем пристойная афиша-пародия, где Ломоносов не назывался, а выступал под именем «Расина поневоле» и где высмеивалась на все лады высокая патетика его трагедии (текст афиши см. Акад. изд., т. I, стр. 435 втор. паг.). Эта пародия была известна Ломоносову и упоминается в его переписке с Шуваловым (т. X наст. изд., письмо 35).

Библиотека "Руниверс"

Вступив на путь драматурга, Ломоносов, естественно, столкнулся с существовавшей на Западе традицией, однако же «Тамиру и Селима» отнюдь нельзя назвать подражанием образцам французского классицизма. Изучение поэм Гомера и трагедий Сенеки несравненно заметнее отразилось в его трагедии. В отличие от французских трагедий, носящих в основном аристократический характер, в трагедии «Тамира и Селим» чувствуется стремление автора воспользоваться поэтическими средствами народного творчества: летописными сказаниями, а в какой-то мере и былинным эпосом. Наконец, вопреки правилам западного классицизма, Ломоносов ввел в свою трагедию национально-патриотическую тему, желая восполнить «бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности» (т. VI наст. изд., стр. 170; ср. также т. VII, стр. 591—592).

Фантастика вымышленного похода багдадского царевича против крымского хана переплетена здесь с поэтической обработкой сказаний о Куликовской битве, причем основными историческими источниками Ломоносова явились в этом случае «Побоище великого князя Дмитрия Ивановича на Дону с Мамаем» (Полное собрание русских летописей, т. VIII, СПб., 1859, стр. 34 и сл.) и «Повесть о Мамаевом побоище» (Синопсис, или краткое описание о начале славенского народа, о первых киевских князех, и о житии... князя Владимира..., в пользу любителям истории третьим тиснением изданное». СПб., 1735, стр. 160—234, обозначаемый в дальнейшем сокращенно Синопсис).

Вскоре после смерти Ломоносова в иностранной печати появилось сообщение, будто сам он был весьма скромного мнения о своих драматургических опытах («Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste», Bd. VII, Stück I, Leipzig [«Новая библиотека изящных наук и свободных искусств», т. VII, ч. I, Лейпциг], 1768, стр. 191). Это известие не поддается проверке, но мы знаем, что когда за год с небольшим до смерти Ломоносов подводил итог всем своим ученым и поэтическим трудам, он счел необходимым включить в эту «роспись» и обе свои трагедии (т. X наст. изд., документ 518).

[1] Предание о гибели Мамая заимствовано из «Повести о Мамаевом побоище»: «Побежденну же сущу воинству татарскому вконец... сам поганый царь Мамай с четырьми князьми своими в малом числе побег с побоища, забеже от великого страха даже до града, лежащего над морем, Кафы... но вскоре... убиен бысть... оставив по себе вечный студ и поношение» (Синопсис, стр. 233—234). В летописном варианте не говорится о четырех князьях, сопровождавших Мамая в Кафу. — Кафа — древнее название крымского города Феодосии.

[2] Натолия — Анатолия, Малая Азия.

Библиотека "Руниверс"

[3] Упражнения Селима в стрельбе из лука напоминают богатырские забавы, о которых часто говорится в былинах, особенно в северных; ср. например:

Поставьте на нож за мерну́ версту́
И стрелю я стрелой в булатный нож.

(Былины Севера, записанные
А. М. Астаховой, т. I.
Л., 1938, стр. 269).

[4] «Олег Рязанский и Ольгерд Литовский приложилися к Мамаю» (Синопсис, стр. 131—132).

[5] В ранней юности Ломоносова хотели насильно женить (см. т. X наст. изд., письмо 28). Об его отрицательном отношении к насильственным бракам см. т. VI наст. изд., стр. 385—386.

[6] По поводу этих стихов один из биографов Ломоносова В. И. Ламанский говорит: «В замечательной своей трагедии „Тамира и Селим" Ломоносов, кажется, сохранил нам идеальное изображение своей жизни в Москве» (В. И. Ламанский. М. В. Ломоносов. Биографический очерк. СПб., 1864, стр. 63). «Обучаясь в Спасских школах, имел я со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, — рассказывает Ломоносов в одном из своих писем, — . . .Таким образом жил я пять лет и наук не оставил» (т. X наст. изд., письмо 28).

[7] Евксинская пучина — Евксинский Понт, Черное море.

[8] В 1750 г., когда писалась трагедия, эти стихи могли быть восприняты как намек на завоевательную политику прусского короля Фридриха II. Именно в этом году Россия, Австрия и Англия вступили в союз против агрессивной Пруссии.

[9] Та же, чрезвычайно смелая при тогдашних политических условиях мысль высказана Ломоносовым и в «Риторике» 1747 г. в виде одного из примеров «изречения» (т. VII наст. изд., стр. 263, § 212).

[10] Ломоносовым высказано здесь совершенно верное соображение о том, что хищническая политика татар вызвала объединение русского народа для совместного отражения врага.

[11] Владимир Мономах прилагал, как известно, много усилий к объединению удельных княжеств с целью отражения половецких набегов. Сохранилась легенда, будто его дед, византийский император Константин, прислал ему венец (шапку Мономаха) и бармы, которые стали впоследствии символами царской власти московских государей. В двух заключительных стихах монолога вспоминается завоевание Владимиром Святославичем в 988 г. города Корсуня (Херсонеса). Это событие связывается с его женитьбой на византийской царевне Анне и с принятием Владимиром христианства.

[12] Пота — до тех пор.

[13] Непрядва — правый приток Дона.

Библиотека "Руниверс"

[14] Войско Мамая состояло не только из монголов и татар, но и из наемников — жителей Крыма.

[15] «И самого великого князя уязвиша вельми, дондеже, нуждою склонився с коня, поиде с побоища, яко уже немощно бе ему битися» (Синопсис, стр. 213).

[16] «Се выйде татарин един из полку татарского именем Челубей, пред всеми являяся мужеством, яко древний он Голиаф» (Синопсис, стр. 210—211). Поединок Челубея с русским богатырем Пересветом окончился гибелью первого.

[17] Имеется в виду персидский царь Хозрой I Ануширван, при котором государство Сасанидов достигло высшей степени процветания и могущества.

[18] хлябь — бездна, глубина.

[19] Пыщные — высоко вознесенные.

[20] Эти четыре стиха выражают бесспорно одно из коренных убеждений Ломоносова, чрезвычайно для него характерное.

[21] Ср. т. VII наст. изд., стр. 263, § 212.

[22] Последующее описание Куликовской битвы основано на соответствующих местах «Повести о Мамаевом побоище». Ломоносов изменил только последовательность моментов боя. (Ср. Синопсис, стр. 211—213).

[23] Этот стих навеян северной былиной о Мамаевом побоище, вероятно, хорошо известной Ломоносову:

Да как полотном мать сыра земля от войска изгибалася,
Да на зеленые луга от грузу изливалася,
Да солнышко и луна нонче померкла,
Да што от духу человечьего,
Де светла месяца как и померкло же,
Де все от пару от лошадиного.

(Былины Севера, записанные А. М. Астаховой, т. I. Л., 1938, стр. 309).

[24] Здесь нашло некоторое отражение и летописное сказание о Куликовской битве: «...и пролияся кровь, аки дождевая туча» (Полное собрание русских летописей, т. VIII, СПб., 1859, стр. 38—39).

[25] Стихи, посвященные описанию поля битвы, поэт К. Н. Батюшков справедливо называл прекрасными, отмечая при этом, «какую силу получают самые обыкновенные слова, когда они поставлены на своем месте» (Сочинения К. Н. Батюшкова, т. II, СПб., 1885, стр. 155—156, прим. 2).

[26] «Самые богатыри сокрышеся, ныне из засады идут на нас» (Синопсис, стр. 216). Русские полки, вышедшие из засады, решили участь сражения.

[27] «Яко шестого часа над великим князем бяше небо отверсто, из него же изыде облак, аки багряна заря, низко держащеся» (Синопсис, стр. 213).

[28] Ратовище — древко копья; в архангельском крае называют ратовищем деревянную рукоять железного долотообразного орудия для пробивки льда.

Библиотека "Руниверс"

167

Печатается по тексту последней прижизненной публикации (Соч. 1757) с указанием в сносках вариантов по собственноручному подлиннику (обозначаемому Рук. 1750: ААН, ф. 3, оп. 1, № 146, л. 228), по Рук. 1751 (л. 73 об.) и СПб. Вед., 1750, № 102, стр. 903—904.

Впервые напечатано — СПб. Вед., 1750, № 102, стр. 903—904.

Датируется предположительно промежутком времени с 1 декабря 1750 г. (когда Я. Я. Штелин представил в Академическую канцелярию проект иллюминации) по 3 декабря того же года (день отправки проекта в Канцелярию главной артиллерии и фортификации).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации ко дню рождения императрицы Елизаветы, 18 декабря 1750 г., поступила в Академическую канцелярию 13 октября того же года и в тот же день была рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено Штелину, а русский перевод определено сделать В. И. Лебедеву, который должен был отдать его затем для проверки и для сочинения стихов Ломоносову (ААН, ф. 3, оп. 1, № 149, лл. 218—220). Проект Штелина, представленный им 1 декабря 1750 г. при репорте и препровожденный в Канцелярию главной артиллерии и фортификации 3 того же декабря, был написан по-немецки и содержал стихотворную надпись (там же, лл. 222, 229), переводом которой являются публикуемые стихи Ломоносова.

Русский перевод проекта иллюминации не отыскан.

168

Печатается по тексту последней прижизненной публикации (Соч. 1757, стр. 165) с указанием в сносках вариантов по собственноручному подлиннику (обозначаемому Рук. 1750: ААН, ф. 3, оп. 1, № 146, л. 228) и по СПб. Вед., 1751, № 2, стр. 14.

Впервые напечатано — СПб. Вед., 1751, № 2, стр. 14.

Датируется предположительно промежутком времени с 1 декабря 1750 г. (когда Я. Я. Штелин представил в Академическую канцелярию проект иллюминации) по 3 декабря того же года (день отправки проекта в Канцелярию главной артиллерии и фортификации).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации к 1 января 1751 г. поступила в Академическую канцелярию 13 октября 1750 г. и в тот же день была рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено Штелину, а русский перевод определено сделать В. И. Лебедеву, после чего отдать проект для проверки и для сочинения стихов Ломоносову (ААН, ф. 3, оп. 1, № 149, лл. 218—

Библиотека "Руниверс"

220). Проект Штелина, представленный 1 декабря 1750 г. при репорте и препровожденный в Канцелярию главной артиллерии и фортификации того же 3 декабря, был написан по-немецки и содержал стихотворную надпись (там же, лл. 222, 229), вольным переводом которой являются публикуемые стихи Ломоносова.

Русский перевод проекта иллюминации не отыскан.

1751

169

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 161) с указанием в сносках вариантов по Рук. 1751.

Впервые напечатано — Соч. 1751, стр. 182—183.

Обе надписи датируются предположительно промежутком времени с конца декабря 1750 г. по 22 января 1751 г. В 1751 г. при дворе было всего десять маскарадов; они устраивались в январе, феврале, мае и декабре (Камер-фурьерские журналы за 1751 г., стр. 6—9, 13—16, 31, 35, 36, 60, 128—129). Публикуемые стихи сочинены были Ломоносовым несомненно к одному из январских маскарадов, так как вошли в Рук. 1751, представленную в Академическую канцелярию 25 января 1751 г. (т. IX наст. изд., документ 257), а из числа январских маскарадов самый ранний был 2-го, а самый поздний — 22-го.

Мы не знаем, присутствовал ли Ломоносов хоть на одном из этих маскарадов. Самые ранние документальные данные о посещении им придворных маскарадов относятся к февралю следующего, 1752 г. (Модзалевский, стр. 251, № 879), т. е. ко времени, когда Ломоносов успел уже получить чин коллежского советника, дававший ему определенное положение в кругу лиц, имевших доступ ко двору (ср. т. X наст. изд., письмо 12 и приложения к нему). До производства в этот чин Ломоносов, как и все академики, не имевшие чина (Акад. изд., т. I, стр. 491 втор. паг.), уклонялся, должно быть, от посещения придворных маскарадов, где лицу без «ранга» легко было натолкнуться на любые унижения. Возможно, впрочем, что Ломоносов тогда и не получал приглашений во дворец.

Неизвестно также, каково было практическое назначение этих стихов: выставлялись ли они всем напоказ, подобно иллюминационным надписям, оглашались ли публично или вручались их адресату — императрице — кем-либо из ее приближенных.

170

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 5—6) с указанием в сносках вариантов по Рук. 1751, корректурным

Библиотека "Руниверс"

листам 1751 г., обозначаемым Корр. 1751 (ААН, ф. 3, оп. 1, № 150, л. 88—88 об.), и Соч. 1751.

Впервые напечатано — Соч. 1751, стр. 5—6.

Датируется предположительно промежутком времени с 27 января 1749 г. (день отправки письма Ломоносова В. Н. Татищеву о переложении псалмов) по 25 января 1751 г.

Судя по тому, что переложение псалма 1-го не вошло в «Риторику» 1748 г. ни полностью, ни частично, можно думать, что оно было написано после завершения работы над ней и что толчком, заставившим вернуться к любимому занятию, послужил совет В. Н. Татищева продолжать работу над переложением псалмов (см. примечания к стихотворению 151). Публикуемое переложение вошло в первый том собрания сочинений Ломоносова, которое было подготовлено им к печати в начале 1751 г., о чем он доносил Канцелярии 25 января 1751 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 150, л. 85). Таким образом, позднее этого числа данное стихотворение не могло быть написано.

Переложение псалма 1-го отличается не менее точной передачей подлинника, чем предшествующие, например:

Текст псалма	Текст Ломоносова
И будет, яко древо насажденое	Как древо, он распространится,
при исходищих вод,	Что близ текущих вод растет,
еже плод свой даст во время свое;	Плодом своим обогатится,
и лист его не отпадет.	И лист его не отпадет.

Громкий успех «Панегирика» императрице Елизавете, написанного Ломоносовым в 1749 г., встревожил и озлобил Шумахера (см. примечания к слову 155). Образцом вызванных этим придирок его к Ломоносову может служить несправедливый выговор за мелкий недосмотр, допущенный не по вине Ломоносова в одном из номеров «Санктпетербургских ведомостей» (см. т. X наст. изд., письмо 17, документ 491 и примечания к ним). При этих условиях служебная зависимость от Шумахера и Теплова стала Ломоносову именно в эту пору особенно тягостной. К тому же периоду (1750 г.) относится его сближение с И. И. Шуваловым. Ломоносов надеялся, что Шувалов поможет ему оздоровить обстановку работы в Академии наук и избавит от необходимости «в Канцелярию бегать и подъячим кланяться» (см. там же, письмо 20). Таким образом, тогдашнему настроению Ломоносова были как нельзя более созвучны мотивы псалма 1, где отвращение к сонмищу «нечестивых» чередуется с надеждой на их поражение. Особенно выразительна в этом отношении первая строфа, которая в начальной, рукописной ее редакции читалась так:

Блажен, кто к злым в совет не ходит,
Не хочет грешным в след ступать
И с тем, кто в пагубу приводит,
В суде едином заседать.

Библиотека "Руниверс"

Если принять во внимание, что и комната, где заседал Шумахер, и стол, за которым он вершил академические дела, назывались «судейскими», то нельзя не признать намек, содержавшийся в этих стихах, довольно прозрачным.

171

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 8—10) с указанием в сносках вариантов по Рук. 1751 и Соч. 1751.

Впервые напечатано — Соч. 1751, стр. 9—12.

Датируется предположительно тем же временем, как и переложение псалма 1-го (см. примечания к стихотворению 170).

«Нет ни единого моего в Академию приезда, — писал Ломоносов И. И. Шувалову в августе 1751 г., — в который бы я не удивлялся, что она, имея в себе сына отечества, которого вы любите и жалуете, не может того дожить, чтобы он отвратил от ней все чрез 25 лет бывшие всем успехам и должным быть пользам препятствия» (т. X наст. изд., письмо 20). Ломоносов как бы упрекает себя в том, что еще не сумел преодолеть эти «препятствия». Поэтическая передача бурной лирики псалма давала исход разнообразным чувствам, волновавшим в ту пору Ломоносова: окружавшая его в Академии наук тяжелая атмосфера недоброжелательства и «клеветаний ложных» вызывала естественное негодование; он сознавал, что не ради самозащиты и личного преуспеяния, а во имя гражданского долга обязан оказывать отпор врагам; он был убежден в своей правоте и не сомневался в конечном торжестве своего великого патриотического дела, но борьба требовала неустанного напряжения сил, непоколебимого упорства, и Ломоносов, побеждая физическую и моральную усталость, призывает на помощь все свое мужество. «Ты, сердце, духом укрепись..., — приказывает он себе вслед за древним поэтом, — мужайся и бедствием не колеблись».

Чрезвычайно характерны в этом отношении те небольшие отступления от библейского подлинника, которые, может быть, непроизвольно допустил Ломоносов при переложении данного псалма, например:

Текст псалма	Текст Ломоносова
Яко отец мой и мать моя остависта мя...	Меня оставил мой отец И мать еще в младенстве...

Отсутствующие в подлиннике и не оправданные библейской легендой о Давиде слова «еще в младенстве» вносят в этот стих откровенно автобиографическую деталь: известно, что Ломоносов потерял мать действительно еще в раннем детстве и болезненно переживал эту утрату (ср. его письмо к И. И. Шувалову от 31 мая 1753 г., т. X наст. изд., стр. 481—482).

В смысле поэтического мастерства публикуемое переложение является

Библиотека "Руниверс"

бесспорно одним из лучших. Уложив в ямбические тетраметры и триметры все содержание псалма без всяких пропусков, Ломоносов достиг при этом того, что лишь очень редко удается переводчикам: его переложение лаконичнее подлинника.

172

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 11—16) с указанием в сносках вариантов по Рук. 1751 и Соч. 1751.

Впервые напечатано — Соч. 1751, стр. 13—20.

Датируется предположительно тем же временем, как и переложение псалма 1 (см. примечания к стихотворению 170).

Переложенный Ломоносовым в «российские стихи» 34-й псалом, как и другие переложения, точно передает содержание подлинника, о чем могут дать представление, например, следующие строки:

Текст псалма	Текст Ломоносова
Да будет путь их тма и ползок, и ангел господень погоняяй их	Да помрачится путь их мглою, Да будет ползок и разрыт, И ангел мстящею рукою Их, в след гоня, да устрашит.

Или:

Да приидет ему сеть, юже не весть, и ловитва, юже скры, да обымет й, и в сеть да впадет в ню.	Глубокий, мрачный ров злодею В пути да будет сокровен; Да будет сетию своею, Что мне поставил, уловлен.

Но, сохраняя в целом точность содержания подлинника, Ломоносов усиливает смысл некоторых стихов, выражая еще сильнее развитый в псалме и близкий ему мотив ненависти к низменному коварству, лицемерию и злорадству. Отступив от обычного, почти дословного следования подлиннику и введя от себя некоторые эпитеты (например, «легкий прах», «бурный вихрь»), отнюдь не нарушающие, впрочем, общего стиля псалма, Ломоносов придал бо́льшую твердость гневным интонациям оригинала и достиг местами (см., например, строфы 6, 8 и 11) такой, подлинно классической простоты и силы выражения, что эти стихи, по справедливому суждению Пушкина, останутся «вечными памятниками русской словесности» (А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VII, М.—Л., 1951, стр. 29).

[1] Помизание — мигание, подмигивание, прищуривание.

[2] Студ — стыд.

Библиотека "Руниверс"

173

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 17—21) с указанием в сносках вариантов по Рук. 1751.

Впервые напечатано — Соч. 1751, стр. 21—27.

Датируется предположительно тем же временем, как и переложение псалма 1 (см. примечания к стихотворению 170).

В строфы 2—4, как и в некоторые другие свои переложения (см. примечания к стихотворениям 29, 171, 172), Ломоносов привносит от себя кое-какие конкретные детали, которые, мотивируя лирику псалма реальной обстановкой, в какой он создавался, сближают эту обстановку с теми условиями, в каких приходилось жить и действовать самому Ломоносову: «злобные руки», «коварных лук», «стремящиеся враги», «челюсти... зияющи со всех сторон», — всех этих образов в подлиннике нет.

В других случаях, однако, Ломоносов с обычной для него точностью передает подлинник, и притом — что особенно примечательно — чем точнее передача, тем сильнее она звучит по-русски:

Текст псалма	Текст Ломоносова
Яко реша врази мои мне, и стрегущии душу мою совещаша вкупе,	Враги, которые всечасно Погибели моей хотят, Уже о мне единогласно Между собою говорят:
Глаголюще: бог оставил есть его, пожените и имите его, яко несть избавляяй.	«Погоним, Бог его оставил. Кого он может преклонить? От нас бы кто его избавил? Теперь пора его губить».

Последние два стиха 21 строфы являются почти дословным повторением последних двух стихов предыдущей строфы. То же повторение видим и в подлиннике.

174

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 27—31) с указанием в сносках вариантов по Рук. 1751 и Соч. 1751.

Впервые напечатано — Соч. 1751, стр. 35—40.

Датируется предположительно тем же временем, как и переложение псалма 1-го (см. примечания к стихотворению 170).

В основу оды легли четыре последние главы (XXXVIII—XLI) одной из частей Библии — книги Иова. Эти главы использованы Ломоносовым далеко не в полном их объеме, а лишь частично: из XXXVIII главы взяты только стихи 4, 7—12, 16, 17, 25—27; из XXXIX — стихи 27—29; из

Библиотека "Руниверс"

XL — стихи 10—13, 22; из XLI — стихи 6, 8, 10, 13, 16, 19, 22, 27, 29. Но и в пределах этих «выбранных» отрывков Ломоносов следовал за оригиналом далеко не с той строгостью, как при переложении псалмов. Русский стихотворный текст обогащен рядом самостоятельных элементов, отсутствующих в библейском подлиннике, например:

Текст Библии	Текст Ломоносова
Заградих же море враты, егда изливавшеся из чрева матере своея исходящее: положих же ему облак во одея- ние, мглою же пових е: и положих ему пределы, обло- жив затворы и врата. Рех же ему: до сего дойдеши, и не прейдеши, но в тебе со- крушатся волны твоя.	Кто море удержал брегами И бездне положил предел, И ей свирепыми волнами Стремиться дале не велел? Покрытую пучину мглою Не я ли сильною рукою Открыл, и разогнал туман, И с суши сдвигнул Океан?

Из 34 библейских стихов, посвященных описанию морского чудовища, Левиафана, Ломоносов взял только девять, внеся и сюда свои образы: «светящиеся чешуи», «зубы — страшный ряд серпов», «как печь, гортань его дымится», «очи раздраженны, как угль, в горниле раскаленный», — всего этого в Библии нет.

Вольная передача подлинника оправдана первой, вступительной строфой оды, где автор, обращаясь от своего имени к читателю, ограничивает известным образом свою поэтическую задачу: не обещая исчерпывающего пересказа, он как бы направляет внимание читателя только на общий смысл и на общий характер «ужасной» речи, донесшейся до Иова «из тучи».

Избранные Ломоносовым тексты привлекли его, судя по построению оды, не столько обычной для Библии темой «распри» человека с богом и не столько родственной поэтическому дарованию Ломоносова гиперболичностью образов (ср. т. X наст. изд., письмо 35), сколько тем, что давали случай набросать пером естествоиспытателя картину «стройного чина» вселенной, далекую от библейской. Книга Иова является величайшим поэтическим произведением древнееврейской литературы (ср. неопубликованные заметки академика П. К. Коковцова о ней: ААН, ф. 779, оп. 1, № 62/1, л. 1). Не удивительно поэтому, что Ломоносов остановил на ней свой выбор.

Публикуемая ода, близкая по своим мотивам переложению псалма 103 (стихотворение 151), была в течение долгого времени одним из наиболее популярных поэтических произведений Ломоносова. Школьники заучивали ее наизусть еще во времена Гоголя, который недаром вложил цитату из этой оды в уста Хлестакова в качестве первых стихов, которые пришли ему на память.

Библиотека "Руниверс"

175

Печатается по тексту последней прижизненной публикации (Соч. 1757, стр. 166) с указанием в сносках вариантов по рукописи, обозначаемой Рук. 1751 (ААН, ф. 3, оп. 1, № 150, л. 213), и по СПб. Вед. (1751, № 35, стр. 288).

Впервые напечатано — СПб. Вед., 1751, № 35, стр. 288.

Датируется предположительно промежутком времени с 12 февраля 1751 г. (когда Академическая канцелярия поручила Ломоносову сочинить стихотворную надпись) по 25 апреля того же года (день, когда состоялась иллюминация).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации к годовщине коронации императрицы Елизаветы, 25 апреля 1751 г., поступила в Академическую канцелярию 12 февраля того же года и была в тот же день рассмотрена последней, причем было определено: Штелину составить проект, Лебедеву перевести его на русский язык, а Ломоносову проверить перевод и сочинить стихи (ААН, ф. 3, оп. 1, № 150, лл. 207—208).

Ввиду того, что документа об отправке проекта в артиллерийское ведомство не обнаружено, дата окончания работы Ломоносова над стихами остается неясна; репорт мастера И.-Э. Гриммеля от 14 марта 1751 г. об изготовлении чертежа иллюминации, согласно проекту Штелина (там же, л. 214), дает некоторое основание думать, что к этому времени стихи Ломоносова еще не были отосланы в Канцелярию главной артиллерии и фортификации.

[1] Т. е. мысленный.

176

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 93—102) с указанием в сносках вариантов по Отд. изд. 1751 г. и Соч. 1751.

Местонахождение рукописи 1750—1751 гг. неизвестно.

Впервые напечатано отдельным изданием в 1751 г.

Датируется предположительно промежутком времени с 27 августа 1750 г. (по сообщению Ломоносова, день оказания ему «монаршеской милости») по 24 мая 1751 г., когда Типография сообщила Академической канцелярии, что ода напечатана (ААН, ф. 3, оп. 1, № 153, лл. 377—379).

Отдельное издание оды, вышедшее в свет в мае 1751 г., было отпечатано в количестве 200 экз., из которых 50 экз. были выданы Ломоносову «за его труд по сочинению оды» (там же, № 1088, лл. 250—251). Расходы по печатанию оды в сумме 11 руб. 24½ коп. оплатил он (там же, № 520, лл. 235—236 и № 153, л. 380).

Библиотека "Руниверс"

Из текста оды и из сопоставления его с текстом близкого ей по содержанию и по времени стихотворного послания к И. И. Шувалову (стихотворение 191) явствует, что 27 августа 1750 г. Ломоносов был принят императрицей в Царском Селе, куда новый фаворит Елизаветы Петровны, Шувалов, как сам он впоследствии вспоминал, «взял его [Ломоносова] с собою» («Русский архив», 1874, тетр. 6, стлб. 1454). Дата поездки не вызывает сомнений: из «Камер-фурьерского церемониального и походного журнала 1750 г.» (стр. 90) видно, что с 18 по 28 августа этого года императрица находилась действительно в Царском Селе. Предметом ее внимания и темой беседы с Ломоносовым стало на сей раз не поэтическое его искусство, а его научное творчество (см. строфу 3). Исходя из содержания оды, можно полагать, что разговор шел о тесной связи научной теории с практической деятельностью, о значении науки для изучения естественных богатств нашей страны и для развития отечественной промышленности, т. е. о том, чему посвящено было в значительной своей части «Слово о пользе химии». Над этим «Словом» Ломоносов начал работать примерно через полгода (см. т. II наст. изд., стр. 345—369, 678—680), продолжая развивать в нем идеи, высказанные на словах в Царском Селе и нашедшие отзвук в публикуемой оде. В беседе с Елизаветой Петровной и Шуваловым Ломоносов иллюстрировал, должно быть, свои мысли примерами из собственной лабораторной практики, рассказывая об опытах по изготовлению красящих веществ, фарфора и цветного стекла (см. строфу 20, а также т. IX наст. изд., документы 23—25 и 44).

Что же касается «монаршеской милости», то Ломоносов не объясняет, в чем она заключалась. Не было ли обещано ему в этот день то чрезвычайно важное для него тогда награждение чином коллежского советника, которое было официально объявлено только 4 марта 1751 г. (см. т. X наст. изд., примечания к документу 470, § 33)? В пользу такого предположения говорит целый ряд обстоятельств: и мотивировка этого награждения («за его отличное в науках искусство»), и то, что, написав оду, по-видимому, под свежим впечатлением поездки в Царское Село, Ломоносов напечатал ее только через девять месяцев, т. е. уже после реализации полученного тогда обещания, и то, наконец, что, не считая удобным подчеркивать хронологический разрыв между тем и другим, Ломоносов в первом издании оды умолчал не только о сути, но и о времени оказанной ему «милости».

Особенностью публикуемой оды является отсутствие в ней обычных для Ломоносова внешнеполитических намеков. Царскосельские впечатления, которым уделено много места, являются лишь внешними прикрасами, основная же тема оды — практическая польза науки.

[1] Сарское Село (ныне г. Пушкин) получило это название от финской мызы Саари-моис, что означает по-русски Верхняя мыза.

Библиотека "Руниверс"

[2] Зная обыкновение Ломоносова опираться в своих одах на реальные факты, можно полагать, что в Царском Селе он присутствовал при одной из охот императрицы, которыми Елизавета Петровна увлекалась смолоду, а под «великолепной колесницей» следует понимать какой-нибудь придворный экипаж, которые в те времена отличались изысканной роскошью отделки.

[3] См. выше, вводную часть примечаний к публикуемой оде. — Матерски — по-матерински.

[4] Имеется в виду речка Славянка, орошающая нынешний Павловский парк.

[5] В 1749 г. окончились работы по позолоте куполов дворцовой церкви в Царском Селе (т. X наст. изд., примечания к письму 18).

[6] О существовании «трона, украшенного кристаллом», т. е. драгоценными камнями, никаких сведений нет, но Ломоносов упомянул о нем, очевидно, не без основания. Сохранилось известие, что Елизавета Петровна в 1753 г. мечтала украсить драгоценными камнями один из покоев Царскосельского дворца (А. Бенуа. Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1910, стр. 116). Не заводила ли она об этом речь с Ломоносовым?

[7] Висс — виссон, тонкая дорогая ткань, большей частью белая, иногда пурпурная, которая шла в древности на царские и жреческие одежды.

[8] Императрица Елизавета Петровна поручила строителю Царскосельского дворца, знаменитому архитектору В. В. Растрелли, выяснить, каким образом можно было бы «ездить из Петербурга в Царское Село водою». Речь шла о канале, который соединил бы Славянку с Невой (И. Яковкин. История села Царского. СПб., 1829, стр. 15, 136—137).

[9] Нимфа, от лица которой идет речь, вспоминает миф о земном рае, где брали будто бы начало четыре великих реки. Одной из этих рек, по утверждению некоторых толкователей мифа, был Нил.

[10] Имеется в виду, вероятно, так называемая «оранжерейная зала» Царскосельского дворца, где, судя по описи 1748 г., насчитывалось до 380 ящиков, кадок и горшков с разнообразнейшими экзотическими растениями (А. Бенуа. Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1910, стр. 161).

[11] См. примечание 2 к стихотворению 164.

[12] Ср. у Пушкина в «Полтаве»:

Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могучим седоком.

[13] Под «чудовищами» следует понимать исполинские сооружения древности: крепостные стены, воздвигнутые легендарной ассирийской царицей

Библиотека "Руниверс"

Семирамидой, египетские пирамиды и, может быть, упоминаемую в Библии вавилонскую башню.

[14] Под «чудным трудом малых лет» Ломоносов разумеет начатую в 1744 г. перестройку Царскосельского дворца, которая производилась под наблюдением архитекторов А. В. Квасова и С. И. Чевакинского, и в 1748 г. законченную. Елизавета Петровна не удовлетворилась этим, и в 1749—1756 гг. дворец был перестроен заново по проекту В. В. Растрелли (А. Бенуа. Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1910, стр. 32—44, 71—78).

[15] С «верхов» царскосельской дворцовой церкви открывался широкий вид на север с панорамой Петербурга на горизонте.

[16] См. примечания к стихотворению 162.

[17] Русское военное ведомство с начала 50-х годов XVIII в. занималось вопросом об усовершенствовании орудий полевой артиллерии, стремясь достигнуть большей их «удобоподвижности» путем уменьшения их веса («военны облегчи громады»). Итогом этих изысканий явились знаменитые шуваловские гаубицы, сыгравшие, как известно, решающую роль в ходе Семилетней войны (Курс артиллерии, кн. I. Под редакцией А. Д. Блинова, М., 1948, стр. 72). Таким образом, Ломоносов недаром ввел данную проблему в перечень наиболее актуальных практических задач механики. О существовании этой проблемы и о работах над ее разрешением его осведомлял, вероятно, А. К. Нартов, с которым Ломоносов сохранял связь и в 50-х годах (т. X наст. изд., письмо 39). Нартов принимал ближайшее участие в разработке новых, облегченных образцов орудий: как установлено недавно, по его «инвенции» были отлиты первые «единороги» (А. С. Бриткин и С. С. Видонов. Выдающийся машиностроитель XVIII века А. К. Нартов. М., 1950, стр. 161—162). Ср. стихотворение 244 и примечания к нему.

[18] См. вводную часть примечаний к публикуемой оде.

[19] Т. е. метеорология.

177

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 166—167) с указанием в сносках вариантов по собственноручному подлиннику, обозначаемому Рук. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 155, л. 172).

Впервые напечатано — СПб. Вед., 1751, № 72, стр. 546—547.

Датируется предположительно промежутком времени с 23 июля 1751 г. (когда Академическая канцелярия отправила Ломоносову ордер, согласно которому ему следовало проверить перевод проекта иллюминации и перевести содержавшиеся в нем стихи) по 24 июля того же года (день отправки проекта в Канцелярию главной артиллерии и фортификации).

Библиотека "Руниверс"

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации ко дню именин императрицы Елизаветы, 5 сентября 1751 г., поступила в Академическую канцелярию 11 июля того же года и была рассмотрена последней в тот же день, причем составление проекта было поручено Я. Я. Штелину, которого известили об этом 13 июля (ААН, ф. 3, оп. 1, № 155, лл. 163—165). Проект Штелина был представлен им при репорте 20 июля 1751 г. (там же, л. 166). 23 июля того же года Академическая канцелярия известила Ломоносова, что ему поручено проверить перевод проекта иллюминации, сделанный В. И. Лебедевым, и «вирши перевесть» (там же, № 599, л. 115). На следующий день, 24 июля, Академическая канцелярия отослала проект иллюминации в Канцелярию главной артиллерии и фортификации (ААН, ф. 3, оп. 1, № 155, л. 170).

Ломоносов уклонился от порученного ему Канцелярией перевода немецких «виршей» Штелина и заменил их своими собственными стихами, которые и были использованы при иллюминации (СПб. Вед., 1751, № 72, стр. 546—547).

[1] В проекте иллюминации говорилось: «Напереди оного флителя или аллеи виден Гениус с плугом на отверстом поле, а напереди другого крыла виден Гениус, на оружии сидящий, и лежащия пред ним на земли несколько мечей и копьев».

[2] См. примечание 1 к стихотворению 141.

178

Печатается по единственному прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 182) с указанием в сносках вариантов по тексту, включенному Ломоносовым в письмо И. И. Шувалову от 10 сентября 1751 г. (Соч. 1784, ч. I, стр. 321).

Впервые напечатано — Соч. 1757, стр. 182.

Датируется 8 сентября 1751 г. на основании вышеупомянутого письма, где Ломоносов сообщает, что стихи сочинены им «после спуску корабля за обедом» (т. X наст. изд., письмо 21).

80-пушечный корабль, о котором идет речь, был спущен на воду в Петербурге 8 сентября 1751 г. в весьма торжественной обстановке, в присутствии императрицы (СПб. Вед., 1751, № 73, стр. 553—554). Это был корабль первого ранга, которых должно было быть в русском флоте семь (Соловьев, кн. V, стлб. 594). Ему было присвоено название «Святой Иоанн Златоустый первый». Добавление слова «первый» объяснялось тем, что с 1749 г. существовал другой корабль, носивший то же имя: его приказали именовать теперь «Иоанном Златоустым вторым» (Ф. Ф. Веселаго.

Библиотека "Руниверс"

Материалы для истории русского флота, ч. X. СПб., 1883, стр. 147—148). Этот второй корабль был тем самым, о спуске которого Ломоносов так загадочно умолчал в своих стихах на спуск корабля «Александр Невский» (стихотворение 154 и примечания к нему).

[1] Под «завистливыми врагами» следует разуметь, очевидно, парижский и берлинский королевские дворы, которые своими дипломатическими интригами пытались в это время расстроить только что наладившиеся дружественные отношения России с Швецией (Соловьев, кн. V, стлб. 740—744).

179

Печатается по тексту первой посмертной публикации с указанием в сносках вариантов по рукописным сборникам XVIII в. (Каз., стр. 60; Бычк., стр. 469).

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано (по неотысканному рукописному сборнику XVIII в., принадлежавшему П. П. Пекарскому) — «Библиографические записки», 1858, № 16, стр. 485.

Датируется предположительно промежутком времени с 1742 по 1751 г., не позднее октября 18. И. В. Шишкин окончил Сухопутный шляхетный кадетский корпус и был выпущен прапорщиком в армию 10 февраля 1742 г. (Именной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе штаб-офицерам и кадетам. СПб., 1761, стр. 145), когда ему было около двадцати лет. Только после этого, надо полагать, мог познакомиться с ним Ломоносов, который в свою очередь приблизительно с этих же пор, насколько мы знаем, вошел в непосредственное соприкосновение с петербургским литературным кругом (ср. Берков, стр. 67). В своем доношении от 18 октября 1751 г. Ломоносов называет Шишкина «покойным» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 158, л. 202). Публикуемая эпиграмма написана, стало быть, во всяком случае ранее этого дня, потому что Ломоносов не стал бы, конечно, сочинять эпиграмму на умершего человека (ср. Берков, стр. 298); точная дата смерти Шишкина не выяснена; 22 февраля 1750 г. он был еще жив (см. т. IX наст. изд., стр. 947).

Шишкин, по утверждению Н. И. Новикова, «много написал хороших песен, элегий и других мелких стихотворений». Песни его, по словам того же Новикова, были напечатаны в каком-то «собрании песен», но, вероятно, по обычаю того времени анонимно и остались поэтому не известны потомству. Новиков заявлял, что сочинения Шишкина «весьма много похваляются за чистоту слога и приятность вкуса» (Н. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, стр. 246—247). Для проверки справедливости этого отзыва в отношении поэтических произведений

Библиотека "Руниверс"

Шишкина у нас нет никаких других материалов, кроме одного его стихотворения «К Кориолану», напечатанного посмертно («Полезное увеселение на генварь месяц», 1760, стр. 30—32). Жанры упоминаемых Новиковым мелких стихотворений Шишкина позволяют предполагать, что он примыкал к группе поэтов сумароковского направления (Берков, стр. 77), однако же в стихотворении «К Кориолану» отчетливо сказывается и влияние одического стиля Ломоносова.

О личных отношениях Ломоносова с Шишкиным мы не знаем ничего. Известно лишь, что в последний год жизни Шишкина и вскоре после его смерти Ломоносов, по предложению Академической канцелярии, дал положительный отзыв о двух его прозаических переводах (т. IX наст. изд., документы 381 и 385 и примечания к ним) и отозвался отрицательно о третьем, тоже прозаическом его переводе, который Ломоносову, за смертью переводчика, пришлось выправлять уже в процессе печатания (Пекарский. II, стр. 156—157, 485—487). Известно, кроме того, что Шишкин пользовался, видимо, покровительством таких высокопоставленных особ, как И. И. Шувалов, Р. И. Воронцов и К. Г. Разумовский (Билярский, стр. 158 и 167; т. IX наст. изд., стр. 947 и 952). Разумовский относил Шишкина к числу тех дворян-литераторов, которые занимаются переводами «не для интереса, но для охоты своей собственной» и которых поэтому нужно «приласкать всеми мерами». Суть публикуемой эпиграммы Ломоносова, занимавшего в этом вопросе совсем иную позицию, заключается в осуждении великосветских дилетантов, для которых поэтическое творчество являлось не делом всей их жизни и не выполнением гражданского долга, а только одним из многочисленных развлечений, не более важным, чем нюханье табака и игра в карты.

180

Печатается по единственному прижизненному изданию — СПб. Вед., 1751, № 96 с указанием в сносках вариантов по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 158, л. 21 об.), обозначаемому сокращенно Рук.

Впервые напечатано — СПб. Вед., 1751, № 96.

Датируется предположительно промежутком времени с 9 октября 1751 г. (когда Академическая канцелярия поручила Ломоносову проверить перевод проекта иллюминации и перевести или сочинить вновь стихи) по 12 октября того же года (день подачи Ломоносовым проекта и стихов в Академическую канцелярию).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации к годовщине восшествия на престол импе-

Библиотека "Руниверс"

ратрицы Елизаветы, 25 ноября 1751 г., поступила в Академическую канцелярию 2 октября того же года и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено Я. Я. Штелину (ААН, ф. 3, оп. 1, № 158, лл. 12—13). Проект Штелина, представленный в Академическую канцелярию 8 октября того же года, был 9 того же октября при ордере отослан Ломоносову с тем, чтобы он проверил перевод, а стихи либо перевел, либо сочинил вновь (там же, лл. 17, 19). 12 октября того же года Ломоносов подал в Академическую канцелярию исправленный текст проекта иллюминации и сочиненные им стихи (там же, лл. 20—21).

[1] В проекте иллюминации говорилось: «Представляется храм великолепия Российския империи на высокой каменной горе, к которому отнизу уская, каменистая, ямистая и почти непроходимая стезя между голыми надвислыми камнями и каменными облоками простирается».

181

Печатается по собственноручному, подписанному Ломоносовым подлиннику. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 158, л. 31 об.).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 478.

Датируется предположительно промежутком времени с 19 ноября 1751 г. (когда Академическая канцелярия поручила Ломоносову проверить перевод проекта иллюминации и перевести или вновь сочинить стихотворную надпись) по 23 ноября того же года (день отправки проекта в Канцелярию главной артиллерии и фортификации).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации ко дню рождения императрицы Елизаветы, 18 декабря 1751 г., поступила в Академическую канцелярию 2 октября того же года и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено Я. Я. Штелину, а Ломоносову поручалось проверить русский перевод проекта и сочинить стихи (ААН, ф. 3, оп. 1, № 158, лл. 12—13). Проект Штелина, представленный в Академическую канцелярию 18 ноября 1751 г. и содержавший стихотворную надпись, не переведенную на русский язык В. И. Лебедевым (там же, лл. 25—26, 28), был 19 того же ноября отослан Ломоносову, который исправил текст проекта иллюминации и написал к нему свои стихи, под которыми подписал: «Стихи сочинил М. Ломоносов».

[1] Одной из иллюминационных эмблем был «щит, на котором изображено солнце».

Библиотека "Руниверс"

182

Печатается по собственноручному, подписанному Ломоносовым подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 158, л. 32).

Впервые напечатано — СПб. Вед., 1752, № 4, стр. 30.

Датируется предположительно промежутком времени с 19 ноября 1751 г. (когда Академическая канцелярия поручила Ломоносову проверить перевод проекта иллюминации и перевести или вновь сочинить стихотворную надпись) по 23 ноября того же года (день отправки проекта в Канцелярию главной артиллерии и фортификации).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации к 1 января 1752 г. поступила в Академическую канцелярию 2 октября 1751 г. и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено Я. Я. Штелину, а Ломоносову поручалось проверить перевод и сочинить стихи (ААН, ф. 3, оп. 1, № 158, лл. 12—13). Проект Штелина, представленный в Академическую канцелярию 18 ноября 1751 г. (там же, лл. 25—26 об., 27) и содержавший стихотворную надпись, не переведенную В. И. Лебедевым, был 19 ноября того же года отослан Ломоносову, который исправил русский перевод проекта иллюминации и написал к нему стихи, подписав под ними: «Стихи сочинил М. Ломоносов» (там же, лл. 30, 32).

[1] Одной из иллюминационных эмблем была «великая статуя, представляющая Благополучие, которое в одной руке держит обыкновенной свой знак — Рог изобилия и при том жезл Эскулапиев с обвившеюся змиею, яко изображение непрерывнаго здравия с каждым новым годом возобновленной крепости».

183

Печатается по тексту первой публикации с указанием в сносках вариантов по Рук., писанной разными писарскими почерками с собственноручными поправками Ломоносова (ААН, ф. 20, оп. 3, № 64, лл. 1—54).

Впервые напечатано — отдельным изданием в 1752 г.

Датируется предположительно по отчетам Ломоносова за сентябрьскую треть 1750 г. и за майскую и сентябрьскую трети 1751 г., а также по письму его к И. И. Шувалову от 10 сентября 1751 г. (т. X наст. изд., документы 510—512 и письмо 21), из которых видно, что работа над трагедией «Демофонт» была начата в декабре 1750 г., а завершилась в конце следующего, 1751 г., не ранее 10 сентября и не позднее ноября (Ламанский, стр. 148).

Из тех же отчетов явствует, что трагедия писалась по именному указу императрицы Елизаветы, однако же распоряжение последней о напечатании

Библиотека "Руниверс"

«Демофонта» было отдано только в сентябре 1752 г., т. е. примерно через девять месяцев после того, как Ломоносов окончил свою работу над трагедией (ААН, ф. 3, оп. 1, № 963, л. 66). По определению Академической канцелярии, трагедия набиралась и печаталась в срочном порядке, «день и ночь», причем тираж был установлен необычный, двойной — 1300 экз. (там же, № 463, л. 513).

О постановке трагедии сведений нет. По сообщению А. Т. Болотова, Г. Г. Орлов еще в 1758 г., т. е. задолго до своего возвышения, предполагал поставить «Демофонта» на домашней сцене, но спектакль был отменен по неизвестной причине (Болотов, стлб. 879—880). В «Драматическом словаре» 1787 г. отмечалось, что трагедия «Демофонт» не ставилась в театрах «не иначе, как за трудности для актеров» (стр. 44—45).

В «Летописи русского театра», составленной актером И. Носовым по материалам знаменитого «Нестора русского театра» И. А. Дмитревского, есть известие, что 1 и 4 февраля 1759 г. итальянскими актерами была исполнена в Петербурге опера «Демофонт». Автором либретто назван Д. Бонекки, а автором музыки — П.-А. Монсиньи (Хроника русского театра Носова. М., 1883, стр. 142—143). Многое в этом известии сомнительно (ср. «Известия Отделения Русского языка и словесности», 1912, кн. 3—4, стр. 133—139), и в новейших трудах по истории русского театра, основанных на проверенных документальных материалах, оно не нашло подтверждения (В. Всеволодский-Гернгросс. Библиографический и хронологический указатель материалов по истории театра в России в XVII и XVIII вв. В сб. Историко-театральной секции, т. I, Пгр., 1918, стр. 1—71; R.-Aloys Mooser. Opéras, intermezzos, ballets, cantates, oratoros joués en Russie durant le XVIII siècle. Genève [Р.-А. Моозер. Оперы, интермеццо, балеты, кантаты, оратории, поставленные в России в течение XVIII века. Женева], 1945). Интересно, однако же, что список действующих лиц упомянутой Носовым оперы почти полностью совпадает со списком действующих лиц ломоносовской трагедии: в опере, как и в трагедии, участвуют Мемнон, Драмет, Креуза и вестник, которых не знают античные мифы. Таким образом, если бы сообщение Носова оказалось все же достоверным, то пришлось бы признать, что подвизавшийся в Петербурге итальянский либреттист Бонекки воспользовался трагедией Ломоносова для сочинения своего текста.

В основу сюжета трагедии положены греческие мифы. Миф о Филлиде и Демофонте обработан в трагедии римского поэта Пакувия «Илиона», сохранившейся только в отрывках; в этой трагедии участвует дочь Приама Илиона, не известная ни Гомеру, ни классической греческой трагедии. Гибель Деифила является единственным эпизодом, заимствованным Ломоносовым у Пакувия.

Миф о Полимнесторе и Илионе мог быть знаком Ломоносову и в варианте Гигина (Mythographi Latini C. Jul. Hygini Fabulae. Planciades

Библиотека "Руниверс"

Fulgentius etc. emendavit. Amstelodami [Латинские мифографы. К. Юл. Гигин. Издал П. Фульгентий и др. Амстердам], 1681, стр. 172).

Миф о Филлиде и Демофонте был известен Ломоносову, вероятно, из «Героид» Овидия по изданию 1689 или 1702 г. Эта книга снабжена комментариями Гельвеция, где указанный миф приведен в варианте, довольно близком к избранному Ломоносовым (P. Ovidii Nasonis opera, interpretatione et notis illustravit Daniel Crispinus Helvetius, t. I, Lugduni [П. Овидий Назон. Труды, с комментариями Д. К. Гельвеция, т. I, Лион], 1689, стр. 10).

Все эти литературные интерпретации греческих сказаний послужили только исходным материалом для построения сюжета, который разработан Ломоносовым совершенно самостоятельно.

При всей условности форм, рассчитанных на вкусы тогдашних придворных театралов, вторая трагедия Ломоносова, как и первая, дала ему случай выразить в известной мере свои излюбленные идеи и связанные с ними гражданские чувства; устами своих героев Ломоносов-драматург говорит чаще всего и горячее всего о верности патриотическому долгу, об отвращении к захватническим войнам, о твердости духа и об укрощении низменных страстей силой рассудка.

[1] Первая фраза «Краткого изъяснения» близка по содержанию первой фразе «пояснения», предпосланного упомянутому выше лионскому изданию «Героид» Овидия, 1689 г., что свидетельствует о знакомстве Ломоносова с этим изданием.

[2] О смерти Приама в Гомеровских поэмах ничего не говорится. В «Энеиде» Виргилия (II, 512) сообщается, что, когда греки ворвались в город, Приам вооружился, чтобы умереть сражаясь; но жена его Гекуба убедила его искать спасения у алтаря Зевса; здесь грек Неоптолем убил на глазах Приама его сына, а затем и его самого.

[3] По послегомеровским сказаниям, дочь Приама Поликсена была наречена невестой Ахилла, которого затем убил брат Поликсены Парис, поразив его в пятку, единственную уязвимую часть тела Ахилла. По возвращении из Трои греки на Фракийском берегу принесли Поликсену в жертву богам.

[4] По преданию, Геракл убил близ Трои морское чудовище, которому отдали на съедение Гесиону, дочь троянского царя Лаомедонта, отца Приама. Так как Лаомедонт не хотел отдавать коней, обещанных за спасение дочери, Геракл, чтобы отомстить ему, отправился на восемнадцати кораблях в поход на Трою. Город был взят, и Лаомедонт был убит. Убиты были и все его сыновья, кроме Приама.

[5] По преданию, Илиона спрятала своего брата, троянского царевича Полидора, и выдала вместо него грекам Деифила, сына Полимнестора.

[6] Райна — рея.

Библиотека "Руниверс"

1752

184

Печатается по писарской копии, приложенной к подписанному Ломоносовым репорту в Академическую канцелярию (ААН, ф. 3, оп. 1, № 162, л. 389—389 об.) с указанием в сносках вариантов по Соч. 1757, стр. 167.

Впервые напечатано — СПб. Вед., 1752, № 36, стр. 284—285.

Датируется предположительно промежутком времени с 29 февраля 1752 г. (когда Академическая канцелярия поручила Ломоносову составить проект иллюминации) по 12 марта того же года (день подачи проекта Ломоносовым в Академическую канцелярию).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации к годовщине коронации императрицы Елизаветы, 25 апреля 1752 г., поступила в Академическую канцелярию 27 февраля того же года и была рассмотрена последней в тот же день, причем составление проекта было впервые поручено, наряду с Я. Я. Штелином, и Ломоносову, которых известили об этом того же 29 февраля (ААН, ф. 3, оп. 1, № 162, лл. 384—386). Ломоносов 12 марта подал в Академическую канцелярию при репорте сочиненный им проект со стихотворной надписью (там же, л. 388). Проект Штелина, препровожденный в Академическую канцелярию 13 того же марта, было определено передать В. И. Лебедеву для перевода, а затем для проверки отправить Ломоносову (там же, л. 392). Из документов не видно, выполнил ли Ломоносов это последнее поручение.

Из газетного отчета явствует, что проекты и стихи Ломоносова (за исключением добавлений, обозначенных в проекте знаком NB) были одобрены, а проект Штелина остался неосуществленным (СПб. Вед., 1752, № 36, стр. 284—285).

[1] Под побежденными соседями Ломоносов разумеет Швецию, а под спасенными — Австрию и Пруссию.

[2] См. примечание 2 к надписи 160.

[3] Коронация императрицы Елизаветы происходила в апреле, когда солнце вступает в зодиакальное созвездие Тельца.

185

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 167, л. 22—22 об.) с указанием в сносках вариантов по Соч. 1757.

Впервые напечатано — СПб. Вед., 1752, № 76, стр. 604—605.

Библиотека "Руниверс"

Датируется предположительно промежутком времени с 6 июля 1752 г. (когда Академическая канцелярия поручила Ломоносову составить проект иллюминации) по 11 июля того же года (день отправки проектов Ломоносова и Штелина в Канцелярию главной артиллерии и фортификации).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации ко дню именин императрицы Елизаветы, 5 сентября 1752 г., поступила в Академическую канцелярию 2 июля того же года и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено как Ломоносову, так и Штелину; последнего известили об этом 2 июля, а первого 6 июля того же года (ААН, ф. 3, оп. 1, № 167, лл. 18—21). 11 июля 1752 г. Академическая канцелярия препроводила проекты Ломоносова и Штелина в Канцелярию главной артиллерии и фортификации (там же, л. 28).

Из газетного отчета видно, что проект и стихи Ломоносова были одобрены, а проект Штелина остался неосуществленным (СПб. Вед., 1752, № 76, стр. 604—605).

Сохранились воспоминания современника о впечатлении, произведенном на него этой иллюминацией: «Иллюминация была в самом деле достойная зрения, и я глаза свои растерял, смотря и любуясь на оную. Она сделана была из разноцветных фонарей, которые толикими же разными огнями быть казались. По обоим краям представлено было два храма, а посредине в превеликом возвышении превеликая картина, изображающая родосского колосса, стоящего ногами своими на двух краях гавани, простирающейся в прошпективическом виде от оного до самых храмов и прикасающейся другими концами к оным. Сей род иллюминации был мне хотя уже известен, однако такой огромной и великолепной я не видывал и потому смотрел на оную с великим восхищением» (Болотов, стлб. 192).

[1] См. примечание 1 к стихотворению 141.

[2] Т. е. слух о тебе, твоя слава.

186

Печатается: русский текст по единственному прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 182) с указанием в сносках вариантов по двум собственноручным черновикам (ААН, ф. 3, оп. 1, № 158, лл. 366 об., 368 об.—369), обозначаемым ААН рук. 1 и ААН рук. 2, по четырем подлинникам, писанным писарской рукой (ЦГАДА, ф. Госархив, р. XVIII, № 135, лл. 357 об., 358 об.—359, 376—375, 369—370), обозначаемым ЦГАДА рук. 1, ЦГАДА рук. 2, ЦГАДА рук. 3, ЦГАДА рук. 4, и по надписи, вырезанной на серебряных щитах (Государственный Эрмитаж); латинский текст — по

Библиотека "Руниверс"

собственноручному черновику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 158, л. 367) с указанием в сносках вариантов по рукописи ЦГАДА (ф. Госархив, р. XVIII, № 135, л. 360).

Впервые напечатано — Соч. 1757, стр. 182.

Датируется предположительно промежутком времени с 31 октября 1751 г. (когда Ломоносову был послан указ о сочинении надписи) по 26 августа 1752 г. (когда было завершено гравирование надписи на раке).

К работе над этим коротким прозаическим текстом, затянувшейся по не зависевшим от Ломоносова причинам на десять месяцев, ему пришлось на протяжении этого срока возвращаться, как показано ниже, несколько раз.

Миновало уже более года с тех пор, как академический гравер М. И. Махаев вырезал на раке Александра Невского одобренную императрицей стихотворную надпись Ломоносова (стихотворение 161), когда 28 октября 1751 г. Кабинет известил Академическую канцелярию, что эта надпись, вырезанная на задней стенке раки, «весьма невидна» и что поэтому императрица приказала: «К большей, позади раки стоящей пирамиде приделать два ангела со щитами, на которых надпись вновь назначить, дабы она от всякого видна была, и чтоб разными искуснейшими профессорами на оных щитах пристойные надписи для предложения и аппробации ея императорского величества сочинены были» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 963, л. 47—47 об.). К сочинению новых надписей Академической канцелярией были привлечены Ломоносов, два профессора элоквенции В. К. Тредиаковский и Я. Я. Штелин, а, кроме них, еще и никогда не занимавшийся до тех пор подобными вещами профессор истории и древностей И.-Э. Фишер (там же, № 520, лл. 401 об.—402). 31 октября 1751 г. всем четверым были посланы соответствующие указы (там же, № 599, л. 166), и к 23 ноября всеми четырьмя были представлены в Канцелярию сочиненные ими проекты надписей (там же, № 658, лл. 177 об., 182, 183 об.; № 158, лл. 366—390). Проект Ломоносова был подан в двух собственноручных вариантах (в сносках на стр. 490—491 настоящего тома они обозначены ААН рук. 1 и ААН рук. 2), причем к одному из них был приложен и публикуемый латинский его перевод, тоже собственноручный (ААН, ф. 3, оп. 1, № 158, лл. 366—369). 23 ноября 1751 г. все проекты надписей, в том числе и ломоносовский, тщательно перебеленные рукой писца (ЦГАДА рук. 1 и ЦГАДА рук. 2), были представлены Академической канцелярией в Кабинет (там же, л. 391; № 599, л. 173 об.; ЦГАДА, р. 18, № 135, л. 356). Просмотрев проекты, кабинет-секретарь И. А. Черкасов приказал дополнить их упоминанием о том, как Александр Невский «был у царя Батыя и как он его заставлял кланяться солнцу, и огню, и идолам, но он того не учинил, и оный Батый отпустил святаго с честию». Это словесное распоряжение Черкасова было 26 ноября 1751 г. заслушано Академической канцелярией,

Библиотека "Руниверс"

которая определила сообщить о нем авторам проектов «записками» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 520, л. 438). Дальнейший ход дела почти не документирован и потому не совсем ясен. Ломоносов, вероятно, сразу же по получении канцелярской «записки» внес своей рукой соответствующее добавление как в автографы обоих русских своих проектов, так и в латинский перевод одного из них. По-русски он вписал: «презревшему прещение мучителя, тварь боготворить повелевавшего», а по-латыни: «qui minas tyranni, divinum honorem, rebus creatis redere jubentis» (там же, № 158, лл. 366 об., 367, 368 об.). Только 14 августа 1752 г., т. е. через восемь с половиной месяцев после подачи проектов, они были доложены императрице, которая их «аппробовать не соизволила» (ЦГАДА, ф. Госархив, р. XVIII, № 135, л. 413). Должно быть, уже после этого Ломоносовым, по-видимому, непосредственно, минуя Академическую канцелярию, был подан в Кабинет новый вариант русской надписи, довольно существенно отличавшийся от двух предыдущих (в сносках на стр. 491 настоящего тома он обозначается ЦГАДА рук. 3). Он сохранился только в двух писарских копиях (ЦГАДА, ф. Госархив, р. XVIII, № 135, лл. 369—370, 376). На одной из них, очевидно, более ранней (л. 376), слова «усердием Петра Великого, императора, и Екатерины, императрицы, на место древних и новых побед плотию пренесенному 1724 года» приписаны другой, неизвестной рукой. Но принадлежат они, по всей вероятности, Ломоносову, так как, публикуя надпись в собрании своих сочинений, он этих слов не отбросил, опустив только упоминание об Екатерине I. В таком виде, с очень незначительными изменениями, но тоже без упоминания об Екатерине I, надпись была вырезана на двух щитах, которые держат приделанные к пирамиде серебряные ангелы. Работа по гравировке надписи была завершена к 26 августа 1752 г. (там же, л. 472).

[1] Говоря об укрощении «варварства на Востоке», Ломоносов имеет в виду дипломатическое искусство, проявленное Александром Невским в сношениях с Золотой Ордой, которую он удержал от новых разорительных набегов на русские города.

[2] Под низложением «зависти на Западе» Ломоносов разумеет победу Александра Невского над шведами у берегов Невы (1240) и так называемое «Ледовое побоище» на Чудском озере (1242), остановившее движение ливонских рыцарей на восток.

[3] Останки Александра Невского были перенесены по распоряжению Петра I из Владимира в Петербург в 1724 г.

[4] См. примечание 2 к стихотворению 161.

[5] На щитах 1752 год заменен 1750-м, что, пожалуй, вернее, так как сооружение самой раки было завершено в 1750 г., а в 1752 г. были только приделаны ангелы со щитами.

Библиотека "Руниверс"

187

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 168, л. 233—233 об.) с указанием в сносках вариантов по Соч. 1757.

Впервые напечатано — СПб. Вед., 1752, № 98, стр. 781—782.

Датируется предположительно промежутком времени с 31 августа 1752 (когда Академическая канцелярия поручила Ломоносову составить проект иллюминации) по 11 сентября того же года (когда Ломоносов представил проект в Академическую канцелярию).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации к годовщине восшествия на престол императрицы Елизаветы, 25 ноября 1752 г., поступила в Академическую канцелярию 31 августа того же года и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено как Ломоносову, так и Я. Я. Штелину, которых известили об этом того же 31 августа (ААН, ф. 3, оп. 1, № 168, лл. 229—231). 11 сентября Ломоносов внес свой проект при репорте в Академическую канцелярию (там же, л. 232).

Из газетного отчета видно, что проект и надпись Ломоносова были одобрены, а проект Штелина остался неосуществленным (СПб. Вед., 1752, № 98, стр. 781—782).

[1] Т. е. чуждой лести, лицемерия и лжи.

188

Печатается по собственноручному беловику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 170, л. 278—278 об.) с указанием в сносках вариантов по Соч. 1757.

Впервые напечатано — Соч. 1757, стр. 169.

Датируется предположительно промежутком времени с 30 октября 1752 г. (когда Академическая канцелярия поручила Ломоносову и Я. Я. Штелину составить проекты иллюминации) по 16 ноября того же года (день отправки проектов в Канцелярию главной артиллерии и фортификации).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации к 1 января 1753 г. поступила в Академическую канцелярию 29 октября и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено Ломоносову и Штелину, которых известили об этом 30 октября того же года (ААН, ф. 3, оп. 1, № 170, лл. 274—277). Проекты Ломоносова и Штелина Академическая канцелярия препроводила 16 ноября того же года в Канцелярию главной артиллерии и фортификации (там же, л. 283).

Иллюминация 1 января 1753 г. должна была состояться в Москве, куда императрица Елизавета прибыла 19 декабря 1752 г. (Соловьев, кн. V,

Библиотека "Руниверс"

стлб. 752). Судя по заглавию, под которым публикуемая надпись была напечатана в Соч. 1757 (см. стр. 496 наст. тома, сноска *а*), предложенный Ломоносовым проект иллюминации был, по-видимому, одобрен и осуществлен.

[1] Имеется в виду Москва, где императрица Елизавета собиралась встречать новый 1753 год.

[2] Под «Петровыми стенами» Ломоносов разумел две крепости, воздвигнутые Петром I в дельте Невы — Петропавловскую и Адмиралтейскую.

189

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 102—111) с указанием в сносках вариантов по Отд. изд. 1752.

Местонахождение рукописи 1752 г. неизвестно.

Впервые напечатано в 1752 г. отдельным изданием.

Датируется предположительно ноябрем 1752 г. 19 ноября этого года Ломоносов подал в Академическую канцелярию репорт следующего содержания: «К наступающему торжественному дню восшествия на всероссийский престол ея императорскаго величества сочиняю я поздравительную оду, которыя 15 куплетов прилагаю для набору, чтобы успеть печатанием; а достальные сообщу завтре пред полуднем; а на чьем коште и сколько экземпляров печатать, то все полагается на воле помянутой Канцелярии» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 171, л. 185). Шумахер, сославшись на то, что «время остается самое малое» и что без «воли и апробации» президента Академии (находившегося уже более года на Украине) он не может будто бы выпускать оду от имени Академии, ответил в тот же день Ломоносову, что «ежели он ту своего сочинения оду от своего имени и на своем коште печатать намерение возымеет, то Канцелярия, как скоро возможно, печатанием поспешать будет» (там же, № 521, лл. 427 об.—428).

Мы не знаем, представил ли Ломоносов «достальные» строфы оды, как обещал, 20 ноября. По-видимому, он запоздал дня на три или четыре, потому что только 24 ноября в Академическую канцелярию поступил репорт типографского корректора А. С. Барсова об отпуске бумаги для печатания оды (там же, № 172, л. 266). Таким образом, Ломоносов кончил писать оду во всяком случае не позднее 24 ноября 1752 г. В тот же день Шумахер распорядился выдать бумагу и напечатать оду, согласно желанию Ломоносова, в количестве 200 экземпляров (там же, № 463, л. 532; № 172, лл. 268—269, где отпуски ордеров ошибочно датированы декабрем вместо ноября, и № 600, л. 155). Вслед за тем, однако, Ломоносов счел почему-то необходимым увеличить тираж оды втрое: непосредственно в Типографию поступила от него, видимо, уже в декабре, следующая недатированная записка: «Напечатать на моем коште сперва в десть величиною двести экземпляров: сто семьдесят на комментарной заморской и тридцать на александрийской; после переложить на осьмушку, по два куплета на странице,

Библиотека "Руниверс"

как мое собрание од напечатано, и после поставить титульный листок в осьмушку, как прилично, и так напечатать четыреста книжек на заморской комментарной бумаге. М. Ломоносов. №. Набирать теми литерами, которыми собрание моих од набрано» (там же, № 172, л. 272).

Печатание оды завершилось в декабре 1752 г. (а не в январе 1753 г., как думали ранее: см. Модзалевский, стр. 322), что засвидетельствовано репортом Барсова об окончании типографских работ с отчетом о расходе бумаги; он подан 30 декабря 1752 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 172, лл. 270, 271 и 273). Чтобы запоздалый выход в свет поздравительной оды не вызвал нареканий, на титульном листе пометили: «Печатано в Санктпетербурге при императорской Академии наук ноября 23 дня 1752 года», что, как мы теперь видим, не соответствовало действительности. Стоимость печатания и бумаги (16 руб. 57 коп.) была оплачена Ломоносовым 16 июня 1753 г. (там же, л. 276).

В 1751 г. Ломоносов, насколько мы знаем, не написал ни одной оды. В книге «Издания гражданской печати времени императрицы Елисаветы Петровны, 1741—1761» (ч. I, М.—Л., 1935) показана, правда, ода Ломоносова «на торжественное воспоминание победы Петра Великого над шведами под Полтавою», напечатанная 26 июня 1751 г. (стр. 213); но это ошибка: названная ода написана не Ломоносовым, а М. М. Херасковым. 1752 год был для Ломоносова годом большой и разнообразной активности: помимо экспериментальной работы в Химической лаборатории, чтения химических лекций, занятий со студентами поэзией, составления курса физической химии, «фарфоровых проб», мозаичных работ, изучения источников для «Древней Российской истории», разборки материала для «Российской грамматики», сочинения трагедии «Демофонт» и проектов иллюминаций, шли сильно волновавшие Ломоносова хлопоты об открытии фабрики разноцветных стекол (т. IX наст. изд., документы 47 и 48). Решение этого вопроса, зависевшее в конечном счете от императрицы, затягивалось. Едва ли не главной причиной появления публикуемой оды было желание Ломоносова поэтическим напоминанием о себе ускорить ход этого дела.

[1] Т. е. день вступления императрицы Елизаветы на престол.

[2] Т. е. в Эфиопию или шире — в тропические страны.

[3] Намек на предстоявшую поездку императрицы в Москву, куда она отправилась 16 декабря 1752 г. (СПб. Вед., 1752, № 101, стр. 804).

[4] Т. е. в Кремле.

[5] Во сретенье — навстречу.

[6] За десять лет (1742—1751 гг.) Петербург украсился рядом новых зданий и сооружений: был выстроен Летний императорский дом на Фонтанке, Аничков мост (1742), каменная партикулярная верфь на той же Фонтанке (1743), дом обер-коменданта в Петропавловской крепости, Литей-

Библиотека "Руниверс"

ный амбар (1744), дворец в Рыбачьей вотчине (1745), богадельня на Петербургской стороне, каменная гавань (1747), богадельня на Васильевском острове, Невские каменные ворота (1748), каменная гауптвахта, деревянный цейхгауз, комендантский амбар, Андреевский рынок (1749), театральный дом (1750) и др. В те же годы появилось семь новых церквей, а в 1747 г. был заложен каменный Воскресенский монастырь (А. Богданов. Кратчайшее синопсическое описание, отчасти же топографическое изображение, показующее о построении преименитого, нового в свете, царствующего града Санктпетербурга. Этот труд, датированный 1751 г., был напечатан уже после смерти автора в сокращенном и измененном виде под заглавием: Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб., 1779, полный же рукописный его экземпляр хранится в ААН, р. II, оп. 1, №№ 95 и 96. Приведенные выше данные см. на лл. 55, 66, 78, 81, 84, 138, 153, 155, 156, 180, 260 и 276 этой рукописи; см. также И.-Г. Георги. Описание российско-императорского столичного города Санктпетербурга и достопамятных окрестностей оного, ч. I. СПб., 1794, стр. 22 и 142 и «Российский магазин», СПб., 1792, ч. I, стр. 36, 143 и 150).

[7] Заключительные шесть стихов строфы 9 и строфы 10 и 11 посвящены открытию канала и доков в Кронштадте, происходившему 28—30 июля 1752 г. в присутствии императрицы, двора, «духовных персон», «всего генералитета» и представителей иностранных государств. Торжественная церемония, намеченная на 30 июля, была испорчена ненастной погодой: температура упала до 9.5° R и шел проливной дождь (Журналы камер-фурьерские, 1752, стр. 49; «Novi Commentarii» [«Новые записки»], т. V, СПб., 1760, стр. 385). Открытие кронштадтских доков было при тогдашних условиях событием крупного значения, вполне достойным того, чтобы воспеть его в оде. Но ода требовала высокого, «украшенного» слога, а украшать из-за дурной погоды было нечем, кроме описания артиллерийского салюта: так появились «молниевидный блеск», «гром», «огнь от многих вод», «перуны». В камер-фурьерском журнале это было передано проще: «Тогда происходила пальба со всех крепостей и кораблей». Комментируемые строфы интересны еще и тем, что писались, так сказать, с натуры: Ломоносов присутствовал при открытии канала и доков (ААН, ф. 3, оп. 1, № 600, л. 109, исх. № 1261). Из всех академических служащих только ему одному был дан на эти дни пропуск в Кронштадт. Не говорит ли это о том, что Ломоносов имел какое-то касательство к этому сооружению?

[8] Т. е. умственным взором, мысленно.

[9] Таким образом, к 1752 г. у Ломоносова уже вполне созрела мысль «о возможном проходе Сибирским океаном в Восточную Индию», мысль, разработанная им затем научно в 1755 г. и более подробно в 1763 г. (т. VI наст. изд., стр. 602—606). Упоминание об этом вопросе в публи-

Библиотека "Руниверс"

куемой оде было вызвано, может быть, выходом в свет в 1752 г. в Париже книги бывшего члена Петербургской Академии И.-Н. Делиля «Explication de la carte des découvertes au Nord de la mer de Sud» («Объяснение карты новых открытий в северной части Тихого океана»). Академия наук была, по словам Ломоносова, «немало потревожена» появлением этой книги, содержавшей множество погрешностей и сознательно преуменьшавшей значение открытий русских мореплавателей (т. X наст. изд., документ 470, § 31).

[10] Строфы 14—16 и 18, где идет речь о трех «российских героинях» (княгиня Ольга, мать Ивана Грозного и мать Петра I), навеяны бесспорно тогдашними историческими занятиями Ломоносова (т. X наст. изд., документы 514 и 516).

[11] Летописное сказание о мести Ольги древлянам обрабатывалось Ломоносовым в последующие годы еще трижды: в «Древней Российской истории», в «Кратком Российском летописце» и в «Идеях для живописных картин из российской истории» (т. VI наст. изд., стр. 230—235, 298 и 367), причем древлянский город Искоростень (в Повести временных лет — Искоростѣнь, Изъкоръстѣнь, а в позднейших летописях, в Синопсисе и у Татищева, — Коростень; см. Повесть временных лет, т. I, М.—Л., 1950, стр. 40 и 42; т. II, стр. 306; Л. И. Лейбович. Сводная летопись. СПб., 1876, стр. 47 и 51. Синопсис. СПб., 1746, стр. 21; В. Н. Татищев. История российская, кн. I, ч. 1. М., 1768, стр. 36) упорно именуется Ломоносовым Искорест.

[12] Намек на вышедшее в свет в 1751 г. издание Библии во вновь исправленном церковнославянском переводе. Работа над исправлением этого перевода была начата еще при Петре I по его указанию (Соловьев, кн. V, стлб. 614, 615 и 703). Ср. относящиеся к началу 1749 г. замечания Ломоносова о недоброкачественности прежнего перевода (т. X наст. изд., письмо 14).

[13] Сжатый прозаический рассказ Ломоносова об этом периоде отечественной истории см. в его «Кратком Российском летописце» (т. VI наст. изд., стр. 322—323).

[14] О постройке храмов в Петербурге см. выше, примечание 6. Говоря о постройке городов («грады строя»), Ломоносов имеет, вероятно, в виду состоявшееся 29 января 1752 г. распоряжение о закладке крепости св. Елизаветы в Новой Сербии (будущего Елизаветграда, ныне Кировоград) и осуществленную И. И. Неплюевым в первой половине 40-х годов XVIII в. постройку Оренбургской крепости (Соловьев, кн. V, стлб. 628 и 714).

[15] Речь идет о матери Петра I, царице Наталье Кирилловне, и о стрелецких бунтах. К этой теме Ломоносов возвращался затем еще дважды: в поэме «Петр Великий» (1756—1761 гг.; стихотворение 256) и в «Описании стрелецких бунтов и правления царевны Софьи» (1757 г.; т. VI наст. изд., стр. 97—161), причем в этом «Описании» роль царицы Натальи в дни

Библиотека "Руниверс"

мятежей изображена далеко не в таком героическом свете, как в оде и поэме.

[16] Имеется в виду ранний брак племянника императрицы, великого князя Петра Федоровича, имевший задачей утвердить императорский престол за потомством Петра I.

[17] Со времени женитьбы великого князя Петра Федоровича прошло к тому времени уже семь лет, а потомства у него еще не было.

[18] Екатерина I была возведена на престол небольшой кучкой вельмож, опиравшихся на гвардейское офицерство. Но в манифесте об ее воцарении говорилось, что Петр I, короновав жену в 1724 г., назначил ее тем самым наследницей престола (Соловьев, кн. IV, стлб. 867). Эту официальную версию был вынужден принять и Ломоносов.

[19] Имеются в виду опасности, которым подвергала себя Елизавета Петровна, совершая дворцовый переворот 25 ноября 1741 г.

190

Печатается по последнему прижизненному изданию.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — Соч. 1757, стр. 183—184.

Датируется предположительно 16 декабря 1752 г. (день выезда императрицы из Петербурга).

Императрица Елизавета выехала в Москву 16 декабря 1752 г., в четвертом часу дня (СПб. Вед., 1752, № 101, стр. 804).

По свидетельству современников, в течение всей первой половины декабря 1752 г. в Петербурге стояла пасмурная погода. Временами дули довольно резкие ветры. 11—12 декабря была сильная оттепель, согнавшая почти весь снег. 16-го числа, к половине дня, т. е. ко времени выезда императрицы, ветер стал стихать; выпал снег, и санный путь восстановился (Акад. изд., т. II, стр. 28 втор. паг.).

Таким образом, обычная для Ломоносова точность не изменила ему и тут: она дает возможность убедиться, что публикуемые стихи были написаны не заранее, а в час отъезда императрицы, когда воздух действительно стал «тих» и когда в самом деле «простерся мягкий снег в спокойстве на полях».

191

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 387—398) с указанием в сносках вариантов по первому изданию.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — отдельным изданием в 1753 г.

Библиотека "Руниверс"

Датируется предположительно промежутком времени с 14 по 29 декабря 1752 г. В публикуемом «Письме» Ломоносов говорит:

За тем уже слова похвальны оставляю
И что об нем [т. е. о стекле] писал, то делом начинаю

и далее:

На время ко Стеклу весь труд свой приложу.

Из этих слов можно заключить, что «Письмо» сочинялось уже после того, как вопрос «о позволении профессору Ломоносову завесть фабрику для делания разноцветных стекол, бисеру, стеклярусу и других галантерейных вещей» был принципиально разрешен, а о таком разрешении Ломоносов узнал из сенатского указа от 14 декабря 1752 г. (ПСЗ, 10057). Репорт же Ломоносова в Академическую канцелярию, при котором он представил текст «Письма» для его напечатания, датирован 29 того же декабря (ААН, ф. 3, оп. 1, № 172, л. 254).

Получение новых сортов «крашеных» и бесцветных стекол было, как известно, одной из основных тем научной и научно-технической деятельности Ломоносова. Экспериментами в этой области он занялся с первых же дней существования созданной его стараниями Химической лаборатории (т. IX наст. изд., документы 20 и 23; т. II наст. изд., стр. 371—438) и, как сам сообщал, «сделал больше четырех тысяч опытов, коих не токмо рецепты сочинял, но и материалы своими руками по большой части развешивал и в печь ставил, несмотря на бывшую тогда жестокую ножную болезнь» (т. X наст. изд., документ 518). Вопрос о промышленном производстве изделий из цветного стекла был поднят Ломоносовым еще в 1751 г. (т. IX наст. изд., документ 45), осенью же следующего, 1752 г. им было подано официальное представление о дозволении открыть для этого фабрику (там же, документ 47). 14 декабря 1752 г. Сенат, как указано выше, удовлетворил это представление, но пожаловать Ломоносову нужные для открытия фабрики деревни могла только императрица, а она 16 того же декабря уехала на долгое время в Москву (СПб. Вед., 1752, № 101, стр. 804; Камер-фурьерские журналы за 1752 г., стр. 97). В Москве ходатаем за Ломоносова должен был выступить И. И. Шувалов. Для подкрепления этого его ходатайства и было сочинено, вероятно, публикуемое «Письмо».

Существовало предание, будто Ломоносов явился однажды на обед к Шувалову в кафтане со стеклянными пуговицами, а когда кто-то из гостей сказал, что такие пуговицы вышли из моды, Ломоносов ответил на это целой речью о достоинствах и пользе стекла и так увлек этой речью Шувалова, что тот попросил Ломоносова написать на эту тему стихи («Москвитянин», 1845, № 1, стр. 17—18). Это предание не поддается проверке, но если даже оно и соответствует действительности, то следует все же считать, что истин-

Библиотека "Руниверс"

ным поводом к сочинению «Письма о пользе стекла» были предстоявшие в Москве деловые хлопоты, а не застольный разговор о пуговицах.

По вышеупомянутому репорту Ломоносова Академическая канцелярия в лице И.-Д. Шумахера вынесла 30 декабря 1752 г. резолюцию: напечатать «Письмо» «немедленно» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 521, л. 467), однако исполнение этой резолюции было (очевидно, тем же Шумахером) задержано на целых два месяца: только 27 февраля 1753 г., когда Ломоносов уехал в Москву хлопотать о пожаловании деревень, было отдано распоряжение о выдаче бумаги для печатания «Письма» (там же, оп. 4, № 137, л. 52 об.) и лишь к половине марта оно было отпечатано (там же, л. 116 об.). Таким образом, Ломоносов оказался вынужден передать его Шувалову в рукописном виде, и в таком же виде оно было подано, очевидно, и императрице. Это был один из тех чрезвычайно типичных для Шумахера мелких подвохов, которыми он не переставал досаждать Ломоносову.

«Письмо о пользе стекла» является, по общему признанию, из ряда вон выходящим произведением поэтического искусства.

Выдающиеся успехи экспериментальной науки, достигнутые в XVII в., и вызванные ими сдвиги философской мысли получили яркое отражение в западноевропейской художественной литературе как этого, так и следующего столетия и дали новое содержание дидактической, или — как стали называть ее позже — научной поэзии. Р.-Б. Крам весьма обстоятельно освещает это явление в своем обзоре английской и французской поэзии XVII—XVIII вв. (Ralph B. Crum. Scientific Thought in Poetry. New-York [Ральф Б. Крам. Научная мысль в поэзии. Нью-Йорк], 1931, стр. 40—109). То же самое явление наблюдаем мы и в латинской поэзии этого времени. Она еще мало изучена, и названный американский исследователь не уделил ей внимания. А между тем дидактические поэмы преимущественно французских, реже итальянских и еще реже английских авторов, писавших по-латыни и — в некоторых случаях — только по-латыни, занимали довольно большое место в тогдашней литературе. Основоположником или — как его величали — «князем» этой новолатинской поэзии («le prince des poètes latins modernes») признавался умерший во второй половине XVI в. итальянский стихотворец М.-И. Вида, автор трактата о поэтическом искусстве и популярных в свое время поэм о шахматах и о шелковичных червях. У него было немало последователей в Италии и во Франции. Из их избранных произведений, печатавшихся в Париже, Риме, Венеции и Лейдене в последней четверти XVII в. и в первой половине XVIII в., составилось целых три тома, которые собрал, снабдил своими примечаниями и издал в 1749 г. в Париже дижонский ученый литератор Ф. Уден (Poëmata didascalica, nunc vel edita, vel collecta, tt. I—III [Поучительные поэмы, ныне впервые либо изданные, либо собранные, тт. I—III]). Тематика этих дидактических поэм до крайности пестра. Наряду с торжественными стихотворными трактатами на такие ши-

Библиотека "Руниверс"

рокие, но мало связанные с тогдашней современностью сюжеты, как музыка, живопись, ораторское искусство, мы встречаем пространные рассуждения о том, как писать письма, как вести разговор в светском обществе и даже как шутить. Тут же весьма изящные поэмы о таких сравнительно недавно утвердившихся в быту предметах, как чай, кофе, арабские бобы и дегтярная вода, которой пользовались медики для лечения воспалительных процессов. Есть поэма и о канарейках. Но такова только половина собранных Уденом произведений. Другая половина несравненно значительнее: она посвящена чрезвычайно актуальным в условиях той эпохи техническим, естествоведческим и философским проблемам. Это поэмы о барометре, о часовом механизме, о порохе, об огне, о золоте, о магните, о кометах, о землетрясениях, о радуге, о северных сияниях и т. п. и, наконец, обширная поэма под заглавием «Вселенная Декарта». Полезно отметить, что некоторые из этих поэм написаны, как и «Письмо о пользе стекла», в форме дружеских посланий, адресатами которых были в большинстве случаев видные ученые той поры.

Ломоносову был бесспорно известен сборник Удена: он собственной рукой и притом дважды внес его заглавие в составленные им списки книг (ААН, ф. 20, оп. 1, № 3, лл. 279 и 300 об.). В одном случае это заглавие помечено условным значком, который позволяет думать, что данное издание обратило на себя особое внимание Ломоносова.

Если «Письмо о пользе стекла», сочиненное приблизительно через три года после выхода в свет рассмотренного нами латинского сборчика, оказалось написано в форме стихотворного послания, то тут сыграло, может быть, некоторую роль знакомство Ломоносова с опубликованными Уденом поэмами. Можно констатировать, что Ломоносов шел и в этом случае в ногу с самыми передовыми литературными деятелями Западной Европы: наполняя поэзию научным содержанием, он, как и они, обращал стихи в могучее орудие популяризации новых и притом наиболее прогрессивных технических, естественно-научных и философских идей и представлений. Владевший его западными собратьями по перу пафос нового и их преклонение перед силой познающего и покоряющего природу человеческого ума присущи не в меньшей, а в еще большей степени и Ломоносову. Но при всем том, глубоко прав М. П. Алексеев, когда расценивает «Письмо о пользе стекла» как «подлинный образец своеобразной, полной национальной окраски русской научной поэзии» (М. П. Алексеев. Пушкин и наука его времени. «Пушкин. Исследования и материалы», т. I, М.—Л., 1956, стр. 27). Автор «Письма о пользе стекла» отличается от западноевропейских латинских поэтов прежде всего тем, что они, будучи в науке только дилетантами, ограничиваются изложением чужих сведений и идей, тогда как Ломоносов, профессиональный ученый, делится плодами своего собственного лабораторного опыта и своими собственными идеями. Другое, еще более существенное отличие заключается в том, что хвала величию научной мысли носит в западной поэзии несколько

Библиотека "Руниверс"

отвлеченный характер, в то время как в «Письме о пользе стекла» мы явственно слышим голос ученого, который, по словам академика В. И. Вернадского, «все время стоял за приложение науки к жизни». Он «искал в науке сил для улучшения положения человечества», — говорит В. И. Вернадский и добавляет: «Для Ломоносова это стремление принимало форму этических требований» («Запросы жизни», 1911, № 5, стр. 257). Вот почему поэма, посвященная одной из главных тем научного творчества Ломоносова, явилась не только самым своеобразным, поистине неподражаемым, но и едва ли не самым вдохновенным или, как оценивают его некоторые исследователи (Берков, стр. 202), «задушевным» поэтическим произведением Ломоносова: поэма вылилась в форму похвальной оды стеклу и той неисчислимой пользе, какую оно благодаря усилиям науки приносит человечеству.

[1] Тое — то.

[2] Намек на древнегреческий миф, согласно которому Зевес, желая продлить свое любовное свидание с матерью Геркулеса Алкменой, слил две ночи в одну.

[3] Под «матерью» разумеется «натура», т. е. природа, а под «отцом» — огонь. Извержениям вулканов и землетрясениям Ломоносов уделял, как известно, большое внимание (ср. т. V наст. изд., стр. 295—347, 568—589, 673—685, 707—710).

[4] Хины — китайцы.

[5] Речь идет о глазировании фарфора стекловидным составом.

[6] К тому дому, где жил Ломоносов в период сочинения «Письма», примыкал Ботанический сад Академии наук с большими оранжереями.

[7] В устах выходца из крестьянской среды это совершенно необычное для тогдашней литературы обращение к крестьянкам приобретает особенную значительность.

[8] Обличение западноевропейских завоевателей Америки, проявлявших бесчеловечное отношение к коренному населению этого материка и варварски истреблявших памятники его древней культуры (стихи 145—178), является экскурсом, не имеющим отношения к теме «Письма». Нет сомнения, что он был внесен в поэму под впечатлением каких-то фактов тогдашней действительности. Ср. сходное с ломоносовским выступление против колониальных бесчинств у А. Н. Радищева (Радищев, Полное собрание сочинений, т. I, М.—Л., 1938, стр. 313—317).

[9] Еще в 1741 г. Ломоносов строил «катоптрико-диоптрический зажигательный инструмент» (т. I наст. изд., стр. 85—101, 546—549); к проблеме использования солнечной энергии он возвращался не раз и впоследствии (см., например, т. IV наст. изд., стр. 445, 455 и 457).

[10] Ломоносов полагал, что миф о Прометее «мог отразить какие-то реальные трагические события в истории древнегреческой культуры, — может

Библиотека "Руниверс"

быть, гибель какого-то ученого, осужденного жрецами» (Г. И. Бомштейн. Роль Ломоносова в истории русской этнографии и фольклористики. Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. I, М., 1956, стр. 91). — Последующий отрывок, посвященный вопросу о борьбе представителей церкви с наукой, не имеет прямой связи с темой «Письма» и вызван участившимися с конца 40-х годов XVIII в. выпадами церковной цензуры против науки (подробнее см. в примечаниях к стихотворению 227).

[11] О греческом астрономе III в. до н. э. Аристархе Самосском, считавшем, что солнце является центром вселенной и что земля вращается как вокруг собственной оси, так и вокруг солнца, и об его антагонисте Клеанте Ломоносов говорит подробнее в своей работе «Явление Венеры на Солнце» (т. IV наст. изд., стр. 371).

[12] Здесь, как и во многих других случаях, Ломоносов заменяет союзом «как» союз «чем».

[13] Блаженный Августин признавался основоположником западноевропейской католической догматики, отчего Ломоносов и называет его «Вечерним», т. е. западным. В своем сочинении «De civitate Dei» («О граде божием») Августин отрицал возможность существования антиподов (кн. XVI, гл. IX).

[14] Имеется в виду духовенство, перенесшее католический культ в Америку.

[15] «Власно» — точь-в-точь, точно так же.

[16] Понт — море.

[17] Речь идет о снабженной стеклянным шаром электростатической машине, вызываемые которой электростатические разряды подобны таким же разрядам естественного электричества, происходящим между облаком и землей, либо между двумя разноименно заряженными грозовыми облаками.

[18] Под «летом прошлым» разумеется, может быть, 1751 год, когда в Лондоне были опубликованы «Опыты и наблюдения над электричеством» Франклина, где впервые была высказана мысль о тождестве атмосферного электричества, возбуждаемого искусственным путем. Вернее, однако, что Ломоносов говорит в данном случае об опытах, произведенных летом 1752 г. им и Г.-В. Рихманом (ср. т. III наст. изд., стр. 103).

[19] Речь идет о громоотводах.

[20] В 1753 г. Ломоносов и Рихман уделяли, как известно, особенно много внимания экспериментальной работе в области изучения атмосферного электричества (т. III наст. изд., стр. 514).

[21] 15 декабря 1752 г. был издан манифест о сложении недоимок подушного сбора, накопившихся за время с 1724 по 1747 г. (ПСЗ, 10061).

[22] Имеется в виду, вероятно, увеличение денежных ассигнований на Академию наук, последовавшее в 1747 г. при издании ее нового Регламента.

[23] Обращение к Шувалову.

Библиотека "Руниверс"

1753

192

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой с собственноручными поправками и подписью Ломоносова (ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, л. 541), с указанием в сносках вариантов по Соч. 1757.

Впервые напечатано: стихотворная надпись — Соч. 1757, стр. 170, проект иллюминации — Билярский, стр. 192—193.

Датируется предположительно промежутком времени с 29 января 1753 г. (когда Академическая канцелярия поручила Ломоносову составить проект иллюминации) по 8 февраля того же года (когда Ломоносов подал проект в Академическую канцелярию).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации к годовщине коронования императрицы Елизаветы, 25 апреля 1753 г., поступила в Академическую канцелярию 28 января того же года и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено как Ломоносову, так и Я. Я. Штелину, которых известили об этом 29 того же января (ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, лл. 537—539). 8 февраля того же года Ломоносов представил свой проект в Академическую канцелярию (там же, л. 540). Проекты Ломоносова и Штелина Академическая канцелярия препроводила 11 того же февраля в Канцелярию главной артиллерии и фортификации (там же, л. 547). Иллюминация 25 апреля 1753 г. должна была состояться в Москве, где в то время находилась императрица Елизавета. Судя по заглавию, под которым публикуемая надпись была напечатана в Соч. 1757 (см. стр. 523 наст. тома, сноска *а*), предложенный Ломоносовым проект иллюминации был, по-видимому, одобрен и осуществлен.

193

Печатается по собственноручному, подписанному Ломоносовым подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 178, л. 50).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 540.

Датируется предположительно 22—23 февраля 1753 г. на основании протокола Академического собрания от 5 марта того же года, где сказано, что Ломоносов представил публикуемый проект надписи на плане Петербурга перед своим отъездом в Москву (Протоколы Конференции, т. II, стр. 281); день отъезда Ломоносова в Москву определился 22 февраля 1753 г. (т. IX наст. изд., документ 53), а 23 того же февраля он подал в Академическую канцелярию репорт о своем отъезде (там же, документ 54).

20 января 1753 г. Академическая канцелярия послала Академическому собранию указ об изготовлении членами этого собрания проектов надписи

Библиотека "Руниверс"

к изображению императрицы Елизаветы на издававшемся Академией наук плане Петербурга (ААН, ф. 3, оп. 1, № 178, л. 90). 22 января того же года этот указ был рассмотрен Академическим собранием (Протоколы Конференции, т. II, стр. 279). Из всех членов последнего проекты подали только трое: Ломоносов и профессоры Н. И. Попов и Я. Я. Штелин (ААН, ф. 3, оп. 1, № 178, л. 91). Все три проекта, в том числе и ломоносовский, были отвергнуты президентом Академии (там же, л. 120).

194

Печатается по единственному прижизненному изданию.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — Соч. 1757, стр. 184.

Датируется предположительно промежутком времени с 15 марта 1753 г. (день подписания императрицей указа о пожаловании Ломоносову имения для устройства фабрики) по 20 того же марта (предполагаемый день выезда Ломоносова из Москвы в Петербург после подписания этого указа: в Петербург он прибыл 24 марта, а в пути пробыл, вероятно, не менее трех суток).

Об обстоятельствах, сопровождавших поездку Ломоносова в Москву, и его хлопотах о подписании вышеупомянутого указа см. т. IX наст. изд., документы 47, 48, 51—55, и т. X, документ 470, § 28 и примечания к ним.

195

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой с собственноручными поправками и подписью Ломоносова (ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, лл. 554—555 об.).

Впервые напечатано: стихотворная надпись — Соч. 1757, стр. 171—172, проект иллюминации — Билярский, стр. 201—202.

Датируется предположительно промежутком времени с 22 марта 1753 г. (когда Академическая канцелярия поручила Ломоносову составить проект иллюминации) по 17 апреля того же года (когда Ломоносов подал проект в Академическую канцелярию).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации ко дню именин императрицы Елизаветы, 5 сентября 1753 г., поступила в Академическую канцелярию 20 марта того же года и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено как Ломоносову, так и Я. Я. Штелину, которых известили об этом 22 того же марта (ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, лл. 549—552). 17 апреля того же года Ломоносов представил своей проект в Академическую канцелярию (там же, л. 553). Проект Ломоносова и проект Штелина, по-

Библиотека "Руниверс"

данный в Академическую канцелярию 19 апреля того же года, были 22 того же апреля препровождены в Канцелярию главной артиллерии и фортификации.

Ввиду того что отчета о состоявшейся в Москве 5 сентября 1753 г. иллюминации не отыскано, остается неизвестным, какой из двух проектов был принят.

Публикуемый проект был написан Ломоносовым непосредственно после возвращения из Москвы, где ему удалось благополучно завершить хлопоты об обеспечении Усть-Рудицкой фабрики землей, лесом и рабочей силой (т. IX наст. изд., документы 51—56). Этим объяснялась, вероятно, пышность стихотворной надписи, которая должна была послужить как бы благодарственным посланием императрице. В иллюминационной практике того времени это был первый случай, когда надпись (обычно 4—14 стихов) разрослась до таких крупных размеров. В дальнейшем сочинение таких пространных надписей вошло в обычай, которому стал следовать и Штелин.

[1] Т. е. ильмов, одной из характерных особенностей которых является, как и отмечено Ломоносовым, расширяющаяся кверху крона.

[2] Об этих «витых ракетах» Ломоносов упоминает и в проекте фейерверка на 25 апреля 1754 г. (надпись 210), причем называет их там «на пробе показанными», т. е. проверенными на опыте при свидетелях. Других сведений об этом изобретении Ломоносова не отыскано.

196

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, л. 572—572 об.) с указанием в сносках вариантов по Соч. 1757.

Впервые напечатано: стихотворная надпись — Соч. 1757, стр. 172—173, проект иллюминации — Билярский, стр. 208—209.

Датируется предположительно промежутком времени с 13 мая 1753 г. (когда Академическая канцелярия поручила Ломоносову составить проект иллюминации) по 26 мая того же года (когда Ломоносов подал проект в Академическую канцелярию).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации к годовщине восшествия на престол императрицы Елизаветы, 25 ноября 1753 г., поступила в Академическую канцелярию 10 мая того же года и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено как Ломоносову, так и Я. Я. Штелину, которых известили об этом 13 того же мая (ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, лл. 566—569). 26 мая того же года Ломоносов представил свой проект в Академическую канцелярию (там же, лл. 571—573). Оба про-

Библиотека "Руниверс"

екта — Ломоносова и Штелина — были отосланы в Канцелярию главной артиллерии и фортификации 28 мая того же года (там же, л. 580).

22 июля 1753 г. из Канцелярии главной артиллерии и фортификации поступила еще одна промемория, где сообщалось, что для иллюминации на 25 ноября больше подходит проект Ломоносова, но что в него следует внести некоторые изменения (там же, лл. 584—585), о чем Ломоносова известили на следующий день, т. е. 23 июля того же года (там же, лл. 588—589). В репорте от 16 сентября 1753 г. Ломоносов указал, как следует изменить проект иллюминации: «Амфитеатр изобразить с прочим на щите фитилном, а на иллуминационном театре представить дерева и цвета четырех частей света» (там же, л. 594).

[1] Швермеры — небольшие ракеты без хвоста, которые при полете описывают зигзаги и не поднимаются высоко.

[2] Т. е. древнего Рима.

[3] Т. е. превзошла.

[4] Под драконом Ломоносов, вероятно, разумел Бирона, Остермана и их приспешников.

197

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, лл. 595—596).

Впервые напечатано: стихотворная надпись — Соч. 1757, стр. 174; проект иллюминации — Билярский, стр. 217—218.

Датируется предположительно промежутком времени с 22 июля 1753 г. (когда Академическая канцелярия послала Ломоносову ордер о составлении проекта иллюминации) по 16 сентября того же года (когда Ломоносов представил в Академическую канцелярию свой проект).

В истории прохождения публикуемого проекта, несмотря на обилие хорошо сохранившихся документов, есть некоторые неясности. Они заслуживают внимания.

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации ко дню рождения императрицы, 18 декабря 1753 г., была получена Академической канцелярией 21 июня этого года (ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, л. 581) и рассмотрена последней на следующий день — 22 июня (там же, № 522, л. 266), причем сочинение проекта было поручено одному Ломоносову (там же, № 173, л. 583). Академическая канцелярия предлагала ему сделать это в «немедленном времени», но Ломоносов был поглощен в эту пору заботами об устройстве Усть-Рудицкой фабрики, подготовкой речи об электричестве и опытами по изучению молнии; ордер о составлении проекта иллюминации был получен Ломоносовым за месяц с небольшим до трагической гибели его друга, профессора Г.-В. Рих-

Библиотека "Руниверс"

мана (ср. т. III наст. изд., стр. 514; т. IX наст. изд., документ 58). Завязавшаяся затем борьба с Шумахером из-за подготовленной Ломоносовым речи об электричестве (т. III наст. изд., стр. 515—516; т. X наст. изд., письма 31, 32 и 34 и примечания к ним) была в самом разгаре, когда 13 сентября 1753 г. из Канцелярии главной артиллерии пришло требование о скорейшем представлении проекта иллюминации (ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, л. 590). Ломоносова сразу же известили об этом указом, а через три дня, 16 сентября, он подал в Академическую канцелярию публикуемый проект (там же, лл. 592 и 594), который, надо полагать, в эти именно три дня и был сочинен. С этого момента ход дела теряет ясность. Академическая канцелярия, не взирая на спешность дела, задерживает почему-то отсылку ломоносовского проекта в артиллерийское ведомство на целую неделю (там же, № 601, лл. 132 об., 599), что заставляет Канцелярию главной артиллерии послать в Академию еще одно напоминание в виде копии («дупликата») своего последнего требования (там же, лл. 600—601). Шумахер, промешкав еще два дня, отвечает 27 сентября, что проект уже послан (там же, л. 603; № 522, л. 385; № 601, л. 134). Хоть это его сообщение, если верить документам, и соответствовало действительности, однако артиллерийское ведомство продолжает отчего-то выражать нетерпение, и 29 сентября в Академию поступает еще одна копия («трибликат») все того же требования Канцелярии главной артиллерии (там же, № 173, л. 604). Шумахер решает ничего не отвечать на «трибликат» (там же, № 522, л. 393 об.), а через двое суток получает из этой Канцелярии новую промеморию, которая вызывает наше недоумение, во-первых, тем, что шла по городу шесть дней (подписана 30 сентября, поступила в Академию 6 октября), а во-вторых, тем, что авторы ее явно уклонились от истины: Канцелярия главной артиллерии заявляла, будто в своих промеморіях она требовала, чтобы проект иллюминации составил, кроме Ломоносова, и Я. Я. Штелин (там же, № 178, л. 607). На самом деле ни в одной из предшествовавших промеморий ничего подобного не говорилось, да и вообще артиллерийское ведомство никогда еще до тех пор не вмешивалось в выбор авторов иллюминаций, предоставляя это усмотрению Академической канцелярии. Как только в Академии был получен этот документ, ход дела резко изменился: Шумахер больше не медлит, а наоборот — торопится; не отстает от него и Штелин. В этот же день выносится соответствующее определение Академической канцелярии (там же, № 464, л. 573), и посылается ордер Штелину (там же, № 173, л. 608; № 601, л. 138), который через пять дней представляет пространный проект со стишками своего сочинения, переведенными на русский язык учеником Ломоносова, Н. Н. Поповским (там же, лл. 609—615). На следующий день, 12 октября 1753 г., проект Штелина был отправлен в артиллерийское ведомство (там же, л. 617; № 601, л. 140 об.).

Библиотека "Руниверс"

Подробных отчетов об иллюминации, состоявшейся в Москве 18 декабря 1753 г., не отыскано. Можно, однако, утверждать с полной уверенностью, что публикуемый проект Ломоносова осуществлен не был. Это доказывается тем, что свои стихи, включенные в этот проект, Ломоносов попытался использовать год спустя, сочиняя другой проект иллюминации (см. надпись 220 и примечания к ней).

Отмеченные выше странности трудно объяснить простой случайностью или неисправностью канцелярского аппарата: когда дело шло о придворных торжествах, этот аппарат работал достаточно четко. И Шумахером, относившимся к Ломоносову особенно неприязненно именно в эти месяцы, и Штелином, очень ревниво оберегавшим свою монополию на сочинение иллюминаций, были предприняты, вероятно, по этому делу какие-то тайные шаги, не получившие прямого отражения в сохранившихся документах. И тот, и другой располагали настолько обширными связями в бюрократических кругах, что могли оказать воздействие и на чиновников артиллерийского ведомства, не говоря уж об академических канцеляристах и рассыльных.

[1] В декабре 1709 г. при торжественном въезде в Москву после Полтавской победы Петр I, предшествуемый пленными шведами, проехал под семью специально сооруженными по этому случаю триумфальными воротами, которые были украшены картинами и взятыми в боях шведскими знаменами. Изображение этих ворот см. на гравюре А. Зубова 1711 г. (История Москвы, т. I, М., 1953, стр. 102; там же, между стр. 100 и 101 репродукция гравюры Зубова).

[2] В стихах, посвящавшихся дню рождения императрицы Елизаветы, Ломоносов неизменно вспоминал, что она родилась в год Полтавской победы, накануне торжественного въезда Петра I в Москву.

198

Печатается по тексту первой публикации (БАН, конволют $\frac{\text{АкР}}{2756(9)}$).

Местонахождение рукописи неизвестно: в делах Академической канцелярии помечено, что 23 декабря 1753 г. Ломоносов «взял» свой проект по распоряжению И.-Д. Шумахера (ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, л. 598).

Впервые напечатано отдельным изданием в декабре 1753 г.

Датируется предположительно промежутком времени с 22 июля 1753 г. (когда Академическая канцелярия послала Ломоносову ордер о составлении проекта иллюминации) по 16 сентября того же года (когда Ломоносов представил в Академическую канцелярию свой проект).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации к новому 1754 г. была получена Академической канцелярией 21 июня 1753 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, л. 581) и рас-

Библиотека "Руниверс"

смотрена последней на следующий день — 22 июня (там же, № 522, л. 266), причем составление проекта было поручено Ломоносову, о чем его известили в тот же день (там же, № 173, лл. 582—583). 13 сентября 1753 г. Академическая канцелярия получила вторичную промеморию из Канцелярии главной артиллерии и фортификации о скорейшем составлении проекта иллюминации, вследствие чего Ломоносову был послан указ, чтобы он «без замедления» подал проект (там же, лл. 590—593), что он и выполнил 16 сентября (там же, л. 594). 23 того же сентября проект был препровожден в Канцелярию главной артиллерии и фортификации (там же, л. 599).

Проект Ломоносова был не только принят к исполнению, но, по предложению артиллерийского ведомства, еще, кроме того, и напечатан отдельной брошюрой вместе с немецким его переводом, который был выполнен адъюнктом К.-Ф. Модерахом. За четыре дня до иллюминации, 27 декабря 1753 г., весь тираж этой брошюры был отослан в Канцелярию главной артиллерии и фортификации (там же, № 184, лл. 194—195, 210).

[1] Имеется в виду, очевидно, так называемый Головинский дворец в Лефортове, отстроенный и отделанный заново в течение одного месяца после пожара, который 1 ноября 1753 г. истребил его дотла (Соловьев, кн. V, стлб. 755; История Москвы, т. II, М., 1953, стр. 458).

199—202

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 56, л. 2).

Впервые напечатано — Соч. 1784, ч. I, стр. 343—345.

Датируется предположительно 16 октября 1753 г. по помеченному этим числом письму Ломоносова на имя И. И. Шувалова (т. X наст. изд., письмо 35), куда были введены публикуемые фрагменты.

В упомянутом письме Ломоносов полемизирует со своими литературными «ненавистниками», которые осуждали его стихи за «надутые изображения», т. е. за риторическую приподнятость тона и за гиперболичность образов. Ломоносов заявлял в ответ, что он следует в этом случае примеру «самых великих древних и новых стихотворцев», в доказательство чего представил отрывки из произведений этих авторов в своем стихотворном переводе. Таково происхождение и назначение публикуемых стихов.

199

[1] Гомер. Илиада, XIII, 17—21.

200

[1] Виргилий. Энеида, III, 655—659, 664—665. Другой, более ранний вариант перевода данного отрывка см. стихотворение 97.

Библиотека "Руниверс"

201

[1] Овидий. Превращения, I, 179—180.

202

[1] Овидий. Превращения, XV, 143—149. Другой, более ранний вариант перевода данного отрывка см. стихотворение 125.

203

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 55, л. 28).

Впервые напечатано — «Московский телеграф», 1827, ч. XVII, № 20, стр. 169.

Датируется предположительно промежутком времени с 4 по 11 ноября 1753 г. по следующей, адресованной И. И. Шувалову приписке Ломоносова: «Прошу извинить, что для краткости времени набело переписать не успел. Корректура рус[с]кой и латинской речи и грыдоровальных досок не позволяют». Под «речью» Ломоносов разумеет свое «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (т. III наст. изд., стр. 15—99; ср. Акад. изд., т. VIII, стр. 91 втор. паг.), а под «грыдоровальными досками» — гравюры, которыми были проиллюстрированы «Изъяснения, надлежащие к Слову о электрических воздушных явлениях» (т. III наст. изд., стр. 118—119, 128—129), опубликованные одновременно со «Словом» в одной с ним брошюре. Довольно запутанная переписка о печатании этой брошюры отыскана не в полном ее составе, и сведения о недостающих документах приходится почерпать из не всегда вразумительных, а иногда и не вполне надежных записей журнала исходящих бумаг. Судя по одной из таких записей, датированной 11 ноября 1753 г. (ордер Академической канцелярии переплетному мастеру Ф. Розенбергу), брошюра к этому времени была уже отпечатана (ААН, ф. 3, оп. 1, № 601, л. 153 об., исх. № 1989). То же подтверждает и сам Розенберг в своем репорте от того же числа (там же, № 177, л. 163). Определение Академической канцелярии о печатании речи состоялось 19 октября 1753 г. (там же, № 454, л. 607), и в тот же день в Типографию был послан Канцелярией соответствующий ордер (там же, № 601, л. 146, исх. № 1901). Таким образом, корректуру речи Ломоносов мог править в промежуток времени с 19 октября по 11 ноября 1753 г. Иначе обстоит дело с правкой «грыдоровальных досок»: они, как уже сказано, относились не к самой речи, а к тем «Изъяснениям», которые дополняли ее. Решение о необходимости опубликовать «Изъяснения» было принято Академическим собранием 3 ноября 1753 г. (Протоколы Конференции, т. II, стр. 290), и на следующий день, 4 ноября,

Библиотека "Руниверс"

Ломоносов просил Собрание оформить надлежащим образом это решение (т. III наст. изд., стр. 176—179; ср. там же, стр. 105). Итак, к правке гравюр Ломоносов мог приступить никак не ранее 4 ноября, 10 ноября был еще занят корректурой (Акад. изд., т. VIII, стр. 148—149 перв. паг.), а к 11 ноября уже несомненно покончил с ней. В один из этих ноябрьских дней и было написано публикуемое стихотворение.

1753 год был полон важных для Ломоносова событий и в жизни его явился до известной степени переломным. В середине марта был окончательно решен в положительном смысле вопрос о предоставлении Ломоносову земли для устройства мозаичной и бисерной фабрики, где Ломоносов надеялся завершить с честью свои «великие химические труды». Это дало повод И. И. Шувалову очень решительно поставить перед Ломоносовым вопрос о скорейшем окончании «Древней российской истории». В связи с этим Ломоносову, увлеченному физико-химическими и грамматическими исследованиями, предстояло под нажимом Шувалова перестраивать всю программу своей ученой деятельности и выговаривать себе в день хоть «несколько часов времени, чтобы их вместо бильяру употребить на физические и химические опыты» (т. X наст. изд., письмо 24). Середину года, помимо хлопот по устройству фабрики, заняла у Ломоносова напряженная экспериментальная работа по изучению атмосферного электричества. 26 июля 1753 г. в процессе этой работы погиб друг и ученый соратник Ломоносова Г.-В. Рихман. Осенью у Ломоносова произошло острое столкновение с И.-Д. Шумахером, который пытался задержать обнародование итогов электрических экспериментов Ломоносова и Рихмана. Этот конфликт разрешился только в конце года, когда Ломоносову удалось нанести Шумахеру удар, поколебавший положение последнего и несколько изменивший тем самым обстановку академической жизни (ср. т. X наст. изд., примечания к письму 37 и к документу 470, § 34).

Наряду с этими крупными событиями происходили в некоторой с ними связи и другие, которые немало досаждали Ломоносову, отвлекая от серьезных дел, а иногда и мешая в какой-то степени их выполнению. Таковы, например, были действия тех, в ком пожалование Ломоносову населенного имения и разрешение открыть там «привилегированную» фабрику вызвало «недоброхотную зависть». О существе этих действий мы знаем очень мало — отчасти по тому не первичному, а поэтому и далеко не ясному отражению, какое они получили в письмах Ломоносова к Шувалову, отчасти же по дошедшим до нас рукописным сатирическим стишкам, имевшим в ту пору довольно широкое, по-видимому, хождение. Насколько можно понять, кто-то настойчиво внушал Шувалову, что Ломоносову не пристало богатеть, так как «ученый человек должен быть беден», и что «высочайшая щедрота несравненныя монархини нашея» отведет Ломоносова «от любления и от усердия к наукам». Так говорили, можно думать, не одни только мелкие завистники,

Библиотека "Руниверс"

но и люди влиятельные: недаром же Шувалов посвятил этой теме целых два (к сожалению, не найденных) письма на имя Ломоносова (т. X наст. изд., письма 28 и 29 и примечания к ним). Что же касается противников литературных, то ими руководила не одна только зависть, которая, однако, бесспорно говорила весьма громко и в них: П. Н. Берков проследил с большой обстоятельностью, как в тесном еще тогда кругу лиц, причастных к поэзии, зарождалось и к началу 50-х годов вполне уже определилось новое течение: оно тяготело к песенному и элегическому жанрам, требовало от стихов ясности, простоты и естественности и отвергало торжественное «витийство» и «парение», свойственные одам Ломоносова (Берков, стр. 103—113). По свидетельству А. Т. Болотова, любовная песенная лирика в 1752 г. «получала первое только над молодыми людьми свое господствие» (Болотов, стлб. 179), а в следующем 1753 г. представители новой поэтической школы повели уже открытую литературную кампанию против ломоносовской поэзии. Суть дела заключалась, разумеется, не столько в борьбе двух поэтических жанров, сколько в стремлении переключить поэтическое искусство с больших тем на малые и отвести его от того громогласного вмешательства в политическую и общественную жизнь, которое было так характерно для боевой музы Ломоносова. Вождем враждебной ему школы был А. П. Сумароков, но в первой половине 50-х годов он еще не выступал открыто против недавнего своего соратника, а действовал через посредство группировавшихся вокруг него мелких литераторов, выходцев из дворянского круга. Начало кампании было положено, насколько мы знаем, И. П. Елагиным, сочинившим афишу-пародию, где осмеивались драматургия Ломоносова и гиперболичность его поэтических образов (т. X наст. изд., письмо 35 и примечания к нему; ср. также примечание 8 к стихотворению 21 в наст. томе). В пародии говорилось, между прочим, что «чрез химию превращены Пиндаровы лирические стихи собственными руками сего великого стихотворца», т. е. Ломоносова, в бисер и мусию. Упоминание о бисере и мусии заставляет думать, что пародия была сочинена в ту пору, когда злободневной темой столичных разговоров стало предстоявшее открытие Ломоносовым мозаичной и бисерной фабрики, т. е. не ранее марта 1753 г. В письме к Шувалову от 16 октября того же года Ломоносов говорит о появлении этой пародии, как об эпизоде, уже отошедшем в прошлое: написана она, стало быть, скорее в первой половине года, чем во второй. Следующим, по-видимому, выпадом против Ломоносова было не поддающееся точной датировке стихотворное послание того же Елагина к Сумарокову, начинавшееся так:

Ты, которого природа
К просвещению народа
Для стихов произвела,
И в прекрасные чертоги,

Библиотека "Руниверс"

Где живут парнасски боги,
Мельпомена привела!
(Каз., стр. 133).

Превознося таким образом Сумарокова как поэта и как драматурга, Елагин ставит ему дружески в упрек те похвалы, какими Сумароков осыпал некогда Ломоносова, сравнив его с Пиндаром и Малербом (ср. т. IX наст. изд., стр. 938—939):

Где Мальгерб, тобой почтенный,
Где сей Пиндар несравненный,
Что в эпистолах мы чтем?

Опровергая эти похвалы, Елагин заявлял, что не видит в произведениях Ломоносова ни «прекрасного стиха», ни «вольного склада», ни ясности, ни «красы». Послание вошло в некоторые рукописные сборники XVIII в. и ходило, следовательно, по рукам. Однако Ломоносов, бесспорно его читавший, не отозвался на него, насколько известно, никак. За первыми двумя последовало в том же 1753 г. и третье сатирическое выступление Елагина, которое Ломоносова коснулось только вскользь (высмеивалась его неудачная рифма Россия — Индия), но зато чувствительно, как видно, задело за живое Шувалова. Это была пущенная, как и послание, по рукам длинная (в 150 стихов) «Сатира на петиметра и кокеток» (Каз., стр. 19—24, где автором сатиры назван Елагин). В ней изображен в карикатурном виде пустой великосветский юнец,

Который не обык и грамоток [т. е. писем] писать,
А только новые уборы вымышляет,
Немый и глупый полк кокеток лишь прельщает.

«Кокетки»,

Французским языком издетска заразясь,

кричат петиметру:

Как ангел, ты хорош
И на прекрасного М..... похож!

Есть основание думать, что упоминание о «прекрасном М.....» Шувалов мог принять на свой счет. Он был известен и франкофильскими убеждениями, и щегольством на парижский лад (Берков, стр. 118). Вполне естественно поэтому, что новая сатира Елагина возбудила в Шувалове желание ответить на нее тем же оружием, т. е. тоже сатирой, а исполнителем этого намерения должен был явиться, по мысли Шувалова, Ломоносов. Что именно писал по этому поводу Шувалов (находившийся в то время в Москве), мы не знаем, но из ответных писем Ломоносова совершенно

Библиотека "Руниверс"

ясно, что молодой вельможа усиленно уговаривал и даже приказывал поэту выступить против Елагина. Не менее ясно, что Шувалов был при этом не совсем откровенен с Ломоносовым и свою просьбу о защите прикрывал, с одной стороны, «разными рассуждениями, до словесных наук касающимися», а с другой стороны, игрой на авторском самолюбии поэта: Ломоносову предлагалось отомстить не за Шувалова, а за себя. И, наконец, столь же несомненно, что Ломоносов не хотел вступать в полемику со своими литературными врагами: у нас нет решительно никаких оснований считать неискренними его двухкратные прямые заявления по этому предмету (т. X наст. изд., письма 35 и 36). Но Шувалов упорствовал, а от его помощи зависело разрешение разгоревшегося как раз в это время конфликта Ломоносова с Шумахером (там же, письмо 37). Ломоносову пришлось пойти на уступки. На первый раз он ограничился тем, что в ответном письме от 16 октября 1753 г. постарался отразить предъявленные ему обвинения в высокопарности. Это был ответ на елагинскую афишу-пародию. В том же письме Ломоносов ответил и на послание Елагина к Сумарокову: «Я весьма не удивляюсь, что он [Елагин] в моих одах ни Пиндара, ни Малгерба не находит, для того что он их не знает и говорить с ними не умеет, не разумея ни по-гречески, ни по-французски». Не забыта была и «Сатира на петиметра и кокеток», но на нее ответил сперва не сам Ломоносов, а — вероятно, по его предложению — Н. Н. Поповский (там же, письмо 35). Перу последнего, как это установлено П. Н. Берковым (Берков, стр. 134), принадлежит пародия на эту сатиру, озаглавленная «Возражение, или Превращенный петиметр» (Каз., стр. 24—25), где в заключительных стихах ученик вступается за своего учителя, Ломоносова:

Парнасского писца, для бога, не замай:
Стократ умней тебя — его не задирай.

Шувалова все это, по-видимому, не удовлетворило, и Ломоносову пришлось, по его требованию, сочинить и отправить ему еще одно письмо. Оно было без обычного именного обращения, без подписи и являлось не столько письмом, сколько шутливой полемической статьей, предназначенной для распространения — по тогдашнему обычаю — в рукописном виде. Здесь, кроме Елагина, был в весьма тонкой и едкой сатирической форме затронут и Сумароков. Елагинская сатира на петиметра упоминалась, и вступительная ее часть, обращенная к Сумарокову, явилась даже канвой письма, но по существу этой сатиры, т. е. о петиметрах и кокетках, Ломоносов не проронил ни слова (т. X наст. изд., письмо 36). Понятно поэтому, что и это второе, чрезвычайно остроумное выступление Ломоносова опять не удовлетворило Шувалова.

Тем временем внутриакадемический конфликт продолжал обостряться. В конце октября 1753 г. Ломоносов послал президенту Академии наук решительное письмо, где требовал «сделать конец двадцатилетнему бедному

Библиотека "Руниверс"

Академии состоянию и избавить от приближающегося конечного разорения»; это письмо не отыскано; об его существовании известно из письма Ломоносова к Шувалову от 1 ноября 1753 г. (там же, письмо 37). Через несколько дней, 1 ноября 1753 г., он отправил пространное письмо по тому же вопросу и Шувалову, прося поддержать его ходатайство (там же, письмо 37). Последующие академические события позволяют думать, что Шувалов исполнил эту просьбу (там же, примечания к документу 470, § 34). Но он не забывал, видимо, об уязвившей его елагинской сатире на петиметра и, по всей вероятности, еще раз напомнил о ней Ломоносову. Вызывалось это, может быть, тем, что эта сатира и ответная пародия Поповского породили ряд других рукописных произведений на ту же тему (Берков, стр. 117, 127—131, 136—146). Можно не сомневаться, что некоторые из них дошли и до Шувалова. Как бы то ни было, но Ломоносову пришлось в первых числах ноября 1753 г. опять оторваться от волновавших его научных и научно-организационных дел, чтобы в угоду Шувалову продолжить перебранку с литературными «зоилами». Она велась в стихах: стихов ждали и от Ломоносова.

Итогом его вынужденных поэтических усилий явился собственноручно исписанный Ломоносовым листок с тремя сатирическими стихотворениями.

О торопливости, с какой они были занесены на бумагу, говорит не только приведенная выше приписка Ломоносова, которая содержит ключ к датировке этого листка: Ломоносов не только не успел переписать их набело, но, отступив от обычной в сношениях с Шуваловым почтительной вежливости, отправил стихи, как видно, без сопроводительного письма.

Л. Б. Модзалевский полагал, что из числа трех занесенных на листок стихотворений «первое и третье написаны были ранее по другим поводам и лишь одновременно переписаны для Шувалова в это время» (Акад. изд., т. VIII, стр. 91 втор. паг.). Это ничем не подтвержденное предположение противоречит всему тому, что рассказано выше о ходе данного дела: от Ломоносова настойчиво требовали вмешательства в текущую полемику; кому же и на что могли быть нужны в эту пору его старые полемические выступления «по другим поводам»? Догадка Л. Б. Модзалевского опровергается, кроме того, и самым автографом: рукописный текст первого стихотворения, написанного, как он думает, «ранее», пестрит помарками. Наконец, начальный стих первой эпиграммы («Отмщать завистнику меня вооружают», см. стихотворение 203) прямо говорит о том, что она написана Ломоносовым не по собственному почину, а по требованию другого лица, и это приводит нас к той самой, изображенной выше ситуации, какая сложилась к началу ноября 1753 г. Мы имеем, таким образом, достаточное основание считать, что все три стихотворения (203—205) были написаны разом и являлись своего рода залпом по трем противникам, выступавшим в данный момент против Ломоносова. Но кто же были эти трое?

Библиотека "Руниверс"

Если второе стихотворение (204) метило бесспорно в Елагина, а третье (205) столь же бесспорно — в В. К. Тредиаковского, то адресат первого (203) едва ли определим. Из стихов видно только, что и он принадлежал к числу «завистников» Ломоносова, что произнес на него, по-видимому, совсем недавно какую-то «хулу» и что, по оценке Ломоносова, был мелок и ничтожен, как «муха». В рукописном сборнике Казанского университета, восходящем, по-видимому, к первой половине 80-х годов XVIII в., адресатом публикуемой эпиграммы обозначен Тредиаковский (Каз., стр. 35). Этому поверил М. И. Сухомлинов, усмотрев в данном стихотворении «одинаковость содержания» с эпиграммой «Зубницкому» (стихотворение 229; Акад. изд., т. II, стр. 140—141 втор. паг.). С мнением М. И. Сухомлинова согласился и Л. Б. Модзалевский (там же, т. VIII, стр. 91 втор. паг.). Но ни о какой «одинаковости содержания» не может быть и речи, и все сходство между двумя стихотворениями сводится только к тому, что и тут, и там Ломоносов заявляет о своем пренебрежительном отношении к попыткам врага нанести ему вред. Нам известен ряд выпадов Ломоносова против Тредиаковского; многие из них до крайности резки, однако же ни один из них не дает права предполагать, что Ломоносов считал Тредиаковского противником мелким и ничтожным. Что касается упомянутой выше пометы Казанского сборника, то многие из таких помет, как давно уже установлено, ошибочны, и полагаться на них поэтому никак нельзя. В тот же сборник внесена непосредственно вслед за публикуемым стихотворением Ломоносова ответная на него эпиграмма, озаглавленная так: «Ответ Тред[иаковского] на Л[омоносова]». Вот ее текст, немало, как видно, пострадавший от руки писца:

Бесстыдный Родомонт, иль буйвол, слон, иль кит,
Гора полна мышей, о винной бочки винт!
Напрасно ты искал в бреду твоем обуха,
Казалось как тебе, жужжит досадно муха.
Ты грузен, знать что, был: не муха то была,
Но трудница медов российских тех — пчела,
Которая, как долг, обима жужжала.
Узнаешь, что она есть не без остра жала.

(Каз., № 28, стр. 35).

Предпоследний стих так искалечен писцом, что потерял и смысл, и ритмические признаки стиха, но все же и по этому неисправному списку можно судить о стиле всего стихотворения в целом и утверждать, что в нем нет ни одного из тех элементов, какими характеризуется своеобразный поэтический стиль Тредиаковского. Нельзя не отметить, кроме того, рифму «кит — винт». Тредиаковский в ранних своих стихах допускал иногда неточные рифмы (скиптры — митры, сенский — зверский, сахар — пахарь и др.), но

Библиотека "Руниверс"

в произведениях 40—50-х годов такие рифмы встречаются у него только в исключительно редких случаях (искренним — выспренным, прозябшу — взявшу). Да и качество их, как видим, не таково, чтобы можно было приписать ему рифму «кит — винт». А между тем содержание внесенной в Казанский сборник контр-эпиграммы свидетельствует о том, что она была написана несомненно тем самым лицом, кому адресовал свою эпиграмму Ломоносов. Отсюда ясно, что метил он в этом случае не в Тредиаковского, а в одного из неизвестных нам и притом малозначительных участников сумароковско-елагинской литературной группы, принявшего участие в кампании, поднятой против Ломоносова в 1753 г.

204

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 55, л. 28—28 об.).

Впервые напечатано (по Каз.) — «Библиографические записки», 1859, № 15, стлб. 455—456.

Датируется предположительно промежутком времени с 4 по 11 ноября 1753 г. по тем же основаниям, как и предыдущее стихотворение.

См. примечания к стихотворению 203.

Публикуемое стихотворение написано Ломоносовым на том же листке, что и предыдущее. Оно адресовано И. П. Елагину и является ответом на его «Сатиру на петиметра и кокеток».

Трудно согласиться с мнением П. Н. Беркова, что Ломоносов берет в данном случае под защиту «петиметерство», которое для него как для «клиента» Шуваловых и Воронцовых не было будто бы социальным пороком (Берков, стр. 125). Унизительный термин «клиент», говорящий не только о материальной, но и о моральной зависимости, не приложим к Ломоносову. Ломоносов умел, говоря словами Пушкина, «за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей» (Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI. Изд. АН СССР, 1949, стр. 254). Защите петиметров, т. е. пустых жеманных щеголей, Ломоносов не уделяет в публикуемых стихах ни одного слова, ни одного намека. Оно и естественно: вопрос о петиметрах, сколько бы ни было их тогда в высшем придворно-великосветском кругу, был слишком узким, кастовым вопросом, чтобы стать темой для Ломоносова, поглощенного разрешением широчайших задач всенародного просвещения. Перед Ломоносовым были литературные враги, представители дворянской культуры, которые, как уже говорилось (стр. 1018), пытались переключить поэзию с больших общественных тем на малые. В одного из участников этой литературной группы, в Елагина, Ломоносов и направляет свои сатирические стрелы. Защищает же он отнюдь,

Библиотека "Руниверс"

конечно, не петиметров или «вертопрахов», как он их называет, а «златой младых людей и беспечальный век», т. е. лучшую, золотую пору жизни всякого человека, людскую молодость, и осуждает лицемерных моралистов, которые пытаются урезать ее законные, дарованные природой права. Именно так, по-ломоносовски, обернул, раздвинул и поднял он ту чуждую ему, тесную и мелкую тему, которую силились ему навязать.

[1] Балабан — балбес, болван.

[2] В сатире Елагина были стихи:

Подобно как жених, в последний час пред браком
Боится, чтоб в ту ночь не быть кому свояком,
Задумавшись сидит, ждет рока своего
И хочет разрешить сомнения его. . .

[3] Сведения о семейной и личной жизни Елагина слишком скудны, чтобы можно было раскрыть смысл этих намеков. Известно лишь, что жена Елагина, бывшая горничная императрицы Елизаветы Петровны, выполняла какие-то весьма интимные поручения последней и что у Елагиных была дочь (подробнее см. Берков, стр. 126).

205

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 3, № 55, лл. 28—29 об.).

Впервые напечатано (по Каз.) — «Библиографические записки», 1859, т. II, № 17, стлб. 518.

Датируется предположительно 4—11 ноября 1753 г. по тем же основаниям, как и предыдущие два стихотворения, написанные на том же листке. Датировка стихотворения 205, предложенная в VII т. наст. изд., на стр. 803, неверна.

См. примечания к стихотворению 203.

Публикуемое стихотворение является отголоском возникшего еще в 1746 г. орфографического спора Ломоносова с В. К. Тредиаковским о родовых окончаниях имен прилагательных в именительном падеже множественного числа (т. VII наст. изд., стр. 81—87, 801—805). Тредиаковского, сочинившего в 1746 г. целую диссертацию по этому вопросу, не разубедили возражения Ломоносова. Он, как утверждает Ломоносов, намеревался упорствовать и тогда же посулил представить другие диссертации в том же духе (там же, стр. 802).

Мы не знаем, что именно дало повод Ломоносову вернуться в 1753 г. к этому старому спору. Известно лишь, что Тредиаковский действительно упорствовал, настаивая на том, что имена прилагательные, местоимения и причастия мужского рода, кончающиеся на *-ый* и *-ий*, должны оканчиваться

Библиотека "Руниверс"

в именительном падеже множественного числа на *-ыи* и *-ии* (святыи, истинныи, оныи, которыи, любящии, любившии). Так Тредиаковский писал сам и требовал, чтобы так же писали и все. Справедливость этого требования он пытался обосновать теоретически в пространной статье, сочиненной, по-видимому, в 1755 г. или во всяком случае не ранее этого года (Пекарский. Доп. изв., стр. 102—116). Весьма возможно, что, выполняя обещание, данное еще в 1746 г., Тредиаковский выступал и до 1755 г. с письменными или словесными заявлениями на эту же тему и что одно из них совпало по времени с нападками Елагина и его единомышленников на поэзию Ломоносова. Оттого, вероятно, стихотворение «Искусные певцы всегда в напевах тщатся» и оказалось написано на одном листке с эпиграммами на Елагина и на его неизвестного нам соратника. Нельзя забывать, наконец, что в 1753 г. Ломоносов завершал подготовку материалов для «Российской грамматики», а в 1754 г. приступил к писанию ее текста (т. VII наст. изд., стр. 844—845), куда внес целый параграф (§ 119, пп. 2 и 3), посвященный полемике с Тредиаковским об окончаниях имен прилагательных и очень близкий по содержанию и даже по форме публикуемому стихотворению. «Что ж до слуху надлежит, — пишет здесь Ломоносов, — в том уверяют музыканты [в немецком переводе «Грамматики» — певцы], которые в протяжных распевах недаром букву *и* обходят, не протягивая на ней долгих выходок, но выбирая к тому *а* или *е*» (т. VII наст. изд., стр. 432). Эти слова почти совпадают с первым четверостишием эпиграммы.

Тредиаковский, которого Ломоносов обозвал в эпиграмме скотом, не остался в долгу. Он ответил эпиграммой же, где называл доводы Ломоносова «ямщичьим вздором» и «мужицким бредом», укоряя Ломоносова в том, что «за образец ему в письме пирожный ряд», и за одно ругательство отплатил шестью, несравненно более грубыми (Акад. изд., т. II, стр. 138—139 втор. паг.). К стихам, пущенным по рукам, Тредиаковский добавил два года спустя и упомянутую выше статью, где оскорбившая его ломоносовская эпиграмма («безымянная пьеса, начинающаяся искусными певцами») поминалась не раз.

Горячность и резкость пререканий объяснялась не существом данного малозначительного орфографического спора, а коренным различием общих воззрений на настоящее и будущее русского литературного языка. В то время как Ломоносов отстаивал независимость его от церковнославянского языка и стремился сблизить его с письменной и разговорной речью широких слоев русского общества (ср. т. VII наст. изд., стр. 895 и 899), Тредиаковский тянул назад, к церковному языку, который, по его словам, «нашему славянороссийскому, или гражданскому, и источник, и отец, и точное подобие, и от коего ни на перст, чтоб так сказать, наш не отступает», и решительно протестовал против ломоносовской ориентации на язык «без-

Библиотека "Руниверс"

рассудной черни», на «дружеский разговор» и на «употребление простонародное». «Краснейшее сочинение, — учил Тредиаковский, — есть иное изряднейшее употребление, отличное от простого разговора и подобное больше книжному славенскому» (Пекарский. Доп. изв., стр. 103, 107 и 109). Вполне естественно, что эта реакционная проповедь встречала со стороны Ломоносова самый решительный отпор.

[1] Сила — ударение.

[2] Трисотин — кличка Тредиаковского, пущенная в ход А. П. Сумароковым, который в своей комедии «Тресотиниус» вывел под этим именем Тредиаковского. В комедии Мольера «Les femmes savantes» («Ученые женщины») имя Trissotin (Триссотен) дано одному из действующих лиц, претенциозному поэту, автору вычурных стишков.

206

Печатается по копии, написанной неизвестной рукой и принадлежавшей Г.-Ф. Миллеру (ЦГАДА, ф. 199 — портфели Миллера, № 414, тетр. № 16, л. 2 об.), с указанием в сносках вариантов ко Каз. (стр. 112) и Бычк. (стр. 155).

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано (по М) — «Москвитянин», 1854, № 1, отд. IV, стр. 4.

Датируется предположительно 1751—1753 гг. Публикуемая эпиграмма, направленная против В. К. Тредиаковского, была написана едва ли ранее 1751 г., так как только в этом году произошло первое, насколько мы знаем, столкновение Ломоносова с Тредиаковским, вызванное предисловием последнего к переводу «Аргениды» (т. IX наст. изд., документ 383 и примечания к нему). До этих пор их взаимоотношения, судя по их совместной деятельности в Историческом собрании и в других академических собраниях, были если и не дружественны, то во всяком случае вполне корректны (ср. т. VI наст. изд., стр. 542, 547, 550; т. IX наст. изд., документы 373, 377, 379, 380 и примечания к ним; т. X наст. изд., документы 415—420, 422—424, письмо 13 и примечания к ним), и происходивший в 1746 г. спор о родовых окончаниях имен прилагательных был хоть и горяч, но не вышел за пределы чисто научной полемики (т. VII наст. изд., стр. 81—87, 801—805; т. IX наст. изд., документ 364 и примечания к нему). Публикуемая эпиграмма, как совершенно справедливо заметил П. Н. Берков (Берков, стр. 96—97), написана, видимо, не позднее 1753 г., потому что к этому году относятся насмешки И. П. Елагина над ломоносовской рифмой «Россия — Индия», которую и сам Ломоносов признал неудачной (т. X наст.

Библиотека "Руниверс"

изд., письмо 36 и примечания к нему; ср. также вводную часть примечания к стихотворению 203), после чего он едва ли пустил бы в ход рифму Россия—поэзия. Перенос ударения на «и» в слове «поэзия» нарушал вполне устойчивую, судя по всем словарям XVIII в., орфоэпическую норму, но в поэтической практике Ломоносова такое нарушение встречается не раз: см., например, «Парящей поэзии ревность» во второй оде 1746 г. (стихотворение 44, стих 151).

Эпиграмма Ломоносова является отголоском полемики, которую он вел с Тредиаковским еще из-за границы по вопросу о чередовании женских рифм с мужскими. Тредиаковский признавал в то время только женские рифмы и считал сочетание их с мужскими недопустимым. «Таковое сочетание стихов, — писал он по этому поводу, — так бы у нас мерзкое и гнусное было, как бы оное, когда бы кто наипокланяемую, наинежную и самым цветом младости своея сияющую эвропскую красавицу выдал за дряхлого, черного и девяносто лет имеющаго арапа» (В. Тредиаковский. Новый и краткий способ к сложению российских стихов. СПб., 1735, стр. 24). Ломоносов же в своем «Письме о правилах российского стихотворства» доказывал, что чередование мужских и женских рифм в русских стихах «толь же приятно и красно, коль в других европейских языках» (т. VII наст. изд., стр. 16). Это было, видимо, очень давнее убеждение Ломоносова, сложившееся у него еще в ту пору, когда он изучал вышеупомянутый трактат Тредиаковского (там же, стр. 789, прим. 24). Теперь, в начале 50-х годов, Ломоносов повторял все ту же мысль, но опираясь на свой богатый уже поэтический опыт и на всеобщее признание введенной им системы стихосложения.

[1] Речь ведется от имени российской поэзии.

[2] Так прозвал Тредиаковского А. П. Сумароков в своей «Эпистоле о стихотворстве»:

А ты, Штивелиус, лишь только врать способен.

(т. IX наст. изд., стр. 938; весьма подробные соображения о происхождении этой клички см. Акад. изд., т. II, стр. 391—399 втор. паг.).

[3] Пересказ слов Тредиаковского (см. цитату из его «Нового и краткого способа» во вводной части настоящих примечаний).

[4] «Завистным молоддом» Ломоносов называет, очевидно, себя. С заключительными стихами эпиграммы перекликается следующее заявление Ломоносова, датируемое началом 1764 г.: «Будучи еще в Германии, послал в Россию правила стихотворения, по которым и ныне все российские стихотворцы поступают с добрым успехом, и российская поэзия пришла в доброе состояние» (т. X наст. изд., документ 518).

Библиотека "Руниверс"

207

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — Соч. 1784, ч. I, стр. 316.

Датируется предположительно 1752—1753 гг., но не ранее 29 мая 1752 г. (день получения Академией наук именного указа императрицы Елизаветы от 25 того же мая «об искоренении ябедничества» и об упоминаемом ниже кн. Н. А. Хованском — ААН, ф. 3, оп. 1, № 957, лл. 58—59).

Публикуемое шуточное послание И. И. Шувалову было написано, судя по его содержанию, под непосредственным впечатлением какого-то обеда или ужина, которым он угостил Ломоносова, бывавшего у него в доме не раз.

[1] По свидетельству современников, одной из гастрономических причуд изнеженного вельможи И. И. Шувалова было пристрастие к смешению изысканных заморских лакомств с изделиями простонародной русской кухни. «Иван Иванович Шувалов, — пишет хорошо знавший его вкусы И. Ф. Тимковский, — стол любил умеренный и яствы мягкие, что и по летам было. Я заметил, что ему нравился печеный картофель при ананасах на столе. Любил очень, говорят, и грибы, что напоминает письмо Ломоносова в стихах» («Москвитянин», 1852, № 20, ч. III, стр. 64).

[2] Редактор Соч. 1784 дает следующую сноску: «Здесь упомянул сочинитель имя славного ябедника, который жил в его время». М. И. Сухомлинов справедливо отметил, что имя «ябедника», о котором говорит редактор Соч. 1784 в своей сноске, должно быть, судя по размеру стиха, односложным. М. И. Сухомлинову вспомнился при этом — и далеко не без основания — кн. Н. А. Хованский, чье злостное сутяжничество было осуждено особым указом императрицы Елизаветы от 25 мая 1752 г., разосланным в печатном виде во все государственные учреждения (подробнее см. Акад. изд., т. VIII, стр. 87—90 втор. паг.). В письме И. И. Шувалову от 1 ноября 1753 г. Ломоносов упоминает об этом Хованском, называя его «публикованным бездельником», «который многократно судей и права [т. е. законы] умел употребить к своему закрытию и избавлению от петли» (т. X наст. изд., письмо 37). Это и есть то самое увертливое крючкотворство, на которое — в не очень изящной форме — намекают последние два стиха публикуемого послания. Вероятнее всего поэтому, что четырьмя точками обозначен в стихах именно Хованский как наиболее известный в ту пору ябедник, о котором у Ломоносова с Шуваловым заходила, как видим, речь. Но ни имя, ни фамилия Хованского не односложны. Помня, однако, что в эпиграммах собственные имена всегда заменялись в то время сатирическими кличками, можно предположить, что такая кличка — и притом

Библиотека "Руниверс"

односложная — была присвоена и Хованскому (например, по церковнославянскому названию первой буквы его фамилии).

Высказывая такую догадку, нельзя все же не подчеркнуть, что это только догадка и что основанная на ней датировка послания должна рассматриваться ввиду этого как условная.

208

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 24—24 об.).

Впервые напечатано — Будилович, II, стр. 297—298.

Датируется предположительно 1752—1753 гг. Из текста видно, что он представляет собой черновой набросок начала «проповеди». Едва ли можно допустить, что Ломоносов выполнял в данном случае заказ какого-либо церковного оратора. Гораздо вероятнее другое предположение: текст «проповеди», над которой работал Ломоносов, предназначался, может быть, для не дошедшей до нас и, вероятно, недописанной второй книги «Риторики», предметом которой была «оратория», или «наставление к сочинению речей в прозе». Нет сомнения, что в этой книге должен был быть отдел, посвященный церковному красноречию, а в этот отдел должны были войти, конечно, и примеры проповедей. Из отчетов же Ломоносова известно, что вторую книгу «Риторики» он писал в 1752—1753 гг. (т. VII наст. изд., стр. 809—810).

[1] Не дописанное Ломоносовым латинское слово tolluntur является началом следующего стиха из поэмы Клавдиана «Против Руфина» (кн. I, ст. 22):

Tolluntur in altum, ut lapsu graviore ruant.

Далее Ломоносов дает вольный русский перевод этого стиха, смысл которого станет яснее, если учесть содержание предыдущего стиха:

Jam non ad culmina rerum injustos crevisse queror
[Я уже не сетую на то, что неправедные достигают вершин].

209

Печатается по первому посмертному изданию (Соч. 1778, кн. I, стр. 304) с указанием в сносках вариантов по последующим изданиям (Соч. 1784, ч. I, стр. 305—306 и Соч. 1840, ч. I, стр. 371—372), где публикуемое стихотворение печаталось по другим, не дошедшим до нас спискам.

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые напечатано — Соч. 1778, кн. I, стр. 304.

Библиотека "Руниверс"

Датируется предположительно 1753 г.

Для разрешения вопроса о том, как и когда возникла в России роговая музыка, мы не располагаем пока никакими другими источниками, кроме двух сочинений, написанных в XVIII в. Одно из них принадлежит Я. Я. Штелину (Якоб Штелин. Музыка и балет в России XVIII в. Л., 1935, стр. 97—102; впервые опубликовано на немецком языке в Германии, в «Ганноверском магазине», 1766, № 47), другое — И.-Х. Гинрихсу (Johann Christian Hinrichs. Enstehung, Fortgang und jetzige Beschaffenheit der russischen Jagdmusik. St. Petersburg [Иоганн-Христиан Гинрихс. Возникновение, развитие и теперешнее состояние русской охотничьей музыки. Санктпетербург], 1796; в том же году книга была выпущена в Петербурге и в русском переводе под заглавием «Начало, успехи и нынешнее состояние роговой музыки»). Штелин, судя по отсутствию в его статье ссылок на какие бы то ни было источники, писал, вероятно, только по памяти. И.-Х. Гинрихс, не знавший, по-видимому, о существовании работы Штелина, утверждает, что был лично знаком с изобретателем роговой музыки И.-А. Марешем, после смерти которого получил от кого-то собственноручную записку Мареша о возникновении этой музыки. Штелин и Гинрихс сходятся на том, что первая мысль о создании роговой музыки принадлежала гофмаршалу русского двора С. К. Нарышкину, что этот замысел, возникший в 1751 г., был реализован чешским валторнистом и виолончелистом Яном Антонином Марешем, что организованный последним роговой оркестр был на первых порах лишь «частным делом» («nur eine Privatanstalt») Нарышкина, знакомым только тесному кругу его великосветских друзей, и что более широкую известность этот оркестр приобрел лишь после первого публичного выступления, которое состоялось в присутствии императрицы Елизаветы Петровны, всего ее двора и дипломатического корпуса под Москвой, в поле, близ Измайловского охотничьего замка, во время одной из царских охот. Из сказанного следует, что Ломоносов едва ли мог слышать роговую музыку ранее этого первого публичного ее концерта. Относительно даты этого последнего показания наших авторов расходятся и притом весьма значительно: Штелин относит измайловскую охоту к 1753 г. (тот же год указан и в книге И.-Г. Георги. Описание столичного города Санктпетербурга. [СПб.], 1794, стр. 649), а Гинрихс — к 1757 г., причем добавляет, что императрица, весьма довольная и впервые услышанным ею роговым оркестром, и всей вообще охотой, в *тот же день* произвела Нарышкина в обер-егермейстеры (Гинрихс, ук. соч., стр. 9—10). Нарышкин был назначен обер-егермейстером действительно в 1757 г., 7 мая, но это произошло не под Москвой, а в Царском Селе (Камер-фурьерские журналы за 1757 г., стр. 38; ср. Н. Е. Волков. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. СПб., 1900, стр. 15 и 163), в Москву же Елизавета Петровна после своего продолжительного пребывания там в 1753—1754 гг. не ездила больше ни разу. Итак, дата

Библиотека "Руниверс"

Гинрихса безусловно неверна. 3 ноября 1751 г. последовал именной указ императрицы, запрещавший печатать в русских газетах, что «ее величество изволила забавляться псовою охотою» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 953, л. 51), а в сохранившихся документах придворного ведомства не встречается вплоть до 1772 г. никаких упоминаний о роговой музыке (Н. Финдейзен. Музыкальная старина, вып. II. СПб., 1903, стр. 102). Установить при этих условиях точную дату первого публичного выступления рогового оркестра тем более трудно, что в камер-фурьерских журналах за 1753—1754 гг. не зарегистрировано ни одной царской охоты близ Измайлова. Но раз дата Гинрихса ошибочна и раз столь же ошибочна дата новейшего историка роговой музыки, который без всякой аргументации относит измайловскую охоту к 1755 г. (К. А. Вертков. Русская роговая музыка. М.—Л., 1948, стр. 15), то, за неимением лучших данных, приходится принять на веру дату, названную современником данного события, Штелином, и считать, что Ломоносов написал публикуемые стихи в 1753 г.

О роговой музыке, нигде, кроме России, не известной, отзывались с восхищением все, кому доводилось ее слышать (Вертков, ук. соч., стр. 27—29). Иностранцы, искушенные ценители музыки, знававшие и слыхавшие Бетховена, Гайдна и Моцарта, писали, что роговую музыку «нельзя не назвать божественной, потому что она слишком необыкновенна для земли» («Литературная библиотека», 1866, т. XI, кн. I, стр. 221). М. И. Глинка говорил, что она производит «волшебный эффект» (М. И. Глинка. Литературное наследие, т. I. Л.—М., 1952, стр. 112). Если принять во внимание необыкновенную мощность ее «как будто кипящего» звука, рассчитанного на необъятные русские просторы (она была слышна на 4—5, а при тихой погоде и на 7 верст), и ее репертуар, состоявший, как теперь выяснено, главным образом из народных песен, то станет понятным, что роговая музыка не могла не очаровать и Ломоносова.

«Стихотворение Ломоносова, — пишет новейший историк русской музыки XVIII в., — в самой сжатой образной форме излагает нормы определенной эстетики — как эстетики в частности музыкальной. Не касаясь музыки как интимно-психологического, личного, лирического начала (это скажется у поэтов-сентименталистов), не вдаваясь в ее общественные или бытовые проявления (это затронут сатирики), Ломоносов дает внеиндивидуальную поэтическую картину в духе чистого и высокого классицизма, выделяя лишь музыку как некий общий праздничный фон жизни. Особенно любопытно, какие именно сферы выражения Ломоносов слышит в музыке: контрасты „охотнической шум", который „движет кровь" — и сельская идиллия, рев рогов — и тихая свирель; Марс — и пастораль, т. е. именно те сильнейшие, наиболее типичные, „самые классические" контрасты, которые определялись вне чисто лирической музыки XVIII столетия. К ним как к характернейшей условности века и вместе реальному „отбору" средств

Библиотека "Руниверс"

сводит поэт истоки роговой музыки, полагая, что она совместила в себе эти контрасты. Мысль столь же простая и сильная, сколь впечатляющая и точная. Мысль — вполне достойная Ломоносова» (Т. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII в. в ее связях с литературой, театром и бытом, т. I. М., 1952, стр. 64).

[1] Лица, знакомые с прежними, донарышкинскими отохничьими рогами, единодушно свидетельствуют о том, что рев их был «отвратителен» и спугивал дичь. По отзывам тех же лиц, звук рогового оркестра, организованного Марешем, отличался при всей своей силе удивительной мягкостью и «необычно приятно ласкал слух» (Hinrichs. Entstehung, Fortgang und jetzige Beschaffenheit der russischen Jagdmusik, St. Petersburg [Иоганн-Христиан Гинрихс. Возникновение, развитие и теперешнее состояние русской охотничьей музыки. Санктпетербург], 1796, стр. 1, 17, 19; Якоб Штелин. Музыка и балет в России XVIII в. Л., 1935, стр. 98—99).

1754

210

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой, с собственноручными поправками Ломоносова (ААН, ф. 3., оп. 1, № 185, лл. 541—542 об.), с указанием в сносках вариантов по Соч. 1757.

Впервые напечатано: стихотворная надпись — Соч. 1757, стр. 175—176; проект иллюминации — Пекарский, II, стр. 911—912.

Датируется предположительно промежутком времени с 21 января 1754 г. (когда Академическая канцелярия поручила Ломоносову составить проект иллюминации) по 31 января того же года (когда Ломоносов подал проект иллюминации в Академическую канцелярию).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации ко дню коронации императрицы Елизаветы, 25 апреля 1754 г., поступила в Академическую канцелярию 19 января того же года и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено как Ломоносову, так и Я. Я. Штелину, которых известили об этом 21 того же января (ААН, ф. 3, оп. 1, № 185, лл. 537—539). 31 января того же года Ломоносов внес свой проект в Академическую канцелярию (там же, л. 540), которая препроводила 7 февраля того же года проекты Ломоносова и Штелина в Канцелярию главной артиллерии и фортификации (там же, л. 550).

Ввиду того, что отчета о состоявшейся 25 апреля 1754 г. в Москве иллюминации не отыскано, остается неизвестным, какой из двух проектов был принят.

Библиотека "Руниверс"

[3] Иллюминационными театрами назывались помосты или, чаще, плоты на которых устраивались иллюминации. В Петербурге такие театры располагались большей частью на Неве, перед стрелкой Васильевского острова или перед Петропавловской крепостью.

[2] Т. е. подражающими вышивке (от франц. broderie — вышивка).

[3] Т. е. апельсинные.

[4] Т. е. красных гранатов.

[5] Фитильными щитами назывались деревянные вертикальные щиты, на которых рисовались те или иные сооружения в прямом или перспективном плане. По линиям рисунка прокладывался и прибивался гвоздями фитиль такого цвета, какого требовал рисунок (Ф. В. Степанов. Пиротехния. Курс фейерверочного искусства. СПб., 1894, стр. 657).

[6] Т. е. такая разновидность фейерверка, когда все движения огней и все разрывы происходят на близком расстоянии от поверхности земли.

[7] Т. е. обычный фейерверк, когда основное движение огней направлено вверх и когда разрывы происходят высоко в воздухе.

[8] См. примечание 2 к надписи 195.

211

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 189, лл. 335—336).

Впервые напечатано: стихотворная надпись — Соч. 1757, стр. 176—177, проект иллюминации — Пекарский, II, стр. 913.

Датировано Ломоносовым 11 июля 1754 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 189, л. 336).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации ко дню именин императрицы Елизаветы Петровны, 5 сентября 1754 г., поступила в Академическую канцелярию 23 июня того же года и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено Ломоносову и Я. Я. Штелину (ААН, ф. 3, оп. 1, № 189, лл. 325—326). Об этом Ломоносов был извещен в тот же день. Проект иллюминации датирован самим Ломоносовым 11 июля (там же, лл. 335—336). 13 июля 1754 г. Академическая канцелярия препроводила проекты Ломоносова и Штелина в Канцелярию главной артиллерии и фортификации (там же, л. 338).

Проект, составленный Ломоносовым, не понравился императрице Елизавете Петровне, которая, как сообщила 1 августа того же года Канцелярия главной артиллерии и фортификации (ААН, ф. 3, оп. 1, № 523, л. 289). «изволила аппробовать тако: г. Ломоносова вирши очень хороши, а иллюминацию переменить, понеже-де таковою фигурою многажды бывали; а сделать. какова ныне от Штелина представляется, или он, Ломоносов, свою с при-

Библиотека "Руниверс"

бавочным украшением, как наилучше выдумав, может поставить» (Пекарский, II, стр. 557). Академическая канцелярия предложила Ломоносову, чтобы он составил другую иллюминацию или сочинил стихи к проекту Штелина. Ломоносов составил другой проект (см. надпись 212). В репорте от 4 августа 1754 г., при котором этот проект был представлен в Академическую канцелярию, Ломоносов писал: «По рисунку г. Штелина идеи без описания угадать не могу и не уповаю, чтобы мои стихи к ней были приличны. Того ради прилагаю свою, несколько отменную идею, к моим стихам приличную. А украшения и расположения надлежат до Академии художеств, которая ведать должна, какие фигурою прежде иллуминации бывали, и довольно людей имеет, которые по ея указанию нарисовать могут» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 189, л. 343). Академия художеств, о которой говорит здесь Ломоносов, входила в состав Академии наук и возглавлялась Штелином.

Судя по заглавию, под которым публикуемая надпись была напечатана в Соч. 1757 (см. стр. 554 наст. тома, сноска *б*), одобрен и осуществлен был проект Ломоносова, а не Штелина (см. надпись 212 и примечания к ней).

[1] Имеется в виду утвержденный императрицей Елизаветой Петровной 18 декабря 1753 г. доклад Сената об уничтожении внутренних таможен (ПСЗ, 10164).

[2] Во второй половине 1753 г. правительством были изданы два указа, касавшиеся некоторых частностей тогдашнего судопроизводства (ПСЗ, 10123 и 10154), однако Ломоносов говорит в данном случае, по-видимому, не об этих малозначительных актах, а намекает на то, состоявшееся в Москве 11 марта 1754 г. заседание Сената, во время которого императрица рассуждала «с немалым сожалением о своих подданных, что иные при всей справедливости их дела чрез разные коварные и ябеднические вымыслы должного себе удовлетворения и скорого в делах своих решения получить не могут» (Соловьев, кн. V, стлб. 785). Дальше «сожаления» дело не пошло, и никаких полезных для судопроизводства последствий это заседание не имело.

[3] «Свободы с тишиной» не было ни «в селах», где не прекращались крестьянские волнения, ни «в градах», где, по свидетельству некоторых фабрикантов, рабочие были близки к «бунту» (Соловьев, кн. V, стлб. 758—760, 790—791).

[4] См. примечания 6 и 7 к стихотворению 189.

212

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 3, оп. 1, № 189, л. 344).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 913.

Библиотека "Руниверс"

Датируется 4-м августа 1754 — по дате репорта, поданного Ломоносовым в Академическую канцелярию (ААН, ф. 3, оп. 1, № 189, л. 343).

Публикуемый проект иллюминации был представлен Ломоносовым взамен ранее составленного, отвергнутого императрицей (см. примечания к надписи 211).

213

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 112—121) с указанием в сносках вариантов по отдельному изданию 1754 г.

Местонахождение рукописи 1754 г. неизвестно.

Впервые напечатано отдельным изданием в 1754 г.

Датируется предположительно промежутком времени с 20 сентября 1754 г. (день рождения великого князя Павла) по 24 того же сентября (день подачи Ломоносовым репорта о печатании оды).

24 сентября 1754 г., т. е. на четвертый день после рождения у наследника престола сына-первенца, Ломоносов подал в Академическую канцелярию репорт, где говорил, что «намерен напечатать» написанную по этому случаю оду, причем сам указал и ее тираж — 300 экз. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 192, л. 284). Канцелярия в тот же день распорядилась напечатать оду немедленно в указанном Ломоносовым количестве экземпляров на его счет (там же, № 523, л. 344). К 5 октября 1754 г. печатные и переплетные работы были завершены (там же, № 192, л. 290.). Они обошлись Ломоносову в 45 руб. 28½ коп. (там же, оп. 4, № 7, л. 68).

Начало 1754 г. было в академической жизни Ломоносова периодом весьма важным, можно даже сказать, переломным. Его жалобы на «шумахершину» были наконец услышаны и дошли, по его выражению, «до самых внутренностей двора» (т. X наст. изд., документ 470, § 34 и примечания к этому параграфу и к § 25, а также письмо 37 и примечания к нему). Положение Шумахера было поколеблено на сей раз весьма серьезно. В течение 1754 г. Ломоносов уделил много времени вопросу о переустройстве Академии наук (там же, документ 394). К этому же году относятся его устные и письменные сношения с И. И. Шуваловым об учреждении Московского университета (там же, письмо 45). В этом же году Ломоносов, продолжая трудиться в области физики, химии, истории, филологии и мозаичного дела, возобновляет ученую переписку с Леонардом Эйлером, изумляя его «счастливым дарованием, выдающимся в различных научных областях» (Акад. изд., т. VIII, стр. 164), и вступает в общение с другими крупными представителями зарубежной науки. Перед нами не только ученый, завоевавший европейскую известность, но и вполне сложившийся, осознавший свои силы государственный деятель. В публикуемой оде голос Ломоносова

Библиотека "Руниверс"

звучит уверенно, местами даже (строфы 15—17) почти повелительно. Поэт-публицист требует широко отворить двери «наукам, счастью, тишине» (строфа 20), т. е. сосредоточить все внимание на трех основных задачах: на просвещении, на подъеме материального благосостояния народа и на сохранении мира.

[1] Образы, которыми Ломоносов завершает эту строфу, достойны в равной мере и подлинного поэта, и тонкого наблюдателя природы: он сравнивает многоголосый гул приветственных криков с горным эхом, повторяющим раскаты дальнего грома, и с тем беспорядочным грохотом морского прибоя, какой бывает после бури, когда еще не успеет улечься поднятая ею зыбь.

[2] Обычное для Ломоносова метонимическое обозначение стран: Висла — Польша, Рен (Рейн) — Пруссия, Секвана (Сена) — Франция, Таг (Тахо) — Испания. Если вполне естественно упоминание о первых трех странах, то упоминание об Испании, с которой тогдашняя Россия не поддерживала постоянных дипломатических отношений, требует пояснения. Для русской экономической политики того времени было характерно стремление завязать непосредственную торговлю с Испанией, особенно же с ее американскими владениями, «дабы товары получать из первой руки и удерживать оной прибыток у обоих сторон подданных, которым ныне посторонние народы довольствуются». С этой именно целью Петром I было отправлено в 1723 г. чрезвычайное посольство в Мадрид, а затем снаряжена туда же и морская экспедиция: 16 августа 1725 г. русский военный корабль и два фрегата, нагруженные товарами, прибыли в Кадикс и в ноябре того же года вошли в реку Тахо. С той же целью предпринимались, как теперь установлено, и камчатские экспедиции (А. Покровский. Экспедиция Беринга. М., 1941, стр. 20—26; ср. Соловьев, кн. IV, стлб. 749—750 и Акад. изд., т. II, стр. 109 втор. паг.).

[3] Строфы 12 и 13 обращены к императрице Елизавете.

[4] Начало 14 строфы обращено к родителям новорожденного великого князя Павла.

[5] Цитата из IV эклоги Виргилия (ст. 60):

> Incipe, parve puer, risu cognoscere matrem
> [Маленький мальчик, начни ты мать узнавать по улыбке].
>
> (Перевод С. Ширвинского).

[6] Строфа 16 посвящена Турции, которую Ломоносов считал наиболее опасным соседом России. Вслед за сербскими переселенцами стали проситься в Россию и представители других славянских и неславянских народностей, населявших подвластный Турции Балканский полуостров: болгары, греки, валахи. В 1754 г. обсуждался вопрос о переходе в Россию

Библиотека "Руниверс"

зависимых от Турции черногорцев. Сложные дипломатические переговоры с Турцией вызвала в том же году закладка в так называемой Новой Сербии русской пограничной крепости (Соловьев, кн. V, стлб. 738—739, 802, 816—820).

[7] Еще в 1753 г. П. И. Шуваловым был поднят вопрос о возобновлении Камчатской экспедиции, в связи с чем Коллегия иностранных дел признала желательным обратиться к китайскому правительству с требованием допустить свободное плавание русских морских судов по реке Амуру (Соловьев, кн. VI, стлб. 41—42). Вопрос об Амуре как об одном из выходов в Тихий океан издавна занимал Ломоносова (стихотворение 141 и примечание 15 к нему; ср. также выше, примечание 2 к публикуемой оде).

[8] Имеется в виду царь Михаил Федорович, первый представитель династии Романовых, вступивший на престол семнадцатилетним юношей.

[9] Имеются в виду русские города, пострадавшие в период польско-шведской интервенции начала XVII в. (ср. т. VI наст. изд., стр. 333—335).

[10] О войне с Польшей при царе Алексее Михайловиче, об участии в этой войне «новых регулярных полков», о «первопостроенном в Астрахани корабле» и об утверждении царем Алексеем «Уложения» («он суд и правду положил») см. прозаический рассказ Ломоносова в «Кратком российском летописце» (т. VI наст. изд., стр. 335—337).

[11] Ломоносов говорит о династии Рюриковичей, последний представитель которой, царь Федор Иванович, умер в 1598 г., через 736 лет после того, как, по летописному сказанию, «призван» был новгородцами легендарный основатель династии, Рюрик.

[12] Т. е. сему племени — династии Романовых.

[13] Великий князь Павел родился на десятом году супружества своих родителей.

[14] Ср. псалом 88, стихи 4—5.

214

Печатается по тексту последней прижизненной публикации (Соч. 1757, стр. 179) с указанием в сносках вариантов по первой публикации (СПб. Вед., 1754, № 86).

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — СПб. Вед., 1754, № 86, стр. 685.

Датируется предположительно промежутком времени с 20 сентября (день рождения великого князя Павла Петровича) по 24 октября 1754 г. (день маскарада).

Придворные торжества по случаю рождения великого князя Павла Петровича продолжались десять дней, после чего подобные же празднества стали устраивать у себя знатнейшие петербургские вельможи, а в их числе

Библиотека "Руниверс"

и И. И. Шувалов. 24 октября 1754 г. в его доме был «публичный маскарад», куда приглашены были, помимо придворной знати, иностранных дипломатов и столичных дворян, также представители русского и иностранного купечества. Около полуночи внутри двора начался фейерверк и зажглась иллюминация. Проект ее, который принадлежал, вероятно, Ломоносову, сочинившему для него публикуемые стихи, не сохранился. О содержании этого проекта дает представление следующий газетный отчет об иллюминации: «Изображение на среднем большом щите представляло отверстый храм славы, в средине которого видимо было на постаменте вензловое имя ея императорского величества под короною, осияваемое свыше исходящими из треугольника лучами для изъявления божия милосердия к ея величеству. Внизу подписано было: благослови, умножи и утверди. На другом щите по правую сторону изображен был на оризонте знак небесный, Весы, то есть месяц сентябрь, в котором всевышний к обрадованию всея России даровал великого князя Павла Петровича. В стороне видно было на щиту имя ея императорского величества, пред которым Россия, стоя на коленях, воссылала к богу молитвы о сохранении неоцененного здравия дражайшего своего новорожденного великого князя. На щите по левую сторону представлена была благодарность, которая, получая с высоты рог изобилия, держала в руке горящее сердце, для показания искренней благодарности россиян за неописанныя к ним щедроты и благодеяния милосердыя монархини» (СПб. Вед., 1754, № 86, стр. 685).

Ломоносов присутствовал на маскараде у Шувалова и на следующий день преподнес ему краткое стихотворное послание, посвященное состоявшемуся накануне празднеству (надпись 215).

215

Печатается по единственному прижизненному изданию.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — Соч. 1757, стр. 179.

Датируется предположительно 25 октября 1754 г. по содержанию стиха 5 («Вчера я видел все и ныне вижу духом»), из которого видно, что публикуемое стихотворение написано на следующий день после маскарада, устроенного 24 октября 1754 г. И. И. Шуваловым.

Об этом маскараде см. надпись 214 и примечания к ней.

[1] Во время маскарада в двух «особливых залах и в третьей комнате поставлен был великолепный стол на 150 кувертов, который три раза переменен был кушанием» (СПб. Вед., 1754, № 85, стр. 684).

[2] «Во все время» маскарада «продолжался в особливых двух галереях бал», а перед ужином зажжен был фейерверк. Приглашенных было до 650 человек (СПб. Вед., 1754, № 85, стр. 684, 685).

Библиотека "Руниверс"

216

Печатается по тексту отдельного издания 1754 г., перепечатанному М. И. Сухомлиновым (Акад. изд., т. II, стр. 117, 119—120 втор. паг. и стр. 128 перв. паг.); стихотворная надпись сверена с СПб. Вед., 1754, № 87 и с последним прижизненным изданием (Соч. 1757, стр. 180).

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — Отд. изд. 1754. Экземпляров этого издания, которое еще в конце XIX в. являлось библиографической редкостью, не отыскано. Оно описано М. И. Сухомлиновым, который перепечатал и его текст (Акад. изд., т. II, стр. 128 перв. паг. и 117—120 втор. паг.). То же описание иллюминации вышло одновременно и на немецком языке (БАН, $\frac{\text{АкР}}{2756,11}$).

Датируется предположительно промежутком времени с 20 сентября 1754 г. (день рождения великого князя Павла) по 26 октября того же года (день иллюминации).

О празднествах по случаю рождения великого князя Павла см. примечания к надписи 214.

[1] Т. е. в царе Михаиле Федоровиче.

[2] Царь Алексей Михайлович.

[3] Петр I.

217

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 189, лл. 375—376), с указанием в сносках вариантов по Соч. 1757.

Впервые напечатано: проект иллюминации — Пекарский, II, стр. 913—914, стихотворная надпись — Соч. 1757, стр. 177—178.

Датируется предположительно промежутком времени с 3 ноября 1754 г. (когда Академическая канцелярия поручила Ломоносову составить проект иллюминации) по 11 ноября (день отправки проекта в Канцелярию главной артиллерии и фортификации).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации к годовщине восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны, 25 ноября 1754 г., поступила в Академическую канцелярию 3 ноября того же года и в тот же день была рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено и Ломоносову, и Штелину, о чем их известили в тот же день — 3 ноября (ААН, ф. 3, оп. 1, № 189, лл. 359—362). 4 ноября того же года из Канцелярии главной артиллерии и фортификации в Академическую канцелярию поступила вто-

Библиотека "Руниверс"

ричная промемория с требованием ускорить составление проекта иллюминации. В тот же день, 4 ноября, Ломоносову и Штелину были посланы об этом ордеры (там же, лл. 363—366).

Проект Ломоносова, отправленный в Канцелярию главной артиллерии и фортификации 11 ноября 1754 г. (там же, л. 374), оказался отвергнут; одобрения удостоился проект Штелина, посланный четырьмя днями ранее, чем ломоносовский (там же, л. 368; СПб. Вед., 1754. № 94, стр. 758).

218

Печатается по тексту последней прижизненной публикации (Соч. 1757, стр. 178).

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — Соч. 1757, стр. 178.

Датируется предположительно промежутком времени с 20 сентября 1754 г. (день рождения великого князя Павла Петровича) по 19 ноября 1754 г. (когда Ломоносов послал публикуемые стихи М. И. Воронцову).

Публикуемые стихи написаны по просьбе М. И. Воронцова для иллюминации, которую он намеревался устроить у себя по случаю рождения великого князя Павла, и являются довольно точным стихотворным переложением проекта надписи, сочиненного самим Воронцовым.

Письмо, при котором Ломоносов послал Воронцову свои стихи, см. т. X наст. изд., письмо 46, а проект Воронцова — Акад. изд., т. VIII, стр. 176.

[1] Имеются в виду девять лет (1745—1754), прошедшие со дня свадьбы будущего Петра III.

219

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 189, лл. 380—381 об.).

Впервые напечатано: проект иллюминации — Пекарский, II, стр. 914—915, надпись — Соч. 1757, стр. 181.

Датируется предположительно промежутком времени с 3 ноября 1754 г. (когда Академическая канцелярия поручила Ломоносову составить проект иллюминации) по 19 ноября того же года (день отправки проекта в Канцелярию главной артиллерии и фортификации).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации к 1 января 1755 г. поступила в Академическую канцелярию 3 ноября 1754 г. и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено и Ломоносову, и Я. Я. Штелину, о чем их известили в тот же день — 3 ноября (ААН,

Библиотека "Руниверс"

ф. 3, оп. 1, № 189, лл. 359—362). На следующий день, 4 ноября, из Канцелярии главной артиллерии и фортификации в Академическую канцелярию поступила вторичная промемория с требованием ускорить составление проекта иллюминации, о чем в тот же день были извещены Ломоносов и Штелин (там же, лл. 363—366).

Проект Ломоносова был отправлен в Канцелярию главной артиллерии и фортификации 19 ноября 1754 г. (там же, л. 377).

Проект Ломоносова был отвергнут. К исполнению был принят проект Штелина (СПб. Вед., 1755, № 1, стр. 5), который содержал стихотворную надпись, переведенную на русский язык Н. Н. Поповским (ААН, ф. 3, оп. 1, № 189, л. 405).

220

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой и подписанному Ломоносовым (ААН, ф. 3, оп. 1, № 189, л. 383—383 об.).

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 915.

Датируется предположительно промежутком времени с 3 ноября 1754 г. (когда Академическая канцелярия поручила Ломоносову составить проект иллюминации) по 22 ноября того же года (день отправки проекта в Канцелярию главной артиллерии и фортификации).

Промемория Канцелярии главной артиллерии и фортификации о составлении проекта иллюминации ко дню рождения императрицы Елизаветы Петровны, 18 декабря 1754 г., поступила в Академическую канцелярию 3 ноября того же года и была в тот же день рассмотрена последней, причем составление проекта было поручено и Ломоносову, и Я. Я. Штелину, о чем их известили в тот же день — 3 ноября (ААН, ф. 3, оп. 1, № 189, лл. 359—362). 4 ноября того же года из Канцелярии главной артиллерии и фортификации в Академическую канцелярию поступила вторичная промемория с требованием ускорить составление проекта. В тот же день, 4 ноября, Ломоносова и Штелина известили об этом ордерами (там же, лл. 363—366). 22 ноября 1754 г. проект Ломоносова был отправлен в Канцелярию главной артиллерии и фортификации (там же, л. 382). В этот проект Ломоносов ввел стихотворную надпись, сочиненную им год тому назад (см. надпись 197), оставшуюся тогда, по-видимому, неиспользованной.

Проект Ломоносова был и на этот раз отвергнут: принят был проект Штелина (СПб. Вед., 1754, № 101, стр. 804—806), который содержал стихотворную надпись, переведенную на русский язык Н. Н. Поповским.

221

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой с собственноручными поправками Ломоносова и им подписанному (ААН, ф. 3, оп. 1, № 193, л. 25).

Библиотека "Руниверс"

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 915.

Датируется предположительно промежутком времени с 18 ноября 1754 г. (когда Ломоносову был послан ордер о составлении проекта иллюминации) по 28 ноября того же года (когда состоялось определение Академической канцелярии об изготовлении рисунков по представленному Ломоносовым проекту).

Иллюминация, проект которой сочинил Ломоносов, была на этот раз не обычная придворная, а ведомственная: ее устраивала у себя Академия наук. Поводом послужило, очевидно (хоть официально об этом ничего не писалось), появление на свет великого князя Павла Петровича, родившегося 20 сентября 1754 г. Через некоторое время до Академической канцелярии дошел слух, что президент Академии наук К. Г. Разумовский намерен отметить это событие иллюминацией. Узнав об этом откуда-то, Шумахер, уже начавший терять к тому времени былое расположение и доверие Разумовского, решил, чтобы выслужиться перед ним, предвосхитить его желание и приказал своему брату, академическому архитектору, «чтоб он приготовил при Академии иллюминацию, дабы ежели его высокографское сиятельство Академии наук г. президент приказать изволит, можно было оную представить». Стали подыскивать и «вольного свечника», который взялся бы «налить салом тысячу плошек» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 523, л. 359—359 об.). Через два дня было получено из неизвестного нам источника сообщение, что президент предполагает устроить иллюминацию 19 октября (там же, № 193 л. 21). В этот день она, однако, не состоялась, и лишь через месяц, 18 ноября 1754 г., Шумахер был наконец в весьма обидной для него форме, через третьих лиц, но все же официально извещен о том, что иллюминация действительно будет устраиваться: секретарь Академической канцелярии П. И. Ханин объявил академическому регистратору волю президента: на 19 декабря назначалась «публичная ассамблея» Академии, а «для того торжества надобно быть иллюминации из картин». А так как речь на ассамблее должен был читать Ломоносов, то президент выражал желание, чтобы «и прожект иллюминации по материи оного г. Ломоносова речи сочинить ему же, г. Ломоносову» (там же, л. 22; ср. № 465, л. 366). Таким образом, старания братьев Шумахеров пропали даром. Ломоносову был в тот же день послан соответствующий ордер (там же, № 193, л. 24; № 602, л. 121 об., исх. № 1893). Публикуемый проект был подан Ломоносовым не в Канцелярию, а, минуя ее, непосредственно Разумовскому, которым и был «апробован» (№ 193, л. 26).

Огромное полотно с изображением Геркулеса было расписано академическим художником И.-Э. Гриммелем, а рама к нему высотой в 10 м сооружена по проекту архитектора И.-Я. Шумахера. Тот и другой работали по эскизам, одобренным Ломоносовым и скрепленным его подписью (там же, лл. 27 и 65). Иллюминация состоялась в Академии не 19, а 18 декабря

Библиотека "Руниверс"

1754 г., т. е. в день рождения императрицы (там же, л. 66), и имела, видимо, успех, так как на новый год решили опять устроить иллюминацию (там же, л. 70).

Как видно из публикуемого проекта иллюминации, он был составлен, согласно желанию Разумовского, «по материи», т. е. на основе «Слова похвального» Петру I, которое Ломоносов должен был произнести на публичной ассамблее. Однако это «Слово», задуманное еще в начале 1753 г., не поспело к сроку, о чем Ломоносов известил Канцелярию за четыре дня до ассамблеи (там же, № 523, лл. 428 об.—429). Оно было завершено только в конце апреля следующего, 1755 г., когда Ломоносов его и произнес (подробнее см. в примечаниях к слову 223).

222

Печатается по списку, сохранившемуся в архиве Г.-Ф. Миллера (ЦГАДА, ф. 199 — портфели Миллера, № 414, тетрадь № 16, л. 2 об.), с указанием в сносках вариантов по рукописному сборнику Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Q.XVII. № 168, лл. 24 об.—25), по Каз. (№ 93, стр. 111) и Бычк. (стр. 156).

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые напечатано (по М) — «Москвитянин», 1854, т. I, отд. IV «Исторические материалы», стр. 4.

Датируется предположительно промежутком времени с 1748 по 1754 г., когда Ломоносов был занят собиранием и предварительной обработкой материалов для «Российской грамматики». В процессе этой работы он обращал большое внимание на материалы, иллюстрирующие различное произношение тех или иных звуков речи, в особенности же тех звуков, которые обозначаются на письме буквой Г. Об этом свидетельствуют многочисленные записи, сохранившиеся в материалах к «Российской грамматике» (т. VII наст. изд., стр. 597, 605, 606, 614, 634, 688—690 и др.). В составе этих записей есть, в частности, и такая: «NB. Писать о разности в русском между b и g» (там же, стр. 614).

Этому орфоэпическому вопросу никто из известных нам авторов не уделял в то время такого внимания, как Ломоносов, и нет никаких сомнений в том, что именно он был автором публикуемого стихотворения.

В стихотворении 95 знаменательных слов; из них 83, т. е. почти 90% содержат букву Г. В заключительных двух стихах автор обращается к читателям с вопросом, как следует произносить эту букву в каждом из приведенных им 83 случаев.

Теоретический ответ на этот вопрос дан Ломоносовым в § 102 «Российской грамматики» (ср. также §§ 21—24).

Библиотека "Руниверс"

[1] Игрени (от игрений и игреневый) — конская масть: рыжий с светлой, белой гривой и хвостом.

[2] Гуроны — наименование, данное одной из групп североамериканских индейских племен французскими колонизаторами XVII в.

[3] Геты — готы.

[4] Иготь — ручная ступка, в особенности металлическая и каменная.

[5] Толпега — бестолковый, грубый, неотесанный человек.

[6] Ломоносов различает здесь, видимо, только два разных произношения г, тогда как в § 102 «Российской грамматики» предусматривается не два, а пять вариантов.

1755

223

Печатается по последнему прижизненному изданию (Соч. 1757, стр. 208—238) с указанием в сносках вариантов по отдельному недопечатанному и не вышедшему в свет изданию 1754 г. (Отд. изд. 1754) и по отдельному изданию 1755 г. (Отд. изд. 1755).

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — Отд. изд. 1755.

Варианты по не вышедшему в свет Отд. изд. 1754 публикуются впервые.

Датируется предположительно промежутком времени с 1754 г. (не позднее ноября) по 14 апреля 1755 г. «Слово похвальное» Петру I было задумано Ломоносовым в самом начале 1753 г., а может быть, еще и в 1752 г. 4 января 1753 г. он писал И. И. Шувалову: «Когда ваше превосходительство меня удостоверить изволите, что мои сочинения в прозе не противны, то можете иметь в том новый опыт, ежели мне в будущий 1754 год повелено будет говорить похвальное слово Петру Великому в публичном Академическом собрании, на что я готов положить все свои силы» (т. X наст. изд., письмо 24). Более года спустя, 18 апреля 1754 г., Ломоносов снова поднял тот же вопрос — на этот раз уже в Академическом собрании: предлагая отложить публичную ассамблею до начала 1755 г., Ломоносов пояснял, что это дало бы ему возможность подготовить и произнести панегирик Петру I, «который ему давно должна Академия» (т. IX наст. изд., стр. 331). «Повеление», о котором писал Ломоносов Шувалову, состоялось, но когда именно, мы не знаем: вероятно, оно было передано Ломоносову не в письменном виде, а на словах. Не знаем мы и того, когда приступил Ломоносов к работе над «Словом». Известно лишь, что в конце ноября 1754 г. эта работа была в самом разгаре: в письме Л. Эйлеру от 28 ноября Ломоносов, жалуясь на недосуг, объяснял, что должен «спешить» с Похваль-

Библиотека "Руниверс"

ным словом, которое предстоит произнести 19 декабря (там же, письмо 47). К первым числам декабря начало Слова было написано и представлено президенту Академии К. Г. Разумовскому, который 9 декабря распорядился перевести его на французский язык и напечатать этот перевод в количестве 100 экз. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 523, л. 422 об.). А на следующий день, 10 декабря 1754 г., Г. Н. Теплов прислал в Академическую канцелярию «первые два листа» русского текста (там же, № 465, л. 387). Канцелярия, не дожидаясь остального текста, в тот же день отправила полученные листы в Типографию с приказанием «как наивозможно поспешать» (там же, № 194, л. 264; № 602, л. 130). Однако через четыре дня, 14 декабря, Ломоносов известил Канцелярию через ее секретаря П. И. Ханина, «что тем панегириком, который он, г. советник, сочиняет и который ему говорить надлежало в публичной при Академии сего декабря 19 числа ассамблее, не поспеет, ибо-де ему, г. советнику, желательно было, чтоб тот панегирик напечатать после ассамблеи, однако ж того у него не принято, итак-де теперь вдруг оный панегирик сочинять, да и корректуры его править в таком кратком времени пришло невозможно» (там же, № 523, лл. 428 об.—429). Типография, отпечатав к этому времени три листа, приостановила дальнейшую работу и получила из Канцелярии распоряжение отпущенную на это дело бумагу «хранить у себя до указу» (там же, л. 441 об.). Так же поступили и с материалами, закупленными для переплетов (там же, л. 447). Конференц-секретарь Г.-Ф. Миллер сохранил в своем личном архиве экземпляр напечатанных в декабре 1754 г. листов, снабдив его следующей надписью на обороте обертки: «Сей речи напечатаны только первые 5 листов и как по многим препятствиям она не могла быть говорена, то сочинитель все то, что в сем экземпляре очерчено, поместил в Похвальном слове, говоренном им апреля 26 дня 1755 года» (подлинник по-немецки; под ним рукой неизвестного лица, почерком XVIII в. написан напечатанный выше русский перевод. ЦГАДА, Библиотека, № 92251). Остается неясным, в чем именно заключались упоминаемые Миллером «препятствия»: в том ли только, что Ломоносов не успел дописать панегирик к положенному сроку, или в чем-нибудь другом. Несомненно лишь, что в 1754 г. «Слово похвальное» не было ни напечатано полностью, ни произнесено; по всей вероятности, не было оно в этом году и дописано. К концу 1754 г., в связи с обсуждением вопроса о пересмотре Академического регламента, в Академии сложилась столь тяжелая для Ломоносова обстановка, что он возбуждал даже ходатайство о переводе его в какое-нибудь другое ведомство (т. X наст. изд., письмо 48 и примечания к нему), а в феврале 1755 г. у него произошло на той же почве столкновение с Тепловым, которое повело к тому, что президент запретил Ломоносову являться в Академическое собрание (там же, примечания к письму 49). В прямой связи с этими событиями Ломоносов занимался в начале 1755 г. составлением пространной записки «о исправлении» Ака-

Библиотека "Руниверс"

демии наук (там же, документ 395). Трудно представить себе, что при подобных обстоятельствах он продолжал в то же время работать и над «Словом похвальным». 29 марта 1755 г. К. Г. Разумовский отменил под давлением высокопоставленных покровителей Ломоносова свой запрет и одновременно приказал Канцелярии объявить Ломоносову, чтобы он «как возможно старался изготовить к будущей ассамблее, т. е. апреля 26 числа, слово похвальное императору Петру Великому, которое давно уже обещал сочинить» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 466, л. 98; № 524, л. 140—140 об.; № 603, л. 43 об.). В течение ближайших двух недель «Слово» было дописано, или, вернее сказать, написано заново: сам Ломоносов отметил затем в одном из своих отчетов, что «сочинил» «Слово» в 1755 г. (т. X наст. изд., документ 516). К 14 апреля 1755 г. весь текст был, по-видимому, готов, так как в этот день Канцелярия вынесла резолюцию о напечатании панегирика (ААН, ф. 3, оп. 1, № 524, л. 154 об.), что и было выполнено Типографией в должный срок. В день ассамблеи, 26 апреля, Канцелярия определила продавать «Слово похвальное» по цене 40 коп. за экземпляр (там же, л. 157).

Оставалось произнести речь. «Произношение, — писал Ломоносов еще за двенадцать лет до этого, — имеет великую силу в предложении слова, когда преизрядными замыслами наполненный ум на язык, очи, лице, руки и весь стан ритора красоту свою изливает и свое великолепие чувствам слушателей ясно представляет» (т. VII наст. изд., стр. 77). Хоть Ломоносов и не робел, по свидетельству современников, ни перед какой аудиторией, хоть и славился смолоду «глубокой памятью», силой и гибкостью, или, как тогда говорили, ломкостью голоса, однако предстоявшее ораторское выступление заботило его, как видно, немало: когда за четыре дня до ассамблеи его пригласили в Академическое собрание, он ответил, что не придет, так как готовится к произнесению панегирика (Протоколы Конференции, т. II, стр. 327): заучивался наизусть текст, обдумывались и, вероятно, репетировались те «умеренные» интонации и жесты, к которым обязывал, по учению Ломоносова, состав вельможных слушателей (ср. т. VII наст. изд., стр. 79, § 139).

28 апреля 1755 г. в «Санктпетербургских ведомостях» появилась заметка, где сообщалось, что 26-го числа в Академии наук «было публичное собрание, причем коллежский советник и химии профессор г. Ломоносов при многочисленном собрании знатных министров, придворных кавалеров и других знатных персон говорил похвальное слово блаженныя и вечнодостойныя памяти государю императору Петру Великому на российском языке». После собрания «о полудни» у К. Г. Разумовского был «трактамент», т. е. прием, куда в числе прочих «членов академических» был зван, очевидно, и Ломоносов (СПб. Вед., 1755, № 34).

Ораторский успех «Слова похвального» не вызывает сомнений: парадных переплетенных экземпляров, приготовленных для раздачи «знатным осо-

Библиотека "Руниверс"

бам», не хватило; пришлось переплести дополнительно еще 50 экземпляров (ААН, ф. 3, оп. 1, № 524, л. 157). Если же говорить о литературном успехе, то он был, кажется, не так громок, как успех «Слова похвального» императрице Елизавете Петровне. Правда, панегирик Петру I был выпущен еще раз в 1758 г. в составе первого тома собрания сочинений Ломоносова, издававшегося Московским университетом, а через несколько месяцев после смерти Ломоносова, в начале января 1766 г., Академия наук снова выпустила панегирик (вместе с «Словом похвальным» императрице Елизавете Петровне) отдельным изданием (ААН, ф. 3, оп. 1, № 292, лл. 178 об.—181). Таким образом, со стороны тогдашних читателей спрос на это произведение Ломоносова был довольно значителен, однако литераторы того времени обошли его молчанием, а из числа критиков начала XIX в., некоторые, в частности М. Г. Каченовский, высказались о «Слове похвальном» Петру I, если и не вполне отрицательно, то весьма сдержанно, находя в нем «недостаток полноты и соразмерности», отсутствие «простоты и легкости» и укоряя Ломоносова в слишком заметном подражании Плинию («Труды Общества любителей российской словесности», М., 1812, ч. III, стр. 92—102).

Что касается самого автора, то он был, по-видимому, удовлетворен своим новым произведением; об этом говорит ряд известных нам фактов. Так, через три с небольшим месяца после произнесения «Слова», 4 августа 1755 г., Ломоносов, возбуждая вопрос об издании Академией наук второго тома его сочинений, заявляет желание включить в этот том прежде всего панегирик Петру I (т. IX наст. изд., стр. 401). Два года спустя, 2 сентября 1757 г., Ломоносов пишет И. И. Шувалову, что Вольтер, до того как приняться за составление истории царствования Петра I, должен «себе сделать краткий план», для чего он, — добавляет Ломоносов, — «и сочиненный мною панегирик не без пользы употребить может, ежели на французский язык переведен будет. Профессор Штрубе уже перевел великую его часть, однако я не мог упросить, чтобы он привел к окончанию, а приказать власти не имею» (т. X наст. изд., письмо 53). Ф.-Г. Штрубе де-Пирмонт успел выбыть к тому времени из состава Академии, так и не окончив, видимо, порученного ему перевода. Панегирик был переведен на французский язык только двумя годами позже, в 1759 г., секретарем И. И. Шувалова бароном Чуди, переведен, по словам Ломоносова, плохо и вопреки возражениям автора (т. X наст. изд., примечания к документу 459), но тем не менее издан в свет в этом именно переводе (ААН, ф. 3, оп. 1, № 243, лл. 38—45 об.) и в июле 1759 г. отправлен Вольтеру (Акад. изд., т. VIII, стр. 143 втор. паг.). А осенью 1761 г. Ломоносов разослал тот же перевод, кроме того, и ряду зарубежных научных деятелей вместе с некоторыми другими своими сочинениями (т. X наст. изд., документ 459 и примечания к нему).

«Я получил Слово похвальное Петру Великому, которое ваше сиятельство благоволили ко мне отправить, — писал Вольтер Шувалову 7 сентября

Библиотека "Руниверс"

1759 г. — Член Академии вашей весьма справедливо делает, что воспевает похвалы сему императору. Люди по такой же причине обязаны петь хвалу богу, ибо непременно надлежит хвалить того, который нас создал. В сем похвальном слове действительно есть красноречие. Я вижу, что ваш народ вскоре будет отличать себя науками так же, как оружием, но он вам, государь мой, наиболее за оные будет обязан. Я же имею к вам признательность за получение от вас записок, наставительнейших [т. е. более поучительных], нежели слово похвальное. То, что есть одна только похвала, часто служит к единственному показанию сочинителева разума. Одно наименование заставляет читателя быть в осторожности; одни истины истории могут заставить рассудок верить и удивляться. Прекраснейшее слово похвальное Петру Великому есть, по моему мнению, дневные его записки» (Письма г. Вольтера к графу Шувалову и некоторым другим российским вельможам 1757—1773. Переведено с французского статским советником и кавалером Н. Левицким. М., 1808, стр. 39—40).

В этом едком и высокомерном отзыве, вежливо-одобрительном только по внешности, заключено зерно истины. Подобным же в сущности образом высказались о «Слове похвальном» и некоторые позднейшие отечественные историки (Е. Ф. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства. «Журнал Министерства народного просвещения», 1911, т. XXXVI, № 12, отд. 2, стр. 211—213).

Мы не знаем, стал ли известен Ломоносову полсжительный отзыв о «Слове похвальном», опубликованный в 1761 г. тем самым И. Готшедом, по чьим книгам и статьям Ломоносов изучал когда-то, еще в Германии, поэтику и риторику. В своем журнале «Das Neueste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit» («Новейшее из области изящной учености», 1761, стр. 200—207) Готшед напечатал немецкий перевод ломоносовского «Слова похвального», сопроводив его такими словами: «Теперь уже наши читатели могут сами судить о том, какой мужественной силой и каким хорошим вкусом обладает этот русский вития».

Ценность «Слова похвального» не столько в характеристике Петра I, сколько в отчетливой и полной формулировке того взгляда на Петра и на его преобразования, который сложился к середине XVIII в. у самых передовых и самых просвещенных русских деятелей этого времени, а в том числе и у самого выдающегося из них — Ломоносова. По праву считая себя прямым продолжателем просветительной работы Петра, Ломоносов был искренен в своих гиперболических восхвалениях преобразователя. Вот отчего тяжелые оковы риторической формы не помешали панегиристу подняться — особенно в конце «Слова» — до подлинно поэтического воодушевления.

[1] Торжественная ассамблея Академии наук, во время которой произнесено было Ломоносовым «Слово похвальное» Петру I, была приурочена

Библиотека "Руниверс"

к праздновавшейся 25 апреля 1755 г. годовщине коронации императрицы Елизаветы Петровны.

[2] См. примечание 15 к стихотворению 44.

[3] Т. е. И. С. Мазепу и его приспешников.

[4] Т. е. польскому королю Августу II, свергнутому с престола по настоянию Карла XII. 9 октября 1709 г. Петр I подписал с Августом новый трактат, где обещал содействовать восстановлению его в королевском достоинстве (Б. Б. Кафенгауз. Северная война и Ништадтский мир. М.—Л., 1944, стр. 42).

[5] Под Полтавой и у Переволочни было взято в плен около 19 000 шведов. Петр I обошелся с ними мягко. Пленные шведские офицеры, в том числе и их главнокомандующий, были приглашены на царский пир, которым на поле сражения была отпразднована Полтавская победа (Б. Б. Кафенгауз. Северная война и Ништадтский мир. М.—Л., 1944, стр. 40—41). На этот счет в Ломоносовское время ходило много преданий. Писали об этом еще при жизни Петра I и иностранцы («Литературное наследство», т. 33—34, М., 1939, стр. 9—10).

[6] Имеется в виду татаро-монгольское иго.

[7] Имеется в виду бироновщина.

[8] Имеется в виду Куликовская битва и последующие вооруженные столкновения с Золотой Ордой.

[9] Имеется в виду успешное окончание русско-шведской войны 1741—1743 гг.

[10] Т. е. оборачиваются спиной, обращаются в бегство.

[11] Имеется в виду завершивший многолетнюю войну за австрийское наследство Ахенский мир 1748 г., заключение которого было ускорено движением русского экспедиционного корпуса к Рейну (см. примечание 1 к стихотворению 144 и вводную часть примечаний к стихотворению 149).

[12] Имеется в виду провозглашение внука Петра I, будущего императора Петра III, наследником русского престола (ПСЗ, 8658).

[13] См. примечание 19 к стихотворению 141.

[14] То же словосочетание в 1-й строфе знаменитой оды 1747 г. (стихотворение 141).

[15] По § 29 регламента 1747 г. в Академии наук следовало «всякий год иметь три ассамблеи публичных. Первое такое собрание быть должно в память основателя Петра Великого, в начале генваря». Однако до апреля 1755 г., т. е. в течение почти восьми лет со времени утверждения регламента, в Академии не было ни одной ассамблеи, посвященной памяти Петра I.

[16] Великий князь Павел Петрович родился 20 сентября 1754 г.

[17] Ср. т. VII наст. изд., стр. 70, § 124.

Библиотека "Руниверс"

[18] «Того же времени [в 1699 г.] государь дал позволение всем своим подданным ездить в иностранные европейские государства для обучения, которое прежде было запрещено под казнию, и не точию позволил на сие, но еще к тому их и понуждал» (Поденная записка, стр. 7). Фактически, однако, посылка молодых людей за границу началась еще в 1692 г., а с 1696 г. приобрела массовый характер (Богословский, т. IV, стр. 304—305).

[19] Ломоносов не прав, относя зарождение нашей горной промышленности ко времени Петра I. За период с 30-х до половины 90-х годов XVII в. возникло более двадцати казенных и частных железных заводов, из которых к началу XVIII в. действовало не менее семнадцати. Но при всем том совершенно бесспорно, что успехи, достигнутые в горном деле при Петре, несравнимы с тем, что было сделано до него: при Петре, с 1700 по 1725 г., было открыто не менее 69 предприятий металлургической и металлообрабатывающей промышленности, т. е., иначе говоря, количество их увеличилось более чем в пять раз (Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I. М.—Л., 1947, стр. 7, 156—164).

[20] В 1725 г. годовой экспорт русского железа превысил 55 000 пудов (Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I. М.—Л., 1947, стр. 80). О темпах развития этого экспорта красноречиво говорят следующие цифры: вывезено железа в одну только Англию

в 1716 г.	2 200	пудов
„ 1730 „	22 600	„
„ 1732 „	203 500	„

(М. Мартынов. Уральская горная промышленность в эпоху Петра Великого. «Исторический журнал», 1944, № 9, стр. 23; С. Г. Струмилин. Горнозаводский Урал Петровской эпохи. 1945, стр. 13).

[21] При Петре I возникло 9 заводов, выделывавших огнестрельное и холодное оружие (Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I. М.—Л., 1947, стр. 157, 158, 161 и 162).

[22] Имеются в виду неудачные крымские походы В. В. Голицына 1686 и 1688 гг.

[23] В документах, относящихся к августу 1683 г., упоминаются в числе стряпчих конюхов, состоявших у «потешных лошадей», Сергей Бухвостов и Еким Воронин, будущие первые солдаты зарождавшегося именно в это время первого потешного полка — Преображенского (Богословский, т. I, стр. 58—59), положившего начало «новому регулярному войску».

[24] Измененная цитата из Плиниева «Панегирика Траяну»: «Ingens, Caesar, et par gloria tua» («Велика, цезарь, и справедлива твоя слава»). Римский панегирист заключает этим восклицанием рассказ о том, как Траян, состоя уже в сане императора и будучи в третий раз избран консулом, «позволил потребовать от себя той присяги, которая известна императорам

Библиотека "Руниверс"

только потому, что они требуют ее от других» (Письма Плиния Младшего. М.—Л., 1950, стр. 423).

[25] Ломоносов вспоминает военные «потехи» юного Петра I и, в частности, известный Кожуховский поход 1694 г., завершившийся взятием безымянной крепости под Симоновым монастырем (Соловьев, кн. III, стлб. 1086—1087; Богословский, т. I, стр. 193—206). Во время этих маневров (как, впрочем, и в большинстве последующих настоящих сражений), Петр I, хоть и руководил фактически боевыми операциями, однако не облекал себя званием главнокомандующего.

[26] В сражении под Нарвой 19 ноября 1700 г. участвовал только один относительно старый полк (Лефортовский), остальные же русские полки были укомплектованы вновь набранными солдатами, еще не бывавшими в полевых боях (Поденная записка, ч. I, стр. 25).

[27] За сутки до сражения Петр I уехал из-под Нарвы, назначив главнокомандующим новоприезжего австрийского генерала герцога фон Круи, который одним из первых обратился в бегство и вместе с рядом других иностранных генералов сдался шведам. Часть молодых русских полков, в том числе полки Преображенский и Семеновский стойко отбивались от неприятеля до самой ночи так же, как и отряд генерала Вейде, но командиры действовали несогласованно и, потеряв между собою связь, вынуждены были согласиться на капитуляцию (Поденная записка, стр. 19—22).

[28] Еще до отъезда Петра I бомбардирский капитан Преображенского полка Гуммерт, швед по происхождению, пользовавшийся полным доверием царя, перебежал к шведам (Поденная записка, стр. 18).

[29] Семь русских генералов и семь полковников были задержаны шведами в качестве военнопленных (Поденная записка, стр. 23—24).

[30] См. примечание 13 к стихотворению 256 и т. VI наст. изд., стр. 96, п. 40.

[31] Имеются в виду захват двух шведских кораблей под Архангельском в июне 1701 г. и сухопутная победа над шведами при мызе Эрестфер 29 декабря того же года (Соловьев, кн. III, стлб. 1257).

[32] Обращение к шведам.

[33] Победы при деревне Лесной 28 сентября 1708 г. и под Полтавой 27 июня 1709 г.

[34] Шведский генерал Левенгаупт пытался уклониться от сражения с русской армией, но был настигнут ею при Лесной и разбит (Соловьев, кн. III, стлб. 1482—1484).

[35] Т. е. Мазепы.

[36] Имеется в виду речь, произнесенная Петром I в Петербурге, в Троицком соборе 22 октября 1721 г., после того как прочитан был текст мирного договора со Швецией и канцлер Г. И. Головкин обратился к Петру с прось-

Библиотека "Руниверс"

бой принять титул императора и прозвания «Великий» и «Отец отечества» (ПСЗ, 3840; Соловьев, кн. IV, стлб. 626).

[37] Обычная для Ломоносова парафраза, которой он пользуется для обозначения русских мореплавателей, совершивших путешествия на Дальний Восток, участников первой и второй Камчатских экспедиций (см. примечание 16 к стихотворению 141).

[38] Знаменитый ботик, найденный Петром I в 1688 г. в Измайлове среди старых вещей, сложенных в амбаре боярина Н. И. Романова. На этом ботике Петр совершал свои первые плавания сперва по Яузе, а затем на Просяном пруду в Измайлове (Богословский, т. I, стр. 64—65).

[39] Так называемая Пресбургская крепость, построенная в 1684 г. при личном участии двенадцатилетнего царя в Преображенских рощах на Яузе (Голиков, т. I, стр. 30).

[40] См. выше, примечание 38.

[41] Ростовским озером Ломоносов называет Переяславское озеро (близ Переяславля-Залесского, в 150 км от Москвы и в 60 км от Ростова), где Петр I побывал впервые в 1688 г. и где стали строиться затем суда, на которых он совершал учебные плавания. С 1691 г. он перенес эти упражнения на более удаленное от Москвы Кубенское озеро (Богословский, т. I, стр. 65—66, 74, 132, 134).

[42] См. примечание 15 к поэме «Петр Великий» (стихотворение 256).

[43] В предисловии к Морскому регламенту Петр I, вспоминая свое первое заграничное путешествие, рассказывает, как в Саардаме и Амстердаме работал на верфи рядовым плотником, «вдав себя в научение корабельной архитектуры» (Богословский, т. II, стр. 156).

[44] 10 августа 1723 г. Петром I было устроено в Кронштадте своеобразное морское чествование ветхого измайловского ботика (см. выше, примечание 38), ставшего родоначальником русского военного флота. Ботик под императорским штандартом обошел всю эскадру, и все корабли приветствовали его артиллерийскими салютами (Голиков, т. IX, стр. 263—264).

[45] Переписи населения произведены были при Петре I трижды: в 1710, 1716—1717 и 1718—1724 гг. (Е. В. Спиридонова. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. [М.], 1952, стр. 270—273).

[46] Безудержная эксплуатация крепостных помещиками, о чем красноречиво писал современник Петра I И. Т. Посошков (И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве. М., 1937, стр. 253—254), возраставший с каждым годом налоговый гнет, частые рекрутские наборы и многочисленные натуральные повинности были причиной крестьянских побегов, которые приобретали все более массовый характер: перепись 1710 г. показала убыль тягловых крестьянских дворов на 20% против переписи 1678 г., а перепись 1716—1717 гг. дала еще более плачевные результаты (Е. В. Спиридонова. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. [М.], 1952,

Библиотека "Руниверс"

стр. 270, 272). «Сыск оных беглецов» производился непрерывно в продолжение всего петровского царствования; по этому предмету правительством был издан ряд указов (ПСЗ, 3512, 3636, 3743, 3939 и др.), цель которых была одна: чтобы из податного населения никто «в гулящих не был», «без службы не шатался» и «без положения в оклад не остался» (П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. [Л.], 1952, стр. 361). Ломоносов, идеализируя, по своему обыкновению, Петра I и приукрашая его деятельность, умалчивает о том, с какой варварской жестокостью производилось утверждение «каждого на своем жилище».

[47] Подушная подать, введенная Петром I взамен подворного обложения, была действительно «известна», так как ограничивалась определенной денежной ставкой, однако, вопреки утверждению Ломоносова, оказывалась далеко не «легка». Достаточно сказать, что, кроме подушной подати, введено было и много других налогов (с продажи соли, огурцов, дубовых гробов, разведения пчел, точения ножей и топоров, ношения бороды и т. п.), что к уплате подати привлечены были такие категории населения, которые до тех пор не облагались (крестьяне дворцовые, государственные, черносошные, однодворцы, тяглые посадские и другие, а с 1723 г. и холопы), и что взималась подать со всех поголовно вне зависимости от их имущественного положения, «не обходя от старого до самого последнего младенца», не исключая «увечных и дураков» (П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. [Л.], 1952, стр. 360—363; Е. В. Спиридонова. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. [М.], 1952, стр. 193—201, 274). Не касаясь всего этого, Ломоносов не говорит и о самом главном, а именно о том, что за восхищавшую его военную и преобразовательную деятельность Петра I расплачивались, в сущности, одни только демократические низы населения и прежде всего крестьянство, доведенное в силу этого к концу его царствования до «всеконечного разорения», граничившего с нищетой, тогда как в руках господствовавшего класса помещиков и нарождавшегося класса купцов накапливались тем временем все бо́льшие богатства.

[48] Варяжским морем Ломоносов называет Балтийское море, «покоренными» городами — Ригу, Ревель, Нарву и Выборг, «собственным трудом воздвигнутыми» — Петербург и Кронштадт.

[49] В 1698 г. было приступлено к прорытию Волго-Донского канала, но это предприятие было оставлено. Для соединения Петербурга с бассейном Волги в 1703 г. началось сооружение Вышневолоцкого канала, по которому в 1709 г. открылось движение. В 1718 г. с той же целью начали рыть обводный Ладожский канал (П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. [Л.], 1952, стр. 364—365).

[50] В 1724 г. был утвержден первый русский таможенный тариф (П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. [Л.], 1952, стр. 365—366). Пошлинным сбором был обложен и весь внутренний товаро-

Библиотека "Руниверс"

оборот (Е. В. Спиридонова. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. [М.], 1952, стр. 247).

[51] О торговых договорах, заключенных при Петре I с иностранными государствами, см. Е. В. Спиридонова. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. [М.], 1952, стр. 221—224.

[52] Сенат был учрежден в 1711 г. (ПСЗ. 2321), Синод — в 1721 г. (ПСЗ, 3718), первые девять коллегий — в 1717 г. (ПСЗ, 3255).

[53] Имеется в виду утвержденная в 1722 г. «Табель о рангах» (ПСЗ, 3890).

[54] Имеется в виду учреждение Петром I орденов Андрея Первозванного и Екатерины (ПСЗ, 1931, 2860).

[55] «Официально, сухо, подозрительно и неприветливо встретила Петра Западная Европа, и первые впечатления, испытанные им при начальном знакомстве с нею, были неблагоприятны», — пишет новейший историк о проезде Петра I через прилегавшие к тогдашней русской границе прибалтийские владения Швеции (Богословский, т. II, стр. 33). Уезжая 8 апреля 1697 г. из Риги, сам Петр в письме к одному из друзей характеризовал свое девятидневное пребывание в этом городе следующим образом: «Здесь мы рабским обычаем жили и сыты были только зрением» (Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I. СПб., 1887, № 149, стр. 149).

[56] О «многих противностях и неправдах», учиненных Петру I «во время его, государева, шествия через Ригу», говорилось в его указе от 19 августа 1700 г. об объявлении войны Швеции (ПСЗ, 1811).

[57] «Струями двинскими» Ломоносов называет Западную Двину, которую Петр I и его спутники, прибыв в Ригу 31 марта 1697 г., «обрели еще льдом покрыту» (Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I. СПб., 1887, № 147, стр. 147). 4 апреля начался ледоход, что и задержало Петра в Риге на девять дней. Вскрытие Двины сопровождалось давно не бывалым подъемом воды, которая «влилась в город Ригу, и многую шкоду учинило и погребы многие залило». Несмотря на всю затруднительность переправы через разлившуюся реку, Петр I на три дня ранее всего остального посольства покинул Ригу. Во время осмотра рижских укреплений у Петра, соблюдавшего строгое инкогнито, произошло столкновение с крепостным караулом, который потребовал, чтобы русские удалились, и пригрозил ружьями (Богословский, т. II, стр. 24—25, 28—29). На это и намекает Ломоносов, когда говорит о спасении Петра «от устроенных коварств» и о «преодоленных им опасностях».

[58] 15 июля 1698 г. Петр I, находясь в Вене и готовясь к отъезду в Венецию, получил из Москвы известие «о воровстве бунтовщиков-стрельцов». «Воровство» произошло в Торопецком уезде и заключалось в том, что находившиеся там четыре стрелецких полка, направлявшиеся на литовскую границу, отказались туда идти и, сместив командиров, двинулись на Москву. Это сообщение заставило Петра отменить путешествие в Венецию и вер-

Библиотека "Руниверс"

нуться на родину (Богословский, т. II, стр. 538—539). «Хотя зело нам жаль нынешнего полезного дела,— писал Петр 16 июля 1698 г. Ф. Ю. Ромодановскому,— однако сей ради причины [т. е. по причине стрелецкого бунта] будем к вам так, как вы не чаете» (Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I. СПб., 1887, № 252, стр. 271).

[59] Под «самыми ближними» Ломоносов разумеет сестру Петра I, царевну Софью, его жену, царицу Евдокию, и его сына, царевича Алексея.

[60] «Сам царь на крылосе пел и послания апостольские читал» — такие и подобные сообщения встречаются во многих источниках, в частности и в тех хорошо известных Ломоносову записях холмогорского летописца, где рассказывается о приездах Петра I на Беломорское побережье (Новиков, стр. 30, 41—42, 47).

[61] В августе 1724 г. были перевезены из Владимира в Петербург останки Александра Невского. Петр со всем двором торжественно встречал их на Неве и сам перенес их сперва на свою галеру, а затем с галеры в церковь вновь учрежденного Невского монастыря (Голиков, т. X, стр. 91).

[62] В походном журнале Петра I записано, что при вторичной осаде Нарвы русскими войсками, 6 августа 1704 г., во время богослужения было получено известие об обвале одного из крепостных бастионов, в силу чего часть рва оказалась засыпана (Поденная записка, т. I, стр. 86).

[63] Намек на прусского короля, который укрепил свое положение благодаря союзу с Россией во время Северной войны (ср. примечание 67 к поэме «Петр Великий» — стихотворение 256).

[64] См. выше, примечание 4.

[65] Существовало предание, будто в 1684 г. Петр I, присутствуя с боярами на Пушечном дворе при стрельбе из пушек в цель и при метании бомб, подошел, несмотря на уговоры бояр, к пушке и сам поднес к ней горящий фитиль (Голиков, т. I, стр. 29). Достоверно известно, что еще в мае 1683 г. одиннадцатилетний Петр, живя с матерью в Воробьеве, забавлялся «потешной огнестрельной стрельбой» из настоящих пушек (Богословский, т. I, стр. 58).

[66] Имеется в виду персидский поход Петра I и взятие Дербента 23 августа 1722 г. (Соловьев, кн. IV, стлб. 676—677).

[67] См. выше, примечание 5. О возвращении шпаг пленным шведским генералам см. Голиков, т. IV, стр. 80.

[68] Т. е. преждевременная смерть.

[69] Вероятно, речь идет все о том же приглашении пленных шведов на победный пир (см. выше, примечания 5 и 67).

[70] Имеются в виду казни стрельцов в сентябре и октябре 1698 г.

[71] Ср. примечание 48 к поэме «Петр Великий» (стихотворение 256).

[72] Я. Я. Штелин сообщает, со слов И. А. Черкасова, что Петр I имел обыкновение вставать очень рано. Зимой он поднимался с постели в 4 часа

Библиотека "Руниверс"

утра, сразу принимался за дела, а в 6 ехал в Сенат, в Адмиралтейство или в какие-нибудь другие учреждения (J. von Stählin. Originalanekdoten von Peter dem Grossen. Leipzig [И. Штелин. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Лейпциг], 1785, стр. 325).

[73] Т. е. Эльба.

[74] Т. е. Темза.

[75] Цитируя этот отрывок, М. Н. Муравьев писал в 1783 г.: «Плиний Младший, который повод подал к сему величественному воображению в своем Панегирике (гл. IV), не умел облечь его сим блистанием, в котором видим его у Ломоносова, затем что искал только остроумных мыслей; и сию тотчас оставил, как исчерпнул блеск оной» (Опыт трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете, ч. VI, М., 1783, стр. 20). Ср. Письма Плиния Младшего. М.—Л., 1950, стр. 360—361.

[76] Речь идет о разлуке царевны Елизаветы Петровны с сестрой, герцогиней голштинской Анной Петровной, уехавшей за границу в 1727 г. и там умершей.

224

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 53 об.).

Впервые напечатано — Будилович, I, стр. 28.

Датируется предположительно 1755 годом. Публикуемый фрагмент написан Ломоносовым посреди целого ряда черновых заметок, относящихся к его работе над «Письмом о сходстве и переменах языков» (т. VII наст. изд., стр. 659, 925, прим. 442, 926, прим. 446 и 944, прим. 1), а это «Письмо», по свидетельству самого Ломоносова, он сочинял в 1755 г. (т. X наст. изд., документ 516).

«Письмо о сходстве и переменах языков» было адресовано, по всем вероятиям, И. И. Шувалову (т. VII наст. изд., стр. 926, прим. 446). К нему же, по-видимому, было обращено и это, не известное нам стихотворение, частью которого должны были стать публикуемые два стиха.

1756

225

Печатается по тексту первой публикации — Соч. 1757 г., стр. 184.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Датируется предположительно июлем—августом 1756 г.

Царское Село неоднократно воспевалось Ломоносовым, начиная с лета 1750 г., после его сближения с И. И. Шуваловым (см. стихотворения 176, 274; т. X наст. изд., письмо 18).

Библиотека "Руниверс"

В продолжение двадцатилетнего царствования императрицы Елизаветы Петровны дворец в Царском Селе перестраивался дважды: первая перестройка производилась под наблюдением архитекторов А. В. Квасова и С. И. Чевакинского и была закончена в 1748 г.; в 1749—1756 гг. дворец был перестроен заново по проекту В. В. Растрелли (А. Бенуа. Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1910, стр. 32—44, 71—78).

После этой второй перестройки Царскосельский дворец становится излюбленной летней резиденцией императрицы: там происходят заседания Конференции при императорском дворе (Журналы камер-фурьерские за 1756 г., стр. 47; 1757, стр. 55, 56, 74) и разные торжественные церемонии, как например оглашение манифеста о войне с Пруссией, передача ключей и знамен взятого русскими войсками города Мемеля (там же, стр. 55); иностранным послам показывают парадные покои, церковь, сады, зверинец (там же, стр. 161—163).

Заглавие публикуемого стихотворения позволяет думать, что оно было написано по завершении «нового строения», в 1756 г., вернее всего — в промежуток времени с 2 июля по 2 августа этого года, когда императрица впервые прожила целый месяц в обновленном дворце и присутствовала при торжественном освящении тамошней церкви (Журналы камер-фурьерские за 1756, стр. 46—51).

[1] Восставал, т. е. поднимался, шел по пути к возвышению.

226

Печатается по Каз. (№ 25, стр. 60—61) с указанием в сносках вариантов по Бычк. (стр. 135). Список этого стихотворения имеется и в сборнике И. С. Баркова (ИРЛИ, ОХ, оп. 2, № 4, стр. 127—128), но настолько неисправный, что приводить варианты по этому списку нет смысла.

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые напечатано — Акад. изд., т. II, стр. 135—136.

Датируется предположительно промежутком времени с 30 октября по 21 декабря 1756 г. О французском стихотворении, переведенном Ломоносовым, Вольтер упоминает впервые в письме на имя графини Лютцельбургской от 30 октября (9 ноября нов. стиля) 1756 г. в таких выражениях: «Мне обещали дать странное произведение, но решусь ли послать его вам? В таких случаях боишься собственной тени» (Oeuvres complètes de Voltaire, t. VII, Paris [Полное собрание сочинений Вольтера, т. VI, Париж], 1880, стр. 127). Из этих слов видно, что в момент отправки письма стихотворение было литературной новинкой и в силу этого Ломоносову еще не могло быть известно. А 21 декабря 1756 г. М. И. Воронцов переслал публикуемый

Библиотека "Руниверс"

перевод Ломоносова в Париж Ф. Д. Бехтееву (Архив кн. Воронцова, кн. 33. М., 1887, стр. 212).

Политическая ситуация, подавшая повод к появлению упомянутого французского стихотворения, охарактеризована в мемуарах Вольтера следующим образом: «Фридрих, который являлся в то время союзником Франции и глубоко презирал наше [т. е. французское] правительство, предпочел союз с Англией союзу с Францией и вошел в соглашение с Ганноверским двором [т. е. с английским королем, который одновременно был и королем ганноверским], рассчитывая, что сумеет одной рукой помешать вторжению в Пруссию русских, а с другой — воспрепятствовать вступлению в Германию французов; он обманулся и в том и в другом своем предположении, но было у него еще и третье, которое его не обмануло: оно заключалось в том, чтобы под предлогом дружбы совершить нашествие на Саксонию и на деньги, награбленные у саксонцев, повести войну с императрицей, королевой венгерской. Этой странной проделкой бранденбургский маркиз [т. е. Фридрих II] изменил всю систему европейских политических связей» (Вольтер, Избранные произведения, М., 1947, стр. 435). Так, вполне точно изображает Вольтер начало Семилетней войны.

Стихотворное послание прусскому королю получило в Париже широкую огласку, и Вольтер, связанный с Фридрихом II сложными личными отношениями и, несмотря на войну, продолжавший вести с ним переписку, оказался в щекотливом положении, которое заставило его заявить, что автором послания является не он (Oeuvres complètes de Voltaire, t. VII, Paris, 1880, стр. 133 и 136). Однако же новейшие французские издатели Вольтера приписывают это произведение ему (там же, т X, 1877, стр. 557—558). Авторство Вольтера подтвердил в 1757 г. и русский поверенный в делах при французском дворе Ф. Д. Бехтеев (Архив кн. Воронцова, кн. 3, М., 1871, стр. 237).

Произведение Вольтера было переведено Ломоносовым в то время, когда предстоявшая война с Пруссией была уже делом решенным, о чем официально объявлялось в газетах (СПб. Вед., 1756, № 82, 11 октября).

Публикуемый перевод Ломоносова в смысле точности может считаться образцовым; незначительные отклонения от французского подлинника отмечены ниже.

[1] Под «шпрейскими струями» Ломоносов разумеет реку Шпрее, на берегах которой расположен Берлин. Под «разумными» Ломоносов разумеет иностранных ученых, которых Фридрих II привлекал к участию в работах Берлинской Академии наук.

[2] Т. е. победы прусских войск над австрийскими при Мольвице 30 марта 1741 г.

Библиотека "Руниверс"

[3] Писцом допущено здесь явное искажение ломоносовского текста. Во французском оригинале этот стих и два последующих, переведенные Ломоносовым недостаточно точно, читаются так:

La chicane à tes pieds avait mordu l'arène,
Et ce monstre, chassé du palais de Thémis,
Du timide orphelin n'excitait plus les cris.

В буквальном переводе это означает:

Судейское крючкотворство у ног твоих грызло песок,
И это чудовище, изгнанное из дворца Фемиды,
Уже не исторгало более воплей у робкого сироты.

[4] 18 августа 1756 г. прусские войска заняли Лейпциг

[5] Во французском оригинале:

Tu perds en un instant ta fortune et ta gloire,

т. е. в буквальном переводе:

Ты лишаешься мгновенно счастья и славы.

Далее Ломоносовым пропущены два стиха, которые во французском оригинале читаются так:

Tu n'es plus ce héros, ce sage couronné,
Entouré des beaux-arts, suivi de la victoire!

т. е. в буквальном переводе:

Ты уж не тот герой, не тот венценосный мудрец,
Окруженный изящными искусствами, сопутствуемый победой!

1757

227

Печатается по списку, сохранившемуся в архиве Г.-Ф. Миллера (М., № 150 — I, № 19) с указанием в сносках вариантов по списку, сохранившемуся в архиве Синода (ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 97, № 180, лл. 65 об.—67, обозначаемому сокращенно Син.), а также по следующим рукописным сборникам XVIII в.: Q (лл. 27—29), O (лл. 126—129 об.), И. О. Селифонтова (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 473, лл. 5—6, обозначаемому сокращенно Сел.), Каз. (стр. 40—42). Бычк. (стр. 157—160), И. С. Баркова (ИРЛИ, ОХ, оп. 2, № 4, стр. 95—98, обозначаемому сокращенно Барк.), П. П. Шибанова (Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, ф. 344, № 282, стр. 34—37, обозначаемому сокращенно Ш), Г. В. Юдина (там же, ф. 218, № 502, лл. 53—55, обозначаемому сокращенно Ю),

Библиотека "Руниверс"

П. П. Пекарского (местонахождение неизвестно; варианты приводятся по Пекарскому, II, стр. 605, прим. 2 и Акад. изд., т. II, стр. 161—162 втор. паг., обозначается сокращенно П), А. М. Княжевича (местонахождение неизвестно; варианты приводятся по Акад. изд., т. II, стр. 161—162 втор. паг., обозначается сокращенно Кн.).

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые напечатано (по Каз., с ошибками и неполно) — «Библиографические записки», 1859, т. II, № 15, стр. 461—463.

Дошедшие до нас списки «Гимна бороде» отличаются друг от друга только большей или меньшей исправностью и не всюду одинаковой расстановкой строф. Говорить при таких условиях о существовании различных авторских редакций «Гимна» нет причины. Из всех известных нам списков существует только один, о котором можно сказать с твердой уверенностью, что хронологически он весьма близок к неотысканному подлиннику: это список, найденный в делах Синода; он появился никак не позднее 6 марта 1757 г. (день подачи Синодом доклада императрице). Совершенно точно воспроизвел этот список своей рукой академик Г.-Ф. Миллер, который выправил при этом очень старательно и умело многие орфографические погрешности синодального писца. Список Миллера (М), являющийся, таким образом, во всех отношениях наиболее надежным и исправным, и выбран поэтому в качестве основного текста.

Датируется предположительно последней третью 1756 г. или первыми двумя месяцами 1757 г. Основанием для такой датировки служат: 1) возвращение Синодом 16 сентября 1756 г. И. И. Шувалову русского перевода поэмы А. Попа «Опыт о человеке» с извещением, что Синод не разрешает печатать этот перевод (ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 209, № 205, Протоколы Синода за 1757 г., л. 204; см. ниже, стр. 1062) и 2) начальные слова доклада, поданного Синодом императрице 6 марта 1757 г.: «В недавном времени проявились в народе пашквильные стихи, надписанные: Гимн бороде» («Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских», 1865, кн. I, отд. V, стр. 59).

Ни при жизни Ломоносова, ни в ближайшие после его смерти десятилетия «Гимн бороде» не печатался и — по цензурным условиям того времени — не мог быть опубликован. Прямых документальных доказательств того, что автором этого стихотворения был Ломоносов, не отыскано. Сам он ни в одном из дошедших до нас документов не упоминает ни разу ни о «Гимне бороде», ни о тех последствиях, какие имело для него появление этого стихотворения. Если же Синод в упомянутом выше докладе и говорит, что во время «свидания и разговора» с синодальными членами Ломоносов, «сверх всякого чаяния, сам себя тому пашквилному сочинению автором оказал», то в основу такого утверждения Синода положено не признание Ломоносова, а лишь умозаключение синодальных членов, построен-

Библиотека "Руниверс"

ное в свою очередь только на косвенных уликах. Улики эти, однако же, настолько серьезны, что едва ли можно не согласиться со сделанным из них выводом. Члены Синода — гласит их доклад — сказали Ломоносову, «что оный пашквиль, как из слогу признавательно, не от простого, а от какого-нибудь школьного человека, а чуть и не от него ль самого [т. е. от Ломоносова] произошел». Если верить тому же докладу, Ломоносов и не признал, и не отверг предъявленного ему обвинения, а «исперва начал оный пашквиль шпински [т. е. издевательским образом] защищать», затем же «таковые ругательства и укоризны на всех духовных за бороды их произносил, каковых от доброго и сущего христианина надеяться отнюдь невозможно» (там же, стр. 60). Если бы Ломоносов не был автором «Гимна бороде», он, само собой разумеется, заявил бы о том Синоду. При этих условиях приобретают значение и такие дополнительные, сами по себе менее веские доказательства его авторства, как показания ряда рукописных сборников XVIII в., где сочинителем «Гимна» назван Ломоносов. Таким образом, сомневаться в том, что «Гимн бороде» написан Ломоносовым, вряд ли возможно.

Ясна и та историческая обстановка, которая вызвала его сатирическое выступление. С конца 40-х годов XVIII в. стало все отчетливее проявляться стремление Синода распространить сферу своего «цензурного действования» на научную, научно-популярную и художественную литературу. Особенно строго начало преследоваться с этого времени все, «трактующее о множестве миров, о коперниковской системе и склонное к натурализму», т. е. к материалистическому миропониманию (Ал. Котович. Духовная цензура в России (1799—1855 гг.). СПб., 1909, стр. 1). К 1750 г. относится следующая запись И.-Д. Шумахера: «Кое-кто из духовенства заявил, что профессоры внушают студентам опасные начала» (Пекарский, II, стр. 141). Это сильно встревожило Шумахера и Г. Н. Теплова, которые в связи с таким заявлением духовных лиц поспешили внести в «учреждение о университете и гимназии» следующий пункт: «Смотреть ему [ректору] прилежно, чтоб профессоры лекции свои порядочно имели, оные по произвольному образцу и в Канцелярии аппробованному располагали и не учили б ничего, что противно быть может православной греко-российской вере, форме правительства и добронравию» (Материалы, т. X, стр. 518, § 3; ср. т. IX наст. изд., стр. 885). В половине 50-х годов XVIII в. цензурная деятельность Синода приобрела угрожающий для естественных наук характер, что объяснялось появлением в 1755 г. нового, основанного по мысли Ломоносова, академического журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Синод обнаружил в журнале произведения, «многие, а инде и бесчисленные миры быти утверждающие, что и священному писанию и вере христианской крайно противно есть и многим неутвержденным душам причину к натурализму и безбожию подает»

Библиотека "Руниверс"

(ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 97, № 180, Копии с всеподданнейших докладов Синода 1756—1758, л. 33—33 об.). В докладе, представленном императрице 21 декабря 1756 г., Синод просил издать именной указ, «дабы никто отнюдь ничего писать и печатать как о множестве миров, так и о всем другом, вере святой противном и с честными нравами не согласном, под жесточайшим за преступление наказанием не отваживался» (там же, л. 34). Что же касается «Ежемесячных сочинений» 1755 и 1756 гг., то те их номера, «в которых о той же материи припоминается или другое что, вере противное, содержится», следовало, как говорилось в том же докладе, «отобрать везде и прислать в Синод». Ту же меру, т. е. конфискацию, предлагалось применить и к изданной еще в 1740 г. и «находящейся в многих руках» книге Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» в русском переводе А. Д. Кантемира (там же; Т. В. Барсов. О духовной цензуре в России. «Христианское чтение», 1901, т. CCXII, ч. I, стр. 111—112) Просимый Синодом именной указ издан не был, но зато другое, подобное же и почти одновременное выступление духовной цензуры увенчалось успехом: 16 сентября 1756 г. Синод вернул куратору Московского университета И. И. Шувалову переведенную на русский язык профессором этого университета Н. Н. Поповским поэму английского писателя А. Попа «Опыт о человеке» с извещением, что «к печатанию оной книги Святейшему Синоду позволения дать было несходственно» (ЦГИАЛ, ф. 796, оп 209, № 205, Протоколы Синода, за 1757 г., л. 204). «Издатель оныя книги, — заявлял Синод, — ни из священного писания, ни из содержимых в православной нашей церкви узаконений ничего не заимствуя, единственно все свои мнения на естественных и натуральных понятиях полагает, присовокупляя к тому и Коперникову систему, також и мнения о множестве миров, священному писанию совсем не согласные» (Т. В. Барсов, ук. соч., стр. 124; «Библиографические записки», 1858, т. I, стр. 489—491. Подробности о дальнейшем ходе этого дела см. Б Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. 2-е издание, М.—Л., 1947, стр. 262—263, 267—269, 284—288). Это последнее распоряжение Синода задевало Ломоносова непосредственно: Поповского, своего любимого ученика, он неизменно поддерживал и выдвигал (т. IX наст. изд., документ 386 и примечания к нему); поэму Попа Поповский переводил под наблюдением Ломоносова; перевод был Ломоносовым одобрен и представлен в свое время И И. Шувалову как образец стилистического искусства Поповского (т. X наст. изд., письмо 32). Задет был и Шувалов, хлопотавший об опубликовании перевода.

Нет сомнений, что литературная и научная деятельность Ломоносова была взята церковными властями под наблюдение еще задолго до появления «Гимна бороде». Не случайно, может быть, что первые известные нам выпады духовной цензуры против «натурализма» относятся к 1748 г.

Библиотека "Руниверс"

(Ал Котович, ук. соч., стр. 1), т. е. к тому году, когда вышла в свет ломоносовская «Риторика», в составе которой впервые была обнародована знаменитая ода Ломоносова о северном сиянии (стихотворение 31; т. VII наст. изд., стр. 315—318). Содержавшиеся в этой оде стихи

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков

не могли не насторожить врагов Коперниковой системы. Еще более встревожило и возмутило их, должно быть, напечатанное в конце 1752 г. столь же знаменитое «Письмо о пользе стекла» (стихотворение 191), где уделено много места совершенно откровенной и весьма красноречивой пропаганде гелиоцентрического учения. Ломоносов полемизирует в этом письме с блаженным Августином, который не допускал возможности существования антиподов Высшими церковными цензорами не могли не быть приняты на свой счет гневные слова поэта, бичующие «жрецов»:

Коль много таковых примеров мы имеем,
Что зависть, скрыв себя под святости покров,
И груба ревность с ней, на правду строя ков,
От самой древности воюют многократно,
Чем много знания погибло невозвратно!

Однако ни эти стихи, открыто метившие в духовенство, ни все «Письмо» в целом не навлекли, насколько известно, на их автора никаких цензурных неприятностей. Его оградило, вероятно, на сей раз громкое имя его покровителя И. И. Шувалова, которому адресовано было «Письмо». Но если происшедшая через полгода после этого трагическая гибель профессора Г.-В. Рихмана оказалась, по выражению Ломоносова, «протолкована противу приращения наук» (т. X наст. изд., письмо 30 и примечания к нему), то у нас есть полное основание думать, что разговоры петербургской знати о кощунственности производившихся Рихманом и Ломоносовым опытов с «громовой машиной» подогревались враждебными Ломоносову церковными кругами. Совершенно прав, разумеется, П. Н Берков, когда подозревает, что в выступлениях церковных ораторов елизаветинской поры могли иметь место нападки на Ломоносова и что против него, должно быть, направлены были слова придворного проповедника Гедеона Криновского о «натуралистах, афеистах и других богомерзких к душам благочестивых людей нестерпимых именах» (Берков, стр. 204—205). Этот Гедеон, молодой еще тогда монах-царедворец, пересыпавший свои церковные поучения изящными ссылками на античных авторов и игривыми историческими анекдотами про то, например, как Клеопатра привораживала Марка Антония, уверял, что почитает «похвальную» мудрость, «как-то философское,

Библиотека "Руниверс"

или медическое, или механическое искусство», однако же весьма запальчиво осуждал с церковной кафедры «мудрость века сего, т. е. излишную и не подобающую в вещах божественных куриозность» (Собрание разных поучительных слов, при высочайшем дворе ее священнейшего величества императрицы и самодержицы всероссийския сказываемых придворным ея величества проповедником иеромонахом Гедеоном, т. II. СПб., 1756, стр. 9). Это было прямое возражение Ломоносову, который в оде 1750 г. (стихотворение 176) требовал от наук максимальной, ни перед чем не останавливающейся «курьозности»:

О вы, щастливыя науки!
Прилежны простирайте руки
И взор до самых дальних мест.
Пройдите землю, и пучину,
И степи, и глубокий лес,
И нутр Рифейский, и вершину,
И саму высоту небес.
Везде исследуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видел свет.

В проповеди этого самого Гедеона, произнесенной 29 июля 1755 г. в присутствии императрицы, есть такая фраза: «Понеже бо многие безрассудные Адамовы детки, как почувствуют к себе фортунину (ежель можно так говорить) щедрость, как увидят себя рангами. достоинством и богатством от других несколько отменных, а наипаче как познают, что они разумом, или силою, или инными какими естественными дарами многих превосходят, то уже кажется им, будто и не от земли составлену они плоть свою имеют и нет над ними никого такого, которому бы за свои дела отвещать были должны, ниже́ может еще противостать им» (там же, стр. 244). Не надо было обладать особой проницательностью, чтобы уловить в этой коварной характеристике «безрассудных Адамовых деток» попытку изобразить Ломоносова. Уловил это, конечно, и сам Ломоносов, если только прочитал эту проповедь, когда в 1756 г. она вышла в свет.

Таковы были взаимоотношения двух боровшихся сторон к тому времени, когда по рукам столичных жителей стали ходить списки «Гимна бороде». Мы не знаем, какой именно эпизод послужил непосредственным поводом к его сочинению. Ясно лишь, что прямое столкновение вождя русского просвещения с представителями ополчившегося против науки обскурантизма было подготовлено всем ходом предшествовавших событий и ускорено происшедшей в 1756 г. активизацией духовной цензуры. Не исключена возможность, что последней каплей, переполнившей чашу терпения Ломоносова, было либо запрещение перевода Поповского, либо появление в печати цитированных выше проповедей Гедеона.

Библиотека "Руниверс"

Существует мнение, что «Гимн бороде» был направлен против какого-то одного церковного деятеля (Акад. изд., т. II, стр. 160—161 втор. паг.; Ломоносовский сборник, СПб., 1911, стр. 89; Берков, стр. 208, 212—213). Такие суждения порождены тем, что в один из рукописных сборников «Гимн бороде» был вписан под таким заглавием: «Стихи на архиепископа Кулябку, соч. г. Ломоносова» (Акад. изд., т. II, стр. 160 втор. паг.; упомянутый сборник принадлежал в 1867 г. А. М. Княжевичу; где находится он сейчас, не выяснено) и что, по утверждению митрополита Евгения Болховитинова, авторитетного знатока литературных и общественных отношений второй половины XVIII в., «Гимн бороде» был «пасквилем на Сильвестра [Кулябку], архиепископа петербургского» (Ломоносовский сборник. СПб., 1911, стр. 189). Оставляя пока в стороне весьма спорный, до сих пор еще не решенный, а по существу не слишком важный вопрос о том, кто именно — Кулябко или кто-то другой — был адресатом «Гимна» (см. ниже, примечание 12), следует только отметить, что, судя по довольно прозрачному намеку самого Ломоносова, такой индивидуальный адресат в самом деле, по-видимому, существовал. В стихотворении «О страх! о ужас! гром!», написанном очень скоро после «Гимна бороде», сразу после вызванных последним неприятных разговоров с членами Синода (см. ниже) Ломоносов говорит:

О полза, я одной из сих пустых бород
Недавно удобрял безплодный огород.
Уже и прочие то[го] ж себе желают.

Итак, сам Ломоносов признается, что досадил сперва только «о д н о й из сих пустых бород», после чего за нее вступились «и прочие». При всем том, однако, содержание сатиры вышло далеко за пределы личного выпада и носит ярко выраженный общественный, публицистический характер. Этого ни в какие времена не оспаривал никто. И в этом все ее значение.

Были в XIX в. попытки рассматривать «Гимн» как осмеяние одних только раскольников, но это мнение давно уже отвергнуто и уступило место вполне обоснованному и твердому убеждению, что ломоносовская сатира направлена не столько против раскола, не столько против суеверия вообще, сколько против высшего духовенства (В. Н. Перетц. Кто был Христофор Зубницкий? Ломоносовский сборник, СПб., 1911, стр. 85—86; Берков, стр. 196—197, 205). Это доказывается и текстом «Гимна», где рассеян целый ряд таких намеков, которые никак не могут быть отнесены к расколу (например, о жрецах, о чинах, о бородах, заплетенных в косы, о завитых тупеях и т. п.), и главным образом той бурной реакцией на «Гимн», которая последовала со стороны Синода. Если бы высмеивались одни только преследуемые церковью раскольники, то Синод не имел бы основания негодовать на Ломоносова.

Библиотека "Руниверс"

«Гимн бороде» нельзя рассматривать как изолированный факт истории одной только русской литературы: при всей самостоятельности замысла и исполнения, чуждого какой бы то ни было подражательности, «Гимн» опирался все же некоторым образом на всеевропейскую литературную традицию. В католических странах вопрос о бритье бород представителями духовенства имел свою, очень долгую и несравненно более сложную, чем у нас, историю. На протяжении VIII—XVII столетий ношение бород церковниками то решительно запрещалось, то допускалось с теми или иными ограничениями, то поощрялось. В средние века этот вопрос не раз обсуждался поместными соборами и поднимался на догматическую высоту. В XV—XVI столетиях воззрения Ватикана на этот счет утратили устойчивость. На портретах времен позднего Возрождения мы видим в пределах каких-нибудь сорока лет то долгобородых, то чисто выбритых пап. В эту пору догматические споры о бороде уступали иной раз место политическим пререканиям на ту же тему. Так, когда в 1527 г., после ограбления Рима испанскими войсками императора Карла V хозяин опустошенного города, папа Климент VII Медичи, отпустил в знак печали длинную бороду и когда примеру папы захотели последовать рядовые священники, этому воспротивился военный союзник Климента, французский король Франциск I, по требованию которого папа обложил священнические бороды особым налогом. В это самое время, в 1531 г., итальянский гуманист Джованни-Пиерио Валериано, человек, близкий к семейству Медичи и пользовавшийся в свое время покровительством знаменитых пап Юлия II и Льва X, выпустил в свет в Риме с благословения Климента VII прозаический памфлет в защиту бороды на латинском языке под заглавием «Pro sacerdotum barbis ad clarissimum cardinalem Hyppolytum Medicem declamatio» («Речь к пресветлейшему кардиналу Ипполиту Медичи в защиту священнослужительских бород»). Это весьма изящно написанное произведение приобрело огромную популярность и положило начало целой литературе о бороде. Наряду с заступниками и гонителями бороды выступали в печати и нейтральные ее историки, старавшиеся сохранить бесстрастие, что в обстановке горячих догматических и политических споров давалось нелегко. Таким объективным историком пытался стать, например, француз А. Готман (Ant. Hotmann или Hotomannus). В 1586 г. он выпустил в Антверпене сочинение под заглавием «Pogonologia sive dialogus de barba et coma» («Погонология, или разговор о бороде и волосах»), где в форме беседы сторонника бороды с ее противником и в свете высказываний античных и средневековых, духовных и светских писателей всесторонне, с большой серьезностью обсуждался вопрос о стрижке и бритье растительности, украшающей мужскую голову. Однако ни один из писавших на эту тему авторов не стяжал такой славы, как Валериано, чей памфлет получил особенно широкую известность в XVII в. (он переиздавался в 1604, 1613, 1626 и 1631 гг.),

Библиотека "Руниверс"

когда под давлением придворной моды католическому духовенству пришлось окончательно отказаться от бороды и когда ее сторонники предпринимали последние отчаянные попытки отстоять ее право на существование. Сочинение Валериано читали, конечно, и высшие русские иерархи, в кругу которых наблюдался в ту пору немалый интерес к латинской церковной и околоцерковной литературе, и раскольничьи начетчики, которые не переставали поносить католических священников за бритье бород. Читал, вероятно, это произведение и Ломоносов: когда в припеве к «Гимну бороде» он посмеивался над тем, что борода «не крещена», он пользовался цитируемым в памфлете Валериано (стр. 14 по изданию 1613 г.) аргументом западноевропейских брадоборцев. Тем чувствительнее воспринимали эту насмешку русские носители бород.

Не мешает добавить, что вопрос об обязательном бритье бород, весьма остро поставленный Петром I на исходе XVII в., продолжал занимать правительственные круги и в Ломоносовское время. Так, в начале 1748 г. Сенату и Синоду докладывалось, что «в Российской империи многие разных чинов люди, в противность состоявшихся указов, упрямством своим ходят в неуказном платье и носят бороды». Сенату пришлось разъяснять, что отпускать бороду не имеет права никто, «опричь священного и церковного причта и крестьян», и грозить нарушителям штрафами (ПСЗ, 9479; Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания Российской империи, т. III, СПб., 1912, стр. 130—131). Что же касается ношения бород церковниками, то Синод рассматривал это не как право, а как непременную обязанность духовных лиц. В том самом 1756 г., когда появился ломоносовский «Гимн», Синод строго наказал некоего иеромонаха за то, что он, находясь в Голштинии, сбрил бороду и усы (ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 296, № 202, Протоколы Синода, 1756 г.).

«Гимн бороде» сразу же, после того как был сочинен, получил весьма широкое распространение. Об этом можно судить по тому значительному количеству его списков, которое дошло до нас. Они отысканы и в Петербурге, и в Москве, и в Костроме, и в Ярославле, и в Казани, и в Красноярске, и даже в Якутске, где содержавший «Гимн» рукописный сборник, принадлежавший местному купцу Ф. В. Макарову, датирован последним «своеручно» 2 марта 1768 г. (ГПБ, О. XVII. 17, л. 1 об.). Синод выразился точно, сказав, что «пашквильные» ломоносовские стихи «проявились в народе» («Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских», 1865, кн. I, отд. V, стр. 59) «Гимн бороде», судя по тем же спискам, стал достоянием не одних только образованных верхов столичного общества: им заинтересовались и губернские чиновники, и сибирские купцы. Успех «Гимна», как правильно отмечалось предшествующими комментаторами, объяснялся главным образом его антиклерикальной направленностью в духе уже входившего в моду «вольтерьянского» вольнодумства, в какой-то

Библиотека "Руниверс"

мере поднятым вокруг «Гимна» шумом и, наконец, грубоватой игривостью выражений и образов (Берков, стр. 208).

Не приходится удивляться, что при такой популярности «Гимн бороде» стал очень скоро известен членам Синода. Вполне вероятно, впрочем, что этому помог кто-либо из недоброжелателей Ломоносова. Возможно, например, что Синоду донес на Ломоносова В. К. Тредиаковский, который незадолго до этого, в конце 1755 г., подал в Синод подобный «извет» на А. П. Сумарокова (Б. Е. Райков, ук. соч., стр. 268—269; ср. примечания к стихотворению 229).

Из не раз упоминавшегося доклада Синода императрице «о явившихся письменных пашквилях, хуливших человеческие брады, стишками сочиненных» (ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 97, № 180; ср. там же, ф. 796, оп. 209, № 205, Протоколы Синода, лл. 284—285; ф. 796, оп. 443, № 52, Журналы Синода, лл. 97 об.—99), видно, что Синод, узнав о существовании «Гимна бороде», решил первоначально не давать делу официального хода. В докладе говорится о «бывшем с профессором Академии наук Ломоносовым свидании и разговоре». Дата «свидания» не известна, так как ни в журналах, ни в протоколах Синода оно не оставило никакого следа. Из этого можно заключить, что Ломоносов был не «потребован» в Синод, как тогда выражались, а приглашен частным образом. Предполагалось, вероятно, на первый раз ограничиться одним негласным внушением. Но внушению была придана чрезвычайно резкая форма: Ломоносову сказали, что он не только всех бородатых «персон», но и «тайну святого крещения, к зазрительным частям тела человеческого наводя, богопротивно обругал и чрез название бороду л о ж н ы х м н е н и й з а в е с о ю всех святых отец учения и предания еретически похулил» («Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских», 1865, кн. I, отд. V, стр. 60). При этом было добавлено, что «таковому сочинителю, ежели в чювство не придет и не раскается, надлежит как казни божией, так и церковной клятвы ожидать». Как ни серьезна была угроза, Ломоносов не «пришел в чювство» и не раскаялся, а, дав волю своему темпераменту, принялся произносить тут же, в присутствии членов Синода, «ругательства и укоризны на всех духовных за бороды их». Предполагавшийся «разговор» перешел в перебранку. Синод не стал бы, может быть, предавать ее огласке, зная, какие сильные при дворе люди могут заступиться за дерзкого академика, однако сам Ломоносов усложнил дело. Очень скоро после «свидания» с синодальными членами, под свежим еще, по-видимому, впечатлением от их выступлений, он «таковой же другой пашквиль в народ издал, в коем, — как писал Синод, — между многими явными уже духовному чину ругательствы безразумных козлят далеко почтеннейшими, нежели попов, ставит». Это была эпиграмма «О страх! о ужас! гром!» (стихотворение 228), где есть действительно такие стихи:

Библиотека "Руниверс"

Козлята малыя родятся з бородами:
Коль много почтены они перед попами!

Копия этой эпиграммы подшита синодальным канцеляристом к копии «Гимна бороде» (ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 97, № 180, л. 67 об.). Этого нового оскорбления Синод не снес: 6 марта 1757 г. он подал императрице вышеупомянутый доклад, где, ссылаясь на Военный артикул Петра I, просил «таковые соблазнительные и ругательные пасквили истребить и публично сжечь, и впредь то чинить запретить, и означенного Ломоносова, для надлежащего в том увещания и исправления, в Синод отослать».

Официальное дело на том и кончилось. Просимых Синодом распоряжений не последовало. Ломоносова, который за пять дней до подачи Синодом доклада, получил крупное служебное повышение (т. X наст. изд., документ 495 и примечания к нему), не тронули. Вмешались, очевидно, те самые сановные его заступники, которых опасался Синод. Но участники столкновения на этом не успокоились. «Перепалка» между ними (так охарактеризовал ее Пушкин), правда, лишенная уже всякой официальности, продолжалась еще несколько месяцев (см. стихотворения 228, 229, 280, 281 и примечания к ним).

[1] Керженцы — раскольники, именовавшиеся так по названию притока Волги Керженца, по берегам которого было расположено много раскольничьих скитов.

[2] По указу Петра I подать взималась с раскольников в двойном размере (ПСЗ, 2879).

[3] Намек на фанатическое почитание бороды раскольниками, которые утверждали, что безбородым закрыт доступ в рай, и ради бороды готовы были жертвовать жизнью. В 1705 г. в Ярославле какие-то два бородача заявили митрополиту Димитрию Ростовскому: «Мы готовы головы наши за бороды положить; лучше нам пусть отсекутся головы, чем бороды обреются» (Соловьев, кн. IV, стлб. 22).

[4] Преследования правительства заставляли раскольников обрекать себя на самосожжение, принимавшее в ломоносовские годы массовый характер. Так, в июне 1750 г. в разных деревнях Архангелогородской епархии сожгли себя 27 человек; в 1753 г. случаи самосожжения наблюдались в Устюжском уезде; 19 июля 1754 г. в Каргопольском уезде, «в нарочно сделанной в лесу избе», сгорело 220 человек, в том числе женщины и дети; в 1756 г. в дер. Мальцово, близ Томска, сгорело 172 человека и при них три «лжеучителя»; 14 февраля 1761 г. в деревне Кузиной Исетской провинции сгорело около 150 человек; грозили предать себя самосожжению и раскольники Заболотской волости, находившейся всего в 160 верстах от Петербурга (Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству пра-

Библиотека "Руниверс"

вославного исповедания Российской империи, т. IV, СПб, 1912, стр. 112, 224, 261—262, 456, 479—480).

[5] Намек на злоупотребления духовенства и гражданской администрации, для которых борьба с раскольниками являлась нередко источником обогащения (ср. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи, т. IV, СПб, 1912, стр. 479—482, 527).

[6] Намек на просторечные равнозначные выражения: «плюнь ему в глаза» и «плюнь ему в бороду» (в знак пренебрежения и презрения). Ср. в «Толковом словаре» В. И Даля: «Иной плюнул бы в глаза, ин плюнет в бороду» (т. I, М., 1935, стр. 117).

[7] Конче — конечно.

[8] Намек на церковных врагов гелиоцентрического учения, которые отрицали возможность существования других обитаемых планет, кроме земли.

[9] Намек на итальянского мыслителя Джордано Бруно, написавшего материалистический трактат «О бесконечности, вселенной и мирах» и сожженного за это в 1600 г. на костре по приговору церковного трибунала.

[10] Этот стих вызвал, как уже сказано (см. вводную часть настоящих примечаний), особенное раздражение Синода, который утверждал, что «мнениями ложными» Ломоносов называет догматы православной веры

[11] Кошелки, кошельки — четырехугольные, прикрытые бантом мешочки из черной тафты, куда в XVIII в. мужчины заправляли концы волос ниже затылка.

[12] Связь 9 и 10 строф с предыдущими не совсем ясна. Некоторые детали, рассеянные в четырех последних строфах «Гимна», наводят на подозрение, что тут набросана беглая характеристика какого-то определенного церковного деятеля, может быть, того самого, кому, как говорилось, адресован был «Гимн». Напрашивается предположение, что таким адресатом мог быть уже упоминавшийся (см. вводную часть настоящих примечаний) Гедеон Криновский. В отличие от многих других духовных знаменитостей того времени, он был родом не знатен и «в скудости рожден». Судя по сохранившемуся портрету, он был «невзрачен телом» (Портреты именитых мужей российской церкви. М., 1843, л. 7). Став учителем Казанской семинарии, он снискал неблагорасположение местного начальства. Это заставило его бежать в Петербург, где он довольно долго прозябал без всякого дела. Слова «чином не почтен» вполне точно определяют его тогдашнее положение. В январе 1754 г. оно резко изменилось. Двадцативосьмилетний, никому не известный монах-неудачник стал вдруг «знатен чином и нескуден». Гедеону посчастливилось очаровать императрицу удачно произнесенной в ее присутствии проповедью. Елизавета Петровна тотчас же назначила его придворным проповедником, и на молодого витию посыпались вещественные знаки царской милости. В Петербурге об этом было много толков, и

Библиотека "Руниверс"

сложилась даже прибаутка: «Гедеон нажил миллион». Бывший казанский семинарист обратился в записного придворного щеголя: обзавелся большим ассортиментом атласных и бархатных ряс, ходил в шелковых чулках и в башмаках с тысячными бриллиантовыми пряжками. Вполне вероятно при этих условиях, что и свою бороду он холил, — как говорится в «Гимне», — «по всем модам»: подвергал «многим расчесам», заплетал на ночь «в косы», а затем умащал, или, по выражению Ломоносова, «удобрял» всякими жирными и влажными благовониями. Может быть, завивал и даже припудривал «крупичатой мукой» свой «тупей». Придворно-церковные нравы того времени допускали такую кокетливость. Что же касается умственных качеств Гедеона, то хоть он и слыл «первым и превосходнейшим российским проповедником», однако даже весьма благожелательный его биограф оказался вынужден признать, что Криновский почерпал доказательства «более из движений сердца, нежели из сухих умствований», и что «иногда целые статьи выписывал в свои проповеди» из поучений древних духовных ораторов Читая произведения Гедеона, нельзя не прийти к убеждению, что слова Ломоносова о «разуме незрелом» вполне приложимы к этому далеко не острому церковному писателю (ср. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви, т I Изд. 2-е, .СПб , 1827, стр. 85—88; Русский биографический словарь, т. «Гааг-Гербель» М., 1914, стр. 324—326).

228

Печатается по списку, сохранившемуся в делах Синода (ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 97, № 180, л. 67 об., на лицевой стороне которого кончается список «Гимна бороде»), обозначаемому сокращенно Син., с указанием в сносках вариантов по М (л. 9), О (лл. 153 об. — 154 об.), Каз. (стр. 39—40), Бычк. (стр. 168—169), Ш (рукописный сборник П. П. Шибанова. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, ф. 344, № 282, стр. 41), Ю (рукописный сборник Г. В. Юдина, там же, ф. 218, № 502, лл. 58 об.—59), П (автором указан И. С. Барков). Варианты по П, местонахождение которого неизвестно, даются по тексту первой публикации (Пекарский, II, стр. 605—606).

Синодальный список выбран в качестве основного текста как наиболее близкий хронологически к неотысканному подлиннику и как относительно более исправный, чем остальные списки.

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые напечатано — Пекарский, II, стр. 605—606.

Датируется предположительно началом 1757 г., не позднее марта 6 (день подачи Синодом доклада императрице, где идет речь о публикуемом стихотворении — «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских», 1865, кн. I, отд. V, стр. 59).

Библиотека "Руниверс"

См. примечания к стихотворению 227.

Прямая связь публикуемого стихотворения с «Гимном бороде» настолько очевидна («О полза, я одной из сих пустых бород недавно удобрял безплодный огород»), что если автором первого является без сомнения Ломоносов, то ему же, разумеется, принадлежит и данная эпиграмма. Это подтверждается и упомянутым докладом Синода, где автором ее прямо назван Ломоносов.

[1] Намек на библейское сказание о трех иудейских отроках, брошенных в печь за то, что отказались поклоняться золотому истукану, воздвигнутому вавилонским царем Навуходоносором.

[2] Жупел — горючая сера. «Огнем и жупелом» — библейская цитата: «Будет мучен огнем и жупелом» (Апокалипсис, гл. 14, стр. 10).

[3] Площица — вошь.

[4] «Другие с площицами бороды» — раскольники.

229

Печатается по Каз. (стр. 54) с указанием в сносках вариантов по M (№ 414, тетрадь № 16, л. 2), а также по Бычк. (стр. 155) и по Q (л. 24).

Текст казанского сборника избран в качестве основного как наиболее исправный из всех дошедших до нас списков XVIII в.

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые напечатано (по M) — «Москвитянин», 1854, т. I, отд. IV, стр. 3.

Датируется предположительно второй половиной 1757 г., не ранее июля 15 (дата, выставленная на письме Христофора Зубницкого В. К. Тредиаковскому, — Акад. изд., т. II, стр. 169, втор. паг.).

См. примечания к стихотворениям 227 и 228.

Когда выяснилось, что возбужденное Синодом дело по обвинению Ломоносова в кощунстве не получит официального хода, враги поэта пустили в ход иное оружие — анонимные письма. В некоторых рукописных сборниках XVIII в. и в личных архивах Г.-Ф. Миллера и митрополита Евгения Болховитинова сохранились списки с трех таких писем, которые, как видно, ходили по рукам. Одно из них адресовано самому Ломоносову, другое — Г.-Ф. Миллеру и Н. Н. Поповскому, третье — В. К. Тредиаковскому. Возможно, что подобные же письма были посланы и другим лицам (Берков, стр. 221). Все известные нам списки писем помечены июлем 1757 г., а в некоторых списках (Каз., Q) под письмом Тредиаковскому показан и день написания — 15 июля. Под всеми тремя письмами выставлено одно и то же место отправки — Колмогоры (т. е. Холмогоры) и одна и та же подпись — Христофор Зубницкий. По единодушному мнению всех исследователей, не

Библиотека "Руниверс"

вызывающему ни возражений, ни сомнений, это имя — вымышленное. Не внушает никакого доверия и помета «Колмогоры». Таким образом, письма бесспорно относятся к категории анонимных. Темой всех писем является чрезвычайно резкое осуждение «Гимна бороде» и его автора с тех самых позиций, с каких осуждал их и Синод, но с добавлением отсутствующих в докладе Синода грубых личных выпадов против Ломоносова. Христофор Зубницкий обвинял его в пьянстве, корыстолюбии, причинении убытков казне, самонадеянности, хвастовстве, научной несостоятельности, малом знании иностранных языков и недостаточной вообще образованности. Хоть вся эта брань была направлена вполне очевидно против Ломоносова, однако автор писем строил их так, будто ругает не его, а не называемого им по имени сочинителя «Гимна бороде», которого якобы не отождествляет с Ломоносовым. К письмам приложена написанная опытной рукой пародия на ломоносовский «Гимн» под заглавием «Передетая борода или имн пьяной голове». Здесь повторена та же брань, что и в анонимных письмах, но в еще более грубой, чем там, а местами и в непристойно вульгарной форме. К прежним обвинениям прибавлено тут еще три новых: автор пародии ставит в укор Ломоносову физическую непривлекательность, слабость умственных способностей и низменное происхождение:

С хмелю безобразен телом
И всегда в уме незрелом
Ты, преподло быв рожден,
Хоть чинами и почтен.

С этими анонимными письмами и пародией связано и публикуемое стихотворение. Во всех рукописных сборниках XVIII в., где мы его встречаем, оно приписано Ломоносову и всюду озаглавлено «Зубницкому». Содержание этой эпиграммы (в особенности последние четыре стиха) едва ли позволяет сомневаться в том, что автором ее не мог быть никто другой, кроме Ломоносова. Столь же бесспорно, что они направлены против Тредиаковского (см. ниже, примечания 1—4, 6 и 8).

Вплоть до начала нынешнего столетия господствовало убеждение, что автором анонимных писем и пародии на «Гимн бороде» был Тредиаковский и что стихотворение «Зубницкому» является прямым ответом Ломоносова на эти произведения. Так, совершенно твердо высказались С. П. Шевырев («Москвитянин», 1854, т. I, отд. IV, стр. 1), А. Н. Афанасьев («Библиографические записки», 1859, № 15, стр. 463), П. П. Пекарский (Пекарский, II, стр. 205) и М. И. Сухомлинов (Акад. изд., т. II, стр. 168 втор. паг.). Лишь в 1911 г. В. Н. Перетц бесповоротно опроверг это ошибочное мнение: путем тщательного стилистического анализа текстов анонимных писем он доказал с непререкаемой убедительностью, что автором их был не Тредиаковский, а кто-то из синодальных деятелей, участвовавших в сочинении не раз уже упоминавшегося доклада Синода о Ломоносове, поданного им-

Библиотека "Руниверс"

пературице 6 марта 1757 г. (см. примечания к стихотворению 227). Что касается пародии, то «слог этого стихотворения, — говорит В. Н. Перетц, — легкий и живой, даже слишком развязный для Тредиаковского, особенно в последних строфах (8—11), так же мало похож на стиль Тредиаковского, как и стиль „Гимна бороде"». Эти утверждения В. Н. Перетца не вызвали и не вызывают никаких возражений. Более спорны другие его высказывания: опираясь на показания рукописного сборника А. М. Княжевича (Кн.) и на запись митрополита Евгения Болховитинова (Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в Киеве, вып. III. М., 1901, стр. 163), а также на то, что в найденном среди бумаг Болховитинова списка анонимных писем «резко сохранились черты малорусского акцента, пробивающегося в своеобразной орфографии писца», В. Н. Перетц предполагает, что под вымышленным именем Христофора Зубницкого скрывался первоприсутствующий член Синода, петербургский архиепископ, украинец Сильвестр Кулябка. Относительно же пародии В. Н. Перетц — уже без всякой аргументации — заявляет, что Ломоносов признавал автором ее Тредиаковского, сам же В. Н. Перетц думает почему-то, что она сочинена «каким-нибудь бойким секретарем Сильвестра» (Ломоносовский сборник. СПб., 1911, стр. 85—103).

Итак, нерешенными остаются три вопроса: 1) кто сочинил анонимные письма и пародию на «Гимн бороде», 2) признавал ли Ломоносов автором их Тредиаковского и 3) чем вызвано публикуемое стихотворение или, иначе говоря, какое участие принимал Тредиаковский в событиях, связанных с появлением «Гимна бороде».

Первый вопрос наименее важен (ср. Берков, стр. 225) и при теперешнем состоянии наших сведений еще не может быть решен окончательно. П. Н. Берков внес две очень существенных поправки в суждения В. Н. Перетца по этому предмету, отметив совершенно справедливо, что ничем не обоснованная гипотеза о «бойком секретаре» Сильвестра Кулябки «нисколько не убедительна» и что как анонимные письма, так и приложенная к ним стихотворная пародия «со стороны идеологической и стилистической могут быть признаны произведениями одного и того же лица» (Берков, стр. 219 и 224). С этим нельзя не согласиться. Не следует забывать, кроме того, что Пушкин, знакомый с письменной и устной литературной традицией XVIII в., не хуже, должно быть, чем умерший в один год с ним митрополит Евгений Болховитинов, называл весьма уверенно участником «стихотворной перепалки» с Ломоносовым не Сильвестра Кулябку, а другого члена Синода, подписавшего, как и Сильвестр, пресловутый доклад о «Гимне бороде», а именно рязанского епископа Дмитрия Сеченова (Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, Изд. АН СССР, 1949, стр. 253). Историко-стилистический анализ, столь успешно произведенный В. Н. Перетцом, может оказаться полезен и здесь, а сохранившиеся в довольно большом количестве

Библиотека "Руниверс"

печатные произведения Кулябки и Сеченова дают достаточный материал для такого анализа. Эти два иерарха, оба дворяне, один украинец, другой великоросс, учились в разных духовных школах — первый в Киевской, второй в Московской академии, церковную карьеру делали тоже по-разному и обладали весьма различными вкусами, житейскими навыками и темпераментами. Кулябка был человеком по преимуществу кабинетным: по словам его биографа, он «почитался в свое время славным из россиян богословом», имел за собой довольно большой духовно-педагогический стаж и был автором, вернее компилятором курсов богословия, философии и риторики (Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Изд. 2-е, т. II, СПб., 1827, стр. 207; Н. И. Петров, ук. соч., стр. 290—291, № 689 (483); Берков, стр. 225). В отличие от украинского схоласта Кулябки, бывший московский бурсак Сеченов был деятелем главным образом практическим: он любил учреждать, строить, распоряжаться, начальствовать, не задумываясь над вопросом о пределах предоставленной ему власти. В бытность миссионером в Казани, а затем архиереем в Нижнем Новгороде он стяжал громкую, но недобрую известность не в меру грубыми и жестокими приемами насаждения православия среди местного мордовского и чувашского населения. Заменяя методы убеждения циничными посулами налоговых льгот и угрозами, прибегая к услугам полиции и к помощи войск, он разорял языческие кладбища, подвергал не желающих креститься телесным наказаниям, забивал в колодки, заковывал в кандалы, а иногда «и в купель окунал связанных» (Соловьев, кн. V, стлб. 209—211, 328—329; Русский биографический словарь, т. «Дабелов—Дядьковский», СПб., 1905, стр. 394—395). Индивидуальные особенности Кулябки и Сеченова сказались очень заметно и на их словесном творчестве. Биограф Сильвестра говорит сдержанно, что поучения Кулябки «отличаются строгою нравственностью и рассудительностью» (Словарь исторический..., т. II, стр. 207). Точнее было бы сказать, что слог Кулябки был тяжел, сух и вял, синтаксис местами до крайности неуклюж и запутан (например: «Но и оное земное недро, в недавних годех, сребро ей открывшее Колывановоскресенским назвать судилось, из которого уже начатки Богу (осьмый день назад) как императорскою ракою почитая, тело Александра Невского, или принести, или освятить благочестно изволила» — Слово, произнесенное 5 сентября 1750 г. в Летнем дворце, М., 1750, стр. 8; БАН, шифр 38.4.76), а лексика перегружена сложными словами, не всегда благозвучными, а часто и неудобопонятными, такими, как: каменносердечие, безблагодатники, благовременство, честносветлость, недосказуемый, приятнолюбный, сроднолюбнейший, благочестнолюбный, многоименитый, всеблагоутробнейшая и т. п. (Слова, произнесенные в присутствии императрицы 14 июня 1742 г., 5 сентября 1744 г., 30 августа и 5 сентября 1750 г., 1 января 1751 г. и др. БАН,

Библиотека "Руниверс"

шифры 38.4.13, 38.4.116/25, 38.4.116/23, 38.4.76, 38.4.116/6 и др.). Указанных особенностей стиля Сильвестра Кулябки, чрезвычайно характерных для всех дошедших до нас его проповедей, нет ни в докладе Синода, ни в письмах Христофора Зубницкого, ни в пародии на «Гимн бороде», ни в проповедях Димитрия Сеченова. Стиль Сеченова дает совсем иную картину: он, как и стиль Сильвестра, очень далек от той «чистоты», которой домогался Ломоносов, но несравненно более жив, ярок и выдает местами неподдельную силу и даже буйность темперамента. Биограф Димитрия сообщает, что сочинения Сеченова славились «ясностью слога, а наипаче обличительной резкостию» (Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви, т. I, СПб., 1827, стр. 139). Это довольно верно и было бы еще вернее, если бы слово «резкость» было заменено словом «грубость». Ораторский слог Димитрия, близкий к разговорной речи, сбивался нередко на самое вульгарное просторечие. Сеченову ничего не стоило сказать, например, с церковной кафедры, что премудрый царь Соломон «не потрафил иногда рассуждением своим» (Слово 25 марта 1742 г.; БАН, шифр 38.4.13) или: «слово отрыгнем царице-матери». Димитрий был не прочь иной раз предаться публичному самообличению, и его аудитории приходилось выслушивать в этих случаях такие, например, признания своего архипастыря: «Сам шампанские и венгерские вина вместо квасу употребляю, а в церковь никогда и волоскóго гáленка [т. е. крохотной бутылочки] не посылаю» (Слово 8 июля 1746 г.; БАН, шифр 38.4.116/2). Или еще крепче и выразительнее: «Мы за чарку винца, за ласкательство, за честишку, за малую славицу, в суде за гостинец, в торгу за копейку, в пост святой за курочку душу нашу променяваем» (Слово 25 марта 1743 г.; БАН, шифр 38.4.116/1). Ничего похожего не найдем мы в бесцветных проповедях «рассудительного» Сильвестра Кулябки, но зато нечто очень близкое только что приведенной цитате и по смыслу и по стилю отыщем у Христофора Зубницкого: «Поверьте, — читаем в его письме Ломоносову, — что он [т. е. автор «Гимна бороде»] столько подл духом, столько высокомерен мыслями, столько хвастлив на речах, что нет такой низости, которой бы не предпринял ради своего малейшего интересу, например для чарки вина» (Ломоносовский сборник. СПб., 1911, стр. 94). Дело, однако, не в отдельных смысловых и фразеологических совпадениях, а в общем и притом местами довольно разительном стилистическом сходстве: в анонимных письмах ощущаются та же, что и в «поучениях» Сеченова, бойкость наметанного пера, та же безудержная развязность мысли, тот же запальчивый тон и та же вульгарность выражений: «беспутное сочинение», «непотребное сочинение», «сумасбродный стихотворец», «сей ругатель», «пьяница», «пьяная его голова», «негодный ярыга», «везде, как пес, лает», «ученые шарлатаны его» и т. п. — такими эпитетами сыпал

Библиотека "Руниверс"

Зубницкий в прозе. В стихах он изъяснялся еще злее и вульгарнее: «пьяный рыболов», «твоя хмельная рожа»,

«И на твой раздутый зрак
Правей харкнуть может всяк»,

«сребро сыскав в дерме», «в кал повалился», «в век с свиньями почивай» и т. п. Таким образом, стиль анонимных писем и пародии несомненно ближе к стилю Сеченова, чем к стилю Кулябки.

Но есть и еще два обстоятельства, которые нельзя упускать из виду. Сеченов, бесчеловечно обращавшийся с иноверцами, гораздо снисходительнее относился к раскольникам, прибежище которых, река Керженец, протекала в пределах его епархии (Соловьев, кн. V, стлб. 212, 1471 и 1472). Если весь «Гимн бороде» в целом был адресован не Сеченову, а другому духовному лицу, то несколько туманная строфа 5 этого «Гимна», где упоминается какой-то «керженцам любезный брат», метила, может быть, в Сеченова. Ведь не случайно же, в самом деле, говорит здесь Ломоносов именно о керженских раскольниках, а не об архангельских, которых знал гораздо ближе. Когда Ломоносов, уйдя из родительского дома, поступил в Московскую славяно-греко-латинскую академию, он застал там среди своих новых товарищей-студентов двадцатидвухлетнего монаха Димитрия Сеченова, определившегося туда примерно за год до него. При Ломоносове Димитрий был пострижен в мантию (14 марта 1731 г.) и вскоре (24 ноября 1731 г.) посвящен в иеромонахи, при нем же окончил курс Академии и незадолго до переезда Ломоносова в Петербург (24 ноября 1735 г.) был назначен в ту же Московскую академию учителем (Русский биографический словарь, т. «Дабелов—Дядьковский», СПб., 1905, стр. 394; С. Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской академии, М., 1855, стр. 213). Личное знакомство Ломоносова с Сеченовым было, следовательно, очень давнее. У крестьянского сына, ставшего профессором химии и знаменитейшим поэтом своего времени, и у дворянина в архиерейском омофоре могли быть, таким образом, кроме новых еще и какие-нибудь старые, не известные нам счеты.

Всего сказанного мало, как уж говорилось, чтобы вынести окончательное решение, так как мы располагаем пока только косвенными, а не прямыми уликами, но есть все же некоторое основание предположить, что Пушкин был более прав, чем академик В. Н. Перетц, и что под псевдонимом «Христофор Зубницкий» скрывался скорее Сеченов, чем Кулябка.

Отождествлял ли Ломоносов Зубницкого с Тредиаковским? Этот вопрос разрешается проще. Все предшествующие исследователи отвечали на него положительно, опираясь на заглавие публикуемого стихотворения: во всех списках оно озаглавлено «Зубницкому», а, судя по содержанию, обращено к Тредиаковскому. Но нам знакомы только списки. Не видавши под-

Библиотека "Руниверс"

линника, нельзя утверждать с полной уверенностью, что так же был озаглавлен и он. Связь этого стихотворения с «Гимном бороде» устанавливается только на основании последнего четверостишия, где дважды упоминается борода и притом совершенно бесспорно поповская. Однако из этого четверостишия можно заключить только, что Ломоносов считал Тредиаковского замешанным в какой-то степени в синодское дело о «Гимне бороде», причем обвинял старого своего антагониста в том, что Тредиаковский действовал не в открытую, а прячась за духовенство («ложной святостью ты бородой скрывался» или в другом, синтаксически более простом варианте: «ложной святостью ты бороды скрывался»). Отсюда до отождествления Тредиаковского с Зубницким еще очень далеко. Да и как мог бы Ломоносов так обозначаться, если даже нам спустя двести лет ясно до полной очевидности, что из-под пера Тредиаковского не могло выйти ни такой гладкой прозы, ни таких легких стихов? Неужели же современник Тредиаковского, Ломоносов, хуже нас знал его «мерзкой склад»?

Но если Ломоносов понимал, что письма и пародия написаны не Тредиаковским, а он, конечно, это понимал, так за что же он ругал Тредиаковского? Что дало повод к сочинению публикуемой эпиграммы? В чем выразилось вмешательство Тредиаковского в дело о «Гимне бороде»? Доступные нам документальные материалы не дают твердого ответа на эти наиболее важные для нас вопросы, но позволяют высказать ряд предположений.

Тредиаковский, выходец из церковной среды, был вхож и в дома представителей высшего духовенства (ср. Пекарский, II, стр. 30), и в Синод. В Синод он обращался не раз по всяким поводам, не имевшим иногда решительно никакого отношения к духовному ведомству (там же, стр. 8, 100, 173, 187, 203). Выше уже сообщалось, что в 1755 г., т. е. приблизительно за год до появления «Гимна бороде», Тредиаковский подал в Синод длинный и злой «извет» на А. П. Сумарокова, обвиняя его в неуважении к церковной догматике. В связи с этим выше была уже высказана догадка, что подобный же донос мог быть подан Тредиаковским и на Ломоносова, когда пошел по рукам «Гимн бороде», и что список последнего, сохранившийся в делах Синода, восходит, может быть, к экземпляру, представленному туда Тредиаковским (см. примечания к стихотворению 227). Это одно предположение. Другое принадлежит В. Н. Перетцу, который считал, что Тредиаковский, получив адресованное ему письмо Зубницкого и пародию на «Гимн», тем самым «приглашался к разглашению ее» и, по всем вероятиям, «особенно энергично добивался» напечатания ее в академическом журнале «Ежемесячные сочинения» (Ломоносовский сборник. СПб., 1911, стр. 99 и 103). Более правдоподобно, пожалуй, третье предположение, которое никем пока не выдвигалось. Оно не исключает, впрочем, и первых двух: Тредиаковский мог быть и доносчиком на Ломоносова, и разгласителем пасквилей, а кроме того, еще и советчиком «Христофора Зубницкого», осве-

Библиотека "Руниверс"

домлявшим его о таких подробностях академической жизни Ломоносова, о которых Синод без подобного информатора едва ли узнал бы. Как иначе могли узнать Сеченов или Кулябка о таком, например, факте, как появление неблагоприятной для Ломоносова рецензии об его физических и химических трудах, напечатанной в 1752 г. в лейпцигском журнале «Commentarii de rebus in scientia naturali et medicina gestis» («Записки о работах, ведущихся в области естественных наук и медицины»)? Ломоносов познакомился с этой рецензией, по-видимому, только летом 1754 г. — см. т. III наст. изд., стр. 539; в письме Зубницкого на имя Ломоносова говорилось: «Он [Ломоносов] всегда за лучшие и важнейшие свои почитает являемые в мир откровения, которыми не только никакой пользу отечеству не приносит, но еще, напротив того, вред и убыток, употребляя на оные немалые казенные расходы, а напоследок вместо чаемыя похвалы и удивления от ученых людей заслуживая хулу и поругание, чему свидетелем быть могут „Лейпцигские комментарии“». Или как могла стать известна Сеченову или Кулябке ошибка, допущенная Ломоносовым в том же 1752 г. при анализе присланных из Кабинета образцов сибирских руд (т. X наст. изд., письмо 22 и примечания к нему)? Прямым намеком на этот эпизод являются уже цитированные выше слова из пародии на «Гимн бороде»: «Иль сребро сыскав в дерме». Из людей, хорошо знакомых с жизнью Академии наук, теснее всех был связан с Синодом Тредиаковский. Естественнее всего думать поэтому, что через него и поступала в Синод соответствующая информация. Правда, в синодальном штате состоял в качестве переводчика бывший академический служащий Г. А. Полетика, но он ушел из Академии еще в феврале 1748 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 113, л. 602 об.), т. е. за девять лет до столкновения Ломоносова с Синодом, и вряд ли был посвящен во все мелочи происходивших после его ухода академических событий. На след Тредиаковского наводит, наконец, и следующий отрывок пародии:

Не напрасно он дерзает;
Пользу в том свою считает,
Чтоб обманом век прожить,
Общество чтоб обольстить
Либо мозаиком ложным,
Или бисером подложным. . .

Тредиаковскому, насколько мы знаем, не давали покоя успехи Ломоносова в мозаичном деле и те материальные выгоды, которые оно уже принесло и сулило принести в будущем владельцу Усть-Рудицкой фабрики. Известна журнальная статья Тредиаковского, порицавшая мозаичное искусство и появившаяся в то самое время, когда Ломоносов хлопотал о большом государственном заказе на мозаичные картины (см. примечание к стихотворению 240). Мы вправе думать поэтому, что тот же Тредиаковский мог посоветовать синодальному пасквилянту нанести Ломоносову удар и с этой стороны.

Библиотека "Руниверс"

Если все эти предположения основательны хоть в какой-то своей части, то станет понятно, почему Ломоносов так легко разглядел за архиерейской бородой своего давнего академического недруга и почему так круто расправился с Тредиаковским в публикуемой эпиграмме.

Еще характерная деталь. Одно из писем Зубницкого было адресовано, как уже говорилось, Миллеру и Поповскому. Оно содержало просьбу напечатать пародию на «Гимн бороде» в «Ежемесячных сочинениях». П. Н. Берковым разъяснено, что фамилия Поповского попала сюда по недоразумению: к редактированию названного журнала имел отношение не профессор Московского университета Н. Н. Поповский, а академик Н. И. Попов. Перед нами, таким образом, очевидная описка (Берков, стр. 219—220). Если Тредиаковский играл в этом деле ту роль, о которой говорено выше, то такая описка легко объяснима: хорошо осведомленный Тредиаковский посоветовал синодальному анониму направить письмо Миллеру и Попову, а тот по неведению и оплошности заменил незнакомую ему, вероятно, фамилию Попов отлично знакомой по текущим цензурным делам фамилией Поповский.

Той же теме, т. е. участию Тредиаковского в конфликте, который был вызван «Гимном бороде», посвящено еще одно стихотворение (стихотворение 280), известное нам также только по спискам в рукописных сборниках. Оно начинается стихами

Что за дым
По глухим
Деревням курится?

Здесь, как и в стихотворении «Гимн бороде за суд», можно уловить намеки на то, что первый ломоносовский «Гимн бороде» привел в ярость широкие массы «бородачей», в том числе и раскольников. Тредиаковский же, фигурирующий тут под укрепившейся за ним кличкой «Тресотин», обвиняется в прямом подстрекательстве:

Он продерзостью своей
Ободрил бородачей.

Оным в лесть,
Добрым в честь
Понося терзает
И святош
Глупу ложь
Правдой объявляет.

Далее указывается и затаенная цель подстрекателя, которого автор стихотворения сравнивает с Геростратом:

Храм зажечь парнасский рад;
Ад готов тебе помочь
День затмить так, как ночь.
(Каз., № 21, стр. 56).

Библиотека "Руниверс"

Из приведенных цитат можно заключить, что роль Тредиаковского была, как мы и предполагали, весьма активна.

[1] Ханжество Тредиаковского общеизвестно. Подавая в 1755 г. «извет» на Сумарокова, он выступал в качестве ревностного блюстителя христианских догматов. В 1755—1757 гг. он докучал Синоду просьбами о разрешении напечатать поэму, где в стихотворной форме пытался доказать бытие божие. Столь же хорошо известно, что в дни молодости Тредиаковский был заподозрен духовными лицами в атеизме (Пекарский, II, стр. 20, 173, 187, 203).

[2] В октябре 1755 г. Ломоносову было подкинуто подметное письмо, полное брани по адресу К. Г. Разумовского, Г. Н. Теплова, Миллера. Сумарокова и большинства академиков. Автором письма оказался Тредиаковский (Пекарский, II, стр. 188—193).

[3] К половине 50-х годов Тредиаковский, изменив своим прежним прогрессивным устремлениям, стал засорять русский литературный язык «глубочайшею славенщизною» (А. П. Сумароков, Сочинения, ч. X, 1782, стр. 14).

[4] Слово «дурак» употреблено здесь одновременно в двух значениях — «глупец» и «шут» — и заключает в себе напоминание о том, как в 1740 г., во время шутовской свадьбы, справлявшейся в ледяном доме, Тредиаковский был выведен затем в маскарадном костюме и маске под караулом в «потешную залу» и читал там непристойное стихотворное приветствие новобрачным шуту и шутихе, начинавшееся словами: «Здравствуйте, женившись, дурак и дура!»

[5] Изгага — изжога.

[6] Здесь высмеиваются стихи Тредиаковского:

Поют птички
Со синички,
Хвостом машут и лисички.

(Песенка, которую я сочинил еще будучи в Московских школах на мой выезд в чужие краи).

Или тебе некошна́ [т. е. нелегка] вся была дорога.

(Стихи эпиталамические на брак его сиятельства князя Александра Борисовича Куракина и княгини Александры Ивановны).

Нужды, будь вин жаль, нет мне в красовулях [т. е. в чашах, братинах],
Буде ж знаться ты с низкими перестал,
Как к высоким все уже лицам пристал,
Ин к тебе притти позволь на ходулях.

(На человека, который, вошед в честь, так начал бы гордиться, что прежних своих равных другов пренебрегал бы).

[7] См. вводную часть настоящих примечаний, стр. 1073.

Библиотека "Руниверс"

[8] Пробин (от латинского probus — честный) — так называет себя Ломоносов и здесь, и в позднейшем стихотворении «Злобное примирение» (стихотворение 240).

230—231

Печатаются по тексту единственного прижизненного издания.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатаны — в составе диссертации Ломоносова «Слово о рождении металлов от трясения земли», вышедшей в свет отдельным изданием в 1757 г., стр. 19 и 22.

Датируются предположительно промежутком времени с 21 мая 1757 г., когда Ломоносов заявил в Академическом собрании, что может написать диссертацию на указанную выше тему, по 19 августа того же года, когда он в том же Собрании приступил к оглашению текста этой диссертации (т. V наст. изд., стр. 673).

230

[1] Двустишие является довольно точным переводом из поэмы Виргилия «Энеида», кн. I, ст. 407—409. Оно введено Ломоносовым в абзац, где говорится про «тела животные окаменелые, которые многих в изумление приводят так, что не могут себя уверить, чтобы они когда-нибудь подлинно животные были, но роскошествующия натуры играним под оных вид подделаны» (т. V наст. изд., стр. 322). Подсмеиваясь над подобными естествоиспытателями, которые природу «толь шутливою себе воображают», Ломоносов влагает им в уста цитату из «Энеиды».

231

[1] Двустишие является неполным переводом трех стихов из поэмы «Этна», которую Ломоносов, как и другие его современники, приписывал римскому поэту времен Августа.

232

Печатается по тексту отдельного издания 1757 г.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано отдельным изданием в 1757 г.

Датируется предположительно промежутком времени с 9 декабря 1757 г. (день рождения великой княжны Анны) по 17 декабря того же года (день оглашения Ломоносовым оды в Историческом собрании). В журнале Академической канцелярии значится, что 12—16 декабря 1757 г. Ломоно-

Библиотека "Руниверс"

сов не бывал в Академии по болезни (ААН, ф. 3, оп. 1, № 527, лл. 398—401); в эти-то пять дней и была, вероятно, написана ода.

Прошло три года со времени появления предшествующей оды Ломоносова (стихотворение 213). Вернуться к литературному жанру, покинутому на такой долгий срок, побудило Ломоносова, разумеется, отнюдь не рождение в царской семье той девочки, чье имя вставлено в заглавие оды: это мелкое придворное событие, лишенное какого бы то ни было политического значения, явилось только поводом или, точнее, средством для того, чтобы высказаться во всеуслышание о политическом событии огромного значения, волновавшем всю страну. А наиболее удобной и привычной формой для таких высказываний была «похвальная» ода. Истинной темой оды был протест против войны, в которую «вплелась» императорская Россия. Миновало всего полгода с тех пор, как наша стотысячная армия перешла прусскую границу, но становилось уже ясно, что война будет тяжелая и затяжная, грозящая «пролитием толь многой крови человеческой» и неисчислимыми экономическими бедствиями. Они давали себя знать: несмотря на успех первых боевых действий, русским войскам в силу недостатка продовольствия пришлось отступить.

Если в других случаях мы можем иной раз предположить, что то или иное политическое высказывание Ломоносова было внушено кем-либо из близких ему вельмож, то здесь такое предположение исключается безусловно. От войны жестоко страдала вся эксплуатируемая часть населения. Осуждала войну и значительная часть мелкопоместного и среднего дворянства (Болотов, стлб. 411—413). Но императрица и окружавшая ее правящая знать, а в составе последней и ближайшие покровители Ломоносова И. И. Шувалов и М. И. Воронцов хотели войны и требовали от голодающей армии наступательных операций. Ломоносов не мог этого не знать. В то самое время, когда печаталась ода, печатался в Академической типографии и указ о новом рекрутском наборе. Указ считался секретным (ААН, ф. 3, оп. 1, № 527, лл. 405 об.—406, № 962, лл. 137—140), но для Ломоносова, члена Академической канцелярии, не был тайной.

При всех этих условиях далеко не двусмысленный призыв Ломоносова «Умолкни ныне, брань кровава» мог найти и нашел, как увидим, горячий отклик в сердцах рядовых читателей, но никак не мог встретить сочувствие в высших правительственных кругах.

Ломоносов отдавал себе в этом отчет, о чем свидетельствует не совсем обычная история печатания оды.

В Академической канцелярии обстановка сложилась на время такая, что Ломоносов, будучи теперь сам полноправным членом этой коллегии, едва ли мог ожидать со стороны других ее членов возражения против печатания оды. Тем не менее 17 декабря 1757 г. он представил оду не в Канцелярию, а в Историческое собрание, чего никогда не делал ни

Библиотека "Руниверс"

раньше, ни позже. Ему хотелось, очевидно, чтобы опубликование такой ответственной оды от имени Академии было санкционировано не только академической администрацией, но и академиками. В Историческом собрании присутствовали в этот день, кроме Ломоносова, только Г.-Ф. Миллер, И.-Э. Фишер и Н. И. Попов. Ломоносов прочитал оду и спросил: «Угодно ли будет, чтобы оная ода поднесена была ее величеству именем всей Академии?» «Бывшие в собрании члены согласились», — сообщает Миллер и добавляет уже от себя: «и не уповательно, чтоб кто в том спорил, понеже и преж сего такие оды общим именем поднесены бывали» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 227, л. 222; Протоколы Конференции, т. II, стр. 397). До дня рождения императрицы оставалось шесть суток, и потому все дальнейшее было произведено с большой поспешностью: Канцелярия в тот же день вынесла определение о печатании оды в количестве 300 экз. и тотчас отправила рукопись в Типографию, разослав соответствующие ордеры фактору Типографии, инспектору, ведавшему бумагой, переплетному мастеру и комиссару Книжной лавки (ААН, ф. 3, оп. 1, № 468, л. 401; № 227, лл. 224—228; № 605, л. 138, исх. №№ 2224—2227; ср. № 1509, л. 23 об. и оп. 2, № 192, л. 3 об.; репорт переплетного мастера от 31 декабря 1757 г. об исполнении полученного распоряжения — там же, № 502, л. 500).

Как только ода вышла из Типографии, ее разобрали, по-видимому, нарасхват. Об этом можно судить по тому, что менее, чем через неделю после первого своего определения, 23 декабря 1757 г., Канцелярия распорядилась отпечатать еще 300 экз. оды «для продажи» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 527, л. 409 об.; № 227, л. 230; № 606, л. 3, исх. №№ 38—40; № 1540, л. 2 об.), что и было исполнено уже в январе следующего года (там же, № 502, л. 522; № 503, л. 99; № 1528, л. 14 об.; оп. 2, № 240, л. 47 об.).

Не приходится сомневаться, что читателей привлекли не официальные славословия, обращенные к императрице и ее внучке, а политическое содержание оды.

[1] Имеется в виду умершая в 1728 г. сестра императрицы, Анна Петровна, в честь которой новорожденная ее внучка была названа тоже Анной.

[2] См. вводную часть примечаний к публикуемой оде. Основой конфликтов, вызвавших Семилетнюю войну, было стремление некоторых западноевропейских держав, в особенности же королевской Пруссии, к захвату чужих земель.

[3] В первые шестнадцать лет царствования императрицы Елизаветы русское правительство не раз заключало оборонительные союзы с западноевропейскими державами, например в 1742 г. с Англией, в 1746 г. с Австрией, а в декабре 1756 г. оно присоединилось к версальскому договору между Францией и Австрией (Соловьев, кн. V, стлб. 191, 416 и 946).

Библиотека "Руниверс"

Под «страхом сил» Ломоносов разумеет «бескровный» поход русских войск к берегам Рейна в 1748 г., ускоривший заключение Ахенского мира.

[4] Вероятно, намек на Англию, которая, несмотря на союз с Россией, заключила без ее ведома союз с Пруссией (Соловьев, кн. V, стлб. 900).

[5] Имеется в виду Саксония, оккупированная прусскими войсками В 1756—1757 гг. в ряде номеров «Санктпетербургских ведомостей» печатались известия о насилиях, чинимых оккупантами (1756 г., №№ 79—89, 93, 99—103 и др.; 1757 г., №№ 3—10 и др.).

[6] Смысл этой формулы («против брани брань») заключается в том, что вмешательство России в войну может быть оправдано только как средство положить конец войне.

[7] Обращение к австрийской императрице Марии-Терезии.

[8] См. примечание 1 к стихотворению 29.

[9] Чтобы придать более грозную интонацию своему увещевательному обращению к тогдашним «правителям» и «судьям», Ломоносов прибегает в строфах 12 и 13 к библейской фразеологии, заимствуя ее главным образом из псалмов.

[10] Ломоносов напоминает о том уроне, какой терпит от войны народное хозяйство, и о тех выгодах, какие могут принести стране внешняя торговля («моря»), лесоводство («леса»), горная промышленность («земное недро», «блеск руд») и сельское хозяйство («плоды», «пасства»). Точка зрения Ломоносова не соответствовала и в этом случае взглядам императорского правительства, которое искало выхода из тяжелого хозяйственного положения страны только в финансовых, в частности валютных, реформах и притом лишь в таких, которые не могли бы повести «к крайнему разорению дворянских фамилий» (Соловьев, кн. V, стлб. 1023—1025). Ср. набросанный Ломоносовым перечень тем статей по экономическим вопросам в т. VI наст. изд., стр. 379. В своем письме «О сохранении и размножении российского народа», датированном 1 ноября 1761 г., Ломоносов ссылается, очевидно, именно на этот перечень, называя его «старыми записками», найденными при разборке своего архива (там же, стр. 383). Эти «старые записки» близки по содержанию начальным четырем стихам строфы 15 публикуемой оды, а слова «размноженный народ» в строфе 16 позволяют предполагать, что они, может быть, близки им и по времени составления.

[11] Ломоносов, как видно, был превосходно осведомлен об обстановке на прусском фронте. В протоколе Конференции при императорском дворе от 25 сентября 1757 г. говорилось, что «армия наша по претерпении сперва в походе таких великих беспрестанно жаров, каким в здешнем климате примеров не бывало, вдруг подвержена была в весьма низкой земле претерпевать с четыре недели и паки непрестанно продолжавшиеся дожди». 30 того же сентября главнокомандующий русской армией жаловался на «рановременные по здешнему климату ненасти и морозы». Ломоносов пере-

Библиотека "Руниверс"

дал все это в четырех словах: «среди жаров, морозов, вод». Но неточны его слова о «крепких мышцах, бедрах» русских солдат: тот же главнокомандующий в том же документе говорил об «изнуренной совсем кавалерии и изнемогшей пехоте» (Соловьев, кн. V, стлб. 995—996). Говорить об этом в печати Ломоносов не мог.

233

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — Соч. 1757, стр. 183.

Датируется предположительно промежутком времени с 1751 г. (год выхода в свет Соч. 1751, куда публикуемая надпись не вошла) по 1757 г. (год сдачи в набор Соч. 1757).

«Литого из меди изображения», т. е. бронзовой статуи императрицы Елизаветы Петровны «в амазонском уборе», т. е. в боевом наряде древней амазонки, нет ни в одном из наших музейных хранилищ. Никаких упоминаний об этой статуе не отыскано ни в литературе, ни в архивных документах. А между тем публикуемые надписи Ломоносова не оставляют никаких сомнений в том, что такое скульптурное произведение существовало. В. К. Макаров предполагает, что это была небольшая бронзовая статуэтка, автором которой мог быть живший в России с 1743 г. по конец 70-х годов XVIII в. итальянский скульптор А. Мартинелли. Им были отлиты из бронзы конные статуэтки Петра I и Екатерины II.

[1] Т. е. Троя, построенная, по античному сказанию, Аполлоном и Посейдоном.

[2] Намек на участие амазонок в защите Трои (Гомер. Илиада, 3, 189).

[3] Т. е. Петра I и Екатерины I.

[4] Характерная для Ломоносова техническая деталь: отлитые из бронзы изделия приобретают свойственную им темную окраску не сразу, а до того напоминают по цвету золото. Отсюда можно сделать вывод, что Ломоносов сочинил публикуемые надписи вскоре после отливки статуэтки.

234

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 16 об.).

Впервые напечатано — Будилович, II, стр. 296.

Датируется предположительно промежутком времени с 1744 по 1757 г. Подлинник написан на листке, содержащем ряд черновых записей грамматического характера и вшитом в рукописный фолиант, где сосредоточены

Библиотека "Руниверс"

датируемые вышеуказанными годами подготовительные материалы к «Российской грамматике» (т. VII наст. изд., стр. 900—901).

Содержание и форма публикуемого фрагмента дают основание считать его началом героической поэмы о Куликовской битве и о Дмитрии Донском. Никаких других материалов, связанных с этим эпическим замыслом Ломоносова, не отыскано.

1758

235

Печатается по последнему прижизненному изданию, выпущенному Академией наук в мае 1758 г., сверенному с первым изданием.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано (без имени переводчика) — отдельным изданием, выпущенным в апреле 1758 г. Московским университетом под тем же заглавием, что и в последнем прижизненном издании.

Датируется предположительно промежутком времени с 10 марта 1758 г. (день опубликования указа о «вольностях и преимуществах» профессоров Кенигсбергского университета) по 25 апреля того же года (годовщина коронации императрицы Елизаветы Петровны).

Автор переведенной Ломоносовым оды, И.-Г. Бок был профессором стихотворства, а затем ректором Кенигсбергского университета и членом Берлинской Академии наук. Он был известен своими приветственными одами, которые у него на родине пользовались успехом. 11 января 1758 г. Кенигсберг был занят русскими войсками (ААН, ф. 3, оп. 1, № 964, л. 24), а 10 марта 1758 г. последовал указ об оставлении Кенигсбергского университета «при своих доходах», а его профессоров и студентов — «при своих вольностях и преимуществах». Это последнее обстоятельство и было, вероятно, одной из главных причин, побудивших Бока поднести русской императрице хвалебную оду. Нельзя не отметить, что за пять лет до этого он приветствовал подобной же одой прусского короля Фридриха II, воевавшего теперь с Россией (Акад. изд., т. II, стр. 210—211 втор. паг.).

Немецкий оригинал данной оды не был опубликован ни в России, ни в Пруссии, и текст его не отыскан. Судя по тому, что русский перевод оды был напечатан не только Академией наук, но и Московским университетом, можно полагать, что в этом деле принимал участие куратор этого университета И. И. Шувалов и что Ломоносов перевел оду по его предложению. Академическое издание было набрано и отпечатано только в мае 1758 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 503, л. 299), т. е. уже после годовщины коронации. Московское же издание вышло, очевидно, ранее — еще в апреле, так как 30 апреля был подписан уже рескрипт Конференции, учрежденной при императорском дворе, о награждении Бока за оду (ААН, ф. 3, оп. 1, № 232,

Библиотека "Руниверс"

лл. 37—38): из этого можно заключить, что в день годовщины коронации императрице был поднесен оттиск издания, выпущенного Московским университетом.

В благодарность за оду Бок получил, по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны, пятьсот рублей и звание почетного члена Петербургской Академии наук. В следующем году он был, сверх того, освобожден, по его просьбе, от участия в уплате контрибуции (Протоколы Конференции. т. II, стр. 406; ААН, ф. 1, оп. 2 — 1758, № 5, л. 1; ф. 3, оп. 1, № 247, лл. 105—118). Значило ли это, что императрице понравилась его ода, или это был с ее стороны только политический жест, мы не знаем, как не знаем и того, почему Ломоносов не выставил на переводе своего имени.

Бок едва ли умел читать по-русски, но о русском переводе своей оды он отозвался тем не менее восторженно: «Я был в высшей степени удивлен, — писал он Г.-Ф. Миллеру, — какой высоты достиг уже этот [т. е. русский] язык, и мне очень хотелось бы узнать имя чрезвычайно искусного переводчика» (ААН, ф. 21, оп. 3, № 46, л. 2 об.; разр. V, оп. 1-Б, № 30). Миллер ответил, что оду перевел «господин советник Ломоносов» (там же, ф. 21, оп. 3, № 304/21, л. 2 об.). Мы не имеем, таким образом, никаких оснований сомневаться в том, что автором этого анонимного перевода был действительно Ломоносов.

236

Печатается по подлинной надписи на серебряной тумбе, которая находилась перед ракой Димитрия Ростовского и служила основанием для серебряного киота с иконой Димитрия (Ростовский краеведческий музей в г. Ростове, Ярославской области); варианты в сносках указываются по писарской копии, находящейся в деле о сооружении раки (ЦГАДА, ф. Госархив, р. XVIII, № 175, л. 87) и обозначаемой сокращенно ЦГАДА.

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые напечатано (по вышеупомянутой писарской копии) — Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. 1772, стр. 60—61. По подлинной надписи публикуется впервые.

Датируется предположительно промежутком времени с 13 декабря 1757 г., когда советник Монетной канцелярии И. А. Шлаттер предложил профессору Я. Я. Штелину составить проект украшений к серебряной раке Димитрия Ростовского (ГПБ., ф. Штелина, № 752), по апрель 1758 г., когда было завершено гравирование надписи на серебряной доске (ААН, ф. 3, оп. 1, № 503, л. 186). Сообщение П. П. Пекарского о том, будто проект раки сочинен Я. Я. Штелином в 1754 г. (Пекарский, I, стр. 565), ошибочно: как уже сказано выше, поручение составить этот проект было дано Штелину только в декабре 1757 г., а в 1754 г. не было еще и речи о канонизации Димитрия Ростовского.

Библиотека "Руниверс"

В деле Кабинета, посвященном сооружению раки, сохранился текст надписи, написанный неизвестной писарской рукой, никем не подписанный и не вполне совпадающий с тем, какой вырезан на вышеупомянутой серебряной тумбе (ЦГАДА, ф. Госархив, р. XVIII, № 175, л. 87). Но ни в этом деле, ни в делах Синода, ни в делах Академии наук не обнаружено никаких документов, которые прямо или косвенно свидетельствовали бы о том, что надпись сочинена Ломоносовым; во всех этих делах нет вообще никакой переписки о сочинении надписи. Н. И. Новиков, публикуя надпись, не указал имени ее автора. Первым, кто приписал ее Ломоносову, был Дамаскин Руднев, включивший ее в выпущенное им посмертное собрание сочинений Ломоносова (Соч. 1778, стр. 301—302). Чем именно руководился при этом Руднев, нам неизвестно, но, зная, с какой подлинно научной осмотрительностью он готовил свое издание, можно не сомневаться, что у него были достаточно веские основания для признания автором публикуемой надписи Ломоносова: из числа свидетелей и участников сооружения раки некоторые были в то время еще живы (например, Я. Я. Штелин и А. В. Олсуфьев). В пользу авторства Ломоносова говорит косвенным образом и то обстоятельство, что в декабре 1757 г., когда задумано было соорудить раку, руководящую роль в этом деле играл П. И. Шувалов («Странник», 1872, кн. III, стр. 198—199), который в эту пору особенно деятельно покровительствовал Ломоносову (ср. т. IX наст. изд., примечания к документам 82 и 84). Самым же сильным доводом в пользу авторства Ломоносова являются содержащиеся в публикуемой надписи выпады против «суемудрого раскола» и против узости космологических воззрений духовенства, весьма похожие на подобные же выпады в близком по времени написания «Гимне бороде».

Сооруженная в 1758 г. рака Димитрия Ростовского была только около пяти лет спустя перевезена в Ростов, где и установлена 24 мая 1763 г. в присутствии Екатерины II в Яковлевском соборе.

[1] Толки о «чудесах» были возбуждены стараниями близких ко двору представителей высшего духовенства, московского архиепископа Платона и духовника императрицы Елизаветы Петровны Ф. Дубянского, встретивших в этом отношении некоторый отпор со стороны ростовского митрополита Арсения Мацеевича (Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, т. XXXII, Пгр., 1915, стлб. 583—587; «Странник», 1872, кн. III, стр. 193—194; ср. Соловьев, кн. V, стлб. 1126).

[2] Став ростовским митрополитом и убедившись, что «иереи не учат, а люди невежествуют», Димитрий учредил в Ростове начальную общеобразовательную школу, куда принимались лица всех сословий (Соловьев, кн. III, стлб. 1366; И. А. Шляпкин. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891, стр. 347—353).

Библиотека "Руниверс"

[3] Современники называли Димитрия, отдававшего много времени литературной работе, «люботрудником в книгословоправлении» (И. А. Шляпкин. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891, стр. 255).

[4] С расколом, который под Ростовом был особенно силен, Димитрий вел упорную борьбу (И. А. Шляпкин. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891, стр. 412—415). Ему принадлежит полемическое сочинение «Розыск о раскольничьей брынской вере», вышедшее в свет в 1745 г.

[5] Димитрий родился не в 1650, а в декабре 1651 г., и не в самом Киеве, а в 40 верстах от Киева, в местечке Макарове (И. А. Шляпкин. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891, стр. 1). В Соч. 1778 Д. Руднев выправил как эту, так и некоторые другие указанные ниже погрешности, вкравшиеся в надпись.

[6] Принятие Димитрием монашества произошло 9 июля 1668 г., когда ему еще не исполнилось и 17 лет (И. А. Шляпкин. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891, стр. 6).

[7] Эта дата неверна: «святительский престол», т. е. сан митрополита, Димитрий получил 23 марта 1701 г. (И. А. Шляпкин. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891, стр. 278).

[8] Имеется в виду многотомное агиографическое сочинение Димитрия Ростовского «Четьи-Минеи».

[9] В «Письме о пользе стекла» (стихотворение 191) Ломоносов пишет о блаженном Августине:

О коль великим он восторгом бы пленился,
Когдаб разумну тварь толь тесно не включал,
Под намиб жителей как здесь не отрицал,
Без Математики вселенной бы не мерил!

[10] Первые два стиха, направленные прямым образом против раскольников, которые представляли себе божество в человеческом виде, метят косвенно и в церковников, сторонников Аристотелевой геоцентрической системы, построенной на отрицании бесконечности космического пространства (ср. Берков, стр. 202 и 239; Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.—Л., 1937, стр. 102).

1759

237

Печатается по тексту первой публикации.
Местонахождение рукописи неизвестно.
Впервые напечатано — Соч. 1759, стр. 180—181.

Библиотека "Руниверс"

Датируется предположительно двадцатыми числами июня 1759 г., но не позднее июня 29, т. е. «Петрова дня», так как в Соч. 1759 Ломоносов предпосылает этому стихотворению такие слова: «Сюда принадлежат и следующие стихи, сочиненные в Петергофе на Петров день 1759 года».

«Петров день» был днем именин Петра I и великих князей Петра Федоровича и Павла Петровича. В 1759 г. празднование этого дня происходило в Петергофе. В описаниях состоявшегося там придворного празднества (СПб. Вед., 1759, № 53, стр. 409—410; Камер-фурьерские журналы, стр. 106) Ломоносов не упомянут в числе приглашенных. Таким образом, если эти стихи и сочинены, как гласит их заглавие, в Петергофе, то, по-видимому, не в часы празднества и даже, может быть, не в день празднества, а несколько ранее.

Впервые напечатанные в московском издании «Риторики» Ломоносова (Соч. 1759), эти стихи были исключены по цензурным соображениям из следующего издания «Риторики», вышедшего в 1765 г., т. е. уже в царствование Екатерины II: упоминание о свергнутом и убитом Петре III и о торжественном праздновании его именин устраняло возможность появления их тогда в печати (т. VII наст. изд., стр. 315—318, 808—809).

[1] Т. е. лет царствования Петра I.

[2] Публикуемые стихи сочинены Ломоносовым почти одновременно с выходом в свет его «Рассуждения о большей точности морского пути», где он затрагивает вопрос о приливах и отливах и об их связи с солнечным притяжением (т. IV наст. изд., стр. 155—162; ср. также стр. 754, прим. 72).

[3] Имеется в виду, вероятно, первый построенный при Петре I петербургский храм — деревянный Троицкий собор неподалеку от Петропавловской крепости.

[4] Т. е. на двух упомянутых выше великих князей, из которых один приходился Петру I внуком, а другой — правнуком.

238

Печатается по последнему прижизненному изданию (второе Отд. изд. 1759) с указанием в сносках вариантов по первому изданию (первое Отд. изд. 1759).

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — отдельным изданием в сентябре 1759 г.

Датируется предположительно промежутком времени с 20 августа 1759 г. (день прибытия в Петербург курьера с реляцией о победе под Куннерсдорфом; см. «Прибавление к СПб. Вед.», 1759, № 68, 24 августа) по 2 сентября того же года (день получения Академической канцелярией ордера К. Г. Разумовского о печатании оды).

Библиотека "Руниверс"

2 сентября 1759 г. в Академическую канцелярию поступил ордер президента Академии наук о печатании публикуемой оды «на академическом коште» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 470, л. 280). Канцелярия в тот же день определила напечатать оду в количестве 570 экз. (там же, л. 281). Типографские работы были завершены не позднее 11 того же сентября, и Ломоносову было выдано 95 экземпляров оды (там же, № 247, л. 18). Не прошло и недели после этого, как 17 того же сентября Ломоносов «словесно объявил» в Канцелярии, что И. И. Шувалов желает выпустить на счет Московского университета еще одно издание оды в количестве 500 экз. (там же, № 529, лл. 258 об.—259), что и было исполнено в недельный срок: к 21 сентября ода была напечатана (там же, № 1512, л. 14 об.), а 24 сентября весь тираж второго издания был передан Ломоносову (там же, № 247, л. 24).

При печатании второго издания Ломоносов внес в текст оды некоторые поправки, которые составителями посмертных ее изданий не учитывались.

Ода 1759 г. интересна тем, что излюбленный литературный прием Ломоносова выступает в ней особенно обнаженно. Все обязательные по условиям времени официальные приличия соблюдены; высокий стиль «похвальной» поздравительной оды ничем не нарушен, и на долю адресата оды, императрицы, отпущено требуемое тогдашним придворно-поэтическим обычаем количество хвалебных эпитетов; вся же центральная часть оды посвящена крупнейшей «злобе дня»: победе, действительно блестящей, над прусской армией, которая претендовала на непобедимость. Ломоносов с полной искренностью прославляет «геройство росское» и столь же искренно осуждает «пыщный дух» Фридриха II, т. е. его самонадеянную заносчивость. Но и в хвалебные эпитеты, и в «венцы побед преславных», и в укоры врагу настойчиво и местами, особенно в начале и в конце оды, довольно откровенно вплетается тот публицистический мотив, в котором заключается подлинное идейное содержание оды: Ломоносов опять и опять, с еще большим «жаром сердечным», чем в 1757 г., требует скорейшего заключения мира. Зрелищу «страшной» войны, разинувшей «смертну хлябь», где «главы́ вала́тся, как листы», «гибельному стону», «окровавленным рекам» и «собору» мертвецов, жертв войны, противопоставлены «тихие дни» и «кроткая весна», «безмрачные» небеса, «покоя сень», «тишина» как залог развития национальной культуры, материальной и духовной («искусства, нивы, торг, науки»). Мира требовала в самом деле вся истощенная войной страна, лучшие сыны которой были выброшены за ее рубеж в угоду чуждым ей интересам Габсбургской династии. Об истощении страны Ломоносов говорит открыто:

Ещель мы мало утомились
Житейских тягостью бремен?
Воззри на плачь осиротевших,
Воззри на слезы престаревших
Воззри на кровь рабов Твоих.

Библиотека "Руниверс"

О том, насколько созвучны были слова Ломоносова общественным настроениям того времени, свидетельствует успех оды: тираж ее, как мы видели, превысил тысячу экземпляров — цифра при тогдашних условиях огромная. Нельзя не отметить вместе с тем, что, отдавая себе отчет в опасной смелости своего политического выступления, Ломоносов счел нужным заранее заручиться поддержкой Разумовского и Шувалова (ср. примечания к стихотворению 232).

[1] Относительно этимологии имени Елизавета Ломоносов, как видно из этих стихов, впадал в ту же ошибку, какую допустили и некоторые новейшие его комментаторы (ср. примечание 1 к стихотворению 141).

[2] Под именем «отроков» божьих библейская терминология понимала пророков, которые, по мифологическим представлениям того времени, были посредниками между богом и людьми, сообщая им его волю.

[3] Поэтический пересказ библейского текста, где идет речь об освобождении евреев из египетского плена (Исход, VII, 1—4).

[4] Куннерсдорфское поражение повергло Фридриха II в такое отчаяние, что он, по собственным его словам, был близок к самоубийству (Oeuvres de Frédéric le Grand, Berlin [Произведения Фридриха Великого, Берлин], 1854, стр. 305—306).

[5] Семилетняя война началась с оккупации прусскими войсками беззащитной Саксонии.

[6] Говоря о пожаре г. Кюстрина, который, будучи бомбардирован 4 августа 1758 г. русской артиллерией, сгорел дотла, Ломоносов справедливо отмечает, что это был единичный, исключительный случай, что другие немецкие города не подверглись опустошению и что обязаны они этим не военному искусству прусского короля, а русскому человеколюбию.

[7] Намек на общеизвестное циничное пренебрежение Фридриха II к международным обязательствам.

[8] Ломоносов напоминает о победе, одержанной русскими войсками в самом начале кампании, 17 августа 1757 г., под Гросс-Егерсдорфом, на берегу р. Прегель (у Ломоносова Прегла). Потери в людском составе были с обеих сторон очень значительны, отчего Ломоносов и называет эту реку «окровавленной».

[9] Прусский город Мемель капитулировал 24 июля 1757 г. после четырехдневной бомбардировки.

[10] Осенью 1759 г. намечалось движение русско-австрийских войск в Силезию, на что и намекает Ломоносов.

[11] Русская армия, заняв Франкфурт на Одере, была в двух переходах от Берлина. «В Берлине хорошо сделают, если подумают о своей безопасности», — писал Фридрих II в день Куннерсдорфского сражения (Соловьев, кн. V, стлб. 1100).

Библиотека "Руниверс"

[12] Талан — в данном случае удача.

[13] Напоминание о сражении под Цорндорфом, происходившем 14 августа 1758 г. Обе армии, понеся огромные потери («его и нашей крови токи»), ночевали на поле битвы. Фридрих II приписал победу себе, но русское командование это отрицало, справедливо отмечая, что «великие дела», совершенные в этот день русскими войсками, «всему свету останутся в вечной памяти к славе нашего оружия» («нам правда отдает победу»). В силу особенностей грунта («цорндорфские пески глубоки») передвижения конницы поднимали густую пыль, которую ветер относил в нашу сторону, мешая видеть неприятеля (Соловьев, кн. V, стлб. 1052—1055).

[14] Новый русский главнокомандующий П. С. Салтыков не пользовался расположением двора, но, по словам одного из участников войны, «имел счастие с самого уже начала приезда своего солдатам полюбиться»; уважало его и боевое офицерство (Болотов, стлб. 907). Не прошло и двух месяцев со дня его назначения главнокомандующим, как этот «старичок седенький, маленький, простенький» одержал две крупных победы над прусским королем, считавшим себя лучшим в мире полководцем.

[15] Шлонскими горами Ломоносов называет, вероятно, Силезские горы (от немецкого названия Силезии — Schlesien).

[16] В русском манифесте от 16 сентября 1757 г. про Фридриха II говорилось так: «Не первая от него вышла на свет и военная декларация, на том только основанная, что он мнимых своих неприятелей предупреждать должен» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 962, л. 94). Этот именно тезис прусского короля, заявлявшего себя сторонником превентивной войны, Ломоносов и передает словами: «Удар ударом предварю».

[17] В стихах 141—154 идет речь о Куннерсдорфской битве, которая началась с того, что Фридрих прорвал наш левый фланг и, «сделав из всей своей армии колонну, устремился, — как говорилось в реляции, — со всею силою сквозь армию вашего величества до самой реки продраться». Этот боковой удар («со стороны пролом») прусских войск развивался сперва успешно, но кончился тем, что под натиском наших вовремя подоспевших резервов «неприятельская армия в совершенное бегство обратилась» («Прибавление к СПб. Вед.», 1759, № 68, августа, стр. 7).

[18] Обращение к П. С. Салтыкову.

[19] См. примечание 10 к стихотворению 44.

[20] В рескрипте, посланном русским двором П. С. Салтыкову незадолго до Куннерсдорфского сражения, говорилось, что «король прусский чрезвычайно проворен быстрые походы делать» (Соловьев, кн. V, стлб. 1097).

[21] Под военными дверьми Ломоносов разумеет двери храма Януса, которые в древнем Риме во время войны принято было держать открытыми. Таким образом, слова «Военны запечатай двери» означают: прекрати войну.

Библиотека "Руниверс"

[22] От войны страдало главным образом, разумеется, крестьянство. На отягощение работами и поборами жаловались и восставали против своих хозяев не только помещичьи, но и монастырские крестьяне (см. Н. Л. Рубинштейн. Крестьянское движение в России во второй половине XVIII в. «Вопросы истории», 1956, № 11, стр. 36). Такая вспышка произошла в 1759 г. и под Архангельском (Соловьев, кн. V, стлб. 1129), о чем Ломоносов, сохранявший связь и с родней, и с земляками, был, без сомнения, хорошо осведомлен.

239

Печатается по тексту первого посмертного издания (Соч. 1784).

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые напечатано — Соч. 1784, ч. I, стр. 312—313.

Датируется предположительно второй половиной 1759 г. по времени выхода в свет IV тома «Собрания разных поучительных слов» Гедеона Криновского, которое было окончено печатанием в июне 1759 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 504, лл. 77об., 86, 101, 115, 126об., 140) и откликом на которое явилось публикуемое стихотворение.

Как определение приблизительной даты стихотворения, так и установление обстоятельств, вызвавших его, являются заслугой П. Н. Беркова. В IV томе «поучительных слов» того самого придворного проповедника, о котором не раз уже говорилось выше (примечания к стихотворению 227), Гедеона Криновского, П. Н. Берковым отысканы следующие два отрывка, имеющие несомненную связь с публикуемым стихотворением Ломоносова. В одном из поучений Гедеон осуждает тех, «которые будто и со вниманием стоят во время проповеди, но ничего более при том, разве только слог проповеднический, примечают: например, выборны ли его слова? красно ли сочинение? не отстает ли от материи? наблюдает ли риторические правила и подобная? а не рассуждают того, что пришли они не в Демосфенову или Цицеронову школу, но в Христову, где не учат словам, а делам». В той же проповеди, порицая «ленивого слышателя», Криновский говорит про него: «Охотнее ему читать Аргениду или Телемака, нежели Христово Евангелие» (Гедеон [Криновский]. Собрание разных поучительных слов, при высочайшем дворе ея священнейшего величества императрицы и самодержицы всероссийския сказыванных, т. IV. СПб., 1759, стр. 79 и 81). Упоминание о Телемаке особенно убедительно подтверждает связь цитированной проповеди с публикуемыми стихами. Считая совершенно справедливо, что духовные особы рассматривали появление «Риторики» Ломоносова как «вторжение в сферу, до того времени принадлежавшую исключительно им» (ср. т. VII наст. изд., стр. 793), П. Н. Берков выдвигает вполне основательное предположение, что вышеприведенные слова Гедеона могли быть вызваны выхо-

Библиотека "Руниверс"

дом в свет в 1759 г. нового издания ломоносовской «Риторики» (Берков, стр. 203—204). Эти соображения находят себе надежную опору и в не упомянутом П. Н. Берковым предисловии Криновского к IV тому его проповедей. Оно обращено «к российскому на проповедь слова божия приуготовляющемуся юношеству». Признавая авторскую скромность для себя не обязательной, Гедеон предлагает пользоваться его поучениями как образцом и поясняет, что среди других «российских печатных авторов» очень мало таких, которым стоило бы подражать. «Я никогда не старался, — продолжает Криновский, — чтоб очень привязывать меня к риторике»; он советует будущим проповедникам действовать так, чтобы и им риторика «не была повелительницею, но совершенно служительницею», и кончает уже вполне откровенным, обычным для него выпадом против ученых риторов и ученых вообще: «Ежели бы я, — заявляет он, — хотел вам здесь описать, сколько вреда произошло от таких, которые подчинять смели слово божие какой-нибудь науке или искусству и изобретениям человеческого разума, пространное бы и страшное открыл позорище». Эти вызывающие слова так же, как и отмеченная П. Н. Берковым проповедь, не могли не раздражить Ломоносова. В том, что именно он был автором публикуемого стихотворения, сомневаться не приходится: в этом убеждает все содержание последнего (см. приводимые ниже сопоставления с другими высказываниями Ломоносова).

[1] Ломоносов не случайно именует адресата эпиграммы Пахомием. Для людей, хорошо знакомых с древнерусской церковной литературой, это имя было почти нарицательным: Пахомий Логофет, плодовитый русский агиограф XV в., был известен более всего ремесленным отношением к делу и умением угождать вкусам правящих верхов. «Жития святых» он писал по заказам светских и духовных властей за высокую плату, отбрасывая достоверные исторические эпизоды и усиливая в угоду заказчикам элемент «чудес». Парадно-панегирический стиль его произведений цветист, но однообразен и холоден (История русской литературы, т. II, ч. I. М.—Л., 1945, стр. 238—239).

[2] Казнодей — проповедник.

[3] Прямой отклик на слова Г. Криновского о том, что он никогда не старался «привязывать» себя к риторике (см. вводную часть настоящих примечаний).

[4] Как — чем, нежели. Ср. § 495 «Российской грамматики» Ломоносова (т. VII наст. изд., стр. 559).

[5] Подобное же утверждение встречаем у Ломоносова в его «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1758): «На нем [греческом языке], кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и других в эллинском языке героев, витийствовали великие христианския церкви учители и творцы, возвышая древнее красноречие высокими бого-

Библиотека "Руниверс"

словскими догматами и парением усердного пения к богу» (т. VII наст. изд., стр. 587).

[6] В своей астрономической работе «Явление Венеры на Солнце» (1761) Ломоносов, как и здесь, доказывает, что древние христианские проповедники не боялись «познания натуры» и что, по их мнению, «изъяснение священных книг не токмо позволено, да еще и нужно, где ради метафорических выражений с натурою кажется быть не сходственно» (т. IV наст. изд., стр. 372—376). В стихах 11—14 прямой ответ Ломоносова на выпад Г. Криновского против ученых, «которые подчинять смели слово божие какой-нибудь науке».

[7] Ломоносов, как отмечено М. И. Сухомлиновым, имеет в виду в данном случае Василия Великого, который советовал «пользоваться сочинениями языческих писателей, но брать из них только то, что истинно хорошо» (Акад. изд., т. II, стр. 405—406).

[8] Имеется в виду весьма популярный в XVIII в. дидактический роман Ф. Фенелона «Приключения Телемака» (1699), затрагивавший политические темы с позиций теории так называемого «просвещенного абсолютизма».

240

Печатается по тексту Каз. (стр. 59—60) с указанием в сносках вариантов по списку М (№ 414, тетрадь № 16, л. 2), по тексту Бычк. (л. 154) и по Q (стр. 23об.—24). Текст Казанского сборника взят за основу как наиболее полный: три других содержат очевидные пропуски (см. сноски *й*, *к*, *л* на стр. 660), нарушающие и логический строй стихотворения, и рифмовку.

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые напечатано (неполно — по М): «Москвитянин», 1854, № 1—2, отд. IV, стр. 2—3.

Датируется предположительно второй половиной 1759 г. по времени напечатания вызвавшей публикуемую эпиграмму статьи В. К. Тредиаковского «О мозаике» («Трудолюбивая пчела», 1759, июнь, стр. 353—360). Ломоносову эта статья стала известна не позднее 8 июля 1759 г. (т. X наст. изд., письмо 62).

Авторство Ломоносова не подлежит сомнению. Оно доказывается и всем содержанием эпиграммы (о чем см. ниже), и тесной связью ее с письмами Ломоносова к И. И. Шувалову от 8 июля 1759 г. (т. X наст. изд., письмо 62) и М. И. Воронцова к Ломоносову от 10 того же июля (Акад. изд., т. VIII, стр. 209), и намеком на И. И. Тауберта (см. ниже, примечание 1), и, наконец, сходством заключительного стиха эпиграммы с одной из фраз Ломоносова в его сатирическом отзыве о литературной деятельности А. П. Сумарокова, написанном несколько месяцев спустя («Изрядный нашел способ в крапиву испражняться!» — т. IX наст. изд., документ 388).

Библиотека "Руниверс"

Публикуемая эпиграмма направлена против Сумарокова и Тредиаковского и вызвана появлением в журнале Сумарокова «Трудолюбивая пчела» вышеупомянутой статьи «О мозаике», где Тредиаковский пренебрежительно отозвался о мозаичном искусстве, заявляя, что «живопись, производимая малеванием, весьма превосходнее мозаичныя живописи» («Трудолюбивая пчела», 1759, июнь, стр. 359). Эта статья, облеченная в научную форму и «безобидная по внешности» (Берков, стр. 243), была на самом деле тем, что точнее всего определяется словом подвох. В момент ее появления еще не получил окончательного разрешения вопрос о передаче Ломоносову заказа на мозаичные украшения к гробнице Петра I, а от этого заказа зависела вся будущая участь не только Усть-Рудицкой фабрики Ломоносова, но и мозаичного дела в нашей стране (т. IX наст. изд., документы 84, 87, 89 и 92 и примечания к ним). Высшие правительственные круги, где рассматривался вопрос о заказе, проявляли нерешительность, и «один лишний довод против задуманнюго предприятия мог, — по справедливому замечанию М. И. Сухомлинова, — наклонить весы в другую сторону и создать новые затруднения» (Акад. изд., т. II, стр. 231 втор. паг.). Подобным доводом могла явиться статья Тредиаковского, на что она и была рассчитана. Так понял ее назначение не один Ломоносов, но и такой хорошо осведомленный его современник, как М. И. Воронцов, который писал, что статья является плодом одной только зависти (Акад. изд., т. VIII, стр. 209). Негодование Ломоносова, нашедшее себе исход в эпиграмме и в письмах Шувалову и Воронцову, было тем более естественно, что воссозданное Ломоносовым мозаичное дело вызывало уже не первый год, как сам он выражался, «посмеяние и ругательство» со стороны его врагов (т. X наст. изд., письмо 62).

В заглавии эпиграммы, которое воспроизведено, как и ее текст, по Казанскому сборнику, Ломоносову принадлежат, очевидно, только первые два слова: «Злобное примирение» (ср. сноску *а* на стр. 659). Под примирением Ломоносов понимает в данном случае то весьма кратковременное перемирие, которое Сумароков заключил с давним своим литературным противником, Тредиаковским, чтобы, поместив его статью в своем журнале, общими силами причинить зло Ломоносову.

Сотином Ломоносов называет Тредиаковского, переиначив таким образом кличку Тресотиниус (от французского très sot — «очень глупый»), под которой Тредиаковский был выведен в одноименной комедии Сумарокова. Аколастом (от греческого ἀκόλαστος — необузданный, дикий, наглый) Ломоносов называет Сумарокова, а Пробином (от латинского probus — честный) — самого себя.

[1] Намек на Тауберта, в ведении которого была Академическая типография, где печаталась «Трудолюбивая пчела», издававшаяся Сумароковым под цензурным наблюдением Академии наук. 8 июля 1759 г. Ломоносов писал

Библиотека "Руниверс"

Шувалову: «Здесь видеть можно целый комплот: Тредиаковский сочинил, Сумароков принял в „Пчелу", Тауберт дал напечатать без моего уведомления в той команде, где я присутствую» (т. X наст. изд., письмо 62).

[2] Характерные особенности Сумарокова. Над его миганьем не раз потешались его противники (Акад. изд., т. II, стр. 235—236 втор. паг.).

[3] В статье Тредиаковского «О мозаике» нет речи о ломоносовских одах, но стихотворные и прозаические произведения Сумарокова, печатавшиеся в «Трудолюбивой пчеле», полны скрытых насмешек над поэтической, а иногда и над ученой деятельностью Ломоносова (П. Н. Берков, стр. 245—247, 249—250).

[4] В «Эпистоле о стихотворстве» (1748) Сумароков писал:

Он [Ломоносов] наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен,
А ты, Штивелиус [т. е. Тредиаковский], лишь только врать способен.

(ср. т. IX наст. изд., примечания к документу 372).

[5] См. выше, вводную часть к настоящим примечаниям (стр. 1097).

241

Печатается по первому прижизненному изданию.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — «Полезное увеселение», 1760, стр. 17—23.

Датируется предположительно 1759 г. по времени опубликования в январской книжке московского журнала «Полезное увеселение» 1760 года, напечатанные в которой материалы поступили в редакцию журнала, очевидно, никак не позднее 1759 г.

Из заглавия, под которым была впервые напечатана ода и которое принадлежит несомненно не Ломоносову, а, вероятно, редактору журнала М. М. Хераскову, видно, что она публиковалась в порядке состязания двух крупнейших поэтов того времени. Вслед за переводом Ломоносова был напечатан перевод Сумарокова. Существует известие, что ломоносовский перевод оды выходил затем еще и отдельным изданием (Сопиков, 3, № 7230), но ни такого издания, ни каких-либо документальных следов его печатания нигде не отыскано, что заставляет сомневаться в его существовании.

Выбор именно данной оды Жана-Батиста Руссо объяснялся, должно быть, тем, что эта ода, бичевавшая удачливых завоевателей, которые добывают себе славу ценой жестокого кровопролития, приобретала актуальность в период Семилетней войны, когда виновник ее, прусский король Фридрих II, заливая кровью центральную Европу и разоряя свои и чужие земли, создавал себе таким способом громкую репутацию непобедимого полководца.

Перевод Ломоносова, несмотря на отдельные недочеты (см. ниже, примечания 6, 10 и 13), был несравненно лучше сумароковского, который не заслуживает, в сущности, даже и названия перевода: это в лучшем случае

Библиотека "Руниверс"

то, что в первой половине XIX в. принято было называть «подражанием» подлиннику. Четырехстопные хореи Сумарокова, те самые, какими он писал иные фривольные свои песенки (например, «Негде в маленьком леску»), совсем не отвечали строю французской обличительной оды и передавали ее ритмику гораздо хуже, чем ломоносовские ямбы.

Конкурирующие переводы были напечатаны в журнале, вокруг которого группировались под эгидой Хераскова молодые поэты сумароковского направления (Г. А. Гуковский. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927, стр. 41). Однако же, как показано это Г. А. Гуковским («Поэтика», сборник статей, IV, Л., 1928, стр. 130), «ближайшие поколения читателей, по-видимому, склонились на сторону Ломоносова». Г. Р. Державин, например, сопоставляя переводы Ломоносова и Сумарокова, заявлял, что «последнего слог не соответствует высокому содержанию подлинника» (Сочинения Державина, т. VII, 1872, стр. 522). Митрополит Евгений Болховитинов говорил так: «Перевод Сумарокова Руссовой оды не хуже Ломоносова, а нам кажется слабее только по хореическому метру Сумарокова, противу ямбического Ломоносова» (там же, стр. 614). Ломоносовский перевод вошел в некоторые рукописные сборники XVIII в. (см., например, ГПБ, Тит., № 2599, лл. 89 об.—93), что является верным признаком его успеха. И когда в начале XIX в. заходила речь об оде Руссо, которую в тогдашних школах заставляли «вытверживать наизусть», ее цитировали в переводе Ломоносова («Русский вестник», 1820, V, стр. 37—51). В год его смерти появился еще и третий русский перевод той же оды, автором которого был не привлеченный к участию в состязании В. К. Тредиаковский (Римская история от создания Рима до битвы Актийския, то есть по окончании республики, сочиненная г. Ролленом, т. XII, СПб., 1765, стр. XXII—XXIX).

Перевод Сумарокова

ОДА

1

Ты фортуна украшаеш
Злодеяния людей,
И мечтание мешаеш
Разсмотрети жизни сей.
Долголь нам повиноваться
И доколе покланяться
Нам обману твоему?
Все тобою побежденны;
Все ли смертные рожденны
Супротивиться уму?

Библиотека "Руниверс"

2

Малости с твоим покровом
Кажутся не малы быть;
Пышным именем и словом
Должны превелики слыть.
Весь народ тому свидетель.
Что пороки добродетель,
Коим помогаеш ты,
И во смрадности природы
Беззаконнику доводы
Шлют безсмертия цветы.

3

Имя сих Героев пышно,
Но разсмотрим их дела,
Будет нам иное слышно,
Коль судьба нам ум дала:
Как мы их ни почитаем,
Жадность, гордость обретаем
И свирепство только в них:
Все, что их ни прославляет,
Добродетель составляет
Из пороков лишь одних.

4

Ты не можеш быть причиной
Славы отмененных душ,
Но премудростью единой
Славится великий муж;
От твоей одной державы
Нет безсмертия, ни славы;
Смертных то незапна часть;
Не геройски то утехи,
Но тиранския успехи
Ближним приключать напасть.

5

Как почтить могу я Силлу,
Пеплом зря прикрытой Рим?
Хулим одного Аттиллу,
Помня Александра с ним.
Человеков убивают,
А другие называют
Добродетелью кровь лить,
Праведноль искать витийства
К прославлению убийства
И разбойника хвалить?

Библиотека "Руниверс"

6

Победители злосерды!
Все зрю ваши я плоды:
Вы в желаньях ваших тверды
Миру извлекать беды.
Тамо слышу бедных стоны,
Там валятся ваши троны,
Грады превращенны в прах,
Возлагаются железы,
Вдов, сирот лиются слезы,
Там смятение и страх.

7

На сие, что тако хвалят,
Разсуждая кто воззри,
Иль без бед людских умалят
Дарованный сан Цари?
Венценосцы! для отлики
Толи способы велики,
Чем вы можете блистать?
В вас богов изображенье:
Тольколь оным подраженье
Гром и молнию метать?

8

В приключениях противных
Обретаю важну честь,
А в победах и предивных
Лавр оружью должно плесть.
Победитель часто славен,
Что противнику не равен
И ево соперник мал;
За победу малоспорну
Должен вождю не проворну
Всем успехом Аннибал.

9

Коему хвала Герою
В точном имени ево?
Щедрой кроющу рукою
Чад народа своево;
Образцом которой Тита
Подданным от бед защита,
Жалостно смотря на них;
Лести кто и внять не мыслит,
И владения дни числит
По числу щедрот своих.

Библиотека "Руниверс"

10

Вместо яростию взята,
Зверски Клита кто убил,
Вобразим себе Сократа,
Естьлиб он на троне был;
В нем Царя не горделива
Зрелиб мы и справедлива,
И достойна олтарей.
А Эвфрата победитель
Вместо был ево бы зритель
Только подлости своей.

11

Крови жаждущи герои,
Возмущения творцы!
Вас мечтою славят бои
И лавровые венцы.
Раззорения безсметны
Все Октавиевы тщетны
Вознестися до небес;
Правосудия блаженством
И спокойства благоденством
Тако он себя вознес.

12

Мужи храбрые! являйте
В полном свете вы себя,
Равномерно прославляйте
Имя, щастье погубя.
Души ваши в нем велики,
Мира вы сего владыки,
Слышан лиш огромный век.
Щастье только упадает:
Все геройство увядает,
Остается человек.

13

Для победы изобильно
Дух посредственный иметь,
И потребно сердце сильно,
Коль фортуну одолеть.
Муж великий презирает,
Что фортуна им играет,
И в бедах не колебим;
И в благой, и в лютой части
Сердце держит он во власти,
В твердом постоянстве зрим.

Библиотека "Руниверс"

14

Вся ево успеха сладость
Не в излишестве своем,
Неумеренная радость
Не обрящет места в нем;
Все ему препятства втуне.
Он ругается фортуне,
И спокойно видит их.
Щастье в жизни скоротечно;
Но достоинство есть вечно
Сколько рок ему ни лих.

15

Тщетно гордостью Юноны
Осужден на смерть Эней:
Добродетель в обороны,
Ты противилася ей.
Рим тобою Карфагеном
За нево рассыпал стены,
Славу их послав на низ;
И в ево лютейшей части,
Превратил те зря напасти,
В вечны лавры кипарис.

Перевод Тредиаковского

1

Фортуна! что твоя Рука увенчавает
Продерзости ниже и слышаны когда,
То блеском ложным кой тебя осиявает
Нам ослепленным толь пребыть ли завсегда?
Доколе, Истукан обманчивый прелестно,
Моления тщетой, еще ктому бесчестно,
Твой Жертвенник кадя мы будем почитать?
Иль самонравий зрить твоих беспутство в веки
Тебе в приносе Жертв, святимо Человеки,
И поколений их все рабства исчитать?

2

Народ, из дел твоих, хотяб из всемалейших,
Превознося успех и падая пред тем,
Название тебе дает имен честнейших:
Ты бодрость, храбрость, смысл, ты сила, крепость всем.
Лишает своея так титлы высочайши
Добротность и плоды, везде ея сладчайши,
За то что мил весьма един тебе порок:
Ещеж в молвах его и клич решений ложных,
В Героев становит верьховных, многоможных,
В твоих Любимцах кто злочинием широк.

Библиотека "Руниверс"

3

Но Похвалою коль ни гордостныб своею
Герои были те, пред всеми возносясь;
Однако Разум наш поставим Судиею,
И в них поищем благ мы сродных им, не льстясь.
Я`бешенства внутрь зной вопервых обретаю,
Я слабость вижду там, неправду я сретаю;
Предательства я зрю и лютых злостей збор.
Се странный вид добра! а зиждемый стократно,
Проклятых самых Зол счетанием превратно,
И пребезмерных тех, с Добротой коим спор.

4

Познай, что Мудрость то единственно смиренна,
Великих кто сильна Героев произвесть:
Та малости в тех зрит, лучами озаренна,
Которых извела твоя красива лесть:
Приятия отнюд ни Славу сподобляет;
Когда Победу всю неправда осрамляет;
Одержанну для них чредою как игры:
Пред важными ея и светлыми очами,
Все доблести их суть, тояж глася речами,
Злодействия в себе, за счастие добры.

5

Как! в пепел Рим тогда едва не обращенный,
Причина, Силлу мне с почтенными верстать?
Пречуден Александр за то не укрощенный,
Мог Аттила за что прененавидим стать?
Я имя дам еще Добротой бранноносной
И наглости такой, к умертвиям не косной,
Котора кровь мою, кропясь по лакти, льет?
Присилюж и язык, лице слезами моя,
Свирепаго хвалить из уст моих Героя,
К несчастию Людей рожденна, да избьет?

6

Что в Повести о вас я чту бытей в приметы?
О Ратоборцы вы! безжалостны сердца!
Хотения без мер; впредь замыслы без сметы;
Сраженных и Царей Тираны для венца:
Твердыни там же стен воспламененны тлятся;
Победоносцы все в убийстве стервенятся;
Народ повержен в труп, иль стенет в ранах с мук.
Кровавых матерей зрим, в бледности ревущих,
А с трепета своих обмерших дщерей рвущих,
Из воинских уже насилующих рук

Библиотека "Руниверс"

7

Безсмыслен есть суд наш, когда мы толь дивимся
Излишествам таким не мирных сих Людей!
Иль Смертных злая Часть, к которой не родимся,
Содействует часть прославленных Царей?
Огромность Славы их исполнь в прах разваλений,
Без оных душегубств, без оных и граблений,
Не может ли никак пребыть и устоять?
Чтож — образ божий суть в странах земнаго Дома,
Ударамиль затем молниестрельна Грома
Повсюду здесь должна великость их знять?

8

Хощу, да, посреде враждебныя тревоги,
Бывает тверда честь, без ухищренных бедств.
Добропобедных коль сочтутся сонмы многи,
Оружием бы верьх торжественных взять следств?
Се он, гласим, есть кто Истории в Разделе,
Но Славой одолжен, по бранном, чаю, деле,
Иль страху, иль стыду Соперника себе.
Не с навыка Варрон то зделал в споре наглом,
Да он удержит власть над Луцием там Павлом,
Что Аннибал в успех достиг свой на борбе.

9

Но ктож есть оный здесь Герой, толико Твердый,
Что славою себе сам токмо одолжен?
Есть вещию он Царь, Правдивый, Милосердый,
Добротами Велчк, и теми обожен:
Положшему Щедрот примером Тита мерна,
К блаженству своего Народа сердцем верна
Усердно прилежать, Веселия одни:
Он подлости бежит Ласканий, Яда равно;
И токмо как Отец Отечества, исправно
Благодеяньми все свои счисляет дни.

10

О вы! у коих есть та дерзска смелость бранна
Превышше всяких благ и оных красоты,
Представьте вы себе Сократа презбранна
За Клитова того Убийцу с бесноты.
Увидите Царя и честна и разсудна,
Имуща велий Дух, прещедра, правосудна;
Царя всех Олтарей, и всех достойна вас.
А пред лицем уже толикаго Сократа,
Преоборитель тот, гласимый толь, Евфрата,
Явится весь очам последнейший из вас.

Библиотека "Руниверс"

11

Герои Жестоты! Герои кровопивны!
Престаньте, ум велит, тщеславиться за свар
Лавровыми Венцы, что мнятся вам толь дивны,
И вам, что поднесла беллона в пышный дар.
Антониев вотще тот быстрый победитель,
И Лепидов к томуж, но прежде, истребитель,
Вселенну понуждал в ужасном страхе быть:
Там Августом егоб не проименовали,
Державы в тишине когдаб не ликовали,
Чтоб возмощи его все ярости забыть.

12

Нуж, покажите нам, Великодушны Мужи,
Добротство ваше все, есть то в колико крат.
Посмотрим, как сердца, парить к звездам досужи,
Удержатся собой Преспеяний в обрат.
Доколе Участь вам всегда не без привета,
То Господа всего пространнаго вы Света,
И ослепляет нас блеск Славы вашей той,
Но Жребий вопреки хоть малоб возметался,
Личина спала с глаз: мрак ползаний остался:
А светлый весь уже тогда исчез Герой.

13

Усильность средних мер я ставлю за довольну,
На Марсовых полях чтоб ярко шурмовать.
Но премогает кто Фортуну самовольну,
Достойно из Мужей того Великим звать.
Теряет помощь сей от оныя буянства,
Не тратя своего ни мало Постоянства,
Честь коим уж свою возрастшею познал:
Нет колебаний в нем Величию и Духу,
Ни что Тиберий есть торжественник, по слуху,
Ниже что Вар стремглан зол крайних в бездну пал.

14

И Радость, коя тща, или та смехотворна,
Не может же пройти во внутренность к нему;
А бодрая боязнь, и в действиях проворна,
Всю к мерности ведет успешность по тому.
Когда Фортуна зла его преудручает;
То непозыбность в нем себя возобучает
Препятствами ея, преходными в летки.
Благополучность вся к концу идя слабеет,
Но мудрость как всегда в своей твердыне спеет,
Судбины точно так всегдаж порхнуть легки.

Библиотека "Руниверс"

15

И всуеж то Сама, надменна толь Юнона,
Енееву ярясь определила смерть:
О Мудрость! мощь твоя, с прегорьняго щит лона,
Сильна и одолеть, Предел и грозный стерть
Тобою, быв Еней в морских волнах погрязший,
Потом уж Карфаген, в стенах его, потрясший,
Кровь Витязей своих отмстил в сторице бед:
А следуя твоей преобоженной власти,
Узрел, в пребольше зло смертельныя напасти,
За черный Кипарис зеленый Лавр побед.

[1] Т. е. прельщающий, обманывающий; в подлиннике «trompeuse Idole» («обманчивый идол»); у Сумарокова образ истукана-идола исчез: в его переводе читаем:

И доколе покланяться
Нам обману твоему?

У Тредиаковского «истукан обманчивый прелестно».

[2] Редакция «Полезного увеселения» сочла нужным дать к слову «твоему» такую пояснительную сноску: «То есть, от тебя происходящему пороку», что не соответствует подлиннику, где сказано: «le vice, que tu chéris» (в буквальном переводе: «порок, который тебе мил»). Точнее всех перевел Тредиаковский: «За то, что мил весьма един тебе порок».

[3] Здесь Ломоносов, ориентируясь на современную ему действительность, сознательно, надо полагать, отходит от подлинника, где вместо «хищников чужих держав» читаем более слабое «impitoyables conquérants» («безжалостные завоеватели»).

[4] Одним из виновников поражения римлян при Каннах в 216 г. до н. э. считался консул Гай Теренций Варрон. Вторым консулом был в это время Люций Павел Эмилий. Ломоносов заменил именем Варрона парафразу подлинника «compagnon de Paul Emile» («товарищ Павла Эмилия»). Тредиаковский счел необходимым назвать и Варрона, и Эмилия. Сумароков обошелся вовсе без имен, удовольствовавшись упоминанием про «во́ждя непроворна».

[5] В подлиннике и в переводах Сумарокова и Тредиаковского не Веспасиан, а Тит. Полное имя императора Тита было, правда, Тит Флавий Веспасиан, но это не давало все же Ломоносову права называть его Веспазианом, потому что под этим последним именем вошел в историю отец и предшественник Тита. Не исключена, впрочем, возможность, что Ломоносов сознательно отошел от подлинника, так как, вопреки легендам, заботы о «счастии людей» были более характерны для миролюбивого Веспасиана, чем для Тита.

Библиотека "Руниверс"

[6] Заключительные три стиха строфы 9 грешат неясностью. В подлиннике они читаются так:

Qui fuit la basse flaterie
Et qui, père de sa Patrie,
Compte ses jours par ses bienfaits,

т. е. в буквальном переводе: «Кто убегает от низменной лести и кто, будучи отцом своего отечества, исчисляет свои дни числом своих благодеяний». Из трех состязавшихся переводчиков лучше всех справился с этими тремя стихами Сумароков:

Лести кто и внять не мыслит,
И владения дни числит
По числу щедрот своих.

[7] «Клитовым убивцем» назван Александр Македонский, убивший своего полководца Клита Черного, который в битве при Гранике спас ему жизнь.

[8] «Страшилище Эвфрата» — Александр Македонский.

[9] Здесь Ломоносов заменяет опять собственным именем парафразу подлинника: у Руссо вместо «Октавий» читаем:

. . . le destructeur rapide
de Marc-Antoine et de Lépide
[. . . быстрый сокрушитель Марка Антония и Лепида].

[10] Ломоносову, как, впрочем, и другим двум переводчикам, не удалось передать с достаточной точностью, силой и ясностью весьма эффектную в подлиннике концовку 12 строфы:

Mais au moindre revers funeste
Le masque tombe, l'homme reste
Et le Héros s'évanouit,

т. е. в буквальном переводе: «Но при малейшем злоключении личина спадает, остается человек, а герой исчезает без следа».

У Тредиаковского:

Но Жребий вопреки хоть малоб возметался,
Личина спала с глаз: мрак ползаний остался,
А светлый весь уже́ тогда исчез Герой.

У Сумарокова:

Щастье только упадает:
Все геройство увядает,
Остается человек.

Библиотека "Руниверс"

[11] Т. е. для того чтобы стать завоевателем, достаточно и посредственных способностей. Ломоносов совершенно точно передает в этом случае мысль Руссо. Перевод Сумарокова менее точен:

Для победы изобильно
Дух посредственный иметь.

Тредиаковский же впадает в обычную для него невнятицу:

Усильность средних мер я ставлю за довольну,
На Марсовых полях чтоб ярко шурмовать.

[12] Ломоносов, почти дословно передавая в стихах 128—130 текст подлинника, далеко оставляет за собой своих соперников.

У Сумарокова:

И в благой, и в лютой части
Сердце держит он во власти,
В твердом постоянстве зрим.

У Тредиаковского:

Нет колебаний в нем Величию и Духу,
Ни что Тиберий есть торжественник, по слуху,
Ниже что Вар стремглав зол крайних в бездну пал.

[13] Перевод Ломоносова в этом случае и неточен, и неясен. В подлиннике:

La joie imprudente et légère
Chez lui ne trouve point d'accès,
Et sa crainte active modère
L'ivresse des heureux succès,

т. е. в буквальном переводе: «Неосмотрительная и легкомысленная радость не находит к нему доступа, и его деятельной опасливостью умеряется опьянение от счастливых успехов».

242

Печатается по подлиннику, писанному писарской рукой (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, л. 69) и снабженному каллиграфически выведенной подписью «Ломоносов»; в этой подписи, по совершенно справедливому замечанию М. И. Сухомлинова, «нет тех особенностей ломоносовского почерка, по которым можно определить его с несомненною точностью» (Акад. изд., т. II, стр. 385 втор. паг.).

Впервые напечатано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, М., 1872, стр. 502.

Датируется 1759 г. на основании следующего сообщения Ломоносова, введенного им в «Роспись упражнений сего 1759 года»: «Сочиниил краткие стихи: 1) на Фортуну» (т. X наст. изд., документ 517). С утверждением

Библиотека "Руниверс"

Л. Б. Модзалевского (Акад. изд., т. VIII, стр. 195 втор. паг.), что под этими «краткими стихами» Ломоносов разумел, будто бы, свой перевод оды Ж.-Б. Руссо «К Фортуне» (стихотворение 241), согласиться нельзя: говоря о переводном произведении, Ломоносов не сказал бы «сочинил» и не назвал бы «краткой» оду, содержащую 150 стихов.

Первый издатель публикуемых стихов П. И. Бартенев и Л. Б. Модзалевский считали их написанными «в честь императрицы Елисаветы Петровны» (Архив кн. Воронцова, т. IV, М., 1872, стр. 502; Акад. изд., т. VIII), что едва ли подтверждается их текстом. Ломоносову случалось называть императрицу Елизавету Минервой и Дианой, но вряд ли бы решился он назвать ее Фортуной, богиней слепой случайности, или — еще того менее — Венерой, богиней любви. Гораздо больше оснований признать данное стихотворение (как это и сделал М. И. Сухомлинов) написанным в честь М. И. Воронцова, который прямо в нем упомянут и в архиве которого оно было отыскано. Обращено же оно, как видно из первых двух стихов, и не к императрице, и не к Воронцову, а к какому-то находившемуся, очевидно, у Воронцова произведению античного изобразительного искусства. Сюжет произведения был, по-видимому, неясен (Фортуна или Венера). Попытку разгадать этот сюжет Ломоносов весьма искусно обращает в своего рода «похвальное слово» Воронцову, превознося его любовь к «наукам и знаниям», его «доброту» и верность его дружбы, а заодно предсказывая ему «непременное», т. е. прочное, счастье. Чтобы оценить значение этого предсказания, следует вспомнить, что стихи писались в тревожное военное время, вскоре после назначения Воронцова канцлером, т. е. руководителем внешней политики русского правительства.

[1] Под кругом Ломоносов разумеет колесо Фортуны, которое символизировало превратность человеческого счастья.

243

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 3, л. 49).

Впервые напечатано — Будилович, II, стр. 293—296.

Датируется предположительно 1759 г. по «Росписи упражнений сего 1759 года», где Ломоносов указывает, что в этом году «переводил стихи из Сенеки» (т. X наст. изд., документ 517).

Публикуемые стихи являются переводом отрывка из трагедии Сенеки «Троянки» (стихи 63—131). В латинском оригинале этот отрывок представляет собой лирическую (песенную) партию, написанную в анапестическом размере. Ломоносов заменил четырехстопные и двустопные анапестические стихи рифмованными шестистопными ямбическими, чем вызвано некоторое увеличение объема текста. В соответствии с этим, в самом переводе Ломо-

Библиотека "Руниверс"

носов прибегает к амплификации, о характере которой может дать достаточное представление передача рефрена «Hectora flemus» (стихи 98, 118, буквально: «мы оплакиваем Гектора») в стихах «Рыдайте, как есть долг о Гекторе рыдать» и «Мы ныне начали о Гекторе рыдать».

Возможно, что Ломоносов предполагал ввести настоящий перевод в свою «Риторику», которую переиздавал в 1759 г. Московский университет.

[1] Имеется в виду гора Ида.

[2] Т. е. десять раз.

[3] Т. е. десятилетняя война.

1760

244

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — Соч. 1778, кн. II, стр. 219—220.

Датируется предположительно второй половиной (не ранее 16) февраля 1760 г. (по дате опубликования Сенатом указа, оповещавшего об итогах испытания «новоизобретенной артиллерии» — ААН, ф. 3, оп. 1, № 966, л. 18; ср. ниже, примечание 4).

В период Семилетней войны русскую армию, по настоянию П. И. Шувалова, вооружили так называемыми единорогами, т. е. полевыми орудиями нового типа, изобретенного группой отечественных техников. Преимущества единорогов были доказаны на деле: их огонь был одной из важнейших причин полного разгрома Фридриха II под Куннерсдорфом. По их образцу были созданы впоследствии в западноевропейских государствах так называемые длинные гаубицы (А. Д. Блинов. Курс артиллерии, кн. I. Изд. 3-е, М., 1948, стр. 78). При всем том, однако, и в армии, и при дворе многие встретили шуваловское нововведение с недоверием, а иные и с осуждением. Ввиду этого 28—31 января 1760 г. в Мариенвердере было произведено, по требованию Шувалова, сравнительное испытание новых и старых орудий, причем «новоизобретенная артиллерия пред старою натурально преимущества имела» (Соловьев, кн. V, стлб. 1133). Об итогах этого испытания Сенатом, по распоряжению императрицы, был 16 февраля 1760 г. напечатан и 17 того же февраля разослан во все государственные учреждения указ «во опровержение произнесенных здесь неосновательных слухов» о новых орудиях (ААН, ф. 3, оп. 1, № 966, лл. 18—24). В Академии наук этот указ был получен 18 февраля 1760 г. (там же, л. 17), а 25 того же февраля появилась соответствующая публикация в прибавлении к СПб. Вед. Обнародование сенатского указа и было тем «всерадостным объявлением», которое

Библиотека "Руниверс"

дало повод Ломоносову приветствовать П. И. Шувалова публикуемыми стихами (ср. вводную часть примечаний к стихотворению 176).

[1] П. И. Шувалов, фактический глава правительства при императрице Елизавете, ревностный поборник интересов поместного дворянства и развивавшегося купечества, крупный горнопромышленник и откупщик, известный баснословным корыстолюбием, был наряду с этим автором ряда прогрессивных по условиям того времени экономических мероприятий, направленных к повышению доходов казны. Эти мероприятия и разумеет Ломоносов, говоря об «исправлении доходов». Под «гранадами» следует понимать разрывные снаряды, получившие благодаря стараниям Шувалова широкое применение во время Семилетней войны: шуваловские единороги позволили вести этими снарядами прицельную стрельбу, чего еще не знало до тех пор артиллерийское искусство. «Исправлением прав» Ломоносов именует начатые по инициативе Шувалова работы по пересмотру и упорядочению русского законодательства. Многочисленные проекты, вносившиеся Шуваловым в Сенат, встречали зачастую сопротивление со стороны реакционно настроенных сановников. Говоря об этих своих проектах, Шувалов жаловался, что «из оных такого нет, которого бы мои ненавистники не старались порочить и испровергать» (Соловьев, кн. V, стлб. 581).

[2] Намек на противодействие, которое встречали научно-организационные и просветительные предприятия Ломоносова.

[3] Характерная для Ломоносова мысль о том, что в современных ему условиях успех боевых действий определяется не только моральными качествами войск, но не в меньшей степени и совершенством военной техники.

[4] Этот стих подтверждает правильность предложенной выше датировки: стихотворение писалось в преддверии весны, началом которой признавалось по астрономическому счету 8 марта, а по народным представлениям 1 марта старого стиля.

[5] Ср. примечания к стихотворению 238.

[6] Намек на бомбардировку русской артиллерией города и крепости Кюстрина на берегу р. Варты 4 августа 1758 г. и на победу под Куннерсдорфом близ Одера 1 августа 1759 г

[7] Т. е. тогдашние союзники России — Франция и Австрия.

[8] Т. е. Пруссия и ее союзница Англия.

245

Печатается по единственному прижизненному изданию.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — «Краткий российский летописец с родословием. Сочинение Михайла Ломоносова». [СПб.], 1760, стр. 3.

Библиотека "Руниверс"

Датируется предположительно 1759—1760 гг., но не позднее 12 июня 1760 г.: в этот день состоялось определение Академической канцелярии о сдаче в набор «Краткого российского летописца» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 255, л. 90), написанного Ломоносовым в 1759 г. (т. X наст. изд., документ 517).

Публикуемые стихи являются посвящением к «Краткому российскому летописцу», адресованным великому князю Павлу Петровичу, которому 20 сентября 1759 г. исполнилось пять лет (ср. т. VI наст. изд., стр. 291—292 и 589).

[1] Т. е. Петра I и шведского короля Карла XII.

[2] Петр I был прямым прадедом великого князя Павла, а Карл XII — двоюродным: дед Павла с отцовской стороны, голштинский герцог Карл-Фридрих, был сыном сестры Карла XII.

[3] «Петровым внуком» Ломоносов называет будущего Петра III. Не совсем ясно, на что намекают слова о каком-то «звуке», которому «с восторгом радостным Нева внимает». «Дух военный» тогдашнего наследника российского престола не шел дальше ребяческой страсти к строевым упражнениям, а в годы Семилетней войны великий князь Петр Федорович не только ничего не «готовил» «на противников» и не только не «терзал» их «сердцем и умом», но был, наоборот, всецело на стороне этих «противников», чего не скрывал и что было, разумеется, хорошо известно Ломоносову. Вероятнее всего, что в данном случае Ломоносов имел в виду состоявшееся 12 февраля 1759 г. назначение великого князя Петра главным командиром и директором Сухопутного шляхетного кадетского корпуса (ААН, ф. 3, оп. 1, № 966, лл. 17—18). По словам историка этого дворянского военно-учебного заведения, новый директор «проводил с кадетами большую часть своего времени, присутствуя при их занятиях и играх, ознакомился с каждым воспитанником и доставил корпусу многие значительные выгоды» (Н. Мельницкий. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России, т. I, ч. I. СПб., 1857, стр. 39—40).

[4] Т. е. дочерей Екатерины I: бабки великого князя Павла, герцогини голштинской Анны Петровны и императрицы Елизаветы Петровны.

[5] Т. е. матери Павла Петровича, будущей Екатерины II.

[6] Намек на то, что все предшествовавшие цари и императоры Романовской династии умирали, не дожив до старости.

[7] Намек на давно уже зревший в уме Ломоносова проект «о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном» (ср. т. VI наст. изд., стр. 603—606)

246

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 15 об.).

Библиотека "Руниверс"

Впервые напечатано — т. VII наст. изд., стр. 619.

Датируется предположительно промежутком времени с октября 1756 г. по 1 ноября 1760 г. по сходству с некоторыми стихами поэмы «Петр Великий» (стихотворение 256, стихи 183—184).

Публикуемая запись, представляющая собой начало ямбического стиха, находится на листке, содержащем грамматические, лексикологические и фольклористические заметки Ломоносова (т. VII наст. изд., стр. 618—619). О назначении ее можно только догадываться. По своему содержанию она близка к следующим двум стихам из поэмы «Петр Великий»:

От севера стада морских приходят чуд
И воду вихрями крутят и к верьху бьют.

Не является ли данная запись черновым наброском первого из этих двух стихов?

247

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 1, л. 401).

Впервые напечатано (неточно) — Пекарский, II, стр. 704, прим.

Датируется предположительно декабрем 1760 г., так как написано на листке, где набросана датируемая этим месяцем заметка об ответственности И. И. Тауберта за ошибки, допущенные при опубликовании реляции о взятии Берлина (т. X наст. изд., документ 451). Публикуемая эпиграмма занимает нижнюю часть листка и обведена чернильной чертой, отделяющей ее от заметки о Тауберте, которая занимает верхнюю часть листка и написана, вероятно, несколько ранее, чем эпиграмма.

Содержание эпиграммы не оставляет сомнений в том, что объектом ее был кто-то из современных Ломоносову русских литераторов, но кто именно, мы не знаем. Естественнее всего думать, что эпиграмма метила либо в А. П. Сумарокова, либо в В. К. Тредиаковского, против которых Ломоносов был в эту пору сильно раздражен (см. стихотворения 240 и 259 и примечания к ним). Хотя Сумароков полемизировал в это время с Ломоносовым несравненно активнее, чем Тредиаковский, и давал гораздо больше поводов для ответных выпадов, однако вероятнее все же, что эпиграмма направлена против Тредиаковского. В этом убеждает подбор содержащихся в ней образов: вспомним стих Ломоносова из послания «к Зубницкому» (стихотворение 229)

Твой мерзкой склад давно и смех нам и печаль.

Сумарокова Ломоносов обвинял в «великом множестве несносных погрешностей в российском языке» (т. IX наст. изд., документ 388; ср. также

Библиотека "Руниверс"

т. X наст. изд., письмо 36, где Ломоносов говорит, что Сумароков «ломает язык российский, правда хотя не везде, однако нередко»), но даже и в самых решительных выступлениях против Сумарокова Ломоносов никогда не отзывался об его стиле так резко, как о стиле Тредиаковского.

Если в эпиграмме Ломоносова имя осмеянного им автора заменено точками, то это объясняется не цензурными соображениями: перед нами черновик, где стеснять себя подобными соображениями не было надобности. По литературному обычаю того времени собственные имена заменялись в эпиграммах сатирическими прозвищами, а такого прозвища Ломоносов, сочиняя эпиграмму, по-видимому, еще не придумал.

[1] Т. е. смрад (см. А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885, стр. 159).

248

Печатается по тексту первой посмертной публикации.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — «Друг просвещения. Журнал литературы, наук и художеств», ч. I, М., 1804, стр. 42—52.

Датируется предположительно 1759—1760 гг. по «Росписи упражнений сего 1759 года», которую Ломоносов заключает следующими словами: «Сочиняю программы и речь благодарственную для инавгурации Университета» (т. X наст. изд., документ 517). Так как эта «Роспись» была представлена Ломоносовым в самом конце 1759 г. (30 декабря) и так как о «речи благодарственной» он говорит в ней как о произведении, еще не завершенном («сочиняю»), то есть основание думать, что работа над ней продолжалась и в следующем 1760 году (ср. также ниже, примечание 21).

Была ли доведена эта работа до конца, мы не знаем: в последующих своих отчетах Ломоносов не говорит о ней ничего (ср. т. IX наст. изд., документ 350 и т. X наст. изд., документ 518, отд. VII, п. 3). Отысканы пока только три черновых фрагмента «Слова благодарственного», которые здесь и публикуются (слова 248—250).

В первой половине 1759 г. Ломоносов написал проект регламента Академического университета, а вторая половина этого года и начало следующего ушли у него на проведение этого проекта по разным академическим инстанциям. Утверждение проекта должно было сопровождаться, по мысли Ломоносова, изданием особого акта верховной власти о даруемых Университету «привилегиях» и устройством «инавгурации» Университета, т. е. празднества, посвященного, как это принято было на Западе, оглашению акта о привилегиях и торжественному открытию преобразованного Университета. Заботясь об инавгурации, Ломоносов стремился поднять международный вес

Библиотека "Руниверс"

Академического университета: по западноевропейским понятиям того времени, без инавгурации никакой университет не признавался университетом, и присужденные им ученые степени не обеспечивали его питомцам должного положения в кругу зарубежных ученых. Однако, несмотря на все усилия Ломоносова, ни написанный им проект университетского устава, ни акт о привилегиях не получили окончательного утверждения, и инавгурация не состоялась (подробнее см. т. IX наст. изд., документы 314, 315, 317—320, 322, 323, 325, 328; т. X наст. изд., документы 470 (§§ 47, 49 и 68), 517, 518 (VII, п. 3), письма 63, 66, 67, 73, 80 и примечания к ним, а также в настоящем томе стихотворения 252, 257 и 258 и примечания к ним).

Публикуемые черновики интересны в особенности тем, что дают наглядное представление о том, как работал Ломоносов над своими ораторскими произведениями.

[1] Ломоносов, как известно, энергично боролся за то, чтобы в Академические Гимназию и Университет допускались представители всех слоев населения вплоть до крепостных крестьян (т. IX наст. изд., документы 303 (§ 4), 317 (п. 1) и примечания к ним) и чтобы лицам, получившим по окончании Университета ученую степень, присваивался «ранг», дающий право на возведение в дворянское достоинство. Одну из будущих «привилегий» Академического университета Ломоносов формулировал так: «Чтобы по здешним законам назначить пристойные ранги и по генеральной табели на дворянство дипломы» (там же, документ 314).

[2] Здесь и в дальнейшем цифры, выставленные Ломоносовым на полях, а иногда и в тексте, означают, что он предполагал доработать и дополнить соответствующий отрывок речи, воспользовавшись для этого какими-то своими нумерованными черновыми записями: цифрами обозначены порядковые номера этих не дошедших до нас записей (ср. т. VII наст. изд., стр. 903—904, 906).

[3] Имеется в виду указ от 17 мая 1744 г. о воспрещении приводить в исполнение смертные приговоры «до получения указа» (ПСЗ, 9312).

[4] Имеется в виду основание некоторых новых городов и крепостей и застройка столиц (см. примечания 6 и 14 к стихотворению 189).

[5] Имеется в виду указ от 20 декабря 1753 г. об уничтожении внутренних таможен (ПСЗ, 10164).

[6] Имеются в виду Рейнский поход 1748 г. и Семилетняя война.

[7] Имеется в виду манифест от 15 декабря 1752 г. о «прощении доимок подушного сбора», накопившихся за период 1724—1747 гг. на сумму 2 534 008 руб. (ПСЗ, 10061).

[8] Имеется в виду учреждение Московского университета 12 января 1755 г.

Библиотека "Руниверс"

[9] Имеется в виду указ от 15 декабря 1752 г. об учреждении Морского шляхетного корпуса, заменившего собой возникшую при Петре I Морскую академию (ПСЗ, 10062).

[10] Имеется в виду указ от 25 мая 1754 г. о дозволении частным лицам производить в Сибири поиски полезных ископаемых и учреждать горные заводы (ПСЗ, 10243).

[11] Имеется в виду мысль Ломоносова о возможности «северного мореплавания на Восток по Сибирскому океану» (т. VI наст. изд., работы 16—18 и примечания к ним).

[12] Имеются в виду мысли, развитые Ломоносовым в письме «О сохранении и размножении российского народа» (т. VI наст. изд., работа 13).

[13] См. выше, примечание 10. Цифры промышленной статистики XVIII в. очень неточны и еще недостаточно изучены; несомненно, однако же, что 40-е и 50-е годы этого столетия были ознаменованы значительным количественным ростом обрабатывающей промышленности (П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. [Л.], 1952, стр. 440—444).

[14] См. примечание 2 к стихотворению 211.

[15] Вопроса об «исправлении нравов» Ломоносов касается попутно в письме «О сохранении и размножении российского народа» (т. VI наст. изд., стр. 386—388, 391—393, 399—401 и др.). Этому вопросу он намеревался посвятить, кроме того, отдельную статью (там же, стр. 379 и 383). Ср. также «Примечания» Ломоносова об обязанностях духовенства (там же, стр. 407—408).

[16] Борьбе с расколом уделяли в ломоносовское время много внимания и духовные, и гражданские, и даже военные власти. Ломоносов коснулся вопроса о раскольниках в некоторых своих произведениях (см. стихотворения 227 и 236 и примечания к ним, а также т. VI наст. изд., стр. 402).

[17] См. выше, примечание 11. Мысль о необходимости освоить в экономическом отношении наши дальневосточные окраины и завязать торговые отношения с Китаем, Японией, Индией и Америкой была излюбленной мыслью Ломоносова, нашедшей отражение в целом ряде его од (см. стихотворение 4 и примечание 32 к нему, стихотворение 141 и примечание 15 к нему, стихотворение 213 и примечание 8 к нему).

[18] В § 242 «Риторики» Ломоносова идет речь о том, что риторическую фигуру «вопрошения» бывает полезно соединять с фигурой «заимословия». Заимословием же называется такая фигура, «когда то, что самому автору или представляемому от него лицу говорить должно, отдается другому лицу, живому, либо мертвому, или и бездушной вещи» (Риторика, § 219; т. VII наст. изд., стр. 270 и 288).

[19] «Вольность» — тоже одна из риторических фигур, которую Ломоносов определяет так: «Вольность есть когда говорим свободно при тех,

Библиотека "Руниверс"

которых бояться или почитать должно, ради оных побуждения, похвалы или охуления» (Риторика, § 227; т. VII наст. изд., стр. 275).

[20] Имеется в виду указ об утверждении нового университетского регламента (см. т. X наст. изд., документ 412). Этот и последующие три пункта не относятся к тексту благодарственной речи (которая в п. 2 именуется «речью»), а являются обычным для Ломоносова конспективным проектом деловой беседы с президентом Академии наук К. Г. Разумовским (который в п. 4 именуется «графом»).

[21] Имеется в виду подписанное Разумовским и Ломоносовым 17 февраля 1760 г. представление на имя императрицы о рассмотрении в Конференции при императорском дворе составленного Ломоносовым проекта университетских привилегий (т. IX наст. изд., документ 325).

[22] Существовало предположение учредить университет на Украине в Батурине (Васильчиков, т. I, стр. 260—262). Сохранился соответствующий проект, разработанный в 1760 г. Г. Н. Тепловым («Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1863, кн. 2, отд. «Смесь», стр. 67—85).

[23] Эти десять пунктов имеют несомненную связь с проектом университетских привилегий, но не совпадают с известным нам черновым наброском этого проекта (т. IX наст. изд., стр. 539, 884—885). Пункт 1 говорит, по-видимому, о том, что императрица принимает Университет под непосредственное свое покровительство (см. начало слова 249), п. 2 — о праве возведения в ученые «градусы» (п. 1 чернового наброска), п. 3 — об освобождении от таких «полицейских тягостей», как воинский постой, и о подчинении студентов академической юрисдикции (пп. 3 и 6 чернового наброска), п. 4 — о присвоении профессорам соответствующих «рангов» (п. 2 чернового наброска), п. 6 — о том, что студенты обучаются бесплатно (в черновом наброске такого пункта нет), пп. 8 и 9 — о преимуществах, которые даются окончившим Университет дворянам и разночинцам (в черновом наброске таких пунктов тоже нет), п. 10 — о студенческих вакациях или каникулах (п. 4 чернового наброска). Пункт 7 («вдовьи деньги») непонятен; возможно, что он имеет связь с тем, тоже неясным пунктом отрывка 249, где говорится про «бедность и сиротство тех, кои лишились ученых супругов и родителей». Пункт 5 («поставление») не имеет, вероятно, отношения к привилегиям и касается, должно быть, вопроса о назначении проректора и деканов. Пункт 7 чернового наброска о воспрещении духовенству «ругать наук в проповедях» не получил отражения.

[24] В то время было два великих князя: наследник престола Петр Федорович и его сын Павел Петрович. Речь идет, вероятно, о первом, потому что о втором говорится ниже. «Апостроф» — риторическая фигура прямого обращения (см. т. VII наст. изд., стр. 266—267, § 216).

[25] Т. е. к заключительной части речи.

Библиотека "Руниверс"

[26] Т. е. Разумовский.

[27] Намек на одного из главных противников Ломоносова, советника Академической канцелярии И. И. Тауберта, который, по словам Ломоносова, говаривал, «что куда-де столько студентов и гимназистов? куда их девать и употреблять будет?» (т. X наст. изд., документ 470, § 47).

[28] См. выше, примечания 4, 10—17. Ломоносов перечисляет в данном случае те области деятельности, которым могут и должны посвятить себя лица, кончающие Университет (ср. т. IX наст. изд., документ 353; т. X наст. изд., документ 470, § 68). Под «посольством» разумеется дипломатическая служба. Вопрос о «межеванье» приобрел актуальность со времени издания 13 мая 1754 г. инструкции о «межевании во всем государстве земель», причем главным руководителем этого дела был назначен П. И. Шувалов (ПСЗ, 10237; Соловьев, кн. V, стлб. 821; ср. также ААН, ф. 3, оп. 1, № 959, л. 81). Слово «Паства» загадочно: не означает ли оно, что Ломоносов допускал возможность замещения священнослужительских должностей лицами, получившими университетское образование?

249

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 3, л. 84).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 419—420.

Датируется предположительно 1759—1760 гг. по тем же соображениям, как и слово 248 (см. примечания к нему).

Публикуемый отрывок является дополнением к вступительной части («экзордии») речи на инавгурацию Академического университета и представляет собой как бы комментарий к акту об университетских привилегиях (ср. примечание 23 к слову 248).

[1] Эта часть публикуемого отрывка (со слов «Облегчает бедность и сиротство...») неясна: непонятно, в чем заключается льгота, предоставляемая семьям умерших ученых.

250

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 3, лл. 89—90 об.).

Впервые напечатано — Будилович, II, стр. 301—303.

Датируется предположительно 1759—1760 гг. по тем же соображениям, как и слово 248 (см. примечания к нему).

Публикуемый отрывок является, видимо, неполным вариантом третьего абзаца речи на инавгурацию Университета (слово 248, со слов «Много видим витийства...» и кончая словами «не для того ли только?»).

Библиотека "Руниверс"

[1] Этот перечень почти целиком совпадает с подобным же перечнем в слове 248 (ср. примечания 3—9 к нему).

[2] Имеется в виду, вероятно, победа наших войск под Куннерсдорфом 1 августа 1759 г.

[3] 8 января 1742 г. детям казненного Бироном А. П. Волынского было возвращено все конфискованное у их отца имущество (Соловьев, кн. V, стлб. 133).

[4] См. примечание 7 к слову 248.

[5] См. примечание 5 к слову 248.

[6] Имеется в виду постройка Зимнего дворца в Петербурге и перестройка Царскосельского дворца.

251

Печатается по Каз. (№ 47, стр. 82).

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые напечатано — А. И. Артемьев. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке имп. Казанского университета. СПб., 1882, стр. 188.

Датируется предположительно 1760 г. по тесной связи с «Примечанием» Ломоносова о литературной и театральной деятельности А. П. Сумарокова, написанным не ранее 15 марта 1760 г. (т. IX наст. изд., документ 388 и примечания к нему).

В Казанском рукописном сборнике автор публикуемой эпиграммы не назван. Нет. однако же, никакого сомнения, что она, как это доказал П. Н. Берков (Берков, стр. 259—260), сочинена Ломоносовым: эпиграмма почти дословно воспроизводит одну из фраз вышеупомянутого «Примечания», автором которого был бесспорно Ломоносов. В этом «Примечании» говорится про Сумарокова: «Выдумал пчелку и посылал ее по мед на Стрелку, чтобы притом жалила подьячих». Первые три стиха эпиграммы являются, если не повторением, то, по удачному выражению П. Н. Беркова, «ритмическим переложением» этих слов.

Поводом к сочинению эпиграммы явилось закрытие журнала «Трудолюбивая пчела», который издавался Сумароковым в 1759 г., а с января 1760 г. прекратил свое существование. На страницах этого журнала Сумароков вел хоть и скрытую, но весьма энергичную и упорную борьбу с Ломоносовым (подробнее см. Берков, стр. 243—250; ср. также т. IX наст. изд., документ 262 и примечания к нему).

[1] Т. е. журнал «Трудолюбивая пчела».

[2] Т. е., по-видимому, на стрелку Елагина острова, где жил поклонник и соратник Сумарокова И. П. Елагин (т. IX наст. изд., стр. 957, прим. 7).

[3] Подьячие — излюбленный предмет сатир Сумарокова (т. IX наст. изд., стр. 958, прим. 8).

Библиотека "Руниверс"

[4] Кутья — каша с изюмом, которую приносили в церковь при отпевании покойника и ели на поминках.

1761

252

Печатается по рукописи, писанной писарской рукой с собственноручными поправками Ломоносова (ГПБ, Собрание русских автографов, Ломоносов, $\frac{К \cdot 16}{2}$) с указанием в сносках вариантов по первой посмертной публикации (Соч. 1784).

Впервые напечатано — Соч., ч. I, 1784, стр. 313—315 под заглавием «Отрывок».

Датируется предположительно первой половиной февраля 1761 г. (не позднее 14 числа) на основании приписки, сделанной Ломоносовым в письме к М. Л. Воронцову от 15 февраля 1761 г.: «При сем приложить смелость принял просительные стихи к всемилостивейшей государыне, которые вчерашнего числа вручил я милостивому государю Ивану Ивановичу [Шувалову]» (т. X наст. изд., письмо 73).

Рукопись, по которой печатаются публикуемые стихи, была приложена Ломоносовым к вышеупомянутому письму на имя Воронцова. Рукопись тех же стихов, врученная накануне Шувалову для передачи императрице, не отыскана, и совпадал ли ее текст с публикуемым, неизвестно. Не найдена и та рукопись, по которой эти стихи напечатаны в Соч. 1784.

В стихах идет речь о подписании императрицей Елизаветой «привилегии» для Академического университета, уже утвержденной Конференцией при императорском дворе и только что контрассигнованной канцлером Воронцовым. Хлопоты Ломоносова по этому делу подробно освещены в т. IX наст. изд., примечания к документу 325. Ср. также т. X наст. изд., документ 470, § 49.

[1] Утверждение «привилегии» должно было сопровождаться торжественной «инавгурацией» Университета. Она имела задачей создать последнему положение, которое приравняло бы его к западноевропейским университетам, о чем должен был быть оповещен весь зарубежный ученый мир (т. IX наст. изд., документ 328 и примечания к нему).

[2] Смысл стихов 17—18 неясен. Возникает подозрение, не допущена ли тут писцом какая-либо погрешность.

[3] Имеется в виду основание Академии наук Петром I и фактическое открытие ее после его смерти, при Екатерине I.

[4] В то самое время, когда писались публикуемые стихи и когда Семилетняя война еще продолжалась, в правительственных сферах обсуждался

Библиотека "Руниверс"

вопрос об учреждении сети провинциальных гимназий и низших школ, в чем принимал участие и Ломоносов (т. IX наст. изд., документ 332 и примечания к нему). Не на этот ли проект намекает он, говоря о том, что «свирепой брани звук... защитник стал наук». Возможно и другое предположение: речь идет, может быть, о новых русских артиллерийских орудиях, над изобретением которых долго работали отечественные ученые специалисты и которые блестяще оправдали себя на практике во время Семилетней войны (см. стихотворение 244 и примечания к нему).

[5] Наброски благодарственной речи, которую Ломоносов собирался произнести при «инавгурации» Университета, публикуются в настоящем томе (слова 248—250).

253

Печатается по тексту первого и единственного прижизненного издания. Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — «Первые основания металлургии или рудных дел». СПб., 1763, § 58, стр. 70, куда Ломоносов ввел публикуемый перевод стихов Лукреция.

Датируется предположительно временем не позднее февраля 1761 г., когда началось печатание «Первых оснований металлургии» (т. V наст. изд., стр. 690).

Этот научный труд был написан Ломоносовым еще в 1742 г. и носил первоначально другое название: «Первые основания горной науки». Первая редакция известна нам лишь по сохранившемуся сравнительно небольшому ее отрывку, который позволяет, однако, судить, что она существенно отличалась от окончательной редакции, напечатанной двадцать один год спустя (там же, стр. 688—689). Входил ли в первую редакцию публикуемый стихотворный отрывок, мы не знаем. Точность перевода и качество стихов говорят о зрелом уже переводческом и стихотворческом мастерстве, которое дает некоторое основание предполагать, что данный отрывок написан в более поздние годы, вероятнее всего, в 1760 или в начале 1761 г., когда Ломоносов подготовлял «Первые основания металлургии» к печати.

Стихи Лукреция введены в ту главу этого труда, где идет речь «о прииске жил», и в тот ее раздел, где говорится о «ненарочном прииске» их, т. е. о том, как «жилы каким-нибудь слепым случаем без нарочного искания находятся».

Стихам предпосланы такие слова: «Таким ненарочным случаем приписывает самое первое изобретение металлов древний римский стихотворец и философ Лукреций следующими стихами» (т. V наст. изд., стр. 441).

Стихи взяты Ломоносовым из поэмы Лукреция Кара «О природе вещей» («De rerum natura»), кн. V, стихи 1241—1257.

Библиотека "Руниверс"

Ломоносов придал законченность отрывку «о начале металлургии», выделив его из более широкого контекста: в строках оригинала, следующих за использованными в переводе, говорится о том, как расплавленный металл заполнял полости в почве и застывал в них, воспроизводя их форму, и как это явление внушило людям первую мысль о литейной технике. Небольшое сокращение внесено и в переведенные стихи: Ломоносов устранил содержащееся у Лукреция (стихи 1249—1251) упоминание о третьем возможном случае использования древними людьми огня, а именно о применении его на охоте.

[1] Выраженная в этом стихе мысль принадлежит Ломоносову: в оригинале говорится только об освобождении под пашню и луга площади, занятой лесом.

[2] Этим стихом заменены опущенные Ломоносовым стихи 1249—1251 оригинала (см. вводную часть настоящих примечаний).

[3] Образ «пристойный» навеян, по-видимому, словом conveniens, которое в оригинале должно быть понято, однако, в буквальном смысле («стекаясь»).

254—255

Печатаются по единственному прижизненному изданию.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатаны в составе работы Ломоносова «Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санктпетербургской Академии наук майя 26 дня 1761 года», вышедшей в свет отдельным изданием в 1761 г., стр. 11 и 16.

Датируются предположительно промежутком времени с 26 мая 1761 г. (день прохождения Венеры по диску Солнца) по 28 июня того же года (когда Академической канцелярией была вынесена журнальная резолюция о печатании вышеупомянутой работы Ломоносова; ААН, ф. 3, оп. 1, № 531, л. 176).

Публикуемые стихотворения введены Ломоносовым в текст «Прибавления» к названной астрономической его работе, которое посвящено вопросу о том, может ли гелиоцентрическое учение и идея о множественности обитаемых миров противоречить церковному учению (т. IV наст. изд., стр. 371—372, 376 и 773). Ломоносов отвечает на этот вопрос отрицательно и в подтверждение своего мнения приводит, помимо логических доводов и ссылок на церковную литературу, два стихотворения. Оба они написаны, очевидно, специально для данного случая.

254

[1] Публикуемое стихотворение является оригинальным произведением Ломоносова, но, как установлено Д. Д. Благим, аргумент, вложенный в уста

Библиотека "Руниверс"

повара, заимствован из весьма известного, много раз переиздававшегося во второй половине XVII в. прозаического произведения французского писателя Сирано де Бержерака «Иной свет, или Государства и империи Луны», где автор говорит: «Было бы одинаково смешно думать, что это великое светило [Солнце] станет вращаться вокруг точки, до которой ему нет никакого дела, как было бы смешно предположить при виде жареного жаворонка, что вокруг него вертелась печь» (цитируется по русскому переводу, выпущенному отдельным изданием — М.—Л., 1931, стр. 137).

255

[1] Явления луны — лунные фазы.

[2] Публикуемое стихотворение является свободной обработкой первых одиннадцати строк сатиры Клавдиана «Против Руфина». В латинском оригинале эти строки не составляют законченного отрывка, а являются частью следующего хода мысли: «Я часто испытывал сомнения, управляют ли миром вышние или в нем господствует случайность: когда я исследовал законы природы, то приходил к мысли, что они утверждены мудростью бога; но когда я наблюдал человеческие дела, торжество злых и угнетение благочестивых, то невольно соглашался с тем мнением, что божество или не существует или не заботится о нас. Падение Руфина положило конец этим сомнениям и оправдало богов».

Добавив отсутствующее в оригинале слово «однако» и заменив в заключительной строке несовершенный вид совершенным, Ломоносов существенно изменил смысл переработанных им строк.

256

Печатается по последнему прижизненному изданию 1761 г.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — первая песнь отдельным изданием в декабре 1760 г., вторая песнь тоже отдельным изданием в июле 1761 г.

Датируется предположительно 1756—1761 гг. В сводном отчете о своих «трудах и упражнениях в науках» за время с 1751 по 1756 г., поданном президенту Академии наук не ранее 28 октября 1756 г., Ломоносов, перечисляя работы, выполнявшиеся в этом году, написал: «Сочиняю героическую поэму, именуемую „Петр Великий“» (т. X наст. изд., документ 516). Таким образом, к созданию поэмы он приступил не позднее октября 1756 г. И. И. Шувалов утверждал впоследствии и, как увидим, не без основания, что это он «заставил» Ломоносова «сделать этот опыт для императрицы» («Москвитянин», 1852, № 20, кн. 2, отд. IV, стр. 60). В январе 1757 г. Ломоносов продолжал, должно быть, писать поэму, о чем свидетельствует

Библиотека "Руниверс"

его выступление 10 января этого года в Академическом собрании, где он заявил, что намерен издать ее в свет (Протоколы Конференции, т. II, стр. 368). Однако хоть, по словам Я. Я. Штелина, Ломоносов и «положил себе за правило ковать ежедневно по тридцати стихов» («Москвитянин», 1851, № 2, кн. 2, стр. 209), работа над поэмой шла медленно и с очень большими перерывами. В конце ноября 1757 г., прося Шувалова о повышении по службе, Ломоносов писал ему, что «оным новая кровь в жилы мои вольется к совершению начатого героического описания трудов Петровых, которых окончание выше всех благополучий в жизни моей почитаю» (т. X наст. изд., письмо 59). Отсюда следует, что поэма к этому времени была еще только начата и далека от окончания. Продолжалась ли работа над ней в 1758 г., мы не знаем, в следующем же 1759 г. Ломоносов ею, безусловно, не занимался, в чем убеждает его отчет за этот год, где он подробно перечисляет все свои поэтические труды: поэмы о Петре в этом перечислении нет (там же, документ 517). В записке, поданной Шувалову в начале 1760 г. в связи с ходатайством Ломоносова о назначении его вице-президентом Академии, Ломоносов говорит, что это «ободрит» его «к сочинению в один год Петриады» (там же, письмо 64). Хотя просимого назначения, как известно, не последовало, но Ломоносов в самом деле вернулся в этом году к работе над поэмой и, судя по дате посвящения, к 1 ноября 1760 г. (день рождения Шувалова) кончил писать первую песнь. В конце того же года было приступлено к сочинению второй песни. Ее начало написано бесспорно в декабре 1760 г., что видно из содержания стихов 657—659:

И солнце, к нам спеша в обратной колеснице,
Готовит новой блеск Российской багрянице,
Чтоб нашей радостью украсить новый год.

Такие стихи могли быть написаны только в промежуток времени между зимним солнцестоянием (11 декабря) и новым годом. К половине 1761 г. вторая песнь была окончена: в июле этого года она, как пояснено ниже, была уже напечатана. Ломоносов оказался прав, назвав свою поэму «трудом желаемым, но непреодолимым» (см. посвящение): дальше второй песни дело не пошло. Поэт В. П. Петров, современник Ломоносова, пять лет спустя после его смерти упоминал в довольно туманных выражениях про «оставшуюся после Ломоносова третию песнь» (Еней. Героическая поэма Публия Виргилия Марона. Переведено с латинского Васильем Петровым. Предуведомление, стр. [3]), но это заявление опровергается словами самого Ломоносова, который в «Росписи» своих трудов, написанной примерно за год до смерти, указал вполне определенно, что сочинил только «две героические песни о делах Петра Великого» (т. X наст. изд., документ 518). По сообщению Шувалова, Ломоносов оставил работу над поэмой оттого, что «был

Библиотека "Руниверс"

много занят, и время для фантазии было очень близко» («Москвитянин», 1852, № 20, кн. 2, отд. IV, стр. 60). Последние слова надо понимать так, что Петровская эпоха была, мол, тогда хронологически еще слишком близка, чтобы дать волю творческому воображению. Это едва ли справедливо. Вернее думать, что помешала Ломоносову, с одной стороны, болезнь, а с другой стороны, та тяжелая служебная обстановка, в которой протекали последние четыре года его жизни. Но как бы то ни было, «наш Пиндар, — говоря словами К. Н. Батюшкова, — кончил жизнь, поэмы не скончав» (Сочинения К. Н. Батюшкова, т. I, СПб., 1887, стр. 110).

Первая песнь поэмы была отпечатана отдельным изданием в количестве 600 экз. в начале декабря 1760 г., о чем фактор Типографии А. Е. Лыков сообщил Академической канцелярии репортом от 12 декабря (ААН, ф. 3, оп. 1, № 667, л. 57 об.). Канцелярия в тот же день определила продавать это издание по 20 коп. за экземпляр (там же, № 530, лл. 242 об.—243). 90 экз. ушло на бесплатную раздачу, а из 510 экз., поступивших в Книжную лавку (там же, № 1097, л. 404 об.), 156 экз. было раскуплено в первые же три недели до нового года (там же, л. 49 об.). Тираж второй песни был тот же — 600 экз.; об окончании печатания ее — тоже отдельным изданием — Лыков репортовал Канцелярии 10 июля 1761 г. (там же, № 263, лл. 106—106 об.; ср. № 506, л. 80 об.). О сдаче тиража в Книжную лавку было отдано распоряжение 23 июля (там же, № 668, л. 114). Издание было пущено в продажу по той же цене, что и первая песнь (там же, № 531, лл. 189 об.—190). Через десять дней после поступления его в лавку, 2 августа 1761 г., Канцелярия определила выпустить второе издание обеих песен в количестве 600 экз. (там же, л. 202 об.). Соответствующие ордеры были посланы в Типографию и Книжную лавку 14 августа (там же, № 668, л. 119). По этому второму изданию, которое отличается от первого только меньшим количеством опечаток, и публикуется текст поэмы в настоящем томе.

Об ее успехе говорит не только скорый выпуск второго издания: Я. Я. Штелин свидетельствует, что поэма «заслужила одобрение знатоков и удивление многих россиян» («Москвитянин», 1851, № 2, кн. 2, Материалы для истории русской словесности, стр. 211). «Ломоносов был первый, — писал еще при жизни его С. Г. Домашнев, — который на стройной и великолепной лире возгремел дела Великого Петра» («Полезное увеселение», 1762, июнь, стр. 237). Н. И. Новиков отнес «Петра Великого» к числу тех произведений поэта, которые «принесли ему бессмертную славу» (Опыт исторического словаря о российских писателях. Собрал Николай Новиков. В Санктпетербурге, 1772, стр. 128). Одним из наиболее выдающихся творений Ломоносова считал поэму и А. П. Шувалов (Куник, I, стр. 204). Когда непримиримый литературный враг Ломоносова А. П. Сумароков отозвался на поэму «ругательной» по своему обыкновению эпиграммой

Библиотека "Руниверс"

(А. П. Сумароков, Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, ч. IX, стр. 148, эпитафия 17), молодой Г. Р. Державин поспешил выступить «в защищение» Ломоносова с ответной эпиграммой (Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. III, СПб., 1866, стр. 247—248). Другой младший современник Ломоносова М. Н. Муравьев перевел его поэму на латинский язык («Вестник Европы», 1807, № 19, стр. 192). Перевел ее, кроме того, — вероятно, тоже на латинский язык, — и академический переводчик и лексикограф К. А. Кондратович (ААН, ф. 3, оп. 8, № 78). Некоторая часть поэмы появилась в конце XVIII в. и во французском прозаическом переводе (M. le Clerc. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne, t. I. Paris [М. Ле-Клерк. История физическая, нравственная, гражданская и политическая новой России, т. I. Париж], 1783, т. I, стр. 130—140).

Однако в конце XVIII в. стали появляться и отрицательные отзывы о поэме. А. Н. Радищев утверждал, например, что Ломоносов «томился в эпопеи» (А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. I, М.—Л., 1938, стр. 391). К его мнению присоединился и Н. М. Карамзин, которому представлялось, что «для эпической поэзии нашего века не имел он [Ломоносов], кажется, достаточной силы воображения, того богатства идей, того всеобъемлющего взора, искусства и вкуса, которые нужны для представления картины нравственного мира и возвышенных, иройских страстей» (Сочинения Карамзина, Полное собрание сочинений русских авторов, т. I, изд. Смирдина, 1848, стр. 591).

Голоса критиков начала XIX в. разделились: в то время как А. Ф. Мерзляков восхищался рассказом Петра I о стрелецком бунте («Амфион», 1815, февраль, стр. 51—52), В. М. Перевощиков находил в поэме «многие отступления, рассуждения, обращения к императрице Елисавете, неприличные эпической поэме» («Вестник Европы», 1822, № 18, стр. 107).

Наиболее суров оказался приговор Белинского: он называл поэму «дикой, напыщенной» и видел в ней заведомо невыполнимый «tour de force [атлетический фокус] воображения, поднятого на дыбы» (В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VII, М., 1955, стр. 110). Как ни ясно было, что эти не в меру резкие слова метили не столько в Ломоносова, сколько в тех современных Белинскому литературных реакционеров, которые, прикрываясь авторитетом Ломоносова, боролись с новыми течениями в русской поэзии, — тем не менее последующие историки литературы предпочли не вступать в спор с Белинским и воздерживались от оценки ломоносовской поэмы, характеризуя ее только как незавершенный опыт пересадки на русскую почву одного из классических жанров. Такую позицию занял, в частности, М. И. Сухомлинов (Акад. изд., т. II, стр. 278—279 втор. паг.).

Библиотека "Руниверс"

Лишь в самые последние годы стало высказываться — довольно, впрочем, осторожно — мнение, что «свою поэму Ломоносов строил как произведение историческое» (Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. Изд. 2-е, М., 1951, стр. 193—194).

Ломоносовский «Петр Великий» был одной из первых попыток создать русскую героическую поэму. По понятиям того времени, этот род литературных произведений признавался наивысшим. Того же взгляда придерживался и Ломоносов (т. VII наст. изд., стр. 589). Законодатель классицизма Буало, чей авторитет у нас, как и на Западе, считался тогда непререкаемым (ср., например, Тредиаковский. Стихотворения. «Библиотека поэта», изд. «Советский писатель», 1935, стр. 415), установил жесткие правила, определявшие характер героической поэмы. От Ломоносова, воспитавшегося на поэтике немецкого последователя Буало — И. Готшеда, можно было бы ожидать, что свой первый эпический опыт он подчинит всем требованиям классической школы. Этого, однако, не случилось. Классицизму была заплачена только чисто внешняя, формальная дань (александрийский стих, традиционный зачин, вводный рассказ Петра I). Во всем же остальном Ломоносов решительно уклонился и от следования примеру античных классиков, которые воспевали «вымышленных богов» (см. посвящение), и от подражания новейшим классицистам, которые по завету Буало заменяли живых людей ходячими абстракциями и, как Вольтер в «Генриаде», вводили в круг своих персонажей аллегорические фигуры «Истины», «Раздора», «Фанатизма», «Любви» и т. п.

За кем же я пойду? Вслед подвигам Петровым,
И возвышением стихов геройских новым
Уверю целыя вселенныя концы,
Что тем я заслужу парнасские венцы,
Что первый пел дела такого человека,
Каков во всех странах не слыхан был от века.

Эти стихи, как, впрочем, и все посвящение к поэме, были и полемическими, и программными. Ломоносов понимал, что условия нового времени исключают возможность реставрации античного эпоса:

Хотя вослед иду Виргилию, Гомеру,
Не нахожу и в них довольнаго примеру.

И если Буало считал, что «эпос величавый» требует непременно «вымысла», «высокой выдумки» и «роя мифических прикрас», если он предостерегал эпического поэта от перегрузки сюжета событиями и от подражания «историкам спесивым», то Ломоносов, наперекор теории французского классицизма, заявлял, что предметом его поэмы будут «истинные дела», т. е. как раз именно события и притом подлинно исторические. Это и было тем новаторством, тем «возвышением стихов геройских новым»,

Библиотека "Руниверс"

которое он обещал. Ломоносов прокладывал пути к созданию нового эпического жанра: взамен легендарно-исторической поэмы намечалось возникновение поэмы действительно исторической, где свойственный французским классицистам пафос картезианской рассудочности заменялся гражданским, патриотическим пафосом. По указанному Ломоносовым пути и пошла русская эпическая поэзия. Промежуточными этапами была «Россиада» Хераскова и рылеевские «думы», а завершающий шаг был сделан Пушкиным, который, прежде чем его сделать, повторил, если и не тот же, то сходный путь в своей собственной эпической практике: начав со сказочного «Руслана и Людмилы», кончил построенной на исторических материалах «Полтавой», где недаром, — как теперь это признано (Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. Изд. 2-е, М., 1951, стр. 194), — голос Пушкина звучит местами по-ломоносовски (ср., например, примечание 12 к стихотворению 176).

Следует помнить, что поэма «Петр Великий» создавалась Ломоносовым в те самые годы, когда Вольтер писал по заданию русского правительства свою «Историю Российской империи при Петре Великом». Известно, что Ломоносов, по предложению И. И. Шувалова, принимал деятельное участие в подготовке посылавшихся Вольтеру исторических материалов, а затем в два приема (в 1757 и 1760 гг.) рецензировал его труд, причем вольтеровская концепция Петра I, как видно, не удовлетворяла Ломоносова (т. VI наст. изд., стр. 89—96, 359—364, 563—568, 592—594; ср. также, т. X наст. изд., письма 53, 55, 62, 67). Не исключена возможность, что это последнее обстоятельство было одной из причин, побудивших Ломоносова вернуться в 1760 г. к работе над оставленной эпопеей: труд Вольтера вышел в свет 6 ноября 1759 г., но до Ломоносова дошел не ранее первой половины 1760 г. (т. VI наст. изд., стр. 592).

Помогая Вольтеру и трудясь одновременно над «Кратким российским летописцем» и «Древней российской историей», Ломоносов изучал немало материалов о Петре I, почти сплошь рукописных, опубликованных только после смерти поэта. Он не оставил нам списка своих источников. О них приходится только догадываться, причем когда источник был известен в ломоносовское время в нескольких вариантах (а таких случаев довольно много), очень трудно, а иногда и невозможно бывает установить, каким именно вариантом пользовался Ломоносов. Ниже, в примечаниях к отдельным стихам, делаются попытки определить, откуда почерпнуты Ломоносовым сведения о тех или иных сообщаемых им исторических фактах, здесь же достаточно сказать, что наиболее заметное отражение получили в поэме:

1) Северорусские летописи, холмогорские и соловецкие, существовавшие в разных списках; ко времени работы над поэмой Ломоносов мог получить их в свое распоряжение либо через земляков-крестьян, с которыми никогда

Библиотека "Руниверс"

не порывал связей, либо через современника и ставленника Петра I, архангелогородского и холмогорского архиепископа Варсонофия, человека исторически образованного, сохранявшего отношения с Ломоносовым до самой своей смерти (он умер в конце 1759 г.; см. т. X наст. изд., письмо 8 и примечания к нему; ср. также Ломоносовский сборник. Архангельск, 1911, стр. 152); особенно широко использованы в поэме те записи холмогорских церковных деятелей о поездках Петра I в Архангельск, которые изданы были затем в 1783 г. «иждивением Н. Новикова и компании» (О высочайших пришествиях великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержца, из царствующего града Москвы на Двину, к Архангельскому городу, троекратно бывших; о нахождении шведских неприятельских кораблей на ту же Двину, к Архангельскому городу; о зачатии Новодвинской крепости и о освящении нового храма в сей крепости. М., 1783).

2) Известный тоже во многих вариантах коллективный труд, который после опубликования его в 1770 г. М. М. Щербатовым вошел в историческую литературу под названием «Журнал, или Поденная записка императора Петра Великого» и в составлении которого принимал ближайшее участие сам Петр I.

3) Ходившие по рукам во многих редакциях и дошедшие до нас далеко не в полном их виде работы П. Н. Крёкшина; они цитируются ниже по изданию И. П. Сахарова (Записки русских людей, ч. I. 1841), несравненно более исправному, чем первая их публикация, осуществленная Ф. О. Туманским (Собрание разных заметок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Петра Великого, ч. I. СПб., 1787, стр. 231—310).

Если первые две группы источников являются «источниками первой руки», способными служить историку надежнейшей опорой, то писания Крёкшина, которого еще В. Н. Татищев называл «баснословцем» (В. Н. Татищев. История российская, кн. I, ч. 2. 1769, стр. 553), были оценены позднейшими историографами как «цепь выдумок, перемешанных с немногими сказаниями историческими» (Устрялов, т. I, стр. XLIII). Эта оценка хоть и не лишена основания, но чересчур сурова. При почти полном отсутствии печатной литературы о Петре I и при скудости рукописных источников Ломоносов не мог не обратиться к весьма популярным в его время сочинениям Крёкшина, причем сумел отобрать такой их отрывок (описание стрелецких движений 1682 г.), где преобладали достоверные «сказания исторические», а «выдумкам» было уделено лишь небольшое место. Но и в этом случае Ломоносов не удовольствовался одним Крёкшиным, а привлек и другие материалы: записки А. А. Матвеева, может быть и Сильвестра Медведева (ниже, при ссылках на те и на другие, страницы указываются по вышеназванному изданию И. П. Сахарова), а также донесение датского

Библиотека "Руниверс"

резидента в Москве Бутенанта фон Розенбуша, опубликованное за границей еще в XVII в. (Relation der Traurigen Tragedie in der Stadt Moscau [Донесение о печальной трагедии в городе Москве]; напечатано в «Theatrum Europaeum», т. XII, Франкфурт на Майне, 1691, стр. 441—448; перепечатано Устряловым, т. I, стр. 330—346; при последующих ссылках на данный источник страницы указываются по изданию Устрялова).

Если при пользовании историческими источниками Ломоносов и допустил кое-где некоторые недосмотры и промахи, довольно естественные при тогдашнем уровне исторической науки (эти промахи отмечаются ниже: см. примечания 5, 21, 37, 44, 50, 54, 61, 93 и 101), то следует констатировать все же, что, работая над поэмой, он подходил к источникам не столько как поэт, располагающий правом художественного домысла и вымысла, сколько как историк, стремящийся возможно точнее восстановить историческую правду. В этом основная особенность поэмы, резко отличающая ее от всех предшествовавших ей в мировой литературе произведений того же жанра.

Что касается, наконец, идейного содержания незавершенной поэмы, то сам Ломоносов в конце второй песни дает ключ к пониманию того, что намеревался сказать: по его представлениям, вся деятельность Петра I во всей ее совокупности, в том числе и военная, была последовательным движением к единой цели — к просвещению России; а цель эта такова, что оправдывала в глазах Ломоносова даже и ненавистную ему в других случаях войну (стихи 1113—1124). Но та же концовка второй песни (стихи 1125—1167) позволяет думать, что Ломоносов не хотел ограничиваться только этим частным выводом, касавшимся одного Петра. Поэт-естествоиспытатель и поэт-историк ставил перед собой более широкие, историко-философские задачи. Вглядываясь в древность, Ломоносов задает вопрос:

Что приращению оружия причиной?

Был ли готов у Ломоносова ответ на этот вопрос, мы не знаем, но самая постановка такого вопроса в исторической поэме должна была придать поэме значительность, вполне достойную ее автора.

[1] Таким образом, сам Ломоносов признает, что принялся за поэму если и не по прямому внушению Шувалова, как утверждал последний, то во всяком случае с его одобрения.

[2] Стихи 21—24, как и следующие стихи 25—32 (см. выше), являются тоже программными: развенчивая прославленного Виргилием Энея, Ломоносов заявляет тем самым, что моральным критерием послужит для него патриотизм, который и явится идейной основой поэмы.

[3] Лев — герб Швеции. «Попранный» лев — побежденная Петром I Швеция.

Библиотека "Руниверс"

[4] Ср. в стихотворении 141 (строфа 7, стихи 65—66)

Послал в Россию человека,
Каков не слыхан был от века.

Сумароков по поводу этих стихов писал: «Это взято из моих стихов точно, которые за три года прежде сей оды сделаны и которые так написаны о Петре ж Великом:

От начала перьва вска
Таковаго человека
Не видало естество.

От начала перьва века — кажется мне ясно, а от века — ничего не знаменует; иное бы было, ежели б было сказано: во всей вечности не слыхано, а от века это я не знаю что» (Сумароков, ч. X, 1782, стр. 94). Комментаторы публикуемой поэмы уже отмечали (Ломоносов. Стихотворения. «Библиотека поэта», изд. «Советский писатель», 1935, стр. 349), что стихи Сумарокова, цитируемые им, были напечатаны не «за три года прежде» ломоносовской оды 1747 г., а через семь с лишним лет после ее опубликования — в марте 1755 г. («Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1755, март, стр. 231. Рукопись, с которой они печатались, — ААН, разр. II, оп. 1, № 217, лл. 134—137). От века (т. е. с начала бытия) — типичный для Ломоносова библеизм; ср. «От века несть слышано...» (от Иоанна, IX, 32).

[5] Французский историк Н.-Г. Леклерк, приписав Ломоносову «такие речи, каких он не говаривал» (Болтин, стр. 102), обвинял Ломоносова в том, будто он вопреки обещанию существенно отступил в поэме от исторической правды. Пытаясь это доказать, Леклерк писал, что Петр I совершил путешествие в Архангельск «только в 1698 г.», когда «плавал по Белому морю под конвоем английских и голландских кораблей, что в эту пору в России не было еще ни одного корабля и что шведы жили тогда еще в мире с этой империей» (M. le Clerc. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne, t. I. Paris [М. Леклерк. История физическая, нравственная и политическая новой России, т. I, Париж], 1783, стр. 142). Из всех этих утверждений Леклерка верно только одно, что в 1698 г. Россия действительно еще не воевала с Швецией. Французский историк, несравненно менее осведомленный, чем Ломоносов, не знал, что Петр I путешествовал в Архангельск трижды, в 1693, 1694 и 1702 гг., а в 1698 г. там не был, что плавание по Белому морю под иностранным конвоем происходило в 1693 г., причем уже тогда у Петра I была своя морская яхта (Богословский, т. I, стр. 160), что второй русский корабль был спущен на воду в Архангельске в присутствии Петра 20 мая 1694 г., а 21 июля того же года прибыл туда же и третий боевой корабль, заказанный в Голландии (там же, стр. 180 и 186), и что к 1702 г. беломорский

Библиотека "Руниверс"

военный флот насчитывал в своем составе уже не то десять, не то тринадцать судов (Новиков, стр. 96—97). Что же касается Ломоносова, то единственная хронологическая неточность в его эпическом рассказе сводится к тому, что, описывая третье путешествие Петра в Архангельск, происходившее в 1702 г. (Леклерк этого не уловил), он относит к этому путешествию эпизод (буря на море и посещение Петром I Унской губы), происшедший в 1694 г. (Богословский, т. I, стр. 181—182). Возможно, что это была сознательная «поэтическая вольность». Стоит упомянуть, что подобный же анахронизм допустил сто лет спустя и другой наш историк, располагавший гораздо большим количеством источников, чем Ломоносов (см. ниже, примечание 21).

[6] По традиции, восходившей ко временам древнегреческих рапсодов, эпическая поэма, родоначальницей которой была эпическая песня, должна была обязательно содержать в первом же стихе слово «пою», вслед за чем обозначался вкратце основной предмет поэмы. Так начинались «Илиада» и «Одиссея»; их примеру следовали Виргилий, Тассо, ближайшие предшественники Ломоносова Вольтер и Клопшток, а после Ломоносова Тредиаковский и Херасков. Пушкин в знак решительного разрыва с канонами классицизма пародировал это традиционное «вступленье» в конце седьмой главы «Евгения Онегина» (строфа LV).

[7] Подобное обращение было тоже традиционно, но если Гомер, Виргилий и Тассо взывали к «музе», а Клопшток — к «бессмертной душе», то Вольтер, верный заветам Буало, обращается за поэтической помощью к «высочайшей Истине» («auguste Vérité»).

[8] Ср. выше, примечание 4.

[9] Обращение к императрице.

[10] Флот для второго Азовского похода был построен с быстротой действительно «неимоверной»: указ об его создании был подписан Петром I 23 декабря 1695 г., а через четыре-пять месяцев (в период с 23 апреля по 24 мая 1696 г.) весь вновь построенный при личном участии Петра «морской караван» в составе 27 боевых кораблей и 1226 транспортных судов уже двинулся из Воронежа вниз по Дону. Появление русского флота в Донском устье решило участь Азова: 18 июля 1696 г. турецкая крепость капитулировала (Богословский, т. I, стр. 280—305, 332). Трудно определить, откуда Ломоносов мог почерпнуть сведения о строении воронежского флота: они известны теперь главным образом из переписки Петра I с такими деятелями его времени, как Ф. Ю. Ромодановский, Т. Н. Стрешнев, Ф. Лефорт, Ф. Тиммерман и др. (История русского флота. Период Азовский. Приложения, ч. I. СПб., 1864, стр. 1—60). Вернее всего, что единственным источником Ломоносова была в этом случае работа З.-Т. Байера «Belagerung und Eroberung von Azow im Jahr 1695 und 1696» («Осада и взятие Азова в 1695 и 1696 гг.»), напечатанная Академией наук в 1737 г. в серии «Samm-

Библиотека "Руниверс"

lung Rußischer Geschichte. Des zweyten Bandes drittes Stück» («Сборник по русской истории. Второго тома третий выпуск», СПб., 1737, стр. 183—184).

[11] Имеются в виду казни стрельцов, происходившие в Москве и под Москвой в промежуток времени с 30 сентября по 21 октября 1698 г.

[12] Речь идет о начале Северной войны. Указ Петра I об объявлении войны «противу Швеции», датированный 19 августа 1700 г., начинался так: «Великий государь указал: свейского короля за многие его к нему, великому государю, неправды и что во время его, государева, шествия чрез Ригу от рижских жителей чинились ему, великому государю, многие противности и неприятства, идтить на его, свейского короля, городы своим, великого государя, ратным людям войною» (ПСЗ, 1811). Эти-то «неправды», «противности и неприятства» Ломоносов и называет «дерзкой наглостью». Помимо цитированного выше указа, ему, вероятно, была известна работа Феофана Прокоповича (История императора Петра Великого. СПб., 1773), где описанию рижских «противностей» уделено довольно много места (стр. 19—22).

[13] Карл XII не сумел воспользоваться плодами своей победы, одержанной 20 ноября 1700 г., и после некоторых колебаний отошел от Нарвы (Соловьев, кн. III, стлб. 1247—1248). Оттого Ломоносов и называет эту победу «сомнительной». В замечаниях на «Историю» Вольтера Ломоносов писал, что после Нарвского поражения «многие полки возвратились с военною честию и военную казну почти всю вынесли в карманах, которую в Новегороде перед Софейским собором в ящики высыпали» (т. VI наст. изд., стр. 96).

[14] Имеется в виду третье путешествие Петра I в Архангельск, куда он прибыл «водяным путем на дощаниках» во второй половине мая 1702 г.: по одним сведениям 17 числа (А. А. Титов. Летопись Двинская. М., 1889, стр. 125), по другим — 18-го (Походные и путевые журналы императора Петра I. Юрнал 1702-го года, стр. 1), по третьим — 30-го (Новиков, стр. 91).

[15] Ломоносов вспоминает первые два путешествия Петра I в Архангельск в 1693 и 1694 гг. В обоих случаях царь выходил в море. О первом таком плавании (4—10 августа 1693 г.) М. М. Богословский говорит: «Петр наконец увидел море, к которому так сильно стремился. Первая же встреча произвела неизгладимое впечатление: свободная стихия стала любимой навсегда» (Богословский, т. I, стр. 160).

[16] Петр I побывал в Холмогорах трижды. В первый раз он там «объявился от Курострова» 28 июля 1693 г. «на седьми стругах» и провел в Холмогорах более суток (Новиков, стр. 11—17). Вторично он заезжал туда ненадолго уж на обратном пути в Москву, в ночь на 21 сентября того же года (там же, стр. 35). Третье и последнее посещение состоялось

Библиотека "Руниверс"

30 мая 1702 г. и длилось полтора часа (там же, стр. 91). Нет сомнения, что в годы детства и юности Ломоносов общался со многими очевидцами этих посещений.

[17] Местный летописец сообщает, что 28 июля 1693 г. при встрече Петра I в Холмогорах «полки оба полным строем стояли по площади от Богоявленских ворот до пристани государской» (Новиков, стр. 12).

[18] 12 июня 1701 г., по указу Петра, «в новой Двине, на корабельном узком проходе» была заложена крепость, названная Новодвинской, а пока она не будет построена, было приказано сделать «на самом берегу речки Двинки или где пристойно» четыре батареи с редутами. «Острожное строение в г. Коле было тогда же обновлено, между реками Коломой и Тулой построено новое укрепление, а «на морских островах» перед устьем Двины учреждены сторожевые посты. Одновременно были проведены и некоторые другие оборонительные мероприятия, чтобы «неприятельских людей с моря к Архангельскому городу никакими мерами не допустить» (Новиков, стр. 54—67; Досифей, ч. I, стр. 176. В основу этого обстоятельного исследования положены соловецкие летописи и акты, хранившиеся в монастырском архиве). Летом 1702 г. Петр не раз осматривал Новодвинскую крепость (Новиков, стр. 94—97), а при посещении Соловецкого монастыря соорудил на трех близлежащих островах «три городка, или большие насыпи диких камней с землею» (Досифей, ч. I, стр. 171; Мелетий, стр. 144). О создании Беломорского военного флота см. выше, примечание 5.

[19] Так объясняет Ломоносов цель шведских набегов на наше Беломорское побережье. Первый набег произошел летом 1701 г. и окончился неудачей: из семи кораблей шведы потеряли два, которые сели на мель и были захвачены нашими сухопутными войсками; все же успехи шведов свелись только к тому, что они сожгли одну прибрежную соляную варницу да деревушку в одиннадцать дворов (Новиков, стр. 68—91).

[20] Второй морской набег на Архангельск шведы намеревались произвести летом 1702 г., о чем Петр I был извещен весной этого года русским посланником в Голландии А. А. Матвеевым. Этим и было вызвано третье путешествие Петра на север, которое, как думал Ломоносов, было причиной того, что в 1702 г. шведы не решились появиться в русских водах (Устрялов, т. IV, ч. I, стр. 185—186; Соловьев, кн. III, стлб. 1267). Это мнение Ломоносова разделял и И. Н. Болтин (Болтин, стр. 102).

[21] Как уже говорилось (см. выше, примечание 5), буря и притом действительно страшная «нечаянно постигла» Петра не в это его плавание, а восемью годами ранее — 1 июня 1694 г., когда он, как и в 1702 г., направлялся в Соловецкий монастырь (Богословский, т. I, стр. 181). Н. Г. Устрялов сообщает, будто и в 1702 г. «плавание к Соловецкому монастырю замедлилось противными ветрами и бурною погодою» (Устрялов, т. IV, ч. I, стр. 190). Один из источников, которыми пользовался Устря-

Библиотека "Руниверс"

лов, подтверждает, что Петр I, подходя к монастырю, «остановился сперва за противным ветром между Анзерским и Муксалмским островами» (Досифей, ч. I, стр. 177), но о «бурной погоде» нет речи ни в этом, ни в других известных нам источниках.

[22] Река Уна (длиной около 50 км) впадает в Унскую губу Белого моря. Вход в губу с моря огражден двумя поросшими сосной холмами, по местному наименованию, рогами. В этой губе Петр I и укрылся 2 июня 1694 г. от шторма, грозившего разбить его яхту (Богословский, т. I, стр. 181—182).

[23] В июне 1601 г. боярин Александр Никитич Романов, дядя будущего царя Михаила Федоровича, был сослан Борисом Годуновым в усолье Луду, расположенное невдалеке от устья Уны, в 150 км от Архангельска. Там в следующем, 1602, году А. Н. Романов и умер (Русский биографический словарь, т. «Романова—Рясовский», Пгр., 1918, стр. 22).

[24] Ломоносов приписывает Петру I свою любимую мысль «о сыскании северного ходу Сибирским океаном» на Дальний Восток и в Индию. Рассуждение о преимуществах этого «северного хода» перед «южным ходом около мыса Добрыя Надежды» повторено и развито более подробно в работе Ломоносова «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (т. VI наст. изд., стр. 423—425).

[25] «Что может быть прекраснее, великолепнее сего изображения летних ночей тамошнего северного края?» — писал об этих стихах современник Ломоносова Болтин (Болтин, стр. 93). Подобно ему, и Батюшков находил в этих стихах «первоклассные красоты описательной поэзии» (Сочинения К. Н. Батюшкова, т. II, СПб., 1885, стр. 126).

[26] Черепокожные (т. е. покрытые раковиной) — зоологический термин, созданный Ломоносовым, впервые введенный им в научный оборот в 1757 г. (т. V наст. изд., стр. 342) и продержавшийся до второй половины XIX в. (В. И. Даль. Толковый словарь, т. IV. М., 1935, стр. 611; ср. С. М. Бурдин. Роль М. В. Ломоносова в создании русской естественно-научной терминологии. Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института; вып. 2, Ташкент, 1954, стр. 110, 136 и 144).

[27] Появление морского царя и сирен — единственная «мифическая прикраса», введенная в поэму в угоду заветам Буало, но Ломоносов, не отказываясь и тут от полемики с последним, завершает сцену шутливо-отрезвляющей оговоркой: «То было, либо так быть надобно б сему».

[28] Под «градом» разумеется Соловецкий монастырь, который был в то время не только монастырем, но и сильной по тогдашним условиям морской крепостью. Внешние его стены, еще в XIX в. называвшиеся «городом», вышиной 10—12 м, а толщиной около 6 м, сложены из огромных неотесанных каменных глыб. Это циклопическое сооружение представляло, по выражению местного историка, «редкое и поражающее зрелище» (Досифей, ч. I,

Библиотека "Руниверс"

стр. 85, 254). «Высокими верьхами» Ломоносов называет крепостные башни тоже исполинские.

[29] Петр I был в Соловецком монастыре дважды: 7—10 июня 1694 г. и 10—16 августа 1702 г. При втором посещении, которое и описывает Ломоносов, царь, страстный любитель артиллерийских салютов, входя в «Святые ворота» монастыря, «указал: с города, с башен стрелять из больших и малых пушек» (Новиков, стр. 98). Ломоносов точно воспроизвел и эту мелкую, но выразительную историческую деталь.

[30] Архимандрит Фирс был настоятелем Соловецкого монастыря с 1689 по 1718 г. (Досифей, ч. I, стр. 173, 183).

[31] Здесь Ломоносов повторяет почти дословно показание холмогорского летописца: «...и от ворот шествовал круг города на южную сторону и обшед вшел Святыми враты в монастырь» (Новиков, стр. 98).

[32] Историк монастыря Д. Немчинов утверждает, что крепостные стены начали строиться «имянным повелением» царя Федора Ивановича, а не Ивана Грозного, как говорит Ломоносов, и сообщает, что «строение совершенно к окончанию приведено 1594 года», но не указывает даты «именного повеления», не публикует его текста и заявляет, что работа по возведению стен продолжалась десять лет (ср. Летописец Соловецкого монастыря, М., 1790, стр. 33—34 и 37, откуда Д. Немчинов и заимствовал, очевидно, все эти недостаточно отчетливые сведения), «а по старинной рукописной хронике», — добавляет Немчинов, — двенадцать лет (Досифей, ч. I, стр. 85). Если верна эта последняя цифра, которая повторена и в надписи, высеченной на камне у крепостных ворот (Мелетий, стр. 86), то прав Ломоносов, что закладка стен произошла еще при Иване Грозном. Это вполне возможно, так как документально установлено, что еще в 1581 г. Грозный приказывал воеводе Киприяну Оничкову оберегать Соловки от шведов, а в следующем году туда был прислан боярский сын Иван Окучин, в распоряжение которого были переданы все оборонительные средства монастыря (Досифей, ч. I, стр. 83; ч. III, стр. 35). Об участии пленных татар в постройке стен ничего не известно; Ломоносов повторял, вероятно, в этом случае слышанное им на родине устное предание. «В сем предании, — писал академик И. И. Лепехин, — летопись Соловецкая не согласуется с повествованием покойного Михайла Васильевича Ломоносова» (Путешествия академика Ивана Лепехина, ч. IV. В 1772 г., СПб., 1805, стр. 67). Это замечание интересно своей формулировкой, которая показывает, что младшие современники Ломоносова рассматривали его поэму как серьезное историческое «повествование», как научный труд. Такое же отношение к ней видим и у И. Н. Болтина.

[33] Имеется в виду так называемое «Соловецкое сидение», т. е. восстание, поднятое в 1667 г. соловецкими монахами-раскольниками и носившее сперва только антицерковный характер. Когда к восставшим примкнули мо-

Библиотека "Руниверс"

настырские крестьяне и укрывавшиеся в Соловках после казни Степана Разина участники происходившей под его предводительством крестьянской войны, восстание приобрело антикрепостнический характер и было подавлено московским правительством только в 1677 г. после продолжавшихся несколько лет военных действий (Соловьев, кн. III, стлб. 205—206, 287—290, 331—336; Досифей, ч. I, стр. 148—167; Мелетий, стр. 201—233). В поморских раскольничьих скитах стали слагаться затем легенды об упомянутых Ломоносовым «мнимых чудесах», происходивших будто бы в осажденном царскими войсками монастыре (Досифей, ч. I, стр. 167—168). — «Каменны перед стеной валы» — верная историческая деталь: в 1674 г. московский воевода И. Мещеринов, «подступив под Соловецкий монастырь, окопался шанцами» и построил вблизи монастыря 13 городков, т. е. батарей и брустверов (там же, стр. 165—166).

[34] Леклерк неправ, упрекая Ломоносова в том, что он «неудачно выбрал тему для беседы своего героя с настоятелем монастыря» (M. le Clerc. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne, t. I, Paris [М. Леклерк. История физическая, нравственная и политическая новой России, т. I, Париж] 1783, стр. 143). Ломоносов внимательно прислушивался и тут к голосу тех источников, какие были у него в распоряжении. Содержание бесед Петра I с архимандритом Фирсом нам неизвестно, но и холмогорский и соловецкий летописцы сообщают, что царь дважды посетил настоятеля в его келье и провел там немало времени, причем просматривал документы монастырского архива (ср. Летописец Соловецкого монастыря. М., 1790, стр. 68—75); а из других показаний того же холмогорского летописца мы знаем, каковы бывали в подобных случаях речи Петра: он беседовал «о царственных бытностях и болярских великих людей, также и о мирских простых людех, и в работе пребывающих, и о домовном, и о всяком заводов здании, многоразумно; также и о водяном путешествии морском и речном, кораблями и всякими судами многим искусством» (Новиков, стр. 29, 99, 101; Досифей, ч. I, стр. 178—179). Вполне вероятно, что в Соловках, где все напоминало о недавнем восстании, Петр, перелистывая архивные рукописи и беседуя о «царственных бытностях», мог заговорить и о тех мятежах, которые «мрачили» его детство и юность.

[35] Т. е. девять муз.

[36] Как было указано еще М. И. Сухомлиновым (Акад. изд., т. II, стр. 290—291 втор. паг.), Ломоносов развивает в этом случае мысль, выраженную Вольтером в статье: «Idée de la Henriade» — «Замысел Генриады» (La Henriade, de M. de Voltaire. Paris [Генриада г-на де Вольтера. Париж], 1730, стр. 3), но у Вольтера нет такого прямого и резкого, как у Ломоносова, выпада против тех, кто хвалится «заслугами отцев, отнюдь отеческих достоинств не имев». Несколько иные суждения по тем же вопросам были высказаны Ломоносовым, как отметил Сухомлинов же,

Библиотека "Руниверс"

в 1749 г. в письме к В. Н. Татищеву (т. X наст. изд., письмо 14). О раздражении против «персон высокородных», накопившемся у Ломоносова ко времени работы над поэмой, см. в письме его к И. И. Шувалову от 17 апреля 1760 г. (там же, письмо 66).

[37] Насчитывая пять покушений царевны Софьи на захват царской власти и на убийство Петра I, Ломоносов, как известно из составленного им для Вольтера «Описания стрелецких бунтов» (т. VI наст. изд., стр. 97—161), имел в виду: 1) изображенные им московские события 15—17 мая 1682 г. (Богословский, т. I, стр. 42—46); 2) выступление раскольников, по требованию которых 5 июля 1682 г. было устроено в Кремлевском дворце «прение о вере» (там же, стр. 46); 3) московское восстание стрельцов после казни И. А. Хованского в сентябре 1682 г. (там же, стр. 47—48); 4) столкновение Петра с Софьей в августе 1689 г., завершившееся заточением ее в монастырь (там же, стр. 81—88) и 5) восстание стрельцов под Торопцем и движение их на Москву в июне 1698 г. (там же, стр. 538—539, 551).

[38] Это утверждение, вложенное Ломоносовым в уста Петра I и имевшее своим источником сообщение П. И. Крёкшина (Крёкшин, стр. 23—24), не отвечает действительности: царь Федор Алексеевич не назначал Петра I своим преемником (Богословский, т. I, стр. 36). В «Описании стрелецких бунтов» (1757) Ломоносов высказался на этот счет более осторожно (т. VI наст. изд., стр. 132—133).

[39] Известие о совещании царевны Софьи с патриархом, боярами и «всеми чинами» встречается только у Крёкшина (Крёкшин, стр. 32) и не подтверждено другими источниками. Ломоносов пересказал это известие и в «Описании стрелецких бунтов» (т. VI наст. изд., стр. 136—137). Достоверно ли оно хоть в какой-то степени, мы не знаем. Н. Аристов, ярый апологет царевны Софьи, утверждает, что Крёкшин «сочинил» весь этот эпизод (Н. Аристов. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871, стр. 32). Несомненно, однако, что вождями двух боровшихся придворных партий были действительно Софья и патриарх, который в самом деле упорно настаивал на единодержавии Петра I (Е. Ф. Шмурло. Критические заметки по истории Петра Великого. «Журнал Министерства народного просвещения», 1902, июнь, стр. 237—238).

[40] У Крёкшина читаем: «Тогда [в девятом часу дня] восста сильный ветр, воссвирепе на них, и найдоша темные облаки, отъяся зрение света, возмятошася прахи, яко едва друг друга зрети можаше» (Крёкшин, стр. 33). Источником этого сообщения было, видимо, следующее показание очевидца: «Воздух во оное время [в девятом часу дня] пременися тихости, и воздвижеся буря ветрена велия, и облаки мрачные народу вящий страх деяше» (Медведев, стр. 11).

[41] Подгнета — растопка.

Библиотека "Руниверс"

[42] В основу верного в главных своих чертах описания первой стадии мятежа положено сообщение Крёкшина (Крёкшин, стр. 32—34), который в свою очередь широко использовал записки хорошо осведомленного современника данных событий Сильвестра Медведева (Медведев, стр. 10—12). Изображая переговоры бояр А. С. Матвеева и М. Ю. Долгорукого со стрельцами, Ломоносов воспользовался воспоминаниями А. А. Матвеева (Матвеев, стр. 21).

[43] Об этом обращении Софьи к стрельцам говорит только Крёкшин (Крёкшин, стр. 34). Источником последующего рассказа о событиях 15—17 мая 1682 г. является сообщение того же Крёкшина (там же, стр. 34—39), в этой своей части довольно достоверное и построенное почти все целиком на воспоминаниях очевидца этих событий А. А. Матвеева (Матвеев, стр. 23—36). Факты, сообщаемые Крёкшиным и Матвеевым, находят себе подтверждение и в записках Медведева (Медведев, стр. 12—16), где освещены, однако, несколько иначе: в то время как Крёкшин, Матвеев, а вслед за ними и Ломоносов все время подчеркивают, что вдохновителями и тайными руководителями стрелецкого мятежа были Милославские и царевна Софья, опиравшаяся, как и все первые Романовы, на поместное «худородное» дворянство, — Медведев, один из идеологов этой ново-дворянской партии, старательно замалчивает участие Софьи и Милославских в мятеже. Советская историческая наука пришла к убеждению, что Софья действительно «старалась использовать стрельцов в борьбе с Нарышкиными, но до кровавых событий в мае 1682 г. с ее стороны не видно большой активности и инициативы» (Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, стр. 327).

[44] Дядя Петра I Афанасий Кириллович Нарышкин был найден стрельцами под престолом одной из московских церквей и там же убит (Крёкшин, стр. 34; Матвеев, стр. 23).

[45] В «Описании стрелецких бунтов» Ломоносов выражается яснее и говорит, что стрельцы убили только кн. Г. Г. Ромодановского-отца, а «его сына пощадили» (т. VI наст. изд., стр. 141), что соответствует действительности. Из этого следует, что кроме Крёкшина и Матвеева, по ошибочному сообщению которых убит был и сын Ромодановского (Крёкшин, стр. 35; Матвеев, стр. 24), Ломоносов пользовался еще каким-то источником, вероятнее всего, донесением Розенбуша (Устрялов, т. I, стр. 336), а может быть, и записками Медведева (Медведев, стр. 13).

[46] День стрелецкого мятежа, 15 мая, был вместе с тем и днем памяти царевича Димитрия, убитого 15 мая 1591 г. в Угличе. Об этом совпадении дат говорит только Матвеев (Матвеев, стр. 18): это дает лишнее основание считать, что Ломоносов был бесспорно знаком с его воспоминаниями.

[47] Т. е. голову.

Библиотека "Руниверс"

[48] Т. е. один из восставших стрельцов помешал другому заколоть Петра I. Н. Аристов со свойственной ему решительностью относит этот эпизод к разряду «чистых небылиц» (Н. Аристов. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871, стр. 33). Того же мнения и Н. Г. Устрялов (Устрялов, т. I, стр. 280). Для Ломоносова послужили в этом случае источником, вероятно, либо устные рассказы Я. Я. Штелина, либо те записи последнего, которые вышли в свет только в 1785 г. под заглавием «Original-anekdoten von Peter dem Grossen». Leipzig («Подлинные анекдоты о Петре Великом». Лейпциг, 1785. стр. 74—76). В конце 50-х годов XVIII в. эти записи уже несомненно существовали, о чем были осведомлены тогда некоторые близкие Ломоносову лица (там же, стр. 376—377). Штелин отмечает, что передает этот эпизод со слов фельдмаршала кн. И. Ю. Трубецкого и адмиралтейского служащего, голландца Брюинса (там же, стр. 76). Нечто похожее находим мы и в рассказах А. К. Нартова, с которым до конца его дней Ломоносов поддерживал связь («Записки имп. Академии наук», СПб., 1892, т. 67, стр. 29). «Историк не позволит себе игнорировать эти рассказы», — пишет по поводу «анекдотов» Штелина и Нартова один из наиболее глубоких знатоков литературы о Петре I (Е. Ф. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства. «Журнал Министерства народного просвещения», 1912, т. XXXIX, № 5, отд. 2, стр. 200).

[49] Лев, Федор и Мартемьян Кирилловичи Нарышкины, братья царицы Натальи Кирилловны (матери Петра I), по словам А. А. Матвеева, бежали из Москвы 15 мая 1682 г., «одевся простых людей своих в сермяжное платье», и «спасли себя тайно, укрываяся по деревням дальних свойственников своих» (Матвеев, стр. 35). То же повторяет и Крёкшин (Крёкшин, стр. 35—36).

[50] Боярин Кирилл Полуектович Нарышкин, дед Петра I, был по требованию стрельцов пострижен в монахи и сослан «под крепкое начало» в Кирилло-Белозерский монастырь, где и умер девять лет спустя (Матвеев, стр. 35; Русский биографический словарь, т. «Нааке—Накенский», СПб., 1914, стр. 90).

[51] Говоря о «расхищении богатства», Ломоносов повторяет сообщение Крёкшина (Крёкшин, стр. 36) и Матвеева (Матвеев, стр. 32) и впадает тем самым в противоречие с самим собой: в более раннем «Описании стрелецких бунтов», опираясь на донесение Розенбуша (Устрялов, т. I, стр. 336, 340) или на записки Медведева (Медведев, стр. 15), который в этих записках широко использовал донесение Розенбуша, Ломоносов говорил, что восставшие стрельцы «соблюдали в своей среде весьма строгую дисциплину. Если кого уличали в малейшей краже или грабеже, то сразу наказывали» (т. VI наст. изд., стр. 146).

[52] Т. е. в чертог моей матери.

Библиотека "Руниверс"

[53] Восставшие стрельцы в течение трех дней настойчиво домогались, чтобы им был выдан боярин Иван Кириллович Нарышкин, брат царицы Натальи Кирилловны, спрятанный в одном из дворцовых чуланов. По требованию Софьи, его провели оттуда в церковь «Спаса за золотою решеткою» (Богословский, т. I, стр. 44), которую Ломоносов называет «спасителевым домом».

[54] Т. е. братьев своих Ивана и Петра Алексеевичей.

[55] Предшествующими комментаторами отмечалось, что Ломоносов нарушил в этом случае установленное существовавшими в его время правилами чередование мужских и женских рифм (Ломоносов. Стихотворения. «Библиотека поэта», большая серия [б. м.], 1935, стр. 352).

[56] Речь «верных рабов», т. е. крепостных боярских слуг, является весьма вольным и приукрашенным пересказом подобной же речи, введенной Крёкшиным в свое повествование (Крёкшин, стр. 38—39); Крёкшин же в данном случае основывался главным образом на показании Розенбуша (Устрялов, т. I, стр. 341). Розенбуш утверждал, будто предполагалось вооружить боярских слуг и, пользуясь их численным перевесом, подавить их силами стрелецкий мятеж, чего стрельцы сперва очень опасались. Увидев, однако, что боярские люди против стрельцов не выступают, стрельцы, по словам Розенбуша, решили привлечь боярских людей на свою сторону и с этой целью разгромили Холопий приказ и изодрали все «крепости», т. е. все документы, которыми удостоверялись права отдельных помещиков на владение крепостными крестьянами. Разгром Холопьего и Судного приказов — факт несомненный, относительно же поведения «боярских людей» рассказ иностранного наблюдателя грешит не только наивностью, но и серьезными недомолвками. Из числа убитых 15—17 мая 1682 г. бояр некоторые были выданы стрельцам своими слугами. Движение городских низов приобрело ясно выраженный антикрепостнический характер, но будучи стихийным и не получив стойкой поддержки со стороны стрельцов, не имело, разумеется, никакого успеха, что и удостоверяет Ломоносов («однако никакой не следовал успех»). Подобные же антикрепостнические выступления повторились затем и в конце мая, и в начале июня 1682 г. (Н. Аристов. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871, стр. XVIII—XIX, прим. 80—82).

[57] Провозглашение Ивана Алексеевича царем датируется 26 мая 1682 (ПСЗ, 921), а акт о совокупном восшествии на престол обоих царей Ивана и Петра — 29 мая того же года (там же, 920). Венчание их на царство происходило 25 июня того же года (Устрялов, т. I, стр. 60).

[58] По словам Крёкшина (Крёкшин, стр. 39), благодарственные грамоты, пожалованные царевной Софьей стрельцам, последние «несли на головах в Приказ». «Побитых имена» были начертаны на металлических щитах, приделанных к каменному столбу, который с разрешения Софьи сооружен

Библиотека "Руниверс"

был стрельцами на Красной площади в память их восстания (Матвеев, стр. 35).

[59] Т. е. почтя, приняв.

[60] Т. е. в Соловках.

[61] Т. е. на раскольников, которых называли в то время капитонами по имени одного из первых расколоучителей XVII в., монаха Капитона.

[62] Т. е. в Москве.

[63] Единственным источником стихов 623—632 является сообщение Крёкшина (Крёкшин, стр. 42), пересказанное Ломоносовым почти дословно. Судя по другим, более надежным источникам, раскольники в храм не врывались и камней в патриарха не кидали (Устрялов, т. I, стр. 66—76, 281—282; ср. примечание 24 к запискам Медведева, стр. 56). Из современников «прения о вере» один только А. А. Матвеев (в Москве тогда не находившийся) говорит, что 5 июля 1682 г. во время спора с патриархом у раскольников «едва не у всех пазухи камением были наполнены» (Матвеев, стр. 39). Версию Крёкшина Ломоносов принял и в «Описании стрелецких бунтов» (т. VI наст. изд., стр. 148—149), а вслед за Ломоносовым повторил ее и И. И. Голиков (Деяния Петра Великого, т. I, стр. 18—19).

[64] Вся вступительная часть второй песни (стихи 633—684), написанная в декабре 1760 г., обращена к русской армии, действовавшей в то время в Пруссии.

[65] Обычное для Ломоносова обозначение русских побед именами тех рек, на берегах которых победа одержана (ср. примечание 2 к стихотворению 213). Говоря о Шпрее, Ломоносов имеет в виду взятие Берлина русскими войсками 29 сентября 1760 г.

[66] Плевы — плевелы, сорные травы.

[67] Намек на то, что Пруссия, втянутая в Северную войну, укрепила в итоге этой войны свое положение благодаря союзу с Россией.

[68] Имеется в виду Орехов остров при истоке Невы из Ладожского озера, где новгородцами в 1323 г. была заложена крепость, которая на протяжении последующих столетий многократно переходила из русских рук в шведские и обратно, причем не раз меняла свое название: Орехов или Орешек (1323—1661), Нотебург (1661—1702), Шлиссельбург (1702—1944), Петрокрепость (с 1944).

[69] Т. е. Петербурга.

[70] Намек на польско-шведскую интервенцию начала XVII в., предпринятую под видом помощи царю Василию Шуйскому. В 1611 г. шведскими войсками была захвачена крепость Орешек (ср. т. VI наст. изд., стр. 332—333).

[71] «Петров дед», «младый монарх» — царь Михаил Федорович (ср. т. VI наст. изд., стр. 333—334). «Град поверженный» — Москва после

Библиотека "Руниверс"

изгнания из нее интервентов (ср. История Москвы, т. I, М., 1952, стр. 337—338).

[72] «Старинное наследство» — воссоединившаяся с Россией Украина и Смоленск, отвоеванный при царе Алексее Михайловиче. «Злодеи» — Степан Разин и его соратники. «Соседство» — Польша, Швеция и Крымское ханство (ср. т. VI наст. изд., стр. 335—337).

[73] Крепость Нотебург была защищена высокой каменной стеной, усиленной башнями.

[74] «Того же дни [27 сентября 1702 г.] в городе на башне после обеда, когда [шведы] уже подлинно узнали осаду, поставили королевское знамя в знак осады своей и желая помощи от своих» (Поденная записка, ч. I, стр. 56).

[75] «В 28 день [сентября 1702 г.] ничего знатного не учинилось, кроме того, что по вышеписанному знаку [т. е. по знамени на башне] пришли три шкуты из Корелы к городу с запасом и с людьми» (Поденная записка, стр. 56).

[76] Во второй половине августа 1702 г. Петр I, совершая свой знаменитый сухопутный поход из Нюхчи (на берегу Белого моря) в Повенец (на берегу Онежского озера), заложил по пути три медеплавильных завода (ср. Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I. М.—Л., 1947, стр. 11, 156 и 157).

[77] «Отколь [от деревни Сермаксы] хотели через оное [Ладожское] озеро до Ладоги идти; но препятствие учинилось за противным ветром» (Поденная записка, стр. 54).

[78] Т. е. между складами оружия.

[79] Первый обходный приладожский канал, соединивший Неву с Волховом, начали рыть шестнадцать лет спустя после взятия Шлиссельбурга, в 1718 г.

[80] «Того же числа [29—30 сентября 1702 г.] с 50 судов с Ладожского озера с полмили сухим путем чрез лес волочены в Неву-реку» (Поденная записка, стр. 56).

[81] «И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли со стороны поля к городу» (Повесть временных лет, ч. I, М.—Л., 1950, стр. 220). Ср. т. VI наст. изд., стр. 221—222 и 371.

[82] «В 1 день октября [1702 г.] о 4 часах поутру 1000 человек Преображенского и Семеновского полков в суда посажены и на другую сторону Невы посланы» (Поденная записка, стр. 56).

[83] «Неприятели, дав один залп, из шанца тотчас побежали» (Поденная записка, стр. 56).

[84] 1 октября 1702 г. фельдмаршал Б. П. Шереметев послал письмо коменданту Нотебурга, предлагая сдать крепость без боя, «потому что

Библиотека "Руниверс"

у него [коменданта] со всех стран путь сикурсу отнят» (Поденная записка, стр. 56).

[85] Нотебургский комендант попросил Шереметева дать ему четыре дня срока, чтобы снестись относительно капитуляции крепости со своим командиром, шведским генералом Горном, находившимся в Нарве, «на что ему ответствовано пушечною стрельбою и бомбами со всех наших батарей и кетелей залпом» (Поденная записка, стр. 56—57).

[86] Бомбардировка крепости, начавшаяся 1 октября 1702 г., продолжалась до 9 октября, когда оказалось, что «более стрелять было невозможно, понеже у пушек запалы зело разгорелись». Шведы отвечали тоже «великою стрельбою» (Поденная записка, стр. 57—59). Осаждавшими было выпущено более 10 500 ядер и бомб и брошено около 2500 ручных гранат. По словам Петра I, который лично руководил бомбардировкой, «артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила» (Устрялов, т. IV, ч. I, стр. 200 и 206).

[87] Т. е. от Петра I.

[88] 3 октября 1702 г. русское командование получило письмо от жены шлиссельбургского коменданта, которая просила выпустить из осажденной крепости офицерских жен. Петр I отвечал, что «если изволят выехать, то изволили б и любезных супружников своих вывесть купно с собою». На этот «комплимент» шведы ответили артиллерийским огнем по той батарее, где находился Петр I (Поденная записка, стр. 58).

[89] «В 4 день октября [1702 г.] взята неприятельская конная партия, в 12 человеках состоящая с корнетом, в 4 милях от города», пытавшаяся, видимо, прорваться в крепость (Поденная записка, стр. 59).

[90] 4 октября 1702 г. вечером лично Петром I «на острову (который меж крепостью и нашими апрошами) пост занят и по учиненном закрытии 300 человеки осажен для близости к городу» (Поденная записка, стр. 59).

[91] «В 7 день [октября 1702 г.] велено сбирать охотников к приступу, которых нарочитое число записалось». «В 9 день розданы лестницы для приступа» (Поденная записка, стр. 59).

[92] «Того же дня [9 октября 1702 г.] сделан и летучий мост чрез Неву» (Поденная записка, стр. 60).

[93] «В 11 день октября [1702 г.], в воскресенье рано, о 2 часах, учинился великий пожар в крепости, и по том наши охотники к приступу, которые с своими судами с полмили на [Ладожском] озере стояли, указ получили к нападению чрез три выстрела из 5 мортиров залпом» (Поденная записка, стр. 60).

[94] «И о полчетверта часа рано [т. е. в 3 ч. 30 м. утра] начало приступа со всех сторон к крепости учинили, который тем охотникам не гораздо удался» (Поденная записка, стр. 60).

Библиотека "Руниверс"

[95] «Того ради посланы подполковник Семеновского полка князь Голицын, а по том [т. е. вслед за ним] Преображенского полка майор Карпов (который вскоре жестоко картечем ранен сквозь ребра и руку) с командированными» (Поденная записка, стр. 60).

Вопреки сообщению Ломоносова, Карпов, раненный действительно «жестоко», остался жив и погиб только двумя годами позже при осаде Нарвы (Устрялов, т. IV, ч. I, стр. 202, прим. 56). Ломоносова ввел, может быть, в заблуждение «Журнал» Г. Гюйссена, где в числе «побитых», т. е. убитых под Нотебургом значится один майор Преображенского полка (Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, ч. III. Изд. Ф. Туманского, СПб., 1787, стр. 309).

[96] Приступ продолжался 13 часов, «однако ж на брешь ради крутости и малого места земли около города и сильного супротивления неприятельского за краткостию наших приступных лестниц (которые в иных местах больше полуторы сажени коротки были [т. е. не доставали более трех метров до нижнего края бреши]) взойти и овладеть не могли; а неприятели с одной стороны строение, которым было наши защитились, каркасами [т. е. зажигательными бомбами] зажгли и непрестанно дробом [т. е. картечью] по нашим из пушек стреляли, також бомбы, непрестанно зажигая, со стен катали, от чего великий и несносный вред нашим учинился, чего для уже указ послан был для отступления» (Поденная записка, стр. 60).

[97] Эти стихи свидетельствуют о том, 1) что Ломоносов пользовался не той редакцией «Поденной записки», которая опубликована в 1770 г. М. М. Щербатовым и куда Петр I собственноручно вписал: «Оный посланный [с указом Петра об отступлении] ради тесноты пройти до командира [т. е. до Голицына] не мог» (Устрялов, т. IV, ч. 1, стр. 202, прим. 57), а одной из семи предыдущих редакций, где эта приписка отсутствовала (ср. Е. Ф. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства. «Журнал Министерства народного просвещения», 1911, № 10, стр. 324—325) и 2) что Ломоносову было известно не попавшее ни в одну из редакций «Поденной записки» и отвергаемое позднейшими историками предание, будто Голицын, получив указ Петра I об отступлении, ответил посланному: «Скажи государю, что теперь принадлежу не Петру, а Богу» (Устрялов, там же).

[98] Зелие — порох. Об эпизоде с упавшим на Голицына горящим бревном не встречается упоминаний ни в одном из известных нам источников. В двух рукописных биографиях Голицына, написанных, видимо, вскоре после его смерти и, вероятно, известных Ломоносову, говорится только, что при штурме Нотебурга Голицын был ранен (ААН, разр. I, оп. 63, № 31; разр. IV, оп. 1, № 194).

[99] Описывая последнюю стадию штурма, Ломоносов отходит от текста «Поденной записки», который до того передавал, как мы видели, почти до-

Библиотека "Руниверс"

словно. В «Журнале» Гюйссена говорится об этой стадии штурма очень глухо, а именно, что «неприятель от множества нашей мушкетной, также и пушечной стрельбы в те 13 часов весьма утомлен был» (Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях императора Петра Великого, ч. III, СПб., 1787, стр. 308; ср. также Книга Марсова, или воинских дел, СПб., 1766, стр. 7), а в одной из редакций «Поденной записки» отмечаются два относящихся к этой стадии эпизода: 1) распоряжение Голицына оттолкнуть от берега порожние суда, вызванное тем, что некоторые солдаты порывались бежать, и 2) появление под стенами крепости бомбардир-поручика А. Д. Меншикова с резервными частями (Поденная записка, стр. 61; у Феофана Прокоповича первый эпизод отмечен, а второй нет, — История императора Петра Великого. СПб., 1773, стр. 51). Этот последний эпизод, положивший начало громкой военной карьере Меншикова, едва ли мог быть не известен Ломоносову, однако в поэме он о нем умалчивает; имя Меншикова в ней не встречается, как не найти его и в других произведениях Ломоносова (единственное, кажется, исключение см. т. IX наст. изд., стр. 169). Возможно, впрочем, что следующие за упоминанием об Александре Невском стихи 961—962

Достигли наконец желанных тех времен,
Что паки Александр для них вооружен,

являются аллегорическим, завуалированным намеком на боевой подвиг Александра Меншикова. Но зачем понадобилась такая вуалировка?

[100] Был ли выкинут осажденными белый флаг, неизвестно. В «Поденной записке» сказано лишь, что неприятель «ударил шамад», т. е. подал барабанный и трубный сигнал о сдаче (Поденная записка, стр. 61).

[101] «В 14 день [октября 1702 г.] гарнизон по договору с распущенными знаменами, барабанным боем и с пулями во рту, с четырьмя железными пушками сквозь учиненный бреш вышел и на данных судах отпущен со всеми своими вещьми к Шанцам» (Поденная записка, стр. 62).

[102] Осенью 1703 г. Карл XII, продолжая воевать с Польшей, занял города Торунь, Мариенбург, Эльбинг и Данциг. В «Поденной записке» весь этот район обозначен общим наименованием «Польские Прусы» (стр. 79), Ломоносов же относит его к Германии. 1 июля 1704 г. под прямым нажимом Карла XII, подступившего к Варшаве с сильной армией, был свергнут с престола польский король Август II и вместо него избран королем Станислав Лещинский (Устрялов, т. IV, ч. 1, стр. 345—347).

[103] Из числа 137 пушек, оставленных шведами в Нотебурге (Ломоносов называет их «громадами»), одна «лита при деде царя Ивана Васильевича» (Поденная записка, стр. 62), т. е. при Иване III. Ломоносов ошибается, называя Ивана III первым, кто ввел

На бранях новый страх земных громовых стрел,

Библиотека "Руниверс"

т. е. огнестрельные орудия: первые сведения о применении их на Руси относятся к 1382 г., т. е. ко времени Димитрия Донского.

[104] Т. е. в период польско-шведской интервенции, или в так называемое «Смутное время».

[105] Уразина — орясина, дубина.

[106] Накры — бубны.

[107] Пороки и тараны — стенобитные орудия.

[108] «По взятии же той Шлюсенбургской крепости еще той же осени [1702 г.] оная укреплена новыми болверками кругом всего города» (Поденная записка, стр. 64).

[109] Т. е. шведов.

[110] «По том [т. е. после взятия Шлиссельбурга] его величество с полками гвардии и со взятыми медными пушками и знаменами путь свой восприял к Москве» (Поденная записка, стр. 64).

257

Печатается по копии XVIII в., писанной неизвестной рукой (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, л. 68). На копии рукой М. И. Воронцова написано: «Ломоносов».

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые напечатано — Архив кн. Воронцова, кн. IV, М., 1872, стр. 502—503.

Датируется предположительно промежутком времени с 13 июня по 19 августа 1761 г. по содержанию публикуемого стихотворения. Два заключительных его стиха заставляют полагать, что оно сочинено в ту пору, когда Ломоносов усиленно хлопотал о подписании императрицей Елизаветой уже контрассигнованной М. И. Воронцовым «привилегии» Академическому университету, т. е. в 1761 г., а стих 6 свидетельствует о том, что стихотворение писалось летом и что, говоря о «волнах» и о «ключах», Ломоносов имел в виду Петергоф, где императрица Елизавета Петровна прожила в 1761 г. более двух месяцев: с 13 июня по 19 августа (Камер-фурьерский журнал 1761 г., стр. 87—88, 110).

Копия, по которой печатается стихотворение, отыскана в архиве М. И. Воронцова, которому, по всем вероятиям, вручен был Ломоносовым подлинник. Отсутствие последнего позволяет предполагать, что Воронцов, по просьбе Ломоносова, передал его стихотворение императрице.

258

Печатается по первому посмертному изданию.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Библиотека "Руниверс"

Впервые напечатано — «Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в стихах и прозе некоторых российских писателей». 1784, ч. XI, стр. 150. М. И. Сухомлинов оставил нерешенным вопрос о том, какую публикацию считать первой: ту ли, которая указана выше, или близкую ей по времени публикацию в первой части Соч. 1784 (Акад. изд., т. II, стр. 320 втор. паг.). На этот вопрос можно дать вполне определенный ответ: ч. XI «Собеседника любителей российского слова» была окончена печатанием в феврале 1784 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 338, лл. 381 об.—388 об.), а ч. I Соч. 1784, как установлено Д. Д. Шамраем, была готова к выходу в свет только в двадцатых числах апреля того же года (ср. там же, № 331, л. 373).

Датировано 1761 г. Императрица Елизавета Петровна провела в этом году в Петергофе всю середину лета — с 13 июня по 19 августа (Камер-фурьерский журнал 1761 г., стр. 87—88, 110). В этот период и были написаны публикуемые стихи. Их заглавие позволяет думать, что они появились позднее, чем стихотворение «Оставь, смущенный дух, презрение сует» (стихотворение 257).

В «Собеседнике любителей российского слова» стихам Ломоносова предпослано письмо неизвестного лица на имя издателей, полученное из Москвы и датированное 1 февраля 1784 г. «Разбирая на сих днях старинные мои бумаги, — пишет это лицо, — нашел я в них стихи, никогда еще не напечатанные, покойного Михайла Васильевича Ломоносова, которые он мне незадолго перед смертью своею отдал, списав их своеручно. Зная, милостивые государи, что присылка сих стихов вам сделает немалое удовольствие, оные к вам посылаю, не сумневаяся, что вы их в угодность публике напечатаете в вашем издании. В доказательство, что сие сочинение не подложное, препровождаю к Вам подлинник своеручный сочинителя, оставив себе копию. Рука великого Ломоносова в Академии наук известна: итак, вы в ней усумниться не можете» (стр. 149). А под текстом стихов редакцией «Собеседника» помечено: «Сие точно напечатано с подлинного рукописания господина Ломоносова» (стр. 150). Следует отметить, что указанная редактором «Собеседника» дата вышеупомянутого московского письма, по-видимому, неверна: о том, что публикумые стихи появятся в Соч. 1784, было объявлено еще в мае 1783 г. (СПб. Вед., 1783, № 35).

Об обстоятельствах, давших повод Ломоносову написать эти стихи, см. примечания к стихотворениям 252 и 257. В заглавии Ломоносов допустил некоторую неточность: дело шло о привилегии не «для Академии» в целом, а только для Академического университета.

Публикуемые стихи являются весьма вольным переложением известного анакреонтического стихотворения «Εἰς τέττιγα» («К цикаде». Наиболее точный русский перевод этого стихотворения принадлежит Н. И. Гнедичу). Однако последний стих («Не просишь ни о чем, не должен никому») не

Библиотека "Руниверс"

имеет никаких, даже отдаленных аналогий в подлиннике и звучит автобиографически: в нем слышна усталость от безуспешных просьб об университетской привилегии и от тяжелых материальных обязательств, которые Ломоносову пришлось принять на себя в связи с устройством Усть-Рудицкой фабрики (т. IX наст. изд., документы 89 и 96 и примечания к ним).

259

Печатается по списку, сохранившемуся в архиве Г.-Ф. Миллера, обозначаемому сокращению М (ЦГАДА, № 414, тетрадь № 5, лл. 1—2), с указанием в сносках вариантов по Каз. (стр. 89—90), Бычк. (стр. 51—52), П и Кург.

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые напечатано (с пропусками) Н. Г. Курганoвым — «Российская универсальная грамматика или всеобщее письмословие», СПб., 1769, стр. 276—277.

Датируется предположительно промежутком времени с 19 февраля 1760 г. (день опубликования притчи А. П. Сумарокова «Осел во львовой шкуре», ответом на которую явилось публикуемое стихотворение Ломоносова) по лето 1761 г. (когда Сумароков был снят с должности директора театра, на что Ломоносов намекает, видимо, в своем стихотворении; см. ниже).

В сборнике П это стихотворение приписано Ломоносову, а в сборниках Каз. и Бычк. — Ф. И. Дмитриеву-Мамонову, однако же авторство последнего единодушно и справедливо отвергнуто всеми исследователями, которые основывались при этом на следующих соображениях: 1) публикуемое стихотворение является бесспорно ответом на притчу А. П. Сумарокова «Осел во львовой шкуре», а содержание этой последней притчи таково, что Ломоносов имел полное основание принять ее на свой счет; так рассуждает П. П. Пекарский («Библиографические записки», 1858 г., № 16, стр. 485—488); 2) М. И. Сухомлинов напоминает, что Дмитриев-Мамонов заявлял себя ревностным сторонником «благородного штиля» и сурово осуждал тот «низкими словами наполненный слог», каким писал Лафонтен и каким написана публикуемая басня (Акад. изд., т. II, стр. 264—265 втор. паг.); к этому можно добавить, что Ломоносов, в противоположность Дмитриеву-Мамонову, не только допускал, но и рекомендовал употребление «низких слов» в таких произведениях, как сатиры, «увеселительные эпиграммы» и т. п. (т. VII наст. изд., стр. 589); 3) если в некоторых рукописных сборниках автором стихотворения назван Мамонов, то это могло быть результатом простой описки: так как «во многих рукописях подписи давались не полностью, то описка в первой букве фамилии Ломоносова, при сокращенном написании первых двух слогов — Момон., вместо Ломон., — могла дать чтение Мамонов» (Берков, стр. 269).

Библиотека "Руниверс"

Вышеупомянутая притча Сумарокова была впервые напечатана в журнале «Праздное время, в пользу употребленное» 19 февраля 1760 г. (стр. 146—148). Под видом осла, нарядившегося в львиную шкуру, притча высмеивала

...в чину урода
Из сама подла рода,
Которого пахать произвела природа

и который, оказавшись «в чести» и разбогатев, стал заносчив и сварлив. Разбросанные в притче намеки не оставляют сомнения в том, что Сумароков метил действительно в Ломоносова и что Ломоносов не мог этого не понять.

Неизвестно, какой именно конкретный эпизод дал повод Сумарокову написать эту притчу, но все, что мы знаем об его отношении к Ломоносову в данный период, говорит о том, что в таких поводах не могло быть недостатка. Еще живы были в памяти многочисленные недоразумения, возникавшие в пору печатания в Академии наук сумароковского журнала «Трудолюбивая пчела» (т. IX наст. изд., примечания к документу 262). Вызывало зависть видное служебное положение Ломоносова, в начале 1760 г. еще укрепившееся (там же, документ 320 и примечания к нему). Не меньшую зависть вызывало и материальное благосостояние Ломоносова, которое, по общему тогда мнению, должно было еще возрасти благодаря ожидавшемуся крупному заказу на мозаичные картины (там же, примечания к документу 87). Кроме всего прочего, Сумароков винил Ломоносова в том, что он его «до сообщества академического не допускает», т. е. препятствует назначению Сумарокова академиком («Записки имп. Академии наук», СПб., 1862, т. I, прилож. № 1, стр. 41). Письма Сумарокова к И. И. Шувалову, относящиеся к 1758—1760 гг., полны резких выпадов против Ломоносова (там же, стр. 40—43).

Ломоносов не остался в долгу: его отзывы о Сумарокове, написанные в эту пору, не менее резки. Достаточно вспомнить найденное среди бумаг Шувалова «Примечание», где дана отрицательная характеристика театральной и литературной деятельности Сумарокова (т. IX наст. изд., документ 388), и письмо к тому же Шувалову от 19 января 1761 г., где Ломоносов решительно отказывается мириться с Сумароковым (т. X наст. изд., письмо 71).

Таковы были в ту пору взаимоотношения двух поэтов, обусловившие появление публикуемого стихотворения.

[1] Довольно прозрачный намек на увольнение Сумарокова от управления театром, что произошло между 24 апреля и 12 июля 1761 г. («Записки АН», т. I, СПб., 1862, прилож. № 1, стр. 13). Нельзя, однако же, утверждать с полной уверенностью, что публикуемое стихотворение написано после того, как увольнение Сумарокова уже состоялось: последний возбудил вопрос о своей отставке еще в начале декабря 1760 г. и не делал из этого

Библиотека "Руниверс"

тайны (там же, стр. 43). Слова «он хлеб их отъимает» находят себе подтверждение в показаниях самого Сумарокова, который заявлял, что не имеет никакого другого дохода, кроме жалованья (там же, стр. 39).

[2] Речь идет, видимо, о каком-то посещении Ломоносова Сумароковым. О том же говорится и в заключительных стихах сумароковской притчи (рассказ о лисе, которая ко льву «пришла и милости просила»). Напрашивается сравнение со следующим отрывком из письма Ломоносова к Шувалову от 19 января 1761 г.: «Господин Сумароков, привязавшись ко мне на час, столько всякого вздору наговорил, что на весь мой век станет, и рад, что его бог от меня унес» (т. X наст. изд., письмо 71). Весьма вероятно, что до предпринятой Шуваловым попытки помирить двух поэтов Сумароков наведывался (может быть, с той же целью) к Ломоносову, но эта встреча, как видно, не только не улучшила, а, напротив, обострила еще более их отношения. Не исключена возможность, что именно она и дала повод Ломоносову написать публикуемое стихотворение.

[3] Ломоносов намекает, по-видимому, в этом случае на свои работы по исследованию атмосферного электричества.

260

Печатается по отдельному прижизненному изданию 1761 г.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Датируется предположительно промежутком времени с 5 октября 1761 г. (день опубликования в СПб. Вед. письма генерала З. Г. Чернышева об упоминаемом в строфе 20 взятии прусской крепости Швейдниц) по 27 ноября того же года (день подписания фактором Типографии А. Е. Лыковым репорта о напечатании оды).

Ода печаталась не по письменному, как обычно, ордеру Академической канцелярии, а по «словесному приказанию» Ломоносова. 27 ноября фактор Типографии А. Е. Лыков написал репорт о том, что ода отпечатана в количестве 162 экз., из которых 62 экз. уже «взнесены» в Канцелярию (ААН, ф. 3, оп. 1, № 265, л. 191). Эти 62 экз., предназначенные для бесплатной раздачи, были переплетены в том же ноябре (Ламанский, стр. 152). Можно предположить, таким образом, что первые «подносные» оттиски поспели к сроку, т. е. к 25 ноября, и что ода, следовательно, была написана Ломоносовым до этого числа. 4 декабря репорт фактора А. Е. Лыкова рассматривался Канцелярией, которая определила остающиеся 100 экз. сдать в Книжную лавку для продажи по 12 коп. за экземпляр и отпечатать сверх того еще 200 экз. тоже для продажи (ААН, ф. 3, оп. 1, № 531, л. 286; № 265, л. 192; № 668, л. 148). К 12 декабря это было выполнено (там же, № 1619, л. 35).

Библиотека "Руниверс"

Юбилейная дата (двадцатилетие царствования императрицы Елизаветы) обязывала Ломоносова выступить с одой. Писалась она через силу и, видимо, с неохотой: «С одой очень много работы: будто рожаю», — признавался Ломоносов в письме к Я. Я. Штелину (т. X наст. изд., письмо 76).

1761 год, особенно вторая его половина, был временем тяжелым и для всей страны, и лично для Ломоносова.

«К немалому сокрушению, нынешняя кампания ни с которой стороны к благополучному окончанию сей проклятой войны надежды не подает», — так писал осенью 1761 г. канцлер М. И. Воронцов, руководитель русской внешней политики, человек весьма близкий Ломоносову (Соловьев, кн. V, стлб. 1215; ср. т. X наст. изд., примечания к документу 455). «Изнеможение» армии, бездарность нового ее главнокомандующего А. Б. Бутурлина, предательская бездеятельность союзников, расхлябанность правительственных учреждений, истощение государственной казны, оскудение помещичьих хозяйств и обнищание крестьянства, все смелее и громче протестовавшего против крепостнических насилий, — таковы были факты тогдашней действительности, всем известные, официально удостоверенные, заставлявшие не одного Воронцова называть безнадежно затянувшуюся войну проклятой войной. В подавленном состоянии находились и правительственные верхи: влиятельнейшие вельможи стремились снять с себя ответственность за расстройство доверенных им дел; иные, как Воронцов и Я. П. Шаховской, просились в отставку, другие, как П. И. Шувалов, покидали свои посты по болезни. С начала года опасно хворала и императрица. 17 ноября, т. е., по-видимому, в то самое время, когда Ломоносов писал оду, у Елизаветы Петровны был очередной «лихорадочный припадок». Все сколько-нибудь осведомленные люди понимали, что дни ее сочтены и с волнением гадали о том, как сложатся обстоятельства при ее преемнике, чьи умственные способности, моральные качества и политические воззрения, тоже общеизвестные, не сулили ничего хорошего.

К тревогам за судьбы родины у Ломоносова примешивались и служебные невзгоды. Его упорнейшие старания добиться коренного преобразования Академического университета оставались по-прежнему безуспешными, вызывая насмешки врагов, которые со своей стороны все деятельнее сопротивлялись его просветительным начинаниям. Год начался с представления Ломоносовым президенту Академии записки о вредных для русского просвещения действиях Г.-Ф. Миллера и И. И. Тауберта (т. X наст. изд., документ 453) и с посылки негодующего письма Г. Н. Теплову (там же, письмо 72); летом на почве хозяйственных злоупотреблений Тауберта у Ломоносова произошла открытая с ним ссора (там же, документы 457 и 458), и в конце года, как раз в период печатания публикуемой оды, дело дошло до того, что Ломоносову пришлось официально возбудить вопрос об отдаче Тауберта под следствие (там же, документы 460—462). Враги между тем

Библиотека "Руниверс"

не унимались: именно к этому времени относятся их происки, направленные к удалению Ломоносова из Академии (т. IX наст. изд., примечания к документу 346).

В начале оды Ломоносов недаром ссылается на свой «преклонный век»: уже давала о себе знать болезнь, которая в следующем году надолго вывела его из строя. В октябре и ноябре 1761 г. он только изредка показывался в Академии (ААН, ф. 3, оп. 1, № 531, лл. 250 об.—283). Слова «Еще, еще бодрись... златая лира», «бодрись, мой дух», звучат трагически и сказаны не впустую: «скорби» и «урон от бранных непогод» упоминаются в оде лишь вскользь; Ломоносов напрягает слабеющие силы, чтобы предостеречь соотечественников от упадка духа и ободрить их напоминанием о патриотическом подъеме начала 40-х годов, о героических деяниях предков и о недавних боевых подвигах «росской руки». В центре внимания, как всегда у Ломоносова, проблема мира, «всесильного мира», как говорит он на сей раз. Но, хорошо зная, конечно, о тех трудностях, на какие наталкивались попытки завязать мирные переговоры, Ломоносов понимает, что мир может стать действительно «всесильным» только в том случае, если будет заключен на почетных и разумных условиях. А для этого нужны еще последние военные усилия; одна «оливна ветвь» недостаточна: необходим и «меч». Мысль, брошенная мимоходом в оде 1759 г. («еще победа и конец», стихотворение 238), получает здесь более полное развитие. Вот почему Ломоносов считает нужным упомянуть и о положительных последствиях войны (строфы 12 и 13) и выражает пожелание, чтобы «военная труба унылых к бодрости будила».

[1] В этой строфе Ломоносов прибегает к литературному приему, с которым встречаемся и в некоторых других его одах (ср., например, примечание 1 к стихотворению 4). Поэтическое иносказание как бы раздваивается: говоря о «триумфах», Ломоносов подразумевает под ними одновременно и состоявшееся двадцать лет назад вступление Елизаветы Петровны на престол (о чем хочет «воспомянуть»), и последние успехи союзников на прусском фронте — взятие Швейдница и удачные действия П. А. Румянцова под Кольбергом (на что хочет «взглянуть»).

[2] Единственное у Ломоносова, и то косвенное упоминание о царствовании Петра II, последнего представителя мужского потомства Петра I. Если Ломоносов избегал упоминать об этом императоре, то объяснялось это, вероятно, тем, что в царствование Петра II в кругах феодальной знати стали громко заявлять о себе ненавистные Ломоносову реакционные течения.

[3] Вспоминая жизнь Елизаветы Петровны в эпоху бироновщины, Ломоносов говорит, что ей могло угрожать тогда заточение в монастырь («твердость тяжкия стены»), пожизненное тюремное заключение («ввек

Библиотека "Руниверс"

заклепанныя двери») или высылка за границу («непроходных страх морей»).

[4] Имеются в виду утверждение регламента Академии наук, учреждение Московского университета и возбужденный в конце 1760 г. вопрос об учреждении сети провинциальных гимназий и низших школ.

[5] См. примечание 3 к слову 248.

[6] В правительственных актах, издававшихся во время Семилетней войны, неизменно подчеркивалось, что Россия должна показать пример верности союзным договорам.

[7] Семилетняя война выдвинула действительно ряд даровитых русских военачальников, для которых война оказалась отличной боевой школой. Достаточно назвать А. В. Суворова, П. А. Румянцова и П. И. Панина.

Строфы 12 и 13 введены Екатериной II в текст ее «исторического представления» под заглавием «Начальное управление Олега», разыгранного в октябре 1790 г. на придворной сцене (Сочинения императрицы Екатерины II, т. II, СПб., 1901, стр. 296, 297). См. примечание 8 к стихотворению 24.

[8] В «Кратком российском летописце» и в «Древней российской истории» Ломоносов заявляет, как и здесь, что Святослав «имел в своем войске не токмо подданных славян, но и наемных варягов, печенегов и турков и союзных болгар» (т. VI наст. изд., стр. 241 и 298). Наши летописи ничего об этом не говорят; об участии в русском войске печенегов и турок молчит и наиболее достоверная византийская хроника Льва Диакона, в Ломоносовское время еще не изданная. Сообщаемые Ломоносовым сведения, повторенные затем и Н. М. Карамзиным, заимствованы из сочинений более поздних византийских авторов: Георгия Кедрина и Иоанна Зонары (Русский исторический сборник, т. VI, кн. III—IV, М., 1843, стр. 226—243).

[9] Довольно близкий пересказ известного летописного текста: «...то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: от грек злато, поволоки, вина и овощеве разноличныя, из чех же, из угорь сребро и комони, из Руси же скора и воск, мед и челядь» (Повесть временных лет, ч. I. Л.—М., 1950, стр. 48; ср. т. VI наст. изд., стр. 239).

[10] Киевский князь Владимир Святославович убил своего брата Ярополка, отомстив таким образом за другого своего брата Олега, убитого Ярополком.

[11] Поганство — язычество.

[12] Имеется в виду предпринятый в 1116 г., по указанию Владимира Мономаха, поход киевского воеводы Яна Вышатича на дунайские владения Византии.

[13] Существовало сказание, будто византийский император Иоанн II Комнин послал Владимиру Мономаху знаки царского достоинства.

[14] Имеется в виду Александр Невский.

[15] Имеется в виду Куликовская битва.

Библиотека "Руниверс"

[16] Имеется в виду окончательная ликвидация татаро-монгольского ига при Иване III и покорение Казанского и Астраханского царств при Иване Грозном.

[17] Имеется в виду воссоединение с Русью Украины, Северской земли и Смоленщины при Алексее Михайловиче.

[18] Речь идет о сооружении памятника Петру I. В 1761 г. Ломоносов уделял много энергии изготовлению заказанных ему мозаичных украшений к гробнице Петра, которые называл «монументом» (т. IX наст. изд., документы 84, 87, 92, 99, 102—104; ср. там же, документ 100).

[19] Стремглавно — головой вниз.

[20] Перечисление прусских городов, взятых во время Семилетней войны русскими войсками.

[21] Шпрея — река Шпрее, на которой стоит Берлин.

[22] Фридриха II.

[23] Высказывалось мнение, недостаточно, впрочем, обоснованное, что первые шесть стихов строфы 21 нашли живописное выражение в аллегорической картине неизвестного художника (Третьяковская галерея, инв. № 6038), приуроченной к открытию Академии художеств (А. В. Лебедев. Аллегория на основание Российской Академии художеств. «Ежегодник Института истории искусств АН СССР», 1954, стр. 183—192).

261

Печатается по отдельному изданию, вышедшему первым тиражом в последних числах декабря 1761 г. и вторым тиражом — в январе 1762 г. Сохранившиеся экземпляры этого издания (БАН, конв. 469(5) и ГПБ, 18.154. 1.189) абсолютно тождественны и лишены каких бы то ни было элементов, которые позволяли бы судить, относятся ли они к первому или ко второму тиражу.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано отдельным изданием в декабре 1761 г.

Датируется предположительно промежутком времени с 25 декабря 1761 г. (день смерти императрицы Елизаветы и восшествия на престол Петра III) по 28 того же декабря (день подписания определения Академической канцелярии о печатании оды).

История создания и опубликования этой оды необычна и заслуживает особого внимания.

Императрица Елизавета умерла 25 декабря 1761 г., в четвертом часу дня (Соловьев, кн. V, стлб. 1226). Ломоносов мог узнать об этом событии только под вечер. А 28 декабря, в первой половине дня, Ломоносовым и двумя другими членами Академической канцелярии было уже подписано определение о печатании оды (ААН, ф. 3. оп. 1, № 472, л. 266; ср. № 668, л. 149 об.). Таким образом, на сочинение 250 тщательно отделанных сти-

Библиотека "Руниверс"

хов, полных сложного политического содержания, ушло не более двух с половиной суток. Сто стихов в день — темп даже и для Ломоносова необычайно быстрый.

Печатать оду было определено двойным тиражом, в количестве 1200 экз. — явление тоже исключительное, в поэтической практике Ломоносова еще небывалое. Ода печаталась с такой же поспешностью, с какой и писалась: в течение остававшихся до нового года трех дней типографские работы были завершены, только напечатаны почему-то, может быть из-за недостатка бумаги, вместо 1200 всего 912 экз. (там же, № 506, л. 131). Из этого количества 152 экз. пошло на бесплатную раздачу знатным особам, а 760 экз. было пущено в продажу по 10 коп. за экземпляр (там же, № 552, лл. 39 об.—40; № 1647, л. 30 об.; оп. 4, № 14, л. 11 об.). При этом Ломоносов распорядился (чего прежде никогда не делал), чтобы о поступлении оды в продажу было объявлено в газетах. Это распоряжение было оформлено задним числом: соответствующая резолюция внесена в журнал Канцелярии 16 января 1762 г. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 532, л. 40), а объявление напечатано в «Санктпетербургских ведомостях» еще накануне, 15 января (СПб. Вед., № 5, стр. 2—3). Не прошло и пяти дней со времени этой публикации, как в Типографию посылается 19 января из Канцелярии ордер о печатании повторного издания оды опять двойным тиражом (ААН, ф. 3, оп. 1, № 669, л. 3), что и было выполнено в том же месяце (там же, № 507, л. 3 об.).

Итак, 2112 экземпляров. Ни одна из предшествующих од Ломоносова не выпускалась в таком количестве. Новое произведение поэта нашло, стало быть, ценителей не только в придворной среде, число представителей которой измерялось десятками, не только в дворянском обществе столицы, но и в несравненно более широком кругу разночинной интеллигенции. Читателями оды, раскупившими на протяжении одного месяца два ее издания, были, короче говоря, те, кем создавалось в ту пору общественное мнение. К нему-то и обращается Ломоносов, на него-то прежде всего и хочет воздействовать с тем, чтобы при помощи общественного мнения, в союзе с ним повлиять и на правящие сферы. Приведенные выше факты (они были до сих пор неизвестны) доказывают с полной убедительностью, что основная практическая задача публикуемой оды, как, впрочем, и почти всех ломоносовских од, была именно такова.

Грандиозный успех оды объяснялся, конечно, не формальными ее достоинствами, в которых отказать ей, впрочем, нельзя, а идейным ее содержанием. Если интерпретация последнего, предложенная в свое время С. Н. Чернювым (М. В. Ломоносов в одах 1762 г. «XVIII век», сборник статей и материалов, М.—Л., 1935, стр. 136—153), представляется теперь в некоторых своих частях спорной, то самая попытка глубоко проанализировать оду с исторической точки зрения была более чем законна: перед

Библиотека "Руниверс"

нами несомненно одно из наиболее ответственных политических выступлений Ломоносова.

Ода предлагала новому правительству целую программу внешней и внутренней политики. Если Ломоносов, как мы видели, так торопился ее сформулировать и так заботился о том, чтобы огласить ее как можно шире, то потребовала этого политическая обстановка: первый шаг молодого императора оказался таков, что Ломоносов счел себя обязанным вызвать силой поэтического слова немедленное общественное вмешательство. Труп Елизаветы Петровны не успел еще остыть, когда Петр III отправил к прусскому королю курьера с письмом, где в самых искательных выражениях просил о «возобновлении, распространении и постоянном утверждении между обоими дворами к взаимной их пользе доброго согласия и дружбы» (Соловьев, кн. V, стлб. 1264). Это была просьба о мире. Мира хотел весь народ. Мира давно уже требовал и Ломоносов, но мира справедливого и почетного, такого, который обеспечил бы прочный покой понесшей огромные потери стране-победительнице. Что же касается Петра III, то его заботили не интересы народа, а только «взаимная польза» двух «дворов». Человек, называвшийся русским императором, готовился позорно капитулировать перед бесповоротно разбитым нашими войсками, но не добитым врагом, еще опасным своей изворотливой, неразборчивой в средствах предприимчивостью. Это было хуже бироновщины: под угрозу ставилась не только честь, но, как показало дальнейшее, и независимость Русского государства.

Чтобы правильно понять сущность выдвинутых в противовес этому предложений, или точнее, требований Ломоносова, надо все время помнить, что единственно доступным ему орудием политического воздействия была «похвальная» ода. Эта поэтическая форма требовала традиционной придворной лести и заставляла заменять прямые политические заявления осмотрительными намеками и довольно запутанными подчас иносказаниями. Нельзя поэтому, конечно, принимать за чистую монету и понимать в прямом смысле встречающиеся в оде уподобления Петра III орлу, парящему над Европой, Сампсону, Давиду, Соломону и Петру I, однако сбрасывать вовсе со счета эти гиперболические сравнения было бы тоже неосторожно. Официальная, вынужденная лесть имела свои оттенки. Они таили в себе скрытый смысл, в котором отлично, по-видимому, умели и очень любили разбираться современные Ломоносову читатели его од.

Таково, например, настойчивое и на первый взгляд неуместное сопоставление, чуть ли даже не отожествление Петра III с Петром I:

Петра Великаго обратно
Встречает Росская страна.

В правительственном сообщении о смерти императрицы Елизаветы говорилось про Петра III так: «Его императорское величество, вступя на пра-

Библиотека "Руниверс"

родительский престол, милосердие и щедроты на всех изливает, как милосердая Елисавета, и к трудам в государственном правлении спешит и прилежит, как неутомленный Великий Петр» (Соловьев, кн. V, стлб. 1241). В манифесте о восшествии Петра III на престол повторялось примерно то же самое: новый император обещал подражать «щедротам и милосердию» Елизаветы Петровны и «во всем последовать стопам» Петра I (ПСЗ, 11390). Трудно определить, что в содержании этих текстов принадлежало самому Петру III и что придумал от себя их фактический сочинитель, но они были обнародованы, и Ломоносов поймал императора на слове. Ты обещаешь быть щедрым, как Елизавета, и во всем следовать примеру Петра I; так слушай же из их собственных уст, к чему тебя обязывает это обещание: такова схема первой половины оды. Загробная речь Елизаветы Петровны и монолог «духа Петрова» являются центральной, наиболее важной ее частью.

В речи, которую Ломоносов произносит от имени Елизаветы (стихи 37—50), и в том вступлении, которое он предпосылает этой речи от себя (стихи 20—36), сильнее и явственнее всего звучит мотив заботы о безопасности и международном авторитете Отечества («блюла Отечество от бед»; «Отечество тобой, Героем, превыше будет всех держав»). и о благосостоянии, чести, ограждении прав и культурном развитии русского народа («...для Россов счастья, славы», «...храни, возвысь народ, моей опасностью спасенный», т. е. избавленный от бироновщины). Ломоносов требует, чтобы новый император проникся русским патриотизмом. Это требование было как нельзя более уместно в обращении к монарху, про которого было известно, что Голштиния ему дороже, чем Россия, и что он не упускает случая открыто щегольнуть своим презрением к боевым качествам русского солдата. Ломоносовская Елизавета внушительно предупреждает племянника, что одними обещаниями, данными в манифесте, народ не удовольствуется: только дела заставят его поверить, что Петр III действительно идет по стопам деда («Уверь всех, мной благословенный, что ты Петров и Аннин плод»).

Речь «духа Петрова» (строфы 8—12) пространнее и богаче содержанием. Она построена в форме обращения не к Петру III, а к умершей Елизавете, и это сделано неспроста. Петр I, перечисляя дела дочери, которые достойны, по его мнению, похвалы, настаивает, чтобы внук шел дальше по тому же самому пути («тою же стезею»). Таким способом вводится в оду второй мотив: мотив разумной преемственности во внешней и внутренней политике. Этот мотив противопоставляется опрометчивым мечтам Петра III о коренной ломке в той и другой области. Но первый мотив, патриотический, отнюдь не заглушен вторым: на первом месте и здесь спокойствие России, «Отечества», народа, «своих». Облегчай существование «своим», т. е. русским, охраняя их от врагов, — таков основной завет «духа Петрова» («Чтоб руку Он своим для льготы и мечь против врагов простер»). Далее задачи внешней и внутренней политики уже конкретизируются. Елизавета Петровна удачно

Библиотека "Руниверс"

«распространила» северо-западные границы империи, обезопасив тем самым «полезный» Петербург (эпитетом «полезный» подчеркивается военно-политическое и торговое значение «окна в Европу»). Это продиктованное государственной необходимостью завоевание надо закрепить на вечные времена. Посвятив внешнеполитическим вопросам всю строфу 9, Ломоносов (все еще в маске «духа Петрова») возвращается к ним и в строфе 11, где уже с полной ясностью требует, чтобы Петр III довел победоносно начатую войну до достойного конца и удержал за Россией занятую ею Восточную Пруссию: у елизаветинских дипломатов были на этот счет колебания, но Фридрих II соглашался купить мир и такой ценой (Соловьев, кн. V, стлб. 1190, 1191 и 1268). В отношении внутренней политики в монологе Петра I высказаны, хоть и более сжато, весьма определенные пожелания: главные заботы русского императора должны быть сосредоточены на развитии земледелия, на «размножении» народа, на добыче ценных ископаемых (строфа 10), на росте русской науки и русского просвещения и на подготовке технических кадров (начало строфы 12). В этот весьма характерный для Ломоносова перечень вошли те «труды в государственном управлении», к которым Петр III, вопреки проводимому выше правительственному сообщению, отнюдь не «спешил» и не «прилежал».

Во второй половине оды Ломоносов как бы подводит итог вымышленным речам царских предков и к мыслям, которые приписал им, добавляет уже прямо от себя некоторые новые соображения.

Патриотический мотив присутствует, разумеется, и здесь, но преподносится иначе: понуждая Петра III вступить на путь трудов, «Российским областям полезных», Ломоносов пытается зажечь в императоре любовь к России зрелищем огромной страны, обвеянной «широкой» славой, с «хребтами полей прекрасных, тучных» и полноводными реками, обещающими «довольство всех потреб», т. е. удовлетворение всех людских потребностей.

В отношении внутренней политики Ломоносов ограничивается во второй половине оды только беглыми, но весьма многозначительными словами про «жизни главну крепость — хлеб», желая этим напомнить, что первоосновой благосостояния страны является хлебопашество. Зато чрезвычайно большое и весьма своеобразное развитие получает здесь центральная в те дни международная тема.

Ломоносов обсуждает три внешнеполитических проблемы, причем две самые боевые — прусскую и голштинскую, поглощавшие тогда все внимание нового правительства, отодвигает на второй план, выставляя вперед третью проблему, давно и неизменно, как мы знаем, его волновавшую, — дальневосточную или, еще шире, — всеазиатскую. В строфе 16 развертывается план экспансии на восток («путь в восток»). Ее объектами должны стать Китай, Япония и даже Индия («Хины, Инды и Японы»). Основной ее трассой будет Северный Ледовитый океан («ход меж льдами»), а отправ-

Библиотека "Руниверс"

ной точкой — Белое море («воды белы»), т. е. тот самый «проход Сибирским океаном в Восточную Индию», на исследование которого Ломоносов положил так много труда в последние годы жизни (т. VI наст. изд., стр. 417—535, 602—625).

Современникам Ломоносова мысль о дальневосточном походе не могла показаться ни неожиданной, ни странной. Начиная с 1757 г. отношения между петербургским двором и захватившей верховную власть в Китае маньчжурской династией обострялись все более. Поводами к взаимному раздражению служили мелкие пограничные инциденты, истинными же причинами были споры о присвоенном маньчжурскими феодалами бассейне важного в торговом отношении Амура и о подданстве среднеазиатских кочевых племен. При отсутствии постоянной дипломатической связи и при слабости связей культурных и торговых, при неясности и полной обнаженности нашей азиатской границы эти споры могли легко перерасти в вооруженный конфликт. Послания пекинского Трибунала, адресованные в 1761 г. петербургскому Сенату, говорили о «повреждении трактата» и звучали если еще не воинственно, то вызывающе (Бантыш-Каменский, стр. 278—304). Сибирь с ее новооткрытыми рудными сокровищами была в опасности. Об этом думал не один Ломоносов, состоявший именно в это время в переписке с сибирским губернатором Ф. И. Соймоновым (Акад. изд., т. VIII, стр. 23, 27, 30, 33, 242—243) и хорошо, вероятно, осведомленный о состоянии сибирских дел только что вернувшимся из Иркутска профессором Н. И. Поповым (т. X наст. изд., письмо 75). Думал о том же и лучший тогда знаток истории русско-китайских отношений, историограф Г.-Ф. Миллер, написавший в 1763 г. пространное «рассуждение о предприятии войны с китайцами» (Бантыш-Каменский, стр. 378—393). Следует иметь, однако, в виду, что ни Ломоносов, ни Миллер не предлагали затевать эту войну немедленно: она представлялась им делом сравнительно отдаленного будущего, но оба считали, что приниматься за подготовку к движению на восток надо не мешкая.

Самой болезненной в то время, русско-прусской проблеме Ломоносов посвящает две чрезвычайно сильных строфы (18 и 19). Близко зная смолоду и уважая немецкий народ и его культуру, далекий от шовинизма даже и в дни войны (ср. т. X наст. изд., документ 455), великий патриот Ломоносов открыто и искренно жалеет разоренную войной, плывущую «по собственной крови» Германию. Он понимает, что ей скорый мир еще нужнее, чем России. Но, как и в двух предшествующих одах (стихотворения 238 и 260), он твердо заявляет, что мир может быть заключен только «по славнейших победах» (начало строфы 20), т. е. что опасного нарушителя европейского покоя надо обезвредить, нанеся ему еще одно, окончательное поражение. Только тогда, говорит Ломоносов Петру III, ты «пребудешь знатнейший в соседах, прехвален миром и войной».

Библиотека "Руниверс"

Главной для нового императора, а потому и наиболее щекотливой, голштинской проблеме Ломоносов отводит в оде самое последнее место. Строфу 23, где идет об этом речь, следует, по-видимому, понимать так: «Голстиния, возвеселися», что силой династической случайности ты оказалась втянута в орбиту такой великой державы, как Россия. Будь же достойна своей счастливой участи: ищи выгод в согласовании своих интересов с российскими, добивайся выхода в проливы («до Зунда шум свой распростри») и стань на страже нашего балтийского побережья («соединенные российским поставь по берегам балтийским желаний наших олтари»).

Мы видим, таким образом, целую систему внешнеполитических требований, предъявленных Ломоносовым Петру III. Выполни эти требования с успехом и прослывешь вершителем судеб Европы, Сампсоном, Давидом, Соломоном и возрожденным Петром I — гласит ода. Пришлась ли она по душе императору, мы не знаем. Можно только сказать с уверенностью, что отнюдь не могло понравиться Петру III троекратное (строфы 12, 24 и 25), словно демонстративное упоминание об его «достойной» супруге, будущей Екатерине II, которой он с полным основанием боялся.

[1] А.-Л. Шлецер, которого удивляло, что у русских «часто в одном слоге сходятся две и более твердых согласных», осудил этот стих, считая, что он «звучит невыносимо, когда произносит его иностранец» (Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук», т. XIII, СПб., 1875, стр. 423, 424). Шлецеру было непонятно, что Ломоносов, по совершенно верному наблюдению С. М. Бонди, намеренно подбирал в некоторых случаях «затрудненные звучания», которые обилием согласных замедляли плавное движение стиха (Тредиаковский. Стихотворения. «Библиотека поэта», изд. «Советский писатель», 1935, стр. 30).

[2] См. примечание 6 к стихотворению 24.

[3] Образ, характерный для поэта-естествоиспытателя, занимавшегося в это время изобретением оптического инструмента, «помощью которого можно б было видеть вещи в море или в реках глубже, нежели как простыми глазами усмотреть можно» (т. IV наст. изд., стр. 321—323, 445, 788).

[4] Цвейтин (точнее, Свентин) — река в Голштинии.

262

Печатается по Соч. 1784 (ч. I, стр. 239—246), как по наиболее исправной из первых трех посмертных публикаций, с указанием в сносках вариантов по двум другим («Российский Парнасс» и Соч. 1778, кн. II, стр. 228—235).

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — «Российский Парнасс», ч. I, СПб., 1771, стр. 26—34.

Библиотека "Руниверс"

Датируется предположительно промежутком времени со второй половины 1758 по 1761 г. Твердо известно, что публикуемое произведение написано не позднее 31 октября 1764 г.: из дневника С. А. Порошина мы знаем, что в этот день он читал «Разговор с Анакреонтом» великому князю Павлу Петровичу (Семена Порошина записки, служащие к истории его императорского высочества, благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престолу Российского. СПб., 1844, стр. 109). Еще П. П. Пекарским было обращено внимание на заключительный стих:

И повели войнам престать,

который дает полное основание думать, что данное произведение написано во время какой-то войны (Пекарский, т. II, стр. 869—870). С другой стороны, все содержание «ответов» Ломоносова Анакреонту свидетельствует о том, что они писались в такие годы, когда уже вполне твердо определилось направление как поэтической, так и общественной деятельности Ломоносова и когда как в той, так и в другой области он располагал уже значительным опытом. Нет сомнения поэтому, что они относятся ко времени последней из тех шести русских войн, современником которых был Ломоносов, т. е. к периоду Семилетней войны. Фактически Россия участвовала в этой войне пять лет: с 1757 по 1761 г. Нельзя не учесть, наконец, и того весьма важного обстоятельства, что «Разговор с Анакреонтом», не заключавший в себе ничего такого, что могло бы помешать его опубликованию при жизни автора, не вошел ни в первое, ни во второе прижизненное собрание стихотворений Ломоносова. Это обстоятельство может быть естественнее всего объяснено тем, что «Разговор» был написан после выхода в свет этих собраний: первое было выпущено в 1751 г., а печатание второго было завершено в сентябре 1758 г. (т. VII наст. изд., стр. 892—893). Все сказанное дает право полагать, что публикуемое произведение было создано Ломоносовым в промежуток времени со второй половины 1758 по 1761 г. Правильность такой датировки подтверждается и сопоставлением некоторых фрагментов «Разговора» с другими высказываниями Ломоносова, относящимися к той же поре (см. ниже, примечания 2, 10 и 12).

В поэтическом наследии Ломоносова «Разговор с Анакреонтом» занимает особое место: из всех его стихотворных произведений это самое, так сказать, личное, единственное, где он хоть и кратко, но со всей присущей ему прямотой и ясностью формулирует свою поэтическую, а отчасти и этическую позицию. Этим определяется совершенно исключительное значение данного произведения.

Сознавая в себе наличие той «нежности сердечной», которая могла бы направить его поэзию на путь любовной лирики, Ломоносов заявляет, что, невзирая на это, он предпочитает «геройский шум», т. е. героическую тема-

Библиотека "Руниверс"

тику. Это прямой отголосок той литературной борьбы, которую Ломоносов вел уже не первый год с возглавляемой А. П. Сумароковым группой дворянских поэтов, упорно насаждавшей отвергнутые Ломоносовым жанры легкой безыдейной поэзии. Точка зрения Ломоносова сводилась к тому, что при малом числе писателей и при важности и трудности стоявших перед русским обществом XVIII в. культурных задач нельзя отвлекать такую действенную силу, как поэзия, от боевого вмешательства в общественную жизнь. Долг поэта заключался, по мнению Ломоносова, не в том, чтобы, бегая «перстами по тоненьким струнам», тешить себя и других «сладкими словами», а в том, чтобы, вдохновляя людей примером национальных героев, побуждать их тем самым к общественно полезной деятельности. И если представителю любовной лирики дороже всего образ любимой девушки, то поэт-гражданин Ломоносов переключает всю «нежность сердечную» на другой, более возвышенный и более величественный образ, на свою «возлюбленную мать», т. е. на Россию, которую мечтает увидеть во всем расцвете сил, во всей ее «созревшей красоте».

Богатство идейного содержания, гражданская тематика и патриотическая направленность — таковы три основные требования, которые предъявляет Ломоносов к современной ему русской поэзии. Это те самые требования, которым он подчинил, как мы знаем, все свое поэтическое творчество.

Кроме проблем поэзии, Ломоносов затрагивает в «Разговоре» и проблемы этики. Он сочувствует тем, кто любит жизнь, и осуждает тех, кто проповедует аскетический отказ от житейских благ. Ему люба веселая жизнерадостность и враждебно «угрюмство». Он заявляет себя противником таких моральных «правил», которые «не в силу человеку». Ему внушает уважение всякий, кто «делом равномерно своих держался слов» и «жил по тем законам, которые писал», т. е. у кого слово не расходится с делом. Сам Ломоносов и по своим склонностям и по своей жизненной практике принадлежал, как известно, к тем, кто «жизнь пренебрегал к республики успеху», и был очень далек от тех, «кто жизнь употреблял как временну утеху», но в данном произведении он заявляет, что не берется решить вопрос, какая из этих двух моральных позиций «умнее». Это заявление — не шутка и не риторическая фигура: в нем явственно проступает та горечь, какая накопилась у Ломоносова в итоге долголетней и тяжелой борьбы с врагами русского просвещения.

На редкость своеобразному содержанию «Разговора с Анакреонтом» соответствует и не менее своеобразная форма: Ломоносов переводит четыре оды, которые в его время приписывались древнегреческому поэту Анакреонту, и на каждую из этих од отвечает оригинальным стихотворением, причем в двух случаях из четырех пародирует в своих ответах греческие оригиналы, что придает всему произведению несколько шутливый характер. «Беседы с Анакреоном, — писал историк Н. Д. Чечулин, — представляют

Библиотека "Руниверс"

поэтическую шутку, по остроумию исключительную во всей допушкинской поэзии: тонкость и изящество шутки — это позже других созревающий плод умственного развития» («Старина и новизна», Пгр., 1917, кн. 22, стр. 78—79).

Переведенные Ломоносовым оды считались в его время произведениями Анакреонта, а на самом деле были написаны его подражателями более ста лет спустя после его смерти — в эпоху эллинизма. Ломоносов еще в бытность свою за границей приобрел изданный в 1716 г. в Амстердаме сборник таких подражательных од во французском их переводе (т. X наст. изд., документ 502). В XVIII в. эта псевдоанакреонтика была весьма популярна как во Франции, так и у нас, и на ее основе сложился традиционный, не совсем схожий с историческим, но как нельзя более отвечавший упадочным настроениям позднего феодализма образ Анакреонта, певца минутных чувственных наслаждений, равнодушного ко всему остальному, а в том числе и к прошлому, и к настоящему, и к будущему своей страны.

[1] В греческом подлиннике эта ода озаглавлена «К лире». Под таким заглавием перевел ее еще в студенческие годы и Ломоносов (стихотворение 3). Здесь он дает новый, рифмованный ее перевод.

[2] Заключительные два стиха являются прямым отзвуком тех мыслей о значении героической поэзии, какие высказывает Ломоносов в «Предисловии о пользе книг церковных» (1758 г.), где говорит о «громком голосе писателей, проповедующих дела своих героев» (т. VII наст. изд., стр. 591—592). Эта близость двух текстов является одним из косвенных доводов в пользу правильности предложенной выше датировки «Разговора» (см. вводную часть настоящих примечаний).

[3] В греческом подлиннике эта ода озаглавлена «К сребролюбцу».

[4] Забобоны — бредни, сказки, основанные на суеверии.

[5] Ломоносов имеет в виду римского философа Сенеку Младшего, одного из виднейших представителей позднего стоицизма, который проповедовал покорность судьбе, апатию и отказ от радостей жизни. Образ жизни Сенеки не соответствовал его аскетическому учению.

[6] В греческом подлиннике эта ода озаглавлена «К самому себе».

[7] Традиционному образу Анакреонта Ломоносов противопоставляет суровый образ римского государственного деятеля Катона Младшего, непреклонного сторонника аристократической республики, боровшегося с Юлием Цезарем. После победы Цезаря, определившей крушение республиканского режима, Катон покончил с собой ударом кинжала.

[8] Т. е. Юлия Цезаря.

[9] По преданию, Анакреонт умер, подавившись сухой виноградиной.

[10] То же, чрезвычайно характерное для Ломоносова и не имевшее в то время широкого распространения слово «упрямка» (т. е. упорство, энергия)

Библиотека "Руниверс"

встречаем в одном из писем Ломоносова, написанном в начале 1761 г.: «Я бы охотно молчал и жил в покое, да боюсь наказания от правосудия и всемогущего промысла, который не лишил меня дарования и прилежания в учении и ныне дозволил случай, дал терпение и благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению наук в отечестве, что мне всего в жизни моей дороже» (т. X наст. изд., письмо 72). Этот отрывок из письма, где находят себе отражение те же ощущения и мысли, что и в комментируемом поэтическом тексте, свидетельствует лишний раз о правильности предложенной выше датировки «Разговора» (см. вводную часть настоящих примечаний).

[11] «Несходства» очевидны, «сходства» же Ломоносов видел в том, что и Анакреонт и Катон были в одинаковой мере последовательны: линия поведения обоих определялась их моральными воззрениями.

[12] Ноты той же горечи и нравственной усталости (см. выше, вводную часть к настоящим примечаниям) слышатся и в стихотворении «Кузнечик дорогой» (стихотворение 258), где поставлен, в сущности, тот же, что и здесь, вопрос. «Кузнечик» датируется летом 1761 г., является переводом греческого стихотворения, которое, как и данные четыре оды, приписывалось Анакреонту, и написан тем же размером, что и комментируемый «ответ». В этом нельзя не видеть еще одного довода в пользу нашей датировки «Разговора» (см. вводную часть настоящих примечаний).

[13] В греческом подлиннике эта ода озаглавлена «К девушке».

[14] Имеется в виду, вероятно, знаменитый древнегреческий живописец Апеллес, уроженец острова Коса, расположенного недалеко от Родоса.

[15] Ломоносов имел в виду, очевидно, кого-нибудь из русских живописцев его времени, может быть, Ф. С. Рокотова (ср. т. X наст. изд., письмо 54 и примечания к нему).

[16] Т. е. наподобие радуги.

1762

263

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — Соч. 1778, кн. I, стр. 305.

Датируется предположительно 2—3 января 1762 г., когда начала действовать «печальная комиссия», образованная для погребения императрицы Елизаветы Петровны (ААН, ф. 3, оп. 1, № 266, л. 2). В состав комиссии был введен и Ломоносов. Надгробная надпись была заказана для статуи, воздвигнутой в траурном зале, оформление которого производилось под наблюдением директора Академии художеств А. Ф. Кокоринова (ААН,

Библиотека "Руниверс"

ф. 3, оп. 1, № 266, л. 5). 4 января 1762 г. надпись была уже составлена, так как в этот день упомянутая комиссия направила записку в Канцелярию АН о присылке живописца рисовальной палаты Франциска Градици «для письма в траурной зале эпитафии статуи и гербов» (там же, л. 5), а на следующий день Градици был уже направлен для работы к Кокоринову (ААН, ф. 3, оп. 1, № 609, л. 1; ф. 3, оп. 1, № 532, л. 32). 28 января Канцелярия Академии наук определила напечатать текст надписи на монументе в Академической типографии, «полагая по краям черной полоской», для рассылки с пропусками в Петропавловскую церковь. Инициатором этого распоряжения был, вероятно, Ломоносов, назначенный «маршалом при корпусе Академии и Московского университета, Академии художеств и членов, профессоров и служителей не ниже секретаря» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 241, л. 334 об.; № 532, л. 45). Надгробных надписей было напечатано 1850 экз., в том числе 1450 на российском языке, 200 на немецком и 200 на французском (ААН, ф. 3, оп. 4, № 14, л. 45).

Ломоносов придавал, по-видимому, значение публикуемой надписи: он упомянул ее незадолго до смерти в «Росписи» своих сочинений и трудов (т. X наст. изд., документ 518).

264

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 152).

Впервые напечатано — Пекарский. Доп. изв., стр. 92.

Датируется предположительно 1761—1762 гг., не позднее марта. Еще академиком М. И. Сухомлиновым было отмечено, что в рукописном фолианте, где обнаружено публикуемое четверостишие, непосредственно перед листком, на котором оно написано, находится листок с собственноручным черновиком дополнения к § 166 работы Ломоносова «О слоях земных» (Акад. изд., т. II, стр. 415—416 втор. паг.). К этому следует добавить, 1) что как то, так и другое написано на бумаге одинакового формата и качества и одинаковыми чернилами и 2) что как то, так и другое носит явно выраженный антиклерикальный характер: в прозаической записи осуждается «некоторых поведение, кои осмехают науки, особливо новые откровения и изыскания, разглашая, будто бы оне были противны вере» (ААН, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 151). Это позволяет полагать, что обе записи, и стихотворная, и прозаическая, сделаны Ломоносовым одновременно или почти одновременно. Работа «О слоях земных» вышла в свет в 1763 г. в качестве «Прибавления второго» к «Первым основаниям металлургии, или рудных дел» и была написана, как думают, в промежуток времени с 1757 г. по начало февраля 1761 г., когда «Первые основания металлургии» были сданы в набор (т. V наст. изд., стр. 689—690). Из текста работы

Библиотека "Руниверс"

«О слоях земных» видно, однако, что Ломоносов трудился над ней и вносил в нее дополнения и позднее, когда «Первые основания металлургии» уже печатались: так, в § 119 он возражает против некоторых высказываний академика И.-Г. Лемана, относящихся к 1762 г., а в § 143 ссылается на данные, извлеченные, видимо, из книги П. И. Рычкова «Топография Оренбургская», вышедшей в свет в том же 1762 г. (там же, стр. 709, прим. 114 и стр. 713, прим. 130). Это последнее обстоятельство дает основание предположить, что в это же время, т. е. в период печатания «Первых оснований металлургии», было внесено в работу «О слоях земных» и то дополнение к § 166, которое было написано одновременно или почти одновременно с публикуемым четверостишием. Нельзя не отметить к тому же, что мысли, высказанные Ломоносовым в упомянутом дополнении к § 166, очень близки к тому, что он говорит в «Прибавлении» к своей работе «Явление Венеры на Солнце» (1761 г.) про «чтецов писания и ревнителей к православию, кое святое дело само собою похвально, если бы иногда не препятствовало излишеством высоких наук приращению» (т. IV наст. изд., стр. 370). Близость этих двух текстов подтверждает косвенным образом правильность предлагаемой датировки.

Публикуемое четверостишие, как уже указывалось исследователями (Берков, стр. 238), является вольным переводом первых четырех стихов басни Лафонтена «Le rat qui s'est retiré du monde» («Крыса, отрешившаяся от мира»). Во французском подлиннике они читаются так:

Les Levantins en leur légende
Disent qu'un certain rat, las des soins d'ici-bas,
Dans un fromage de Hollande
Se retira loin du tracas,

что в буквальном переводе означает: «Обитатели Востока говорят в своих сказаниях, что некая крыса, утомленная земными заботами, укрылась от сует в голландский сыр». Эта направленная против монахов басня была уже известна русским читателям по сокращенному переводу А. П. Сумарокова, напечатанному в июле 1759 г. в его журнале «Трудолюбивая пчела» (раздел IV, Притчи и эпиграммы, II, стр. 413—414). Суть басни заключается в том, что, когда к ожиревшей крысе-затворнице явились депутаты крысиного народа и, ссылаясь на предстоящий поход и на обнищание государства, просили о денежной помощи, отшельница отказала им в этом, пообещав взамен помолиться за них богу.

Нет сомнения, что и Сумароков, и Ломоносов откликались в этом случае на чрезвычайно актуальный в годы Семилетней войны вопрос об участии гражданской власти в управлении монастырскими и архиерейскими имениями и об обращении части доходов с этих имений на нужды истощенного войной государства. Этот вопрос был возбужден правительством еще

Библиотека "Руниверс"

в сентябре 1767 г., но Синод затягивал дело, торговался с Сенатом, и, когда 20 июля 1760 г. состоялась совместная их конференция, члены Синода (в том числе гонители Ломоносова Димитрий Сеченов и Сильвестр Кулябка; см. примечания к стихотворениям 227—229) заявили, что денежную помощь государству они ограничат твердой суммой 360 000 рублей в год, и решительно отвергли всякое вмешательство гражданской власти в управление их вотчинами. Никакого соглашения достигнуто не было, и вопрос оставался нерешенным до марта 1762 г., когда, уже при Петре III, эти вотчины были переданы в ведение вновь учрежденной Коллегии экономии (Соловьев, кн. V, стлб. 1180—1181, 1253—1256). Таким образом, публикуемое четверостишие написано Ломоносовым бесспорно не позднее марта 1762 г.

265

Печатается по собственноручному подлиннику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 152).

Впервые напечатано — Пекарский. Доп. изв., стр. 91.

Датируется предположительно 1761—1762 гг., не позднее марта, так как написано на том же листке и теми же чернилами, что и четверостишие «Мышь некогда, любя святыню. . .» (стихотворение 264; см. примечания к нему).

Публикуемые фрагменты являются черновыми набросками стихотворения, которое, насколько нам известно, дописано не было. Судя по содержанию фрагментов и по их непосредственному соседству с началом перевода басни Лафонтена, оно должно было отразить мысли Ломоносова, навеянные незавершенной работой над этим переводом. Суть этих мыслей сводилась, по-видимому, к тому, что в иных, более благоприятных, чем в тогдашней России, условиях он, Ломоносов, мог бы стать таким же мастером сатиры, как Федр и Лафонтен.

266

Печатается по отдельному изданию 1762 г.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано отдельным изданием в июле 1762 г.

Датируется предположительно промежутком времени с 28 июня 1762 г. (день воцарения Екатерины II) по 8 июля того же года (когда состоялось определение Академической канцелярии о печатании оды).

8 июля 1762 г. Академическая канцелярия определила напечатать публикуемую оду в количестве 800 экз. (ААН, ф. 3, оп. 1, № 473, л. 147) и в тот же день отослала ее в Типографию (там же, № 269, л. 208; № 507, л. 49 об.). 9 июля были куплены материалы для переплета 140 парадных

Библиотека "Руниверс"

экземпляров, раздаваемых бесплатно (там же, № 1660, л. 69 об.; ср. № 507, лл. 93—94 об.). 10 июля 668 экз., предназначенных для продажи, поступили в Книжную лавку (там же, № 1647, л. 33). Из них 150 экз. были отправлены в Москву (там же, № 1664, л. 8), куда пришли 25 июля (там же, оп. 4, № 14, л. 26 об.). В июле Книжная лавка продала 349 экз. оды, а в августе — всего 5 экз. (там же, оп. 1, № 1662, л. 37 об.).

Можно констатировать, таким образом, три обстоятельства: 1) ода писалась далеко не с такой торопливостью, как предшествующая (стихотворение 261): Ломоносов представил ее в Канцелярию только на одиннадцатый день после дворцового переворота, которому ода посвящена; 2) она выдержала только одно издание и была отпечатана хоть и в несколько большем, чем обычно, количестве экземпляров (800 вместо обычных для тогдашних академических изданий 600 экз.), но не двойным тиражом, как предыдущая, и раскупалась вяло; из этого можно заключить, что ни при дворе, ни в более широких кругах столичного общества она не имела такого успеха, какой выпал на долю второй оды 1761 г. (стихотворение 261); 3) к моменту представления оды в Канцелярию Ломоносов имел возможность прочитать (и, очевидно, прочитал) все три манифеста Екатерины II (от 28 июня, 6 и 7 июля 1762 г.), где говорилось о дворцовом перевороте и о смерти Петра III.

Можно сделать, пожалуй, и еще два вывода. Слава Ломоносова как поэта-публициста была к этому времени уже настолько громка, и впечатление, произведенное предыдущей его одой, было еще так живо в памяти, что одиннадцатидневное молчание Ломоносова после такого шумного события, как дворцовый переворот, едва ли могло остаться незамеченным. Насторожило оно, должно быть, и Екатерину II, весьма пристально следившую, как известно, за всем, что говорилось и писалось о ней. Оду Ломоносова, воспевавшую ее воцарение, Екатерина II изучила с большим, надо полагать, вниманием и толком: поэтические иносказания, недомолвки и намеки знаменитого русского витии она за восемнадцать лет жизни в России научилась расшифровывать, вероятно, не хуже других его читателей.

Внешним образом Ломоносов опирается и здесь, как в оде Петру III, на царские манифесты. Связь оды с манифестами, которыми Екатерина II пыталась оправдать совершенный ею захват верховной власти и отвести от себя обвинения в цареубийстве и мужеубийстве, прослежена с большой тщательностью М. И. Сухомлиновым (Акад. изд., т. II, стр. 339—345 втор. паг.); а затем еще более глубоко С. Н. Черновым («XVIII век», сборник статей и материалов, М.—Л., 1935, стр. 155—180). Но истолковал Ломоносов манифесты, по совершенно правильному замечанию С. Н. Чернова, совсем не так, как хотелось бы того Екатерине II.

Ода 1762 г. отличается от оды Петру III прежде всего тем, что такой широкой, как там, программы внешней и внутренней политики здесь нет.

Библиотека "Руниверс"

Ломоносов сосредоточивает на этот раз все свое внимание лишь на отдельных четырех проблемах той и другой.

Первенствующее положение занимает проблема войны и мира. О ней главным образом идет речь — то открыто, то иносказательно — в первой половине оды. Выражая надежду, что Екатерина II «от презрения избавит возлюбленный Российский род» (строфа 1), Ломоносов имеет в виду не только презрение, какое питал к русскому народу свергнутый император, но и тот исторический позор, каким было бы подготовлявшееся при Петре III прусское иго. Русский народ миролюбив и мягок, говорит Ломоносов, но умеет постоять за себя «в полях против своих врагов» (строфа 2). Миролюбивой изображает Ломоносов и императрицу Елизавету, которую настойчиво ставит в пример Екатерине II; однако, любя мир, Елизавета, напоминает он, начала свое царствование «победой» и завершила военными же «трофеями» (строфа 4). Великолепная строфа 6 о беспримерно-постыдной капитуляции победителя перед побежденным является очень близким поэтическим пересказом одной из фраз манифеста от 28 июня 1762 г., но замыкается таким утверждением, какого в манифесте не было и не могло быть: «Ныне отвращен удар». Ломоносов, иначе говоря, выражал во всеуслышание уверенность, что Екатерина II отвергнет условия «поносного мира», заключенного два месяца назад Петром III с прусским королем. Убеждая императрицу не прекращать военных действий, пока они не приведут к почетному миру, Ломоносов выводит опять из гроба тень Петра I, которая как бы подтверждает совет Ломоносова и угрожает в противном случае утратой «власти, славы, сил» (строфа 8), а может быть, и части государственной территории (конец строфы 9).

Нельзя забывать того политического двуличия, какое проявила при решении данного вопроса Екатерина II в первый же день своего правления. Сразу после подписания манифеста от 28 июня 1762 г., где мир со «злодеем», порочащий «славу российскую», осуждался весьма сурово (ПСЗ, 11582), императрица послала в действующую армию два указа, в которых заявляла о своем твердом намерении этот мир «содержать» и «продолжать» «свято и нерушимо» (Соловьев, кн. V, стлб. 1335—1336). Известны ли были Ломоносову эти указы, мы не знаем. Ясно лишь, что его настоятельные, да еще оглашенные в печати советы отступиться от этого мира отнюдь не могли понравиться новой самодержице.

Обычная для Ломоносова тема науки и просвещения затронута в оде, но только мимоходом, вскользь и в самых общих выражениях (строфы 1 и 24).

Гораздо шире разработана третья тема — о живущих в России иностранцах. Она намечается сперва в ряде беглых намеков (строфы 1, 5, 6, 9 и 16) и заполняет затем целиком, уже без всяких иносказаний, строфы 19—21. В недолгие месяцы только что окончившегося царствования это

Библиотека "Руниверс"

была тема, особенно сильно тревожившая русское общество. Доверенейшими и влиятельнейшими советчиками Петра III были голштинские принцы и прусские эмиссары Фридриха II. Это знали и чувствовали все столичные жители. Ощущал это на себе и Ломоносов: вопрос об удалении великого русского ученого из Академии был серьезно поставлен его врагами именно при Петре III (см. т. IX наст. изд., примечания к документу 346), и Ломоносову это было известно (т. X наст. изд., письмо 80).

Манифесты Екатерины II не касались прямым образом темы об иностранцах. В манифесте от 28 июня 1762 г. говорилось лишь, что при Петре III «церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась последней своей опасности переменою древнего в России православия и принятием иноверного закона». О том же упоминалось и в манифесте от 6 июля 1762 г. («Указы всепресветлейшей, державнейшей государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской, состоявшиеся с благополучнейшего вступления ея императорскаго величества на всероссийский императорский престол, с 28 июня 1762 г. по 1763 год. Печатаны при Адмиралтейской коллегии в Типографии Морского шляхетного кадетского корпуса сентября 18 дня 1764 года», стр. 20). Только этим и мог воспользоваться Ломоносов, чтобы, не отрываясь от манифестов, поднять волновавший его вопрос. Это вынудило его рассеять на протяжении всей оды фразы о защите православия (строфы 1, 6, 16, 18—20), которые при всем их обилии не могли, однако, замаскировать подлинных мыслей Ломоносова, высказанных достаточно откровенно и решительно в строфах 19—21. Вам, — говорит он иностранцам, — предоставлена в России такая свобода, какой вы не пользуетесь нигде, а вы этим злоупотребляете; вместо того чтобы рука об руку с нами делать порученное вам дело («и вместо чтоб вам быть меж нами в пределах должности своей»), вы позволяете себе без всяких на то оснований «считать нас вашими рабами». Эту ничем не оправданную заносчивость иностранцев Ломоносов ставит в прямую связь с захватническими замыслами «глав» враждебных России государств. Манифесты Екатерины II не содержали ничего такого, что допускало бы подобное их истолкование, и резкий выпад Ломоносова против живших в России иностранцев, не отвечавший, по справедливому замечанию С. Н. Чернова, ни склонностям, ни практическим намерениям только что воцарившейся императрицы, должен был вызвать в ней сильнейшее недовольство.

Еще хуже обстояло дело с четвертой затронутой в оде темой, которую можно было бы озаглавить так: монарх и народ. Ломоносов и на этот раз ищет если не точки опоры, то отправной точки в тексте манифестов и находит ее. В манифесте от 6 июля 1762 г., исчислявшем провинности и ошибки свергнутого императора, было сказано, что «самовластие, не обузданное добрыми и человеколюбивыми качествами, в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям непосред-

Библиотека "Руниверс"

ственно бывает причиною». «Безрассудные поступки Петра III, — говорилось далее в манифесте, — столь чувствительно напоследок стали отвращать верность россійскую от подданства к нему, что ни единого в народе уже не оставалось, кто бы в голос с отвагою и без трепета не злословил его и кто бы не готов был на пролитие крови его». Ломоносов воспользовался этими словами и сделал из них многозначительный вывод. То, что было сказано Екатериной II о прошлом с единственной целью оправдать совершенный ею дворцовый переворот, то, будучи переключено Ломоносовым на настоящее и на будущее, обратилось под его пером в назидание, более того — в предостережение царям. Именно так восприняли это и современники Ломоносова: 17 строфу его оды, наиболее сильную, начинающуюся стихами

Услышьте, судии земные
И все державные главы,

Державин прямо называл «нравоучением» (Г. Р. Державин, Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. VII, СПб., 1872, стр. 570). Совершенно очевидно, что под «державными главами» Ломоносов разумел не прусского короля и не турецкого султана, а русскую императрицу, только что восшедшую на престол. Не нарушай законов, — поучал ее Ломоносов, — воздерживайся от «буйности», не презирай подданных, а воспитывай их, просвещай и облегчай им жизнь, будь милостива, щедра и трудолюбива. Если же ты будешь притеснять народ, — продолжал Ломоносов (строфа 18), — то народ от тебя отшатнется, и, как показал недавний опыт, ты подвергнешь себя тем самым большой опасности. Это можно было понять так, что Екатерину при известных условиях может постигнуть та же участь, что и Петра III. Правда, в одной из последующих строф Ломоносов уверял императрицу, что считает ее способной «Россами владеть» (строфа 22), но этот холодный комплимент едва ли мог смягчить дерзкую жесткость предшествующего предостережения.

До нас не дошло никаких прямых свидетельств о том, как отнеслась Екатерина к посвященной ей оде Ломоносова. Можно не сомневаться, однако, в том, что стихотворное подношение, полученное ею от прославленного поэта, пришлось ей не по душе. Такой непрошенный советчик, который всенародно обращался к ней с печатными наставлениями, противоречившими ее намерениям, был ей не только не нужен: он ей мешал. И она дала это почувствовать Ломоносову. В первые месяцы ее царствования, когда на всех ее приверженцев, в том числе и на прямых врагов Ломоносова — Теплова и Тауберта — сыпались обильные награды, Ломоносов был обойден. Готовность помочь Ломоносову, проявленная таким сильным в то время при дворе человеком, как Григорий Орлов, не дала никаких положительных результатов. А через десять месяцев после воцарения Екатерины II она, как известно, уволила, было, Ломоносова в «вечную» отставку.

Библиотека "Руниверс"

[1] Стихи 8—10 повторены Ломоносовым почти дословно в его письме Г. Г. Орлову от 25 июля 1762 г. (т. X наст. изд., письмо 80).

[2] Имеется в виду активное участие Екатерины I в обсуждении вопроса о заключении мира с турками во время Прутского похода 1711 г. Существует известие, что мир был заключен по ее совету, подкрепленному мнением русских генералов, в то время как немецкие генералы предлагали Петру I продолжать военные действия (Н. Г. Петр Великий на берегах Прута. «Журнал Министерства народного просвещения», 1847, ч. LIII, стр. 99—102). Под Магметом разумеется Турция.

[3] В манифесте Екатерины II от 6 июля 1762 г. Петру III ставилось в вину, что он «армию всю раздробил такими новыми законами, что будто не единого государя войско то было».

[4] Речь идет о дочери Петра I Анне, от брака которой с герцогом голштинским родился Петр III.

[5] Т. е. Петербург. Ломоносов называет его «священным», имея в виду полное его название «Санктпетербург», что означает в русском переводе «город святого Петра».

[6] Речь идет о Фридрихе II, перед которым преклонялся Петр III.

[7] Имеется в виду создание провинциальных школ, задуманное еще в 1760 г. (ср. т. IX наст. изд., документ 332 и примечания к нему).

[8] Вся строфа 25 посвящена наследнику престола, будущему Павлу I.

[9] Строфа 26 посвящена участникам дворцового переворота 28 июня 1762 г.

1763

267

Печатается по тексту первой публикации с указанием в сносках вариантов по публикации в журнале «Маяк, журнал современного просвещения, искусства и образованности», 1842, т. II, кн. IV, отд. «Замечатель», стр. 81.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — «Новые ежемесячные сочинения», 1786, декабрь, ч. VI, стр. 67.

Датируется предположительно промежутком времени с 7 февраля 1762 г. (день слушания в Сенате указа об освобождении А. П. Жукова из-под стражи — см. ниже) по 25 апреля 1763 г. (когда Сенат последний раз занимался рассмотрением дела о Жукове). Учитывая, с одной стороны, упоминание о громе, а с другой стороны, болезнь, постигшую Ломоносова в июле 1762 г., можно думать, что эпиграмма была сочинена либо в апреле—июне 1762 г., либо в апреле 1763 г., что, однако, менее вероятно, так как к этому времени освобождение Жукова из-под ареста уже перестало быть новостью.

Библиотека "Руниверс"

В «Новых ежемесячных сочинениях» 1786 г. под эпиграммой напечатано следующее пояснение от редакции: «Эпиграмму сию сочинил г. Ломоносов, будучи в присутственном месте во время грозы, по просьбе Ж..., который сам желал, чтоб сочинитель представил ему гром в стихах». Редакция журнала «Маяк», напечатавшая эпиграмму по какой-то другой рукописи (которая, как и первая, не отыскана) и не знакомая, по-видимому, с публикацией 1786 г., предпослала эпиграмме несколько более пространное пояснение, а именно: «Некто Жуков, один из известных лиц в то время, родственник Сумарокова, при связях и богатстве достигший почестей, любил ездить с пышностью и по праву своего чина — цуком; ему случилось увидеть в Сенате Ломоносова в то самое время, как была сильная гроза. Ну, господин пиит, — сказал он ему, — напиши стихи на приезд мой в Сенат во время грозы. Ломоносов, не приготовляясь, отвечал» (далее следует текст эпиграммы).

М. И. Сухомлинов справедливо отмечает отсутствие «положительных указаний» на то, что эпиграмма относится к А. П. Жукову (Акад. изд., т. II, стр. 418 втор. паг.), однако же содержание ее едва ли позволяет сомневаться в том, что она направлена именно против этого лица. Отставной офицер А. П. Жуков, занимавший в 1744—1752 гг. должность пензенского воеводы, стяжал в Ломоносовское время позорную известность бесчисленными служебными преступлениями, граничившими с прямым разбоем. Жертвой этого ненасытного и жестокого хищника, возглавлявшего целую шайку подобных ему насильников и вымогателей (их оказалось больше сотни), было жившее в окрестностях Пензы мордовское крестьянство. Юстиц-коллегия, где накопилось 233 следственных дела о Жукове, была вынуждена, по требованию Сената, тратить на рассмотрение этих дел два дня в неделю, но не успела еще вынести по ним никакого решения, когда 7 февраля 1762 г. генерал-прокурор А. И. Глебов объявил Сенату указ Петра III об освобождении Жукова из-под стражи. А 1 апреля того же года последовал новый императорский указ о прекращении следствия и о сдаче всех дел о Жукове в архив. С этих-то пор Жуков и стал появляться в Сенате, хлопоча о возвращении описанного имущества и об утверждении в правах наследства после жены, убитой в 1754 г. родным сыном («Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1888, кн. 1/144, отд. II, сообщение 6, стр. 1—40). Понятно при этих условиях, как должен был удивиться и возмутиться Ломоносов, увидев перед подъездом высшего государственного учреждения пышную упряжку того, кому место было только в тюрьме, на каторге или даже на эшафоте. Если редакция «Маяка» верно передала наглый тон обращения Жукова к Ломоносову, то негодование поэта станет еще понятнее.

[1] Цук — точнее цуг, запряжка лошадей гуськом, т. е. двумя или тремя парами, расположенными одна за другой. В XVIII в. число лошадей, впря-

Библиотека "Руниверс"

гаемых в повозку, определялось чином седока. Цугом имели право ездить только люди, состоявшие в высоких чинах. Ср. у Грибоедова: «Весь в орденах; езжал-то вечно цугом».

268

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 5, 117).

Впервые напечатано — Пекарский. Доп. изв., стр. 90.

Датируется предположительно либо последними числами июля 1762 г., не ранее июля 25, либо второй половиной мая 1763 г.

Академик М. И. Сухомлинов полагал, что публикуемое стихотворение «написано Ломоносовым или по случаю посещения его императрицею Екатериною, или же после беседы с нею во дворце» (Акад. изд., т. II, стр. 361 втор. паг.). Того же мнения был и Л. Б. Модзалевский (Модзалевский, стр. 84, № 187). А между тем не вполне ясный текст этого явно недоработанного стихотворного наброска едва ли дает основание для такого решительного утверждения: допустимы и другие догадки, может быть более правдоподобные.

М. И. Сухомлинов и Л. Б. Модзалевский несомненно правы, считая, что стихи обращены к Екатерине II (она прямо названа) и написаны после ее воцарения: если бы они сочинены были ранее, Ломоносов не говорил бы о «монарших дивах» и о том, что «владеть судьба вас [т. е. Екатерину II] одарила». Но в стихах нет ни непосредственных указаний, ни намеков на состоявшуюся встречу Ломоносова с новой императрицей; весь их текст говорит скорее о том, что Ломоносов желал бы такой встречи, но что она еще не состоялась; на эту мысль наводит последний стих, заключающий в себе весьма своеобразно построенное условное придаточное предложение:

Он быть бы тем престал, пред ваш поставлен свет.

Смысл этого довольно туманного стиха может быть передан так: премудрый человек перестал бы быть премудрым, если бы оказался лицом к лицу с вами, так как его премудрость померкла бы при свете вашей премудрости. Подобный условный оборот, вполне уместный в речи о будущем, был бы невозможен, если бы говорилось о прошлом.

Точная дата первой встречи Ломоносова с Екатериной II после ее воцарения не установлена. Судя по имеющимся данным, она произошла не ранее 2 июля 1763 г. (день первого посещения Екатериной II Академии наук, но присутствовал ли при этом Ломоносов, неизвестно; СПб. Вед., 1763, № 53, 4 июля) и не позднее октября того же года (когда Ломоносов поднес Екатерине II свою книгу «Первые основания металлургии, или

Библиотека "Руниверс"

рудных дел», т. X наст. изд., письмо 88; Билярский, стр. 617—618). Таким образом, если верно наше предположение, что публикуемые стихи сочинены до этой встречи, то писались они в таком случае в промежуток времени с 28 июня 1762 по октябрь 1763 г.

В связи с такой датировкой особенного внимания заслуживают первые два стиха:

О небо, не лишай меня очей и слуха,
О т д а й м н е и х.

Смысл этих слов совершенно ясен: «отдать» можно только то, что отнято. Поэт просит «небо» вернуть ему утраченное зрение и слух. Зная чрезвычайно характерную для Ломоносова склонность опираться в своих стихах на конкретные факты реальной действительности, мы едва ли имеем право рассматривать приведенные слова как безответственную метафору. Да и похожи ли они на метафору? Гораздо больше оснований думать, что под ними кроется какая-то неизвестная нам правда, что они написаны в такое время, когда зрение и слух Ломоносова были действительно под угрозой. На это можно возразить, что ни в каких других высказываниях Ломоносова мы не встречаем жалоб на утрату или ослабление зрения и слуха. Но о болезни, которой Ломоносов страдал, видимо, еще с начала 50-х годов (ср. т. X наст. изд., документ 518, отд. I, п. 6), которая именно с 1762 г. приняла особенно тяжелую форму и через два с половиной года свела Ломоносова в могилу, он говорил вообще чрезвычайно неохотно и скупо. Из его слов мы знаем, что на первых порах это была «жестокая ножная болезнь» (там же). В другом случае он говорит о «частом ломе в ногах и ранах».

Из записей в журнале Академической канцелярии нам известно, что в первой половине 1762 г. Ломоносов болел два с половиной месяца (с 21 февраля по 8 мая; ААН, ф. 3, оп. 1, № 532, лл. 63 об.—120). 18 июля он опять захворал, но, не бывая в Академии, продолжал заниматься академическими делами на дому (там же, лл. 173—178). 24 июля он пишет М. И. Воронцову: «Тяжкая моя болезнь, снова усилившаяся в другой ноге, не дает мне покоя и свободы не токмо из дому, но ниже и с постели вытти» (т. X наст. изд., письмо 79). На следующий день, 25 июля, академический копиист К. Ефимов, посланный к Ломоносову с бумагами, сообщил, что не был допущен к больному; служитель Ломоносова объяснил ему, что «г. советник за болезнию в Академическую канцелярию ездить и дел в доме подписывать не может» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 532, лл. 179 об.—180). Болезнь приняла на этот раз настолько серьезный оборот, что в академических кругах, по словам Ломоносова, предвидели возможность смертельного исхода (т. X наст. изд., документ 470, § 55). 3 сентября протоколист Д. Тимофеев был вызван к Ломоносову и по возвращении от него доложил Канцелярии, что «г. советник от болезни его имеет

Библиотека "Руниверс"

несколько свободы, однако в Канцелярию ездить не может, а дела нужные слушать и подписывать на дому будет» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 532, л. 206 об.); вплоть до первых чисел февраля следующего, 1763 года Ломоносов продолжал хворать и в Академии почти не бывал. Журнал Академической канцелярии свидетельствует, что на протяжении последующих трех месяцев 1763 г. у Ломоносова было еще два приступа болезни (с 11 февраля по 13 марта и с 1 апреля по 7 мая 1763 г.; там же, № 533, лл. 62—78, 80—101), а затем, видимо во второй половине мая — это мы знаем только со слов самого Ломоносова — произошел и третий приступ, когда Ломоносов, будучи, как он выражался, «в тяжкой болезни, едва жив остался» (т. X наст. изд., документ 470, § 66).

Этими скудными сведениями исчерпывается, в сущности, все, что мы знаем о болезни Ломоносова, продержавшей его дома почти целый год — тот самый год, который нас в данном случае интересует. Сам он упоминал об этой болезни только вскользь, называл ее «долговременной» и «тяжкой», говорил, что ею «изнурен», жаловался на «недужливую старость», но ни в какие дальнейшие подробности о состоянии своего подорванного здоровья не вдавался. К сказанному можно, впрочем, добавить — и с медицинской точки зрения это существенно, — что самые сильные приступы, июльский 1762 г. и майский 1763 г., были если не вызваны, то тесно связаны с тяжелыми нервными потрясениями: в первом случае это было служебное повышение одного из злейших врагов Ломоносова, И. И. Тауберта, которое Ломоносов воспринял не только как обиду, но и как незаслуженное наказание (там же, письмо 79); во втором случае это был неожиданный указ об отставке, который, по собственному признанию Ломоносова, причинил ему «крайнюю горесть» (там же, документ 470, § 66).

При таком более чем ограниченном запасе сведений о характере болезни Ломоносова мы не только не имеем права утверждать, что возможность нарушения нормальной деятельности органов зрения и слуха была исключена, а должны, наоборот, отнестись с особенным вниманием к поэтическим показаниям Ломоносова на этот счет, как бы ни были они туманны.

В стихах вслед за словами «Отдай мне их» идет фраза, на первый взгляд тоже как будто неясная: «Я в путь спешу стремленьем духа». Если допустить, однако, что ее написал тяжело больной человек, который не мог «не токмо из дому, но ниже и с постели вытти», то приведенная фраза перестанет быть загадочной: больной хочет куда-то пойти, но по болезни не может; «стремленьем духа» он собирается в путь, а больное тело не пускает. Куда же хочется ему пойти? Косвенный ответ на этот вопрос дают следующие два стиха: поэт называет «блаженными», т. е. счастливыми, тех, кто «зрит» Екатерину II и «слышит» ее голос; он как бы завидует этим счастливцам и выражает тем самым желание оказаться в их положении. Не значит ли это,

Библиотека "Руниверс"

что в момент одного из двух особенно тяжелых приступов болезни, которые, как мы знаем, были связаны с проявлениями царской несправедливости, Ломоносов мечтал о возможности повидаться с новой императрицей и объясниться с ней лично? Не затем ли писались публикуемые стихи, чтобы через кого-то из своих заступников, имевших доступ к Екатерине II, попросить ее в осторожной поэтической форме о таком свидании? Мы знаем, что и в июле 1762 г., и в мае 1763 г. в роли заступника за Ломоносова выступал фаворит императрицы Г. Г. Орлов — в первом случае безуспешно, во втором случае успешно (там же, письмо 80, примечания к нему и письмо 92): указ об отставке был взят назад, и во второй половине того же 1763 г. Екатерина II «несколько раз», по сообщению Ломоносова, приглашала его «к себе в комнаты» (там же, письмо 88). Орлов и был, вероятно, тем лицом, через которое Ломоносов предполагал вручить императрице публикуемые стихи. Но доработал ли он их и отправил ли по назначению, мы не знаем.

Если высказанные выше догадки справедливы, то датировку стихов можно несколько уточнить: они были написаны в таком случае либо вскоре после 25 июля 1762 г., либо во второй половине мая 1763 г., после получения Ломоносовым копии указа об отставке, что произошло не позднее 15 мая, и до отъезда его в Усть-Рудицу, что произошло около 1 июня (Билярский, стр. 603).

269

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — Учреждение императорскаго воспитательнаго дома для приносных детей и гошпиталя для бедных родильниц в столичном городе Москве. СПб., 1763, стр. 62.

Датируется предположительно промежутком времени с 1 сентября 1763 г. (день издания манифеста об учреждении Воспитательного дома — ПСЗ, 11908) по 4 того же сентября (когда И. И. Бецкой прислал И. И. Тауберту рукопись вышеназванной книги для сдачи ее в набор — ААН, ф. 3, оп. 1, № 278, л. 38).

Бецкой, печатавший книгу о Воспитательном доме на свой счет, был ближайшим сотрудником Екатерины II по делам создававшихся в те годы воспитательных и учебных заведений. Включение в это официозное издание стихов Ломоносова позволяет думать, что они были написаны по личному заказу императрицы, которая, как известно, в ту осень встречалась с Ломоносовым не раз (т. X наст. изд., письмо 88). Книга выпускалась, чтобы побудить частных «благотворителей» к денежным пожертвованиям на устройство и содержание Воспитательного дома. Екатерина не могла не по-

Библиотека "Руниверс"

нимать, что правительственный призыв будет иметь несравненно больший успех, если его подкрепит своим веским поэтическим словом Ломоносов.

При всем том, однако, в первом издании книги публикуемые стихи были напечатаны без обозначения имени автора, и только во втором ее издании, выпущенном через два года после смерти Ломоносова, появилась под стихами его фамилия.

Следует помнить, что еще за два года до учреждения Воспитательного дома, в 1761 г., Ломоносов говорил о необходимости «завести нарочные богаделенные домы для невозбранного зазорных детей приему» и намеревался подробно развить эту тему (т. VI наст. изд., стр. 388).

[1] «Генеральный план» Воспитательного дома, составленный Бецким, предусматривал обучение детей разным «мастерствам» (Учреждение императорскаго воспитательнаго дома для приносных детей и гошпиталя для бедных родильниц в столичном городе Москве. СПб., 1763, стр. 19).

[2] Правительство не считало нужным расходовать государственные средства на Воспитательный дом: он должен был существовать «на едином самоизвольном подаянии от публики» (Учреждение императорскаго воспитательнаго дома для приносных детей и гошпиталя для бедных родильниц в столичном городе Москве. СПб., 1763, стр. 4—5). В манифесте 1 сентября 1763 г. Екатерина II намекала, что сама выступает лишь в качестве одной из жертвовательниц, и выражала надежду, что «прямые дети отечества» последуют ее примеру (там же, стр. 3).

270

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — «Прибавления к СПб. Вед.», 1763, № 85, 24 октября.

Датируется предположительно не позднее 23 октября 1763 г. — по дате избрания Ломоносова в члены Академии художеств.

10 октября 1763 г. в основанной за шесть лет до этого Академии художеств (см. примечания к слову 275) состоялось торжественное собрание, на котором за успехи, достигнутые в области мозаичного художества, Ломоносов был избран почетным членом Академии художеств. Директор Воспитательного училища при Академии архитектор А. Ф. Кокоринов обратился к новому академику с речью, где сказал между прочим: «Императорская Академия художеств, уважая отменитые ваши достоинства и приобретенную славу в ученом свете, а особливо почитая толь редкое еще мозаичное искусство, которое вашим рачением и трудами не токмо к славе России открыто, но и с подлинным успехом совершенства достигает, чего для все

Библиотека "Руниверс"

почтенное собрание согласно к чести и пользе Академии за благо рассудило присоединить вас в достоинстве почетного члена Академии» (СПб. Вед., 1763, № 85, 24 октября, Прибавление). По окончании речи А. Ф. Кокоринова Ломоносову было отведено «место по его достоинству».

В благодарность за оказанную ему честь Ломоносов и произнес свою речь, подготовленную, по-видимому, заранее.

271

Печатается по экземпляру отдельного издания 1764 г., собственноручно выправленному Ломоносовым (Государственный исторический музей в Москве, ф. 281, № 48537/2224).

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано отдельным изданием в 1763 г.

Датируется предположительно промежутком времени с 19 декабря 1763 г. (день объявления Ломоносову указа о производстве его в статские советники) по 29 того же декабря (день представления Ломоносовым публикуемой оды в Академическую канцелярию для напечатания).

Со времени выхода в свет оды на воцарение Екатерины II (стихотворение 266) в печати в течение полутора лет не появлялось ни одной «похвальной» оды Ломоносова, хотя официальных поводов для их сочинения было за это время и много (коронация Екатерины II, первая годовщина ее восшествия на престол, дни ее рождения и именин, новый, 1763, год). Продолжительное молчание поэта может быть объяснено и очевидным неуспехом первой оды, поднесенной им новой императрице, и его служебными невзгодами (примечания к стихотворению 266), и тяжелой болезнью, постигшей его в июле 1762 г. Пресловутый указ о «вечной» отставке Ломоносова был взят Екатериной назад через несколько дней после его подписания, 13 мая 1763 г., но положение Ломоносова в Академии наук и при дворе восстановилось после этого, как известно, не сразу: только в конце июля или в начале августа этого года Ломоносов мог ощутить некоторую благоприятную перемену в отношении к нему Екатерины II (т. IX наст. изд., примечания к документам 174 и 350). В последней трети того же года у него было несколько деловых встреч с ней (т. X наст. изд., примечания к документу 470, 356 и письмо 88), и, наконец, 15 декабря того же 1763 г. последовал указ о производстве Ломоносова в статские советники и об увеличении его жалованья до 1875 руб. в год («Ломоносов», III, стр. 442, № 124). Указ был «сказан» Ломоносову в Сенате 19 декабря и в тот же день сообщен Академии (ААН, ф. 3, оп. 1, № 969, л. 266), а затем и всем другим правительственным учреждениям («Ломоносов», III, стр. 401, № 161). Нет сомнения, что именно этим событием и было вы-

Библиотека "Руниверс"

звано появление публикуемой оды. Она носила, таким образом, не столько поздравительный, сколько благодарственный характер.

Через десять дней после получения в Академии сенатского указа о награждении Ломоносова и за два дня до наступления нового года, 29 декабря 1763 г., Ломоносов в заседании Академической канцелярии «требовал о напечатании» только что сочиненной им оды. Канцелярия определила напечатать ее двойным тиражом, в количестве 1225 экз., и пустить в продажу по цене 15 коп. за экземпляр (ААН, ф. 3, оп. 1, № 474, л. 344). К 1 января 1764 г. ода была напечатана (там же, № 508, л. 199), и 7 января Книжная лавка получила распоряжение принять из Типографии тираж (там же, № 279, л. 210; № 668, л. 1).

Неизвестно, читал ли Ломоносов корректуру оды, но сохранился печатный ее оттиск, где авторской рукой выправлено несколько опечаток, а на титульном листе написано: «Выправив, что назначено, протчие экземпляры допечатать. Ломоносов». Слово «выправив» написано вместо старательно зачеркнутого «вымарав» (Государственный исторический музей в Москве, № 48537/2224). Надпись Ломоносова не совсем ясна; слово «протчие» позволяет думать, что данный печатный оттиск попал в руки Ломоносова прямо с печатного станка, когда еще не весь тираж оды был отпечатан. Более важен другой вопрос: было ли исполнено распоряжение Ломоносова, т. е., иначе говоря, отпечатала ли Типография хоть некоторое количество исправных экземпляров, свободных от опечаток. Ответить на этот вопрос не так-то просто. Трудно, разумеется, допустить, что Типография не выполнила приказа и что Ломоносов поднес императрице экземпляр с опечатками. Однако все отысканные до настоящего времени экземпляры отдельного издания оды именно таковы: не найдено пока ни одного, где бы корректурные пометы Ломоносова были учтены (см. БАН, 469/10; ГПБ, 38. 38.1.58; ААН, ф. 20, оп. 7, № 31); а так как ни академику М. И. Сухомлинову, ни позднейшим издателям оды не был известен экземпляр Исторического музея (экземпляр Архива АН СССР они почему-то считали единственным сохранившимся экземпляром этого издания), то часть выправленных Ломоносовым опечаток вошла и в новейшие издания (Акад. изд., т. II, стр. 257—268 перв. паг.; Ломоносов. Стихотворения. «Библиотека поэта», изд. «Советский писатель», 1935, стр. 125—134).

Хоть Ломоносов и говорит в своей оде, что «поет» Екатерину II так же, «как пел Петрову дщерь» (строфа 3), т. е. императрицу Елизавету, однако согласиться с этим его утверждением нельзя. Публикуемая ода не похожа на те, какие он писал в елизаветинские годы: несмотря на необычно большой объем (32 строфы) и подчеркнуто приподнятый тон, она бедна идейным содержанием и почти вовсе лишена тех политических намеков, которыми так искусно насыщал Ломоносов лучшие свои оды. Печальный опыт 1762 г. сказался: поэт, видимо, понял, что новой самодержице неугодны усвоенные

Библиотека "Руниверс"

им приемы публицистического общения с читателями и что в посвященных ей «похвальных» одах дальше приличных случаю похвал идти нельзя. На похвалы Ломоносов не поскупился; они, как всегда у него, и даже более, чем всегда, гиперболичны: государственная деятельность Екатерины сравнивается с деятельностью Солнца (строфа 8), а ее премудрость — с премудростью божьей в том виде, как изображал последнюю царь Соломон (строфа 20). Но похвалы эти малосодержательны: о каких-либо конкретных государственных заслугах императрицы речи нет, а говорится только в самых общих выражениях о ее благих намерениях, об ее умственных, нравственных и телесных достоинствах и об ее трудолюбии; ее «кроткий» нрав «умягчает» «народну грубость»; благодаря ее рассудительности «невежества исчезнет тьма»; она «к довольству, славе и покою обильно сыплет семена, печется, ограждает, греет» и т. п. Есть основание думать, что именно такие преувеличенные, но в сущности беспредметные похвалы более всего нравились Екатерине: они создавали вокруг нее желательный ей ореол, но ни к чему определенному ее не обязывали. Публикуемая ода является последней по времени «похвальной» одой Ломоносова.

[1] Называя Екатерину II «Петровой внукой», что не вполне соответствовало действительности (она была не внучкой, а женой внука Петра I), Ломоносов старался подтвердить ее право на русский императорский престол.

[2] Под «завистливыми злодеями» Ломоносов разумеет своих академических врагов, по проискам которых Екатерина II подписала указ об его отставке.

[3] Академиком М. И. Сухомлиновым отмечено, что эпитет «усыновленна» в том смысле, в каком он употреблен здесь Ломоносовым, встречается в манифесте Екатерины II от 6 июля 1762 г.: «С самых дней кончины императрицы Елизаветы Петровны все прямо усыновленные своему отечеству, а наши теперь верноподданные, оскорблены бывши лишением своей матери. утешения себе ожидали» (Акад. изд., т. II, стр. 352—353 втор. паг.).

[4] Под «той» Ломоносов понимает Екатерину I, а под «сей» — Екатерину II.

[5] Налоги — тяготы, трудности, притеснения.

[6] Дни нестройны — царствование Петра III.

[7] Обращение к солнцу.

[8] День осеннего равноденствия, когда Солнце вступает в зодиакальное созвездие Весов.

[9] Т. е. твою голову; имеется в виду коронация, в ритуал которой входил обряд миропомазания.

[10] Т. е. отменное, отличное.

[11] Строфы 18 и 19 являются переложением библейского текста (книга Притчей Соломоновых, гл. VIII, стр. 6—8, 13—15, 20—29), где речь ведется от имени Премудрости.

Библиотека "Руниверс"

[12] При — распри, споры.

[13] Строфа 22 заключает в себе осторожный намек на смену церковной гегемонии в области культурной жизни («друиды») гегемонией науки («кастальския сестры»).

[14] Строфа 23 и первые четыре стиха строфы 24 содержат намек на проект каких-то гидротехнических сооружений, о которых Ломоносову случалось, может быть, беседовать с Екатериной II. Сохранились и в других его работах следы его упорного интереса к этого рода сооружениям и, в частности, к разным водоподъемным устройствам; высказывания Ломоносова, касающиеся этого вопроса, датируются 1750, 1762—1763 и 1764 гг. (стихотворение 176, строфа 10; т. IV наст. изд., стр. 455—456, 790 и т. X наст. изд., документ 518, разд. III, п. 19).

[15] 22 декабря 1763 г., т. е. в то самое время, когда писалась публикуемая ода, составленный Ломоносовым проект Северной морской экспедиции поступил в учрежденную незадолго перед тем Комиссию российских флотов и адмиралтейского правления при письме, подписанном малолетним наследником престола Павлом Петровичем, который числился президентом Адмиралтейской коллегии (т. VI наст. изд., стр. 606). Этим объясняется включение в публикуемую оду строфы, посвященной Северной морской экспедиции, и упоминание о «счастье Павловом».

[16] Под «руном златым», которое собиралась «взять» Россия у врат Денницы (стихи 241—244), Ломоносов разумеет доход от торговли с дальневосточными странами. Этой торговле препятствовали, как уже указывалось (примечания к стихотворению 261), маньчжурские феодалы. К моменту, когда писалась публикуемая ода, отношения представлявшего интересы этих феодалов пекинского богдыханского правительства с петербургским двором сильно обострились. Богдыхан запретил вольный торг с русскими купцами, издавна производившийся в Кяхте, и тон пекинского «Трибунала» в его сношениях с русским Сенатом стал настолько заносчив, что Сенат перестал отвечать на приходившие из Пекина «листы»: богдыхан (Ломоносов называет его* «напыщенным исполином») устами своего «Трибунала» давал понять, что считает себя неизмеримо выше всех прочих монархов, и требовал, чтобы Российское государство учинилось ему «послушным» (Бантыш-Каменский, стр. 316—317). Таким образом, стихи 251—257 весьма точно характеризуют сложившееся к тому времени положение вещей. «Послушным нашим любителем» (стих 268) муза Урания называет Ломоносова

[17] Перечисляя в стихах 301—306 природные и благоприобретенные данные, которыми обладала Екатерина II, Ломоносов указывает, кому она обязана каждым из них: так, «высоким рожденьем», т. е. знатностью рода, она обязана «талану», т. е. счастливому случаю, красотой — природе, «присвоеньем», т. е. тем, что в России она стала своей, — императрице Елизавете, и т. д.

Библиотека "Руниверс"

1764

272

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые напечатано — СПб. Вед., 1764, № 48, 15 июня.

Датируется предположительно 7 июня 1764 г. на основании заметки в вышеупомянутом номере СПб. Вед., где сказано, что в этот день при отъезде Екатерины II из дома Ломоносова он поднес ей стихи «тогдашнего им сочинения». Написал ли он их заранее, будучи предупрежден о предстоящем приезде императрицы, или же сочинил их экспромтом во время ее пребывания у него в доме, остается неясным.

Екатерина II «с некоторыми знатнейшими двора своего особами» прибыла в дом Ломоносова на Мойке 7 июня 1764 г. в четвертом часу дня и оставалась там более двух часов, до исхода шестого часа. Ломоносов успел показать ей за это время «работы мозаичного художества» для «монумента» Петру I в Петропавловском соборе, т. е. картину «Полтавская баталия», которая к тому времени была окончена набором и находилась в стадии шлифовки (т. IX наст. изд., примечания к документу 99), уже начатую, вероятно, набором картину «Азовское взятие» и эскизы четырех других картин (там же, документ 104, стр. 171), а также «новоизобретенные им [Ломоносовым] физические инструменты и некоторые физические и химические опыты». Таковы вполне достоверные сведения, занесенные в Камер-фурьерский журнал 1764 г. и обнародованные восемь дней спустя вместе с публикуемыми стихами в СПб. Вед., где на все лады восхвалялось «монаршее благоволение к наукам и художествам».

Существует еще и другой, неофициальный рассказ о том же посещении, по справедливому мнению академика П. П. Пекарского (Пекарский, II, стр. 864), едва ли достоверный. Рассказ этот принадлежит С. Н. Глинке, который внес его в свои записки со слов Е. Р. Дашковой, входившей будто бы в состав той свиты, с которой Екатерина II появилась в ломоносовском доме. Но когда Дашкова делилась своими воспоминаниями с Глинкой, со времени данного эпизода прошло уже около сорока лет, а Глинка записал ее рассказ только около тридцати лет спустя после того, как его услышал. Надеяться при таких условиях на точность его сообщения не приходится. П. П. Пекарский прав, когда не доверяет и воспоминаниям Дашковой: в 1764 г. Екатерина II относилась к ней уже настолько недружелюбно, что едва ли допустила бы ее в свою свиту при поездке к Ломоносову. Да и сама Дашкова признается, что в эту пору жила вдали от двора (Записки княгини Е. Дашковой. «Всеобщая библиотека», СПб., 1906, № 6, стр. 83—85). Крайне неправдоподобно, кроме всего прочего, упомина-

Библиотека "Руниверс"

ние Дашковой о том, будто в кабинете у Ломоносова в летнее время топился камин. Таким образом, сообщение Глинки о содержании разговора Екатерины II с Ломоносовым лишено исторической достоверности и как таковое не заслуживает повторения. Интересующиеся им могут прочитать его в Акад. изд., т. II, стр. 358—359 втор. пар. или Билярский, стр. 788—789.

273

Печатается по последнему прижизненному изданию («Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», 1764, сентябрь, стр. 235—238).

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — Отд. изд. 1764 г.

Датировано 19 июля 1764 г.

Публикуемое стихотворение было написано, когда Екатерина II, сопровождаемая большой свитой, в составе которой первым лицом был адресат стихотворения, Г. Г. Орлов, возвращалась в Петербург после месячного пребывания в Прибалтийском крае, но была еще в дороге. Тем временем в жизни Ломоносова происходили важные для него события. В первых числах июля 1764 г., накануне отъезда на Усть-Рудицкую фабрику, он возбудил в Сенате дело по обвинению одного из главных своих академических врагов, И. И. Тауберта, в незаконном разрешении А.-Л. Шлецеру снимать копии с неизданных исторических рукописей (т. IX наст. изд., документы 272—273 и примечания к ним).

Ломоносовым были написаны для подачи в высшие инстанции и согласованы с некоторыми академиками «Предположения об устройстве и уставе Петербургской Академии», где резко осуждалась деятельность Тауберта и проектировалось упразднение почти всех подчиненных ему подсобных академических учреждений (т. X наст. изд., документы 408—409 и примечания к ним). И наконец, именно в данное, по-видимому, время Ломоносов приступил к составлению «Краткой истории о поведении Академической канцелярии», которую намеревался, вероятно, подать императрице через Г. Г. Орлова (там же, документ 470 и примечания к нему). Таким образом, писание публикуемых стихов совпало с разгаром приготовлений к весьма решительным действиям, имевшим задачей коренное преобразование Академии наук и полную ликвидацию шумахеровского и таубертовского режима. Ломоносову представлялось, вероятно, что успех предстоявших действий зависит более всего от помощи Орлова, в ком все склонны были видеть тогда нового временщика. В этом убеждало поведение Орлова во время прибалтийского путешествия: на все приветственные речи отвечала не императрица, а от ее имени Орлов; в близких ко двору гвардейских кругах шли толки, что Екатерина II собирается выйти за него замуж (Соловьев,

Библиотека "Руниверс"

кн. VI, стлб. 4). «Поздравительное письмо» в стихах, рассчитанное на прочтение его не только Орловым, но, очевидно, и императрицей, должно было подготовить почву для ходатайства о низложении врагов русского просвещения.

К 9 августа 1764 г. стихотворение было выпущено отдельным изданием в количестве 580 экз., из которых 60 получил Ломоносов для раздачи знатным особам (ААН, ф. 3, оп. 1, № 284, л. 45—45 об.). А в сентябре того же года оно было напечатано вторично, в академическом журнале «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» с таким примечанием: «Сие письмо, хотя напечатано прежде особливым листом, однако же рассудилось оное и сюды внести для важности содержания оного». Автором этого примечания был, вероятно, редактор журнала Г.-Ф. Миллер.

[1] Т. е. с Усть-Рудицкой фабрики, где писалось стихотворение.

[2] Т. е. где Петр I одерживал победы, там Екатерина II насаждает мир.

[3] Т. е. позапрошлым летом: намек на дворцовый переворот 28 июня 1762 г., когда Петр III подплывал к Кронштадту, надеясь найти там убежище, но не был туда допущен. Перед отъездом в Прибалтику Екатерина II побывала в Кронштадте, где была встречена пушечным салютом всей эскадры (СПб. Вед., 1764, № 53, 2 июля): это и были те «торжественны огни среди недр влажных», о которых пишет Ломоносов (стих 24).

[4] Имеется в виду известная своими многочисленными порогами Западная Двина, через которую Екатерина II переправлялась по пути из Риги в Митаву.

[5] Раскаты — крепостные валы. Под «ливонскими раскатами» Ломоносов разумеет расположенные в Прибалтийском крае крепости.

[6] Отвне — извне.

[7] Грозящи исполины — внешние враги.

[8] Намек на снаряжавшуюся в то время по мысли Ломоносова и при ближайшем его участии Северную морскую экспедицию, которая должна была разведать кратчайший водный путь на Дальний Восток.

[9] Намек на указ от 18 июля 1762 г. «об удержании судей и чиновников от лихоимства» (ПСЗ, 11616).

[10] Стихи 43—50 являются стихотворным пересказом того, что говорила о себе самой Екатерина II в собственноручном наставлении, данном ею в начале 1764 г. новому генерал-прокурору А. А. Вяземскому (Соловьев, кн. VI, стлб. 13).

[11] Екатерина II вернулась в Петербург 25 июля 1764 г. (Соловьев, кн. VI, стлб. 11).

[12] В начале февраля 1755 г. Ломоносов сообщал Конторе Мануфактур-коллегии, что на Усть-Рудицкой фабрике «мельница достроена, движет водою шлифовальную машину», и «оною же мельницею движется одна рама

Библиотека "Руниверс"

для пиления досок». Одновременно он сообщал, что в фабричной лаборатории «всех девять печей» для разных производственных процессов (т. IX наст. изд., стр. 101; ср. там же, документ 78).

[13] Намек на мозаичные картины, которыми предполагалось украсить внутренность Петропавловского собора в Петербурге, у гробницы Петра I (т. IX наст. изд., документы 84, 87, 89, 92, 93, 96, 98, 99, 101—104).

[14] Имеется в виду пожалование Ломоносову 15 марта 1753 г. населенного имения для устройства фабрики (т. IX наст. изд., примечания к документу 48).

[15] Имеется в виду состоявшееся 7 июня 1764 г. посещение Ломоносова Екатериной II (см. стихотворение 272 и примечания к нему).

[16] В словах «подданных спасать» кроется, может быть, намек на то, что Орлов содействовал отмене указа от 2 мая 1763 г. о «вечной» отставке Ломоносова (ср. т. X наст. изд., письмо 92).

[17] Намек на участие Орлова в Семилетней войне.

[18] Палладой Ломоносов именует Екатерину II.

[19] Сообщаемые здесь биографические данные о Г. И. Орлове верны (Русский биографический словарь, т. «Обезьянинов—Очкин». СПб, 1905, стр. 353). Что же касается легенды о германском происхождении рода Орловых, то она, как подавляющее большинство подобных генеалогических легенд, едва ли достоверна (ср. там же, стр. 320).

[20] Намек на видную роль Орлова в дворцовом перевороте 28 июня 1762 г.

[21] Ср. стихи 8—10 оды 1762 г. (стихотворение 266) и их прозаический пересказ в письме Ломоносова к Орлову от 25 июля 1762 г. (т. X наст. изд., письмо 80). В чем заключались услуги, оказанные Орловым «наукам», мы не знаем.

274

Печатается по последнему прижизненному изданию («Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», 1764, сентябрь, стр. 239), сверенному с Отд. изд. 1764 г.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — Отд. изд. 1764 г.

Датировано 24 августа 1764 г.

Отдельное издание этого стихотворения, отмеченное В. С. Сопиковым (Сопиков, ч. IV, стр. 325, № 11514) и Г. Н. Геннади (Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, на список русских книг с 1725 по 1825 г., т. II. Берлин, 1880, стр. 252), хранится в 2 экз. в ЦГАДА (ф. 199 — портфели Миллера, № 150, ч. II, № 54, лл. 252—253); П. П. Пекарскому (Пекарский, II, стр. 866) и

Библиотека "Руниверс"

М. И. Сухомлинову (Акад. изд., т. II, стр. 367—368 втор. паг.) оно не было известно; Г. Э. Кунцевич сомневался, видимо, в его существовании (Кунцевич, стр. 38—39, № 121). Тираж этого издания был ничтожно мал (55 экз.), отчего оно и стало величайшей библиографической редкостью.

Обращает на себя внимание дата стихотворения — 24 августа 1764 г. Это было время, когда Ломоносов писал «Краткую историю о поведении Академической канцелярии», намереваясь, по-видимому, подать ее Екатерине II через Г. Г. Орлова (т. X наст. изд., документ 470 и примечания к нему). Этому документу он придавал, как известно, чрезвычайно важное значение и возлагал на него большие надежды. Желая обеспечить ему благосклонный прием, Ломоносов месяцем ранее (19 июля 1764 г.) написал стихотворное послание Орлову (стихотворение 273 и примечания к нему). Ту же цель преследовало, очевидно, и публикуемое стихотворение, предназначенное, может быть, для вручения самой императрице — непосредственно или через того же Орлова. 24 августа 1764 г. и Екатерина, и Орлов были в Царском Селе, причем императрица, как записано в «Камер-фурьерском журнале», утром и пополудни «изволила» «забавляться в карты», а «обеденное кушанье изволила кушать в двадцати пяти персонах» (Камер-фурьерский журнал за 1764 г., стр. 143). Где был в этот день Ломоносов, документально не установлено. Известно лишь, что 20 и 27 августа 1764 г. он приезжал в Академию и принимал участие в заседаниях Академической канцелярии, а 23 августа «за другими академическими делами не присутствовал» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 534, лл. 185, 187 об. и 188). Не исключена возможность, что это его отсутствие объяснялось поездкой в Царское Село, и вполне вероятно, что в составе «двадцати пяти персон», обедавших 24 августа 1764 г. за царским столом, мог быть и Ломоносов. Не по этому ли случаю и написаны им публикуемые стихи?

[1] Речь идет о большом Царскосельском дворце (ср. примечания к стихотворениям 164 и 176, а также т. X наст. изд., письма 18 и 19 и примечания к ним).

275

Печатается по собственноручному черновику (ААН, ф. 20, оп. 1, № 3, лл. 33—40).

Впервые напечатано — Будилович, II, стр. 303—311.

Датируется предположительно промежутком времени с 28 июня по 22 сентября 1764 г. Из текста публикуемой речи видно, что она сочинялась в третий год царствования Екатерины II (см. ниже, примечание 1) и что Ломоносов предполагал произнести эту речь в годовщину коронации Екатерины II, т. е. 22 сентября.

Библиотека "Руниверс"

Академия художеств как самостоятельное учреждение была создана по инициативе И. И. Шувалова указом от 7 ноября 1757 г. (ПСЗ, 10776), но мысль об ее учреждении возникла значительно ранее. С первых лет существования Академии наук при ней были образованы художественные «палаты», т. е. мастерские (живописная, скульптурная, гравировальная и др.), готовившие специалистов для нужд Академии, а частично и для двора. Наличие этих мастерских дало повод при разработке Академического регламента 1747 г. назвать Академию «Академией наук и художеств». Однако искусство занимало в ней в течение последующего десятилетия второстепенное место. В 1748 г. в составе Академии наук было образовано Собрание Академии художеств, куда вошли Я. Я. Штелин, художник-декоратор Д. Валериани, живописец И.-Э. Гриммель, скульптор И. Ф. Дункер и архитектор И.-Я. Шумахер (Материалы, т. IX, стр. 214). Первым президентом созданной в 1757 г. самостоятельной Академии художеств стал И. И. Шувалов, который пожертвовал ей богатое собрание картин и рисунков, а также и библиотеку и заботился о привлечении опытных педагогов. По его приглашению прибыли из-за границы такие крупные мастера, как скульптор Н. Жилле и живописцы Ж.-В. Лагрене и С. Торелли.

В первые годы своего существования Академия художеств, находясь в Петербурге, состояла в ведении Московского университета. Но связь ее с Университетом, судя по дошедшим до нас документам, была чисто формальной. 9 февраля 1758 г. Академия получила первые ассигнования в размере 6000 руб. в год. Ею были приобретены и заняты три дома на Васильевском острове, на набережной Невы, между 3-й и 4-й линиями, где расположено теперешнее здание Академии художеств: при постройке этого здания упомянутые три дома вошли в него как составная часть. В 1758 г. из Московского университета в Петербург прибыло 16 молодых людей, и в числе их прославленный впоследствии архитектор В. И. Баженов. К 1759 г. в Академии числилось 59 учеников, а к 1763 г. их стало уже 90. Помимо искусства, они изучали математику, анатомию, историю, географию и другие предметы. В 1763 г. Шувалов разработал, по приказанию императрицы, проект регламента и штата Академии художеств. Но к этому времени положение Шувалова при дворе сильно пошатнулось, и он вынужден был уехать за границу, не доведя этого дела до конца.

2 марта 1763 г. Академия художеств была передана в управление И. И. Бецкому и отделена от Московского университета (ПСЗ, 11766). И. И. Бецкой, воспользовавшись проектом Шувалова, дал возможность Екатерине II как бы заново открыть Академию художеств и тем самым незаслуженно приписать себе роль ее учредительницы. 4 ноября 1764 г. Екатерина II утвердила устав и регламент Академии художеств, и в этом же году должна была состояться ее инавгурация. Этому событию и посвятил Ломоносов публикуемую речь.

Библиотека "Руниверс"

Из заключительных слов приготовленной Ломоносовым речи видно, что он предполагал произнести ее «на пресветлое сие государственное торжество вашего [т. е. Екатерины II] на всероссийский престол венчания». Слово «венчания» не оставляет никаких сомнений в том, что инавгурацию Академии художеств предполагали первоначально приурочить к годовщине коронации Екатерины II, т. е. к 22 сентября 1764 г., полагая, что регламент и штат Академии будут к этому времени уже утверждены. Но какие-то не известные нам обстоятельства задержали ход дела: регламент и штат были утверждены только 4 ноября 1764 г., а инавгурация состоялась лишь 7 июля 1765 г. (СПб. Вед., 1765, № 57, 19 июля), т. е. уже после смерти Ломоносова. Таким образом, публикуемую речь, которую он как член Академии художеств (слово 275) собирался произносить от имени последней, так и не была им произнесена. Вместо Ломоносова выступил с речью иеромонах Платон, будущий московский митрополит.

[1] Слово «двулетное» доказывает, что речь сочинялась после 28 июня 1764 г., когда исполнилось два года со дня вступления Екатерины II на престол.

[2] Здесь, как и в поэме «Петр Великий» (стихотворение 256), Ломоносов чрезвычайно определенно и даже резко высказывается против раболепного подражания античным произведениям искусства с их «баснотворной» тематикой и ратует за изображение «домашних дел», т. е. за реалистическое изображение фактов национальной истории.

[3] «Тмочисленные» — от числительного «тма» или «тьма», что значило десять тысяч.

[4] Намек на тех из прижившихся в России иностранцев, которые по своекорыстным побуждениям тормозили просветительную работу.

[5] Асийскими — азиатскими.

[6] Имеются в виду каналы. В 1764 г. шла речь о ремонте Ладожского канала и об устройстве нового канала, который должен был соединить Волхов с Сясью (Соловьев, кн. VI, стлб. 16).

[7] Урядными — правильными.

[8] Небезынтересно отметить в этой связи, что подобную характеристику Петербургу Ломоносов давал еще задолго до написания «Слова». В вышедшей в 1754 г. в Амстердаме книге «Le Philosophe au Parnasse français, ou le moraliste enjoué» [«Философ на французском Парнасе, или веселый моралист»], стр. 14 имеется весьма любопытный рассказ о том, что Ломоносов в беседе с автором этой книги, секретарем И. И. Шувалова бароном Т.-Г. Чуди (он же де Люсси, он же граф Пютлианж), сравнивая красоты Москвы и Петербурга, отдавал явное предпочтение последнему («Информационный бюллетень Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», Л., 1956, № 9—10 (16—17), стр. 33—34; сообщ. Д. Д. Шамрая).

Библиотека "Руниверс"

[9] Это замечательное описание Петербурга при всей своей риторичности полно такой искренней любви к городу, где прошла вся зрелая жизнь Ломоносова, что может сравниться в этом отношении с посвященными той же теме знаменитыми строфами «Медного всадника».

[10] Намек на учреждение Воспитательного дома (см. стихотворение 269 и примечания к нему).

276

Печатается по черновику, писанному писарской рукой с собственноручными поправками Ломоносова (ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, л. 261).

Впервые напечатано — Билярский, стр. 620.

Датируется предположительно промежутком времени с 28 июня по 22 сентября 1764 г. по тем же соображениям, как слово 275.

В день инавгурации Академии художеств должно было быть заложено новое ее здание, а в нем домашняя церковь, на стене которой должна была быть начертана публикуемая надпись, сочиненная Ломоносовым на латинском и русском языках.

Но закладка здания и церкви произошла уже после смерти Ломоносова, а его надпись была заменена другой (СПб. Вед., 1765, № 57, 19 июля).

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ЛОМОНОСОВУ (1742—1761)

1742

277

Печатается по первому изданию с указанием в сносках вариантов по писарской рукописи, содержащей поправки, внесенные частью рукой Г. Н. Теплова, частью же рукой неизвестного лица (ААН, разр. II, оп. 1, № 204, л. 442 об.).

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые напечатано — «Речи, которые в публичном собрании императорской Академии наук читаны были апреля 29 дня 1742 года», стр. 3.

Датируется предположительно не позднее 29 апреля 1742 г. по времени произнесения речи, в состав которой входил латинский оригинал публикуемых стихов.

В публичном собрании, которое происходило в Академии наук 29 апреля 1742 г. по случаю коронации императрицы Елизаветы Петровны, выступал в числе других ораторов и профессор Г.-В. Крафт, произнесший на латинском языке речь на научную тему. В речь включен был латинский

Библиотека "Руниверс"

оригинал публикуемых стихов. Речь Крафта была напечатана и в латинском подлиннике, и в русском переводе, который, как значилось на титульном листе, принадлежал адъюнкту Академии Г. Н. Теплову.

П. П. Пекарский высказал предположение, что русский перевод стихов принадлежал Ломоносову, так как подобные стихи, по мнению Пекарского, «в те времена несомненно могли быть написаны только Ломоносовым» (Пекарский, I, стр. 465; II, стр. 325).

Раз переводчиком речи Крафта был обозначен один Теплов, то мнение Пекарского могло бы быть признано основательным только в том случае, если бы существовали положительные доказательства, что составлявшие часть этой речи стихи переведены не Тепловым. Таких доказательств нет.

Правленная рукой Теплова рукопись перевода речи не содержит никаких признаков, которые давали бы право думать, что проза и стихи переведены разными лицами.

Каких-либо слов, выражений или оборотов речи, которые были бы характерны для поэтического стиля Ломоносова, в стихах не обнаруживается. Ломоносов никогда не называл императрицу «Августой». Выражение «мечь растли» грешит чуждой Ломоносову неточностью: металл не подвержен тлению. Стихи

Да зрит на весь восток в успех

и

И в море нам покой живет

очень далеки от той «чистоты штиля», о которой так заботился Ломоносов.

Ко времени появления публикуемых стихов русские читатели успели ознакомиться уже с четырьмя оригинальными и двумя переводными одами Ломоносова. Таким образом, предложенная Ломоносовым еще в 1739 г. система силлабо-тонического стихосложения была к этому времени настолько известна и получила такое широкое признание, что ее легко мог освоить Теплов, уже тогда весьма бойко владевший пером. Образцом раннего литературного творчества Теплова может служить его прозаический перевод латинской поздравительной оды под заглавием «Да благополучный и благоуспешный будет новый год 1738. Ея величеству Анне Иоанновне, императрице и самодержице всероссийской и прочая, и прочая, и прочая искреннейшия желания приносит Академия Наук. В Санктпетербурге» (печатный оттиск — ААН, разр. VI, оп. 1, № 0.15, лл. 113—115 об.; ср. Русский биографический словарь, т. «Суворова—Ткачев». СПб., 1912, стр. 477). О литературной опытности Теплова можно судить и по тому, что, по сведениям его биографа, он перевел в 1740 г. с русского на латинский несколько сатир Кантемира (Митрополит Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей, т. II. М., 1845, стр. 207).

Отрицать при этих условиях авторство Теплова и настаивать на авторстве Ломоносова нет оснований.

Библиотека "Руниверс"

1747

278

Печатается по первому полному изданию с указанием в сносках вариантов по рукописным сборникам: ГПБ, Q. XIV. 124, № 33, обозначаемому сокращенно ГПБ, И. О. Селифонтова (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 473), обозначаемому сокращенно Сел., Государственного исторического музея, собрание Барсова, 2450, № 252, стр. 468—470, обозначаемому сокращенно ИМ, и Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, ф. 299, собрание Н. С. Тихонравова, 610, № 65, л. 54 об., обозначаемому сокращению БЛ.

Местонахождение подлинника не известно.

Впервые напечатано частично (стихи 17—22) — Рит. 1748, стр. 59, § 62, полностью — М. Чулков. Собрание разных песен, ч. I. СПб., 1770, стр. 77—79.

Датируется предположительно не позднее 19 января 1747 г., когда состоялась журнальная резолюция Академической канцелярии о сдаче в набор «Риторики» Ломоносова (т. VII наст. изд., стр. 806).

В § 62 «Риторики», где идет речь о «распространении слова от времени», Ломоносов говорит о тех случаях, когда в литературном произведении «количество времени представляется обстоятельствами, друг другу следующими, как мерою измеренное», и в качестве примера приводит следующие стихи:

Уж солнышко спустилось
И село за горой,
И поле окропилось
Вечернею росой.
Я в горькой скуке трачу
Прохладные часы
и прочая

(т. VII наст. изд., стр. 143).

Полный текст стихотворения, откуда заимствованы эти шесть стихов, вошел в упомянутые выше рукописные сборники русских песен, относящиеся, судя по бумаге и почеркам, ко второй половине XVIII в. В несколько ином варианте тот же текст напечатан в 70-х годах этого же столетия М. Д. Чулковым. Ни в одном из источников автор стихотворения не назван.

А. С. Будилович, который, как видно, не знал ни публикации Чулкова, ни перечисленных выше рукописных сборников, признал приведенные в «Риторике» шесть стихов «оригинальными», т. е. сочиненными Ломоносовым, и предположил при этом, что они являются «началом одного идиллического стихотворения, не известного нам вполне, но, вероятно, известного в свое

Библиотека "Руниверс"

время, если в конце отрывка (в «Риторике») можно было поставить „и прочая", оборвав стихи почти на запятой» (Будилович, I, стр. 107 и 118).

М. И. Сухомлинов, который, как и Будилович, не учел публикации Чулкова, но был знаком с рукописным сборником ГПБ, оказался осторожнее и не включил стихотворения «Молчите, струйки чисты» в основной текст своего издания, ограничившись тем, что привел его все целиком в примечаниях (Акад. изд., т. I, стр. 104—105 втор. паг.).

Что касается современных исследователей, то все те из них, кому случалось писать об этом стихотворении, склоняются к мысли, что оно принадлежит Ломоносову (Берков, стр. 64 и 295, прим. 4; П. Н. Берков. Ломоносов и фольклор. «Ломоносов», II, стр. 114—115; И. Н. Розанов. Песни русских поэтов. «Библиотека поэта», малая серия, Л., 1950, стр. 50). Наиболее веские доводы в пользу такого взгляда выдвинуты П. Н. Берковым. Они сводятся к тому, 1) что «Ломоносов приводил в „Риторике" примеры только из своих произведений», 2) что данное стихотворение «по настроению, стилю и языку вполне совпадает с его [Ломоносова] ранними стихотворениями эротического содержания, которые в осколках дошли до нас в „Письме о правилах российского стихотворства"», и 3) что «по характеру и фактуре стиха» оно близко к несомненно ломоносовскому переводу анакреонтического стихотворения «Ночною темнотою» (стихотворение 134).

Как ни убедительны, казалось бы, все эти аргументы, как ни внушительно проявленное учеными единомыслие, нельзя не признать все же, что полной уверенности в авторстве Ломоносова нет. В высказываниях П. Н. Беркова чувствуется недаром некоторая доля сомнения («Ломоносов», II, стр. 114): почва для сомнений есть.

Примеры для «Риторики» Ломоносов брал действительно, насколько мы знаем, только из своих собственных произведений, оригинальных и переводных. Но можно ли поручиться, что он ни разу не поступил иначе? Кто помешал бы ему процитировать в одном случае в виде исключения чужие стихи? Что препятствовало ему, например, дать отрывок из песенки А. П. Сумарокова, с которым в пору работы над «Риторикой» отношения были еще, как оценивал их тогда сам Ломоносов, «приятельские» (т. X наст. изд., письмо 13). В интересующем нас стихотворении есть налет той свойственной пасторальному жанру искусственности, какая наблюдается в сумароковских пасторалях того времени, есть и присущая тем же его произведениям тяга к простонародной лексике («дерева́», «солнышко», «пруточки», «пучки вязал», «мой свет», «крушусь» и т. п.). Этого, разумеется, еще мало, чтобы говорить утвердительно об авторстве Сумарокова, но возможность его авторства не исключена.

Но если допустить, что песенка была сочинена Ломоносовым, то почему же такой превосходно осведомленный литератор, как М. Д. Чулков, выпуская свой сборник после выхода в свет ряда прекрасно ему знакомых,

Библиотека "Руниверс"

конечно, изданий ломоносовской «Риторики», напечатал данную песню без обозначения имени знаменитого автора? Почему так же поступили и все без исключения составители рукописных сборников? И почему обошли это стихотворение своим вниманием составители первых двух посмертных собраний сочинений Ломоносова (Соч. 1778 и Соч. 1784 — оба вышли в свет уже после появления чулковского сборника), осведомленные еще основательнее, чем Чулков, и положившие много труда на отыскание неопубликованных ломоносовских стихов? Это очень серьезные факты, с которыми нельзя не считаться и которые во всяком случае вполне оправдывают осторожность, проявленную М. И. Сухомлиновым.

Говорят о характерной для Ломоносова фактуре стиха и чистоте языка. Так ли это?

Со мной ходил от стада
На крутой бережок.

Во втором стихе мы видим совсем не свойственное Ломоносову нарушение стихотворного размера: ведь даже в порядке «пиитической вольности» едва стал бы Ломоносов переносить ударение в слове «крутой» на первый слог (ср. «Взойди на брег крутой высоко» в стихотворении 27). В рукописных сборниках встречается вариант, где размер стиха кем-то выправлен путем замены «крутого бережка» совсем уж чуждым Ломоносову «желтым бережком».

Настаивать после этого на том, что стихотворение «Молчите, струйки чисты» написано безусловно Ломоносовым, было бы неосмотрительно.

1755

279

Печатается по тексту первой публикации.

Местонахождение рукописи неизвестно.

Впервые напечатано — «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1755, январь, стр. 71—72.

Датируется предположительно декабрем 1754 г. или январем 1755 г., по времени опубликования в журнале: первый номер журнала был сдан в набор в январе, не позднее 11, и вышел в свет, по-видимому, в том же месяце (ААН, ф. 3, оп. 4, № 7/4).

Стихотворение было напечатано анонимно. В рукописи, с которой оно набиралось и которая писана рукой актуариуса Конференции Академии наук Г. Альбома (ААН, разр. II, оп. 1, № 217, л. 47), имя автора тоже не

Библиотека "Руниверс"

обозначено. Нет его и в списке, вошедшем в один из рукописных сборников XVIII в. (ГПБ, Q.XVIII. 168, лл. 39об.—40).

Мысль о том, что это стихотворение написано Ломоносовым, принадлежит Л. Б. Модзалевскому, который посвятил данному вопросу одну из глав своей еще не опубликованной докторской диссертации (один экземпляр последней хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина, другой — в Институте русской литературы АН СССР). Доводы Модзалевского сводятся вкратце к следующему:

1) Рукопись писана академическим актуариусом, который именно в это время часто переписывал для Ломоносова его работы.

2) Другие поэты, печатавшие стихи в академическом журнале, не пользовались услугами переписчиков.

3) Стихотворение писано обычным для Ломоносова александрийским стихом.

4) «Фактура стиха, лексические элементы, гиперболичность „великого Нила", стилистические, фразеологические и рифмические особенности» характерны для Ломоносова (зачин «Какая красота теперь себя являет?», начало стиха «Коль светел и коль чист...», рифмы «лучь—тучь», «приводит—приходит», выражения «зубами заскрипев», «ужасное чудовище», «великий Нил», слова «свирепствует», «терзает», «бесчастна», «пасства» через два с).

5) «Для Ломоносова характерны также постановка общей философской проблемы противопоставления и родства правды и ненависти как чисто философских категорий» и «известная аллегорическая отвлеченность».

Смысл аллегории Модзалевский объясняет так: 23 августа 1754 г. последовал указ императрицы о сочинении проектов нового уложения (ААН, ф. 3, оп. 1, № 959, лл. 177—178 об.). «План к сочинению» последнего был передан для предварительного обсуждения в ряд учреждений, в том числе и в Академию наук. Это дало повод Ломоносову возбудить вопрос о пересмотре Академического регламента, чему воспротивился автор этого регламента Г. Н. Теплов. В письмах того времени Ломоносов, характеризуя поведение Теплова, говорил, что «злоба преодолевает благости, подкрадываясь под святость высочайших повелений», т. е. что Теплов извращает смысл указа императрицы (т. X наст. изд., письмо 48). Отзвуком конфликта, возникшего на этой почве у Ломоносова с Тепловым, и явилось, по мнению Модзалевского, публикуемое стихотворение, которое оттого главным образом Модзалевский и приписывает Ломоносову.

Модзалевский прав, усматривая в стиле этого стихотворения некоторые элементы, напоминающие в какой-то мере поэтический стиль Ломоносова. Но этого еще мало для признания Ломоносова автором этих стихов: у Ломоносова были, как мы знаем, ученики и подражатели. Если ни один из них, как думает Модзалевский, не мог претендовать на писарские услуги академического актуариуса, то последний мог переписать стихи по приказанию

Библиотека "Руниверс"

редактора журнала профессора Г.-Ф. Миллера, который по должности конференц-секретаря являлся непосредственным начальником этого самого актуариуса. Таким образом, личность писца тоже ничего еще не решает.

Что же касается предложенного Модзалевским толкования аллегории, то оно грешит и натянутостью, и сбивчивостью. Никаких сколько-нибудь определенных указаний или намеков на спор об Академическом регламенте в стихотворении нет: идет речь только о какой-то прекрасной «правде», которая породила «ненависть», именуемую «ужасным чудовищем», да еще о том, что эта «ненависть» напала на породившую ее «правду» и «терзает» ее. Этим и исчерпывается, в сущности, все содержание стихотворения. «„Ужасное чудовище" — это Теплов», — с полной уверенностью утверждает Модзалевский. Однако когда дело доходит до объяснения, что понимал автор стихов под «правдой», уверенность сменяется расплывчатостью и даже противоречивостью суждений: «правда», по толкованию Модзалевского, это одновременно и «та Правда (с большой буквы), за которую Ломоносов боролся в Академии наук», и сама «русская царица», и «высочайший указ о пересмотре правительственных установлений». Если мы примем толкование Модзалевского и согласимся, что под «ужасным чудовищем» анонимный автор разумел Теплова, то, следуя тексту стихотворения, неизбежно придем к выводу, что Теплов был порожден либо «Правдой», за которую боролся Ломоносов, либо императрицей, либо ее августовским указом. Мог ли Ломоносов написать стихи, которые допускали бы такой абсурдный — во всех трех его вариантах — вывод? Дело тут, впрочем, не столько в самих стихах, сколько в произвольном и неверном их истолковании: кто бы ни был их автор, он влагал в них не тот смысл, какой пытается вложить в них Модзалевский.

Против авторства Ломоносова может быть выдвинуто еще одно соображение, не учтенное Модзалевским. Академический журнал «Ежемесячные сочинения», учрежденный по мысли Ломоносова, попал с первых же дней его возникновения во враждебные Ломоносову руки профессора Миллера, назначенного редактором журнала. С этих же первых дней вокруг журнала завязалась между Ломоносовым и Миллером борьба, которая ко времени выпуска первого номера «Ежемесячных сочинений» была настолько остра (Пекарский, II, стр. 560—563), что Ломоносов едва ли захотел бы давать в журнал свое стихотворение, а если бы и дал, то Миллер едва ли согласился бы это стихотворение напечатать. Нельзя забывать, кроме того, что в интересующее нас время Миллер яснее, чем когда-либо, сознавал свою зависимость от Теплова и менее, чем когда-либо, был склонен портить с ним отношения, так как незадолго до основания журнала был назначен конференц-секретарем Академии наук и получил прибавку к жалованию, увеличившую его оклад в полтора раза (ААН, ф. 1, оп. 2 — 1754, № 3;

Библиотека "Руниверс"

ф. 3, оп. 1, № 465, л. 162 об.), а подобные назначения и прибавки никогда не производились в ту пору без ведома и одобрения Теплова. Таким образом, если бы данные стихи были направлены, как думает Модзалевский, против Теплова, то Миллер, разумеется, ни за что не напечатал бы их в первом номере журнала, куда обязался не вносить ничего, «с обидою написанного против кого бы то ни было» («Ежемесячные сочинения», 1755, январь, Предуведомление, стр. 6). Но раз стихи метили в Теплова, то отпадает тем самым и главный аргумент в пользу авторства Ломоносова.

Заглавие стихотворения — на что Модзалевский не обратил внимания — является буквальным переводом полустишия из комедии Теренция «Андрия». Весь стих читается в подлиннике так: «Obsequium amicos, veritas odium parit», т. е. «уступчивость (или сговорчивость или снисходительность) порождает друзей, а правда — вражду». Русский перевод анонимного автора точен, но неискусен: форма винительного падежа, совпадающая с формой именительного («ненависть»), ослабляет синтаксическую выразительность прямого объекта, который к тому же непосредственно примыкает к подлежащему, не будучи отделен от него сказуемым. Таких оплошностей, свойственных только недостаточно опытным авторам, в стихах Ломоносова обычно не наблюдается. Заметим попутно, что точно ту же оплошность допустил и первый русский переводчик комедий Теренция, бывший ученик Академической гимназии А. С. Хвостов, выступивший в печати с этими юношескими своими переводами через восемь лет после смерти Ломоносова; цитированные выше слова Теренция переведены Хвостовым так:

> Услужливость и ласка друзей, а правда ненависть рождает
> (Комедии Публия Теренция в переводе
> А. Хвостова. СПб., 1773, стр. 25).

В переводе конца XIX в. находим более удачную формулу:

> Уступчивостью приобретают друзей, правдой наживают врагов
> (П. Теренций. Андреянка. Перевод
> В. Алексеева. СПб., 1896, стр. 5).

Чего не заметил Модзалевский, то не ускользнуло в свое время от внимания Тредиаковского. Через три месяца после появления в печати анонимного стихотворения «Правда ненависть раждает», в апрельском номере тех же «Ежемесячных сочинений», на стр. 391—392, публикуется довольно длинное стихотворение Тредиаковского под маловразумительным заглавием «Услужность другов, истинна ненависть раждает»: так переведен Тредиа-

Библиотека "Руниверс"

ковским все тот же стих Теренция, который тут же напечатан и по-латыни в виде подзаголовка.

По поводу этого выступления Тредиаковского Модзалевский говорит: «В отношении В. К. Тредиаковского можно определенно утверждать, что он раскрыл авторство Ломоносова и вскоре же ответил на его стихотворение своим стихотворением», причем, по предположению Модзалевского, «Тредиаковский отвечал Ломоносову по поручению Теплова». Что стихотворение Тредиаковского являлось действительно откликом на анонимные стихи, напечатанные в январском номере «Ежемесячных сочинений», в этом, разумеется, нет никакого сомнения, однако же текст стихотворения Тредиаковского не содержит решительно ничего такого, что могло бы рассматриваться как намек на тогдашние академические события, на Ломоносова и на Теплова.

Тредиаковский полемизирует не столько с автором стихотворения «Правда ненависть раждает», сколько с Теренцием, причем полемизирует весьма сдержанно, в чисто отвлеченном, этическом плане. Это довольно неуклюжее и не слишком убедительное, но совершенно абстрактное рассуждение на поставленную Теренцием морально-философскую тему — и только. Во всем тексте стихотворения, как и во всем его тоне, нет решительно ничего, что позволяло бы принять его за личный выпад, что давало бы основание говорить о намерении сорвать с кого-то какую-то маску, кого-то уязвить или к кому-то подслужиться.

Появление в академическом журнале двух стихотворений, в заглавия которых вошел один и тот же латинский стих, объясняется, вероятно, гораздо проще. Афоризм Теренция был с древних времен широко известен. Квинтилиан приводит его как пример изречения в своей знаменитой «Риторике» (M. Fab. Quintiliani Institutiones oratoriae [Марка Фабия Квинтилиана Наставления в ораторском искусстве], VIII, 5). Особенно же содействовал популяризации этого афоризма Цицерон, который в одном из своих диалогов подверг мысль Теренция довольно подробному критическому анализу (Цицерон. Лелий. Диалог о дружбе, XXIV, 89). По стопам Цицерона пошел и более поздний комментатор Теренция Донат (Donatus. Commentarius ad Ter. Andr. [Донат. Комментарий к Андрии Теренция], I, 41). Русские образованные люди середины XVIII в., печатавшиеся в «Ежемесячных сочинениях», были воспитаны на латинской словесности: классические труды Цицерона и Квинтилиана были для них и учебными, и настольными книгами.

Не вправе ли мы предположить поэтому, что и темпераментный, но, видимо, недостаточно опытный автор стихотворения «Правда ненависть раждает», и не упускавший случая посостязаться с другими стихотворцами Тредиаковский, верные духу хорошо знакомой им римской традиции, решили, по примеру Цицерона и Доната, выступить со своими вполне отвле-

Библиотека "Руниверс"

ченными размышлениями на заданную Теренцием этическую тему. Дальше этого их намерения, по всей видимости, не шли.

Стоит отметить в заключение, что если многозначное латинское слово «obsequium» остановило на себе внимание и Цицерона, и Доната, вызвав даже некоторый лингвистический спор, то слово «veritas» ни у кого и никогда не возбуждало никаких сомнений: всем, кто писал об афоризме Теренция, было ясно, что в данном контексте слово «veritas» обозначает «правдивость», или точнее — откровенную критику чужих недостатков. Таким образом, запутанное и противоречивое толкование слова «правда», выдвинутое Л. Б. Модзалевским, никак нельзя признать убедительным.

280

Печатается по Каз. (стр. 55—58) с указанием в сносках вариантов по Бычк. (стр. 172—173).

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые напечатано (по Каз.) — Библиографические записки, 1859, т. II, № 15, стр. 474—476.

Датируется предположительно не ранее 13 октября 1755 г., когда В. К. Тредиаковским был подан донос на А. П. Сумарокова в Синод (см. ниже).

В Каз. публикуемое стихотворение названо сатирой Ломоносова. М. И. Сухомлинов, не высказав никаких соображений по вопросу об авторстве Ломоносова, воздержался от включения этой сатиры в число его стихотворений и ограничился тем, что напечатал ее в примечаниях (Акад. изд., т. II, стр. 179—182 втор. паг.). П. Н. Берков говорит по этому поводу следующее: «Едва ли можно согласиться с подобной — неаргументированной — осторожностью: в „Оде Тресотину“ нет ничего такого со стороны идеологической, что могло бы быть противопоказателем в отношении авторства Ломоносова; в стилистическом плане, в отношении языкового употребления, она вполне отвечает тому, что известно о Ломоносове. Достаточно указать на типично ломоносовское выражение

И, хотя [= желая] чтить праотцов,
Он почтил отца бесов.

Ср. в „Письме о пользе стекла“:

С натурой некогда он произвесть хотя
Достойное тебя и оныя дитя...

Ср. также стихи „Середи того гнезда“ и насмешки Елагина над употреблением Ломоносовым слова „середи“». П. Н. Берков ссылается при этом на

Библиотека "Руниверс"

«систематически проводившуюся им [Ломоносовым] орфографию слова „среди — середи" с ударением на первом е» (Берков, стр. 229 и 104).

Эти доводы в пользу авторства Ломоносова недостаточно убедительны. Деепричастие «хотя» отнюдь нельзя считать «типично ломоносовским»: зарегистрированное без каких-либо оговорок в «Российской грамматике» (т. VII наст. изд., стр. 533), оно встречается у других писателей того времени не реже, а пожалуй даже и чаще, чем у Ломоносова, и притом как в стихах, так и в прозе. Так, у Тредиаковского, например, читаем: «Растерзать смело хотя тую», «В новый вид хотя превратиться», «Превеликий оный камень, который он на высокую гору один всё хотя вскатить, с самого почитай верьха наниз его не хотя опускает», «Хотя показать о себе в персоне не знаю какова Ксаксоксимениуса» (Тредиаковский. Стихотворения. «Библиотека поэта», изд. «Советский писатель», 1935, стр. 164, 221, 328 и 359). Что же касается слова «среди — середи», то никак нельзя согласиться с тем, что Ломоносов «систематически» отдавал предпочтение второму его варианту: этот вариант, в XVIII—XIX вв. не чуждый литературному языку (у И. Ф. Богдановича: «Так будь в середи»; у Н. И. Хмельницкого: «Сама серед бела дня караул закричу»; у А. И. Герцена: «Середи этих полудиких людей»), а в просторечии доживший и до наших дней (ср. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, т. IV, М., 1940, стлб. 159, 462—463), встречается у Ломоносова лишь в очень редких случаях и только в прозе («Середи зимы», «Середи оных прекрасных лугов» — т. II наст. изд., стр. 363, т. VII, стр. 135); в стихах же Ломоносов пользовался обычно вариантом «среди» (например: «Среди довольствий всех, среди великой славы», «Среди несносных бурь вступить», «Корабль как ярых волн среди», «И помощи лишен среди глубоких вод», «Рыдающу среди ругательства и срама», «Среди военных бурь науки нам открыл» — стихотворения 166, 22, 4, 183). Упоминаемая П. Н. Берковым грубая «шутка» И. П. Елагина («Се́реди прекрасных роз», вместо «Среди прекрасных роз») имела не пародийный, а каламбурный характер, на что Елагин сам и намекает (Берков, стр. 102, см. «примечание» к «объявлению»).

Г. А. Гуковским установлено, что по строфике и по стихотворному размеру публикуемая сатира чрезвычайно похожа на «Студенческую песню» И.-Х. Гюнтера, а П. Н. Берков обнаружил, что между немецким и русским стихотворениями есть местами и некоторое смысловое сходство (Берков, стр. 311—312, прим. 59; подробнее см. ниже, прим. 5). Но это обстоятельство, само по себе весьма интересное, нельзя рассматривать как довод в пользу авторства Ломоносова: трудно представить себе, чтобы в поздние годы вполне уже зрелого поэтического мастерства у основоположника новой русской поэзии возникла вдруг охота покорно облекать русские стихи в немецкую форму.

Библиотека "Руниверс"

Нет сомнения, что стихотворение направлено против Тредиаковского, но в чем собственно он обвиняется, понять мудрено. О бородах говорится неоднократно, однако во всех, по-видимому, случаях имеются в виду только раскольничьи, а не архиерейские бороды. Можно ли в таком случае утверждать, что эта сатира непосредственно связана с ломоносовским «Гимном бороде»? Не вернее ли предположить, что поводом для нее явился донос в Синод, поданный Тредиаковским в 1755 г. на Сумарокова (см. примечания к стихотворению 227)? Не распространились ли в тогдашней литературной среде слухи, что Тредиаковский предлагает сжечь кощунственные на его взгляд произведения? Если такая догадка имеет под собой почву, то автором сатиры мог быть скорее Сумароков или кто-нибудь из поэтов его группы.

[1] Возможно, что это описка: естественнее было бы не «капитанов», а «капитонов», т. е. раскольников, но последующее слово «флаг» допускает и другую догадку: не кроется ли тут неудачная попытка построить каламбур на сходстве слов «капитан» и «капитон»?

[2] Намек на рыбачьи сети первых апостолов.

[3] Кличка Тредиаковского (см. примечание 2 к стихотворению 205).

[4] Комплот — заговор.

[5] П. Н. Берков (Берков, стр. 312) отмечает смысловую связь этих стихов со следующей строфой «Студенческой песни» Гюнтера:

Glaube nur,
Epikur
Macht die klügsten Weisen!
Die Vernunft
Seiner Zunft
Sprengt die Folter-Eisen,
Die der Aberglaube stählt,
Wenn er schlechte Seelen quält
Und des Pöbels blöden Geist
In die Nacht des Irrthums rreisst.

В буквальном переводе:

Уж поверь:
Эпикур
Создает самых умных мудрецов!
Разумность
Его школы
Сокрушает орудия пытки,
Которые выковывает суеверие,
Терзая темные души
И увлекая тупой ум толпы
В ночь заблуждения.

Библиотека "Руниверс"

[6] Пустосвят — ханжа, религиозный человек, придающий основное значение обрядовой стороне религии. Возможно, что в стихе содержится намек на казненного в 1682 г. вождя раскольников Н. К. Добрынина, прозванного Никитой Пустосвятом.

[7] Распоп — священник, лишенный сана.

1757

281

Печатается по тексту рукописного сборника XVIII в. — Q (лл. 29—31) с указанием в сносках вариантов по рукописным сборникам: И. О. Селифонтова (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 473, лл. 3—4, обозначаемому сокращенно Сел.), Каз., Бычк., И. С. Баркова (ИРЛИ, ОХ, оп. 2, № 4, стр. 95—98, обозначаемому сокращенно Барк.), П. П. Шибанова (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, ф. 344, № 282, стр. 37—40) и П.

Текст, введенный в рукописный сборник Q, избран в качестве основного, с одной стороны, как наиболее исправный из всех дошедших до нас списков этого стихотворения, а с другой стороны, как один из наиболее ранних списков последнего: на лл. 28—30 сборника Q, т. е. как раз на тех, где начинается текст публикуемого стихотворения, ясно читается водяной знак 17 60, что дает некоторое основание отнести данный список к началу 60-х годов XVIII в. Местонахождение рукописного сборника П. П. Пекарского (П), перешедшего затем к Л. Б. Модзалевскому, не известно. Варианты по этому сборнику приводятся по найденной в архиве Л. Б. Модзалевского рукописной копии данного стихотворения, подготовлявшегося Л. Б. Модзалевским к печати (ААН, ф. 20, оп. 6, № 71, лл. 6—7).

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые напечатано (по Каз.) — «Библиографические записки», 1859, № 15, стр. 471—473.

Датируется предположительно промежутком времени с 6 марта 1757 г. (день отсылки Синодом доклада императрице, явившегося результатом «суда» над «Гимном бороде»; см. примечания к стихотворениям 227 и 228) по 15 июля того же года (день отправки писем Христофора Зубницкого; отсутствие в публикуемом стихотворении упоминаний об этих письмах или хотя бы намеков на них дает некоторое основание думать, что стихотворение было сочинено до появления этих писем; см. примечания к стихотворению 229).

Ни в одном из указанных выше рукописных сборников XVIII в. автором данного стихотворения не назван Ломоносов, ввиду чего редакция не сочла возможным включить это произведение в основной текст тома

Библиотека "Руниверс"

В сборнике Казанского университета (Каз.) оно приписано А. П. Сумарокову, чему трудно поверить, зная враждебное отношение последнего к Ломоносову, за которого вряд ли стал бы он тогда заступаться (ср. Берков, стр. 231). В сборнике П. П. Пекарского (П) стихотворение озаглавлено «Второй гимн бороде». Подобное же название — «Гимн второй бороде» — носит оно и в сборнике И. С. Баркова (Барк.). Один только Пушкин в своем списке называет автором стихов Ломоносова; они озаглавлены у него так: «Возражение Ломоносова. Гимн II» (М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский и Т. Г. Зенгер. Рукою Пушкина. М.—Л., 1935, стр. 569).

Мы не имеем права утверждать с такой же уверенностью, как Пушкин, что публикуемые стихи принадлежат Ломоносову. Однако же ни в содержании стихов, ни в их форме нет ничего такого, что давало бы основание отрицать его авторство.

Первая строфа показывает, что стихотворение бесспорно связано с делом о «Гимне бороде» и сочинено после того, как Синод вынес окончательное решение по этому делу. Результатом решения была посылка доклада императрице.

Предшествующими комментаторами отмечалось, что в публикуемом стихотворении даны портреты вполне определенных духовных особ (Берков, стр. 231). Это не вызывает сомнений. Что же касается попыток решить, кого именно изобразил Ломоносов, то они могли бы иметь успех только в том случае, если бы известно было, что изображенные Ломоносовым «бороды» являются, как думали, теми самыми четырьмя членами Синода, которые подписали доклад императрице. Но в стихотворении (см. строфы 2, 4, 7 и 10) упоминаются не четыре бороды, а целое «стадо», «разных тьмы [т. е. десятки тысяч] бород», «множество бород», которые «издалека» подступали «чередой» и «ходили друг за другом пред судью». «Гимн бороде» и последующая эпиграмма Ломоносова (стихотворение 228) задели, как видно, за живое не одну только синодальную верхушку русской церкви: оскорбленным почувствовало себя и «множество» других, менее сановных представителей духовенства, что было, разумеется, вполне естественно. Они, как оказывается, толпами ходили в Синод с жалобами на «брадоборца» и

Все отмщения просили
За обиду им свою.

И Синод, судя по тексту стихотворения, откликнулся на их жалобы: пообещав проклясть обидчика («сам его я прокляну!» А нам известно, что Синод и впрямь грозил Ломоносову церковным проклятием), Синод дал приказ подвластному ему церковному «стаду»:

Становитесь все рядами,
Вейтесь, бороды, кнутами,
Бейте ими сатану.

Библиотека "Руниверс"

Это можно понять как приказ рядовому духовенству вводить в свои проповеди те или иные выпады против Ломоносова. Так ли это было в действительности или не так и получило ли духовенство от Синода подобную (негласную, конечно) директиву, — этого мы в точности не знаем, но помним твердо, что менее полутора лет спустя Ломоносов оказался вынужден просить, чтобы в числе «привилегий», даруемых Академическому университету, была и такая: «Духовенству к учениям, правду физическую для пользы и просвещения показующим, не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях» (т. IX наст. изд., стр. 539).

Из этих слов видно, что не отдельными церковными деятелями, а всем духовенством была поднята в 1757—1758 гг. целая кампания против науки и ее представителей. Таким образом, наше предположение о реакции широких кругов духовенства на «Гимн бороде» не лишено правдоподобия, и публикуемое стихотворение приобретает тем самым несравненно более значительный, чем казалось ранее, исторический смысл. Оно вносит добавочную и притом очень существенную подробность в наши сведения о том сопротивлении, какое встречала просветительная деятельность Ломоносова.

[1] В некоторые моменты православного богослужения, когда всем молящимся положено стоять, духовным лицам, совершающим богослужение, разрешается, находясь в алтаре, сидеть.

[2] Когда перед богослужением на архиерея надевают посреди храма церковное облачение, так называемые «служки», одев его, расчесывают ему бороду.

[3] Смысл стихов 61—64 не совсем ясен. Нет ли тут намека на «пример» Джордано Бруно? (Берков, стр. 235—238).

1759

282

Печатается по Каз. (№ 47, стр. 82).

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые напечатано (неполно) — А. И. Артемьев. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке имп. Казанского университета. СПб., 1882, стр. 189.

Датируется предположительно 1759 годом, так как, судя по содержанию, написано в период существования журнала «Трудолюбивая пчела», который выходил в свет только в 1759 г.

В Казанском сборнике автор публикуемой эпиграммы не указан. А. И. Артемьев считал, что это, «кажется, ответ» на ломоносовскую эпиграмму «Под сею кочкою» (там же, стр. 188; ср. стихотворение 251), пред-

Библиотека "Руниверс"

полагая, стало быть, что эпиграмма «Пчела, трудяся в том» написана не Ломоносовым. П. Н. Берков держится противоположного взгляда: он приписывает эту последнюю эпиграмму Ломоносову (Берков, стр. 251). Ни то, ни другое мнение никак не аргументировано.

Из содержания эпиграммы явствует, что она направлена против журнала «Трудолюбивая пчела» и против издателя этого журнала А. П. Сумарокова. Однако же она не заключает в себе никаких определенных данных, которые давали бы основание утверждать, что ее мог сочинить только Ломоносов: у Сумарокова были и другие литературные противники, кроме Ломоносова. Текст эпиграммы лишен той «почти документальной точности», которой, по совершенно справедливому замечанию П. Н. Беркова, отличаются обыкновенно ломоносовские эпиграммы (Берков, стр. 244), и содержит, кроме того, не свойственные Ломоносову синтаксические особенности: так, в предпоследнем стихе деепричастие несет функции сказуемого главного предложения, что не противоречит доломоносовским синтаксическим традициям, но чего Ломоносов не допустил бы в своем тексте (ср. т. VII наст. изд., стр. 566—577, § 532).

Таким образом, признавать автором этой эпиграммы Ломоносова мы едва ли имеем право.

1761

283

Печатается по Каз. (стр. 138—140) с указанием в сносках вариантов по О (лл. 133 об.—136), Бычк. (стр. 126—127) и Q.

Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые напечатано — Акад. изд., т. II, стр 150—151 втор. паг.

Датируется предположительно 1757—1761 г., т. е. периодом участия России в Семилетней войне, в продолжение которой крестьяне занятой прусскими войсками Саксонии терпели тяжелые бедствия.

В Казанском сборнике автором публикуемого стихотворения значится «М. Лом.» (Каз., стр. 138), т. е. Ломоносов. Вопрос об авторе этого стихотворения затронут и в анонимном сатирическом «Дифирамбе Бакхусу, обитающему в ученом пиите», который направлен бесспорно против Ломоносова (ГПБ, О.XVII. № 17, лл. 148—153) и где «выродку от стран российских», т. е. Ломоносову, ставится между прочим в вину и сочинение пародии на «Отче наш».

М. И. Сухомлинов доказал документально, что публикуемое стихотворение является переводом весьма популярного в свое время в Германии произведения немецкого народного творчества: немецкий оригинал восходит, ви-

Библиотека "Руниверс"

димо, еще к первой половине XVII в. и известен во многих вариантах (Акад. изд., т. II, стр. 154—157 втор. паг.).

Что касается русского перевода, то он грешит существеннейшими недостатками: четырехстопные ямбы сбиваются то на трехстопные («Теперь уж стал не твой он»), то на пятистопные («Коль подати тебе, царю нещастной»), а в иных вариантах стихотворный размер и вовсе отсутствует («Теперь стал не твой уж он», «Жен наших и дочерей отняли», «Помилуй, свободи и избави»), рифмы же местами так неудачны, что не могут считаться и рифмами (дом — он, постигнет — воскликнет, кричит — пить, угодность — должность). Подобный текст, если только он не искажен переписчиками до неузнаваемости, не мог быть написан Ломоносовым.

В книге XVIII век. Сборник 3, М.—Л., 1958, стр. 497 П. Н. Берковым опубликован текст эпиграммы «Тамира бедная! Ты хочешь лишь родиться...», восстановленный на основе списка, который содержится в одном из рукописных сборников (ГПБ, Q. XIV. 123, стр. 92). П. Н. Берков предполагает, что эта эпиграмма принадлежит Ломоносову.

Редакция настоящего издания была лишена возможности ввести обнародованное П. Н. Берковым произведение в настоящий том, так как основной текст последнего находился уже в печати, когда появилась вышеупомянутая публикация.

Библиотека "Руниверс"

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ААН	— Архив Академии наук СССР.
Акад. изд.	— Сочинения М. В. Ломоносова, тт. I—VIII. Изд. Академии наук, СПб. — Л., 1891—1948.
БАН	— Библиотека Академии наук.
Бантыш-Каменский	— Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882.
Берков	— П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.—Л., 1936.
Билярский	— Материалы для биографии Ломоносова. Собраны экстраординарным академиком П. Билярским. СПб., 1865.
Богословский	— М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии, тт. I—V. [М.], 1940—1948.
Болотов	— Записки Андрея Тимофеевича Болотова, том первый, части I—VII. СПб., 1870 (Приложение к журналу «Русская старина»).
Болтин	— И. Н. Болтин. Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка, т. II. [СПб.], 1788.
Будилович, I	— А. С. Будилович. Ломоносов как натуралист и филолог. СПб., 1869.
Будилович, II	— А. С. Будилович. Ломоносов как писатель. СПб., 1871.
Бычк.	— А. Ф. Бычков. Книга, называемая «Когда что попалось», собрана на Руси, в Крыму, в Молдавии, в Валахии, в Полше, на Волыне и Литве, как бы сказать, с немалыми хлопотами 1792 года декабря 23 дня. ИРЛИ, ф. 265, оп. 3, № 9.

Библиотека "Руниверс"

Васильчиков — А. А. Васильчиков. Семейство Разумовских. Т. I, СПб., 1880.

втор. паг. — второй пагинации.

Гнучева — В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946.

Голиков — Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Сочинение И. И. Голикова. Изд. второе. М., 1837—1843.

ГПБ — Государственная ордена Трудового Красного Знамени Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

д. — дело.

Досифей — Досифей [Немчинов]. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836.

ИРЛИ — Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом).

Каз. — Рукописный сборник «Разныя стиходействии». Библиотека Казанского государственного университета им. В. И. Ленина (4542, IV/1).

Кн. — А. М. Княжевич. Рукописный сборник (местонахождение неизвестно; ссылки приводятся по Акад. изд., т. II, стр. 161—162 втор. паг.).

Крёкшин — Записки новгородского дворянина Петра Никифоровича Крёкшина. В кн.: Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841.

Куник — Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII веке, ч. I—II. Издал А. Куник, СПб., 1865.

Кунцевич — Библиография изданий сочинений М. В. Ломоносова на русском языке. Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время», т. VI. Пгр., 1918.

Кург. — Российская универсальная грамматика или всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с седмью присовокуплениями разных учебных

Библиотека "Руниверс"

	и полезно-забавных вещей. СПб., 1769.
л., лл.	— лист, листы рукописи.
Ламанский	— В. И. Ламанский. Ломоносов и Петербургская Академия наук. Материалы к столетней памяти его, 1765—1865 года, апреля 4 дня. М., 1865.
«Ломоносов», II	— «Ломоносов». Сборник статей и материалов, т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1946.
«Ломоносов», III	— То же, т. III, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951.
М	— ЦГАДА, портфели Миллера, № 414, тетрадь № 16, и № 150-I, № 19.
Матвеев	— Записки Андрея Артамоновича, графа Матвеева. В кн.: Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841.
Материалы	— Материалы для истории имп. Академии наук, тт. I—X, СПб., 1885—1900.
Медведев	— Записки Сильвестра Медведева. В кн.: Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841.
Мелетий	— Мелетий. Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1881.
Модзалевский	— Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Научное описание. Составил Л. Б. Модзалевский, М.—Л., 1937.
Новиков	— О высочайших пришествиях великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержца, из царствующего града Москвы на Двину, к Архангельскому городу, трекратно бывших; о нахождении шведских неприятельских кораблей на ту же Двину, к Архангельскому граду; о зачатии Новодвинской крепости и о освящении нового храма в сей крепости. М., 1783.
О	— Рукописный сборник XVIII в. ГПБ, О.XVII. № 17.
об.	— оборот листа рукописи.
оп.	— опись.
Отд. изд.	— Отдельное издание.
П	— Рукописный сборник П. П. Пекарского (местонахождение неизвестно; варианты приводятся: 1) по Пекарскому, II, стр. 605, прим. 2;

Библиотека "Руниверс"

2) по Акад. изд., т. II, стр. 161 втор. паг.; 3) по списку, сохранившемуся в личном архиве Л. Б. Модзалевского и переданному в ААН, ф. 20, оп. 6, № 71).

Пекарский — История имп. Академии наук в Петербурге Петра Пекарского, тт. I—II, СПб., 1870—1872.

Пекарский. Доп. изд. — Дополнительные известия для биографии Ломоносова. Академика П. Пекарского, СПб., 1865.

Поденная записка — Журнал, или Поденная записка блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштадтского мира. Напечатан с обретающихся в кабинетной архиве списков, правленных собственною рукою его императорского величества. Часть первая. В СПб. при имп. Академии наук 1770 года.

Протоколы Конференции — Протоколы заседаний Конференции имп. Академии наук с 1725 по 1803 год, тт. I—IV. СПб., 1897—1911.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.

Рит. 1744 — Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия, сочиненное через Михайла Ломоносова, имп. Академии наук адъюнкта, в Санктпетербурге 1744 года. (Рукопись. ААН, ф. 20, оп. 3, № 47, лл. 1—104).

Рит. корр. — Краткое руководство к красноречию, книга первая, в которой содержится риторика, показующая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки трудами Михайла Ломоносова, имп. Академии наук и Историографического департамента члена, химии профессора. (Сводный корректурный экземпляр с собственноручными поправками Ломоносова. ААН, ф. 20, оп. 3, № 50).

Рит. рук. 1747 — [Краткое руководство к красноречию, книга первая, в которой содержится риторика, показующая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки трудами Михайла Ломоносова]. (Рукопись. ААН, ф. 20, оп. 3, № 49, лл. 1—139).

Библиотека "Руниверс"

Рит. 1748	— Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показующая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки трудами Михайла Ломоносова, имп. Академии наук и Исторического собрания члена, химии профессора. В Санктпетербурге при имп. Академии наук, 1748.
Рит. 1765	— Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показующая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки трудами Михайла Ломоносова, имп. Академии наук и Исторического собрания члена, химии профессора. В Санктпетербурге при имп. Академии наук, 1748.
Рук.	— Рукопись.
Рук. 1751	— Рукописный сборник, содержащий оды и надписи Ломоносова и состоящий из автографов и писарских копий с поправками автора (ААН, ф. 20, оп. 3, № 45, лл. 1—75).
Соловьев	— История России с древнейших времен, кн. III—VI. Изд. «Общественная польза» [б. г.].
Сопиков	— В. П. Сопиков. Опыт российской библиографии, тт. I—V. СПб., 1904—1908.
Соч. 1751	— Собрание разных сочинений в стихах и в прозе Михайла Ломоносова. Книга первая. Печатано при императорской Академии наук 1751 года.
Соч. 1757	— Собрание разных сочинений в стихах и прозе господина коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова, книга первая. Второе издание с прибавлениями. Печатана при императорском Московском университете 1757 г.
Соч. 1759	— Собрание разных сочинений в стихах и прозе коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова, книга вторая, в которой содержится Краткое руководство к красноречию, разделение первое, состоящее из риторики или общих правил обоего красноречия, то есть оратории и поэзии. Второе издание с сочинителевыми исправлениями. Печатана при императорском Московском университете 1759 г.

Библиотека "Руниверс"

Соч. 1778	— Покойного статского советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собрание разных сочинений в стихах и прозе, кн. I—II. М., 1778.
Соч. 1784	— Полное собрание сочинений Михайла Васильевича Ломоносова с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его еще нигде не напечатанных творений, часть первая, в Санктпетербурге иждивением императорской Академии наук. 1784.
Соч. 1840	— Собрание сочинений Михайла Васильевича Ломоносова. СПб., часть первая. В типографии императорской Российской Академии. 1840.
СПб. Вед.	— Газета «Санктпетербургские ведомости».
стлб.	— столбец.
Сумароков	— Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного действительного статского советника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы в удовольствие любителей российской учености Николаем Новиковым, Вольного российского собрания при имп. Московском университете, также и дружеского ученого общества членом, чч. I—X. М., 1781—1782.
Устрялов	— Н. Г. Устрялов. История царствования Петра I, тт. I—VI. СПб., 1858—1864.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов в Москве.
ЦГИАЛ	— Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
Q	— Рукописный сборник XVIII в. ГПБ. Q. XVII. № 168.

Библиотека "Руниверс"

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН[1]

Аввакум Петрович (1616—1684), протопоп, писатель — 716, 828.

Август /Октавий/ (63 до н. э. — 14 н. э.), римский император — 611, 665, 684, *949*, *1082*, *1103*, *1107*, *1109*.

Август II Сильный (1670—1733), польский король и саксонский курфюст — *1049*, *1148*.

Августин «блаженный» (354—430), епископ из Гиппона (Сев. Африка), церковный писатель — 518, *1063*, *1090*; О граде божием — *1008*.

Адодуров /Ададуров/, Василий Евдокимович (1709—1780), адъюнкт, литератор и математик — *874*.

Адольф-Фридрих (ум. 1586), голштинский принц — *959*.

/Аколаст, Аколост, Аколот/ — см. Сумароков А. П.

Албом, Готфрид Яганович (Ahlbom, Gotfried), актуариус Конференции АН — *1197*.

Александр Македонский (356—323 до н. э.), полководец и государственный деятель древнего мира — 37, 40, 173, 662, 664, 673, 729, *881*, *883*, *1101*, *1105*, *1106*, *1109*.

Александр Ярославич Невский (1220—1263), князь новгородский — 234, 282, 490, 491, 569, 570, 606, 727, 748, *857*, *965*, *966*, *987*, *996*, *997*, *1075*, *1148*, *1156*.

Алексеев, Василий Алексеевич (р. 1863), переводчик латинских и греческих классиков — *1200*.

Алексеев, Михаил Павлович, академик, советский литературовед — *1006*; Пушкин и наука его времени — *845*, *1006*.

Алексей Михайлович (1629—1676), царь, отец Петра I — 240, 260, 504, 564, 569, 570, 592, 715, 720, 748, *958*, *1037*, *1039*, *1145*, *1157*.

Алексей Петрович (1690—1718), царевич, старший сын Петра I — *1055*.

[1] Страницы, относящиеся к «Примечаниям», выделены курсивом. В косых скобках выделены имена в написании Ломоносова.

Библиотека "Руниверс"

Амман, Иоганн (1707—1741), профессор Петербургской АН по ботанике и натуральной истории — *881*.

Анакреон (ок. 570—478 до н. э.), греческий поэт-лирик — 761—765, *849*, *871*, *963*, *1165—1167*.

Анна (ум. 1067), византийская царевна, дочь греческого императора Константина Мономаха — *974*.

Анна Иоанновна /Ивановна/ (1693—1740), императрица — 16, 20, 23, 27—30, 36, 45, 51, *873*, *877*, *886*, *887*, *940*, *1194*.

Анна Леопольдовна (1718—1746), «правительница» России, мать Ивана VI Антоновича — 45, 50, *883*, *886*, *887*, *889*, *891*.

Анна Петровна (1708—1728), великая княжна, дочь Петра I — 60, 62, 611, 752, 775, *890*, *1056*, *1084*, *1114*, *1160*, *1175*.

Анна Петровна (1757—1759), великая княжна, дочь Петра III — 632, 633, *1082*, *1084*.

/Аннибал/ — см. Ганнибал.

Антон-Ульрих Брауншвейгский (1714—1774), принц, отец Ивана VI Антоновича — *887*, *891*.

Апеллес (356—308 до н. э.), древнегреческий живописец — 511, *1167*.

Аристарх Самосский (конец IV в.—1 пол. III в. до н. э.), древнегреческий астроном — 516, *1008*.

Аристов, Николай Яковлевич (1834—1882), историк; Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны — *1140*, *1142*, *1143*.

Аристотель (384—322 до н. э.), греческий философ — *1090*.

Арсений Мацеевич (1697—1772), ростовский митрополит — *1089*.

Артемьев, Александр Иванович (1820—1874), археолог, этнограф и географ; Описание рукописей, хранящихся в библиотеке имп. Казанского университета — *1121*, *1207*.

Архий, Авл Лициний (р. 120 до н. э.), греческий поэт — *940*.

Аскоченский, Виктор Ипатьевич (1813—1879), журналист; Киев с древнейшим его училищем, Академией — *865*, *866*.

Астахова, Анна Михайловна, советский литературовед; Былины Севера — *974*, *975*.

Аттила (ум. 453), вождь племени гуннов — 662, *1101*, *1105*.

Афанасьев, Александр Николаевич (1826—1871), историк русской литературы, этнограф — *1073*.

Ахмат /Ахмед/, хан Золотой Орды (1459—1481) — 730.

Баженов, Василий Иванович (1737—1769), архитектор — *1191*.

Байер, Готлиб-Зигфрид-Теофил (Bayer, Gottlieb Siegfried Theophil, 1694—1738), профессор истории и филологии Петербургской АН; Осада и взятие Азова — *1134*.

Балакирев, шут при Петре I — 828.

Бантыш-Каменский, Николай Николаевич (1737—1814), архивист, историк; Дипломатическое собрание дел — *877*, *939*, *1162*, *1185*.

Барков, Иван Семенович (1732—1768), поэт и переводчик —

Библиотека "Руниверс"

618—620, 622, 625, 830, 832, *1057, 1059, 1071, 1205, 1206.*

Барсов, Алексей Степанович (ум. 1763), корректор типографии АН — *902, 918, 920, 999, 1000, 1195.*

Барсов, Тимофей Васильевич (1836—1904), профессор канонического права — *1195;* О духовной цензуре в России — *1062.*

Бартенев, Петр Иванович (1829—1912), археограф и библиограф — *1111.*

Батый /Бату/ (ум. 1255), монгольский хан, основатель Золотой Орды — 73, 329, *893, 996.*

Батюшков, Константин Николаевич (1787—1855), поэт — *975, 1127, 1137.*

Безобразов, Павел Владимирович (р. 1859), историк; О сношениях России с Францией — *949.*

Белинский, Виссарион Григорьевич (1811—1848) — *852, 855, 875, 1128.*

Беллингсгаузен, Иоганн-Густав /Иван Федорович/ (Bellinghausen, Johann Gustav, 1759—1820), барон, переводчик — *912.*

Бенуа, Александр Николаевич (р. 1870), художник и искусствовед — *969, 985, 986;* Царское село в царствование имп. Елизаветы Петровны — *1057.*

Беринг /Колумб российский/, Витус (Иван Иванович) (1681—1741), капитан-командор, начальник Первой и Второй Камчатских экспедиций — 502, *899, 1036.*

Берков, Павел Наумович, советский литературовед, профессор Ленинградского университета — *1095, 1209;* Ломоносов и литературная полемика его времени — *860, 878, 910, 943, 988, 989, 1007, 1018—1021, 1023, 1024, 1026, 1063, 1065, 1068, 1072, 1074, 1075, 1080, 1090, 1096, 1098, 1099, 1121, 1151, 1169, 1196, 1202—1204, 1206—1208.*

Бестужев-Марлинский, Александр Александрович (1797—1837), писатель, декабрист — *854.*

Бестужев-Рюмин, Алексей Петрович (1693—1766), канцлер — *937, 948.*

Бетховен, Людвиг ван (1770—1827), немецкий композитор — *1031.*

Бехтеев, Федор Дмитриевич (1716—1761), русский поверенный в делах при французском дворе, первый учитель вел. кн. Павла Петровича — *1058.*

Бецкой, Иван Иванович (1704—1795), государственный деятель — *1180, 1181, 1191.*

Бибов, Э., научный сотрудник Института истории Германской АН в Берлине — *873.*

Билярский, Петр Спиридонович (1817—1867), академик, языковед, славист; Материалы для биографии М. В. Ломоносова — *941, 949, 989, 1009—1012, 1120, 1178, 1180, 1187, 1193.*

Бирон, Эрнест Иоганн (1690—1772), временщик при императрице Анне Иоанновне — *882, 891, 894, 896, 1012, 1121, 1155, 1159.*

Благой, Дмитрий Дмитриевич, член-корреспондент АН, историк литературы, профессор Московского

Библиотека "Руниверс"

университета — *1124, 1130;* История русской литературы XVIII в. — *851, 1129, 1130.*

Блинов, А. Д. Курс артиллерии — *986, 1112.*

Богданов, Андрей Иванович (1692—1766), книговед, рабочий типографии, помощник библиотекаря АН; Кратчайшее синопсическое описание... града Санктпетербурга — *1001.*

Богданович, Ипполит Федорович (1743—1803), поэт — *1203.*

Богословский, Михаил Михайлович (1867—1929), академик, историк; Петр I. Материалы для биографии — *1050—1052, 1054, 1055, 1133—1137, 1140, 1143.*

Бок, Иоганн-Георг (1698—1762), профессор Кенигсбергского университета и Берлинской АН — 642, *1087, 1088.*

Болотов, Андрей Тимофеевич (1738—1833), мемуарист; Записки — *895, 992, 995, 1018, 1083, 1094.*

Болтин, Иван Никитич (1735—1792), историк; Примечания на Историю древния и нынешния России г. Леклерка — *1133, 1136—1138.*

Болховитинов, Евгений (Евфимий Алексеевич, 1767—1837), историк, археограф и библиограф, митрополит киевский (1822) — *956, 1065, 1072, 1074, 1100;* Словарь русских светских писателей — *956, 1194.*

Бомштейн, Григорий Ильич, советский филолог-фольклорист — *915;* Роль М. В. Ломоносова в истории русской этнографии и фольклористики — *1008.*

Бонди, Сергей Михайлович, советский литературовед — *852, 869, 1163.*

Бонекки, Джузеппе, итальянский поэт — *992.*

Борис Федорович Годунов (1551—1605), царь — 702, 712, *1137.*

Браун, Иосиф-Адам (1712—1768), профессор физики Петербургской АН — *961.*

Бриткин, Алексей Сергеевич, профессор Московского Высшего технического училища им. Н. Э. Баумана; Выдающийся машиностроитель XVIII в. А. К. Нартов — *986.*

Бруно, Джордано (1548—1600), итальянский мыслитель-материалист — *1070, 1207.*

Брут, Марк Юний (85—42 до н. э.), римский политический деятель, борец за республику — 181.

Брюинс, голландец, адмиралтейский служащий — *1142.*

Буало, Никола́ (Boileau, Nicolas, 1636—1711), французский поэт и теоретик классицизма — *869, 871, 872, 1129, 1134, 1137.*

Будилович, Антон Семенович (1846—1908), член-корреспондент АН, филолог — *968, 1120, 1195;* Ломоносов как писатель — *925, 1029, 1086, 1111, 1120, 1190;* Ломоносов как натуралист и филолог — *1056, 1196.*

/Бурбон/ — см. Людовик XV.

Бурдин, Семен Михайлович, советский филолог; Роль М. В. Ломоносова в создании русской есте-

Библиотека "Руниверс"

ственно-научной терминологии — *1137*.

Бухвостов, Сергей Леонтьевич (1642—1728), первый солдат Преображенского полка — *1050*.

Бычков, Афанасий Федорович (1818—1899), академик, филолог-археограф; Книга, называемая «Когда что попалось» — 406, 407, 543, 580, 583, 615—620, 622—625, 628, 630, 659, 660, 737—741, 826—831, 834, 835, 838—840, *988*, *1026*, *1043*, *1057*, *1059*, *1071*, *1072*, *1097*, *1151*, *1202*, *1205*, *1208*.

Вавилов, Сергей Иванович (1891—1951), академик, президент АН, физик — *846*, *860*.

Валаам, месопотамский волхв — 828.

Валериани, Джузеппе (1708—1762), итальянский художник-декоратор — *1191*.

Валериано, Джованни-Пиерио (Valerianus, Joannes-Pierius, 1477—1558), итальянский гуманист — *1066*, *1067*.

Варрон /Варус/, Гай Теренций (Varro, Cajus Terentius, III в. до н. э.), римский консул — 664, 666, *1106*, *1107*, *1110*.

Варсонофий (1694—1759), архангелогородский и холмогорский архиепископ — *1131*.

Варус — см. Варрон.

Василий Великий — см. Василий Кесарийский.

Василий III Иванович (1679—1533), великий князь московский — 504.

Василий IV Иванович Шуйский (1552—1612), царь — *1144*.

Василий Кесарийский (329—379), архиепископ каппадокийский — 658, *1097*.

Васильчиков, Александр Алексеевич (1832—1890), гофмейстер, директор Эрмитажа, писатель; Семейство Разумовских — *963*, *964*, *1119*.

Васко да Гама /Гама/ (1469—1524), португальский мореплаватель — 703.

Вейде, Адам Адамович (1667—1720), генерал, сподвижник Петра I — *1051*.

Веревкин, Михаил Иванович (1732—1795), писатель, корреспондент АН, один из первых биографов М. В. Ломоносова — *864*.

Вернадский, Владимир Иванович (1863—1945), академик, минералог и кристаллограф — *1007*.

Вертков, К. А., советский искусствовед; Русская роговая музыка — *1031*.

Веселаго, Феодосий Федорович (1817—1895), историк русского флота; Материалы для истории русского флота — *987*.

Веспасиан, Тит Флавий (9—79), римский император — *1108*.

Вида, Марк-Иероним (Vida, Marco-Girolamo, 1485—1566), итальянский епископ и поэт — *1005*.

Видонов, Сергей Сергеевич, инженер; Выдающийся машиностроитель XVIII в. А. К. Нартов — *986*.

Виноградов, Дмитрий Иванович (1720—1758), студент ака-

Библиотека "Руниверс"

демического Университета, изобретатель русского фарфора — *871, 872.*

Виргилий /Марон/, Публий Марон (70—19 до н. э.), римский поэт — 406, 696, 697, *963, 1036, 1129, 1132, 1134;* Георгики — *926;* Эклоги — *929;* Энеида — *924, 925, 927, 928, 930—933, 993, 1015, 1082, 1126.*

Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125), великий князь киевский — 320, 569, 747, *974, 1156.*

Владимир Святославич (ум. 1015), великий князь киевский — 569, 747, *882, 973, 1156.*

Волков, Н. Е., историк; Двор русских императоров в его прошлом и настоящем — *1030.*

Волынский, Артемий Петрович (1689—1740), государственный деятель и дипломат — *1121.*

Вольтер, Франсуа-Мари Аруэ (Voltaire, François-Marie Arouet, 1694—1778), французский писатель и философ, просветитель — 615, *1047, 1057, 1134, 1140;* Генриада — *1129, 1139;* Избранные произведения — *1058;* История Российской империи при Петре Великом — *1130, 1135.*

Вольф, Христиан (Wolf, Christian, 1679—1754), немецкий натуралист и философ, почетный член Петербургской АН; Волфианская экспериментальная физика — *920.*

Воробьев, Константин Александрович, советский орнитолог; Птицы Уссурийского края — *940.*

Воронин, Ефим, первый солдат Преображенского полка — *1050.*

Воронцов, Михаил Илларионович, граф (1714—1767), канцлер— *667, 920, 946—948, 1023, 1040, 1057, 1058, 1083, 1097, 1098, 1110, 1111, 1149, 1154, 1184.*

Воронцов, Роман Илларионович, граф (1707—1783), сенатор — *989.*

Воскресенский, Григорий Александрович (1849—1918), профессор московской духовной академии, член-корреспондент АН — *865.*

Всеволодский-Гернгросс, Всеволод Николаевич, историк русского театра; Библиографический и хронологический указатель — *992.*

Вышатич, Ян (ум. 1106), киевский тысяцкий — *1156.*

Вяземский, Александр Алексеевич, князь (1727—1793), генерал-прокурор — *1188.*

Гайдн, Иосиф (1732—1809), австрийский композитор — *1031.*

/Гама/ — см. Васко да Гама.

Ганнибал /Аннибал/ (247—183 до н. э.), карфагенский полководец — 601, *1102, 1106.*

Гедеон Криновский (1726—1763), епископ псковский, проповедник — *1063, 1070, 1071, 1096, 1097;* Собрание разных поучительных слов — *1064, 1095.*

Гельвеций, Даниэль Криспин (Helvetius, Daniel Crispinus), автор комментариев к Трудам Овидия — *993.*

Геннади, Григорий Николаевич (1826—1889), библиограф; Справочный словарь о русских писателях и ученых — *1189.*

Библиотека "Руниверс"

Георги, Иван Иванович (Иоганн Готлиб, 1729—1802), академик, химик, этнограф, путешественник; Описание столичного города Санктпетербурга — *1001, 1030.*

Герострат, эфесец — 827, *947, 1080.*

Герцен, Александр Иванович (1812—1870), писатель — *1203.*

Гигин, Гай Юлий (Hyginus, Gajus Julius, ок. 20-х годов до н. э.), римский писатель, друг Овидия; Латинские мифографы — *992, 993.*

Гинрихс, Иоганн Христиан (Hinrichs, Johann Christian, 1759—1823), музыковед, преподаватель Статистической школы — *1031;* Возникновение, развитие и теперешнее состояние роговой музыки — *1030, 1032.*

Гиппократ /Иппократ/ (460—377 до н. э.), основоположник античной медицины — 155.

Глебов, Александр Иванович (ум. 1790), сенатор, генерал-прокурор — *1176.*

Глинка, Михаил Иванович (1804—1857), композитор — *1031.*

Глинка, Сергей Николаевич (1776—1847), писатель и журналист — *1186.*

Гнедич, Николай Иванович (1784—1833), поэт — *1150.*

Гнучева, Вера Федоровна (1890—1942), историк, архивист; Географический департамент Академии наук XVIII века — *922.*

Гоголь, Николай Васильевич (1809—1852) — *982;* Собрание сочинений — *846, 910.*

Голиаф /Голияф/, богатырь-филистимлянин, побежденный в единоборстве Давидом, ставшим впоследствии царем Иудеи — *975.*

Голиков, Иван Иванович (1735—1801), историк; Деяния Петра Великого — *1052, 1055, 1144.*

Голицын, Михаил Михайлович, князь (1675—1730), генерал-фельдмаршал, сенатор, член Верховного тайного совета — 717, 725, 726, *1147, 1148.*

Голияф — см. Голиаф.

Головкин, Гавриил Иванович, граф (1660—1734), первый государственный канцлер в России — *1051.*

Гольштейн - Готторпский, герцог — см. Карл-Фридрих.

Гомер (X—IX вв. до н. э.) — 41, 83, 658, 696, *897, 973, 992, 1096, 1129, 1134;* Илиада — *924, 928, 1015, 1086.*

Гораций Флакк, Квинт (65—8 до н. э.), римский поэт — *43, 949,* 950; Оды — *931;* Сатиры — *885, 924.*

Горн, Арвид Бернхард, граф (1664—1742), шведский государственный деятель — 723, *1146.*

Гостомысл, новгородский посадник в IX в. — 39.

Готман, Антуан (Hotman, Antoine, 1525—1596), французский юрист; Погонология или разговор о бороде и волосах — *1066.*

Готшед, Иоганн-Кристоф (Gottsched, Johann Christoph, 1700—1766), немецкий филолог — *872, 1048, 1123;* Опыт перевода Анакреона — *871.*

Градици, Франческо-Алоизий (Франц Петрович) (1729—

Библиотека "Руниверс"

1793), живописец АН, член Академии художеств — *1168*.

Грибоедов, Александр Сергеевич (1795—1829), драматург и поэт — *1177*.

Гриммель, Иоганн-Элиас (1703—1759), «живописный мастер» АН, рисовальщик — *983*, *1042*, *1191*.

Грот, Яков Карлович (1812—1893), академик — *1128*, *1174*.

Гугений — см. Гюйгенс.

Гуковский, Григорий Александрович, советский филолог — *1203*; К вопросу о русском классицизме — *902*; Русская поэзия XVIII века — *1100*.

Гумбольдт, Александр-Фридрих-Вильгельм (Humboldt, Alexander Friedrich Wilhelm, 1769—1859), немецкий естествоиспытатель и путешественник — *951*.

Гуммерт, швед, капитан Преображенского полка — *1051*.

Густав II Адольф (1594—1632), шведский король — *898*.

Гюйгенс /Гугений/, Христиан (Huygens, Christian, 1629—1695), голландский ученый — 517.

Гюйссен, Генрих (Hüyssen, Heinrich von, ум. 1740), доктор прав, дипломат; Журнал — *1147*, *1148*.

Гюнтер, Иоганн-Христиан (Günter, Johann Christian, 1695—1723), немецкий поэт; Студенческая песня — *1203*, *1204*.

Давид, древнееврейский царь (конец XI—нач. X в. до н. э.), автор псалмов — 114, 636, 759, *907*, *1159*.

Даль, Владимир Иванович (1801—1872), лексикограф, писатель; Толковый словарь — *1070*, *1137*.

Дамаскин, в мире Дмитрий Семенович Руднев (1737—1795), епископ нижегородский, издатель сочинений Ломоносова, действительный член Российской Академии — 817, *1089*, *1090*.

Данилов, Михаил Васильевич (1722—1790), мемуарист; Записки — *934*.

Данько, Елена Яковлевна, советская художница; Из неизданных материалов о Ломоносове — *871*, *872*.

Дарий III Кодоман, древнеперсидский царь (336—330 до н. э.) — 729.

Дашкова, Екатерина Романовна, княгиня, урожд. гр. Воронцова (1743—1810), президент Петербургской АН и Российской Академии (1783—1796) — *1186*, *1187*; Записки — *1186*.

Декарт, Рене (Descartes, René, 1596—1650), французский философ, математик и физик — *1006*.

Делиль, Жозеф Никола́ (Иосиф Николай) (de l'Isle, Joseph Nicolas, 1688—1768), французский астроном и географ, профессор и почетный член Петербургской АН; Объяснение карты новых открытий — *1002*.

Демидов, Акинфий Никитич (1678—1745), уральский горнопромышленник — *966*.

Демосфен (384—322 до н. э.), афинский оратор и политический деятель — 658, *1095*, *1096*.

Державин, Гавриил Романо-

Библиотека "Руниверс"

вич (1743—1816); Рассуждение о лирической поэзии — *875*; Сочинения — *897, 1100, 1128, 1174.*

Джонс, Вильям (Jones, William, 1746—1794), востоковед, переводчик; История Надир-шаха — *901.*

Диль, Эрнст (Diehl, Ernst), австрийский филолог-классик; Греческая лирическая антология — *929.*

Димитрий, в мире Даниил Алексеевич Сеченов (1709—1767), митрополит новгородский — *1074—1077, 1079, 1170.*

Димитрий Иванович (1582—1591), царевич, сын Ивана IV — 712, *1141.*

Димитрий Иванович Донской (1350—1389), великий князь московский — 39, 292, 302, 321, 324, 325, 359, 367, 569, 570, 748, *973, 1087, 1149.*

Димитрий Ростовский, в мире Даниил Савич Туптало (1651—1709), церковный писатель и проповедник, митрополит ростовский — 646, *857, 1069, 1088—1090.*

Димитрий Фалерский /Фалерей/ (ок. 345—283 до н. э.), греческий философ; Об ораторском стиле — *929.*

Дмитревский, Иван Афанасьевич (1734—1821), русский театральный деятель, актер и педагог, член Российской Академии — *992.*

Дмитриев-Мамонов, Федор Иванович (1727—1805), бригадир, стихотворец — 737, *1151.*

Добролюбов, Николай Александрович (1836—1861); Полное собрание сочинений — *848.*

Добрынин, Н. К. — см. Никита Пустосвят.

Доватур, Аристид Иванович, советский филолог-классик — *923.*

Долгорукий, Михаил Юрьевич (убит 1682), боярин, начальник Разрядного приказа — 710, 712, *1141.*

Домашнев, Сергей Герасимович (1743—1795), писатель, директор АН — *1127.*

Донат, Элий, римский филолог, грамматик IV в. — *1201, 1202.*

Досифей Немчинов (ум. 1845), архимандрит соловецкий, историк монастыря; Описание Соловецкого монастыря — *1136—1139.*

Дубянский, Федор Яковлевич (ум. 1770), духовник императрицы Елизаветы Петровны — *1089.*

Дункер, Иоганн-Франц (Duncker, Johann Franz), мастер резного дела — *1191.*

Евдокия Федоровна, рожд. Лопухина (1669—1731), первая жена Петра I — *1055.*

Екатерина I Алексеевна (1684—1727), императрица — 55, 58, 97, 128, 143, 196, 201, 221, 240, 255, 260, 367, 492, 569, 611, 674, 692, 743, 745, 773, *899, 917, 938, 958, 997, 1003, 1086, 1114, 1122, 1175, 1184.*

Екатерина II Алексеевна (1729—1796), императрица — 127, 129, 134, 505, 557, 565, 633, 751, 760, 772, 774, 776, 778, 783, 786—789, 791—793, 798, 800, 802, 805, 806, 815, 817, *890, 916, 938, 952, 967, 1086, 1089, 1091,*

Библиотека "Руниверс"

1114, 1156, 1163, 1170—1175, 1177, 1179, 1192.

Елагин, Иван Перфильевич (1725—1794), писатель и театральный деятель — *881, 882, 939, 1018—1026, 1121, 1202, 1203.*

Елагина, Мария Ивановна (ум. 1774), дочь И. П. Елагина — *1024.*

Елена Васильевна (ум. 1538), великая княгиня московская, мать царя Ивана IV Грозного — 504, *1002.*

Елизавета (1533—1603), английская королева — 76, *894.*

Елизавета Петровна (1709—1761), императрица — 53, 54, 56—59, 69, 71, 82—84, 87, 89, 93, 94, 96—102, 127, 128, 135—140, 142—144, 147, 148, 150, 154, 194, 196, 198, 199, 202, 212, 215, 217, 218, 235, 236, 242—245, 247, 251, 253—255, 257, 262—265, 267, 268, 270, 271, 273—277, 279, 282, 283, 285, 288, 289, 365, 367, 393—398, 401—405, 410, 490, 492, 493, 497, 498, 501—505, 525, 531—533, 535—537, 552—554, 557, 564, 567, 570—573, 576, 578, 584, 586—589, 608, 611, 612, 614, 632—635, 637, 639, 640, 642, 646—648, 650, 656, 657, 672—674, 677, 684, 688, 689, 691, 699, 718, 719, 733, 735, 742, 744, 749, 750, 752—754, 756, 768, 773, 774, 776, 780, 786, 789, 799, 805, 814, *884, 887—889, 891, 893, 894, 896, 899, 900, 917—921, 935, 937, 938, 940, 942, 944, 947, 948, 950, 954, 956, 958, 960—970, 976, 978, 984—987, 989—991, 994, 995, 998—1000, 1003, 1009—1011, 1014, 1024, 1028, 1030, 1032—1034, 1036, 1039, 1041, 1047, 1049, 1056, 1057, 1070, 1084, 1086—1089, 1093, 1111, 1113, 1114, 1122, 1128, 1149, 1150, 1154, 1155, 1157, 1159—1161, 1167, 1172, 1183—1185, 1193.*

Ефимов, К., академический копиист — *1178.*

Жилле, Никола́-Франсуа (Gillet, Nicolas-François, 1709—1791), французский скульптор — *1191.*

Жуков, А. П., пензенский воевода (1744—52) — 782, *1175, 1176.*

Заозерская, Елизавета Ивановна, советский историк; Мануфактура при Петре I — *1050, 1145.*

Зборомирский, Степан Васильевич (1722—1782), комиссар книжной лавки АН — *972.*

Зенгер, Татьяна Григорьевна, советский литературовед; Рукою Пушкина — *1206.*

Златоуст — см. Иоанн Златоуст.

Зонара, Иоанн (конец XI—сер. XII в.), византийский хронист — *1156.*

Зубницкий, Христофор, псевдоним автора пасквиля на Ломоносова — *1065, 1072—1074, 1076—1080, 1115, 1205.*

Зубов, Алексей Федорович (р. 1682), гравер — *1014.*

Иван III Васильевич (1440—1505), великий князь московский — 569, 570, 748, *1148, 1157.*

Библиотека "Руниверс"

Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584), царь — 504, 569, 570, 706, 730, 748, *876, 1138, 1148, 1157.*

Иван V Алексеевич (1666—1696), царь, брат Петра I — 708—710, *1143.*

Иван VI Антонович (1740—1764), император — 34, 35, 37, 41, 43, 50—52, *880—882, 884, 886, 887, 889.*

Игорь (ум. 945), великий князь киевский — 39, *849, 882.*

Иисус Навин, вождь иудейского народа — 107, 828, *1095.*

Иоаким (Иван Савелов) (1620—1690), патриарх московский — 708, 716.

Иоанн Богослов, апостол и евангелист — *1133.*

Иоанн Златоуст (ок. 347—407), деятель восточнохристианской церкви, архиепископ константинопольский — 403, *987.*

Иоанн II Комнин (1088—1143), византийский император — 748, *1156.*

Иоанн III — см. Иван VI Антонович.

Иппократ — см. Гиппократ.

Исаак, легендарный библейский патриарх — 829.

Исайя, (VIII в. до н. э.), древнееврейский пророк — 636.

Иуда Искариот (из Кариота), апостол — 828.

Каиафа, иудейский первосвященник — 828.

Калчак-паша, комендант турецкой крепости Хотин — 27, *877.*

Кальпурний (I в. н. э.), римский поэт времен Нерона; Буколики — *925.*

Кантемир, Антиох Дмитриевич (1708—1744), писатель-сатирик, дипломат — *1062, 1194.*

Капитон (XVII в.), один из первых расколоучителей — *1144.*

Карамзин, Николай Михайлович (1766—1826), писатель и историк — *1128, 1156.*

Карл V (1500—1558), римский император и испанский король — *1066.*

Карл XII (1682—1718), шведский король — 49, 595, 673, 719, 721, 728, 729, *885—889, 948, 1049, 1114, 1135, 1148.*

Карл-Фридрих (1700—1739), голштинский герцог, отец Петра III — *1114, 1175.*

Карпов, майор Преображенского полка — 725, *1147.*

Катон Младший, Марк Порций Утический (95—46 до н. э.), римский государственный деятель — 540, 611, 763, 764, *1166, 1167.*

Кафенгауз, Борис Борисович, советский историк; Северная война и Ништадтский мир — *1049.*

Каченовский, Михаил Трофимович (1775—1842), историк и литературный критик, профессор Московского университета — *1047.*

Квасов, Алексей Васильевич (ум. 1772), архитектор — *986, 1057.*

Кветницкий, Федор, учитель русского и латинского стихосложения в Славяно-греко-латинской академии — *864, 866.*

Квинтилиан, Марк Фабий (ок. 35—95), римский теоретик ора-

Библиотека "Руниверс"

торского искусства; Наставления в ораторском искусстве — *1201*.

Кедрин, Георгий (конец XI—нач. XII в.), византийский писатель и историк — *1156*.

Кейзерлинг, Герман-Карл (1697—1764), барон, президент АН — *891*.

Кеплер, Иоганн (Kepler, Johann, 1571—1630), немецкий астроном — 517.

Клавдиан, Клавдий (ок. 365—408), римский поэт — 545; Против Руфина — *1029*, *1125*.

Клеант (III в. до н. э.), греческий философ, стоик — 517, 518, *1008*.

Клеопатра (69—30 до н. э.), царица Египта — *1063*.

Климент VII Медичи (1478—1534), римский папа — *1066*.

Клит Черный (ум. 328 до н. э.), полководец Александра Македонского — 664, *1103*, *1106*, *1109*.

Клопшток, Фридрих-Готлиб (Klopstock, Friedrich Gottlieb, 1724—1803), немецкий писатель — *1134*.

Княжевич, Александр Максимович (1792—1872), почетный член Петербургской АН; Рукописный сборник — 618, 619, 622, 624, *1060*, *1065*, *1074*.

Коковцов, Павел Константинович (1861—1942), академик, гебраист — *982*.

Кокоринов, Александр Филиппович (1726—1772), архитектор и педагог, директор Академии художеств — *1167*, *1181*, *1182*.

Колумб, Христофор (1446—1506), — 518, 598, 703.

Комаров, Матвей, «житель города Москвы»; Разные письменные материи — *967*.

Комнин — см. Иоанн II Комнин.

Кондратович, Кириак Андреевич (1703—1788), академический переводчик и лексикограф — *1128*.

Константин Великий (274—337), византийский император — 57, *888*, *974*.

Коперник, Николай (1473—1543), польский астроном — 517, 695, *1062*, *1063*.

Кориолан, Гней Марций (V в. до н. э.), римский патриций — *989*.

Корф, Н. Ф., премьер-майор — *889*.

Котович, Алексей Никанорович (р. 1879), историк; Духовная цензура в России — *1061*, *1063*.

Кочнев, Степан Тимофеевич (1739—1828), конструктор-судостроитель — *865*.

Крам, Ральф-Бринкергоф (Crum, Ralph Brinckerhoff, р. 1888), американский литературовед; Научная мысль в поэзии — *1005*.

Красоткина, Татьяна Аркадьевна, советский филолог — *923*, *925*.

Кратценштейн, Христиан-Готлиб (1723—1795), профессор, почетный член Петербургской АН — *956*.

Крафт, Георг-Вольфганг (1701—1754), профессор, математик и физик — *1193*, *1194*.

Крашенинников, Степан Петрович (1713—1755), профессор

Библиотека "Руниверс"

Петербургской АН, ботаник; Описание земли Камчатки — *939*.

Крёкшин, Петр Никифорович (1684—1763), историк; Записки новгородского дворянина — *1131*, *1140—1144*.

Криновский см. Гедеон Криновский.

Крой — см. Круа де.

Круа де /Кроа, де Крой/, Карл-Евгений (1651—1702), герцог, саксонский и русский генерал-фельдмаршал — *1051*.

Крузиус, Христиан (1715—1767), профессор, историк — *934*, *936*.

Кулябка — см. Сильвестр Кулябка.

Куник, Арист Аристович (1814—1899), академик, историк — *883*, *943*; Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII в. — *870*, *871*, *1127*.

Кунцевич, Георгий Захарович (р. 1872), библиограф, историк литературы; Библиография изданий сочинений М. В. Ломоносова — *1190*.

Куракин, Александр Борисович, князь (1697—1749), русский посол в Париже — *1081*.

Куракина, Александра Ивановна, урожд. Панина, княгиня, жена кн. А. Б. Куракина — *1081*.

Курбатов, Василий Яковлевич, автор художественно-исторических описаний Санкт-Петербурга и Павловска — *966*.

Курганов, Николай Гаврилович (1726—1796), астроном, математик, профессор Морского шляхетного корпуса, писатель; Российская универсальная грамматика — *737—741*, *892*, *933*, *967*, *1151*.

Курций Руф, Квинт (I в.), римский историк — 90; Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого — *883*.

Лагарп де, Жан-Франсуа (de La Harpe, Jean-François, 1739—1803), французский поэт и критик — *911*, *912*.

Лагрене, Жан-Жак (Lagrenée, Jean-Jacques, 1739—1821), живописец — *1191*.

Лакомб, Жак (Lacombe, Jacques, 1724—1811), французский литератор и книгопродавец — *911*.

Ламанский, Владимир Иванович (1833—1914), академик, славист; М. В. Ломоносов. Биографический очерк — *974*; Ломоносов и Петербургская АН — *991*.

Ланжерон де /Тирс, Тирсис/, аббат, друг Фенелона — 13, *870*.

Ласси, Петр Петрович, граф (1678—1761), генерал-фельдмаршал — *898*.

Лафонтен де, Жан (de La-Fontaine, Jean, 1621—1695), французский поэт-баснописец — 770, *1151*, *1169*, *1170*; Басни — *932*.

Лебедев, Алексей Васильевич (р. 1888), хранитель Государственной Третьяковской галереи, историк русской живописи; Аллегория на основание Российской Академии художеств — *1157*.

Лебедев, Василий Иванович (1716—1771), переводчик АН — *935*, *936*, *941*, *944*, *945*, *961*, *962*,

Библиотека "Руниверс"

964, 970, 976, 983, 987, 990, 991, 994.

Лев X Медичи (1475—1521), римский папа — *1066.*

Лев Диакон (р. ок. 930), византийский историк; Византийская хроника — *1156.*

Левенгаупт, Адам-Людвиг, граф (Lewenhaupt, Adam-Louis, 1659—1719), шведский генерал — *1051.*

Левицкий, Николай Евстафьевич (1770—1810), историк, писатель, переводчик — *1048.*

Лейбович, Лев Исаакович, историк; Сводная Летопись — *1002.*

Леклерк, Никола́-Габриель (Le Clerc, Nicolas-Gabriel, 1726—1798), французский медик, почетный член Петербургской АН — *1133, 1134;* История России — *1128, 1133, 1139.*

Лелий, Гай-сын (ок. 190—129 до н. э.), римский государственный деятель и оратор — *1202.*

Леман, Иоганн-Готлиб (1700—1767), академик, химик — *1169.*

Лемьер, Антуан-Мари (Lemierre, Antoine-Marie, 1723—1793), французский поэт, член Парижской АН — *911.*

Лепехин, Иван Иванович (1740—1802), академик, натуралист; Путешествия — *864, 865, 1138.*

Лепид, Марк Эмилий Младший (89—12 до н. э.), римский политический деятель — *1107, 1109.*

Лермонтов, Михаил Юрьевич (1814—1841); Корсар — *919.*

Лефорт, Франц Яковлевич (1656—1699), военный деятель, сподвижник Петра I — *1134.*

Лещинский, Станислав (1677—1766), польский король — *1148.*

Ливанова, Тамара Николаевна, советский музыковед; Русская музыкальная культура XVIII в. — *911, 1032.*

Ливен, Анна Михайловна, баронесса, урожд. Скоропадская (1721—1740), жена барона Г. Р. Ливена — *894, 895.*

Ливен, Антоний-Георгий (1740—1742), сын барона Г. Р. Ливена — 81, *857, 894, 895.*

Ливен, Георгий-Рейнгольд (Юрий Григорьевич), барон (1696—1763), генерал-аншеф — 81, *894, 895.*

Ливены /Ливенские, Ливеновы/, лифляндский баронский и княжеский род — 81.

Линчевский, М. З., протоиерей, духовный писатель 1870-х годов; Педагогия древних братских школ — *864, 865.*

Логофет — см. Пахомий Логофет.

Лонгин, Дионисий Кассий (ум. 273), греческий философ-неоплатоник; Трактат о возвышенном — *871, 872.*

Лубин, Эльгард (Lubin, Eilhard, 1565—1621), немецкий богослов и профессор поэтики — *872.*

Лука, евангелист — *915, 938.*

Лукреций, Тит Лукреций Кар (ок. 99—55 до н. э.), римский философ и поэт; О природе вещей — *1123.*

Лундблад, Иоганн-Фридрих (Lundblad, Johann-Friedrich, 1791—

Библиотека "Руниверс"

1854), шведский историк; История Карла XII — *885, 886.*

Луций, Павел Эмилий (III в. до н. э.), римский консул — *1106, 1108.*

Лыков, Артемий Евстафьевич (1724—1800), фактор Типографии АН — *1127, 1153.*

Людовик XIV (1643—1715), французский король — *898.*

Людовик XV /Бурбон/ (1710—1774), французский король — 616.

Люсси де — см. Чуди, Т. Г.

Лютцельбургская графиня, корреспондентка Вольтера — *1057.*

Лященко, Петр Иванович, советский историк и экономист; История народного хозяйства СССР — *1053, 1118.*

Магади, Мирза Могаммед, хан мазандеранский, иранский историк; История Надир-шаха — *901.*

Магеллан, Фернан (1480—1581), португальский мореплаватель — 578, 703.

Мазепа, Иван Степанович (1644—1709), гетман Украины — 697, *1049, 1051.*

Макаров, Владимир Кузьмич, советский искусствовед — *1086.*

Макаров, Федор Васильевич, купец из Якутска — *1067.*

Малерб /Мальгерб/, Франсуа (Malherbe, François, 1555—1628), французский поэт и критик — *946, 1019, 1020, 1099.*

Мамай (ум. 1380), правитель Золотой Орды — 39, 292, 301—305, 307, 315, 318—332. 334, 335, 337, 341—351, 353—357, 359—364, *973, 974.*

Мамонов — см. Дмитриев-Мамонов, Ф. И.

Мареш, Ян Антонин (1719—1794), чешский музыкант и композитор, изобретатель роговой музыки — *1030, 1032.*

Мария-Терезия (1717—1780), австрийская императрица — *1085.*

Марк Антоний (83—30 до н. э.), римский политический деятель и полководец — 90, *1063, 1107, 1109.*

/Маркелл/ — см. Марцелл.

Марлинский, А. — см. Бестужев-Марлинский, А.

/Марон/ — см. Виргилий.

Мартель, Антуан (Martel, Antoine, 1899—1931), французский филолог; Michel Lomonosov et la langue littéraire russe [Михаил Ломоносов и русский литературный язык] — *855.*

Мартинелли, А. (ум. 1803), итальянский скульптор, смотритель Эрмитажа — *966, 1086.*

Мартынов, Михаил Васильевич, советский историк; Уральская горная промышленность в эпоху Петра Великого — *1050.*

Марцелл /Маркелл/, Марк Клавдий (ум. 45 до н. э.), римский консул — 611.

Марциалл, Марк Валерий (ок. 40—102), римский поэт; Эпиграммы — *923, 927, 928.*

Матвеев, Андрей Артамонович, граф (1666—1728), дипломат и государственный деятель; Записки — *1131, 1141, 1142, 1144.*

Библиотека "Руниверс"

Матвеев, Артамон Сергеевич (1625—1682), боярин, дипломат — 710, 712, *1141*.

Матфей, евангелист — *915*.

Махаев, Михаил Иванович (1716—1770), рисовальщик и гравер на меди — *965*, *966*, *996*.

Медведев, Симеон Агафоникович, в монашестве Сильвестр (1641—1691), церковный деятель и писатель; Записки — *1131*, *1140—1142*, *1144*.

Медичи, Ипполито, кардинал — *1066*.

Мелетий (ум. 1891), архимандрит, настоятель Соловецкого монастыря; Историческое описание Соловецкого монастыря — *1136*, *1138*, *1139*.

Мельницкий, Николай Николаевич (1817—1890), военный историк; Сборник сведений о военно-учебных заведений в России — *1114*.

Меншиков, Александр Данилович, князь (1673—1729), государственный деятель и полководец, сподвижник Петра I — *1148*.

Мерзляков, Алексей Федорович (1778—1830), поэт, критик и переводчик — *896*, *1128*.

Метеллы, одна из ветвей римского плебейского рода Цицилиев — 611.

Меценат, Гай Цильний (р. между 74 и 64 — ум. 8 до н. э.), римский политический деятель, покровитель наук и искусств — 522, 567, 684, 697.

Мещеринов, Иван Алексеевич (XVII в.), московский воевода — *1139*.

Миллер, Гергард-Фридрих (1705—1783), географ, путешественник, этнограф, историограф Петербургской АН — *857*, *891*, *954—956*, *1026*, *1043*, *1045*, *1059*, *1060*, *1072*, *1080*, *1081*, *1084*, *1088*, *1154*, *1162*, *1188*, *1199*, *1200*.

Милославские, боярский род — 708, 709, *1141*.

Миних, Бурхардт Христоф (Христофор Антонович), граф (1683—1767), генерал-фельдмаршал — *891*, *893*, *896*, *958*.

Митридат VI Великий Эвпатор (132—63 до н. э.), царь понтийский — 173.

Михаил Федорович (1596—1645), первый русский царь из династии Романовых — 240, 260, 563, 569, 570, 720, *958*, *1037*, *1039*, *1137*, *1144*.

Модерах, Карл-Фридрих (1720—1772), инспектор гимназии АН, профессор истории Петербургской АН — *1015*.

Модзалевский, Вадим Львович (1882—1920), историк; Малороссийский родословник — *895*.

Модзалевский, Лев Борисович (1902—1948), советский литературовед, — *1021*, *1022*, *1111*, *1198—1202*, *1205*, *1206*; Рукописи Ломоносова — *925*, *977*, *1000*, *1182*.

Мольер, Жан-Батист (1622—1673), французский драматург — *1026*.

Моозер, Р. А. Оперы, интермеццо, балеты — *992*.

Монсиньи, Пьер-Александр (Monsigny, Pierre-Alexandre, 1729—1817), французский композитор — *992*.

Библиотека "Руниверс"

Моцарт, Вольфганг Амадей (1756—1791), австрийский композитор — *1031*.

Муравьев, Михаил Никитич (1757—1807), писатель и общественный деятель — *1056, 1128*; Сочинения — *844*.

Навин — см. Иисус Навин.

Навуходоносор II (604—562/561 до н. э.), вавилонский царь — *1072*.

Надир-шах (Тахмаси-Кули-хан) (1688—1747), персидский шах — *883, 901*.

Нартов, Андрей Константинович (1680—1756), механик и изобретатель, советник Канцелярии АН, писатель — *896, 986, 1142*.

Нарышкин, Афанасий Кириллович (1662—1682), стольник, сын К. П. Нарышкина — 711, *1141*.

Нарышкин, Иван Кириллович (1658—1682), боярин, сын К. П. Нарышкина — 713—715, *1143*.

Нарышкин, Кирилл Полуэктович (1623—1691), боярин, отец царицы Натальи Кирилловны — 713, *1142*.

Нарышкин, Лев Кириллович (1664—1705), боярин, сын К. П. Нарышкина — 713, *1142*.

Нарышкин, Мартемьян Кириллович (1665—1697), боярин, сын К. П. Нарышкина — 713, *1142*.

Нарышкин, Семен Кириллович (1710—1775), гофмаршал, генерал-аншеф, организатор первого оркестра роговой музыки — 546, *1030*.

Нарышкин, Федор Кириллович (1666—1691), кравчий, сын К. П. Нарышкина — 713, *1142*.

Нарышкины, боярский род — 709, 710, *1141*.

Наталья Кирилловна, урожд. Нарышкина (1651—1694), царица, мать Петра I — *1002, 1142, 1143*.

/Невтон/ — см. Ньютон Исаак.

Неплюев, Иван Иванович (1693—1773), дипломат и государственный деятель — *957, 1002*.

Непот, Корнелий (99—24 до н. э.), римский писатель — 611.

Никита Пустосвят (Никита Константинович Добрынин) (ум. 1682), суздальский протопоп — 828, *1205*.

Никитенко, Александр Васильевич (1805—1877), академик, историк литературы — *932*.

Новиков, Николай Иванович (1744—1818), просветитель, писатель-сатирик, журналист, книгоиздатель — *1089*; Опыт исторического словаря — *988, 989, 1088, 1127*; О пришествиях Петра Алексеевича — *1055, 1131, 1134—1136, 1138, 1139*.

Носов, Иван (XVIII в.), актер; Хроника русского театра — *992*.

Ньютон /Невтон/, Исаак (Newton, Isaak, 1643—1727), английский физик и математик — 206, 517.

Овидий, Публий Назон (43 до н. э.—17 н. э.), римский поэт — *897*; Героиды — *931, 993*; Превращения — *923—928, 930, 931, 1016*.

Озерецковский, Николай Яковлевич (1750—1827), академик

Библиотека "Руниверс"

естествоиспытатель и путешественник — 7, *864*, *865*.

/Октавий/ — см. Август.

Окучин, Иван (XVII в.), боярский сын — *1138*.

Олгерд /Ольгерд/ (1341—1377), великий литовский князь, сын Гедимина — 302, *974*.

Олег (ум. 912), киевский князь — *890*, *938*.

Олег Иванович (XIV в.), князь рязанский — 302, *974*.

Олег Святославич (ум. 1115), князь черниговский — *1156*.

Олсуфьев, Адам Васильевич (1721—1784), кабинет-секретарь Екатерины II — *1089*.

Ольга (ум. 969), киевская княгиня — 503, 569, *1002*.

/Ольгерд/ — см. Олгерд.

Оничков, Киприян (XVI в.), московский воевода — *1138*.

Орлов, Григорий Григорьевич, князь (1734—1783), фаворит Екатерины II, почетный член АН (с 1776) — 801, 803, *992*, *1174*, *1175*, *1180*, *1187—1190*.

Орлов, Григорий Иванович (1685—1746), новгородский губернатор — 805, *1189*.

Остерман, Андрей Иванович, граф (Генрих-Иоганн-Фридрих) (1686—1747), государственный деятель — *896*, *948*, *958*, *1012*.

Павел I (1754—1801), император — 557, 561, 562, 566, 568—570, 572, 573, 590, 612, 633, 647, 751, 755, 781, 793, 797, 798, *856*, *966*, *1035*, *1037—1040*, *1042*, *1049*. *1091*, *1114*, *1119*, *1164*, *1175*, *1185*.

Пакувий, Марк (ок. 220—130 до н. э.), римский поэт; Илиона — *992*.

Панин, Никита Иванович, граф (1718—1783), дипломат — *946*.

Панин, Петр Иванович, граф (1721—1789), государственный и военный деятель — *1156*.

Пахомий Логофет (Пахомий Серб) (XV в.), русский агиограф — 658, *1096*.

Пекарский, Петр Петрович (1828—1872), академик, историк и литературовед; Дополнительные известия — *1025*, *1026*, *1168*, *1170*, *1177*; История имп. АН в Петербурге — *884*, *913*, *944*, *945*, *951*, *952*, *960*, *966*, *971*, *989*, *990*, *1009*, *1032—1034*, *1039—1042*, *1060*, *1061*, *1071*, *1073*, *1078*, *1081*, *1088*, *1115*, *1164*, *1186*, *1189*, *1194*, *1199*; Рукописный сборник — 407, 618, 620, 622, 623, 627—629, 737—741, 830—835, *988*, *1071*, *1151*, *1205*, *1206*.

Перевощиков, Василий Матвеевич (1785—1851), писатель, член Российской Академии — *844*, *1128*.

Пересвет (Александр), инок Троице-Сергиева монастыря, один из героев Куликовской битвы 1380 г. — *975*.

Перетц, Владимир Николаевич (1870—1936), академик, историк русской и украинской литературы — *1073*, *1074*, *1077*, *1078*; Кто был Христофор Зубницкий? — *1065*.

Петр I Великий (1672—1725), император — 22, 23, 36, 55, 57—60, 62, 67—69, 74, 87, 97, 98,

Библиотека "Руниверс"

100, 101, 105, 106, 108—110, 128, 133, 134, 136, 138, 139, 143, 145, 147, 148, 153, 196, 197, 200, 201, 218, 221, 222, 224, 234, 236, 237, 241, 244, 252—255, 257, 258, 260, 263, 269—271, 274, 283—286, 367, 396, 491—493, 497, 501, 502, 505, 533—535, 537, 557, 558, 560—565, 569—573, 577—579, 584—589, 591, 592, 594—604, 606, 607, 610, 611, 632—634, 637, 645—647, 655, 673, 674, 680—682, 684, 692, 695—705, 707, 708, 710, 717—720, 722, 723, 725, 727—729, 731, 733, 743—745, 751—753, 756, 759, 768, 773, 775, 780, 789, 797, 800, 802, 805, 806, 809, 814, *857. 874, 876, 885, 886, 889, 890, 892, 896—898, 900, 901. 917, 918, 921, 938, 948, 954, 957, 959, 960, 966, 967, 997, 999, 1000, 1003, 1014, 1036, 1039, 1043, 1044, 1046—1056, 1066, 1069, 1086, 1091, 1098, 1114, 1115, 1118, 1122, 1125—1127, 1129—1148, 1155, 1157, 1159—1161, 1163, 1172, 1175, 1184, 1186, 1188, 1189, 1192.*

Петр II (1715—1730), император, внук Петра I — *1155.*

Петр III (1728—1762), император — 59—62, 65, 103—105, 109, 127, 129, 134, 136, 505, 557, 565, 612, 633, 647, 673, 751, 760, *889, 890, 899, 900, 916, 967, 1003, 1036, 1040, 1049, 1091, 1114, 1119, 1157, 1159—1163, 1170—1176, 1184, 1188.*

Петрил (Педрилло), шут императрицы Анны Иоанновны — 829.

Петров, Василий Петрович (1736—1799), поэт, библиотекарь Екатерины II — *1126.*

Петров, Николай Иванович (1840—1921), историк украинской литературы; Описание рукописных собраний, находящихся в Киеве — *1074, 1075.*

Петровский, Федор Александрович, филолог-классик и переводчик — 43.

Пиндар (р. 518/522—ум. ок. 442 до н. э.), древнегреческий поэт — 82, 532, 658, 795, *877, 946, 1018—1020, 1096, 1099, 1127.*

Платон (427—347 до н. э.), греческий философ-идеалист — 206.

Платон Левшин (1737—1812), иеромонах, впоследствии московский митрополит — *1192.*

Платон Малиновский (ум. 1754), московский архиепископ (с 1748) — *965.*

Плеханов, Георгий Валентинович (1856—1918) — *850;* История русской общественной мысли — *848, 910.*

Плиний Младший, Гай Плиний Цецилий Секунд (ок. 62—ок. 114), римский государственный деятель и писатель — *1047, 1051, 1056;* Панегирик Траяну — *1050.*

Подвысоцкий, Александр Осипович (ум. 1883), писатель-этнограф; Словарь областного архангельского наречия — *1116.*

Пожарский, Дмитрий Михайлович (ок. 1578—1642), князь, полководец и политический деятель — 719.

Покровский, Алексей Алексеевич, советский историк; Экспедиция Беринга — *899, 1036.*

Полетика, Григорий Андреевич (1723—1784), переводчик АН и Св. Синода — *1079.*

Библиотека "Руниверс"

Поп, Александр (Pope, Alexander, 1688—1744), английский поэт; Опыт о человеке — *1060, 1062.*

Попов, Никита Иванович (1720—1782), астроном, профессор Петербургской АН — *1010, 1080, 1084, 1162.*

Поповский, Николай Никитич (1730—1760), профессор Московского университета, писатель и переводчик, ученик Ломоносова — *1013, 1020, 1041, 1062, 1064, 1072, 1080.*

Порошин, Семен Андреевич (1741—1769), писатель-мемуарист; Записки — *1164.*

Посошков, Иван Тихонович (1652—1726), экономист и публицист; Книга о скудости и богатстве — *1052.*

Прейсер, Сигизмунд, бухгалтер книжной лавки АН — *918.*

Протасов, Алексей Протасьевич (1724—1796), академик, анатом — *914, 953, 955.*

Птолемей /Птоломей/, Клавдий (перв. пол. II в.), греческий геометр, астроном и физик — 695.

Пугачев, Емельян Иванович (р. ок. 1742—1775), руководитель крестьянского восстания в России (1773—1775) — *847.*

Пуффендорф де, Самуил (1631—1694), юрист и историк; История Швеции — *885, 886.*

Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837) — *849, 1006, 1069, 1077, 1130, 1134, 1206;* Полное собрание сочинений — *844, 845, 847, 980, 1023, 1074;* Полтава — *985.*

Пютлианж — см. Чуди, Т.-Г.

Радищев, Александр Николаевич (1749—1802); Полное собрание сочинений — *846—848, 853, 854, 875, 956, 1007, 1128.*

Разин, Степан Тимофеевич (ум. 1671), руководитель крестьянской войны (1667—1671) — *1139, 1145.*

Разумовская, Екатерина Ивановна, урожд. Нарышкина, графиня (1729—1771), жена К. Г. Разумовского — *964.*

Разумовский, Кирилл Григорьевич, граф (1728—1803), гетман Украины, президент АН — 276, *918, 922, 923, 955—957, 962—964, 989, 1042, 1045, 1046, 1081, 1091, 1093, 1119, 1120.*

Райков, Борис Евгеньевич, советский историк науки, биолог; Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России — *1062, 1068, 1090.*

Расин, Жан (Racine, Jean, 1639—1699), французский драматург — *972.*

Растрелли, Варфоломей Варфоломеевич (Франческо-Бартоломео) (1700—1771), русский архитектор — *985, 986, 1057.*

Растрелли, Карло-Бартоломео (р. ок. 1670—1744), скульптор — *966.*

Ратикова, Наталья Алексеевна, камер-юнгфера императрицы Елизаветы Петровны, жена И. П. Елагина — *1024.*

Регул, Марк Атилий (ум. ок. 248 до н. э.), римский полководец и политический деятель — 611.

Рихман, Георг-Вильгельм (1711—1753), физик, профессор

Библиотека "Руниверс"

Петербургской АН — *956, 1008, 1012, 1013, 1017, 1063.*

Ровинский, Дмитрий Александрович (1824—1895), историк искусства, почетный член Петербургской АН и Академии художеств; Обозрение иконописания в России — *945.*

Розанов, Иван Никанорович, советский литературовед; Песни русских поэтов — *1196.*

Розенберг, Фридрих, переплетный мастер АН — *1016.*

Розенбуш фон, Бутенант, датский резидент в Москве (1682) — *1141—1143;* Донесение о печальной трагедии в городе Москве — *1132.*

Рокотов, Федор Степанович (1730—ок. 1812), академик портретной живописи — *1167.*

Роллен, Шарль (Rollin, Charles, 1661—1741), французский писатель и историк; Римская история от создания Рима — *1100.*

Романов (Юрьев-Захарьин), Александр Никитич (ок. 1560—1602), боярин, дядя царя Михаила Федоровича — *1137.*

Романов, Никита Иванович (ум. 1654), боярин — *1052.*

Романовы, династия русских царей и императоров — *1037, 1141.*

Ромодановский, Андрей Григорьевич, князь, боярин, младший сын Г. Г. Ромодановского — *1141.*

Ромодановский, Григорий Григорьевич (уб. 1682), князь — 712, *1141.*

Ромодановский, Федор Юрьевич, князь (ум. 1717), государственный деятель — *1055, 1134.*

Рубинштейн, Николай Леонидович (1902—1952), историк; Крестьянское движение в России — *1095.*

Румянцов-Задунайский, Петр Александрович, граф (1725—1796), государственный деятель, полководец — *1155, 1156.*

/Рурик/ — см. Рюрик.

Руссо, Жан-Батист (Rousseau, Jean-Baptiste, 1670—1747), французский поэт — 661, *1099, 1109—1111.*

Руфин, Тураний (Тораний) (р. ок. 345—410), римский писатель — *1029, 1125.*

Рыбаков, Борис Александрович, академик, советский историк и археолог; Ремесло древней Руси — *921.*

Рылеев, Кондратий Федорович (1795—1826), поэт, декабрист; Думы — *1130.*

Рычков, Петр Иванович (1712—1777), ученый, автор трудов по географии, сельскому хозяйству, экономике, истории; первый корреспондент Петербургской АН; Топография Оренбургская — *1169.*

Рюрик /Рурик/ (ум. 879), по летописному преданию, варяжский князь, родоначальник династии Рюриковичей — 39, 569.

Салтыков, Петр Семенович, граф (1698—1772), генерал-фельдмаршал — 653, *1094.*

Сапфо /Сафо/ (VII—VI вв. до н. э.), греческая поэтесса — *929.*

Сахаров, Иван Петрович (1807—1863), этнограф, палеограф, археолог; Записки русских людей — *1131.*

Библиотека "Руниверс"

Святослав Игоревич (ок. 942—972), великий князь киевский — 569, 747.

Селим — см. Сулейман II.

Селифонтов, Иван Осипович (1744—1822), иркутский генерал-губернатор, сенатор; Рукописный сборник — 618—620, 622—625, 822—824, 832, 836, *858*, *1059*. *1195*, *1205*.

Сенека, Луций Анней (4 до н. э.—65 н. э.), римский философ, политический деятель, писатель — 763, *885*, *973*, *1111*, *1166*; Медея — *925*; Троянки — *929*.

Сеченов — см. Димитрий.

/Силла/ — см. Сулла.

Сильвестр Кулябка (ум. 1761), петербургский архиепископ, член Синода — 630, *857*, *1022*, *1065*, *1074—1077*, *1079*, *1170*.

Симеон Полоцкий, до монашества Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович (1629—1680), общественный и церковный деятель, писатель и переводчик; Рифмотворная псалтырь — *951*.

Синеус /Синав/, брат Рюрика — 39.

Сирано де Бержерак, Савиньен (Cyrano de Bergerac, Savinien, 1620—1655), французский писатель — *1125*.

Скоропадская, Ульяна Юрьевна, урожд. Четвертинская (1674—1782) — *895*.

Скоропадские, украинский дворянский род — 81.

Скоропадский, Михаил Васильевич (1697—1758), войсковой подскарбий — *895*.

Смирдин, Александр Филиппович (1795—1857), книготорговец и издатель — *1128*.

Смирнов, Сергей Константинович (1818—1889), ректор Московской духовной академии, член-корреспондент Петербургской АН — 7, *865*; История Московской славяно-греко-латинской академии — *864*, *1077*.

Соймонов, Федор Иванович (1682—1780), гидрограф, картограф, сибирский губернатор — *1162*.

Сократ (469—399 до н. э.), греческий философ — 664, *1103*, *1106*.

Соловьев, Сергей Михайлович (1820—1879), академик, историк; История России — *885—889*, *892*, *893*, *895*, *898*, *900*, *901*, *916*, *917*, *919*, *920*, *937*, *946*, *948*, *949*, *953*, *957—959*, *987*, *998*, *1002*, *1003*, *1015*, *1034*, *1036*, *1037*, *1051*, *1055*, *1069*, *1075*, *1077*, *1084—1086*, *1089*, *1093—1095*, *1112*, *1120*, *1121*, *1136*, *1139*, *1154*, *1159—1161*, *1170*, *1172*, *1187*, *1188*, *1192*.

Соломон (X в. до н. э.), израильский царь — 615, 674, 759, 795, *1159*, *1184*.

Сопиков, Василий Степанович (1765—1818), библиограф, библиотекарь Петербургской Публичной библиотеки; Опыт российской библиографии — *1099*, *1189*.

/Сотин/ — см. Тредиаковский В. К.

Софья Алексеевна (1657—1704), царевна-правительница, сестра Петра I — 706, 708—711, 715, 716, *1002*, *1055*, *1140—1143*.

Библиотека "Руниверс"

Спасский, Григорий Иванович (1783—1864), историк и археолог Сибири; Жизнеописание А. Н. Демидова — *966*.

Спиридонова, Евгения Васильевна, советский историк и экономист; Экономическая политика и экономические взгляды Петра I — *1052—1054*.

Степанов, Федор Васильевич, преподаватель в Пиротехнической артиллерийской школе; Пиротехния — *1033*.

Стрешнев, Тихон Никитич (1644—1719), боярин — *1134*.

Струмилин, Станислав Густавович, академик, советский статистик; Горнозаводский Урал петровской эпохи — *1050*.

Суворов, Александр Васильевич (1729—1800), генералиссимус — *1156*.

Сулейман II эль Канани (ум. 1566), турецкий султан — 23, *876*.

Сулла /Силла/, Луций Корнелий (138—78 до н. э.), римский диктатор и полководец — 611, 662, *1101, 1105*.

Сумароков, Александр Петрович (1717—1777), писатель — 659—661, 737, 830, *843, 869, 874, 902, 903, 909, 937—939, 943, 946, 972, 1018—1020, 1026, 1027, 1068, 1078, 1081, 1097—1100, 1108—1110, 1115, 1116, 1121, 1133, 1153, 1165, 1169, 1176, 1196, 1202, 1204, 1206, 1208*; Осел во львовой шкуре — *1151, 1152*; Полное собрание всех сочинений — *875, 892, 1127, 1128*.

/Суперб/ — см. Тарквиний.

Сухомлинов, Михаил Иванович (1828—1901), академик, историк русской литературы — *857, 858, 867, 1022, 1028, 1097, 1197*.

Сципионы, одна из ветвей древнеримского патрицианского рода Корнелиев — 611.

Тарквиний Гордый /Суперб/, Люций (VI—V вв. до н. э.), последний римский царь — 181.

Тассо, Торквато (1544—1595), итальянский поэт — *1134*.

Татаринов, Михаил (XVIII в.), секунд-майор; Описание Курильских островов — *939*.

Татищев, Василий Никитич (1686—1750), историк, географ, государственный деятель — *950, 951, 978, 1140*; История Российская — *1002, 1131*.

Тауберт, Иван Иванович (1717—1771), адъюнкт по истории, библиотекарь АН и советник Канцелярии АН — *874, 889, 1097—1099, 1115, 1120, 1154, 1174, 1179, 1180, 1187*.

Теплов, Григорий Николаевич (1717—1779), адъюнкт по ботанике, советник Канцелярии АН, почетный член Петербургской АН — *918, 923, 937, 940, 941, 943, 955, 956, 978, 1045, 1061, 1081, 1119, 1154, 1174, 1193, 1194, 1198—1201*.

Теренций, Публий (ок. 185—159 до н. э.), римский комедиограф — *1200—1202*; Андрия — *1200, 1201*.

Тиберий /Тиверий/, Клавдий Нерон (42 до н. э.—37 н. э.), римский император — 666, *950, 1107, 1110*.

Библиотека "Руниверс"

Тимковский, Илья Федорович (1772—1853), профессор Московского университета, писатель — *1028.*

Тиммерман, Франц Федорович (ум. 1702), голландский купец, корабельный мастер — *1134.*

Тимофеев, Дмитрий Тимофеевич (р. 1717), протоколист Канцелярии АН — *1178.*

/Тирс, Тирсис/ — см. Ланжерон де.

Тит, Флавий Веспасиан (39—81), римский император — 664, *1102, 1108.*

Титов, Андрей Александрович (1844—1911), писатель, археолог и этнограф; Летопись Двинская — *1135.*

Тихонравов, Николай Саввич (1832—1893), академик, историк русской литературы — *1195.*

Толстой, Петр Андреевич, граф (1645—1729), сенатор и посланник — 708, 709.

Томашевский, Борис Викторович (1890—1957), литературовед; Вопросы языка в творчестве Пушкина — *845.*

Торелли, Стефано (1712—1784), итальянский живописец, профессор Петербургской Академии художеств (с 1762) — *1191.*

Траян, Марк Ульпий (53—117), римский император — 594, *1050.*

Тредиаковский /Сотин, Тресотин, Триссотен, Штивелий, Штивелиус/, Василий Кириллович (1703—1769), писатель, филолог, переводчик, профессор Петербургской АН — 542, 543, 659, 660, 826, 827, *843, 866, 868, 870, 874, 888, 902, 903, 905, 909, 938, 943, 946, 996, 1022—1027, 1068, 1072—1074, 1077—1081, 1099, 1100, 1108—1110, 1115, 1116, 1134, 1200—1204;* Новый и краткий способ — *869;* О мозаике — *1097, 1098;* Стихотворения — *845, 852, 854, 881, 883, 1129, 1163.*

/Тресотин, Триссотен/ — см. Тредиаковский В. К.

Трубецкой, Никита Юрьевич, князь (1699—1767), генерал-фельдмаршал, генерал-прокурор — 719, *903, 1142.*

Трувор, брат Рюрика — 39.

Туманский, Федор Осипович (1746—1810), писатель и переводчик, корреспондент Петербургской АН; Собрание разных записок и сочинений — *1131, 1147.*

Удэн, Франсуа (Oudin, François, 1691—1752), французский иезуит, богослов и поэт; Поучительные поэмы — *1005, 1006.*

Устрялов, Николай Герасимович (1805—1870), академик, историк; История царствования Петра I — *1131, 1132, 1136, 1141—1144, 1146—1148.*

Ушаков, Дмитрий Николаевич (1873—1942), член-корреспондент АН, языковед; Толковый словарь русского языка — *1203.*

Федор Алексеевич (1661—1682), царь московский — 708, *1140.*

Федор Иванович (1557—1598), царь московский — *1037, 1138.*

Библиотека "Руниверс"

Федр (Phaedrus, I в. н. э.), первый римский баснописец — 770.

Фенелон де Салиньяк де ла Мот, Франсуа (Fénelon de Salignac de La Mothe, François, 1651—1715), французский писатель и педагог; Ода — 8, *857*, *867*, *869—871*; Приключения Телемака — *1097*.

Феокрит (Теокрит) (III в. до н. э.), греческий поэт — *963*.

Феофан Прокопович (1681—1736), архиепископ новгородский, государственный деятель, писатель, ученый и проповедник; История имп. Петра Великого — *1135*, *1148*.

Филипп II Македонский (ок. 382—336 до н. э.), македонский царь, отец Александра Македонского — 39, *881*.

Финдейзен, Николай Федорович (1868—1928), историк музыки — *1031*.

Фирс (ум. 1718), архимандрит, настоятель Соловецкого монастыря — 706, *1138*, *1139*.

Фишер, Иоганн-Эбергард (1697—1771), профессор истории и древностей Петербургской АН — *996*, *1084*.

Фонтенелль де, Бернар (le Bovier de Fontenelle, Bernard, 1657—1757), французский писатель; Разговоры о множестве миров — *1062*.

Франклин, Вениамин (Franklin, Benjamen, 1706—1790), американский физик, политический деятель и дипломат; Опыты и наблюдения над электричеством — *1008*.

Франциск I (1494—1547), французский король — *1066*.

Фридрих (1676—1751), шведский король, преемник Карла XII — *885*.

Фридрих II Великий (1712—1768), прусский король — 615, 648, 650, *857*, *916*, *917*, *953*, *974*, *1058*, *1087*, *1092—1094*, *1099*, *1112*, *1157*, *1161*, *1173*, *1175*.

Фульгентий, Фабий (Fabius Planciades Claudius Gordianus Fulgentius, 468—533), церковный писатель; Латинские мифографы — *993*.

Ханин, Петр Исаевич (ум. 1756), секретарь Канцелярии АН — *1042*, *1045*.

Хвостов, Александр Семенович (1753—1820), переводчик — *1200*.

Херасков, Михаил Матвеевич (1733—1807), писатель, президент Берг-коллегии, куратор Московского университета — *1000*, *1099*, *1100*, *1134*; Россиада — *1130*.

Хмельницкий, Николай Иванович (1789—1845), драматург — *1203*.

Хованский, Иван Андреевич (уб. 1682), князь, боярин — 716, *1140*.

Хованский, Никита Андреевич, князь, отставной прапорщик — *1028*, *1029*.

Хозрой I /Хосров I/ Ануширван, иранский шах (531—579) — 329, *975*.

Цезарь, Гай Юлий (100—44 до н. э.), римский государствен-

Библиотека "Руниверс"

ный деятель, полководец, писатель — 764, *1166*.

Цицерон, Марк Туллий (106—43 до н. э.), римский писатель и оратор, политический деятель — *1095*, *1202*: Лелий. Диалог о дружбе — *1201*; Речь за поэта Архия — *940*.

Цявловский, Мстислав Александрович (1883—1947), советский историк литературы; Рукою Пушкина — *1206*.

Чевакинский, Савва Иванович (р. 1713), архитектор АН — *986*, *1057*.

Челубей (XIV в.), татарский богатырь — 321, *975*.

Черкасов, Иван Антонович (1692—1752), барон, кабинет-секретарь императрицы Елизаветы Петровны — *965*, *996*, *1055*.

Чернов, Сергей Николаевич (1883—1941), советский историк; М. В. Ломоносов в одах 1762 г. — *1158*, *1171*.

Чернышев, Захар Григорьевич, граф (1722—1784), генерал-фельдмаршал, наместник Белоруссии — *1153*.

Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1889); Полное собрание сочинений — *855*.

Четвертинские, князья — 81, *895*.

Чечулин, Николай Дмитриевич (1863—1927), историк — *1165*.

Чингисхан, Темучин (ок. 1115—1227), монгольский хан, полководец — 329.

Чириков, Алексей Ильич (1703—1748), капитан-командор, мореплаватель, исследователь Сибири — 205, *899*, *939*.

Чуди /Пютлианж/, Теодор-Генрих (1720—1769), шевалье де Люсси, барон, секретарь И. И. Шувалова — *1047*; Философ на французском Парнасе — *1192*.

Чулков, Михаил Дмитриевич (1740—1793), писатель, автор трудов по этнографии и политической экономии — *1196*, *1197*; Собрание разных песен — *1195*.

Шамрай, Дмитрий Дмитриевич, советский филолог, библиограф — *1150*, *1192*.

Шаховской, Яков Петрович, князь (1705—1772), конференц-министр и сенатор — *1154*.

Шевырев, Степан Петрович (1806—1864), академик, историк русской литературы, профессор Московского университета — *1073*.

Шереметев, Борис Петрович, граф (1652—1719), генерал-фельдмаршал — 723, 727, *1145*, *1146*.

Шибанов, Павел Петрович, книготорговец-антиквар; Рукописный сборник — 618—620, 622—625, 627—629, 824, 830—836, *858*, *1059*, *1071*.

Ширвинский, Сергей Васильевич, переводчик — *1036*.

Шишкин, Иван Васильевич (1722—1750), поэт, переводчик — 406, *988*, *989*.

Шишков, Александр Семенович (1754—1841), писатель и государственный деятель, президент Российской Академии; Рассуждение

Библиотека "Руниверс"

о старом и новом слоге российского языка — *942, 943.*

Шлаттер, Иван Андреевич (Иоганн-Вильгельм) (1708—1768), советник Монетной канцелярии, президент Берг-коллегии, писатель — *965, 1088.*

Шлецер, Август-Людвиг (1735—1809), немецкий историк, профессор истории АН — *1163, 1187.*

Шляпкин, Илья Александрович (1858—1918), член-корреспондент АН, историк русской литературы; Св. Димитрий Ростовский и его время — *1089, 1090.*

Шмурло, Евгений Францевич (1853—1939), член-корреспондент АН, историк; Критические заметки по истории Петра Великого — *1140;* Петр Великий в оценке современников и потомства — *1048, 1142, 1147.*

Шпилевская, Наталья Сергеевна, писательница и общественная деятельница (сер. XIX в.); Описание войны между Россией и Швецией в Финляндии — *886.*

Штакельберг, К. Полтора века Конной гвардии — *895.*

Штелин, Яков Яковлевич (1709—1785), профессор элоквенции и поэзии Петербургской АН, советник Канцелярии АН, конференц-секретарь АН — *857, 874, 881, 887—889, 891, 916, 934, 935, 940, 942, 944, 945, 952, 953, 960—962, 964, 970, 976, 977, 983, 987, 990, 991, 994—996, 998, 1009—1014, 1033, 1034, 1040, 1041, 1056, 1088, 1089, 1126, 1127, 1154, 1191;* Музыка и балет в России XVIII в. — *1030, 1032;* Подлинные анекдоты о Петре Великом — *1056, 1142.*

/Штивелиус, Штивелий/ — см. Тредиаковский В. К.

Штрубе де Пирмонт, Фридрих-Генрих (1704—1790), профессор Петербургской АН, юрист — *1047.*

Шувалов, Андрей Петрович (1745—1789), литератор, сын П. И. Шувалова — *1127;* Ода на смерть Ломоносова — *911.*

Шувалов, Иван Иванович (1727—1797), камергер, фаворит императрицы Елизаветы Петровны, куратор Московского университета — 289, 508, 538, 544, 567, 696, *857, 968, 969, 972, 978, 979, 984, 987, 989, 991, 1004, 1005, 1008, 1015—1021, 1023, 1028, 1035, 1038, 1044, 1047, 1048, 1056, 1060, 1062, 1063, 1083, 1087, 1092, 1093, 1097—1099, 1122, 1125, 1126, 1130, 1132, 1140, 1152, 1153, 1191, 1192.*

Шувалов, Петр Иванович, граф (1711—1762), генерал-фельдмаршал — 568, 569, 671, 672, *1037, 1089, 1112, 1113, 1120, 1154.*

Шуйский, Василий — см. Василий IV Иванович Шуйский.

Шумахер, Иван Данилович (Иоганн-Даниил) (1690—1761), советник Канцелярии АН — *874, 881, 884, 888—891, 894—896, 900, 916, 918, 920, 923, 932, 935, 937, 947, 954, 955, 972, 978, 979, 999, 1005, 1013, 1014, 1017, 1020, 1035, 1042, 1061.*

Шумахер, Иоганн-Якоб (ум. 1767), академический архитектор — *1042, 1191.*

Библиотека "Руниверс"

Щербатов, Михаил Михайлович, князь (1733—1790), историк, почетный член Петербургской АН; Журнал или поденная записка имп. Петра Великого — *1131*, *1147*.

Эйлер, Леонард (Euler, Leonard, 1707—1783), профессор физики и высшей математики Петербургской АН (1727—1741), почетный член АН (1742—1766), академик высшей математики (1766—1783) — *945*, *957*, *1035*, *1044*.

Эпикур (321—270 до н. э.), греческий философ — *1204*.

Ювенал, Децим Юний (ок. 55—132), римский сатирик; Сатиры — *929*.

Юдин, Геннадий Васильевич (1840—1911), библиофил и издатель; Рукописный сборник — 618—620, 622—625, 627—629, *858*, *1059*, *1071*.

Юлий II (1441—1513), римский папа — ***1066***.

Юль, Юстус, датский посланник при Петре Великом (1709—1711); Записки — *921*.

Юнкер, Готлоб-Фридрих-Вильгельм (1702—1746), профессор политики, морали и элоквенции, почетный член Петербургской АН — *893*, *894*; Ода — *891*, *892*.

Яковкин, Илья Федорович (1764—1836), историк, профессор Петербургского университета; История села Царского — *969*, *985*.

Ярополк Святославич (945—980), великий князь киевский — *1157*.

Ярослав Владимирович Мудрый (978—1054), великий князь киевский — 569, 727.

Библиотека "Руниверс"

УКАЗАТЕЛЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ[1]

Аврора (рим.), богиня утренней зари — 35, 124, *534*.

Агамемнон (гр.), один из героев «Илиады» Гомера, сын царя Атрея (Атрид), царь Микен, предводитель греческого войска во время похода на Трою — 162.

Агарь (др.-евр.), рабыня египтянка, наложница ветхозаветного патриарха Авраама — 19, *876*.

Адам (др.-евр.), мифический прародитель человеческого рода — *917*.

Аквилон (рим.), северный и северо-восточный ветер, часто дующий в Италии и Греции — 184, *473*.

Алкид — см. Геракл.

Алкмена (гр.), мать Геракла — *1007*.

/Алцид/ — см. Алкид.

Амазонки (гр.) /Амазоны/, мифический воинственный народ, состоявший исключительно из женщин — 640.

/Амазоны/ — см. Амазонки.

/Амфитрида/ — см. Амфитрита.

Амфитрита (гр.) /Амфитрида/, дочь морского бога Нерея, супруга Посейдона, которой подвластны морские чудовища; в античной поэзии имя ее часто служило символом моря — 527, 797, 802.

Антей (гр.), сын Посейдона и Геи, богини земли, властитель Ливии, вступал в единоборство с чужеземцами, побеждал их, восстанавливая свои силы прикосновением к земле. Геракл убил его, приподняв над землей — 37.

Аполлон Феб (гр.), сын Зевса, бог предсказаний и оракулов, поэзии, пения, музыки, предводитель муз (см.); отождествлялся с богом солнца Гелиосом — 26, 61, 177, 178, 640, 707, *993*, *1086*.

Атлант (гр.) /Атлас/, титан, поддерживавший на краю света огромные столбы, разделяющие небо и землю — 92, 164, 790, *925*.

[1] Страницы, относящиеся к «Примечаниям», выделены курсивом. В косых скобках даны имена в написании Ломоносова.

Библиотека "Руниверс"

/Атлас/ — см. Атлант.
Атриды (гр.), сыновья царя Атрея Агамемнон и Менелай — 14, 15, 160—162, 187.
Афродита (гр.), Венéра (рим.), богиня любви и красоты — 44, 162, 618, 667, 765, *885*, *930*, *1111*.
Ахилл (гр.) /Ахиллес/, сын Пелея, царя мирмидонов, и нереиды Фетиды, главный герой поэмы Гомера «Илиада». Тема «Илиады» — гнев Ахилла, обиженного Агамемноном, отнявшим у Ахилла пленницу Брисеиду; разгневанный Ахилл отказался участвовать в сражениях — 41, 106, 160, 437, 438, 697, *993*.
/Ахиллес/ — см. Ахилл.
Ахиллесов гнев — см. Ахилл.

/Бакхус/ — см. Вакх.
Беллона (рим.), богиня войны, сестра Марса — 44, 61, 172.
Борей (гр.), северный ветер — 453, 480, 512, 514, 529, 653, 704, 721, 757, 789.

Вакх (гр.) /Бакхус/, он же Дионис, сын Зевса и Семелы, бог вина и виноделия — 10, *1208*.
Венера — см. Афродита.
Веста (рим.), богиня домашнего очага — 517.
Вулкан (рим.), бог огня, а также искусной обработки металла, отсюда его эпитет Mulciber (плавильщик) — 157.
Вулкан Сиканской — см. Этна.

Гарпии (гр.), крылатые чудовища, птицы с женскими лицами, олицетворявшие голод и жившие на Строфадских островах (два небольших острова в Ионическом море, совр. Стривали). Одна из гарпий называлась Келайно — 174.
/Геккуба/ — см. Гекуба.
Гектор (гр.), старший сын троянского царя Приама и Гекубы, вождь троянцев в Троянскую войну; Ахилл убил его и, привязав его труп к колеснице, трижды протащил вокруг стен Трои — 161, 177, 178, 183, 413, 416, 429, 430, 432, 436—438, 440, 446, 462, 464, 669, 670, *1112*.
Гекуба (гр.) /Геккуба/, жена троянского царя Приама — 430, 668, 669, *993*.
Геон (др.-евр.), древнее название Нила и Аракса — 40, 307, *883*.
Геонские воды — см. Геон.
Гера (гр.), богиня, сестра и жена Зевса, царица богов, покровительница брака. В римской мифологии — Юнона — 161, 166, 666, *882*, *1104*, *1108*.
Геракл (гр.) /Геркулес/, сын Зевса и смертной женщины Алкмены, герой, обладавший необычайной силой. Первоначальное имя его Алкид. Геракл всю жизнь подвергался преследованиям со стороны Геры; когда он был еще в колыбели, Гера послала двух больших змей, чтобы погубить его, но Геракл задушил их. По определению Зевса Геракл совершил двенадцать подвигов и тем заслужил себе бессмертие. Один из подвигов состоял в том,

Библиотека "Руниверс"

что он загнал в пещеру немейского льва и задушил его; после этого он всегда носил шкуру этого льва. Геракл умер в городе Трахине, надев присланную его женой пропитанную ядом одежду; доведенный до безумия, он приказал сжечь себя на костре на горе Эте — 14, 38, 44, 90, 164, 437, 510, 563, 579, 761, 797, *882*, *885*, *925*, *993* *1007*.

/Геркулес/ — см. Геракл.

Гесиона (гр.), дочь троянского царя Лаомедонта, сестра Приама — *993*.

Гиганты (гр.), исполинские существа, родственные богам; вступив в борьбу с последними, они были побеждены; часть гигантов была низвергнута в преисподнюю, другие (Тифон, Энцелад) были заключены в вулканы — 37, 400, 516, 639, 652, 749, *882*, *919*.

Градив — см. Марс.

Давн (рим.) /Давнус/, царь Давнии (область на юго-востоке Италии, у Адриатического моря, к северу от реки Ауфида) — 184, *931*.

/Давнус/ — см. Давн.

Дарданский пришелец — см. Эней.

Дафнис (гр.), 1) пастушеское имя, часто встречающееся в античной буколической поэзии — 276, 278—281; 2) герой, покровитель сицилийских пастухов. Его возлюбленная нимфа Номия /Номиа/ в наказание за измену превратила его в камень; Гермес вознес его на небо — 178, *963*.

Девять сестр — см. Музы.

Деифил (гр.), сын Полимнестора, выданный Илионой грекам вместо Полидора (см. Полидор, 2) — 465, 484, *992*, *993*.

Деметра (гр.), Церера (рим.), /Цереса/, богиня — покровительница растительного мира, главным образом, хлебных злаков — 10, 791, *870*.

Демофонт (гр.), афинский царь, сын Тесея — 411—419, 426—428, 432—436, 438—444, 448—458, 466—470, 472—473, 475, 477, 479—481, 483, 484, *992*, *993*, *1000*.

Деянира (гр.), жена Геракла — *885*.

Диана (рим.) /Дияна/, 1) богиня охоты, соответствующая греческой Артемиде — 44, 394, 516, 540, 744, 749, *885*, *1111*; 2) Луна — 150.

Дидона, финикийская царевна и основательница Карфагена. Когда корабли Энея, следовавшие в Италию, были отнесены к берегам Африки, Дидона радушно приняла Энея и его спутников. Верный предопределению судьбы, Эней отверг ее любовь, покинул Африку — 165, 166, *930*.

/Дияна/ — см. Диана.

Ева (др.-евр.), жена Адама — *917*.

/Егида/ — см. Эгида.

/Едем/ — см. Эдем.

Елена (гр.), дочь Зевса, жена Менелая, славившаяся красотой; похищение ее Парисом послужило поводом к Троянской войне — 474.

/Еней/ — см. Эней.

/Енцелад/ — см. Энцелад.

/Етна/ — см. Этна.

Библиотека "Руниверс"

/Зевес/ — см. Зевс.
Зевс (гр.) /Зевес/, сын Кроноса и Реи, отец богов и людей, верховный бог у греков — 160, 161, 163, 166, 173, 400, 478, 486, 510, 515, 517, 538, 735, *922*, *993*, *1007*.
Зефир (гр.), западный ветер, приносивший в Грецию бурю и дождь, а в западные страны — теплую погоду — 9, 67, 82, 103, 123, 131, 149, 198, 277, 408, 487, 527, 529, 729, 745, 760, 789, 804, 806, *868*.
Златой век — см. Золотой век.
Златые дни — см. Золотой век.
Золотой век (гр.), по античным представлениям первый из четырех периодов истории человечества, век счастия, мира и справедливости; за ним последовал серебряный век, царство Зевса, затем медный, начало вражды между людьми, и, наконец, железный, характеризуемый войнами, преступлениями — 521, 540, 772.

Иксион (гр.), сын Флегея; в наказание за любовь к Гере он был привязан к вертящемуся огненному колесу в подземном царстве — 516.
Илион — см. Троя.
Илиона (гр.), дочь троянского царя Приама — 411, 426, 428—431, 433, 434, 437—439, 441—443, 446, 458—466, 470, 472, 473—475, 477—480, 482—484, 486, *992*, *993*.
Иов (др.-евр.), «многострадальный» библейский герой; подвергшись многочисленным испытаниям, Иов остался тверд в вере — 387, *981*, *982*.
/Ипокрен/ — см. Иппокрена.
/Ипокрена/ — см. Иппокрена.
/Иппокрена/ (гр.) /Ипокрена, Ипокрен/, источник на вершине Геликона в Беотии, возникший от удара копыта Пегаса. Считался источником поэтического вдохновения — 501, 719, 735.
Ипполит (гр.), сын Тесея и амазонки. Оклеветанный своей мачехой Федрой, любовь которой он отверг, Ипполит был погублен богом Посейдоном по просьбе Тесея — 172.

Кадм (гр.), финикиец, основатель и царь города Фив — 14, 761.
Каллиопа — см. Музы.
/Калхант/ — см. Калхас.
Калхас (гр.), /Калхант/, жрец и прорицатель, сопровождавший греков во время похода на Трою — 187.
Касталия (гр.), /Кастилия/, источник, посвященный Аполлону и музам, на Парнассе, у подножья Гиампейской скалы. Считалось, что вода этого источника возбуждает поэтическое вдохновение — 18, 526, 701, 794, *876*.
Кастальски [сестры] — см. Касталия.
/Кастальские горы/ — см. Парнас.
Кастальские ключи — см. Касталия.
Кастальские сестры — см. Музы.
Кастальски рощи — см. Касталия.
/Кастилия/ — см. Касталия.
Келайно (гр.), /Целена/, см. Гарпии — 174.
Купидон — см. Эрот.

Библиотека "Руниверс"

Лаомедонт (гр.), троянский царь — *993*.

Левиафан (др.-евр.), мифическое морское чудовище, упоминаемое в библии — 390.

Ликург (гр.), фракийский царь — 411.

Марс (рим.), бог войны. Эпитеты его: Градив (выступающий на бой) и Квирин (копьеносный) — 44, 50, 61, 109, 150, 179, 200, 219, 245, 264, 429, 453, 460, 517, 546, 616, 638, 727, 805, 821, *885*, *1107*, *1110*, *1148*.

Мафусаил (др.-евр.), один из библейских патриархов, дед Ноя, проживший, по преданию, 969 лет — 286.

Медея (гр.), волшебница, дочь колхидского царя — чародея Айета. Похитив вместе с Ясоном золотое руно, она убила своего брата Абсирта и разбросала куски его тела, чтобы отец, собирая их, не успел догнать ее. Прибыв в Коринф, Ясон покинул Медею; оскорбленная Медея в гневе умертвила невесту Ясона и своих собственных детей — 336, *925*.

Мельпомена (гр.) — см. Музы — *1019*.

Мельхиседек (др.-евр.), царь и первосвященник в Иерусалиме, упоминаемый в Библии — 705.

Минерва — см. Паллада Афина.

Мнестей (гр.), афинянин, один из героев троянской войны — 415—417, 441.

Моисей (др.-евр.), библейский пророк; ему приписывалось освобождение древних евреев от преследований, которым их подверг египетский фарон — 649.

Музы (гр.), дочери Зевса, богини пения и различных родов поэзии, искусств и наук. Число их обычно определялось девятью. Почитание муз было тесно связано с культом Аполлона, считавшегося их предводителем. Были известны их имена: Каллиопа — муза эпоса, Евтерпа — лирической поэзии, Мельпомена — трагедии, Эрато — любовной поэзии, Талия — комедии, Полигимния — гимнов, Терпсихора — танцев, Клио — истории, Урания — астрономии — 12, 53, 61, 82, 100, 137, 145, 154, 196, 201, 202, 204, 216, 217, 221, 276—281, 289, 395, 400, 402, 512, 557, 653, 659, 680, 696, 698, 706, 707, 734, 750, 796, 797, 801, 821, *1019*, *1185*.

Нарцисс (гр.), прекрасный охотник, отвергнувший любовь одной из ореад; в наказание за это он должен был влюбиться в собственное отражение в ручье и превратиться в цветок Нарцисс — 33, 131.

Немейский лев (гр.) — см. Геракл.

Неоптолем (гр.), сын Ахилла, участник Троянской войны; при взятии Трои убил Приама — 993.

Нептун (рим.) — см. Посейдон.

Нереиды — см. Нимфы.

Нимфы (гр.), низшие божества, служившие олицетворением сил природы: различались нимфы гор (ореады), деревьев (дриады),

Библиотека "Руниверс"

морей (нереиды), рек (наяды) и пр. — 33, 37, 95, 133, 276—281, 395, 399, 513, 546, 633, 652, 729, 744, 793, 802, *985*.

Ной (др.-евр.), библейский патриарх; во время всемирного потопа он по повелению бога построил ковчег, в котором спасся со своей семьей — 85.

Олимп (гр.), северо-восточная ветвь горного хребта, отделяющего Македонию от Фессалии; считался местопребыванием богов — 70, 84, 159, 174.

Ореада (гр.) — см. нимфы.

Орфей (гр.), фракийский певец, пением приводивший в движение деревья и скалы и укрощавший диких зверей. Сошел в Ад, чтобы возвратить свою жену Эвридику, умершую от укуса змеи — 83, 133.

Осса (гр.), цепь фессалийских гор, отделенных от Олимпа Темпейскою долиной и примыкающих к Пелиону — 37, *881*, *882*.

Паллада Афина (гр.), Минерва (рим.) — богиня наук и ремесел, а также богиня правосудия и справедливой войны. Изображалась в шлеме и со щитом; по краям щита были змеи, в центре — голова Горгоны — 74, 109, 160, 161, 175, 194, 205, 217, 502, 515, 532, 643, 692, 707, 744, 764—766, 780, 798, 801, 805, *1111*.

Парис (гр.), сын троянского царя Приама и Гекубы; был пастухом на горе Иде; Зевс поручил ему разобрать спор между богинями Герой, Афродитой и Афиной о золотом яблоке Эриды, предназначенном для самой прекрасной из них. Парис присудил яблоко Афродите, после чего Гера и Афина стали врагами Трои. С помощью Афродиты Парис похитил Елену, жену Менелая, что и послужило поводом к троянской войне — 430, 446, 474, 667, 668, 830, *993*.

Парисов суд — см. Парис.

Парка (рим.), олицетворение таинственных сил судьбы, властвующей и над богами, и над людьми; представлялась в виде прядильщицы, которая прядет нить человеческой жизни; чаще поэты говорили о трех парках — 13, *868*.

Парнас (гр.) /Парнасс, Кастальские горы/ — горный хребет в Дориде и Фокиде, между Этой и Коринфским заливом, посвященный Аполлону, Дионису и Музам. В одном из его ущелий был источник Касталия — 35, 53, 83, 133, 201, 276, 277, 279—281, 289, 290, 399, 508, 521, 616, 640, 656, 672, 677, 691, 697, 698, 701, 707, 735, 788, 796, 798, 805, *876*, *963*, *1019*, *1080*.

/Парнасс/ — см. Парнас.

Парнасские горы — см. Парнас.

/Пергамы/ — см. Троя.

Пермесс (гр.), — река в Беотии, берущая начало на Геликоне; считалась источником поэтического вдохновения — 18, 780.

Пермесски воды — см. Пермесс.

Пинд (гр.), — высокий горный хре-

Библиотека "Руниверс"

бет, отделяющий Фессалию от Эпира — 37.

Плутон (гр.-рим.), бог подземного царства — 90, 486, 516.

Полидор (гр.), „многоодаренный": 1) Греческое имя — 276—278, 280, 281, *856, 963;* 2) Младший сын троянского царя Приама — 192, 411, 437, 465, 473, 476, 483, 484; 3) Приамов сын — 440—442, 466, *993.*

Поликсена (гр.), дочь троянского царя Приама; после взятия Трои греки принесли ее в жертву во Фракии, исполняя требование тени Ахилла, с которым Поликсена была когда-то обручена — 446, 993.

Полимнестор (гр.), царь Херсонеса Фракийского, герой троянского цикла сказаний; узнав о падении Трои, он убил проживавшего у него троянского царевича Полидора, сына Приама и Гекубы, за что впоследствии был ослеплен Гекубой — 411—414, 420—423, 425—431, 440, 444—448, 458—460, 462—463, 478—483, *992, 993.*

Полифем (гр.), сын Посейдона, одноглазый циклоп; был обманут и ослеплен Одиссеем (см. Уликс) — 176, 538.

Посейдон (гр.), сын Кроноса и Реи, бог моря. С ним отождествлялся римский морской бог Нептун — 75, 109, 157, 200, 453, 516, 517, 538, 640, *1086.*

Приам (гр.) /Приям/, троянский царь — 159, 160, 411, 416, 426, 427, 429, 430, 432, 434, 437, 440, 446, 462, 464, 477, 640, 668, *992, 993.*

/Приям/ — см. Приам.

Прозерпина — см. Персефона.

Прометей (гр.), титан, брат Атланта, похитивший с Олимпа огонь в тростниковой палке, научивший людей различным искусствам и ремеслам; в наказание был прикован Зевсом к скале, где орел постоянно терзал его внутренности — 515, 516, *1007.*

Рай (др.-евр.), роскошный сад, где жили первые люди — 198.

/Сампсон/ — см. Самсон.

Самсон (др.-евр.), /Сампсон/, библейский герой, обладавший необычной силой — 107, 759.

Семирамида, легендарная ассирийская царица — 398, 680.

Сион (др.-евр.), священная гора в Иерусалиме; это слово употребляется также в значениях «Иудейское государство» и вообще «государство» — 759.

Содом (др.-евр.), один из пяти городов долины Сиддим, в области южной бухты Мертвого моря. В наказание за греховность жителей все эти города были уничтожены землетрясением и огненным дождем — 86.

Стигийские воды — см. Стикс.

Стикс (гр.), река в Северной Аркадии, совр. Мавронеро, то текущая на поверхности земли, то исчезающая под землей; поэтому Стиксом была названа мифическая река, опоясывавшая все подземное царство — 49, *933.*

Библиотека "Руниверс"

Тартар (гр.), подземное царство — 174.

/Тезей/ — см. Тесей.

Телемак (гр.), сын Одиссея (см. Уликс), один из героев поэмы Гомера «Одиссея» — 658, *1095*, *1097*.

Тесей (гр.) /Тезей/, сын Посейдона, царь Аттики; спустился в подземное царство, чтобы похитить Персефону; в наказание прирос к скале, на которую он сел в подземелье — 411, 413, 415, 425, 441, 468.

/Тифис/ — см. Тифюс.

Тифюс (гр.), кормчий корабля Арго, спутник Ясона — 598, 797.

Тритон (гр.), сын Посейдона и Амфитриты, морской бог — 164.

Тритоны (гр.), второстепенные морские божества, прислуживавшие другим морским богам во время путешествий: они трубили в раковины, успокаивая этим морские волны; имели вид полу-рыбы, полу-человека — 40, 802.

Троя (гр.), Илион, /Пергамы/, город в западной области Малой Азии, разрушенный греками во время легендарной троянской войны, воспетой Гомером в поэме «Илиада» — 159, 161, 162, 178, 411, 415, 423, 424, 426—432, 436, 437, 439, 443, 460, 464—466, 474, 477, 486, 669, 697, 761, *930*, *993*, *1086*.

Турн (гр.), царь италийского племени рутулов, соперник Энея — 163.

Уликс (гр.), Одиссей, царь острова Итаки, герой гомеровских поэм «Илиада» и «Одиссея». В поэме Гомера «Одиссея» имеется рассказ о том, как Одиссей проезжал мимо острова сирен (см.) и как он избежал гибели, залепив товарищам уши воском и приказав им привязать себя к мачте — 162, 164, 177, 180, 183, 187, 697, *870*.

Уликсовы сирены — см. Уликс.

/Улисс/ — см. Уликс.

Урания (гр.) /Урания/ — см. Музы.

/Фаетонт/ — см. Фаэтонт.

Фаэтонт (гр.), сын Гелиоса и Климены; добившись от отца разрешения один день править солнечной колесницей, он не смог удержать коней; колесница стала отклоняться от назначенного пути, и Зевс (см.) поразил Фаэтонта молнией, чтобы спасти мир от гибели — 86, 179, 652.

Феб — см. Аполлон.

Феникс (егип.), мифическая священная птица, прилетавшая каждые 500 лет из Аравии в египетский город Гелиополь, чтобы похоронить в храме Солнца труп своего отца. Перед смертью Феникс по одним преданиям свивает гнездо, из которого выходит молодой феникс, по другим — сжигает себя на костре и возрождается вновь из пепла — 62, 63.

Фетида (гр.), морская нимфа, дочь морского бога Нерея, мать Ахилла — 75.

Филлида (гр.), дочь фракийского царя Сифона, у Ломоносова — дочь фракийского царя Ликурга —

Библиотека "Руниверс"

178, 411—414, 416—422, 424, 425, 431, 432, 434, 438, 439, 441—456, 458, 463, 467, 469—484, *992*, *993*.

Флегей (гр.), мифический родоначальник фракийского племени флегиев; поджег храм Аполлона и за это в аду должен был сидеть под скалою, которая все время угрожала падением — 192.

Флегетон (гр.), подземный огненный поток, окружающий Тартар (см.) — 486.

Флора (рим.), богиня весны и растительности — 36, 99, 394.

Фортуна (рим.), богиня счастья; атрибут ее — шар, символ переменчивости счастья — 667, *1103*, *1104*, *1107*, *1110*, *1111*.

Фурии (рим.), богини проклятия, наказания и возмездия — 659.

Химера (гр.), огнедышащее чудовище, имевшее спереди вид льва, сзади — дракона и посредине — козы — 618.

/Целена/ — см. Келайно.

/Цереса/ — см. Деметра.

Эгида (гр.), /Егида/, атрибут Зевса, Афины и Аполлона; в произведениях искусства изображалась в виде кожаного щита с узорами и змеями; на эгиде Афины была изображена голова Горгоны — 91.

Эдем (др.-евр.), или Эден, страна к востоку от Палестины, совр. Бет-Эден; считалось, что в ней находился Рай, омываемый реками Гихон и Фиссон — 60, 396.

Эней (гр.) Еней, сын Афродиты (см.), властитель Дардании. После гибели Трои отправился с уцелевшими троянцами в Италию; бурей их отнесло к африканскому берегу, где они остановились у Дидоны. Снова пустившись в путь, они прибыли в Лациум, где Эней женился на дочери царя Латина Лавинии — 424, 666, 697, *1104*, *1108*, *1126*, *1132*; Энеида — *924*, *925*, *927*, *928*, *930—933*, *993*, *1015*, *1082*.

Энцелад (гр.), /Енцелад/ — см. Гиганты.

Эрот (гр.), Купидон, бог любви — 191, 453.

Эскулап (гр.), бог врачебного искусства — *991*.

Эта (гр.), горный хребет, простирающийся от Пинда на восток до Малийского залива, где он образует Фермопильский проход; на Эте погиб Геракл — 44, *885*.

Этна (гр.) /Етна/, вулкан в северо-восточной части Сицилии, назывался сиканским по имени племени сиканов, извержения объяснялись тем, что под ним были погребены гиганты — 19, 37, 141, 400, 631, *882*, *919*, *1082*.

Юнона — см. Гера — 161.

/Язон/ — см. Ясон.

Янус (рим.), один из древнейших римских богов, божество всякого входа, начала — 496, *1094*.

Ясон (гр.), /Язон и Ясон/, предводитель аргонавтов, отправившихся на корабле Арго в Колхиду за золотым руном — 749, 797.

Библиотека "Руниверс"

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ [a]

	Текст	Примечания
„Августейшей Императрице Елисавете“	525	1009
„Ах, в коей я земли и в коем скроюсь море “	183	931
„Ах, жалко! Без тебя лилеи почернели?“	164	925
„Ах, когдаб погрязнул в море́ чужеложник“	182	931
„Беда мнѣ, что трава любви не исцеляет“	170	926
„Без всякой мы вины любовь зовем слепою“	171	927
„Безумным притворял себя разумный Брут“	181	930
„Белеет, будто снег лицом“	31	879
„Блаженство Общества всядневно возрастает“	784	1180
„Богиня, Дщерь божеств, науки основавших“	691	1122
„Богу Всемогущему и Его Угоднику...“	491	995
„Божиим благословением...“	817	1187
„Бревна катайте на верьх, каменья и го́ры валите“ . . .	32	880

[a] В алфавитном указателе авторские названия произведений даются в кавычках « » и приводятся в полном их виде только в тех случаях, когда они не пространны (например: «Демофонт», «Проект на Иллюминацию в новой 1753 год», «Преложение псалма 70»). Пространные авторские названия заменяются сокращенными редакторскими названиями и даются без кавычек (например: Ода 1754 г., надпись на иллюминацию 25 апреля 1751 г., Слово похвальное Петру Великому). Таким же образом даются и названия, заимствованные из рукописных оборников XVIII в. (например: Гимн бороде, Злобное примирение). Если у произведения нет названия, дается в кавычках „ “ первый его стих (например: „Весна тепло ведёт“, „Мышь некогда, любя святыню“) или, если это произведение прозаическое, — начальные его слова (например: „Высокий славы твоея престол“).

Библиотека "Руниверс"

	Текст	Примечания
„В водах игранье чуд морских“	675	1114
„В екзордию после перваго периода“	685	1120
„Великий Александр тогда себя был боле“	173	928
„Веселием сердца год новый оживляет“	410	991
„Весна тепло ведёт“	33	880
«Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великаго севернаго сияния»	120	912
„Взирает верность на Тебя“	214	945
„В златые дни со львом безсильной агнец спал“	125	915
„Взойди, веселый дух, на ону высоту“	647	1090
„Внезапно встал Нептун с высокия горы“	538	1015
„В одну погибнет ночь с любовницей любовник“	180	930
„Войну воспеть хочу в донских полях кроваву“	641	1086
„Волы несут домой повешенные плуги“	179	929
„Во пищу себе червей хватать“	31	912
„Вот, Троянин, поля, что ты искал войною“	179	930
„Всемогущий и непостижимый бог“	646	1088
„В той малинькой плоти великий дух имеют“	170	926
„В тополовой тени гуляя, муравей“	171	927
„Вы небо без меня и землю возмутили“	181	930
„Высокий Кедров верьх внезапный юг нагнул“	124	915
„Высокий славы твоея престол“	545	1029
„Выходит Гектор сам, Богов на брань выводит“	183	931
„Вьется кругами змия по траве, обновившись в разселине“	32	879
„Где прежде он гонял, тут сам ужь убегает“	170	926
„Гекуба. Рыдайте жалостно, руками бейте в груди“	668	1111
„Геройство с кротостью, с премудростью щедроты“	800	1186
Гимн бороде	618	1059
Гимн бороде за суд	830	1205
„Гоняет волка лев, а волк гоняет козу“	179	930
„Горит всех ревность вдруг с огнем“	172	927
«Демофонт»	411	991
„Дивишься, что не дам тебе стихов моих“	171	927
„Едва она свою молитву окончала“	177	929
„Едва он речь скончал, великая громада	538	1015
„Ежель боится, кто не стал бы силен безмерно“	32	879
„Желая к храму нас блаженства возвести“	408	989
„Железо, злато, медь, свинцова крепка сила“	694	1123

Библиотека "Руниверс"

	Текст	Примечания
„Женился Стил, старик без мочи“	211	942
„Жениться хорошо, да много и досады“	189	932
„За здравие твое. Мы как бы у Атрида“	160	924
„Засватает тебя, Беллона, о девица“	172	927
„Зачем я на жене богатой не женюсь“	173	928
„Зевес, богов отец, егоже сильный гром“	163	924
„Златой младых людей и беспечальный век“	540	1023
Злобное примирение	659	1097
Зубницкому	630	1072
„Зять входит, Марсу равный“	179	929
„Избавившись от бурь, пришли мы к островам“	174	928
„Из коей вы земли и коего народа“	180	930
„Из которых за главное почитаем“	687	1120
„Из рук муских назад поверженные камни“	171	927
„И как туда пришла военная Минерва“	175	928
„Иные на гору катают тяжки камни“	192	933
„Иные петлею от петли убегают“	169	926
„Искусные певцы всегда в напевах тщатся“	542	1024
„Как быстрой вихрь летит, сорвав себя с оков“	193	933
„Как десять жатв прошло, взята пространна Троя“	178	929
„Как ниву лютый огнь снедает в бурный вихрь“	160	924
„Как обличаешь, смотри больше свои на дела́“	31	879
„Какое бешенство, Трояна, вас объемлет“	180	930
„Как хляби страшный зной из Етны отрыгают“	631	1082
„Кесарь, ты сечешь врагов удобно“	169	926
«К. И. И. Шувалову»	544	1028
„Кичливый, посмотрись в прозрачной здесь воде“	169	926
„Когда себя хранил от яду Митридат“	173	928
„Коль много за Тебя сердец пылает к Богу“	232	951
„Коль святы те народы“	179	929
„Коль счастлива земля, коль счастливы венцы“	233	952
„Корой обводит сестр продерсска Фаетонта“	179	929
«К Пахомию»	658	1095
„Кто хочет большим быть“	124	915
„Кто хочет походить по пням и по болоту“	676	1115
„Лиш только дневной шум замолк“	188	932
„Люблю тебя недлятого, что ты силен“	613	1056

Библиотека "Руниверс"

	Текст	Примечания
„Меня, меня, я здесь, мечем своим пронзите“	179	930
„Меня родила мать, котору я раждаю“	178	929
„Мне моя не служит доля“	32	879
„Молчите, струйки чисты“	822	1195
„Мышь некогда, любя святыню“	769	1168
„На белых волосах у Аппия зима“	168	925
„На восходе солнце как зардится“	32	880
«Надпись 1 к статуе Петра Великого»	284	965
Надпись 2 к статуе Петра Великого	285	965
Надпись 3 к статуе Петра Великого	285	965
Надпись 4 к статуе Петра Великого	285	965
Надпись 5 к статуе Петра Великого	286	965
Надпись на иллюминацию 5 сентября 1747 г.	194	933
Надпись на иллюминацию 25 ноября 1747 г.	195	936
Надпись на иллюминацию 25 апреля 1748 г.	208	940
Надпись на иллюминацию 5 сентября 1748 г.	210	942
Надпись на иллюминацию 31 июля 1750 г.	288	967
Надпись на иллюминацию 25 ноября 1750 г.	291	970
Надпись на иллюминацию 18 декабря 1750 г.	365	976
Надпись на иллюминацию в новый 1751 г.	366	976
Надпись на иллюминацию 25 апреля 1751 г.	393	983
Надпись на иллюминацию 5 сентября 1751 г.	404	986
Надпись на конное изображение Елизаветы Петровны („Увидев Аполлон в меди изображенный...“)	640	1086
Надпись на конное изображение Елизаветы Петровны („Великого Отца и Матери прекрасной“)	640	1086
Надпись на маскарады 1751 г. („Природа как Тебя на свет производила...“)	367	977
Надпись на маскарады 1751 г. („Увидев множество одежд и лиц отменных...“)	367	977
Надпись на маскарад 24 октября 1754 г.	567	1038
«Надпись на новое строение Сарскаго села»	614	1056
«Надпись на оказание высочайшей милости Ея Величества в Москве 1753 года»	526	1010
«Надпись на отъезд из Санктпетербурга в Москву Ея Величества 1752 года Декабря дня»	507	1003
Надпись на прибытие Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1749 г.	274	961
Надпись на раке Александра Невского 1749 г.	283	964
«Надпись на рождение Его Высочества»	566	1037

Библиотека "Руниверс"

	Текст	Примечания
Надпись на рождение Павла Петровича	573	1040
Надпись на спуск корабля Александр Невский	234	953
Надпись на спуск корабля Иоанн Златоустый	405	987
«На изобретение роговой музыки»	546	1029
На Сарское Село	806	1189
„Насмешка остротой скорее проницает“	163	924
На сочетание стихов Российских	543	1026
На Фридриха II, короля прусского	615	1057
„Начертан многократно в бегущих волнах“	31	120
„На что мы плачемся, когда терпим беды“	172	927
На Шишкина	406	988
„Небесной красоте дивится чистый Дафнис“	178	929
„Не всяк ли говорит: я даром нетруждусь“	171	927
„Не может слез держать, что слез людских не видит“	170	926
„Нестыдно ли уж вам сидеть в осаде снова“	162	924
„Нимфы окол нас кругами“	33	880
„Ночною темнотою“	190	932
Ода 1739 г.	16	872
Ода 1741 г. („Нагреты нежным воды югом“)	34	880
Ода 1741 г. („Российских войск хвала растет“)	43	883
Ода 1742 г. („Дивится ныне вся вселенна“)	59	889
Ода 1742 г. („Какой приятной Зефир веет“)	82	895
Ода 1743 г.	103	899
Ода 1745 г.	127	916
Ода 1746 г. („На верьх Парнасских гор прекрасный“)	137	917
Ода 1746 г. („В сей день, блаженная Россия“)	147	919
Ода 1747 г.	196	936
Ода 1748 г.	215	945
Ода 1750 г.	394	983
Ода 1752 г.	498	999
Ода 1754 г.	557	1035
Ода 1757 г.	632	1082
Ода 1759 г.	648	1091
Ода 1761 г. („Владеешь нами двадцать лет“)	742	1153
Ода 1761 г. („Сияй, о новый год, прекрасно“)	751	1157
Ода 1762 г.	772	1170
Ода 1763 г.	788	1182
«Ода, выбранная из Иова, глава 38, 39, 40 и 41»	387	981
„Одна с Нарциссом мне судьбина“	33	880
„О имя, купно с розами рожденно“	159	923

Библиотека "Руниверс"

	Текст	Примечания
„Он, гневом воспален, возвел свирепый взор“	164	925
„О небо, не лишай меня очей и слуха“	783	1177
„Он злато силой взял, убивши Полидора“	192	933
„Он с жизнию скончал великую болезнь“	172	927
„Он чуть сказать успел, уже с верьху горы“	176	928
Описание иллюминации 26 октября 1754 г.	568	1039
Описание иллюминации и фейерверка на новый 1754 г.	536	1014
„О пища ты червей! О прах и пыль презренна“	184	931
О превосходстве артиллерии	671	1112
О сомнительном произношении буквы Г в Российском языке	580	1043
„Оставь, смущенный дух, презрение сует“	735	1149
„О страх! о ужас! гром!“	627	1071
„Отмщать завистнику меня вооружают“	539	1016
„Отче наш“ саксонских крестьян	838	1208
Перевод оды Бока	642	1087
Перевод оды Руссо	661	1099
Перевод оды Фенелона	8	866
Перевод оды Штелина	53	887
Перевод оды Юнкера	69	891
«Петр Великий»	696	1125
„Печальную любовь на лире услаждая“	180	930
Письмо И. И. Шувалову	289	967
Письмо о пользе стекла	508	1003
Поздравительное письмо Г. Г. Орлову	801	1187
Полидор	276	962
„По правде целой мир называться может Рим“	169	926
„Послушайте, прошу, что старому случилось“	190	932
„Поставлен на столпах высоких солнцев дом“	157	923
Правда ненависть раждает	825	1197
«Преложение псалма 1»	369	977
«Преложение псалма 14»	157	923
«Преложение псалма 26»	371	979
«Преложение псалма 34»	375	980
«Преложение псалма 70»	381	981
«Преложение псалма 103»	228	950
«Преложение псалма 143»	111	901
«Преложение псалма 145»	185	931
„Прогнанный у реки полк к брани ободрился“	170	927
Проект иллюминации 25 апреля 1752 г.	487	994

Библиотека "Руниверс"

	Текст	Примечания
Проект иллюминации 5 сентября 1752 г.	489	994
Проект иллюминации 25 ноября 1752 г.	494	998
Проект иллюминации в новый 1753 год	496	998
Проект иллюминации 25 апреля 1753 г.	523	1009
Проект иллюминации и фейерверка 5 сентября 1753 г.	527	1010
Проект иллюминации и фейерверка 25 ноября 1753 г.	531	1011
Проект иллюминации и фейерверка 18 декабря 1753 г.	534	1012
Проект иллюминации и фейерверка 25 апреля 1754 г.	549	1032
Проект иллюминации 5 сентября 1754 г. („1. На иллюминационном плане фонарями...")	554	1033
Проект иллюминации 5 сентября 1754 г. („Представить великолепное здание...")	556	1034
Проект иллюминации 25 ноября 1754 г.	571	1039
Проект иллюминации 18 декабря 1754 г.	577	1041
Проект иллюминации 19 декабря 1754 г.	579	1041
«Проэкт иллуминации и фейэрверка на новый 1755 год»	574	1040
„Пустила по земли заря червленну ризу"	173	928
„Пчела, трудяся в том, чтоб ей составить мед"	837	1207
Разговор с Анакреонтом	761	1163
„Раздранный Гектор здесь страшил коней Ахейских"	178	929
„Раздранный коньми Ипполит"	172	927
„Расторгни смертны узы, Гектор"	177	929
„Россию предприяв ущедрить небеса"	673	1113
„Россия, посмотри на ту щастливу ночь"	273	960
Сатира на Тредиаковского	826	1202
„Свет мой, знаю, что пылает"	31	879
„Светящий солнцев конь"	125	915
Свинья в лисьей коже	737	1151
„Свирепая, что ты, ах, взору представляешь"	631	1082
„С достодолжным благодарением"	786	1181
„Се Елисавета, Петра Великаго"	768	1167
„Сей гроб скрывает отрока"	81	894
„Скажи, в каких землях, то будешь ты мне Феб"	178	929
„Скажу без страху и без лести"	126	915
Слово благодарственное на инавгурацию Университета	677	1116
Слово благодарственное на освящение Академии художеств	807	1190
Слово похвальное Елизавете Петровне	235	953

Библиотека "Руниверс"

	Текст	Примечания
Слово похвальное Петру Великому	584	1044
„Случились вместе два Астронома в пиру“	695	1124
„С младыми пальмами спокойных наших дней“	287	964
„Смотрите, се Трофей стоит“	126	915
„Смотря на цепь свою, он сам оцепенел“	172	927
„Солн[ц]ева сестра забыла“	32	879
„Среди прекраснаго Российскаго Рая“	409	990
„Старается во сне свой голод утолить“	159	924
„Стигийских мутных вод, болот“	193	933
Стихи на туясок	7	864
Стихи о привилегии для Академии	736	1149
„Сходящей с поль златых Авроры“	124	915
„Так ныне новый год нам щастие приводит“	213	944
«Тамира и Селим»	292	971
„Твоей короны здание, Монархиня, пускай стоит“	209	940
„Твой лавр достоин вечных хвал“	125	915
„Творец всех, неба и земли“	821	1193
„Тебя мы любим все, и все тебя боимся“	168	926
„То плачет человек, то в радости смеется“	173	928
„Тот беден в свете сем, кто беден не бывал“	172	928
„Трикраты страшныя власы встряхнул Зевес“	538	1016
„Троянских стен верьхи уже во рвах лежат“	160	924
„Ты войско, Ты совет“	226	949
„Ты львиною покрыт был кожею в бою“	168	925
„Ты тверже, нежель тот металл“	125	915
„Уже, всходя, заря на землю сыплет блеск“	164	925
„Уже юг влажными крылами вылетает“	175	928
„Ужь Илион лежит, Гречанкам ненавистный“	159	924
„Ужь слава по градам быстро течет Ливийским“	176	928
„Умножь теперь свой гнев и будь бодра, как прежде“	166	925
„Умрижь ты за вину, и скорбь мечем скончай“	181	930
„Устами движет Бог; я с ним начну вещать“	183	931
«Утреннее размышление о Божием Величестве»	117	909
„Фират всегда в лесах за дичью на охоте“	168	925
„Фортуну вижу я в тебе или Венеру“	667	1110
„Хвалите Господа, всея земли языки“	184	931
„Хвалить хочю Атрид“	14	870

Библиотека "Руниверс"

	Текст	Примечания
„Хоть ныне я в волнах плыву“	170	926
„Цветы, румянец умножайте“	32	879
„Чем ты дале прочь отходишь“	125	915
„Чем ты дале прочь отходишь“	169	926
„Четыре род венца Елисавете дал“	275	961
„Чрез пространно море руки простираю“	182	931
„Что делать мне теперь, презренной от Троян?“	181	930
„Что? Разве ты понес, о Турн, труды вотще?“	163	924
„Шумящие листы пугают робных зайцов“	170	926
„Щастлива красна была весна, все лето приятно“	31	878
«Эпиграмма»	782	1175
«Эпитафия»	690	1121
„Я в Греции родился“	770	1170
„Явив щастливую премену“	212	944
„Я долго размышлял и долго был в сомненье“	695	1125
„Я знак бессмертия себе воздвигнул“	184	931
„Я мщением грозил и огорчил словами“	187	932
„Я таинства хочу неведомыя петь“	538	1016

Библиотека "Руниверс"

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

М. В. Ломоносов. Гравюра М. Шрейера (конец XVIII в.). (Фронтиспис).
Рукопись стихотворения «Хвалить хочю Атрид...» (1738). (Стр. 15).
Первая страница рукописи Оды на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года. Собственноручный подлинник (1751). (Стр. 17).
Титульный лист «Трех од парафрастических» (1744). (Стр. 113).
М. В. Ломоносов. Памятник работы И. П. Мартоса, открытый в Архангельске в 1839 г. Гравюра Н. И. Уткина (1836). (Стр. 120—121).
Начало стихотворения «Зевес, богов отец...» Собственноручный черновик (1744—1747). (Стр. 168—169).
Продолжение стихотворения «Зевес, богов отец...» Собственноручный черновик (1744—1747). (Стр. 168—169).
Первая страница первого издания Оды 1747 г. (Стр. 197).
Фронтиспис Придворного календаря на 1749 г. Гравюра И. А. Соколова. (Стр. 227).
Иллюминация 6 сентября 1750 г. Гравюра И. А. Соколова. (Стр. 288—289).
Корректурный оттиск титульного листа трагедии «Тамира и Селим» (1750). (Стр. 293).
Фронтиспис первого издания трагедии «Тамира и Селим» (1750). (Стр. 309).
Страница рукописи трагедии «Демофонт» с поправками Ломоносова (1751). (Стр. 435).
Корректурный оттиск титульного листа Собрания сочинений Ломоносова 1751 г. (Стр. 485).
Титульный лист первого издания «Письма о пользе стекла» (1752). (Стр. 509).

Библиотека "Руниверс"

Стихотворения «Отмщать завистнику меня вооружают...» и «Златой младых людей и беспечальной век...». Собственноручный подлинник (1753). (Стр. 541).

Роговой оркестр. Гравюра XVIII в. (Стр. 547).

Рисунок для иллюминации и фейерверка на 25 апреля 1754 г. по проекту Ломоносова. (Стр. 551).

Рисунок для иллюминации 19 декабря 1754 г., исполненный И.-Э. Гриммелем по проекту Ломоносова с его подписью. (Стр. 581).

Титульный лист французского перевода «Слова похвального» Петру I с пометой Ломоносова (1755). (Стр. 585).

Деталь конной статуи Петра I в Ленинграде. Работа К. Б. Растрелли. Фото А. А. Коренькова. (1956). (Стр. 608—609).

Титульный лист Собрания сочинений Ломоносова 1757 г. (Стр. 621).

Концовка к первому изданию Оды 1757 г. (Стр. 639).

Вид Соловецкого монастыря. Гравюра А. Зубова (XVIII в.). (Стр. 704—705).

Осада русскими войсками Шлиссельбурга. Гравюра начала XVIII в. (Стр. 728—729).

Стихотворные наброски Ломоносова. Собственноручный черновик (1761—1762). (Стр. 771).

Стихотворение «О небо, не лишай меня очей и слуха...» Собственноручный черновик (1762—1763). (Стр. 785).

Первая страница отдельного издания Послания Г. Г. Орлову (1764 г.) (Стр. 803).

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия, ораторская проза, надписи (1732—1764)

1734

1 [Стихи на туясок] (1732—1734) 7

1738

2. Ода, которую сочинил Господин Франциск де Салиньяк де ля Мотта Фенелон, Архиепископ Дюк Камбрейский, Священныя Римския Империи Принц (не позднее октября 1738 г.) . . 8
3. «Хвалить хочю Атрид» (вторая половина 1738 г.) 14

1739

4. Ода блаженныя памяти Государыне Императрице Анне Иоанновне на победу над Турками и Татарами и на взятие Хотина 1739 года (1739) 16

1740

5—20. [Стихотворения из «Письма о правилах российского стихотворства»] (1731—1740):
5. «Щастлива красна была весна, все лето приятно» 31
6. «Как обличаешь, смотри больше свои на дела́» 31
7. «Белеет, будто снег лицом» 31
8. «Начертан многократно в бегущих волнах» 31
9. «Во пищу себе червей хватать» 31
10. «Свет мой, знаю, что пылает» 31
11. «Мне моя не служит доля» 32
12. «Вьется кругами змия по траве, обновившись в разселине» . 32
13. «Ежель боится, кто не стал бы силен безмерно» 32

Библиотека "Руниверс"

14. «Цветы, румянец умножайте» 32
15. «Соли[ц]ева сестра забыла» 32
16. «Бревна катайте на верьх, каменья и го́ры валите» 32
17. «На восходе солнце как зардится» 32
18. «Одна с Нарциссом мне судьбина» 33
19. «Нимфы окол нас кругами» 33
20. «Весна тепло ведёт» 33

1741

21. Ода, которую в торжественный праздник высокаго рождения Всепресветлейшаго Державнейшаго Великаго Государя Иоанна Третияго, Императора и Самодержца Всероссийскаго, 1741 года Августа 12 дня веселящаяся Россия произносит (1741) 34
22. Первые Трофеи Его Величества Иоанна III, Императора и Самодержца Всероссийскаго, чрез преславную над Шведами победу Августа 23 дня 1741 года в Финландии поставленные и в высокий день тезоименитства Его Императорскаго Величества Августа 29 дня 1741 года в торжественной оде изображенные от всеподданнейшаго раба (1741) 43
23. Всеподданнейшее поздравление для восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Всепресветлейшия Державнейшия Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския, в торжественный праздник и высокий день рождения Ея Величества декабря 18, 1741. Всеподданнейше представлено от Императорской Академии Наук (1741) 53

1742

24. Ода на прибытие из Голстинии и на день рождения Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Петра Феодоровича 1742 года февраля 10 дня (1741—1742) 59
25. Венчанная надежда Российския империи в высокий праздник коронования Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Елисаветы Петровны, Императрицы и Самодержицы Всероссийския, при публичном собрании Санктпетербургской Императорской Академии Наук всерадостно и всеподданнейше в Санктпетербурге апреля 29 дня 1742 года стихами представленная от Готлоба Фридриха Вилгельма Юнкера, Ея Императорскаго Величества надворнаго каммернаго советника, интенданта соляных дел и члена Академии Наук. С немецких рос-

Библиотека "Руниверс"

сийскими стихами перевел Михайло Ломоносов, Академии Наук Адьюнкт (1742) 69
26. «Сей гроб скрывает отрока» (1742) 81
27. Ода на прибытие Ея Величества великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации (1742) 82

1743

28. Ода на день Тезоименитства Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Петра Феодоровича 1743 года (1743) 103
29. Преложение псалма 143 (1743) 111
30. Утреннее размышление о Божием Величестве (1743) 117
31. Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великаго севернаго сияния (1743) 120
32—41. [Стихотворения из «Риторики» 1744 г.] (не позднее 1743 г.):
32. «Кто хочет большим быть» 124
33. «Высокий Кедров верьх внезапный юг нагнул» 124
34. «Сходящей с поль златых Авроры» 124
35. «Светящий солнцев конь» 125
36. «В златые дни со львом безсильной агнец спал» 125
37. «Чем ты дале прочь отходишь» 125
38. «Ты тверже, нежель тот металл» 125
39. «Твой лавр достоин вечных хвал» 125
40. «Смотрите, се Трофей стоит» 126
41. «Скажу без страху и без лести» 126

1745

42. Ода на день брачнаго сочетания Их Императорских Высочеств Государя Великаго Князя Петра Феодоровича и Государыни Великия Княгини Екатерины Алексеевны 1745 года (1745) . 127

1746

43. Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския, 1746 года (1746) 137
44. Ода на день рождения Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския, 1746 года (1746) 147

Библиотека "Руниверс"

1747

45—136. [Стихотворения из «Риторики» 1748 г.] (1744—1747):
45. «Поставлен на столпах высоких солнцев дом» 157
46. Преложение псалма 14 157
47. «О имя, купно с розами рожденно» 159
48. «Старается во сне свой голод утолить» 159
49. «Ужь Илион лежит, Гречанкам ненавистный» 159
50. «Троянских стен верьхи уже во рвах лежат» 160
51. «Как ниву лютый огнь снедает в бурный вихрь» 160
52. «За здравие твое. Мы как бы у Атрида» 160
53. «Нестыдно ли уж вам сидеть в осаде снова» 162
54. «Что? Разве ты понес, о Турн, труды вотще?» 163
55. «Насмешка остротой скорее проницает» 163
56. «Зевес, богов отец» 163
57. «Ах, жалко! Без тебя лилеи почернели» 164
58. «Он, гневом воспален, возвел свирепый взор» 164
59. «Уже, всходя, заря на землю сыплет блеск» 164
60. «Умножь теперь свой гнев и будь бодра, как прежде» . . . 166
61. «Фират всегда в лесах за дичью на охоте» 168
62. «На белых волосах у Аппия зима» 168
63. «Ты львиною покрыт был кожею в бою» 168
64. «Тебя мы любим все, и все тебя боимся» 168
65. «Кичливый, посмотрись в прозрачной здесь воде» 169
66. «Кесарь, ты сечешь врагов удобно» 169
67. «По правде целой мир назваться может Рим» 169
68. «Иные петлею от петли убегают» 169
69. «Чем ты дале прочь отходишь» 169
70. «Не может слез держать, что слез людских не видит» . . . 170
71. «Беда мне, что трава любви не исцеляет» 170
72. «Шумящие листы пугают робных зайцов» 170
73. «Где прежде он гонял, тут сам ужь убегает» 170
74. «Хоть ныне я в волнах плыву» 170
75. «В той малинькой плоти великий дух имеют» 170
76. «Прогнанный у реки полк к брани ободрился» 170
77. «Без всякой мы вины любовь зовем слепою» 171
78. «Из рук муских назад поверженные камни» 171
79. «Не всяк ли говорит: я даром нетруждусь» 171
80. «Дивишься, что не дам тебе стихов моих?» 171
81. «В тополовой тени гуляя, муравей» 171
82. «Он с жизнию скончал великую болезнь» 172
83. «Горит всех ревность вдруг с огнем» 172

Библиотека "Руниверс"

84. «Засватает тебя Беллона, о девица!» 172
85. «Смотря на цепь свою, он сам оцепенел» 172
86. «На что мы плачемся, когда терпим беды?» 172
87. «Раздранный коньми Ипполит» 172
88. «Тот беден в свете сем, кто беден не бывал» 172
89. «То плачет человек, то в радости смеется» 173
90. «Зачем я на жене богатой не женюсь?» 173
91. «Когда себя хранил от яду Митридат» 173
92. «Великий Александр тогда себя был боле» 173
93. «Пустила по земли заря червленну ризу» 173
94. «Избавившись от бурь, пришли мы к островам» 174
95. «Уже юг влажными крылами вылетает» 175
96. «И как туда пришла военная Минерва» 175
97. «Он чуть сказать успел, уже с верьху горы» 176
98. «Ужь слава по градам быстро течет Ливийским» . . . 176
99. «Едва она свою молитву окончала» 177
100. «Расторгни смертны узы, Гектор» 177
101. «Как десять жатв прошло, взята пространна Троя» . . . 178
102. «Скажи, в каких землях, то будешь ты мне Феб» 178
103. «Меня родила мать, котору я раждаю» 178
104. «Небесной красоте дивится чистый Дафнис» 178
105. «Раздранный Гектор здесь страшил коней Ахейских» . . . 178
106. «Волы несут домой повешенные плуги» 179
107. «Корой обводит сестр продерсска Фаетонта» 179
108. «Зять входит, Марсу равный» 179
109. «Коль святы те народы» 179
110. «Вот, Троянин, поля, что ты искал войною» 179
111. «Меня, меня, я здесь, мечем своим пронзите» 179
112. «Гоняет волка лев, а волк гоняет козу» 179
113. «Какое бешенство, Трояна, вас объемлет?» 180
114. «Из коей вы земли и коего народа?» 180
115. «Печальную любовь на лире услаждая» 180
116. «В одну погибнет ночь с любовницей любовник» 180
117. «Умрижь ты за вину, и скорбь мечем скончай» 181
118. «Безумным притворял себя разумный Брут» 181
119. «Вы небо без меня и землю возмутили» 181
120. «Что делать мне теперь, презренной от Троян?» 181
121. «Ах, когдаб погрязнул в море чужеложник» 182
122. «Чрез пространно море руки простираю» 182
123. «Выходит Гектор сам, Богов на брань выводит» 183
124. «Ах, в коей я земли и в коем скроюсь море?» 183
125. «Устами движет Бог; я с ним начну вещать» 183

Библиотека "Руниверс"

126. «О пища ты червей! О прах и пыль презренна!» 184
127. «Я знак бессмертия себе воздвигнул» 184
128. «Хвалите Господа, всея земли языки» 184
129. Преложение псалма 145 185
130. «Я мщением грозил и огорчил словами» 187
131. «Лиш только дневной шум замолк» 188
132. «Жениться хорошо, да много и досады» 189
133. «Послушайте, прошу, что старому случилось» 190
134. «Ночною темнотою» 190
135. «Он злато силой взял, убивши Полидора» 192
136. «Иные на горы катают тяжки камни» 192
137—138. [Стихотворения из «Материалов к „Российской грамматике“»] (1744—1747):
137. «Как быстрой вихрь летит, сорвав себя с оков» 193
138. «Стигийских мутных вод, болот» 193
139. Надпись на иллуминацию, представленную перед летним домом Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны в торжественный день тезоименитства Ея, 1747 году, где изображена была Минерва в храме, значащая премудрость Ея Величества, по сторонам символическия изображения мира и войны и протчая (1747) 194
140. Надпись на иллуминацию, представленную в торжественный день Восшествия на Всероссийский Престол Ея Величества 1747 г., перед Зимним домом, на которой изображена была Кристальная гора, а на ней Императорской престол с около стоящими Императорскими на столпах признаками, а над троном вензловое имя Ея Величества (1747) 195
141. Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года (1747) 196

1748

142. Надпись на иллуминацию, представленную в торжественный день Коронования Ея Величества 1748 года, перед зимним домом, где представлен был в храме олтарь, из сердец сложенной, на верьху Императорской венец, по сторонам галлереи к восходящему и заходящему солнцу (1748) 208
143. «Твоей короны здание, Монархиня, пускай стоит» (1748) . . 209
144. Надпись на Иллуминацию, представленную в торжественный день Тезоименитства Ея Величества 1748 года, Сентября 5 дня, перед летним домом, на которой изображен был фонтан, а по сторонам храмы мира и войны (1748) 210

Библиотека "Руниверс"

145. «Женился Стил, старик без мочи» (1748) 211
146. «Явив щастливую премену» (1748) 212
147. «Так ныне новый год к нам щастие приводит» (1748) . . . 213
148. «Взирает верность на Тебя» (1748) 214
149. Ода на день восшествия на престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1748 года (1748) . . 215
150. «Ты войско, Ты совет» (1748) 226

1749

151. Преложение псалма 103. «Благослови, душе моя, Господа. Господи боже мой, возвеличился еси зело» etc. (1749) 228
152. «Коль много за Тебя сердец пылает к Богу» (1749) 232
153. «Коль счастлива земля, коль счастливы венцы» (1749) . . . 233
154. Надпись на спуск корабля, имяуемаго Святаго Александра Невскаго, 1749 года (1749) 234
155. Слово похвальное Ея Величеству Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, говоренное Ноября 26 дня 1749 года. Panegyricus Elisabetae Augustae Russiarum Imperatrici Patrio Sermone Dictus Orante Michaele Lomonosow. Latine Redditus Eodem Auctore (1749) 235
156. «Россия, посмотри на ту щастливу ночь» (1749) 273
157. Надпись на прибытие Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1749 года (1749) 274

1750

158. «Четыре род венца Елисавете дал» (1750) 275
159. Ея Императорскаго Величества Малороссийскому обоих сторон Днепра и войск Запорожских Гетману, действительному Камергеру, Академии Наук Президенту, лейбгвардии Измайловскаго полку Подполковнику и разных орденов кавалеру, Сиятельнейшему Графу Кирилу Григорьевичу Разумовскому идиллия, которою усердное свое почтение засвидетельствует Академии Наук Профессор Михайло Ломоносов Полидор (1750) 276
160. «С младыми пальмами спокойных наших дней» (1750) 282
161. Надпись, которая изображена на великолепной серебряной раке святому, благоверному и великому Князю Александру Невскому, построенной высочайшим повелением Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны в Троицком Александроневском монастыре (1750) 283

Библиотека "Руниверс"

162. Надпись 1 к статуе Петра Великаго (1750) 284
163. Надпись на иллуминацию, представленную Ея Императорскому Величеству от Их Императорских Высочеств в Ораниенбауме 1750 года Июля 31 дня, где изображены были два соединенныя сердца, пылающие на Олтаре к сияющему над ними солнцу; по сторонам младой месяц и восходящая денница (1750) . . . 288
164. Письмо к его Высокородию Ивану Ивановичу Шувалову (1750) 289
165. Надпись на иллуминацию, представленную в торжественный день восшествия на Престол Ея Величества, Ноября 25 дня 1750 года, перед зимним домом, где изображен был вавилон, окруженный зеленеющим садом; по сторонам торжественные столпы (1750) 291
166. Тамира и Селим. Трагедия (1750) 292
167. Надпись на иллуминацию, представленную в торжественный день рождения Ея Величества, Декабря 18 дня 1750 года, перед зимним домом, где изображена была сияющая звезда над олтарем, на котором пылает сердце; по сторонам храмы (1750) 365
168. Надпись на иллуминацию в новый 1751 год, представленную перед зимним домом, где изображен был земной глобус, на котором стояло вензловое имя Ея Величества и число новаго года; по сторонам отверстые храмы и олтари с возженным на них пламенем (1750) 366

1751

169. Надпись к Ея Величеству Государыне Императрице Елисавете Петровне на Маскарады 1751 года (1750—1751) 367
170. Преложение псалма 1 (1749—1751) 369
171. Преложение псалма 26 (1749—1751) 371
172. Преложение псалма 34 (1749—1751) 375
173. Преложение псалма 70 (1749—1751) 381
174. Ода, выбранная из Иова, глава 38, 39, 40 и 41 (1749—1751) 387
175. Надпись на иллуминацию, представленную в торжественный день Коронования Ея Величества Апреля 25 числа 1751 года перед Зимним домом, где изображена в Амфитеатре окруженная сиянием Императорская корона и скипетр на украшенном постаменте с вензловым именем Ея Величества, по обеим сторонам два портала далече простирающихся аллей, при которых поставлены грудные изображения четырех частей света (1751) 393
176. Ода, в которой Ея Величеству благодарение от сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость в Сарском селе Августа 27 дня 1750 года (1750—1751) 394

Библиотека "Руниверс"

177. На иллюминацию, представленную в день тезоименитства Ея Величества Сентября 5 дня 1751 года (1751) 404
178. Надпись на спуск корабля, именуемаго Иоанна Златоустаго года, дня (1751) 405
179. [Ломоносов на Шишкина] (1751) 406
180. «Желая к храму нас Блаженства возвести» (1751) 408
181. «Среди прекраснаго Российскаго Рая́» (1751) 409
182. «Веселием сердца́ год новый оживляет» (1751) 410
183. Демофонт. Трагедия (1750—1751) 411

1752

184. Проект Иллуминации на торжественный день Коронования Ея Императорскаго Величества апреля 25 дня 1752 году (1752) 487
185. Проект Иллуминации на торжественный день тезоименитства Ея Императорскаго Величества Сентября 5-го дня 1752 года (1752) 489
186. «Богу Всемогущему и Его Угоднику, Благоверному и Великому князю Александру Невскому...» «Alexandro Strenuo, cum viveret...» (1751—1752) 491
187. Проект на Иллуминацию к торжественному дню восшествия на всероссийский престол Ея Императорскаго Величества ноября 25 дня 1752 года (1752) 494
188. Проект на Иллуминацию в новой 1753 год (1752) 496
189. Ода на торжественный день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Ноября 25 дня 1752 года (1752) 498
190. Надпись на отъезд из Санктпетербурга в Москву Ея Величества 1752 года Декабря дня (1752) 507
191. Письмо о пользе Стекла К Высокопревосходительному господину Генералу Порутчику, действительному Ея Императорскаго Величества Каммергеру, Московскаго Университета Куратору и орденов Белаго Орла, святаго Александра и святыя Анны Кавалеру Ивану Ивановичу Шувалову, писанное 1752 году (1752) 508

1753

192. Проэкт на иллюминацию к торжественному дню коронования Ея Императорскаго Величества 1753 года Апреля 25 дня (1753) 523
193. «Августейшей Императрице Елисавете...» (1753) 525

Библиотека "Руниверс"

194. Надпись на оказание высочайшей милости Ея Величества в Москве 1753 года (1753) 526
195. Проект фейерверка и иллюминации к торжественному дню тезоименитства Ея Императорскаго Величества сентября к 5 дню 1753 года (1753) 527
196. Проэкт иллюминации и фейэрверка к торжественному дню возшествия на всероссийский престол Ея Императорскаго Величества Ноября 25 дня 1753 года (1753) 531
197. Проэкт иллуминации и фейэрверка на торжественный праздник рождения Ея Императорскаго Величества Декабря 18 дня 1753 года (1753) 534
198. Описание Иллуминации и Фейерверка для изъявления общей радости и усердия Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, представленных на новой 1754 г. в Москве пред Ея Величества новосозданным домом (1753) 536
199—202. [Стихотворения из письма И. И. Шувалову от 18 октября 1753 г.] (1753):
199. «Внезапно встал Нептун с высокия горы» 538
200. «Едва он речь скончал, великая громада» 538
201. «Трикраты страшныя власы встряхнул Зевес» 538
202. «Я таинства хочу неведомыя петь» 538
203. «Отмщать завистнику меня вооружают» (1753) 539
204. «Златой младых людей и беспечальной век» (1753) 540
205. «Искусные певцы всегда в напевах тщатся» (1753) 542
206. На сочетание стихов Российских (1751—1753) 543
207. К И[вану] И[вановичу] Ш[увалову] (1752—1753) 544
208. «Высокий славы твоея престол» (1752—1753) 545
209. На изобретение роговой музыки (1753) 546

1754

210. Проект фейерверка и иллуминации на пресветлый праздник коронования Ея Императорскаго Величества Апреля 25 дня 1754 года (1754) 549
211. Проект иллюминации к тезоименитству Ея Императорскаго Величества Сентября 5 дня 1754 году (1754) 554
212. Проект Иллуминации к 5-му числу Сентября на торжественный Праздник Тезоименитства Ея Императорскаго Величества (1754) 556
213. Ода на рождение Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Павла Петровича Сентября 20 1754 года (1754) 557

Библиотека "Руниверс"

214. Надпись на рождение Его Высочества (1754) 566
215. Надпись на маскарад 24 числа Октября 1754 года в доме Его Превосходительства действительнаго Каммергера и Кавалера Ивана Ивановича Шувалова (1754) 567
216. Описание иллуминации, которая при всевысочайшем и всемилостивейшем присутствии Его Императорскаго Величества к оказанию всеобщей радости о вожделеннейшем рождении Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Павла Петровича была представлена пред домом Его Сиятельства господина генерала аншефа сенатора, Ея Императорскаго Величества действительнаго каммергера, генерала адъютанта, лейбкомпании подпорутчика и разных орденов кавалера Графа Петра Ивановича Шувалова в Санктпетербурге октября 26 дня 1754 года (1754) 568
217. Проэкт на иллуминацию к торжественному празднеству восшествия на всероссийский престол Ея Императорскаго Величества, в 25 день ноября 1754 году (1754) 571
218. Надпись на рождение Государя Великаго Князя Павла Петровича (1754) 573
219. Проэкт иллуминации и фейэрверка на новый 1755 год (1754) 574
220. Проэкт иллуминации к торжественному дню рождения Ея Императорскаго Величества, Декабря 18 дня 1754 года (1754) 577
221. Проэкт иллуминации на торжество Академии Наук для пресветлаго празднества рождения Ея Императорскаго Величества, к 19 Декабря 1754 года (1754) 579
222. О сомнительном произношении буквы Г в Российском языке (1748—1754) 580

1755

223. Слово Похвальное блаженныя памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное Апреля 26 дня 1755 года (1754—1755) 584
224. «Люблю тебя недлятого, что ты силен» (1755) 613

1756

225. Надпись на новое строение Сарскаго села (1756) 614
226. [На Фридриха II, короля прускаго. Сочинение господина Волтера, переведенное господином Лом.] (1756) 615

Библиотека "Руниверс"

1757

227. Гимн бороде (1756—1757) 618
228. «О страх! о ужас! гром!» (1757) 627
229. Зубницкому (1757) 630
230—231. [Стихотворения из «Слова о рождении металлов»] (1757):
230. «Свирепая, что ты, ах, взору представляешь» 631
231. «Как хляби страшный зной из Етны отрыгают» 631
232. Ода Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на пресветлый и торжественный праздник рождения Ея Величества и для всерадостнаго рождения Государыни Великой Княжны Анны Петровны, поднесенная от Императорской Академии Наук декабря 18 дня 1757 года (1757) 632
233. Надпись на конное, литое из меди изображение Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны в Амазонском уборе (1751—1757) 640
234. «Войну воспеть хочу в донских полях кроваву» (1744—1757) **641**

1758

235. День во веки Преславный Коронования Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския, именем Кенигсбергской академии с глубочайшим благоговением торжественно почтенный от Иоганна Георга Бока, профессора Кенигсбергскаго Университета и Академии Наук члена. Перевод с Немецкаго языка (1758) 642
236. «Всемогущий и непостижимый бог чудными искони делами явил святую великолепную славу и во дни наши» (1757—1758) . 646

1759

237. «Взойди, веселый дух, на ону высоту» (1759) 647
238. Ода Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на торжественный праздник тезоименитства Ея Величества Сентября 5 дня 1759 года и на преславныя Ея победы, одержанныя над королем прусским нынешняго 1759 года, которою приносится всенижайшее и всеусерднейшее поздравление от всеподданнейшаго раба Михайла Ломоносова (1759) 648

Библиотека "Руниверс"

239. К Пахомию (1759) 658
240. [Злобное примирение Г[осподина] Сум[арокова] с Г[осподином] Тред[иаковским]] (1759) 659
241. [Ода господина Руссо. Fortune, de qui la main, переведенная г. Сумароковым и г. Ломоносовым. Любители и знающия словесныя науки могут сами, по разному сих обеих Пиитов свойству, каждаго перевод узнать] (1759) 661
242. «Фортуну вижу я в тебе или Венеру» (1759) 667
243. «Гекуба. Рыдайте жалостно, руками бейте в груди» (1759) . . 668

1760

244. На всерадостное объявление о превосходстве новоизобретенной Артиллерии пред старою Генералом Фелдцейгмейстером и Кавалером Графом Петром Ивановичем Шуваловым (1760) . 671
245. «Россию предприяв ущедрить, небеса» (1759—1760) 673
246. «В водах игранье чуд морских» (1756—1760) 675
247. «Кто хóчет походить по пням и по болоту» (1760) 676
248. Слово благодарственное Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на торжественной инавгурации Санктпетербургскаго Университета говоренное 1760 года (1759—1760) 677
249. «В екзордию после перваго периода» (1759—1760) 685
250. «Из которых за главное почитаем щедрое наук снабдение» (1759—1760) 687
251. Эпитафия (1760) 690

1761

252. «Богиня, Дщерь Божеств, науки основавших» (1761) 691
253. [Стихотворение из «Первых оснований металлургии или рудных дел»] (1761) 694
254—255. [Стихотворения из «Явления Венеры на солнце»] (1761):
254. «Случились вместе два Астронома в пиру» 695
255. «Я долго размышлял и долго был в сомненье» 695
256. Петр Великий, героическая поэма (1756—1761) 696
257. «Оставь, смущенный дух, презрение сует» (1761) 735
258. Стихи, сочиненныя на дороге в Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании привиллегии для Академии, быв много раз прежде за тем же (1761) 736
259. [Возражение на притчу «Осел во львиной коже» притча «Свинья в лисей коже»] (1760—1761) 737

Библиотека "Руниверс"

260. Ода Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на пресветлый торжественный праздник Ея Величества восшествия на Всероссийский престол Ноября 25 дня 1761 года, в оказание истинной радости и ревностнаго усердия всенижайше поднесенная от всеподданнейшаго раба Михайла Ломоносова (1761) 742
261. Ода Всепресветлейшему Державнейшему Великому Государю Императору Петру Феодоровичу, Самодержцу Всероссийскому, Пресветлейшему Владетельному Герцогу Голстинскому, Высокому Наследнику Норвежскому и протчая, и протчая, и протчая, Всемилостивейшему Государю, которую Его Императорскому Величеству на всерадостное восшествие на Всероссийский Наследный Императорский Престол и купно на новый 1762 год в изъявление истинныя радости, усердия и благоговения всенижайше приносит всеподданнейший раб Михайло Ломоносов (1761) 751
262. Разговор с Анакреонтом (1758—1761) 761

1762

263. «Се Елисавета, Петра Великаго Великая Дщерь» (1762) . . . 768
264. «Мышь некогда, любя святыню» (1761—1762) 769
265. «Я в Греции родился» (1761—1762) 770
266. Ода торжественная Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне, Самодержице Всероссийской, на преславное Ея восшествие на Всероссийский Императорский престол июня 28 дня 1762 года. В изъявление истинной радости и верноподданнаго усердия искренняго поздравления приносится от всеподданнейшаго раба Михайла Ломоносова (1762) . . . 772

1763

267. Эпиграмма (1762—1763) 782
268. «О небо, не лишай меня очей и слуха» (1762—1763) 783
269. «Блаженство Общества всядневно возрастает» (1763) 784
270. «С достодолжным благодарением принимаю от Императорской Академии Художеств» (1763) 786
271. Ода Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне, Самодержице Всероссийской, которою Ея Величество в новый 1764 год всенижайше поздравляет всеподданнейший раб Михайло Ломоносов (1763) . . . 788

Библиотека "Руниверс"

1764

272. «Геройство с кротостью, с премудростью щедроты» (1764) . . 800
273. Его Сиятельству Графу Григорью Григорьевичу Орлову, от армии Генералу Порутчику, Ея Императорскаго Величества Генералу Адьютанту, действительному Каммергеру, Лейбгвардии коннаго полку Подполковнику, Кавалергардскаго корпуса Порутчику, Канцелярии Опекунства иностранных Президенту, Орденов святаго Апостола Андрея, святаго Александра Невскаго и святыя Анны кавалеру. На благополучное возвращение Ея Величества из Лифляндии Поздравительное письмо от Статскаго Советника и Профессора Михайла Ломоносова. С Рудицких заводов Июля 19 дня 1764 года (1764) 801
274. На Сарское Село Августа 24 дня 1764 года (1764) 806
275. Слово благодарственное Е[я] И[мператорскому] В[еличеству] на освящение Академии Художеств, именем ея говоренное (1764) 807
276. «Divino Favente...» «Божиим благословением...» (1764) . . . 817

Стихотворения, приписываемые Ломоносову

(1742—1761)

1742

277. «Творец всех, неба и земли» (1742) 821

1747

278. «Молчите, струйки чисты» (1747) 822

1755

279. Правда ненависть раждает (1754—1755) 825
280. Сатира г[осподина] Лом[оносова] на Тред[иаковского] (1755) . 826

1757

281. Гимн бороде за суд (1757) 830

1759

282. «Пчела, трудяся в том, чтоб ей составить мед» (1759) . . . 837

1761

283. Ныне употребляемое саксонских крестьян «Отче наш» (1757—1761) 838

Библиотека "Руниверс"

Приложения

От Редакции 843

Примечания

Поэзия, ораторская проза, надписи (1—276) 864
Стихотворения, приписываемые Ломоносову (277—283) 1193

Список условных сокращений 1210
Указатель личных имен 1216
Указатель мифологических имен и географических названий 1244
Алфавитный указатель произведений 1253
Список иллюстраций 1262

Библиотека "Руниверс"

Печатается по постановлению
Общего Собрания Академии наук СССР
от 11 января 1949 г.

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ИЗДАНИЯ

Академик С. И. Вавилов (главный редактор),
член-корреспондент Академии наук СССР
Т. П. Кравец (зам. главного редактора)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ

Академик В. В. Виноградов, академик А. В. Топчиев,
член-корреспондент Академии наук СССР С. Г. Бархударов,
А. И. Андреев, Г. П. Блок, А. А. Елисеев, Г. А. Князев,
В. Л. Ченакал

РЕДАКТОРЫ ВОСЬМОГО ТОМА

В. В. Виноградов, А. И. Андреев, Г. П. Блок

Редакторы издательства *А. А. Воробьева* и *К. И. Кочергин*
Переплет и оформление художника *М. И. Разулевича*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *А. А. Гельфанд* и *Г. Т. Никифорова*

Сдано в набор 5/VIII 1958 г. Подписано к печати 7/I 1959 г. РИСО АН СССР № 2а—1В. Формат бумаги 70×92¼/16. Бум. л. 40. Печ. л. 80 = 93.6 усл. печ. л. + 8 вкл. Уч.-изд. л. 64.52 + 8 вкл. (0.45). Изд. № 811. Тип. зак. № 751. Тираж 8000. *Цена 25 р.*

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Библиотека "Руниверс"

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
572	1 сверху	треугольного	треугольнаго
924	8 снизу	«Дальний	«Дальный
940	14 сверху	(«верхи	(«верьхи
997	7 „	повелевавшего»,	повелевавшаго»,
997	18 „	Петра Великого,	Петра Великаго,
1151	8 „	сокращению	сокращенно
1163	8—9 „	(«соединенные российским поставь по берегам балтийским желаний наших олтари»).	(«Соединенныя Российским поставь по берегам Балтийским желаний верных олтари»).

Библиотека "Руниверс"